Павлинов И.Я., Спасская Н.Н., Баранова Ю.М. 2024. Григорий Александрович Кожевников (1866–1933): Неизвестная жизнь известного зоолога.— Сборник трудов Зоологического музея МГУ. Том 57. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 2024. 673 с.

Книга посвящена жизни и научному творчеству известного российского зоолога, профессора Г.А. Кожевникова (1866–1933), заведовавшего Музеем и Кафедрой зоологии Московского университета с 1904 (1905) по 1929 (1930) гг. На основе обширных архивных и опубликованных материалов охарактеризован его жизненный путь и семейное окружение; впервые дан обзор нетривиальных для своего времени идей Г.А. как эволюциониста, систематика, евгениста; охарактеризован его значительный вклад в развитие университетской зоологии, охраны природы и рационального пчеловодства в России первой трети XX в. Приложение включает хронологию жизненного пути Г.А., тексты его основных публичных лекций и почти полный список его публикаций. Библ. 424+654. Илл. 228.

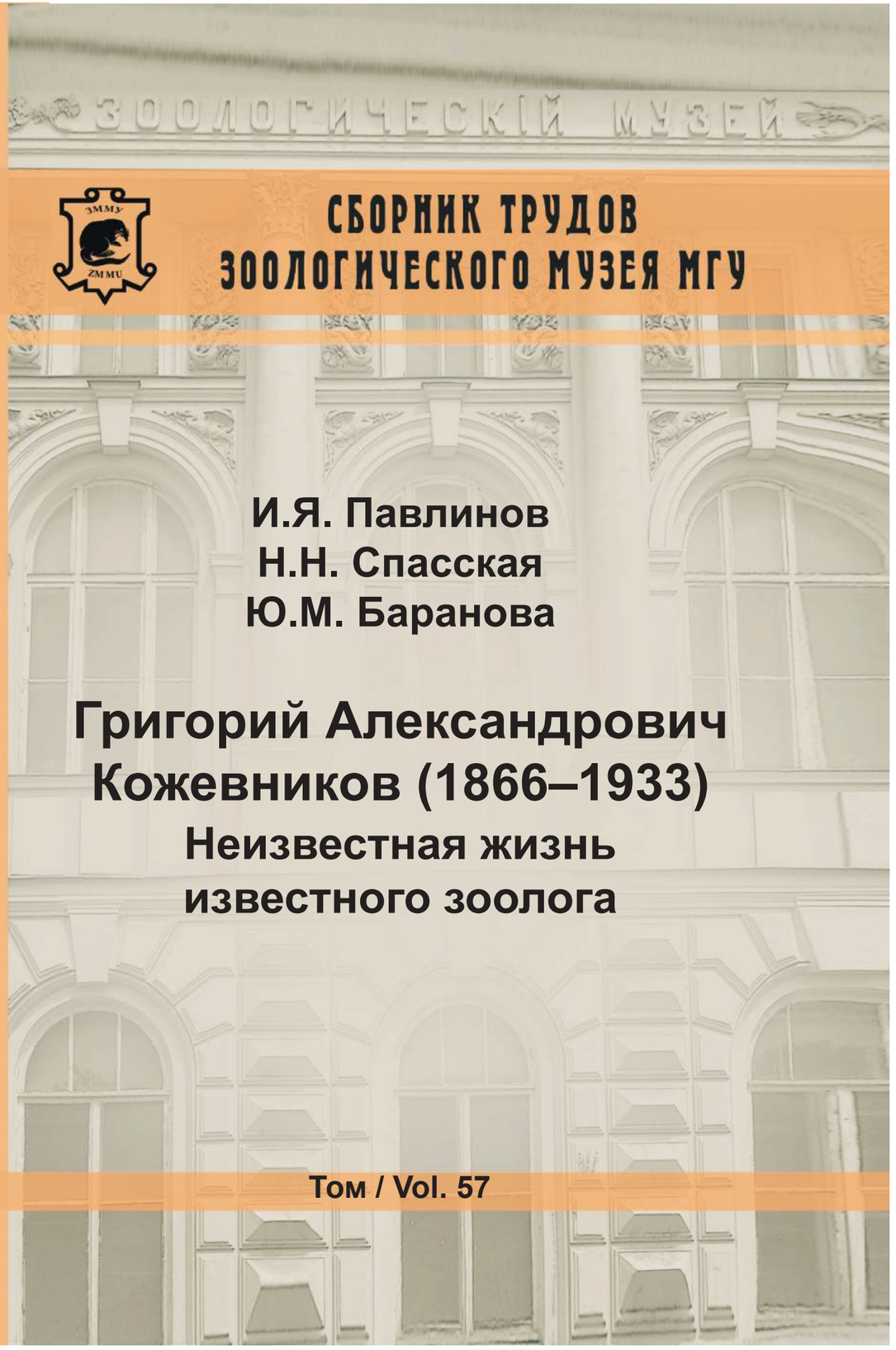
Pavlinov I.Ya., Spasskaya N.N., Baranova Yu.M. 2024. Grigory Aleksandrovich Kozhevnikov (1866–1933): An unfamiliar life of the prominent zoologist. — Archives of Zoological Museum of Moscow State University. Vol.57. Moscow: KMK Scientific Press. 2024. 673 p.

The book is devoted to the life and scientific work of the prominent Russian zoologist, Professor G.A. Kozhevnikov (1866–1933), who headed the Museum and Department of Zoology at the Moscow University from 1904 (1905) to 1929 (1930). Based on the extensive archival and published materials, Kozhevnikov's both private and public life was characterized; his evolutionary, taxonomic, and eugenic ideas, non-trivial for his days, were overviewed for the fi rst time; his signifi cant contributions to the development of the University zoology, nature protection, and rational apiculture in Russia in the fi rst third of the 20th century were elucidated. The Appendix includes chronology of Kozhevnikov's life path, the texts of his major public lectures and a nearly complete list of his publications. Ref. 424+654. Ill. 228.

SCIENTIFIC PRESS Ltd. KMK

И.Я. Павлинов, Н.Н. Спасская, Ю.М. Баранова
Григорий Александрович Кожевников
Неизвестная жизнь известного зоолога

Том / Vol. 57

СБОРНИК ТРУДОВ ЗООЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ МГУ

И.Я. Павлинов
Н.Н. Спасская
Ю.М. Баранова

Григорий Александрович Кожевников (1866–1933)

Неизвестная жизнь известного зоолога

Том / Vol. 57

Зоологический музей МГУ

Zoological Museum
of Moscow State University

Dedicated to the 270th anniversary
of Moscow University

Igor Ya. Pavlinov
Natalia N. Spasskaya
Yulia M. Baranova

GRIGORY ALEKSANDROVICH KOZHEVNIKOV

(1866–1933)

AN UNFAMILIAR LIFE OF THE PROMINENT ZOOLOGIST

KMK SCIENTIFIC PRESS

MOSCOW ❖ 2024

Посвящается 270-летию
Московского университета

И.Я. Павлинов
Н.Н. Спасская
Ю.М. Баранова

ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЖЕВНИКОВ

(1866–1933)

НЕИЗВЕСТНАЯ ЖИЗНЬ ИЗВЕСТНОГО ЗООЛОГА

ТОВАРИЩЕСТВО НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ КМК

МОСКВА ❖ 2024

УДК 59(470+571)(092)(066)Кожевников Г. А.
ББК 28.6д(2)Кожевников Г. А.я43
П12

СБОРНИК ТРУДОВ ЗООЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ МГУ. Том 57
[SBORNIK TRUDOV ZOOLOGICHESKOGO MUZEYA MGU]
ARCHIVES OF ZOOLOGICAL MUSEUM OF MOSCOW STATE UNIVERSITY. Vol. 57

Главный редактор: М.В. Калякин

Редакционная коллегия:

О.В. Волцит, К.Г. Михайлов, И.Я. Павлинов, Н.Н. Спасская (секретарь), А.В. Сысоев (зам. главного редактора)

Editor-in-Chief: M.V. Kalyakin

Editorial Board:

K.G. Mikhailov, I.Ya. Pavlinov, N.N. Spasskaya (Secretary), A.V. Sysoev (Deputy Editor), O.V. Voltzit

Павлинов И.Я., Спасская Н.Н., Баранова Ю.М. 2024. Григорий Александрович Кожевников (1866–1933): Неизвестная жизнь известного зоолога. — Сборник трудов Зоологического музея МГУ. Том 57. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 673 с. Библ. 424+654. Илл. 228.

Книга посвящена жизни и научному творчеству известного российского зоолога, профессора Г.А. Кожевникова (1866–1933), заведовавшего Музеем и Кафедрой зоологии Московского университета с 1904 (1905) по 1929 (1930) гг. На основе обширных архивных и опубликованных материалов охарактеризован его жизненный путь и семейное окружение; впервые дан обзор нетривиальных для своего времени идей Г.А. как эволюциониста, систематика, евгениста; охарактеризован его значительный вклад в развитие университетской зоологии, охраны природы и рационального пчеловодства в России первой трети XX в. Приложение включает хронологию жизненного пути Г.А., тексты его основных публичных лекций и почти полный список его публикаций.

Pavlinov I.Ya., Spasskaya N.N., Baranova Yu.M. 2024. Grigory Aleksandrovich Kozhevnikov (1866–1933): An unfamiliar life of the prominent zoologist. — Archives of Zoological Museum of Moscow State University. Vol. 57. Moscow: KMK Scientific Press. 673 p. Ref. 424+654. Ill. 228.

The book is devoted to the life and scientific work of the prominent Russian zoologist, Professor G.A. Kozhevnikov (1866–1933), who headed the Museum and Department of Zoology at the Moscow University from 1904 (1905) to 1929 (1930). Based on the extensive archival and published materials, Kozhevnikov's both private and public life was characterized; his evolutionary, taxonomic, and eugenic ideas, non-trivial for his days, were overviewed for the first time; his significant contributions to the development of the University zoology, nature protection, and rational apiculture in Russia in the first third of the 20th century were elucidated. The Appendix includes chronology of Kozhevnikov's life path, the texts of his major public lectures and a nearly complete list of his publications.

ISSN 0134-8647
ISBN 978-5-907747-65-4
ISBN 978-5-907747-66-1 (57)

© И.Я. Павлинов, Основная часть (текст), 2024
© Н.Н. Спасская, Ю.М. Баранова, Приложения (текст), 2024
© Авторы, иллюстрации, библиография, 2024
© Зоологический музей МГУ, оформление, 2024
© Т-во научных изданий КМК, издание, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из всего, что существует на Земле,
высшее есть мысль человеческая.

Г.А. Кожевников

Григорий Александрович Кожевников, профессор Московского университета (МУ), возглавлявший в нём Зоологический музей и Кафедру зоологии в 1904–1930 гг., — одна из наиболее заметных фигур в российской зоологической науке первой трети XX века. Вся его профессиональная деятельность была теснейшим образом связана с МУ: эта связь началась в 1888 г., когда он после окончания гимназии был зачислен на 1-й курс Естественного отделения Физико-математического факультета МУ, и завершилась (не по его воле) в 1930 г., когда он был изгнан из своей *Alma mater*. В качестве ученика проф. А.П. Богданова, а через него — проф. К.Ф. Рулье, Г.А. продолжил и развил заложенные ими традиции московской школы классической описательной зоологии.

Г.А. Кожевников более всего известен как один из зачинателей и активнейших участников природоохранного движения в нашей стране, отстаивая идею абсолютной заповедности, всячески пропагандируя необходимость создания сети особо охраняемых природных территорий и содействуя разработке законодательных оснований для этого. Он славен также своими исследованиями по естественной истории медоносной пчелы, которые способствовали формированию научных основ современного рационального пчеловодства в России. Более чем значимый вклад Г.А. в развитие отечественной зоологии связан с его деятельностью на протяжении четверти века в качестве заведующего Кафедрой зоологии и Зоологическим музеем МУ. В начале пребывания в таковой должности Кожевников приложил все свои организационные способности и душевные силы к тому, чтобы университетская зоология — без особых потерь и со многими обретениями — переместилась в новое здание Зоологического корпуса МУ в 1900-е гг. и закрепилась в нём в начале 1910-х гг. Стараниями Г.А. были поддержаны и сохранены классические традиции в преподавании зоологических наук в МУ в пору полной и стремительной идеологической перекройки высшего образования в России в 1920-е гг. Многие выпускники его кафедры стали светилами отечественной зоологии; наиболее известные среди них, имена которых «на слуху» у нынешних учёных по крайней мере старшего поколения, — Л.А. Зенкевич, Л.Л. Россолимо, И.И. Месяцев, В.С. Муралевич, В.Г. Гептнер, Н.Н. Плавильщиков, С.С. Туров, В.В. Алпатов, Е.С. Смирнов, Б.Б. Родендорф, Е.В. Боруцкий, А.Н. Формозов, А.И. Желоховцев и др. Наконец, Г.А. на протяжении 1920-х гг. сохранил и приумножил научные коллекции Зоологического музея, которые благодаря этому будут ещё долго служить фактологической основой для изучения биологического разнообразия животного населения нашей страны и сопредельных территорий.

Историография Г.А. Кожевникова до самого последнего времени оставалась небогатой событиями и весьма фрагментарной. Опубликованы обзоры его научной и организационно-публицистической деятельности в области пчеловедения и охраны природы (Шабаршов, 1981, 1990; Шноль, 2010; Борейко, 2012; Павлинов и др., 2024). Весьма примечателен биографический очерк Б.С. Кузина, одного из учеников Г.А, сблизившегося с ним в 1920-е гг.: он касается главным образом бытовых деталей жизни героя нашей книги (Кузин, 1999). Но прежние биографы Кожевникова по разным причинам почти не обращались к архивным

материалам, из-за чего многие важные детали его жизни и научного творчества оставались совершенно неизвестными заинтересованной публике.

Мы же, приступая к подготовке настоящей книги, поставили своей первейшей задачи подробно изучить личные (рукописные и др.) материалы Г.А. Кожевникова, хранящиеся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга, — его дневники и ежедневники, письма, ранее не издававшиеся тексты его лекций и докладов, некоторые важные записки (архивные материалы обрабатывали Н.Н. Спасская и Ю.М. Баранова). Благодаря этому нам приоткрылся внутренний мир Г.А., полный переживаний и исканий, жизненных устремлений, сердечных привязанностей; стали доступны его размышления о том, что значит быть настоящим учёным, о значении естествознания, о проблемах и задачах развития российской науки и системы естественнонаучного образования, о проблемах развития человеческого общества и о способах его улучшения и др. Выяснилось, что проф. Кожевников был не только весьма талантливым и деятельным организатором в области университетского преподавания и музейного дела, рационального обоснования охраны природы и пчеловодства, каким его обычно представляют, но и обладал большими задатками биолога-теоретика с явным уклоном в натурфилософию. Провозгласив своим жизненным *credo* «Теория! Наука для науки!», он не чурался рассуждений о живой природе вообще и о природе человека в частности, живо интересовался новыми идеями и подходами в естествознании. Г.А. одним из первых в России пришёл к пониманию видового полиморфизма как сущностного свойства живой материи, отстаивал ключевые позиции евгеники и зоопсихологии, предрекал «блестящее будущее» количественным и биохимическим методам в биологической систематике, первым стал читать новый для того времени университетский курс зоогеографии и т. п.

В предлагаемой вашему вниманию книге мы постарались максимально полно и подробно изложить результаты наших изысканий в архивах, раскрывающие жизнь и творчество профессора Г.А. Кожевникова; при этом мы мы преследовали две основные цели. С одной стороны, мы стремились предоставить возможность герою нашей книги, посредством прямых цитат из его собственных текстов и фотографий наиболее важных мест его рукописей и писем, самому рассказывать о том, что и как он чувствовал или думал по тому или иному поводу в те или иные периоды его жизни. Это объясняет обилие ссылок на первоисточники, из-за чего наш текст, наверное, выглядит избыточно «тяжеловесным»; но зато такие ссылки делают фактологическую часть книги более достоверной, в том числе, что немаловажно, верифицируемой. С другой стороны, мы стремились по мере возможности обобщать разрозненные идеи, высказанные Г.А. в разное время по тому или иному поводу, в некие оформленные концептуальные конструкты. По этой причине при изложении его идей мы следовали не исторической канве, а концептуальной.

Такой общий подход позволил нам, наряду с корректным изложением взглядов и размышлений Кожевникова, высказывать комментарии к некоторым из них; они показались нам уместными по двум основаниям. С одной стороны, важным было чётко соотнести идейное содержание научного наследия Г.А. с позициями современного естествознания. С другой стороны, мы не смогли оставить без внимания те рассуждения нашего героя, которые по тем или иным причинам показались нам «слабыми местами» в его научной и мировоззренческой позиции.

Излагая и комментируя взгляды Г.А. Кожевникова, мы старались там, где это уместно, «приспособиться» к иногда весьма витиеватому стилю его письма, неким образом отражающему стиль его мышления. Соответственно, по мере нашего умения мы воспроизводили этот стиль, чтобы создать у читателя нечто вроде «эффекта присутствия» — живого общения с самим героем нашей книги.

Ссылки и на публикации, и на архивные материалы даны как часть основного текста: этот стандарт, принятый в естественнонауч-

ной литературе, нам кажется более удобным, чем бесконечные сноски. Ссылки на архивные тексты, помещённые в Приложении, мы даём так же, как на публикации. Прочие архивные материалы в ссылках обозначены согласно принятым для них стандартам (название архива, описи, единицы хранения или дела). При цитировании таких материалов указывается либо нумерация листов согласно их архивной кодификации, либо исходная авторская нумерация страниц (к номеру страницы добавлено «[рук.]») или дата записи (добавляется «зап. от …»). Пагинация при цитировании указана следующим образом: для опубликованных материалов как «с.», для рукописных — как «Л.». Орфография и пунктуация в прямых цитатах Г.А., в том числе в Приложении, в основном современная. В цитатах курсивные выделения соответствуют выделениям в исходных текстах (подчёркивание, разрядка и т. п.), если иное не оговорено нами специально.

***

Авторы книги в высшей степени признательны тем коллегам, которые в той или иной форме содействовали тому, чтобы реализовать нашу задумку — сделать эту книгу подробным документированным и местами аннотированным рассказом о жизни, разносторонней профессиональной деятельности и увлечениях Григория Александровича Кожевникова. Мы хотели бы здесь особо отметить Н.П. Каргину и Е.В. Лепенину (АрхМГУ), М.В. Винарского (Санкт-Петербургский государственный университет), Е.А. Анненкову и Т.В. Хромцову (СПбФ АРАН), А.А. Федотову (ИИЕТ), В.Ю. Евдокимову (ГМЗЕ), Д. Вайнера (Уинера) (Университет Аризоны, Тусон), И.В. Прохорову (библиотека МОИП), Г.Ю. Любарского, К.Г. Михайлова и А.В. Тихомирову (ЗММУ).

Работа над книгой осуществлялась в рамках Государственной темы 121032300105-0, выполняемой Научно-исследовательским зоологическим музеем МГУ им. М.В. Ломоносова.

***

Структура книги достаточно очевидна. В ней выделены два основных раздела. Раздел «Основное содержание» (главы 1–6; основной автор И.Я. Павлинов) включает наши тексты, основанные на изучении архивных и иных материалов, имеющих отношение к жизни и деятельности Г.А. Кожевникова. Раздел «Приложения» (подготовлен Н.Н. Спасской и Ю.М. Барановой) включает информационные материалы о самой книге и о её герое (основную хронологию, библиографию), а также расшифровку некоторых его ранее не публиковавшихся рукописных материалов.

Глава 1 рассказывает о ранних годах жизни героя нашей книги, о его семейном окружении и быте, о его учёбе, а также о том, как складывалась собственная семейная жизнь Г.А. в до- и послереволюционные годы, о его супруге и немного об их детях.

В главе 2 представлена профессиональная университетская карьера Кожевникова — начало его работы в музее и на кафедре, получение их в своё административное ведение вслед за получением соответствующих степеней и званий, руководство переездом в новое здание Зоологического корпуса и его обустройством, налаживание педагогического процесса на кафедре в период тотальной перекройки всей университетской системы в 1920-е гг. Разумеется, мы не могли обойти вниманием участие Г.А. в том остром идейном «конфликте интересов», который охватил МУ в начале 1910-х гг. и стал известен как «дело Кассо», а также по возможноти подробно на документальной основе отразить печальную историю его изгнания из МУ.

Глава 3 посвящена общей характеристике взглядов Г.А. Кожевникова как учёного и отчасти преподавателя. Для начала показано — это, пожалуй, мы сделали впервые, чем немало гордимся, — его понимание соотношения между мировоззрением (он называл его «миросозерцанием») и естествознанием, между теоретическим и эмпирическим знанием, значения прикладного аспекта науки. Эта общая характеристика затем детализирована анализом (также проведённым нами впервые) приверженности Г.А. эволюционной идее, его понимания смыс-

ла и задач систематических и фаунистических исследований, теоретических разработок в области полиморфизма животных, его роли в популяризации идей евгеники и зоопсихологии. Рассмотрены также некоторые «второстепенные» научно-прикладные интересы и дела Кожевникова в области гидробиологии (включая организацию Косинской биостанции), борьбы с малярией, участие в организации Сухумского обезьяньего питомника, а также в работе многих научных обществ. В этой главе также дан общий обзор его публикаций разного рода (статьи, публичные лекции и др.), служащий пояснением к помещённому в Приложение библиографическому списку Г.А.

В главе 4 рассмотрены работы Г.А. Кожевникова в области пчеловедения, составлявшего одну из стержневых тем его научной и научно-прикладной деятельности. Кратко разобраны его исследования по анатомии и систематике медоносной пчелы, интересные соображения о биологическом смысле и эволюции пчелиной семьи. Рассказано об участии Г.А. в организации работ опытных пасек (прежде всего Измайловской), пчеловодных выставок и совещаний, а также о его выступлениях на страницах пчеловодных журналов. Кроме того, представлены краткие аннотации его завершающих монографий по естественной истории пчелы, подготовленных и изданных в последние годы его жизни.

В главе 5 суммирована роль героя нашей книги в разработке и практическом воплощении некоторых ключевых идей в области охраны живой природы, среди которых особое место занимает его идея абсолютной заповедности. В связи с этим впервые представлено содержание природоохранительной «программы Кожевникова» (как мы её понимаем), охарактеризовано его участие в организации профильных комиссий и обществ, действовавших в этой важной сфере, и показан печальный конец, положенный всем его начинаниям в самом начале 1930-х гг.

Глава 6 посвящена характеристике личностных качеств Г.А. Кожевникова. Здесь речь идёт прежде всего о его юношеских исканиях смысла жизни и своего места в ней, а также о тех сердечных увлечениях, в которые наш герой был погружён на протяжении почти всего жизненного пути. Отчасти перекликается с содержанием главы 3 наша попытка разобраться в тех противоречиях, с которыми Г.А. неизбежно сталкивался в размышлениях о соотношении науки и религии, глобализма и патриотизма в развитии науки и образовательной системы в России, о совмещении его разнонаправленных природоохранительных и потребительских устремлений. В заключительном разделе главы освещены некоторые важные личные черты Кожевникова, по которым обычно составляется общее впечатление о том или ином человеке.

Очень краткий Эпилог — это по своей сути наше прощальное слово, пусть и запоздалое, обращённое к Григорию Александровичу в связи с его преждевременной кончиной от тяжёлого инсульта, в одночасье сломившего героя нашей книги. Причиной стало крайне неблагоприятное стечение тяжёлых личных и «производственных» обстоятельств, обрушившихся на Г.А. в конце 1920-х и начале 1930-х гг. и означавших крушение всех его жизненных устремлений и надежд.

В Приложении представлена хронологическая таблица основных событий в жизни и деятельности Г.А. Кожевникова, списки его публикаций и названных в его честь новых для науки таксонов животных. Особое значение имеет обнародование текстов многих его публичных и частью университетских лекций и докладов и некоторых важных статей, которые до настоящего времени находились вне поля зрения современных исследователей или оказались забытыми.

В книгу включены два списка литературы. В одном из них (в Приложении) сведены публикации самого Г.А. Кожевникова — его книги, статьи и публичные лекции. Другой список (Цитированная литература) включает все прочие публикации, которые мы использовали при написании данной книги.

Книга о Г.А. Кожевникове

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Мы должны смотреть на науку как
на высшее, что существует на свете.

Г.А. Кожевников

Жизнь — самое сложное из
всех существующих явлений.

Г.А. Кожевников

ГЛАВА 1. КОЖЕВНИКОВЫ. УЧЁБА. СВОЯ СЕМЬЯ

1.1. Кожевниковы

Разросшееся со временем семейство Кожевниковых происходит родом из Козлова — небольшого уездного городка в западной части Тамбовской губ. Его предшественником был Козловский Троицкий монастырь, построенный на месте монашеского скита в 1635 г. на высоком правом берегу р. Лесной (прежнее название — Лесной Воронеж) недалеко от её впадения в р. Воронеж (Смагин, 2010). Вслед за этим по указу царя Михаила Фёдоровича Романова рядом с монастырём в Козловском урочище был заложен городок Козлов. Изначально он строился в качестве «крепостцы» для защиты Рязанских земель от набегов с юга степняков. Однако очень скоро городок перерос своё первоначальное предназначение: его насельники активно торговали, сплавляясь на стругах по Воронежу, занимались охотой, скотопромышленностью и различными ремёслами, в том числе кожевничеством. В результате Козловское поселение довольно скоро превратилось в местный центр и в 1779 г. было сделано уездным городом Тамбовского наместничества (Смагин, 2010). К концу XVIII в. в нём насчитывалось всего около тысячи жителей, но в середине XIX в., когда начинается наша история, его население перевалило за 25 тыс. человек. Это был типичный провинциальный город преимущественно деревянной «двухэтажной» центральной России (рис. 1.1)[1].

[1] В 1932 г. его переименуют в Мичуринск в честь агронома-селекционера И.В. Мичурина, прославившегося в раннесоветское время лозунгом «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у неё — наша задача».

Рис. 1.1. Одна из типичных улиц г. Козлова, вторая половина XIX в. (http://oldkozlov.ru/allphoto9ba9.php?page=3). В одном из таких домов проживало семейство Кожевниковых

В Козлове в первой половине XIX в. было несколько купеческих семей Кожевниковых (иногда в документах значились как Кажевниковы), записанных в большинстве своём во 2-ю гильдию. Генеалогические отношения между ними неясны: вероятно, это были однофамильцы, ведущие свои корни от разных кожевенных мастеров. Один из козловских Кожевниковых — Алексей, Иванов сын, — в 1832 г. подал прошение о присвоении ему и его родным братьям Стефану и Ивану звания потомственных почётных граждан Козлова. На каковом основании после надлежащей проверки все три брата в 1834 г. особой грамотой Правительствующего Сената были переведены в искомое сословие с дарованием им полагающихся по сему статусу свобод и прав, но также и с возложением некоторых обязанностей (Сазонов, 2015). Из этой троицы Кожевниковых средний брат Стефан (Степан) Иванович — дед героя нашей книги. В этом же источнике указано, что в Ведомости, составленной в Козловской градской думе в 1850 г., содержатся сведения о почётных гражданах и их семействах: они позволяют установить годы их рождения. Стефану Ивановичу в указанном году было 53 года, его жене Анне (бабке нашего героя) — 44 года, так что их годы рождения 1797 и 1806, соответственно. Дети Стефана Ивановича на год составления Ведомости имели возраст: Александр — 29 лет, Михайла — 18 лет, дочь Клавдия — 15 лет; простым арифметическим действием (1850 - 1829) получаем, что отец Григория Александр Стефанович родился в 1820 или 1821 г.

В университетском архиве Г.А. Кожевникова сохранился примечательный листок: на одной его стороне от руки очень грубо начертана генеалогическая схема, начиная с Александра Стефановича Кожевникова (А.С.К.) и его двух жён, на оборотной — краткая пояснительная записка к ней (рис. 1.2) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 365. Л. 1; дополнительные сведения см. в: Сазонов, 2015). Как видно из этой схемы, у Стефана Ивановича было пятеро детей, из которых большинство умерло вскоре после рождения. Александр Стефанович, один из немногих выживших, женился 25 лет от роду, его первой жене Наталье Васильевне (девичья фамилия не сохранилась) при вступлении в брак было

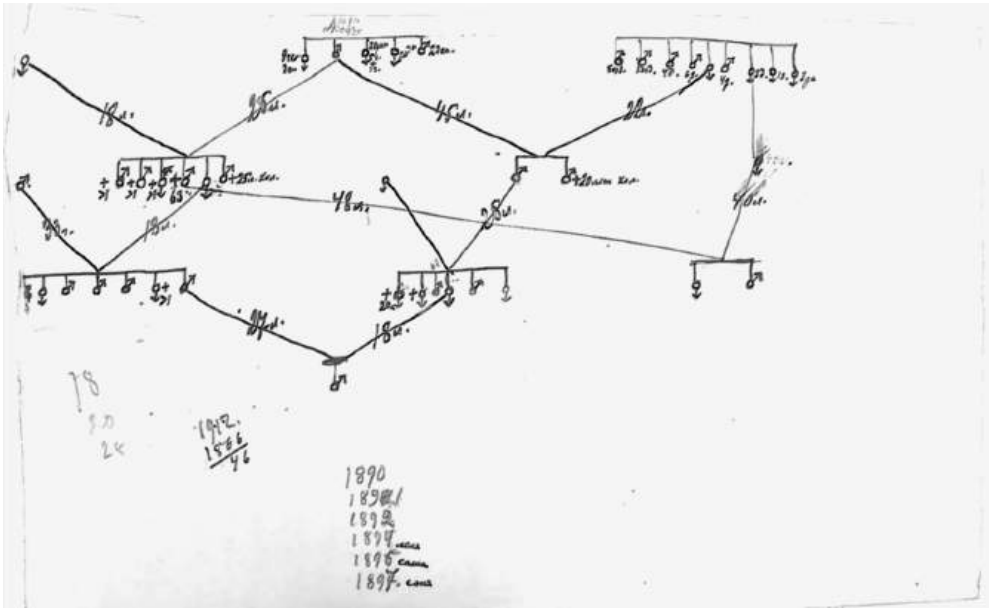

Рис. 1.2. Листок из архива Г.А. Кожевникова (АрхМГУ Ф. 200. Оп. 1 ед.хр. 365) с генеалогической схемой семейства Кожевниковых, начиная с Александра Стефановича (А.С.К) и двух его жён (наверху) и кончая детьми Александра Григорьевича (список внизу).

Рис. 1.3. Портреты А.С. и Н.В. Кожевниковых в начале их семейной жизни (Кожевниковы Д.А. и А.Д., 2004, с. 7)

18 лет; из этого можно вычислить, что Н.В. родилась в 1828 г., а их брак состоялся в 1846 г. (рис. 1.3). У них было шестеро детей, из коих первые трое умерли в детском возрасте; о трёх оставшихся в живых мы расскажем далее. После кончины первой супруги (точная дата неизвестна) А.С. Кожевников женился вторично в возрасте 45 лет, т. е. в 1865 г., на 22-летней Марии Григорьевне Тарановской (из мелкопоместного дворянства Харьковской губернии); судя по её возрасту в год женитьбы, она предположительно родилась в 1843 г. (дата смерти не установлена). У М.Г. было пять братьев и три сестры; дочь одной из них со временем станет женой старшего сына А.С. Кожевникова — Владимира (см. далее). Во втором браке у Александра Стефановича родилось двое сыновей, старший из которых — герой нашей книги Григорий, младшего звали Саша.

После смерти А.С. Кожевникова (вероятно, конец 1860-х гг.) его старший сын Владимир Александрович Кожевников (1852–1917) унаследовал звание потомственного почётного гражданина г. Козлова. Это видно из текста постановления Московского сиротского суда от сентября 1917 г., где А.В. Кожевникова (урожд. Андрееева, на которой В.А. женился) названа «вдова потомственного почётного гражданина» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 322. Л. 1об). Г.А. Кожевников это звание не унаследовал: в его «Формулярном списке о службе», составленном в 1904 г., записано просто, что он «Из потомственных почётных граждан» (там же).

Владимир, вместе со званием, принял на себя заботу о финансовых делах семейства. Судя по последующему достаточному благополучию быта Кожевниковых, а также по тому, что сам В.А. долгое время жил за границей на личные средства, с этой непростой задачей он справился более чем успешно. Настроенный на то, чтобы дать столичное образование своим братьям, он настоял на переезде семейства в Москву, что случилось в несколько приёмов: в 1868 г. туда перебрались Владимир с Дмитрием, в 1875 г. — мать вместе с Григорием и Сашей. На основании дневниковых записей Григория за 1880-е гг. о жизни в Москве, в которых упоминаются члены козловского «клана Кожевниковых», некоторые из них также в скором времени перебираются в Первопрестольную. По-видимому, М.Г. Кожевникова в указанные годы, после того как Владимир уехал за границу, взяла на себя обязанности главы этого «клана»: вела хозяйство, опекала детей, поддерживала добрые отношения с родственниками.

Несмотря на переезд, «московские» Кожевниковы не потеряли связь с «малой родиной», выезжая в Козлов на лето (см. далее).

***

В.А. Кожевников, наверное, был наиболее одарённый из всего этого семейства: среди его интересов первенствующее место занимали история и философия, лингвистика, в круг его домашнего чтения входили многие античные классики; для того чтобы ознакомиться с древними и средневековыми первоисточниками, он самостоятельно изучил около полутора десятков языков, включая санскрит; за свою жизнь В.А. собрал огромную библиотеку в несколько тысяч томов, которую пожертвовал Румянцевскому музею (Никитина, 1992; Кожевниковы, 2004). Однако, преисполненный заботами о семье, он отказался от поступления в университет, ограничившись самообразованием и посещением курсов в МУ в 1868–1873 гг. в качестве вольнослушателя (Кожевниковы, 2006). По этой причине Владимир Александрович остался без университетского диплома, что не помешало ему стать весьма авторитетным историком культуры, религиозным философом и публицистом (рис. 1.4, лев.); о его талантах восторженно отзывались его современники и коллеги по «философскому цеху» Н.А. Бердяев и С.Н. Булгаков.

Первая научная работа В.А. Кожевникова «Нравственное и умственное развитие римского общества во II в.» была опубликована в 1874 г. В 1875 г. произошло его знакомство с религиозным философом Н.Ф. Фёдоровым, ставшее для них обоих судьбоносным. В 1880–1894 гг. Владимир почти постоянно жил за границей, посетив основные историко-культурные центры Европы, Северной Африки и Ближнего Востока, где усердно занимался в крупнейших книгохранилищах; временами он наезжал в Россию — зимой в Москву, летом в Козлов. Из-под его пера вышло несколько десятков фундаментальных статей и монографий главным образом по истории и философии

Рис. 1.4. Фотопортреты В.А. Кожевникова, старшего брата Г.А. Кожевникова (1910-е гг.) (Кожевниковы Д.А. и А.Д., 2004, фронтиспис), и А.В. Андреевой (Кожевниковой), будущей жены В.А. Кожевникова, в черкесском костюме (1890-е гг.) (там же, с. 13)

религий, из коих наиболее значимым и оригинальным считается двухтомный труд «Буддизм в сравнении с христианством» (1916 г.); в конце жизни он подготовил (но не успел издать) многотомник по культуре Возрождения. Особо примечательным результатом деятельности В.А. Кожевникова стала подготовка к изданию «Философии общего дела» Н.Ф. Фёдорова (1906 г). Умер В.А. от рака, похоронен на Новодевичьем кладбище.

Как было сказано выше, Владимир взял в жёны Анну Васильевну Андрееву (1864–1949) — дочь одной из сестёр второй жены А.С. Кожевникова (мужем этой сестры был некий чиновник невысокого ранга); таким образом, Анна приходилась Владимиру сводной двоюродной сестрой (рис. 1.4, прав.). Она была весьма одарённой музыкально: за казённый счёт училась в Московской консерватории на педагогическом отделении по классу фортепиано у В.И. Сафонова, с отличием окончила её в 1888 г. Директор консерватории С.И. Танеев рекомендовал Анну графу С.Д. Шереметеву в качестве преподавателя музыки для графских дочерей. Сдружившись с ними, Анна несколько лет жила в доме Шереметевых, сопровождала дочерей в их длительной поездке по Италии.

Анна — уроженка северо-востока Украины, вместе с одной из своих тётушек появилась в Москве осенью 1881 г., стала частой гостьей семьи Кожевниковых, тогда же с ней и познакомился Владимир. Надо полагать, что во время его пребывания в Москве они общались вполне по-родственному: например, Григорий упоминает в дневниковой записи за ноябрь 1883 г., что, придя домой вечером, застал их вдвоём за обсуждением «необыкновенной постановки пальцев у Д'Альберта» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 29об)[2], но девушка тогда, наверное, не произвела особого впечатления на погружённого в свои дела уже вполне взрослого человека. Их знакомство стало более тесным после возвращения Владимира из-за границы в конце 1890-х гг. (Анон., 2023) и очень скоро переросло в глубокую привязанность, в 1901 (или 1900?) г. приведшую к женитьбе. У них родились дочь Анна (1903–1980) и сын Александр (1906–1938), последний окончил естественное отделение МУ и стал ботаником-экологом, работал в Ботаническом саду МУ (Кожевниковы, 2004). Григорий Александрович после смерти старшего брата в 1917 г. оформит опекунство над его детьми (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 1; см. раздел 1.3). Сын Александра Владимировича — Д.А. Кожевников (1935–2019), полный тёзка своего рано умершего двоюродного деда, дослужится до звания профессора физики в Российском государственном университете нефти и газа им. И.М. Губкина (Анон., 2024).

Зинаида Александровна (1854–1940) вышла замуж за инженера-путейца Петра Саввича Прокофьева (1838–1888) (Geni, 2024). На генеалогической схеме Кожевниковых указано, что при бракосочетании невесте было 18 лет, а жениху 33 года: значит, их свадьба состоялась в 1872 г. Новоиспечённая семья переехала в Рязань по месту работы её главы; согласно этой же схеме, у них родилось 7 детей (первый в 1877 г.), из коих двое умерли в детском возрасте; троих выживших сыновей звали Иван, Николай и Григорий (Прокофьева, 2002; Geni, 2024). Последний женился на дочери нашего героя Г.А. Кожевникова — Елене (см. далее), в год свадьбы ему было 27 лет, ей 18, значит, свадьба состоялась около 1910 г. Пётр Саввич дослужился до должности губернского секретаря, после его кончины Зинаида Александровна переехала в Москву, поселилась в Хамовниках с дочерью и двумя сыновьями в доме № 11 по Большому Афанасьевскому переулку (рис. 1.5) (Прокофьева, 2002). Она сохранила связь с М.Г. Кожевниковой и её окружением и упоминается (как Зина) в дневниках Григория (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 347. Л. 2). В комментариях к упомянутой генеалогической схеме отмечено, что Прокофьевы «все числятся в Цекубу»: такова (точнее, ЦЕКУБУ) была аббревиатура действовавшей на протяжении

[2] Вероятно, имеется в виду германский пианист Э. д'Альбер (Eugène Francis Charles d'Albert).

Рис. 1.5. Рисованный портрет З.А. Кожевниковой (Прокофьевой), старшей сестры Г.А. (1930-е гг., рисунок Е.Г. Прокофьевой) (Прокофьева, 2002)

1920-х гг. Центральной комиссии по улучшению быта учёных при Совнаркоме РСФСР. На этом основании можно полагать, что выросшие дети П.С. и З.А. Прокофьевых в советское время будут иметь отношение к научной среде.

Средний сын А.С. Кожевникова — Дмитрий Александрович (1858–1882), переехав в Москву, поступил в 1868 г. в 4-ю Московскую гимназию (в то время размещалась во владении князей Трубецких на Покровке), закончил гимназическое обучение в 1874 г. с золотой медалью (Соколов, 1899)[3]. В том же году он поступил на Естественное отделение ФМФ МУ, был выпущен в 1878 г. кандидатом. Специализировался как ботаник-флорист, защитил в Санкт-Петербургском университете магистерскую диссертацию «Об анатомическом строении лепестковидных цветковых покровов» (Энциклоп…, 1895). Судя по дневниковым записям Григория, в конце 1970-х гг. у Дмитрия дела шли совсем нехорошо, он не раз просил у старшего брата Владимира денег, по неясным причинам сам отказался от преподавательской должности в Петербурском университете (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 346. Л. 11). В начале 1880 г. Д.А. был приглашён в Новороссийский университет на должность приват-доцента, остался холост и бездетен. Вскоре он заболел туберкулёзом, был перевзён старшим братом в Италию в г. Ментону, там же умер и похоронен.

Григорий Александрович Кожевников родился в г. Козлове 27 сентября 1866 г. Подробнее о его юношеских годах, учёбе и семейной жизни см. далее в соответствующих разделах настоящей главы. Его младший брат Саша родился там же, скорее всего, в 1868 г.; как указано в ранее упоминавшейся генеалогической схеме, он умер в 20 лет; согласно дневниковой записи Григория за 1889 г., это случилось в 1888 г. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 56), что косвенно указывает на приведённый здесь год его рождения. Несколько позже Григорий упомянет, что Саша умер «от карбункула» (там же. Л. 73) — вероятнее всего, от общего сепсиса, вызванного этим неприятным кожным заболеванием, ныне известным как фурункулёз. Судя по частому упоминанию его имени в дневниках Григория, Саша жил вместе с матерью и с ним, иные детали его жизни нам неизвестны.

***

Некоторое представление о московском житье-бытье семьи Кожевниковых можно составить по отрывочным дневниковым записям Григория тех лет, хранящимся в архиве МУ (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 346).

Переехав в Москву, семья устроилась на съёмной квартире в Хамовниках: точный адрес мы установить не смогли, район проживания указывается здесь предположительно на основании того, что в дневниках Григория в первые годы после переезда в Москву упоминается семейное посещение церкви Покрова в Лёвшине, расположенной как раз в этом районе (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 346. Л. 5об). Изредка в качестве временно снимаемого жилья указывается также некий дом в Гагаринском переулке (там

[3] В 1868 г. эту гимназию закончил Н.Ю. Зограф — один из учителей Г.А. Кожевникова, а в 1874 г. — И.Ф. Огнёв, отец С.И. Огнёва, который станет одним из учеников Г.А.

же. Л. 11об). Кроме того, в одном из документов за 1888 г. отмечено, что Григорий проживал в «доме г. Давыдова в приходе Николопесковской церкви» (там же. Ед. хр. 321), стоявшей в Большом Николопесковском переулке (рис. 1.6).

Круг общения семейства Кожевниковых был достаточно широк. Среди московских гостей и визитёров матушки, появлявшихся в их доме по разным поводам, Григорий упоминает в дневниках в основном женщин — Елизавету Степановну (её чаще других, возможно то была его двоюродная бабушка, сестра Александра Степановича), свою старшую сестру Зинаиду Александровну, Татьяну Семёновну, Евгению Рудольфовну, Неонилу Григорьевну (приезжала с детьми), Наталью Ивановну (отлично играла на рояле); из мужчин — Михаила Михайловича. Сами Кожевниковы бывали у Кузнецовых, Ростовцевых, Северовых (там же. Оп. 1. Ед. хр. 346. Л. 10); последние состояли в родстве с М.Г. Кожевниковой (Анон., 2023). Мария Григорьевна вместе с падчерицей Зинаидой обыкновенно ездила в Троице-Сергиеву лавру на своё тезоименитство (там же. Л. 7об).

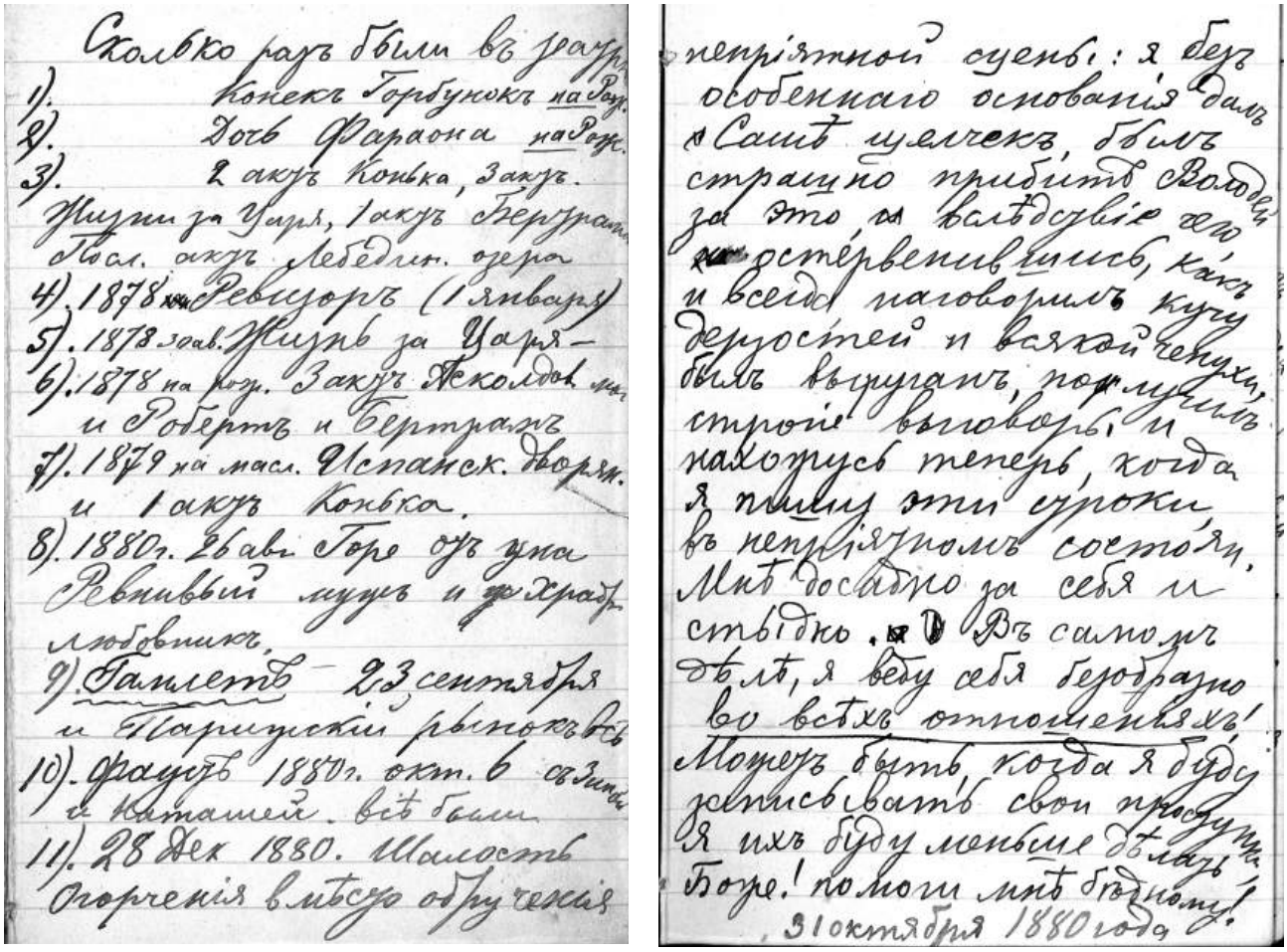
Из своих сверстников Григорий чаще других общался с кузеном Виктором и кузиной Анной; последняя, которую наш герой в своих дневниках называл Анютой и к которой у него вспыхнет нежное чувство (см. раздел 6.2), часто забегала к Кожевниковым и при случае принимала живое участие в их семейных делах: так, она помогала Марии Григорьевне хлопотать о делах, связанных со смертью Дмитрия (там же. Ед. хр. 347. Л. 1). Нередко в дневниках упоминается также Серёжа, член семейства Северовых, ещё один кузен нашего героя. Григорий приятельствовал со своими однокашниками: обменивался визитами с Кузнецовым, Лавровским, Сатуниным, Мавровским, встречался с Кучиным и Тумановским (там же. Ед. хр. 346. Л. 10). В дневнике за 1883 г. он с большой теплотой пишет о некоем хорошем знакомом Яше, к которому также иногда заглядывал в гости: отзывается о нём как о «славном человеке», почти всегда говорившем «об ученьи», при этом жаловавшемся, к удивлению

Рис. 1.6. Церковь Николая Чудотворца на Песках, её прихожанами какое-то время, вероятно, были переехавшие в Москву Кожевниковы; разрушена в 1932 г. (https://sch1231.mskobr.ru/attach_files/ 2022-07-22-13-28-47.jpg)

нашего юного героя, что в гимназии «*мало* задают работать» (там же. Ед. хр. 348. Л. 29).

Матушка Мария Григорьевна регулярно вывозила в театры детей, к ним иногда присоединялась Зинаида во время приездов в Москву. В дневнике 1880 г. Григорий приводит весьма впечатляющий список таких культурных событий в жизни семьи, случившихся за период 1878–1880 гг.: балеты «Конёк-Горбунок», «Лебединое озеро», «Дочь фараона», оперы «Жизнь за царя» и «Аскольдова могила», драматические спектакли «Ревизор», «Горе от ума», «Медея», «Гамлет» и др. (рис. 1.7, лев.) (там же. Ед. хр. 346. Л. 19); о некоторых из них он оставлял пространные записи в своих дневниках (см. раздел 6.5). Григорий не раз посещал также Третьяковскую галерею, поскольку интересовался живописью и сам немного рисовал. Несколько повзрослев, он с увлечением стал посещать балы в Благородном собрании (если Владимир давал ему деньги на входной билет), с удовольствием танцевал и беседовал со знакомыми барышнями (там же. Ед. хр. 348. Л. 46об, 47).

Сколько разъ были въ театрѣ
1). Конекъ Горбунокъ на Рож.
2). Дочь Фараона на Рож.
3). 2 акта Конька, 3 акта.
Жизнь за Царя, 1 актъ Бертрама
Пос. акта Лебедин. озера
4). 1878 Ревизоръ (1 января)
5). 1878 зав. Жизнь за Царя –
6). 1878 на Рож. 3 акта Жизнь
и Роберт и Бертрам
7). 1879 на масл. Испанск. Карл.
и 1 актъ Конька.
8). 1880 г. 26 авг. Горе отъ ума
Ревнивый мужъ и три храбр.
любовника.
9). Гамлетъ – 23 сентября
и Парижскій рынокъ въ
10). Фаустъ 1880 г. окт. 6 опять
с Наташей. въ балк.
11). 28 Дек 1880. Милость
Огорченія в мѣсто обученія

непріятной сцены: я безъ
особеннаго основанія далъ
Сашѣ щелчекъ, былъ
страшно прибитъ Володей
за это, и вслѣдствіе его
остервенившись, какъ
и всегда наговорилъ кучу
дерзостей и всякой чепухи,
былъ выруганъ, получилъ
строгій выговоръ. И
нахожусь теперь, когда
я пишу эти строки
въ непріятномъ состояніи.
Мнѣ досадно за себя и
стыдно. Въ самомъ
дѣлѣ, я веду себя безобразно
во всѣхъ отношеніяхъ!
Можетъ быть, когда я буду
записывать свои проступки
я ихъ буду меньше дѣлать
Боже! помоги мнѣ быть инымъ!
31 октября 1880 года.

Рис. 1.7. Страница из дневника Г. Кожевникова за 1980 г.: слева – конец 1880 г., с перечнем посещений театров в 1878–1880 гг. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 346. Л. 19); справа – начало 1880 г., с записью о семейном конфликте (там же. Л. 11)

Частью семейного воспитания было приобщение детей, в том числе, разумеется, юного Григория, к «высокой» музыкальной культуре. Интерес нашего героя к музыке был достаточно серьёзным, о чём, например, свидетельствует запись в дневнике Григория, сделанная осенью 1883 г. после семейного посещения консерватории: «Музыка была хорошая. Играли 1. Квартет D-moll op. 76 № 2 Гайдна, 2. Соната для ф.-п. и виолончели C-moll op. 34 Сен Санса, 3. Квартет Es-moll op. 34. № 3 Чайковского»; далее следует перечень исполнителей (1-я и 2-я скрипки, альт, виолончель) (там же. Л. 18). Он сам, по некоторым отзывам, вполне сносно музицировал и овладел азами музыкальной грамоты; впрочем, это было свойственно всему семейству Кожевниковых, так уж было заведено во времена оные.

Нравы в семье царили довольно строгие, так что мальчишеские выходки Григория, столь характерные для растущего самоутверждающегося организма, влекли за собой неминуемое семейное наказание. Так, он как-то «дал Саше щелчок, был страшно прибит Володей, вследствие чего, остервенившись, как и всегда, наговорил кучу дерзостей и всякой чепухи, был выруган, получил строгий выговор» (рис. 1.7, прав.) (там же. Ед. хр. 346. Л. 11). В другом эпизоде Григорий поспорил и поссорился со своею родительницей: «Наговорил дерзостей и […] был прибит Мамой. Она так рассердилась, что разбила мои две банки и […] хотела выбросить моих личинок и куколок» (там же. Л. 15). Кстати будет отметить, что в дневниковых записях Григорий всегда уважительно писал «Мама» с прописной буквы.

Не считая таких стычек воспитательного характера, в остальном Кожевниковы были довольно дружны. Так, Григорий вспоминает, как в декабре 1879 г. он и Володя «устраивали из картона рыцарское вооружение для того, чтобы представлять Дон Кихота»; летом 1880 г. он давал уроки Саше, занимался с ним греческим (там же. Л. 3об, 16об).

Безвременная кончина брата Дмитрия, о чём Григорий (неизменно называвший своего брата Митей) узнал из телеграммы 11 апреля 1882 г., произвела на него очень тяжёлое впечатление. Сначала юноша крепился и его даже покоробили слёзы маменькиных подруг, навестивших её в тот же день с соболезнованиями: Григорий счёл, что они «отчасти похожи на слёзы плакальщиц. […] Во всяком случае, такие слёзы неприятны». Но потом вечером, оставшись наедине с собой, он «взглянул на портрет несчастного Мити и долго плакал» и записал, что «плакать можно только одному, не при людях. […] Замечательный был характер и замечательный человек» (там же. Ед. хр. 347. Л. 1об, 2).

Кожевниковы, как и положено выходцам из купеческой среды, были весьма набожны: они регулярно посещали церковные службы, о чём Григорий записывает в своих первых дневниках. Сам он, составляя для себя «план занятий» осенью 1880 г., взял на себя обязательство «завести чтение Евангелия по утрам» и даже какое-то время исполнял его, исправно отмечая об этом в дневнике; но вскоре записывает: «Утром сегодня не читал Евангелия из лености, т. к. не хотел подыматься раньше» (там же. Ед. хр. 346. Л. 16). У Владимира тяга к Богу с годами возросла, приведя его к увлечению религиозной философией; у Григория же отношение к религии развивалось сложнее: об этом мы расскажем в одной из последних глав нашей книги (см. раздел 6.3).

На лето Кожевниковы выезжали в Козлов, заворачивая по пути в Рязань, где останавливались на недолгое время в доме у Прокофьевых (там же. Ед. хр. 347. Л. 2об). Владимиру приходилось регулярно ездить из летней резиденции в Тамбов и Москву по делам, которые касались имущественных и финансовых вопросов. Жизнь в Козлове сопровождалась взаимными визитами как в самом городе, так и в окрестные сельские усадьбы (в Моршанскую, Мановицы); в этой связи в дневниках Григория упоминаются всё та же Зинаида Александровна (иногда с супругом Петром Саввичем), Северовы (жили летом в Моршанской), Ольга Никифоровна, Софья Афанасьевна — хозяйка Мановиц, у которой иной раз собиралось до 17–20 человек гостей (там же. Л. 5), а также Каржевины и Шавровы, Ростовцевы, Майсовы. Когда в местном клубе устраивались большие увеселительные собрания, подросткам разрешалось ходить туда смотреть фейерверки.

Летняя жизнь в Козлове, когда там не было особых развлечений, неизменно навевала на Григория «скуку невыносимую», от которой он спасался «единственно при помощи книг». Так, за вакационный сезон 1882 г. он «прочёл 2 тома Тургенева, “Преступление и наказание” 2 тома, Лермонтова 1 том, […] вдруг вскочил и схватив «Одиссею», начал 5 песнь по-гречески читать. […] Почитав Гомера, взял Энеиду, но она […] не понравилась». В другом месте он упоминает «Гогенштейнов» и «Один в поле не воин» Шпильгагена, «Обыкновенную историю» Гончарова (там же. Л. 9, 9об, 12, 14об).

1.2. Учёба

Григорий Кожевников в 1877 г. поступил в 1-ю Московскую мужскую гимназию, здание которой было расположено на Пречистенке. Она относилась к категории классических гимназий (были ещё «реальные»), успешное окончание которых давало право на поступление в любой университет России; при этом выпускники-медалисты зачислялись в университеты без вступительных экзаменов.

Григорий, судя по редким дневниковым записям того времени, в которых он комментировал свои гимназические дела, не отличался особым прилежанием, особенно не любил делать домашние задания. Так, 6 января 1880 г., когда завершались зимние каникулы, он записал: «Сегодня уже последний день праздников,

а уроки я почти совсем не готовил. Чрезвычайно не хочется идти в гимназию» (там же. Ед. хр. 346. Л. 5об). Выполнение заданий на летние вакации он старался откладывать как можно дальше, по поводу чего в конце июля 1882 г. оставил в дневнике такую запись: «Вакационных не делал вовсе. И зачем их только задают?» (там же. Ед. хр. 347. Л. 14об). Год спустя он признаётся, что подготовке домашних заданий предпочитает задушевные беседы с друзьями: «Вот и теперь разболтался, а уроков не учу, завтра придётся отказываться или не ходить, что не очень-то хорошо»; и вообще его ученический настрой во многом зависел от внешнего влияния: «Вот — был у Яши, хотелось учиться, а увидел Анюту, всё прилежание исчезло без следа» (там же. Ед. хр. 348. Л. 33). Поведение нашего юного героя также не всегда было примерным, о чём свидетельствуют его короткие записи осенью 1880 г. Согласно одной из них, он «опасался, что за поведение […] поставят 4», а в другой раз специально отметил, что «сегодня в гимназии вёл себя хорошо, не дрался»; сокрушаясь о своём нерадении, «по обыкновению обещал учиться лучше, а на самом деле этого конечно нет и не было. Это бесит меня» (там же. Ед. хр. 346. Л. 13б, 16). Всё это, однако, не мешало Григорию, который знания «схватывал на лету», учиться на «отлично» и «хорошо» и успешно сдавать переходные экзамены, о чём он опять же рапортовал в своём дневнике, например, весной 1880 г.: «Я выдержал благополучно экзамены, страшные устные экзамены, которых все боятся. Хоть и не без страха и боязни, а всё прошло хорошо. Награда 2-ой степени» (там же. Л. 11об).

Выбор будущего научного поприща в естествознании был во многом предопределён тем, что Григорий в достаточно раннем возрасте увлёкся наблюдениями над разного рода мелкой живностью, причём начиная со средних классов гимназии этот его интерес стал вполне исследовательским и даже в какой-то мере профессиональным. Влекомый натуралистическими побуждениями, летом он обыкновенно приносил в дом личинок, куколок и имаго разных насекомых, чтобы наблюдать за их развитием и поведением. «Профессионализм» же его заключался в том, что он был знаком с элементами таксономической иерархии и с определением зоологических объектов, а для их обозначения активно пользовался латинскими названиями. Так, найдя под камнем жука, Григорий «с первого же взгляда узнал, что он принадлежит к семейству Hydrophilidae [возможно] к роду *Helophorus*»; наблюдая за ним, отметил, что «когда жук ползёт под водой, на нижней части его тела бывает всегда пузырь воздуха, которым он вероятно дышит под водой» (там же. Л. 17, 18). Для наблюдения над обитателями водоёмов «посажены были в банку следующие насекомые: 2 *acilius sulcatus* (самец и самка), 8 улиток, 2 больших личинки стрекозы, 4 маленьких [личинок стрекозы], *notorus* (*crassicornis*), *gyrinus* (*natutor*?)». Кроме того, в распоряжении Григория был микроскоп, с помощью которого он «в воде […] видел множество инфузорий» (там же. Л. 18). Поэтому неудивительно, что многие весенне-летние записи в дневнике Григория за 1880 г. относятся к зоологии. Он описывает внешнюю анатомию и зарисовывает личинок, куколок и имаго некоторых насекомых (рис. 1.8), перечисляет пойманных им водных обитателей (в том числе тритонов). Вдобавок он составил по каким-то специальным книгам достаточно детальную таблицу с описанием характерных особенностей образа жизни (предпочитаемые места обитания, питание, поведение) наиболее типичных жуков средней полосы из семейств Cicindelidae, Carabidae, Dytiscidae, Gyrinidae, Hydrophilidae и др. (всего 26 семейств, поименованных по-латыни).

Ближе к концу гимназического обучения Григорий активно занялся самообразованием в области естественной истории и особенно зоологии, которых в учебной программе в то время не было вовсе. Так, летом 1882 г. он «начал Зоологию Симашко, только туго подвигается» (там же. Ед. хр. 347. Л. 9). На следующий год юноша познакомился с учением об эволюции живых организмов, прочитав русское

Рис. 1.8. Разворот из дневника № 14 Г. Кожевникова (декабрь 1883 г.), где он отмечает пробуждение у него интереса к естественной истории и сомневается в нём (АрхМГУ Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 40об, 41)

(видимо, третье) издание книги Ч. Дарвина «О происхождении видов» (там же. Ед. хр. 348. Л. 40). Возможно, обращению к этой книге поспособствовало его предположительное беглое знакомство с А.П. Богдановым, которого он вскользь упоминает на одной из страниц того же дневника в конце 1883 г. (там же. Л. 41об). Впрочем, поначалу эволюционная идея, видимо, не произвела на школяра особого впечатления, судя по его мимолётному отзыву об эпохальном труде Дарвина как об «интересной книжице» (там же. Л. 46об). Тем не менее именно Дарвин подтолкнул Григория к идее «сделаться естествоиспытателем», отчасти даже неожиданной для него, о чём он прямо так и записал: «И вот я опять сел читать Дарвина. И странно! Мне пришла вдруг мысль: отчего же мне не сделаться естествоиспытателем?» (там же. Л. 41; см. раздел 6.1).

Кроме зоологии, Григорий увлекался рисованием и посещал учебный класс, которым руководил некий Василий Семёнович. У него были явные художнические способности и он делал заметные успехи. Весной 1884 г. руководитель класса подал несколько рисунков своих воспитанников на конкурс школьных рисунков, в том числе два рисунка Григория — орнамент и череп. За последний наш герой был награждён серебряной медалью, чем остался несказанно доволен, хотя тут же попенял себе за «тщеславие» (там же. Ед. хр. 349 Л. 18об) (см. также раздел 6.1).

Под занавес 1883 г., предвкушая, что меньше чем через полгода предстоят выпускные экзамены, за которыми последует переход в иную жизнь — пусть и в университетскую, т. е. по-прежнему «учебную», но всё же несомненно более «взрослую» и свободную, доселе им не изведанную, Григорий с некоторой тревогой записывает: «Ведь нынешний год “последний”. А? как-то странно звучит это слово… Результат всего […] Что-то будет? Надеюсь, лучше, чем *было*! … “Будущность темна, как осенью ночь, прошедшее *сгибло*, тому не помочь”…» (там

же. Ед. хр. 348. Л. 13)[4]. И отходя ко сну поздним январским вечером только что наступившего 1884 г., он желает себе «получить золотую медаль» по итогам гимназического обучения, ну и, конечно (о чём ещё может желать юный биологический организм, вступивший в пубертатный возраст?), «чтобы все в меня влюблялись» (там же. Л. 49). И крупно записывает на полях этой страницы: «!1884!! Урррааа!!»

В мае 1884 г. Григорий Кожевников успешно сдал последние экзамены и был выпущен из гимназии с золотой медалью, об этом записано в его «Формулярном списке о службе», составленном в 1904 г. (там же. Ед. хр. 322. Л. 1об). Как было сказано выше, это дало ему право на зачисление в университет без вступительных экзаменов.

***

В августе 1884 г. Г.А. Кожевников, минуя экзамены, был принят в число студентов МУ; вместе с ним студентами МУ стали несколько его однокашников, в том числе неоднократно упоминавшийся в его прежних дневниковых записях Мавровский. Университетская жизнь студентов-первокурсников началась с посещения молебна о начале нового учебного года, после чего они были представлены ректору. Первое впечатление Григория о «храме науки» и будущей компании было так себе: «Ничего особенного. Ощущалось то, что чувствуешь, попавши в совершенно чужую, незнакомую обстановку: очутившись в толпе людей, которые внешним образом как бы связаны с тобой (*alma mater*), а в самом деле вполне чужды» (там же. Ед. хр. 349. Л. 6). В своей напутственной речи ректор говорил, что «русским людям свойствен недостаток схватывать верхушки знания, общие выводы, не познакомившись хорошенько с основаниями науки, с фактами, на которых основаны выводы. […] Советовал сначала заниматься тем, что предлагают профессора в своих лекциях. Предостерегал от занятий политикой». Григорий отметил, что «студентам речь не понравилась. Слышались голоса: не стоило приходить»; но на него самого «речь произвела приятное впечатление» (там же. Л. 7об, 8).

Кожевников записался на Отделение естественных наук ФМФ МУ, на первом курсе слушал лекции А.П. Богданова по зоологии и И.Н. Горожанкина по ботанике. Как лектор Богданов нашему студенту не очень понравился: «Он иногда слишком спешит при своём чтении. Это скверно. Не уследишь и не успеешь записать или запомнить». Отношение Григория к своему наставнику было, как говорится, «неровное»: в одном месте своего дневника он отмечает, что «физиономия [Богданова] для меня оч[ень] симпатична. Он вероятно будет мой ближайший руководитель» (там же. Л. 15об), но в другом — что «Богданов [ему] ненавистен своим цинизмом и лично [к нему] отвратительно относится» и что ему совсем не хочется «быть подхвостьем у Богданова» (там же. Ед. хр. 350. Л. 61; Ед. хр. 348. Л. 41об). Университетские занятия, как и прежде гимназические, не слишком увлекали нашего героя — во всяком случае, они никак не отражены в его дневниковых записях за конец 1884 и начало 1885 г., из коих видно, что почти всё внимание студента было поглощено любовными переживаниями (см. раздел 6.2). О его университетской учёбе и посещаемых курсах напоминает разве что рисунок обложки его записей лекций А.П. Богданова по моллюскам (там же. Ед. хр. 349. Л. 36об; Ед. хр. 348. Л. 45). Подводя осенью 1886 г. по случаю своего 20-летия нечто вроде итогов первых лет учёбы в МУ, Г. Кожевников отмечает, что «занятия [его] не были особенно успешными»; лекции слушал «усердно, а относительно результатов похвалиться нельзя». Да и первые опыты работы с коллекциями Зоомузея ему не очень удались: «Сколько даром перепорчено материала […] вследствие недостатка терпения, поспешности, недостаточной выдержки», впрочем, также обвиняя в своих неудачах «отвратительные микротомы и отсутствие всяких удобств» (там же. Ед. хр. 350. Л. 2, 2об).

[4] Неточная цитата из стихотворения А. Серебрянского (начало 1830-х гг), в оригинале так: «Будущность тёмна, как осени ночи, / Прошедшее гибнет для нас навсегда» (Серебрянский, 1987).

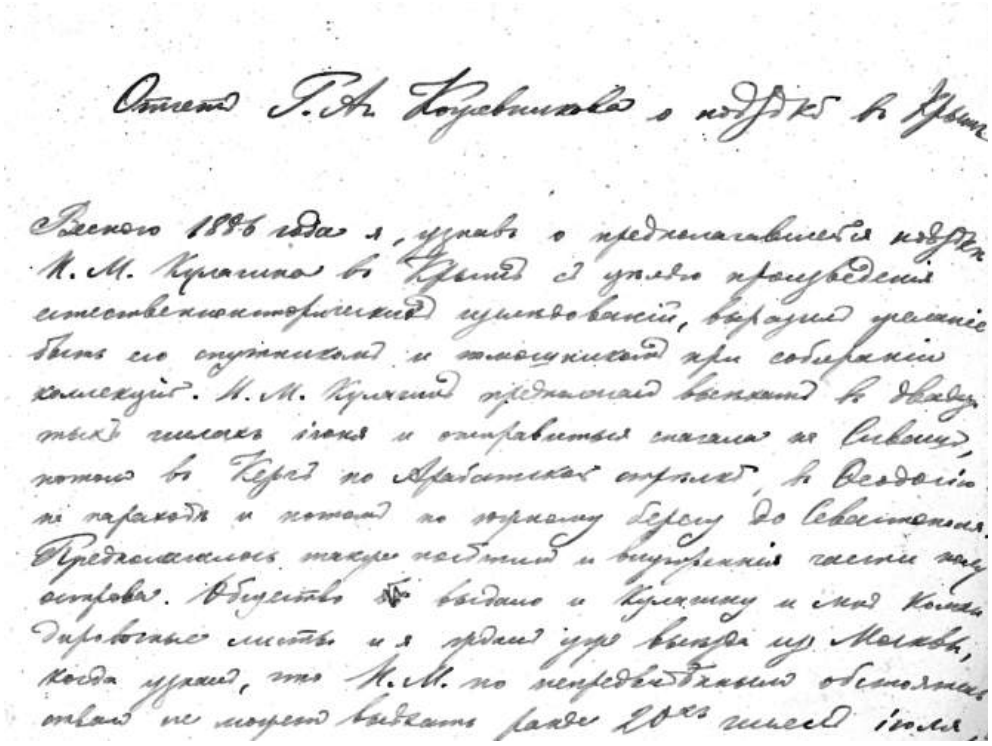

Рис. 1.9. Начало отчёта Г. Кожевникова (осень 1886 г.) о поездке на Севастопольскую биостанцию (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 343. Л. 15)

Летом 1886 г. Г. Кожевников, переведённый на 3-й курс, ездил в Крым на Севастопольскую биостанцию[5] с несколькими учениками А.П. Богданова для ознакомлением с методами изучения и составом фауны прибрежных водных беспозвоночных. Г.А., судя по записи в дневнике 1887 г., встретил эту новость без особой радости (см. раздел 6.1), однако в отчёте о своей поездке (рис. 1.9) отметил: «Весною 1886 года я, узнав о предполагавшейся поездке Н.М. Кулагина[6] в Крым с целью произведения естественноисторических исследований, выразил желание быть его спутником и помощником при собирании коллекций» (там же. Ед. хр. 343. Л. 15). Кулагин до августа выбраться не смог, так что Кожевников отправился в Крым один «с чисто учебными целями, т. е. чтобы у берега моря просмотреть морских животных, знакомых [ему] до тех пор только по спиртовым препаратам» (там же).

Приехав в Севастополь в июле, Кожевников в течение месяца проводил свои первые научные наблюдения над водными беспозвоночными, главным образом над рачками-амфиподами, базируясь в основном на Севастопольской биостанции. Правда, Григорий там «встретил много весьма важных неудобств»: для него на самой станции не оказалось рабочего места; в результате он принуждён был обустроить нечто вроде лаборатории в своей съёмной квартире. К тому же на станции не нашлось нужного ему оборудования для сбора донных беспозвоночных, и Г.А. пришлось воспользоваться драгами приехавшего туда ненадолго А.Н. Харузина (ещё один ученик А.П. Богданова). В результате и сама эта поездка, и её результаты не очень пришлись по душе нашему студенту, который в своём дневнике отозвался о своей работе так: «Отчасти вследствие моей лени и неряшливости, отчасти вследствие независящих причин

[5] Эта станция была открыта в 1871 г., в те годы ею заведовала (уникальный случай для России!) женщина — С.М. Переяславцева (Кожевникова, 1905).

[6] Н.М. Кулагин закончил учёбу в МУ у А.П. Богданова в 1884 г., в 1886 г. служил внештатным ассистентом в Зоомузее (Кузнецов, 1960).

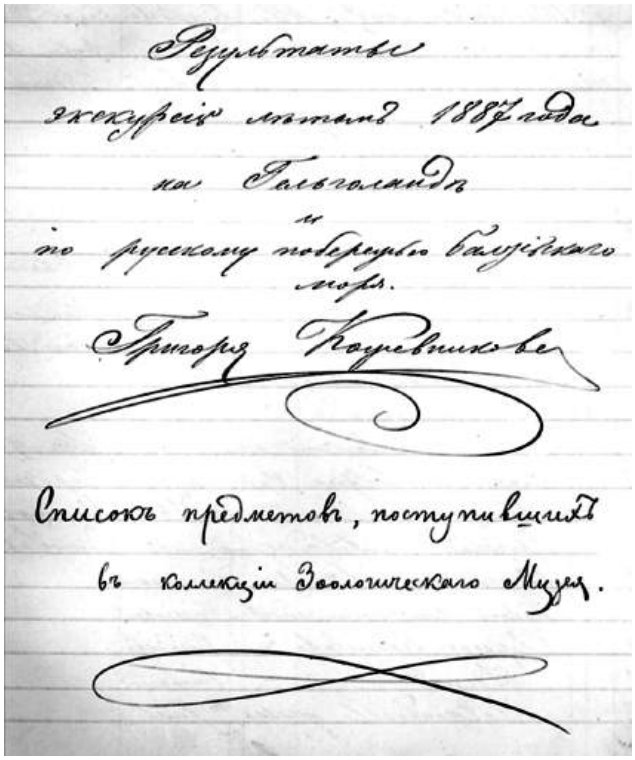

Результаты
экскурсій лѣтомъ 1887 года
на Гельголандъ
и
по русскому побережью балтійскаго
моря.
Григорія Кожевникова
Списокъ предметовъ, поступившихъ
въ коллекціи Зоологическаго Музея.

Рис. 1.10. Первая страница отчёта Г. Кожевникова (осень 1887 г.) о поездке на Балтийское море и о. Гельголанд (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 1)

я не сделал [неразб.] ничего хорошего. […] копался над всякой дрянью» и т. п.; отчёт о проделанной студенческой работе он сам назвал «отчётишком» (там же. Ед. хр. 350. Л. 12об).

В следующем году Г. Кожевников провёл исследования, аналогичные по сути, но более обширные по проделанной работе, в прибрежных водах Балтийского и Северного морей, куда он был командирован Зоологическим отделением ОЛЕАЭ (там же. Ед. хр. 3). Отчёт о результатах этих зоологических экскурсий вошёл в его кандидатскую (выпускную, аналогична современной дипломной) работу (рис. 1.10) (там же. Ед. хр. 1). Примечательна структура теоретической (вводной) части этого отчёта: она разделена на некие «вопросы» достаточно общего характера (их всего 17), на которые юный исследователь пытается дать свои ответы; впрочем, некоторые вопросы так и остаются «открытыми». Эти результаты показались А.П. Богданову настолько интересными, что с его подачи Г.А. сделал краткие доклады о них на заседаниях Зоологической секции ОЛЕАЭ: они стали первыми публичными выступлениями нашего героя с научными сообщениями (Богданов, 1888).

То, как Г.А. стремится осмыслить свои наблюдения, выдаёт его пытливый исследовательский разум, не склонный для объяснения тех или иных фактов полагаться на устоявшиеся шаблоны и обращающий внимание на то, что для того времени остаётся слабее всего изученным и объяснённым. Так, он отмечает, что условия обитания и расселения мелких морских организмов известны нам гораздо хуже, чем наземных, из-за чего их распространение порой кажется мало понятным: для того, чтобы устранить непонимание, «надо исследовать грунт, растительность, глубину, подводные течения» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 7 [рук.]). Развивая мысль о загадках распространения животных, не только водных, но и наземных, Кожевников высказывает любопытные соображения относительно неких «психологических причин» их распространения и расселения (там же; подробнее см. раздел 3.4). Он оспаривает то считающееся «общим законом» мнение, что в Балтийском море «по мере подвигания на восток величина экземпляров постепенно уменьшается», «прямо опровергая» его своими «фактами» и попытками их по-своему объяснить, например, разным образом жизни личинок (там же. Л. 9, 10 [рук.]). Попутно он отмечает, что для балтийских моллюсков «многие вариететы и даже виды установлены крайне шатко», «одна из главных причин» чего, по мнению Г.А., «следующая: [неразб.] систематик, найдя какую-либо уклоняющуюся форму в нетипичной для неё местности […], сейчас же старается сделать из неё вариетет или вид»; на самом же деле «нечего из них строить виды, а надо смотреть как на варианты в пределах вида» (там же. Л. 11, 11об, 12об [рук.]).

На 3-м курсе А.П. Богданов направил внимание студента Кожевникова на изучение пчелы, который встретил это предложение без всякого энтузиазма, посчитавши такую тему неинтересной и бесперспективной. По этой причине Григория гложет чувство зависти и ревности

по отношению к только что окончившему курс А.Н. Корчагину за то, что, как ему почему-то показалось, А.П. Богданов отдаёт тому явное предпочтение в выборе интересных научных тем (см. раздел 6.1). Одновременно с этим наш студент самостоятельно начинает продумывать общий план фаунистических работ, но и здесь находит повод для определённого скепсиса (см. раздел 3.4).

Из всех университетских предметов хуже всего у Григория Кожевникова обстояли дела с химией — и в феврале 1888 г. он записывает в своём дневнике: «Теперь я сижу и зубрю химию. Экзамен 25-го. Подвигается работа страшно туго. У меня положительно слабая память, что приводит меня в отчаяние… Напрягу все свои силы и если провалюсь или [неразб.] получу 3, то моё отчаяние будет весьма велико» (там же. Ед. хр. 351. Л. 4). Экзамен по химии должен принимать В.В. Марковников, а «этот “пузатый чёрт” и знающего-то провалит» (там же, Л. 11). Заранее переживая свою возможную неудачу, Григорий даже начинает сомневаться в правильности выбранного им пути учёного-естественника и думает о том, что не лучше ли ему «круто повернуть в сторону, избрать совершенно другую карьеру. Но какую?» Однако юным Кожевниковым владеет «вера в свою звезду» — и он, полагаясь на авось, восклицает: «Эх! Куда кривая ни выведет!» (там же, Л. 8, 11об). Но увы и ах, кривая никуда не вывела: нерадивый студент провалился на экзамене Марковникова (в сердцах назвав его за это «скотиной») и записал в дневнике, что «Богданов ужасно зол на него, что он меня не пропустил. […] Это первая крупная неудача в моей жизни. […] Тяжело ужасно». Но всё-таки в конечном итоге «Марков[ников] поставил 3» (там же. Л. 13, 13об, 14об) — наверное, то была пересдача не без ходатайства со стороны А.П. Богданова. Зато по другим дисциплинам был полный успех, хотя для этого экзаменующемуся «приходилось совершать чисто Геркулесовские подвиги» — например, «в 3 дня приготовить курс двух лет […] всех (!!) цветковых и всех тайнобрачных» растений (там же. Л. 17).

В результате, как записано в «Послужном формуляре» Г.А. Кожевникова, он «при отличном поведении окончил курс по отделению естественных наук Физико-математического факультета и за показанные отличные успехи определением Университетского Совета утверждён в степени кандидата» (там же. Ед. хр. 322. Л. 1об). По этим результатам Григорий был оставлен при МУ для подготовки докторской диссертации и приписан к Зоомузею в должности внештатного ассистента: учёба кончилась и началась работа (см. раздел 2.2).

1.3. Своя семья

Супругой Г.А. Кожевникова и матерью его детей стала Мария Александровна Российская (1861–1929). Она родилась в семье потомственных военных-дворян: её дед, флотский офицер, дослужился до адмиральского чина, отец к концу службы получил звание генерал-майора; у неё было пять братьев (Прокофьева, 2002). Семья эта жила в г. Орле: последнее видно из того, что Мария в одной из своих публикаций аттестовала себя как «орловскую уроженку» (Российская-Кожевникова, 1912); в «Орловском Вестнике» М.А. Российская упомянута как «окончившая курс в местной женской гимназии и впоследствии служившая несколько лет в том же заведении классной дамой» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 753. Л. б/н; в газетной вырезке дата не указана). Затем (видимо, в 1878 г.) она вместе с младшим братом Михаилом переехала в Санкт-Петербург: брат поступил в Павловское военное училище, а Мария — на Высшие женские (так называемые Бестужевские) курсы (там же). Судя по адресу на адресованной ей открытке в 1886 г., на новом месте она жила в д. № 6 по Кузнечному (на открытке ошибочно указан «Кузнецкий») переулку (там же. Ед. хр. 694. Л. 6). Михаил дослужится до генерала и умрёт в 1910 г.

На Высших курсах Мария слушала лекции на физико-математическом и естественном отделениях; на втором зоологию и ботанику преподавал приват-доцент Санкт-Петербургского университета К.С. Мережковский (брат пи-

Рис. 1.11. Фотопортрет Марии Российской (1883 г.), будущей жены Г.А. Кожевникова (Фокин, Вахромеева, 2011, с. 107)

сателя Д.С. Мережковского). Первоначально она больше интересовалась физикой и математикой и по окончании курсов в 1884 г. «подала в совет с-петербургского университета прошение о допущении к экзамену на учёную степень кандидатки математических наук» (там же. Ед. хр. 753. Л. б/н; в газетной вырезке дата не указана). Видимо, требуемого разрешения наша героиня не получила и по этой причине устроилась в Санкт-Петербургский университет ассистентом при профессоре зоологии Н.П. Вагнере (Российская-Кожевникова, 1912) — как можно полагать, по протекции К.С. Мережковского. В этой должности она состояла вплоть до 1887 г., занимаясь кое-какими зоологическими исследованиями, по их результатам опубликовала несколько работ об эмбриологии ракообразных, а также сделала сообщение «История развития *orchestia*» на заседании Отделения зоологии и физиологии Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 753; Фокин, Вахромеева, 2011)[7].

Между К.С. Мережковским и М.А. сложились дружеские отношения, и они потом регулярно обменивались любезными письмами (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 694). Летом 1886 г., вслед за Мережковским, который в том году уволился из университета и перебрался в Крым (Клейн, 2014), М.А. приехала на Симферопольскую биостанцию, где под руководством заведующей станцией С.М. Переяславцевой изучала развитие бокоплавов; по результатам этой работы она опубликовала статью (Rossiiskaya-Koschevnokova, 1891). Видимо, на этой «зоологической» почве с М. Российской и познакомился Г. Кожевников, который тогда же проходил на этой станции летнюю студенческую практику и работал по сходной «амфиподной» теме (упомянуто нами выше). Между ними вспыхнула любовь (см. раздел 6.2), и после отъезда из Крыма, когда наш герой вернулся в Москву, а Мария в Санкт-Петербург, между ними завязалась частая переписка.

Марию Российскую-Кожевникову едва ли можно было назвать красавицей: в молодости это была вполне типичная «институтка», строгая лицом, с очками в круглой оправе (рис. 1.11). Сам Г. Кожевников многие годы спустя после женитьбы признает с явным огорчением в письме к своей тогдашней «даме сердца» Л.И. Кашиной (о ней см. раздел 6.2), что «судьба дала мне в спутницы жизни женщину безусловно некрасивую. Вполне удовлетворённый ею в своей чувственности, я был глубоко неудовлетворён художественно, эстетически, романтически» (ГМЗЕ ОНФ-7281 Р-962). Наверное, по этой причине любовные чувства Григория время от времени омрачались сомнениями в том, что его привязанность к девушке может иметь какую-то серьёзную перспективу, которая к тому же заметно тяготила его. Он считал, что «жениться глупо в 21 год и на девушке, которая старше.

[7] Имеется в виду род ракообразных *Orchestra* из отряда Amphipoda (бокоплавы).

Это значит почти наверняка *испортить* свою жизнь. Вообще на ком бы то ни было жениться в молодые годы значит испортить карьеру. Не так легко будет собой распоряжаться. Поехал бы на Амазонку — жена беременна» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 37). В последнем пункте Г. Кожевников оказался пророком: летом 1917 г. он не сможет уехать с экспедицией на Байкал, т. к. его удержит в Москве забота о семействе в столь беспокойное и тревожное время (об этой экспедиции см. раздел 3.7) (СПбФ АРАН. Ф. 728. Оп. 2. Д. 498. Л. 286).

Как бы там ни было, через несколько лет эта любовная история разрешилась вполне традиционно и благополучно по «обывательским» меркам: Г. Кожевников и М. Российская венчались в феврале 1889 г., это следует из записи в списке памятных дат в ежедневнике первого, где указано «9 февр. Годовщина свадьбы в 1889 г.» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 351. Л. 83). Перед этим они прошли полагающиеся сему важному случаю обряды исповеди и причащения (невеста в декабре 1888 г., жених в январе 1889 г.), о чём им были выданы соответствующие справки (там же. Ед. хр. 321, Ед. хр. 753). Правда, имеется некоторая «нестыковка» разных записей, сделанными Григорием по поводу этого знаменательного события: в дневниковой записи в конце 1889 г. он упоминает, что свадьба состоялась в 1888 г. (там же. Ед. хр. 350. Л. 56); вполне вероятно, что он просто имел в виду зимний сезон 1888–1889 гг.

После женитьбы молодые супруги стали жить в Москве, поскольку Г.А. с осени 1888 г. начал работать в Зоомузее МУ (см. раздел 2.2); в первые годы совместной жизни они сменили несколько съёмных квартир, об этом можно судить по адресам, указанным на их почтовых получениях. Впрочем, все они были в самом центре Москвы: одним из таких адресов был дом по Калошинскому пер. (Спас-Пески), другой — по ул. Большая Молчановка (там же. Ед. хр. 446, 472, 694). После получения Кожевниковым звания приват-доцента семейство вселилось в университетскую квартиру: первоначальный адрес был по Долгоруковскому переулку, об этом свидетельствуют послания, полученные Г.А. в 1902–1904 гг. (там же. Ед. хр. 320, 594). После присвоения Кожевникову звания экстраординарного профессора они переехали в квартиру по Большой Никитской, о чём Г.А. сообщает в письме своему корреспонденту в ноябре 1904 г.: «Новый адрес. Большая Никитская, здание Университета» (СПбФ АРАН. Ф. 728. Оп. 2. Д. 498. Л. 133). Таким образом, с середины 1900-х гг. и до начала 1930-х гг. семья Кожевниковых занимала профессорскую квартиру № 65 в торце здания Зоологического корпуса по Большой Никитской улице, д. 6 (в 1920 г. переименована в ул. Герцена): этот адрес фигурирует в разных документах и почтовых отправлениях, он же указан в списке сотрудников НИИЗ, составленном в середине 1920-х гг. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 192. Л. 4). Это было достаточно обширное 8-комнатное помещение, в котором каждый член семьи занимал свою комнату, а кроме того в распоряжении Г.А. был профессорский кабинет и помещение для личной библиотеки[8].

Вообще информация об имущественном положении семьи Г.А. Кожевниковых весьма скудная. Следует здесь упомянуть, что в редакционной заметке в журнале «Охотничий вестник» № 13 за 1910 г. упомянуто некое «имение Г.А. Кожевникова, близ села Рогачёва» (Редакция, 1910, с. 201) — возможно, имеется в виду село в составе Рогачёвской вол. Дмитровского у. Московской губ.

***

Будучи любознательной, в известной степени поэтической и общественно активной, М. Российская (Кожевникова), видимо, достаточно легко сходилась с людьми своего круга. В начале 1880-х гг. она через своего брата Михаила познакомилась и подружилась с молодым, рано умершим поэтом С.Я. Надсоном, переписывалась с ним, он посвятил ей стихотворение «Мечты королевы» (Надсон, 1881–1882); как мы упомянули выше, в 1912 г. Мария Алексан-

[8] В настоящее время это помещение отведено под научные коллекции ЗММУ.

Рис. 1.12. Титульная страница рукописи «Библиография Apis millificae» с инициалами Г.А. и М.А. Кожевниковых (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 57)

дровна опубликовала биографический очерк о своём покойном друге (Российская-Кожевникова, 1912). Она поддерживала дружеские отношения с С.М. Переяславцевой, которая в конце 1890-х гг. благодаря протекции проф. Н.Ю. Зографа занимала рабочую комнатку в Зоомузее МУ, и написала о ней в 1905 г. трогательный, очень доброжелательный некролог (Кожевникова, 1905).

В электронном справочнике «Писательницы России» указано, что «Кожевникова Мария Александровна (1861–?) […] вместе с З. Ржевской [литературный псевдоним С.А. Боборыкиной] пер[евела] с нем[ецкого] кн[игу] Эрнста Бёме “Воспитание сына: Пед. письма к матери” СПб., 1871» (Горбунов, 2004). На обложке названной книги действительно указано, что она издана в переводе «Кожевниковой и Ржевской» (Бёме, 1871). Однако это безусловно не могла быть наша героиня: во-первых, в 1871 г. ей было только 10 лет, во-вторых, она в этом возрасте носила девичью фамилию Российская.

Ранние зоологические интересы М.А. Кожевниковой сделали её вскоре после начала семейной жизни коллегой своего супруга, так что они нередко участвовали сообща в различных начинаниях зоологической направленности. М.А. помогала в подготовке 1-го выпуска «Отчётов по русской зоологической литературе», автор которого Г.А. Кожевников, незадолго до этого избранный секретарём Зоологического отделения ОЛЕАЭ, специально отмечает в Предисловии: «Такой обширный труд не мог бы быть мною подготовлен к данному сроку, если б я не имел деятельных сотрудниц — М.А. Кожевникову и Е.И. Кузнецову, которые по моим указаниям составляли конспекты статей [и] взяли на себя редакцию издания» (Кожевников, 1893а). В годовом отчёте МУ за 1893 г. по разделу Зоомузея упомянуто, что от М.А. Кожевниковой поступили материалы по «Orthoptera genuina 22 вида из Тамбовской и Рязанской губ.» (Речь…, 1894, с. 126). В архиве МУ хранятся рукописные материалы к «Библиографии по медоносной пчеле» (конец 1890-х гг.), в подготовке которых вместе с Г.А. Кожевниковым также участвовала его супруга: об этом свидетельствует тот факт, что её инициалы «М.К.» указаны рядом с инициалами «Г.К.» на титульной странице рукописи (рис. 1.12) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 57).

В конце 1890-х гг. и скорее всего также в последующие годы М.А. Кожевникова преподавала в женских московских гимназиях и сотрудничала с Обществом распространения технических знаний и Педагогическим обществом при МУ (в них состоял и её супруг). Одним из проявлений её активности стали ботанические экскурсии для учениц, о некоторых из них она опубликовала в 1900 г. отчёт на страницах журнала «Естествознание и география» (Кожевникова, 1900а). М.А. сотрудничала с этим журналом, готовя к публикации в нём переводы некоторых интересных материалов: напр., ста-

тьи Э. Шёнихена «Схематические рисунки по биологии цветов» (1901, № 7), доклада Е. Кюри «Радий» (1904, № 6) и др., по примеру своего супруга иногда публиковала рецензии на новые книги по естествознанию (Кожевникова, 1900б, 1911). Мария Александровна в 1901 г. помогала устройству выставки в рамках Съезда преподавателей естественной истории Московского учебного округа, в 1902 и 1903 гг. принимала участие в разных мероприятиях, организуемых Естественно-историческим отделением Педагогического общества, и даже возглавляла временную комиссию, учреждённую при нём для составления каталога книг ученической библиотеки (М., 1901; Деятельность…, 1903). Летом 1903 г. чета Кожевниковых была приглашена участвовать в нескольких заседаниях Серпуховского общества естественных наук с лекциями под общим названием «Значение местных естественноисторических исследований», где М.А. сделала сообщение «Задачи и приёмы ботанических экскурсий» (Серпуховское…, 1903). Она регулярно участвовала в работе разных профессиональных съездов, к этому её поощряла палеонтологиня М.В. Павлова, с которой М.А. Кожевникова познакомилась в конце 1880-х гг. и сохраняла дружеские отношения до конца жизни (Любина, Бессуднова, 2019).

Преподавание в гимназиях и интерес к связанным с этой деятельностью общественно значимым вопросам, отчасти даже усиленный вниманием к ним её супруга (см. об этом раздел 2.4), проявились в примечательной книге М.А. Кожевниковой «Материнство и умственная работа», опубликованной в 1902 г. (Кожевникова, 1902). Первая часть последней представляет собой пространную рецензию на незадолго до этого вышедшую книгу под тем же названием («Mutterschaft and geistige Arbeit», авт. A. Gerhadt & H. Simon), вторая же часть суммирует собственные представления М.А. о роли и значении женщин в обществе, об их возможностях заниматься какой-либо деятельностью, не связанной с материнством. Кожевникова обращает внимание на одну из

Рис. 1.13. Фрагмент страницы из дневника Г.А. Кожевникова (декабрь 1889 г.) с его рисунком: после горячей ссоры его супруга лежит на диване лицом к стене (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 58)

ключевых идей книги, с которой она согласна: «На материнство надо смотреть как на профессию, [она] требует особой подготовки, которой в настоящее время женщины не получают» (там же, с. 3–4). Феминистская позиция самой Кожевниковой заключается в том, что (с. 22–23)

> нельзя же отказывать [женщине] в праве быть медиком, адвокатом или чем она захочет, к чему у неё есть природная склонность и дарование, только на том основании, что она существо женского пола. Такой отказ является грубым нарушением личной свободы, не находящим себе никакого оправдания.

***

Семейная жизнь четы Кожевниковых протекала не очень гладко, чему причиной были невыдержанный характер молодого супруга и приступы чёрной меланхолии, так портившие жизнь ему самому и предметам его воздыханий в пору юношеских влюблённостей (см. раздел 6.2) и усугубившиеся бытовыми проблемами, которые вдруг свалились на Г.А. как на главу семьи. Увы, всё это в полной мере проявилось уже через год после свадьбы: в канун Рождества 1889 г. он записывает в дневнике, что «страшно изругал Машу, она сначала оправдывалась, слегка плакала, но потом с ней сделалась истерика и она нервно заболела» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 57) (рис. 1.13). А дальше Г.А. пускается в рассуждения по поводу произошедшего, при этом, похоже, вовсе не видя в том своей вины (там же. Л. 57об):

> Когда я вижу её сидящей *в исступлении*, я проклинаю тот день и тот час, когда я женил-

Рис. 1.14. Фрагмент страницы из дневника Г.А. Кожевникова (декабрь 1889 г.) с карандашным наброском автора: первенец Маша, закутанная в пелёнки (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 59об)

> ся… Я это не могу выносить. И ведь никто так не делает! Я видел, как люди огорчаются: они плачут, сердятся, падают в обморок, но это исступление, злоба на два или более дней — это выше сил человеческих. И главное — не говорит, ничего не делает, не ест!

Очень скоро основной причиной семейных раздоров становится вопрос о потомстве: жена была категорически «за», муж был категорически «против». Как вспоминает Григорий, «Маша постоянно спорила со мною, когда я ей говорил о тяготах семейной жизни и особенно о тяжести иметь детей. Она обыкновенно говорила, что у других бывает, а у людей разумных, интеллигентных никогда ничего не должно быть дурного в семейной жизни» (там же. Л. 59). Когда Мария Александровна летом 1890 г. рожала дома первого ребёнка — дочь Машу, молодой папаша впал в настроение прескверное: «При родах вышла такая невообразимая сутолока, что и представить себе невозможно. […] Весь дом вверх дном. […] В довершение всего ребёнок очень дурён» (рис. 1.14) (там же. Л. 59, 59об). Да и последующие заботы о новорождённой, похоже, не принесли Г.А. отеческой радости: он оказался совершенно неготовым к бремени отцовства, которое оправдывало его худшие ожидания, и очередной нервный срыв не замедлил себя ждать. В декабре того же года он записывает в дневнике (там же. Л. 61):

> Вчера мы жестоко поссорились с Машей. Причина была как будто и пустая, но ссора вышла преотвратительная. Я разозлился […]. Она страшно расстроилась. Уехала на лекцию Тимирязева. Я остался, чтобы работать. […] Ребёнок закричал чересчур сильно. И это меня так встревожило, что […] работать не мог.

Впрочем, все эти семейные дрязги и ссоры, как можно полагать, были лишь неприятными эпизодами в мирно текущей жизни молодой супружеской пары, так что появление второго ребёнка — дочери Ольги — не заставило себя ждать. Судя по косвенным признакам, это случилось на следующий год после рождения первенца, однако о новом пополнении семейства в виденных нами дневниках Г.А. нет ни слова (правда, он ничего не писал и о вслед за этим народившихся детях, см. далее). Первая, она же и последняя запись о новом ребёнке появляется в одном из них в июне 1892 г. в связи с тяжёлой болезнью несчастной крохи: «У нас в доме, в моей семье […] готовится большое горе. Младшая дочка, Олечка, Ольгунька, так я её называю, очень плоха. У неё дизентерия» (там же. Л. 72). Горе супругов было безмерно, но Г.А. не остался бы самим собой, если бы, не находя себе места от охватившего его отчаяния и возроптав на судьбу, не пустился бы в рассуждения о чудовищной несправедливости мироустройства. Он в этом время начал увлекаться идеями социал-дарвинизма и размышлять о благотворной роли естественного отбора в человеческом обществе (см. раздел 3.6), но столкнувшись с преждевременной смертью от болезней близких ему людей — сначала младшего брата Саши, а теперь вот и крохотной дочурки Олечки, едва начавшей жить, Григорий тут же забывает о своих «высоких идеях» (там же. Л. 73, 73об), и теперь ему

> кажется всё так несообразно, […] так лишено всякой разумности… Смерть от дизентерии… Ну какой тут смысл? Разве это какой-либо естественный отбор? Разве ребёнок, переживший, болезнь в грудном возрасте, тем самым доказывает свою приспособленность к жизни? Неправда! Он сможет выжить, но потом всю жизнь быть никуда негодным существом. А какой был смысл в смерти Саши от карбун-

Рис. 1.15. Групповая фотография Г.А. и М.А. Кожевниковых с детьми (слева направо) Еленой, Александром, Марией и Софией (1899 г.) (Прокофьева, 2002)

кула? Что же это за естественный отбор? […] Всё это какая-то нелепая случайность.

Согласно «Формулярному списку», в 1892 г. (т. е. на следующий год после смерти Олечки) у Кожевниковых родилась дочь Елена (ум. в 1985 г.), в 1894 г. — сын Александр (ум. в 1958 г.), в 1897 г. — дочь София (ум. в 1978 г.) (рис. 1.15) (там же. Ед. хр. 322). Ни эти события, ни последующие родительские хлопоты и заботы, по-видимому, по-прежнему не производили на Г. Кожевникова особо благоприятного впечатления; во всяком случае, они не нашли отражения на страницах его дневников. Но в августе 1911 г. в семействе случилось большое несчастье: от прогрессирующей саркомы позвоночника, поразившей спинной мозг, очень тяжело умерла старшая дочь Маша. Страшная болезнь постепенно развивалась на протяжении пяти лет, за год до смерти у девушки отнялась нижняя часть тела, она ужасно страдала от с трудом переносимых болей и держалась только на инъекциях морфия. Мария Александровна «почти совершенно обезумела от горя». Родители перевезли Машу в Ялту, где она и скончалась. Кожевников тогда же пишет из Ялты своему питерскому коллеге А.П. Семёнову-Тян-Шанскому в полном отчаянии: «Как трудно жить и как трудно осмыслить жизнь при таких жестоких и по существу неясных ударах судьбы» (СПбФ АРАН. Ф. 728. Оп. 2. Д. 498. Л. 194, 194 об). По этой причине Г.А. даже отменил официальные чествования в октябре того же года, назначенные в связи с 25-летием его первого выступления с научным докладом на заседании ОЛЕАЭ (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 355. Л. 1).

Впрочем, горе горем, а жизнь и работа продолжались своим чередом. Этим же письмом, исполненным печали по поводу безвременной кончины дочери, Кожевников сообщает коллеге о произведённых им энтомологических сборах «в Сапожковском уезде, когда [он] был приглашён туда бороться с саранчой» (в 1892 г., см. раздел 3.7) и отмечает, что поскольку он в то время «был юным и неопытен, […] с точки зре-

ния *строгой* систематики материал нуждается в пересмотре» (СПбФ АРАН. Ф. 728. Оп. 2. Д. 498. Л. 195об).

Обременённый разрастающейся семьёй, Г.А. Кожевников принуждён был всерьёз озаботиться совсем уж прозаическим и далеко не самым простым и потому мало приятным делом — добыванием денег для наполнения семейного бюджета. Старший брат Владимир держал Григория в пору его обучения почти что в «чёрном теле», приучив считать каждую копейку, — и эта привычка стала чуть ли не «второй натурой» юного мужа и отца семейства. До 1894 г. он оставался ассистентом Зоомузея вне штата[9], так что должен был искать хоть какой-то приработок «на стороне»; впрочем, таков был удел всех начинающих университетскую карьеру, кто по разным причинам не мог рассчитывать на чью-либо финансовую помощь. Ничего не умея делать, кроме науки и преподавания, в качестве источника средств к существованию он избрал платные публикации на разные темы по естественной истории, а также чтение публичных лекций. Своего рода «примером для подражания» ему отчасти служил Н.Ю. Зограф: в одном из дневников Г.А. помечает, «что хорошо бы писать [неразб.] вроде того, как пишет Зограф. [За это] деньги платят» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 355. Л. 60). И действительно, начиная со второй половины 1890-х гг. он публиковал в журнале «Естествознание и география», а также в газетах «Русские ведомости», «Новая Русь», «Утро России» и др., довольно много рецензий: в иные годы их число доходило до нескольких десятков (см. библиографический список в Приложении). Кроме того, в дневниковых записях Г.А. упоминается, что ему приходится давать платные уроки (там же. Ед. хр. 350).

Каждый мало-мальски заметный приход денег Григорий отмечает в своих дневниках: например, в сентябре 1890 г. записывает: «Вчера я получил гонорар за свою статью в [неразб.] в Помощи Самообразованию. Хотя дали денег мало — 38 р. за 1⅓ листа, но всё-таки это довольно приятно» (там же. Л. 60). В ноябре 1892 г. Григорий отмечает, что выступил «перед большой аудиторией со своей первой большой публичной лекцией», и его весьма радует не только то, что «хлопки тут не казённые», но и то, что «это платное зрелище» (там же. Л. 77). Вырезая свои газетные заметки и вклеивая их во что-то вроде «амбарной книги», Г.А. подле некоторых аккуратно записывает полученный гонорар. Так, за заметки о борьбе с малярией в 1903–1904 гг. в «Новом времени» было получено, согласно его пометкам рядом с соответствующими газетными вырезками, 25 р. 25 к., 26 р. 75 к., 35 р. 50 к. и 41 р. 02 к. (там же. Ед. хр. 136, 320).

В своей (неопубликованной) статье по поводу «одного из университетских вопросов», подготовленной в 1905 г., Г.А. ссылается на некую мать «одного интеллигентского семейства в Москве», которая «записывала в течение 16 лет своего замужества с точностью до одной копейки все расходы по домашнему хозяйству» (Кожевников, 1905б. Л. 13 [рук.]). Есть косвенные основания предполагать, что он имел в виду свою супругу; если это верно, то Мария Александровна не менее Григория Александровича была склонна скрупулёзно вести «бухгалтерский учёт» семейного бюджета.

Понятно, что особо положительных эмоций от такого рода деятельности наш герой не испытывал. Она отвлекала Кожевникова от той работы, которую он почитал превыше всего, — от науки, и тем самым служила одной из причин его раздражённого состояния. На всё это накладывались какие-то мелкие неурядицы, какая-то суета в Зоомузее, пребывание в коем на низшей должности не приносило ему ощущения своей значимости и чаемого удовлетворения от работы. Он осознаёт, что «всё это тяжёлое настроение, всё это результат той собачьей жизни, которой живёт “деловой”

[9] Следует напомнить, что такие внештатные сотрудники не оставались вовсе без жалованья; но оно было мизерным, поскольку выплачивалось не из бюджетных средств, а из специальных, в нашем случае зарабатываемых самим музеем (Кожевников, 1905б).

человек. Вечно хлопоты, думы, подстраивание разных делишек, интриги, умственное напряжение, всё это борьба, борьба и конец света. […] Дрязги. Отвратительная атмосфера» (там же. Ед. хр. 136. Л. 61). Теперь его откровенно раздражает и даже злит та кипучая организационная деятельность, которую неустанно развивает А.П. Богданов: Кожевников не видит в ней никакой «науки», а одну лишь сплошную «показуху», которую он называет «пуфом» (там же. Л. 70об, 74; см. также раздел 3.8).

Финансовое положение семьи отчасти наладилось после того, как Г.А. Кожевникова назначили штатным ассистентом и вскорости хранителем Зоомузея. Его дела пришли в относительный порядок после назначения экстраординарным, а затем и ординарным профессором и заведующим Кафедрой зоологии МУ и Измайловской пасекой. В университетском отчёте за 1913 г. записано, что в год положено ему было «жалованья 2400 р., столовых 300 р.» (Отчёт…, 1914а, с. 151)[10]. Но вряд ли этих денег хватало на что-то существенно большее, чем просто скромный (по тем временам) достаток: в одной из своих журнальных статей за 1916 г. Г.А. сетует на то, что «профессора, приват-доценты, ассистенты, зоологи» зарабатывают «свой хлеб насущный умственным трудом, наиболее скудно оплачиваемым из всех видов труда» (Кожевников, 1916а, с. 302).

Повзрослев, дети Кожевниковых по крайней мере отчасти обрели самостоятельность: сын Александр получил юридическое образование и устроился юрисконсультом, дочери же вышли замуж и стали жить своими семьями. Как упомянуто выше, мужем Елены (её в семье обычно называли Лёлей, Лёлечкой, Лёлинькой) (рис. 1.16) стал её двоюродный кузен Григорий — один из сыновей З.А. Прокофьевой

Рис. 1.16. Фотопортрет Елены (Лёли) Кожевниковой, средней дочери Г.А. Кожевникова (1900-е гг.) (Прокофьева, 2002)

(Прокофьева, 2002); в одном из писем Марии Александровны рядом упомянуты Лёля и «зять мой Прокофьев» (СПбФ АРАН. Ф. 261. Оп. 2. Д. 17. Л. 1). Лёля была «художественной натурой»: унаследовала от матери любовь к поэзии и гимназистской водила дружбу с М. Цветаевой, посвятившей Лёле одно из ранних стихотворений; хорошо рисовала (см. выше портрет З.А. Прокофьевой её руки) и занималась в художественной школе под руководством К. Юона и И. Дудина. Они с мужем станут жить в том же доме, что и Зинаида Александровна, а в 1920-е гг. переедут в один из отдалённых (по тогдашним понятиям) московских районов, ютясь в тесной коммуналке (Прокофьева, 2002).

Мужем дочери Софьи (родные звали её Соней, Сонечкой) стал невропатолог Дмитрий

[10] Приблизительный курс «николаевского» рубля 1913 г. по отношению к рублю 2010 г. составлял 1040 руб. 55 коп. (https://www.krasplace.ru/ceny-1913-goda-v-sovremennyx-rublyax); в свете новейшей девальвации рубля эту цифру следует, видимо, удвоить. Таким образом, месячный доход Г.А. Кожевникова в нынешнем эквиваленте составлял более 400 тыс. руб.

Рис. 1.17. Надгробия над могилами детей Г.А. и М.А. Кожевниковых — сына Александра (слева) и дочери Софьи (справа) — в семейном захоронении на Ваганьковском кладбище (Москва, фото 05.2024)

Афанасьевич Шамбуров (1887–1963): об этом можно судить по некоторым письмам М.А. Кожевниковой и ряду других признаков. Так, Мария Александровна, упоминая Соню, пишет о «моём зяте Шамбурове» и указывает его как «ассистента Ливерия Осиповича»: последний — это, очевидно, невропатолог Л.О. Даркшевич (уж очень редкое сочетание имени и отчества), живший и работавший с 1917 г. в Москве (Амиров и др., 2008). Ещё в одном письме М.А. пишет: «Сегодня Дим. Афан. обедал у меня с Соней» (СПбФ АРАН. Ф. 261. Оп. 2. Д. 17. Л. 1, 3об, 8). Наконец, на Ваганьковском кладбище в Москве в месте захоронения Г.А. и М.А. Кожевниковых есть надгробие, на котором написано: «Шамбурова София Григорьевна. 26.03.1897–7.08.1978»: очевидно, это их дочь Софья (рис. 1.17); дата рождения указана в новом стиле и поэтому расходится с датой в «Формулярном списке», см. выше[11].

Со временем у четы Кожевниковых появились внук и внучка, о которых Мария Александровна упоминает по разным поводам в своих письмах; они запечатлены на фотографии со своей бабушкой (см. далее).

Отношение Г.А. Кожевникова к членам своего семейства было достаточно специфическим: об этом можно судить из его письма к Л.И. Кашиной от 08.1925 г. (ОНФ ГМЗ-7282). Наш герой чётко разделял любовь и дружбу: «Дружба и любовь почти никогда не совпадают. […] Моя жена мне не друг. Мои дочери и я менее всего друзья, хотя я своих милых девочек люблю. […] С своим покойным братом Александром я не был другом». Любовь Г.А. к своим домочадцам проявлялась в том, что он принимал близко к сердцу их проблемы и неизменно заботился о них. А дружба? — «дружба требует полной откровенности», которой, по всей видимости, со стороны Кожевникова не было…

***

Бурные революционные события 1917 г. резко обрушили привычный заведённый порядок жизни семьи Кожевниковых, как и подавляющего большинства людей их круга. Денежное довольствие существенно сократилось, бытовые условия значительно ухудшились, семья же при этом заметно увеличилась. По свидетельству Б.С. Кузина, в университетской квартире Г.А. в то время проживали его сын Александр и одна из дочерей (возможно, Елена) (Кузин, 1999). Кроме того, после смерти старшего брата летом 1917 г. Григорию Александровичу пришлось оформить опекунство (вместе с вдовой брата Анной Васильевной) над его осиротевшими детьми Александром и Анной (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 359):

[11] Попутно заметим, что в семейном захоронении Кожевниковых покоится также прах их сына Александра (тот же рис.).

они жили со своей матерью, но опекунство предполагало регулярное денежное вспомоществование. Всё это вызывает у главы семьи сильную тревогу за ближайшее будущее, и он пишет А.П. Семёнову-Тян-Шанскому (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 271об–273об):

> Настроение гнусное. Работать мудрено. Наше положение в университете висит на волоске. Нас могут "прикрыть" и упразднить. Чем тогда снискивать пропитание? Процентные бумаги обесценены, земля отнята. Положение может стать критическим. У меня на руках неработоспособные жена и дочь (слабые лёгкие […]) и сын хоть работоспособный, но безработный. Впервые в жизни возник вопрос о куске хлеба в буквальном смысле слова. […] Шансы погибнуть теперь весьма велики. У меня какие-то жуткие предчувствия.

Эти строки были написаны в январе 1917 г., когда жизненные и иные неурядицы только-только начинались. Подобно многим своим коллегам и знакомым, Г.А. опасался, что «неспокойные времена […] могут продержаться в течение нескольких месяцев, когда не вполне обеспечена личная и имущественная безопасность»; но о том, что эти «неспокойные времена» растянутся на многие годы и их «неспокойность» будет со временем только усиливаться, вряд ли кто предполагал. Из-за обоснованной тревоги за судьбу родных у Кожевникова «возникает вопрос, уместно ли в такое время уезжать на 2 месяца от своего дома на Байкал» (там же. Л. 286): речь идёт о Байкальской экспедиции летом 1917 г. (см. раздел 3.7), в которую Г.А. по собственному почину не поехал.

Несколько позже к нарастающему повседневному неустройству, к которому Г.А. Кожевников совершенно не был подготовлен своей прежней профессорской жизнью, добавилось оскорбительное по сути и по форме «обезличивание» его достижений на службе в МУ. Согласно соответствующему декрету, принятому новой властью в конце 1917 г. (Декрет…, 1917), всю университетскую профессуру лишили гражданских чинов и званий — и, разумеется, сопутствующих им денежных прибавок. А в 1919 г. у Г.А. конфисковали все награды, приравняв их к «лому драгметаллов», причём при их изъятии из банковской ячейки, где они хранились, заодно прихватили и все процентные бумаги, о чём их владельцу была выдана копия протокола (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 361). Все эти невзгоды лишают нашего героя прежнего оптимизма, и он жалуется: «Грустно […] чувствовать, что стареешь» (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2 Д. 498 Л. 345об).

Бытовые неудобства семьи Кожевниковых, как и всех более-менее зажиточных граждан, имевших возможность занимать достаточно большие апартаменты, усилились в связи с декретированным большевиками в конце 1917 г. так называемым «уплотнением». Было установлено, что взрослым гражданам полагается занимать для личного проживания не более одной комнаты, все прочие помещения прежде занимаемых ими больших квартир и тем более домов подлежали заселению неимущими. Кожевниковы, как было указано выше, проживали в 8-комнатной квартире в торцовой части Зоологического корпуса по Большой Никитской; согласно удостоверению, выданному в 1920 г. Домовым комитетом старого здания университета, в ней две комнаты занимал сам профессор (точнее, его рабочий кабинет и библиотека), по одной комнате занимали его жена, сын и одна из дочерей (Елена), а также прислуга (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 360).

Чтобы избежать принудительного «уплотнения», чреватого подселением к нему невесть кого, Григорий Александрович предпринял упреждающий шаг в форме так называемого «самоуплотения». В начале 1918 г. он отвёл две комнаты своей квартиры «под аквариумное отделение Зоологического музея», каковые комнаты благодаря этому перестали быть жилыми, а превратились в музейные помещения, в этом качестве они и указаны в только что упомянутом удостоверении. Через несколько месяцев в порядке всё того же «самоуплотения» Кожевников вселил в свою квартиру «по взаимному соглашению ассистента […] И.И. Месяцева и оставленного при университете Л.А. Зенке-

вича», на что получил разрешение от правления МУ (там же). Наконец, опираясь на декрет Совнаркома и постановление Наркомпроса об охране частных библиотек, принятые в 1918 и 1919 гг. (Радишаускайте, 2019), Г.А. в августе 1919 г. заручился «Охранной грамотой», выданной Московским библиотечным отделом Наркомпроса, согласно которой «библиотека профес. Григория Александровича, временно оставленная в его пользование, […] реквизиции не подлежит», причём «без согласия Народного комиссариата по просвещению […] помещения, занятые библиотеками, не подлежат ни реквизиции, ни уплотнению» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 328. Л. б/н).

Из-за грандиозной разрухи, вызванной революцией и последующей Гражданской войной, трудности нарастали лавинообразно, и теперь по службе приходилось заниматься добыванием всяческих мелочей и беготнёй по разным инстанциям, размножающимся наподобие грибов-поганок, для получения разнообразных справок и разрешений. Г.А. Кожевников пишет в письме (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 321об, 345об), что чувствует

> себя дурно от холода, недоедания и пожалуй больше всего — от вредных *трений* теперешней жизни. […] Работать почти невозможно из-за суеты и всяких трений. Энергия уходит на “трения”. […] Чтобы достать гвоздей для пасеки, пришлось двоим лицам хлопотать 2 месяца. Более месяца идут хлопоты на покупку реактивов. Спички, мыло для лаборатории — всё это целое “событие”. Вот это “трение” и в мелочах, и в серьёзном уничтожает полезное действие не только общественной машины, но и личности. […] Всякая работа замерла.

В первые послереволюционные годы особую проблему составила нехватка продуктов питания, отчасти начавшаяся ещё в годы 1-й Мировой войны. В 1918 г. Наркомпрод ввёл систему так называемого «классового продовольственного пайка», согласно которой население городов было разделено на четыре категории, принадлежность к ним указывалась в продуктовых карточках: первую категорию составляли рабочие, они получали наибольшие пайки; меньше всего обеспечивались питанием «официально» неработающие граждане, отнесённые к четвёртой категории (Ходяков, 2021). Как свидетельствует о себе сам Г.А. Кожевников в записке, направленной в Научный отдел Наркомпроса, он был причислен к третьей категории; находящихся же на его иждивении супругу и проживавших вместе с ним взрослых детей, которые нигде не работали (см. выше), скорее всего, отнесли к четвёртой категории. Жалуясь на «несомненно тяжёлые материальные обстоятельства», которые «крайне неблагоприятно отражаются на научной работе», он пишет, что «лично в течение нескольких недель не получил ни одного куска хлеба по карточкам, т. к. [его] выдавали только лицам, занимающимся физическим трудом по добавочным карточкам». При этом «получаемое профессорами пока жалование при нынешней дороговизне уже не обеспечивает их питания», так что он не может «покупать ни мяса, ни масла» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 272а. Л. б/н; дата не указана, вероятно, самое начало 1920-х гг.).

Жалобам своего мужа вторит Мария Александровна в письмах к А.А. Тихомирову (об их переписке см. ниже); в одном из них она пишет: «С хозяйством трудно: масла нет никакого, из-за чёрного хлеба приходится ходить на рынок, в булочных его нет. […] За яйцами большая очередь, да и редко бывают» (СПбФ АРАН. Ф. 261. Оп. 2. Д. 17. Л. 13, 13об). Из этих писем мы узнаём, что с одеждой тоже была беда: что-то от времени ветшало, что-то крали самым бесстыдным образом, так что М.А. Кожевниковой приходилось заниматься дома пошивочно-ремонтными делами, чтобы обеспечить себя и супруга более-менее пристойным внешним видом. Понятно, что особо привередничать в такой ситуации не получалось: так, после покражи запасённой летней одежды в Измайлове она «сшила себе юбку и 2 блузки, с чем [надеется] обойтись до осени». Своё общее впечатление от происходящего

М.А. выражает одним очень ёмким словом: «Жутковато» (там же. Л. 15, 15об).

Вдобавок ко всем бедам мать Г.А. Кожевникова осенью 1918 г. «психически заболела», и он был «вынужден взять её к себе» (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 311). Предположительно в 1920 г. с Марией Григорьевной случился инсульт с частичным параличом (диагностирован Д.А. Шамбуровым), и более чем пожилая женщина стала совсем беспомощной, требовавшей неустанной заботы[12]. По-видимому, именно это печальное обстоятельство имеет в виду Мария Александровна, когда упоминает некую «нашу дорогую больную» в своём письме к А.А. Тихомирову в ноябре 1924 г. (СПбФ АРАН. Ф. 261. Оп. 2. Д. 17. Л. 3об).

Совсем худо дела обстояли у четы Шамбуровых — Дмитрия и Софьи, переехавших в Крым и живших в Ялте (видимо, у родственников мужа); об этом Кожевниковы рассказывают в письмах к А.А. Тихомирову. Григорий Александрович в 1918 г. пишет, что «от Сони получил печальные письма — муж неизвестно где, она без места и без денег. […] первое письмо было до, второе после разгрома Ялты»[13], а Мария Александровна в 1923 г. сообщает, что «приходится много работать, потому что мои родные в Ялте опять без куска хлеба […] никто почти не зарабатывает. […] Лёлечка послала им пуд пшена» и она сама экскурсиями в Зоомузее сколько-то «заработала для своих голодных ялтинцев» (там же. Ф. 261. Оп. 2. Д. 16. Л. 1; Д. 17. Л. 28). В 1924 г. супружеская чета «ялтинцев» перебралась в Москву, Д.А. Шамбуров устроился на работу по специальности (в 1924–1931 гг. возглавлял неврологическую клинику), и они зажили своим более-менее обустроенным хозяйством. М.А. Кожевникова упоминает об их визитах к ним в 1928 г., а глава

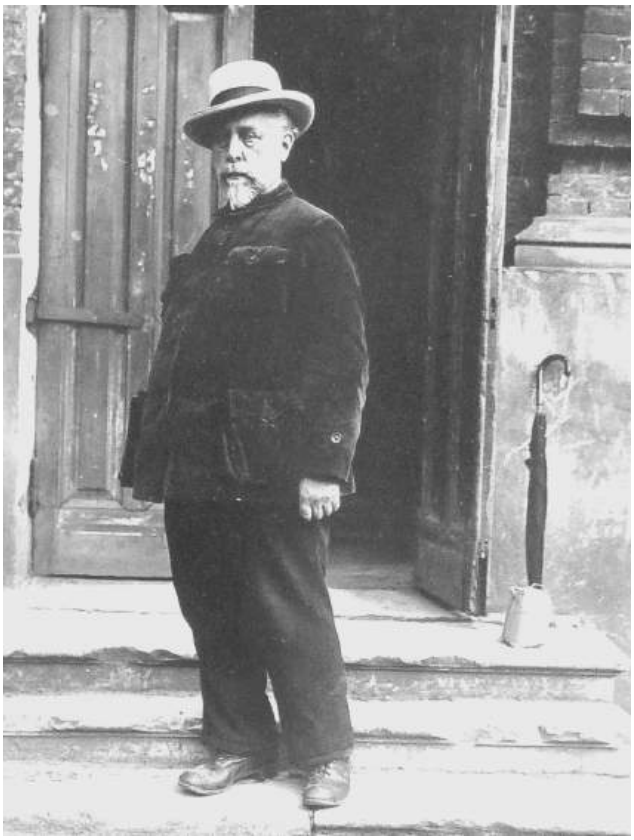

Рис. 1.18. Фотография Г.А. Кожевникова (весна 1924 г.) на крыльце своей университетской квартиры со двора (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 388)

семейства позже частенько захаживал к дочери Соне в гости, помечая в ежедневнике для памяти дни своих предполагаемых визитов.

Основным «добытчиком» в семье Кожевниковых в послереволюционные годы, как и прежде, был конечно же Григорий Александрович, который с января 1919 г. утвердился в профессорской должности в МУ (рис. 1.18) (см. раздел 2.3). Но, разумеется, из-за дороговизны и безудержной инфляции его жалования и «ничтожной пенсии» его супруги катастрофически не хватало на семейные расходы. Поэтому, как и прежде, он искал всевозможные приработки на стороне и аккуратно их записывал: например, согласно отметкам в его ежедневнике конца 1920-х и начала 1930-х гг. отмечено, что «получил из Сберкассы 75 р.», «Получил 20 р. от Рулина за 4 занятия с курсом бактериологов» и т. п. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 352 Л. 3, 4). Чтобы как-то пополнить семейный бюджет, Г.А. покупал лотерейные билеты и облигации:

[12] Предположение об этой дате основано на том, что в протоколе заседания МОИП от 16 сентября 1920 г. упомянуто «о несчастье, постигшем» Г.А. (АрхМОИП. Д. 1017. Л. 7).

[13] Видимо, имеется в виду эпизод Гражданской войны, случившийся в феврале 1918 г. в окрестностях Ялты (http://starosti.ru/archive.php?y=1918&m=02&d=06).

Рис. 1.19. Фотография М.А. Кожевниковой с внуками (1920-е гг.) (кадр из фильма «Григорий Александрович Кожевников. “Проклятый вопрос”» на YouTube, время кадра 5.33, https://youtube.com/watch?v=1Reu_1vDl2U&feature=share)

на одной из страниц его ежедневника (без даты) заботливо выписаны серии и номера выигрышных билетов (там же. Л. 95).

Мария Александровна с возрастом, невзирая на все бытовые и иные невзгоды, стала весьма респектабельной дамой, преисполненной чувством собственного достоинства профессорской женой (рис. 1.19). При всём при этом она принуждена была, помимо домашних забот, тратить много сил на зарабатывание денег, трудясь в основном в Зоомузее (СПбФ АРАН. Ф. 261. Оп. 2. Д. 17). М.А. водила экскурсии, устраивала воскресные чтения, и когда ради приработка приходилось вести без перерыва несколько школьных групп, уставала «до тошноты». Кроме того, ей поручалось дежурить в экспозиционном зале музея по 4–5 раз в неделю — официально в роли билетёрши-смотрительницы, но также при необходимости для объяснения экспонатов посетителям. За свои труды Кожевникова получала какие-то деньги, причём считала свой заработок «большим». Наконец, в середине 1920-х гг. М.А., опираясь на свои ранее приобретённые познания в зоологии, иногда проводила занятия в студенческом кружке (Михайлов, 2002). В марте 1923 г. она пишет в письме О.О. Тихомировой: «Мой единственный свободный день — суббота — идёт на уборку комнаты, починку, покупку […]. Вечером готовлюсь к объяснениям в музее и урокам» (СПбФ АРАН. Ф. 261. Оп. 2. Д. 17. Л. 10об).

Важно отметить, что М.А. Кожевникова растрачивала в стенах музея свои силы и здоровье не столько «корысти ради», сколько из благородных побуждений, при этом не забывая о благотворительности. Значительную часть заработка она отправляла «своим голодным ялтинцам» (там же. Л. 2об), о чём мы написали выше; в одном из писем сообщает, что «взяла себе студента-сотрудника для объяснений в музее, хотя и немного, но я хочу поделиться с нуждающимся» (там же. Л. 5). В другом её письме упоминается некая знакомая 12-летняя девочка, с которой Кожевникова дважды в неделю занималась французским и арифметикой бесплатно (там же. Л. 18об). М.А. находила время и для того, чтобы приобщать к азам зоологии своего внука: учила его препарировать лягушек и рыб, старалась пробудить интерес к чтению литературы по биологии, для ознакомления с эволюционной идеей ходила с ним в Палеонтологический кабинет (там же. Л. 5, 7).

Справедливости ради стоит всё же сказать, что более чем скромного (по прежним меркам) достатка Кожевниковым хватало на то, чтобы и в эту тяжёлую пору сохранять хоть какие-то

остатки привычной жизни «по-профессорски». У них была прислуга, по всей видимости жившая с ними, — пожилая женщина, которую все называли Ириной, «унаследованная» с дореволюционных времён и ставшая чуть ли не ещё одним членом семейства (Кузин, 1999).

Последние годы многотрудной семейной жизни четы Кожевниковых, как и прежде, по-видимому, представляли собой чередование мирного сосуществования и горячих споров. В первые годы брака, как мы отмечали выше на основании дневниковых записей главы семейства, Григорий и Мария далеко не всегда находили точки согласия как по важным вопросам, так и по мелочам, были горячи в своих суждениях об окружающей действительности и друг о друге и весьма резки в их словесных выражениях. Надо полагать, что со временем остепенившись, они едва ли сильно изменились в характерах; вероятно даже, что послереволюционные бытовые и иные невзгоды, в качестве мощного стресс-фактора сильно давившие на психику и отнюдь не способствовавшие душевному равновесию, могли избыточно провоцировать нервные срывы и семейные распри. По свидетельству Б.С. Кузина — одного из учеников профессора, ставшего близким другом его семейства, на воспоминания которого мы будем далее не раз ссылаться, он «неоднократно при посещении их дома […] заставал супругов за каким-нибудь горячим спором […], в ходе которого сыпались взаимные обвинения и фразы, как: “Маша, ты говоришь страшные глупости” или “Гриша, ты совсем сошёл с ума”» (там же, с. 74). Мария Александровна в особо острых (с её точки зрения) ситуациях могла впадать в форменную истерику: так, например, случилось в некой истории с крысой, пробравшейся в квартиру и настолько испугавшей пожилую женщину, что после изгнания наглого голохвостого грызуна, как пишет Кузин, та обрушилась на своего ни в чём ни повинного супруга с криком: «Гриша, ты дурак, дурак, дурак! Вот я и при твоём ученике скажу — ты дурак» (там же, с. 70). Впрочем, в многочисленных письмах этой поры (дневники, которым Г.А. ранее поверял свои переживания, в 1920-е гг. он не вёл) супруги воздерживались от «вынесения сора из избы» — и других проблем хватало. Напротив того, М.А. неизменно называла в письмах своего мужа Гришей и иной раз даже Гришенькой, с добрым юмором отмечая, например, что он «здоров и […] нагуливает 7-й пуд» (СПбФ АРАН Ф. 261. Оп. 2. Д. 17 Л. 1об). И вот, вынужденный в 1929 г. подвести итог свой 40-летней супружеской жизни, Г.А. Кожевников пишет, что она всё-таки была «счастливой» (СПбФ АРАН. Ф. 261. Оп. 2. Д. 499. Л. 68об) (см. далее).

Что касается сношений Григория Александровича со своим близким окружением, то с возрастом или, скорее, под влиянием внешних (главным образом служебных) обстоятельств, с которыми постоянно приходилось бороться, он становится не слишком общительным. Так, в начале 1926 г. Г.А. пишет Л.И. Кашиной (ГМЗЕ ОНФ-7297 Р-978):

> теперь у меня такое настроение, что мне приятнее всего сидеть дома. Людского общества я не люблю, чувствую, что и моё общество другим мало интересно (мне так кажется), чувствую, что я старею, жизнь не даёт ничего радостного. В таком случае надо или уйти в раковину, сидеть дома или, наоборот, широко развлекаться, выезжать и т. п. На последнее надо денег и подходящую компанию. Ни того, ни другого нет.

Мария же Александровна, напротив, сама немало страдая от разного рода недомоганий и уставая от непривычной для неё работы (о чём не раз упоминает в своих письмах), находила в себе душевные силы дарить всем, кто ей дорог, свою благорасположенность и любовь, сопереживать тем, кому было хуже неё, и за то получать в ответ пусть наверное и небольшие, но всё-таки заряды оптимизма. Как мы уже писали, она много времени уделяла учёбе своего внука, по возможности старалась поддерживать «дорогую больную» (вероятнее всего, свекровь), постоянно помнила о помощи своим «ялтинцам». Погружённая в заботы о родных и близких, Кожевникова очень переживает из-за того, что у её дочери Лёли «от непосиль-

ной работы и тревоги о муже […] страшные боли в желудке. [Ей] назначена строгая диета и лежание. Последнее невыполнимо, и бедная больная голодная Лёля работает как здоровая крестьянка» (СПбФ АРАН. Ф. 261. Оп. 2. Д. 17. Л. 1). Неподдельная душевная боль чувствуется в её строках, когда она описывает тяготы жизни детей ялтинских «аборигенов»: ради заработка «15-летняя Кира и 14-летний Георгий […] пасут коз, как прошлое лето, 17 коз с 9 утра до 6 вечера — это в Ялте, по горам, по жаре!» (там же. Л. 1об). И наоборот, искреннюю радость ей доставила женитьба её «племянницы Ольги, дочери покойного брата»; она была счастлива и за свою невестку, мать Ольги, которая «теперь получила большую радость», и сама радовалась тому, что «вся семья очень симпатичная» (там же. Л. 10, 10об).

С осени по весну, когда Григорий Александрович был занят университетскими и иными служебными и общественными делами, вся семья жила в Москве, нанося визиты родным и близким знакомым. В небольшой круг их постоянного общения входили (упоминаются в письмах и ежедневнике) в основном сослуживцы Кожевникова — дрессировщик и зоопсихолог В.Л. Дуров, зоологи Н.М. Кулагин и В.А. Дейнега, чета Титовых (пчеловоды), чета А.П. и М.В. Павловых (палеонтологи), Л.М. Цераская (университетская астрономша); через зятя Д.А. Шамбурова они поддерживали дружеские отношения с Л.О. Даркшевичем. Г.А. частенько захаживал в гости к дочери Софье, иногда также к своей старшей сестре Зине, напоминая себе о предстоящих визитах в своём ежедневнике; там же он аккуратно помечал дни рождения, именины и иные памятные даты своих родных и близких, по случаю которых надлежало бы посылать им поздравления (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 81об, 83). На протяжении 1920-х гг. Кожевников по-прежнему поддерживал тёплые отношения с Л.И. Кашиной, в которую был долго и безответно влюблён и к которой теперь иногда заглядывал на чай (см. раздел 6.2); по всей вероятности, Мария Александровна знала об этих отношениях, но в своих записях, которые мы видели, ни разу не упомянула означенную особу.

Не забывали Кожевниковы и о приобщении к высокой культуре, хотя, конечно, в послереволюционные годы культурная жизнь семейства по вполне понятным объективным причинам была сведена к минимуму. Так, в переписке Марии Александровны — во всяком случае, в той её части, которую нам удалось просмотреть, — где она довольно подробно описывает свой быт, лишь один раз упоминуто посещение театра в ноябре 1924 г.: «В субботу 2/15 Гриша водил меня после многих лет впервые в оперу, слушали “Евгения Онегина” с Собиновым». Музыкально образованная и любящая оперное искусство, М.А. отметила довольно низкое качество исполнения солистов, неудивительное в той всеобщей житейской неустроенности: «И у Собинова осталось ¼ голоса, и у других исполнителей были небольшие голоса», но всё-таки в целом «все пели хорошо, новая постановка очень изящна и [мы] получили большое удовольствие» (СПбФ АРАН. Ф. 261. Оп. 2. Д. 17. Л. 4об).

На лето семья разъезжалась: Григорий Александрович обыкновенно проводил летние месяцы в поездках по пасекам и в экспедициях, а Мария Александровна жила в Измайлове, где «во время жары […] чудесно», обычно со своей сестрой. Однако после смены руководства на пасеке в 1927 г. последняя быстро пришла в упадок (см. раздел 4.5). Всё это произвело на М.А. Кожевникову «тяжёлое впечатление» и она решила, что нынешнее «лето последнее; больше туда не поедем — гиблое место. […] условия жизни уже очень неприятные» (там же. Л. 10, 10об, 15, 15об). Увы, это высказанное замечание оказалось пророческим, но причина того, что М.А. больше не появится на пасеке, окажется гораздо более трагической, нежели просто непорядки в пасечном хозяйстве: этой причиной станет её тяжёлая болезнь и смерть (см. далее). Дочери же обыкновенно ездили летом в Полтавскую губ., где, видимо, осела «коренная» родня Марии Александровны (там же. Л. 15об).

Очень тесные и тёплые дружеские отношения многие годы связывали чету Кожевниковых, особенно Марию Александровну, с супружеской парой Тихомировых — с Александром Андреевичем и Ольгой Осиповной. Г.А. Кожевников был знаком с А.А. Тихомировым ещё с 1890-х гг. по работе в Зоологическом музее МУ, а в 1900-е гг. проф. Тихомиров сыграл в дальнейшей научной карьере своего протеже решающую роль, обеспечив его назначение на должность заведующего университетским Зоомузеем, а затем и Кафедрой зоологии (см. раздел 2.3). Как можно полагать, А.А. и Г.А. уже в то время связывали не только служебные, но отчасти и дружеские отношения, впрочем, при сохранении приличествующей разнице в возрасте и положении дистанции: так, наш герой в одной из своих памятных записок летом 1904 г. упоминает, что «О.О.» (имеется в виду Ольга Осиповна) разговаривала с М.А., а самому Г.А. дала некое «наставление» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 365. Л. б/н). На протяжении 1900-х и 1910-х гг. Тихомиров сделал довольно значительную чиновную карьеру по ведомству народного просвещения (см. раздел 2.1), но после революции был отставлен от всех должностей, лишён званий и наград, а также даже минимальной пенсии. Правда, в биографическом словаре российской профессуры, изданном в 2003 г., указано, что А.А. Тихомиров вроде бы служил профессором в Саратовском университете в 1920–1921 гг. (Волков, Куликова, 2003), но проверить это мы не смогли.

Многолетние дружеские отношения между А.А. Тихомировым и Г.А. Кожевниковым, патроном и протеже, сколь удивительны, столь и заслуживают большого уважения. Дело в том, что в мировоззренческом и научном отношениях эти две персоны были во многом антиподами: А.А. отвергал эволюционное учение, Г.А. безоговорочно исповедовал его. Эти отношения начали складываться, как можно полагать, в 1900-е гг.; общая беда, обрушившаяся на российскую профессуру в послереволюционное время, сильнее сблизила их, побудив забыть всяческие разногласия, поскольку в новых жизненных обстоятельствах они оказались фактически «по одну сторону баррикад».

Оставшись без работы и каких-либо достойных источников к существованию, чета Тихомировых поселилась в Сергиевом Посаде на ул. Комсомольской (бывшей Вифанской), д. 5. Как можно судить из писем к ним Марии Александровны, А.А. Тихомиров, по-видимому, хлопотал о назначении ему пенсии и каких-то вспомоществований от ЦЕКУБУ (СПбФ АРАН. Ф. 261. Оп. 2. Д. 17. Л. 6об, 13об, 19об), но дало ли это какой-то результат, неясно. Между тем Александр Андреевич по-прежнему интересовался зоологическими делами и даже что-то пытался сочинять: Григорий Александрович сообщает ему в конце 1923 г. в одном из своих писем, что «Ваш учебник ещё не печатается, а он был сдан 1-го октября» (там же. Д. 16. Л. 3об). В других письмах Г.А. сообщает о разных делах в Зоомузее: «В университете, как всегда, не хватает денег. Тут вспоминается иное изречение “так было, так будет!”»; «На хорах устроили “клетки”, как в старом музее. Студентов очень мало, но кроме них теперь целая серия “дипломников”» (там же. Л. 7, 8об).

В такой тяжёлой ситуации Кожевниковы по мере возможности поддерживали Тихомировых материально и морально. Для их материальной поддержки Г.А. организовал нечто вроде «подписного листа» для сбора денег, причём держал эту акцию в секрете о своего бывшего покровителя (ГМЗ ОНФ-7249). Добровольный взнос составлял от трёх до пяти руб. с персоны, но в результате могла выходить значительная сумма — до 50 р. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 4об). Моральной же поддержкой служили визиты Кожевниковых в Сергиев Посад и письма, особенно многочисленные от Марии Александровны, преисполненные неподдельной теплотой и всяческими бытовыми деталями, о которых уместно сообщать только очень близким людям, — например, о глажении и починке белья, о покупке чулок и т. п. Концовки её писем также были очень нежными, например: «Обнимаю дорогую Ольгу Осипов-

Рис. 1.20. Надгробие М.А. Кожевниковой на Ваганьковском кладбище (Москва, фото 05.2024)

ну, целую вас в лобик» (СПбФ АРАН. Ф. 261. Оп. 2. Д. 17. Л. 7об).

***

В жизни семьи Кожевниковых 1929 г. стал трагически-переломным. В начале августа Григорий Александрович сообщает в письме к А.П. Семёнову-Тян-Шанскому (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 499. Л. 68, 68об), что его «постигло тяжёлое горе» — у Марии Александровны обнаружена

> злокачественная опухоль в толстой кишке и если будет сделана операция, то шансы на успех 25–30%. Сейчас она лежит предварительно взрезанная, т. к. получилась *полная* непроходимость кишечника, потребовалась его опорожнение через фистулу в стенке живота, и вот когда эту срочную операцию проводили, то увидали, что кишки не засорены, что есть *зарастание* вследствие опухоли. […] Приходится думать о тяжёлой операции, иначе 100% гибели через 1 год, maximum 1½… Вот трагический финал 40 лет счастливой супружеской жизни!

Была ли сделана операция или нет, неясно. Как бы там ни было, Мария Александровна скончалась 8 сентября, т. е. всего лишь через месяц после обнаружения у ней страшного недуга; об этом Г.А. сообщает своему ленинградскому корреспонденту короткой открытой на следующий день (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 499. Л. 78). М.А. похоронили на Ваганьковском кладбище (рис. 1.20). Эта душевная рана долго не заживала, и Григорий Александрович пишет А.П. Семёнову-Тян-Шанскому в январе 1931 г.: «40 лет счастливой супружеской жизни» не прошли бесследно, в душе царит «психическая депрессия. Я никогда не был так угнетён обстоятельствами, как теперь. […] Основная травма — смерть жены, хотя прошло 16 месяцев, составляет общий *фон* моей психики» (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 499. Л. 93). На это наложилось увольнение Кожевникова со всех основных профессорских постов — и заведующего кафедрой (с лишением права читать лекции на бывшей «своей» кафедре), и с должности директора Зоомузея. В общем, жизнь стремительно «пошла под откос»…

После кончины Марии Александровны перед Г.А. Кожевниковым вновь встал неприятный вопрос «уплотнения» его квартиры, число комнат в которой оказалось «излишним», принимая во внимание тот факт, что в его распоряжении находился ещё и рабочий кабинет, полагающийся ему как директору Зоомузея и действительному члену НИИЗа. Как и прежде, желая избежать возможных неприятностей от непрошеных «подселенцев», Г.А. предпринял упреждающие меры и в ноябре 1929 г. предложил Правлению МУ несколько щадящих вариантов пресловутого «самоуплотнения», один из которых был таким: передать «для нужд лаборатории [его] музейский кабинет» и чтобы его «комната № 6 в квартире № 65 была […] изъята из состава квартиры и причислена к Зоологическому музею как одна из рабочих комнат, предназначенная для директора Зоолo-

гического музея», а в случае положительного решения из этой комнаты «будет удалено всё, кроме зоологических книг и шкафа с зоологическими материалами и реактивами» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 360. Л. б/н).

Вопрос о жилье, как можно полагать, стал особенно острым после окончательного изгнания Кожевникова из МУ, поскольку занимаемая им квартира была, как нынче принято говорить, ведомственной. В университетском архиве сохранилась почтовая открытка, посланная Г.А. в августе 1931 г. по прежнему адресу «ул. Герцена, д. 6, кв. 65» (там же. Ед. хр. 585. Л. 1140). Однако, видимо, над профессором висела угроза выселения из университетской ведомственной квартиры, и ему пришлось хлопотать о новом ведомственном жилье перед руководством Тропического института Наркомздрава, куда его трудоустроили в 1930 г. (см. раздел 3.7), о чём Г.А. упоминает в дневниковой записи за январь 1931 г.: «Был на Погодинской[14] по вопросу о бронировке квартиры. Беседовал со Смородиновым» (там же. Ед. хр. 208. Л. 2).

Впрочем, как видно из записей Г.А. в ежедневнике, общий порядок его быта после кончины супруги первоначально мало изменился. Он по-прежнему делал визиты к знакомым, чаще других к Дурову и к Кашиной; из родных обычно виделся с дочерьми, называя их Сонечка (с ней чаще всего) и Лёлечка, иногда также с Зинаидой.

***

По свидетельству Б.С. Кузина, «довольно скоро после смерти Марии Александровны Г.А. женился» повторно (Кузин, 1999, с. 75). Предположительно по этому поводу в ежедневнике Кожевникова от 27 ноября 1932 г. есть такая заслуживающая внимания сухая запись: «Годовщина бракосочетания» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 351. Л. 28об); он не указывает, чьё именно «бракосочетание» имеется в виду, но можно с высоким вероятием полагать, что речь идёт именно о его вступлении во второй брак, состоявшемся, таким образом, в ноябре 1931 г. Его новой супругой стала некая Полина Яковлевна (её фамилия в доступных нам источниках не указана), которая до того служила лаборанткой на Тульской опытной станции, а Г.А. пригласил её в Москву в связи с запланированным изучением дикой индийской пчелы из Приморья (о дате появления П.Я. в Зоомузее Кузин не упоминает). «На вид ей было лет около 30», Кузин отзывается о ней весьма нелестно, причём пишет, что «с первого своего появления в музее она всем сильно не понравилась. За ней установилось прозвище “дура с коком” и другое, совсем непристойное» (Кузин, 1999, с. 75).

Некоторая кажущаяся странность этой женитьбы заключалась в том, что она практически не оставила следа в архивных материалах Г.А. Кожевникова. В виденных нами ежедневниках, в которых он ближе к концу своей жизни записывал все планируемые им сколько-нибудь значимые мероприятия (заседания, визиты к коллегам и родным, памятные даты и т. п), имя Полины упоминается лишь несколько раз, причем в весьма «нейтральном» контексте. Одна из записей «Выходные Полина» сделана 24 сентября 1932 г.; через несколько дней он отмечает, что «Полина была у прокурора по поводу квартиры». Ещё одна запись, сделанная в общем списке памятных дат, указывает «18 янв. Именины Полины», причём она стоит после записи «день рожд[ения] Лидии» (очевидно, имеется в виду Л.И. Кашина) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 351. Л. 44об, 83). Примечательна запись осенью 1931 г. в ежедневнике Г.А. о спектакле «Ревизор» в Малом театре и о балете «Лебединое озеро» в Большом (там же. Л. 4об, 9): весьма вероятно, что это был период его «женихания» с будущей второй супругой, когда Кожевников водил П.Я. в театры.

Как вспоминает Б.С. Кузин, Г.А. Кожевников женился на Полине «не потихоньку и не конфузясь, но напротив — заявив о своей женитьбе громогласно». Он об этом «сообщил окружающим […]. И прежде всего — начальству, т. е. деканше А.М. Быховской», которая «приветствовала такое поведение и поздравила его» (Кузин, 1999, с. 76). И всё же новая жена,

[14] На Погодинской ул. был расположен комплекс административных зданий Наркомздрава.

видимо, не принесла в семью Григория Александровича желанного покоя и эмоционального комфорта. Дети его отнеслись к повторной женитьбе своего отца неодобрительно, «особенно дочери, объявившие Г.А., что они не желают иметь дело с его новой супругой и не станут посещать отца на его квартире» (там же). Сам он «всё больше производил впечатление человека, выбитого из колеи. Особенно это было заметно по его внешности, отражающей отсутствие домашней заботы о нём». «Полина, очевидно, никак не присматривала за мужем», из-за чего в его туалете, которому «он никогда не уделял особого внимания […] теперь появились явные признаки неряшества» (там же, с. 76, 79).

Впрочем, вряд ли можно было бы ожидать иного настроения в человеке, на которого в последние два года его жизни один за другим сыпались тяжёлые удары — по форме служебные, но по сути очень личные, принимая во внимание искреннюю преданность Г.А. Кожевникова своим идеям, которые оказались несовместимыми с требованиями новых властей. Возможно, его повторный брак был отчаянной попыткой обрести хоть какое-то прибежище во вновь выстраиваемых тихих семейных радостях. Увы, этого не получилось — сердце нашего героя не вынесло полного краха его жизненных устремлений (см. раздел 5.4) и он в конце января 1933 г. сошёл в могилу.

ГЛАВА 2. ВСЯ ЖИЗНЬ — В УНИВЕРСИТЕТЕ

По завершении учёбы в 1889 г. Г.А. Кожевников поменял свой статус в университетской «табели о рангах»: вчерашний студент, закончивший курс кандидатом, был оставлен при МУ для подготовки докторской диссертации. С тех пор фактически на всю жизнь его основная профессиональная деятельность оказалась связанной с университетской зоологией, а точнее — с Кафедрой зоологии и с Зоологическим музеем при МУ.

Надобно заметить, что оставление при университете, согласно действующему университетскому Уставу от 1863 г., имело вполне официальный статус и считалось весьма значимым событием в жизни всякого молодого человека, мечтающего стать учёным или преподавателем (что тогда обычно было одно и то же). Оно во многом соответствовало нынешнему поступлению в аспирантуру и фактически обозначало первый шаг на пути карьерного роста, который должен был завершиться получением икомого профессорского звания (Кожевников, 1911а). Как писал будущий известный зоолог-экспериментатор Н.К. Кольцов, закончивший Кафедру сравнительной анатомии ФМФ в 1894 г., быть выпускнику оставленным при МУ означало его фактическое причисление к сонму служителей университета, пусть и на начальной ступени (Кольцов, 1909). Вторя ему, Б.С. Кузин, один из учеников героя нашей книги, воспоминал, что «такое оставление было делом нешуточным, и выпадало оно на долю наиболее проявивших себя в науке оканчивающих студентов» (Кузин, 1999, с. 65–66).

Забегая вперёд, следует отметить, что много позже Г.А. Кожевников, уже став профессором зоологии и *post factum* осознав всю значимость этого серьёзного шага на «тяжком пути познания», в 1916 г. составит специальную многостраничную «Инструкцию оставляемому при И.М. Университете». Подчёркивая в ней особую событийность такого оставления, он объявляет своё желание, и при этом весьма пафосно (Кожевников, 1916б. Л. 1):

> Дать путеводную нить для оставляемого при кафедре зоологии в его предстоящей ответственной и трудной работе. […] Только те люди, которые выше всего ставят это служение [науке], для которых высшее удовлетворение заключается в достижении вершин познания научных истин, становятся настоящими, а не формальными научными деятелями.

2.1. Предтечи и учителя

Университетская система в России начала выстраиваться в XVIII в. по инициативе императора Петра I, взявшего за образец германскую систему (Андреев, Посохов, 2011). Это касалось как общих принципов её организации и управления, так и внутреннего устройства самих университетов — факультетов, кафедр, при них учебных кабинетов и прочих «вспомогательных пособий»; среди последних были кабинеты натуральной истории, на основе которых затем сформировались одноимённые музеи. Кафедра и кабинет/музей при ней в организационном и содержательном смыслах составляли единое целое, поскольку ими заведовал один университетский профессор: эта целостность определила характер и эволюцию московской университетской зоологии от середины XVIII до почти середины XX вв.

В Императорском Московском университете (МУ), учреждённом в 1755 г. указом императрицы Елизаветы, согласно § 5 его Устава были выделены три факультета с десятком кафедр, при

Рис. 2.1. Портрет Г.И. Фишера (1810-е гг.), первого руководителя Кафедры и Музея натуральной истории МУ (Спасская, Павлинов, 2015, с. 173)

этом при Медицинском факультете числились три кафедры: натуральной истории, анатомии и химии, согласно уставному предписанию каждая со своим кабинетом. При первой из них в качестве «вспомогательного пособия» в 1759 г. был оформлен Минеральный кабинет, позже названный Натуральным, — прародитель современных Зоологического и Минералогического музеев (Юркин, 2015; Павлинов, 2016). Весь только что объявившийся университет размещался в Аптекарском доме на левом берегу р. Неглинки у Воскресенских ворот; в 1791 г. он переехал в новое («Казаковское») университетское здание на Моховой улице. С лёгкой руки Г.А. Кожевникова (и отчасти А.П. Богданова) этот год станет считаться отправной точкой в истории Зоологического музея Московского университета (Кожевников, 1915а).

В 1804 г., согласно новому Уставу МУ, в увековечивание памяти мецената П.Г. Демидова, пожертвовавшего в МУ свой натуральный кабинет и большую сумму денег для его содержания, была учреждена Демидовская кафедра натуральной истории (вместо прежней «безымянной»), отнесённая к Физико-математическому отделению (ФМО); к ней были приписаны в качестве «вспомогательных пособий» фактически два кабинета/музея — прежний Императорский и новый Демидовский (Павлинов, 2016). Возглавить весь этот комплекс натуральных наук был приглашён довольно молодой, но уже получивший к тому времени известность в Европе германский естествоиспытатель Иоганн Готтгельф Фишер (1771–1853) (рис. 2.1); вскоре после переезда в Россию его немецкое имя переиначили в русское и он стал зваться Григорий Иванович, а в 1818 г. Фишер, получивший российское дворянство, добавил к своей фамилии «фон Вальдгейм» по названию своей «малой родины» в Саксонии (Кривошеина, 2021). Взяв под своё начало университетскую натуральную историю, Фишер уделил особое внимание собранию музейных предметов, которое размещалось в центральной части университетского здания в шести смежных комнатах справа от Большой аудитории (Павлинов, 2016). Г.И. превратил это собрание из галереи или кунсткамеры, каковым оно было прежде, в полноценный музей, разместив коллекции согласно «естественному порядку», дабы оные содействовали обучению студенчества и просвещению публики согласно новейшим европейским веяниям. Вскоре после этого Г.И. Фишер подготовил и издал полное описание двух родственных университетских музеев — Императорского и Демидовского, в большом трёхтомном каталоге (Fischer, 1806, 1807). В 1805 г. он же инициировал учреждение Общества натуралистов при МУ, которое сыграло большую роль в развитии университетского собрания натуральной истории в первой половине XIX в. (Садчиков, 2015).

Согласно очередному новому Уставу МУ, принятому в 1835 г., в университетской структуре произошли некоторые изменения, коснувшиеся зоологии: при ФМО (вскоре будет переименовано в одноимённый факультет, ФМФ) вместо единой Кафедры натуральной (естественной) истории было учреждено несколько специализированных, в том числе зоологии.

Таким образом, в указанном году произошла, можно сказать, «институционализация» университетской зоологической науки как некой самостоятельной структурной единицы — как Кафедры зоологии вкупе с одноимённым Кабинетом/Музеем при ней, по-прежнему проходившим по разряду «учебно-вспомогательных учреждений» (Павлинов, 2016). В 1837 г. весь этот зоологический комплекс был перемещён из старого здания МУ в другое — в так называемый «Пашковский корпус» на левой стороне Большой Никитской ул., чтобы оставаться там до начала XX в.

В 1840 г. Зоологический кабинет в должности хранителя возглавил Карл Францевич Рулье (1814–1858), учившийся у Г.И. Фишера в Московской медико-хирургической академии; в 1850 г. он получил докторскую степень и в должности ординарного профессора был поставлен заведовать кафедрой, в каковой должности оставался до своей ранней кончины (рис. 2.2). С приходом Рулье содержание университетской зоологии существенно изменилось. Г.И. Фишер был воспитан в «линнеевской» традиции описательной натуральной истории, так что основным результатом его зоологических штудий были систематические каталоги с указанием синонимов и диагностических признаков таксонов и лишь с минимумом сведений по естественной истории организмов (Соколов, Шишкин, 2005). Рулье же, хоть и был учеником Фишера, более склонялся к той натуралистической традиции, которая начала выходить на передний план в европейском естествознании в середине XIX в. Согласно этой (как сейчас бы сказали) смене естественнонаучной парадигмы ранее доминировавшая сухая систематизация и каталогизация, ярчайшим примером которой служит «Система природы» Карла Линнея, стали вытесняться дисциплинами, связанными с изучением жизнедеятельности организмов и объединяемыми общим в то время понятием «физиология» (Лункевич, 1960).

Следуя таким естественнонаучным устремлениям, К.Ф. Рулье задал в московской зоологии достаточно новое для неё фауно-экологическое

Рис. 2.2. Портрет К.Ф. Рулье (ок. 1850 г.), одного из предшественников Г.А. Кожевникова по Кафедре и Музею зоологии МУ (Спасская, Павлинов, 2015, с. 173)

направление, для развития коего в содружестве с МОИП поощрял экспедиционные исследования и сбор коллекций в российских пределах. В раннем небольшом сочинении с характерным названием «Сомнения в зоологии как науке» (1841 г.) он писал, что «украшать музей одними иностранными или красивыми экземплярами, значит унижать науку на степень её недостойную, делать из неё предмет любопытства и забавы» (цит. по: Рулье, 1954, с. 11). Благодаря активности Рулье Зоологический кабинет, который в то время значился как один из разделов (наряду с Минералогическим) единого университетского Музеума натуральной истории, существенно разросся: объём его коллекций достиг к концу 1850-х гг. 60 тыс. экз. (без бесчисленных насекомых). Одним из детищ Рулье стал Комитет акклиматизации животных и растений, учреждённый в 1857 г., а в 1864 г. получивший статус самостоятельного общества (Грацианов, 1907), в деятельности которого активное участие будет принимать герой нашей книги (см. раздел 3.8).

При Рулье в заведовании университетской зоологией фактически утвердилось своеобразное неофициальное «двоевластие». Сам он, не слишком интересуясь сугубо музейными делами, всецело отдался преподаванию на Кафедре натуральной истории, а Зоологический кабинет поручил в хозяйствование его хранителю К.И. Ренару (племяннику Г.И. Фишера). По этой причине последний в некоторых источниках титулуется «директором Зоологического музея», хотя официально этой должности не занимал, да её и не существовало в то время (Павлинов, 2016).

Важным «персонифицированным» вкладом Рулье в формирование университетской зоологии в выбранном им направлении стала плеяда его ближайших учеников. Из-за краткого периода пребывания во главе кафедры, отведённого ему судьбой, эта плеяда оказалась совсем небольшой, но очень яркой, в её составе были четыре персоны (Любарский, 2015): Н.А. Северцов, первый исследователь живой природы Туркестана, основатель отечественной зоогеографии; Я.А. Борзёнков, крупнейший в России того времени зоолог-анатом; С.А. Усов, автор чуть ли не единственного в России XIX в. трактата по теоретической систематике, который он посвятил высшим «систематическим категориям»; наконец, самый младший из них А.П. Богданов, ставший преемником К.Ф. Рулье в руководстве большей частью университетской зоологии и внёсший огромный вклад в её развитие во второй половине XIX в.

«Эпоха Богданова» в нашей истории, продлившаяся без малого 40 лет, началась с того, что он в 1858 г., защитив магистерскую диссертацию «Цветность пера птиц», был назначен после К. Рулье исполняющим обязанности заведования Кафедрой зоологии и Зоологическим кабинетом при нём (Юровская, 2004; Любарский, 2015). Это административное решение выходило за рамки университетских традиций: заведование кафедрой предполагало как минимум звание экстраординарного профессора, а ведь Богданов имел только магистерскую степень. В таком несколько «подвешенном» состоянии А.П. пребывал до 1862 г., когда по получении профессорского звания был официально утверждён заведующим Кафедрой и Кабинетом/Музеумом зоологии. Вскоре после этого последний в ежегодных отчётах МУ стал именоваться только Зоологическим музеем: так произошло его очередное (второе? третье?) «неофициальное» рождение (Павлинов, 2016).

Этот музей сразу же стал предметом особого внимания А.П. Богданова. В 1861 г. в докладной записке, составленной вместе с Борзёнковым на имя тогдашнего декана ФМФ Г.Е. Щуровского, он писал (цит. по: Павлинов и др., 2016, с. 29; Спасская, 2016, с. 385), что

> главная цель Музеума состоит в том, чтобы служить необходимым пособием для чтения Зоологии, ибо без правильно устроенного Музеума невозможно вполне научное и соответствующее назначению Университета преподавание этой последней, и потому с усовершенствованием Музеума надо связывать и повышение уровня преподавания Зоологии.

Для достижения таким образом обозначенной цели Богданов восстановил организационное единство кафедры и музея, несколько нарушенное при Рулье, причём весьма примечательным «административным» образом. Для двух этих университетских институций, тесно связанных между собой единой наукою, он учредил особым образом организованное штатное расписание: при кафедре числились доценты (прежние адъюнкты) и профессора, при музее — ассистенты и хранители. Согласно этому принципу университетские выпускники 1-й степени («кандидаты»), оставляемые в МУ для подготовки диссертаций по зоологии (магистерской и затем докторской), сначала приписывались к музею и проходили там своего рода стажировку, а затем по мере научного созревания переходили на кафедру с повышением в должности, а при отсутствии вакансий на ней — в другие университеты. При этом, поскольку кафедра и музей размещались в едином комплексе помещений выше упомянутого «Пашковского корпуса», продвижения персон

по служебной лестнице сопровождались разве что их пересаживанием из одних кабинетов в другие. По этой и некоторым другим причинам в восприятии нашей «институциональной пары» российским научным (да и вообще культурным) сообществом произошло своеобразное смещение акцентов: с лёгкой руки А.П. Богданова первое место в ней занял Зоологический музей, а Кафедра зоологии отчасти отошла на второй план, так что не музей оказался при кафедре, а наоборот — кафедра как бы при музее. Соответственно этому в воспоминаниях и очерках, касающихся истории университетской зоологии, её ключевые действующие лица будут нередко обозначаться прежде всего как заведующие Зоологическим музеем, а потом уже (да и то не всегда) как кафедральные заведующие. В частности, Г.А. Кожевников в вводном разделе своей будущей диссертации по естественной истории пчелы пишет, что «работа эта была предпринята мною по указанию заведующего Зоологическим музеем, заслуж. проф. А.П. Богданова» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 3).

Для того чтобы соединить в преподавании академичность лекций с освоением практических исследовательских навыков, как то предусматривала университетская реформа 1863 г. (Жарова, 2012), А.П. Богданов (рис. 2.3) учредил при музее научно-учебную лабораторию, в которой проводились занятия так называемого «Большого практикума». После университетской реформы 1884 г. посещение практикумов стало таким же обязательным, как и слушание лекций: на них студенты под руководством профессоров и приват-доцентов препарировали и исследовали те объекты, о которых им рассказывали на лекциях[1]. Вдобавок Богданов затеял регулярные студенческие семинары (в то время они назывались «семинариями»), на которых будущие учёные-зоологи делали

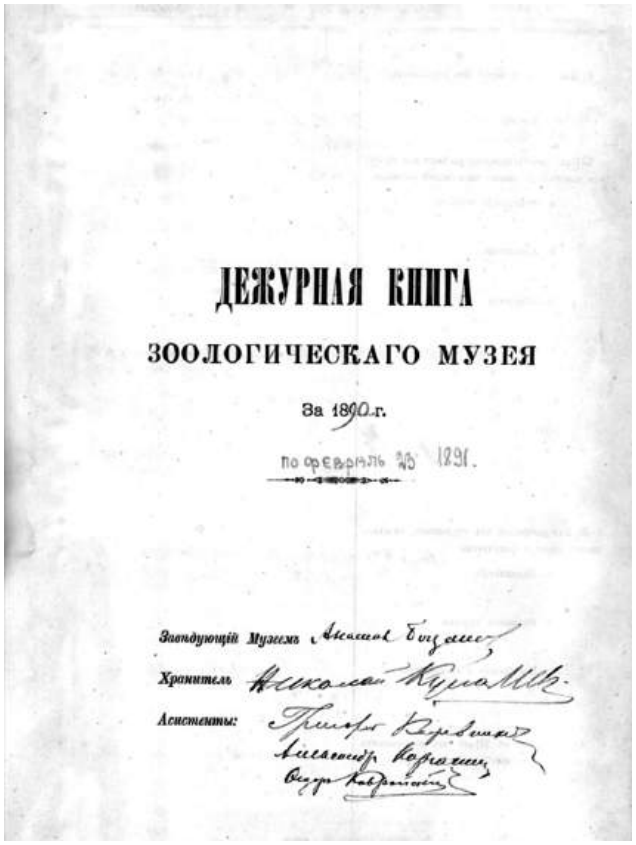

Рис. 2.3. Фотопортрет А.П. Богданова (1890-е гг.), учителя и научного руководителя Г.А. Кожевникова (Спасская, Павлинов, 2015, с. 175)

обзорные доклады о новейших направлениях в зоологии, а также рассказывали о результатах собственных работ, если те могли претендовать на какую-то значимость и оригинальность: тем самым профессор поощрял своих студентов к настоящей исследовательской деятельности.

В Зоологическом музее А.П. Богданов разделил коллекции на научную (систематическую), показную (экспозиционную) и учебную (лекционную) части; вдобавок он положил начало более чёткому разделению музейных коллекций по систематическому принципу: эти его задумки составят основу современной структуризации коллекционного фонда Зоомузея МУ. В 1864 г. он затеял единую «Шнуровую книгу» для регистрации коллекций, которой предшествовала «Шнуровая книга», начатая Фишером в 1820-е гг.; в 1930-е гг. её разделят на книги для учёта коллекций по отдельным крупным таксонам животных (млекопитающие, птицы, рептилии и др.) (Павлинов, 2016).

[1] С 1884 г. возглавляемая А.П. Богдановым кафедра, в связи с очередной университетской реформой и согласно нового Устава МУ, стала называться Кафедрой зоологии, сравнительной анатомии и физиологии (Физико-…, 2023).

ДЕЖУРНАЯ КНИГА

ЗООЛОГИЧЕСКАГО МУЗЕЯ

За 1890 г.

по февраль 25 1891.

Заведующій Музеемъ

Хранитель

Ассистенты:

Рис. 2.4. Титульный лист «Дежурной книги» Зоомузея МУ, заполненный в январе 1890 г.; Г.А. Кожевников указан как ассистент (АрхЗММУ)

В 1884 г. в музее была заведена специальная «Дежурная книга», в которой ежедневно записывались работавшие в нём: кто и в какие часы присутствовал, какие работы проводил и т. п. Богданов каждодневно назначал «дежурного по музею» из числа ассистентов и хранителей, который заполнял соответствующие листы этой книги. «Дежурные книги» велись до 1891 г., всего было заполнено восемь томов (в Зоомузее сохранилось пять), после чего записи прекратились. Однако дежурства по музею продолжались до начала 1900-х гг. (т. е. до переезда в новое здание), причём имена дежурных указывались в университетских годовых отчётах (напр., Речь…, 1897, с. 223; Речь…, 1898, с. 234). Примечательно, что в 1887 г. инициалы студента Кожевникова, ещё мало известного персоналу Зоомузея, записывались в эту книгу по-разному: то как «Д.», то как «Д.А.» или вообще как «А.»; но в 1890 г., став ассистентом ЗМ, он уже указан на титульном листе в списке ассистентов как «Григорий Кожевников» (рис. 2.4).

Одним из важных побудительных мотивов в служении А.П. Богданова «России, Университету, Науке»[2] было стремление соединить науку и практику, а основным средством достижения этого — приобщение самых разных людей к научному знанию. Как вспоминал Н.Ю. Зограф в некрологе о своём учителе, тот был уверен, что «нельзя профессору закрываться в тогу специальности, […] надо учить и народ; если мы отдалимся от народа, […] то мы погубим и университеты» (Зограф, 1896а). По этой причине, будучи великолепным организатором и устремлённый к расширению сфер приложения своих научно-просветительных интересов, А.П. тратил массу сил и времени для учреждения научных обществ, разного рода выставок и институций (зоосад, несколько музеев и др.), которые содействовали бы не только развитию научных знаний о природе, прежде всего российской, но и ознакомлению публики с этими знаниями (Юровская, 2004; Спасская, Павлинов, 2015). Он принимал активное участие в организации вышеупомянутого Комитета акклиматизации, а в 1864 г. по его предложению этот комитет получил статус самостоятельного общества (ОАЖР). Особое значение по своим последствиям имело учреждение Общества любителей естествознания при МУ в 1863 г., которое довольно быстро разрослось и в 1868 г. стало Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). Богданов участвовал в организации разного рода публичных выставок, в том числе Акклиматизационной (1858, 1863 и 1878 гг.), Этнографической и Пчеловодной (1867 г.), Политехнической (1872 г.), Антропологической (1879 г.). На основе показных предметов, демонстрируемых на этих выставках, в Москве появились постоянно действующие институции научно-просветительного профиля: первым из них стал Зоологический сад (1864 г.), далее

[2] Эти слова выбиты на надгробье Богданова на кладбище Новодевичьего монастыря (Спасская, Павлинов, 2015).

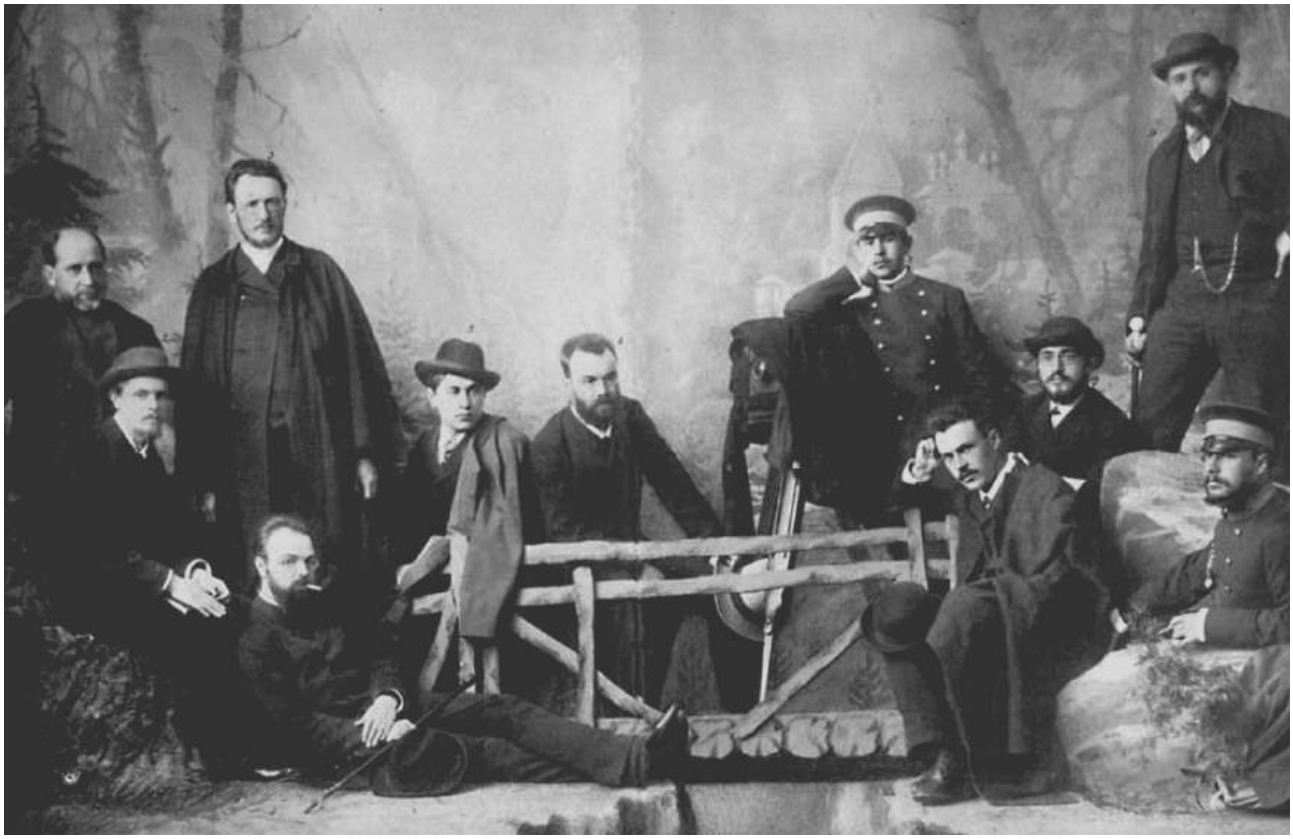

Рис. 2.5. Групповая фотография сотрудников лаборатории ЗММУ (конец 1880-х гг.), слева направо: А.П. Богданов, Н.М. Кулагин (сидит в шляпе), Н.В. Насонов (стоит в плаще), Н.В. Калужский (полулежит), Г.А. Кожевников (сидит в шляпе, с плащом на плече), А.Н. Корчагин, Ф.Ф. Каврайский (стоит в фуражке), П.Р. Фрейберг (сидит со шляпой и плащом в руке), Д.М. Россинский (сидит в шляпе), Н.Ю. Зограф (стоит в шляпе), А.Н. Харузин (сидит в фуражке) (Спасская, Павлинов, 2015, с. 181)

последовал Этнографический музей (1867 г.), который позже стал подразделением некоторое время просуществовавшего Публичного музеума; следующим по времени стал Музей прикладных знаний (1870 г.), с конца XIX в. более известный как Политехнический; наконец, в заслугу Богданову ставится организация Кафедры и Музея антропологии при МУ (1877 г.). К концу жизни А.П. возглавляемый им Зоологический музей МУ стал второй по значению институцией этого профиля в России; первым же официально значился Зоологический музей Академии наук в Санкт-Петербурге, который был назван «центральным» согласно Положению о нём, утверждённому после его реформы в 1895 г. (Кожевников, 1896а).

За долгое время своего служения профессором в МУ А.П. Богданов выпестовал много учеников, в которых «он прежде всего хотел видеть […] будущих самостоятельных работников», и в отношении каждого «из своих учеников он заботился об одном, чтобы тот не соблазнялся идти по чужим следам, по проторенной дорожке, а готовился открывать новые пути» (рис. 2.5) (Тихомиров, 2015, с. 35). Наиболее привеченных им воспитанников, составлявших особый «богдановский кружок», Богданов своеобразно «отличал» тем, что всячески вовлекал в сферу своих просветительных интересов и забот — в организацию и проведение выставок, в организацию работы Московского зоосада; способствовал их избранию в руководящие органы выше упомянутых обществ и их отделений; практически все члены его «кружка» побуждаемы были к чтению публичных лекций, среди которых наиболее популярными были «воскресные объяснения коллекций» (Морозова, 2015). Как писал в своих воспоминаниях

Рис. 2.6. Фотопортрет А.А. Тихомирова (1900-е гг.), ученика А.П. Богданова и прямого предшественника Г.А. Кожевникова по Кафедре и Музею Зоологии при МУ (СПбФ АРАН. Ф. 261. Оп. 1. Д. 170. Л. 5)

Г.А. Кожевников, «А.П. Богданов обладал очень большим влиянием на окружающих, умел заставлять себе повиноваться и себя слушаться; в руководимом им кружке он был неограниченным монархом, и именно эта его властность, порою даже деспотизм, являлись главными двигателями “Богдановских” предприятий, составляли главную силу “Богдановского” кружка» (Кожевников, 1909а, с. 227). Сколь бы жестокой ни казалась (и, наверное, даже была) такая форма богдановского управления своими подопечными, именно благодаря ей многие члены «богдановского кружка», выдержавшие это испытание, которое ниспослано было им университетскими порядками вкупе с богдановским характером, вослед своему наставнику становились истинными лидерами российской классической зоологии и активнейшим образом способствовали развитию не только академической науки и университетского преподавания, но и разнообразных их приложений, начиная с практического пчеловодства и шелководства и кончая приобретшей со временем первостепенное значение охраной природы.

Среди членов «богдановского кружка», так или иначе сыгравших важную роль в судьбе главного героя нашей книги, отдельного упоминания заслуживают следующие: Д.Н. Анучин — в 1871–1874 гг. состоял секретарём ОАЖР; Н.Ю. Зограф — в 1877–1888 гг. хранитель Зоомузея, с 1888 г. профессор зоологии МУ; Н.В. Насонов — ассистент Зоомузея в 1878–1880 гг., директор Зоологического музея в Санкт-Петербурге (Петрограде) в 1907–1921 гг.; Н.М. Кулагин — с 1884 г. ассистент в Зоомузее, в 1889–1894 гг. его хранитель, в 1920-е гг. заведовал лабораторией энтомологии при НИИЗе и в начале 1930-х гг. организовал на её основе Кафедру энтомологии при МУ; А.А. Тихомиров — с 1887 г. служил ассистентом и затем хранителем Зоомузея.

Александр Андреевич Тихомиров (1850–1931) — следующий важный персонаж нашей «предыстории», взявший после А.П. Богданова на себя бразды правления основной частью московской университетской зоологии (рис. 2.6). Он возглавил кафедру и музей после смерти своего учителя в 1896 г., в 1899–1904 гг. был поставлен в должности ректора во главе МУ, оставив за собой также и руководство зоологическими кафедрой и музеем (сравнительной анатомией руководил М.А. Мензбир); затем перешёл на службу директором одного из департаментов в Министерство народного просвещения, в 1911 г. его назначили попечителем Московского учебного округа (Волков, Куликова, 2003). Как видно, в отличие от других членов «богдановского кружка», Тихомиров был более склонен к административной карьере, нежели к научно-преподавательской, и в дореволюционное время оказался (по формальным меркам) наиболее успешным из «богдановцев», выше прочих поднявшись по карьерной лестнице. Другим существенным отличием было то, что А.А. в своих естественнонаучных работах выступал последовательным противником дарвинизма и неоднократно публично защищал эту свою позицию (Тихомиров, 1907, 1915), что позже даст повод любителям навешивать «ярлыки» несправедливо приписать ему «черносо-

Рис. 2.7. Фотография недавно выстроенного Зоологического корпуса МУ (1910-е гг.): вид на главный вход в Зоомузей со стороны Б. Никитской ул. (Павлинов, 1916, с. 104)

тенные взгляды» (Малахов, 2006, с. 18). После прихода к власти большевиков в 1917 г. всё это очевидным образом сыграет в его судьбе сугубо отрицательную роль, превратив бывшего высокопоставленного царского сановника, да к тому же и «реакционера», в общественного изгоя, принуждённого влачить почти нищенское существование на поселении в Сергиевом Посаде (см. раздел 1.3).

В нашей истории проф. Тихомиров сыграл двоякую важную роль. Во-первых, благодаря в основном его организационным усилиям было возведено новое здание для Зоологического музея (рис. 2.7): этим он исполнил своего рода «завещание» покойного А.П. Богданова, хотя и в сильно изменённом виде. Вскоре после того, как А.А. назначили заведующим Кафедрой и Музеем зоологии, по его инициативе московский архитектор К.А. Быковский подготовил проект нового университетского комплекса на правой стороне Большой Никитской ул., состоящего из вплотную примыкающих один к другому Зоологического и Ботанического корпусов. При этом Зоологический корпус был задуман и выстроен состоящим из двух основных частей: большее «зоологическое крыло» вдоль Большой Никитской улицы предназначалось для собственно зоологической части, меньшее «анатомическое крыло» вдоль Долгоруковского (ныне Никитского) переулка — для сравнительно-анатомической. На фронтоне «зоологического крыла» здания была вылеплена барельефная надпись «Зоологическій музей» (сохранилась до сих пор): это по-своему закрепило на полвека отмеченное выше восприятие всего университетского зоологического хозяйства, включая также и анатомический музей, присоединённый к нему в начале 1930-х гг. (см. раздел 2.7), именно как части Зоомузея. Указанный комплекс был заложен в 1898 г., а к 1902 г. его строительство было фактически завершено, чему, как можно полагать, в немалой степени способствовало высокое положение А.А. Тихомирова в университетской иерархии (Павлинов, 2016). Вторым важным деянием А.А. Тихомирова было то, что вместе с новым зданием университетская зоология обрела и нового главу: им стал Григорий Александрович Кожевников.

2.2. Пришествие в музей

Г.А. Кожевников познакомился с Зоологическим музеем, его людьми, его коллекциями,

а отчасти и с азами музейной деятельности (общие правила пополнения, хранения, учёта и т. п.), в студенческом возрасте принимая некоторое участие в работе лаборатории при музее. Очевидная причина — в указанном выше единстве кафедры и музея, которое установил Богданов и в понимании которого он воспитывал своих учеников. Впрочем, в студенческие годы Кожевников лишь соприкоснулся с этой особенностью организации университетской зоологии, изучая нужные ему музейные коллекции при прохождении различных учебных курсов и особенно на практических занятиях-«репетиториях». Настоящее же «пришествие в музей» для Кожевникова началось с того, что после окончания учёбы в 1888 г. А.П. Богданов оставил его при Зоологическом музее МУ внештатным ассистентом; в 1894 г. его назначили на должность штатного ассистента, а в 1897 г. переместили на должность хранителя музея (после ранней кончины его предшественника в этой должности А.Н. Корчагина) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 322).

Надобно отметить, что рутинная музейная работа поначалу не доставляла Кожевникову особого удовольствия: в январе 1887 г. он записывает в дневнике: «Работа моя в музее идёт скверно. Времени трачу массу. Толку мало» (там же. Ед. хр. 350. Л. 36). Да и завершение университетского курса и закрепление при Зоомузее не привели к скорым чаемым переменам в жизни нашего героя, по поводу чего в сентябре 1888 г. он с досадой констатирует (там же. Ед. хр. 351. Л. 16, 16об):

> Я опять тяну лямку такую же, как и будучи студентом. Я кончил курс, но в образе моей жизни почти не произошло перемен. Вместо того только, чтобы сидеть и в музее, и на лекциях, я сижу только в музее. […] Я на хождение в музей смотрю как на службу […] выходишь из дому в 10 часов, идёшь, садишься в свою клетку и копаешься над всякой дрянью[3].

[3] «Клетками» называли устроенные на хорах рабочие места для сотрудников, каждое отгороженное деревянной решёткой.

Наверное, как это нередко бывает у только-только начинающих учёных, особенно угрызаемых собственным тщеславием (см. раздел 6.1), он ожидал сразу каких-то ярких исследований, приносящих неожиданные открытия и заслуженное признание коллег. А на практике вышло совсем другое: наука оказалась полна малоприятной повседневной рутины, которая занимает массу времени и немедленные результаты которой чаще всего отнюдь не ясны.

Неудовлетворённость рутинной музейной работой оказалась не единственным разочарованием новоиспечённого зоомузейца: тесно соприкоснувшись с разносторонней научно-общественной деятельностью А.П. Богданова, Кожевников очень скоро испытал заметное разочарование в ней. Уже в 1892 г. он записывает в дневнике: «Я вижу теперь, что капитальный недостаток Богдановской школы — принцип многогранности в деятельности. […] Теперь я ясно сознал, что такое разнообразие крайне вредно» (там же. Ед. хр. 350. Л. 79об). Особенно Г.А. раздражает организация разного рода выставок и конгрессов; в частности, по поводу готовящегося в 1892 г. в Москве Международного зоологического конгресса он замечает, что для Богданова «не наука […] важна теперь, а вопрос, как бы “обставить” науку, а если нет ничего научного, то как бы сделать похожим на то, что это что-то весьма важное, весьма необходимое, весьма научное». Наш юный максималист убеждён, что «дело это, столь громкое на словах, столь сильно разрекламированное, столь торжественное по внешности обставления, должно дать один пуф, совершенно пустой пуф…» (Там же. Л. 70об, 73об).

Такой скептический настрой не помешал Г.А. с самого начала своей научной деятельности в области пчеловедения ратовать за регулярное проведение специализированных всероссийских выставок и съездов, позволяющих практикам и «теоретикам» обмениваться опытом и идеями, и самому в них участвовать (см. раздел 4.2). Да и в отношении деятельности на музейном поприще его «хандру» скоро как рукой снимет и он станет со всё бóльшим

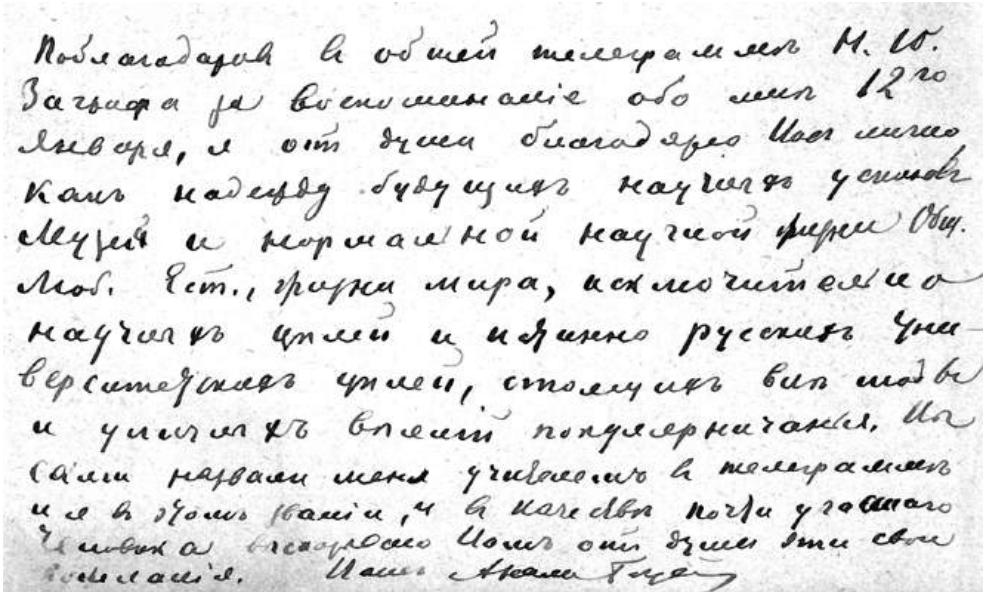

Рис. 2.8. Письмо А.П. Богданова к Г.А. Кожевникову (конец 1895 г.) с благодарностью за поздравление (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 446)

увлечением погружаться в музейную и «околомузейную» работу, чем заслужит благоволение своего руководителя. О последнем свидетельствует то, что А.П. Богданов в 1895 г. (т. е. за год до своей кончины, приближение которой чувствовал), поблагодарив своих «кружковцев» общей телеграммой за поздравление с 40-й годовщиной его оставления при МУ, счёл важным направить Кожевникову отдельно краткое письмо, весьма проникновенное по общему тону (рис. 2.8) (там же. Ед. хр. 446. Л. б/н):

> я от всей души благодарю вас лично как надежду будущих научных усилий Музея и нормальной научной жизни Общ. Любит. Ест.[4], жизни мира, исключительно научных целей и именно русских университетских целей, стоящих всех моих и усиляющих [неразб.] популярничания. Вы сами назвали меня учителем в телеграмме и я в этом звании и в качестве почти угасшего человека [неразб.]. Шлю от всей души эти свои пожелания. Ваш Анатолий Богданов.

В обязанности Г.А. Кожевникова в указанные годы входило составление и приведение в порядок учебной коллекции и систематическое определение некоторых разделов научной коллекции (рис. 2.9); так, в отчёте о деятельности музея в 1891 г. указано, что он определял голотурий (Отчет…, 1893, с. 102). Одновременно с этим он разбирал также коллекции беспозвоночных Зоологического отделения ОЛЕАЭ, в том числе числившиеся за Фаунистической комиссией этого отделения (Речь…, 1897, с. 223). Переместившись в 1894 г. на должность штатного ассистента, а в 1897 г. получив должность хранителя Зоомузея, Г.А. Кожевников стал отвечать за предварительную разборку вновь поступающих в музей коллекций, в том числе решал, какие из них передаются сразу в научный раздел музейного фонда, а какие — в сырьевой (Речь…, 1898, с. 234). Вместе с другими сотрудниками он исполнял обязанности дежурного по Зоологическому музею, о чём, как упомянуто выше, сообщалось в ежегодных музейных отчётах (напр., Речь…, 1897, с. 223; 1899, с. 247). Со временем ему дополнительно вменили в обязанности по воскресным и праздничным дням давать объяснения посетителям музея, главным образом воспитанникам учебных заведений, буде те высказывали желание к тому (там же). Вдобавок Г.А. иногда знакомил с систематическими коллекциями руководителей приходящих в музей групп учащихся, а также давал справки лицам, обращавшимся за таковыми в музей,

[4] В это время Кожевников был секретарём Зоологического отделения ОЛЕАЭ (см. раздел 3.8).

Рис. 2.9. Ассистенты ЗММУ в помещении для практических занятий в старом здании Зоомузея, слева направо: В.В. Вороник, В.М. Арнольди, Г.А. Кожевников (1891 г.) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 367)

по определению вредных насекомых (Речь…, 1899, с. 247). Подготавливая музейные коллекции к переезду в новое здание Зоологического корпуса (см. раздел 2.5), он затеял разборку музейного «склада», куда поступали неотпрепарированные и неопределённые материалы; эта огромная и очень нужная работа проводилась в «вакационное время», в ней участвовал некий преподаватель школы садоводства П.И. Рышков, ему помогали окончившие университетскую учёбу В.И. Курский и Р.С. Магницкий (Речь…, 1901, с. 136); с момента начала переезда «все работы по ремонту, монтировке и препаровке [коллекций] производились под непосредственным наблюдением хранителя музея Г.А. Кожевникова» (Речь…, 1904, с. 129). Особое внимание он уделял приведению в порядок огромной (по тем временам) энтомологической коллекции: в 1901 г. было наколото на булавки и перемещено в систематический раздел фондов музея более 10 тыс. сухих насекомых, что сделало их доступными для научных исследований; в первой половине 1902 г. было наколото ещё более 18 тыс. насекомых (Речь…, 1902, с. 135; Речь…, 1903, с. 182).

Примечательной иллюстрацией того авторитета, которым в те годы уже пользовался Г.А. Кожевников у своего руководства, может служить его прикомандирование в качестве специалиста-энтомолога в 1894 г. к бюро Учёного комитета при Министерстве земледелия и государственных имуществ, утверждённого в указанном году (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 253; там же. Ед. хр. 320. Л. 163). В 1905 г. Г.А. был награждён золотой медалью «за труды по исполнению поручений» этого комитета.

Согласно годовым отчётам музея конца 1890-х и начала 1900-х гг., в обязанности Кожевникова входило также содержание в порядке музейной библиотеки, которая незадолго до этого была существенно пополнена личной библиотекой покойного А.П. Богданова. В связи с этим нужно заметить, что по причине подготовки к переезду в новое здание библиотека музея подверглась полной проверке и для неё был составлен карточный каталог, общее число изданий насчитывало около 4 тыс. (Речь…, 1901, с. 133). В помещении Зоомузея также размещалась студенческая библиотека Естественного отделения ФМФ, которой первоначально заведовал Н.Ю. Зограф; в 1903 г. она была передана в ведение Кожевникова (там же, с. 137; Речь…, 1904, с. 134), о чём последний был специально уведомлен письмом секретаря ФМФ (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 149. Л. 118). Все эти заботы о разнообразных музейных собраниях, требовавшие много времени, внимания и сил, сохранились за Г.А. и после получения им звания приват-доцента с соответствующим прибавлением педагогической нагрузки.

Только что упомянутое звание приват-доцента по Кафедре зоологии Г.А. Кожевников получил в 1898 г. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 322). В этом новом статусе он отчасти

продолжал помогать А.А. Тихомирову в проведении «репетиториев», но сверх того стал самостоятельно читать курсы энтомологии и зоотомии и проводить практические занятия по сравнительной анатомии насекомых. Важно то, что в этом новом качестве Г.А. получил право читать так называемый «свободный лекционный курс», не входящий в обязательный кафедральный перечень: таковым стал курс зоогеографии (Речь…, 1899, с. 247) (см. далее). Кроме занятий со студентами, в 1899 г. в лаборатории Зоологического музея «под руководством приват-доцента Г.А Кожевникова […] происходили, с разрешения попечителя Московского учебного округа, занятия по зоотомии для гг. членов состоящего при Университете Педагогического общества преподавателей естественной истории» (Речь…, 1900, с. 136). В 1900 г. практические занятия студентов в лаборатории музея были разделены на групповые и специальные, которые проводили профессора и приват-доценты; в ведение Кожевникова (а также частично Кулагина), наряду с некоторыми лекционными курсами, были отданы занятия по анатомии и систематике насекомых и по зоотомии (Речь…, 1901). Кроме того, начиная с 1900 г. он (наряду с Тихомировым и Зографом) руководил практическим курсом зоологии, включая изучение зоологической техники, а также вёл занятия по анатомии, истории развития и систематике животных в нескольких студенческих группах (Речь…, 1902).

Важными событиями в жизни Г.А. Кожевникова, свидетельствующими о росте его авторитета и расположения к нему со стороны заведующего кафедрой и музеем А.А. Тихомирова, стали его командировки в разные музеи «для ознакомления с порядком хранения, каталогизирования и установки коллекций» в них. Первой была поездка в 1896 г. в Зоологический музей Императорской Академии наук (С.-Петербург), «результатом чего явился ряд улучшений и нововведений в московском Зоологическом музее» (Речь…, 1898, с. 234). Следующей, значительно более обширной и значимой, стала упомянутая выше командировка в 1899 г. в Европу «для ознакомления с заграничными Музеями и Лабораториями, причём [Г.А.] посетил Берлин, Дрезден, Лейпциг, Галле, Йену, Гейдельберг, Париж, Лондон, Страсбург и Вену и специально ознакомился с современным положением музейского дела и устройством лабораторий» (Речь…, 1900, с. 136). В Йене Кожевников побывал в Филетическом музее (Phyletisches Museum), основанном в 1894 г. Э. Геккелем, и своими впечатлениями о нём поделился на заседании ОЛЕАЭ (Кожевников, 1913б).

***

Одним из основных разделов музейной работы всегда было и остаётся коллектирование: речь идёт о полевых сборах тех или иных материалов, в зоологии и ботанике главным образом анатомических, передаваемых на долгосрочное хранение в музейные фонды для текущих и будущих исследований. Соответственно, о новых коллекционных поступлениях исправно сообщалось в публикуемых годовых отчётах Зоомузея в составе сводных отчётов МУ, причём обязательно указывались источники поступления — коллекторы, дарители (персоны и общества) и т. п. Как было отмечено выше, Кожевников был приобщён к коллектированию уже в период своего студенчества. Став сотрудником музея, он совершал краткосрочные поездки (которые тогда назывались «экскурсиями») в разные места европейской части России и на Кавказ, собранные им материалы поступали в музей, туда же он со временем передал материалы, ранее собранные в его студенческих «морских» поездках. Из более поздних серьёзных экспедиций следует упомянуть таковую в Туркестан, совершённую Г.А. совместно с препаратором А.К. Цельминым весной 1915 г., её результатом стало несколько десятков тушек птиц (рис. 2.10) (Отчет…, 1916, с. 91–92).

Следует, впрочем, заметить, что Г.А. Кожевников не был очень уж «фанатичным» сборщиком полевых коллекционных материалов, чем славились, например, С.А. Бутурлин, К.А. Сатунин, С.И. Огнёв и др. Поэтому поступления от него и в 1890-е гг., и позже были скорее

Рис. 2.10. Тушка пустынной каменки и этикетка болотного луня из сборов Г.А. Кожевникова в коллекции ЗММУ

единичными, чем массовыми: в качестве примера можно указать собранные в Московском уезде и указанные в годовом отчёте спиртовые экземпляры грызунов и насекомоядных, а также ракообразных из реки Воронеж (1889 г.). В 1899 г. Кожевников передал в музей коллекционные материалы по пчёлам (в общей сложности 2 ящика) (Речь…, 1900, с. 127), которые он собирал для второй части своей монографии «Естественная история пчелы» (см. раздел 4.2). Кроме того, от него в музей ежегодно поступали немногочисленные охотничьи трофеи: Г.А. любил охоту и не упускал возможности пострелять дичь — разумеется, строго соблюдая соответствующие правила (см. раздел 6.3). Многие собранные самим Кожевниковым экземпляры и сейчас хранятся в научном фонде Зоологического музея.

Пожалуй, более важным его вкладом в приращение зоомузейного собрания, нежели его личные сборы, стало то, что музей в 1899 г. приобрёл «многие весьма интересные коллекции, что явилось одним из результатов заграничной командировки хранителя музея прив.-доц. Г.А. Кожевникова, который […] осмотрел продажные коллекции нескольких известных торговцев и специалистов и выбрал ряд интересных для Музея предметов»; в числе таковых «торговцев и специалистов» указаны Шлюттер из Галле, фирма «Linnaea», Фрусторфер и В. Румер в Берлине, Штаудингер в Блазевице и др. (Речь…, 1900, с. 129–130; Отчет…, 1901, с. 146).

Важным вкладом Г.А. Кожевникова в развитие зоологического коллекционного дела в России, стало изданное под его редакцией «Руководство к зоологическим экскурсиям и собиранию зоологических коллекций» (Кожевников, 1902а). Общая идея его подготовки была определена членами Фаунистической комиссии (см. о ней раздел 3.4) так: «Содействовать по мере возможности собиранию научного материала по фауне России […] таким образом, чтобы он мог служить для научной работы по систематике и зоогеографии» (там же, с. 1). В подготовке «Руководства» приняли участие 16 зоологов, среди которых (из числа ныне наиболее известных) — Л.С. Берг (рыбы), Э.Г. Беккер (коллемболы), К.А. Сатунин (млекопитающие), С.С. Четвериков (бабочки); разделы по сбору, этикетированию, препаровке и хранению коллекций, по некоторым группам беспозвоночных написал сам Кожевников. В обширном вводном разделе «Руководства» он подчёркивает (Кожевников, 1902б, с. 4), что

> основное условие научности всякой зоологической коллекции состоит в том, чтобы каждый экземпляр её был снабжён такими указаниями относительно места, времени и других условий его поимки, чтобы другое лицо, обрабатывающее коллекцию, имело об

этом экземпляре не менее сведений, чем лицо, добывшее этот экземпляр.

Особому значению надлежащего этикетирования полевых сборов, обеспечивающего их научную значимость, Г.А. посвящает доклад, читанный им в 1912 г. на заседании Постоянной биогеографической комиссии при РГО. В нём он подчёркивает, что музейный экземпляр животного, на этикетке которого не указано, «где, когда, кем и при каких обстоятельствах оно добыто, не является научным объектом» (Кожевников, 1912а; АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 1). Эту же мысль он старается внушить потенциальным коллекторам в своей рецензии на научно-популярную книгу о русской природе, опубликованной в журнале «Естествознание и география». Он вопрошает читателя: «Что [позволяет] осмыслить *всякую* фаунистическую (флористическую) коллекцию?» — и сам же отвечает: «Говоря одним словом, *этикетка*. Говоря подробнее, точные данные о месте, времени и условиях нахождения. […] Раз коллекция с этикетками, с дневником, она осмысленна, и надо, научая учащихся коллектировать, не допускать их до “неосмысленного” коллектирования» (Кожевников, 1923а, с. 82).

Кожевников обращает особое внимание на то, что наиболее качественное коллектирование возможно при условии, что сам коллектор грамотен в профессиональном смысле: имеет достаточно полное представление как о группе, по которой собирается материал, так и о регионе, в котором проводится сбор новых материалов. При этом в качестве особого напутствия он пишет, что грамотный коллектор, даже если сам не изучает собираемый им коллекционный материал, а предоставляет его другим специалистам, «может быть уверенным, что принесёт большую пользу науке […]. Держать же у себя коллекции без обработки — недостойно человека, любящего и уважающего науку» (Кожевников, 1902б, с. 6). От себя мы добавим, что такой коллектор подобен пушкинскому «Скупому рыцарю»: он любуется убитыми и законсервированными им животными и укрывает от всех тех, кто мог бы исследовать их с научной точки зрения, — что же это, как не крайний собственнический эгоизм и извращённое чувство ревности?

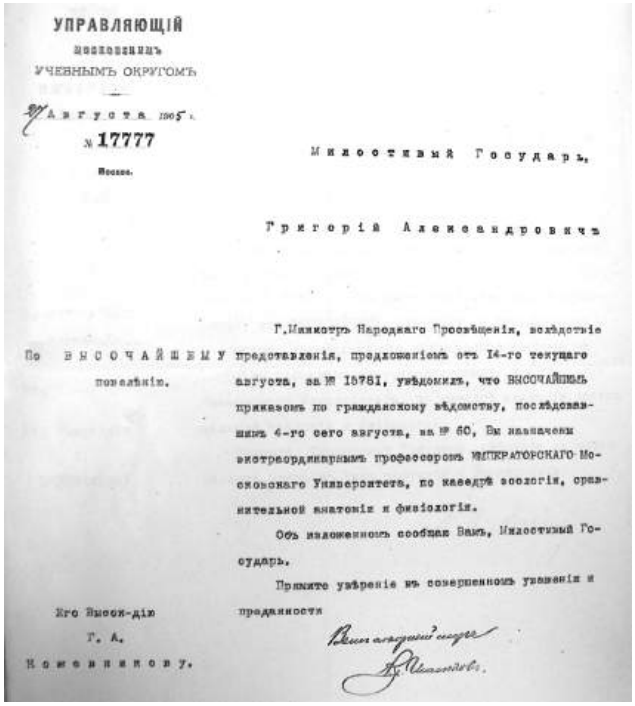
***

Познакомившись несколькими годами ранее с принципами хранения и учёта коллекций в ведущих европейских музеях, Кожевников в качестве хранителя Зоомузея стал уделять особое внимание налаживанию некоторых разделов сугубо музейной работы, которая раньше почти не практиковалась в МУ. Как это ни покажется странным, благоприятное условие для этого предоставил переезд Зоологического музея в новое здание (см. раздел 2.5). Первым шагом стало составление карточных каталогов: раз уж музейные экспонаты приходилось переносить из старых хранилищ на новое место чуть ли не поштучно, оказалось очень удобно записывать данные о них в каталожные карточки. Первой в 1903 г. была «переписана в каталог» учебная коллекция, для чего наняли специального человека, работавшего под наблюдением только что закончивших МУ и оставленных при нём Ю.Н. Зографа (сына Н.Ю. Зографа) и В.Н. Воронкова (Речь…, 1904, с. 129). На следующий год трудами ассистента В.С. Елпатьевского и студента Л.Л. Сабанеева был составлен карточный каталог коллекции амфибий и рептилий в связи с её полным переустройством (Отчет…, 1905, с. 146).

К сказанному нужно добавить, что Зоологический музей МУ был в то время не единственным местом приложения профессиональных интересов и умений Кожевникова. В одном из документов, хранящихся в архиве МУ, записано, что он состоит «хранителем Политехнического музея»; вероятно, имеется в виду курирование хранящихся там зоологических коллекций. В 1904 г. Г.А. избирают членом Правления этого музея сроком на три года, а в 1905 г. — членом его Редакционной комиссии (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 160, 174).

2.3. Во главе музея и кафедры

Летом 1904 г. Г.А. Кожевников отметил на клочке бумаги некие памятные события, среди

УПРАВЛЯЮЩІЙ
Московскимъ
УЧЕБНЫМЪ ОКРУГОМЪ

31 Августа 1905 г.
№ 17777
Москва.

Милостивый Государь,

Григорій Александровичъ

По ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію, Г.Министръ Народнаго Просвѣщенія, вслѣдствіе представленія, предложеніемъ отъ 14-го текущаго августа, за № 18781, увѣдомилъ, что ВЫСОЧАЙШІЙ приказомъ по гражданскому вѣдомству, послѣдовавшимъ 4-го сего августа, за № 60, Вы назначены экстраординарнымъ профессоромъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, по каѳедрѣ зоологіи, сравнительной анатоміи и физіологіи.

Объ изложенномъ сообщаю Вамъ, Милостивый Государь.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности

Его Высокородію
Г. А.
Кожевникову.

Рис. 2.11. Официальное извещение Г.А. Кожевникова о его назначении экстраординарным профессором МУ по каф. зоологии, сравнительной анатомии и физиологии (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 365. Л. б/н)

которых первым — то, что «15 июня 1904 года Тихомиров объявил впервые свой план. Неожиданно!» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 365. Л. б/н): как надо полагать, речь шла о том, что А.А. Тихомиров покидает МУ и переходит в Министерство народного просвещения (см. раздел 2.1). Это случилось осенью того же года, после чего должность главы Кафедры и Музея зоологии оказалась вакантной[5]. Озабоченный преемственностью в их развитии в том классическом (описательном) направлении, которое задал А.П. Богданов и продолжил сам Тихомиров, последний сыграл решающую роль в определении того, кто займёт эту должность после него. В указанное время Г.А. Кожевников был поставлен заведовать Зоологическим музеем, а должность хранителя досталась Б.М. Житкову (Отчет…, 1905, с. 149); очевидно, оба назначения произошли по настоянию Тихомирова. Но при этом должность заведующего кафедрой в течение почти года (до осени 1905 г.) оставалась вакантной: причина в том, что А.А. Тихомиров видел в этой должности Г.А. Кожевникова, но у того ещё не было профессорского звания и он поэтому официально не мог быть назначен главой кафедры.

Кстати сказать, по этой же самой причине не вполне «законным» оказалось и назначение Кожевникова на заведование Зоомузеем. Как Г.А. излагает в письме к А.П. Семенову-Тян-Шанскому в марте 1905 г. (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 133и, 133и-об) сей административный ход ректора Тихомирова, официально

> это не есть самостоятельная должность, а лишь придача к заниманию Кафедры зоологии, как и всякое “заведование” университетскими кабинетами. А т. к. я не имел степени доктора в *момент* неожиданного ухода Тихомирова, то моё положение закрепится только тогда, когда я защищу диссертацию и получу кафедру.

В начале 1905 г. Кожевников представил в МУ докторскую диссертацию на основании только что опубликованной второй части монографии «Естественная история пчелы» (Кожевников, 1905а). Диссертация была успешно защищена в Большой зоологической аудитории только что отстроенного Зоологического корпуса МУ, его официальными оппонентами Н.Ю. Зограф и М.А. Мензбир (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 163). «Остепенённый» Г.А. Кожевников в конце августа 1905 г. был официально назначен приказом по гражданскому ведомству экстраординарным профессором МУ по Кафедре зоологии, сравнительной анатомии и физиологии; об этом важном событии он был извещён особым письмом из канцелярии управляющего Московским учебным округом (рис. 2.11) (там же. Ед. хр. 149. Л. 180). Осенью того же года он был официально избран заведующим названной кафедрой, очевидным образом сохранив за собой заведование Зоологическим музеем, а также его библиотекой (Отчет…, 1906).

Таким образом, вступление Г.А. Кожевникова в должность заведующего кафедрой, как

[5] Указание на то, что место заведующего кафедрой после А.А. Тихомирова занял Н.Ю. Зограф (Зенкевич, 1940а), ошибочно.

и в случае с А.П. Богдановым несколькими десятилетиями раньше (см. раздел 2.1), происходило с определённым нарушением устоявшегося регламента и поэтому стало отчасти скандальным. Дело в том, что при Кафедре зоологии уже состояла более высокоранговая фигура — весьма уважаемый и пользовавшийся большим авторитетом ординарный профессор Н.Ю. Зограф, который более чем кто-либо из его коллег мог претендовать на заведование ею. Действительно, по воспоминаниям Б.Н. Бугаева — будущего известного поэта (под псевдонимом Андрей Белый), а в то время студента Естественного отделения ФМФ, Зоомузей считался «царством Зографа», тогда как Кожевников был приват-доцентом при нём (Белый, 1989, с. 395). Обоснованность претензий Зографа на кафедру подкреплялась и совсем недавно изданным им солидным фолиантом «Курс зоологии» (Зограф, 1898–1900). Тем не менее, с подачи Тихомирова он был «обойдён» Кожевниковым, причём во избежание нежелательных эксцессов избрание последнего прошло, по-видимому, без объявления конкурса, по результатам которого в установленном порядке избирается персона для замещения вакансии заведующего университетской кафедрой. В заметке, опубликованной по этому поводу в газете «Сын Отечества» в мае 1905 г., некий анонимный автор язвительно пишет (Не-кандидат, 1905), что после того как должность заведующего Кафедрой зоологии была объявлена свободной,

> Г. министр народного просвещения при посещении Зоологического музея в ноябре обратился, в присутствии студентов и сопровождающих его лиц, к одному из приват-доцентов — г. Кожевникову — со следующими словами: “Очень просит о назначении вас в Москву профессором Александр Андреевич. Постарайтесь оправдать его доверие”. […] В профессорском мире убеждены, что г. Кожевников будет в конце концов профессором Московского университета; сейчас его ещё не назначают только потому, что он магистр.

Безусловно, такая критическая оценка несоблюдения требуемого регламента при замещении вакантной должности заведующего кафедрой в МУ в 1905 г. в некоем «абстрактном» смысле вполне справедлива. Отрицательные же эмоции автора только что процитированной заметки, по-видимому, были обусловлены тем, что, как пишет (другой?) анонимный автор в газете «Вечерняя почта», у А.А. Тихомирова после его перевода в Министерство народного просвещения остались «в Москве свои друзья и приятели, известные в университетской среде под названием “сынки”» (Анон., 1905); к их числу, по-видимому, относился и герой нашей книги Г.А. Кожевников.

> В качестве небольшого отступления позволим себе заметить, что в Российском государстве, выстроенном на основе властной бюрократической вертикали, университеты, кои по исходному принципу должны были бы служить воплощением принципов демократизма, на самом деле воплощали принципы бюрократизма, и в них такие нарушения профессиональных норм не были чем-то сверхординарным (Новиков, Перфилова, 2014). Так, коллега Кожевникова Л.С. Берг пишет ему с досадой в январе 1910 г. (в то время он работал в Санкт-Петербургском зоологическом музее), что его обошли с избранием профессором на каф. географии в Казанский университет: «Выбранный Советом Университета и обладающий всеми правами [он] не утверждён, а назначен [Министерством] никем не выбранный, не имеющий никаких прав и не обладающий надлежащей степенью» некий метеоролог из Тифлиса Розенталь (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 444. Л. 14об).

Рассматривая данную коллизию в нашем случае, важно иметь в виду, что «зоологический департамент» МУ в начале 1900-х гг. переживал весьма тяжёлый организационный период, вызванный переездом в только что отстроенный Зоологический корпус: нужно было переносить и размещать на новом месте коллекции, обустраивать лаборатории и т. п. (см. 2.5). Это требовало специфического административного склада ума и характера, в значительной мере схожего с богдановским. Как можно думать,

А.А. Тихомиров, который инициировал в конце 1890-х гг. постройку нового здания и скомандовал начать переезд в него в 1902 г., в выборе своего преемника исходил именно из этих соображений. И, наверное, он счёл, что для решения многотрудных специфических задач, связанных с освоением нового здания, более всего подходит достаточно молодой и энергичный Г.А. Кожевников, проявивший свои организационные способности и явный интерес к музейной работе и к тому же, по одному из отзывов (Савин, 2015), при постройке Зоологического корпуса ставший «правой рукой» Тихомирова. Наконец, в 1910 г. Кожевникову было присвоено звание ординарного профессора по Кафедре зоологии, сравнительной анатомии и физиологии при МУ, о чём его специальным формулярным письмом известили из канцелярии ректора МУ (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 325): это окончательно снято все вопросы об уместности его пребывания в должности заведующего.

Получение Кожевниковым первого профессорского звания и должности совпало по времени с очередной университетской реформой: в 1906 г. прежняя достаточно жёсткая курсовая система обучения была заменена более демократической предметной (Жарова, 2012). В связи с этим новоиспечённый профессор написал большую статью, в которой рассмотрел плюсы и минусы новой системы, её основная плодотворная идея, по его мнению (Кожевников, 1906а, с. 77, 82), заключалась в том, чтобы

> сделать университет учреждением, где разрабатывается и преподаётся наука, а не фабрикой дипломов. […] При теперешней системе проверочных испытаний […] поощряется чисто школьническое отношение к делу. […] Предметная система, предоставляя учащимся большую свободу, требует для своего практического осуществления самого строгого и серьёзного отношения к делу. […] При новой системе студент пойдёт проверять свои знания лишь тогда, когда сам будет сознавать, что он *изучил* предмет в достаточной мере.

Пользуясь предоставленной возможностью, Г.А. наметил желательное включение в общий зоологический цикл некоторых новых дополнительно вводимых предметов («избранных глав»), которые были бы обязательны для прослушивания студентами его кафедры. К их числу он отнёс энтомологию, гидробиологию и зоопсихологию на том основании, что зоолог, не прослушавший их, останется «недоучкой». Последний из перечисленных предметов показался Кожевникову важным тем, что «является хорошим связующим звеном между зоологией и гуманитарными науками» (там же, с. 76). Вдобавок он высказал важную идею полезности введения особого «педагогического цикла», который позволил бы выпускать широко образованных преподавателей, готовых самостоятельно вести в средних учебных заведениях курс естествознания в достаточно полном объёме.

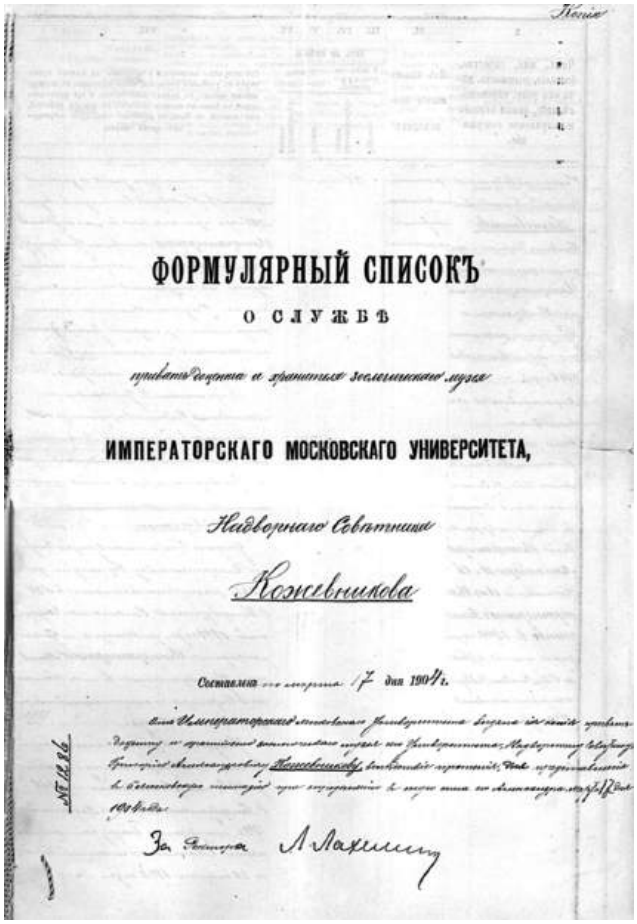
Получив звание ординарного профессора в 1910 г., Г.А. Кожевников вошёл в состав Совета МУ с правом решающего в голоса при обсуждении вопросов, касающихся университетской жизни. В 1912–1913 гг. его назначили членом Испытательной комиссии при ФМФ и как члена Совета утвердили кандидатом в члены Профессорского дисциплинарного суда МУ (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 143, 326). В 1914 г. в университетском годовом отчёте Кожевников упомянут как член Библиотечной комиссии МУ (Отчет…, 1915, с. 12). Весной 1915 г. он баллотировался на должность помощника ректора МУ, но потерпел неудачу (Савин, 2015); как представляется, весьма вероятная причина неизбрания Г.А. состояла в следующем. В ходе продвижения только что упомянутой (так и не случившейся) реформы образовательной системы он в начале 1910-х гг. в нескольких записках предложил Совету МУ существенно поменять процедуру избрания университетских профессоров на вакантные должности: вместо двухступенчатой системы голосования (факультетский Совет и университетский Совет) принять одноступенчатую (только факультетский Совет) и публиковать отзывы о кандидатах, чтобы сделать выборы максимально гласными (Ар-

хМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 1–6; Ед. хр. 141. Л. 1, 1об, 2). Надо полагать, что это предложение пришлось не по вкусу консервативному ядру университетского Совета, оставшемуся в нём после массовых отставок в связи с «делом Кассо» (см. раздел 2.6), — вот нашего героя, как говорили в то время, в назидание и «прокатили на вороных».

***

Карьерный рост Г.А. Кожевникова в стенах МУ сопровождался присвоением ему классных чинов согласно занимаемым должностям, получаемым учёным званиям и выслуге лет на основании официальной «Табели о рангах», которая действовала в университетской системе после её реформы 1884 г. (Шепелев, 1991). Все эти перемещения, произведения в чины и пожалованные награды отражены в его «Формулярном списке», составленном в 1904 г. для представления в 5-ю Московскую гимназию в связи с поступлением в оную его сына Александра (рис. 2.12) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 322). В 1891 г. после трёх лет службы в МУ в должности сверхштатного ассистента при Зоомузее Кожевникову присвоен чин *коллежского секретаря* (10-й класс). В 1892 г. он произведён за выслугой лет в *титулярные советники* (9-й класс), в связи с чем в 1894 г. ему пожалован *орден Св. Станислава 3 ст*. После перемещения в 1894 г. на должность штатного ассистента и за очередной выслугой лет он произведён в 1895 г. в *коллежские асессоры* (8-й класс). Вслед за присвоением звания приват-доцента (1898 г.) Г.А. награждён *орденом Св. Анны 3 ст. (*1899 г.), в 1900 г. произведён за выслугой лет в чин *надворного советника* (7-й класс). В 1901 г. от имени Французской академии наук ему присвоено почётное звание *Officier de l'Instruction Publique* («Кавалер народного просвещения») с правом ношения отличительного орденского знака.

Сведений о более поздних присвоениях чинов и наград Г.А. Кожевникову мы не обнаружили. Следует предполагать, что по получении им звания профессора и занятия Кафедры зоологии он был произведён, согласно указанной «Табели о рангах», в чин *коллежского советника* (6-й класс) и награждён каким-либо из полагающихся сему чину орденов (*Св. Станислава 2 ст*. или *Св. Владимира* одной из низших степеней).

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОКЪ

О СЛУЖБѢ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

Рис. 2.12. Титульная страница «Формулярного списка» с записями об основных событиях в жизни Г.А. Кожевникова по 1904 г. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 322)

В 1918 г. все эти чины будут отменены, а награды у Г.А. конфискуют (см. раздел 2.7).

2.4. Преподавание и просвещение

Поступив на службу в Зоологический музей, Г.А. Кожевников впервые соприкоснулся с преподаванием «с другой стороны» — не как слушатель, а как его действующее лицо, выполняя ассистентские обязанности при профессорах и приват-доцентах (о чём имеются записи в процитированных выше годовых отчётах МУ). Вместе с другими ассистентами и хранителями музея (Н.М. Кулагин, А.Н. Корчагин, Ф.Ф. Каврайский, С.А. Зернов и др.) он помо-

гал профессорам А.П. Богданову, Н.Ю. Зографу и А.А. Тихомирову проводить закрепляющие занятия (так называемые «репетитории») со студентами Естественного отделения ФМФ, а также Медицинского факультета, обеспечивая их необходимыми анатомическими материалами. В качестве ассистента он также помогал студентам готовиться к государственным и полукурсовым экзаменам, показывая им необходимые препараты.

Полноценная преподавательская деятельность Кожевникова началась после того, как он в 1896 г. сдал магистерский экзамен (Речь…, 1898), в 1897 г. представил Совету ФМФ на звание приват-доцента пробную лекцию по зоогеографии (о ней см. далее), а на следующий год получил искомое звание и вместе с ним право самостоятельно читать курсы. Эта его деятельность была весьма целеустремлённой: следуя заветам своего учителя А.П. Богданова, Г.А. чрезвычайно серьёзно понимал её «сверхзадачу» как некую особую миссию. Как мы уже указывали выше, в «Инструкции оставляемому при МУ» он пишет, что его цель — «дать путеводную нить для оставляемого при кафедре зоологии в его предстоящей ответственной и трудной работе» (Кожевников, 1916б. Л. 1). Руководствуясь этим, Г.А. стремился привить студентам понимание того, что изучаемые ими организмы — это не просто всякие разные «жучки и паучки»: в своём совокупном многообразии они составляют жизнь, которая есть, по мнению профессора (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. б/н),

> самое сложное их всех существующих явлений. К разгадке загадок жизни стремятся пути всех исследователей […]. При изучении науки о жизни и при разработке её мы всегда имеем перед собой этот высший её интерес как своего рода путеводный маяк среди подавляющей массы мелких и в отдельности неинтересных фактов.

Нечего и говорить, что Кожевников призывает своих слушателей столь же серьёзно относиться к лекциям и занятиям. Профессор предупреждает их (там же. Л. б/н):

> Приступая к изучению естествознания в университете, вы подходите к громадной сокровищнице знаний, к громадному материалу научных фактов и теорий, подходите к итогам напряжённой работы многих поколений учёных. […] Отсюда вполне естественно желать, чтобы на изучение науки вы смотрели как на дело величайшей важности, чтобы относились к этому делу с величайшим вниманием и серьёзностью.

Стремясь прививать своим слушателям то, что обычно называют «проблемным мышлением», совершенно необходимым настоящему учёному, Кожевников в своих лекциях не ограничивается изложением одних только фактов. В частности, рассказывая студентам о разнообразии организмов, он даёт объяснение этому всеобщему биологическому явлению, привлекая их внимание к основам эволюционного учения, главным образом к ставшему уже очень популярным дарвинизму. Кроме того, в читаемых им курсах Г.А. постоянно даёт «слушателям понятие о том, что наука неизмеримо богаче интересным материалом, чем учебный курс, и что курс есть только схематизированный экстракт из научного богатства» (там же. Ед. хр. 146. Л. 1об).

Чтобы это «научное богатство» не ускользнуло от внимания будущих исследователей, Кожевников в самом начале своего общего курса зоологии беспозвоночных предупреждает студентов (там же. Ед. хр. 66. Л. 3):

> Первые два года университетской жизни надо возможно равномерно распределять свои интересы между предметами. Самое опасное сразу решать, иногда совершенно безо всяких данных, что одни предметы более интересны, другие менее интересны. […] Какая бы то ни было специализация возможна не ранее III курса.

Григорий Александрович весьма обстоятельно готовился к своим лекциям (рис. 2.13). Некоторые его записи, особенно ранние, являются не конспектами, а полноценными текстами, готовыми к устному воспроизведению *ex cathedra*. Последнее видно из того, что

некоторые фрагменты этих текстов фактически представляют собой запись прямой речи, обращённой к слушателям. Так, тетрадь с изложением вводной лекции по зоогеографии начинается такими словами (там же. Ед. хр. 61. Л. 1):

> Приступая к чтению специального курса и притом курса, никем до меня не читавшегося в Московском университете, я считаю необходимым остановить прежде всего ваше внимание на задачах специальных курсов вообще, а в частности на задачах курса зоогеографии и на содержании этого курса.

Вместе с тем Кожевников чётко отличает по содержанию и характеру подачи материалов лекции от учебников и руководств, считая их произведениями разных жанров. Он пишет, что «книжное изложение более формальное, более застывшее в определённых рамках; лекционное изложение более свободное, более индивидуальное. Причём лектор может задать специальный оттенок некоторым вопросам» (там же. Ед. хр. 73. Л. б/н). Из этого видна особая склонность Григория Александровича: он явно предпочитал «свободный» стиль лекций и не очень жаловал «формальное» представление знаний в книгах, не считая нужным тратить своё время на изложение «застывшего в определённых рамках». Возможно, по этой причине он, читавший лекции по зоологии на протяжении четверти века, не оставил после себя ни одного полноценного учебника или руководства по этой дисциплине ни в целом, ни по какому-либо её разделу. На этом общем фоне примечательно, что Кожевников, сам не написав до конца 1920-х гг. ни одного полноценного учебника, в своих рецензиях на выходящие в 1900-е и 1910-е гг. учебные издания по зоологии и биологии советовал их авторам, как тем следовало бы писать свои опусы. Одним он советовал тщательнее подбирать иллюстрации, другим — следить за своим языком, третьим — подробнее разбирать вопросы систематики, четвёртым — больше внимания уделять описанию родной природы и т. п. (напр., Кожевников, 1897а, 1915б, 1916в).

Рис. 2.13. Фотография Г.А. Кожевникова в Большой зоологической аудитории ЗММУ (1914 г.) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 379)

Избегая тратить время на подготовку «гроссбухов», Г.А. Кожевников гораздо охотнее писал и публиковал обзоры по некоторым мало разработанным вопросам зоологии, которые особо его интересовали (по изменчивости, зоогеографии и др.). Так, его обстоятельную статью об основных понятиях зоогеографии допустимо рассматривать в качестве некоего «мини-учебника», поскольку в ней Г.А. очень кратко и в достаточно популярной форме знакомит читателей с азами этой дисциплины в её полном объёме (Кожевников, 1908а). Больше всего повезло в этом отношении пчеловедению: читаемый им курс проф. Кожевников всё-таки оформит в качестве полноценного учебника (см. раздел 4.7).

В своих лекциях Г.А. Кожевников делит классическую (описательную) зоологию на две «главных области специализации» (Кожевников, 1916б. Л. 3). Одну из этих областей он называет «сравнительной морфологией», включая сюда органологию, гистологию и эмбриологию; другую область он считает «си-

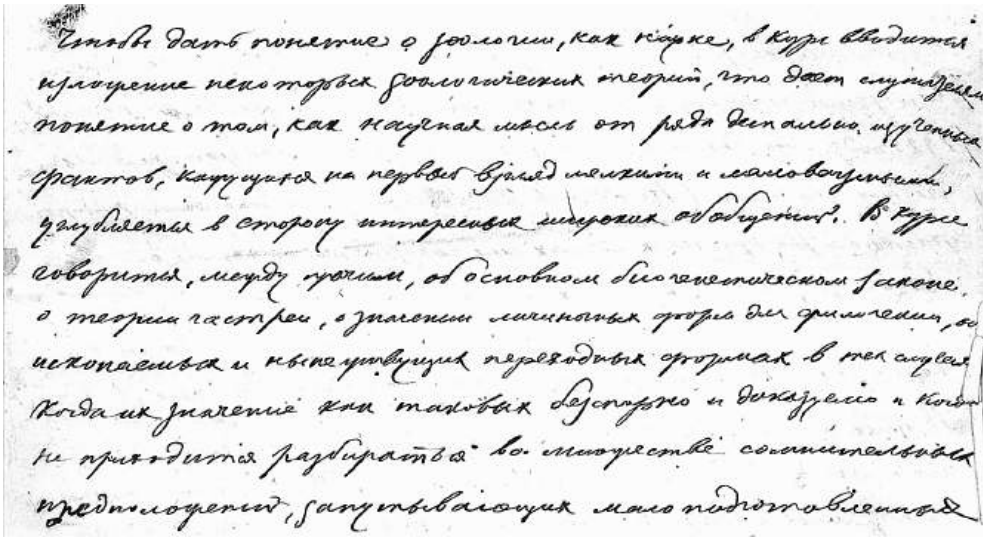

Рис. 2.14. Первая страница рукописи Г.А. Кожевникова (конец 1890-х или начало 1900-х гг.) с программой курса общей зоологии (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 146)

стематико-зоогеографической», отнеся к ней систематику, зоогеографию и «ойкологию» (так в то время называлась экология). Единство этих областей он видит в общности их методологии, которая, по его мнению, заключается в следующем (там же):

> Направление экспериментальное можно рассматривать как метод исследования, одинаково применимый к обеим областям: изучение регенерации и экспериментальная эмбриология являются достоянием сравнительной морфологии, а опыты с изменением окраски под влиянием внешних условий отходят в область систематики и зоогеографии (получение уклонений, соответствующих географическим подвидам).

Как было сказано выше, Г.А. Кожевников начал свою преподавательскую деятельность с практических занятий по энтомологии и зоотомии; по ним же, а также по зоогеографии он с конца 1890-х гг. начал читать лекции; в 1900-е гг. к ним добавились курсы по общей зоологии, зоологии беспозвоночных, по простейшим, а также специальный курс по зоотехнике. Кроме того, как указано выше, Г.А. считал, что «вопросы зоопсихологии, как самостоятельной отрасли биологии, должны также занять некоторую долю внимания» (Кожевников, 1906а, с. 76).

Поскольку, помимо своего «пчелиного цикла», он почти не занимался собственно научными исследованиями, его лекционные курсы носят во многом компилятивный характер. В их основе лежат новейшие фундаментальные сводки и руководства по зоологии преимущественно западноевропейских авторов. Вместе с тем общие схемы, заимствованные из них, Кожевников дополняет некоторыми собственными весьма интересными теоретическими соображениями (например, о соотношении зоогеографии, систематики и эволюции, см. далее) и обогащает фактическими данными, которые подбирает сам. В его архивных материалах сохранились многостраничные тексты лекций, первые из которых датированы 1898, 1901 и 1905–1906 гг., а последние — 1926–1928 гг.: это значит, что Кожевников постоянно обновлял читаемые им курсы новыми материалами и идеями.

Курс общей зоологии Г.А. Кожевников читал в традиционном ключе для всех слушателей кафедр биологического профиля — зоологов, ботаников, гидробиологов, антропологов и агрохимиков. Основная задача курса состояла в том, чтобы «дать общее представление о зоологии как о науке», причём «через весь курс строго и последовательно проводится идея эволюции» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 146. Л. 1об). Определяя теоретическое содержание

этого курса (рис. 2.14) (там же. Л. 1), Г.А. позволял себе

> углубляться в сторону интересных широких обобщений [лишь] в тех случаях, когда их значение как таковых бесспорно и доказуемо и когда не приходится разбираться во множестве сомнительных предположений, запутывающих мало подготовленных слушателей и оставляющих у них самое невыгодное впечатление.

Углублённый курс специальной зоологии читался для студентов Кафедры зоологии, в основу лекций был положен систематический принцип, при этом наибольшее внимание и время Кожевников уделял беспозвоночным, обосновывая это их значительным таксономическим и анатомическим разнообразием. Впрочем, обзор групп не был исчерпывающим: лектор концентрировался на одном или двух наибольших по объёму типах — на членистоногих и в меньшей степени на кольчатых червях, а остальные характеризовались «попутно». Обосновывая эту свою позицию в вводной лекции курса зоологии беспозвоночных, Г.А. пишет (там же. Ед. хр. 80. Л. 1об):

> Единственный возможный целесообразный подход к курсу беспозвоночных II года заключается в изучении какой-либо одной большой группы или двух близко друг к другу стоящих групп. Наиболее рационально считать основной группой для специального курса беспозвоночных — тип *членистоногих*, которые по разнообразию своей морфологии дают богатейший сравнительно-анатомический материал, неисчерпаемо богатый экологически и филогенетически, дают удобный повод иллюстрировать хорошими конкретными примерами ряд вопросов общей биологии (изменчивость, влияние внешней среды на организмы, приспособление к среде, охранительная окраска, подражательное сходство, ортогенезис и т. п.).

Для каждого типа животных Кожевников даёт его макросистему (до отрядов), ключевые анатомические характеристики, особенности онтогенеза, биологические особенности, распространение. Как было только что сказано, основными источниками информации в данном случае ему служили фундаментальные сводки европейских зоологов: «Handbuch der Morphologie de wirbellosen Tiere» (A. Lang), «Traité de Zoology» (Y. Delage & E. Herouard), «A Treatize on Zoology» (E. Ray Lankester) и др., а также отечественный «Курс энтомологии» (Н.А. Холодковский). В первые годы своей лекционной деятельности Г.А. включал в общий курс зоологии также краткий обзор позвоночных, но в 1920-е гг. их выделят в отдельный курс (его станет читать Б.М. Житков).

Свой лекционный курс по энтомологии Г.А. Кожевников начинает с объяснения студентам того, «почему энтомология, т. е. учение о насекомых, всегда привлекала и в настоящее время привлекает к себе множество исследователей и почему она давно уже обособилась в специальный отдел зоологии» (там же. Ед. хр. 64. Л. 1об). По мнению профессора, такой повышенный интерес связан, во-первых, с тем, что «насекомые представл[яют] собою самый многочисленный класс животного царства», указывая, что количество «как описанных, так и неописанных [видов] доходит до миллиона» (там же. Л. 3об, 4). Второй причиной он считает «чрезвычайное разнообразие образа жизни насекомых и связанных с этим возможностей всюду на них натолкнуться»; наконец, ещё одна причина — «значительная красота многих из них» (там же. Л. 8, 8об).

Зоогеографию Г.А. Кожевников стал читать фактически первым в России, причём начал готовиться к этому новому курсу достаточно серьёзно уже вскоре после завершения университетского обучения. Действительно, в декабре 1893 г. он оставляет в дневнике такую запись (там же. Ед. хр. 350. Л. 77об, 78):

> Мне пришла в голову странная мысль. Если я когда-либо сдам магистер[ский] экзамен и буду просить звание приват-доцента, то мне пришло на ум взять темой для пробной лекции ЗАДАЧИ ЗООГЕОГРАФИИ. Дерзко?! При Мензбире… А что же? И вот я вздумал набросать программу:

a. Прежде наука о природе была одна — не дробилась (помянуть очень вскользь древних).

b. Не вдаваясь в историч[еские] подробности

[…]

Зоогеографическая статика. З. динамика. Столкновения с биологией. Фауна — нечто подвижное… Период[ические] явл[ения]. Фация — формация, связь с геологией. Геоботаника.

Желая оттенить своё первенство в организации этого курса, Кожевников отмечает, что «на лекциях зоологии покойного профессора А.П. Богданова […] ни разу не слыхал слова "зоогеографическая область" [и что] какой-либо вопрос был освещён с зоогеографической точки зрения. […] Во всех русских учебниках зоологии зоогеографическая часть наиболее слабая. […] Работы по систематике и зоогеографии считались до самого последнего времени […] принципиально недопустимыми в качестве диссертаций» (Кожевников, 1906б, с. 68). И вместе с тем эта его затея действительно была достаточно «дерзкой» — ведь служивший на Кафедре сравнительной анатомии проф. М.А. Мензбир за несколько лет до этого издал в виде монографии свою магистерскую диссертацию «Орнитологическая география Европейской России» (Мензбир, 1882), которая являет собой классику зоогеографического исследования того времени. Как бы там ни было, в декабре 1897 г. Г.А. прочитал пробную лекцию на зоогеографическую тему, предложенную ему руководством ФМФ (надо полагать, с подачи самого соискателя) «для получения звания приват-доцента по Кафедре зоологии» (Кожевников, 1898а, с. 1, в сноске), а в 1898 г. получил и сам курс. Этот лекционный цикл получился вполне качественным: в отличие от только что упомянутого труда М.А. Мензбира, кожевниковский обзор охватывал животное население всей Земли и углублялся в довольно давнюю её историю, Григорий Александрович будет читать этот курс, постоянно дорабатывая его, чуть ли не до конца своей университетской карьеры.

Первоначальный энтузиазм Г.А. в отношении зоогеографии подкреплялся уверенностью в том, что «биогеография в современном смысле несомненно новое течение в науке, характерные черты которого вырабатываются на наших глазах. Как долго многие односторонне натуралистически не понимали всего интереса и всего значения этого направления, как многие не понимают и теперь!» (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 183об, 184)[6]. Об этом лекционном курсе в 1911 г. тепло вспоминает один из «столпов» отечественной биогеографии Л.С. Берг в своём письме Г.А. Кожевникову, называя себя учеником последнего (рис. 2.15). Выступая «от имени всех русских зоогеографов», Берг отмечает, что они чрезвычайно ценят «ту энергию, с которой Вы всегда доказывали и доказываете необходимость и важность зоогеографического изучения России» (АрхМГУ. Оп. 200. Оп. 1. Ед. хр. 444. Л. 15, 15об).

Следует отметить, что у Г.А. интерес к зоогеографии ограничился лекционным курсом и не подвиг его на самостоятельные исследования в этой области. Несколько его публикаций «зоогеографического» цикла (см. далее) — не в счёт: они были сугубо компилятивными и связанными с содержанием лекций. Примечательно, что его доклад «Современные направления в систематике животных и зоогеографии», читанный в 1923 г., был фактически целиком посвящён рассмотрению некоторых теоретических вопросов таксономических исследований, но о зоогеографии в виденной нами рукописи с текстом доклада (Кожевников, 1923б) нет почти ни слова.

Для своего кафедрального зоогеографического курса Г.А. Кожевников использует следующие опорные сводки (указаны в его «Инструкции…»: Кожевников, 1916б. Л. 7): «The

[6] В 1906 г. Г.А. Кожевников, «прокатав» несколько лет свой курс на студентах-зоологах МУ, послал его программу (по сути конспект) Мензбиру для ознакомления; тот отозвался кратким комментарием: «Не длинна ли она?» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 543. Л. 1).

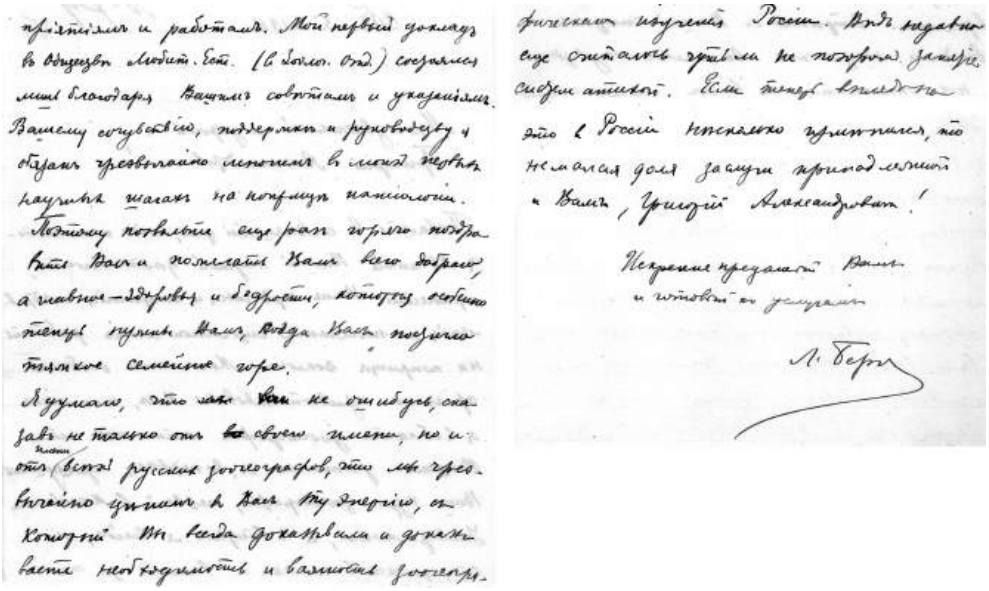

Рис. 2.15. Фрагменты письма Л.С. Берга к Г.А. Кожевникову (ноябрь 1911 г.) с поздравлением с 25-летием его научной деятельности (АрхМГУ. Оп. 200. Ед. хр. 444. Л. 15, 15об)

Geographical and Geological Distribution of Animals» (Heilprin), «Zoogeographie» (Trouessart), «Bionomie des Mares» (J. Walter), «Grundzuge der marinen Thiergeographie» (Ortmann), «Geographische und geologische Thiergeographie» (Lydekker), «Geographie botanique» (de Candolle).

В этой дисциплине Г.А. Кожевников различает два основных раздела: *географическая зоология* изучает закономерности географического распространения по земной поверхности некоторой животной формы или группы форм, тогда как *зоологическая география* изучает границы некоторой области на основании выяснения особенностей состава населяющих её организмов (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 3, 3об). В обоснование зоогеографических выделов и объяснения их фаунистического состава он кладёт комбинацию экологического и исторического подходов, активно привлекает данные палеонтологии и геологии для объяснения современного распространения животных и говорит в этой связи о несостоятельности гипотезы «постоянства материков и океанов». Об этих его исторических основоположениях свидетельствует название статьи, в которой Кожевников изложил главное содержание своей пробной лекции: «Географическое распространение животных форм в связи с их геологическим развитием». В ней он говорит (Кожевников, 1898а, с. 1, 11):

> Изучая географическое распространение животных форм по поверхности земного шара, равно как и их распределение в пределах той или иной области, мы приходим к заключению, что существуют две главные категории причин, от которых зависят упомянутые явления: во-первых, причины, заключающаяся в условиях окружающей среды и, во-вторых, причины, кроющиеся в прошлой истории нашей планеты. […] Хотя геология и палеонтология не всегда в состоянии разъяснить тёмные вопросы зоогеографии, […] без их помощи зоогеографу положительно нельзя обойтись.

Эту общую мысль Г.А. существенно детализирует и расширяет в публичной лекции о фауне московского региона. Оказывается, чтобы ответить на основной вопрос о том, «*почему* в данной местности живут те или иные животные», знать нужно очень многое (Кожевников, 1906в. Л. 4):

> 1) геологическую историю данной местности […], 2) географическое положение её и все подробности устройства её поверхности и климата, 3) условия растительности, в особенности группировки её в растительные формации, 4) […] состав фауны как интере-

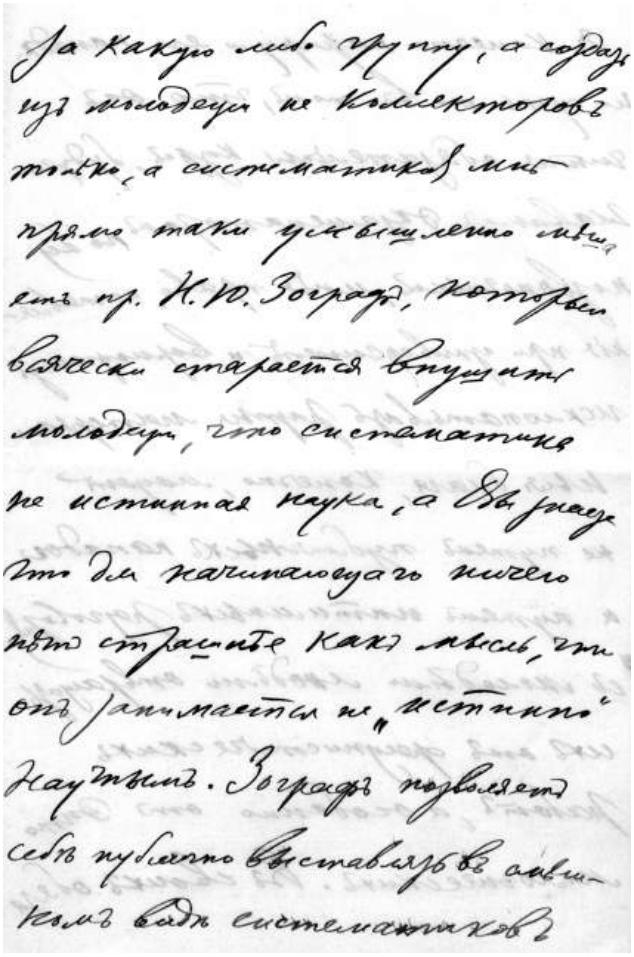

Рис. 2.16. Фрагмент письма Г.А. Кожевникова к А.П. Семёнову-Тян-Шанскому (1903 г.) с сетованием на помехи, чинимые Н.Ю. Зографом его стремлению учить студентов систематике (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 67)

> сующей нас местности, так и окружающих её районов, 5) […] биологию большого числа типичных для данной местности форм, [6] историю влияния человека на эту местность.

В популярном очерке об основных понятиях зоогеографии Кожевников особо подчёркивает значение исторического подхода: «Зоогеограф не может ограничиться лишь констатированием современного видового состава какой-либо местности. Чтобы *понять* фауну, нужно выяснить её *историю*», и указывает далее, что «иногда без помощи геологии мы не можем объяснить кажущихся на первый взгляд весьма загадочными зоогеографических данных», поэтому «связь настоящего с прошлым никогда не нужно упускать из виду при решении вопросов этой науки» (Кожевников, 1908а, с. 74, 77, 78). Таким образом, объясняя студентам основания зоогеографической науки, Григорий Александрович совершенно недвусмысленно отсылает их к истории, а тем самым — к эволюции животного мира.

Зоогеографию Кожевников тесно связывает с систематикой, объясняя их единство следующим образом (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 3об, 13об):

> Само собой разумеется, что прежде чем говорить о распространении какой-либо формы, надо в точности знать, что именно под этой формой мы должны разуметь, а это именно и есть задача систематики. [Именно] систематика даёт своими работами единственную надёжную основу для выводов зоогеографии. […] Этот отдел зоологии […] даёт для неё фундамент.

Как видно из приведённой короткой цитаты, Г.А. вообще придавал систематике большое значение: он хоть и не выделял её в самостоятельную «область» зоологии, считая неким «отделом», но полагал, что без неё преподавание зоологической науки не может считаться полным. С этой идеей, надо полагать, был согласен уже упоминавшийся Н.К. Кольцов, который читал пользовавшийся популярностью курс «Систематическая зоология» на московских Высших женских курсах (Раменский, 2012). Но не у всех коллег такая точка зрения находила поддержку: так, Кожевников в 1903 г. сетует в письме А.П. Семёнову-Тян-Шанскому (рис. 2.16) (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 67, 68, 68об) на то, что

> создать из молодёжи […] систематиков мне прямо-таки умышленно мешает пр. Н.Ю. Зограф, который всячески старается внушить молодёжи, что систематика не истинная наука, а вы знаете, что для начинающего ничего нет страшнее как мысль, что он занимается не “истинной” наукой. Зограф позволяет себе публично выставлять в смешном виде систематиков […], что касается занятий по систематике насекомых, он их прямо третирует как нечто “любительское”. […] Но как же быть, если приохотишь юношу к фаунистике или систематике, а профессор начнёт ему гово-

> рить: бросьте это! […] Но когда мне удастся получить хоть 1 *обязательный* час лекций, дело изменится.

Уничижительное мнение уважаемого профессора Н.Ю. Зографа о систематике, надо полагать, настолько сильно задевало героя нашей книги, что он специально посвятил этой дисциплине достаточно обширный раздел своей вводной лекции по зоогеографии (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 4об, 13), в котором постарался объяснить слушателям

> истинное положение вопроса и предостеречь [их] от постыдных и неправильных выводов […]. Основная идея эволюционной теории, идея об изменчивости форм, родилась [именно] на почве систематики, на почве изучения тех мелочных признаков, тех пятнышек, шипиков и других мелких признаков, за углубление в изучение которых систематикам приходится часто слышать на удивление упрёки не только со стороны публики, но даже со стороны учёных.

Спустя несколько лет проф. Г.А. Кожевников даст своему заочному оппоненту решительную отповедь в докладе «Значение этикетки…», произнесённом в 1912 г. на заседании РГО. В нём он прямо обвиняет анатомов, гистологов и эмбриологов в том, что те пренебрегают выяснением и указанием точной видовой принадлежности исследуемых ими материалов, из-за чего их описание обычно «не удовлетворяет первому требованию — мы не знаем и не можем узнать, какое это было животное» (Кожевников, 1912а. Л. 4).

Возглавив Кафедру зоологии МУ и следуя своему пониманию «истинного положения вопроса», Г.А. Кожевников сразу же начинает проводить регулярные занятия по систематике, а в «Инструкции оставляемому» сообщает, что согласно выработанному им плану «вопросы систематики войдут […] в программу зоологического семинария в 1916–17 гг.» (Кожевников, 1916б. Л. 5об). Он приобщал студентов и оставленных главным образом к новейшим идеям в том разделе систематики, который составлял его основной интерес, — о видах и внутривидовых категориях, и направлял их интерес к практическому разделу этой дисциплины. Поэтому в рекомендациях своим слушателям Г.А. не указал ни одной сводки по систематике (впрочем, в то время их в общем-то и не было), но призвал их ознакомляться с исследованиями выдающихся зоологов-систематизаторов, дабы усвоить их методы отбора признаков и сравнения организмов. Кожевников внимательно следил за текущей литературой по генетике межвидовых и межрасовых различий, интересовался применением биометрических методов для выявления этих различий. Всё это отражено в его докладе «Современные направления в систематике животных и зоогеографии», датируемом 1923 г. (Кожевников, 1923б).

Кроме расширения традиционных знаний по зоологии вообще, Кожевников стремился приобщить своих студентов и оставленных (по-нынешнему — аспирантов) к тем разделам общей биологии, которые только-только начали входить в учебные курсы, — кроме зоогеографии, также с эволюционным учением, с учением о наследственности и др. Для этого он рекомендует «Vorlesungen über Deszendenstheorien» (Lotsy), «Über die Bedeutung des Darwin'schen Selektionsprincips etc.» (Plate), «Einführung in die Vererbungswissenschaft» (Goldsmidt), «Менделизм» (Богданов), «Mutationstheorie» (De Vries) и др. Обращаясь к оставленным при МУ, Г.А. настоятельно советует им ознакомиться с основаниями зоопсихологии, начав с работы В.А. Вагнера «Биологические основы сравнительной психологии».

> Странно, что в этом перечне дисциплин вовсе отсутствует упоминание «ойкологии» (экологии), к которой Кожевников испытывал определённый интерес, и не рекомендованы руководства по началам биоценологии, в то время уже имевшие достаточно широкое хождение: напр., «Lehrbuch der ökologischen Pflanzengeographie» (Warming, Knoblauch).

Особое внимание Г.А. Кожевников уделял лабораторным занятиям студентов — тому самому практикуму, который, как мы отметили выше, впервые ввёл в образовательный цикл

зоологических дисциплин А.П. Богданов. Пройдя сам через эти занятия и усвоив на собственном опыте их основной смысл, Г.А. увещевал студентов в том, что «никакие чтения, никакое самообразование, никакие личные способности и таланты не дадут того, что даёт практическое ознакомление с предметом в обстановке университетской лаборатории» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 7). Наряду с этим он придавал большое значение прививанию студентам профессиональных навыков наблюдений в природе, для чего регулярно совершал с ними экскурсии по Москве и её окрестностям; об одной из них опубликован краткий отчёт в журнале «Естествознание и география» (Анон., 1901а). Г.А. убеждал своих слушателей (Кожевников, 1916б. Л. 10об, 11) в том,

> что всякие наблюдения над живой природой имеют особую ценность для зоолога. Поэтому необходимо пользоваться всякой возможностью поработать на берегу моря или озера или реки или, наконец, среди леса. Приглядка к объектам в их естественной обстановке, умение найти среди этой обстановки нужные и интересные материалы, умение понять различные ойкологические данные — всё это составляет ценный научный багаж.

Подкрепляя эти рассуждения примерами, Кожевников рекомендует желающим приобщиться к полевой зоологии для начала внимательно ознакомиться с книгой Н.А. Северцова «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии» (1855 г.) — «как с образцом того, во что могут превратиться записи записной книжки и наблюдения во время экскурсий» (там же. Л. 11). В качестве другого подобного «образца для подражания» он указывает германского орнитолога Э. Хартерта (= Гартерт; Ernst Johann Otto Hartert): «просмотревши внимательно книжку Гартерта по систематике птиц, можно легко ознакомиться с тем, на каких признаках основывается дробление обычных видов птиц на подвиды» (там же. Л. 5; имеется в виду первый том книги Хартерта «Die Vögel der paläarktischen Fauna», опубликованный в 1910 г.). Исходя из того, что практические исследования в систематике и фаунистике начинаются со сбора и обработки полевых материалов, он ежегодно читает для студентов небольшой спецкурс «Что и как собирать», пользуясь выше упомянутым «Руководством…» (см. годовые отчёты МУ за это время).

Не ограничиваясь чтением лекций и проведением обязательных лабораторных занятий и семинаров со студентами, Г.А. Кожевников как глава Кафедры зоологии принимал живейшее участие в деятельности Студенческого кружка для исследования Русской природы и самообразования при этой кафедре. Основание кружку было положено группой студентов в 1901 г., его возглавил Н.Ю. Зограф (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 44); Кожевников взял его под своё начало, возглавив кафедру (рис. 2.17), руководил зоологическими экскурсиями его членов, изданием его Трудов. Студенты участвовали в работе руководимой Кожевниковым Комиссии по изучению фауны Московской губернии, среди них были будущие известные зоологи С.С. Четвериков, С.И. Огнёв и др. Для этого Г.А. изыскивал возможность выделять некоторые ассигнования на оплату студенческих экспедиционных работ (Отчёт…, 1915, 1917). Некоторые его студенты и оставленные (Н.В. Воронков, Ю.Н. Зограф, Ф.С. Щербаков и др.) участвовали в работе Окской экспедиции в 1903 г. (о ней см. раздел 3.4). С этой же целью Г.А. привлекал студентов к лабораторным исследованиям, проводимым в летнее время на Косинской биостанции (см. о ней раздел 3.7). В 1909 г. Кожевников организовал первую после долгого перерыва учебную студенческую экскурсию на Севастопольскую биологическую станцию для ознакомления студентов с морской фауной и приёмами экскурсирования, включая сбор и первичную препаровку коллекционных материалов по водным беспозвоночным (Отчёт…, 1910). В организации и проведении этой экскурсии живейшее участие принял С.А. Зернов, выпускник Каф. зоологии МУ (1895 г.), в те годы заведующий Севастопольской биостанцией (о нём см.: Волков, Куликова, 2003).

Рис. 2.17. Коллективная фотография руководителей и некоторых участников Студенческого научно-педагогического кружка при Кафедре зоологии МУ (март 1915 г.), слева направо: сидят М.М. Рубинштейн (заместитель председателя), Г.А. Кожевников (председатель), Л.М. Кречетович, стоят студенты Н.К. Дексбах, ?, Шнейдер, Коровенко, Б.П. Духовенский (секретарь) (АрхМГУ. Оп. 200. Оп. 1. Ед. хр. 382)

На протяжении первой половины 1900-х гг., в связи с освоением Зоологического корпуса, преподавательская работа на кафедре во многом была осложнена недостатком и неустроенностью новых помещений, которые, как оказалось, не были рассчитаны на такое количество студентов, а также отсутствием современного лабораторного оборудования и проч., на приобретение чего не хватало ассигнований (см. раздел 2.5). Обо всём этом Кожевников педантично указывал в годовых отчётах Зоомузея. Другой сложностью было то, что после ухода А.А. Тихомирова на Кафедре зоологии остались только два профессора — Н.Ю. Зограф и Г.А. Кожевников, которым помогали приват-доценты Б.М. Житков, Я.П. Щелкановцев, Н.В. Богоявленский и В.С. Елпатьевский. По указанным причинам студентов пришлось делить на многие группы: так, судя по упомянутым годовым отчётам, на протяжении 1900-х гг. в разные семестры профессора вели до десятка студенческих групп каждый. Кроме чтения лекций, Кожевников руководил индивидуальной работой студентов-старшекурсников Ю.Н. Зографа, В.С. Муралевича, Ф.С. Щербакова, С.С. Четверикова и др., занятых подготовкой к кандидатским экзаменам (соответствуют современным дипломным работам) (Речь…, 1904; Отчёт…, 1905). Несколькими годами позже из-за большой нагрузки Г.А. доверил ассистентам Зоомузея Беккеру и Муралевичу самостоятельно проводить практические занятия со студентами (Отчет…, 1908).

Посчитав в середине 1900-е гг., что он накопил достаточно богатый опыт проведения практических занятий как в полевых, так и в лабораторных условиях, Кожевников решил поделиться с коллегами своими преподавательскими навыками, уделяя особое внимание разного рода техническим приёмам. Им он посвятил специальную статью «Заметки по зоологической практике», весьма обстоятельную и детальную, опубликованную в нескольких выпусках журнала «Естествознание и география» за 1906 г. (Кожевников, 1906б,г.). В этих «Заметках» излагаются советы по приготовлению препаратов

мягких тканей из замороженных объектов, способам их консервирования в формалине и спирте и т. п.; подробнее всего рассмотрено научное коллектирование для изучения местной фауны, систематики и зоогеографии.

Последнюю часть цикла «Заметок» Г.А. начинает с убеждения любителей природы участвовать в сборе фаунистических коллекций. Он считает весьма важным «установить твёрдо ту точку зрения, что научное коллектирование само по себе, безо всякой даже научной обработки собираемого материала, представляет собою *серьёзную научную работу*, так как это есть ни что иное как первая половина всякой систематической, фаунистической и зоогеографической работы» (Кожевников, 1906б, с. 70). Излагая общую технику грамотного научного коллектирования, Кожевников подчёркивает: для того, «чтобы было делом научным и серьёзным, оно должно удовлетворять целому ряду условий. Прежде всего надо знать технику коллектирования» (там же), для ознакомления с которой он отсылает к незадолго до того выпущенному им и его обширной командой «Руководству для […] собирания зоологических коллекций» (о нём мы упоминали выше). Далее, «надо остановиться на какой-то одной группе, надо, чтобы коллекция была полна, а если не концентрировать своего внимания на чём-то одном, никакой полноты быть не может» (там же). Для того, чтобы выбор такой группы был осмысленным, и «коллектирование было полезно для науки, [нужно] предварительно спросить специалистов, кому какой материал нужен для работы». Ну и, разумеется, «подробнейшее этикетирование есть необходимое условие научности всякой коллекции. Но кроме того весьма желательно ведение дневников, в которые необходимо заносить биологические наблюдения над собираемым материалом» (там же, с. 71, 72). Далее он кратко описывает основные способы лова главным образом насекомых.

***

Г.А. Кожевников прекрасно понимал, что действенность университетского образования, в том числе его лекций, во многом зависит от того, насколько хорошо студенты подготовлены предшествующим гимназическим обучением к восприятию того, о чём профессор им читает *ex cathedra*. Поэтому он достаточно много внимания уделял приобщению учителей начальной и средней школ к современным знаниям по естественной истории. В связи с этим Г.А. в начале 1890-х гг. вступил в Общество распространения технических знаний и вскоре стал его секретарём, в каковом статусе указан как соредактор сборника «Материалы по вопросам преподавания естествознания в средней и низшей школе» (Варавва, Кожевников, 1894). После того как это общество в конце 1890-х гг. было ликвидировано и на его «осколках» учредили Педагогическое общество при МУ (Змеев, 2009), Г.А. был избран товарищем (заместителем) председателя его Естественноисторического отделения (М., 1901, с. 87), читал на заседаниях доклады, такие как «Перелётные птицы», «Зоогеографический элемент в школьном землеведении», «Паразитизм», «К методике ботаники в средних учебных заведениях», «Педагогическое значение собирания естественноисторических коллекций» и др. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 42, 141, 212; М., 1901, с. 89); проводил с его членами практические обучающие занятия по зоотомии и организовывал экскурсии в природу, порой весьма дальние (Речь…, 1900; Анон., 1901б).

Не понаслышке зная, что в преподавании неверные средства не могут привести к верным целям, Кожевников был озабочен разработкой методов и поисков новых форм развития у школьников естественнонаучного знания. В этой связи, например, в ходе ознакомительной поездки по музеям Европы в 1899 г. внимание Г.А. привлёк некий научный театр «Урания», устроенный однотипно в Берлине и Вене. В этом театре давались особые представления в форме популярных лекций, сопровождаемых демонстрацией разных природных явлений (видовые декорации, шум волн и т. п.). Сразу же по возвращении Г.А. поделился своими впечатлениями об «Урании» с члена-

ми Педагогического общества и обратил их внимание на общественную полезность таких представлений (Кожевников, 1900а).

Внимание Григория Александровича к школьному и гимназическому образованию в области естествознания было весьма серьёзным и отнюдь не случайным. Оно было мотивировано его стремлением поднять общую естественнонаучную культуру русского общества на более высокий уровень — значительно выше того, который был характерен для умонастроений конца XIX в. В это время, как Г.А. имел возможность убедиться на собственном опыте, «наша средняя школа уделяет естествознанию такое жалкое место, что просто обидно об этом говорить» (Кожевников, 190?а. Л. 15).

Кожевников особенно негодует по поводу того, что преподавание азов природоведения только в младших классах «ставит предмет в самые худые условия. Мы лишаем возможности преподавать этот предмет ученикам более развитым», в результате получается (если прибегнуть к аллегории), «что мы учим азбуку, не давая возможности учащимся прочитать высокохудожественные произведения» (там же. Л. 8, 10). На этот важный недостаток в начальном школьном образовании он обращает внимание несколькими годами ранее, выступая на страницах «Охотничьего вестника» (Кожевников, 1908б, с. 5); по его мнению,

> Наша школа, вместо более или менее систематического ознакомления с природой, даёт ученикам жалкие обрывки, […] в мужских гимназиях естествознание отнесено на три *младшие* класса и изъято из старших, как будто нарочно для того, чтобы отдалить от изучения природы наиболее сознательные элементы молодёжи.

Но и в младших классах гимназий, по мнению Г.А. Кожевникова, дело обстоит далеко не лучшим образом. Он считает, что «в них нет естествознания в истинном смысле слова […], а вместо этого есть жалкий суррогат в виде так называемого “природоведения”, которое специально приноровлено к низкому уровню развития учеников» (Кожевников, 1909б, с. 83). По

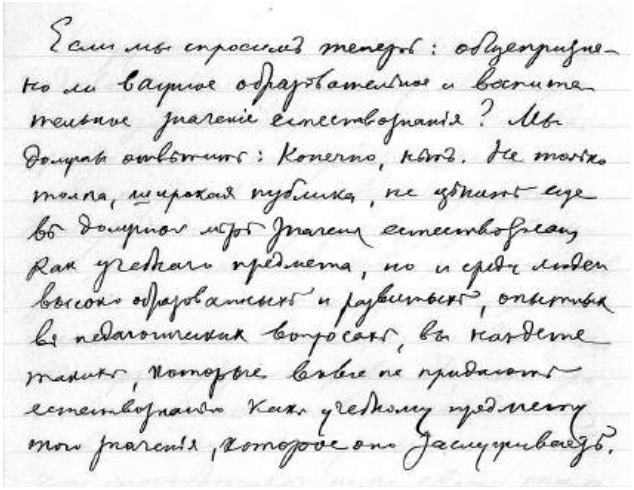

Рис. 2.18. Фрагмент рукописного текста доклада Г.А. Кожевникова «К вопросу о постановке…» (1912 г.) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136)

этой причине азы биологического знания, «прекрасно известные любому немецкому школьнику, […] наши студенты естественники и медики зубрят к экзамену […]. Необходимость учить азбуку естествознания в университете составляет великое зло русского университетского преподавания» (там же).

В связи с этим предметом особой заботы Г.А. Кожевникова была необходимость университетской подготовки преподавателей естествознания в средних учебных заведениях. Этой задаче в основном посвящён его весьма важный и обстоятельный доклад «К вопросу о постановке преподавания естественной истории в мужских гимназиях», прочитанный в 1912 г. на Съезде преподавателей естественных наук (Кожевников, 1912б); после завершения съезда выступление Г.А. было специально отмечено в газете «Русское слово» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136). В этом докладе он с досадой отмечает (рис. 2.18) (Кожевников, 1912б. Л. 3, 4), что даже

> среди людей высоко образованных и развитых, опытных в педагогических вопросах, вы найдёте таких, которые вовсе не придают естествознанию как учебному предмету того значения, которого оно заслуживает, [из-за чего] университеты […] явно отрешились ото всякой заботы о подготовке преподавателей для средней школы» .

Воспитательно-педагогические устремления Кожевникова были во многом стимулированы начавшимся в указанные годы ростом внимания к естествознанию в средней школе, который сопровождался достаточно активным обсуждением его задач, принципов и методов (Андреева, 2018). Об этом свидетельствуют первые попытки учреждения общественных организаций и периодических изданий по данной теме; активную роль в этом играет санкт-петербургский методист-биолог и историк естествознания Б.Е. Райков (Райков, 1960). Выпускаются первые специализированные учебные пособия по природоведению для средних школ, среди которых следует упомянуть «Начальный курс зоологии» М.А. Мензбира, изданный в начале 1900-х гг. (Мензбир, 1904). Издаются в большом количестве учебники и научно-популярные книги для средних учебных заведений, как отечественные, так и (чаще) переводные, которые усердно и со знанием дела рецензирует Кожевников на страницах уже упоминавшегося журнала «Естествознание и география».

В начале 1901 г. Г.А. Кожевников выступил на 1-м Съезде преподавателей естественных наук с двумя докладами (М., 1901). В докладе «К методике ботаники в средних учебных заведениях» он излагает общую структуру курса ботаники, которую считает оптимальной: отстаивает желательность начинать чтение курса с высших растений как более знакомых учащимся; при его планировании считает необходимым учитывать климатические особенности местности, в которой расположена школа, чтобы собирать подходящие натурные объекты (побеги, цветы, плоды и т. п.), подчёркивает важность экскурсий в природе для разъяснения ученикам сезонных явлений в жизни растений. В качестве хранителя Зоомузея в докладе «Педагогическое значение собирания естественноисторических коллекций» Кожевников утверждает, что собирание таких коллекций — «лучшее средство [которое] может содействовать достижению главных целей преподавания естественной истории в средней школе», но оно может иметь «педагогическое значение лишь в том случае, когда всё добывается учеником лично на экскурсиях» (там же, с. 92). При этом Г.А. особо оговаривает, что собирание коллекций не должно развивать жестокости у учащихся, и в связи с этим рекомендует ограничивать их коллекционную активность минералами, растениями и беспозвоночными животными. Согласно одному отзыву, этот доклад признан одним из лучших на съезде (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 105). Позже, однако, углубившись в природоохранную тематику, Григорий Александрович будет настаивать на значительно более жёстком ограничивании такого рода активности (см. раздел 5.3) (Кожевников, 1926а).

Имея в виду воспитание интереса у подрастающего поколения к живой природе, Кожевников всячески приветствовал издание научно-популярных книг, рассчитанных на детей младшего школьного и даже дошкольного возраста. По его совершенно справедливому мнению, автор всякой такой книги должен уметь подавать материал так, чтобы он был «*интересным* для детей, чтобы быть хорошей книгой для чтения, а не учебником». При этом важно сочетать доходчивость с достоверностью и не жертвовать второй ради первой: «В плохих популярных книгах в погоне за доступностью изложения нередко искажаются факты», а посему в трудных случаях «или надо признать вопрос не поддающимся элементарному изложению и обойти молчанием, или надо описать факты верно, хотя бы элементарно» (Кожевников, 1907а, с. 71). Поэтому Г.А. особенно приветствует публикации детских книг, авторы которых счастливо сочетают знание природы с литературным талантом: образцом для подражания он указывает книги Э. Сетон-Томпсона, вышедшие на русском языке в начале 1900-х гг. (Кожевников, 1903а, 1911б). В качестве своего рода «анти-образца» предъявляется книга «Хруп», автор которой, некий учитель естествоведения А.Л. Ященко, чтобы популярно рассказать о крысе, «очеловечивает» её до такой степени, что приписывает ей качества, которые этому грызуну совершенно не свойственны

(Кожевников, 1904а). Касаясь печатанья переводных книг о природе, Кожевников полагает, что они не могут «считаться ценным вкладом в нашу популярную литературу вследствие […] недостаточной приспособленности к русской природе» (Кожевников, 1904б, с. 80). Поэтому он считает наиболее интересными те из них, редакторы которых стараются «по возможности пополнить книжку сообщениями о русской фауне» (Кожевников, 1903б, с. 83).

Своеобразное «комбинаторное» сочетание естественнонаучного и религиозного взглядов в общем «миросозерцании» Кожевникова, включающем не только природу, но и человеческое общество (см. раздел 6.3), неизбежно побуждало его уделять определённое внимание их представлению в гимназическом образовании. Г.А. наиважнейшей полагал задачу привить и самим учителям, и их подопечным правильную естественнонаучную картину мира как антитезу ошибочной религиозной картине. Так, в своей обширной лекции «Будущее человека» (Кожевников, 1908в. Л. 5) он утверждает:

> Мы наносим существенный вред культуре и прогрессу, допуская и в этом, и во многих других случаях, чтобы дети сначала получили *заведомо неверные сведения*, а потом узнавали из первой попавшейся книжки, что они были обмануты, потеряли бы всякое доверие к своим учителям и воспитателям.

И вместе с тем, обращаясь в очередной раз к недавнему опыту реорганизации средней школы в Германии, наш профессор считает большой ошибкой тамошних педагогов то, что те в своё время не сумели устранить «этой полемической области из школы» (Кожевников, 1912б. Л. 21). Он уверен, что

> вопрос о каком бы то ни было столкновении научных истин с областью религиозно-нравственной должен быть совершенно *снят с очереди* в области школьного дела. Бестактные выходки Геккеля и его последователей в области монистической философии и ответные обвинения эволюционного учения противным духу христианства не должны, по-моему, никоим образом влиять на постановку преподавания естественной истории в школе. Область этих философских споров слишком *далека* от области преподавания биологии.

Но Кожевникова явно не устраивает и противоположная позиция — совершенное «замалчивание» эволюционной идеи в немецкой системе преподавания биологических дисциплин в средней школе. В уже упомянутой выше обстоятельной рецензии на «Руководство по преподаванию биологии в старших классах», вышедшее в Берлине в 1909 г. (В. Геринг.), он отмечает, что «доселе в высоко просвещённой Германии к экзамену по зоологии на звание *учителя* естественной истории готовятся по объёмистой книге Лудвига, в которой даже намёка нет на эволюционную теорию». Поэтому в названном руководстве «мы тщетно ищем имён Дарвина, Ламарка, [в нём] нет нигде терминов “борьба за существование”, “естественный отбор”». И в заключение Г.А. прямо обвиняет Геринга в том, что тому «не хватило храбрости на то, чтобы должным образом перешагнуть запретный барьер, преграждающий эволюционному учению путь в школу» (Кожевников, 1909б, с. 85–86).

Однако наш профессор, исходя из этого иностранного опыта, с которым он вроде бы не согласен, парадоксальным образом рекомендует в школьном образовании оставлять в стороне те вопросы, которые порождают «философские споры», ибо «область сомнительных фактов и область гипотез не должны быть предметом преподавания в школе» (Кожевников, 1912б, Л. 22). Г.А. настоятельно подчёркивает необходимость приобщения учащихся прежде всего и главным образом к «фактологической» части школьного естествознания, чтобы исключить из образовательного процесса полемические вопросы, связанные с противостоянием науки и религии. По его убеждению (там же. Л. 20, 21),

> Выработка в учениках какого-либо миросозерцания менее всего должна входить в задачи преподавателя естественной истории, хотя бы уже потому, что он рискует прививать ученикам своё *личное* миросозерцание, а имеет ли оно какую-либо ценность? […] Область

> сомнительных фактов и область гипотез, которые часто являются плодом личного творчества отдельных авторов и так же легко падают, как и возникают, не должны быть предметом преподавания в школе.

Эта позиция, кажущаяся на первый взгляд довольно неожиданной для естественника-эволюциониста, на самом деле вполне характерна для Г.А.: сходную мысль он высказывает в рецензии на научно-популярную книгу А.А. Тихомирова «Живые существа и их размножение» (1907 г.) (Кожевников, 1907б). Призывая формировать школьно-гимназическую программу естествознания на такой сугубо «фактологической» основе, Кожевников всё же делает исключение для эволюционного учения. Оно несомненно имеет «миросозерцательный» характер, причём по убеждению нашего просвещённого профессора, «*наличность эволюции в природе есть не гипотеза, а факт*» (Кожевников, 1908в. Л. 34). К этому «факту наличности» он относит и имеющее антибиблейскую и тем самым неизбежно полемическую направленность утверждение, что «естественное происхождение [человека] путём эволюции установлено прочно и бесповоротно, и положительно настало время вводить эту идею в курс элементарного обучения» (Там же. Л. 13)[7].

Размышляя о глубинном смысле преподавания биологии в свете такого его преимущественно «фактологического» понимания, Кожевников обращает внимание учителей на то, что «школьное естествоведение имеет в своём распоряжении богатейший, подавляющий по богатству и интересу фактический материал», надлежащее преподавание и усвоение коего способно «поглотить все силы и всё внимание учащего и учащегося» (Кожевников, 1912б. Л. 21, 22). Несколькими годами позже в лекции «Образовательное значение естествознания» (читана в 1917 г.) он ещё раз подчёркивает необходимость приобщать учащихся к богатейшим фактическим знаниям о живых существах, полагая (Кожевников, 1917а. Л. 2, 3, 6), что

> запас чисто фактического материала, приобретаемого учащимися в школе, имеет громадное образовательное и громадное практическое житейское значение, а потому далеко не безразлично, какой материал мы преподносим школьнику. […] Изучаемый в школе материал сам по себе, по своей сущности имеет громадное образовательное значение. […] Очень часто материал, взятый из области прикладного естествознания, отличается особой ценностью в педагогическом отношении, ибо он особенно хорошо разработан, способен особенно заинтересовать учащегося и является особенно доступным пониманию.

Говоря о большом воспитательном значении естествознания как учебного предмета, Г.А. считает важным приобщать учащихся не только к содержанию научного знания, но и к способам его получения. Он говорит, что «весьма полезно в образовательном отношении дать понять ученикам, как много скрывается иногда за короткой фразой элементарного учебника. […] Чтобы эта короткая формула могла быть написана в учебнике, необходимо было, чтобы состоялась работа ряда учёных, чтобы были исписаны целые тома исследований» (там же. Л. 15, 16). Развивая и конкретизируя эту тему, Кожевников отмечает важность ознакомления учащихся со скрупулёзными наблюдениями в природе, которые проводят полевые учёные-зоологи. Например, он полагает, что «если ученик будет ежедневно нисколько раз в день стоять с сеточкой около куста жасмина или шиповника и ловить *всё,* что прилетает, подробно этикетируя, то получится очень интересная биологическая коллекция, одновременно интересная и для ученика, и для специалиста» (Кожевников, 1907в, с. 74).

В заметке «Американское природоведение», опубликованной в 1915 г. в журнале «Естествознание и география», Г.А. Кожевников рассма-

[7] Следует отметить, что такое категоричное суждение не соответствует представлениям современной философии науки, согласно которым суждение об эволюции есть именно гипотеза, выдвигаемая с определённых мировоззренческих позиций для объяснения факта разнообразия организмов, но не «факт» как таковой.

тривает только что изданную на русском языке книгу «Дома, в школе, в лесу, в поле», исходно выпущенную для педагогов Корнелльским университетом, и очень высоко оценивает общий стиль представления в ней биологических материалов. В этой своеобразной рецензии подчёркнуто, что «всякий преподаватель естествознания должен её приобрести […]. Он найдёт в ней богатейший материал, который заставит его прежде всего подумать: что можно самому показать по этой программе в своём местном материале?» (Кожевников, 1915в, с. 73).

Григорий Александрович не ограничивался только докладами, явно программного характера, о преподавании естествознания на различных совещаниях и конференциях, посвящённых этому вопросу, но, пользуясь всякой удобной возможностью, напрямую обращался к учителям и учащимся школ и гимназий. Он неоднократно выступал с лекциями на различных собраниях, организуемых для учителей, написал для них методические указания по теме «Природоведение в начальной школе»; в 1910-е гг. подготовил отдельный курс зоогеографии для средней школы и руководство по коллектированию для начинающих натуралистов (кроме цитированных выше, также: АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 65, 91).

Увлечённый в ту пору идеями евгеники (см. раздел 3.6) и мечтая создать на их основе самые благоприятные условия для развития в юношах их интеллектуальных задатков, Г.А. Кожевников в докладе о будущем человека с сожалением отмечает, что «никому не приходит в голову устроить школы для наиболее способных, чтобы не заставлять их без пользы тянуть обычную школьную лямку, приспособленную для малых и средних способностей» (Кожевников, 1908в. Л. 71). Эту же мысль, со ссылкой на немецкого философа и социолога Й. Петцольда (Joseph Petzoldt), он горячо отстаивает в докладе о естествознании (Кожевников, 190?а. Л. 26), утверждая,

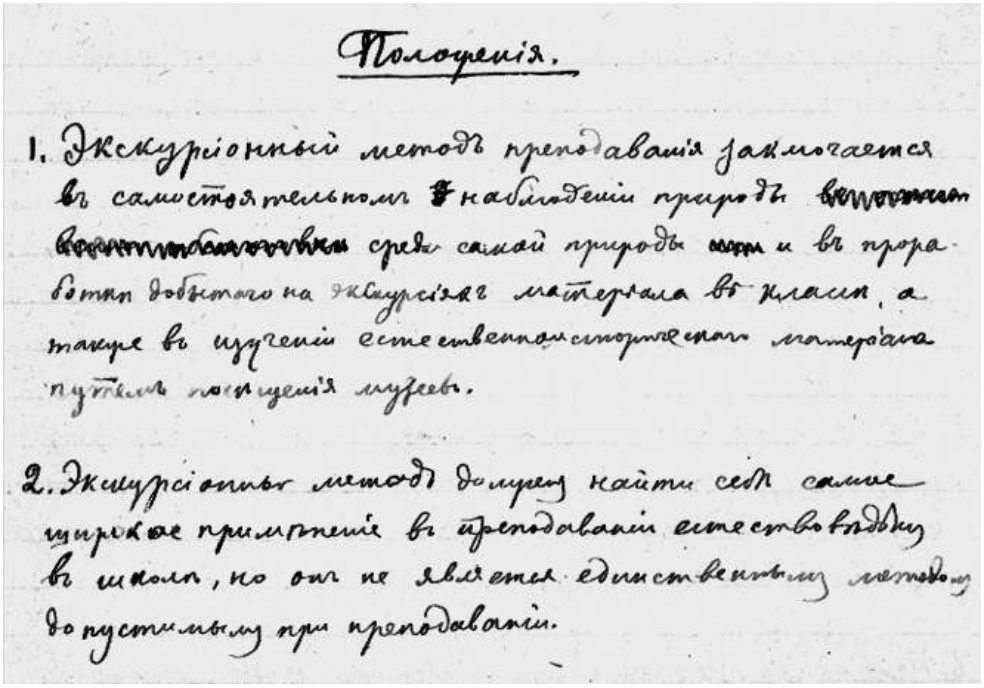
> что совершенно несправедливо и неблагоразумно заставлять способных учеников бесполезно тратить время, которое менее способным необходимо для усвоения курса. При этих условиях дети и юноши с выдающимися способностями […] не имеют возможности развить должным образом свои выдающиеся способности. Выделение способных в особую школу дало бы им повод энергично работать.

Развивая эту идею Петцольда в докладе о будущем человека (Кожевников, 1908в. Л. 88), Г.А. подчёркивает, что

> этот вывод вполне оправдывает принцип отбора сильных, способных и отдельного их воспитания, т. к. мы отбираем здесь их ценные *врождённые* качества и эти качества могут быть при таких условиях более хорошо развиты, а по принципу подбора надо развивать прежде всего то, что имеет врождённую склонность к высокому развитию.

По мнению Кожевникова, в таких специальных школах для одарённых особую роль играет талантливый педагог, который «может быть фактором искусственного отбора, оказав покровительство тому, что лучше и выше» (там же). При этом «от умелости учителей всецело зависит, чтобы выделение способных не отразилось на их этике», чтобы они не развили в себе «чрезмерную гордость и самомнение» (Кожевников, 190?а. Л. 26).

Одной из активно обсуждаемых тем преподавания естествознания в средних учебных заведениях в те годы был, да и позже останется так называемый *экскурсионный метод*, горячим сторонником которого был выше упомянутый Б.Е. Райков. С ним был полностью согласен Г.А. Кожевников, который призывал отказаться от прежней системы преподавания знаний о живой природе на основе «мёртвых» учебных пособий в пользу экскурсирования в самой природе. Его понимание названного метода сочетает в себе два начала: с одной стороны, необходимость знакомиться с фактами природы среди самой природы, с другой стороны — идея деятельного участия учащихся в учебном процессе. В пользу последнего также не раз высказывался Райков, после революции он станет внедряться в учебно-воспитательную систему

Положенія.

1. Экскурсіонный методъ преподаванія заключается въ самостоятельномъ наблюденіи природы среди самой природы и въ проработкѣ добытаго на экскурсіяхъ матеріала въ классѣ, а также въ изученіи естественноисторическаго матеріала путемъ посѣщенія музеевъ.

2. Экскурсіонный методъ долженъ найти себѣ самое широкое примѣненіе въ преподаваніи естествовѣдѣнія въ школѣ, но онъ не является единственнымъ методомъ допустимымъ при преподаваніи.

Рис. 2.19. Первые пункты «Положений» об экскурсионном методе в рукописном тексте доклада Г.А. Кожевникова «Экскурсионный метод…» (1921 г.) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 5)

в форме «трудового воспитания». Кожевников видел основное достоинство этого метода в том, что его сущность составляет «непосредственное общение с природой», а в более узком прикладном понимании — «работа учеников над материалом, добываемым из окружающей природы» (Кожевников, 1921а, Л. 2, 5об). Объясняя своё понимание названного метода в заметке «Экскурсии и охрана природы», опубликованной в газете «Утро России» в 1913 г. (Кожевников, 1913а), он пишет:

> Экскурсионный метод преподавания заключается в самостоятельном наблюдении природы среди самóй природы и в проработке добытого на экскурсиях материала в классе. [Такая] Самостоятельная работа ученика есть основа правильной постановки школьного преподавания и в этой самостоятельности и заключается трудовой принцип школы.

Доклад, прочитанный в 1921 г. на Конференции уездных учителей в Москве, Кожевников завершил кратким изложением своего понимания экскурсионного метода в виде «Положения» из 13 пунктов (Кожевников, 1921а. Л. 5–7). Этот своеобразный «катехизис» одного из важных методологических разделов преподавания естествознания в средней школе (рис. 2.19), как можно полагать, сохраняет актуальность и по настоящее время.

Рассматривая роль экскурсий в преподавании естествознания, активный природоохранитель Г.А. Кожевников уделяет особое внимание прививанию подросткам любви и бережного отношения к природе. Об этом он говорит увлечённо и со знанием дела в докладе «Экскурсионный метод в преподавании школьного естествознания», прочитанном на Конференции уездных учителей в Москве в 1921 г. По его мнению, с одной стороны, росту их популярности «нельзя не порадоваться, так как непосредственное общение с живой природой имеет громадное образовательное и воспитательное значение». Важной частью экскурсионного метода он считает уже упомянутое коллектирование, которое, по его мнению, есть «не забава, а могучее педагогическое средство для развития наблюдательности и интереса к природе. [Оно] замечательно обогащает фактические знания о природе, развивает любовь к природе, внимание, наблюдательность» (Кожевников, 1904в,

с. 84; 1905в, с. 83). Но, с другой стороны, он озабочен тем, что такие экскурсии, включающие коллектирование, если приобретают массовый характер, «являются довольно существенным опустошительным фактором по отношению к окружающей природе» (Кожевников, 1913а).

Воплощая в жизнь заветы своего учителя А.П. Богданова, Г.А. Кожевников не замыкался в строгих академических рамках, но уделял значительное внимание чтению публичных лекций (дополнительным стимулом было то, что многие из них были платными и служили для заметного пополнения семейного бюджета). Согласно архивным материалам с рукописными текстами лекций Г.А. по естественной истории, которые хранятся в его университетском архиве, а также объявлениям, опубликованным в разных газетах, на протяжении 1890-х – 1910-х гг. он прочитал более двух десятков публичных лекций в Политехническом, Зоологическом и Историческом музеях, на заседаниях Педагогического общества, ОЛЕАЭ, ОАЖР, РГО и др. (см. библиографический список в Приложении).

Важно отметить, что некоторые из этих лекций носили не столько информационный, сколько публицистический и местами даже пропагандистский характер. В них Кожевников стремился донести до слушателей своё понимание важных этических вопросов общественной жизни и даже судеб человечества; по степени эмоционального накала отдельные пассажи из них вполне могли бы быть частью проповедей. Так, в лекции о будущем человека (1908 г.) он горячо ратует за осуществление евгенических идей как важнейшее условие достижения светлого будущего человечества (см. раздел 3.6). В лекции о борьбе за жизнь (1914 г.), произнесённой сразу после начала 1-й Мировой войны, он, с одной стороны, резко критикует ужасные современные способы военных действий, несущих огромные бедствия простым людям, а с другой стороны, воспевает героическую жертвенность воинов, наделяя её чертами святости (Кожевников, 1914а).

Будучи склонным к новаторству, Г.А. Кожевников в публичных выступлениях по возможности пользовался новыми техническими средствами: так, в нескольких газетных сообщениях о планируемых докладах он специально подчёркивает, что картинки на них будут показываться с помощью эпидиаскопа (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320). Здесь важно иметь в виду, что техническое новаторство Кожевникова не заключалось в слепой бездумной погоне за новизной, но было по мере необходимости весьма критичным. Так, рассмотрение возможностей использования кинематографа в преподавании пчеловодства Г.А. начинает с объявления о том, что он — «не поклонник кинематографа с педагогическими целями», поскольку «один из громадных недостатков обыкновенного кинематографа — его *лживость*». Объясняя свою негативную позицию, он указывает основной (с его точки зрения) недостаток аппаратов «обыкновенного кинематографа» — быстрое мелькание изображений, из-за чего остаются неуловимыми «многие существенные признаки предмета, которые входят в его характеристику» (Кожевников, 1914б, с. 637, 639). Но одновременно Кожевников благосклонно отзывается о новом компактном аппарате фирмы Пате под названием «Кок», который лишён этого недостатка, и использует его для съёмок процесса работы с ульями в разные сезоны (см. раздел 4.6).

Не ограничиваясь одними только призывами и рекомендациями, Кожевников сам иногда «ходил в народ», преподавая естествознание в гимназиях. Об одном из таких «походов» сообщают в сентябре 1904 г. «Московские ведомости»: «По ходатайству педагогического совета частной женской гимназии Гельбига […] министр народного просвещения разрешил расширить в этой гимназии преподавание естественной истории. […] Предмет этот [проходят] по программе, составленной преподавателем названной гимназии приват-доцентом Г.А. Кожевниковым» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 127). В его университетском архиве сохранился конспект лекций для учащихся средней школы по зоогеографии, который завершается замечательным пассажем методического

свойства: «Если нельзя сказать верно из боязни обременить ученика, надо умолчать о вопросе вовсе до старшего класса. Раз затронув вопрос, надо изложить его так, чтобы это соответствовало истине» (там же. Ед. хр. 65. Л. 5).

Во второй половине 1910-х гг. проф. Кожевников сотрудничал с Педагогическим институтом им. П.Г. Шелапутина, о чём свидетельствует одна из его визитных карточек (там же. Ед. хр. 338). В университетском архиве сохранилась тетрадь Г.А. за 1915 г. с материалами к циклу из семи лекций по зоологии, которые он читал в этом институте (там же. Ед. хр. 204). Названный институт был учреждён в 1911 г. при Министерстве народного просвещения и подчинялся попечителю Московского учебного округа (Педагогический…, 2023), в 1919 г. он будет преобразован в Академию социалистического (в 1923 г. — коммунистического) воспитания и Кожевников его покинет.

***

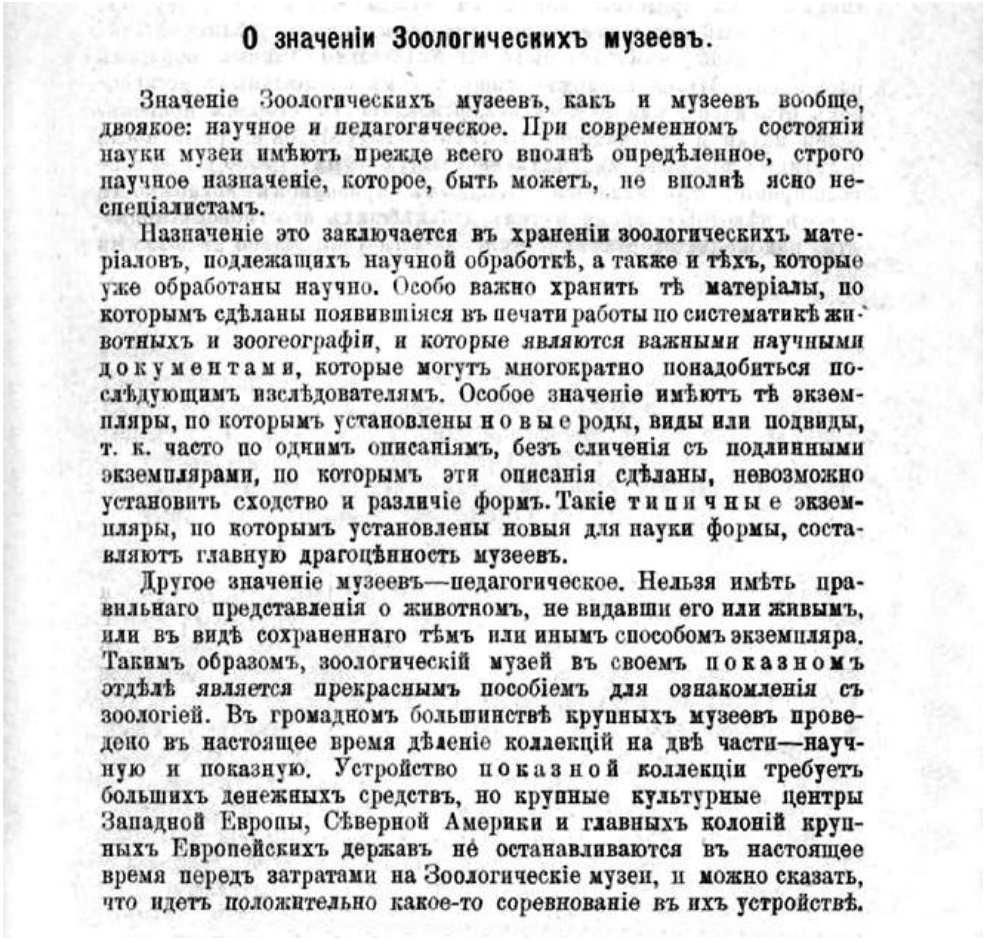
Своё понимание того, каково общее предназначение естественноисторических музеев в просвещении и преподавании основ естествознания и как они должны быть лучше всего устроены соответственно этому, Г.А. Кожевников в общих чертах изложил в нескольких важных публикациях. Одна из них — рецензия на книгу «Пути и цели эволюционного учения в отражении биологических музеев» А.Ф. Котса (Котс, 1913)[8], вторая — «Краткий указатель показной коллекции млекопитающих и птиц» Зоологического музея МУ, особенно его 5-е издание (Кожевников, 1915а).

Основное содержание рецензии на книгу Котса (Кожевников, 1913в) составляет отповедь Кожевникова критическим выпадам её автора в адрес устройства московского Зоомузея. Г.А. выделяет два основных типа музеев — старые «классические» и новые «идейные». Из числа российских музеев, специализирующихся на показе зоологических объектов, к первому относятся университетский в Москве и академический в Санкт-Петербурге, ко второму — Музей эволюционной теории, затеянный самим Котсом. Наш герой полагает (Кожевников, 1913в, с. 87, 88), что

> 1) провести какую-либо общую мысль через весь план музея можно только в том случае, когда музей *заново* основывается (а не переделывается из старого материала) тем, кто этой мыслью проникнут; 2) все музеи, уже давно существующие, имеют свою историю, которая обусловливает состав их коллекций, и этот состав часто создается вне какой-либо одной определённой идеи, а под влиянием длинной цепи условий, в зависимости от научных взглядов ряда заведующих, в зависимости от пожертвований и т. п.; 3) при переустройстве старого музея, если даже даны деньги на покупку новых коллекций (чего, например, не было в Московском университете), нельзя отбросить все старые, как ненужный балласт, а их присутствие само собой ставит работу по переустройству в принудительные рамки.
>
> […] Филетический музей в Йене мог стать таким, каков он есть, т. е. музеем “идейным”, только при условии, что он возникал из ничего, создавался заново по определённому плану[9]. Это условие отсутствовало при переустройстве Петербургского и Московского музеев […]. Оба музея — систематические. Почему же не быть в таких музеях по нескольку экземпляров вида? Легко ли […] решиться выкинуть «лишние» экземпляры, лишив их сохранности в новых шкапах? Ведь не надо забывать, что одна из основных задач музеев — “хранить” предметы.
>
> […] Автор всячески старается умалить значение великолепных биологических групп академического музея. Он упрекает их в отсутствии “идейности”, что совершенно не основательно, ибо задача изобразить животных среди их жизненной обстановки —

[8] А.Ф. Котс — основатель Музея эволюционной теории при Московских высших женских курсах, позже переименованного в Дарвиновский музей (Котс, 2014). С мыслями, изложенными в этой книге, можно ознакомиться в 1-м томе недавно изданного собрания сочинений Котса «Массовый музей и массовый зритель» (Котс, 2013).

[9] Как было сказано выше, об этом музее Кожевников сделал доклад на заседании ОЛЕАЭ в 1913 г. (Кожевников, 1913б).

О значеніи Зоологическихъ музеевъ.

Значеніе Зоологическихъ музеевъ, какъ и музеевъ вообще, двоякое: научное и педагогическое. При современномъ состояніи науки музеи имѣютъ прежде всего вполнѣ опредѣленное, строго научное назначеніе, которое, быть можетъ, не вполнѣ ясно неспеціалистамъ.

Назначеніе это заключается въ храненіи зоологическихъ матеріаловъ, подлежащихъ научной обработкѣ, а также и тѣхъ, которые уже обработаны научно. Особо важно хранить тѣ матеріалы, по которымъ сдѣланы появившіяся въ печати работы по систематикѣ животныхъ и зоогеографіи, и которые являются важными научными документами, которые могутъ многократно понадобиться послѣдующимъ изслѣдователямъ. Особое значеніе имѣютъ тѣ экземпляры, по которымъ установлены новые роды, виды или подвиды, т. к. часто по однимъ описаніямъ, безъ сличенія съ подлинными экземплярами, по которымъ эти описанія сдѣланы, невозможно установить сходство и различіе формъ. Такіе типичные экземпляры, по которымъ установлены новыя для науки формы, составляютъ главную драгоцѣнность музеевъ.

Другое значеніе музеевъ—педагогическое. Нельзя имѣть правильнаго представленія о животномъ, не видавши его или живымъ, или въ видѣ сохраненнаго тѣмъ или инымъ способомъ экземпляра. Такимъ образомъ, зоологическій музей въ своемъ показномъ отдѣлѣ является прекраснымъ пособіемъ для ознакомленія съ зоологіей. Въ громадномъ большинствѣ крупныхъ музеевъ проведено въ настоящее время дѣленіе коллекцій на двѣ части—научную и показную. Устройство показной коллекціи требуетъ большихъ денежныхъ средствъ, но крупные культурные центры Западной Европы, Сѣверной Америки и главныхъ колоній крупныхъ Европейскихъ державъ нѣ останавливаются въ настоящее время передъ затратами на Зоологическіе музеи, и можно сказать, что идетъ положительно какое-то соревнованіе въ ихъ устройствѣ.

Рис. 2.20. Начало вводного раздела «Краткого указателя» Г.А. Кожевникова (4-е изд.) с изложением его представлений об основном назначении музеев (Кожевников, 1915а, с. 5)

настолько важная и почтенная задача, что вполне оправдывает затрату денег и труда. Не надо забывать, что эти “ойкологические” группы дают богатый материал для пояснения и таких общебиологических вопросов, как половой диморфизм, половой подбор, охранительная окраска и т. п. […] Нападая на [такие] музеи за хранение “редкостей” (Schaustücke), автор совершенно неправильно определяет “Schaustück” как “показательный объект, как таковой, без отношения к его теоретической ценности”. Наоборот, в самой сущности показательных объектов обыкновенно заключается глубокая теоретическая ценность, надо только уметь увидать её.

В предваряющем разделе последнего издания «Краткого указателя» (1915 г.) Кожевников высказывается о назначении «классических» музеев — очень весомо и убедительно, профессионально, с глубоким пониманием сути музейного дела. Он пишет (рис. 2.20) (Кожевников, 1915а, с. 5; порядок несколько изменён):

> Значение зоологических музеев, как и музеев вообще, двоякое: научное и педагогическое. [Согласно этому] в громадном большинстве крупных музеев проведено в настоящее время деление коллекций на две части — научную и показную[10].
>
> При современном состоянии науки музеи имеют прежде всего вполне определённое, строго научное назначение, которое, быть может, не вполне ясно неспециалистам. Назначение это заключается в хранении зоологических материалов, подлежащих научной обработке, а также и тех, которые не обработаны

[10] Напомним, что это деление в Зоологическом музее впервые установил А.П. Богданов в 1860-е гг. (см. раздел 2.1).

научно. Особо важно хранить те материалы, по которым сделаны появившиеся в печати работы по систематике животных и зоогеографии и которые являются важными научными *документами*, которые могут многократно понадобиться последующим исследователям. Особое значение имеют те экземпляры, по которым установлены *новые* роды, виды или подвиды, т. к. часто по одним описаниям, без сличения с подлинными экземплярами, по которым эти описания сделаны, невозможно установить сходство и различие форм. Такие *типичные* экземпляры, по которым установлены новые для науки формы, составляют главную драгоценность музеев.

Другое значение музеев — педагогическое: нельзя иметь правильного представления о животном, не видавши его или живым, или в виде сохранённого там или иным способом экземпляра. Таким образом, зоологический музей в своём *показном* отделе является прекрасным пособием для ознакомления с зоологией.

Будучи заинтересован в изучении видового полиморфизма (см. об этом раздел 3.5), Г.А. Кожевников далее пишет (там же, с. 13):

Не следует думать, чтобы для Музея были интересны только редкости. При современной постановке изучения систематики и фауны обращается громадное внимание на колебания признаков, на изменчивость, для чего необходимо сравнение между собою весьма многих экземпляров одного и того же животного из разных местностей.

Отсюда понятна необходимость обширных коллекций из разных местностей. Трудно определить предел того количества экземпляров одного и того же вида, на котором должна остановиться научная коллекция и сказать “хватит”. Пожалуй, предел только один — недостаток места в ящиках и шкафах…

Последний тезис повторяет мысль Кожевникова, ранее высказанную в статье об основных понятиях зоогеографии (Кожевников, 1908а, с. 84). Странно то, что Г.А. — горячий поборник идеи охраны природы — не упоминает здесь очень важный ограничивающий фактор научного коллектирования — необходимость сохранения животных в природе. На это обстоятельство он обратит внимание позже, когда напишет, что «не следует помещать в школьные списки [пособий] животных редких, подлежащих специальной охране» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 1об).

Из предыдущего видно, что принятое проф. Кожевниковым «дихотомическое» деление естественноисторических музеев по их основной направленности не вполне корректно. На самом деле современные «классические» музеи, в отличие от предшествующих им кунсткамер как «выставок редкостей», нагружены вполне определённой идеей — идеей Естественной системы, о чём говорит само название их коллекций — «систематические». Согласно этому, и показная, и научная коллекции организованы в таких музеях в основном так, чтобы экспонаты были размещены в порядке, соответствующем названной Системе, и служили её своеобразной иллюстрацией. В этом отношении такие музеи, разумеется, не менее «идейные», чем те, которые имел в виду Котс, а их экспозиции в некоторых отношениях столь же научные, как и коллекционные фонды.

Понимание Кожевниковым той большой роли, которые играют музейные коллекции в развитии некоторых разделов классической зоологии (систематика, фаунистика, зоогеография, анатомия и др.), видно из того, что он всячески пропагандировал значение и необходимость научного коллектирования. В целом ряде публикаций Г.А. подчёркивает, что все исследования в этих дисциплинах начинаются со сбора зоологических коллекций, причём не всякий собранный в поле материал тотчас находит своего исследователя, поэтому он обязан сохраняться сколь угодно долго.

2.5. Переезд университетской зоологии

Огромное внимание Г.А. Кожевникова на протяжении 1900-х гг., а отчасти и позже, занимало освоение нового Зоологического корпуса,

который был в основном готов в 1901–1902 гг. (см. выше). Это здание было предназначено для двух университетских институций зоологического профиля: «зоологическое крыло» для Кафедры зоологии, сравнительной анатомии и физиологии с Зоологическим музеем при ФМФ, «анатомическое крыло» для Кафедры сравнительной анатомии и физиологии с Кабинетом сравнительной анатомии при Медицинском факультете. Первой институцией заведовал А.А. Тихомиров, второй — М.А. Мензбир, который на рубеже 1890-х и 1900-х гг., воспользовавшись предстоящим переездом, успешно инициировал превращение своей кафедры с кабинетом в Институт сравнительной анатомии (Дементьев, 1950). Интересующее нас «зоологическое крыло» включало два больших экспозиционных зала для показных коллекций, лекционную аудиторию (называлась «Большая зоологическая»), хоры над Верхним залом и множество помещений (в том числе подвальных) для размещения научных коллекций, занятий со студентами и проведения лабораторных исследований.

Поскольку в самом начале 1900-х гг. вопрос о скором назначении Г.А. Кожевникова заведовать Зоомузеем был уже, видимо, предрешён, он взвалил на себя, не дожидаясь официального введения в должность, львиную долю забот, связанных с организацией переезда и освоения новых помещений, — а этих забот было предостаточно. Дело в том, что готовое здание Зоологического корпуса к началу намеченного переезда фактически представляло собой лишь голые стены, причём, как специально отметил Г.А. в своём «Кратком указателе» музея, К.М. Быковский разрабатывал своей проект Зоологического корпуса «почти совершенно самостоятельно, вследствие чего в плане здания недостаёт многого, что было бы желательно зоологам» (Кожевников, 1915а, с. 10). По этой причине, чтобы приспособить новые помещения к музейным и кафедральным нуждам, Кожевникову пришлось разрабатывать особый «план оборудования нового помещения музея и лаборатории […] на основании обстоятельного знакомства с постановкой музейного и лабораторного дела в главнейших научных центрах Западной Европы» (Кожевников, 1911в, с. 4). Другой головной болью оказалась, как всегда, нехватка средств, которые ассигновало Государственное казначейство: как отмечает Григорий Александрович, на оборудование музея и его лаборатории запрошено было несколько более 145 тыс. руб., а получено в итоге менее 116 тыс. руб. При этом из-за бюрократических проволочек сложилось так, что «новое здание Музея было готово раньше, чем были даны средства на его оборудование, а т. к. старое здание по очереди предназначалось к сломке, то Музей перешёл в новое помещение со старой мебелью» (Кожевников, 1911в, с. 3; 1915а, с. 10). Но даже выделение этих недостаточных средств было очень сильно растянуто во времени: первая крупная порция ассигнований поступила в 1903 г., вторая в 1904 г., а третья лишь в 1908 г. В результате оказывалось невозможным приобрести в срок многое из того, что было необходимо для надлежащего укомплектования экспозиционных залов и хранилищ, лекционных и лабораторных помещений и приведения их в рабочее состояние.

И всё же, несмотря на все эти неурядицы и недоработки, осваивать Зоологический корпус стали уже в самом начале 1900-х гг. Своё анатомическое хозяйство М.А. Мензбир начал перевозить летом 1901 г., о чём он сообщил А.П. Семёнову-Тян-Шанскому (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 648. Л. 47), Зоологическая кафедра с музеем приступили к переезду в первой половине 1902 г. Их переездом руководил Г.А. Кожевников, ему помогали ассистенты Э.Г. Беккер, В.С. Елпатьевский, Б.М. Житков и Я.П. Щелкановцев. Показные музейные коллекции, ввиду отсутствия новой мебели, пришлось размещать на новых местах в старых витринных шкафах, перенесённых из старого здания (рис. 2.21), из-за чего музей был вынужден закрыться для публики на несколько лет. Но занятия со студентами, несмотря на общую переездную суматоху, продолжались; о том же, в какой мере и каким образом неупорядо-

Рис. 2.21. Фотография интерьера Верхнего зала ЗММУ (со стороны входа) со старыми витринами и экспонатами в начале освоения Зоологического корпуса (1903 гг.) (АрхЗММУ)

ченные коллекции использовались в то время в педагогическом процессе, годовые отчёты умалчивают (Речь…, 1904). В 1905 г., сначала из-за студенческой забастовки, а затем из-за уличных беспорядков, занятия неоднократно прерывались, а в конце того года МУ вообще был временно закрыт (Отчет…, 1906).

Для оборудования новых экспозиционных залов по почину Г.А. Кожевникова (как он сам пишет в своём «Кратком указателе») в известной фирме «Август Кюншерф и сыновья» в Дрездене были заказаны металлические шкафы — точнее, остовы витрин, а зеркальные стёкла для них были отечественные (Кожевников, 1911в, 1915а; АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 169, 682). Представители фирмы сами разработали схему установки витрин в Верхнем зале (рис. 2.22), которая сохраняется (с некоторыми новейшими добавлениями) по настоящее время. По разным причинам, в том числе из-за революционных беспорядков в Москве в 1905 г., заказ был окончательно оформлен только в 1906 г., в том же году поступила первая партия этих шкафов, за несколько последующих лет ими были укомплектованы два зала второго этажа — зоологический и сравнительно-анатомический. Зал сравнительной анатомии был невелик по объёму и количеству экспонатов, поэтому постановку и заполнение новых витрин в нём завершили в 1907 г., тогда же его открыли для публики (Отчёт…, 1908). Из-за урезания запланированной сметы на приобретение металлических шкафов для Зоологического музея денег оказалось вполовину меньше требуемых, так что их хватило только для Верхнего зала, да и то его заполнение новыми шкафами завершилось лишь в 1909 г. (Отчёт…, 1910). Для Нижнего же зала были изготовлены деревянные витрины особой конструкции по эскизам Кожевникова: боковые части предназначались для размещения показного материала, особые внутренние полости (так называемые «междушкафья») — для систематических коллекций (Отчет…, 1907)[11].

О том, каким образом Кожевникову приходилось изворачиваться при размещении лабораторий и коллекций в новом здании,

[11] В 1980-е гг. в ходе генеральной реконструкции Зоомузея эти старые «кожевниковские» витрины будут заменены новыми металлическими.

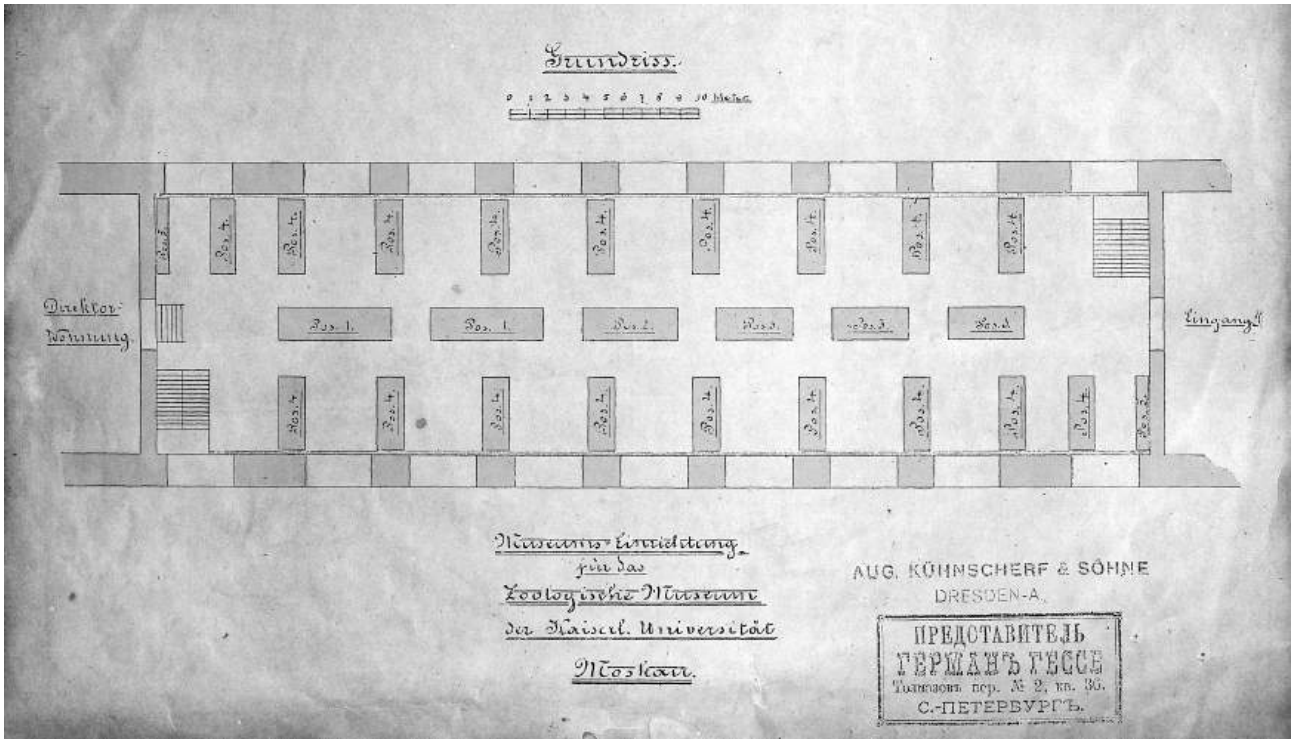

Рис. 2.22. План размещения новых витрин в Верхнем зале ЗММУ, подготовленный фирмой Кюншерф в 1905–1906 гг. (АрхЗММУ. Фонд главного хранителя. Л. 34)

свидетельствует такой любопытный факт. По его ходатайству и постановлению Правления МУ в 1907 г. «была произведена перестройка части вестибюля Музея с уничтожением одного из 4 клозетов, и устроена новая лабораторная комната» (Отчет…, 1908). Между прочим, в 1930-е гг. в этой комнате, по свидетельствам музейных старожилов, разместится Лаборатория экологии под руководством В.В. Алпатова, и именно в ней Г.Ф. Гаузе (ученик Г.А. Кожевникова, в указанные годы сотрудник НИИЗа) будет проводить свои опыты, результатом которых станет открытие знаменитого закона конкурентного исключения.

Однако проблемы Зоомузея на этом не кончились — точнее, кончились одни, но начались другие, которые Г.А. Кожевников специально отметил в отчётах за 1908 г. и несколько последующих лет (Отчёт…, 1909, 1910, 1911). Самая большая из них была вызвана очень серьёзной ошибкой инженеров-проектировщиков Зоологического корпуса: фундамент под колоннами в Нижнем зале, на которые опирался Верхний зал, не выдержал нагрузки и начал потихоньку проседать. Это стало заметно в 1908 г. после того, как в Верхний и Нижний зал были в основном поставлены шкафы, а в 1909 г., когда заполение ими Верхнего зала было завершено, ситуация была осознана как преддверие явной катастрофы. По этой причине в начале 1910 г. Нижний зал пришлось экстренно освободить от шкафов с коллекциями (их вынесли в университетский двор) и произвести замену фундамента и пола; к концу 1910 г. ремонтные работы были закончены (Отчёт…, 1910)[12].

После окончания ремонтных работ в Нижнем зале в ноябре 1910 г. Г.А. Кожевников получил от Правления МУ официальное уведомление о том, что оно (Правление) «разрешило Вам открыть верхнюю залу Зоологического Музея […] для осмотра публики в воскресные и праздничные дни» (АрхЗММУ); официально указанный зал музея был открыт в январе 1911 г. Но Нижний же зал так и остался на

[12] Нечто подобное повторится частично в начале 1950-х гг. и полностью в 1970-е гг. (Павлинов, 2016).

многие годы во «временном порядке», лишь частично оборудованный показными витринами и шкафами и потому закрытый для публики. Из-за этого достаточно богатые и интересные коллекции по низшим позвоночным (рыбы, амфибии, рептилии) и беспозвоночным оказались недоступными для зрителей. Эта же участь постигла энтомологические экспонаты: первоначально их планировали выставить на хорах Верхнего зала в специальных шкафах (Отчет…, 1911), но в конечном итоге там были размещены научные коллекции птиц и млекопитающих, а всех насекомых перенесли в Нижний зал. Забегая вперёд, можно отметить, что в 1920-е гг. Нижний зал «приспособят» под нужды вновь учреждаемых при МУ научно-исследовательских институтов зоологического профиля (см. раздел 2.7). Наконец, для полноты картины следует упомянуть ещё одну серьёзную переделку Зоологического корпуса: в 1914 г. пришлось заменить задуманную архитектором стеклянную крышу здания, пропускавшую снаружи слишком много солнечного света, на железную (Отчет…, 1915).

В эти годы в естественнонаучных музеях популярность стали набирать так называемые *биогруппы*: их основу составляет такой показ чучел животных и иной экспонатуры, который имитирует некие жизненные ситуации в природе. Г.А. Кожевников понимал толк в такого рода музейных экспонатах и считал: «Чтобы “биологическая группа” сколько-нибудь соответствовала своему назначению, необходимо, чтобы она представляла собою какую-либо типичную и обычную сцену из жизни животных в типичной обстановке. […] Только большие музеи, могущие дать под группы много места, могут рассчитывать на их естественное выполнение» (Кожевников, 1908г, с. 276). В Зоомузей подобные группы поставляла в основном известная московская мастерская чучельника Ф.К. Лоренца, замечательно владевшего искусством художественной таксидермии. Как писал Г.А., Лоренц «в течение многих лет работал в своей мастерской на Музей по сильно пониженной таксе, а многое делал бесплатно, дарил готовые чучела и вообще менее всего думал о получении каких-либо материальных выгод от работы на Музей» (Кожевников, 1915а, с. 12).

Свои зарубежные командировки в эти годы Г.А. Кожевников использовал по максимуму для усвоения некоторых важных приёмов организации музейного и выставочного дела. Так, в 1902 г. он попутно посетил Международную выставку рыбопромышленности в Вене, о чём сделал доклад на заседании Отд. ихтиологии ОАЖР (Кожевников, 1902в). В 1907 г., будучи проездом в Европе в Америку, он нашёл время осмотреть Школьный музей в Берне и о своих впечатлениях написал примечательную заметку (Кожевников, 1908е). За эту весьма недолгую поездку Кожевников «осмотрел ряд европейских и американских зоологических музеев, обращая специальное внимание на возможность применения некоторых улучшений музейской и лабораторной техники в заведуемом им учреждении» (Отчет…, 1908, с. 120). В своих путевых заметках, сделанных во время этой поездки, он особо отмечает важность только что упомянутых нами «биологических групп», позволяющих показать животных в их природной обстановке: «Если животное стоит на подставке в шкафу *как живое*, то это в значит[ельной] степени уже биологический объект» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 14). При этом Г.А. специально отмечает большое значение «моментальных фото» для изучения повадок животных, чтобы с их помощью вырабатывать для чучел «правильные позы»; знание же анатомии животного позволяет правильно смонтировать его скелет, на этой основе изготовить гипсовую скульптуру, вынуть из неё скелет для коллекции, а затем «на неё надеть шкуру» (там же. Л. 14об). В продолжение этой темы он подробно описывает, каким образом в Нью-Йоркском музее естественной истории организуются такие сложные натурные экспозиции, представляющие жизнь животных в характерных для них условиях обитания (там же. Л. 26–28). В этом же музее воображение нашего профессора, увлечённого

идеей преподавания биологии в средней школе, поразило оборудование для передвижной (на автомобиле) выставки, специально предназначенной для обслуживания школ; Кожевников даже сделал её схематический набросок (рис. 2.23) (там же. Л. 24). На основе этих заметок Г.А. написал весьма обстоятельную статью «Педагогический элемент в естественно-исторических музеях Европы и С. Америки» (Кожевников, 1908д).

По завершении работ, связанных с начальным освоением Зоологического корпуса, и по случаю открытия Верхнего зала для публики Г.А. Кожевников подготовил (при содействии ассистента С.И. Огнёва) «Краткий указатель показной коллекции млекопитающих и птиц» — фактически путеводитель по названному залу. Его первое издание вышло в 1911 г. и очень быстро разошлось, в связи с чем «Указатель» пришлось несколько раз переиздавать, каждый раз расширяя его содержание. Примечательно, что во всех изданиях Кожевников, как бы извиняясь перед почтеннейшей публикой за значительную задержку с открытием музея, да и то в «усечённом» виде, пишет о том, когда и сколько денег было выделено Казначейством на приобретение оборудования, каким образом заказывались шкафы для залов и с каким трудом реставрировались старые и закупали новые экспонаты.

Вводный раздел выше упомянутого «Указателя» Кожевников использует в качестве некой трибуны, с которой он обращается к публике, стараясь хоть чуть-чуть просветить её в зоологической сфере, пробудить интерес к зоологии вообще и к музейному собранию в частности; в этом отношении особо значимо последнее издание «Указателя», вышедшее в 1915 г. Г.А. обращается ко «всем желающим оказать какое-либо содействие Музею» и обещает, что «всякому желающему заняться коллектированием будут даны специальные указания». А чтобы пробудить личную заинтересованность потенциальных «содействователей», профессор обращает их внимание на то, что «подробные сведения о каждом даже малом пожертвовании

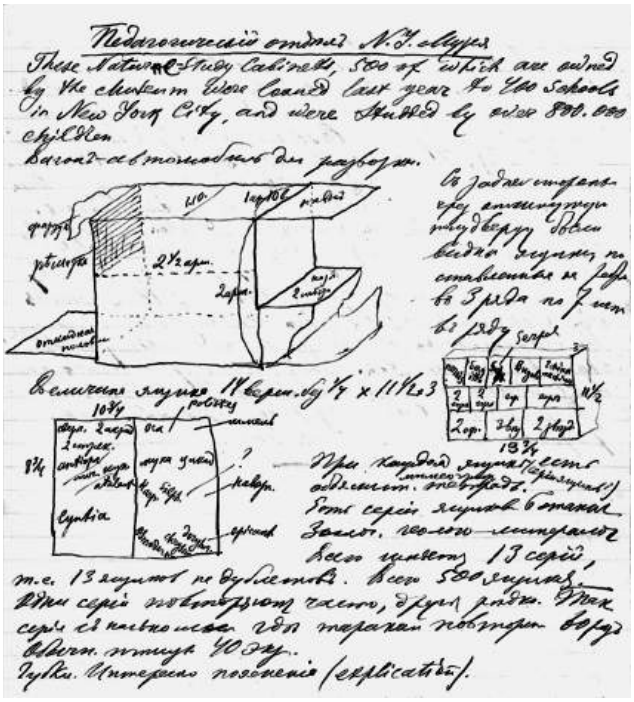

Рис. 2.23. Страница из путевых заметок Г.А. Кожевникова (1907 г.) с описанием оборудования для передвижной выставки, организуемой Нью-Йоркским музеем естественной истории (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 24)

печатаются в университетских отчётах», в том числе указываются имена жертвователей (Кожевников, 1915а, с. 14).

Вводным разделом последнего издания «Краткого указателя» Г.А. Кожевников внёс специфическую лепту в историографию Зоомузея. В самом его начале Г.А. поместил небольшую таблицу с перечнем «главнейших моментов в истории Музея», которая представляет раннюю его историю в искажённом виде. Дело в том, что указанные им «моменты» этой истории не соответствуют тем, которые приведены в архивных документах и воспроизведены нами в первом из разделов настоящей главы. В частности, указание Г.А. на то, что Кабинет натуральной истории МУ в 1805 г. «специализировался как Зоологический», вообще не имеет отношения к действительности. Трудно сказать, чем руководствовался автор этой таблицы; как бы то ни было, последующие историографы Зоомузея, коим по разным причинам будет недосуг заглянуть в университетский архив, добросовестно воспроизведут ошибки Кожевникова (Туров, 1956; Иксанова и др.,

1991; Любарский, 2009); это досадное «историческое недоразумение» позже будет исправлено одним из авторов настоящей книги на основании изучения годовых отчётов МУ с момента его основания (Павлинов, 2016).

Некоторая нормализация деятельности Зоомузея побудила Г.А. Кожевникова подготовить «внутренние» документы, достаточно строго регламентирующие работу с коллекциями и библиотечной литературой, а также посещение экспозиции (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 173а). Можно лишь догадываться о том, по какой причине вводились предусмотренные этими инструкциями жёсткие ограничения: вероятно, ранее допускались излишне широкие вольности в обращении с коллекциями, к тому же под «шапкой» Зоомузея.

В «Правилах поступления коллекций в Зоологический Музей […] и пользования ими» особо оговаривается, что материалы, передаваемые в музей для постоянного хранения, должны быть надлежащим образом этикетированы. Подчёркивается, что все действия с коллекциями, а равно деловая переписка по их поводу контролируются заведующим музеем. В частности, согласно этому документу «обработка переданных музею коллекций производится не иначе, как с разрешения заведующего музеем и на устанавливаемых им условиях». Одновременно с этим накладывается запрет на использование официального титула «Зоологический музей» при отсылке или получении личных коллекций. Согласно «Правилам пользования библиотекой Зоологического Музея…» книги было дозволено выдавать на руки только «работающим по зоологии в лаборатории музея». При этом «лица, пользующиеся книгами, покорнейше приглашаются не делать в них никаких пометок, надписей и подчёркиваний» (это правило, впрочем, редко кем соблюдалось). Наконец, для регулирования публичной деятельности были утверждены «Условия посещения Зоологического Музея…». В них указывалось, что «Верхняя зала […] открыта для публики с 1-го сентября до 1-го мая по воскресениям с 10 час. утра до 3 час. дня». При этом особо оговаривалось, что «заведующий Музеем и его помощники не имеют возможности брать на себя заботы по объяснению коллекций посетителям». Последняя оговорка существенно отличала заведённый при Г.А. Кожевникове порядок от прежнего: А.П. Богданов вменял в обязанность ассистентам музея сопровождать группы посетителей, буде те выскажут на то пожелание, и «объяснять» им коллекции, причём не только показные, но в особых случаях также и научные.

Постепенное налаживание более или менее нормальной работы Зоомузея, как это обычно бывает, не принесло желанного спокойствия: место прежних обременительных хлопот заняли другие, столь же неприятного свойства, хотя и иного характера — сугубо административного. Некоторые из них были весьма «острыми» и требовали, надо полагать, определённого мужества в противодействии неблагоприятным для музея начальническим устремлениям. Одно из таких дел случилось в 1913 г., когда в связи с празднованием 300-летия дома Романовых Министерство народного просвещения, обуреваемое административным ражем, задалось целью создать в Москве Национальный музей в честь этого достославного события, даже и подходящее название придумали: он должен был бы именоваться Романовским. В состав его коллекций предполагалось включить собрания Румянцевского, Политехнического, Русского и университетского музеев (там же. Ед. хр. 707). Однако, по счастью, предложение это никаких последствий не возымело: его отвергли уже на стадии обсуждения, в котором участвовал и Г.А. Кожевников (Савин, 2015).

Нечто подобное уже предпринималось в Москве полвека назад в начале 1860-х гг., когда по предложению попечителя Московского учебного округа Н.В. Исакова был учреждён Публичный музей на основе соединения зоологических и минералогических коллекций МУ и перевезённого в Москву из Санкт-Петербурга богатого собрания книг, картин, скульптур, монет и т. п., основанного графом

Н.П. Румянцевым (Пятидесятилетие…, 1913). Для этого музея отвели известный москвичам белокаменный Пашков дом, возвышающийся на Ваганьковском холме против Боровицкой башни Кремля, куда фактически свалили предназначенное для него коллекционное имущество МУ. Через несколько лет это имущество стараниями его хранителей А.П. Богданов и И.Б. Ауэрбаха было благополучно возвращено в *Alma mater*, а вся затея вылилась в конечном итоге в организацию только что упомянутого Румянцевского музея с предметами «изящных искусств» и библиотекой (ликвидирован в 1924 г.).

Грянувшая в 1914 г. 1-я Мировая война в целом мало отразилась на жизни Зоологического музея и учебного процесса кафедры. Некоторые её следы в отчётах тех лет проявились в указании того, что ассистенты Беккер и Грацианов осенью «были на театре военных действий», И.И. Месяцев ездил на фронт «для организации диагностических лабораторий», а для солдат, находившихся на излечении после ранений в Москве, в Зоомузее проводились бесплатные экскурсии (Отчёт…, 1915, 1916, 1917). Во всём остальном так же проводились занятия со студентами, совершались экспедиции, поступали новые коллекционные материалы, по мере возможности докупалась мебель для их хранения. Весной 1915 г., как мы уже упоминали, Кожевников совершил (вместе с препаратором А.К. Цельминым и студентом Д.Н. Головниным) поездку в восточное Приаралье для коллектирования птиц (Отчёт…, 1916). В конце 1914 г. он ухитрился «выбить» у Министерства народного просвещения довольно значительные ассигнования (4 тыс. руб) на приобретение коллекционных шкафов для хор Верхнего зала (Кожевников, 1915а, с. 4).

Для самого Г.А. Кожевникова косвенное участие в войне выразилось в том, что он в качестве члена Совета МУ принял участие в работе Комиссии для содействия делу обороны страны и помощи жертвам войны, учреждённой в 1915 г. (Создание…, 2023).

***

Несмотря на явную перегруженность рутинными хлопотами, связанными с освоением Зоологического корпуса и налаживанием учебного процесса и хранения коллекций в новых помещениях, Г.А. Кожевников ухитрялся находить время и для иных занятий, в большей мере связанных с его разнообразными «внемузейными» интересами. На это время приходится начало активного освоения им природоохранной тематики (см. раздел 5.3) и в связи с этим обсуждения организации зоологических садов на новых принципах, продолжение исследований по естественной истории пчёл и др. В 1900, 1902 и 1911 гг. Г.А. участвовал в работе Международных конгрессов по пчеловодству во Франции, Голландии и Италии (на последнем — как заведующий Измайловской пасекой, см. раздел 4.2); в 1907, 1910 и 1913 гг. присутствовал с докладами на Международных зоологических конгрессах в США, Австрии и Монако (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 285; Отчёт…, 1914б). Следует упомянуть также важное участие Кожевникова в деятельности Природоохранительной комиссии при РГО, утверждённой в 1912 г., и его поездку на 1-ю Международную конференцию по охране природы в 1913 г. (см. раздел 5.3).

2.6. «Проклятый вопрос»

На протяжении XIX и в начале XX вв. в России с завидной регулярностью происходили реформы образовательной системы, которые затевались поочерёдно всеми российскими правителями. Эти реформенные движения происходили в соответствии с общим принципом «исторического маятника»: либеральные настроения и времена чередовались с тоталитарными. Первой была либеральная реформа Александра I (начало 1800-х гг.), за которой последовала государственническая реформа Николая I (середина 1830-х гг.). В последующем либеральный характер носили реформы, затеянные Александром II (начало 1860-х гг.) и отчасти Николаем II (вторая половина 1900-х гг.); государственническими были реформы Алек-

сандра III (середина 1880-х гг.) и особенно большевиков (конец 1910-х и 1920-е гг.). Этот «маятник» будет не менее регулярно «качаться» между двумя крайностями и позже вплоть до сегодняшнего дня; указанные здесь временные рамки определяются основным предметом нашего рассмотрения.

Означенные реформы, так или иначе отразившиеся в развитии системы высшего образования в России, включая изменения типовых университетских уставов, повлияли на судьбы университетских служителей, включая, разумеется, и героя нашей книги, каждая согласно своей сути. Реформа Александра II, создав благоприятные условия для реализации многих идей А.П. Богданова, во многом стала предпосылкой к успешному началу профессиональной карьеры его ученика Г.А. Кожевникова. С образовательной реформой Александра III было связано ужесточение церковного влияния на преподавание естественных дисциплин; на карьеру героя нашей книги это не очень повлияло, но с его последствиями он принуждён был активно бороться в 1900-е гг. (см. предыдущий раздел). Значение половинчатой николаевской реформы начала XX в. для развития системы университетского образования, а с ней и судьбы Г.А., эмоционально отражено в его брошюре «О проклятом вопросе» (см. далее). Большевистская радикальная реформа стала причиной краха всей университетской карьеры проф. Г.А. Кожевникова.

Продвижение всех этих реформ породило так называемый *университетский вопрос*, актуальный до настоящего времени (Новиков, Перфилова, 2014; Суханов, 2017). Его суть очень коротко и ёмко можно определить как противоречие между служением науке и образованию, с одной стороны, и государственной машине, с другой. Это противоречие вполне очевидным образом проявляется в организационном плане, означающем следующее. Первая позиция предполагает значительную автономию университетов в отношении решения вопросов о том, как ими руководить, кому и что в них преподавать и исследовать. Вторая позиция, напротив, предполагает жёсткое регулирование государственными структурами всей университетской жизни, в том числе регламентирование преподавательской и научной деятельности. Обе позиции сходятся в том, что университетской публике надлежит заниматься своими университетскими делами и не вмешиваться в государственные начинания, их напрямую не касающиеся, т. е., грубо говоря, быть «вне политики». Принципиальная разница заключается в том, что в первом случае государственное чиновничество не вмешивается в жизнь университетов, а во втором — насаждает всё то, что власть поддерживает, и подавляет всё то, что она рассматривает как враждебное ей.

Знаковое словосочетание «университетский вопрос» родилось, по-видимому, в 1860-е гг. в связи с обсуждением университетской реформы, затеянной Александром II (Андреев, Посохов, 2011). Известный педагог и медик И.П. Пирогов посвятил ей специальную большую статью, которую так и назвал «Университетский вопрос» (1863 г.), отстаивая идею автономии университетов как ключевое условие выполнения ими своей основной функции, каковая есть обучение и воспитание будущих деятелей науки и образования. При этом Пирогов был уверен, что от решения этого вопроса «зависит не только будущность наших университетов, но и вообще судьба нашей русской науки» (там же, с. 274).

Университетская реформа Николая II, задуманная как часть либеральных реформ середины 1900-х гг., одной из основных побудительных причин которых послужили известные революционные события 1905 г., во многом повлияла на формирование «политического лица» проф. Кожевникова. Эти события самым непосредственным образом сказались на жизни МУ, вызвав значительные студенческие волнения, из-за чего министерское и университетское начальство принуждено было время от времени даже прекращать занятия студентов. Важной частью этой университетской реформы стало введение в августе 1905 г. «Временных правил об управлении высшими учебными заведени-

ями», которые вернули университетам часть прежних свобод, отнятых Александром III, в том числе их известную независимость от министерских чиновников. Наш профессор не смог отказать себе в возможности поучаствовать в обсуждении этих Правил, задумав в августе 1905 г. статью о финансировании университетских учебно-вспомогательных учреждений (музеи, кабинеты, лаборатории и др.); рукопись готового к публикации черновика этой статьи сохранилась в университетском архиве (Кожевников, 1905б; см. текст в Приложении), но сама статья, видимо, не была напечатана.

Предполагаемая университетская реформа вновь сделала актуальным обсуждение «университетского вопроса», основной тон в котором на этот раз задала статья с тем же названием «Университетский вопрос» (1904 г.) либерального профессора МУ, религиозного философа Е.Н. Трубецкого. В ней он чётко высказался в пользу либеральной университетской реформы, которая широко «мыслима только как часть всеобщего преобразовательного плана», а поэтому «отдельного университетского вопроса теперь не существует вовсе» (цит. по: Андреев, Посохов, 2011, с. 440). Несколько позже Н.К. Кольцов, занимавший в то время должность приват-доцента МУ, в брошюре «К университетскому вопросу» (1909 г.) обратил внимание на явные проявления государственного диктата, направленного на подавление университетских свобод, и в связи с этим объявил, что «университетский вопрос есть один из самых крупных и важных вопросов современности» (Кольцов, 1909, с. 3).

К слову сказать, сторонником государственного диктата был А.А. Тихомиров, который в брошюре «К реформе наших университетов» высказывается за то, что «государственная власть ни под каким предлогом не может здесь ни в чём поступиться естественно ей принадлежащим правом назначать профессоров в государственные учебные заведения» и «окончательное решение в деле назначения профессоров в государственные университеты правительство обязано брать на себя» (Тихомиров, 1906, с. 9, 17). Позже этот государственнический настрой в полной мере реализуют большевики.

Характер участия Г.А. Кожевникова в общественной жизни МУ того времени определялся во многом его стремлением оставаться как можно дальше от «политики», на что наслаивались его же частью умеренно-либеральные и частью умеренно-консервативные воззрения. В этом отношении Г.А., по-видимому, был схож со своим учителем А.П. Богдановым, для которого были характерны политическая инертность и отрицательное отношение к «студенческим бунтам», снискавшие ему неприязнь со стороны записных ультра-либералов (Кривошеина, 2015). О взглядах нашего героя на политику и политические пристрастия можно судить из содержания некоторых его писем к А.П. Семенову-Тян-Шанскому. Так, в августе 1905 г., когда в Москве разгораются массовые беспорядки, он пишет (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 128, 128об), что

> крайне грустно, […] что приходится брать на свои плечи столь трудное и ответственное дело в необычно тяжёлые времена, когда политические интересы заслоняют собой научные, когда симпатии и антипатии студентов к профессорам меряются не научными заслугами этих последних […], а их принадлежностью к той или иной политической партии. Я лично не принадлежу активно ни к какой, ибо смолоду не питаю никакого интереса к политической деятельности.

Своё отрицательное мнение о «политизации», называя её «партийностью», Г.А. Кожевников распространял не только на университетскую, но и вообще на всю образовательную систему. Так, беглое ознакомление со школьным образованием в Швейцарии во время поездки в Европу в 1907 г. дало Г.А. повод резко высказаться против насаждавшейся там (как ему показалось) «партийности», которая «лишает человека его лучшего достояния — его индивидуальности и оригинальности [заставляя] людей говорить и думать не так, как бы им хотелось, а как это нужно в данный момент для

партийных целей». Эту свою эскападу против «партийности» он заканчивает выражением надежды на то, «что когда человечество поумнеет, то оно сумеет изгнать партийность из своей культурной жизни» (Кожевников, 1908е, с. 58).

И всё же Григорий Александрович, декларируя свою неприязнь к «партийности» и стараясь держаться «вне политики», мог быть в какой-то мере сопричастен некоторым общественным движениям, имеющим явно политическую окраску. Об этом свидетельствует хранящаяся в его университетском архиве папка с любопытными документами, связанными с Обществом младших преподавателей МУ (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 799).

Предыстория этого общества началась в декабре 1905 г., когда в связи с революционными событиями в Москве несколькими сотрудниками МУ был тайно учреждён левацкий «Кружок одиннадцати горячих голов»: его руководителем был университетский профессор, астроном, член большевистского крыла РСДРП П.К. Штернберг, а одним из наиболее активных участников — выше упоминавшийся зоолог Н.К. Кольцов (Раменский, 2012). После закрытия этого кружка младшие преподаватели МУ (приват-доценты, ассистенты, ординаторы и др.) сосредоточились на борьбе за своё право участвовать в обсуждении и решении жизненно важных вопросов университетской деятельности. Причина была в том, что согласно уставным нормам они не входили ни в какие университетские советы, на которых решались такие вопросы, — то была прерогатива профессоров. Первым важным результатом их организационной деятельности стал некий манифест с явно политическим акцентом: его авторы выразили убеждение, «что нормальная академическая жизнь возможна лишь при обновлении политического строя России на началах неприкосновенности личности, свободы совести, печати и слова, собраний и союзов» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 799. Л. б/н).

Примечательной частью этого фрагмента нашей истории, важной для понимания места Г.А. и его ближайших коллег во всём том сложном переплетении взглядов, разногласий и предпочтений, в которое была погружена московская, да и вся российская профессура тех лет, стал конфликт между проф. М.А. Мензбиром и Н.К. Кольцовым — его учеником, оставленным ранее при МУ на мензбировской кафедре (Раменский, 2012). Конфликт начался в 1906 г., его причиной стала только что указанная причастность приват-доцента Кольцова к революционным событиям конца 1905 г. в Москве: он предоставил свой рабочий кабинет для собраний «Кружка одиннадцати горячих голов». В ответ на это Мензбир сначала лишил Кольцова рабочего места, а затем отнял у него и преподаваемый курс зоологии беспозвоночных (Кольцов, 1909). В 1909 г. Н.К. Кольцов обратился с несколькими ходатайствами к руководству ФМФ и затем в ректорат МУ о сохранении за ним помещения для проведения практических занятий, которые пользовались большой популярностью. Однако факультет «признал удовлетворение [этого] желания невозможным», с чем согласилось и правление МУ; при этом декан ФМФ сообщил заявителю, что не нашёл возможным удовлетворить его ходатайство «вследствие отказа заведующих Институтом сравнит. анатомии и Зоолог. музеем» (там же, с. 97). Вполне оправданной, но возможно и отчасти формальной причиной этого отказа была чрезмерная теснота помещений Зоологического корпуса; но как бы там ни было, в данной ситуации профессора Мензбир и Кожевников, по-видимому, оказались по одну, а доцент Кольцов — по другую сторону «политических баррикад».

Что касается Общества младших преподавателей МУ, его история имела следующее продолжение. Устав общества был утверждён в 1916 г., в 1917 г. председателем был избран будущий известный философ И.А. Ильин (в то время числился приват-доцентом) (Устав…, 1916). После Февральской революции Общество выразило поддержку Временному правительству и объявило об учреждении Лекционной комиссии для ведения разъяснительной работы по «текущему моменту», а также чтения

образовательных публичных лекций по географии, истории и экономике России (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 799). К нашей истории всё излагаемое здесь имеет то отношение, что среди членов этой комиссии значились зоомузейцы В.С. Муралевич и Б.М. Житков, читавшие лекции по географии, а в качестве адреса Бюро Лекционной комиссии на некоторых почтовых открытках указан Зоологический музей (там же). Имя проф. Кожевникова отсутствует на просмотренных нами бумагах, имеющих отношение к этой комиссии, но указание музейного адреса на одной из них (рис. 2.24), а также то, что Г.А. сохранил в своём архиве копии некоторых её документов, косвенно может свидетельствовать о его вероятном некотором сочувствии деятельности «комиссионеров».

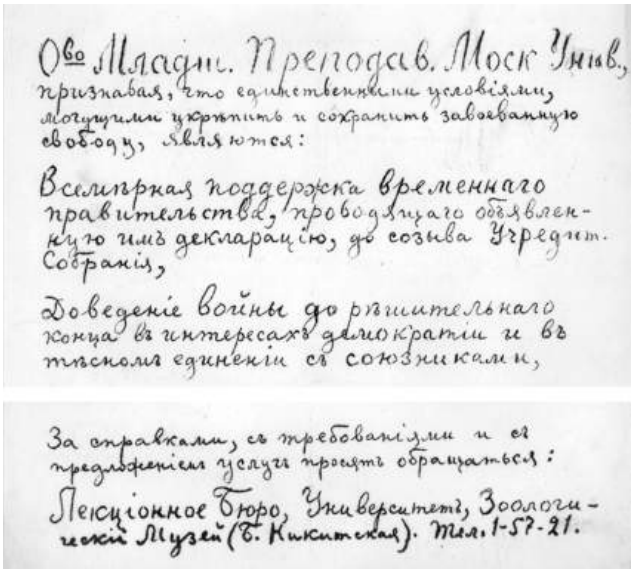

Об-во Младш. Преподав. Моск. Унив.,
признавая, что единственными условіями,
могущими укрѣпить и сохранить завоеванную
свободу, являются:
Всемѣрная поддержка временнаго
правительства, проводящаго объявлен-
ную имъ декларацію, до созыва Учредит.
Собранія,
Доведеніе войны до рѣшительнаго
конца въ интересахъ демократіи и въ
тѣсномъ единеніи съ союзниками,
За справками, съ требованіями и съ
предложеніемъ услугъ просятъ обращаться:
Лекціонное Бюро, Университетъ, Зоологи-
ческій Музей (Б. Никитская). Тел. 1-57-21.

Рис. 2.24. Один из документов Общества младших преподавателей МУ (конец 1910-х гг.), на котором указан адрес Зоомузея (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 799)

***

Нарастающая напряжённость в университетах, вызванная известным противостоянием разных «групп по интересам» — государственных чиновников, профессоров, студентов — в поисках желаемых ответов на «университетский вопрос», самым неблагополучным образом разрешилась в 1911 г. так называемым «делом Кассо». Его причиной стал выпущенный в январе указанного года циркуляр министра народного просвещения Л.А. Кассо (отсюда и название «дела») «О временном недопущении публичных и частных студенческих заведений», который запретил проведение в университетах каких-либо собраний, не имеющих отношения к учебному процессу, обязал ректоров препятствовать этим собраниям и сообщать в полицию о предполагаемых сходках, а градоначальников обязал закрывать университеты в случае волнений, прибегая при необходимости к содействию полиции (Иванов, 2002; Леонтьев, 2011). В ответ на это члены Ректората МУ объявили о невозможности нормального исполнения своих обязанностей и подали в отставку, вслед за чем ректор А.А. Мануйлов, его помощник М.А. Мензбир и проректор П.А. Минаков высочайшим указом были уволены со всех своих университетских должностей и им было запрещено преподавание в системе Министерства народного просвещения (об этом эпизоде в биографии М.А. Мензбира см.: Росина, 1985).

Примечательно, как эту отставку Мензбира кратко комментирует Кожевников в своём письме о «Проклятом вопросе». Он пишет, что «Министерство народного просвещения пожелало покарать лиц, просивших об освобождении от административных должностей, и отрешило их от профессорских должностей, причём, кажется, по отношению к прослужившему 30 лет проф. М.А. Мензбиру такое распоряжение есть недоразумение» (Кожевников, 1911г, с. 7). Последним замечанием Кожевников явно намекает на то, что Мензбир, подавая в отставку с должности помощника ректора, скорее всего, не имел в виду свою отставку с должности заведующего Институтом сравнительной анатомии. После увольнения из МУ М.А. Мензбир был взят профессором зоологии на Высшие женские курсы в Москве, бывшие частным учебным заведением; следует напомнить, что в нём к тому времени уже профессорствовал Н.К. Кольцов, с которым Мензбир совсем недавно конфликтовал (Fando, 2018).

Циркуляр Кассо и последовавшая за этим отставка университетского руководства — всё это вызвало в МУ бурю негодования, его препо-

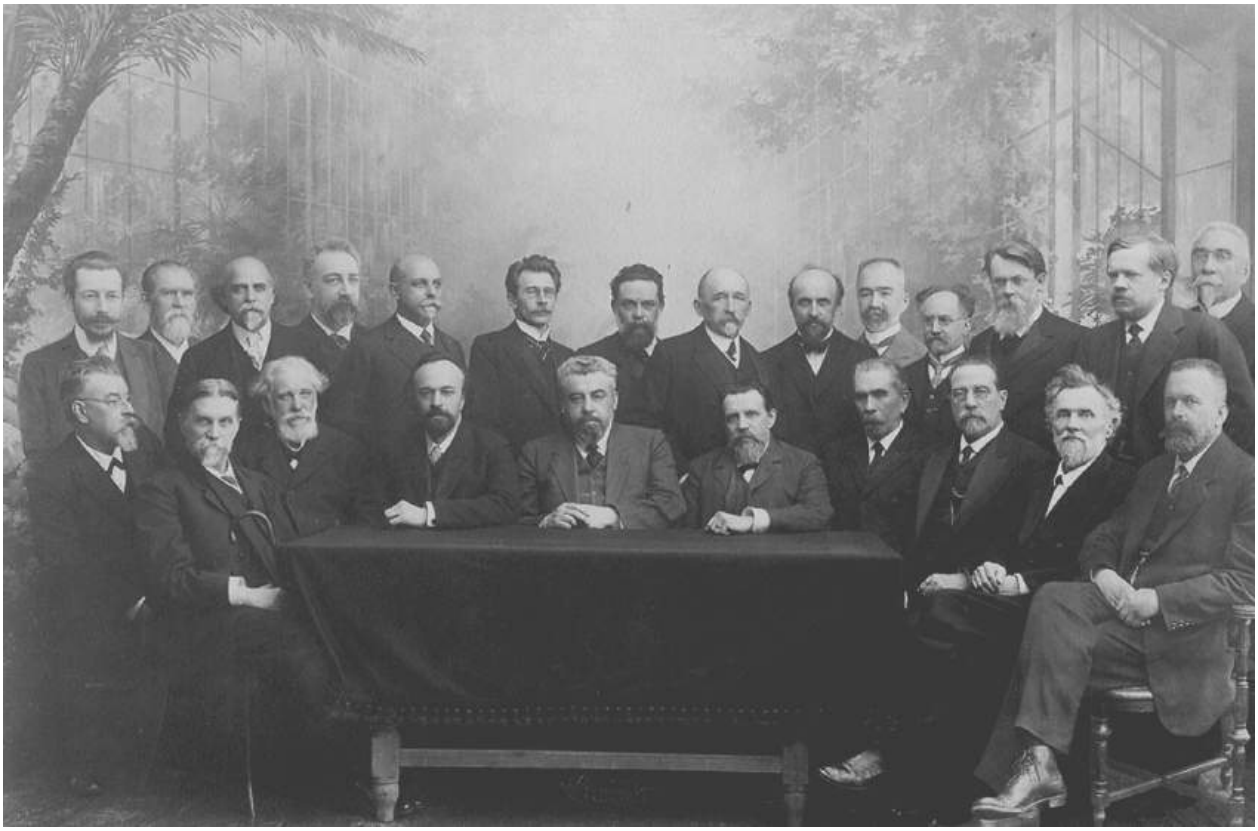

Рис. 2.25. Групповая фотография профессоров и доцентов МУ, покинувших его после «дела Кассо» в 1911 г. (https://russiainphoto.ru/photos/321178/)

даватели и студенты несколько раз собирались для обсуждения сложившейся ситуации и поиска приемлемых выходов из неё. Не найдя компромисса, в феврале 1911 г. более сотни профессоров и приват-доцентов МУ в знак протеста подали в отставку (рис. 2.25), а к концу весеннего семестра его покинуло около 130 человек — всего около трети преподавательского состава; аналогичное, хоть и в меньшем масштабе, произошло в Петербургском университете. В Москве среди подавших в отставку большинство составили гуманитарии (юристы, историки), а также математики и физики; из представителей естественной истории, имена которых составляли цвет российской науки, следует упомянуть В.И. Вернадского, К.А. Тимирязева, М.М. Новикова, а из не столь именитых в то время — Н.К. Кольцова и Г.И. Россолимо.

Г.А. Кожевников, предпочитая придерживаться своей позиции быть «вне политики», не присоединился к коллегам, своими заявлениями об отставке протестовавшим против министерского произвола. Среди профессоров, оставшихся в МУ, были не только сторонники жёсткой позиции Кассо, но и слывшие вполне либеральными — кроме нашего героя, например, палеонтолог А.П. Павлов; кстати будет заметить, что семейства Кожевниковых и Павловых связывали дружеские отношения (Любина, Бессуднова, 2019). Наш герой остался заведовать своей частью университетской зоологии (её анатомической частью стал заведовать вызванный из Киева проф. А.Н. Северцов, заместивший М.А. Мензбира), а свою позицию изложил в письме, названном «О проклятом вопросе», имея в виду всё тот же «университетский вопрос» (Кожевников, 1911г). Побудительной причиной к его написанию стала невозможность в такой непростой ситуации острого противостояния весьма значимой части университетского сообщества и министерского чиновничества просто отойти в сторону. Кожевников счёл, что его «“неподачу в отставку” одни будут квалифицировать как поступок

трусливый, некрасивый, безнравственный», а другие захотят «приветствовать этот акт как знак полного одобрения всех министерских циркуляров». И дальше он заявляет: «Молчание принято считать знаком согласия, а потому я не хочу молчать» (там же, с. 3).

Это письмо, воспроизведённое типографским способом в виде небольшой брошюры, не было в полной мере «открытым»: Г.А. Кожевников указывает свою цель — «дать возможность каждому из своих многочисленных личных знакомых правильно судить о моём поведении, что легче всего достигнуть раздачей брошюры» (Кожевников, 1911г, с. 2). По своему эмоциональному накалу оно сродни политической декларации и отчасти даже «исповеди»: в нём Григорий Александрович приводит самые разные доводы, чтобы побудить коллег согласиться, хотя бы отчасти, с ними и понять его позицию. Позиция же эта (там же, с. 15) такова:

> Если университет только для науки, то, конечно, эта наука в университете должна быть абсолютно свободна. В строго научной форме и с чисто научными целями с университетской кафедры могут быть высказываемы любые взгляды, и никакой опеки, никакого контроля тут быть не должно.

Но вместе с тем он вовсе не считает «задачей профессора […] быть выразителем каких-либо политических идеалов и общественных настроений» (там же, с. 13). Таким образом, Кожевников имеет в виду прежде всего свободу научных воззрений и высказываний, вынося политическую позицию «за скобки». Исходя из этого, Г.А. в начале письма (там же, с. 2–3) протестует против распространённого мнения,

> будто “подача” или “не подача” в отставку кем-то из профессоров есть признак принадлежности к “левым” или “правым”. Будто бы нет на свете людей, одинаково далеких и от “правых”, и от “левых”, и от “средних” людей, которые живут совершенно в иной плоскости, чем те, к которым можно приклеить какую-либо общепринятую этикетку.

Как представляется, этим заявлением Г.А. подчёркивает не столько свою некую «особость», сколько призывает коллег при оценке этой непростой ситуации и его собственной позиции не раскрашивать всё в «чёрно-белые тона» и по возможности судить беспристрастно, отказавшись от стереотипов и желания во что бы то ни стало навешивать на всё и вся шаблонные ярлыки.

Своё *credo*, изложенное едва ли не афористически и актуальное во все времена, Кожевников формулирует так (там же, с. 10, 12, 16):

> *Полная свобода науки и полная свобода от политики* — вот истинный девиз университета […] профессор должен всеми силами своего ума и воли содействовать развитию науки и усвоению его учащимися — и только. На своём посту он должен оставаться, несмотря ни на какие обстоятельства, пока имеет силы и возможность работать.
>
> [У профессора] есть долг перед учениками, которые не могут работать без его руководства как профессора, долг перед наукой, разрабатывать которую он не может без университетской лаборатории, долг перед самой лабораторией, кабинетом, музеем, которые требуют его неусыпных забот. […] Признавши за долг перед товарищами выход в отставку, профессор *тем самым* нарушает долг перед учениками, перед наукой, перед научным учреждением. [Поэтому] менее всего допустим уход откуда бы то ни было в виде протеста против чего бы то ни было.

В таком известном консерватизме, ставившем превыше всего исполнение профессионального долга, Г.А. Кожевников следовал по стопам своего учителя А.П. Богданова, о чём мы писали выше. Как можно полагать, он не мыслил себя вне российской научно-образовательной системы вообще и МУ в частности, процветанию коей всей своей деятельностью всячески споспешествовал. А если принять во внимание, что возглавляемые им кафедра и музей в это время всё ещё были заняты освоением новых помещений и Г.А. должен был налаживать их нормальную работу, то становятся вполне очевидными причины, побудившие его остаться в МУ и продолжать исправно исполнять свои профессорские обязанности.

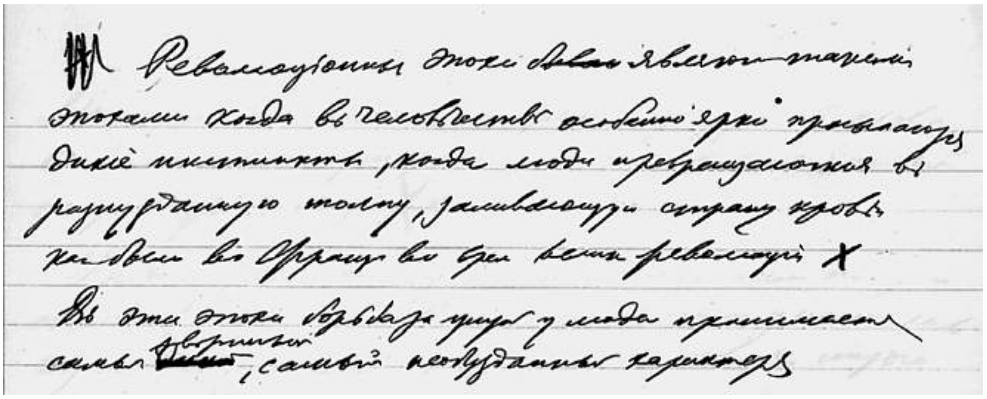

Рис. 2.26. Фрагмент рукописного текста публичной лекции Г.А. Кожевникова «Борьба за жизнь…» (1914 г.) с выражением его отрицательного отношения к революциям, превращающим людей «в разнузданную толпу» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 23)

Последующие бурные революционные события 1917 г. заставили Г.А. Кожевникова ещё раз задуматься над уместностью участия учёного люда в бурном водовороте событий. И он на этот раз опять подтвердил свою полную убеждённость в том, что (Кожевников, 1917а. Л. 22)

> для истинного учёного это стремление от житейской суеты может быть сочтено не только не вредным, но даже полезным свойством. Если учёный исследователь стоит вне политической жизни страны, особенно такой волнующей бурной политической жизни, как теперешняя, это только благо для науки. […] Их [т. е. учёных] жизнь будет как бы каплями елея на поверхности взбаламученного моря.

2.7. Послереволюционные перекройки

Революционные события 1917 г., сначала февральские и затем октябрьские, Г.А. Кожевников воспринял сугубо отрицательно и отчасти даже панически, не ожидая ничего хорошего от насилия, разлившегося по всей России. Неприятие Кожевниковым революции и её результатов было обусловлено двумя причинами, связанными с его мировоззренческой позицией. Во-первых, он считал, что «революционные эпохи являются такими эпохами, когда в человечестве особенно ярко проявляются дикие инстинкты, когда люди превращаются в разнузданную толпу, заливающую страну кровью» (рис. 2.26) (Кожевников, 1914а. Л. 23). Во-вторых, приверженность Г.А. идеям социал-дарвинизма заставляла его видеть «общественную опасность в чрезмерном стремлении ко всеобщему равенству» (Кожевников, 190?а. Л. 24), поэтому лозунг новой власти «Кто был ничем, тот станет всем»[13], надо полагать, был совершенно чужд специфическому, «евгенически» настроенному человековосприятию нашего героя. Напротив, он побуждал Г.А. ратовать за «положительный отбор» в человеческом обществе для поддержки той тонкой интеллектуальной прослойки, которая является носительницей и движителем всей человеческой духовной и материальной культуры, включая науку и её всевозможные технологические приложения.

Свои худшие ожидания, страхи, но отчасти и теплившиеся надежды, порождённые известными событиями, Кожевников излил в нескольких письмах к своему другу и коллеге А.П. Семёнову-Тян-Шанскому. Из них видно, что изначальный настрой Г.А. быть «вне политики», который определял его позицию в отношении «дела Кассо», подвергся почти полной ревизии: разбушевавшаяся агрессивная человечья стихия охватила и его, волей-неволей побудив занять вполне определённую политическую и даже чуть ли не «партийную» пози-

[13] Эти знаменитые строчки песни «Интернационал», ставшей официальным гимном послереволюционной России, — почти дословное заимствование из Евангелия: «будут […] последние первыми» (Мф. *19*: 30).

цию. В начале 1917 г. проф. Кожевников ещё пытается придерживаться нейтралитета, но уже чувствует его несомненную шаткость в новой экстремальной ситуации, обострившей все общественные и личностные отношения в России, согласно чему пишет (рис. 2.27) (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 272, 272об):

> Я считаю, что учреждения как таковые должны быть “аполитичны”. Положение моё [неразб.] и аполитичность совершенно исключительного характера. Я никогда не видел людей, которые сохраняли бы свою политическую “невинность” так, как я. Я ни разу не был ни на одном митинге, ни на одном собрании предвыборном, не участвовал ни в какой партийной работе, ни в какой партийной борьбе. И как ужасно, что будучи вполне чуждым по духу всей этой кутерьме, невольно ею захватываешься и невольно попадаешь под её влияние. Боюсь, что из этой борьбы партий мы интеллигенты выйдем совсем растрёпанные физически и нравственно.

В сложное революционное время, когда новое борется со старым и борьба эта принимает самые жестокие формы, в душе Григория Александровича царит смесь слабого оптимизма, отчасти унаследованного от прошлой жизни, и явного отчаяния от предвкушения грядущих перемен, не сулящих ничего доброго. В только что указанном письме он с совершенно понятным огорчением замечает, что «мудрено культивировать науку при таких условиях», но всё же не забывает сообщить своему корреспонденту, что его избрали председателем ОАЖР, беспокоится о состоянии этого общества и о необходимости налаживать его работу, ибо оно «имеет своей задачей (§ 1 Устава) “распространение сведений о животных и растениях”», призывает Семёнова-Тян-Шанского «немного попропагандировать относительно акклиматизационной деятельности в России». И тут же — полное отчаяния восклицание: «Печально в особенности то, что над всеми нами нависает прозрачная возможность скорой гибели. Шансы погибнуть теперь весьма велики. И у меня какие-то жуткие предчувствия» (там же. Л. 273, 273об). В марте

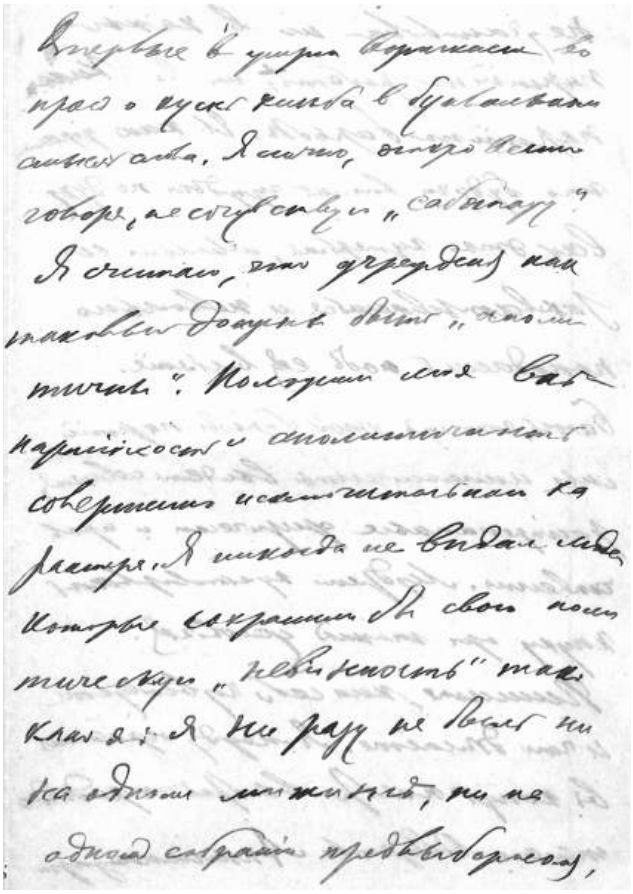

Рис. 2.27. Фрагмент письма Г.А. Кожевникова к А.П. Семёнову-Тян-Шанскому (1917 г.) с выражением сомнения в возможности сохранить свою традиционную «аполитичность» (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 272об)

1918 г. он пишет даме своего сердца Л.И. Кашиной (о ней см. раздел 6.2) почти что в отчаянии: «Грустно, тяжело, кошмарно сознание того, что стало с Россией. Сознание, что родина перестала быть родной и любимой, — самое в сущности *основное*, плохо сознаваемое, но глубоко отравляющее душу сознание» (Кирьянова, 2015, с. 72). В этом горьком, щемящем сердце признании очень ярко проявился глубинный, истинный патриотизм, присущий Г.А. (см. раздел 6.3).

На этом общем фоне, преисполненном трагизма, Кожевникова беспокоят и более мелкие последствия бурных событий, от которых непосредственно страдает его музейное хозяйство. В частности, он пишет, что в январе Зоомузей сначала «получил гранату в потолок, разбиты 4 шкафа с чучелами. Затем был воровской разгром через неделю. Взломал вор 9 дверей, всё перевернул и нашёл деньги у одного из

коллег» (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 271, 271об). Дальше — хуже: однажды «было вооружённое ночное покушение на музей; Огнёв стрелял и в него стреляли!», после чего пришлось ввести «ночное вооружённое дежурство» (там же, Ф. 261. Оп. 2. Д. 16. Л. 1).

Через несколько месяцев после февральских революционных событий, когда уже стали совершенно ясны масштаб и катастрофичность всего происходящего, в сознании Кожевникова происходит резкий слом: из аполитичного он обращается в поборника вполне определённой идеи политического устройства России и даже готов как-то агитировать за неё. В марте он пишет своему петроградскому другу (там же. Ф. 722 Оп. 2. Д. 498. Л. 284–285):

> Я совершенно ошеломлён случившимся, т. к. никак не думал, что последствиями революции будут не крупные уступки правительства, а падение династии; да, я думаю, что лишь немногие могли предполагать, что дело зайдёт так бесповоротно и так радикально далеко. Теперь весь вопрос в том, удастся ли восстановить в народном сознании идею конституционной монархии, или эта идея безнадёжно погибла? […] Мне приходится видеть очень много людей, которые от души сочувствуют идее конституционной монархии, но всех их гнетёт сознание, что организов[анные] рабочие и сочувствующая им группа интеллигенции могут одержать победу при решении вопроса, от которого зависит вся дальнейшая судьба нашей дорогой родины.
>
> Я полагаю, что не следует предаваться сразу безоговорочному пессимизму и заранее решать, что над нашей родиной должен быть проделан грандиозный эксперимент применения соц[иал]-демократ[ических] принципов к государств[енному] строю. Необходимо бороться за идею констит[уционной] монархии, вербовать сторонников этого взгляда, организовывать их, убеждать колеблющихся, сеять семена сомнения в умы приверженцев соц[иал]-демокр[атических] принципов; надо вообще не быть пассивным и не изображать собою куда-то гонимое стадо.

О том, что почти вся аполитичность Г.А. Кожевникова фактически улетучилась под напором бурных политических событий, свидетельствует следующий примечательный, хоть и небольшой комментарий в его письме к Семёнову-Тян-Шанскому весной 1917 г.: он пишет, что «Ленин — гласный Петроградской городской думы. А у нас в Москве профессор астроном Штернберг, *большевик*, прошёл от этой партии в Думу! Это нечто ужасное!» (там же. Л. 288об). Казалось бы, какое дело аполитичному университетскому профессору до того, кто от какой партии избран в ту или иную Думу? Ан нет, дело всё-таки есть, ибо от того, кто теперь заседает в Думе и какие решения принимает, во многом зависит судьба МУ, а с ним — судьба Зоомузея и самого профессора. Поэтому более чем понятны опасения Кожевникова о тех возможных трагических последствиях для дела всей его жизни, которые пробуждают в его душе происходящие вокруг события (там же. Л. 285об):

> Я очень боюсь, что волна демократизма, которая несомненно широко взлетает кверху, затронет в отрицательном смысле некоторые высшие культурные интересы. Я боюсь, что такие вопросы, как устройство экспозиций, специальных научных институтов, содействие исследованиям и т. п. — в демократ[ическом] государстве отступят на 2-й план перед заботами о низшем и среднем образовании, как общем, так и профессиональном.

А дальше Григорий Александрович по привычке пускается в рассуждения философического характера, из коих ясной становится одна из коренных причин его неприятия грядущих перемен, несущих прямую угрозу его жизненным и профессиональным идеалам. Он пишет (рис. 2.28) (там же. Л. 285об, 286):

> Вообще слово “демократия” меня пугает, я сам не аристократического происхождения, но все мои интересы, как я полагаю, и ваши, всегда были в области аристократии мысли. Я боюсь, что в истинно-демократ[ическом] государстве и аристократии мысли не будет, хотя бы временно, в должном почёте, а жить нам с вами уже не так долго.

Эта же мысль присутствует и в его выступлении в марте 1917 г. на заседании обновлённого Совета МУ, где он «высказывает великие опасения насчёт социал-демократической республики» (Савин, 2015, с. 436).

Однако в таком взгляде Г.А. Кожевникова на грядущую новую действительность, как нам кажется, проявилось ошибочное отождествление им демократии с «охлократией». На самом деле вся новейшая история явственно показывает, что «аристократия мысли» поддерживается именно демократическими системами и целенаправленно уничтожается их антиподом — тоталитарным государственным устройством, опирающимся на «охлократию» и стремящимся превратить общество в то самое «гонимое стадо», которого так опасался наш интеллектуал и «аристократ мысли».

***

Первые университетские реформы, последовавшие сразу после известных общественно-политических событий в начале 1917 г., были как будто бы многообещающими. После февраля почти все отставники-«протестанты» (см. выше о «деле Кассо»), изъявившие к тому желание, восстанавливаются в своих должностях и правах, причём М.А. Мензбира новый Совет МУ избирает ректором (Романов, 1999). Но последовавшая за большевистским октябрьским переворотом радикальная смена политического и экономического устройства страны и вызванное ею крайне жёсткое (даже жестокое) насаждение новой властью тоталитарного, предельно идеологизированного устройства общества — всё это породило лихорадочные поиски новых целей и форм управления самыми разными проявлениями жизни в России, включая, разумеется, образование и науку. Среди ключевых средств реализации базовой целеустановки большевистской власти — воспитания «нового человека» для «нового общества», выстраиваемого на основе коммунистической идеологии, — неизбежно объявились и новое понимание сути и задач учебно-научной работы, и новые способы её

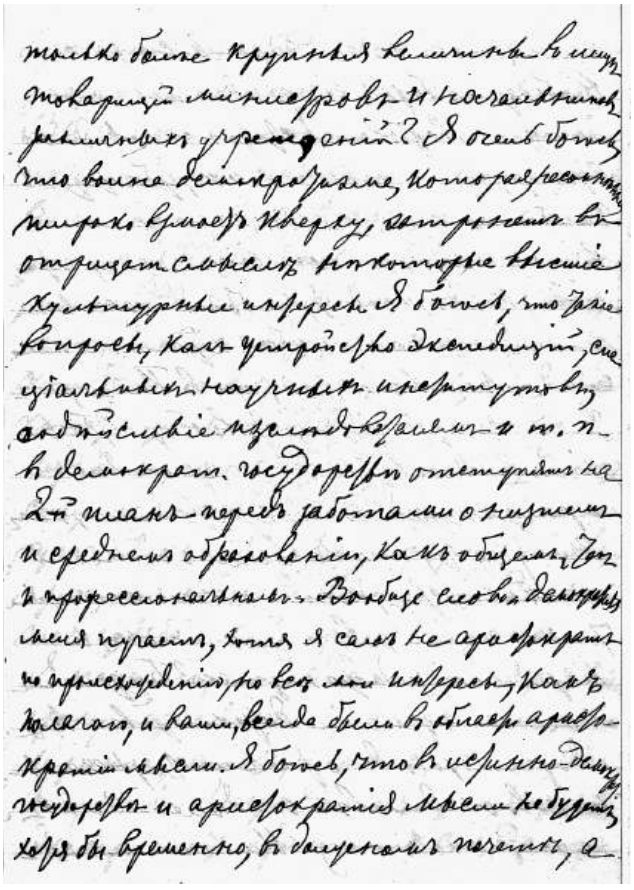

Рис. 2.28. Фрагмент письма Г.А. Кожевникова к А.П. Семёнову-Тян-Шанскому (март 1917 г.) с выражением опасения нежелательных результатов «демократии» в России (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 285об)

организации. По этой причине МУ вступил в пору всеохватных политических и административных реорганизаций.

Радикальные изменения вполне отчётливо проявились уже в начале 1918 г. (Летопись, 1918). Особым постановлением Совета Народных Комиссаров (Совнарком, прежний Кабинет министров) все учебные заведения, включая высшие, были национализированы и подчинены Народному комиссариату просвещения (Наркомпрос, прежнее Министерство народного просвещения). Высшим органом всякого университета был объявлен его Народный совет, в состав которого должны были входить преподаватели и студенты, представители Наркомпроса и других госучреждений. При Наркомпросе был организован Музейный отдел для руководства деятельностью всех музеев независимо от их принадлежности (Гарданов,

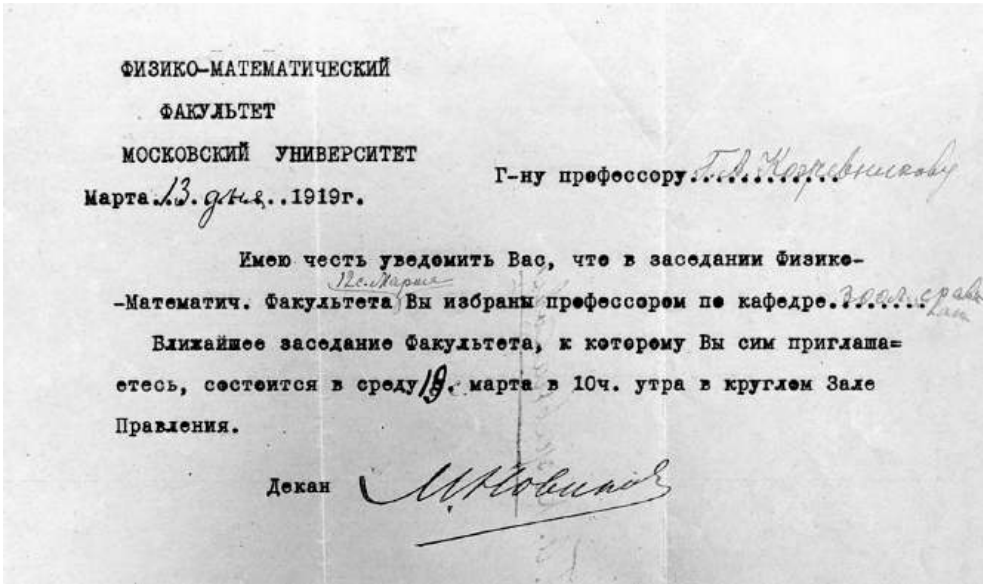
Кононов, 1955). Императорский МУ был переименован в Государственный, к его названию добавили литеру «1-й», чтобы отличить от «2-го» МУ, возникшего на основе Высших женских курсов.

Примечательной стала особая «либерализация» приёма в государственные университеты: теперь при поступлении абитуриентам не нужно было предъявлять документы о среднем образовании, вступительные экзамены отменялись, достаточно было просто заявить о своём желании учиться в МУ[14]. Можно представить, как воспринял все эти новшества Г.А. Кожевников, до того горячо ратовавший, опираясь на идеи евгеники, за целенаправленный «позитивный» отбор и всяческую поддержку избранной молодёжи — талантливой и образованной (см. раздел 3.6).

Вслед за этим преобразователи университетской системы, с ходу разобравшись с тем, *кого* надлежит учить, перешли к следующему этапу и всерьёз занялись регулировкой того, *кто* должен учить. Реформа, касающаяся профессорско-преподавательского состава, была начата декретом Совнаркома (октябрь 1918 г.), названным достаточно невинно «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учёных и высших учебных заведений Российской республики» (Декрет…, 1918). Декрет отменил учёные степени и звания, равно как и соответствующие знаки отличия и привилегии; вместо этого всем лицам, самостоятельно читающим лекции, присваивалось звание профессора (без различия степеней), а прочие стали числиться просто как преподаватели. При этом профессорам-совместителям была определена выплата вознаграждения лишь по одной из совмещаемых должностей согласно тому, какую именно они в таком качестве выберут и укажут в заявлении в соответствующую инстанцию. Профессора и преподаватели, проработавшие в университетской системе более 10 лет, в октябре 1918 г. (т. е. сразу после принятия Декрета) были выведены за штат учебных заведений, согласно чему их должности стали вакантными, на их замещение открылся всероссийский конкурс, в котором все возможные соискатели (в том числе те, кто занимал их ранее) должны были участвовать на общих основаниях, чтобы в случае благополучного прохождения конкурса быть зачисленными на соответствующие должности. Об этом сколь неожиданном, столь и неприятном событии Кожевников пишет Семёнову-Тян-Шанскому с горечью, граничащей с отчаянием: «Нас всех *выгоняют* со службы и большой вопрос, попадём ли мы снова в университет» (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 311, 311об).

Желающие участвовать в конкурсе соискатели профессорских и преподавательских должностей обязаны были предъявить конкурсной комиссии рекомендации от коллег, подтверждающие их профессиональную пригодность. Григорий Александрович такую рекомендацию запросил в Зоологическом музее Российской академии наук в Петрограде и получил её в декабре 1918 г. за подписями Н. Кузнецова, Г. Якобсона, В. Редикорцева и Ал. Дьяконова. В ней рекомендующие предлагают «на одну из освободившихся кафедр по зоологии […] Московского университета бывшего профессора Московского университета» Г.А. Кожевникова (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 327. Л. 1) — не правда ли, весьма уничижительная формулировка, пусть и вынужденная, в устах его коллег: «бывший профессор»? В марте 1919 г. Кожевников получает официальное извещение, подписанное деканом ФМФ, о том, что он избран «профессором по кафедре зоол. сравн. анат.» (там же. Л. 3) (рис. 2.29). В этом своём «старом-новом» качестве наш профессор сразу же возобновляет чтение общего и специального курсов и занятия большого практикума по зоологии беспозвоночных, лекции по зоогеографии. Забегая несколько вперёд, укажем, что в 1923 г. его назначат заведовать Биологическим отделением, организованным (согласно очередному постановлению) на ФМФ наряду с несколькими другими (Летопись-2023): это

[14] Подобная система приёма слушателей уже практиковалась в 1910-е гг. в частном московском университете Шанявского (Тимофеев-Ресовский, 2008).

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ
МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Марта 13. дня 1919г.

Г-ну профессору Г.А. Кожевникову

Имею честь уведомить Вас, что в заседании Физико-Математич. Факультета 12 Марта Вы избраны профессором по кафедре зоологии

Ближайшее заседание Факультета, к которому Вы сим приглашаетесь, состоится в среду 19. марта в 10ч. утра в круглом Зале Правления.

Декан

Рис. 2.29. Официальное извещение Г.А. Кожевникова о его переизбрании профессором Кафедры зоологии (март 1919 г.) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 327. Л. 1)

станет вершиной его «формального» карьерного роста в МУ при новой власти.

Кстати будет отметить, что из-за указанной реформы пребывание М.А. Мензбира ректором МУ продолжалось совсем короткое время. В конце 1918 г., вместе с другими профессорами со сроком службы более 10 лет, он был отставлен от всех своих университетских должностей. В начале 1919 г. его утвердили в профессорской должности на ФМФ, но ректором не переизбрали; то ли он сам не заявлялся на конкурс на эту должность, то ли не прошёл «идейный фильтр».

В 1920 г. был сделан следующий важный шаг в огосударствлении и «окоммунизировании» всей университетской системы страны, который возымеет грандиозные последствия. На некоем партийном совещании «по вопросам народного образования и осуществления реформы высшей школы» была принята резолюция, в которой подчёркивалась необходимость политического завоевания высшей школы и политического воспитания студентов (Летопись, 1920). Эту общую задачу коротко и очень ярко сформулировал председатель Временного президиума МУ, пламенный большевик Д.П. Боголепов после одной из встреч с В.И. Лениным: «1. Наука только для рабочих [*правка Ленина — для бедных*]; 2. Уничтожение “свободы преподавания”, преподавательская работа по нашим указаниям» (там же). Соответственно, старая либеральная профессура, в том числе Г.А. Кожевников с его стремлением быть «вне политики», самим фактом своей принадлежности к «политически чуждой» прослойке нового общества обрекалась на положение «указуемой» в новой системе ценностных и административных координат.

Косвенной, но от этого не менее наглядной иллюстрацией того, каким образом после революции поменялось отношение к профессуре — и вообще к интеллигенции как к «говну нации», по образному выражению большевистского лидера В.И. Ленина (Ишков, 2022), — со стороны нового чиновничества, может служить форма сообщений Г.А. Кожевникову о некоторых решениях или планируемых мероприятиях, разительно отличающаяся от прежней. Так, в 1901 г. он получил такое извещение о его избрании в почётные члены РОП, ещё не будучи профессором, за подписью председателя этого общества Н. Шихманова: «Совет Русского Общества Пчеловодства вменяет себе в приятную обязанность уведомить Вас, Милостивый Государь, что в годичном

Общем Собрании…» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 63). В 1910 г. секретарь МУ известил его о назначении ординарным профессором, в конце извещения присовокупив: «Уведомляя об этом, прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном почтении и преданности» (там же. Ед. хр. 325. Л. 1). В отличие от этого, в 1929 г. Кожевникова, уже заслуженного во всех отношениях университетского профессора, известили об оставлении в должности директора Зоомузея сухой формальной выпиской из протокола: «ПОСТАНОВИЛИ: […] Временно оставить директором Зоологического музея Г.А. Кожевникова», с пометкой «Препровождается проф. Г.А. Кожевникову» (там же. Ед. хр. 336) (см. далее).

Согласно выше указанным и иным руководящим документам происходили существенные изменения в структуре и принципах управления ВУЗами. Основной их тон был задан принятым в 1921 г. декретом Совнаркома «Положение о высших учебных заведениях Р.С.Ф.С.Р.», который закрепил и усилил основные положения октябрьского (1918 г.) декрета (Летопись, 1921). Отныне Наркомпросу передавалось исключительное право определять для всех университетов структуру, штаты, читаемые лекционные курсы и т. п.: это означало окончательную отмену всех университетских свобод и переход всей системы высшего образования целиком под государственный контроль[15]. Названное «Положение» также определило базовый штатный состав университетов: среди них были профессора, преподаватели (прежние приват-доценты) и научные сотрудники (прежние ассистенты), сосредоточенные на «учебной или учебно-учёной деятельности»; в каждой из этих категорий были штатные и сверхштатные единицы; научные сотрудники были поделены на две категории.

В эти годы важной формой насаждения новой идеологии в университетскую систему стало активное стимулирование поступления в ВУЗы молодых коммунистов и комсомольцев — так называемых «парттысячников» (Мокиенко, Никитина, 1998). То были в основном производственники, которых партийные и советские органы направляли в университеты для того, чтобы они ускоренными темпами овладевали знаниями и проводили «линию партии» в университетскую жизнь; им предоставлялись определённые льготы в обучении. Понятно, что воспитанные в прежних традициях преподаватели и слушатели МУ не слишком жаловали «партийных засланцев», на что те отвечали вполне понятной взаимностью, диктуемой к тому же «классовым чутьём». Как вспоминает Б.С. Кузин, они «заявляли начальству, жалуясь на саботирование профессурой пролетаризации науки, на сознательное предложение им плохих диссертационных тем и т. п.» (Кузин, 1999, с. 72). Именно такие не очень грамотные профессионально, но вполне «коммунистически подкованные» студенты в первую очередь попадали в университетские Народные советы разных уровней и в Собрания студенческих и аспирантских организаций и тем самым получали возможность влиять на решения важных вопросов жизни университетов[16].

Одним из средств тотального контроля стало учреждение профильных Предметных комиссий для организации учебно-научной и методической работы: в их состав входили преподаватели и научные работники по соответствующим дисциплинам, а также студенты (Летопись, 1921). Они были организованы строго иерархически: в частности, такая Предметная комиссия была создана при Зоологическом музее, она рассматривала, например, вопросы, связанные с распределением рабочих мест между его сотрудниками. При этом, судя по сохранившимся в архиве немногочисленным документам, му-

[15] Это решение большевиков парадоксальным образом воплотило и довело до логического конца ключевую идею царского сановника А.А. Тихомирова о государственном контроле над всей университетской системой (Тихомиров, 1906; см. раздел 2.6).

[16] В такой достаточно странной форме была фактически воплощена либеральная по своей сути мечта Общества молодых преподавателей участвовать в управлении МУ (см. раздел 2.6).

зейская комиссия ничего самостоятельно не решала, а лишь оформляла свои предложения и отправляла их для рассмотрения в Правление МУ. Например, в октябре 1922 г. эта комиссия обсудила вопрос «о распределении помещений Зоологического Музея между специалистами, работающими в З. Музее» и обратилась в вышестоящую инстанцию с просьбой «удовлетворить её ходатайство о предоставлении проф. Б.М. Житкову к. № 14 […] в ближайшее время» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 179. Л. 1). В другом обращении от сентября 1925 г. Кожевников просит Зоологическую предметную комиссию «зарегистрировать темы дипломных работ по лаборатории Зоологического музея» (там же. Ед. хр. 181. Л. 1).

«Руководящая и направляющая» роль государства в организации университетской деятельности проявилась в ещё одной весьма характерной форме: от научных работников и преподавателей отныне требовалось заранее планировать на несколько лет свою работу и непременно сообщать о своих планах в Наркомпрос. Так, Г.А. Кожевников получил запрос об этом из Научного отдела названного комиссариата, видимо, в начале 1920-х гг. (в документе дата не указана) относительно того, какие произведения и в какой последовательности он полагал бы желательным издать в ближайшее время. В своём ответе на этот запрос профессор счёл необходимым особо отметить с некоторым сарказмом (там же. Ед. хр. 272а. Л. б/н), что

> раньше Ведомство просвещения с такими запросами к учёным не обращалось и никакой *императив* в издании научных и научно-учебных произведений не проявляло, так что теперешний почин Научного отдела, если он будет осуществлён, надо признать весьма знаменательным в истории научного издательства в России.

И всё же, вынужденный принять новые правила поведения, проф. Кожевников в ответе на этот запрос сообщил о необходимости издания полноценных учебников по зоологии — при этом не переводов, а именно заново написанных отечественными учёными. К сему он присовокупил свою готовность приготовить к печати учебники по зоогеографии и зоологии, а также монографию «Задачи и методы современной зоологии» (которая, по его словам, в значительной мере была подготовлена). В 1923 г. Григорий Александрович в одном из своих писем к А.А. Тихомирову упоминает о том, что пишет некий учебник, «пропустил все сроки», но «благодаря хорошему знакомству с С.В. Чефрановым контракт переписывается ещё на ½ года»; об этом учебнике упоминает и супруга Г.А (СПбФ АРАН. Ф. 261. Оп. 2. Д. 16. Л. 3; Д. 17. Л. 3). К сожалению, ни одна из этих книг за авторством Кожевникова так и не будет завершена и издана. Наконец, можно отметить, что в архиве Кожевникова есть листок с упоминанием кафедрального «Редакционного совета курса зоологии», который составил нечто вроде общего плана издания, среди авторов курса значится он сам, сроком сдачи рукописей указан октябрь 1932 г. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 317); этот план останется невыполненным из-за увольнения Г.А. из университета.

***

В истории университетской карьеры Г.А. Кожевникова в бурные послереволюционные времена весьма заметным событием стало введение в структуру МУ научно-исследовательских институтов, два из которых сыграют важную роль в его судьбе.

Первым из них стал учреждённый особым декретом Наркомпроса в 1921 г. Плавучий морской институт, подчинённый Главнауке, но размещённый в Зоологическом корпусе МУ. В проекте он был назван «Морской плавучий зоологический институт», потом его переиначили в «Пловучий морской научный институт» с аббревиатурой «Пловморин» (также «Пловморбин», «Пловморнин»), со временем по «лингвистическим» причинам первая гласная «о» была заменена на «а» и он стал называться «Плавморнин» (Зенкевич, 1941; Шабалина, 2015). У его истоков стояло несколько университетских зоологов, включая самого Г.А. Кожевникова и двух его учеников — И.И. Месяцева и Л.А. Зенкевича, которые в 1920 г.

ПЛОВУЧИЙ МОРСКОЙ НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТ.
FLOATING MARITIME SCIENTIFIC INSTITUTE.
20 ноября 1925 года.

Рис. 2.30. Уведомление Г.А. Кожевникова (1925 г.) о его переизбрании действительным внештатным членом Плавморнина (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 5)

обратились в Наркомпрос с соответствующим предложением. Первым директором Плавморнина стал гидролог и океанолог А.И. Россолимо[17], который будет занимать эту должность до 1929 г. (Белов и др., 1939), Г.А. Кожевников был избран «действительным внештатным членом» этого Института, о чём его уведомил директор последнего (рис. 2.30) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 5). Хотя Плавморнин, как сказано, подчинялся непосредственно Главнауке и обладал достаточной автономией в административном отношении, его сотрудничество с Зоомузеем в области зоологической науки было очень тесным.

В 1922 г. Наркомпрос в ходе очередной реорганизации всей системы высшего образования предписал ввести в структуру университетов специализированные научно-исследовательские институты. По исходному замыслу, этой реформой университетская наука отдавалась институтам, за кафедрами закреплялось преподавание, а за музеями — собирание и хранение коллекций. Таким образом были созданы предпосылки к разрушению ранее установленного очень плодотворного единства преподавательской, научной и музейно-хранительской работы в университетской системе. Впрочем, в 1920-е гг. это размежевание специализаций между зоологическими подразделениями МУ особо не соблюдалось (см. об этом далее), но с 1950-х гг. оно проявится весьма чётко.

Во исполнение указанного предписания при МУ было организовано более десятка институтов, которые объединились в Ассоциацию научно-исследовательских институтов, подчинённую непосредственно Наркомпросу (Гулевич, 1928). Из числа учреждённых при ФМФ теснейшее отношение к Зоомузею имел Научно-исследовательский институт зоологии (НИИЗ) (Научно…, 1935). Как и за год до него Плавморнин, он разместился в Зоологическом корпусе МУ (Кожевников, 1923б). Первым его главой стал М.А. Мензбир, которого через год сменил А.Н. Северцов; Г.А. Кожевников и Б.М. Житков были назначены членами коллегии и заместителями директора института. Штат НИИЗа поначалу состоял из сотрудников существующих структурных единиц зоологического профиля; его основу составили штатные действительные члены, имевшие профессорское звание (их было около десятка), следующими по рангу были сверхштатные действительные члены, затем научные сотрудники I и II разрядов (также штатные и сверхштатные) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 192).

Наверное, такая ситуация поначалу благоприятно сказалась на работе всего «зоологического куста» ФМФ: изменения в штатных расписаниях его подразделений не повлекли за собой существенных изменений в деятельности сотрудников, но положительно сказалось на их должностных окладах (Кузин, 1999). Однако дальнейшее разрастание институтов обратилось большой «головной болью» для Зоомузея, а тем самым и для Г.А. Кожевникова.

[17] А.И. Россолимо — дядя Л.Л. Россолимо (ещё одного ученика Кожевникова, будущего заведующего Косинской биостанцией, см. раздел 3.7) и двоюродный дед будущего директора Зоомузея О.Л. Россолимо. Указание на то, что в указанные годы Плавморнин возглавлял И.И. Месяцев (Кузьминская, 2016), не соответствует действительности.

Причина в том, что институты обзаводились своим хозяйством, службами, сотрудниками и их рабочими местами, для морских экспедиций Плавморнина нужно было специальное оборудование — и всё это размещалось в здании Зоологического корпуса, включая его экспозиционные залы. Институты стали постепенно претендовать на всё бóльшие площади и помещения, вытесняя музейные коллекции из залов и даже некоторых хранилищ. Так, значительная часть Нижнего зала была превращена фактически в лабораторное помещение и место проведения занятий со студентами по курсам С.А. Зернова и Н.М. Кулагина (там же. Ед. хр. 185). Плавморнин первые годы своего существования занимал несколько помещений в подвале и вестибюле, ему была отведена также некоторая часть Нижнего зала для нескольких рабочих мест. Но очень скоро «эти несколько мест превратились в рабочие места около сотни сотрудников […] Нижний зал музея оказывается заставленным столами (перед каждым окном стоит от 4 до 6 столов […] и по 2 шкафа)» (Михайлов, 2002, с. 15–16).

Разграничение функций между старыми и новыми подразделениями зоологического профиля МУ осуществлялось следующим образом. Областью компетенции НИИЗа определили науку преимущественно прикладного направления; для выполнения исследований в нём выделили несколько профильных лабораторий, каждая со своим заведующим: зоологии беспозвоночных (Г.А. Кожевников), систематики и экологии позвоночных (Б.М. Житков), экологии и полезных насекомых (В.В. Алпатов), некоторые другие; первоначально их было немного, но после реформы 1931 г. число таких лабораторий сильно увеличится. Кроме того, в зону ответственности НИИЗа включили аспирантуру, хотя её слушатели для подготовки диссертаций прикреплялись к тем старым институциям в составе ФМФ — музеям, кабинетам, самостоятельным лабораториям, которые возглавлялись аспирантскими руководителями-профессорами. Некоторые научные работники и аспиранты НИИЗа, проходившие по «ведомству» самого Кожевникова, назначались также хранителями музейных коллекций. Из прежних подразделений ФМФ, кроме Кафедры зоологии, самостоятельность сохранили Зоомузей и Институт сравнительной анатомии, во главе с Г.А. Кожевниковым и А.Н. Северцовым, соответственно; при каждом из них была оставлена профильная лаборатория. Вдобавок на ФМФ организовали несколько самостоятельных лабораторий и кабинетов — Лабораторию экспериментальной зоологии (Н.К. Кольцов), Кабинет гистологии и эмбриологии (Н.В. Богоявленский), Кабинет сравнительной анатомии и зоогеографии и отдельную Зоологическую лабораторию (обе возглавил М.А. Мензбир).

Все указанные институции зоологического профиля, размещённые в стенах Зоологического корпуса, сформировали некую общую научно-преподавательско-хранительскую конгломерацию, отчасти напоминающую ту, которую в своё время установил для зоологических кафедры и музея А.П. Богданов. Их единство проявлялось в том, что одни и те же учёные (анатомы, экологи, систематики, физиологи и т. п.) занимали по-разному называемые должности во всех или некоторых из них, поэтому тематика исследований в той или иной мере перекрывалась; лекционные курсы также отчасти дублировали друг друга. Их сотрудники участвовали совместно в полевых работах (экспедициях и «экскурсиях»), собираемые в них коллекции каким-то образом делились между зоологическим и сравнительно-анатомическим музеями, а некоторые поступали в личное владение. Характер соподчинения сотрудников в старых и новых институциях этой конгломерации, по-видимому, не был строго определён: так, Г.А. Кожевников заведовал Биологическим отделением ФМФ и тем самым всей зоологией (а также ботаникой, физиологией и т. п.), а НИИЗовской зоологией руководил директор этого института А.Н. Северцов, которому Кожевников подчинялся как его заместитель.

Желая на фоне этой «мешанины» навести порядок в музейном хозяйстве, Г.А. Кожевников стремился скрупулёзно разграничивать

коллекции, собранные в музейных экспедициях и в частных поездках. Например, в одном из своих поручений В.Г. Гептнеру, касающихся хранительской работы, он сообщает следующее: «Я видел музейные этикетки на вещах [таксидермиста] Большунова. Это неправильно, если это его *каникулярные* сборы» (АрхЗММУ). Чтобы избежать такого рода нареканий, например, С.И. Огнёв, собиравший собственную коллекцию, но хранивший её в музейном помещении, снабжал «свои» экземпляры этикетками с надписью «*Collectio Ognevi*».

***

В подобной архисложной ситуации на долю Г.А. Кожевникова и его коллег «старой закалки» выпала важнейшая и тяжелейшая задача сохранить высокий уровень университетских курсов зоологии и преемственность преподавательской и научной школ, сложившихся на Кафедре зоологии и в Зоомузее за несколько предшестующих десятилетий. Благодаря этому, несмотря на все эти реорганизации, а отчасти и вопреки им, преподавание зоологических дисциплин на протяжении 1920-х гг. по мере возможности шло во многом своим чередом, частью традиционным, частью с определёнными элементами новизны. Последние в преподавательскую деятельность были привнесены тем, в частности, что «Государственным учёным советом Наркомпроса в 1923 г. было провозглашено, что в университетах […] “установить ясно и осуществление практического уклона”», дабы обеспечить «“фактическую связь с той или иной стороной жизни общественно-государственной, [поэтому] учебные планы должны кончаться определёнными уклонами”» (Кожевников, 1927а, с. 499). В связи с этим биологические дисциплины были поделены на определённые «прикладные уклоны» (именно так они назывались), о которых Кожевников упоминает в годовых отчётах за вторую половину 1920-х гг. (напр., Отчет…, 1927).

Как выше было сказано, лекции, читаемые на базе разных институций зоологического профиля ФМФ, в той или иной мере дублировали друг друга. Сам Г.А. Кожевников читал курсы общей зоологии, специальные курсы зоологии беспозвоночных и зоогеографии, Б.М. Житков — курсы общей биологии, теории эволюции и зоологии позвоночных животных, С.И. Огнёв — спецкурс по биологии позвоночных животных. Кроме того, читались спецкурсы по общей экологии и экологии насекомых (Е.С. Смирнов), по морфологии насекомых (Э.Г. Беккер) и их истории (И.И. Ёжиков), по вариационной статистике (В.В. Алпатов). К этим основным курсам в рамках «прикладных уклонов» в 1924 г. прибавились курсы по естественной истории пчелы (Кожевников), по промысловым животным (Житков), по вредным насекомым (Кулагин) (Отчет…, 1925). Л.А.Зенкевич, Л.Л. Россолимо, Э.Г. Беккер и И.А. Парфентьев руководили большим и малым практикумами по беспозвоночным, Н.А. Бобринский — по позвоночным. На базе Института сравнительной анатомии А.Н. Северцов читал общий курс по эволюционной морфологии, введение в зоологию и сравнительную анатомию; С.П. Боголюбский — спецкурс по происхождению домашних животных; практические занятия и семинары проводили Б.С. Матвеев, С.А. Северцов, С.Г. Крыжановский и др. В Кабинете гистологии и эмбриологии общий курс по гистологии читал Н.В. Богоявленский, по микроскопической технике — А.В. Румянцев, по цитологии — Г.В. Эпштейн. В 1928 г. Г.А. начал читать курс зоологии для географов, который, по его мнению, тем «очень понравился» (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 499. Л. 70).

Принимая во внимание специфику новоявленного студенческого контингента, заметную часть которого составляли выше упомянутые «парттысячники», проф. Кожевников в начале 1920-х гг. взял за правило накануне каждой лекции вывешивать у входа в аудиторию особый «памятный листок». В нём он напоминал содержание предыдущей лекции и тезисно обозначал содержание предстоящей, чтобы подготовить слушателей к восприятию нового материала. Этот листок сопровождался воззванием профессора к студентам: «*Прошу*

листков не снимать» (рис. 2.31) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 155. Л. 2).

Григорий Александрович весьма серьёзно относился к аспирантским курсам, видя в них важный этап приобщения будущих учёных к самостоятельной исследовательской работе; соответственно этому он составил свой особый «шаблон» для трёхлетнего плана аспирантских занятий (там же. Ед. хр. 187). Аспиранту-первогодку предписывалось «пополнять пробелы в университетском образовании» за счёт «ознакомления с большими руководствами» (Рей Лэнкестер, Кюкенталь и др.) и «усовершенствование своей техники исследования». Им надлежало также знакомиться «с текущей новой литературой, причём одной из целей является подготовка темы для доклада на семинарии». Основная же цель заключалась в получении «представления о том, в каких направлениях идёт научная работа в области зоологии», для чего необходимо было «усовершенствовать знание иностранных языков». На втором и третьем годах аспиранту предлагалось основательно ознакомиться «с эволюционным учением по солидным источникам» (Дарвин, Уоллес и др.), углублённо изучать литературу по своей специальности, проводить исследовательскую работу по своей теме, участвовать в работе семинара (не меньше одного доклада в семестр) и вести занятия со студентами в лаборатории, а также выполнять некоторую научно-общественную работу — например, заниматься «научной популяризацией». На протяжении всего аспирантского обучения полагалось в летнее время работать на биологических станциях или в экспедициях.

Г.А. Кожевников вплоть до завершения своей университетской карьеры неизменно руководил занятиями большого практикума по зоологии и зоологического семинара для студентов старших курсов, аспирантов и ассистентов, уделяя им большое внимание (рис. 2.32). Он считал участие своих университетских воспитанников в работе семинара особенно важным и потому обязательным, поскольку эта работа предполагает «постоянное научное общение

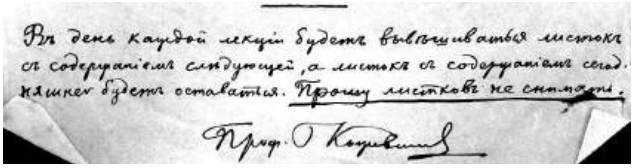

Рис. 2.31. Фрагмент одного из «памятных листков» о содержании своих лекций, которые Г.А. Кожевников вывешивал у входа в аудиторию в начале 1920-х гг. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 155. Л. 2)

с руководителем [и] является необходимым условием выполнения [учебной] программы» (Кожевников, 1916б. Л. 11).

В университетском архиве Г.А. хранятся подробные материалы по семинарским занятиям за 1918–1928 гг. со списками участников и обсуждаемых тем; председательствовал неизменно сам Кожевников, секретарём был И.И. Ёжиков; обычно на заседаниях присутствовало 10–15 человек, но иногда существенно больше — 36 и даже 57 (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 175). Среди молодых участников много таких, которые впоследствии станут известными зоологами: Е.С. Смирнов, В.В. Алпатов, В.А. Яшнов, П.П. Смолин, А.Н. Формозов, В.Г. Гептнер, Е.В. Боруцкий, Б.С. Кузин, К.А. Воробьёв, Н.М. Дукельская, Н.В. Шибанов, П.М. Рафес и др. В заседаниях семинаров обычно участвовали профессора и преподаватели — Н.В. Богоявленский, Д.М. Россинский, С.И. Огнёв, И.И. Месяцев, Л.А. Зенкевич, Б.М. Житков и др. Темы семинаров были очень разными. Доклады чаще имели форму отчётов начинающих исследователей о своих конкретных работах: например, Л.А. Зенкевич представил доклад «Влияние сидячего образа жизни на организацию *Monajunkia*», В.А. Яшнов — «О планктоне Байкала», Л.Л. Россолимо — «Наблюдения над конъюгацией инфузорий *in vivo*». Нередко обсуждались и более общие темы, не связанные с текущими исследованиями: например, Е.С. Смирнов представил доклады «О принципах систематики насекомых» и «Обоснование систематики как самостоятельной дисциплины», В.В. Алпатов — «Почва как биоценоз», В.А. Яшнов — «О происхождении микрофауны арктических озёр». Иногда предметом обсуждения становились работы других

Рис. 2.32. Групповая фотография руководителей и слушателей Большого практикума Кафедры зоологии МУ (у углового входа в Зоомузей со двора, 1928 г.); сидят (слева направо) Н.Н. Кондаков, Л.А. Зенкевич, Г.А. Кожевников, Э.Г. Беккер, О.С. Кузина; стоят Шефтель (в центре), А.Н. Студитский (второй справа) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 393)

авторов, например: доклад Г.А. Кожевникова «Систематика и филогения, по поводу статьи L. Plate», В.А. Яшнова «О работах Дофлейна и Штрауса по изучению глаз глубоководных ракообразных». При удобном случае приглашались докладчики «со стороны»: так, протистолог С.А. Иловайский однажды демонстрировал новую микрофотографическую технику, специалист по иглокожим Д.М. Федотов рассказал об организации *Euryale* (Ophiuroidea) с демонстрацией препаратов.

Отстаивая высокий статус Зоомузея в глаза университетского начальства, Г.А. Кожевников всячески подчёркивал его значимость в преподавании курсов, читаемых на Кафедре зоологии. Так, в 1927 г. он писал в докладной записке на имя ректора МУ А.Я. Вышинского (там же. Ед. хр. 53. Л. 42, 42об), что

> со времени обособления описательной зоологии со всеми её подразделениями в особый цикл значение Зоологического музея в обслуживании этого цикла выразилось особенно ярко и чётко. Прежде всего необходимо отметить, что только при наличии богатых коллекций Музея возможно должным образом поставить наглядно преподавание на II курсе двух курсов специалистов, для всех студентов обязательных, а именно зоологии беспозвоночных и зоологии позвоночных.

В МУ и некоторых других ведущих университетах страны в 1925 г. традиционные лекционные занятия в качестве очередного «эксперимента» были заменены на лабораторно-групповые: по замыслу реформаторов, они лучше всего позволяли воплощать принципы коллективизма и взаимопомощи (Летопись, 1925; Карпачев, 2016). Названные принципы воплощались в том числе таким образом, что по завершении курса проводился семинар, на котором руководитель студенческой группы (или какой-либо наиболее подготовленный её член) делал доклад, а остальные принимали участие в свободной дискуссии вокруг предложенных заранее вопросов; итоговая оценка при этом

ставилась одна на всю группу/бригаду. Руководствуясь этим, проф. Кожевников в отчёте за указанный год пишет (Отчет…, 1927), что он

> читал курс общей зоологии группе студентов, применяя новые методы преподавания, имеющие целью войти в более близкое общение со слушателями и сделать преподавание более конкретным и наглядным. Преподавание велось за рабочими столами лаборатории, а не в аудитории, причём непосредственно перед слушателями помещались те объекты, о которых шло изложение, и демонстрации возможно тесно сливались с описанием.

В последующие годы Г.А. применяет особый порядок отчётности студентов об усвоенных ими знаниях, который он изъясняет первокурсникам в особой записке (АрхМГУ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 159. Л. 5) следующим образом:

> Вместо экзамена в конце курса студентам предлагается сдавать зачёт прослушанного по частям […] и эти зачёты […] будут по совокупности заменять экзамен в конце года, который является устаревшей формой проверки знаний. […] Курс “Общей зоологии” читается одновременно двумя профессорами Г.А. Кожевниковым и Н.К. Кольцовым и от желания студентов зависит, у кого слушать курс. Упомянутая выше система проверки знаний будет применяться исключительно к студентам, слушающим курс у проф. Г.А. Кожевникова.

Для того чтобы составить представление о студентах, которым Кожевников начинал читать свои курсы и прививать исследовательские навыки, он по собственной инициативе предлагал им заполнять особые довольно подробные анкеты. Такая анкета не имела никакого отношения к выяснению «социального происхождения» или «политической благонадёжности» студентов — того, что в первую очередь интересовало тогдашние власти; она включала следующие вопросы: 1) Фамилия, имя, отчество; 2) Возраст; 3) Где учился до университета; 4) Изучал ли зоологию; 5) Пользовался ли учебником; 6) Участвовал ли в экскурсиях; 7) Собирал ли коллекции; 8) С природой какого края знаком; 9) Охотился или нет; 10) Имел ли аквариум и террариум; 11) Читал ли специальные книги по биологии и зоологии и какие; 12) Знаком ли с микроскопом; 13) Имеет ли специальный интерес к зоологии (там же. Л. 9–16, 28, 28об).

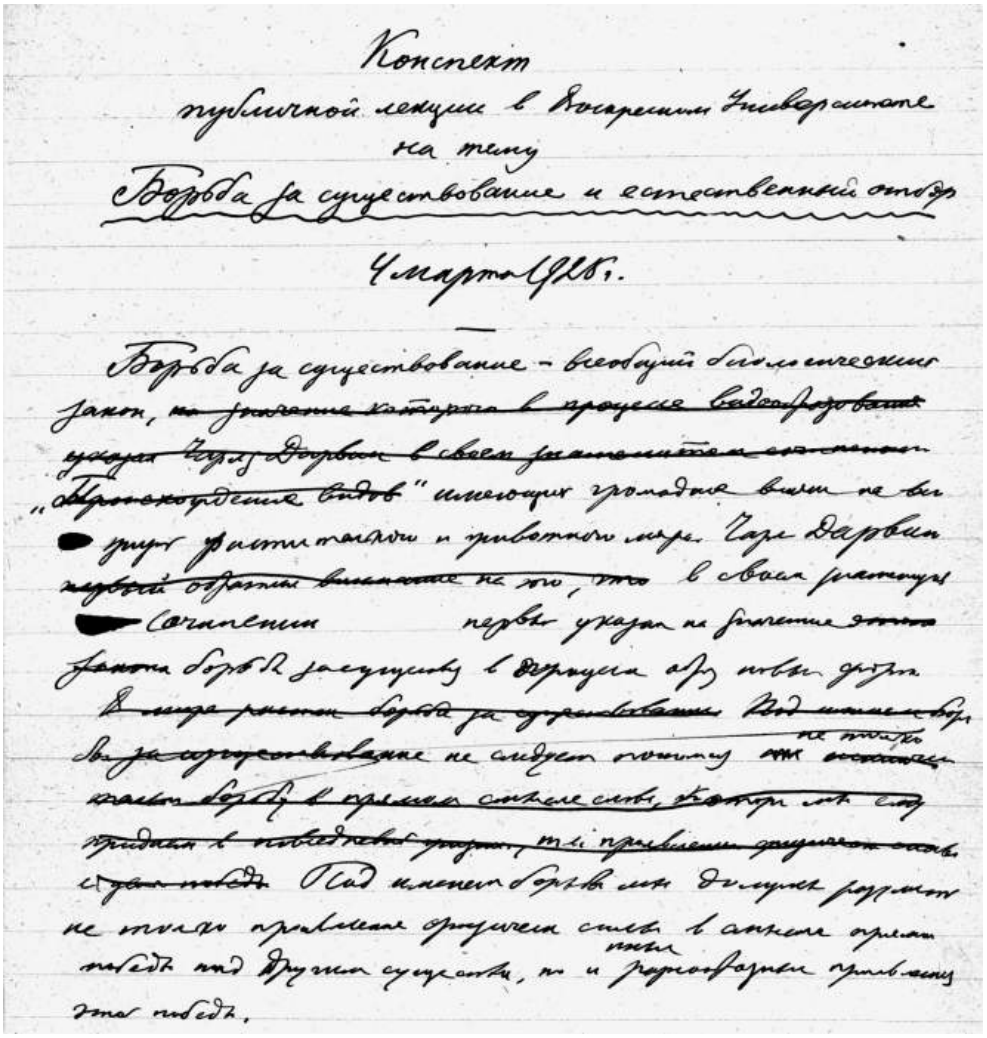
Будучи педантом и уважительно относясь к своим слушателям, Г.А. Кожевников заботливо сохранил в своём домашнем архиве записки с вопросами, которые ему подавали студенты по ходу его лекций; некоторые из них, касающиеся эволюции, весьма любопытны и свидетельствуют о характере интересов слушателей (там же. Ед. хр. 80. Л. 13–23). Так, автора одной из записок занимает один из самых важных в биологии вопросов: «Чем объясняется такое разнообразие созданных существ?» Другой, близкий по смыслу вопрос таков: «Создаются ли в настоящее время новые формы организмов?» Ещё один студент спрашивает профессора: «Почему из клеточки Protozoa не развился многоклеточный организм подобно многим животным? Ведь все организмы также развиваются из одной зародышевой клетки?» Одного из студентов занимает более практический вопрос: «Можно ли искусственно создать вещество, похожее на протоплазму, и если это невозможно теперь, то можно ли надеяться на то, что это будет достигнуто в будущем?»

Как и прежде, лекции в МУ Григорий Александрович по мере возможности совмещал с работой в ряде других институтов и учреждений. В 1918 г. его пригласили в Наркомпрос читать лекции «по постановке преподавания природоведения в начальной школе» на Всероссийских учительских курсах и принять участие в обсуждении возможности создания Центрального педагогического музея (там же. Ед. хр. 271). В 1921 г. он избирается профессором Кафедры зоологии беспозвоночных Естественно-математического факультета Костромского государственного рабоче-крестьянского университета (там же. Ед. хр. 330); последний был в том же году преобразован в Педагогический институт, в 1922 г. Кожевников значится в числе его преподавателей (Сморчков, 2013). В 1921–1924 гг.

он служит заведующим Подотдела учёта и охраны в Отделе памятников природы при Главмузее Наркомпроса в связи с его деятельностью по организации охраны природы (АрхМГУ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 334) (см. раздел 5.3). С 1924 г. по начало 1930-х гг. Г.А. преподавал в Московском институте физической культуры (там же. Ед. хр. 206; Список…, 1931, с. 364; В Москве…, 2016). Во второй половине 1920-х гг. Кожевникова привлекли к организации Сухумского обезьяньего питомника (АрхМГУ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 293) и после его преобразования в Институт акклиматизации зачислили в штат последнего (см. раздел 3.7). Вдобавок ко всему, благодаря интересу к вопросам зоопсихологии, в 1924 г. проф. Кожевникова назначили заместителем заведующего Практической лабораторией по зоопсихологии при Главнауке Наркомпроса (см. раздел 3.6).

Наряду с «академическими», Г.А. Кожевников продолжал читать публичные лекции естественнонаучного цикла, причём с самых первых послереволюционных лет. Так, в 1918 г. он прочитал цикл из 10 популярных лекций «Зоология для всех» в Политехническом музее (Кожевников, 1918а). Некоторые важные вопросы школьного образования разобраны им в докладе «Экскурсионный метод в преподавании школьного естествознания» (Кожевников, 1921а). С середины 1920-х гг. такие лекции для сотрудников МУ стали в какой-то мере обязательными в связи с учреждением при нём в 1925 г. Народного (Воскресного) университета (Лекторий…, 2023). В частности, в указанном году Г.А. прочитал в нём лекцию «Борьба за существование и естественный отбор», которую начал утверждением, что «борьба за существование — всеобщий биологический закон, имеющий громадное влияние на всю жизнь растительного и животного мира» (рис. 2.33) (Кожевников, 1925з). Кроме того, он читал лекции в рамках научно-популярных циклов, организуемых Домом учёных ЦЕКУБУ, в том числе по вопросам охраны природы — напр., «Охрана природы и экономика страны» (АрхМГУ. Ф. 54 Оп. 1. Ед. хр. 283); лекция «Мухи — наши враги» была вписана в контекст кампании «борьбы за новый быт» (там же. Ед. хр. 105).

Как видно из только что упомянутого доклада «Экскурсионный метод…», Григорий Александрович весьма высоко оценивал позитивные сдвиги в преподавании школьного естествознания, происшедшие в первые послереволюционные годы. Его вдохновляло то, что «из предмета, гонимого в прежнее время, оно стало предметом, выдвигаемым на первый план. Преподаванию естест[вознания] широко открыты двери в общенародную единую трудовую школу» (Кожевников, 1921а. Л. 1 [рук.]) Важнейшей новацией Г.А. считал то, что «преподавание по книжкам и картинкам отвергается современной методикой. Значение учебных коллекций и естественно-исторического кабинета отодвинуто на второй план, а на первый план выдвигается непосредственное общение с природой» (там же. Л. 2) Большое значение имел, несомненно, «трудовой принцип, провозглашённый как девиз новой русской школы» (там же. Л. 4): он создал предпосылки для реализации идеи деятельного участия учащихся в учебном процессе, за которую Г.А. ратовал ещё в начале 1900-х гг. (см. раздел 2.4). По горькой иронии судьбы, некоторым стимулом к этой перемене, по мнению Кожевникова, стала «современная экономическая разруха, следствием которой является отсутствие книг и учебных пособий»: она помогла «преподавателям отказаться от прежней методологической рутины и властно заставила их разрабатывать новые методы преподавания» (там же), важной частью которых как раз и являются экскурсии в природу. Чтобы внести свой вклад в развитие школьного естествознания, Г.А. Кожевников в 1921 г. подготовил черновой вариант статьи «Наглядные пособия по зоологии для единой трудовой школы» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 49), основанием для которого, как можно полагать, стала почти одноимённая статья от 1906 г. (см. библиографический список в Предисловии); была ли опубликована эта новая статья, мы не смогли выяснить.

Конспект
публичной лекции в Государственном Университете
на тему
Борьба за существование и естественный отбор
4 марта 1925 г.

Борьба за существование – всеобщий биологический закон, на значение которого в процессе видообразования указал впервые Дарвин в своем знаменитом сочинении „Происхождение видов" имеющем громадное влияние не только на ход развития растительного и животного мира. Чарлз Дарвин первый обратил внимание не на то, что в своем сочинении первый указал на значение этого закона борьбы за существование в природе для видообразования.

В мире растений борьба за существование не следует понимать как состязание в силе, которое ведется в прямом смысле слова, которое мы видим в животном царстве, мы привыкли слышать о борьбе

рутины. Причина была в том, что новые власти, в отличие от предшествующих, принялись очень жёстко контролировать выезд граждан России за границу, поэтому на каждую поездку требовалось отдельное разрешение, получение коего достигалось посредством многочисленных бюрократических согласований (Диунов, 2021). Судя по исследованным нами архивным документам, Кожевникову только раз было выдано такое разрешение в 1925 г., когда он был командирован Наркомпросом в Берлин для участия в съезде Международного общества по сохранению зубра (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 499. Л. 9). В 1923 г. Григорий Александрович не смог участвовать в работе Международного конгресса по охране природы в Париже; детали отказа мы не смогли выяснить (см. раздел 5.3). В 1927 г. Кожевников был персонально приглашён на IV Международный энтомологический конгресс в Нью-Йорке, но ему, похоже, в разрешении на поездку было отказано уже на одной из низших инстанций — на заседании Президиума Ассоциации научно-исследовательских институтов (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 314). Общая причина была вполне очевидна: в университетской системе, как и во всей стране, в те годы уже начал набирать силу ксенофобский «оборонный» тип сознания, которому был совершенно противен открытый характер отношений между учёными разных стран, свойственный нормальной науке (Безбородов, 2007).

***

Музейная часть университетской зоологии, наряду с реформами общего порядка, переживала свои специфические организационные проблемы. Основной из них в первые послереволюционные годы и в последовавшее за ними десятилетие было вполне понятное недостаточное финансирование: так, в годовом отчёте за 1924 г. отмечено, что выделяемые суммы составляют лишь пятую часть довоенного бюджета музея (Михайлов, 2002; Павлинов, 2016). По этой причине Г.А. Кожевников вскоре после завершения революционных событий направил руководству «Записку о современном положении Зоологического музея и его нуждах» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 174)[18]. В ней заведующий Зоомузеем скрупулёзно перечисляет проблемы: нехватка лабораторных помещений и оборудования для проведения практических занятий со студентами, рабочих мест для преподавательского состава, отсутствие специальных помещений для разборки и препаровки коллекций («многие работы ведутся в сенях, проходных коридорах и разных закоулках»), многочисленные «катастрофы в виде лопанья труб и т. п.», отсыревание стен здания из-за того, что оно плохо вентилируется и не полностью отапливается с наступлением холодов, и т. д.

Хранителями Зоомузея в эти первые «перекроечные» годы служили ученики Г.А. Кожевникова: в 1919–1921 гг. — Н.Н. Плавильщиков, вынужденно покинувший музей в 1921 г. из-за дикого и трагического конфликта между ним и Кожевниковым (см. раздел 6.5), в следующий год Э.Г. Беккер (заведовал также хозяйственной частью музея), затем эти обязанности последовательно короткое время исполняли В.А. Яшнов, И.И. Ёжиков, В.В. Алпатов, С.Г. Крыжановский, И.И. Месяцев (АрхЗММУ. Отчёты за 1923, 1924, 1925 гг.). Примечательно, что занятие должности хранителя было конкурсным: желающие выставить свою кандидатуру подавали об этом письменное заявление заведующему музеем Г.А. Кожевникову (рис. 2.34) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 189. Л. 10). Однако, как видно из перечисления персон, в те годы столь ответственная, но по-нищенски оплачиваемая работа из-за общей неустроенности быта и службы оказывалась чаще всего не по силам молодым зоологам, результатом чего была, как принято говорить, «текучка кадров».

В 1924 г., согласно общему Положению, утверждённому Совнаркомом для всех вузовских учреждений, должность хранителя/ассистента «перелицевали» в научного работника:

[18] Точной даты на записке нет. Судя по тому, что в ней не упомянут Плавморнин, она скорее всего составлена до 1921 г.

в указанном году в таком статусе при музее числились Г.Г. Абрикосов, Е.В. Боруцкий, А.Н. Желоховцев и некоторые другие (АрхЗММУ. Отчёт за 1925 г.). В одной из докладных записок, направляемых в деканат ФМФ, Кожевников специально отметил большую работу С.И. Огнёва по налаживанию хранения коллекций птиц и млекопитающих: в середине 1920-х гг. он числился по НИИЗу, а хранительскую работу в Зоомузее выполнял бесплатно (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 2об). Таким образом, официально упразднённой оказалась критически важная для всякого музея штатная должность хранителя коллекций (к сожалению, подобная ситуация осталась почти без изменений по настоящее время). Впрочем, в некоторых документах, исходящих из Зоомузея во второй половине 1920-х гг., его сотрудники, занятые работой с коллекциями, по старинке назывались хранителями (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 185).

Г.А. Кожевников очень внимательно относился к подбору персон, которым он поручал (а по сути доверял) хранение того, ради чего существовал Зоомузей, — научных коллекций. Следя за профессиональными успехами своих подопечных, он по мере возможности настойчиво продвигал их по служебной лестнице. Так, в университетском архиве сохранились копии его записок в деканат ФМФ МУ о назначении на должность хранителя В.Г. Гептнера (по позвоночным) и В.В. Алпатова (по беспозвоночным), а также о повышении ставок (должностных окладов) всем хранителям, где Кожевников детально характеризует деловые качества рекомендуемых им персон (там же. Л. 9, 10). Не менее настойчиво Г.А. требовал от руководства факультета повысить зарплаты ассистентам и препараторам, чьи должностные оклады были «совершенно ничтожными». При этом он не забывал и себя, полагая, что «вознаграждение директора музея [указана зарплата в месяц] совершенно не соответствует […] важному значению этой должности» (там же. Л. 10).

Вскоре после того как кафедра и музей с трудом поделили с НИИЗом и Плавморни-

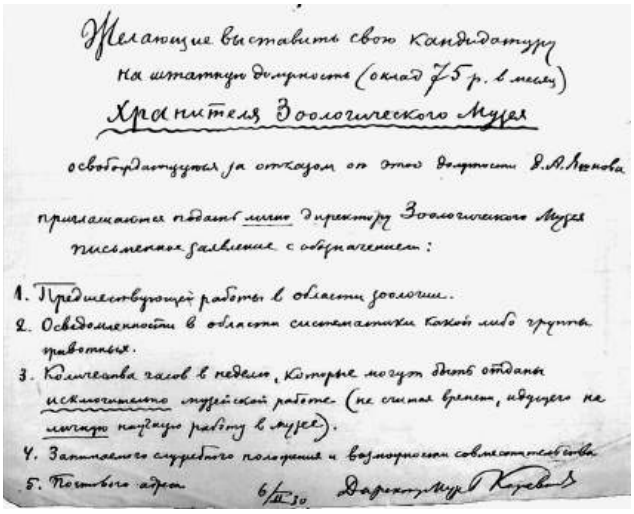
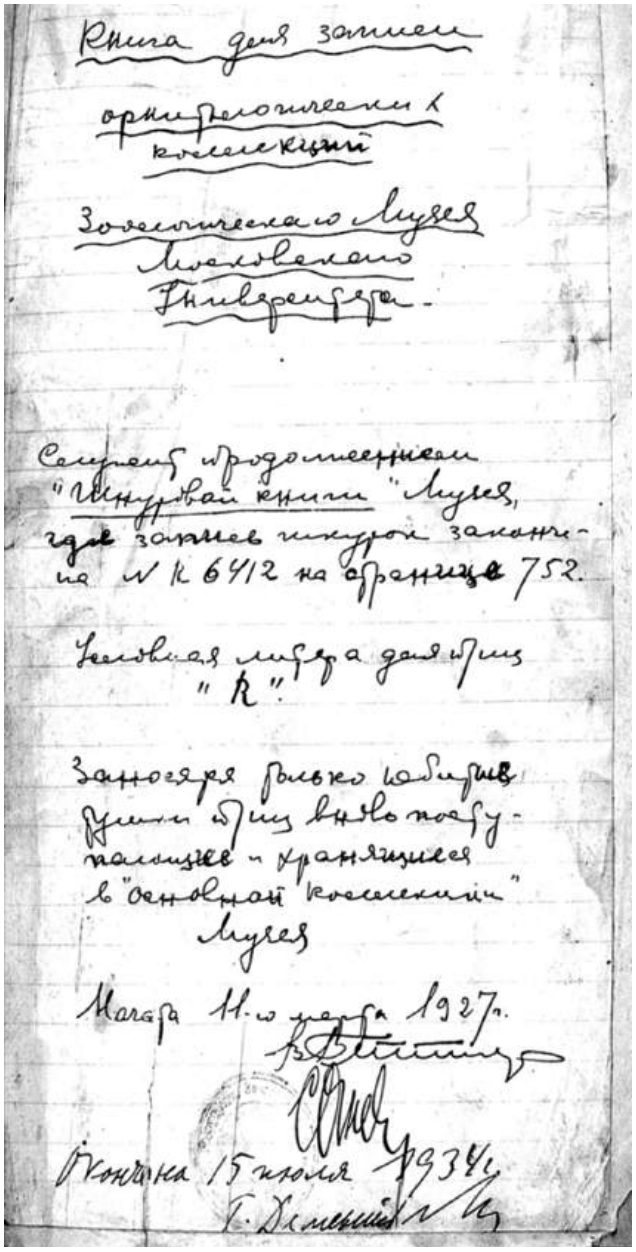

Желающие выставить свою кандидатуру
на штатную должность (оклад 75 р. в месяц)
Хранителя Зоологического Музея
освобождающуюся за отходом от этой должности Д.А. Яшнова
приглашаются подать лично директору Зоологического Музея
письменное заявление с обозначением:
1. Предшествующей работы в области зоологии.
2. Осведомленности в области систематики какой либо группы животных.
3. Количества часов в неделю, которые могут быть отданы исключительно музейской работе (не считая время, идущего на личную научную работу в музее).
4. Занимаемого служебного положения и возможности совместительства.
5. Почтового адреса.
6/III 30 Директор Муз. Кожевников

Рис. 2.34. Объявление о конкурсе на должность хранителя ЗММУ (февраль 1930 г.); это была одна из последних официальных акций Г.А. Кожевникова в качестве директора Зоомузея МУ (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 189. Л. 10)

ном помещения Зоологического корпуса, сотрудников и отчасти сферы деятельности, Г.А. Кожевников предпринял реструктуризацию всего музейного хозяйства (Павлинов, 2016). В 1924 г. он разделил научные коллекционные фонды по таксономическому принципу на три секции — беспозвоночных, насекомых и позвоночных; обязанности их заведующих (фактически хранителей) были возложены, соответственно, на Е.В. Боруцкого, Б.С. Кузина и В.Г. Гептнера; отдельно хранящиеся коллекции Плавморнина опекал его учёный секретарь В.А. Яшнов. Вслед за этим Г.А. по-новому организовал всю музейную учётную документацию, также подчинив её таксономическому принципу: на протяжении 1927–1930 гг. единая «Шнуровая книга», начатая при А.П. Богданове, была разделена по вновь выделенным секциям, которые стали вести отдельные «Книги для записи коллекций» по основным группам животных. Согласно заведённому Кожевниковым порядку, эти книги визировали сотрудники Зоомузея и НИИЗа, которые отвечали за соответствующие разделы коллекционного фонда: например, первую книгу, заведённую для записи орнитологических коллекций, в 1927 г. завизировали В.Г. Гептнер (от Зоомузея) и С.И. Огнёв (от НИИЗа) (рис. 2.35). К сожалению, в университетских годо-

Книга для записи
орнитологических
коллекций
Зоологического Музея
Московского
Университета.

Сведения о продолжении
"Инвентарной книги" Музея,
где записи закончены
на № К 6412 на странице 752.

Условная цифра для этих
"К".

Занося в книгу собираемые
ими для Музея экземпляры
я буду отмечать
в "основной коллекции"
Музея

Москва 11-го июня 1927г.

Кожевников

Г. Дементьев

Рис. 2.35. Титульная страница «Книги для записи орнитологических коллекций» ЗММУ: начало книги в 1927 г. удостоверено В.Г. Гептнером и С.И. Огнёвым, её завершение в 1934 г. — Г.П. Дементьевым (Павлинов, 2016, с. 116)

вых отчётах за 1920-е гг. нет записей об общем объёме хранящихся в Зоомузее коллекций.

Несмотря на все финансовые и организационные трудности, приток новых коллекционных материалов не только не прекратился, но (во многом благодаря учреждению новых институтов) даже возрос. Основным источником поступлений были экспедиции, организуемые разными ведомствами, в которых участвовали университетские зоологи. Так, летом 1917 г. по инициативе Г.А. Кожевникова три его молодых сотрудника — И.И. Месяцев, Л.А. Зенкевич и Л.Л. Россолимо — были направлены от Зоомузея за счёт средств, выделенных МУ, для изучения фауны водных беспозвоночных Байкала (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 172). Кавказская экспедиция (С.И. Огнёв, В.Г. Гептнер, Н.В. Шибанов и др.) работала в 1923 г. в восточной части предгорий и гор Большого Кавказа на средства местного Отдела защиты растений; в том же году Туркестанским Наркомземом была организована Туркестанская энтомологическая экспедиция (Е.С. Смирнов, Б.С. Кузин, А.Н. Желоховцев и др.) для обследования энтомофауны оазисов Средней Азии (Огнёв, 1940).

Особенно продуктивной была работа университетских зоологов в Воронежской губ. в 1919–1922 гг., финансируемая сначала Наркомземом, а затем Областным управлением по опытному делу Средне-Русской чернозёмной области. Воронежскую экспедицию возглавил С.И. Огнёв, в ней участвовали, среди прочих, сотрудники лаборатории Зоомузея К.А. Воробьёв и В.Г. Гептнер (рис. 2.36). Они собрали «громадный материал: около 1000 млекопитающих, ок. 2500 птиц, около 200 амф[ибий] и рептилий и ок. 12.000 насек[омых]» (Кожевников, 1923б. Л. 3 [рук.]).

Значительные по объёму и научной ценности коллекционные материалы по фауне полярных морей гидробиологи добывали в ходе экспедиций Плавморнина. Поскольку, как мы уже указывали выше, последний был подчинён непосредственно Главнауке и имел автономный статус, его сборы (по специальному соглашению) первоначально хранились отдельно в здании Зоомузея в ожидании того, когда в Москве будет учреждён Океанографический музей (Кожевников, 1923б). Однако этот новый музей так и не был создан, Плавморнин в 1929 г. (после изгнания из него А.И. Россолимо) возглавил И.И. Месяцев, который инициировал его преобразование в Государственный океанографический институт (ГОИН); этот институт

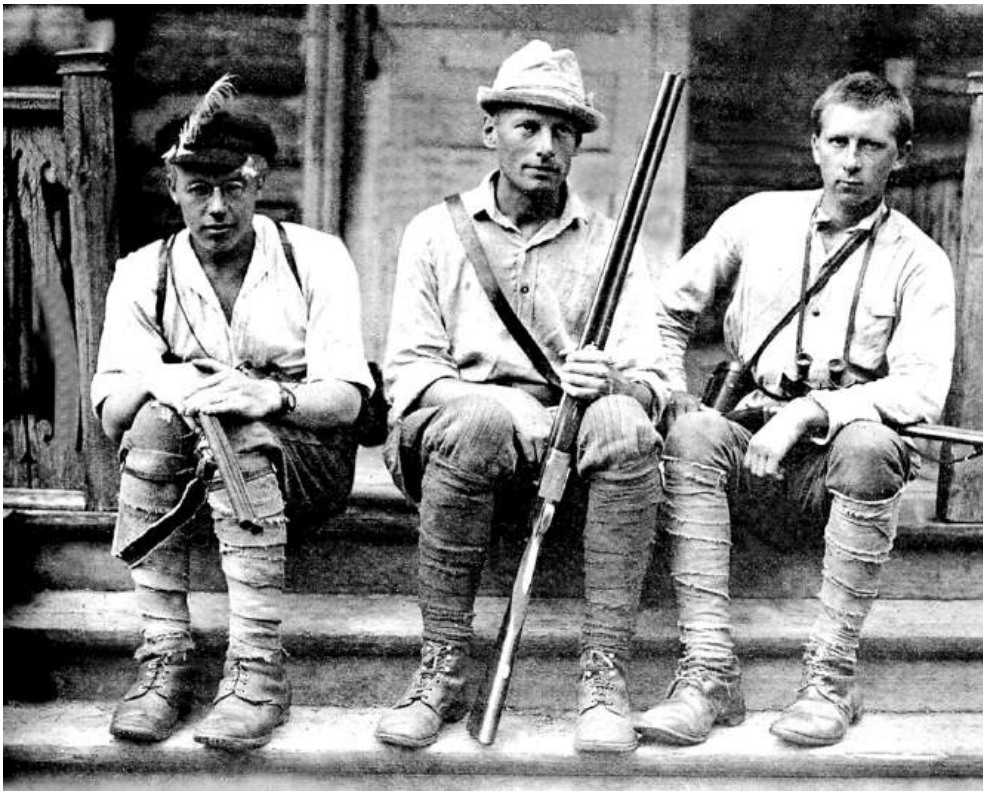
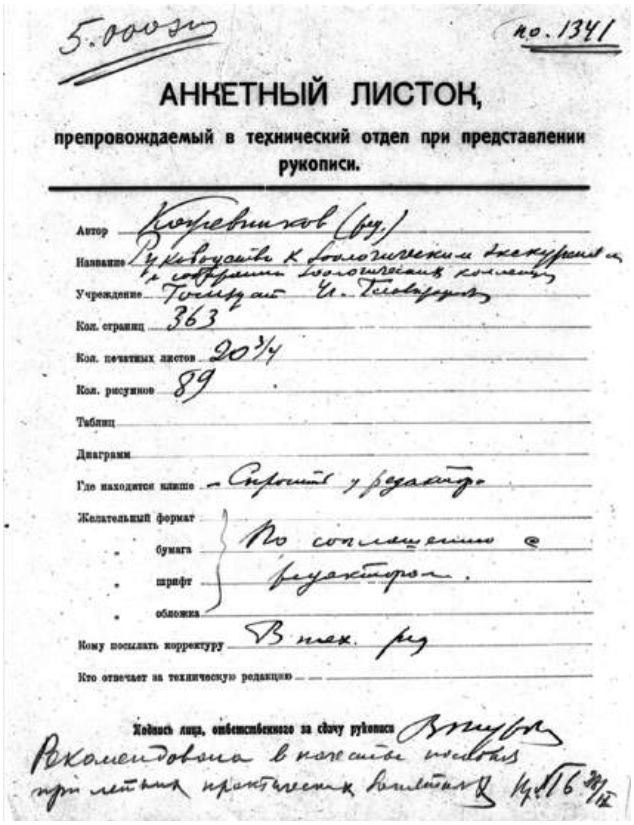

Рис. 2.36. Коллективная фотография участников зоологической экспедиции МУ в Воронежской губ (1919–1922 гг.); слева направо: В.Г. Гептнер, С.И. Огнёв, К.А. Воробьёв (АрхЗММУ)

переехал в Мурманск (Шабалина, 2015), а его коллекции почти целиком остались в Зоомузее в составе секции беспозвоночных.

Для того чтобы обеспечить квалифицированный сбор научных музейных материалов, Г.А. Кожевников по решению Фаунистической комиссии в 1923 г. организовал подготовку 2-го издания «Руководства по зоологическим экскурсиям», в написании которого участвовало 20 человек (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 50). В рукописной правке его вводного раздела Кожевников, следуя завету К. Рулье, обращает особое внимание полевых зоологов на необходимость исследования местных фаун: этот призыв он подкрепил латинским изречением «*Nosce patriam, postea viator eris*» (Познай сперва своё отечество и после путешествуй), бумажка с которым висела на стекле одного из книжных шкафов в кабинете профессора (там же. Л. 6 [рук.]; Кузин, 1999, с. 51). При этом Г.А. в Предисловии подчёркивает, что «главная цель этой книги — обосновать *экскурсирование и собирание коллекций как методы научного исследования*» и поэтому «во втором издании на общую методику экскурсирования и коллектирования обращено особое внимание», в целом же «второе издание является существенно переработанным, причём общее направление переработки велось к тому, чтобы обратить больше внимания на изучение экологии животных и этим придать большую ценность коллектированию» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. Л. 3, 4 [рук.]). Судя по сохранившимся в университетском архиве материалам, текст этого «Руководства» был подготовлен к печати и даже передан в издательство (рис. 2.37) (там же. Л. 1, 2 [рук.]). Однако по непонятным причинам оно, по всей видимости, опубликовано не было: мы судим об этом на том основании, что ссылка на него отсутствует в энциклопедической статье «Зоологические сборы», написанной Кожевниковым в 1933 г. для Советской энциклопедии (Кожевников, 1933б); в других руководствах подобного рода мы нашли только одно упоминание о нём

5.000 экз. № 1341

АНКЕТНЫЙ ЛИСТОК,

препровождаемый в технический отдел при представлении рукописи.

Автор Кожевников (ред.)

Название Руководство к зоологическим экскурсиям

Учреждение Госиздат

Кол. страниц 363

Кол. печатных листов 20 3/4

Кол. рисунков 89

Таблиц

Диаграмм

Где находится клише — Спросить у редактора

Желательный формат

„ бумага — По соглашению с

„ шрифт — редактором.

„ обложка

Кому посылать корректуру В тех. ред

Кто отвечает за техническую редакцию

Подпись лица, ответственного за сдачу рукописи

Рекомендовано в качестве пособия при летних практических занятиях 4/VI 26 30/XI

Рис. 2.37. «Анкетный листок» Госиздата, подтверждающий сдачу в печать рукописи книги «Руководство к зоологическим экскурсиям» под редакцией Г.А. Кожевникова (1923 г.)

(Ильинский, 1927), прочие авторы ссылаются лишь на издание 1902 г. Как бы там ни было, молодые сотрудники НИИЗа приблизительно в эти же годы самостоятельно подготовили и выпустили иное, достаточно обстоятельное пособие для полевых коллекторов (Бобринский, Четвериков, 1925).

Экспозиционная работа в Зоомузее в первой половине 1920-х гг. практически не проводилась, поскольку оба его зала были закрыты для посещения: Нижний — из-за размещения в нём Плавморнина и некоторых лабораторий НИИЗа, Верхний — для частичной перестройки экспозиции согласно новым веяниям. В университетских отчётах за 1923–1924 гг. об этой важной стороне деятельности музея не сказано ничего; вместе с тем, в архиве МГУ хранится выписка из протокола заседания Правления 1-го МУ от 22 ноября 1923 г., которое предписало, по ходатайству заведующего Зоомузеем проф. Г.А. Кожевникова, «установить плату с экскурсий, посещающих Музей I Государственного Университета, в размере одного рубля золотом с целью усиления охраны университетского имущества» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 180). В 1924 г. организация экспозиционной работы была поручена выпускнику Кафедры зоологии С.Д. Перелешину (будущий известный охотовед), который подготовил путеводитель и разработал план экскурсионной работы, утверждённый Кожевниковым. В 1925 г. Верхний зал (рис. 2.38) открыли для посещения «дважды в декаду»; в годовом отчёте за 1925–1926 гг. кратко отмечено, что «за отчётный период музей посетили 5641 человек» (АрхЗММУ. Отчёт за 1927 г. Л. 71). Нижний зал был освобождён от рабочих мест в 1929 г., когда Плавморнин выехал из Зоологического корпуса (см. выше), и в 1930 г. также открылся для посетителей.

В эти годы планомерные экскурсии в Зоомузее, по-видимому, не проводились из-за отсутствия необходимого персонала; в часы открытия экспозиционных залов для публики в них дежурили музейные сотрудники, дававшие посетителям разъяснения о выставленных экспонатах; иногда дежурить приходилось Г.А. Кожевникову и его супруге (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 185. Л. 4). Для хотя бы частичного исправления этой ситуации Г.А. в ноябре 1930 г. направил в деканат ФМФ записку о желательности проведения в Зоологической аудитории воскресных лекций с демонстрацией коллекций для посетителей (там же). Он несомненно имел в виду что-то вроде тех «воскресных объяснений коллекций», которые в своё время устраивал А.П. Богданов в Политехническом музее (см. раздел 2.1). Поскольку через месяц после подачи этой записки Кожевникова изгнали из Зоомузея, его предложение вряд ли было принято во внимание.

2.8. Прерванный полёт

Во второй половине 1920-х гг. правящая ВКП(б), подавив почти всякое инакомыслие, взяла курс на жёсткое подчинение всех отраслей народного хозяйства, культуры и научно-пре-

Рис. 2.38. Фотография интерьера Верхнего зала ЗММУ (вид с лестницы на хоры, 1937 г.) после открытия в 1925 г. (Павлинов, 2016)

подавательской деятельности общей задаче «строительства социализма ускоренными темпами в отдельно взятой стране». Её важнейшие условия были сформулированы в 1929 г. руководителем партии и страны И.В. Сталиным в статье, в которой он провозгласил «Великий перелом на всех фронтах социалистического строительства», что сразу же было закреплено во всех партийных и правительственных документах в качестве руководящей идеи, обязательной ко всеобщему исполнению (Земсков, 2021). В интересующем нас аспекте одним из ключевых средств реализации нового курса стало усиление партийного влияния на всю систему учебных заведений, принявшего разнообразные, подчас гротескные формы.

Согласно общей установке на «уничтожение "свободы преподавания"» (см. выше), для «перековки кадров» специальным постановлением Наркомпроса в ВУЗах с 1925 г. было введено чуть ли не обязательное изучение основ марксизма-ленинизма и диалектического материализма, для чего студентов и преподавателей всячески поощряли (скорее, понуждали) посещать соответствующие курсы (Летопись, 1925). Г.А. Кожевников, поначалу отрицательно относившийся ко всякой подобного рода идейной «обязаловке», решил всё-таки в силу служебной необходимости познакомиться с новым для него мировоззрением и вытекающими из него представлениями о системе преподавания — и, по-видимому, всерьёз им заинтересовался. Б.С. Кузин, с которым у него к тому времени установились доверительные отношения, вспоминает, что профессор сначала несколько раз попросил почитать советские газеты (хотя ранее советовал даже и не покупать их), а затем решил познакомиться с азами диалектического материализма и сдать по нему требуемый экзамен (Кузин, 1999). Стремясь и здесь всё делать со свойственной ему основательностью, Г.А. записывает в ежедневнике: «Диамат и политэкономию нужно изучать под руководством опытного руководителя» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 99). С этой целью он стал посещать специальный семинар Ю.Р. Закгейма (о нём см.: Адамова-Слиозберг, 1993) и, по словам Кузина, «пришёл в полный восторг. Он вдруг точно прозрел» и после нескольких лекций «понял, что [наука] партийна и не может быть другой» (Кузин, 1999, с. 78).

В связи с только что сказанным более чем уместно вспомнить, что в своих публикациях 1900-х и начала 1910-х гг. Кожевников придерживался прямо противоположного мнения: он полагал, что «политике […] нет места в области естествознания», призывал человечество «изгнать партийность из своей культурной жизни» и протестовал против политизации преподавания (Кожевников, 1907б, с. 81; 1908е, с. 58; 1911г.). Более того, уже в послереволюционное время он пишет в вводном разделе запланированной (но так и не опубликованной) статьи «Полиморфизм и эволюция», что в безоговорочной приверженности какой-то одной теории из нескольких альтернативных «проявляется своего рода научная партийность, своего рода фанатизм, вредящий научности анализа». По сути, приверженцы разных теорий «стоят у нас под одним флагом […] разных биологических партий. Как в жизни, лучше всего беспартийность, т. к. она ещё нужна в науке» (Кожевников, 1924а. Л. 32, 33). Таким образом, остаётся непонятным: то ли в умонастроении Г.А в середине 1920-х гг. действительно произошёл резкий слом под влиянием назойливой большевистской пропаганды, на что указывает Б.С. Кузин, то ли профессор просто мимикрировал под общий фон этой пропаганды, во избежание неприятных последствий стараясь не обнародовать свою истинную позицию.

Мы считаем важным отметить, что Г.А. Кожевникова в этих лекциях интересовали не столько социально-политические (как «пламенных большевиков»), сколько философские вопросы диалектического материализма. В 1931 г. он выписывает в ежедневнике цитату из статьи Луначарского: «Диалектика берёт явление в движении как результат развития конфликта, противоречия, которое есть только форма единства различных частей мира» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 94об); в ноябре 1932 г. среди тем для обсуждения на очередном занятии указывает проблему причинности, проблему закона отрицания отрицания и т. п. Это вполне соответствует ранее сформированному у Г.А. довольно ясному диалектическому пониманию сложного характера процессов, происходящих в живой природе, и движущих сил её эволюции: он уверен в том, «что природа есть ареал деятельности многообразных взаимно сталкивающихся, но не взаимно исключающих факторов, и что её нельзя укладывать на Прокрустово ложе какой-либо одной теории» (рис. 2.39) (Кожевников, 1924а. Л. 20). Поэтому Григорий Александрович продолжит регулярно посещать семинары по диамату даже после изгнания из МУ, неустанно взыскуя философских истин:

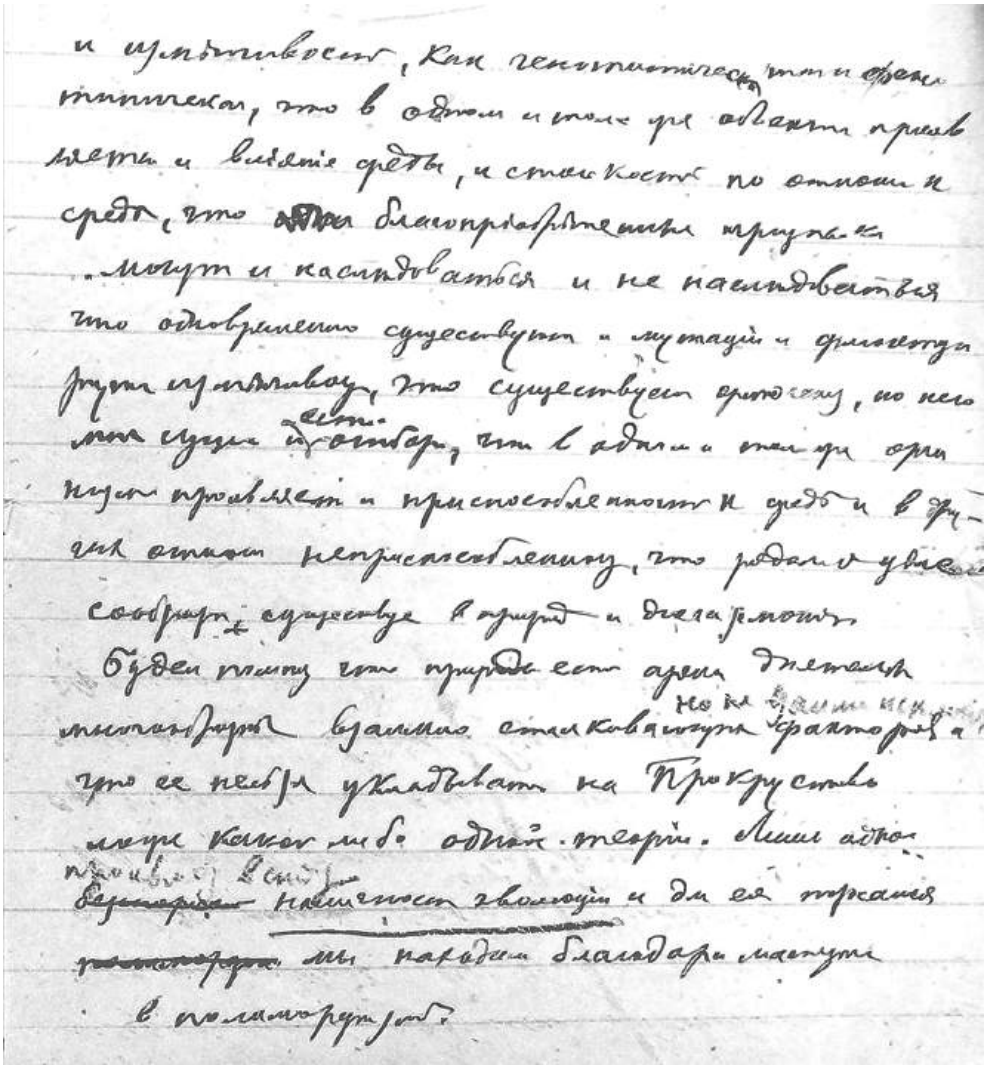

Рис. 2.39. Страница из рукописного текста публичной лекции Г.А. Кожевникова «Полиморфизм и эволюция» (1924 г.) с утверждением идеи о множественности факторов эволюции (Кожевников, 1924а. Л. 20 [рук.])

в том же ежедневнике указаны дни занятий на 1931–1933 гг., причём последнее будет запланировано на 29 января 1933 г.; оно не случится по причине смерти профессора (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 59, 59об, 71).

Как бы там ни было, некоторое время спустя после утверждения власти большевиков Г.А. Кожевников заметно смягчил своё негативное отношение к новым порядкам в университетской системе; в частности, он вроде бы даже согласился с тем, что государство вправе требовать от лиц, состоящих на государственной службе (а служба в государственном учебном заведении считалась именно таковой), чтобы они усвоили его идеологию (Кузин, 1999). Одной из причин такого «соглашательства», как можно полагать, была его государственническая позиция, весьма специфическим образом проявлявшаяся, например, в его отношении к отставкам университетской профессуры в «деле Кассо» или в специфических акцентах в преподавании природоохранной тематики в школе (см. разделы 2.6, 5.3). С другой стороны, деятельная натура Кожевникова требовала воплощения его устремлений в разных сферах научно-общественной деятельности — а это было невозможно при сохранении сугубо оппозиционных настроений и отказа по этой причине от сотрудничества с властями. Так что определён-

ное примирение с новой действительностью позволило ему найти своё место в советской бюрократической системе, с пользой для дела заседая в разных комиссиях и комитетах и участвуя в разработке природоохранных проектов (см. раздел 5.3).

Специфической формой «морального стимулирования» трудовой активности, изобретённой в эти годы советской властью, стали так называемые «социалистические соревнования». Эта идея была объявлена в 1929 г. постановлением ЦК ВКП(б) как важная составляющая только что упомянутого «Великого перелома», поэтому «развёртывание соцсоревнований», разумеется, стало обязательным для всех (Тедеев, Яковлева, 2022). Исходно суть этой идеи состояла в том, что близкие по характеру деятельности предприятия, учреждения и т. п. институции разного ранга заключали между собой двух- или многосторонние договора о соцсоревновании, в ходе каковых они всячески стремились бы повышать свою результативность, а по итогам соревнований объявлялись бы победители, награждаемые почётными знаками и грамотами, денежными премиями и т. п. Понятно, что Зоомузей был также вовлечён в такого рода вынужденную производственно-социальную активность: в октябре 1929 г. директор Дарвиновском музея А.Ф. Котс предложил Г.А. Кожевникову вступить в «социалистическое соревнование» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 186. Л. 1, 2), полагая, что оба музея

> только выиграют при официальном закреплении […] более тесного контакта […] в форме “Социалистического соревнования”, понимая под последним не соперничество или конкуренцию как таковую по отдельным линиям работы, но как посильное коллегиальное содействие друг другу в целях наибольшей эффективности вский вообще культурно-просветительно-научной деятельности обоих учреждений. […] Самый факт взаимного контакта и коллегиального ознакомления с ходом работ “соревнующегося” учреждения несомненно будет стимулировать работы более молодых и менее опытных сотрудников каждого из двух музеев, чем бесспорно оказалось бы достигнута одна из главных целей института “соц-соревнования”.

Г.А. Кожевников ответил А.Ф. Котсу «принципиальным согласием, доложивши об этом предварительно Ректору Университета и Декану Физмата», в соответствии с требованиями соблюдения бюрократической субординации. К таковому согласию он присовокупил предложение Котсу «в ближайшие дни встретиться […] и побеседовать о подробностях организации соревнования» (там же. Л. 3).

Иногда идея соцсоревнования, в котором должно было так или иначе участвовать всё университетское сообщество, воплощалась, мягко говоря, в довольно курьёзные формы. В архиве нашего героя сохранилась копия договора о соцсоревновании «между преподавателем сравнит. анат. беспозв. профессором Кожевниковым Г.А. и студентами палеонтологической группы II курса Геологического отделения», составленного в 1931 г. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 161)[19]. Согласно установленному канону, договор начинается пространной преамбулой, в которой говорится о нарастающей классовой борьбе и бессильной злобе империалистов и их наймитов — «жалких беспринципных обломков “бывших людей”», а также о безусловной обязанности трудовой интеллигенции «все свои знания […] приносить на служение рабочему классу». Собственно договор содержит перечисление обязательств соревнующихся сторон. В эти обязательства (если представить их в обобщённой форме) входит — что бы вы думали? — отнюдь не духоподъёмные призывы вроде «пятилетки за три года», а просто необходимость надлежащим образом выполнять свои повседневные служебные обязанности. Например, преподаватель обязывался «к каждому занятию […] приготовить нужные приборы», «работать над улучшением программ по предмету» и т. п. Соответственно, соревнующиеся с ним студенты должны были «добросовестно

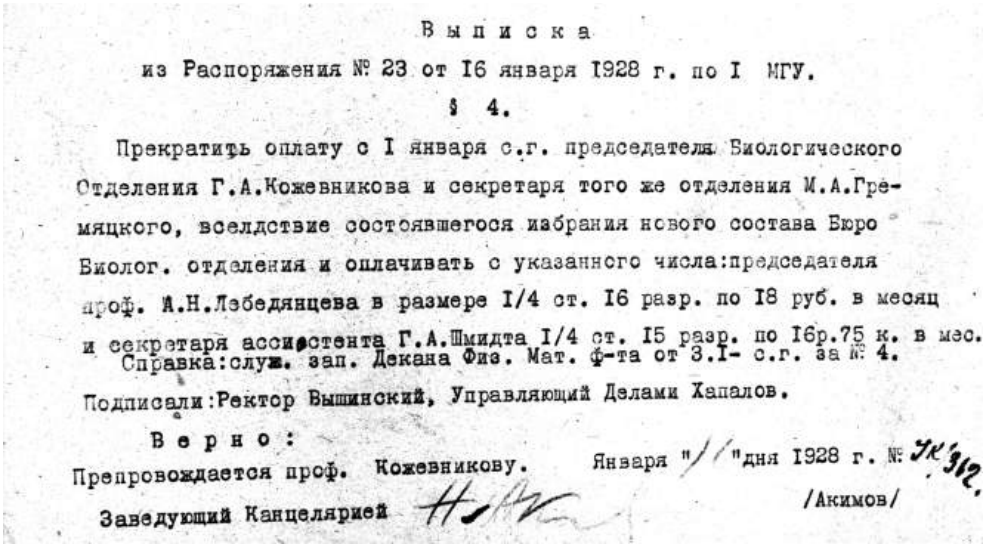
[19] Кожевников в том году читал лекции по зоологии на Кафедре минералогии и геологии (см. далее).

перерабатывать учебный материал», «вести конспекты по курсу» и т. п. Наверное, чиновники большевистской власти, приученные работать под давлением партийных понуканий и обязанные контролировать всё и всех, были уверены, что без этих соцсоревновательных обязательств профессор не станет готовить к занятиям «нужные приборы», а студенты не будут «вести конспекты».

Непременным условием успешного продвижения собственных научных идей в подобной ситуации стало овладение марксистско-ленинской фразеологией и такое её уместное применение, чтобы высказываемые мысли и доводы учёного были под стать начальническим умонастроениям, — и наш профессор наловчился при необходимости пользоваться этой формой начётничества. Так, статью «Пчеловодная наука в СССР за последнее десятилетие» (1927 г.) Г.А. завершает пожеланием, «чтобы Народный комиссариат земледелия проникся убеждением, что поддерживать и развивать пчеловодную науку значит в конце концов подымать материальное благосостояние пролетарского государства» (Кожевников, 1927, с. 501). Тезисы доклада «Охрана природы в населённых пунктах» на 1-м Съезде деятелей охраны природы (1929 г.) он начинает утверждением, что «охрана природы получит своё истинное значение в социалистическом строительстве и будет проводиться во всех сферах хозяйственной и культурной работы лишь тогда, когда всё население будет проникнуто сознанием необходимости этой охраны» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 295. Л. 1 [рук.]). Вторая часть тезиса совершенно верна, но первая его часть показывает, что без упоминания «социалистического строительства» любая здравая идея в то время была обречена на отторжение властью.

Большое значение партийная власть придавала учреждению новых организаций, которые максимально способствовали бы подчинению научной и преподавательской деятельности «линии партии» для решения всё тех же задач «социалистического строительства». Одной из таких организаций стала Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНИТСО), утверждённая в 1927 г. на объединённом заседании Совнаркома СССР и Совета труда и обороны (Тугаринов, 1993). Основной целью этой Ассоциации, как в общем-то всех общественных институций, создаваемых советской властью, было воспитание «трудовой интеллигенции» в духе преданности идеалам марксизма-ленинизма и делу построения социализма. Среди многочисленных рассматриваемых на её заседаниях задач была соответственная реорганизация музейной деятельности, а поскольку Г.А. Кожевников был кровно заинтересованным в активном участии в обсуждении и решении такого рода вопросов, он как будто даже решил стать членом этой Ассоциации (Кузин, 1933).

А обсуждать там было что: Б.С. Завадовский, основатель (в 1922 г.) и директор Биологического музея им. К.А. Тимирязева, разработал свою концепцию музейного дела — «Новые пути музейного строительства», которая соответствовала бы основополагающим идеям «Великого перелома». Для её обсуждения в ноябре 1929 г. Московское отделение ВАРНИТСО организовало совещание «по заслушанию доклада тов. Б.С. Завадовского» с указанным названием, на которое был приглашён и Кожевников (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 285). В своём докладе Завадовский утверждал, что важнейшей целью «музейного строительства» является развитие музеев «нового типа» и их «подчинение задачам массовой пропаганды и идее культурной революции» (там же; также: Завадовский, 1932). Эти идеи были поддержаны и развиты на Первом всероссийском музейном съезде (Москва, декабрь 1930 г.): его резолюция призвала преодолеть «реакционное рутинёрство, уйти от музеев-кунсткамер, поставить музеи на службу социалистическому строительству, превратить их в инструмент культурной революции» (цит. по: Рубан, 2014, с. 1). Понятно, что такое направление «музейного строительства» совершенно не соответствовало представлениям Григория Александровича о характере просве-

Выписка
из Распоряжения № 23 от I6 января I928 г. по I МГУ.
§ 4.
Прекратить оплату с I января с.г. председателя Биологического Отделения Г.А.Кожевникова и секретаря того же отделения М.А.Гремяцкого, вследствие состоявшегося избрания нового состава Бюро Биолог. отделения и оплачивать с указанного числа:председателя проф. А.Н.Лебедянцева в размере I/4 ст. I6 разр. по I8 руб. в месяц и секретаря ассистента Г.А.Шмидта I/4 ст. I5 разр. по I6р.75 к. в мес. Справка:служ. зап. Декана Физ. Мат. ф-та от 3.I- с.г. за № 4.
Подписали:Ректор Вышинский, Управляющий Делами Халатов.
Верно:
Препровождается проф. Кожевникову. Января "//"дня I928 г. № Ж'312.
Заведующий Канцелярией /Акимов/

Рис. 2.40. Официальное извещение Г.А. Кожевникова (январь 1928 г.) о его отставки с должности председателя Биологического отд. ФМФ (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 335)

тительной работы естественнонаучных музеев, которые он кратко, но весьма содержательно изложил задолго до того в вышеупомянутом «Указателе» (Кожевников, 1915а).

В только что указанном докладе Б.С. Завадовский представил свой «проект построения центрального Биологического музея, отвечающего растущим потребностям страны», в него предлагалось объединить три московских музея — Биологический, Зоологический и Дарвиновский. Несколько позже он попытался продвинуть свою идею музеев «нового типа» через Музейный отдел Наркомпроса, там она вроде бы получила официальную поддержку, но Кожевников и Котс высказались резко против такого объединения и идея Завадовского так и не была реализована (Павлинов, 2016).

***

Важным условием активного внедрения идей «Великого перелома» в университетскую преподавательскую систему стало её освобождение от «классово чуждой» старой профессуры. Для этого власть выбрала достаточно надёжное средство: одним из ключевых условий занятия профессорских и вообще руководящих должностей в ВУЗах была признана принадлежность соискателей к ВКП(б). Поскольку бóльшая часть профессоров «старой закалки» этому критерию не соответствовала, они в короткое время были отлучены от преподавательской деятельности. Эти так называемые «идеологические чистки» неизбежно затронули Г.А. Кожевникова, определив скорый закат его многолетней университетской карьеры.

Первым шагом стало освобождение Кожевникова в 1928 г. от должности председателя Биологического отделения ФМФ (рис. 2.40), его преемником стал агроном А.Н. Лебедянцев (АрхМГУ. Ф. 200, Оп. 1. Ед. хр. 335). На следующий год в начале июня в МУ был объявлен конкурс на замещение должностей профессоров и преподавателей, на который была вынесена кандидатура Кожевникова. Сам этот факт был неожиданным и весьма неприятным для него: в своём письме к своему коллеге и другу из Петрограда (точнее, теперь уже Ленинграда) А.П. Семёнову-Тян-Шанскому он пишет сразу же после объявления конкурса (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 499. Л. 64об):

> При перевыборах в Университете мне вероятно придётся пройти через *конкурс*. Не попал я в список избранных оставляемых без конкурса на своих местах из-за “идеологических” соображений, о чём напишу после, а теперь я Вас прошу сочинить мне рекомендации, адресованные Правлению I МГУ о моих научных трудах. […] Надо *торопиться*, последний срок конкурса 17.VI !

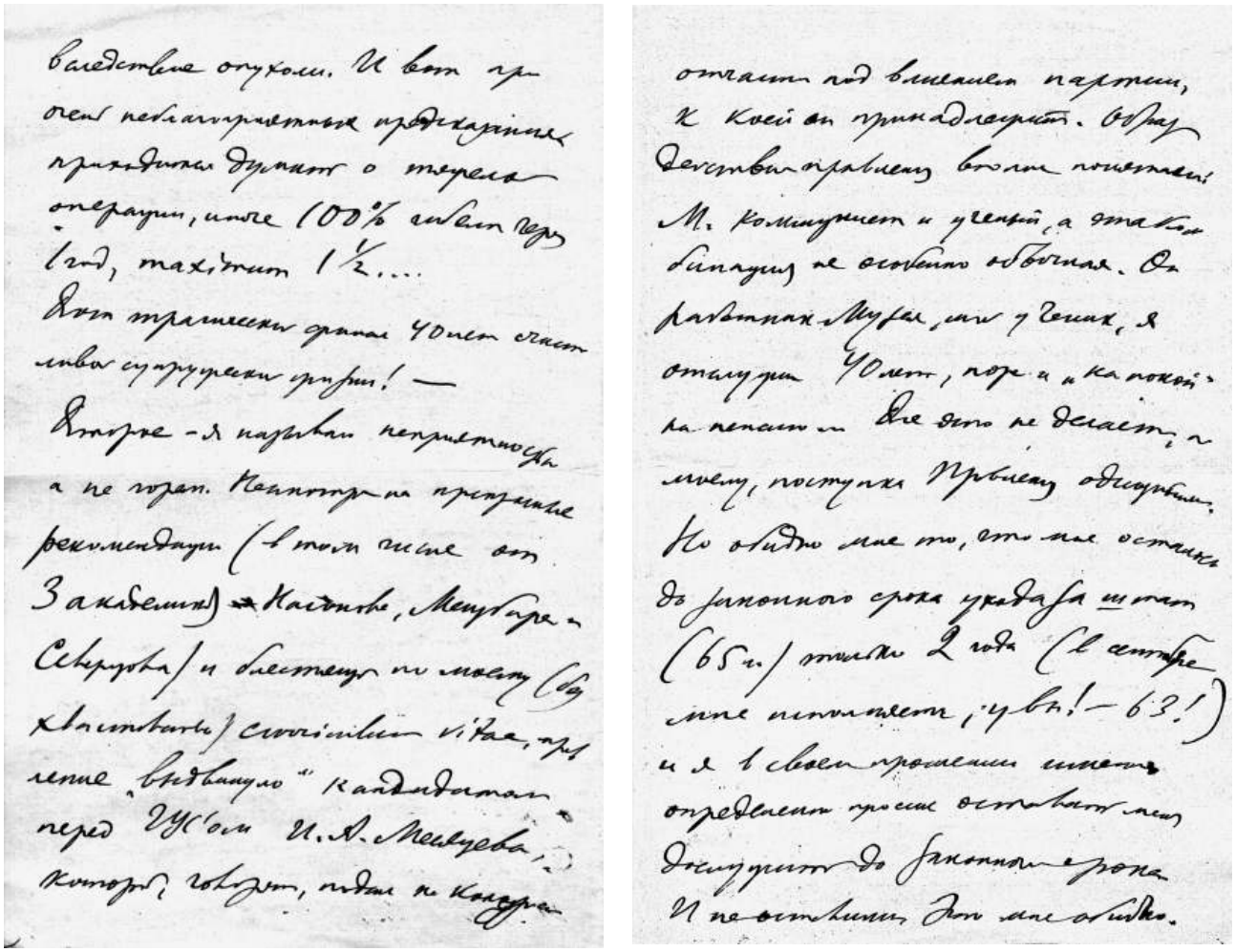

Рис. 2.41. Страницы письма Г.А. Кожевникова к А.П. Семёнову-Тян-Шанскому (6 августа 1929 г.) о конкурсе на должность профессора зоологии ФМФ (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 499. Л. 68об, 70)

То, что последовало вскоре после подачи документов, для Г.А. Кожевникова оказалось ещё более неожиданным и неприятным, о чём он пишет в обещанном письме через месяц с небольшим (рис. 2.41) (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 499. Л. 70):

> Несмотря на представленные рекомендации (в том числе от 3 академиков — Насонова, Мензбира и Северцова) и блестящий […] *curriculum vitae*, правление “выдвинуло” кандидатом перед ГУС’ом И.А. [*sic*!] Месяцева, который, говорят, подал на конкурс, отчасти под влиянием партии, к коей он принадлежит. Образ действия правления вполне понятен: М. коммунист и учёный, а эта комбинация не особенно обычная. […] Я отслужил 40 лет, пора и “на покой”, на пенсию… […] Но обидно, что до законного срока ухода за штат (65 л.) только 2 года […] и я в своём прошении определённо просил оставить меня дослужить до законного срока. И не оставили. Это мне обидно.

Вполне вероятно, что И.И. Месяцев выставил свою кандидатуру не только по решению университетской партячейки, но и в пику своему учителю, полагая, что дела в Зоомузее идут не самым лучшим образом по вине его нынешнего заведующего. Это видно из того, что в университетском архиве сохранилась копия машинописного текста письма, которое Кожевников направил в августе 1929 г. своему нежданному конкуренту вослед разговору с ним о состоянии дел в Зоомузее (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 424). Судя по вводным фразам этого не совсем обычного письма, адресованного ученику и близкому коллеге (который, напомним, за

Рис. 2.42. Коллективная фотография выпускников энтомологического потока Кафедры зоологии МУ (1929–1930 гг.): это был последний выпуск, подготовленный под руководством Г.А. Кожевникова (в центре группы; по правую руку от него Н.М. Кулагин и Э.Г. Беккер) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 395)

несколько лет до этого некоторое время жил в профессорской квартире Кожевникова), поводом для него стал их недавний приватный разговор, в котором Месяцев высказал «мысль, что Музей “падает”, ухудшается». В ответ Г.А. счёл необходимым изъясниться — причём в не очень любимой профессором печатной форме, вообще-то не принятой для общения между добрыми знакомыми, — об истинном (в его представлении) положении дел. Он перечисляет успехи музея за последнее десятилетие, особенно отмечает активное развитие «популяризационной деятельности», в подтверждение своих слов прилагает несколько официальных отчётов и заключает, что слова Месяцева для него «удивительны» и «являются незаслуженно обидными».

Надо отдать должное Григорию Александровичу: соизмеряя неминуемую близкую смерть своей жены (о чём он пишет в письме к ленинградскому другу и коллеге, см. раздел 1.3) и свою вполне ожидаемую отставку, он первое событие считает «горем», а второе — всего лишь «неприятностью». При этом Кожевников вполне осознаёт, что его возраст уже не позволяет ему столь же активно, как прежде, заниматься сложным музейным хозяйством, и в связи с этим заочно напутствует своего весьма вероятного преемника: «Пусть М. поварится в этом котле. А если он благодаря своему положению сумеет добиться, что Музей будет иметь деньги — пускай! Это благо!» (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 499. Л. 70). Заранее смиряясь с грядущей отставкой от профессорской должности и как бы утешая себя, Г.А. там же пишет, «что только в занятии наукой можно найти успокоение от житейских горестей и волнений», и согласно этой своей жизненной установке полагает, что далее будет трудиться в НИИЗе и ОЛЕАЭ (рис. 2.42).

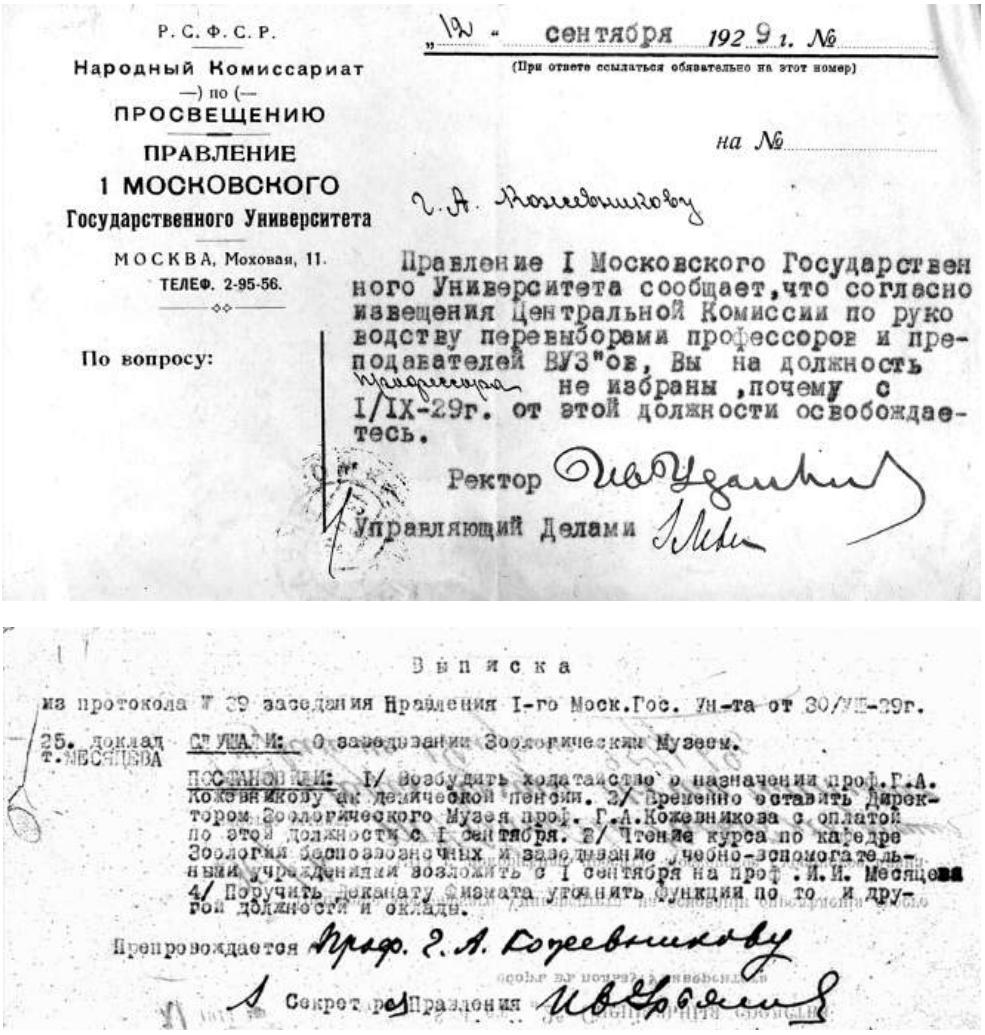
Оценивая всё происходящее, Семёнов-Тян-Шанский в ответном письме пишет Кожевникову (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 585; также: Штильмарк, 2014, с. 177):

> Отношение к вашим выборам университетского правления, понятно, возмутительное, тем более что вас хотят заменить величиной ни для кого не убедительной. [Это] глубоко удручительно, несмотря на то, что нам пора бы привыкнуть к подобным положениям.

И действительно, то, как вполне в «духе времени» было обставлено отрешение Г.А. Кожевникова от профессорской должности, выглядело довольно гнусно. Согласно установленным правилам, по материалам поданных на конкурс документов были организованы открытые обсуждения кандидатур разными университетскими инстанциями, в том числе Общим собранием студенческих и аспирантских организаций МУ, состоявших в основном из пресловутых «парттысячников» (упомянуты выше). Участники этого собрания в его резолюции, напечатанной в газете «Первый университет», констатировали: «Мы имеем целый ряд работников, чуждых советской общественности как с идеологической, так и с политической стороны», из-за чего научная работа и преподавание ведутся с преобладанием «грубого эмпиризма при незнакомстве с марксистской методологией»; весьма агрессивно были настроены аспиранты-зоологи, адресовавшие свою критику некоторым профессорам Биологического отделения ФМФ, в том числе Г.А. Кожевникову (Вайнер (Уинер), 1991, с. 167–168). Поскольку, как мы отметили выше, большевистская власть предоставила «рабоче-крестьянскому» студенчеству в те годы право активнейшим образом влиять на университетские дела, столь тяжкие обвинения были должным образом услышаны университетским руководством и приняты во внимание при решении судьбы героя нашей книги.

На заседании Центральной комиссии по руководству перевыборами профессоров и преподавателей ВУЗов кандидатура Г.А. Кожевникова на должность заведующего Кафедрой зоологии МУ не была утверждена. Возглавив по итогам конкурса кафедру, И.И. Месяцев одновременно был назначен ещё и деканом ФМФ (Физико-…, 2023). Проф. Кожевникова освободили не только от заведования кафедрой, но и от чтения основного лекционного курса, также переданного его преемнику (который, надобно заметить, ранее зоологию студентам вовсе не читал). Такая же печальная судьба в том же 1929 г. постигла ещё нескольких профессоров ФМФ, попавших под острие критики студентов-«прогрессистов»: в ходе пресловутой «чистки» А.И. Россолимо был отстранён от руководства Плавморнином, во главе которого поставили всё того же «многостаночника» Месяцева; С.С. Четверикова и Н.К. Кольцова изгнали из МУ за «пропаганду идеалистического учения генетики» (Шноль, 2010; Физико-…, 2023). Впрочем, И.И. Месяцеву новые позиции дано было занимать всего лишь один год — до следующей радикальной реорганизации всей структуры МУ, в ходе которой он был отставлен от почти всех должностей, кроме заведования Плавморнином, и вместе с последним (теперь это уже был ГОИН) покинул МУ.

О результатах конкурса наш уважаемый профессор был извещён всё в том же «духе времени», т. е. вполне по-хамски, — кратким шаблонным канцелярским письмом от имени Правления МУ, в котором оно «сообщает, что согласно извещения Центральной Комиссии по руководству перевыборами профессоров и преподавателей ВУЗов, Вы на должность профессора не избраны, почему с I/IX-29 г. от этой должности освобождаетесь» (рис. 2.43) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 337). Почти одновременно с освобождением Кожевникова от должности заведующего Кафедрой зоологии Правление МУ рассмотрело вопрос «О заведовании Зоологическим Музеем», причём исходный материал для этого рассмотрения, согласно протокола, представил «т. Месяцев» — очевидно, уже в качестве преемника Г.А. по кафедре. Заседание Правления постановило: «Временно оставить директором Зоологического музея проф. Г.А. Кожевникова с оплатой по этой должности с 1 сентября. Чтение курса по кафедре Зоологии беспозвоночных и заведование учебно-вспомогательными учреждениями возложить с 1 сентября на проф. И.И. Меся-

Р. С. Ф. С. Р.
Народный Комиссариат
—) по (—
ПРОСВЕЩЕНИЮ
ПРАВЛЕНИЕ
1 МОСКОВСКОГО
Государственного Университета
МОСКВА, Моховая, 11.
ТЕЛЕФ. 2-95-56.

„12" сентября 1929 г. №
(При ответе ссылаться обязательно на этот номер)
на №
Г. А. Кожевникову

По вопросу:

Правление I Московского Государственного Университета сообщает, что согласно извещения Центральной Комиссии по руководству перевыборами профессоров и преподавателей ВУЗ"ов, Вы на должность профессора не избраны, почему с I/IX-29г. от этой должности освобождаетесь.

Ректор
Управляющий Делами

Выписка
из протокола № 39 заседания Правления I-го Моск.Гос. Ун-та от 30/VII-29г.

25. доклад т.МЕСЯЦЕВА СЛУШАЛИ: О заведывании Зоологическим Музеем.

ПОСТАНОВИЛИ: 1/ Возбудить ходатайство о назначении проф.Г.А. Кожевникову дополнительной пенсии. 2/ Временно оставить Директором Зоологического Музея проф. Г.А.Кожевникова с оплатой по этой должности с I сентября. 3/ Чтение курса по кафедре Зоологии беспозвоночных и заведывание учебно-вспомогательными учреждениями возложить с I сентября на проф. И.И. Месяцева 4/ Поручить деканату и бюро уточнить функции по той и другой должности и окладу.

Препровождается Проф. Г.А. Кожевникову
Секретарь Правления

Рис. 2.43. Официальные извещения Г.А. Кожевникова (осень 1929 г.) о его неизбрании профессором Кафедры зоологии (вверху) и о «временном оставлении» в должности директора Зоомузея (внизу) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 337)

цева» (там же. Ед. хр. 336. Л. б/н). Как видно, почтенного пожилого профессора, полностью отстранив от чтения лекций, лишь *временно* оставили руководить Зоомузеем — тем самым его ближайшая будущность в МУ оказалась в сущности «подвешенной на ниточке».

И всё же Г.А. Кожевников, следуя собственному девизу «*На своём посту* [профессор] *должен оставаться, не смотря ни на какие обстоятельства, пока имеет силы и возможность работать*» (Кожевников, 1911г, с. 16), ещё некоторое время пытался исполнять профессорские функции на бывшей своей кафедре. Так, летом 1930 г. он подал в деканат записку о необходимости включения в учебные планы особой специализации по пчеловодству, наряду с уже существующей по шелководству (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 160); напомним, что «уклон по пчеловодству» с чтением соответствующего курса был уже введён в 1924 г. (см. выше). В качестве основания для этого он указал учреждение НИИ пчеловодства, работа которого потребует большого числа высококлассных специалистов. Как видно из другой записки, поданной позже Кожевниковым в деканат ФМФ, его предложение не было принято (там же). В сентябре того же года в связи с началом нового учебного года в вестибюле Зоологического корпуса было вывешено объявление о том, что для желающих в аудитории Зоомузея проф. Кожевников «сделает вступительную беседу к осмотру Зоологического музея и о плане

занятий по зоологии» на 1931 г. (там же. Ед. хр. 189. Л. 11). Возможно, эта беседа была проведена, но вот составление плана занятий уже наверняка прошло без Г.А.

В августе 1930 г., как мы упомянули выше, произошла очередная реорганизация факультетско-кафедрального устройства университетов, в ходе которой в МУ прежнее Биологическое отделение ФМФ было преобразовано в самостоятельный одноимённый факультет с несколькими отделениями (Летопись, 1930). В рамках Зоологического отделения существовавшая прежде единая Кафедра зоологии была разделена на несколько более специальных: общей зоологии (зав. Л.А. Зенкевич), морфологии и систематики позвоночных животных (зав. Б.С. Матвеев, преобразована из Каф. сравнительной анатомии), ихтиологии (зав. П.Г. Борисов, агроном по образованию), зоологии беспозвоночных животных, а также охотоведения и промыслового дела (зав. обеими Б.М. Житков). В ходе этой реорганизации Зоологический музей приписали к Кафедре зоологии беспозвоночных, а Музей сравнительной анатомии — к Кафедре морфологии и систематики позвоночных. При этом многие помещения Зоологического корпуса были отданы под тут же разросшиеся административные и иные службы Биологического факультета, так что места для хранения научных коллекций ужались до запредельного минимума и их пришлось распихивать по «остаточному принципу» — там, где удавалось найти свободное пространство.

Эта реорганизация сопровождалась травлей «старой профессуры», о чём свидетельствует сохранившаяся в АрхМГУ копия «Резолюции общего собрания аспирантов и выдвиженцев Н.-И. Института Зоологии I МГУ от 14 января 1930 г.». В ней констатируется (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 201):

> В переживаемый в настоящее время период реконструкции всего хозяйства СССР на социалистический лад, протекающей на фоне обостряющейся классовой борьбы, вопрос о специалистах-научных работниках, преданных делу социалистического строительства, имеет особенно важное значение. Между тем среди старой профессуры и научных работников лишь сравнительно небольшая часть удовлетворяет этому требованию; основная масса старых научных работников либо является общественно-пассивной, либо, прикрываясь формальной лояльностью, проводит на деле чуждую пролетариату линию, скрытый саботаж и даже прямое вредительство.

Оргвыводы и их последствия не замедлили себя ждать. В ноябре 1930 г. Г.А. Кожевникова отстранили от заведования Зоомузеем с выдачей ему «2х-недельного выходного пособия» (приказ № 121 ректора МГУ); в своём дневнике он записывает, что размер пособия составил 300 руб., его выплатили в марте 1931 г. (там же. Ед. хр. 5. Л. 33; Ед. хр. 352. Л. 18об). Из числа близких коллег Кожевникова в 1931 г. из МУ был уволен также Б.М. Житков, после чего к Кафедре зоологии беспозвоночных, которую он очень короткое время возглавлял, присоединили Каф. общей зоологии и заведование ею перешло к Л.А. Зенкевичу. В 1930 г. МУ также покинули М.А. Мензбир и А.Н. Северцов; последний «прихватил» с собою Институт сравнительной анатомии, переведя его в Академию наук в статусе Лаборатории эволюционной морфологии[20]. Музейную часть университетского Института сравнительной анатомии чуть позже присоединили к Зоомузею.

Таким образом, удивительно плодотворная деятельность Г.А. Кожевникова в МУ, составившая в университетской зоологии целую эпоху длиной в четверть века, увы, столь бесславно закончилась в конце 1930 г. — без единого слова благодарности за его службу от лица начальства. Многие из ближайшего окружения Г.А. отреагировали на его изгнание вполне в духе «подлого времени»: Б.С. Кузин в неоднократно цитированной выше книге вспоминает (Кузин, 1999, с. 41 файла), что

[20] В 1934 г. при Академии наук на основе этой лаборатории учредят Институт эволюции животных, который теперь известен как Институт проблем экологии и эволюции (ИПЭЭ) РАН (Рожнов и др., 2020).

его ученики мало обращали внимания на него. Они сами искали способов приноровиться к быстро менявшимся порядкам. Некоторые даже на пути к достижению своих собственных целей не церемонились потеснить старика. Как-то никому не приходило в голову, что конец его может быть близок.

Завершение «эпохи Кожевникова» совпало с новой волной реорганизации музейного хозяйства, причём отнюдь не в лучшую сторону. Всё это происходило на глазах Григория Александровича, но он едва ли мог уже влиять на ситуацию, принуждённый лишь наблюдать за нею с изумлением и горечью.

В декабре 1930 г. очередным приказом по МУ Зоомузей передали в ведение НИИЗа, где его прикрепили к Сектору экологии, описательной зоологии и зоогеографии, а заведующим поставили действительного члена НИИЗа Л.А. Зенкевича: последний значится в таком статусе в некоторых университетских и музейских документах за 1931 г. (АрхМГУ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 4; Павлинов, 2016). Сам НИИЗ возглавила (в связи с уходом А.Н. Северцова) А.М. Быховская, недавняя выпускница Биологического отделения ФМФ МУ, назначенная также деканом Биофака и заведующей его Зоологическим отделением. Новое руководство НИИЗа сразу же стало предпринимать энергичные шаги по «инкорпорированию» Зоомузея в его структуру: так, чтобы подчеркнуть организационное единство Зоомузея и НИИЗа, для них был составлен общий «производственный план» на 1931 г. за подписью Зенкевича (АрхЗММУ). То, что Г.А. Кожевников уже не мог оказывать достойного отпора посягательствам нового факультетско-НИИЗовского руководства на помещения Зоологического корпуса, не замедлило сказаться: в справке, составленной Главмузеем Наркомпроса, указано, что «у Зоомузея отняли: площадь для его научной работы и хранения коллекций […] весь инвентарь и учебное оборудование […] отнято право распоряжаться тем помещением, которое всегда Зоомузею принадлежало и которое специально для его целей было выстроено» (цит. по: Михайлов, 2002, с. 17). Не удовлетворившись этим, Быховская и её заместитель по НИИЗу Е.М. Вермель (ученик анатома-гистолога Н.В. Богоявленского) придумали радикальное средство решения проблемы нехватки рабочих мест на фоне, как им казалось, «переизбытка» музейных коллекций. В одной из справок, направленной в 1931 г. в ректорат МУ, они сообщают, что «из имеющихся дублетов и мультиплетов коллекций Музея, Зоологический Музей *может и предлагает* укомплектовать коллекции для втузов или вузов» (там же, с. 16; выделено нами). Как видно, справка составлена таким образом, что, оказывается, именно Зоомузей во главе с Зенкевичем «предлагает» раздать свои коллекции для «укомплектования» неких «втузов или вузов». Результатом этих устремлений нового руководства университетской зоологией, как указано в той же справке Главмузея, стало то, что за год с небольшим «музей превратился просто в склад научных коллекций, хранящихся в хаотическом беспорядке, и всяких других вещей […] Не велось никакой специфической музейной работы, отсутствовал необходимый учёт всего имеющегося, поступающего и выбывающего научного материала» (там же, 2002, с. 17). Очевидно, что всё это грозило полной деградацией Зоомузея как одного из крупнейших отечественных и мировых хранилищ научных зоологических коллекций.

От этой напасти Зоомузей, по-видимому, спасли очередные нововведения, определённые в 1931 г. постановлением Совнаркома «О реорганизации государственных университетов»: они привели к тому, что все университетские музеи и научно-исследовательские институты были административно изъяты из подчинения ВУЗов и поступили в прямое распоряжение соответствующих отраслевых наркоматов (Постановление…, 1931). В ходе этой реформы Зоологический музей был объединён с Музеем сравнительной анатомии и перешёл в подчинение Главнауки Наркомпроса. Его директором назначили В.Н. Макарова (рис. 2.44), который занимал достаточно высокий пост в Нарком-

просе и активно занимался организацией заповедного дела в стране, причём совсем не в том ключе, который был важен для Г.А. (см. раздел 5.4). Именно он в качестве вновь назначенного директора подписал только что процитированную справку с характеристикой ужаснувшего его состояния дел в Зоомузее, выявленного краткой предварительной ревизией. Макаров будет возглавлять Зоомузей до 1939 г., ему придётся налаживать музейное хозяйство и по мере возможности противостоять различным новациям, которыми советская власть продолжит щедро одарять музейное дело (Михайлов, 2002; Павлинов, 2016). Но всё это действительно было уже совсем «после Кожевникова»…

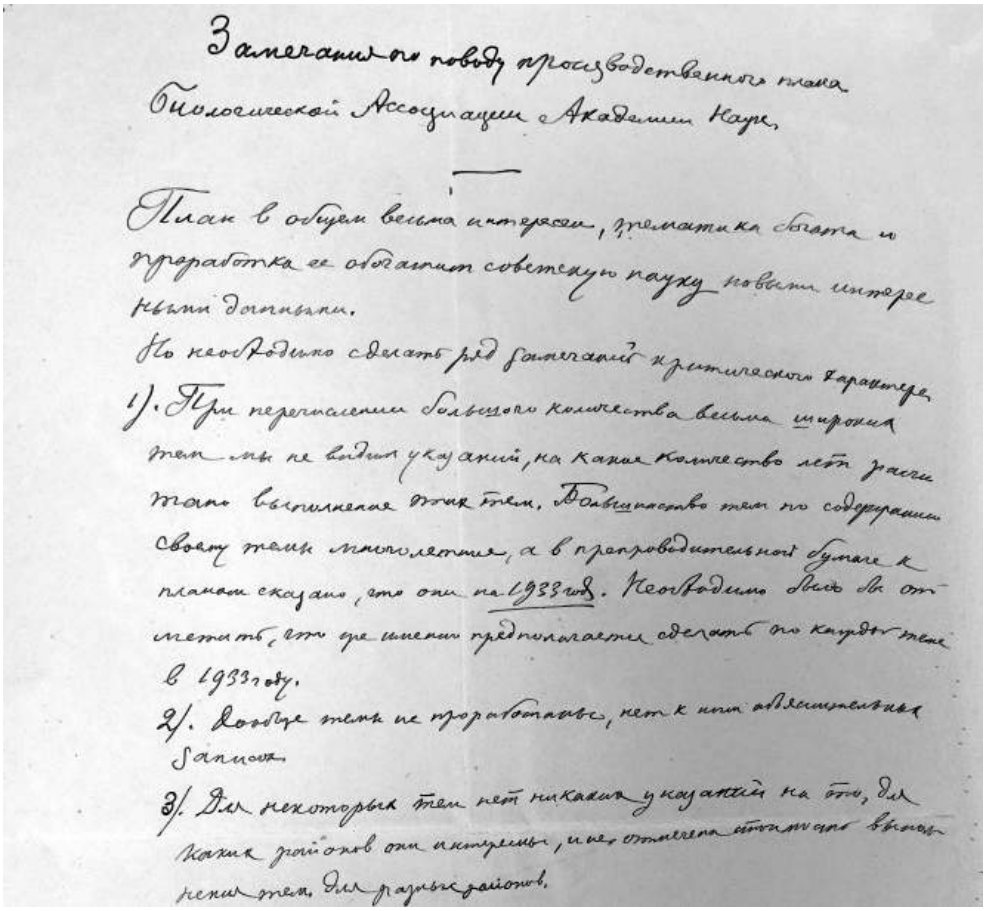
В те годы подобное изгнание, по-видимому, ещё не служило окончательной «чёрной меткой», что позволило Г.А. Кожевникову продолжить работать по своей специальности; впрочем, он так и не смог нигде по-настоящему и надолго закрепиться. В 1930 г. В.В. Алпатов включил его в штаты только что организованного при НИИЗе Биометрического кабинета (Алпатов, 1940), а год спустя — в Лабораторию экологии и полезных беспозвоночных этого же института, её членом Г.А. оставался до конца жизни (Алпатов, 1933а, 1936). Данное обстоятельство может служить косвенным свидетельством того, что проф. Кожевникова лишили его собственной лаборатории при том же НИИЗе. В эти же годы проф. Г.Ф. Мирчинк (в 1925–1928 гг. служил деканом ФМФ) пригласил его на один или два года читать зоологию для студентов-геологов на Кафедре минералогии и геологии МУ, причём Кожевников, соблюдая «правила игры», принуждён был заключить тот самый «Договор о соцсоревновании» со студентами палеонтологической группы, который мы цитировали выше. Кроме того, Кожевников преподавал в Московском институте физической культуры (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 206); в 1930 г. указан как его профессор в списке участников 4-го Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов (Список…, 1931, с. 364). Он числился также в штате Института акклиматизации животных

Рис. 2.44. Фотопортрет В.Н. Макарова, который по поручению Наркомпроса возглавил Зоологический музей МУ в 1931 г. (АрхЗММУ)

в Сухуми и в 1931 г. приветствовал 1-й Всесоюзный съезд по охране природы от имени этого института (см. раздел 3.7) (Труды…, 1935, с. 15). Наконец, Г.А. выполнял какую-то работу в Институте пчеловодства, учреждённом в 1930 г. (АрхМГУ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 211. Л. 3; Кузин, 1933).

В январе 1930 г. Григория Александровича пригласили заведовать Отделением энтомологии Тропического института Наркомздрава (АрхМГУ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 207, 208) (см. раздел 3.7). Его прежний опыт работы в МУ пригодился на новом месте лишь в незначительной мере — например, для налаживания исследований по биологии вредных насекомых, в координации работы малярийных станций по изучению фауны и биологии комаров разных районов, при обсуждении вопроса об устройстве институтского музея охраны здоровья. В остальном его работа мало походила на то, чем он был занят в МУ:

Замечания по поводу производственного плана Биологической Ассоциации Академии Наук.

План в общем весьма интересен, тематика богата и проработка ее обогатит советскую науку новым интересными данными.

Но необходимо сделать ряд замечаний критического характера.

1). При перечислении большого количества весьма широкой тем мы не видим указаний, на какое количество лет рассчитана выполнимая этих тем. Большинство тем по содержанию своему многолетние, а в производительной бумаге к планам сказано, что они на 1933 год. Необходимо было бы отметить, что же именно предполагается сделать по каждой теме в 1933 году.

2). Вообще темы не проработаны, нет к ним объяснительных записок.

3). Для некоторых тем нет никаких указаний на то, для каких районов они интересны, и не отмечена типичность выполнения тем для разных районов.

Рис. 2.45. Фрагмент записки Г.А. Кожевникова по поводу производственного плана Биологической ассоциации АН на 1933 г. (25 дек. 1932 г.) (АрхМГУ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 1)

чаще всего это были «производственные мотивы» и разные дела, наверняка важные с прикладной точки зрения, но почти не имеющие отношения к науке. Так, в качестве заведующего отделением он участвовал в обсуждении отчётов и планов токсикологической и гидробиологической лабораторий, при отсутствии директора института Е.И. Марциновского замещал его на производственных совещаниях, где проходили эти обсуждения (из-за чего принуждён был иногда отменять свои лекции), и т. п.

Хотя и изгнанный из МУ, Г.А. Кожевников по-прежнему оставался в поле зрения советской образовательной системы. В 1931 г. его вызвали в Центральный институт заочного обучения на обсуждение «районирования заочного обучения по пчеловодству», в начале 1932 г. попросили подготовить развёрнутую программу курса «Биология пчелы в связи с пчеловодством» и заключили с ним договор о составлении «учебного материала по этому предмету» (там же. Ед. хр. 211. Л. 2, 5). В конце 1932 г. Григория Александровича пригласили участвовать в совещании Комитета по заведыванию учёными и учебными учреждениями при ЦИК, на котором обсуждался производственный план Биологической ассоциации Академии наук на 1933 г. (там же. Ед. хр. 210). К этому совещанию он подготовил небольшую записку, в которой отметил отсутствие конкретики во многих заявленных темах (рис. 2.45) (АрхМГУ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 1).

Однако всё это были лишь мелкие эпизоды, которые, конечно же, не могли восполнить герою нашей книги его отстранение от основного дела всей его жизни — преподавания зоологических дисциплин и организации музейной работы в МУ…

ГЛАВА 3. НАУКА ДЛЯ НАУКИ — НО И НЕ ТОЛЬКО

Мудрые слова французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери (Antoine Marie de Saint-Exupéry) «Все мы родом из детства» относятся в первую очередь к учёным. Ведь действительно, у людей, посвятивших себя науке, интерес к познанию окружающего мира проявляется ещё в детстве — и остаётся на всю жизнь. Вот почему убелённые сединами истинные «миропознаватели» по-детски любопытны и искренне радуются неожиданным открытиям — и так же по-детски остро переживают научные неудачи.

Сказанное в полной мере относится к герою нашей книги: как видно из юношеских дневников Григория Кожевникова, интерес к живой природе — во многом ещё наивный «натуралистический», но всё же уже явно познавательный, — у него отчётливо обозначился к концу школьного обучения (см. разделы 1.2, 6.1). Как мы упоминали ранее, вполне осознанную тягу к естествознанию, по собственному признанию будущего зоолога, в нём пробудило прочтение книги Ч. Дарвина «О происхождении видов» летом 1883 г., причём, возможно, не без косвенного влияния со стороны А.П. Богданова (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 41об). Но в то время он ещё сомневался в своём призвании, не чувствуя в себе задатков будущего учёного и не ощущая той внутренней неодолимой тяги к познанию, которая, по высказанному им три десятка лет спустя убеждению, заставляет людей находить «высшее удовлетворение […] в достижении вершин познания научных истин» (Кожевников, 1916б. Л. 1 [рук.]). Вполне твёрдое решение о своём жизненном пути в науке Григорий принял, поступив осенью 1883 г. на Естественное отделение ФМФ МУ; этот выбор он окончательно закрепил, когда после выпуска из МУ в 1888 г. был оставлен ассистентом в Зоомузее для подготовки докторской диссертации, о чём возвестил весьма категорично в форме *credo* одним из пунктов своей «Житейской программы»: «Теория! Наука для науки!» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 81 [рук.]).

***

В настоящей главе мы в первую очередь постараемся показать те черты характера Кожевникова, которые были присущи ему как исследователю — человеку, основным жизненным устремлением которого было познание окружающего его мира, в его случае прежде всего животного. Такая общая позиция учёного важна тем, что он видит свою научную работу не фрагментарно, т. е. не как решение каких-то конкретных исследовательских задач: для него эти задачи составляют пусть и крохотную, но важную и неотъемлемую часть чего-то значительно более общего и значимого — в пределе картины мира, или, как сам Г.А. говорил, «миросозерцания».

Вторая задача настоящей главы — рассмотреть некоторые важные направления движения научной мысли Г.А. Кожевникова, которые обычно оставались «в тени» в прежних обзорах его профессиональной деятельности. Первым пунктом мы ставим здесь эволюционное учение, которое для героя нашей книги составляло нечто вроде лейтмотива его «миросозерцания». Далее мы рассмотрим теоретические воззрения Г.А. в области систематики и фаунистики, а также мысли о полиморфизме и то, каким образом они воплощались в его научно-организационной и преподавательской работе. Особый раздел посвящён его идеям в области зоопсихологии и евгеники, о которых исследователи научного творчества героя нашей книги

обыкновенно забывают даже упомянуть. Кроме того, мы кратко коснёмся занятий Кожевникова, имеющих для него совсем уже частный, мимолётный характер, — гидробиологии, биомедицины и др. В завершение главы суммирована деятельность Кожевникова в научных обществах и кратко охарактеризованы «внешние» результаты его научной работы — разного рода научные и научно-популярные публикации.

3.1. Г.А. Кожевников как учёный

Как видно из публичной лекции о будущем человека, которую Г.А. Кожевников впервые прочитал в 1908 г., одной из важных черт его как учёного-естественника была вера в то, что основным достижением биологической эволюции человека, давшим ему неоспоримые преимущества в борьбе за существование перед другими существами, стал высоко развитый мозг, а высшей формой и результатом его мозговой деятельности является научное знание о самом человеке и о том, что его окружает (Кожевников, 1908в). Какими бы частными вопросами естествознания Кожевников ни занимался, одним из главных внутренних мотивов его научной деятельности, в значительной мере скрытым от глаз стороннего наблюдателя, своим умонастроением не готового к пониманию такой познавательной позиции, было стремление к осознанию самых фундаментальных принципов осуществления научного знания о природе — тех принципов, совокупность которых принято называть «философией науки». Его весьма краткие высказывания по этому поводу разбросаны в отдельных публикациях и в рукописных конспектах докладов и лекций, они не сведены в некую стройную, достаточно чётко артикулированную научно-философскую систему. Но то, как Г.А. высказывает их почти «походя» наряду с разными прочими идеями и соображениями более частного характера, показывает, что они подспудно пронизывают все его естественнонаучные взгляды, побуждая определённым образом осознавать и объяснять научные факты и их первичные обобщения и, что не менее важно, стремиться прививать своё понимание сути научной деятельности своим слушателям и читателям.

Выразив горячую приверженность научной системе познания в форме выше упомянутого лаконичного *credo* «Наука для науки!», Г.А. уточняет её в дневниковой записи, имеющей форму некоего мимолётного фрагментарного наброска и названной почему-то «темой для фельетона» (в понимании, принятом в XIX в. и ныне забытом). По его мнению, «если бы люди старались только из-за полезности, этого мало. Надо стремиться к познанию истины. […] Познать окружающий мир! Какая великая задача, перед которой… Стремление к познанию — эта та искра жизни, которая…» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 83).

Для Григория Александровича естественнонаучное знание было своеобразным фетишем, освещающим и освящающим всю его деятельность. Одну из своих университетских лекций по общей зоологии (текст датируется 1910 г.) он начинает со славословия в адрес науки: «Из всего, что существует на Земле, высшее есть мысль человеческая. […] Наука есть результат работы этой высшей силы и потому понятно, что мы должны смотреть на науку как на высшее, что существует на свете» (там же. Ед. хр. 73. Л. б/н). И добавляет в напутствии оставляемому при МУ: «Только те люди, которые выше всего ставят служение [науке], для которых высшее удовлетворение заключается в достижении вершин познания научных истин, становятся настоящими, а не формальными научными деятелями» (Кожевников, 1916б. Л. 1 [рук.]).

В другой публичной лекции, прочитанной во второй половине 1900-х гг. и посвящённой рассмотрению места естествознания в человеческой культуре (Кожевников, 190?а), наш (пока ещё экстраординарный) профессор весьма тесно увязывает его с «миросозерцанием», т. е. с мировоззренческой позицией, и прежде всего с противостоянием материалистического и религиозного взглядов на природу и на место человека в ней, включая понимание определённого единства законов, действующих в живой

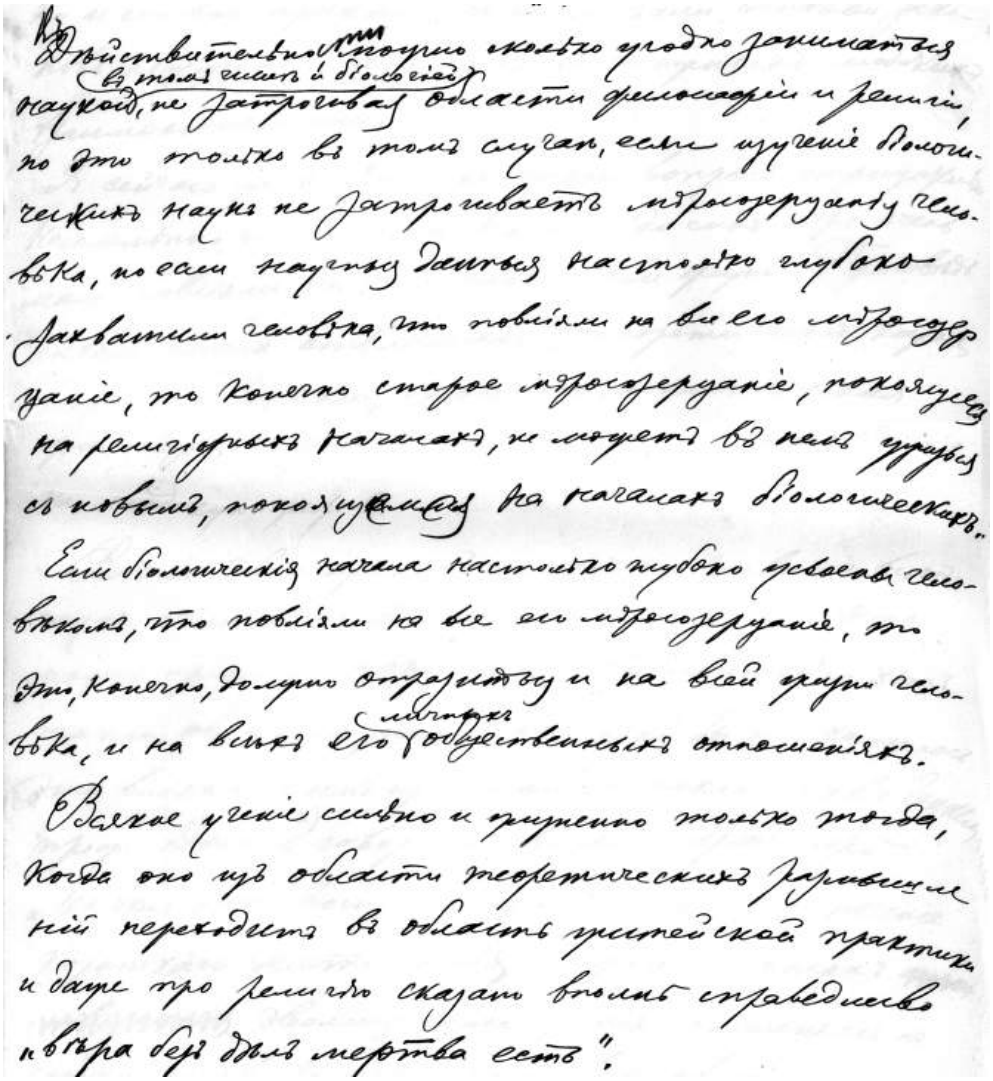

Рис. 3.1. Страница рукописного текста доклада Г.А. Кожевникова о естествознании (1900-е гг.) с изложением его взгляда на соотношение между «миросозерцанием» и наукой (Кожевников, 190?а. Л. 7)

природе и в человеческом обществе. Кожевников уверен, что именно знание законов мироздания определяет «миросозерцание» людей, и исходя из этого сообщает своим слушателям (рис. 3.1) (там же. Л. 7), что

> можно сколько угодно заниматься наукой, в том числе и биологией, не затрагивая области философии и религии, но это только в том случае, если изучение биологических наук не затрагивает миросозерцание человека; но если научные данные настолько глубоко захватили человека, что повлияли на всё его миросозерцание, то конечно старое миросозерцание, покоящееся на религиозных началах, не может в нём ужиться с новым, покоящимся на началах биологических.

Такое осознание нашим героем сверхзадачи научного естествознания включает в себя ставшее к этому времени уже достаточно признанным понимание принципиальной разницы между наукой и религией как двумя познавательными системами, не пересекающимися по своим концептуальным и методологическим основаниям. Обсуждая преподавание биологии и эволюционного учения в школе, Г.А. полагает, что «в области знания мы анализируем, доказываем и считаем невозможным принимать что-либо на веру. В области религиозной, наоборот, принятие на веру есть основа всего, чем исключаются научный анализ и научные доказательства» (Кожевников, 1912б. Л. 20).

Интересно размышление Г.А. Кожевникова о том, какую науку можно считать зрелой. Со ссылкой на украинско-швейцарского биолога С. Чулока (S. Tschulok) он утверждает (Кожевников, 1923б. Л. 14 [рук.]):

> Признак незрелости науки надо видеть в том, что она стремится искать ответы на вопросы или даже давать ответы прежде, чем сама постановка вопроса будет ближе исследована. И неправильно мнение, будто в науке дело обстоит наиболее хорошо, когда она может ответить на многие вопросы. При современном состоянии науки наиболее почтенная задача — путём тщательного исследования выяснить ложность постановки вопроса, чем трудиться ответить на него.

Кожевников представлял себе природу как некое активное начало, этакий одухотворённый φγςις (фюсис) античных натурфилософов, а познавательную деятельность учёных — как специфический «диалог» с этой природой. По его мнению, мы — натуралисты-биологи, изучая конкретный анатомический и иной материал, чтобы постичь структуру и причины разнообразия организмов, по сути «пытаемся […] на нём разгадать те загадки, которые нам загадала природа» (Кожевников, 1912а. Л. 6). Как можно полагать, в этой идее явственно проступают следы весьма вероятного увлечения нашего героя германской организмической натурфилософией XIX в. С этой точки зрения, творя в процессе эволюции разнообразие живых существ, Природа беспрестанно экспериментирует с «животным веществом», вылепливая из него те или иные наблюдаемые нами конкретные органические формы. Примечательно, что в подобном натурфилософском (отчасти метафорическом) ключе за сто лет до нашего героя рассуждал французский зоолог-анатом Ж. Кювье, рассматривая варианты общего плана строения животных: он трактовал их как «готовые результаты экспериментов, проведённых природой» (цит. по: Cuvier, 1840, p. 15). Сам Г.А., вторя великому французу, считал, «что вся жизнь природы есть сплошной непрерывный эксперимент, начавшийся вместе с началом жизни на Земле и который кончится вместе с этой жизнью» (Кожевников, 1912а. Л. 6об). Поэтому допустимо рассматривать некий плохо приспособленный организм «как какой-то неудачный опыт природы, как какую-то пробу творчества этой природы, пробу неудачную, которая по существу обречена на гибель» (Кожевников, 1908ж. Л. 35).

Вольно или невольно погружая своих слушателей в присущее ему натурфилософское «миросозерцание», проф. Кожевников при изложении оснований естествознания недвусмысленно указывает на ограниченную природу научного знания. Таковая ограниченность обусловлена двоякого рода общими причинами, фундаментальными и неустранимыми, вообще присущими научному способу познания природы.

С одной стороны, её причиной является ограниченность нашего понятийного аппарата, с помощью которого мы описываем природные явления. По мнению Г.А., «природа не признаёт наших “категорий” и не любит укладываться на Прокрустово ложе нашего мышления. Свободною, неиссякаемою рекою льётся её жизнь из неведомых истоков к неведомому устью» (Кожевников, 1908а, с. 81–82). Поэтому «природа не укладывается в схемы и общие формулы и исследователю более всего надо бояться готовых трафаретов и стереотипов» (Кожевников, 1903г. Л. 30об).

С другой стороны, достаточно жёсткие рамки этого «Прокрустова ложа» формируются не только нашими «готовыми трафаретами», но и наличной фактологией, которая всегда ограничена. В основе этого — признаваемая Кожевниковым безусловная первичность эмпирического знания перед теоретическим: «Выводы будут в зависимости от факта, а не факты будут приурочены к выводам»; при этом настоящему учёному нужны «осторожность в выводах, отсутствие поспешности в освоении фактов» (Кожевников, 1917а. Л. 13). Он убеждён в том, что «с фактами надо считаться, они у естествоиспытателя должны быть на первом плане, и ни одним из них нельзя поступиться

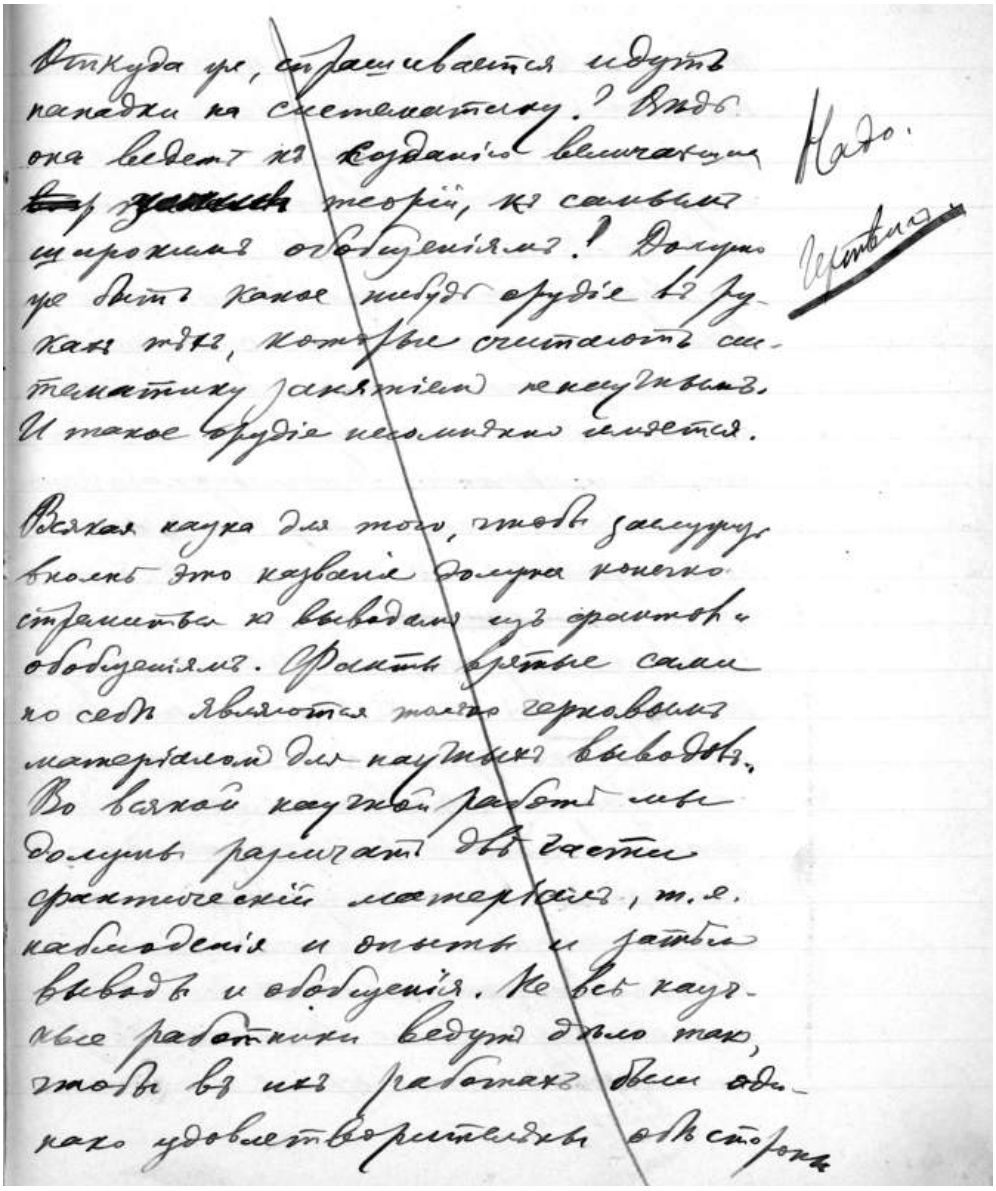

Рис. 3.2. Страница рукописного текста вводной лекции Г.А. Кожевникова по зоогеографии (1898 г.) с изложением его взгляда на соотношение между эмпирическим и теоретическим знанием (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 14)

в пользу самой блестящей теории» (Кожевников, 1898а, с. 13).

И всё же Г.А. призывает не бояться при необходимости нарушать то шаткое равновесие, которое существует между недостаточностью фактических данных и желаемой широтой их теоретического осмысления, а пытаться заглядывать за тот горизонт, который очерчивается скудной наличной эмпирикой. Он пишет (Кожевников,1898а, с. 14):

> Конечно, естествоиспытателю тяжело не иметь возможности идти дальше таких туманных предположений, но что же делать? При современном состоянии наших знаний ещё очень и очень часто приходится выбирать между *такими* гипотезами и между отказом от какого бы то ни было объяснения фактов.

Во вступительной лекции по зоогеографии (рукопись датирована 1898 г.) Кожевников так изъясняет слушателям своё понимание соотношения эмпирического (фактического) и теоретического (спекулятивного) уровней знания в науке (рис. 3.2) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 14, 14об; в рукописном тексте

лекции цитируемый важный пассаж почему-то зачёркнут). По его убеждению,

> Всякая наука для того, чтобы заслужить вполне это название, должна конечно стремиться к выводам из фактов к обобщениям. Факты, взятые сами по себе, являются только черновым материалом для научных выводов. Во всякой научной работе мы должны различать две части — фактический материал, т. е. наблюдения и опыты, и затем выводы и обобщения. [Важно,] чтобы в [научных] работах были одинаково удовлетворительны обе стороны, т. е. был бы богатый и притом вполне достоверный фактический материал и в то же время правильные и притом плодотворные для науки выводы. […] Если факты верны, такая работа навсегда останется вкладом в науку — выводы могут явиться после. […] Бывают случаи, что факты неверны, но в работе есть выводы и обобщения. Такая работа не имеет научного значения.

Примечательно, как Кожевников достаточно трезво оценивал то, почему эти две «части» науки по-разному влияют на умы не только праздной публики, но и не вполне зрелых учёных. Он считал, что многие теоретические работы, которые лишены фактического основания, со временем «теряют всякое значение, но в момент появления производят большее впечатление, чем [фактические]. Всякие теоретические соображения, даже и неопубликованные, увлекают скорее, чем голые факты, да ещё мелочные» (там же. Л. 16об).

Важно, что рассматривая содержание теоретического (объяснительного) научного знания об окружающем мире, Кожевников акцентирует внимание именно на гипотезе как на основном элементе этого знания. При этом Г.А. очевидным образом полагает, что гипотеза верна в той мере, в какой она подтверждена реальными фактами. Например, таким образом наш профессор трактует объяснение умственных способностей лошадей в своём зоопсихологическом эссе: для него это «гипотеза [которая] объясняет факты и не опровергается ими, а именно этим требованиям и должна удовлетворять гипотеза» (Кожевников, 1914в. Л. б/н). Эта трактовка присутствует даже в том, как Г.А. расценивает всяческое разглагольствование о загробном мире: для него это не более чем гипотеза, «которая за всё время своего существования не подтвердилась ни одним реальным фактом» (Кожевников, 1908г. Л. 2 [рук.]).

> Такой взгляд на характер человеческого знания отчасти противоречит известному изречению корифея науки Исаака Ньютона «*Hypotheses non fingo*» («Гипотез не измышляю»), который под «гипотезой» понимал безответственные спекуляции. Но этот взгляд полностью оправдан, если под научной гипотезой понимать объяснительные суждения об окружающем мире, выводимые из фактов и тестируемые ими же.

Из рассуждений Г.А. Кожевникова на подобные общие темы видно, что он отдаёт несомненное предпочтение «объяснительной» науке перед «констатационной». Тем самым он неявно протестует против весьма популярной в начале XX в. научно-философской доктрины позитивизма, сводящей «объективное» научное знание лишь к описанию фактов как таковых. Для Г.А. научное знание — это не просто «сумма фактов», а их объяснение, указание их вероятных естественных причин. В статье о географическом распространении животных, разбирая кажущиеся необычными ареалы и их возможные объяснения, он наглядно показывает весьма непростую связь между ограниченной фактологией и широкими обобщениями и восклицает: «Вот как далеко заводит нас вопрос о том, какие животные для данной местности “туземцы”, какие “пришельцы”. Вот какие широкие горизонты развёртывает перед нами зоогеография» (Кожевников, 1908а, с. 82).

Как видно из предыдущего, Г.А. Кожевников, всячески пропагандируя особую значимость строгих научных фактов, но и признавая неизбежный и неустранимый разрыв между «мелочной» фактологией, которой всегда недостаёт, и её теоретическими объяснениями, считал, что эти объяснения должны быть по возможности всеобъемлющими и исчерпыва-

ющими. Следуя такому пониманию базового содержания научного знания о природе, он бесстрашно вступает на довольно скользкую стезю натурфилософии и рассуждает о таких сущностных свойствах живой материи, которые никоим образом не вытекают непосредственно из наблюдений или экспериментов, но домысливаются в качестве неких объяснительных начал. Так, в рассуждениях об изменчивости видов живых организмов таким началом для нашего профессора является «видовая сущность, видовая субстанция, видовое живое вещество». Это последнее, которое Г.А. представляет себе вполне материально, наделено «удивительным свойством […] выливаться в разные формы в пределах вида» — например, в случае полиморфизма оно «выливается на наших глазах в две или несколько различных форм» (Кожевников, 1924а. Л. 7об, 16). Иногда Кожевников в таком контексте пишет не просто о «веществе», а о «видовой сущности»: например, в случае полового диморфизма «видовая сущность выливается не в одну форму, […] а в две» (там же. Л. 9). В результате наблюдатель воспринимает вид не «вообще», а именно в этих формах, и он констатирует внутривидовой ди-, три- или полиморфизм. Рассматривая с этих же натурфилософских позиций проблему вымирания животных в специально ей посвящённой одноимённой публичной лекции, он наделяет вид некой «жизненной силой», или «жизненной энергией», утрата которой служит причиной «*старения*, одряхления *вида*, совершенно параллельное одряхлению индивидуума» (Кожевников, 1908ж. Л. 24).

Более того, если ему позволяют хоть какие-то эмпирические данные, Григорий Александрович не останавливается перед возможностью затронуть вопросы мировоззренческого характера. Так, рассуждая о прерывистой изменчивости (истинном полиморфизме), известной для немалого числа видов животных и растений, он пишет, что «поучаются две рядом стоящие, но явно отличные друг от друга формы, между которыми *не имеется промежуточных форм*: природа, вопреки старинному правилу “Natura non facit saltum” (Природа не делает скачков), сделала скачок» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 25).

Важную часть общепознавательной позиции Г.А. Кожевникова составляло стремление и умение видеть взаимосвязи между разными дисциплинами, в чём (как и во многом другом) он был верным последователем своего учителя А.П. Богданова. Эта его позиция особенно отчётливо проявляется в обсуждении того, в какой степени и каким образом современная биология влияет на другие отрасли науки. Вторя некоторым европейским биологам-эволюционистам, он считает важным отметить, что проникновение эволюционного учения во все области естествознания и даже отчасти в гуманитарные науки свидетельствует о том, что «все науки родственны между собой и должны находиться во взаимной связи» (Кожевников, 190?а. Л. 9). В такой позиции есть глубокий познавательный смысл, который должен быть усвоен всяким учёным, хоть сколько-нибудь стремящимся мыслью своею взлететь над схожим с рутинным ремеслом добыванием конкретных фактов: поскольку «*в идеале все* науки должны находиться во взаимной связи», знания в одной помогают достичь знания и в другой (Кожевников, 1908в. Л. 30 [рук.]).

Г.А. специально обращается к этому важному для него вопросу в статье, посвящённой вопросам прикладной энтомологии (Кожевников, 1915г, с. 108–109):

> Специализация в науке необходима для достижения результатов при исследовании. Но специализация в то же время весьма опасна в смысле сужения кругозора и привычки к шаблонному, рутинному мышлению. Я сказал бы так: специализация нужна для техники исследования, а отсутствие специализации нужно для того, чтобы эта техника была глубже освещена светом творческой мысли. И положительно необходимо, специализовавшись в одной узкой области, не утратить широкого знакомства с остальными.

Разумеется, размышляет профессор в другой статье на эту тему, специализация «неизбеж-

на, она необходима для прогресса знания, но истинная полнота научного знания создаётся только из взаимодействия специализированных течений. […] Лишь из их гармонического слияния создаётся истинная наука во всей своей полноте» (Кожевников, 1909в, с. 117). Исходя из этой своей убеждённости и чуть ли не буквально воспринимая известный афоризм о том, что «специалист подобен флюсу — полнота его односторонняя» (Козьма Прутков), Кожевников неустанно подчёркивает значение широкого научного кругозора для плодотворной исследовательской работы и критикует чрезмерную специализацию, присущую многим учёным. Выступая перед студентами с вводной лекцией по зоогеографии, он подчёркивает, что «наука велика только во всей совокупности своих частей, а для того, что[бы] составилось полное гармоническое целое, одинаково необходимы все части», поэтому «когда вы изучаете какую-нибудь науку, то односторонность вреднее всего: закрывая глаза на целую сторону предмета, вы не получите о нём никогда правильного понятия» (Кожевников, 1898б. Л. 4об, 34). При этом он связывает широту научного кругозора с умением критически разбираться в литературе, позволяющим отделять научные «зёрна» от «плевел» (Кожевников, 1916б).

О широте «миросозерцания» Г.А. Кожевникова как учёного, предметом исследований которого является живая природа, свидетельствует его определение жизни, высказанное в форме краткой карандашной заметки в середине 1920-х гг.: «Жизнь есть проявление мировой энергии в органических формах. Мировая энергия заключена как в окружающей организмы фи[зической] среде, так и в них самих» (Кожевников, 1924а. Л. 27). В этой идее, по всей очевидности, проявляется ранее упомянутое нами увлечение Кожевникова германской организмической натурфилософией; оно заметно и в том, как Г.А. рассматривает проблему вымирания видов (см. раздел 3.2).

Для «миросозерцания» героя нашей книги был весьма характерен натурализм в самом хорошем и полном его смысле, гармонично сочетающийся с эмпиризмом. В этом отношении Г.А. был верным последователем К. Рулье, видевшего своей основной целью изучение природы в её первозданности и призывавшего к этому своих единомышленников. Так что легко понять досаду Кожевникова на то, что при современном развитии технических средств исследований «выработался тип “кабинетного” натуралиста». Он изучает не живую природу, а «“объект”, которого он иной раз никогда и не видал живым, а получал консервированным в баночке». Такого «кабинетного натуралиста», для которого «слово “природа” заменяется вполне словом “препараты”», Г.А. считает следствием специализации (Кожевников, 1909в, с. 117). Эту убеждённость он выражает в рецензии на «Календарь русской природы» в журнале «Естествознание и география» (Кожевников, 1916в, с. 90), считая его появление

> одним из утешительных признаков пробуждения любви к биологическим наблюдениям над природою, к непосредственному общению с живой природой. Этого непосредственного общения весьма недоставало многим натуралистам, которые чрезмерно суживали область своего интереса исключительно изучением препаратов, разрезов и т. п.

Примечательно, что своё понимание «жизни как борьбы», изложенное в публичной лекции «Борьба за жизнь» в 1914 г., Кожевников переносит и на «жизнь» научных идей. Рассуждая отчасти метафорически, он наделяет идеи чем-то вроде самостоятельного бытия, в некотором непостижимом смысле независимого от бытия человека как их творца и носителя, и уподобляет друг другу «грубое физическое состязание в силе» и «состязание между собой отвлечённых идей», поэтому даже если «творца научной мысли уже нет в живых, […] сама мысль жива, она борется за своё существование и может победить» (рис. 3.3) (Кожевников, 1914а. Л. 69, 72). Но вместе с тем в его взгляде на борьбу идей отчётливо видно понимание того, что носителями идей являются всё-таки конкретные люди и поэтому формы и результаты этой борьбы во многом

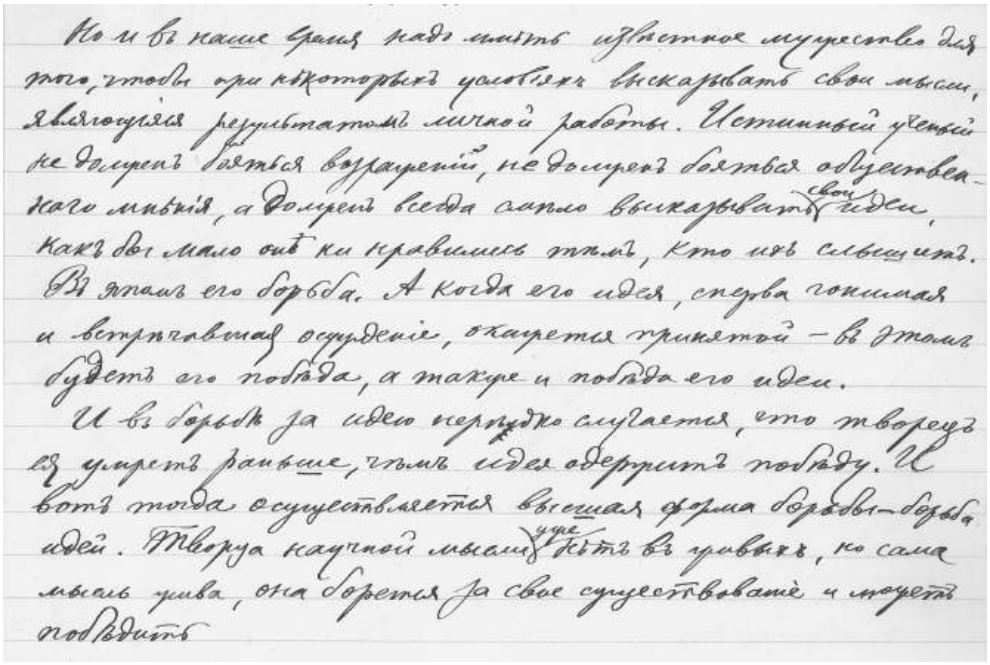

Рис. 3.3. Страница рукописного текста публичной лекции Г.А. Кожевникова «Борьба за жизнь» (1914 г.) с размышлениями о борьбе идей (Кожевников, 1914а. Л. 69)

зависят от их поведения, от их стремления утвердить свои идеи, а тем самым и самих себя как их творцов, носителей и проповедников. Отстаивая независимость науки от каких-либо «внешних» влияний (политических и т. п.), он видит высшую доблесть учёного в том, что тот служит науке «исключительно ради отыскания истины», добиваясь «победы истины над ложью. […] Истинный учёный не должен бояться возражений, не должен бояться общественного мнения, а должен всегда смело высказывать свои идеи, как было мало они ни нравились» его идейным противникам (там же. Л. 68, 69).

Отталкиваясь от такого высокого понимания «роли личности в науке», Григорий Александрович весьма здраво вскрывает психологическую подоплёку склонности учёных воспринимать или отвергать те или иные новые идеи в науке. В лекции, посвящённой значению естествознания (Кожевников, 190?а. Л. 10), он с некоторым сарказмом утверждает, что отрицания новых идей обыкновенно

> происходят не на научной почве, а на почве гордости и самолюбия. Освещение какой-либо науки с новой точки зрения […] вызывает невольное опасение, что новая точка зрения вытеснит старую. Является желание во что бы то ни стало сохранить свои шаблоны, является нежелание потревожить себя путём воздействия новых идей в спокойном обладании своими воззрениями.

Сопрягая научный характер знания о природе с определённым «миросозерцанием» (см. начало настоящего раздела) и включая человека в этот научно-миросозерцательный дуализм, Г.А. Кожевников являет себя сторонником научного плюрализма. Он полагает, что в безоговорочной приверженности какой-то одной теории из нескольких альтернативных «проявляется своего рода научная партийность, своего рода фанатизм, вредящий научности анализа» (Кожевников, 1924а. Л. 32). В связи с этим Г.А. протестует против того, чтобы та или иная идея или теория, какой бы справедливой она ни казалась, «навязывалась» кем бы то ни было кому бы то ни было. Эта его позиция самым наглядным образом проявиляется в рецензии на научно-популярную книгу А.А. Тихомирова «Живые существа и их размножение» (1907 г.): возражая против излагаемой в ней антидарвинистической трактовки известных фактов

из жизни животных, Кожевников утверждает (Кожевников, 1907б, с. 82), что в свете вопроса

> о правильности или неправильности какой-либо теории, надо, как нам кажется, ограничиться лишь тем, что указать: одни думают так, другие думают иначе. Пусть читатель, если может, примыкает к тому или иному лагерю, но незачем ему делать внушение. Ведь всё равно — доказать верность или неверность той или иной биологической теории, как математическую теорему, т. е. бесспорно, нельзя.

Отталкиваясь от этих своих представлений о небесспорности любой естественнонаучной теории ввиду её недоказуемости в окончательной форме, Кожевников высказывает совсем уже «крамольную» мысль о плюрализме и в отношении «миросозерцания» (там же, с. 81). Он полагает,

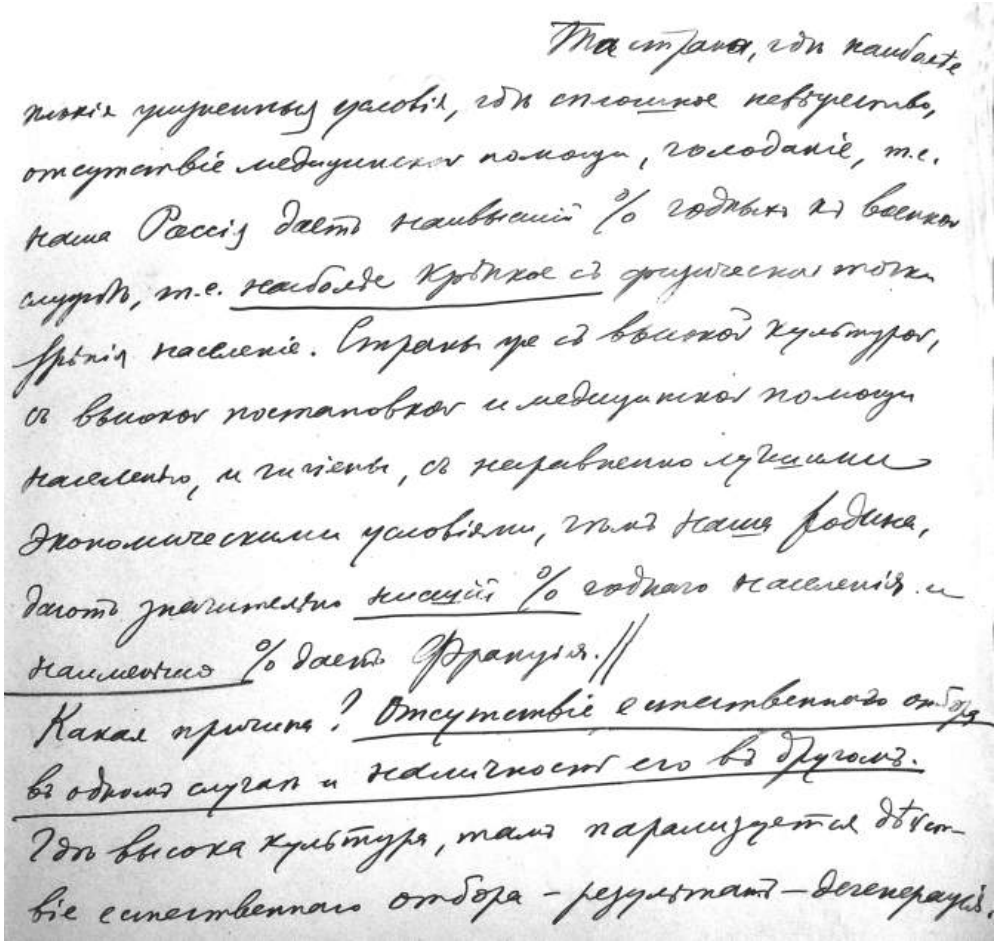
> что, внедряя знания, особенно естественноисторические, надо держаться исключительно научного, объективного взгляда, не окрашивая изложение той или иной тенденцией. Тенденциозное всегда субъективно, а субъективное и научное несовместимы. Убеждения и верования относятся к области субъективного, а потому ни политике, ни религии (или её отрицанию) нет места в области естествознания. […] В идеале у каждого человека должно быть *своё* миросозерцание, *своя* религия, […] а не миросозерцание какой-либо философской школы.

Но при этом Г.А. Кожевников, вроде бы обнаруживая свою приверженность научному плюрализму, в глубине души всё-таки остаётся несомненным монистом: он верит в то, что «истина одна, всякая научная проблема имеет только одно решение» (Кожевников, 1924а. Л. 3), поэтому «по одному и тому же вопросу не может быть двух прямо противоположных верных мнений» (Кожевников, 1912б. Л. 2)[1]. Тем самым он забывает древнюю рекомендацию «Врач, исцелися сам!» (*Medice, cura te ipsum*!) и как-то упускает из виду, что только что приведённый его критический комментарий, адресованный А.А. Тихомирову, в равной мере относится и к нему самому. Ведь в своих лекциях, и университетских, и публичных, Г.А. не просто излагает те или иные факты, а укладывает их, можно сказать, в прокрустово ложе своих «миросозерцательных» интерпретаций. И действительно, разве не сам герой нашей книги подчёркивает в начале чтения своего курса общей зоологии, что «через весь курс строго и последовательно проводится идея эволюции» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 146. Л. 1об) (см. также далее), тем самым не оставляя никакого места для иных мнений? По этой причине проф. Кожевников порой довольно легко оказывается рабом некоторой идеи: он забывает не только свой призыв избегать «тенденциозных» субъективных толкований фактов, но и своё же признание ограниченной природы научного знания, означающей, что в науке единственной абсолютной, окончательной истины быть не может.

Ярким примером такого чрезмерного увлечения Кожевникова собственной научной позицией служит его безоговорочная приверженность в 1900-е гг. идеям евгеники, одна из которых — о соотношении естественного и искусственного отбора в человеческом обществе (см. раздел 3.6). Наш профессор вполне искренне убеждён сам и старается убедить других в том, что сторонники этого учения указывают человечеству «*единственный верный* путь к прогрессу — путь искусственного отбора», что это учение «культу личности […] противопоставляет культ потомства» и что поэтому, в частности, «главная и важнейшая задача женщины — производить здоровое хорошее потомство» (Кожевников, 190?а. Л. 45, 46; выделено нами).

Эта же евгеническая идея, толкуемая достаточно примитивно и прямолинейно, довлеет над Кожевниковым в объяснении разных результатов рекрутского набора в странах с разной

[1] В современной науке плюрализм поддерживается принципом дополнительности, согласно которому всякое сложное природное явление описывается лишь совокупностью разных концепций, даже если они в рамках классической бинарной логики считаются взаимно противоречивыми (Арманд, 2008).

Та страна, где наблюдается низкий умственный уровень, где сплошное невежество, отсутствие медицинской помощи, голодание, т.е. наша Россия дает наивысший % годных к военной службе, т.е. наиболее крепкое в физическом отношении население. Страны же с высокой культурой, с высокой постановкой и медицинской помощи населению, и гигиены, с неравненно лучшими экономическими условиями, такая наша родина, дают значительно низший % годного населения. и наименьший % дает Франция.//

Какая причина? Отсутствие естественного отбора в одних случаях и наличность его в других.

Где высока культура, там парализуется действие естественного отбора – результат – дегенерация.

Рис. 3.4. Фрагмент рукописного текста публичной лекции Г.А. Кожевникова «Будущее человека» (1908 г.) с размышлениями о влиянии естественного отбора на рекрутский набор (Кожевников, 1908в. Л. 50 [рук.])

культурой (Кожевников, 1908в). Г.А. объясняет их разным действием естественного отбора следующим образом. По его мнению, в странах высокой культуры и жизненного уровня (Германия и Франция) более низкий процент рекрутов, которые признаются годными к военной службе, есть следствие слабого естественного отбора, приводящего к физической деградации населения. Напротив, в России процент признаваемых к военной службе выше в силу того, что уровень культуры и жизни ниже, естественный отбор более жёсткий, поэтому в целом мужское население в большей степени пригодно к несению военной службы (рис. 3.4).

> Как нам представляется, увлечённый своей идеей, проф. Кожевников в таком объяснении этих различий не углядывает разницу между предикатами «*быть физически пригодным*» и «*быть признанным пригодным*»: первый относится к самому качеству человека, второй — к суждению о нём. По этой причине он упускает из внимания иное и при этом весьма вероятное объяснение выявленной им разницы: в указанных странах в силу разного отношения к человеку, обусловленного различиями в культуре, критерии оценки пригодности к воинской службе разные. В странах высокой культуры эти критерии более жёсткие и процент признаваемых пригодными к службе ниже, тогда как в России низкая общая культура сопряжена с более слабыми критериями, из-за чего процент «забриваемых в солдаты» выше. Возможно, если бы Г.А. не просто анализировал статистические таблицы, а попытался выяснить критерии рекрутского набора, которыми пользуются военные

комиссии в разных странах, и то, как они связаны с уровнем культуры последних, его объяснение было бы иным.

***

Примечательно, что в характере восприятия Г.А. Кожевниковым естественнонаучного знания совершенно отчётливо проглядывает специфический антропоцентризм. Для него наука в значительной мере не только основное средство познания и понимания окружающего мира, но и верный способ улучшения человека и человеческого общества на научных основаниях. Он верует во всесильность и благотворность научного знания — настолько грандиозного, что «мы не можем себе даже представить всех великих последствий того умственного и нравственного переворота, который может произойти у человечества под [его] влиянием» (Кожевников, 190?а. Л. 47 [рук.]). Но при этом Г.А. считает, что научное знание само по себе едва ли способно существенно поменять человеческое общество в желательном направлении: для того, чтобы познанные законы природы были правильно применены ко благу человечества, необходимо изменить «миросозерцание». Нужно отринуть отжившие своё религиозные взгляды на мир, на место человека в нём и на законы, действующие в человеческом обществе, и направить свои усилия на приобщение людей к естественным, особенно биологическим наукам, на их обучение и воспитание в канонах «биологического знания».

Рассуждая подобным манером о том, каким образом посредством науки можно улучшить человеческое общество, Г.А. Кожевников достаточно логично — и при этом вопреки своему выше упомянутому *credo* «Наука для науки!» — приходит к убеждению, что «всякое учение сильно и жизненно только тогда, когда оно из области теоретических размышлений переходит в область житейской практики» (там же. Л. 7 [рук.]). Здесь он, как и во многих других случаях, стремится следовать пути, обозначенному А.П. Богдановым, который «всегда проповедовал, что наука не должна игнорировать потребности практической жизни, и всегда заботился о развитии так называемого “прикладного” естествознания» (Кожевников, 1896б, с. 289).

Из увязывания Кожевниковым естественных наук с воспитанием правильного «миросозерцания» видно, что его понимание характера связей естественнонаучных идей с повседневностью человеческой жизни не сводилось к примитивному утилитаризму. Он видел эту связь значительно глубже и многостороннее, как затрагивающую самые разные аспекты человеческого бытия. В частности, Г.А. полагал, что «если биологические начала настолько глубоко усвоены человеком, что повлияли на всё его миросозерцание, то это, конечно, должно отразиться и на всей жизни человека, и на всех его личных и общественных отношениях» (Кожевников, 190?а. Л. 6 [рук.]). В связи с этим он горячо приветствовал мысль Э. Геккеля о том, «что [эволюционное] биологическое учение должно лечь в основу *нового миросозерцания*, не скрываясь в тиши кабинетов, [ибо оно] несогласимо с религиозным миросозерцанием». Правда, вслед за этим Григорий Александрович с сожалением отметил, что едва ли геккелева «монистическая философия оказала большое практическое влияние на людскую жизнь» (там же. Л. 6, 8 [рук.]).

Рассматривая в таком ключе достижения естествознания, Г.А. Кожевников берёт за образец опыт германского социал-дарвинизма, активно развивавшегося в конце XIX и начале XX вв., и порицает «кабинетную науку», замыкающуюся в отвлечённом философствовании. Вместо этого, по мнению нашего профессора, учёному не дóлжно ограничиваться «кабинетными рассуждениями, а [нужно добиваться] непосредственного *жизненного* применения биологических идей» (там же. Л. 13 [рук.]). При этом, имея в виду архимедов способ перевернуть Землю, Григорий Александрович уверяет, что «знание и будет тем рычагом, который перевернёт судьбу человечества» (там же. Л. 47 [рук.]). Эту важную мысль он рьяно отстаивает в докладе «Зоологическая наука и практическое пчеловодство», прочитанном

на открытии Съезда отечественных пчеловодов в С.-Петербурге в 1901 г. (Кожевников, 1901а, с. 1–2), указывая на то, что

> нет в настоящее время никакой области прикладного знания, которая могла бы разрабатываться и развиваться, если она не покоится твёрдо на фундаменте теоретической науки, если это прикладное знание не черпает непрерывно и беспредельно из сокровищницы науки всё новые и новые данные.

В публичной лекции о достижениях естествознания Григорий Александрович с сожалением констатирует: «Несомненно, что успехи биологии до сих пор очень мало повлияли на ход человеческой жизни. […] Выводы [биологии] мало вошли в общественное сознание» (Кожевников, 190?а. Л. 8, 14 [рук.]). А между тем он уверен в том, что в странах, где «никого не надо убеждать в необходимости прикладного естествознания, [люди] в *значительной мере именно поэтому* живут в довольстве вместо нищеты» (там же. Л. 4 [рук.]). Основную причину такого равнодушия к достижениям наук Кожевников видит в косности людей, приверженных традициям, — малообразованной «толпы, всегда далёкой от науки, всегда инертной ко *всему* новому и смелому» (там же. Л. 5 [рук.]). Негодуя против этого, Г.А. обвиняет обывателей в том, что они «просто-напросто не интересуются даже успехами биологических наук», и вообще в «неспособности к естественноисторическому мышлению» (там же. Л. 14 [рук.]). Будучи сам увлечён своими идеями и тем, чтобы они активнее влияли на жизнь человеческого общества, проф. Кожевников требует того же самого и от тех его членов, которые не имеют к ним даже касательного отношения, да и не могут иметь в силу совершенно иных своих жизненных устремлений, — от юристов, политиков, даже от артистов и художников. Достаётся от него и «кабинетным натуралистам»: увлечённый докладчик уверяет их, что «видеть результаты своей работы достоянием […] самых широких слоёв общества было бы для учёных величайшим удовлетворением» (там же. Л. 14, 15); правда, в другом месте он утверждает (на это мы указали выше), что «настоящими, а не формальными научными деятелями» становятся «только те люди, […] для которых высшее удовлетворение заключается в достижении вершин познания научных истин» (Кожевников, 1916б. Л. 1).

Одним из важнейших разделов «прикладного естествознания» для Г.А. Кожевникова было природоохранное движение, в которое он был погружён на протяжении большей части своей научной карьеры. В основе отстаиваемого им принципа абсолютной заповедности, означавшего необходимость «предоставить природу самой себе» (Кожевников, 1909г, с. 26), лежали идеи биоценологии, которая в то время ещё только зарождалась (см. раздел 5.2). Среди этих идей одной из ключевых было представление о сложной равновесной структуре природных сообществ, которая складывается в процессе их долгой эволюции. Виды растений и животных, формирующие сообщества, по действием отбора взаимно «притираются» друг к другу, поэтому вмешательство человека в их бытие — изъятие из сообществ «вредных» видов и добавление чужеродных «полезных» — способно нарушить сложившееся равновесие природных сообществ и привести к их деградации.

Вопросу о соотношении теории и практики, рассматриваемому в более «приземлённом» аспекте, специально посвящена уже упоминавшаяся статья Г.А. Кожевникова «Интересы в прикладной энтомологии», опубликованная в 1915 г. В ней он подчёркивает, «что чисто теоретические научные исследования могут иметь весьма важное значение для практики и что противуположение науки теоретической науке практической не должно иметь места. […] Условия работы в области прикладной энтомологии создают благоприятную обстановку для изучения некоторых общебиологических вопросов» (Кожевников, 1915г, с. 101). Как полагает Г.А., указанная благоприятность проистекает из того, что материал по многим насекомым, особенно вредным, «обилен, легко добываем, что относительно [насекомого] известно, как он живёт, чем питается и т. п.»

(там же, с. 104). Среди биологически важных вопросов, которые могут быть исследованы на такого рода материалах, он указывает особенности индивидуального развития насекомых в зависимости от климатических условий, географические и сезонные проявления изменчивости у массовых видов, а также «такие вопросы общей биологии, как защитные приспособления, борьба за существование, естественный отбор», который, как полагает Кожевников, «доселе почти не подвергался научному исследованию и служит главным образом темою для общих фраз и натурфилософских соображений» (там же, с. 106).

Разумеется, воспитанник «богдановского кружка», разбирая эту важную тему, не может обойти вниманием организационные вопросы. Кожевников уверен (там же, с. 107), что

> для того, чтобы можно было научно разрабатывать разнообразные биологические вопросы на объектах прикладной энтомологии […], необходимо одно важное условие: необходимо возможно большее число научно оборудованных энтомологических станций […], как Неаполитанская и некоторые другие зоологические станции.

Свойственное Г.А. Кожевникову гармоничное соединение теоретических исследований с практикой наиболее наглядно проявилось в пчеловодном деле. В нём Г.А. выступал как учёный, а не практик, — т. е. как пчелов***е***д, а не пчелов***о***д. Однако для него две эти сферы деятельности были неразрывно связаны, причём в этой связке наука была «лошадью», а практика — той «телегой», которую «лошадь» тянет в нужном направлении. Будучи уверенным сам в этом, Г.А. старался убедить своих слушателей и читателей в необходимости изучения всех многообразных проявлений жизни пчёл для того, чтобы развивать пчеловодное дело на действительно научной рациональной основе. Так, он считал важным изучать региональные особенности флористического состава и свойств растений-медоносов для того, чтобы разумно распределять на территории пасеки. Со ссылкой на особенности биологии размножения пчёл Г.А. считал их роение необходимой и важной частью жизни пчелиной семьи, объявлял порочной практику истребления трутней.

Для конкретной иллюстрации прямого «выхода в практику» результатов своих научных исследований Г.А. Кожевников указывает «случай зоологической экспертизы» (таково название доклада и статьи), в которой ему пришлось участвовать в 1898 г. Он отмечает, «что для восстановления полной и точной картины преступления необходимы были: 1) данные зоологической систематики […]; 2) данные зоогеографии […]; 3) данные этнографии […]; 4) данные медицины» (Кожевников, 1899а, с. 60).

***

Научные интересы Г.А. Кожевникова всегда в той или иной мере затрагивали вопросы методологии, начиная со сбора исходных данных и кончая техникой их обработки: для него было очевидно, что от того, насколько эти данные точны и методы научно состоятельны, зависят результативность и значимость исследований. Он был уверен в том, что «надо, чтобы в изучение даже обыкновенных явлений […] проникла строгая научная методика, строгий научный анализ» (Кожевников, 1901а, с. 11). Поэтому в собственных исследованиях, знакомясь с работами своих предшественников, он чуть ли не в первую очередь смотрел на их методологический раздел — какова их фактологическая основа, насколько хороши использованные методы и т. п.

По убеждению Кожевникова, сформировавшемуся по мере его углубления в пчеловодную тематику (см. раздел 4.3), только «*точные* факты […] составляют научный материал» (там же). На таком понимании значения исходных данных совершенно отчётливо видно влияние К.Ф. Рулье: в докладе «О животных Московской губернии» тот говорил, что «каждое наблюдение значительно, если оно истинно, безошибочно» (Рулье, 1845, с. 96; см. также далее). В связи с этим Г.А. протестовал против разного рода «дилетантских наблюдений и опытов, произведённых и производимых […] людьми без всякой естественноисторче-

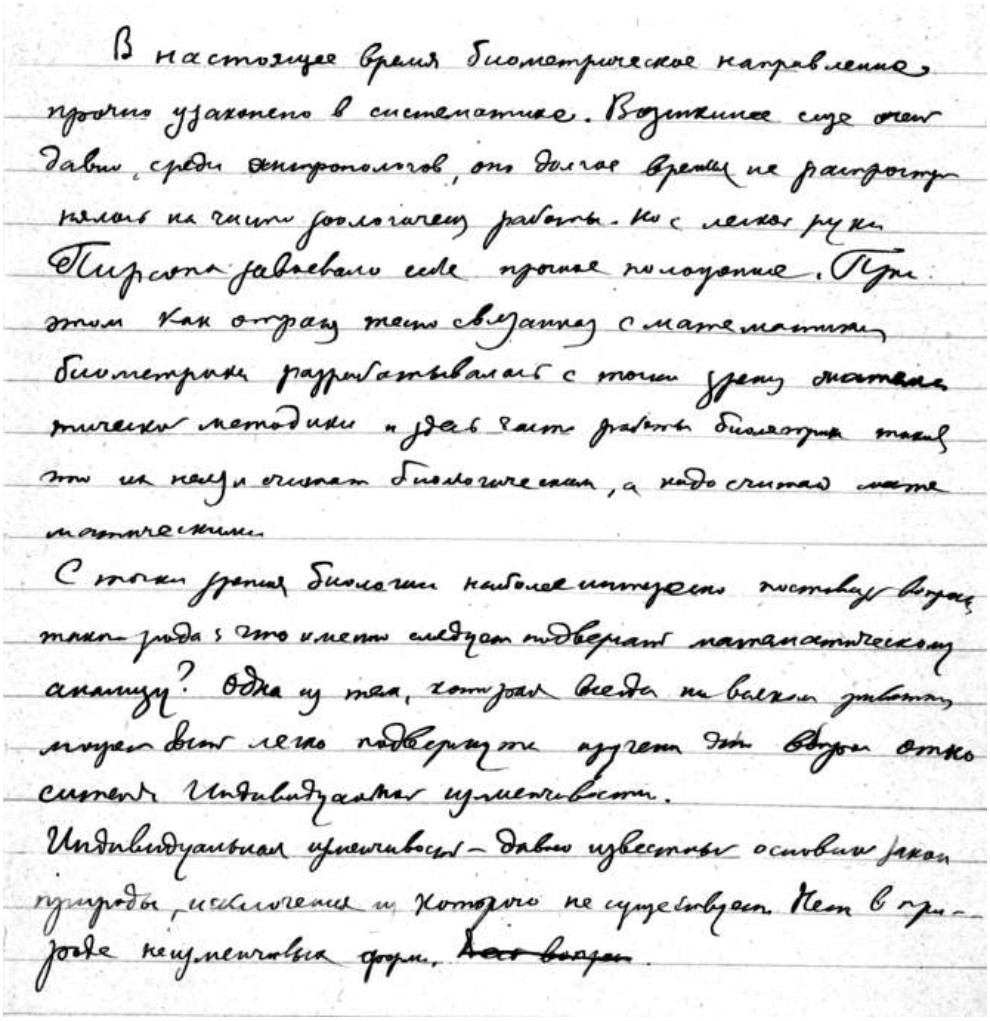
ской подготовки» (Кожевников, 1901а, с. 11). В частности, как грамотный музейщик, он предъявлял достаточно жёсткие требования к коллектированию научных экземпляров: где и сколько нужно собирать, как фиксировать, как этикетировать и т. п. (см. раздел 3.4). Соответственно, организуя фаунистические исследования, Кожевников в первую очередь снабжал их участников чёткими инструкциями методического характера; этим же он был озабочен, призывая добровольных помощников (например, охотников) содействовать таким исследованиям (см. раздел 6.3).

Хотя, как видно из предыдущего, Г.А. Кожевников отчётливо понимал решающее значение точных научных фактов для опытной науки, его представления о самом факте были несколько своеобразными. «Конечно, натуралисту всегда желательно опираться на факты», рассуждает наш учёный методолог, но при этом тут же оговаривает, что «недостаток [фактов] есть тоже факт, с которым приходится постоянно считаться». Поэтому исследователю на практике нередко приходится иметь дело с такой прискорбной данностью, как отсутствие надёжных фактов, и оставаться «по необходимости подолгу в области предположений, гипотез и рассуждений отвлечённого характера» (Кожевников, 1905а, с. [2]). Но при этом Кожевников считал, что «*наличность эволюции в природе есть не гипотеза, а факт*» (Кожевников, 1908в. Л. 34 [рук.])[2].

Будучи интуитивным методологом, Григорий Александрович приходил в отчаяние от того, что «при изучении […] животных мы до сих пор владеем ещё крайне несовершенными способами исследования» (Кожевников, 1901а, с. 11). По этой причине он живо интересовался новыми методологиями, в которых видел залог прогресса в тех науках, которыми занимался, и был уверенным, что «новые методы исследований окажут освежающее влияние на науку, освободив исследователей от предвзятых мнений, от заранее усвоенных теорий» (Кожевников, 1903г. Л. 29). В уже упоминавшемся черновике неопубликованной статьи «Полиморфизм и эволюция» Кожевников особо подчёркивает, что «для решения […] поставленных Дарвином проблем современная биология вооружена новыми методами, которыми не владел Дарвин» (Кожевников, 1924а. Л. 4). И его нимало не смущает, что «введение в научный обиход новых способов исследования создаёт необходимость перерабатывать заново некоторые наблюдения» (Кожевников, 1899б, с. 1); наоборот, он считает, что такая «переработка» лишь очищает биологическую науку от прежних заблуждений, основанных на недостоверных данных и непригодных методах.

Наиболее ярким примером увлечённости Г.А. новыми методами служит его интерес к «биометрике», основное достоинство которой он видел в соединении биологии с математикой и призывал пользоваться «измерениями везде, где это возможно» (см. раздел 3.5) (Кожевников, 1912в, с. 482). В публичной лекции, посвящённой изучению полиморфизма у животных (предположительно 1903 г.), он провозглашает: «Теперь начинается господство двух методов, экспериментального и математического, которые должны раскрыть нам многое» (Кожевников, 1903г. Л. 28об, 29). Кожевников одним из первых в России разглядел «блестящую будущность» в применении в систематике количественных и биохимических методов: он считал, что «в настоящее время биометрическое направление прочно узаконено в систематике» (рис. 3.5), и даже предложил термин «биометрическая систематика» (см. раздел 3.3) (Кожевников, 1923б. Л. 4, 6 [рук.]), и что биохимики «*могут явиться судьями в вопросах систематики и филогении*» (Кожевников, 1912в, с. 473). Оба эти его прогноза в настоящее время полностью оправдались; правда, получилось так, что из-за

[2] Как мы уже отметили выше (см. раздел 2.4), с точки зрения современной философии науки последнее утверждение неверно. Поэтому имеет смысл ещё раз подчеркнуть следующее. В данном случае фактом является первичное обобщение эмпирических данных о разнообразии организмов, тогда как суждение об эволюции — научная гипотеза, призванная объяснить это разнообразие в рамках определённого мировоззрения.

В настоящее время биометрическое направление прочно утвердилось в систематике. Возникшее еще очень давно, среди антропологов, оно долгое время не распространялось на чисто зоологическую работу. Но с легкой руки Пирсона завоевало себе прочное положение. При этом как отрасль тесно связанная с математикой биометрия разрабатывалась с точки зрения математических методик и для части работ биометрия такие не надо считать биологическими, а надо считать математическими.

С точки зрения биологии наиболее интересен постоянно возникающий вопрос: что именно следует подвергать математическому анализу? Одна из тех, которая всегда на виду, которая легко поддается учету. Это вопрос относительно индивидуальной изменчивости.

Индивидуальная изменчивость – давно известный основной закон природы, исключения из которого не существуют. Нет в природе неизменчивых форм. Нет вообще.

Рис. 3.5. Страница рукописного текста публичного доклада Г.А. Кожевникова «Современные направления систематики…» (1923 г.) с его рассуждением о значении биометрических методов в систематике (Кожевников, 1923б, Л. 4 [рук.])

тотальной «математизации» и «молекуляризации» указанных дисциплин «судьями» в них нередко оказываются не биологи, владеющие этими методами, а сами разработчики последних, не слишком сведущие в биологической проблематике (Павлинов, 2018).

К сказанному следует добавить, что столь же внимательно Г.А. относился к методологическим вопросам преподавания естествознания в средней и высшей школе. Он был горячим сторонником деятельностной системы обучения естественным наукам, которая подразумевает активное участие учащихся в образовательном процессе, и в связи с этим, в частности, придавал большое значение экскурсионному методу (см. раздел 2.4). Он полагал, что этот метод «должен найти себе самое широкое применение в преподавании естествоведения в школе», поскольку «непосредственное общение с живой природой» позволяет не только познакомиться с животными и растениями, но и привить подросткам любовь и бережное отношение к ней (Кожевников, 1921а. Л. 2, 5). Методологической по своей сути была и убеждённость Кожевникова, выводящаяся из идей евгеники, в продуктивности и необходимости отдельного обучения одарённых детей, позволяющего учителям максимально реализовать их богатые творческие задатки (Кожевников, 1908в).

Его «Инструкция оставляемому при МУ» фактически вся пронизана рассмотрением ме-

тодологических рекомендаций относительно того, каким образом начинающему учёному следует выбирать и планировать тему диссертации. Кожевников пишет, что надлежит браться за разработку только такого научного вопроса, который «мог бы быть решён […] при наличии необходимых технических приспособлений для каких-либо наблюдений или опытов». В противном случае, если для этого нет доступных приспособлений, удовлетворяющих «требованиям современной науки», исследование будет заранее обречено на неудачу (Кожевников, 1916б. Л. 2). Г.А. считает принципиально важным для учёных постоянно расширять научный кругозор, обретая необходимый научный багаж общезоологических знаний. При этом он апеллирует к некоему «принципу концентрического ознакомления», который «весьма полезен для общего развития» и позволяет «охватить предварительным общим взглядом весь вопрос», благодаря чему «некоторые [конкретные] вопросы предстают в ином освещении» (там же. Л. 4).

Впрочем, «методологизм» Кожевникова имел вполне эмпирический характер: как легко увидеть из его текстов, он не углублялся в специальное рассмотрение тех или иных принципов научной методологии, а ограничивался демонстрацией их приложений в интересующих его разделах зоологии. Так, в только что упомянутой «Инструкции» он рекомендовал студентам и оставляемым при МУ, предполагающим заниматься систематикой, «посвятить некоторое время ознакомлению с большими систематическими монографиями по какой-либо группе, с некоторыми специальными исследованиями, чтобы ознакомиться с *методикой* систематического исследования» их авторов (там же. Л. 5).

***

Первые относительно самостоятельные исследования Григорий Кожевников провёл по морским беспозвоночным под руководством А.П. Богданова в конце 1880-х гг. студентом-старшекурсником. Будучи оставленным в МУ при Музее зоологии для подготовки докторской диссертации, он по предложению того же Богданова сменил область занятий и приступил к изучению естественной истории домашней пчелы, в чём заметно преуспел: результатом стала двухтомная монография, за которую ему присвоили докторскую степень (см. раздел 4.2). Докторская работа вывела Г.А. на исследование и эволюционное осмысление, с одной стороны, социальной организации пчёл и других общественных насекомых и в связи с этим на зоопсихологическую тематику, а с другой стороны — на широкое обобщение закономерностей полиморфизма у животных. Эти два направления исследований Кожевникова показывают как широту его научных интересов, так и его выраженную склонность к весьма значимым эволюционным («спекулятивным» в хорошем смысле) объяснениям наблюдаемых фактов, не ограничиваясь «ползучим эмпиризмом».

Но очень скоро обширная преподавательская нагрузка по кафедре и административная по музею, а затем и активная вовлечённость в пропаганду идеи и в организацию охраны природы в России привели к тому, что в сфере интересов Г.А. собственно наука, начиная с середины 1900-х гг., оказалась задвинутой на второй план. В результате изыскания в области пчеловедения конца 1890-х и начала 1900-х гг. фактически оказались пиком его исследовательской активности в конкретной, достаточно узкой области зоологии. Он до конца жизни продолжал интересоваться пчелой, сделал несколько интересных открытий и написал несколько значимых руководств по пчеловодству (см. раздел 4.7) — и всё же, по-видимому, после защиты диссертации счёл эту тему для себя во многом исчерпанной, а других так и не начал.

В круг научных интересов Г.А. Кожевникова отчасти входил экспериментальный подход, который он использовал в двух исследованиях. В одном случае он участвовал в опытах по поведению животных, которые проводил в 1920-е гг. В.Л. Дуров в Зоопсихологической лаборатории (см. раздел 3.6). В другом случае экспериментально исследовалось влияние

условий выращивания куколок медоносной пчелы на характер метаморфоза, что позволило ему получить промежуточные формы между маткой и рабочей особью (см. раздел 4.4). Кроме того, он проводил опыты по выживанию некоторых водных беспозвоночных при разных условиях содержания (температура, чистота воды и т. п.) в аквариумах (см. раздел 3.7).

В биографической литературе иногда указывается, что Кожевников также занимался экспериментами по выращиванию водных беспозвоночных в условиях постоянной темноты (Волков, Куликова, 2003; Любарский, 2009); на самом деле он имел к этим опытам лишь косвенное отношение, создавая условия для их проведения, но сам не проводил. Наверное, его интерес вырос из ознакомления с организованной в Париже специальной «подземной лабораторией» для изучения влияния жизни пещерных животных в условиях полной темноты на развитие их органов чувств, о чём Кожевников написал в пространной заметке «Пещерные животные и новые опыты над ними» в газете «Русские ведомости» (Кожевников, 1899б). В связи с этим он устроил в 1904 г. в одном из подвальных помещений Зоомузея особую «тёмную комнату»: в ней несколько человек проводили опыты по влиянию темноты на развитие некоторых беспозвоночных и рыб, а полученный анатомический материал передавался для гистологических исследований проф. И.Ф. Огнёву (Отчет…, 1905, 1907).

Разносторонняя организационная (частью сугубо административная), научно-преподавательская и научно-просветительная деятельность Г.А. Кожевникова, не будучи «научной» в строгом смысле этого слова (т. е. исследовательской), тем не менее была тесно связана с его общенаучными интересами. Действительно, налаживание работы Зоомузея было успешным в той мере, в какой он осознавал значимость научных коллекций для развития классической зоологии. В частности, понимание эволюционного значения видового полиморфизма побуждало его поощрять сборы серийных материалов, а тесно связанные с зоогеографией фаунистические исследования стимулировали организацию экспедиционных работ. К налаживанию охраны природы в России Кожевников также подходил как весьма «подкованный» учёный-биолог, обосновывая цели природоохранного движения ключевыми идеями биоценологии, особенно о равновесии экосистем. Начав читать совершенно новый для него университетский курс зоогеографии, он достаточно серьёзно вник в основы этой дисциплины, написав по ней несколько интересных научно-популярных обзоров.

Во многом сам отрешившись от рутины научных исследований, Григорий Александрович активно и заинтересованно приобщал широкую публику к новым достижениям в сфере естественных наук, читая лекции и публикуя научно-популярные заметки в газетах и журналах по привлекающим его внимание вопросам. Он считал, что для учёного «совершенно отрекаться от популяризации науки положительно грешно» (Кожевников, 1911д. Л. б/н). При этом к популяризации естественнонаучных знаний Г.А. относился столь же серьёзно, как и к «добыванию» оных в процессе своих исследований или закапываясь в новейшую научную литературу. Такое его отношение видно из содержания публичных лекций и многочисленных рецензий на книги по достаточно обширной тематике. Приобщая публику к новым идеям в естествознании, Кожевников считал своим долгом излагать их строго научно, как он сам понимал эту «научность», в том числе подчёркивая предположительный (гипотетический) характер научных обобщений, обрамляя их изложение всевозможными «вероятно», «возможно», «быть может» и т. п., и непременно сопровождая изложение теорий (гипотез) указанием их фактической обоснованности. По этой причине он критиковал те издания, в которых авторы-профаны излишне категорично, а вместе с тем упрощённо и потому нередко ошибочно представляют те или иные теории, тем самым принося больше вреда, чем пользы, делу народного просвещения (напр., Кожевников, 1902г, 1904г).

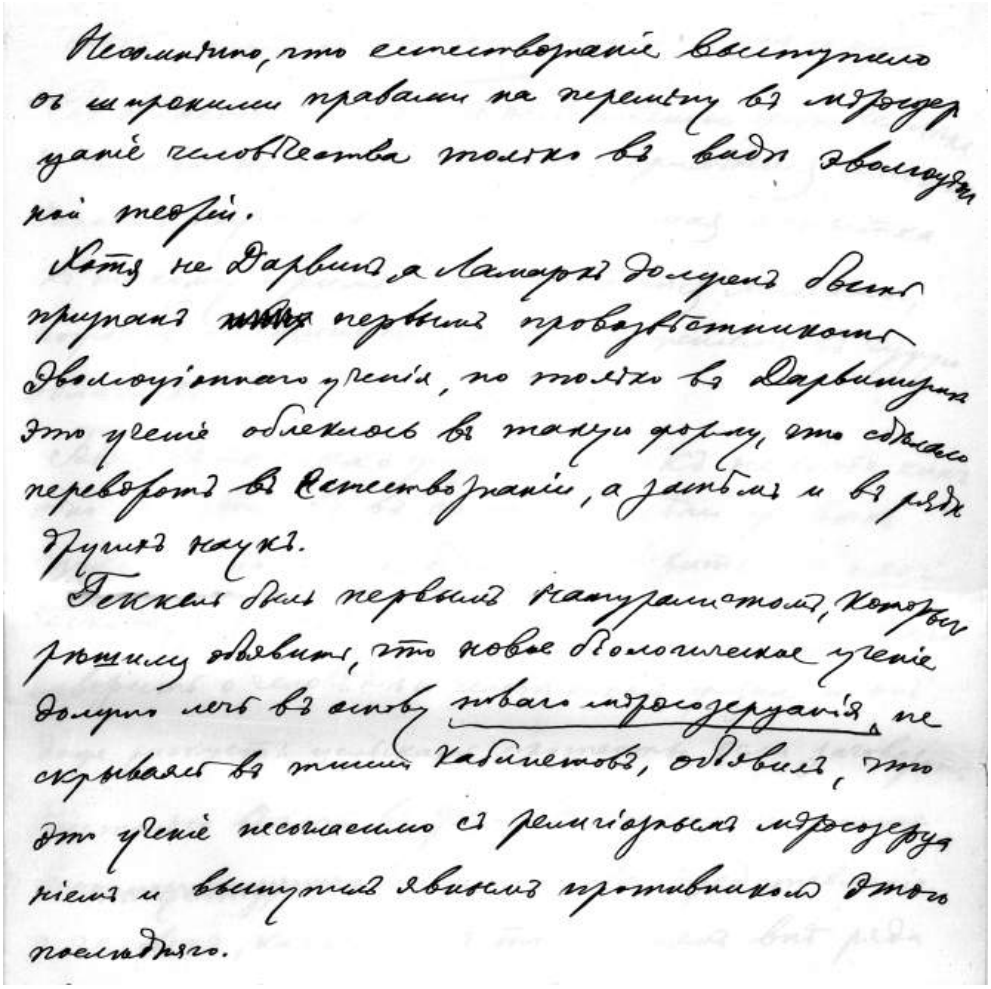
***

Г.А. Кожевников очень много читал: согласно одному формуляру, датированному 1919 г., в его личной библиотеке насчитывалось около 5.000 томов (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 328). Знакомясь из прочитанного с новыми идеями, методами и фактами естествознания, он стремился включать те из них, которые имели касательство к его интересам, в свою деятельность на ниве науки, просвещения и охраны природы. Вдобавок, хотя он и не был сугубым кабинетным теоретиком, по результатам ознакомления с научными открытиями в его голове иногда зарождались новые интересные идеи вполне фундаментального свойства — и это вряд ли было случайным, если принять во внимание, что его старший брат Владимир был весьма продвинутым философом-самоучкой (см. раздел 1.1). В результате наш профессор, благодаря своему неуёмному энтузиазму и большой научной смелости, нередко оказывался среди первопроходцев в продвижении разных научных новшеств.

Так, достаточно оригинальным для того времени было его убеждение в том, что внутривидовой полиморфизм является неотъемлемым и крайне важным атрибутом живой природы, требующим систематического комплексного изучения. Одним из первых Г.А. Кожевников стал обосновывать необходимость охраны дикой природы ссылкой на принцип экологического равновесия — краеугольный в зарождающейся науке биоценологии. Григорий Александрович был пионером среди российских биологов в пропаганде идей евгеники — новой дисциплины, находящейся в то время на подъёме. Его догадка о том, что в зоопсихологических опытах животное — не пассивный «объект», но столь же активный участник, что и человек, намного опередила своё время. Кожевникова также можно причислять к первым разработчикам современной системы критериев сравнительно-анатомической гомологии, которые он применил в изучении желез у пчёл. Как указано выше, в России Г.А. в числе первых предсказал «блестящую будущность» биохимическим методам систематики и побуждал зоологов применять количественные методы «биометрики» при изучении разнообразия организмов. Он раньше многих других в зоологии стал придавать особое значение изучению внутривидовой изменчивости в систематике. Наконец, Кожевников первым в России стал читать курс зоогеографии, полагая её «новым течением в науке».

В целом, если пчеловоды и природоохранители, более обращённые к сугубо практической деятельности, обыкновенно отзываются о Г.А. Кожевникове как о выдающемся учёном-биологе, то в представлении некоторых своих учёных коллег и даже учеников он не сотворил в науке ничего особо примечательного (Кузин, 1999; Тимофеев-Ресовский, 2008; Савин, 2015). Разумеется, в такой не слишком лестной оценке присутствует значительная доля субъективизма: каждый исследователь склонен видеть нечто примечательное лишь в той области, которая очерчена его собственным научным интересом. По этой причине многие важные идеи героя нашей книги долгое время оставались незамеченными, их место в жизнеописаниях Г.А. занимали весьма подробные изложения неких жизненных коллизий (напр., Кузин, 1999; Малахов, 2005, 2006). И всё же следует признать, что отчасти в таком мнении есть толика истины: если научную «выдающесть» конкретной учёной персоны измерять степенью новизны её личного вклада в приращение текущего научного знания, тиражируемого в журнальных и книжных публикациях, то по такой мерке Кожевников действительно не был столь же «выдающимся» учёным, как, скажем, его более молодые коллеги Н.К. Кольцов и С.С. Четвериков, начинавшие как классические описательные зоологи, а затем ушедшие в зарождающуюся экспериментальную биологическую науку.

Но тут надобно принять во внимание, что преподавательская, просветительская и организационная деятельность Г.А. Кожевникова сама по себе оказала весьма значительное положительное влияние на развитие отечественной зоологии в первой половине XX в. именно благодаря тому, что он глубоко понимал содер-

Несомненно, что естествознание выступило со широкими правами на перемену в мировоззрении человечества только в виде эволюционной теории.

Хотя не Дарвина, а Ламарка должен весь признать первым провозвестником эволюционного учения, но только в Дарвинизме это учение облеклось в такую форму, что сделало переворот в естествознании, а затем и в ряде других наук.

Геккель был первый натуралистом, который решился заявить, что новое биологическое учение должно лечь в основу нового мировоззрения, не скрываясь в тиши кабинетов, объявил, что это учение несогласимо с религиозным мировоззрением и выступил явным противником этого последнего.

Рис. 3.6. Страница рукописного текста доклада Г.А. Кожевникова о естествознании (1900-е гг.) с изложением его взгляда на соотношение между эволюционным и религиозным «миросозерцанием» (Кожевников, 190?а. Л. 6)

жание и значение науки, того, что на неё влияет и на что влияет она сама. И с точки зрения заповеди Христовой «судить их по плодам их», его вклад в российскую зоологическую науку воспитанием нескольких десятков весьма заметных в научном отношении учеников, а также развитием фундаментальной коллекционной базы этой науки, несомненно является выдающимся — точно так же, как вклад его учителя А.П. Богданова, наиболее ярким последователем и выразителем устремлений коего в науке и просвещении был герой нашей книги.

3.2. Эволюционная идея

Рассуждая о том, что естествознание не может успешно развиваться вне вполне определённого — а именно материалистического — мировоззрения (которое он называл «миросозерцанием»), Г.А. Кожевников имел в виду прежде всего и главным образом эволюционное учение. Он прямо указывал на это в выше упомянутом докладе о прогрессе в естествознании: «Несомненно, что естествознание выступило с широкими правами на перемену в миросозерцании человечества только в виде эволюционной теории», причину чему Г.А. (со ссылкой на Э. Геккеля) усматривал в том, «что это учение несогласимо с религиозным миросозерцанием и выступило явным противником этого последнего», хотя «наблюдается […] и среди философов, и среди натуралистов стремление примирить непримиримое, согласовать несогласимое» (рис. 3.6) (Кожевников, 190?а. Л. 6). Рассуждая о прогрессе в естествознании, Кожевников

связывал становление «научной биологии» именно с появлением эволюционного учения и, между прочим, на этом основании полагал, что «научная биология очень молода — ей всего пятьдесят лет», имея в виду выход книги Ч. Дарвина «О происхождении видов» (там же. Л. 5). И всё же, несмотря на такую «молодость», по его мнению, «влияние эволюционной теории на развитие всех наук считается весьма значительным, и это можно признать верным [ибо] нет такой области знания, которой бы не коснулось это влияние» (там же. Л. 8).

Григорий, как мы отметили выше, ещё гимназистом познакомился с учением Дарвина (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 40). Правда, он воспитывался в весьма религиозной семье и в раннем юношестве сам был религиозен (см. раздел 6.1). Как можно с достаточным основанием полагать, в его весьма активном интеллектуальном развитии в естественонаучном ключе в период университетской учёбы важную роль сыграл А.П. Богданов — убеждённый дарвинист. Действительно, в первом томе своей «Зооологической хрестоматии» последний писал, что для объяснения биологической эволюции «путь, предложенный Дарвином [—] единственно возможный» (Богданов, 1862–1865, с. 504). В результате Г.А. уже в начале 1890-х гг. выступал как последовательный эволюционист-дарвинист, считая всё разнообразие организмов результатом биологической эволюции под действием отбора (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 19, 33). Начиная со второй половины 1890-х гг. в его сочинениях неизменно присутствуют эволюционные толкования полиморфизма животных, зоогеографии, истории человечества и др.

Эту основополагающую идею Г.А. стремился донести до студентов, выражая её по-разному в разных своих лекционных курсах. Так, в вводной лекции по зоогеографии он подчёркивает, что эволюционное учение «является основным учением всего современного естествознания» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 12об), а во введении в общую зоологию предупреждает, что «через весь курс строго и последовательно проводится идея эволюции» (там же. Ед. хр. 146. Л. 1об). Разбирая основания зарождающейся исторической зоогеографии, он уверяет, что «связь настоящего с прошлым никогда не надо упускать из виду» и для того, «чтобы *понять* фауну, нужно выяснить её *историю*», поэтому «без помощи геологии мы не можем объяснить кажущихся на первый взгляд весьма загадочными зоогеографических данных» (Кожевников, 1908а, с. 74, 77, 78). Рассуждая в таком ключе о «туземных видах», Г.А. отмечает, что хотя «непосредственному наблюдению явление [происхождения] не подлежит, […] указания [на него] даёт нам наука об ископаемых — палеонтология» (там же, с. 82). Твёрдо стоя на этой эволюционной основе, он видит резкие фаунистические различия между Южной и Северной Америками «опять-таки в истории Земли: связь обеих Америк перешейком явление позднейшее» (там же, с. 91).

Основной смысл эволюционного учения Г.А. передаёт весьма пафосно, утверждая, что «существует *великий закон* эволюции, в силу которого всё существующее произошло в результате постепенных изменений ранее бывшего» (Кожевников, 1930б, с. 190). В более развёрнутой форме этот «закон» выглядит так: «Всё бесконечное разнообразие органического мира, начиная с простейших одноклеточных организмов и кончая человеком, явилось результатом весьма продолжительного постепенного развития в направлении от низших форм к высшим». При этом он уверен, что «*наличность эволюции в природе есть не гипотеза, а факт*» (Кожевников, 1908в. Л. 32 [рук.]); выше мы писали, что такое представление эволюции некорректно.

Г.А. Кожевников верно указывает, что «истинным творцом эволюционного учения был французский учёный *Ламарк*, но оно получило первенствующее значение в научном мире лишь после того, как вылилось в формулы, предложенные *Дарвином*» (Кожевников, 1908в. Л. 32 [рук.]). Отдавая историческое должное Ламарку, Г.А. вторит Богданову и утверждает, что «только в дарвинизме [эволюционное] учение облеклось в такую форму, что сделало

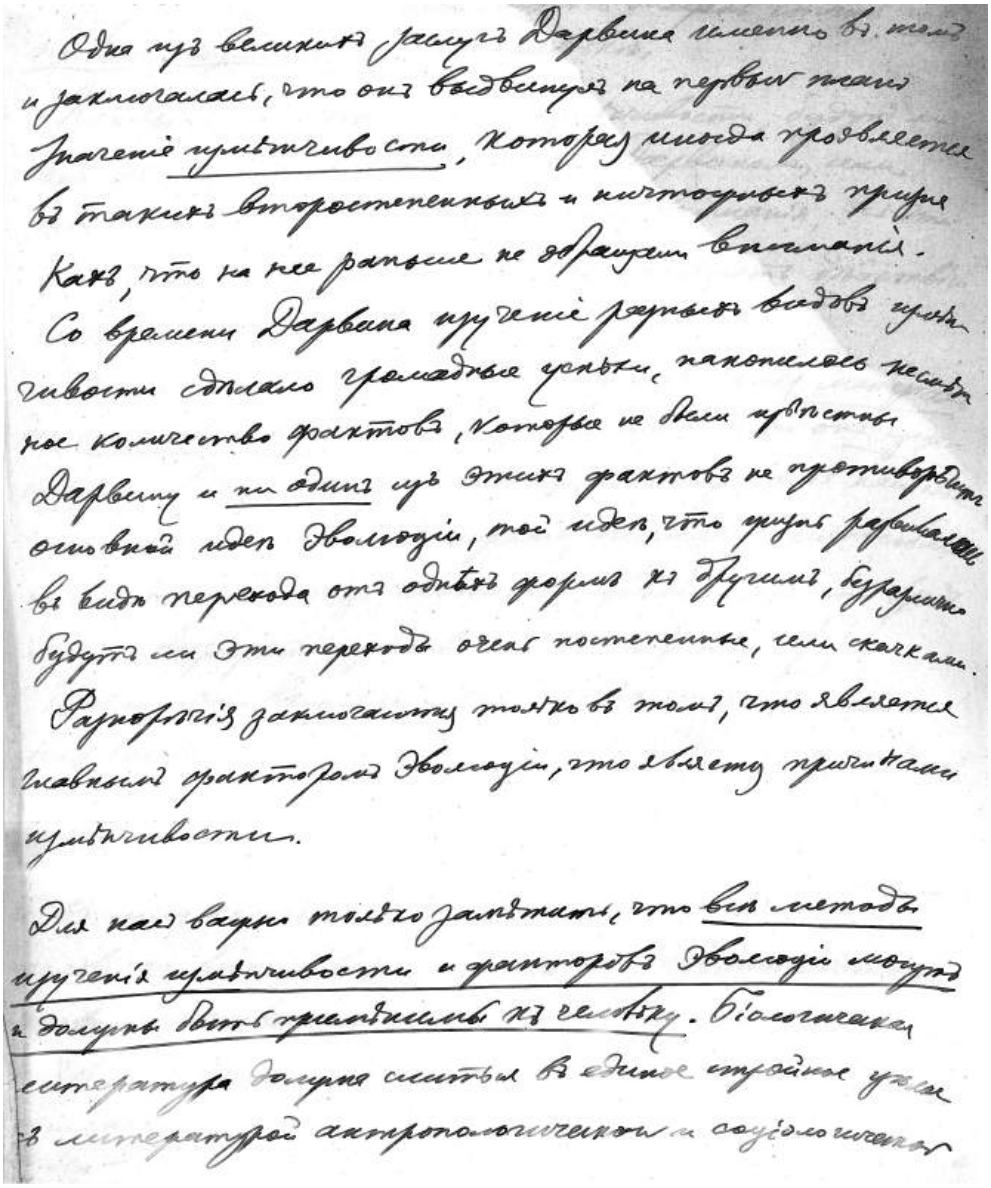

Рис. 3.7. Страница рукописного текста публичной лекции Г.А. Кожевникова «Будущее человека» (1908 г.) с изложением его взгляда на соотношение между отбором и изменчивостью (Кожевников, 1908в. Л. 36 [рук.])

переворот в естествознании, а затем и в ряде других наук» (Кожевников, 190?а. Л. 6). Он считает, что «одна из великих заслуг Дарвина именно в том и заключалась, что он выдвинул на первый план значение *изменчивости*» и утвердил, что «все эти проявления изменчивости должны подлежать действию естественного отбора» (рис. 3.7) (Кожевников, 1908в. Л. 35, 36 [рук.]). Уделяя особое внимание внутривидовой изменчивости и отбору наследственных признаков, в характерном для того времени противостоянии дарвинизма и ламаркизма наш профессор был несомненным и весьма последовательным сторонником первого. Важно отметить, что в сознании Г.А. «дарвиновские формулы» уже отчасти соединялись с новыми идеями зарождающейся генетики, которые он привлекал для объяснения некоторых явлений полиморфизма (см. раздел 3.5), т. е. это уже был почти неодарвинизм.

Рассматривая биологическую эволюцию с самых общих позиций, Григорий Александрович утверждает (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 1) следующее.

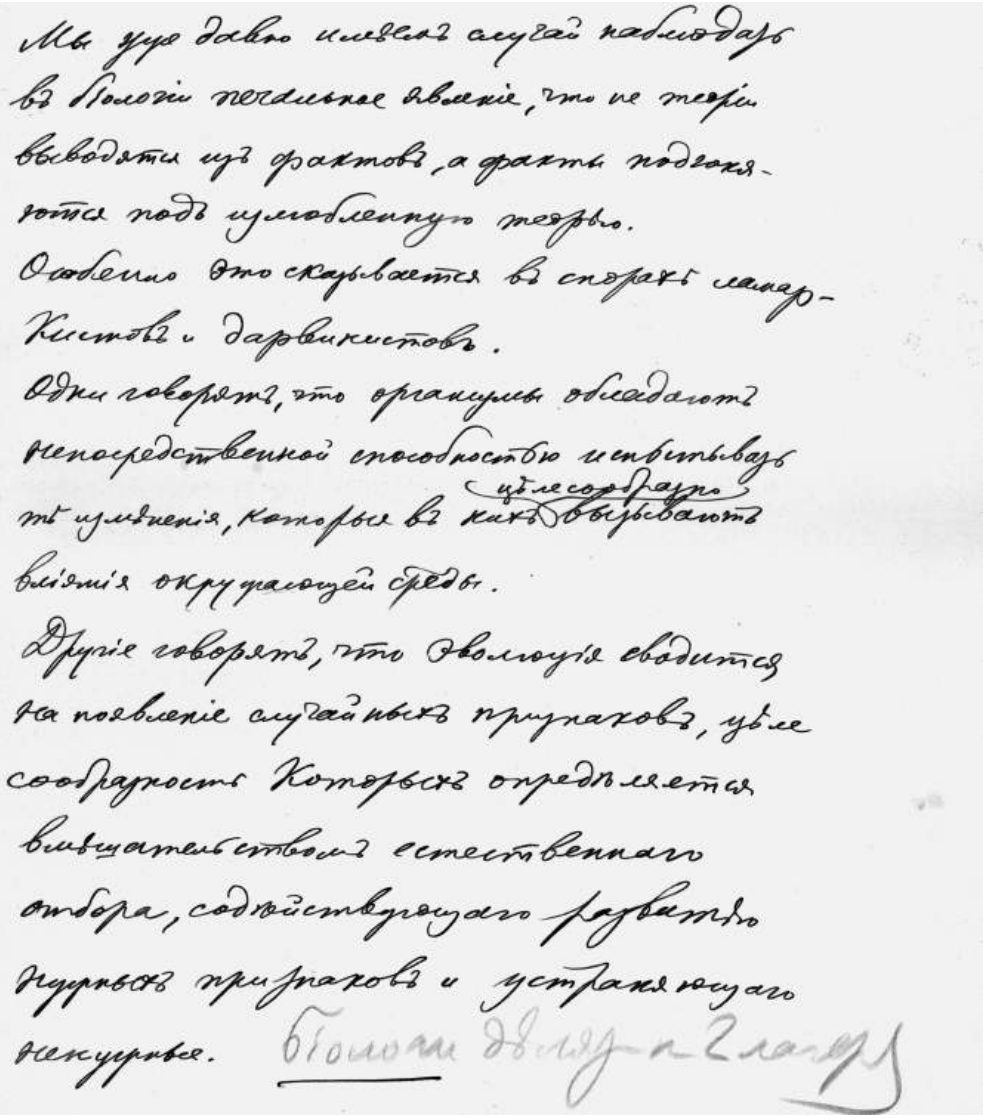
> Вопрос о происхождении всего бесчисленного разнообразия животных и растительных форм является самым сложным, самым трудно разрешимым вопросом биологии. В известной своей части вопрос этот совершенно неразрешим, мы никогда не узнаем, как возникла жизнь на Земле. Все рассуждения на эту тему носят характер *предположений*, не приводящих нас к знанию.

Как следствие, полагая дарвиновский отбор ведущей силой эволюционного процесса, Кожевников тем не менее признаёт, что мы не знаем «те законы, которые эту эволюцию направляют» (Кожевников, 1924а. Л. 1). На этом основании в его понимании эволюционное учение предстаёт как «эволюционная проблема», и «крайняя сложность эволюционной проблемы имеет своим результатом то, что идут бесконечные споры относительно факторов эволюции» (там же).

Одну из причин таким образом понимаемой проблемности эволюционного учения Г.А. видит в том, что учёные стремятся свести многообразие действующих в природе причин к какой-то одной доминирующей сообразно той или иной концепции эволюции (ламаркизм или дарвинизм, ортогенез или тихогенез, микро- или макроэволюция и т. п.). Считая привязанность к той или иной теории или концепции проявлением «партийной ограниченности», он сокрушается по поводу того, «что не теории выводятся из фактов, а факты подгоняются под излюбленную теорию. Особенно это сказывается в спорах ламаркистов и дарвинистов» (рис. 3.8) (Кожевников, 1903г. Л. 29). Стремясь исповедовать принципы «беспартийности науки» и отчасти дополнительности, о которых мы упомянули ранее, Кожевников вместе с австрийским ботаником Р. Веттштейном (Richard Wettstein) удивляется тому, что почему-то для многих биологов «эти две теории *взаимно исключают* друг друга» (там же. Л. 30). Сам же он в тексте «Полиморфизм и эволюция» пишет (Кожевников, 1924а. Л. 19) с достаточной определённостью:

> Будем помнить, что на одном и том же животном одновременно проявляются и наследственность, и изменчивость, как генотипическая, так и фенотипическая, что в одном и том же объекте проявляется и влияние среды, и стойкость по отношению к среде, что благоприобретённые признаки могут и наследоваться, и не наследоваться, что одновременно существуют и мутации, и флюктуирующая изменчивость, что существует ортогенез, но не менее суще[ственен] и естественный отбор, что в одном и том же организме проявляется и приспособленность к среде, а в других относит[ельная] неприспособленность, что рядом с целесообразностью существует в природе и дисгармония.

Другую важную причину проблемности Кожевников видит в том, что эволюционисты не там ищут те фактические данные, которые позволили бы надёжно установить искомые законы эволюции. Будучи сторонником дарвиновской м*и*кроэволюционной концепции, основное внимание уделяющей (в отличие от геккелевой м*а*кроэволюционной) тем изменениям, которые происходят на низших уровнях разнообразия организмов, он считает, что «направление внимания исследователей на выяснение взаимоотношений и родственных связей между *мелкими* группами является […] залогом успеха в изучении эволюционной проблемы» (там же. Л. 8). Эту точку зрения Г.А. обосновывает в докладе «Полиморфизм в мире животных» (1930 г.) следующим образом. «Когда мы говорим об эволюции в крупном масштабе […], нам приходится иметь дело с недостаточным факт[ическим] материалом и с данными, трудно поддающимися анализу, и выводы наши по необходимости весьма гадательные». Но «когда мы изучаем вопрос об эволюции более мелких групп, об эволюции видов, вопрос упрощается и нам легче выяснить пути происхождения видов, чем более крупных систематических групп». Ещё более ясной для Г.А. представляется картина эволюционных преобразований «*в пределах одного вида*»: в таком случае «наш анализ явления будет всё

Мы уже давно имеем случай наблюдать в биологии печальное явление, что не теории выводятся из фактов, а факты подгоняются под излюбленную теорию. Особенно это скрывается в спорах ламаркистов и дарвинистов. Одни говорят, что организмы обладают непосредственной способностью испытывать те изменения, которые в них (целесообразно) вызывают внешние окружающей среды. Другие говорят, что эволюция сводится на появление случайных признаков, целесообразность которых определяется внешним естественного отбора, содействующего развитию нужных признаков и устраняющего ненужные.

Рис. 3.8. Страница рукописного текста публичной лекции Г.А. Кожевникова «Полиморфизм в животном царстве» (1903 г.) с изложением его взгляда на бесплодность споров между ламаркистами и дарвинистами (Кожевников, 1903г. Л. 29)

точнее и точнее». Следовательно, «изучая явления полиморфизма с эвол[юционной] точки зрения, мы можем подходить к выяснению причин и хода эволюционного процесса» наиболее близко (Кожевников, 1930а. Л. 17). В этой связи примечательно мнение Кожевникова о том, что «половые различия однородны с отличиями видовыми» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 10), поэтому изучение и объяснение происхождения этих различий может стать ключом к пониманию каких-то важных механизмов происхождения видов (см. разделы 3.5, 4.4).

Следует иметь в виду, что, вопреки канонам дарвинистического учения, Г.А. был весьма склонен к выше упомянутому ортогенетическому толкованию исторического развития, согласно которому основные эволюционные события осуществляются на макроуровне. В общем случае он считал, что глобально биологическая эволюция направлена в сторону прогресса, т. е. от низших форм жизни к высшим, включая общее усложнение организмов. В частных случаях он нередко придерживался такого же толкования: так, в изложении истории семейства лошадиных (Equidae) Кожевников утверждает, что «все те мизерные эоценовые и миоценовые лошадки с четырёх- или трёхпалыми [ногами] жили только для того,

чтобы путём их вымирания шла эволюция к совершенному типу современной лошади» (Кожевников, 1908ж. Л. 57). Из этого видно, что кожевниковские представления об эволюционной предопределённости включают некий неявный элемент макроэволюционного фатализма, который имеет двоякий смысл. С одной стороны, как видно из только что приведённого примера с лошадьми, он считал, что низшие формы возникают лишь как некие промежуточные ступени эволюции, ведущей к высшим формам. С другой стороны, этот фатализм означает признание конечности существования и неизбежность вымирания всякой группы организмов. Г.А. был убеждён, что всё рождённое к жизни обречено в конечном итоге на смерть — и это верно в отношении жизни и индивидов, и видов, включая биологический вид человека, и даже целых фаун (об этом см. далее). Впрочем, в таком толковании эволюции он не был законченным ортодоксом, полагая, что полной предопределённости в историческом развитии в целом нет: направление эволюционной специализации организмов может меняться с прогрессивного на регрессивное.

Не углубляясь в сущность эволюционных законов, Кожевников считает принципиально важным для понимания их действия различать *«бластогенные»* и «*соматогенные*» свойства организмов. Первые устойчивы относительно воздействий внешней среды и передаются без изменений от предков к потомкам, вторые меняются под внешними воздействиями, но результаты этих изменений потомкам не передаются. При этом, согласно представлениям нарождающегося неодарвинизма, он считает, что всякая «врождённая *бластогенная* особенность […] заложена ни в чём ином как в *зародышевой протоплазме* и будет передана путём полового размножения с той же зародышевой протоплазмой будущим поколениям», тогда как ни одно соматогенное приобретение «по наследству не передаётся» (Кожевников, 1908в. Л. 17, 18 [рук.]).

Несколько детализируя своё понимание ключевой роли «бластогенных» свойств организмов в эволюции, Кожевников указывает спекулятивную концепцию уже упоминавшегося нами С. Чулока, который разделяет два способа возникновения эволюционной новизны. Один из них связан с появлением действительно новых структур (*Oekogenese*), другой — с реализацией существующих в организме потенций (*Oekologismus*). Г.А. отмечает, что «по отношению к изучению факторов [появления новых форм] во втором случае дело обстоит совсем иначе, чем в первом» (Кожевников, 1923б. Л. 16 [рук.]). По его мнению, «особенности взрослых [организмов] суть указания на особенности зародышевой плазмы» (там же): тем самым он неявно подчёркивает онтогенетический характер эволюционного возникновения новых дефинитивных структур организмов. При желании это можно рассматривать как намёк на предвосхищение идей современной эволюционной биологии развития, известной по английской аббревиатуре «evo–devo» (о ней см., напр., Minelli, 2003).

Эволюционное мировоззрение Кожевникова вполне ожидаемым образом проявилось в отрицании им исключительного положения человека в мире, проповедуемого церковью на основе библейской легенды о сверхъестественном миротворении. Отталкиваясь от идей, содержащихся в основополагающих трудах Дарвина и Геккеля, он считает, что «жизнь всего рода человеческого лишь капля в море всей животной жизни [он лишь] один из представителей животного царства» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 4), на каковом основании утверждает, что «положение человека в природе как высшего животного обязывает науку искать объяснение явлений человеческой жизни в явлениях, общих низшим представ[ителям] животного царства, и в общих биологич[еских] законах» (рис. 3.9) (там же. Л. 5). Поэтому в своей публичной лекции о будущем человека, о которой мы уже упоминали выше и будем рассматривать далее (см. раздел 3.6), Г.А. уверяет своих слушателей, что при обсуждении прошлого, настоящего и будущего человечества необходимо «исходить из естественноистори-

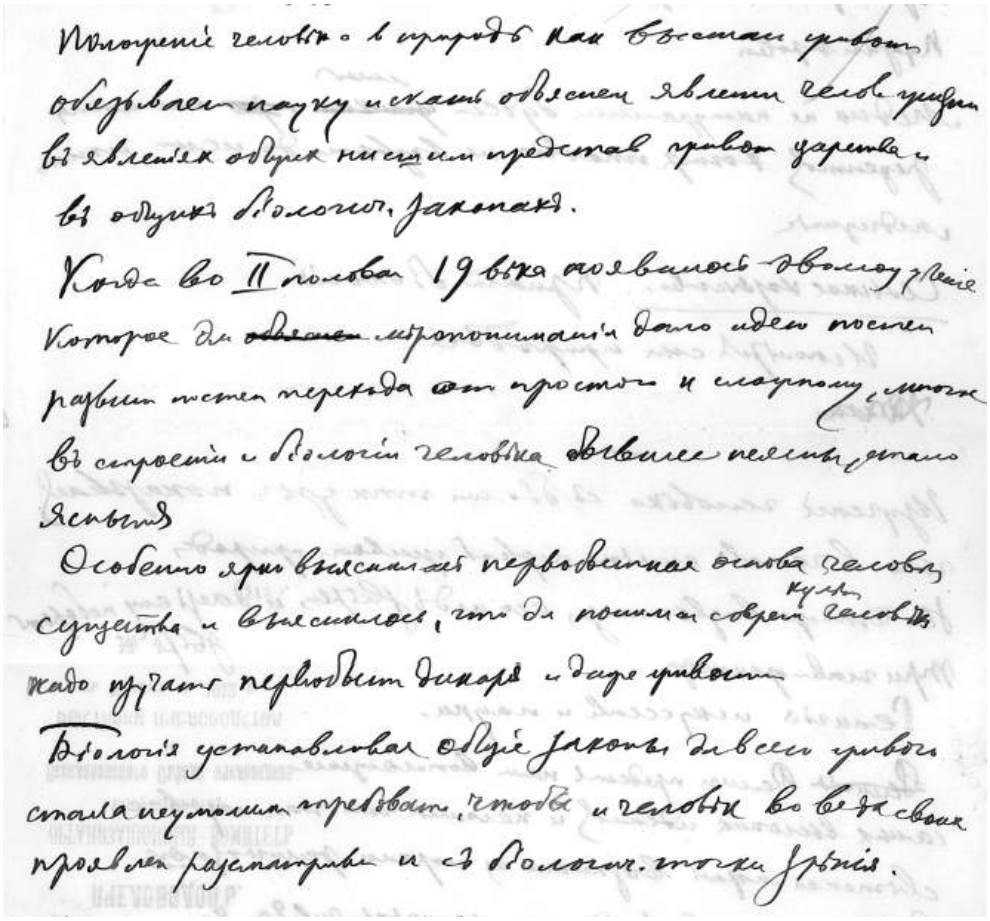

Рис. 3.9. Страница рукописного текста лекции Г.А. Кожевникова (без названия, 1914 г.) с его рассуждением о применимости общих биологических законов к человеку (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 5)

ческих данных и […] принимать во внимание биологические законы» (Кожевников, 1908в. Л. 4 [рук.]) и «что все методы изучения изменчивости и факторов эволюции могут и должны быть применимы к человеку» (там же. Л. 35 [рук.]). При этом вера Кожевникова в силу дарвиновского учения настолько глубокая и всеобъемлющая, что к нему он обращается и в поисках естественных («биологических») причин, объясняющих общественные явления; в частности, несостоятельность социалистической идеи он обосновывает тем, что она противоречит дарвинизму (см. раздел 3.6).

Среди эволюционных законов, которые надлежит применять к объяснению истории развития человека и человеческого общества, одним из главным Г.А. считает закон «борьбы за жизнь», выступающей (по Дарвину) в качестве ведущего механизма естественного отбора. К этой мысли, которая станет ключевой для формирования его евгенических убеждений (см. раздел 3.6), Кожевников приходит уже в начале своей научной карьеры: об этом свидетельствует рукопись его неопубликованной статьи «Голод как фактор отбора», датируемая 1901 г. (Кожевников, 1901б). Рассматривая с такой точки зрения судьбу человечества, он заключает, что прогрессивная эволюция вида *Homo sapiens* в конечном итоге привела к снижению животворного действия «дарвиновского» механизма эволюции, грозящему деградацией человека как биологического и социального существа. Развивая эту идею, Г.А. считает необходимым разработать механизмы искусственного отбора, позволяющего сознательно и целенаправленно освобождать человеческое общество от «биологического балласта». Полагая, что «звериные способы “борьбы” недопустимы для человека»

(там же. Л. 6) и вместе с тем веря во всесильность действия отбора, будь то естественный или искусственный, наш профессор затрагивает один из весьма болезненных и животрепещущих социальных вопросов — о войне. Он считает, что «война не есть случайное явление, а есть выражение обязат[ельного] биологического закона борьбы» за жизнь (Кожевников, 1914а. Л 65), и на этом основании уверен, что человечество обречено на ведение войн, хотя технологический прогресс и делает их всё более «ужасными».

К дарвиновской теории естественного отбора Григорий Александрович также обращается, обосновывая свой принцип абсолютной заповедности (см. раздел 5.2). Он пишет (Кожевников, 1909е, с. 373), что

> хищники являются до некоторой степени *полезными* в охотничьих хозяйствах, так как они содействуют проявлению закона естественного отбора, важное значение которого в жизни природы было, как вы, конечно, знаете, так ярко выставлено Дарвином. […] Подобные факты являются для нас весьма важными доказательствами существующего в природе закона равновесия между различными представителями фауны.

На этом основании он заключает, что в дикой природе «не надо ничего устранять, ничего добавлять, ничего улучшать. Надо предоставить природу самой себе», чтобы действовал присущий ей «закон равновесия» (Кожевников, 1909г, с. 26).

***

Важной частью общих эволюционных воззрений Г.А. Кожевникова является такое понимание вида и его роли в эволюции живой природы, которое несколько десятилетий спустя будет названо «популяционным мышлением» (Майр, 1974). Оно означает, что во временно́м длении жизни на Земле ключевое значение имеют не столько отдельные особи, сколько популяции и виды как определённым образом организованные их совокупности. Согласно этому в лекции о будущем человека наш герой утверждает, что «природа везде *неукоснительно* ставит интересы вида выше интересов индивидуума» и это «будущее надо рассматривать не с точки зрения благоденствия особей, а с точки зрения благоденствия всего вида» (Кожевников, 1908в. Л. 61, 81 [рук.]). Эта мысль повторена в лекции о прогрессе естествознания: «С биологической точки зрения интересы рода, племени, вида стоят *выше* интересов индивидуума и тут говорит простой здравый смысл: индивидуумы гибнут, вид остаётся» (Кожевников, 190?а. Л. 39). Из этого он заключает, что рациональная, биологически обоснованная социальная политика должна разрабатываться в расчёте на будущее улучшение человека как биологического вида, а не на сиюминутное сохранение отдельных человеческих особей.

Такое понимание вида как особого биологического феномена тесно связано с его уподоблением живому организму: в этом отношении Кожевников, как можно думать, следует выше упомянутой весьма популярной в XIX в. натурфилософской идее *организмизма*, согласно которой Природа и каждая её часть есть особый живой «суперорганизм» (Ф. Шеллинг и его последователи-натуралисты К. Бэр, Ф. Тидеманн, Э. Геккель и др.). Эта идея вырастает у нашего профессора из размышлений о том, что все биологические единицы, будь то индивидуумы или виды или даже совокупности большей общности, рождаются, живут и умирают — и в этом отношении они действительно подобны друг другу. В лекции, посвящённой вымиранию животных и читанной им в 1908 г. в Москве в Музее прикладных знаний (Кожевников, 1908ж. Л. 2, 4), он восклицает:

> Ведь рядом с индивидуальной жизнью, с рождением и смертью индивидуума есть рождение, жизнь и смерть *вида*, о котором мы редко думаем. […] Но что такое *видовая* жизнь? Что такое жизнь не отдельной особи, а целой совокупности особей? Что такое смерть вида? Что такое рождение вида? Кроется ли что-нибудь реальное за этими понятиями?

Ответ самого Кожевникова на эти вопросы вполне определённый. Его понимание вида

реалистическое (в философском смысле), согласно чему он утверждает (там же. Л. 5):

> В понятии о виде есть несомненно доля отвлечённого, но в то же время в этом понятии есть нечто глубоко *реальное*. Реальность этого понятия ускользает от нас, когда мы имеем дело с видом широко раскинувшимся, с видом изменчивым. […] В действительности же вид есть нечто вполне реальное, вполне уловимое для нашего понимания, во всей своей совокупности.

Это же заключение Г.А. считает верным в отношении подвида как особой природной единицы. Разбирая в названной лекции пример с зубром, он говорит о том, что два его подвида, беловежский и кавказский, столь же реальны, как и сам вид. Их реальность заключается в том, что «каждая из этих биологических групп, из этих двух подвидов, имеет свою определённую судьбу» (там же. Л. 7).

Реальность вида, как и индивидуума, Кожевников-натурфилософ трактует виталистически, наделяя его особым атрибутом — некой «видовой *сущностью*», которую он называет «*жизненной силой*», или «*жизненной энергией*». Своего рода носителем этой «силы», этой «энергии» является столь же гипотетическая «видовая субстанция, видовое живое вещество» (Кожевников, 1924а. Л. 7об). В такой трактовке, кроме организмизма, очевидным образом усматривается наивный аристотелизм. Действительно, согласно Аристотелю, каждое природное событие, в том числе вымирание вида, должно непременно иметь свою естественную причину. Если вымирание вида мы не можем объяснить какой-либо действующей внешней причиной (*causa proximalis* Аристотеля), такой как резкое изменение условий обитания или прямое истребление человеком, значит, должна быть внутренняя причина (материальная, *causa materialis* Аристотеля). Её действие как раз обусловлено некой скрытой «видовой сущностью» — «жизненной силой», или «жизненной энергией».

Столь сильное допущение, берущее своё начало в натурфилософских организмических воззрениях, необходимо Г.А. для естественного объяснения тех случаев вымирания видов, за которыми как будто не видно никакой внешней причины. Он предполагает, что запас «жизненной силы» («энергии»), присущий каждой эволюционирующей группе организмов, ограничен. Последнее означает, что на каком-то этапе эволюции вида его «жизненная сила» оказывается исчерпанной, что обязывает исследователя «непременно […] допустить это биологическое явление *старения*, одряхления *вида*, совершенно параллельное одряхлению индивидуума» (Кожевников, 1908ж. Л. 24). Из-за этого «каждая форма имеет свой жизненный цикл, заканчивая который, она сходит» с жизненной сцены (там же. Л. 47); иными словами, «старение» вида само по себе может служить одной из причин его вымирания даже при отсутствии негативных внешних воздействий.

Основным атрибутом «жизненной силы» организма, обеспечивающим существование как его самого, так и его вида, Г.А. Кожевников считает *приспособленность*. Именно и только благодаря этому своему ключевому свойству «хорошо приспособленное к окружающей среде животное может процветать и благоденствовать. [Напротив,] плохо приспособленные обречены самой судьбой на вымирание. Не нужно никаких особенно дурных обстоятельств для того, чтобы это вымирание совершилось» (там же. Л. 34, 35). На этом основании (повторим) Григорий Александрович считал возможным плохо приспособленный организм рассматривать «как какой-то неудачный опыт природы, как какую-то пробу творчества этой природы, пробу неудачную, которая по существу обречена на гибель» (рис. 3.10) (там же. Л. 35).

Как мы отметили выше, виталистическая натурфилософия Кожевникова распространяется на всю живую природу, которая в его «миросозерцании» наделена творческой активностью. Пытаясь понять законы эволюции с этой точки зрения, Г.А. видит действие виталистического принципа даже за «великой загадкой смены одних фаун другими», при которой «вымира-

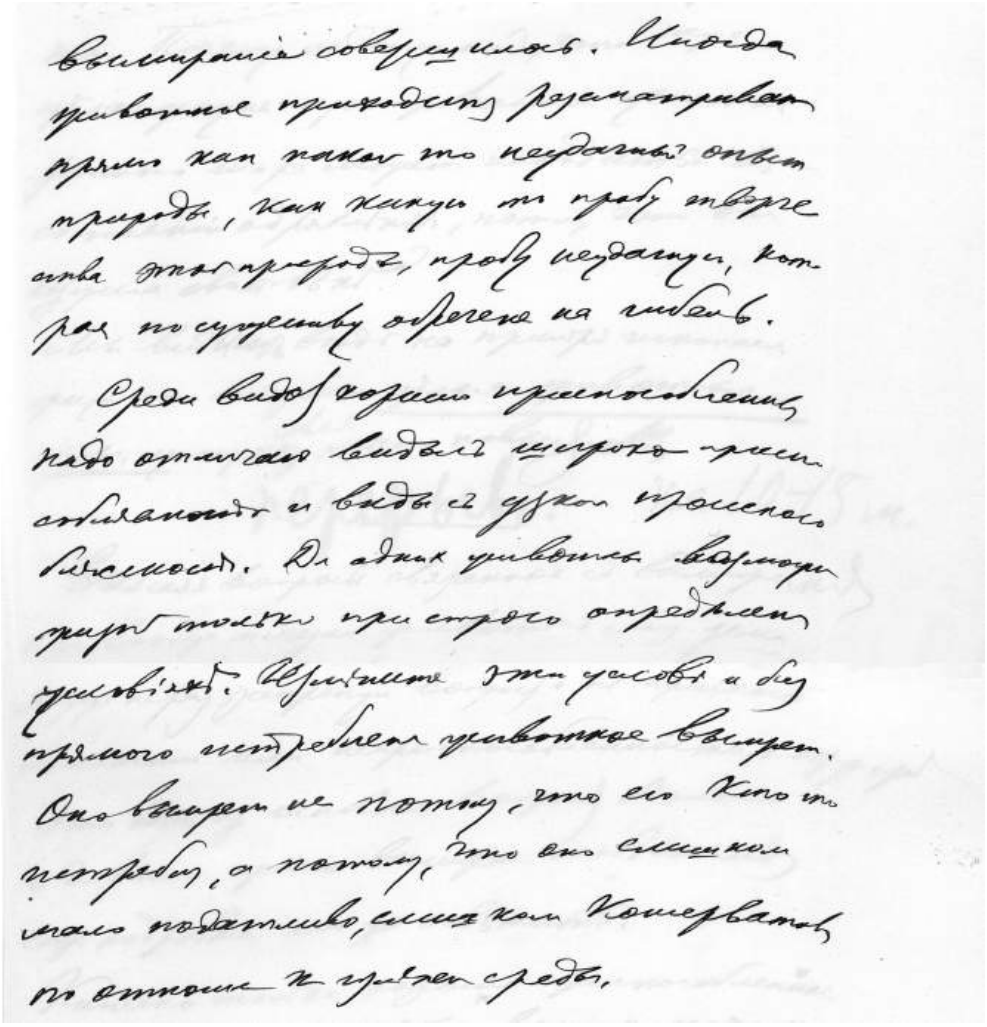

Рис. 3.10. Страница рукописного текста публичной лекции Г.А. Кожевникова «Вымирание животных» (1908 г.) с его рассуждением о «неудачных опытах природы» (Кожевников, 1908ж. Л. 35)

ние одних форм сопровождалось развитием других» (там же. Л. 49). Как считает наш профессор (там же. Л. 33, 34),

> индивидуум зарождается, развивается, достигает известного возраста, дряхлеет и умирает. Отдельные виды, роды или целые отряды могут иметь периоды зачатия, развития и отцветания. […] Даже целая фауна изолированного участка земного шара может находиться в состоянии одряхления, потому что она изжила свой век. Мы видим ведь на примере ископаемых фаун, что исчезают *целые животные миры*, уступая своё место новым.

Отсюда, от понимания эволюции живой природы как совокупности взаимосвязанных процессов зарождения, протяжённой жизни и неминуемого вымирания, Кожевников приходит к весьма фундаментальному заключению, облекая его в более чем пафосную форму. Он утверждает (там же. Л. 33, 34, 57), что

> *всё имеет свой естеств[енный] конец* [,] *исчезают целые животные миры*, уступая своё место новым. […] Вымирание является для нас в свете нового *великого биологического закона*[3]. Без вымирания предков невозможно совершенствование потомков. Смерть есть нечто законное, смерть есть нечто необхо-

[3] Кожевников с юношеских лет был знаком с шекспировской трагедией «Гамлет» и, конечно же, помнил слова её заглавного героя (в переводе М. Лозинского): «То участь всех: всё жившее умрёт / И сквозь природу в вечность перейдёт».

димое, смерть есть одна из сил, которыми движется жизнь.

3.3. Систематика

Одну из ключевых тем познания живой природы составляет изучение разнообразия организмов — его структуры, причин, значения для нормального функционирования и развития биоты как системного целого и т. п. Эту тему в той или иной форме разрабатывают почти все разделы биологии; в рамках её классической ветви сформировалось несколько дисциплин, которые более всего и самым непосредственным образом связаны с изучением биологического разнообразия — точнее, того, что нынче принято называть таксономическим разнообразием. Эти дисциплины суть систематика и фаунистика, которые составляли значительную часть научных интересов Г.А. Кожевникова.

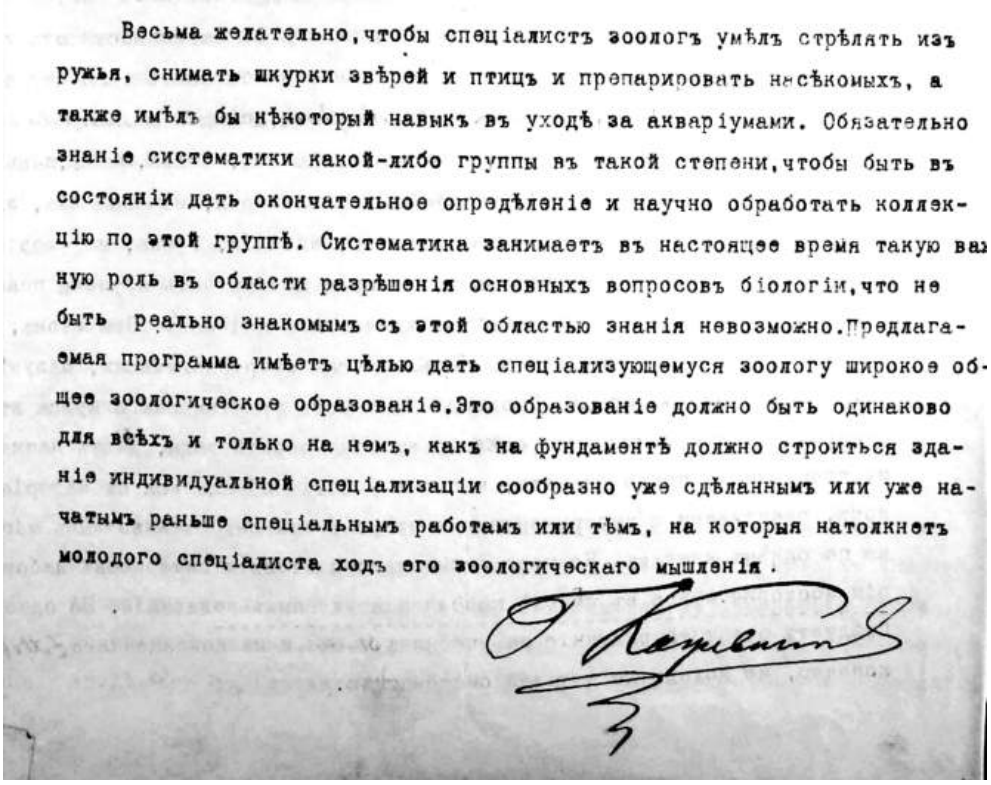
Различать два названных общих подхода к изучению таксономического разнообразия животных можно по следующим основаниям (Павлинов, 2018).

Систематика собственно изучает разнообразие организмов на глобальном уровне, её основной задачей является выстраивание так называемой Естественной системы — как в целом всей живой природы (чем, например, занимался К. Линней), так и отдельных таксонов (групп организмов). Последние могут быть самого разного ранга — от вида до типа; но в любом случае каждый выделенный таксон, как фрагмент Естественной системы, изучается в полном объёме мировой фауны, а не какого-то отдельного региона, пусть даже если этот регион столь обширен, как Россия. В систематике выделяется несколько хорошо известных направлений — типологическое, филогенетическое, биосистематическое и др.

Фаунистика рассматривает таксономическое разнообразие на локальном уровне, её основной интерес обращён на анализ местных совокупностей организмов — фаун. В её рамках развиваются два основных направления: *фауно-систематическое* ограничено почти исключительно выяснением и указанием таксономического состава конкретных фаун (составление «чеклистов», списков синонимов, иногда также диагнозов и т. п.), *фауно-экологическое* включает выяснение и указание некоторых пространственно-экологических характеристик таксонов: их распространение, биотопическую приуроченность, пространственную и временную динамику, трофические связи и т. п.

Московская школа той части описательной зоологии, которая занимается изучением таксономического разнообразия, развивала в основном фаунистический подход, рассматривающий это разнообразие на локальном уровне (см. раздел 3.4). Однако как сами фаунистические описания, так и основанные на них зоогеографические обобщения невозможны без соблюдения определённых общих стандартов, важную часть которых задаёт систематика. Действительно, для фаунистических исследований нужно уметь корректно описывать (диагностировать и обозначать) животные формы, населяющие конкретные территории, в первую очередь виды, причём таким образом, чтобы эти описания для разных территорий (точнее, их фаун) были сопоставимыми. Поэтому для фаунистических и зоогеографических исследований требуется определённая сумма базовых знаний, разрабатываемых таксономической наукой, — о том, что такое таксоны (виды, роды и т. п.) Естественной системы, согласно каким принципам и правилам они выделяются, ранжируются и так или иначе размещаются в ней. По этой причине фаунисты и зоогеографы должны быть достаточно грамотными систематиками — как минимум практиками.

Понимая это, Г.А. Кожевников придавал большое значение систематике и знанию её основных принципов и методов, сам интересуясь ими и разъясняя их своим студентам на лекциях и семинарских занятиях: об этом мы писали в разделе 2.4. Инструктируя оставляемых при своей кафедре, он уверяет их в том, что «систематика занимает в настоящее время такую важную роль в области разрешения основных вопросов биологии, что не быть реально знакомым с этой областью знания невозможно»

Весьма желательно, чтобы спеціалистъ зоологъ умѣлъ стрѣлять изъ ружья, снимать шкурки звѣрей и птицъ и препарировать насѣкомыхъ, а также имѣлъ бы нѣкоторый навыкъ въ уходѣ за акваріумами. Обязательно знаніе систематики какой-либо группы въ такой степени, чтобы быть въ состояніи дать окончательное опредѣленіе и научно обработать коллекцію по этой группѣ. Систематика занимаетъ въ настоящее время такую важную роль въ области разрѣшенія основныхъ вопросовъ біологіи, что не быть реально знакомымъ съ этой областью знанія невозможно. Предлагаемая программа имѣетъ цѣлью дать спеціализующемуся зоологу широкое общее зоологическое образованіе. Это образованіе должно быть одинаково для всѣхъ и только на немъ, какъ на фундаментѣ должно строиться зданіе индивидуальной спеціализаціи сообразно уже сдѣланнымъ или уже начатымъ раньше спеціальнымъ работамъ или тѣмъ, на которыя натолкнетъ молодого спеціалиста ходъ его зоологическаго мышленія.

Рис. 3.11. Фрагмент текста «Инструкции оставляемому…» Г.А. Кожевникова (1916 г.) с его рассуждением о большом значении систематики (Кожевников, 1916б. Л. 16)

(рис. 3.11) (Кожевников, 1916б, Л. 16). Поэтому он считает, что неправы учёные (имея в виду, например, Н.Ю. Зографа), «принижающие значение систематических исследований, ставящие их как бы на низшую ступень зоологических знаний. Такой взгляд, конечно, несправедлив»; по убеждению Кожевникова, «знакомство с таким важным вопросом, как систематическое положение животного, должно […] лечь в основу его изучения» (Кожевников, 1900б, с. 1). С этих позиций он упрекает Н.А. Холодковского в том, что тот в своём «Курсе энтомологии» «не дал себе труда ввести читателя в понимание сути научной систематики» (Кожевников, 1913е, с. 95).

Общие представления Г.А. Кожевникова о систематике, её задачах и методах первоначально изложены в вводном разделе лекций по зоогеографии для студентов-зоологов (конец 1890-х гг.), а затем более развёрнуто в докладе по основам систематики и зоогеографии, прочитанном в начале 1920-х гг. для более продвинутой публики. Рассуждая об основаниях систематики, он со ссылкой на чешского биолога Э. Радля (Emanuel Rádl) пишет, что таксономические системы могут быть построены или по Платону, или по Дарвину (Кожевников, 1923б). В не столь афористической форме это означает, что наш герой имеет в виду два основных источника базовых идей в систематике, существенно разного содержания, — типологию и эволюционистику.

Первый из этих двух источников в очерчивании Кожевниковым оснований систематики составляют структурно-типологические идеи двух биологов-натурфилософов — немца Г. Дриша (Hans Driesch) и нашего соотечественника А.А. Любищева. Со ссылкой на Дриша Г.А. говорит, что «наиболее совершенной системой является такая, где все признаки объекта определяются положением его в системе… Естественной системой надо признать такую, где количество свойств объекта, поставленных в функциональную связь с его положением в системе, является максимальным»; попутно он упоминает мнение Любищева о том, что «*надо произвести полный пересмотр как само-*

го понятия естественной системы, так и её возможных форм» (Кожевников, 1923б. Л. 9 [рук.]). Григорий Александрович указывает три основные формы естественной системы, выделенные Любищевым, — иерархическую, комбинативную и коррелятивную; заключает свой сверхкраткий обзор воззрений идеологов типологического направления в систематике их мнением о том, что «надо строить [естественную] систему, отрешившись от эволюционного подхода».

Сам Кожевников, в отличие от только что процитированных типологов, акцентирует внимание на необходимости эволюционного объяснения сходства организмов, включая соотношение между сходством и родством. В связи с этим он упоминает общую теорию систем, со ссылкой на которую некоторые биологи-«системщики» обосновывают закономерный характер эволюционных параллелизмов, обусловленный системной природой биологических форм, и на этом основании считают, что их сходство возникает не столько по причине родства, сколько в результате параллельной и конвергентной эволюции, т. е. полифилии. (Кожевников, 1923б). Довольно сердито возражая «полифилетикам», среди которых он упоминает палеонтологов Э. Копа, А.П. Павлова и Й. Штейнмана, зоологов А.А. Любищева и Е.С. Смирнова, Григорий Александрович считает большой ошибкой «отказаться от разрешения проблемы родства между формами и ограничить задачу систематики только изучением закономерностей в распределении признаков» (Кожевников, 1924а. Л. 5). Он подчёркивает (Кожевников, 1923б. Л. 12 [рук.]):

> Если мы признаём, что все жив[ые] сущ[ества] суть продукт эволюции, то мы не имеем никаких основ говорить, что группирование животных в таксоном[ические] группы не является тоже продукт[ом] эволюции. Тогда бы получилось, что эта группировка не имеет никакой реальной базы, что она есть только продукт нашего измышления. […] Если мы не знаем, какие родств[енные] связи связыв[ают] наши формы, то из этого не следует, что мы должны отмахиваться от самой постановки вопроса об этой связи. Там, где мы эту связь знаем, вопрос вполне ясен.

Таким образом, Г.А. Кожевников фактически утверждает следующее. Общая идея дивергентной эволюции (Дарвин, Геккель) предполагает определённую связь между сходством и родством как основу для построения эволюционной системы. К сожалению, эта связь не столь однозначна, как хотелось бы ортодоксальным сторонникам *монофилетической* (геккелевой) концепции систематики. Однако полностью отрицать эту связь, как это делают приверженцы *полифилетической* (коповской) концепции, было бы нелепостью, поскольку означало бы отрицание эволюционной дивергенции. Значит, нужно не отрицать эту связь, а проводить специальные кропотливые исследования, чтобы по мере возможности её выявлять.

Позиция Кожевникова в отношении дилеммы «монофилия *vs* полифилия» существенным образом уточнена в его предполагаемой (но не опубликованной) статье «Полиморфизм и эволюция». Из этого уточнения видно, что наш герой выступал против концепции «ультрамонофилии»; скорее, его позиция в определённой степени ближе к концепции «широкой монофилии» Дж. Симпсона (об этих концепциях см.: Павлинов, 2018). Действительно, он полагает (Кожевников, 1924а. Л. 5об), что

> под монофилией нельзя разуметь происхождение какой-нибудь формы напрямую от одной пары предков. Происхождение от многих пар, но принадлежащих к одному виду или подвиду, будет тоже монофилия с моей точки зрения, а полифилия будет происхождение 2 форм от разных корней, т. е. от разных предков и последующее их сближение путём конвергенции признаков.

Придерживаясь эволюционного направления в систематике, Г.А. Кожевников на протяжении 1890-х и 1900-х гг. неоднократно подчёркивал тесную связь современной систематики с эволюционной идеей, причём двухстороннюю связь. В своём дневнике за 1893 г. он записывает, что именно «систематика создала

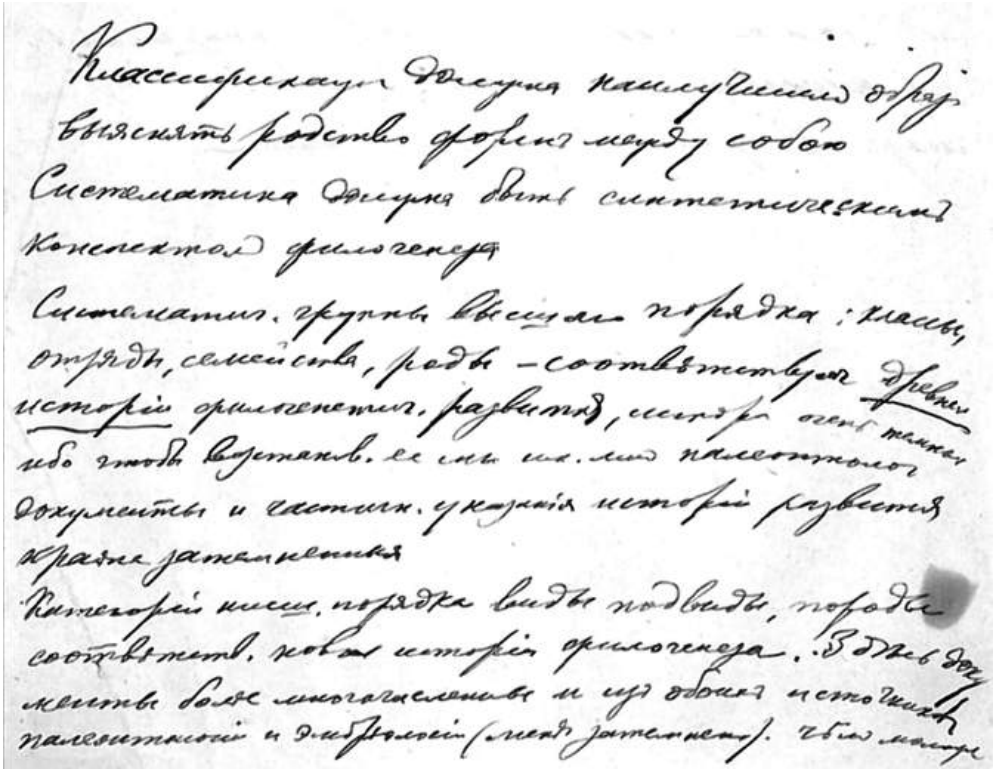

Рис. 3.12. Фрагмент рукописного текста Г.А. Кожевникова (вероятно, начало 1900-х гг.) с изложением его взгляда на соотношение между классификацией и филогенезом (АрхМГУ. Ф. 200. О. 1. Ед. хр. 138б)

Дарвиновскую теорию» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 78об), а позже добавляет, что «основная идея эволюционной теории — идея об изменчивости форм — родилась на почве систематики» (там же. Ед. хр. 61. Л. 13). Эту важную мысль о значении систематики в формировании эволюционных воззрений Чарльза Дарвина через многие десятилетия выскажут авторитетные исследователи его творчества (Mayr, 1982; Winsor, 2009). С другой стороны, будучи эволюционистом, Г.А. считает, что «конечной целью [изучения] таксономических единиц […] должно быть установление родственных связей между формами, выяснение их происхождения» (Кожевников, 1924а. Л. 4). Рассматривая в первой лекции своего зоогеографического курса систематику в таком ключе, Г.А. Кожевников указывает (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 6об, 13об; выделено нами), что основная её задача включает

> выработку наиболее правильной группировки этих форм с точки зрения их близости и взаимного родства. […] Систематик не только описывает новые формы, он […] работает над выяснением естественной системы этих форм, *основанной на родстве*, он, наконец, изучает в подробности все случаи изменчивости видов, отыскивает переходные формы и таким образом непосредственно работает над выяснением великого вопроса о происхождении животных форм.

Позже Г.А. в набросках к лекциям (предположительно начало 1900-х гг.) подтверждает свою приверженность филогенетической идее в систематике. Он глубоко убеждён в следующем (рис. 3.12) (там же. Ед. хр. 138б. Л. б/н):

> Классификация должна наилучшим образом выяснять родство форм между собою. Систематика должна быть синтетическим конспектом филогенеза. […] Систематич[еские] группы высшего порядка: классы, отряды семейства, роды — соответствуют *древней истории* филогенетич[еского] развития. […] Категории низшего порядка: виды, подвиды, породы — соответств[уют] новой истории филогенеза.

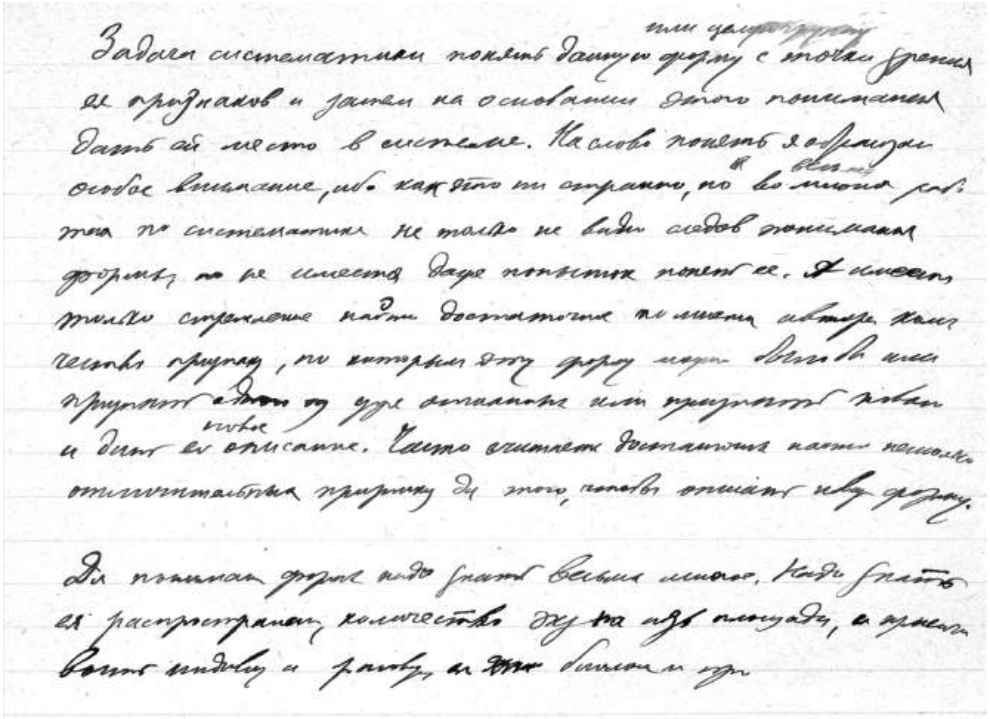

Рис. 3.13. Фрагмент рукописного текста доклада Г.А. Кожевникова «Современные направления систематики…» (1923 г.) с его рассуждением об основной задаче систематики (Кожевников, 1923. Л. 3 [рук.])

Таким образом, для Кожевникова-систематика ключевым является вопрос о происхождении таксономических единиц, включая эволюционное объяснение сходства и различия между ними: «Почему и каким образом организмы развились в то, что они теперь из себя представляют? […] Если мы хотим *понять* какую-то форму, нам интересно знать, под каким влиянием она создана» (Кожевников, 1923б. Л. 7, 14 [рук.]). При этом именно на «понимание формы» Г.А. обращает «особое внимание, ибо, как это ни странно, но в весьма многих работах по систематике не только не видно следов понимания, но не имеется даже попыток понять её. […] Для понимания формы надо знать весьма многое. Надо знать её распространение, количество экз[емпляров] на ед[иницу] площади, [особенности] биологии и пр.» (рис. 3.13) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 3).

Следуя уже устоявшейся традиции и заметно упрощая указанные вопросы, Г.А. выделяет (со ссылкой на Геккеля) две основные категории этих причин — внешние и внутренние. Для их выявления он полагается на генетику и на эксперименты, уверяя, что «современная систематика не может обойтись без генетики и эксперимента. Этим конечно повышается интерес систематики и её значение как одного из основных направлений зоологии» (там же. Л. б/н). Он даже полагает, что «учение о наследственности надо рассматривать как одну из глав систематики» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 34).

При этом, впрочем, Григорий Александрович указывает, что исследователь, пытающийся ответить на «основной вопрос» систематики, имеет дело со слишком большим числом неизвестных переменных (неизвестны предковые формы, неизвестны внешние условия, которые могли вызвать изменения, неизвестны эволюционные механизмы и т. п.), отсюда следует его пессимистическое заключение: «Этот вопрос не подлежит исследованию» (Кожевников, 1923б. Л. 14 [рук.]). Такой несколько своеобразный «агностицизм» Кожевникова, как нам кажется, отражает его позицию в отношении того, что в науке важнее ставить правильные вопросы,

чем пытаться ответить на неправильные (см. раздел 3.1); фактически же этим исключается из рассмотрения «основной вопрос» систематики.

В первой части своей диссертации по естественной истории пчелы Г.А. Кожевников кратко касается вопроса о реальности высших и низших систематических групп. Полемизируя с С.А. Усовым (напомним, что это был ученик К. Рулье, см. раздел 2.1), который был сторонником их номиналистической трактовки, герой нашей книги восклицает: «Как же отказать в *естественности* крупным группам, для характеристики которых мы призываем на помощь именно всю совокупность наших знаний?» (Кожевников, 1900б, с. 2). Исходя из этого, он уверяет (там же),

> что крупные систематические группы более научно обоснованы, чем мелкие. Пока речь идёт о разграничении классов, отрядов, мы имеем господство *естественной* системы во всеоружии данных сравнительной анатомии, истории развития и палеонтологии, и мы можем не только вполне научно разграничить крупные таксономические группы, но во многих случаях и выяснить их соотношения друг с другом, большее или меньшее родство, общность происхождения и т. п.

В отношении же низших групп Г.А. полагает (там же),

> что при современном состоянии зоологических знаний основы естественной классификации тем менее применимы, чем более мелкую таксономическую группу мы берём, потому что совокупность наших сведений о мелких группах слишком недостаточна, чтобы научно выяснить их естественные характеристики.

***

Как было сказано в одном из предыдущих разделов настоящей главы, среди эволюционных идей в конце XIX и начале XX вв. одной из популярных становится дарвиновская, которая подкрепляется зарождающейся популяционной генетикой и частью экологией. В таком направлении её разрабатывают англичанин В. Бейтсон (William Bateson), россиянин С.С. Четвериков, швед Г. Турессон (Göte Wilhelm Turesson) и др. Последний обозначил данный подход как *генэкологический*; позже такое направление развития дарвиновской эволюционной теории будет названо *неодарвинизмом*.

В своём систематическом приложении эта эволюционная концепция концентрирует внимание исследователей на внутривидовой дифференциации (расы, подвиды, морфы и т. п.) и в 1920–1930-е гг. формирует «новую» систематику, имеющую дело с природными популяциями, как альтернативу «старой» (музейной) систематике линнеевского толка. По аналогии с разграничением микро- и макроэволюции, «новую» систематику стали называть *микро*систематикой, в противовес *макро*систематике, которая изучает таксоны высоких рангов; первую нередко называют «биосистематикой», иногда также «дарвиновской» систематикой (об этом направлении развития систематики в начале XX в. см.: Павлинов, 2018).

Г.А. Кожевников, судя по его многочисленным высказываниям, несомненно был приверженцем этой таксономической теории: в центре его внимания были главным образом низшие единицы таксономической иерархии — вид и внутривидовые категории. Г.А. полагал, что важнейшим из вопросов современной систематики является вопрос о происхождении этих форм и их признаков, и утверждал, в полном согласии с генэкологической концепцией Туресссона, что только «правильное постановление изучения систематики в связи с экологией и генетикой приведёт нас к пониманию происхождения видов» (Кожевников, 1924а. Л. 9). Он уверен (рис. 3.14) (Кожевников, 1906в. Л. 21, 22), что

> современная систематика [ставит] своею задачею выяснить пределы изменчивости видов, переходные формы между видами и происхождение видов. […] Для современного систематика […] вид является совокупностью целого ряда местных форм, местных изменений, из которых каждая есть биологическая единица низшего порядка, заслуживающая самостоятельного изучения.

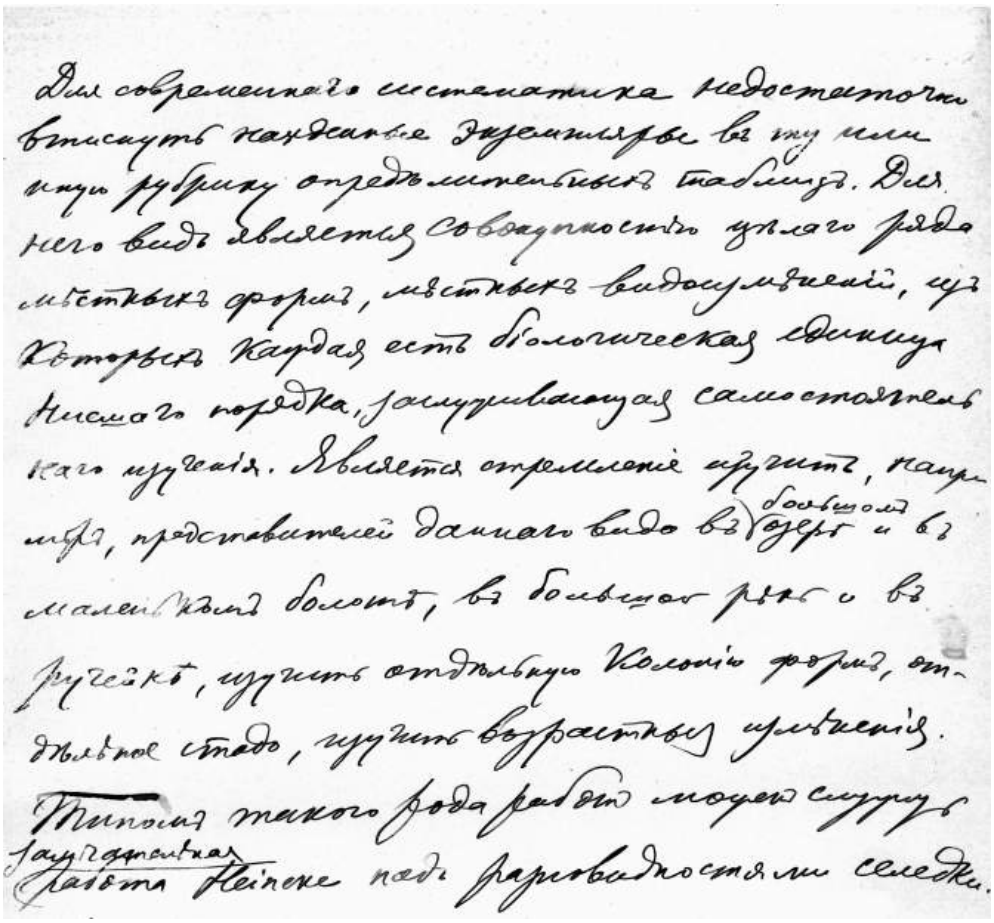

Рис. 3.14. Страница рукописного текста доклада Г.А. Кожевникова «Фауна Московской губернии…» (1906 г.) с изложением его понимания изучения изменчивости как одной из важных задач систематики (Кожевников, 1906в. Л. 22)

Эту точку зрения Г.А. прививал своим студентам: так, в «Инструкции оставляемому» среди вопросов для подготовки к магистерским экзаменам он отдельно указывает «Понятие о виде и низших таксономических единицах» и вдобавок отмечает важность ознакомления с методами выделения подвидов у птиц и млекопитающих (Кожевников, 1916б. Л. 8об).

Воспитанный в классической традиции описательной систематики, Кожевников в начале своей карьеры не касается сущностного толкования вида живых организмов. Так, во вступительной лекции по энтомологии он отмечает, что «были многие попытки дать определение этому понятию», и предпочитает самое простое из них, эмпирическое, восходящее к XVII–XVIII вв.: «*Видом* мы называем совокупность форм, которые сходны между собой в такой степени, в какой дети сходны с родителями» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 2). Но в последующем Г.А. приходит к более глубокому пониманию вида как некой фундаментальной единицы живой природы, по некоторым важнейшим характеристикам подобной организму. Согласно этому в докладе, посвящённом соотношению полиморфизма и эволюции, он трактует вид как реальную биологическую единицу: «Каждый вид представляет собой нечто специфическое прежде всего не по своим внешним признакам, а по своему, если можно так выразиться, внутреннему содержанию, по генетическим и химико-физиологическим свойствам своего живого вещества» (Кожевников, 1924а. Л. 7об). По его мнению, рассмотренному нами в предыдущем разделе, видовая единица, подобно всякому живому существу, рождается, живёт, дифференцируется — и в конечном итоге умирает, в чём состоит важнейший ас-

пект биологической эволюции (Кожевников, 1908ж): отмирающее освобождает жизненное пространство для нового.

Характеризуя общую позицию Кожевникова как биолога-систематика, важно отметить два по-своему важных момента. Во-первых, в конце 1900-х гг. он вполне осмысленно пользовался понятием «биологический вид»: например, именно так озаглавлена одна из вводных лекций его курса общей зоологии, подготовленной в 1909 г. (АрхМГУ. Ф. 200 Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 9 [рук.]). Примечательность здесь в том, что в указанное время само это понятие только начало входить в биологическую литературу, а популярным оно станет лишь начиная с 1930-х гг. (Павлинов, 2023), так что герой нашей книги оказался (наверное, сам того не подозревая) на переднем крае развития присущих тому времени представлений о виде. Во-вторых, понимание Кожевниковым соотношения между видом и его подразделениями в определённой степени было эклектичным, сочетая в себе прежние «линнеевские» и новые «дарвиновские» представления о виде живых организмов.

Напомним, что классическая «линнеевская» трактовка иерархического устройства Естественной системы признаёт некую особую выделенность видовой категории, означающую и в теории, и на практике строгое отграничение видов от внутривидовых единиц. Склонность Кожевникова трактовать видовую систематику именно в таком традиционном ключе ярко выражает тот факт, что главе по систематике пчёл в 1-м выпуске его «Материалов по естественной истории пчелы» (Кожевников, 1900б, с. 1) он предпосылает следующий примечательный эпиграф: «Вопрос о виде есть вопрос самый сложный, сильно запутанный и самый спорный во всей биологии. Между тем понятие вида лежит в основе всякой биологической системы и поэтому этого вопроса обойти невозможно». Эта цитата заимствована нашим героем из докторской диссертации «Таксономические единицы и группы» уже упоминавшегося выше С.А. Усова (Усов, 1888, с. 258). Несколькими десятилетиями позже такую же по сути позицию чётко обозначит ученик Г.А. Кожевникова — В.Г. Гептнер, написав в предисловии к переводному изданию книги Э. Майра «Систематика и происхождение видов», что «проблема вида — основная теоретическая проблема систематики» (Гептнер, 1947, с. 7).

С другой стороны, приверженность Кожевникова дарвиновским идеям приводит к тому, что он принимает ту трактовку соотношения между видом и внутривидовыми формами, которую разрабатывает новая, «дарвиновская» систематика со ссылкой на постепенный характер микроэволюции. Согласно этому Г.А. утверждает, что «между понятием раса и понятием вид не может быть резкой границы» (Кожевников, 1923б. Л. 8 [рук.]). Развивая эту мысль в упоминавшейся нами начальной лекции курса зоогеографии (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 13), он говорит,

> что вид не есть нечто постоянное, заключённое в строго определённые рамки, а что вид есть наоборот нечто меняющееся, что вид есть только одна из ступеней, один из этапов постепенного, непрерывного изменения форм. Эта идея изменчивости форм легла в основу эволюционного учения.

Данная трактовка в начале XX в. порождает так называемый «вопрос о виде» (*species question*), который имеет два аспекта, их можно назвать «вертикальным» и «горизонтальным» (Павлинов, 2023). В первом случае речь идёт об отсутствии строгих границ между «соседними» категориями микросистематики — видами, подвидами, расами и т. п. Рассматривая этот вопрос на своём материале по пчёлам, Кожевников указывает, что одной из основных причин проблемной ситуации в видовой систематике является «смешивание» понятий вида и разновидности (Кожевников, 1902з) (см. раздел 4.3). Во втором случае широкая внутривидовая изменчивость нередко нивелирует межвидовые различия; признавая это, Кожевников утверждает, что «существование широкой изменчивости […] признаков — вот это-то обстоятельство и делает вопрос о виде вопросом спорным» и что «задача установить

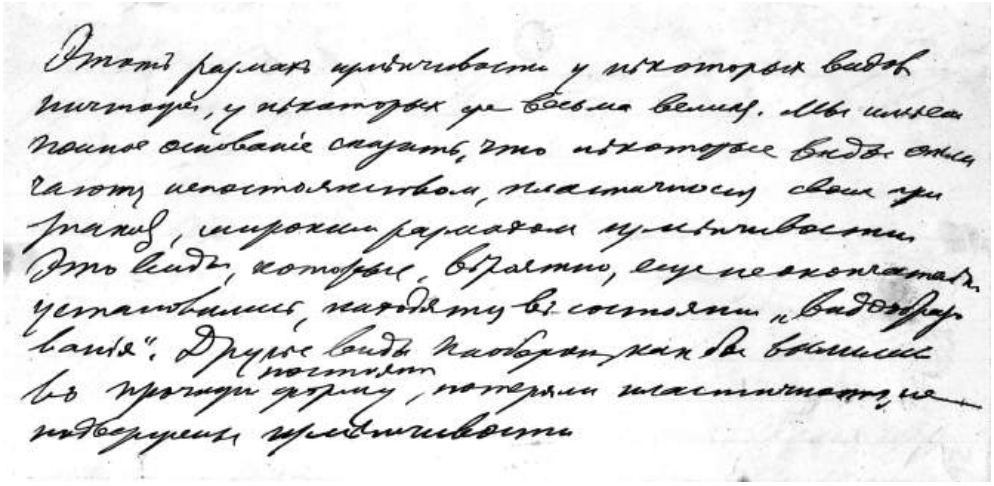

Рис. 3.15. Фрагмент рукописного текста Г.А. Кожевникова об изменчивости организмов (вторая половина 1910-х гг.), в котором степень изменчивости видов связывается с их эволюционной судьбой (АрхМГУ. Ф. 200 О. 1. Ед. хр. 35. Л. 16 [рук.])

границы видов едва ли не самая трудная» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 2).

Важно подчеркнуть, что Г.А. усматривал корень этой проблемной ситуации не столько в практике систематических исследований, сколько в самой природе разнообразия организмов. Понимая изменчивость как важное свойство видов, он видел в ней не только одну из предпосылок, но и одно из следствий их эволюции. На этом основании Кожевников считал существование как широко изменчивых, так и устойчивых видов объективным природным феноменом, объясняя его разной эволюционной судьбой видовых форм. В черновых материалах статьи об изменчивости организмов (рис. 3.15) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 16 [рук.]; статья не была завершена и не опубликована) он с полной убеждённостью утверждает:

> Этот размах изменчивости у некоторых видов ничтожен, у некоторых же весьма велик. Мы имеем полное основание сказать, что некоторые виды отличаются непостоянством, пластичностью своих признаков, широким размахом изменчивости. Это виды, которые, вероятно, ещё не окончательно установились, находятся в состоянии “видообразования”. Другие виды, наоборот, как бы вылились в прочную постоянную форму, потеряли пластичность, не подвержены изменчивости. [При этом] иногда однородные признаки в одной группе бывают строго постоянные, в другой нет.

Признание постепенного превращения внутривидовых форм в виды означает, что дискретные различия вторых возникают в результате известных преобразований непрерывной изменчивости первых. Следуя в этом вопросе Дарвину, Г.А. уверен в том, что «если бы мы собрали экземпляры из множества промежуточных мест, то получили бы сплошную цепь изменений, получили бы *непрерывную изменчивость* в пространстве» (Кожевников, 1909д. Л. 14 [рук.]); в конце 1930-х гг. эту непрерывную пространственную изменчивость назовут «клинальной» (Huxley, 1939). Разбирая эту возможность на примере систематики отечественных зайцев, он пишет, что «так как подвиды мало отличаются друг от друга, то у отдельных особей бывает схождение признаков, но у большинства должно быть расхождение. Вот это теоретическое положение необходимо проверить на практике» (Кожевников, 1917б, с. 3).

Примечательно, что Г.А. Кожевников весьма скептически относился к возможности характеризовать различия между подвидами в частоте счётных признаков. Обсуждая этот вопрос в письме к А.П. Семенову-Тян-Шанскому, он уверяет, что для характеристики форм медоносной пчелы вычисления средних значений

количества зацепок не имеют смысла. Основной его довод заключается в том, что «признак породы, подвида, вида, рода должен быть таков, что *каждый* экземпляр этой группы должен этому признаку удовлетворять. [Но] не может у пчелы быть 20⅓ зацепок!» (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 499. Л. 76, 76об).

Как видно, эта точка зрения соответствует классическому *монотетическому* способу определения таксона. В современной систематике принят *политетический* способ (о них см.: Павлинов, 2018), который фактически отвергается героем нашей книги.

И всё же в энциклопедической статье, посвящённой общей проблеме изменчивости организмов (1912 г.), Кожевников отстаивает идею дискретности «линнеевских» видов, которой, по его мнению, не противоречит их изменчивость и связанная с этим трудность их практического разграничения. Согласно этому он пишет (Кожевников, 1912в, с. 478):

> Не надо, однако, думать, что в том случае, если мы имеем перед собою несколько соседних изменчивых видов, они сливаются друг с другом в непрерывную цепь сплошным рядом постепенных переходов. Наоборот, […] между настоящими видами, хотя бы и весьма близкими друг к другу, всегда имеется определённая граница, если только эти виды не находятся ещё в периоде “видообразования”, иначе говоря, не успели еще обособиться друг от друга. […] наличность этой изменчивости не уничтожает границ видов.

Следует обратить внимание на то, что в приведённой цитате Кожевников говорит о «настоящих» видах, чуть ли не явным образом противопоставляя им как бы «ненастоящие». Эта пара терминов соответствует тому, что систематики с начала XIX в. (а возможно и раньше) называли «хорошими» и «плохими» видами: первые чётко диагностируются и в этом смысле дискретны, вторые из-за изменчивости плохо отграничиваются от близких к ним. Ч. Дарвин дал своё объяснение этому феномену: «хорошие» («настоящие» по Кожевникову) виды — те, которые завершили своё эволюционное становление, «плохие» — это «становящиеся» виды «в периоде “видообразования”» и потому ещё не оформленные окончательно.

Признавая непрерывный характер внутривидовой изменчивости признаков, Кожевников считал, что с точки зрения ареалогической внутривидовые географические единицы определяются более строго, чем виды: каждый подвид «имеет вполне определённое распространение, […] причём обыкновенно область распространения каждого подвида не сливается с областью распространения другого» (Кожевников, 1908а, с. 83). Как можно думать, Г.А. соглашается с предложением ботаников в конце XIX в. характеризовать низшие единицы систематики (виды, расы, подвиды) с учётом их ареалов; в частности, наш соотечественник В.Л. Комаров выражает это так: «Вид есть морфологическая система, помноженная на географическую определённость» (Комаров, 1927, с. 39; он имеет в виду «элементарные» виды, а не «линнеевские»). Поскольку согласно этой точке зрения подвид характеризуется не только признаками, но и занимаемой им территорией, Кожевников считает, что «подвид есть понятие зоогеографическое». Такая трактовка подвида ясна из того, например, что Г.А. упрекнул Н.М. Книповича, автора вышедшего в 1909 г. руководства по зоологии, в том, что тот в главе «Основные понятия классификации животных» не захотел «более подробно и определённо высказаться о зоогеографическом значении понятия *subspecies* (подвид)» (Кожевников, 1909е, с. 83). Дорабатывая внутривидовую классификацию пчелы в конце 1920-х гг., Кожевников упоминает категорию «круг форм» (*Formenkreis*), предложенную германским зоологом и теологом О. Кляйншмидтом (Otto Kleinschmidt)[4]. Об интересе героя нашей книги к этой концепции свидетельствует содержание его письма к Семёнову-Тян-Шанскому от 1931 г., в кото-

[4] Заметим, что свою «кольцевую классификацию» форм медоносной пчелы Кожевников разработал уже в начале 1900-х гг. (Кожевников, 1900б).

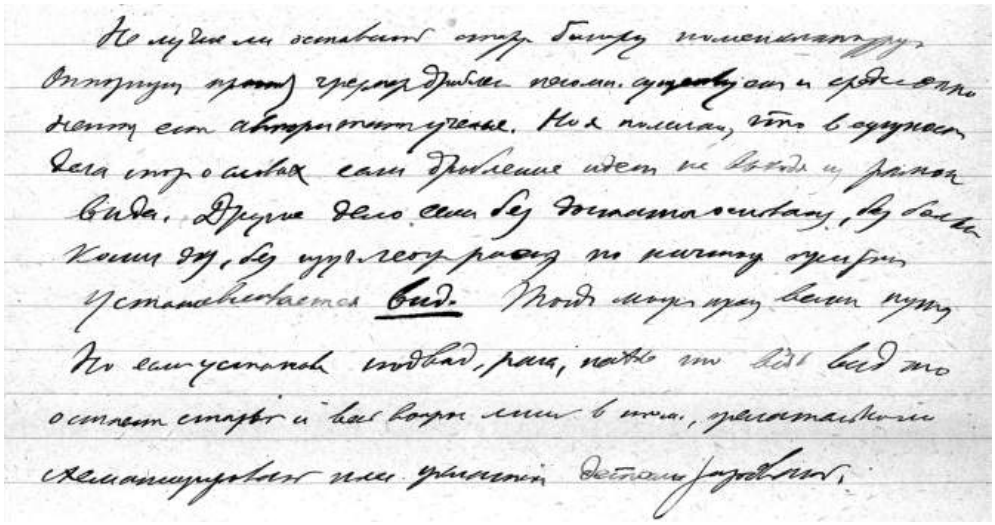

Рис. 3.16. Фрагмент рукописного текста доклада Г.А. Кожевникова «Современные направления систематики…» (1923 г.) с его мыслью о том, что изменчивость видов не противоречит их дискретности (Кожевников, 1923б. Л. 5об [рук.])

ром Г.А. спрашивает своего ленинградского коллегу о статье Кляйншмидта и пишет, что «слово Formenkreis звучит так заманчиво…» (СпбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 499. Л. 95об).

В понимании причин различий между географическими формами (подвидами, расами) одного вида Г.А. Кожевников был вполне традиционен: в полном соответствии с устоявшейся с середины XVIII в. (Бюффон) точкой зрения, он полагает, что «при расселении вида от главного центра его распрост[ранения] в стороны особи, попавшие под *постоянное* и *длительное* действие новых условий, дают постоянные и стойкие видоизме[нения], которые мы называем географическими подвидами» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 5.). При этом Г.А. указывает на то, «что географическая изменчивость подлежит определённым закономерн[остям] в соответствии с определ[ёнными] изменен[иями] внешних условий», упоминая при этом Аллена и Бергмана (там же. Л. 6).

Г.А. Кожевников в нескольких своих работах затрагивает проблему иерархии низших систематических единиц, разбирая новые идеи в этой сфере. Так, он упоминает популярное в то время разделение видов на «большие» и «малые» («элементарные»), используя для них термины «линнеоны» и «жорданоны» голландского ботаника-биосистематика Я. Лотси (Johannes Paulus Lotsy) (Кожевников, 1924а). Весьма положительно он отзывается о работах двух своих коллег и соотечественников — петербургских зоологов А.П. Семёнова-Тян-Шанского и В.Л. Бианки, специально посвящённых этой теме (Семёнов-Тян-Шанский, 1910; Бианки, 1916). Григорий Александрович соглашается с полезностью предлагаемой ими дробной иерархии таких единиц (в частности, с введением *natio*) и полагает, «что удобнее, когда каждое определённое уклонение называется определённым именем» (Кожевников, 1923б. Л. 5об [рук.]). Ссылаясь на результаты исследований немецкого ихтиолога Фридриха Хайнке (= Гейнке, Johann Friedrich Heincke) по дифференциации атлантической сельди, Г.А. дополняет установленную коллегами иерархию внутривидовых единиц, выделяя для названного вида «табун»: по его мнению, это «первая систематическая категория сельди» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 12)[5]. Вслед за многими авторами Кожевников обосновывает иерархию таких единиц соотношением наследственных и ненаследственных признаков, различающих их: «Когда мы устанавливаем понятия морфы или расы или местной вариации

[5] В современной ихтиологии такую минимальную («первую») популяционную единицу у рыб называют «стадо» (Никольский, 1980).

и расы, то критерием различия принимаем наследуемость или ненаследуемость признаков» (Кожевников, 1923б. Л. 10 [рук.]).

Вместе с тем Г.А. полагает, что эти новые идеи не отвергают полностью классические представления о «линнеевском» виде как о полноценной дискретной единице. Он считает, что «если установлен подвид, раса, *natio*, то ведь вид-то остаётся старый и весь вопрос лишь в том, желательно ли схематизировать или [неразб.] детали [неразб.]» (рис. 3.16) (Кожевников, 1923б. Л. 5об [рук.]). В этом смысле следует понимать высказанное им ещё в кандидатском сочинении (1887 г.) соображение, что «нечего из [локальных форм] строить виды, а надо смотреть как на варианты в пределах вида» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 12об [рук.]). Это ещё раз позволяет отметить, что в отношении «вопроса о виде» герой нашей книги занимает некую промежуточную позицию между «дарвинистами» и «линнеистами»: от первых он берёт дробную иерархию категорий внутривидовых категорий, от вторых — признание того, что при их выделении сам «старый» вид остаётся «тем же».

Признавая сложность и определённую новизну внутривидовой систематики, как она начинает складываться в конце XIX и начале XX вв., Кожевников уделяет значительное внимание тому, чтобы её основания и принципы, ещё недостаточно хорошо известные зоологам и тем более натуралистам, излагались в соответствующих публикациях как можно строже. В частности, это требование он высказывает в рецензии на книгу «Определитель млекопитающих Российской империи» (1914 г.) его коллеги и приятеля К.А. Сатунина (Кожевников, 1915б, с. 77); необходимость такого скрупулёзного изложения Г.А. объясняет так:

> Личные особенности взглядов каждого систематика на свой предмет прежде всего сказываются в том, как он смотрит на понятие о подвиде, виде, подроде и роде. Есть сторонники более крупных, так сказать, собирательных таксономических единиц, есть сторонники более мелких, дробных. Основная разница во взглядах состоит в том, как смотреть на мелкие отличия: считать ли их индивидуальными в пределах крупного вида, или считать их подлежащими группировке по категориям, определяющим мелкие подвидовые или даже еще более мелкие категории — племя (*natio*), морфу (*morpha*) и т. п.

В связи с этим Кожевников вполне обоснованно считает (там же, с. 78), что автору подобного рода справочника

> непременно бы следовало посвятить читателя, точнее — работника, который будет пользоваться определителем, во все условия работы, разъяснить ему, что такое подвид, каково значение зоогеографических данных для выяснения этого понятия, что такое индивидуальная изменчивость и т. п. Без такого посвящения в подробности систематической работы пользование определителем, который принимает во внимание всю дробность научных систематических подразделений, будет затруднительно.

Также стоит упомянуть рецензию Г.А. Кожевникова на одну из научно-популярных книг российского естествоведа Е.А. Елачича (1905 г.), специально посвящённую основам систематики (Кожевников, 1905е). Эта книга, парадоксальным образом, стала первым русскоязычным изложением, пусть и популярным и написанным отнюдь не профессионалом, весьма важной и сложной темы. В ней «автор просто и бесхитростно рассказывает, что такое вид, род, семейство, отряд, класс и тип, поясняя изложение диаграммами», а далее разбирает «вопрос об изменчивости и разновидностях, о зависимости признаков от условий обитания», хотя (по мнению нашего рецензента) этот раздел ему не очень удаётся. Как и положено музейщику, Г.А. сокрушается над тем, что «автор не воспользовался удобным случаем, говоря про изучение систематики, хоть в немногих словах популяризовать значение коллектирования, коллекций, музеев». В целом же эта книга показывает, по справедливому замечанию Кожевникова, что «в науке нет неинтересного, надо только уметь взяться за тему».

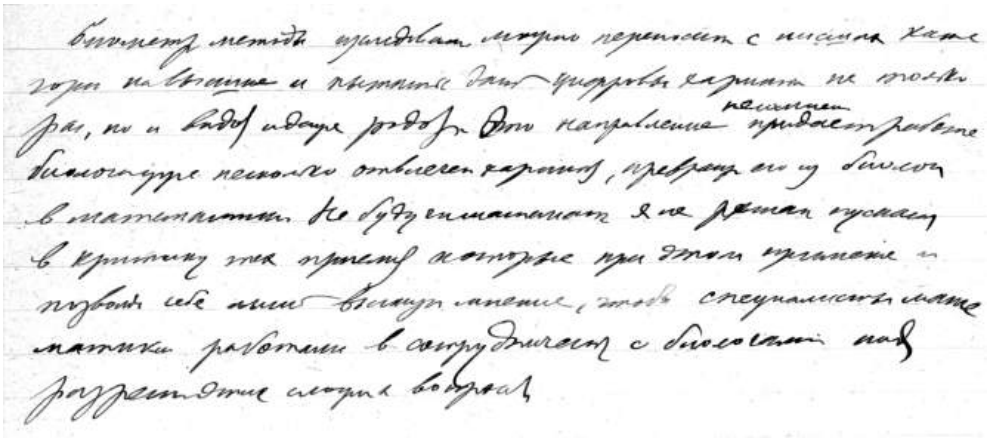

Рис. 3.17. Фрагмент рукописного текста доклада Г.А. Кожевникова «Современные направления…» (1923 г.) с рассуждением о том, что биометрические методы применимы как к низшим, так и к высшим систематическим категориям (Кожевников, 1923б. Л. 6 [рук.])

Сам Кожевников прикладывал определённые усилия к популяризации дробного подхода в описании внутривидового разнообразия. Так, на страницах одного из выпусков «Охотничьего вестника» он подробно разбирает доклад Семёнова-Тян-Шанского на 12-м Съезде русских естествоиспытателей и врачей, прошедшем на рубеже 1909–1910 гг. в Москве (Кожевников, 1910а). Этого вопроса Г.А. касается и позже, разбирая на страницах того же журнала в 1917 г. вопрос о систематических отношениях «русских зайцев»: он обращает внимание, что теперь зоологи стремятся описывать мелкие внутривидовые подразделения — подвиды, племена, морфы, и с этой точки зрения «оказывается, что если принять во внимание более мелкие отличия и сравнивать средне-русских, например, московских зайцев с западно-европейскими, то окажется, что наш русак и русак западный — не одно и то же» (Кожевников, 1917б, с. 2). Убеждая читателей журнала, «не посвящённых в тайны систематики», в важности изучения этого вопроса и в очередной раз призывая их присылать в Зоомузей костные остатки своих охотничьих трофеев, уважаемый профессор указывает, что установление различий между разными зайцами имеет большое научное значение: «Если мы соберём большое количество русаков, убитых в разное время в разных местностях России, то перед нами, вероятно, развернётся поучительная картина одного из интереснейших явлений природы, явления видообразования» (там же, с. 5).

***

Будучи привержен новым для того времени количественным методам анализа внутривидовой изменчивости, разрабатываемым «биометрикой» (см. раздел 3.5), Г.А. Кожевников высоко оценивал применение последней в систематике — прежде всего в микросистематике. Так, в своём докладе о современных направлениях в систематике животных и зоогеографии, читанном в аудитории Зоомузея в 1923 г. по случаю учреждения НИИЗа (см. раздел 2.7), Г.А. уделяет этому вопросу значительное внимание, отметив, что «в настоящее время биометрическое направление прочно узаконено в систематике» (Кожевников, 1923б. Л. 4 [рук.]). Предугадывая дальнейшее развитие систематики, он указывает, что «биометрические методы исследования можно переносить с низших категорий на высшие» (рис. 3.17) (там же. Л. 6 [рук.]). При этом Кожевников совершенно справедливо отмечает, что «это направление несомненно придаёт работе биолога несколько отвлечённый характер, превращая его из биолога в математика», и призывает, чтобы «специалисты-математики работали в сотрудничестве с биологами над разрешением этих сложных вопросов» (там же).

Переводя рассмотрение «биометрики» в более практическую плоскость, Г.А. Кожевников

совершенно справедливо указывает на то, что всякое биометрическое исследование (там же)

> требует весьма много времени и механической работы, и при этом весьма точной. При неточности первичных измерений, а они легко допускаются, вся работа теряет смысл. Опасной является эта работа в том, что она, будучи чисто механической, даёт мало пищи уму и поэтому особенно опасна для начинающих, которые увлекаются обилием цифровых убедительных построений, забудут, что кроме цифр в зоологии есть много другого.

Пользуясь удобным случаем, Г.А. в указанном докладе даже обозначает это направление особым термином: «Одно из направлений совр[еменной] систематики надо бесспорно назвать биометрическим» и что «в настоящее время без математики нельзя заниматься *биометрической* систематикой» (там же; выделено нами). Этот термин не получит популярности среди специалистов, в ход пойдут другие. Один из учеников Кожевникова, энтомолог Е.С. Смирнов, начавший первым в России, да и пожалуй в мире, разрабатывать количественные методы построения естественной системы организмов, назовёт это направление «точной систематикой» (Смирнов, 1923; Smirnov, 1924). Через три десятка лет «биометрическая систематика» начнёт активно развиваться в Западной Европе и Америке как «численная (numerical) таксономия». В настоящее время она занимает доминирующее положение в таксономической науке, далеко превзойдя смелые ожидания Г.А.

Увлечённый новейшими систематическими подходами, Г.А. Кожевников одним из первых в России стал пропагандировать биохимический метод в систематике. В энциклопедической статье, посвящённой разнообразию организмов, он отмечает (Кожевников, 1912в, с. 472–473; со ссылками на работы Рейхерта, Ландуа и др.), что

> *различия физических* […] *свойств гемоглобина разных животных находятся в полном соответствии со степенью биологического родства исследуемых форм*. [В целом] химизм кровяной сыворотки есть величина изменчивая, и эта изменчивость стоит в соотношении с родственными отношениями форм. Таким образом, *кристаллограф и химик могут явиться судьями в вопросах систематики и филогении*. Этой идее предстоит со временем блестящая будущность.

В более поздней рукописи «Полиморфизм и эволюция», уже упоминавшейся выше, Г.А. пишет, что «если бы мы овладели вполне методами химии по биологической изменчивости, то путём химико-биологического анализа мы наиболее верно могли бы решить, принадлежат ли данные животные, обладающие мелкими отличительными признаками, к одному виду или нет» (Кожевников, 1924а. Л. 8, 16). К сожалению, наш профессор не стал пропагандировать эту свою пророческую идею более активно, из-за чего она осталась практически не замеченной специалистами-систематиками. Соответственно, её автор не упоминается среди предтеч ныне доминирующего биохимического (включая молекулярно-генетическое) направления в систематических исследованиях.

***

Поскольку, согласно распространённой, явно упрощенной точке зрения, систематика сводится к выделению, описанию и именованию таксономических единиц, Г.А. Кожевников в своём интересе к систематике неизбежно затрагивал некоторые вопросы таксономической номенклатуры. Они кратко изложены в ряде его просветительских публикаций в 1900-е гг. (Кожевников, 1907г, 1908а), а также в некоторых рукописных текстах конца 1910-х и начала 1920-х гг. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 35, 99). Во главу угла Г.А. ставит «закон первенства или приоритета, […] в силу которого за каждым животным сохраняется то латинское название, которые было дано ему впервые. При этом самым ранним сроком для первенства названий считают год появления в свет *X* издания *Systema Naturae* Линнея за 1758 год» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 8 [рук.]). Кожевников отмечает, что «установка подвидов постепенно превращает Линнеевскую двойную номенклатуру (род и вид) в тройную (род, вид, подвид)»

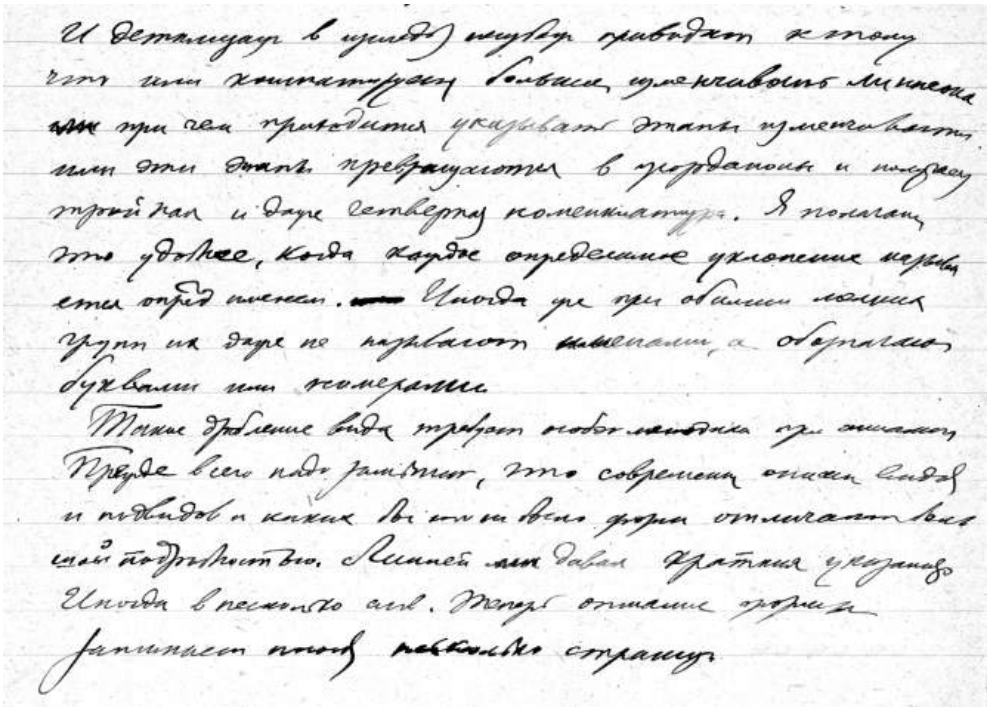

Рис. 3.18. Фрагмент рукописного текста доклада Г.А. Кожевникова «Современные направления систематики…» (1923 г.) с его рассуждением о важности номенклатурного обозначения внутривидовых «уклонений» (Кожевников, 1923б. Л. 6 [рук.])

(Кожевников, 1908а, с. 84). Он полагает, «что удобнее, когда каждое определимое уклонение называется определённым именем», и считает возможным, что последовательное дробление внутривидовой иерархии (выделение *natio* и т. п.) даёт «четверную номенклатуру», причём допускает, что «при обилии малых групп их даже не называют именами, а обозначают буквами или номерами» (рис. 3.18) (Кожевников, 1923б. Л. 5об [рук.])[6].

Рассматривая уже широко распространённую в то время практику выделения мелких таксономических единиц, Кожевников упоминает мнение критиков этого подхода, которые считают «возможным упрекать систематиков в том, что они стремятся к даче новых названий из своего рода тщеславия, из стремления лишний раз поставить *mihi* [моё] после названия новой формы» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 33). В ответ на это Г.А. возражает (там же) следующим образом:

> Весьма опасно [всякое] случайное уклонение счесть за постоянное, индивид[уальную] измен[чивость] возвести в степень подвида или морфы. Но само стремление отмечать мелкие отличия заслуживает полного признания и одобрения как совершенно правильный методологический приём. Пока мы не отметили наблюдаемые особенности особым определением, до тех пор они не могут стать предметом дальнейшего изучения. […] Если же мы не создали нового названия, то у нас не будет такого определ[ённого] повода основать даль[нейшее] изучение на добытых ранее фактах.

Высказанную точку зрения Кожевников подкрепляет цитатой из Н. Винера, будущего «отца кибернетики»: «Своеобразная роль названия, для определения места того или другого элемента, после того, как он выделен и узнан, составляет один из самых старых приёмов человеческой мысли» (там же; ссылки на работу Винера нет).

Интерес Г.А. к номенклатуре не был «отвлечённым»: приступая к изучению систематики какой-либо группы, он непременно старался

[6] Последнее правило было достаточно широко принято в XIX в. и зафиксировано в некоторых номенклатурных кодексах того времени (Павлинов, 2015).

выяснить, если к тому были исторические предпосылки, каковы действительные названия её видовых таксонов, и обращался за консультацией к А.П. Семёнову-Тян-Шанскому. Так, в 1903 г. он заинтересовался номенклатурным статусом видового названия комара *Anopheles claviger*, если для него не существует типового экземпляра (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 83– 84об). В 1904 г. Кожевников затрагивает вопрос о двух «линнеевских» названиях медоносной пчелы — старшем *mellifera* и младшем *mellifica* (там же. Л. 113–114об): в этом случае ему «интересен вопрос: если автор сам отменил своё собственное название, подчиняется ли первое, им отвергнутое, название закону о приоритете?» В связи с этим он упоминает две публикации австрийского энтомолога K. Dalla Torre по систематике перепончатокрылых (1896 и 1899 гг.), в которых тот использует то одно, то другое название. Сам Кожевников в проекте библиографии по этому виду использовал *mellifica* (конец 1890-х гг.), позже во всех работах — *mellifera* (см. разделы 1.3, 4.3). Наконец, в январе 1928 г. он спрашивает А.П. о том, какое из двух названий семейства тлей — Aphidae или Aphididae — является правильным (там же. Д. 499. Л. 34об).

Кратко рассматривая номенклатурные вопросы, Кожевников особо отмечает важность изучения типовых материалов, с которыми работали авторы, выделившие тот или иной вид или подвид. По его мнению, «такие *типичные* экземпляры, по которым установлены новые для науки формы, составляют главную драгоценность музеев» (Кожевников, 1915а, с. 5). При это Г.А., как убеждённый музейщик, считает важным отметить (Кожевников, 1908а, с. 83–84) следующее:

> Если мы хотим точно выяснить, *типично* ли изучаемое нами животное, мы должны сравнить его с таким животным, взятым из местности, откуда описан вид. […] Отсюда понятно великое научное значение зоологических музеев: они хранят типичные, оригинальные экземпляры животных форм, над которыми работали систематики. Уничтожьте эти экземпляры — и систематические работы потеряют немалую долю своего значения.

3.4. Фаунистика

Развитие фаунистического подхода составляет характерную особенность московской школы того раздела описательной зоологии, который связан с изучением таксономического разнообразия животных; её основным центром изначально был и долгое время оставался Зоологический музей МУ. В этом отношении московская школа существенно отличалась от петербургской, развиваемой в академическом Зоологическом музее/институте: для неё более характерен собственно систематический подход к описанию того же разнообразия.

Впрочем, в конце XVIII и самом начале XIX вв. в московской зоологии, как и в большей части классической зоологической науки, господствовала «линнеевская» традиция, так что из-под пера лучших её представителей выходили в основном систематические каталоги. Хорошим примером служит «Zoognozia» (Зоогнозия, 1814 г.) Г.И. Фишера, с которым связана целая эпоха начального становления московской зоологии (см. раздел 2.1). В целом следуя «линнеевской» традиции, он не чурался фаунистических исследований, для чего выделил в университетском Кабинете натуральной истории особый раздел для отечественной фауны (Рулье, 1845, с. 92), а при МОИП в 1808 г. учредил экспедицию для систематического обследования и описания природы Московской губернии (Садчиков, 2015). Первым же среди московских сугубых фаунистов был И.А. Двигубский, который начинал службу в МУ смотрителем Кабинета натуральной истории (1798–1803 гг.) и дослужился до должности ректора МУ (Двигубский, 2023). Он опубликовал несколько фаунистических обзоров, среди которых наиболее известны «*Primitiae Faunae Mosquiensis*» (Начатки Московской фауны, 1802 г.) и «*Prodromus Faunae Rossicae*» (Введение в Российскую фауну, 1804 г.); часть названия первой монографии станет титульным для серии, которую задума-

ет выпускать в конце XIX в. Фаунистическая комиссия ОЛЕАЭ (см. далее).

Труды Двигубского были несомненно фауно-систематического толка, поскольку содержали минимум сведений по естественной истории животных; поворот же московской фаунистики в сторону экологического направления связан с именем К.Ф. Рулье. В своём раннем сочинении-эссе «Сомнения в зоологии как науке» (1841 г.) он призвал изучать российскую природу и рассматривать «животные тела в природе» вместо того, чтобы изучать «их в кабинетах по остаткам, шкуркам, чучелам и проч.» (цит. по: Рулье, 1954, с. 24). Согласно этому Рулье убеждал коллег-соотечественников в том, что «естествоиспытатель, лишённый возможности приобретать новых [экзотических] животных, не лишён возможности делать полезные и важные наблюдения над животными своей фауны» (там же, с. 27). Эту мысль К.Ф. повторил в своей речи «О животных Московской губернии», утверждая, что «ближайшей задачею занимающегося нашей наукой должно быть точное изучение местной фауны» (Рулье, 1845, с. 90). Он закончил свой доклад, обратившись к «питомцам Московского университета» с увещеванием их в том, что «малейшее, ничтожным кажущееся явление имеет свою важность, своё значение, как часть целого, с которым оно связано самыми родственными, необходимыми узами. Каждое наблюдение значительно, если оно истинно, безошибочно» (там же, с. 96).

Этот фауно-экологический поворот закрепил А.П. Богданов, направивший активность зоологических отделений двух опекаемых им обществ — ОЛЕАЭ и ОАЖР — преимущественно на всестороннее изучение животного населения отечественных пределов. В частности, § 1 Устава первого из них прямо гласил, что общество создаётся «для изучения губерний Московского учебного округа в естественно-историческом отношении» (Устав…, 1866). Согласно этому, определяя основные направления научной деятельности Зоомузея, Богданов полагал, что «такое направление, при котором музей будет […] преимущественно русским по своему содержанию, — единственно возможное, и потому это направление положено в основание всего дальнейшего развития музея» (Богданов, 1888, с. 9). Впрочем, довольно скоро ОЛЕАЭ, не без побуждений к тому самого́ же Богданова, отступило от своих уставных ограничений и наладило обширные фаунистические исследования в тех регионах, которые в те годы начала активно осваивать Россия, — прежде всего Горный Туркестан (экспедиции Н.А. Северцова, А.П. Федченко), а также в морях Дальнего Востока и некоторых более отдалённых акваториях Мирового океана (сборы доктора В.И. Исаева) (Богданов, 1915).

В последующем развитии фаунистических исследований большую роль сыграла очередная инициатива А.П. Богданова, приуроченная к проведению Московского зоологического конгресса (1892 г.). Он сформировал временную *ad hoc* комиссию для подготовки обзора «всего, что известно по фауне Московской губернии», предназначенного к изданию в трудах названного конгресса. Проведённая работа, завершившаяся переизданием выше упомянутой «*Primitiae Faunae Mosquensis*» Двигубского, показала «слабое состояние наших сведений о фауне Московской губернии», в результате чего Совет Зоологического отд. ОЛЕАЭ постановил в 1893 г. учредить постоянно действующую Комиссию для исследования фауны Московской губернии. Её первым председателем стал ботаник и зоолог-любитель П.П. Мельгунов, которого через год сменил А.А. Тихомиров, в то время ассистент Зоомузея (Кожевников, 1901в). Комиссия организовывала экскурсии для сбора фаунистических материалов в разных участках Московской губернии, опубликовала несколько «Дополнений к спискам животных Московской губернии» в «Дневнике зоологического отделения» — П.Р. Фрайберга по паукообразным в 1893 г., К.А. Сатунина по млекопитающим в 1895 г. Аналогичную комиссию по исследованию подмосковных водных бассейнов учредили при Ихтиологическом

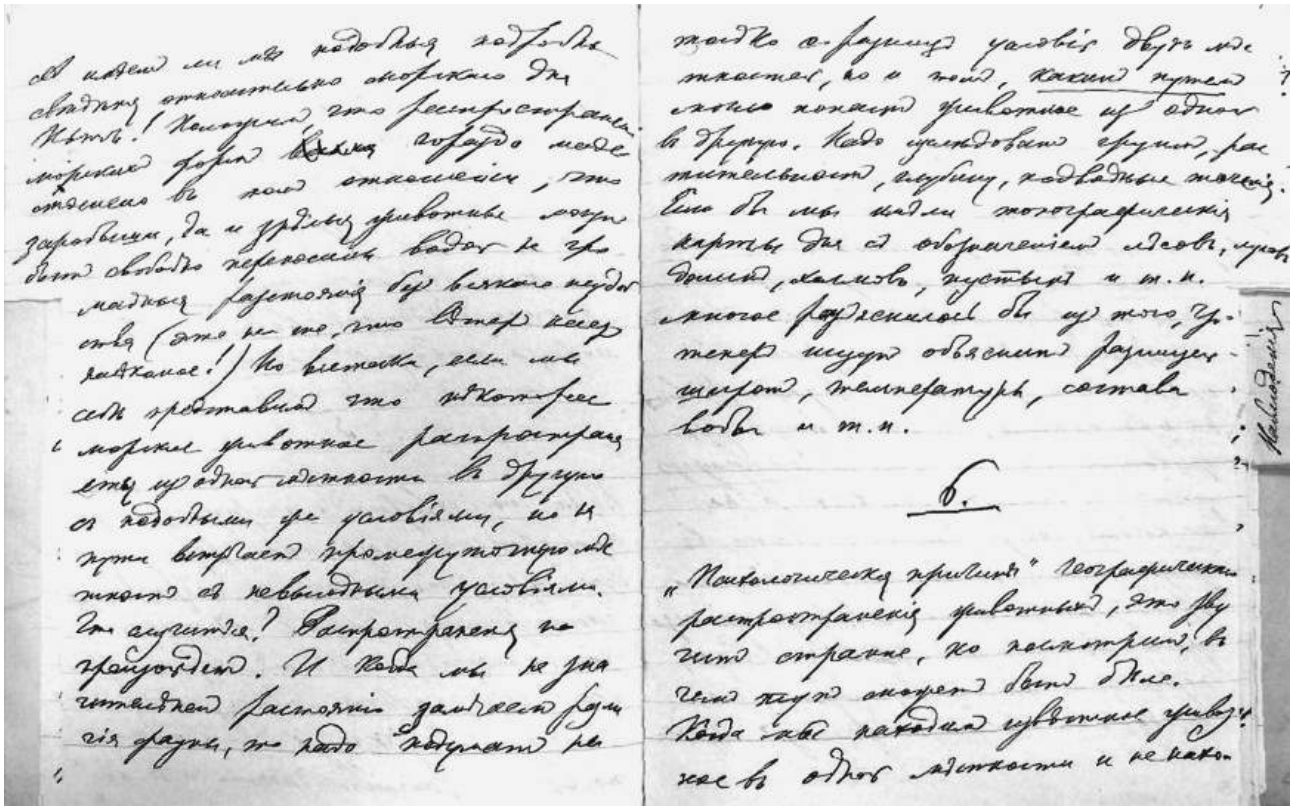

Рис. 3.19. Разворот тетради с отчётом Г.А. Кожевникова о его работе в Балтийском море (1887 г.) с оригинальным объяснением особенностей распространения разных видов животных (АрхМГУ. Ф. 200. О. 1. Ед. хр. 1. Л. 7)

отделении ОАЖР во главе с Н.Ю. Зографом. Работа обеих комиссий с самого начала была сопряжена с Зоологическим музеем: как сказано в годовом отчёте последнего за 1896 г., «Коллекции, собранные […] комиссией по исследованию подмосковной фауны, сохраняются в зоологическом музее и поступают в систематическое собрание музея по окончании их обработки. — Точно так же сохраняются в музее коллекции комиссии по исследованию подмосковных водных бассейнов» (Отчёт…, 1897). Добавим, что в 1894 г. по инициативе всё того же А.П. Богданова при ОЛЕАЭ было организовано Флористическое отделение для изучения русской флоры (Грацианов, 1907).

***

Осмысленное влечение к познанию живой природы пробуждается в будущих естествоиспытателях чаще всего в процессе непосредственных наблюдений над обитателями окрестных лесов и полей, рек и озёр — а эти наблюдения целиком относятся к началам (*primitiae*) фаунистики, а точнее, фауно-экологии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что у Григория Кожевникова интерес к данному разделу зоологии проявился уже в гимназические годы; несколько позже его самые первые научные исследования по водным беспозвоночным Чёрного, Балтийского и Северного морей носили именно фауно-экологический характер (см. раздел 1.2). Обсуждая полученные результаты в особой тетради, датируемой 1887 г. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 1), он высказывает ряд любопытных соображений о возможных причинах особенностей распространения и расселения разных животных: одни являются вполне здравыми, другие же выглядят во многом наивными, но все они так или иначе характеризуют «поисковую», проблемную мотивацию научных интересов и занятий нашего героя.

Явно «экологический» уклон в стремлении Г.А. объяснить фаунистические наблюдения виден из его убеждённости в том, что «если бы

имели топографические карты с обозначением лесов, лугов, долин, холмов, пустынь и т. п., многое [в распространении видов] разъяснилось бы из того, что теперь ищут объяснений разницей широт, температуры, состава воды и т. п.» (рис. 3.19) (там же. Л. 7 [рук.]). Он предполагает, что основным препятствием к расселению с запада на восток некоторых мелководных ракообразных вдоль южного берега Балтийского моря является отсутствие в некоторых местностях водной растительности на песчаных пляжах: «Ракообразным легко приспособляться, но раз нет травы у берега, то как же попадут с запада на восток животные, живущие в этой траве» (там же. Л. 11 [рук.]). Развивая эту мысль, он записывает тогда же в своём дневнике: следует проводить «исследования фауны какого-нибудь не особенно широкого района в тесной связи с флорой этой местности […]. Делать экскурсии в разное время года в одной и той же местности». Правда, тут же он добавляет, как бы обрисовывая не слишком привлекательную (для него) перспективу таких исследований: «Жаль только, что это работа многих лет и требующая мелочной возни» (там же. Ед. хр. 350. Л. 33об, 34).

Примечательно наполненное специфическим антропоморфизмом указание Кожевникова на возможную «психологическую причину» специфических особенностей распространения разных видов животных. Он допускает, что «животное не то что бы *не может* жить в данных условиях», как это обычно предполагают, «а *не хочет*», поэтому в результате оказывается (там же. Л. 7об, 8), что хотя

> в физиологических свойствах данного организма дана полная возможность жить в данных условиях, переселение вполне возможно, но животное вовсе не желает переселяться, ничто его не гонит, не толкает, нет нужды [неразб.] и охоты. От добра добра не ищут. Из-за чего хлопотать, переселяться, приспособляться к новым условиям? … Разве тут не может быть своего рода психологии?…

Для характеристики какой-либо локальной фауны Г.А. считает недостаточным просто перечислять виды в её составе в рамках фауно-систематики; по его мнению, «говоря о характере фауны какой-либо местности, надо обратить особое внимание на то, какие животные действительно характерны, т. е. часто встречаются […], а про каких можно только сказать, что они встречены […] для *характера* фауны это главное» (там же. 13об). Эта важная мысль, высказанная нашим героем (напомним) в кандидатской работе в конце 1880-х гг., в настоящее время является одной из ключевых в биоценологии, на её основе разработаны представления о видах-эдификаторах природных сообществ и многочисленные классификации последних и т. п.

В 1895 г., начав продумывать свой курс зоогеографии, Кожевников в дневнике кратко намечает основные задачи и методы фаунистических исследований следующим образом (там же. Ед. хр. 350. Л. 82):

> 1) статистический перечень — факт наблюдения; этого мало. 2) частота нахождения. Есть ли данное животное постоянный член фауны, частый, постоянно редкий или случайный. 3) перемещение видов. 4) появление видов, исчезание. Распределение фауны в пределах маленьких участков (Москов[ская] губ., Ока).
>
> Методы описания небольших участков во всей совокупности их фауны.
>
> Методы прослеживания известных форм по всему земному шару. Космополиты и замкнутые формы.
>
> Фация геологическая. В действ[ительности] фация мож[ет] б[ыть] оч[ень] узкая. Примеры […]
>
> Оро- и гидрография. Климат. Культура.

Обосновывая значимость фаунистических исследований в своём курсе зоогеографии, Кожевников подчёркивает, что «всякое интересное с анатомической или биологической точки зрения животное было некогда фаунистической находкой», причём здесь фаунистика сближается с систематикой, поскольку их общая «*весьма важная задача* заключается прежде всего в том, чтобы дать полную опись,

полный реестр всего населения земного шара, и эта задача сама по себе достаточно высока и не может быть поставлена ниже других задач естествоиспытателя» (там же. Ед. хр. 61. Л. 5об, 6об). В обзорной статье об основных понятиях зоогеографии, написанной в 1908 г. по материалам названного курса, он рассматривает те исходные фактические данные по современным формам, с которыми имеет дело эта дисциплина, и указывает (Кожевников, 1908а, с. 78), что именно

> фаунистические работы разных категорий дают этот материал. Далеко не всякая фаунистическая работа одинаково ценна и интересна для зоогеографа. Иногда фаунист даёт только голый список животных, без выяснения частоты или редкости их нахождения, без выяснения, какие виды постоянно живут в данной местности, какие попадаются случайно и временно. Иногда фаунистическая работа представляет собою ряд отрывочных заметок о некоторых животных данной местности, не давая сколько-нибудь полного понятия о составе фауны. Зоогеограф должен старательно выяснить характер фаунистических данных, на основании которых он делает свои выводы.

Принимая все эти предпосылки во внимание, Г.А. подчёркивает в одной из своих статей в журнале «Естествознание и география» за 1906 г., во многом повторяя слова К. Рулье более чем полувековой давности, что «работа по изучению русской фауны является настоятельной необходимостью, заполнением крупного пробела в русской науке. […] Многие весьма образованные и даже знакомые с естественными науками люди совершенно не представляют себе, как плохо изучена фауна России, какая громадная работа лежит здесь перед исследователями» (Кожевников, 1906б, с. 68–69). На самом же деле, «чтобы получить полное понятие о фауне какой-либо группы животных данного, хотя бы небольшого района, необходимо изучать эту фауну *в течение многих лет* с величайшим старанием» (Кожевников, 1908а, с. 79).

Основным приложением фаунистических интересов Кожевникова стала выше упомянутая Фаунистическая комиссия, председателем которой он был избран в 1901 г. (в связи со сложением с себя председательских полномочий А.А. Тихомировым и по его протекции) и возглавлял её до начала 1930-х гг. Обоснованию необходимости такой комиссии он посвятил обстоятельный доклад на годичном заседании ОЛЕАЭ в 1906 г., посвящённый задачам изучения фауны Московской губ. (Кожевников, 1906в). В нём Григорий Александрович напоминает, что при создании этого общества в его уставе была зафиксирована необходимость изучения фауны Московского учебного округа и собирание с этой целью коллекций в музеях МУ. Далее он обращает внимание на то, что «если мы зададимся вопросом: *почему* в данной местности живут те или иные животные, то окажется, что для ответа на этот вопрос нам надо знать весьма многое и вопрос этот крайне сложный» (там же. Л. 3). Отталкиваясь от этого тезиса, он задаёт риторический вопрос: «Знаем ли мы достаточно фауну Московской губернии?» — и сам же отвечает на него: «К великому сожалению приходится ответить, что нет» (там же. Л. 4). После обстоятельного описания животного и растительного населения, гидрографии и орографии Московского региона Кожевников заключает, что его специфика «придаёт изучению фауны Московской губернии громадный интерес. Приходится выяснять, как, откуда и почему сходятся у нас […] столь разнохарактерные элементы» (там же. Л. 40).

Г.А. Кожевников отчётливо понимал, что фаунистические исследования значимы не только сами по себе, но и как важный подготовительный этап работ по систематике и зоогеографии. В свою очередь, раскрывая «кухню» этих исследований, он подчёркивал, что в практическом плане всякие научные изыскания начинаются работами над зоологическими коллекциями, которые должны быть собраны и сохранены надлежащим образом (Кожевников, 1906б). По этой причине одну

Рис. 3.20. Фотография части бывшей усадьбы гр. Е.П. Шереметевой в с. Михайловском (начало 1920-х гг.): в этом крыле здания, вероятно, располагался Михайловский музей (https://yandex.ru/images/search?from=tabbar&lr=11481&source=related-duck&text=Усадьба%20Михайловское%20Московская%20область)

из основных задач Фаунистической комиссии Кожевников сформулировал в редакторском Предисловии к «Руководству к зоологическим экскурсиям», изданном в 1902 г., следующим образом: «Содействовать по мере возможности собиранию научного материала по фауне России […] для научной работы по систематике и зоогеографии» (Кожевников, 1902д, с. 1). Для этого он полагал необходимым «собрать возможно обширный материал из возможно разнообразных местностей губернии» (Кожевников, 1901в, с. 217), принимая во внимание, что «собиратели научных коллекций могут быть везде, и всякий, обладающий известными природными качествами […], может быть участником серьёзной научной работы» (Кожевников, 1906б, с. 68). Руководствуясь этими соображениями, Г.А. вскоре после своего избрания руководителем Фаунистической комиссии поместил в «Русских ведомостях» небольшую заметку «От Комиссии для исследования…», в которой кратко объяснил её основные задачи и ещё раз особо подчеркнул, что «*всякая коллекция животных московской фауны имеет научный интерес, если в точности известно, где она собрана*» (Кожевников, 1902е). Вслед за этим он обратился к желающим коллектировать, но не особо сведущим в этом важном деле, с просьбой прислать ему свои адреса с тем, чтобы можно было координировать их деятельность к вящей пользе для науки.

Для активизации работы комиссии в центральных регионах России Кожевников предложил «создать местные центры для фаунистических сборов, так как однодневные, двух- или трёхдневные поездки дают всегда крайне отрывочный материал» (Кожевников, 1901в, с. 218). Примерами таких «местных центров» являются стационары — биостанции, которых в начале XX в. в европейской России насчитывалось уже до десятка. Одним из них стала Косинская биостанция, на которой проводились регулярные многолетние фаунистические сборы в разные сезоны, об этом специально указано в некоторых годовых отчётах Зоомузея (Отчет…, 1909, 1912) (о ней см. далее).

Одним из примеров удачной организации такого «местного центра» Г.А. Кожевников считал усадьбу графов Шереметевых в с. Михайловском Подольского уезда (Кожевников, 1901в). Владелица усадьбы графиня Е.П. Шереметева была весьма образованной (для женщин её круга) в области естествознания, состояла в переписке с университетскими профессорами, хранителями коллекций и ботанических садов. Она организовала в Михайловской усадьбе

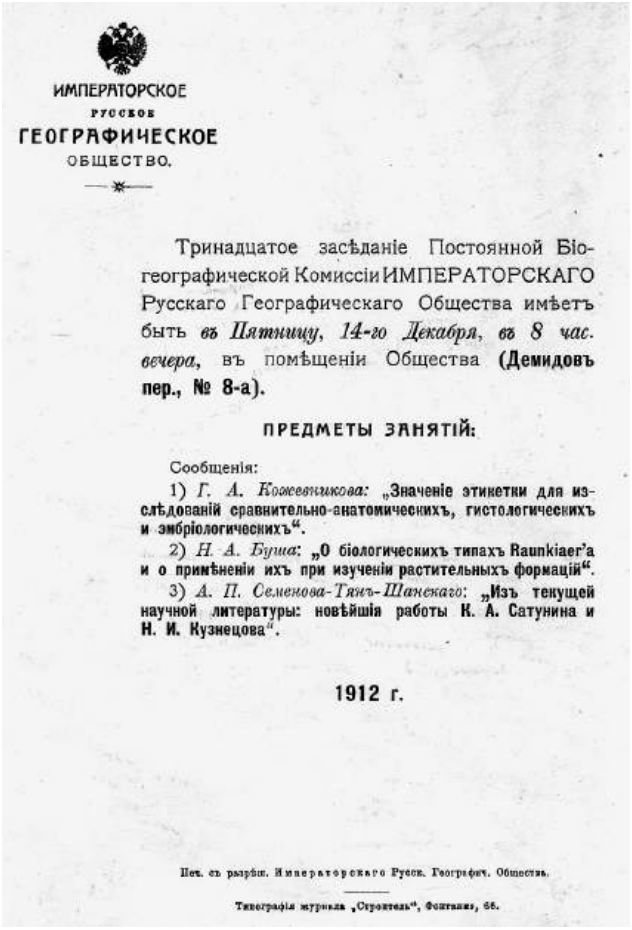
небольшие музей и ботанический сад, это её собрание скоро стало довольно известно среди московских натуралистов как «Михайловский музей», для него было выделено особое помещение (рис. 3.20), коллекции были доступны для изучения, часть дубликатов из него ежегодно передавалась в Зоомузей. Для пополнения музея Шереметева снаряжала на собственные средства небольшие экспедиции, для описания своих коллекций учредила периодическое издание (Митрофанов, 1920).

После революции усадьба будет объявлена музеем дворянского быта; некоторые коллекции в нём сохранятся до начала 1922 г., об этом А. Юзефович сделает сообщение на одном из заседаний Фаунистической комиссии (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 230. Л. 40). Позже музей будет ликвидирован и в поместье организуют дом отдыха; ныне Михайловское входит в Троицкий округ «Большой Москвы».

Воспитанный в музейных традициях и нацеливший Фаунистическую комиссию на организационное обеспечение грамотного сбора коллекционных материалов как одного из ключевых условий решения указанной «первой задачи», Кожевников предложил в том же 1901 г. «составить» при комиссии особую «Комиссионную коллекцию», принадлежность коллекционных экземпляров к которой удостоверялась бы особой меткой на этикетках. Эта метка предполагалась в форме «окаймлённого красным кружочечка в 4 mm. диаметром с буквами Ф.К. внутри» (Кожевников, 1902ж, с. 1). Члены комиссии постановили принять это предложение, причём в их постановлении было специально оговорено, что оные члены, собирающие личные коллекции, обязуются а) передавать часть их в «Комиссионную коллекцию» и б) по запросам выдавать оставляемую в их собственность часть материалов во временное пользование комиссии для исследований. Впрочем, эта коллекция как некое отдельное собрание, видимо, так и не была создана: как сказано в отчёте о первом годе деятельности комиссии, «комиссионные коллекции входят в состав коллекций Зоологического музея […], что избавляет Комиссию от непосильных для неё расходов […], но все объекты несут на себе метку Комиссии, так что всегда могут быть отысканы среди сходных объектов» (там же). В годовых отчётах Зоомузея начиная с 1902 г. появились указания на поступления коллекционных материалов от Фаунистической комиссии в музейные фонды (экземпляров с такими «метками» в современной музейной коллекции мы не обнаружили).

Активизация деятельности Фаунистической комиссии в этом направлении, стимулированная идеями и организационными усилиями Г.А. Кожевникова, привела к тому, что у её членов «явилась мысль составить руководство, которое имело бы в виду вполне определённую задачу: содействовать по мере возможности собиранию научного материала по фауне России», в основном континентальной (Кожевников, 1902д, с. 1). Эта мысль очень скоро «материализовалась» в форме упомянутого нами ранее «Руководства по зоологическим экскурсиям», подготовленного большим авторским коллективом под руководством Кожевникова и изданного в 1902 г.[7]. В вводном разделе «Руководства» Г.А. обращает внимание на то, что «нередко случается так, что окраины оказываются лучше изученными в фаунистическом и флористическом отношении, чем центральные губернии» (Кожевников, 1902б, с. 3). Отмечая «малое количество специалистов, занимающихся систематикой животных и зоогеографией на обширном пространстве нашего отечества», он особо подчёркивает, что «на таком обширном пространстве справиться с изучением фауны силами одних профессиональных натуралистов невозможно: необходима широкая помощь любителей, которая может выразиться как в научном собирании материала, так и в его научной обработке» (там же). В связи с этим он обращается к московским любителям наблюдать птиц в природе (их в настоящее время обык-

[7] Примечательно, что согласно постановлению Фаунистической комиссии «весь гонорар поступает на нужды Комиссии» (Кожевников, 1902ж, с. 5).

ИМПЕРАТОРСКОЕ
РУССКОЕ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО.

Тринадцатое засѣданіе Постоянной Біогеографической Комиссіи ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества имѣетъ быть *въ Пятницу, 14-го Декабря, въ 8 час. вечера*, въ помѣщеніи Общества **(Демидовъ пер., № 8-а).**

ПРЕДМЕТЫ ЗАНЯТІЙ:

Сообщенія:

1) *Г. А. Кожевникова:* **„Значеніе этикетки для изслѣдованій сравнительно-анатомическихъ, гистологическихъ и эмбріологическихъ".**

2) *Н. А. Буша:* **„О біологическихъ типахъ Raunkiaer'a и о примѣненіи ихъ при изученіи растительныхъ формацій".**

3) *А. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго:* **„Изъ текущей научной литературы: новѣйшія работы К. А. Сатунина и Н. И. Кузнецова".**

1912 г.

Печ. съ разрѣш. Императорскаго Русск. Географ. Общества.

Типографія журнала „Строитель", Фонтанка, 56.

Рис. 3.21. Объявление о заседании Постоянной биогеографической комиссии РГО (1912 г.) с докладом Г.А. Кожевникова «Значение этикетки…» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 93)

новенно называют «bird watchers») со страниц «Дневника Кружка любителей певчей и другой вольной птицы» со специальной статьёй «Что могут сделать любители птиц для исследования подмосковной фауны», с тем, чтобы их личные натуралистические наблюдения попадали в общую копилку научных фаунистических фактов (Кожевников, 1904д).

Названное «Руководство», имея несомненно практический характер, акцентирует внимание на экскурсиях (напомним, что в то время так назывались кратковременные нестационарные полевые исследования) как на важном методе сбора данных для фаунистических исследований. Для сбора как можно более полных данных о животном населении Г.А. Кожевников рекомендует (Кожевников, 1902б, с. 7–10) совершать в данной местности

возможно часто экскурсии в разное время года. При этом надо стараться посещать возможно большое число пунктов в [её] пределах, не делая априорных заключений о том, какие местности интересны, какие неинтересны. Надо получить возможно полную картину фауны исследуемого района в форме коллекций. […] Весьма важное условие научного собирания коллекций — брать много экземпляров одного и того же вида […] нечего бояться взять лишнее, надо бояться чего либо пропустить. […] Идеальная коллекция должна количеством экземпляров каждого вида давать нам картину распределения вида в изучаемой местности.

При этом, совершенно отчётливо понимая природу научной достоверности фаунистических, а с ними и зоогеографических данных, Григорий Александрович подчёркивает, что «зоологическая коллекция имеет научный интерес только в том случае, если каждый экземпляр снабжён этикеткой, прочитав которую, всякий может понять без каких-либо специальных объяснений со стороны собирателя, где, когда, при каких условиях и кем пойман данный экземпляр» (там же, с. 17).

Будучи знатоком музейного дела, Г.А. Кожевников посвятил значению этикетки специальный доклад на одном из заседаний РГО (рис. 3.21) (Кожевников, 1912а). В нём он особо подчёркивает значимость надлежащего этикетирования музейных материалов не только для решения задач фаунистики и систематики, но и для анатомических, гистологических и эмбриологических исследований. По его мнению, «точность этикетки […] есть точность самого опыта», а в пренебрежении данными о поле и возрасте, месте и времени сбора и т. п. экземпляров, из которых приготовлены препараты, «кроется глубокая методологическая ошибка, последствия которой мы далеко ещё не учитываем» (там же. Л. 6). Такая «безэтикеточная» зоология не позволяет не только решать, но даже и ставить некоторые важные для биологов вопросы, в том числе, например, касающиеся внутривидового полиморфизма.

Для составления более полной картины статики и динамики видового состава животных Московского региона Кожевников предложил создать подробную картотеку, в которую заносились бы все необходимые сведения; это предложение получило единодушную поддержку членов комиссии. По его замыслу, картотечный материал, собранный разными исследователями, «послужит к составлению сводных карточек, которые, давая понятие о всех наличных коллекциях, явятся подвижным каталогом Московской фауны» (Кожевников, 1902ж, с. 4). Для стандартизации индивидуальных картотек он подготовил в помощь фаунистическим собирателям небольшую инструкцию, в которой указал, каким образом желательно а) исследовать местности для наиболее надёжного выявления представителей конкретных таксонов и б) заполнять видовые карточки стандартного формата с соответствующими сведениями. В инструкции, среди прочего, отмечено, что «собранные на организованных Комиссией экскурсиях материалы составляют собственность Комиссии». Эту инструкцию дополнил специально составленный «Вопросник» (Кожевников, 1905г, с. 113), в котором особо подчёркивалась необходимость надёжного видового определения, «чтобы вполне исключена была возможность смешения […] данного вида с другими, схожими видами» (там же). Инструкция и вопросник при ней были изданы отдельной брошюрой, распространяемой среди желающих содействовать работе комиссии (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 228а).

В качестве отправной точки налаживания планомерных обследований определённых территорий Фаунистическая комиссия организовывала небольшие ознакомительные и разведочные экскурсии длительностью от одного до нескольких дней. На заседаниях комиссии составлялись планы экскурсий, о коих «комиссионеры» и желающие участвовать в них извещались объявлениями, изготавливаемыми типографским способом (там же). Для активизации энтомологических сборов комиссия наладила изготовление энтомологических ящиков, а также так называемых «фотоэклекторов» для сбора мелких припочвенных и почвенных беспозвоночных, которые впервые опробовал в России Кожевников (Кожевников, 1903в).

Основным же источником массовых поступлений фаунистических коллекций, по замыслу Г.А. Кожевникова, должны были стать не экскурсии, а полноценные экспедиции, в которых участвовали бы не только члены Фаунистической комиссии, но также любые желающие, владеющие азами методов полевых исследований, в том числе студенты-естественники. Для последних участие в таких экспедициях должно было служить хорошим средством для приобретения навыков работ в полевых условиях. Однако все эти планы, как всегда, разбивались о значительные финансовые проблемы: Кожевников в заметке «Учёные общества и экспедиции», помещённой в газете «Утро России» в 1913 г., вспоминает, что ОЛЕАЭ, состоящее при МУ, за последние четверть века не смогло организовать на университетские средства почти ни одной экспедиции, причём причина была до безобразия проста: отсутствие в бюджете МУ специальной статьи на финансирование научных полевых исследований (Кожевников, 1913г). Как пишет Г.А. в названной заметке, тяжёлую ситуацию отчасти исправляли некоторые пожертвования Московской управы; воодушевлённый этим, он тут же предлагает учредить при ОЛЕАЭ за счёт таких пожертвований «фонд научной экспедиции имени Москвы», чтобы проводить полноценные комплексные полевые сборы. Ставший к этому времени активным участником природоохранного движения, автор заметки убеждает читателей в том, что «в результате явится работа, которая даст нам *научную картину жизни первобытного леса* во всей её полноте» (там же).

Достаточно большая экспедиция была организована комиссией по инициативе Г.А. Кожевникова летом 1903 г. для обследования фауны р. Оки и её прибрежной полосы: то была Окская экспедиция, которую сам председатель комиссии и возглавил (Кожевников, 1905д). Побудительной причиной была слабая изучен-

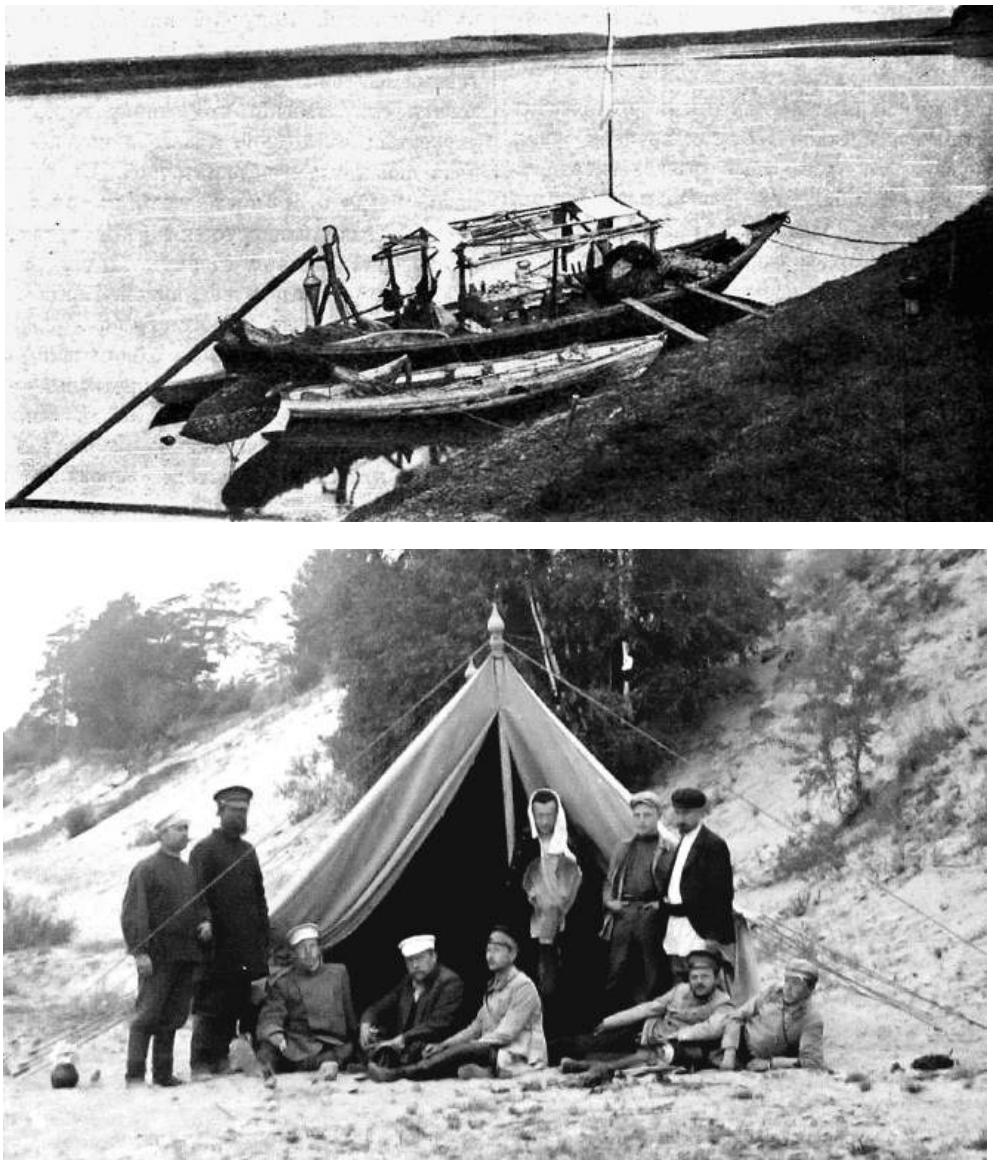

Рис. 3.22. Рабочие моменты Окской экспедиции летом 1903 г.: вверху — лодки, на которых сплавлялись участники по р. Оке (Кожевников, 1905д, с. 65); внизу — временный лагерь на берегу р. Оки, Г.А. Кожевников сидит в центре в белой фуражке (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 406)

ность речной фауны беспозвоночных по сравнению с озёрной. Эта экспедиция изначально планировалась как комплексная, включающая не только фаунистическое, но и флористическое обследование местности. Последнее, как подчёркивает Кожевников, было выполнением его давнего «вполне определённого плана изучать фауну в связи с изучением условий её обитания» (там же, с. 12). Зоологическую часть Окской экспедиции составили Э.Е. Беккер, Н.В. Воронков, Б.К. Гинтце, А.П. Дацкевич, Ю.Н. Зограф, Г.А. Кожевников, А.Ф. Флёров и Ф.С. Щербаков. Вся команда была разделена на три отряда: один проводил гидробиологические исследования самой реки, другой обследовал приречные участки (поймы, старицы, бечёвники), третий — лесные участки на береговых террасах. Экспедиция длилась с конца мая по середину июля, сплавлялась по Оке на одной большой лодке и двух малых (рис. 3.22). За это время участники её водного маршрута отработали 40 станций для сбора гидрологических и биологических проб; на сухопутных пешеходных маршрутах такую регулярность

соблюдать не удавалось. В университетском архиве Кожевникова хранится журнал Окской экспедиции (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 223). По времени экспедиция частично совпала с обследованием комаров в пойме реки Воронеж (см. раздел 3.7), так что Г.А., очевидно, работал на Оке не всё время.

Окская экспедиция 1903 г., кроме собранного обширного материала преимущественно по пресноводным беспозвоночным, была весьма результативной в организационном отношении: она позволила Г.А. Кожевникову заключить, «что в такой местности как Московская губерния […] многолюдные экскурсии на большом пространстве при быстроте хода не оправдывают себя» (Кожевников, 1905д, с. 7). На этом основании он считает, что «надо установить два практичных типа экскурсий: 1) разведочные — с одним или двумя участниками для выяснения характера местностей […]; 2) интенсивные при участии нескольких человек в течение нескольких дней на сравнительно небольшом пространстве» (там же).

Анализируя с методологической точки зрения работу Н. Воронкова по окским коловраткам, опубликованную в отчёте о деятельности Фаунистической комиссии за 1904–1909 гг., Кожевников обращает внимание на то, что «методика фаунистических и зоогеографических исследований […] мало знакома многим зоологам, особенно начинающим» (Кожевников, 1911ж, с. 37), и высказывает важные и хорошо продуманные соображения по этому поводу, которые имеет смысл, ввиду их актуальности, привести здесь целиком:

> Для большей точности и научности фаунистических и зоогеографических выводов весьма важно добиваться возможно большей интенсивности при собирании материала. При исследованиях, производящихся на одном и том же месте, стационарно, надо всячески стараться провести сборы через весь год и, если можно, в течение нескольких лет. При стационарных исследованиях, длящихся менее года, надо всячески стремиться повысить число экскурсионных дней и часов. При исследованиях нестационарных, экспедиционных, надо всячески стараться повысить число отдельных ловов по всему пройденному пути, ставя себе в этом предел лишь наличностью посуды и сил. Никогда не надо думать, что материала собрано слишком много. Его не может быть слишком много даже для выводов фаунистических, но есть и другие направления в обработке материалов. При современном развитии статистического и биометрического направлений в зоологии многим исследователям приходится жалеть о том, что собиратели доставляют слишком скудные материалы. А в каком направлении будет обрабатываться впоследствии материал, собиратель предугадать не может.

За недостатком финансовых средств Окская экспедиция оказалась единственной комплексной, организованной на средства и силами самой Фаунистической комиссии. После неё нечто подобное, хотя и не столь масштабное, Зоомузей организовал в 1907 г., снарядив 10-дневную экскурсию на пароходе по р. Москве и Оке для сбора водных организмов, в ней участвовали Н.А. Цневитинов и П.С. Гальский (Отчет…, 1908). Кроме того, «комиссионеры» совершали небольшие групповые экскурсии по центральным районам России для их фаунистических обследований и сбора коллекций. Например, летом 1904 г. одна группа из пяти членов комиссии совершила трёхдневную экскурсию в поймах рек Яхромы и Сестры, другие группы обследовали Раменский лес и побережье Оки; летом 1907 г. Г.А. Кожевников организовал предварительное ознакомление с природой Косинского трёхозёрья (Кожевников, 1911з). Все такого рода обследования, даже одиночные, считались «экскурсиями Комиссии» и в таком качестве указывались в годовых отчётах Зоомузея как особый источник поступлений в него новых коллекций.

В подобных экскурсиях участвовали также члены Студенческого кружка для исследования Русской природы, учреждённого в 1901 г. при Кафедре зоологии, во главе его в то время стоял Н.Ю. Зограф. В годовых отчётах Зоомузея

этот кружок указывался также как жертвователь коллекционных материалов, добытых его членами (Ю.Н. Зограф, В.С. Муралевич и др.). Географический охват студенческих экскурсий выходил далеко за пределы Московского региона: среди поступлений от членов кружка указаны сборы из Крыма, Тифлисской и Минской губ., Среднего Урала и др.

Кроме того, члены Фаунистической комиссии по мере возможности участвовали в экспедициях, организуемых другими научными обществами; одной из них была Канинская экспедиция РГО в 1902 г. на южную часть п-ова Канина, в которой принял участие Б.М. Житков (Гудаев, 2021), в 1908 г. он же участвовал в Ямальской экспедиции этого общества (Отчет…, 1909). В отчёте Зоомузея за 1904 г. отмечены материалы «от экспедиции для исследования вод Северо-Западного края», собранные Н.В. Богоявленским, Н.В. Воронковым, Б.К. Гиндце, В.И. Грациановым и др. (Отчет…, 1905; организатор экспедиции не указан). Хотя Фаунистическая комиссия в числе соорганизаторов таких «сторонних» экспедиций официально как будто не значится, можно не сомневаться, что Г.А. Кожевников активнейшим образом содействовал «пристройству» к ним своих подопечных, а также по мере возможности «выбиванию» их частичного финансирования службами МУ.

Достаточно обширные фаунистические сборы поступали в виде пожертвований от многочисленных любителей и естествоиспытателей: в готовых отчётах Зоомузея за 1902 и 1903 гг. среди жертвователей указаны выше упомянутый Михайловский музей, географ П.А. Греве, чучельщик Ф.К. Лоренц, сам Г.А. Кожевников (передавал ящики с собранными им насекомыми) и др. (Речь…, 1903, 1904). Примечательно, что все подобные материалы официально сначала поступали в Фаунистическую комиссию, а уже потом через неё передавались на постоянное хранение в Зоологический музей: об этом мы судим на том основании, что в годовых отчётах МУ все они указаны в том пункте коллекционных поступлений, который отведён именно для комиссии. Например, в отчёте за 1904 г. отмечено, что в коллекцию Зоомузея поступили «от гр. Е.П. Шереметевой через Комиссию для исследования фауны Московской губернии из дублетов Михайловского музея» (Отчет…, 1905).

Основную «кабинетную» часть работы Фаунистической комиссии составляли регулярно проводимые рабочие заседания под руководством Г.А. Кожевникова; на одном из первых «Комиссия постановила печатать свои отчёты и добываемые новые данные по фауне Московской губернии в “Дневниках зоологического отделения”» (Кожевников, 1902ж, с. 2), что и было сделано. На заседаниях обсуждались текущие вопросы работы комиссии и планы на ближайшее будущее, формы отчётности по экскурсиям и другие организационные вопросы. Первоначально на заседаниях заслушивались в основном сообщения «комиссионеров» об их экскурсиях и о собранных в них коллекциях. Со временем, по мере накопления материалов, некоторые сообщения становились более пространными и включали наблюдения над анатомией и биологией некоторых групп беспозвоночных; впрочем, они чаще всего ограничивались сборами, сделанными во время таких экскурсий. Так, С.С. Четвериков на одном из заседаний в 1904 г. рассказал о «волнах жизни» на основе своих наблюдений над годовой динамикой численности некоторых видов бабочек Подмосковья; Г.А. Кожевников делал сообщения о новых методах фаунистических исследований, применяемых европейскими коллегами (Кожевников, 1905г).

Согласно только что упомянутому постановлению, результаты исследований московской фауны комиссия первоначально публиковала в «Дневниках Зоологического отд.» ОЛЕАЭ в двоякой форме. Одни из них фигурировали как «Добавления» к прежним спискам животных Московской губернии, другие были полноценными монографическими фауноэкологическими описаниями отдельных групп животных, иногда весьма объёмными (например, упомянутое по коловраткам за авторством

Н. Воронкова). В 1911 г. Фаунистическая комиссия по предложению её члена С.И. Огнёва постановила издавать итоги фаунистических исследований в виде отдельных монографий под общим названием «*Fauna Mosquensis*. Опыт описания фауны Московской губернии», её редактором в 1912 г. был избран Г.А. Кожевников (Кожевников, 1913д). Первым выпуском в этой серии в 1913 г. была опубликована книга самого Огнёва по млекопитающим (Огнев, 1913); она стала своего рода предвестием его многотомной сводки по млекопитающим России, первый том которой вышел в 1921 г. (всего вышло 7 томов, серия осталась незаконченной). Увы, эта первая книга стала и последней в задуманной многотомной серии; во всяком случае, в библиотеке Зоомузея мы не нашли других фаунистических сводок, выпущенных под шапкой «*Fauna Mosquensis*».

Воистину достойно удивления и сожаления, что деятельность Кожевникова по организации фаунистического обследования животного населения центральной России не встречала поддержки и сочувствия со стороны некоторых авторитетных представителей «анатомического крыла» классической зоологии (Н.Ю. Зограф и др.): мы уже упоминали выше про такой их негативный настрой (см. разделы 2.4, 3.3). Об этом можно судить по письму Л.С. Берга к нашему герою, датируемому 1908 г., который отвергает сетования Г.А. на то, что петербургские зоологи якобы «осуждают [его] деятельность» как систематика и фауниста, и пишет с горячей убеждённостью (рис. 3.23) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 444. Л. 10об, 11):

> Если найдутся такие ограниченные и узкие специалисты-морфологи, которые будут утверждать, что мы с Вами делаем ненужное дело, потому что изучение фауны России не есть наука, то такие суждения могут свидетельствовать только об ограниченности их авторов. […] Наши доморощенные хулители зоогеографии доказывают этим только своё неуважение к *русской* науке.

Пик активности Фаунистической комиссии пришёлся на 1900-е и начало 1910-х гг., после чего её деятельность, по не зависящим от «комиссионеров» обстоятельствам, во многом сократилась. В 1920 г. секретарём комиссии был С.И. Огнёв, в 1921 г. его избрали вице-председателем, а секретарём — В.В. Алпатова (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 230. Л. 16об). Судя по сохранённым в университетском архиве протоколам, в 1920–1923 гг. заседания комиссии проводились достаточно регулярно (более поздних протоколов мы не обнаружили). На одном из таких заседаний в 1920 г. Г.А. Кожевников сделал доклад о необходимости приступить к подготовке Каталога московской фауны, который объединил бы результаты работ разных учреждений, так или иначе связанных с изучением животного населения Московской губернии (там же. Л. 6об), но это сделать не удалось. Он же при планировании работ на 1922 г. опять высказал пожелание вести коллектирование не эпизодическими наездами, но в течение всего сезона силами экспедиционных отрядов, а в другом докладе ещё раз подчеркнул значение массовых сборов для изучения фауны (там же. Ед. хр. 230. Л. 44, 54).

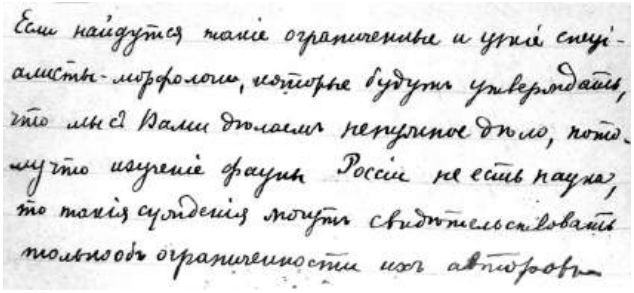

Рис. 3.23. Фрагмент письма Л.С. Берга к Г.А. Кожевникову (июль 1908 г.) с его мнением о значении фаунистических исследований (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 444. Л. 10об)

Специальный интерес Г.А. Кожевникова к внутривидовой изменчивости (см. раздел 3.5) и понимание условий достоверности знаний о фаунистическом составе конкретных регионов (см. выше) побудили его уделить больше внимания массовым коллекционным сборам в ходе полевых исследований. В докладе, посвящённом современным направлениям в систематике и зоогеографии (1923 г.), он специально коснулся этого вопроса, отметив (Кожевников, 1923б. Л. 2 [рук.]), что

несомненно современным новым течением надо признать стремление собирать большое количество экземпляров, большие серии. Это стремление к накоплению богатого материала даже из одного места, даже самых обычных видов является характерным для современной организации работ, и это стоит в связи с современным направлением в систематике.

По свидетельству Б.С. Кузина, Кожевников старался всеми силами поддерживать деятельность Фаунистической комиссии и позже, но не слишком успешно. В 1924 г. комиссия участвовала в организации конференции по изучению естественных производительных сил Центрально-Промышленной области (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 234). В 1927 г. группа студентов-зоологов МУ обратилась в комиссию с предложением учредить при ней студенческую секцию для организации гидробиологических исследований в Московской губернии (там же). В 1929 г. Г.А. упоминает в письме к А.П. Семёнову-Тян-Шанскому о проведённом заседании комиссии, на котором по инициативе Е.С. Смирнова был затронут вопрос о соотношении терминов «подвид» и «раса» (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 499. Л. 58). И всё же Фаунистическая комиссия «потихоньку скончалась сама, поскольку потеряла свой первоначальный смысл широкого объединения любителей вокруг скромного научного предприятия» (Кузин, 1999, с. 51). Одной из причин такой судьбы комиссии, по всей видимости, стала активизация обследований НИИЗом животного населения отдалённых регионов страны, финансируемых правительственными учреждениями. Как указано выше, частью этих обследований были фаунистические работы в Черноземном регионе, на Кавказе, в Средней Азии (см. раздел 2.7). Они стали источником поступлений объёмных коллекций и новых сведений, их научные результаты публиковались в многочисленных статьях и даже книгах. Очевидно, такое направление исследований во многом сформировалось под влиянием Г.А. Кожевникова; однако роль самой Фаунистической комиссии в их организации была весьма незначительной.

3.5. Полиморфизм и «биометрика»

Приступив в 1890-е гг. к изучению естественной истории медоносной пчелы и заинтересовавшись её внутривидовым разнообразием, особенно дифференциацией общественных перепончатокрылых насекомых на касты (см. раздел 4.2), Г.А. Кожевников очень скоро перешёл от этого частного вопроса к более широкой, фундаментально значимой проблеме понимания изменчивости организмов как биологического явления, о чём мы упоминали ранее (см. раздел 3.2). Его интерес к данной теме был связан с преданностью идеям дарвиновского эволюционного учения, в котором внутривидовой изменчивости придаётся ключевое значение — именно она служит областью действия естественного отбора. Поэтому, особо выделяя познавательную значимость работ по изменчивости, Г.А. считает важным объявить, что «за последние годы серьёзное изучение изменчивости […] выделилось даже в особое направление, в особую школу в биологии» (Кожевников, 1903г).

Основным результатом реализации этого интереса Кожевникова становится второй том его диссертации «Материалы по естественной истории пчелы», который, в отличие от первого, имеет особый подзаголовок — «О полиморфизме у пчелы и у других насекомых». Автор этой солидной монографии подчёркивает, что рассматриваемый в ней «вопрос существенно важен не только для разъяснения организации *Apis mellifera* L. и всех остальных семейных перепончатокрылых, но и для разъяснения одного из основных вопросов биологии — вопросов о возникновении разнообразия животных форм вообще. Это вопрос о полиморфизме» (Кожевников, 1905а, с. [1]).

В предисловии к указанному тому Кожевников, вставая на стезю спекулятивного теоретизирования, которую сторонники «голого эмпиризма» считают весьма скользкой и поэтому всячески стараются избегать, полагает необходимым особо оговорить следующее важное обстоятельство. Он пишет (там же, с. [2]):

> Затрагивая целый ряд общих биологических вопросов, я должен был по необходимости подолгу оставаться в области предположений, гипотез и рассуждений отвлечённого характера. Конечно, натуралисту всегда желательно опираться на факты, но недостаток их есть тоже факт, с которым приходится постоянно считаться. Многие биологи-теоретики, рассуждая о тех же нерешённых вопросах, имели фактов гораздо меньше, чем я. Добывши новые факты, я счёл необходимым ввести их в круг предыдущих теоретических рассуждений и показать, с какими из них эти факты согласуются, с какими нет.

Активный интерес Г.А. к внутривидовой изменчивости был стимулирован пониманием того, что «многообразие животных и растительных форм [—] одна из величайших загадок природы» (Кожевников, 1924а. Л. 20), а вопрос о внутривидовом полиморфизме «существенно важен […] для разъяснения одного из основных вопросов биологии — вопросов о возникновении разнообразия животных форм вообще» (Кожевников, 1905а, с. 1). Выступая с лекцией «Полиморфизм в животном царстве» (Кожевников, 1903г), в самом начале Кожевников уверяет своих слушателей, что этот вопрос только кажется хортошо изученным, но на самом деле над ним «очень мало работали», что это «вопрос весьма интересный» и что докладчик постарается «показать, как много ещё можно найти нового даже в том, что кажется давно известно, как много ещё таинственного и неразгаданного в том, что кажется избитым вопросом» (там же. Л. 1, 2). Охарактеризовав детально изученный им полиморфизм у общественных насекомых (пчёлы, муравьи, термиты), Г.А. обращает внимание на то, что вопреки устоявшемуся мнению о дискретном характере различий между кастами, на самом деле «мы видим здесь далеко не законченную эволюцию у некоторых видов, видим морфологическую и физиологическую пластичность» (там же. Л. 10). Этот тезис он усиливает примером с индуцированным изменением окраски у бабочки пестрокрыльницы изменчивой (*Araschnia levana*) под воздействием температуры на отложенные яйца, в результате чего получается непрерывный ряд вариантов окраски и рисунка крыльев имаго между рыжей весенней и чёрной осенней морфами. Таким образом, оказывается (там же. Л. 27),

> что рядом с теми случаями общественного, полового и сезонного полиморфизма, когда между полиморфными особями наблюдается ничем не заполненный промежуток, имеются такие случаи, когда этот промежуток заполнен рядом переходных форм. И такие непрерывные полиморфные ряды сводят вопрос о полиморфизме к вопросу о непрерывной изменчивости.

При этом изменчивость «тем легче понятна нам, чем более полные ряды переходных форм мы имеем перед собой. С этой точки зрения, чем полиморфизм сложнее, тем […] он понятнее» (там же. Л. 12).

Особое внимание и в этом докладе, и в некоторых других своих публикациях Кожевников уделял половому диморфизму. Он видел в этом примечательном проявлении внутривидового разнообразия, характерном для многих животных, известную аналогию с межвидовыми различиями и предполагал, что в обоих случаях мы можем предполагать действие единых или сходных механизмов формообразования (см. далее). Исходя из такого понимания, Г.А. отвергает устоявшийся взгляд на половые различия как следствие действия полового отбора; вместо этого он представляет себе эту форму внутривидового разнообразия весьма специфическим образом (Кожевников, 1912а, Л. 4об) — а именно, как

> одно из проявлений общего закона изменчивости живого вещества, закона, в силу которого мужская протоплазма и женская протоплазма одного и того же вида суть вещества различные, а раз это так, то и продукты этой протоплазмы, все клетки, все ткани, все органы организма мужского и женского не тождественны между собой.

Говоря о полиморфизме у животных, Г.А. Кожевников уделяет особое внимание анато-

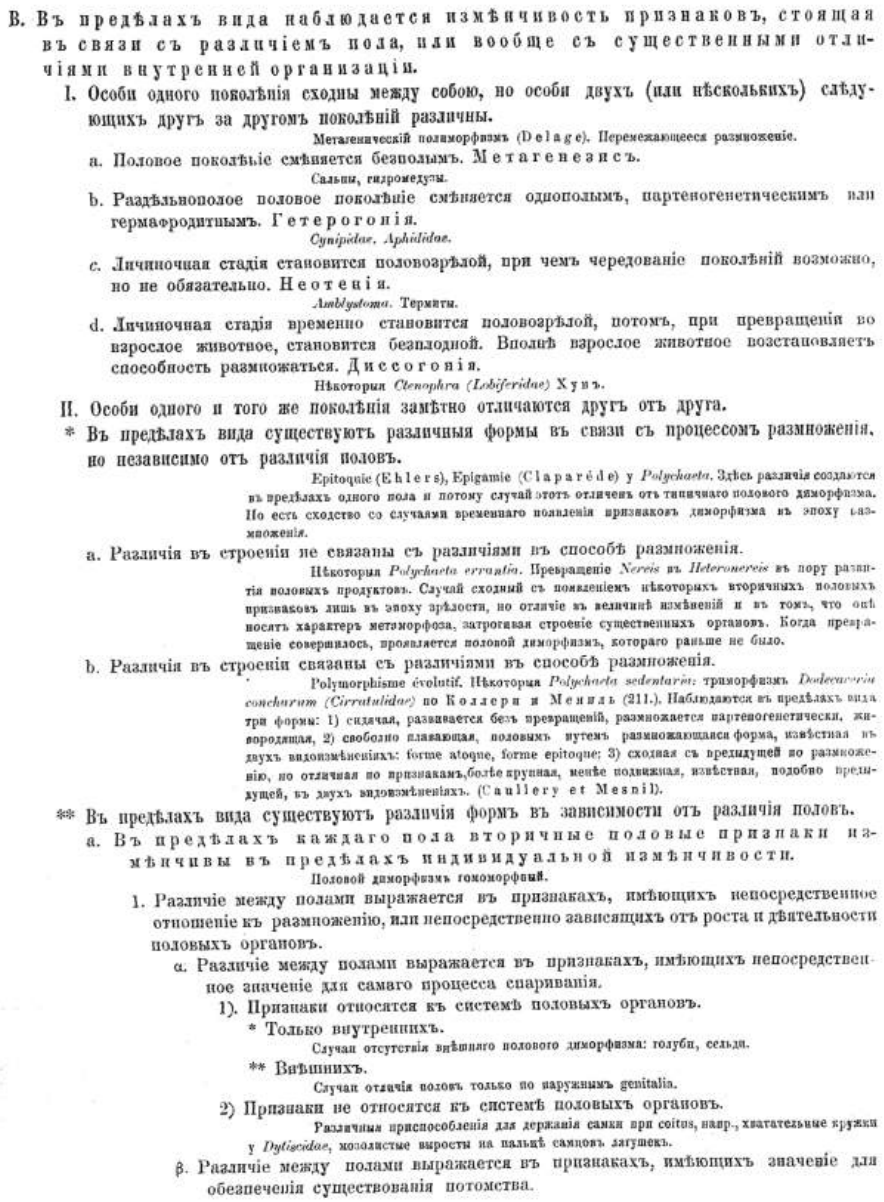
мическим структурам, объясняя это тем, что в их случае мы можем наблюдать «полную переделку всего строения организма, мы видим в пределах одного вида два совершенно различных существа» (Кожевников, 1903г. Л. 18). По этой причине Г.А. лишь бегло касается иных проявлений полиморфизма, не столь значимых и интересных с точки зрения общей темы внутривидового биологического разнообразия. Например, он полагает, что «окраска […] не должна считаться существенным признаком в вопросе о полиморфизме, и те виды, которые изменчивы *только* по окраске, [не считает] возможным называть полиморфными» (там же. Л. 18об). Тем не менее, как бы опровергая этот свой странный тезис, Кожевников кратко рассматривает примечательный случай полиморфизма окраски тропических бабочек, который развивается на фоне полового диморфизма и связан с тем, что самцы и самки одного вида мимикрируют под разные виды ядовитых бабочек (там же. Л. 24об, 25). Кроме того, он упоминает кое-какие половые различия в поведенческих стереотипах у животных, проявляющиеся в период размножения (турнирные бои, привлечение самок самцами и наоборот, ухаживание за потомством и т. п.). Все такие проявления изменчивости он называет «функциональным диморфизмом» (там же. Л. 23об).

Рассматривая, каким образом условия индивидуального развития могут влиять на формирование имаго у насекомых, Кожевников заключает, «что именно в детальном изучении сравнительной анатомии и [эмбрионального] развития насекомых кроется в значительной степени разгадка вопроса о происхождении полиморфизма вообще» (там же. Л. 12об). В частности, появление бескрылых особей с развитыми органами размножения у некоторых термитов он считает возможным рассматривать как «один из случаев так называемой неотении» (там же. Л. 11). Как представляется, здесь он также предвосхищает выше упомянутую концепцию «evo–devo», связывающую разнообразие биологических форм с разнообразием онтогенетических паттернов.

В связи с этим Г.А. отмечает, «что во многих случаях изменчивость не зависит ни от каких видимых нами причин. […] Альбинизм и меланизм могут служить наиболее яркими примерами таких уклонений, которые не могут быть объяснены влиянием внешних условий» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 10). Отталкиваясь от этих случаев возникновения различий вне связи с внешними воздействиями, он в качестве их причины (говоря современным языком) в стиле всё той же концепции «evo–devo» указывает мейоз: по его мнению, вообще «сущность индивидуальной изменчивости кроется в том, что при слиянии мужской и женской клетки происходит устранение некоторой части как ♂, так и ♀ (явление созревания) и соедин[яются] остатки» (там же. Л. 11).

***

Несомненно большой интерес, причём не только исторический, представляет собой фактически впервые предпринятая героем нашей книги попытка упорядочить представления об изменчивости животных форм в виде некой классификационной системы. Во втором томе своей диссертации Г.А. решился на достаточно серьёзный шаг — «дать новые факты по вопросу о “полиморфизме” в животном царстве и попытаться возможно ближе подойти к теоретическому объяснению этого вопроса» (Кожевников, 1905а, с. 2). Конкретная его задача заключалась в том, чтобы, разобрав для начала разные трактовки понятия «полиморфизм», «сгруппировать различные явления, которые […] попадают под понятие “полиморфизм”, на отдельные категории», и представить результат «в виде таблицы, составленной по принципу дихотомических таблиц для определений» (там же, с. 5, 159). Свои пространные рассуждения по этому поводу он завершает весьма обширной сводной таблицей, которую скромно называет «Опытом классификации явлений изменчивости»; она очень объёмная и занимает 10 страниц большого формата (там же, с. 159–168). Эта классификация представлена как иерархическая система с весьма дробным разделением категорий изменчивости по раз-

B. Въ предѣлахъ вида наблюдается измѣнчивость признаковъ, стоящая въ связи съ различіемъ пола, или вообще съ существенными отличіями внутренней организаціи.

I. Особи одного поколѣнія сходны между собою, но особи двухъ (или нѣсколькихъ) слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній различны.

Метагенетическій полиморфизмъ (Delage). Перемежающееся размноженіе.

a. Половое поколѣніе смѣняется безполымъ. Метагенезисъ.

Сальпы, гидромедузы.

b. Раздѣльнополое половое поколѣніе смѣняется однополымъ, партеногенетическимъ или гермафродитнымъ. Гетерогонія.

Cynipidae. Aphididae.

c. Личиночная стадія становится половозрѣлой, при чемъ чередованіе поколѣній возможно, но не обязательно. Неотенія.

Amblystoma. Термиты.

d. Личиночная стадія временно становится половозрѣлой, потомъ, при превращеніи во взрослое животное, становится безплодной. Вполнѣ взрослое животное возстановляетъ способность размножаться. Диссогонія.

Нѣкоторыя *Ctenophora (Lobiferidae)* Хунъ.

II. Особи одного и того же поколѣнія замѣтно отличаются другъ отъ друга.

* Въ предѣлахъ вида существуютъ различныя формы въ связи съ процессомъ размноженія, но независимо отъ различія половъ.

Epitoquie (Ehlers), Epigamie (Claparède) у *Polychaeta*. Здѣсь различія создаются въ предѣлахъ одного пола и потому случай этотъ отличенъ отъ типичнаго полового диморфизма. Но есть сходство со случаями временнаго появленія признаковъ диморфизма въ эпоху размноженія.

a. Различія въ строеніи не связаны съ различіями въ способѣ размноженія.

Нѣкоторыя *Polychaeta errantia*. Превращеніе *Nereis* въ *Heteronereis* въ пору развитія половыхъ продуктовъ. Случай сходный съ появленіемъ нѣкоторыхъ вторичныхъ половыхъ признаковъ лишь въ эпоху зрѣлости, но отличіе въ величинѣ измѣненій и въ томъ, что онѣ носятъ характеръ метаморфоза, затрогивая строеніе существенныхъ органовъ. Когда превращеніе совершилось, проявляется половой диморфизмъ, котораго раньше не было.

b. Различія въ строеніи связаны съ различіями въ способѣ размноженія.

Polymorphisme évolutif. Нѣкоторыя *Polychaeta sedentaria*: триморфизмъ *Dodecaceria concharum (Cirratulidae)* по Коллеръ и Мениль (211.). Наблюдаются въ предѣлахъ вида три формы: 1) сидячая, развивается безъ превращеній, размножается партеногенетически, живородящая, 2) свободно плавающая, половымъ путемъ размножающаяся форма, извѣстная въ двухъ видоизмѣненіяхъ: forme atoque, forme epitoque; 3) сходная съ предыдущей по размноженію, но отличная по признакамъ, болѣе крупная, менѣе подвижная, извѣстная, подобно предыдущей, въ двухъ видоизмѣненіяхъ. (Caullery et Mesnil).

** Въ предѣлахъ вида существуютъ различія формъ въ зависимости отъ различія половъ.

a. Въ предѣлахъ каждаго пола вторичные половые признаки измѣнчивы въ предѣлахъ индивидуальной измѣнчивости.

Половой диморфизмъ гомоморфный.

1. Различіе между полами выражается въ признакахъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ размноженію, или непосредственно зависящихъ отъ роста и дѣятельности половыхъ органовъ.

α. Различіе между полами выражается въ признакахъ, имѣющихъ непосредственное значеніе для самого процесса спариванія.

1). Признаки относятся къ системѣ половыхъ органовъ.

* Только внутреннихъ.

Случаи отсутствія внѣшняго полового диморфизма: голуби, сельдь.

** Внѣшнихъ.

Случаи отличія половъ только по наружнымъ genitalia.

2) Признаки не относятся къ системѣ половыхъ органовъ.

Различныя приспособленія для держанія самки при coitus, напр., хватательные кружки у *Dytiscidae*, мозолистые выросты на пальцѣ самцовъ лягушекъ.

β. Различіе между полами выражается въ признакахъ, имѣющихъ значеніе для обезпеченія существованія потомства.

Рис. 3.24. Фрагмент таблицы с «Опытом классификации явлений изменчивости» во второй части диссертации «Материалов по естественной истории пчелы…» Г.А. Кожевникова (Кожевников, 1905а, с. 166)

ным уровням общности, проиллюстрированная таблицей в форме текстового дихотомического определительного ключа (рис. 3.24). Продолжая излишне скромничать и не желая особо выпячивать свой вклад в разработку классификации, Г.А. считает необходимым предварить её особой оговоркой: выделенные формы изменчивости «не есть плод моих личных наблюдений, поэтому и за их толкование ответственны, по большей части, [цитируемые] авторы, а не составитель таблицы» (там же, с. 159). Однако Кожевников прав лишь в отношении отдельных форм (проявлений) изменчивости, выделенных разными авторами, сама же классификация, выдающаяся для своего времени, — целиком его детище. Весьма подробная и к тому же сопровождаемая ссылками на соответствующие литературные источники, она особо интересна и значима как отражение определённого этапа развития общих представлений о структуре и проявлениях внутривидового разнообразия в царстве животных.

Мы хотели бы особо отметить здесь один аспект разработанной Кожевниковым «классификации явлений изменчивости», который нам представляется весьма важным для понимания характера его эволюционных воззрений. В основу этой классификации положены причины, порождающие как конкретные категории (формы) внутривидовой изменчивости, так и её самые общие проявления. Эти категории Г.А. определяет ссылкой на уровни общности факторов, ответственных за то или иное проявление изменчивости. На самом первом шаге иерархии он делит изменчивость на связанную или не связанную с различиями между половыми и/или возрастными группами; надо полагать, что эти две категории изменчивости для него являются наиболее фундаментальными, причём не сводимыми друг к другу. В рассмотрении первой из этих «суперкатегорий» (полово-возрастные различия) особо примечательно, что половые различия сами по себе имеют возрастные проявления, поэтому их разделение на подкатегории по сути является онтогенетически интерпретированным. Вторую «суперкатегорию» Кожевников делит на подкатегории в зависимости от того, возникает или нет изменчивость под непосредственным влиянием внешней среды; при дальнейшем выделении её подкатегорий он акцентирует внимание на нарушениях нормального хода развития организмов. Таким образом, базовый принцип классификации основных категорий изменчивости, взятый Г.А. за основу, неявно подразумевает, что общая схема эволюционного формирования её проявлений у разных организмов в той или иной мере связана с онтогенетическими преобразованиями организмов и изменениями этих преобразований в ходе эволюции. Из этого видно, что разработанная Кожевниковым «классификация явлений изменчивости» оказывается не только исторически интересной, но и весьма актуальной в настоящее время, поскольку попадает в сферу действия современной концепции «evo–devo».

В одном из писем к Ю.А. Филипченко, недавно выпустившему монографию «Изменчивость и методы её изучения» (1923 г.), Г.А. Кожевников сетует на то, что тот в ней не упомянул его «классификации явлений изменчивости». Само письмо Кожевникова, видимо, не сохранилось; но в своём ответе на него (март 1926 г.) Филипченко объясняется с извинениями: «Когда писалось первое издание, я имел в виду гл[авным] обр[азом] методику и почти совсем не разбирал предложенных до тех пор классификаций. […] Как жаль, что вы не сказали про это сразу! Теперь же нужно ждать ещё года три, когда разойдётся второе издание, и только тогда я буду в состоянии исправить своё непозволительное упущение» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 594. Л. б/н). Ю.А. Филипченко выполнит своё обещание: кожевниковская классификация упомянута (жаль, что только упомянута) в последующих изданиях его монографии (Филипченко, 1978).

***

Г.А. Кожевников продолжал интересоваться общими проблемами изменчивости в живой природе на протяжении всей жизни, развивая и обобщая свои представления о ней в разных публикациях. Как мы упомянули выше, предположительно в 1903 г. (год на первой стр. рукописи указан не очень разборчиво) он прочитал публичную лекцию «Полиморфизм в животном царстве» на годичном заседании ОЛЕАЭ, в 1909 г. представил лекцию «Изменчивость организмов» в Музее прикладных знаний и через несколько лет опубликовал большую статью с таким же названием в одном из томов 11-томного фундаментального энциклопедического издания «Итоги науки в теории и практике» (Кожевников, 1903г, 1909д, 1912в). В 1924 г. Г.А. подготовил рукописные материалы для большой статьи о полиморфизме, в которой особый интерес для нас представляет вводный раздел под весьма значительным названием «Полиморфизм и эволюция» (Кожевников, 1924а; статья осталась неопубликованной); наконец, в 1930 г. представил доклад «Полиморфизм в мире животных» на IV Съезде зоологов, анатомов и гистологов в Киеве (Кожевников, 1930а).

Глубокий интерес Кожевникова к проявлениям полиморфизма у животных приводит его к весьма широким обобщениям, касающимся некоторых фундаментальных свойств живой природы. В только что упомянутой энциклопедической статье он заявляет, что «изменчивость, т. е. способность постоянно менять свой химический состав и свои физические качества, есть *одно из основных свойств* живого вещества» (Кожевников, 1912в, с. 470). Позже в черновых записях для (к сожалению, несостоявшейся) статьи, специально посвящённой полиморфизму, он ещё более усиливает эту мысль, утверждая, что «вопрос о бесконечном разнообразии животных и растительных форм является коренным вопросом биологии» (Кожевников, 1924а. Л. 1). По его мнению (там же. Л. 20):

> Одна из величайших загадок природы — многообразие животных и растительных форм. Это основное, крупнейшее явление органического мира и этому явлению мы не имеем никакого объяснения. Теория эволюции не даёт нам никакого объяснения многообразия органических форм. Она объясняет нам, какие этапы и в какой последовательности проходил органический мир в своём постепенном развитии, но почему существует такое многообразие форм — на это эволюционное учение не пытается дать ответа.

(В скобках заметим, что в отношении видового разнообразия организмов данное утверждение Г.А. Кожевникова ошибочно. Теория эволюции в общем случае объясняет это разнообразие дивергентным характером эволюционного процесса, который обусловлен разными способами приспособлений к разнообразию условий обитания.)

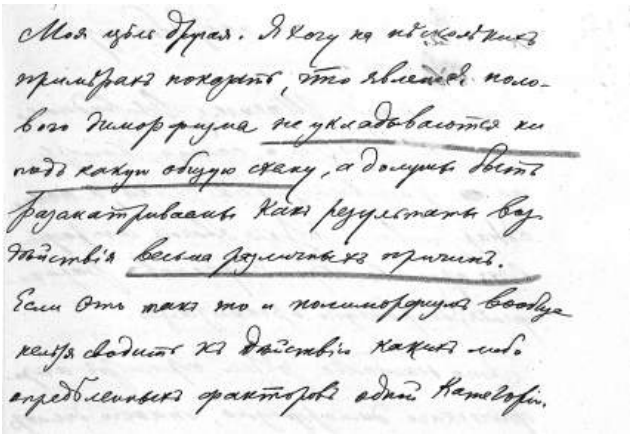
Упомянутый доклад Г.А. Кожевникова на киевском съезде, венчающий его «полиморфический» цикл, начинается весьма мощным утверждением натурфилософского толка (Кожевников, 1930а. Л. 1). Он считает:

> Чтобы получить правильное понятие о полиморфизме в мире животных, необходимо прежде всего осознать, что это явление чрезвычайно широко распространено в разных группах […]; необходимо обобщить все […] разнообразные проявления полиморфизма и рассматривать их как частные случаи одного из общих законов природы. Сущность полиморфизма заключается в том, что вид в своём оформлении не может уложиться в одну форму, а существует в двух, трёх или нескольких формах[8].

В понимании Кожевниковым того, почему и каким образом полиморфизм проявляется различным образом в разных группах животных, ключевая роль отводится разной степени пластичности индивидуального развития организмов, конечный результат которого в той или иной степени зависит от условий его протекания. По мнению Г.А., «есть виды, организм которых не только во внешних признаках, но и во внутренней организации не склонен к изменчивости, каким бы влияниям мы его ни подвергали. А с другой стороны, есть виды, отличающиеся неустойчивостью, пластичностью своей организации» (Кожевников, 1903г. Л. 14об). Таким образом, анатомо-физиологический полиморфизм организмов, т. е. полиморфизм (и вообще изменчивость) строения и функционирования их дефинитивных структур, по сути сводится к полиморфизму (и вообще изменчивости) их онтогенетических паттернов. Об этом мы упоминали выше; но имеет смысл здесь повторить, что Кожевников в своих рассуждениях о природе разнообразия организмов близко подходит к ключевым идеям современной концепции «evo–devo».

Рассматривая с этой точки зрения эволюционное развитие проявлений специфического полиморфизма у общественных насекомых и добавляя к известным данным собственные материалы по изменчивости комаров, Кожевников акцентирует внимание на вариабельности строения яичников и предполагает в докладе «Полиморфизм в животном царстве» такой эволюционный сценарий (Кожевников, 1903г.

[8] Этот доклад отсутствует в напечатанном сборнике материалов съезда, но в университетском архиве сохранился рукописный черновик заготовки доклада и подготовленный машинописный текст для сборника.

Моя цель двоякая. Я хочу на нескольких примерах показать, что явления полиморфизма не укладываются ни под какую общую схему, а должны быть разматриваемы как результаты воздействия весьма различных причин. Если это так то и полиморфизм вообще ведет к действию каких либо определенных факторов одной категории.

Рис. 3.25. Фрагмент рукописи доклада Г.А. Кожевникова «Полиморфизм в животном царстве» (1903 г.) с мыслью о том, что полиморфизм есть результат «весьма различных причин» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 15)

Л. 9об). В начале эволюции многоклеточных животных лежат виды, для которых не характерна изменчивость этого органа, у них «организация влилась в более определённые, в менее растяжимые формы». Следующий этап демонстрируют комары, у которых «строение столь существенного внутреннего органа подвержено таким колебаниям, [но] безо всякого признака обособления каких-либо каст [—] тут есть готовая почва для развития анатомического полиморфизма». Далее, у примитивных общественных насекомых появляются

> такие виды, где среди бесплодных особей наблюдается полиморфизм, где есть известного рода неустойчивость, пластичность организаций, [они] должны считаться более первобытными. Из них путём исчезания или переходных, или переходных и какой-либо крайней формы можно вывести все те комбинации, которые мы наблюдаем у разных видов.

Именно эта разная «пластичность организаций» позволяет видеть «интересную картину постепенной эволюции диморфизма от почти полного отсутствия его до резкого его выражения» (Кожевников, 1930а. Л. 21). На этом основании Г.А. кратко формулирует первоочередную задачу исследований: «Именно в детальном изучении сравнительной анатомии и постэмбрионального развития полиморфных насекомых кроется в значительной степени разгадка вопроса о происхождении полиморфизма вообще» (Кожевников, 1903г. Л. 13об).

Подытоживая свой анализ разных проявлений полиморфизма у общественных насекомых, Кожевников заключает (Кожевников, 1924а. Л. 22), что:

> 1). Полиморфизм не есть явление вполне однородное у разных форм.
>
> 2). У некоторых форм, напр. у муравьёв, возможны феновариации, приводящие к изменениям полиморфных форм и переводящие одну […] в другую […].
>
> 3). У других полиморф[ных] видов, напр. у пчелы, не удалось пока такими простыми воздейств[иями], как неполн[ое] питание, остановить начавшееся детерминированное развитие […].
>
> 4). При полиморфизме возможно внезапное возникновение форм, в которых мозаично соединены признаки двух стадий, причём эти признаки развиваются вне корреляции друг с другом, развитие признака одной из полиморфных форм не тормозит развитие признака другой формы.

Принимая во внимание натурфилософскую подоплёку взглядов Кожевникова на живую природу (см. раздел 3.1), мы можем сделать вывод, что общей причиной разнообразия проявлений полиморфизма у разных видов животных он считал способность «животного вещества» «выливаться» в одну или в разные конкретные формы. Излагая этот вывод языком современной концепции «evo–devo», мы можем говорить о том, что в представлениях Г.А. полиморфизм сам по себе, как особое свойство живой материи, обладает некой «эволюционной потенцией» (evolvability), обусловленной разной степенью «пластичности организации» животных. Именно эта «потенция» служит базовой предпосылкой к появлению широкого разнообразия организменных форм, в том числе проявлений полиморфизма у разных видов, от его минимальной до крайне резкой выраженности. При этом указанные проявления в разных группах животных «бесконечно

разнообразны и сложны», они «*не укладываются ни под какую общую схему*, а должны быть рассматриваемы как результат воздействия *весьма различных причин*» (рис. 3.25) (Кожевников, 1903г. Л. 15).

Достойно сожаления, что Г.А. не довёл свой интересный и многообещающий анализ проявлений полиморфизма как биологического явления до полноценной обширной публикации. Причина в том, что статья, завершающая его «полиморфный» цикл, судя по названию рукописи, была задумана как обзор полиморфизма шмелей, в котором общие соображения о природе и эволюции полиморфизма должны были составить вводный раздел. Раздел же, посвящённый шмелям, в данной заготовке оказался очень фрагментарным — и он не был развит до такого состояния, которое было бы пригодно для публикации.

***

В воззрениях Кожевникова, как убеждённого дарвиниста, внутривидовой полиморфизм тесно сопряжён с представлениями об эволюции: эту общую идею он неоднократно высказывает в разных выступлениях. Григорий Александрович утверждает, что именно изучение изменчивости «даёт нам полное право сказать, что в проявлениях полиморфизма неявно сказывается наличность эволюционного процесса, который охватывает весь органический мир» (Кожевников, 1930а. Л. 17). Он полагает, что «путём изучения полиморфизма во всём его многообразии с эволюционной точки зрения мы можем близко подойти к выяснению причин и хода эволюционного процесса» (там же. Л. б/н [машинописный текст]).

Кратчайшим образом суммируя представления Дарвина об образовании новых видов, которые возникают в результате постепенного преобразования внутривидовых различий в межвидовые, Кожевников утверждает, что «проблема происхождения полиморфизма — вот та проблема, которая стоит рядом с проблемой происхождения видов и решение которой […] быть может приблизит нас к решению более трудной проблемы происхождения видов» (Кожевников, 1924а. Л. 7об). В частности, по его мнению, изучение половых различий может дать материал «для изучения законов видообразования и вообще законов формообразования. […] Вместо того чтобы изучать, как происходят виды, [нужно] изучать, как происходят самцы и самки» (там же. Л. 11об). Отталкиваясь от представлений Дарвина о непрерывной «неопределённой» изменчивости, Г.А. аргументирует этот свой тезис тем, что «в природе нет резкой границы между настоящим […] полиморфизмом и непрерывной изменчивостью», служащей материалом для дарвиновской эволюции. При этом он полагает, что «сравнения между собой далеко друг от друга отстоящих форм не дадут нам таких опред[елённых] результатов, как сравнит[ельный] анализ в пределах вида или подвида» (там же. Л. 21). Поэтому «углублённое изучение полиморфизма […] со всеми его вариациями должно привести нас к пониманию многих основных общих вопросов, касающихся происхождения разнообразия животных форм» (там же. Л. 8об).

Договаривая за Г.А. Кожевникова эту идею, можно полагать, что при рассмотрении общей структуры адаптивного разнообразия организмов в широком эволюционном контексте он считал разделение самцов и самок неким эволюционным аналогом разделения видов. В обоих случаях происходит некое «дробление» континуума непрерывной изменчивости и его обращение в дискретные различия — половые в одном случае и видовые в другом. В основе этого — предполагаемое единство механизмов и причин возникновения разных проявлений внутри- и межвидовых различий под воздействием определённых сочетаний внешних и внутренних факторов. Такое уподобление половых различий видовым позволяет ему «считать половые признаки видовыми» и исходя из этого объявить, что «не будет слишком смелым вывод сказать, что и видовые признаки подобного же происхождения, т. е. они прежде всего зависят от внутренних свойств живого

вещ[ества] данного организма, а не от влияния внешней среды, которая имеет второстепенное значение» (там же. Л. 11об).

При обсуждении проявлений изменчивости Г.А. Кожевников останавливается на более чем актуальном и дискуссионном — как тогда, так и поныне — вопросе об их адаптивном значении и причинах возникновения разных вариантов строения организмов, рассматривая его в том числе на примере общественных насекомых. Он считает, что сложное разделение труда в их семьях «есть следствие, а не причина полиморфизма» (Кожевников, 1930а, машинописный текст). Возможной «подводкой» к такому несколько странному заключению является его мнение, что по крайней мере некоторые изменения организмов «произошли, вероятно, не в силу закрепления отбором полезных признаков, а в силу *закона соотносительной изменчивости*, по которому при изменении одной черты строения организма меняются и другие черты» (Кожевников, 1912в, с. 507–508).

Разную степень изменчивости разных видов и признаков Кожевников связывает с их разной эволюционной судьбой. Так, широкую изменчивость медоносной пчелы он объясняет тем, что это «весьма молодая форма, ещё не закончившая вполне своей эволюции […], чем и объясняется совершенно необычайная изменчивость не только внешних признаков, но и важных внутренних органов» у этого вида (Кожевников, 1928а, с. 38–39). Причину чрезвычайной изменчивости формы раковины корненожки *Peneroplis* он видит в том (Кожевников, 1912в, с. 481), что этот признак,

> хотя и крупный с точки зрения теоретической морфологии, плода нашего умозрения, в действительности является, вероятно, *совершенно второстепенным* для жизни данного организма. [Корненожкам], с точки зрения житейского благополучия, в высокой степени *безразлично*, нести ли на себе раковину той или иной формы. […] По этой причине *нет видообразования* […]. Вместо видов здесь бесконечное проявление индивидуальной изменчивости, над которой не работает отбор.

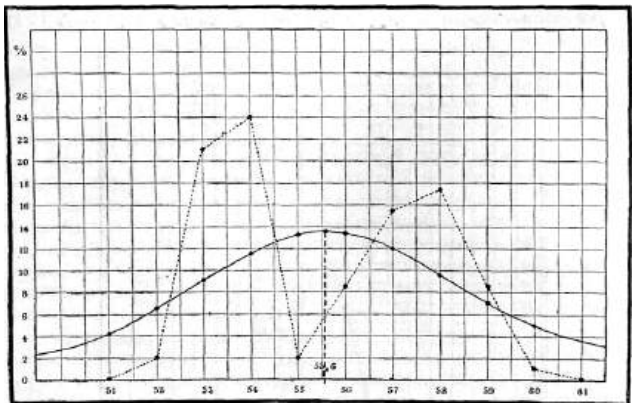

Рис. 3.26. Рисунок с двумя вариантами частотного распределения из статьи Г.А. Кожевникова «Изменчивость организмов» (Кожевников, 1912в, с. 487)

***

Углубившись в изучение полиморфизма у животных, Г.А. Кожевников довольно скоро понимает, что «имеется весьма много явлений изменчивости, которые *легко выражаются числами и подлежат математическим способам исследования*» (Кожевников, 1912в, с. 482). Он уверен, что «мерять шипики или пятнышки на ножках или крылышках насекомых» вовсе не есть пустая трата времени: «что именно путём детальных описаний и измерений самых мелких признаков мы и можем уловить проявления законов того великого явления природы, которое называется изменчивостью» (Кожевников, 1903г. Л. 28). На этом основании Г.А. объявляет, что «широкое применение математических методов в зоологии и ботанике создало теперь особое направление в биологии, которое нашло себе выражение в журнале “Biometrica”, который начал выходить в октябре 1901 года» (там же). Он даже демонстрирует один из первых выпусков этого журнала на своей лекции «Полиморфизм в животном царстве».

В обзорной энциклопедической статье, специально посвящённой изменчивости организмов, Кожевников особо подчёркивает значение «биометрики, соединяющей биологию с математикой» и советует пользоваться «измерениями везде, где это возможно» (Кожевников, 1912в, с. 482). Опираясь на работы первых корифеев «биометрики» — бельгийца Адольфа Кетле (Lambert-Adolph-Jacques Quetelet) и ан-

гличанина Френсиса Гальтона (Francis Galton), Г.А. даёт краткий обзор элементарных понятий, необходимых биологу для начального ознакомления с её аппаратом: гауссово распределение, средняя величина, случайные отклонения, кривая и диапазон изменчивости, оценка достоверности различий и др., а также приводит картинки с частотными распределениями (рис. 3.26). Всё это позволяет характеризовать Кожевникова как одного из первых и весьма настойчивых пропагандистов применения биометрических методов среди российских биологов.

Со ссылкой на результаты пионерских практических применений «биометрики» в работах уже упоминавшегося нами Ф. Хайнке (Гейнке), Кожевников утверждает (Кожевников, 1912в, с. 483), что

> в основе каждого свойства любого из представителей данной расы лежит всегда определённая истинная (средняя, типичная) величина, которая, с биологической точки зрения, должна быть признана выражением местных жизненных условий для данного организма. При перемене этих условий, например, при развитии той же формы в другой местности, эта средняя величина признаков может измениться (возникновение местных форм).

Исходя из этого допущения и опираясь на требования статистики, Г.А. Кожевников подчёркивает большое значение выборочного метода, означающего «необходимость собирания обильного материала» (там же, с. 482). Смысл его в том, указывает наш профессор, что «степень достоверности полученных данных находится в определённой зависимости от числа наблюдённых случаев, [поэтому] 1000 изученных особей дадут среднее число, которое будет в 10 раз вернее, чем полученное от изучения 100 особей» (там же, с. 482, 484).

Представляя на Парижском пчеловодном конгрессе в 1900 г. свои предварительные результаты изучения различий между породами пчёл, он утверждает, что для того, «чтобы окончательно решить этот вопрос, надо применить способ вывода средних величин из множества наблюдений» (Кожевников, 1902к, с. 26). Эту мысль он подчёркивает в статье о породах пчёл, опубликованной в том же 1900 г.: для выявления признаков каждой пчелиной породы «необходимо произвести многочисленные измерения […] и вывести средние цифры» (Кожевников, 1900в, с. 11). Наверное, лучшей рекомендацией использования «биометрики» стало показанное им отсутствие прямой корреляции между длиной тела и хоботка у медоносной пчелы: оказалось, что у горных кавказских пчёл хоботок в среднем длиннее, чем у среднерусских, хотя соотношение размеров тела у них обратное.

В статье «Современное состояние вопроса о породах пчёл» (1916 г.) Кожевников весьма активно пропагандирует биометрический анализ хоботка пчелы, проведённый его учеником Б.П. Хохловым, причём две статьи — учителя и ученика — опубликованы под одной обложкой (Кожевников, 1916г; Хохлов, 1916). Чёткое понимание некоторых возникающих в этой связи методических вопросов, обусловленное хорошей микроанатомической подготовкой проф. Кожевникова, видно из того, например, что в этой статье он указывает читателям некоторые важные технические приёмы минимизации ошибок при измерении пчелиного хоботка с помощью окуляр-микрометра. Рассматривая методическую часть статьи Хохлова, Г.А. подчёркивает то, что при совместном анализе длины хоботка у двух географических форм пчелы «получилась не одновершинная кривая, как это надо было ожидать, если бы материал был однородный, а резко двухвершинная, показывающая разнородность материала. [Это] даёт нам достаточное основание говорить, что по длине хоботка карсская и орловская пчёлы принадлежат к разным породам» (Кожевников, 1916г, с. 10).

И всё же нужно отметить, что сам Г.А. Кожевников, вопреки достаточно распространённому мнению, биометрическими методами активно не пользовался, ограничиваясь вычислением средних величин, да и то арифметических, а не статистических. В только что упомянутой статье 1900 г. о породах пчёл он в своё «оправдание» пишет, что произведение

22-го Ноября

ВЪ АУДИТОРІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО Историческаго Музея

имѣетъ быть

ЧЕТВЕРТОЕ ЧТЕНІЕ

отъ Учебнаго Отдѣла

Общества Распространенія Техническихъ Знаній.

1. Г. А. Кожевниковъ.—Умъ низшихъ животныхъ.

Что мы должны считать умомъ у животныхъ.—Понятіе о строеніи простѣйшихъ животныхъ и проявленія сообразительности у нихъ. - Гидра, полипы и медузы. — Почти полное отсутствіе ума у нихъ. — Зависимость слабаго развитія способностей животнаго отъ сидячаго образа жизни.—Незначительность проявленій ума у морскихъ ежей и звѣздъ.—Черви.—Различіе паразитическаго образа жизни отъ свободнаго. — Отсутствіе ума у паразитовъ.— Наблюденія надъ умомъ червей.—Низшіе и высшіе слизняки.— Интересныя проявленія ума этихъ послѣднихъ. —Умъ высшихъ ракообразныхъ.—Высокія умственныя способности пауковъ.—Насѣкомыя.—Совершенство ихъ нервной системы въ связи съ обиліемъ проявленій ихъ ума.—Хитрости насѣкомыхъ при добываніи пищи.—Заботы ихъ объ обезпеченіи потомства.—Заботы о жилищѣ.—Общественная жизнь.—Дрессировванныя насѣкомыя.—Преувеличенныя понятія объ умѣ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ.—Увлеченія прежнихъ естествоиспытателей.—Что такое инстинктъ?

Чтеніе будетъ сопровождаться туманными картинами.

Рис. 3.27. Объявление о чтении публичной лекции «Ум низших животных» Г.А. Кожевниковым (1892 г.) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 76)

многочисленных измерений — «в высшей степени скучная и кропотливая работа, заняться которой [он] пока не имел возможности» (Кожевников, 1900в, с. 12).

Так получилось, что кожевниковское «пока», в силу особенностей его характера и научных увлечений, превратилось в «навсегда»: среди его работ мы не нашли ни одной с применением биометрических методов. Однако он не уставал содействовать внедрению — если не «делом», то «словом» — этого нового подхода в изучение разнообразия организмов, прививая вкус к нему у своих учеников. Только что упомянутый Б.П. Хохлов был первым; вслед за ним исследования с использованием некоторых методов классической (одномерной) статистики пчёл станет проводить ученик Кожевникова В.В. Алпатов (Алпатов, 1948). По-другому развивал биометрический подход ещё один его ученик — Е.С. Смирнов, который в 1920-е гг. первым в России, да и пожалуй в мире, займётся разработкой количественных методов систематики (см. раздел 3.3). Ю.А. Филипченко, также занимавшийся проблемами изменчивости и количественными методами её оценки, в одном из писем к Г.А. Кожевникову (март 1926 г.) отметил, что используемый Смирновым метод нельзя считать «биометрическим» в строгом смысле (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 594). Однако (добавим от себя) Филипченко был не совсем прав: метод таксономического анализа, разработанный Е.С. Смирновым, является несомненно биометрическим (в общем смысле), но не статистическим, поскольку не предусматривает анализ частотных распределений.

3.6. Животные как люди — люди как животные

Для всех архаичных культур характерен анимизм — одушевление самых разных явлений природы. При разделении животного мира на «животных» и «людей» сюда относится «очеловечивание» первых за счёт их наделения психическими возможностями, в наибольшей мере свойственными человеку. В XIX в. наиболее продвинутая версия такого анимизма оформилась в науку зоопсихологию, главной задачей которой стало изучение таких форм сложного поведения «животных», которые можно считать рациональными — т. е. разумными, не сводимыми к врождённым инстинктам.

В России одним из первых, кто всерьёз заинтересовался зоопсихологической проблематикой с научной точки зрения, был К.Ф. Рулье, в своём курсе лекций под общим названием «Зообиология» большое место отведший обзору проявлений психики у животных (Райков, 1955). Он показывал на многочисленных примерах, что «в животном есть всё, что составляет отличительное рассудка, и в одной же органической последовательности, как мы это видим из последовательного развития одного […] образования (впечатления, воспоминания, соображения и воли) всегда на основании предыдущего — следовательно, есть и самый рассудок» (там же, с. 444).

Г.А. Кожевников, ознакомившись с трудами Рулье, с самого начала своей учёной карьеры проявил живой интерес к вопросам о соотношении инстинктивного и рассудочного в поведении животных, а через это — к вопросам их психического развития и умственных способностей. Его первой попыткой вникнуть

в данную проблематику стал анализ инстинктивного поведения медоносной пчелы: в начале 1890-х гг. он уже стал публиковаться (Кожевников, 1892а, 1895а) и даже читать публичные лекции по данной теме (рис. 3.27). Свидетельством интереса Г.А. к этой проблематике служит фрагмент его рукописи (без даты, предположительно 1890-е гг.), посвящённый инстинкту у животных, главным образом у общественных насекомых: в ней автор отмечает, что ума, основанного на полном осознании причинности, «у животных нет и так называемый ум высших животных объясняется более простыми явлениями ассоциаций» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 2 [рук.]). Как мы уже отмечали ранее, в 1906 г. Кожевников предложил ввести преподавание зоопсихологии в цикл зоологических дисциплин в качестве обязательной (Кожевников,1906а). Впрочем, этот интерес не стал профессиональным и не побудил его заняться самостоятельным проведением опытов по поведению животных; однако Г.А. внимательно следил за публикациями зоопсихологического направления и участвовал в опытах В.Л. Дурова (см. далее).

Общиё характер интереса Г.А. Кожевникова к проявлениям и причинам рассудочной (рациональной, «человечьей») деятельности животных был во многом обусловлен его эволюционным «миросозерцанием». Он исходил из того, что «ничто в природе не создаётся сразу совершенным, высоко развитым. Всё сложное выработалось из более простого» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 2). Значит, рассудочная деятельность постепенно развивалась в животном мире, и разум человека — лишь высшая ступень этого развития. Уточняя эту основополагающую идею, Г.А. в большой обзорной статье «Думающие животные» в газете «Утро России» в 1913 г. подчёркивает, что именно «учение Дарвина, стремившееся уничтожить пропасть между животными и человеком, содействовало развитию того направления в зоопсихологии, когда старались находить у животных проявления человеческого ума, человеческой техники» (Кожевников, 1913ж). Сходную мысль в эти же годы высказал в своей лекции физиолог И.П. Павлов: «Гипотеза происхождения человека от животных естественно придала захватывающий интерес изучению высших проявлений жизни животных» (цит. по: Павлов, 1973, с. 165).

Эволюционная постановка одного из основных вопросов зоопсихологии — о происхождении и постепенном развитии рассудочной деятельности животных — вызвала её резкие возражения. Г.А. видел единственный способ отвести такого рода критику — исследовать этот вопрос на строго научной методической основе: нужно проводить «сравнения существующих в данное время разных стадий развития одного и того же инстинкта, одной и той же способности» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 2).

Своё отношение к этому новому направлению исследований, находящемуся на границе между зоологией и психологией, Г.А. Кожевников выражает достаточно осторожными и в то же время восторженными словами (Кожевников, 1913ж):

> Если мы остановимся на объяснении, что животные действительно соображают и понимают счёт и диктовку сказанного, или даже сами диктуют некоторые свои мысли, то мы стоим перед *великим научным открытием в области биологии*, которое открывает нам самые широкие и неожиданные перспективы. […] Началось что-то новое, крупное, удивительное. […] Трудно даже предвидеть, в каком новом свете мы будем рассматривать психику животных в близком будущем.

В следующем году Кожевников публикует в газете «Новь» большую статью «Перед загадкой природы» (Кожевников, 1914в). В ней примечательно то, что, рассматривая опыты со «считающими» лошадьми (рис. 3.28), Г.А. даже отрицательные их результаты объясняет… развитой психикой животных. Он обращает внимание читателей на то, что лошадей нередко побуждают «думать» довольно жестокими средствами, в том числе побоями, и на этом основании заключает: «Конечно, заглянуть в чужую душу, а тем более лошадиную, нельзя,

Рис. 3.28. Фотография знаменитой «считающей» лошади Умного Ганса и её хозяина Вильгельма фон Остина (Wilhelm von Osten) (Ferguson, 2019)

но мне невольно кажется, что работа лошадей не развлекает их, особенно математическая. Вероятно, она их очень утомляет, расстраивает, и вот мы видим, что они бывают никуда не годны» (там же). Отвечая критикам зоопсихологии как истинный учёный, Кожевников пишет, с одной стороны, что «гипотеза об *особенных врождённых способностях* лошадей […] не хуже всякой иной гипотезы, ибо она объясняет факты и не опровергается ими, а именно этим требованиям и должна удовлетворять гипотеза» (там же). Но, с другой стороны, он вполне трезво отмечает, что «попытка теоретического объяснения загадки думающих животных заводит [нас] в область неисследованного, в область гаданий и предположений, и мы не можем прийти с уверенностью к вполне определённому выводу относительно наблюдаемых явлений» (там же). Поэтому для дальнейшего успешного продвижения в зоопсихологических исследованиях «надо желать только одного — чтобы как можно больше наблюдателей взялись за работу […] и беспристрастно записывали получаемые результаты» (там же).

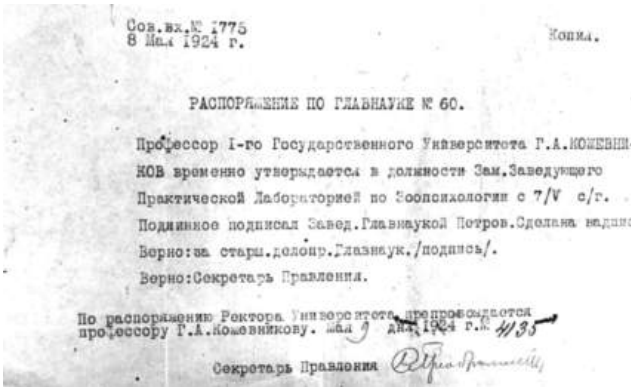
Очень важный момент, который присутствует в рассуждениях Кожевникова, заключается в признании того, что сферой исследований зоопсихологов в действительности являются не животные сами по себе, а определённые взаимодействия людей с ними. И он совершенно справедливо замечает, что по крайней мере некоторые отрицательные результаты зоопсихологических опытов могут быть связаны с тем, что «мы не понимаем животных, потому что не умеем с ними объясняться» (там же). Исходя из этого, Г.А. думает, «что нельзя требовать от экспериментатора, чтобы он оставался *совершенно пассивным* в таком опыте, который требует от животного известного усилия, напряжения» (там же). В частности, одной из возможных причин эффекта положительного влияния доброжелательного хозяина на поведение своего считающего или читающего питомца Г.А. видит то, «что хозяин производит *внушение*, передаёт свою мысль на расстоянии» (там же). При этом, не понаслышке знакомый с преподаванием, наш учёный зоопсихолог советует припомнить «людскую практику» и объясняет отсутствие у животного «интереса решать задачу [отсутствием] *побуждения* к решению» (там же). Такая постановка вопроса, относящаяся к методологической части исследований в области разума животных, позволяет Кожевникову по-новому ставить важный вопрос о начальных условиях проведения зоопсихологических опытов: нужно выяснить, «всякая ли собака и вся-

кий ли человек годны для этих опытов, и каким требованиям должны удовлетворять и собака, и человек, чтобы опыты удались» (там же).

В феврале 1914 г. проф. Кожевников прочитал в МУ публичную лекцию «Думающие животные». В объявлении о ней указано, что «лектор был лично в Эльберфельде 2 месяца тому назад и ознакомился со знаменитыми лошадьми Кралля. Кроме того, в его распоряжении имеются ещё нигде не опубликованные материалы относительно собаки “Рольфа”, самого удивительного из всех “думающих животных”» (там же)[9]. Согласно рецензии на лекцию в газете «Новь», Кожевников завершил её словами Гамлета (точнее, В. Шекспира): «Есть многое на небе и на земле, что и во сне, Горацио, не снилось твоей учёности»; рецензия заканчивается замечанием, что «лектор был награждён дружными и продолжительными аплодисментами» (С.М., 1914).

На эту лекцию дрессировщик и зоопсихолог-самоучка В.Л. Дуров отозвался в газете «Раннее утро» письмом, предложив «почтеннейшему профессору г. Кожевникову» прочесть его книгу «Мои четвероногие и пернатые друзья» с тем, чтобы «высказать о ней своё мнение с научной точки зрения», а также «сделать честь навестить» его (Дуров, 1914). Надо полагать, что чаемая встреча Кожевникова и Дурова состоялась, положив начало их многолетнему творческому сотрудничеству на поприще зоопсихологии. Дуров сопровождал своими выступлениями с животными некоторые публичные лекции Кожевникова, чем, впрочем, давал иным умствующим скептикам повод для злословий (Кузин, 1999).

Как было отмечено выше, отношение к «думающим животным» в то время (впрочем, как и сейчас) было часто негативным: тот же Кузин считал, что хозяева этих животных «были лишь ловкими шарлатанами» и «простодушный Г.А.

Сов.вх.№ 1775
8 Мая 1924 г.

Копия.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ПО ГЛАВНАУКЕ № 60.

Профессор I-го Государственного Университета Г.А.КОЖЕВНИ-
КОВ временно утверждается в должности Зам.Заведующего
Практической Лабораторией по Зоопсихологии с 7/V с/г.
Подлинное подписал Завед.Главнаукой Петров.Сделана надпи-
Верно:за старш.делопр.Главнаук./подпись/.
Верно:Секретарь Правления.

По распоряжению Ректора Университета препровождается
профессору Г.А.Кожевникову. Мая 9 дня 1924 г. №1135

Секретарь Правления

Рис. 3.29. Распоряжение о назначении Г.А. Кожевникова на должность заместителя заведующего Практической лабораторией по зоопсихологии (1924 г.) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 334)

попался на их удочку» (там же, с. 54). По этой причине зоопсихологические лекции Кожевникова вызывали не только аплодисменты, но и критику. В одной из газетных публикаций, названной «О глупых лошадях и умном профессоре», её автор (предположительно зоолог Н.А. Иванцов) колко и достаточно обидно высказался и о самих лекциях профессора, и об их «клоунском» сопровождении, имея в виду дрессировщика В.Л. Дурова и его животных (там же).

Существенные перемены в характере занятий Г.А. Кожевникова зоопсихологией произошли в середине 1920-х гг. при активном содействии со стороны В.Л. Дурова. В купленном им в 1908 г. и перестроенном в 1911 г. доме в начале ул. Божедомки он устроил небольшой зверинец, столь же небольшой музей и нечто вроде «Театра зверей» (теперь это «Уголок дедушки Дурова» на ул. Дурова), где проводил опыты по выяснению умственных способностей животных. В.Л. был сторонник «мягких» методов дрессировки, рассматривающий животных как «личности» и соответственно обращающийся с ними, что и сблизило его с университетским профессором. В 1924 г. Дуров выпустил книгу «Дрессировка животных», к которой Кожевников написал предисловие; в ней, в дополнение к собственно авторским текстам, помещены протоколы опытов и заседаний Зоопсихологической лаборатории, тексты некоторых прочитанных на заседаниях докладов,

[9] Германский промышленник Карл Кралль (Karl Krall) прославился, научив считать несколько своих лошадей (De Sio, Marazia, 2014); эрдельтерьера по кличке Рольф его хозяйка научила считать и «говорить», выстукивая лапами нужные символы.

Рис. 3.30. Фотография рабочего момента эксперимента по мысленному внушению В.Л. Дуровым (в центре снимка; слева Б.Б. Кажинский) команды подопытной собаке (1920-е гг.) (https://vk.com/@kinolog_expert-kak-cirkovoi-dressirovschik-vladimir-durov-dokazyval-chto-so?ref=group_block)

текст доклада В.М. Бехтерева «Об опытах над мысленным воздействием на поведение животных», сделанного в 1919 г., и некоторые другие материалы (Дуров, 1924).

В 1919 г. по инициативе В.Л. Дурова всё его хозяйство было национализировано и приписано к Главнауке Наркомпроса, получив покровительство А.В. Луначарского и название «Уголок Дурова»; тогда же при этом комиссариате была учреждена Практическая лаборатория по зоопсихологии во главе с самим Дуровым. Учёный совет лаборатории был с весьма представительным составом из академиков и профессоров: в него входили психологи В.М. Бехтерев и А.В. Леонтович, зоолог Г.А. Кожевников, биофизики А.Л. Чижевский и Б.Б. Кажинский. Первоначально заместителем заведующего был назначен Леонтович, затем (в 1924 г.) Кожевников (рис. 3.29) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 334). Этот совет собирался, как правило, один–два раза в неделю в «Уголке Дурова», на нём делались доклады по зоопсихологии и влиянию внешней среды на поведение животных. На заседаниях иногда присутствовали наркомы А.В. Луначарский и Н.А. Семашко, профессора Б.К. Гиндце, Н.К. Кольцов и Г.И. Россолимо (в 1920 г. был принят в состав лаборатории) и др., а также известные артисты Малого театра — А.А. Яблочкина, П.М. Садовский, В.Н. Пашенная и др. (Чижевский, 1974).

Г.А. Кожевников своё участие в деятельности «Уголка Дурова» начал с наведения порядка в его музее. На одном из заседаний он предлагает (Дуров, 1924, с. 365) закрепить следующее положение:

> Музей при “Уголке” должен иметь совершенно специальные и вполне определённые задачи, вполне отмежевавшись от других существующих в Москве музеев, не включая в свою программу ничего лишнего и случайного. Задачей музея должно быть иллюстрировать вопросы дрессировки и изучения животных и вопросы зоопсихологии вообще.

Соответственно, из музея следовало удалить всякие «исторические» и «мемориальные» предметы, не имевшие прямого отношения к этой задаче. Музейная экспонатура должна была включать «собрание всех видов животных, которые когда-либо подвергались дрессировке и приручению»; сохранять материалы, фиксирующие способы и приёмы дрессировки, в том числе фотографии проводимых в лаборатории испытаний, а также животных в разных жизненных ситуациях; анатомические препараты тех умерших от старости или иных причин животных, над которыми проводились опыты в лаборатории, а также их чучела.

В лаборатории проводились опыты по поведению животных, выявлению их интеллектуальных возможностей, передаче им мыслей на расстоянии и т. п., объектами были морские свинки, крысы, собаки, кошки, курицы, какаду. Кожевников составлял для опытов методические указания со свойственной ему научной педантичностью, принимал участие почти во всех них в качестве экспериментатора-контролёра; ход опытов и их результаты тщательно протоколировались в стандартных регистрационных карточках.

С чрезвычайной тщательностью проводились и контролировались опыты по передаче («внушению») команд самым одарённым животным (чаще всего собакам) на расстоянии, в том числе из другой комнаты, чтобы испытуемое животное-«реципиент» не видело человека-«донора» и не слышало его команд.

Среди собак своими способностями выделялись французский бульдог Дэзи и терьер Марс, которые были весьма чувствительны к разным мысленным воздействиям со стороны людей (рис. 3.30). Так, они достаточно чётко (пока не уставали) исполняли простые команды, мысленно посылаемые из другой комнаты, — пролаять определённое количество раз, почесаться, подуть в дудку, найти определённый предмет и т. п., — а также легко погружались в наведённый на них гипнотический сон.

В качестве примера участия Г.А. Кожевникова в дуровских опытах приведём выдержку из протокола № 68 с собакой по кличке Марс от 1 ноября 1922 г. (Дуров, 1924, с. 451). Проф. Кожевников даёт В.Л. Дурову задание «внушения» Марсу следующих действий: выйти из гостиной в переднюю, подойти к столику с телефонным аппаратом, взять в зубы телефонную книжку и принести её в гостиную. Дверь в переднюю открыта. После полуминутной фиксации взглядом Марс устремляется к середине комнаты, В.Л. Дуров усаживает Марса вновь на кресло, держит в руках его морду, фиксирует взглядом и отпускает. Марс направляется к дверям, ведущим в переднюю, и хочет их закрыть. В третий раз В.Л. Дуров усаживает Марса на кресло, фиксирует взглядом и отпускает: Марс устремляется в переднюю, поднимается на задние лапы у шкафчика в передней, опускается, подходит к подзеркальному столику, затем подходит к телефонному столику, достаёт телефонную книжку и приносит её в гостиную. На телефонном столике, кроме телефонной книжки, ещё две алфавитные книжки и телефонный аппарат, собака их не трогает.

Хотя проведение таких опытов требовало от их участников известной сухости и отстранённости, изначальная установка экспериментаторов на доброжелательное общение со своими подопытными создавала в лаборатории удивительную атмосферу. И, надо полагать, Г.А. Кожевникову, как и прочим, такая форма общения с животными приносила, помимо удивительных научных результатов, удовольствие и радость. А.Л. Чижевский вспоминает эпизод, в котором участвовали довольно грузный профессор и молодой шимпанзе Мимус (Чижевский, 1974, с. 128). Оный Мимус

> любил пошалить, особенно во время следовавшего за заседанием ужина. Но он старался никогда не делать больно. Любил Мимус и попугать присутствующих. Трудно забыть сцену, когда Мимус носился вокруг стола вслед за профессором Григорием Александровичем Кожевниковым, а тот удирал от него. Мимус явно хотел схватить почтенного зоолога за седую бороду — это было его любимым развлечением — и всегда почему-то именно профессор Кожевников являлся объектом его игры. “Вот чёртов зверь,— восклицал Григорий Александрович Кожевников,— Владимир Леонидович, да уймите же его!” Все громко смеялись, да и трудно было удержаться от смеха при виде этой картины. Владимир Леонидович хватал Мимуса и успокаивал его.

В те же 1920-е гг. в Москве действовала ещё одна Зоопсихологическая лаборатория: её создала при Дарвиновском музее зоопсихологиня Надежда Николаевна Ладыгина-Котс, жена и соратница директора этого музея А.Ф. Котса, которого мы упоминали ранее (Васильева, 2019; Мухина, 2019). Надежда Николаевна была знакома с В.Л. Дуровым и приветствовала создание лаборатории при «Театре зверей»; при дуровской лаборатории во второй половине 1920-х гг. проводила опыты над собаками ученица Ладыгиной-Котс — М.А. Герд (Кожевников, 2021). Между Надеждой Николаевной и Григорием Александровичем существовали некоторые деловые и частью личные связи. Так, в 1924 г. Г.А. написал положительный отзыв о работах Н.Н. и ходатайствовал об увеличении их субсидирования, отсутствие коего оставит их неоконченными, что «будет несомненным ущербом для науки» (Кожевников, 1924б). Однако более тесных контактов между двумя родственными московскими лабораториями, по всей вероятности, не было из-за того, что Н.Н. не была вполне согласна с методами обращения

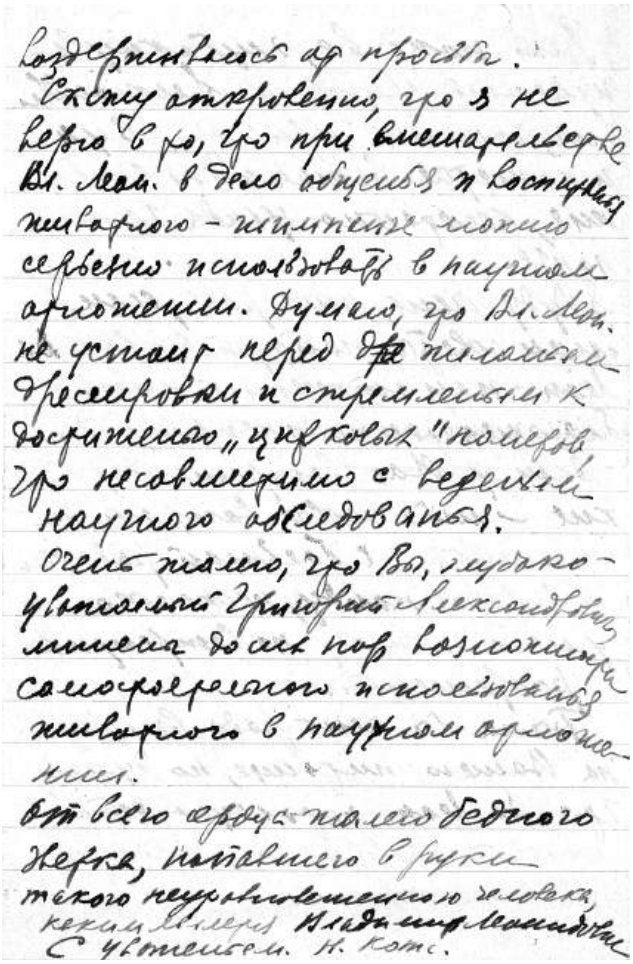

Рис. 3.31. Фрагмент письма Н.Н. Ладыгиной-Котс к Г.А. Кожевникову (1925 г.) с её критической оценкой методики В.Л. Дурова (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 523. Л. 6об)

Дурова с животными. Действительно, в письме к Кожевникову в октябре 1925 г., в ответ на его просьбу поделиться своим опытом содержания шимпанзе для научных исследований, она пишет: «Владимир Леонидович всё равно не воспользуется моими указаниями», потому что он «не устоит перед желанием дрессировки и стремлением к достижению “цирковых” номеров, что несовместимо с ведением научного обследования» (рис. 3.31) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 523. Л. 3, 6об).

Работа Г.А. Кожевникова в Зоопсихологической лаборатории при «Уголке Дурова», как можно полагать, продолжалась до начала 1930-х гг. На это косвенно указывает тот факт, что В.Л. Дуров в предисловии к своей новой книге, вышедшей в 1933 г., выразил сотрудникам лаборатории, включая Кожевникова, признательность «за то, что они согласились прочесть мою рукопись и внести в неё некоторые исправления научного характера» (Дуров, 1933, с. 3).

***

Как мы отметили в одном из предыдущих разделов настоящей главы, своё понимание биологической, а тем самым и «животной» сущности человека Г.А. Кожевников почерпнул главным образом из эволюционного учения Ч. Дарвина, особенно из его книги «Происхождение человека и половой отбор»: оно стёрло резкую грань между человеком и его обезьяноподобными и вообще животными предками. Это означало для Кожевникова признание того, что «человек не более как одно из звеньев в сплошной цепи живых существ» (Кожевников, 190?а. Л. 5 [рук.]) и что поэтому «в человеке сильна первобытная животная природа», а то, что возвышает его «над зверем», суть порождённые разумом «религия, искусство и наука» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 6 [рук.]).

Таким образом, в дарвинистически настроенном сознании Кожевникова «очеловечивание» животных, наделяемых определёнными интеллектуальными и психологическими свойствами, оказалось, если так можно выразиться, «отзеркаленным» пониманием человека как животного — наиболее развитого в интеллектуальном и психологическом отношении, но всё-таки несомненно животного. Целиком полагаясь на постулируемый постепенный характер эволюционных преобразований, он не видел принципиальной, непреодолимой границы между собственно «животными» и людьми. В этом его убеждали, с одной стороны, многочисленные сходные черты между человеком и высшими приматами, а с другой — различия между человеческими расами и особенно между европеоидами и представителями некоторых аборигенных народов Африки и Австралазии. Увлечённый этой идеей, Г.А. даже одно время намеревался написать «не спеша большую работу, посвящённую биологии человека с естественноисторич[еской] точки зрения»: в его

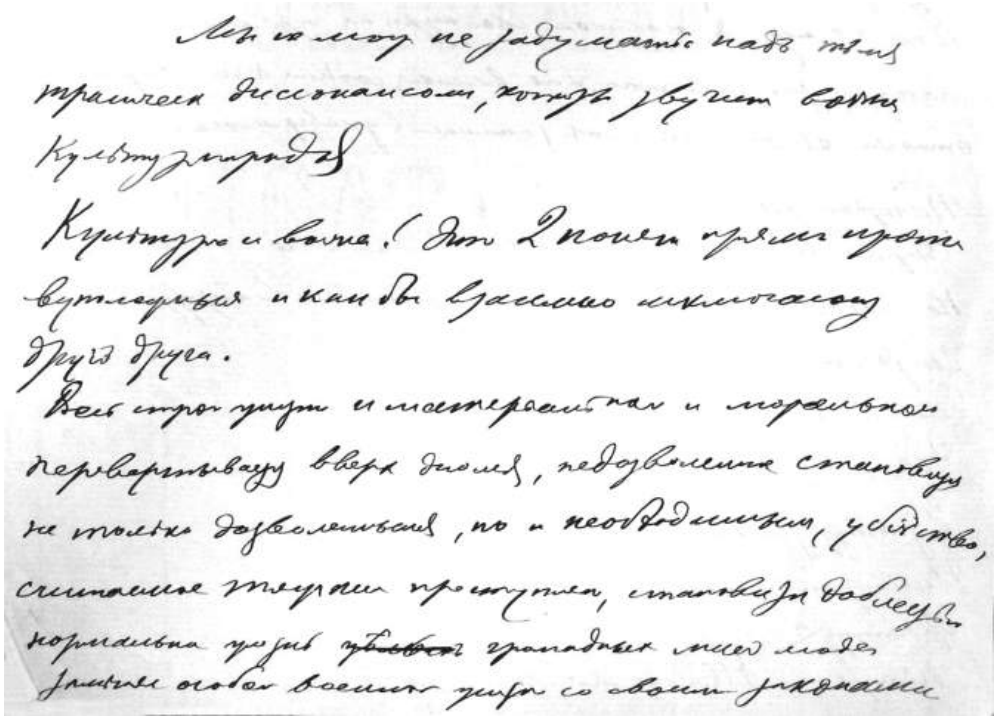

Рис. 3.32. Фрагмент рукописного текста публичной лекции Г.А. Кожевникова «Борьба за жизнь» (1914 г.) с идеей о несовместимости культуры и войны (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 2 [рук.])

архиве сохранился черновик конспекта статьи, но до конца работа доведена не была (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 1).

Эта позиция Кожевникова в какой-то мере неожиданным, но вместе с тем и закономерным образом проявилась осенью 1914 г., когда в Европе началась 1-я Мировая война. Приступая к очередному лекционному циклу по зоологии и обращаясь к своим студентам, профессор счёл необходимым обратить их внимание на то, что «мы часто как бы забываем, что человек — один из представителей животного царства, который, сильно возвысив[шись] над всеми остал[ьными] представителями, в глубине своей природы хранит много первобытного» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 4 [рук.]). В этом, по его убеждению, одна из глубинных причин всех войн, которые приводят к «массовому одичанию, озверению» людей; впрочем, Г.А. тут же оговаривается, что «термин озверение […] является весьма обидным для зверей» (там же. Л. 3 [рук.]). Война вызволяет наружу «первобытное начало» человека, как бы «сколупывая» с него все более поздние культурные наслоения, поэтому Кожевников (рис. 3.32) (там же. Л. 3 [рук.]) уверен:

> Культура и война [—] эти два понятия прямо противопоставляемые и как бы взаимно исключающие друг друга. Весь строй жизни, материальный и моральный, переворачивается вверх дном, недозволенное становится не только дозволенным, но и необходимым, убийство, считаемое тяжким преступлением, становится доблестью.

Во второй половине XIX в. эволюционное учение Ч. Дарвина вызвало рост интереса к классической идее о необходимости и возможности улучшения качеств человека и вообще человеческого рода, восходящей к Античности (спартанцы, Платон) и в разных формах развиваемой в Новое время (Кампанелла и др.). Дарвиновская теория естественного отбора внутривидовых вариаций, дополненная концепциями зарождающейся генетики, и его же гипотеза происхождения человека от обезьяноподобных предков — всё это в совокупности дало мощный стимул к разработке названной идеи на истинных естественнонаучных осно-

19 09

Аудиторія Историческаго музея.

№ 1595.

Въ Субботу, 14-го Марта,

въ пользу Благотворительнаго Общества при Московской Городской больницѣ имени нн. А. А. Щербатова,

ПРОФЕССОРЪ

Г. А. Кожевниковъ

ПРОЧТЕТЪ ЛЕКЦІЮ:

„БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВѢКА".

ПРОГРАММА ЛЕКЦІИ:

Взглядъ назадъ. Темное прошлое человѣка. Что мы утратили и что намъ осталось отъ этого прошлаго. Можно ли довольствоваться настоящимъ. Мѣсто науки въ прошлой и современной жизни человѣка.

Пренебреженіе біологіей — коренная ошибка культурнаго человѣчества и его реформаторовъ. Эволюціонное ученіе, какъ основа современной біологіи. Естественный и искусственный отборъ. Значеніе отбора для прогресса. Цивилизація и вырожденіе. Наслѣдственность и измѣнчивость. Мѣсто науки въ будущей жизни человѣка. Противорѣчіе біологической точки зрѣнія съ остальными. Новые горизонты, раскрываемые біологіей въ области общественныхъ вопросовъ. Наука требуетъ коренной ломки нашихъ взглядовъ на нѣкоторые основные вопросы жизни. Новые идеалы прогресса. Возможность свѣтлаго будущаго.

Начало лекціи въ 8 час. веч.

Печ. разр. 4 февраля 1909 г. Моск. Градон. Генералъ-Майоръ Адріановъ.

Тип. Императорскихъ Московск. Театр. Т-во Скоропеч. А. А. Новикова

Рис. 3.33. Афиша с объявлением об очередном чтении публичной лекции Г.А. Кожевникова «Будущее человека» (1909 г.) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 86)

ваниях. Ч. Дарвин в упомянутой книге о происхождении человека писал, что сам человек «мог бы способствовать разумным отбором […] развитию умственных и нравственных качеств» (Филипченко, 1924, с. 12). Эти основания английский натуралист Ф. Гальтон оформил в особую науку *евгенику* о способах, коими могут быть улучшены врождённые качества людей. В конце XIX и в первой трети XX вв. евгенические идеи стали весьма популярными, в том числе в России/СССР.

Г.А. Кожевников, увлечённый идеями Дарвина и оценивая их применимость к человеку как биологическому виду, одним из первых в России стал пропагандировать основные идеи и задачи евгеники. Понимание этих идей у него начало складываться уже в начале 1890-х гг., когда он пришёл к убеждению, что «человек, как живое существо, как звено в общей цепи жизни, несомненно подлежит действию тех же биологических законов, которые существуют для всей остальной природы» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 1 [рук.]). Развивая несколько позже эту весьма плодотворную мысль, Г.А. обрёл уверенность в том, что «биология, устанавливая общие законы для всего живого, [должна] неумолимо требовать, чтобы и человек во всех своих проявлениях рассматривался с биологической точки зрения» (там же. Ед. хр. 75. Л. 5 [рук.]), поэтому «пора задуматься серьёзно над вопросами биологии применительно к человеческой жизни» (Кожевников, 1913з). И хотя сам Кожевников евгенические идеи не практиковал — в том смысле, что не проводил и даже не организовывал соответствующие исследования, — его устные и печатные выступления на эту тему в конце 1900-х и начале 1910-х гг. действительно сделали его одним из пионеров русской евгеники. На это обстоятельство наш профессор сам обращает внимание в только что процитированной статье «Наука и жизнь», уверяя читателей, что в России он был «один из первых, кто начал с кафедры говорить о применении принципов отбора к борьбе с вырождением» человечества (там же).

Ключевыми для понимания позиции Г.А. Кожевникова как биолога в отношении природы человека, которая была частью его эволюционного «миросозерцания», являются две большие публичные лекции на евгеническую тему, прочитанные им во второй половине 1900-х гг. — о прогрессе естествознания и о будущем человечества, которые в данном аспекте во многом дублируют друг друга (Кожевников,

190?а, 1908в). Вторая из этих лекций, прочтённая трижды в 1908 и 1909 гг. в Политехническом музее в Москве (рис. 3.33), по-видимому, была для него наиболее важной и лучше организованной; Кожевников написал для извещающей о ней афише краткую, но весьма содержательную аннотацию. Как заявляется в последней, лектор считает, что «пренебрежение биологией — коренная ошибка культурного человечества и его реформаторов», разъясняет «место науки в будущей жизни человека» и обещает показать «новые горизонты, раскрываемые биологией в области общественных вопросов», каковые «горизонты» открывают для человечества «возможность светлого будущего» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 86, афиша).

О том, какое впечатление произвела эта яркая и очень нетривиальная по содержанию лекция на определённую часть аудитории, готовую воспринять евгеническую идею, свидетельствует своеобразный отзыв о ней студента Московского сельхозинститута Николая Вавилова, в будущем известного генетика. В своём письме к почтенному профессору, написанном вскоре после лекции, он восклицает в восторженных тонах (рис. 3.34) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 457. Л. 448):

> Глубокоуважаемый профессор! Прослушав [..] Вашу лекцию, я был поражён той перспективой будущего homo sapiens'а, каковой Вы её изобразили. Я понял из Вашей лекции, в каком хаосе познания бродили мы. Явилось сильное желание хоть сколько-нибудь разобраться в вопросах, затронутых вашей лекцией, выяснить себе, как жить сообразно требованиям биологии, захотелось разобраться в вопросах о вырождении человечества.

Желая увлечь слушателей важной темой с первых же минут своего выступления, Кожевников уверяет их: «Думать о будущем надо для того, чтобы сознательно подготовить его, чтобы не быть по возможности игрушкою неразумных случайностей» (Кожевников, 1908в. Л. 1 [рук.]). Он обрушивается на религиозное учение о загробной жизни, утверждая, «что человечество, ещё не дожившее до развития

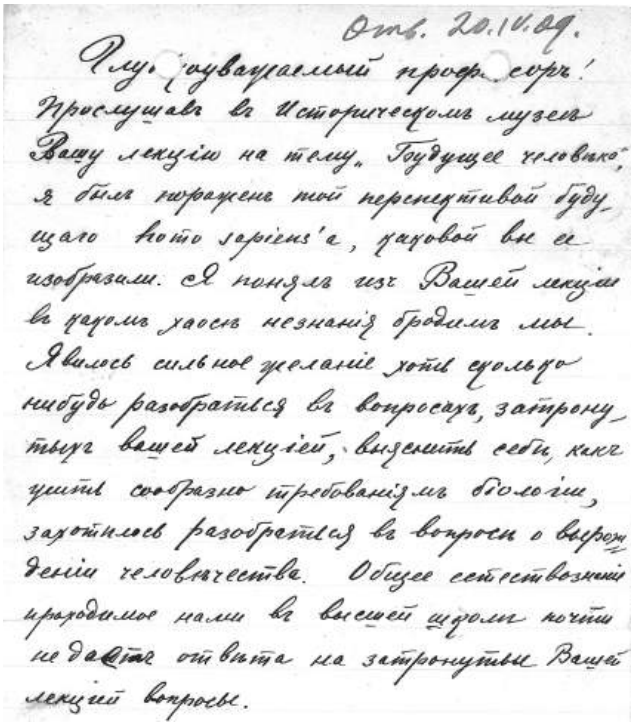

Рис. 3.34. Фрагмент письма Н.И. Вавилова (1909 г.) с его впечатлением о лекции Г.А. Кожевникова «Будущее человека» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 457. Л. 448)

науки, создало гипотезу о возможности существования [загробного] мира» для облегчений «в житейских горестях» (там же. Л. 2 [рук.]). Но только «если мы будем исходить из естественноисторических данных и будем принимать во внимание биологические законы, то можем надеяться, что наши рассуждения о будущем человека будут иметь некоторую реальную почву под собою» (там же. Л. 4 [рук.]). При этом, уверен Г.А., «нельзя говорить о будущем, не вспомнив прошлого и чтобы стать на правильную точку зрения относительно того, *что такое человек*» (там же). А эта точка зрения, которую мы уже приводили выше, для него бесспорная, такова: «Человек есть последнее звено в постепенной естественной эволюции животного мира» (там же. Л. 5 [рук.]), согласно чему «мы имеем право предположить, что нашим прародителем был какой-либо древний член человекообразной подгруппы» обезьян (там же. Л. 6 [рук.]). На этом предположении выстраивается общее мажорное заключение: «Изучение вопроса о происхождении человека даёт нам прочное

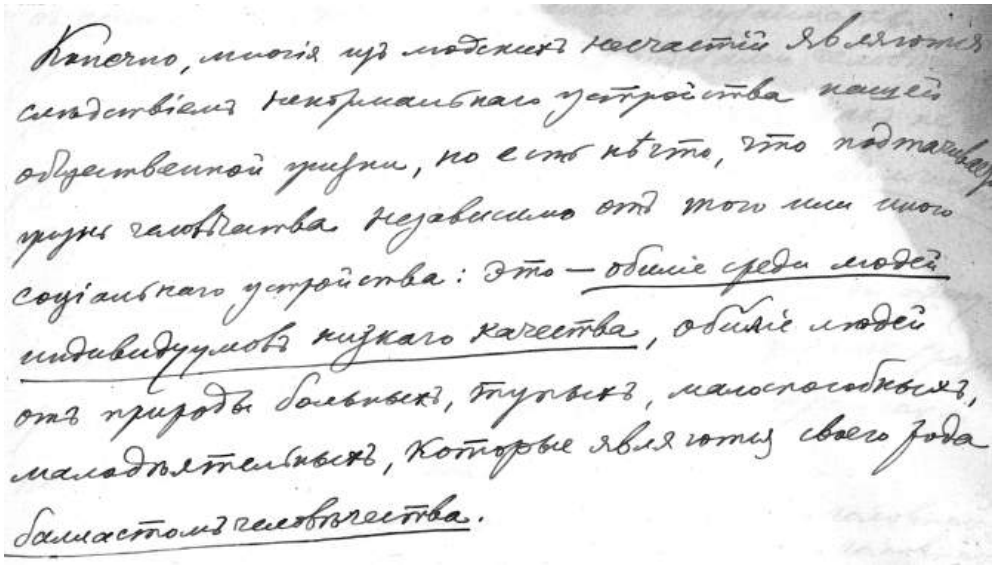

Конечно, многія изъ людскихъ несчастій являются
слѣдствіемъ неправильнаго устройства нашей
общественной жизни, но есть нѣчто, что подтачивает
корни человѣчества независимо отъ того или иного
соціальнаго устройства: это — обилие среди людей
индивидуумовъ низкаго качества, обилие людей
отъ природы больныхъ, тупыхъ, малоспособныхъ,
малодѣятельныхъ, которые являются своего рода
балластомъ человѣчества.

Рис. 3.35. Страница рукописного текста публичной лекции Г.А. Кожевникова «Будущее человека» (1908 г.) с изложением евгенической идеи о «балласте человечества» (Кожевников, 1908в. Л. 23 [рук.])

основание рассматривать и его настоящее, и будущее в свете современной биологии» (там же. Л. 14 [рук.]).

Утвердив своих слушателей в приматоидном происхождении человека и тем самым в несомненной наделённости его определёнными «животными» качествами, унаследованными от не слишком дальних предков, Г.А. Кожевников обращается к прояснению того, что всё-таки отличает человека от прочих животных и делает его тем существом, которое К. Линней в своё время назвал по-научному *Homo sapiens*, сиречь «человеком разумным». В полном согласии с великим шведом Г.А. полагает, что «самое драгоценное достояние человека — его головной мозг; самая высокая способность этого высокого органа — научное мышление» (там же. Л. 24 [рук.]). Об этом особом качестве человека он рассуждал, едва став на позиции учёного-эволюциониста; в 1901 г. он пишет в упомянутой выше статье «Голод как фактор отбора», что «сила ума — […] вот то орудие “борьбы за жизнь”, которое заменило зубы и когти, вот в чём величие и сила человека. Сила ума!» (Кожевников, 1901б. Л. 6 [рук.]).

Отталкиваясь от этого тезиса, Кожевников задаётся одним из самых важных для него вопросов: «*Что мы потеряли и что нам осталось* от нашего тёмного прошлого?» (Кожевников, 1908в. Л. 14 [рук.]). Стремясь ответить на него с научной точки зрения, он начинает с того, что делит качества человека на плазмогенные (врождённые, в другой лекции называет их «бластогенными», см. раздел 3.2) и соматогенные (приобретённые) и особо оговаривает, «что *благоприобретённые качества не передаются по наследству*, [если не коснулись] зародышевой протоплазмы» (там же. Л. 61 [рук.]). Развивая мысль о том, каким же образом можно и даже нужно думать о будущем человечества, Г.А. подчёркивает, что «только на почве разработки вопроса *о врождённых и наследственных качествах* человека можно с надеждою на успех *строить планы лучшего будущего на научных основаниях*» (там же. Л. 20 [рук.]).

Вслед за этим, переходя к рассмотрению самих этих качеств, Григорий Александрович обращает внимание на «*обилие среди людей индивидуумов низкого качества*, обилие людей от природы больных, тупых, малоспособных, малодеятельных, которые являются своего рода *балластом человечества*» (рис. 3.35) (там же. Л. 23 [рук.]). Далее профессор обращает внимание на то, что «когда человеческий ум выступил на арену жизненной борьбы, то он

постепенно приобрёл такую силу, что начал давать возможность человеку *не подчиняться вполне законам природы*» (там же. Л. 39 [рук.]). Эту последнюю идею Г.А. выпестовывал достаточно давно: в упомянутой статье о голоде как факторе отбора, подготовленной в 1901 г., он со всей убеждённостью пишет о несомненности «самого факта “освобождения от биологического закона”» (1901б. Л. 2 [рук.]). Но, констатирует наш новоиспечённый евгенист, «идя против [биологического] закона, мы тем самым вносим дисгармонию, которая может себя проявить впоследствии весьма печальным образом» (Кожевников, 1908в. Л. 41 [рук.]). Отметим, что выражение «дисгармония» Кожевников, по всей вероятности, заимствовал у И.И. Мечникова, который часто использовал его в своей книге «Этюды о природе человека», вышедшей на русском языке первым изданием в 1904 г. (Мечников, 1904), на неё Г.А. ссылается в цитируемом здесь докладе.

Как мы уже отмечали ранее, причину этой «дисгармонии» Кожевников видит в том, что достигнутые в ходе эволюции успехи человеческой культуры выводят человечество в той или иной мере из-под действия естественного отбора, что неминуемо грозит ему деградацией. Однако это вовсе не означает, что в человеческом обществе вообще не должно быть отбора: Г.А. считает, что «единственное, что остаётся человечеству, чтобы быть и истинно культурным, не подчиняясь естественному отбору, и в то же время не вырождаться, — это прибегнуть к *искусственному отбору*» (Кожевников, 1908в. Л. 52 [рук.]). Именно в выработке и совершенствовании механизмов последнего проф. Кожевников видит основную задачу естественнонаучного подхода к решению проблемы обеспечения дальнейшей прогрессивной эволюции человечества. Данную мысль он особо подчёркивает в одной из своих рецензий, утверждая, что «это крупнейший факт в биологии современного культурного человечества, вносящий в неё величайший диссонанс, являющийся основной причиной дегенерации, заставляющий серьёзно думать о необходимости искусственного отбора для человека, о необходимости “расовой гигиены”» (Кожевников, 1909е, с. 85).

Таким образом, вера в искусственный отбор как «главное орудие прогресса» человечества вполне органично и в какой-то степени даже неизбежно делает Г.А. Кожевникова социал-дарвинистом. С этой точки зрения он рассматривает некоторые важные социальные вопросы и высказывает соображения о способах улучшения «качества» человека как особого биологического вида. Пожалуй, важнейшим следствием такого понимания человеческой природы становится отрицание им социал-утопической идеи о всеобщем равенстве людей как залоге всеобщего счастья. В выше упомянутом докладе, посвящённом вопросам естествознания, Г.А. говорит, со ссылкой на немецкого социал-дарвиниста Г. Циглера (Hans Ziegler), о несогласии «социалистического учения с дарвинизмом», поскольку оно допускает, что «борьба за существование может быть прекращена в человечестве» (Кожевников, 190?а. Л. 21 [рук.]). Таким образом, по его мнению, «социалистические доктринёры одним взмахом пера уничтожают (на бумаге, конечно) основной фактор эволюции, по учению Дарвина, тот фактор, который по этому учению есть главное орудие прогресса» (там же). На этом основании он заключает, «что дарвинизм в своих основах прямо противоречит учению социалистов […] учение социал-демократов не находит себе опоры в данных биологии и что это учение коренным образом отличается от выводов эволюционного учения» (там же. Л. 23 [рук.]). Ведь с точки зрения последнего, подчёркивает Кожевников, «не может быть биологического равенства между потомками разных родителей, тем более между представителями разных племён и это биологическое неравенство по учению эволюционистов есть источник прогресса, т. к. оно даёт материал для отбора» (там же. Л. 24 [рук.]). Соответственно, «представители нового биологического направления в области общественных вопросов, признавая биологическое неравенство как не-

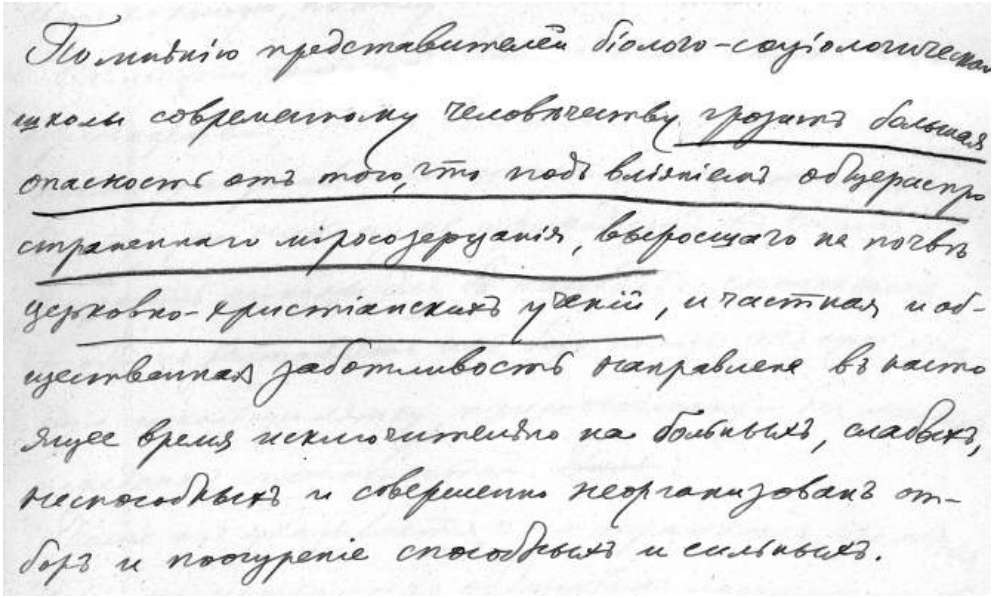

По мнению представителей биолого-социологической школы современному человечеству грозит большая опасность от того, что под влиянием общераспространенного миросозерцания, выросшего на почве церковно-христианских учений, и частная, и общественная заботливость направлена в настоящее время исключительно на больных, слабых, неспособных и совершенно не организован отбор и поощрение способных и сильных.

Рис. 3.36. Страница рукописного текста публичной лекции Г.А. Кожевникова «Будущее человека» (1908 г.) с изложением идеи о необходимости искусственного отбора людей в пользу «способных и сильных» (Кожевников, 1908в. Л. 23 [рук.])

опровержимый факт и как один из основных биологических законов, видят *общественную* ***опасность*** *в чрезмерном стремлении ко всеобщему равенству*» (там же).

В частности, опасность такого «стремления ко всеобщему равенству» Г.А. видел в том, что оно противоречит идее «аристократии духа» — того познающего духа, который служит основным движителем прогресса человечества, охватывающего все сферы духовной и материальной жизни. В связи с этим Кожевников считал важным изучение мозга выдающихся людей, чтобы установить возможную связь между строением их мыслительного аппарата и гениальностью (Кожевников, 1911и). Подходя к этому вопросу с присущей ему основательностью зоолога-исследователя, Г.А. сетовал на то, что «малая разработанность этого вопроса в значительной степени зависит от того, что в распоряжении исследователей, им интересовавшихся, было слишком мало материала». Соответственно, он полагал, что «для изучения этого вопроса нужны мозги таких людей, относительно деятельности и свойств которых имеются вполне определённые данные».

С точки зрения идеи «аристократии духа» особую опасность для прогресса человеческого общества, по мнению Г.А. Кожевникова, представляет то, что «*под влиянием общераспространённого миросозерцания, выросшего на почве церковно-христианских учений*, и частная, и общественная заботливость направлена в настоящее время исключительно на больных, слабых, неспособных и совершенно не организован отбор и поощрение способных и сильных» (рис. 3.36) (Кожевников, 1908в. Л. 70 [рук.]). В другом месте Кожевников упрекает власти в том, что «тратятся миллионы на больницы, санатории и тюрьмы и не делается ничего серьёзного к тому, чтобы меньше было людей, которые попадали бы в эти учреждения» (там же. Л. 29 [рук.]). В результате «мы спасаем то, что неумолимая природа назначила в отбросы и эти отбросы природы дают потомство и ведут нас к регрессу» (там же. Л. 30 [рук.]).

Чтобы противостоять этому, Г.А. видит «один из путей — непосредственное удаление с арены жизненной деятельности таких людей, которые […] являются отрицательными элементами с биологической точки зрения» (там же. Л. 72 [рук.]) — т. е. того, что он считает биологическим «балластом человечества». Основным средством решения этой задачи, по его мнению, является «*сознательное отноше-*

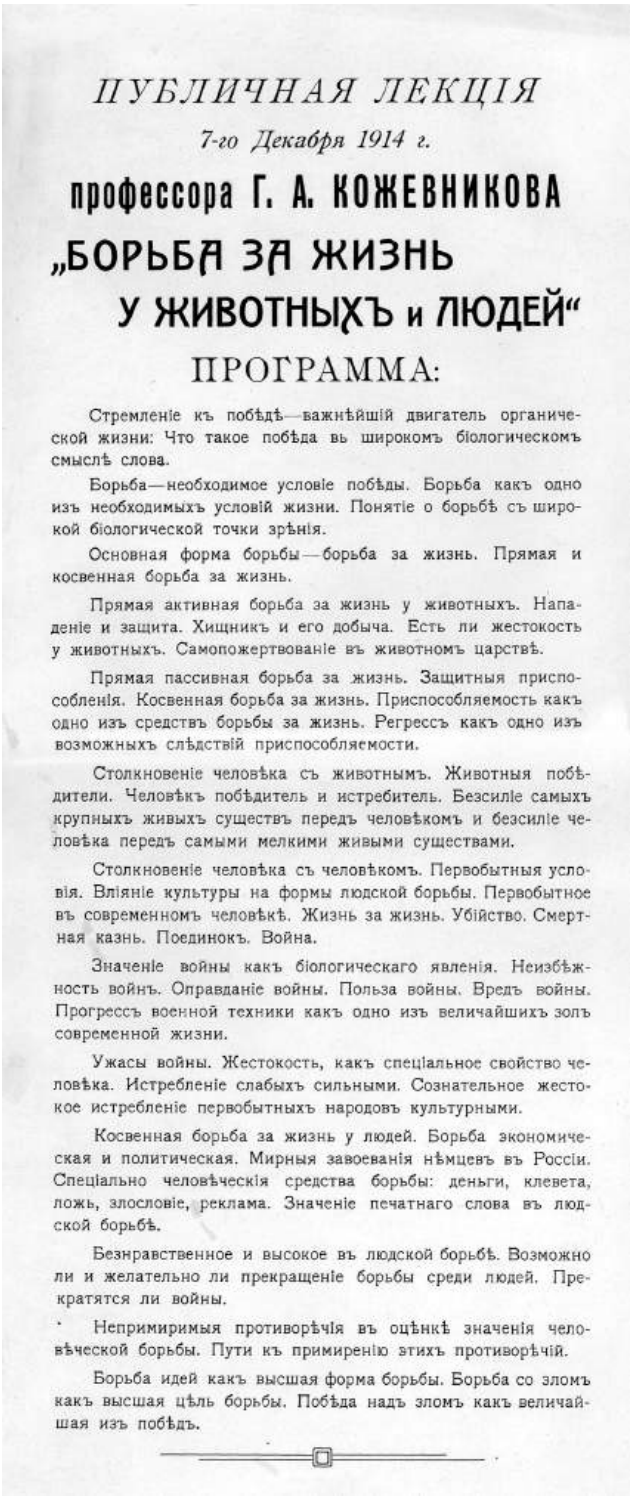
ние к процессу размножения», включая общественное регулирование брачных отношений и размножения (запрещение браков дегенератов и алкоголиков, их кастрация и т. п.), от чего «*общество теперешнее* […] ровно ничего не теряет, а *общество будущее* несомненно выигрывает» (там же. Л. 74, 79 [рук.]). Все эти меры, по Кожевникову, суть проявления «общественной гигиены», которая включает «сознательный и планомерный искусственный отбор, направленный в сторону *прогрессивной эволюции*» (там же. Л. 61 [рук.]).

Акцентируя внимание на передаче в поколениях наследственных положительных качеств человека и отрицая возможность таковой передачи приобретённых свойств, Григорий Александрович сомневается в осмысленности социальных программ, направленных на излечение людей, которые он считает «балластом», — преступников, алкоголиков и т. п. Он полагает, что в склонности к преступлениям и алкоголизму велика доля наследственности, поэтому даже если исправить конкретного преступника или вылечить конкретного алкоголика, «свою зародышевую протоплазму [он] *не в состоянии* исправить, а именно только она ведь и важна для будущего человечества» (там же. Л. 73 [рук.]). Отсюда естественный для евгениста и социал-дарвиниста вывод: если бороться за процветающее будущее человечества, таким людям нельзя дозволять обзаводиться потомством. «Надо дать им испортиться до конца и погибнуть с потомством по пути прогрессирующей дегенерации. Этим человечество будет очищаться от дурных элементов». Иными словами, следует «*давать гибнуть обречённым на гибель и не помогать спастись*» (там же. Л. 80 [рук.]).

Одним из следствий убеждённости Кожевникова в необходимости освобождения человеческого общества от разного рода «балласта» было его специфическое отношение к самоубийцам. Он считает всех их «дегенератами», с которыми «можно бороться только отбором. Счастье для человечества, когда умирает дегенерат, не оставивший потомства. Дегенераты не должны иметь детей» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. б/н), причём последнюю мысль он повторяет несколько раз. По мнению Г.А., самоубийца «*сам*, *своею волею* делает с собою то, что должна была бы сделать природа: он устраняет себя из жизни как существо, плохо к ней приспособленное, не могущее вынести жестокой борьбы за существование. [Он] непригоден к борьбе за жизнь, *не приспособлен к окружающей среде*» (там же).

Однако неверно думать, что Г.А. Кожевников считал искусственный отбор чем-то вроде «панацеи» от деградации человечества. Напротив, рассматривая с этой точки зрения значение острых социальных катаклизмов в качестве факторов искусственного отбора, действующего в человеческом обществе в переломные моменты истории, он оценивал его результаты сугубо отрицательно (Кожевников, 1908в). Г.А. полагал, что из-за войн «цвет нации устраняется от семейной жизни, от полезной общественной деятельности и подвергается специальной дрессировке, чтобы в конце концов умереть» (там же. Л. 67 [рук.]). Сходным образом он оценивал эффект политической борьбы, в результате которой «под действие этого отбора в значительной мере попадают наиболее сильные элементы» и в результате «удаляются из общества те люди, которые хотят перемен, которые хотят замены старого режима новым» (там же. Л. 68 [рук.]).

В послереволюционной России/СССР евгенические идеи довольно быстро расцвели пышным цветом (Хен, 2003; Авдеев, 2012; Ковба, 2020). Причина в том, что они получили мощную поддержку со стороны большевистских властей, видевших в евгенике весьма действенный научный инструмент переделки «старого» человека в «нового»; в частности, нарком здравоохранения Н.А. Семашко считал работу в этом направлении частью «социальной гигиены» и одной из важных задач строительства нового коммунистического общества. Член президиума Общества биологов-марксистов М.М. Местергази, один из самых настойчивых проповедников социал-дарвинизма

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ

7-го Декабря 1914 г.

профессора Г. А. КОЖЕВНИКОВА

„БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ У ЖИВОТНЫХЪ и ЛЮДЕЙ“

ПРОГРАММА:

Стремленіе къ побѣдѣ—важнѣйшій двигатель органической жизни: Что такое побѣда въ широкомъ біологическомъ смыслѣ слова.

Борьба—необходимое условіе побѣды. Борьба какъ одно изъ необходимыхъ условій жизни. Понятіе о борьбѣ съ широкой біологической точки зрѣнія.

Основная форма борьбы—борьба за жизнь. Прямая и косвенная борьба за жизнь.

Прямая активная борьба за жизнь у животныхъ. Нападеніе и защита. Хищникъ и его добыча. Есть ли жестокость у животныхъ. Самопожертвованіе въ животномъ царствѣ.

Прямая пассивная борьба за жизнь. Защитныя приспособленія. Косвенная борьба за жизнь. Приспособляемость какъ одно изъ средствъ борьбы за жизнь. Регрессъ какъ одно изъ возможныхъ слѣдствій приспособляемости.

Столкновеніе человѣка съ животнымъ. Животныя побѣдители. Человѣкъ побѣдитель и истребитель. Безсиліе самыхъ крупныхъ живыхъ существъ передъ человѣкомъ и безсиліе человѣка передъ самыми мелкими живыми существами.

Столкновеніе человѣка съ человѣкомъ. Первобытныя условія. Вліяніе культуры на формы людской борьбы. Первобытное въ современномъ человѣкѣ. Жизнь за жизнь. Убійство. Смертная казнь. Поединокъ. Война.

Значеніе войны какъ біологическаго явленія. Неизбѣжность войнъ. Оправданіе войны. Польза войны. Вредъ войны. Прогрессъ военной техники какъ одно изъ величайшихъ золъ современной жизни.

Ужасы войны. Жестокость, какъ спеціальное свойство человѣка. Истребленіе слабыхъ сильными. Сознательное жестокое истребленіе первобытныхъ народовъ культурными.

Косвенная борьба за жизнь у людей. Борьба экономическая и политическая. Мирныя завоеванія нѣмцевъ въ Россіи. Спеціально человѣческія средства борьбы: деньги, клевета, ложь, злословіе, реклама. Значеніе печатнаго слова въ людской борьбѣ.

Безнравственное и высокое въ людской борьбѣ. Возможно ли и желательно ли прекращеніе борьбы среди людей. Прекратятся ли войны.

Непримиримыя противорѣчія въ оцѣнкѣ значенія человѣческой борьбы. Пути къ примиренію этихъ противорѣчій.

Борьба идей какъ высшая форма борьбы. Борьба со зломъ какъ высшая цѣль борьбы. Побѣда надъ зломъ какъ величайшая изъ побѣдъ.

Рис. 3.37. Афиша с объявлением публичной лекции Г.А. Кожевникова «Борьба за жизнь…» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 95)

в нашей стране, подчёркивал, что евгеника есть совокупное торжество идей дарвинизма и марксизма о биологической и социальной эволюции человечества.

Среди советских биологов одним из первых и наиболее активных евгенистов был Н.К. Кольцов: в возглавляемом им Институте экспериментальной биологии он в 1920 г. организовал Отдел евгеники и одновременно с этим — Русское евгеническое общество, которое с 1922 г. стало издавать «Русский евгенический журнал». Его верным соратником был Ю.А. Филипченко, организовавший в 1921 г. в Петрограде Бюро по евгенике при КЕПСе. Оба они отметились книгами по евгенической тематике (Кольцов, 1923; Филипченко, 1924); кроме двух их книг, в эти же годы было издано изрядное количество аналогичных книг других авторов (Авдеев, 2012; Ковба, 2020). Кольцов обозначил великую цель «улучшения человеческой породы» — создание *Homo sapientissimus*, или *creator*, сиречь «человека разумнейшего», или «творящего». С ним был полностью согласен один из лидеров зарождавшейся советской генетики А.С. Серебровский, который считал евгенику «изысканием способов практического применения генетики к улучшению человеческой породы» (Серебровский, 1929). Своеобразным ответвлением от этой общей идеи стала постановка задачи получения разных «пород» людей для выполнения разных работ (Шехтер, 1927).

Однако в начале 1930-х гг. настроения властей, объявивших незадолго до того «Великий перелом», поменялись: генетика вместе с евгеникой из поддерживаемых стали гонимыми. С подачи биолога-агронома Т.Д. Лысенко, чья звезда в то время восходила на небосклоне советской «партийной науки», их объявили «продажными девками капитализма» и «фашистскими науками» (Гершензон, Бужиевская, 1996). Соответственно, всё, что было связано с генетикой, в том числе, разумеется, и евгеника, было прикрыто — и научные подразделения, и общества, и журналы.

С точки зрения основного предмета нашей книги примечательной чертой этой краткой волны бурного интереса к евгенике, поднятой в послереволюционной России в 1920-е гг., было то, что Г.А. Кожевников, по всей види-

мости, остался вне её. Судя по оглавлению выпусков «Русского евгенического журнала», наш герой, стоявший у истоков отечественной евгеники, в нём не публиковался (Бабков, 2008); да и в архивных материалах Г.А. за указанные годы мы не обнаружили ни одного его доклада на эту тему. Более того, в книгах по евгенике, вышедших в 1920-е гг., и в более поздних исторических обзорах и переизданиях сочинений отечественных евгеников (Хен, 2003; Бабков, 2008; Авдеев, 2012; Ковба, 2020) имя Кожевникова вообще не упоминается.

Весьма вероятная причина такого забвения кроется в том, что Г.А. в послереволюционные годы устранился от участия в публичном обсуждении теоретических и практических вопросов евгеники. С одной стороны, он был занят делами организации охраны природы, которые, надо полагать, занимали всё его время и внимание, остающееся после активной преподавательской деятельности в МУ. Другой причиной могло быть разочарование Кожевникова в самой этой теме, вызванное ужасом окружающей его большевистской практики «загоняния человечества к счастью железной рукой»[10], которая вряд ли была совместима с представлениями профессора о способах улучшения человеческой породы. Но всё-таки авторы, писавшие про судьбы евгенических идей в России, могли бы вспомнить весьма пространные публичные лекции и газетные статьи Кожевникова в их защиту и развитие…

***

Убеждённость Г.А. Кожевникова в «звериных» корнях человека как биологического организма и в глубоко запрятанной, но при определённых условиях непременно вылезающей наружу его «звериной» сущности, наложила своеобразный отпечаток на толкование им, во-первых, агрессивности человека и, во-вторых, порождаемых этой агрессивностью войн как частью общественного и частью биологического явления. Этой теме он отвёл значительное место в уже упоминавшейся нами выше публичной лекции «Борьба за жизнь у животных и людей», подготовленной и прочтённой осенью 1914 г., т. е. вскоре после начала 1-й Мировой войны (рис. 3.37) (Кожевников, 1914а). По всей вероятности, именно этот грандиозный катаклизм стал причиной того, что наш профессор захотел разобраться в биологической подоплёке резко выраженных воинственных наклонностей человека и донести до публики свои соображения на сей счёт.

Его отправным пунктом в рассмотрении врождённой склонности человека к насилию является тезис о том, что «вся жизнь есть сплошная борьба. Покой — это смерть, борьба — это жизнь. […] И, следовательно, понятие “борьба за жизнь” как бы сливается с понятием “жизнь”, ибо нет жизни без борьбы, ибо борьба за жизнь есть необходимое условие жизни» (там же. Л. 3 [рук.]). Соответственно, «состязание в жизненной борьбе есть основной закон [живой] природы» (там же. Л. 36 [рук.]).

Переходя от этой общей идеи к человеческой конкретике как её частному проявлению, Кожевников напоминает старую латинскую пословицу *Homo homini lupus est* (человек человеку волк) и отмечает, что «в этой жёсткой формуле вылилось яркое представление о непрерывной борьбе людей друг с другом» (там же. Л. 25 [рук.]). Более того, «в борьбе животных между собою мы не находим никогда такого кровопролития и такой ожесточённости, как в людской борьбе. Человек является самым кровожадным из всех живых существ» (там же. Л. 31 [рук.]) Причём эта его «звериная» (а правильнее сказать, сугубо «человечья») кровожадность, сокрытая в обычной обстановке, легко прорывается наружу во время социальных катаклизмов (таких как революции и войны), «когда люди превращаются в разнузданную толпу, заливающую страну кровью […]. В эти эпохи борьба за жизнь у людей принимает самый […] необузданный характер» (там же).

Развивая далее свою мысль, Г.А. Кожевников, однако, подчёркивает, что повышенная

[10] Этот лозунг обычно приписывается большевикам, чтобы подчеркнуть жестокий, антигуманный характер их власти (Эпплбаум, 2015).

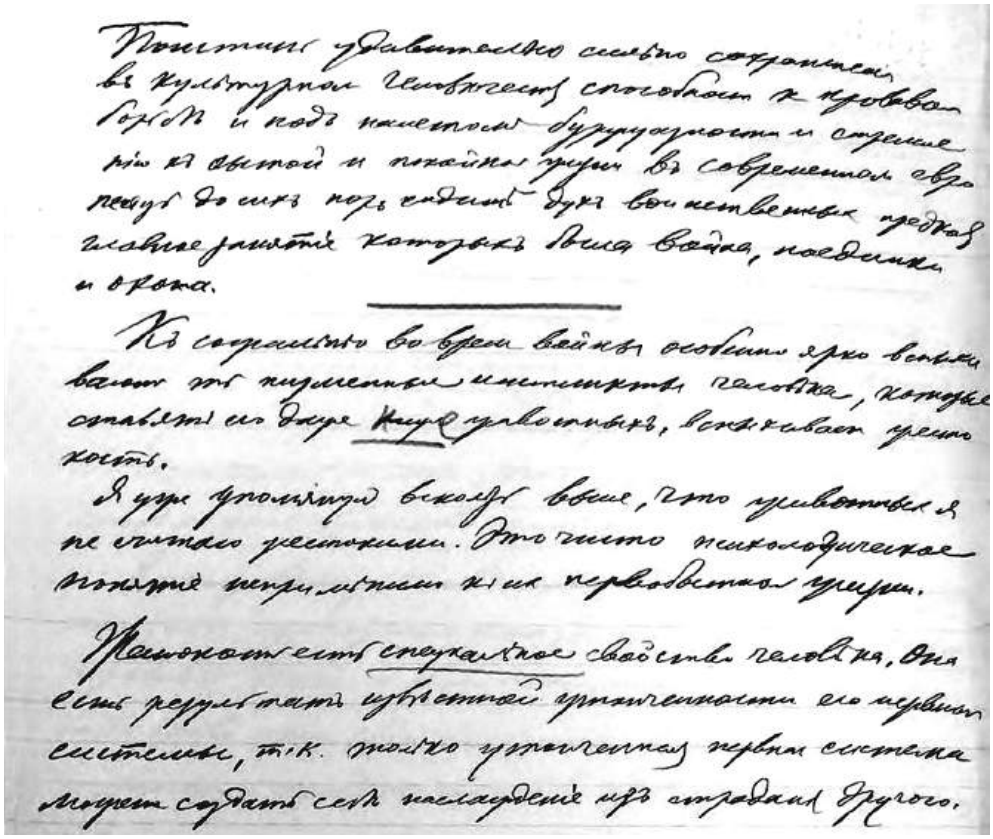

Рис. 3.38. Страница рукописного текста доклада Г.А. Кожевникова «Борьба за жизнь…» (1914 г.) с изложением его представлений о «жестокости как специальном свойстве человека» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 41)

жестокость человека в сравнении с другими животными — это «чисто психологическое понятие», которое «неприменимо к первобытной жизни. Жестокость есть *специальное* свойство человека. Она есть результат известной утончённости его нервной системы, т. к. только утончённая нервная система может создать себе наслаждение из страдания другого» (рис. 3.38). (там же. Л. 41 [рук.]) Кожевников здесь говорит об «утончённости» как особом свойстве психики человека — его способности испытывать разного рода повышенные эмоции, в том числе «наслаждаться мучением врага, чего не может испытывать животное» (там же). Поэтому, завершает Кожевников тему жестокости, называть этих «кровожадных двуногих существ […] зверями было бы обидно для зверей» (там же. Л. 42 [рук.]). Следуя этой логике, от себя мы можем добавить, что упомянутая Кожевниковым латинская пословица неверна: правильнее говорить, что человек человеку не «волк», а именно «человек», со всей присущей только ему кровожадностью и жестокостью.

Обращаясь к войне, Кожевников характеризует её как «наиболее грандиозное выражение борьбы за жизнь, разлитой во всей природе. […] Война есть выражение мировой конкуренции государств, народностей, рас». Отсюда он заключает: «В том, что война является высшим выражением закона мировой конкуренции, заключается её *оправдание*». И далее, отталкиваясь от такого частью биологического, частью социального «оправдания» войны, Г.А. предсказывает, что «доколе будут существовать государства, народности и расы, будут войны» (там же. Л. 36, 38 [рук.]). Увы, вся короткая последующая история человечества станет полным подтверждением его пессимистического пророчества…

Нашему профессору-евгенисту, рассматривающему войну с некой «абстрактной», государственнической точки зрения, оказыва-

ется «нетрудно указать на пользу войны для государства. Польза эта в том, что […] страна держит суровый экзамен на право существования и все жители проникаются сознанием, что они должны помочь стране выдержать этот экзамен, это испытание на жизнь или смерть». Война полезна тем, что «победителю она приносит ряд конкретных выгод, побеждённому указывает его недостатки и властно требует их исправления» (там же. Л. 38 [рук.]). Но с гуманистической точки зрения, принимающей во внимание конкретных людей, их благосостояние, их судьбы, «война ужасна. […] Вред от войн был всегда, и чем дальше идёт прогресс человеческой культуры, тем этот вред увеличивается в размерах. […] Этим великим злом человечество всецело обязано прогрессу военной техники» (там же. Л. 39, 40 [рук.]). При этом «ужас войны» заключается не только в наносимом ею физическом или экономическом ущербе, но и в моральном ущербе: «Во время войны особенно ярко вспыхивают эти низменные инстинкты человека, которые ставят его даже *ниже* животных, вспыхивает жестокость» (там же. Л. 41 [рук.]).

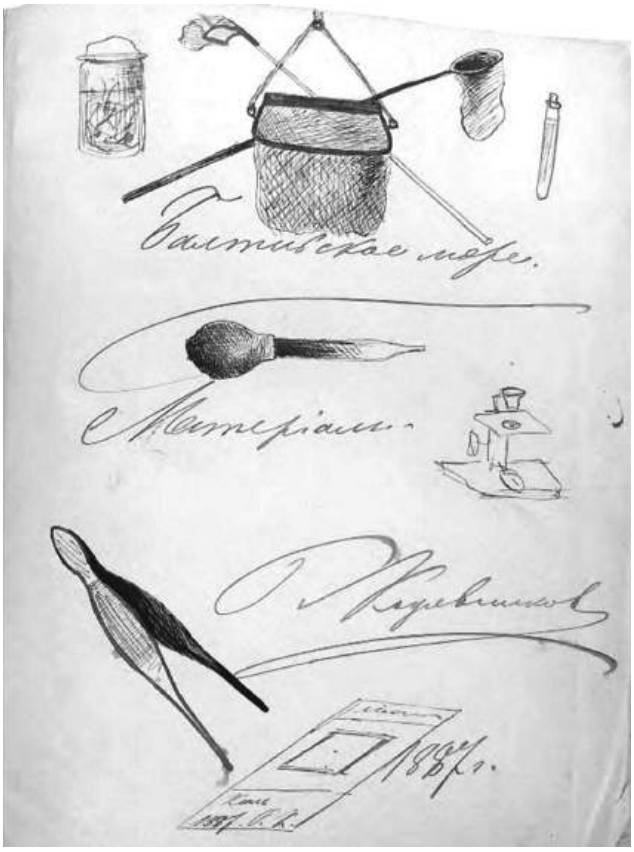

Рис. 3.39. Первая страница тетради с отчётом Г.А. Кожевникова (1887 г.) о его работе на Балтийском море (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1)

Если междоусобные (межрасовые, межгосударственные и т. п.) войны Г.А. Кожевников способен был рассматривать несколько отрешённо как проявление всеобщего закона «борьбы за существование», то все эти «с одной стороны» и «с другой стороны» забывались, когда он переходил к истории колонизации отдалённых территорий с сопровождающим её целенаправленным истреблением местного населения. В своей лекции он с негодованием рассказывает о том, что совсем недавно, в конце XIX в., при колонизации крайнего юга Южной Америки «были организованы большие охоты на обитателей Огненной Земли и в короткое время из 4000 представителей этого редкого племени осталось 400, а теперь они исчезли вовсе» (там же, Л. 43 [рук.]). И он считает, что «это позорное пятно на европейцах, которое они никогда не смоют» (там же. Л. 42 [рук.]). В столь жестокой форме экспансии европейской культуры проявлялся самый крайний расизм: «культурные европейцы» не видели в «диких племенах» (это, между прочим, терминология нашего героя) ровню себе, считали их чем-то низшим, «животным» по сравнению с собой. Характерной иллюстрацией служит такой известный факт: в 1904 г. в Нью-Йоркском зоопарке представитель одного из племён африканских пигмеев некоторое время содержался в клетке рядом с обезьянами (Шишкин, 2012). Возмущение Кожевникова вопиющей несправедливостью этой позиции проявилось в том, что в 1913 г. на Международной природоохранительной конференции в Берне при обсуждении программы международного сотрудничества по охране дикой природы он заявил, что «если к нашей программе мы не прибавим *охрану первобытного человека*, мы совершим большую ошибку» (Кожевников, 1915д, с. 97); другие члены конгресса, впрочем, к его предложению не присоединились (см. раздел 5.3).

3.7. Разные частности

Первой профессионально выполненной научной работой Г.А. Кожевникова было гидробиологическое (точнее, фауно-экологическое) исследование морских беспозвоночных, которое он выполнил в студенческие годы под руководством А.П. Богданова. Для этого он совершил две прибрежно-морские экскурсии, обе по поручению ОЛЕАЭ, — на Чёрное море (Севастопольская бухта, 1886 г.) и в южные части Балтийского (Кильская бухта) и Северного (тогда Немецкое, о-ва Гельголанд) морей (1887 г.). В поездке Кожевникова на Чёрное море базой служила Севастопольская биостанция; его работа на Балтике стала продолжением исследований Н.К. Зенгера (служил хранителем Зоомузея), начатых в конце 1860-х гг. и оставшихся незавершёнными из-за его преждевременной кончины (Богданов, 1888).

Основной задачей этих исследований был общий и сравнительный анализ вертикального (в толще воды) и горизонтального (на разных донных субстратах) распределения представителей разных групп морских беспозвоночных. В Чёрном море основное внимание уделялось ракообразным (главным образом амфиподам, которыми занималась С.М. Переяславцева), в Балтийском и Северном морях набор исследуемых объектов был значительно шире — в добавление к тем же амфиподам ещё моллюски, мшанки, полихеты, кишечнополостные. Основные результаты «северных» экскурсий Кожевников свёл в особую тетрадь (рис. 3.39) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 1), они составили содержание его кандидатской (эквивалентна современной дипломной) студенческой работы. Как мы отметили ранее, в отчёте об этих экскурсиях Г.А. высказал ряд примечательных соображений о характере и некоторых возможных причинах (включая «психологические») расселения животных (см. разделы 1.2, 3.4). Их научные результаты предварительно обобщил А.П. Богданов в «Летописи зоологических трудов общества (1863–1888 г.)», особо отметив интересные коллекционные сборы своего студента (Богданов, 1888, с. 309–311, 396–398). Кожевников самолично изложил эти результаты в 1887 г. в своём первом научном докладе на заседании Зоологического отд. ОЛЕАЭ (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 194об), а в 1890 г., поступивши на службу в Зоомузей, опубликовал их в Протоколах Зоологического отд. ОЛЕАЭ (т. 2, вып. 2), в Летописи зоологических трудов ОЛЕАЭ (т. 1) и в Дневнике Зоологического отд. ОЛЕАЭ и Зоолог. музея (вып. 2) (см. библиографический список в Приложении): эти статьи стали первыми научными публикациями героя нашей книги. Более серьёзный и полноценный анализ результатов, полученных в ходе исследований в Балтике, Кожевников представил в докладе на Международном зоологическом конгрессе в Москве в 1892 г. (Koschevnikov, 1892б). Он обратил внимание на недостаточную изученность пространственной динамики состава фаун западной и восточной частей Балтийского бассейна, а также обмена элементами фаун прибрежных морских вод и речных эстуариев.

К «гидробиологической» серии можно отнести опыты по выживанию водных беспозвоночных в аквариумах при различных условиях их содержания, которые Кожевников ставил в 1890-е гг. О них свидетельствует сохранившийся в архиве МУ его журнал наблюдений над пресноводными организмами, которые Г.А. собирал в московских водоёмах в 1889–1890 гг. и проводил с ними эксперименты в аквариумах, стоявших в Зоомузее (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 18); позже на их основе он сделал доклад (предположительно в 1901 г.) на заседании Московского общества любителей аквариума и комнатных растений (Кожевников, 1901?г). Одновременно Г.А. подготовил аналогичное сообщение по морским беспозвоночным, для чего сделал подробные выписки из различных публикаций об их содержании в аквариумах, а также включил в него данные об аквариумах на Севастопольской биологической станции (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 18, 124); в 1907 г. он подготовил небольшую статью на тему «Аквариум и метод научного исследова-

ния» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 21). По всей очевидности, какой-то интерес к аквариумистике сохранился у него и позже: в некоторых документах конца 1910-х гг. Кожевников упоминает, что отвёл часть своей профессорской квартиры «под аквариумное отделение Зоологического музея» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 360).

Интерес Г.А. к гидробиологии проявился в его участии в организации некоторых профильных полевых исследований. Так, в 1909 г. он возил своих студентов на Севастопольскую биостанцию для ознакомления их «с морской фауной и приёмами экскурсирования» (Отчет…, 1910). Согласно отчётам, сохранившимся в университетском архиве (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 731), в 1910 г. его ученик И.И. Месяцев, сам ещё студент, провёл летние занятия со студентами-младшекурсниками на Косинской биостанции (о ней см. чуть ниже); в том же году, а также на следующий год Месяцев совершил самостоятельную поездку на Мурманскую биологическую станцию. В 1912 г. Кожевников направил группу студентов-зоологов (имена в отчёте не указаны) во главе с тем же Месяцевым на оз. Байкал, а в 1914 г. — на Мурманскую станцию для сбора коллекций. В последней поездке участвовали Л.А. Зенкевич и Л.Л. Россолимо, между ними и Месяцевым сложились тесные дружеские и рабочие отношения, поэтому по поручению Кожевникова летом 1917 г. эта троица исследовала байкальскую фауну водных беспозвоночных. По всей вероятности, их поездка была согласована с Комиссией по изучению озера Байкал при Российской академии наук, учреждённой за год до этого, но которая в 1917 г. по ряду причин не смогла снарядить надлежащим образом свою собственную экспедицию (Бондарь, 2019). В университетском архиве Кожевникова хранится журнал этой экспедиции (рис. 3.40): она базировалась на берегу Чевыркуйского залива, обследовала Ушканьи о-ва, западный берег Байкала, Большой и Малый соры (заливы), её основным материалом стали спиртовые сборы по водным беспозвоночным общим объёмом

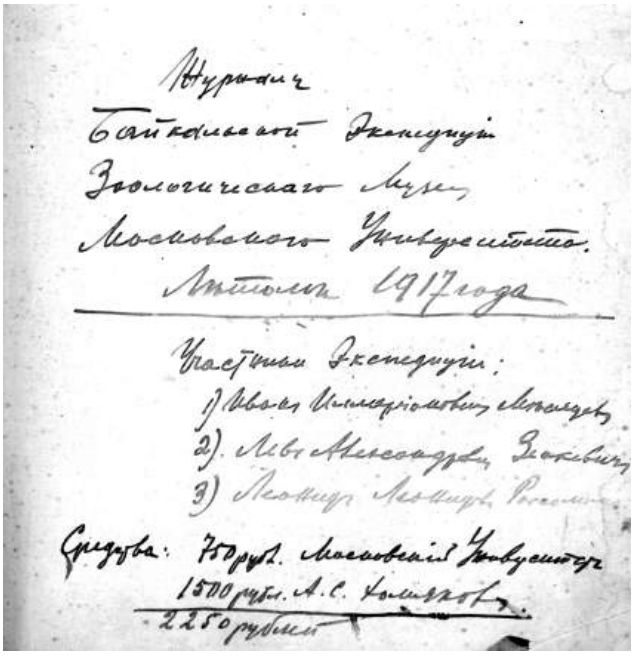

Рис. 3.40. Часть титульной страницы тетради с отчётом Г.А. Кожевникова о работе Байкальской экспедиции (лето 1917 г.) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 1)

около 700 банок, поступившие в Зоомузей (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 172). Месяцев и Кожевников в октябре 1917 г. представили совместный доклад об основных результатах этой экспедиции на заседании ОЛЕАЭ (там же. Л. 47).

Как указано в предыдущей главе (см. раздел 2.7), в 1921 г. Месяцев и Зенкевич с рядом других зоологов и при активной поддержке Кожевникова инициировали создание Плавучего морского института для изучения северных морей, связав с ним на несколько лет свою научную судьбу. Плавучей базой института стало судно «Персей», совершившее множество экспедиций по морям Северного Ледовитого океана (Зенкевич, 1941; Соколов и др., 2022).

В 1927 г. Григорий Александрович во время поездки на Дальний Восток по «пчелиным» делам (см. раздел 4.3) задержался на несколько дней на Биологической станции Иркутского НИИ и в своём отчёте отметил, что «прибрежная полоса в районе Биологической станции (к северу от с. Лиственичного) достаточно богата для добывания интересного материала как фаунистического, так и анатомического без глубинных драгировок» (АрхМГУ. Ф. 200.

Рис. 3.41. Зоологическая экскурсия группы студентов во главе с Г.А. Кожевниковым (в центре) в Косино летом 1915 г. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 383)

Оп. 1. Ед. хр. 196). Этот отчёт был представлен руководству ФМФ как часть обоснования ещё одной такой же поездки, которую Г.А. планировал совершить в 1929 г., но она не состоялась.

***

Одним из важнейших результатов научно-организационной деятельности Г.А. Кожевникова в сфере гидробиологии стало учреждение постоянной научной биологической станции в Косинском трёхозёрье под Москвой (Широкова, Озерова, 2019; Михайлов, Баранова, 2022). Так называется небольшой регион на восточной окраине Москвы (теперь это часть «большой Москвы»), включающий три небольших озера ледникового происхождения — Белое, Чёрное и Святое, весьма различающиеся гидрологией; во времена, о которых здесь идёт речь, они были окружены коренным минимально нарушенным смешанным лесом. Предшественницей «кожевниковской» постоянной станции была временная (летняя) передвижная биостанция, организованная в 1888 г. Н.Ю. Зографом для комплексного изучения этих водоёмов; в указанном году на ней несколько недель работали Г.А. Кожевников и Д.А. Россинский в составе Комиссии по исследованию подмосковных вод при Отделе ихтиологии ОАЖР (Богданов, 1891; АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 351. Л. 16об). Эта станция просуществовала только один сезон, вместо неё Зограф в 1891 г. при поддержке МОИП организовал постоянную биостанцию на оз. Глубокое в Рузском уезде, в её организации в качестве члена названной комиссии участвовал и Кожевников (Зограф, 1896б). Несколькими годами позже вполне аналогичную станцию организовал И.П. Бородин на берегу оз. Бологое на Валдае, передав её на попечение Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей (Манойленко, 2005). В 1906 г. эту станцию посетил Кожевников: в предвкушении задуманного им возобновления биостанции в Косине он познакомился с организацией работы и быта на Бологойской («Бородинской») станции (там же).

Новая, на этот раз постоянная круглогодичная Косинская биостанция была учреждена решением Комиссии для исследования фауны Московской губернии (о ней см. раздел

3.4) в 1908 г.; другим её соучредителем было Общество любителей аквариума и комнатных растений (Кожевников был среди его членов). Этому решению предшествовала экскурсия членов названной комиссии летом 1907 г. в район Косинского трёхозёрья, в ходе которой у Г.А. возникла мысль, «что хорошо было бы иметь в Косине, на берегу ближайшего к Москве озера, наблюдательный пункт, который мог бы служить в помощь как учебным экскурсиям, так и специальным работам», чтобы «организовать на этой станции фаунистические и гидробиологические исследования» (Кожевников, 1911з, с. 4). Постоянной базой стационара стали несколько домов, арендуемых у местных жителей (частью на деньги Кожевникова), круглогодичные исследования фаунистического и флористического состава биоты и гидрологического режима озёр проводили постоянные сотрудники биостанции, приезжающие специалисты и студенты (рис. 3.41). В 1915 г. на ней было обустроено летнее отделение научной лаборатории Зоомузея, для которого закупили некоторое оборудование из суммы, выделенной по ходатайству Г.А. Кожевникова Министерством народного просвещения (Отчет…, 1916). В этой лаборатории под руководством И.И. Месяцева работали студенты старших курсов — Л.А. Зенкевич, Л.Л. Россолимо, В.А. Яшнов и др. (Отчет…, 1917). С 1918 г. биостанция стала полевой базой для студентов Естественного отделения ФМФ МУ, ею некоторое время руководил ученик Кожевникова В.В. Алпатов (Птушенко, 2021); для широкой публики на станции организовывались лекции и экскурсии. В 1923 г. на базе Косинской биостанции был организован одноимённый заповедник во главе с Л.Л. Россолимо (ликвидирован в 1941 г.), но сама станция какое-то время также просуществовала, причём значилась при МОИП: последнее видно из полного названия Трудов станции за 1924 г. (Кожевников, Россолимо, 1925).

В качестве председателя Фаунистической комиссии Г.А. Кожевников всячески опекал эту биостанцию, считая её своим детищем

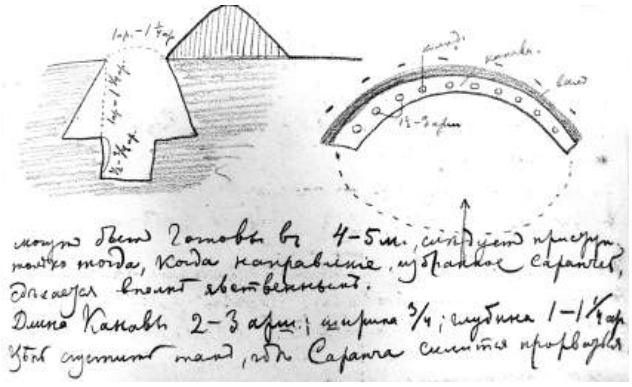
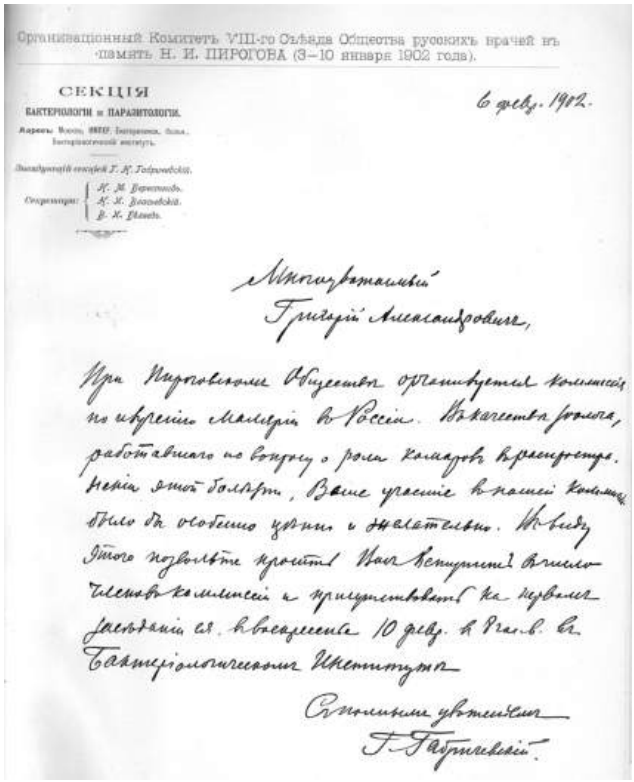

Рис. 3.42. Фрагмент текста отчёта Г.А. Кожевникова о командировке в Рязанскую губ. для разработки мер борьбы с саранчой летом 1892 г.; показан поперечный разрез ловчей канавы (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 3)

и называя в одном из рекламных объявлений (датировано июнем 1912 г.) «гидробиологической станцией Комиссии в Косине» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 224). В одном из архивных документов, датированном 1924 г., Г.А. обозначен как председатель Комитета Косинской биостанции (там же. Ед. хр. 355). За недостатком выделяемых средств он оплачивал (при его-то экономности!) аренду зданий для размещения служб станции, многие хозяйственные работы, иногда даже выделял средства для организации экскурсий. Под его (и Россолимо) редакцией регулярно выпускались Труды станции, во 2-м выпуске которых в 1925 г. Кожевников опубликовал статью «Значение Косинского заповедника» (Кожевников, 1925а). В ней Г.А. в очередной раз кратко излагает основные задачи заповедного дела, руководимого базовым принципом абсолютной заповедности и сохранения нетронутых участков живой природы для её всестороннего изучения. Рассматривая Косинские озёра с этой точки зрения, Григорий Александрович подчёркивает их уникальность и громадную научную ценность; в частности, обращает внимание на то, что «поскольку одни и те же виды, живущие в разных озёрах, тождественны или различны между собой, […] важно выяснить, […] чем можно объяснить эти различия» (там же, с. III).

***

В начале 1890-х гг. Кожевников впервые вплотную соприкоснулся с прикладной зоо-

Организационный Комитетъ VIII-го Съѣзда Общества русскихъ врачей въ память Н. И. ПИРОГОВА (3–10 января 1902 года).

СЕКЦІЯ
БАКТЕРІОЛОГІИ и ПАРАЗИТОЛОГІИ.

6 февр. 1902.

Многоуважаемый
Григорій Александровичъ,

При Пироговскомъ Обществѣ организуется комиссія по изученію маларіи въ Россіи. Вами какъ членъ комиссіи, работавшаго по вопросу о роли комаровъ въ передачѣ этой болѣзни, Ваше участіе въ нашей комиссіи было бы особенно цѣнно и желательно. Въ виду этого позвольте просить Васъ вступить въ число членовъ комиссіи и присутствовать на первомъ засѣданіи ея, въ воскресенье 10 февр. въ 9 час. в. въ Бактеріологическомъ Институтѣ.

Съ полнымъ уваженіемъ
Г. Габричевскій.

Рис. 3.43. Письмо Г.Н. Габричевского к Г.А. Кожевникову (начало 1902 г.) с предложением войти в состав Комиссии по изучению малярии в России (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 62)

логией. Это произошло в ходе его недельной поездки в Рязанскую губернию летом 1892 г., где он по заданию местного земства изучал применение разных методов борьбы с саранчой (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 38). Его задача состояла в том, чтобы разработать меры, позволяющие остановить массовое расселение пешей фазы саранчи, прежде чем она «станет на крыло». Его предложение (разумеется, не оригинальное) заключалось в том, чтобы, определив основное направление перемещения саранчовой кулиги, вырывать перед ней ловчие канавы и попавших туда насекомых засыпать землёй (рис. 3.42). В своём отчёте о поездке Г.А. обращает внимание на необходимость ознакомить местное начальство и население с биологическими особенностями опасного вредителя и жёсткого проведения необходимых мероприятий по борьбе с ним.

Спустя 10 лет, после завершения первой части своей монографии по естественной истории пчелы (о ней см. раздел 4.3), Кожевников заинтересовался биологией и отчасти систематикой кровососущих комаров (сем. Culicidae) европейской части России. Об этом свидетельствует его краткая заметка «Об изучении фауны комаров России», опубликованная в 1901 г. в «Русском энтомологическом обозрении» (Кожевников, 1901д). Вероятным стимулом к такому повороту научных интересов нашего героя послужили результаты исследований конца XIX в. этиологии опасного природно-очагового заболевания — малярии (известна также как «болотная лихорадка»). Они показали, что возбудителем этого заболевания является одноклеточный паразит крови малярийный плазмодий (*Plasmodium*), а его основным переносчиком — комар анофелес (*Anopheles*), которого за это прозвали «малярийным».

На основе этих важных открытий европейских учёных в России в конце 1890-х и начале 1900-х гг. стали разворачиваться планомерные исследования малярии, для чего в 1902 г. была создана Постоянная комиссия по изучению малярии в России при Обществе русских врачей имени Н.И. Пирогова; эта комиссия, как и само общество, была названа «Пироговской», её председателем избрали московского микробиолога Г.Н. Габричевского. Будучи сторонником «комариной теории» распространения малярии и желая сразу же поставить работу Пироговской комиссии на твёрдую научную (прежде всего зоологическую) основу, он среди первейших её задач определил изучение биологии малярийного комара. Для решения этой задачи Габричевский решил включить в комиссию грамотного энтомолога, его выбор пал на Г.А. Кожевникова, коему было послано соответствующее приглашение (рис. 3.43) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 62).

Вхождение в новую для него тему Г.А. Кожевников начал с того, что, следуя профессиональному подходу, наработанному за предыдущее десятилетие изучения пчелы, первым делом просмотрел музейные коллекции на предмет представленности в них материалов по малярийному комару и близким к нему формам (*Culex* и др.). К его разочарованию,

этих материалов оказалось совсем немного, что побудило Г.А. предпринять определённые шаги к пополнению коллекции. С этой целью в только что упомянутой заметке за 1901 г. он просит читателей журнала присылать ему свежесобранные и законсервированные (согласно определённым правилам) материалы по комарам в Зоомузей на постоянное хранение или хотя бы на время. В начале 1903 г. Кожевников пишет в Петербург энтомологу А.П. Семёнову-Тян-Шанскому, с которым у него начали завязываться профессиональные и дружеские отношения, открытку со следующей просьбой: «Не будете ли Вы столь добры выслать мне собранных Вами комаров? Я как раз теперь ими занялся и прямо страдаю от недостатка материала: комаров давят, но не собирают!» (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 46об). В том же году с аналогичной просьбой Г.А. обратился к читателям газеты «Новое время», разъяснив им научные и практические задачи борьбы с малярией и её переносчиками и снабдив их, разумеется, краткой инструкцией по сбору требуемых материалов (Кожевников, 1903д). Эти призывы незамедлительно возымели своё действие: в университетском архиве Кожевникова хранится тетрадь, в которой он аккуратно записывал, откуда к нему поступили в 1903 г. материалы по комарам, их география достаточно широка: многие губернии средней полосы и юга европейской части России (Московская, Владимирская, Рязанская и другие губ., Донская и Терская обл.), Поволжье (Саратовская и Уфимская губ.), восток Украины и Беларуси (Екатеринославская, Волынская, Харьковская и Гродненская губ.), Тифлис (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 40). Все эти поступления указаны в годовом отчёте Зоомузея за 1904 г. как поступившие от Комиссии по изучению малярии (Отчет…, 1905).

В качестве члена Пироговской комиссии Г.А. Кожевников составил «Специальную программу для изучения биологии *Anopheles*» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 220), отметив в ней, что «в России ещё не было произведено систематических и достаточно обстоятельных

Рис. 3.44. Фотография участников Воронежской экспедиции (лето 1903 г.) для изучения биологии размножения и сезонной активности малярийного комара; Г.А. Кожевников крайний слева (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 41)

исследований по биологии *Anopheles* и *Culex*. […] Отсюда следует, что вопросы биологии комаров должны будут изучаться в России многими лицами в течение нескольких лет». Его весьма продуманная и детальная программа предусматривала подробное геоботаническое описание обследуемых местностей, физическое и фаунистическое описание водоёмов в них, инструкцию по сбору взрослых комаров и их личинок (когда ловить, как ловить, как сохранять, куда присылать). Эта программа, сопровождаемая приличествующим сему случаю письмом от имени названной комиссии за подписью Габричевского и Кожевникова, была направлена разным заинтересованным инстанциям и лицам с просьбой присылать собранные материалы последнему; примечательно, что в сопроводительном письме (очевидно, по настоянию Г.А.) была упомянута также и Фаунистическая комиссия (там же. Ед. хр. 228а).

В 1903 г. Пироговское общество на собственные средства снарядило две экспедиции для изучения малярии — на Кавказ и в Воронежскую губернию. В последней участвовали Г.А. Кожевников и его студент В.С. Муралевич, полевые исследования по срокам были разбита на три этапа: 1) в конце апреля и начале мая, 2) во второй половине июня и 3) во второй половине июля (рис. 3.44) (Дневниковые записи Воронежской экспедиции: АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 41). Напомним, что эти исследования проводились приблизительно в те же сроки, что и Окская экспедиция, которую возглавлял также

Г.А. Кожевников (см. раздел 3.4), поэтому он принуждён был как-то делить между ними свои организационные усилия. Выяснилось, что основным природным резервуаром для развития комариных личинок являются многочисленные пойменные рукава и затоны р. Воронеж, что не позволяет применять там способы их истребления, разработанные для небольших прудов и озёр. Были получены данные по развитию и питанию личинок и по их естественным врагам, по биологии имаго анофелесов. Вскрытие самок показало, что их активность и плодовитость обусловлена не столько питанием их самих, сколько строением яичников, которое могло определяться благоприятностью условий развития личинок. Сбор материалов показал, что размножение комаров идёт непрерывно с ранней весны до конца августа, слабее всего в конце апреля и начале мая; наиболее интенсивный лёт сосущих кровь самок в конце июня, с конца июля они начинают готовиться к зимовке. Основные биологические результаты Воронежской экспедиции были опубликованы в форме подробного отчёта в издаваемых «малярийной комиссией» Трудах по изучению малярии в России и доложены на заседании Зоологического отделения ОЛЕАЭ (Кожевников, 1903е). Кроме того, Кожевников сделал доклад на заседании Фаунистической комиссии, в котором обратил особое внимание на необходимость изучения распространения комаров в Московской губ. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 18).

В 1903–1904 гг. Г.А. Кожевников опубликовал в газетах «Новое время» и «Русский вестник» несколько обстоятельных заметок о малярии, её переносчиках, методах их изучения и борьбы с ними (Кожевников, 1903д–ж; 1904е,ж). В этих заметках он достаточно подробно описывает ситуацию с опасным заболеванием в Московской губ. и сообщает об основных результатах экспедиций «малярийной комиссии» Пироговского общества. Во второй из заметок Г.А. с горьким сожалением и тревогой сообщает, что по причине нищенского существования и многодетности у крестьян малярийная болезнь их детей почти не вызывает чувства тревоги, а наоборот, появляется надежда на то, что «Бог приберёт лишние рты».

Странным эпизодом рассмотрения «малярийного вопроса» в указанное время стала быстротечная заочная дискуссия между Кулагиным и Кожевниковым в 1904 г. на страницах «Русских ведомостей». Первый в заметке «К вопросу о борьбе с малярией» отмечает, что «в России правильно организованные меры борьбы с малярией […] не предпринимались» (Кулагин, 1904. Л. 26). Это высказывание вызывает раздражение Габричевского, который в своей записке Кожевникову пишет: «Что это значит? Полнейшее неведение или злоба за то, что он не попал в нашу комиссию. […] не найдёте ли возможность восстановить истину» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 28, 28об). Эта записка главы «малярийной комиссии» побуждает Г.А. написать ответную заметку «Борьба с малярией в России», которую он заключает утверждением, что «трудами малярийной комиссии Пироговского общества врачей положено начало “правильно организованной борьбе с малярией” в России» (Кожевников, 1904е).

Установление новой, большевистской власти в России, сопровождавшееся жёсткой цензурой и репрессиями в отношении любых форм самостийной общественной деятельности, привело к ликвидации Пироговского общества в 1922 г. Поводом к этому стало заседание чрезвычайного съезда последнего в ноябре 1917 г., на котором большинство членов его правления в принятой ими резолюции осудило октябрьский переворот (Тополянский, 2009). Очевидно, вместе с обществом была прекращена и деятельность Комиссии по борьбе с малярией при нём.

К «комариной теме» Г.А. Кожевников частично вернулся в 1930 г., когда его, после отставки с должности профессора в МУ, пригласили на должность заведующего Отделением энтомологии Тропического института Наркомздрава; он привлёк туда также своего ученика Е.С. Смир-

нова (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 207). В первом своём отчёте об ознакомлении с деятельностью названного отделения Кожевников отмечает, что «нашёл Отделение в состоянии порядочного запустения, т. к. в нём в течение довольно продолжительного времени, после ухода Никольского, не было заведующего» (там же. Л. 1)[11]. Свою деятельность Г.А. начал с ревизии «хранившихся в отделении энтомологических материалов» и нашёл среди них «немало совершенно случайного, не имеющего никакого интереса. [Всё] испорченное и ненужное было удалено, а остальное приведено в порядок» (там же. Л. 1, 1об). Вслед за этим Кожевников наладил «наблюдения над зимовкой личинок *Anopheles bifurcatus*, обитающих на Потылихе, […] проводились наблюдения для определения времени появления личинок разных возрастов, […] экскурсии в некоторые ближайшие к Москве местности для выяснения вопроса о нахождении в них личинок *Anopheles*» (там же. Л. 2). В 1931 г. он участвовал в работе 4-го Всесоюзного съезда по борьбе с малярией (там же. Ед. хр. 352. Л. 86об).

Одновременно с комарами Г.А. Кожевникову в Тропическом институте пришлось бороться с мухами, причём «вопрос о мухах и борьбе с ними был поставлен в центр внимания Энтомологического отделения и для разработки этого вопроса возобновлена работа Комиссии по борьбе с насекомыми — распространителями заразных болезней под [его] председательством» (там же. Ед. хр. 207. Л. 2). Члены комиссии занимались вопросами рационального устройства отхожих мест, свалок и скотобоен в соответствии с санитарными нормами, изучали влияние различных отравляющих веществ, организовывали при институтском Музее охраны здоровья выставки о мухах и борьбе с ними и т. п. (там же). Они также проводили изучение фауны мух на свалках и «наблюдения над культурами мух в лабораторных условиях» (там же. Ед. хр. 207. Л. 6). Сам Г.А. прочитал радио-лекцию «Мухи — наши враги» в серии передач «Учёные у микрофона» (там же. Ед. хр. 105).

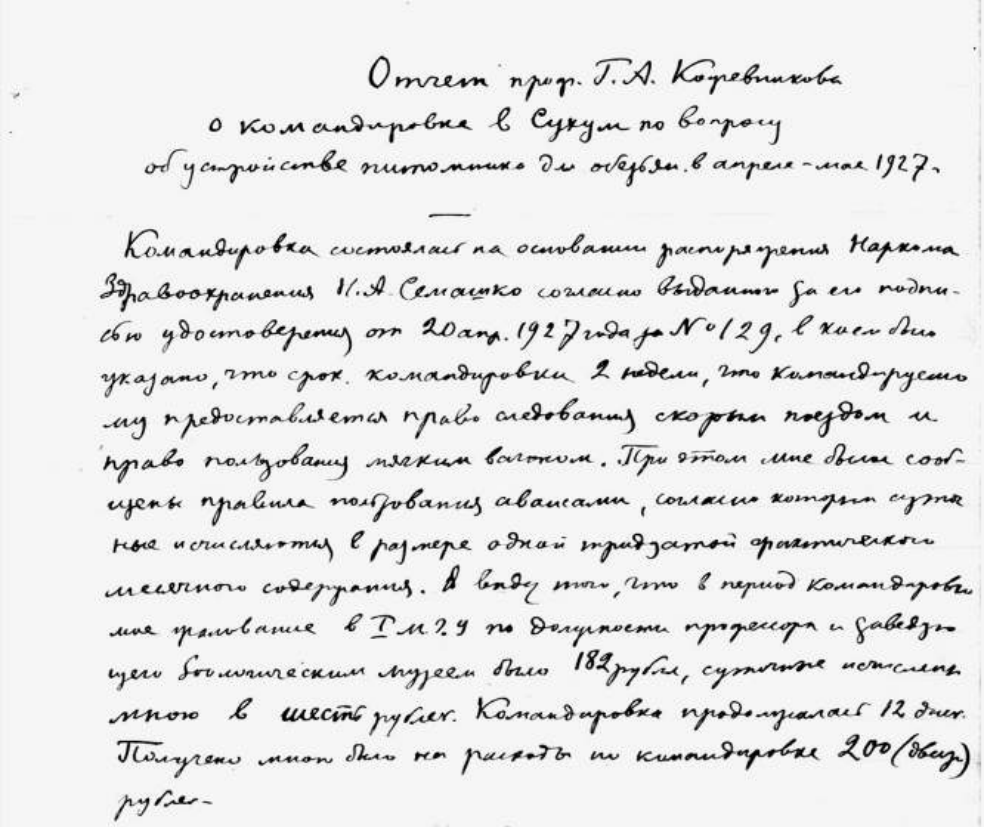
Коль скоро здесь речь идёт о научно-прикладных занятиях Г.А. Кожевникова, так или иначе связанных с охраной здоровья, следует отметить также его выступления в разные годы в московских газетах по вопросам борьбы с такими опасными заболеваниями как туберкулёз и скарлатина, о паразитическом черве волосатике, о «Чумном форте» (Кожевников, 1904?з, 1909ж, 1911к). Примечательна его небольшая заметка, где он разбирает вопрос о возможном пролёте стаи саранчи над Ходынским полем в Москве в 1914 г. и несколько неожиданно предполагает, что то была не саранча, а массовый вылет стрекоз (Кожевников, 1914г).

***

Представления Г.А. Кожевникова о человеке как о животном и его близком генетическом сродстве с обезьянами нашли особое применение во второй половине 1920-х гг.: Наркомздрав подключил его к организации Сухумского обезьяньего питомника. Идея о создании последнего возникла в недрах названного ведомства для практического решения двух задач: а) выведения «обезьяно-людей» для определённых трудовых операций путём скрещивания человекообразных обезьян с людьми и б) получения от обезьян биоматериалов для «подправления» человеческого организма. Идеологом первой задачи стал ученик И.П. Павлова, биолог-селекционер И.И. Иванов — специалист в области искусственного осеменения и межвидовой гибридизации животных, в начале 1920-х гг. загоревшийся идеей получения обезьяно-человечьих гибридов (Россиянов, 2006; Шишкин, 2012; Баршт, 2015). Вторая задача выросла из опытов по пересадке половых желез приматов для омоложения пожилых людей, которые проводил в то же время во Франции выходец из России С. Воронов (его опыты положены в основу фабулы романа М.А. Булгакова «Собачье сердце»).

Первые положительные отклики на опыты Воронова вызвали в начале 1920-х гг. у наркома Н.А. Семашко, обеспокоенного ухудшением

[11] Имеется в виду В.Н. Никольский, боровшийся с малярией на Северном Кавказе (Ахмадов, 2014).

Отчет прор. Г.А. Кожевникова
о командировке в Сухум по вопросу
об устройстве питомника для обезьян. в апреле-мае 1927.

Командировка состоялась на основании распоряжения Наркома Здравоохранения Н.А. Семашко согласно выданного за его подписью удостоверения от 20 апр. 1927 года за №129, в коем было указано, что срок командировки 2 недели, что командируемому мне предоставляется право следования скорым поездом и право пользования мягким вагоном. При этом мне были сообщены правила получения авансами, согласно которым суточные исчисляются в размере одной тридцатой оклада месячного содержания. В виду того, что в период командировки жалованье в ГМЗ по должности профессора и заведующего Зоологическим музеем было 182 рубля, суточные исчислены мною в шесть рублей. Командировка продолжалась 12 дней. Полученных мною для расходов по командировке 200 (двести) рублей.

Рис. 3.45. Начальная страница отчёта Г.А. Кожевникова о его командировке в Сухум (весна 1927 г.) с целью определения места для устройства обезьяньего питомника (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1 ед.хр. 293)

физического состояния советского лидера В.И. Ленина и предвидевшего подобную же скорую участь других партийных бонз, идею организации обезьяньего питомника (Шишкин, 2012). Семашко в 1923 г. предложил зам. директора Института экспериментальной эндокринологии (ИЭЭ) Наркомздрава Я.А. Тоболкину проработать эту идею организационно, за что тот взялся с большим энтузиазмом. В конце 1925 г. в смету расходов ИЭЭ было включено финансирование работ по организации и содержанию обезьяньего питомника.

Ключевую роль «идеолога» проекта Тоболкин отвёл И.И. Иванову, который в конце 1925 г. выступил с соответствующим докладом на заседании Отделения физико-математических наук Академии наук. Присутствовавшие на нём академики постановили признать за этим проектом «большое научное значение, о чём довести до сведения Управления делами Совнаркома СССР» (Россиянов, 2006, с. 20). Означенное весьма высокоранговое ведомство постановило учредить специальную временную комиссию для более полного изучения этого вопроса и научного обоснования как самой задачи, так и организации питомника для содержания и разведения обезьян, предназначенных для соответствующих опытов. В эту комиссию в качестве зоолога-эксперта включили Г.А. Кожевникова: он был знаком с И.И. Ивановым и с его работами и в записке «О необходимости устройства обезьяньего питомника» (октябрь 1925 г.) писал (цит. по: Россиянов, 2006, с. 22), что тому удалось поставить весьма актуальный вопрос,

> подойти к которому до сих пор не решаются западноевропейские учёные, вероятно, из-за некоторых предрассудков, являющихся пережитками старинного миросозерцания — это вопрос о скрещивании обезьяны с человеком. При современной технике этого дела […] можно рассчитывать на успех оплодотво-

рения шимпанзе спермой человека, а если бы удалось получить помесь, это было бы крупным торжеством науки в СССР, фактом мирового значения.

Следует отметить, что Г.А. Кожевников был не одинок в своей моральной поддержке того направления евгенических исследований, за которое горячо ратовал И.И. Иванов. Вполне сочувственных взглядов на него придерживались также И.П. Павлов, В.М. Шимкевич, Н.И. Вавилов, А.С. Серебровский, В.И. Вернадский и др., коих привлекали к этому проекту искренние естественнонаучные интересы (Россиянов, 2006; Баршт, 2015). В частности, И.П. Павлов, незадолго до этого ставший директором организованного им Института физиологии, в ответ на запрос Наркомздрава сообщил, «что существование питомника для обезьян несомненно имеет большой биологический интерес» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 293. Л. б/н).

В апреле 1926 г. специальная Комиссия для подготовки устройства питомника для обезьян в г. Сухуми, назначенная Наркомздравом в составе Тоболкина, Кожевникова и некоего Ф.М. Обакевича, совершила рекогносцировочную поездку в Абхазию и после обследования окрестностей Сухуми остановила свой выбор на одной заброшенной усадьбе. На следующий год Г.А. ещё раз выехал в выбранное место, чтобы уточнить его характеристики (там же). По результатам этой поездки он составил отчёт о работе комиссии (рис. 3.45), в котором вкратце обрисовал природные условия в этом регионе и обратил внимание на частые холодные зимы и особенно на холодные ветра, дующие из Каманского ущелья, напротив выхода из которого была расположена намеченная усадьба; в связи с этим он высказал предложение по оборудования питомника специальными помещениями, в которых обезьяны могли бы укрываться от непогоды (там же). Кроме того, наш новоявленный «обезьяновед» подготовил пространную «Записку по вопросу об использовании трупов погибающих обезьян», в которой отметил их «колоссальную научную ценность» и представил проект организации при питомнике «Музея по анатомии приматов» с комнатами для препарирования, хранения и изучения останков погибших обезьян (там же).

В 1927 г. Сухумский обезьяний питомник был открыт как опекаемое Тоболкиным подразделение ИЭЭ, для него составили пятилетний производственный план — в общем, началась рутинная работа, сопровождавшаяся, к сожалению, высокой гибелью обезьян, особенно человекообразных. Одной из причин бедственного состояния приматов стали как раз те самые неблагоприятные климатические условия, на которые в своём отчёте обратил внимание Кожевников. Об участии последнего в работе питомника почти ничего не известно, но он, по-видимому, оставался в штате этого учреждения до конца своей жизни. Так, в 1929 г. Г.А. выступил в Политехническом музее со-докладчиком с И.И. Ивановым о Сухумском питомнике, где объявил, что «устройство питомника для обезьян в Сухуми является одним из крупнейших достижений советской науки» (цит. по: Скаткин, 1964, с. 54). В ноябре 1931 г. его пригласили на конференцию Института высшей нервной деятельности для обсуждения доклада о результатах научной экспедиции в сухумский обезьяний питомник (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 293), а в январе 1933 г. Кожевников от имени питомника (к тому времени преобразованного в Абхазский акклиматизационный институт) приветствовал Всесоюзный съезд по охране природы (Труды…, 1935, с. 15).

3.8. Научные общества

Научные общества имеют большое значение в качестве специфических инфраструктурных «инструментов» для организации профессиональной деятельности учёных, в том числе их общения между собой. Понимая это, лидеры университетской натуральной истории первой половины и середины XIX в. — Г.И. Фишер фон Вальдхайм и К.Ф. Рулье — уделяли большое внимание налаживанию их работы. Их последователь А.П. Богданов особенно славился такого рода научно-общественной деятельностью — организацией работы обществ

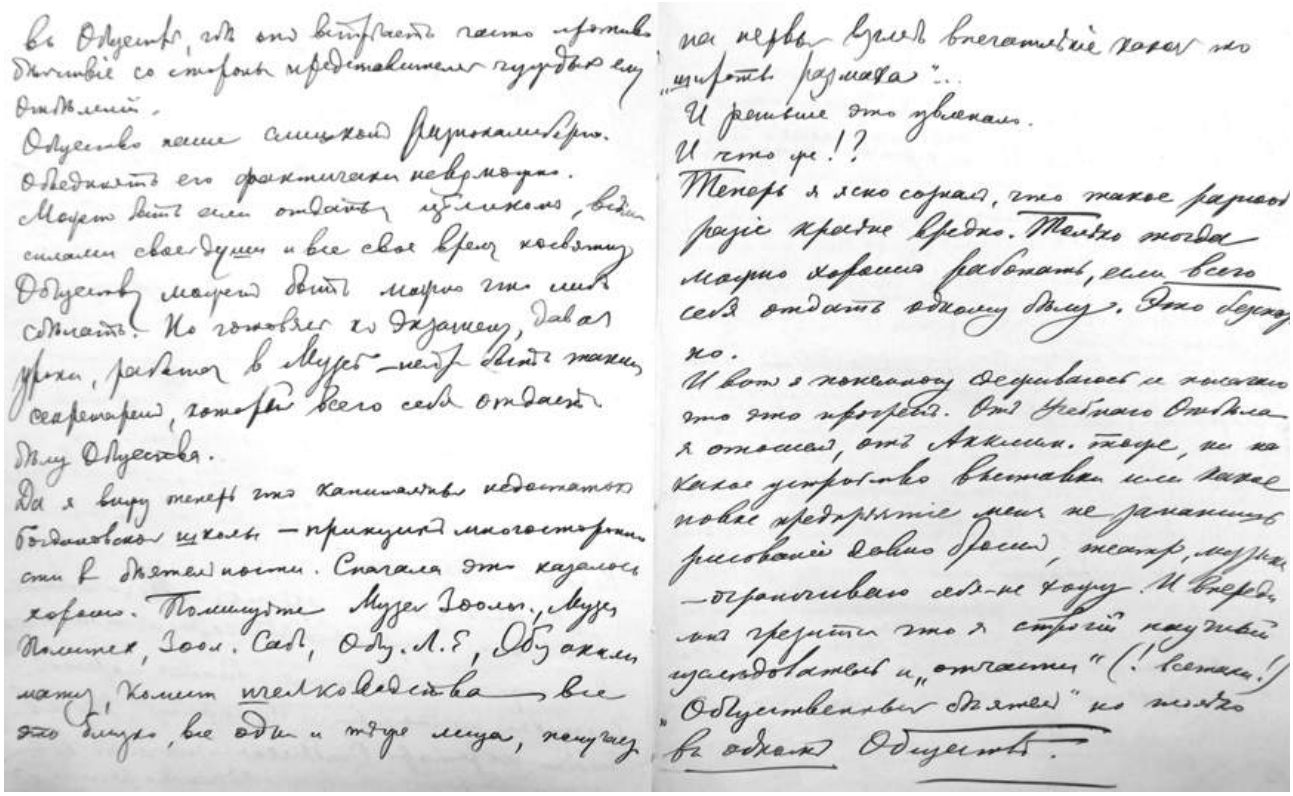

Рис. 3.46. Разворот дневника Г.А. Кожевникова (октябрь 1895 г.) с его мнением о вредности многосторонности научно-общественной деятельности «Богдановской школы» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 79об, 80)

и проводимых под их эгидой мероприятий (собрания, выставки и т. п.). Г.А. Кожевников стал преемником Богданова и в этой сфере.

Нашего героя, пока ещё по молодости лет тесно не соприкасавшегося с организационной стороной этой специфической формы научно-общественной деятельности, увлекала широта замыслов Богданова. Но затем, непосредственно приобщившись к разнообразным организационным заботам «богдановского кружка», он испытал горькое разочарование в их «размахе» и пришёл к заключению, что «такое разнообразие крайне вредно». Ему становится ясно, что его больше прельщает собственно научная деятельность и лишь во вторую очередь — «общественная» (рис. 3.46) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 79об, 80). Но все эти переживания молодого человека со временем окажутся переборенными и в более зрелом возрасте Г.А. будет активно участвовать в жизни научных обществ, которые ближе всего к его научным интересам (см. также раздел 2.2).

***

В России первым объединением естествоиспытателей, к которому будет иметь прямое отношение герой нашей книги, стало Общество натуралистов, учреждённое при МУ в 1805 г. по инициативе Г.И. Фишера; с 1807 г. оно было преобразовано в Императорское Московское общество испытателей природы (МОИП) (Липшиц, 1940; Варсанофьева, 1955). Это общество было задумано по типу германских академий — служило для объединения почти исключительно членов профессионального сообщества натуралистов, имело сходную с ними структуру, распределение обязанностей и т. п. Основной целью МОИП определено было содействие успехам естественных наук в России, а среди важнейших ближайших задач было изучение природы её центральных регионов, прежде всего Московской губернии. При этом в § 7 его Устава было специально записано, что «все предметы, приобретаемые обществом, […] а также все приготовления (препараты), делаемые членами для общества, будут храниться в

Музее естественной истории Императорского московского университета» (цит. по: Богданов, 1885, с. 21).

Особое единство музея и нового общества подчёркивалось тем, что, согласно Уставу последнего, его директором, координирующим научную деятельность Общества, должен был назначаться профессор, опекающий университетское собрание натуральной истории, по каковой причине им стал Г.И. Фишер. Благодаря этому, в частности, МОИП сыграло большую роль в полноценном восстановлении Натурального музея после войны 1812 г. и затем стало важным источником ценнейших коллекционных материалов для него, что Г.И. Фишер специально отметил в своём выступлении на 25-летнем юбилее этого общества (Fischer de Waldheim, 1832). Во второй половине XIX в. главенствующая роль в развитии университетской зоологии и Зоомузея как её важнейшей части перейдёт от «фишеровского» МОИП к двум другим, «богдановским» обществам — ОАЖР и ОЛЕАЭ, о которых речь далее: именно они станут основной сферой приложения научно-общественной активности Г.А. Кожевникова. Тем не менее наш герой примет заметное участие в работе зоологической секции МОИП и в 1912 г. будет принят в действительные члены этого общества, о чём свидетельствует его благодарственное письмо (рис. 3.47) (АрхМОИП.1912 г. Д. 926. Л. 25; самого диплома мы не видели). Примечательно, что в одной несколько щекотливой ситуации, связанной с открытием Г.А. интересной особенности биологии пчёл, он для установления своего научного приоритета обратится именно в МОИП (АрхМОИП. Д. 1011. Л. 5–7; см. раздел 6.1).

***

Во второй половине XIX в. в организацию научно-общественной жизни в Москве важный вклад внёс К.Ф. Рулье: по его инициативе в 1857 г. был учреждён Комитет акклиматизации животных при Императорском Московском обществе сельского хозяйства (МОСХ) (Грацианов, 1907). Среди его членов-учредителей, кроме самого Рулье (стал

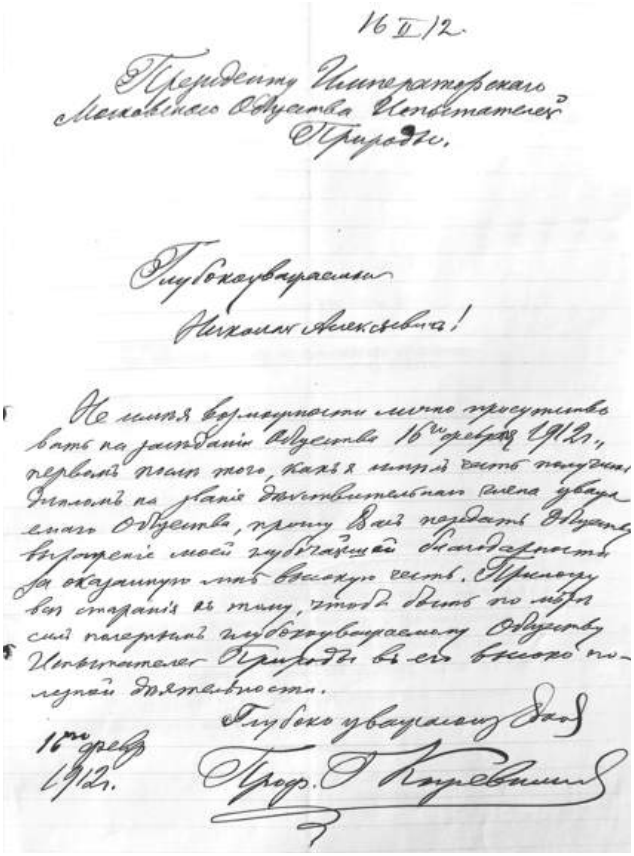

Рис. 3.47. Благодарственное письмо Г.А. Кожевникова (февраль 1912 г.) по поводу его избрания действительным членом МОИП (АрхМОИП. 1912 г. Д. 926. Л. 25)

первым главой комитета), были его ученики А.П. Богданов, С.А. Усов, Я.А. Борзёнков и др. К числу главнейших задач комитета было отнесено изучение важных в хозяйственном значении животных и содействие их распространению в России. На следующий год в комитете выделили несколько секций, каждая со своими собственными председателем и секретарём: маммологическую возглавил Усов, орнитологическую — специалист по сельскому хозяйству Я.Н. Калиновский, ихтиологическую — анатом Н.А. Варнек, секцию беспозвоночных — врач А.Ф. фон Лехнер. Одновременно с этим при МОСХ организовался Комитет акклиматизации растений под руководством Н.И. Анненкова (служил директором земледельческой школы). В 1859 г. оба акклиматизационных комитета были объединены, а в 1864 г. по инициативе Богданова этот объединённый комитет получил статус самостоятельной общественной институ-

ции — Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений (ОАЖР).

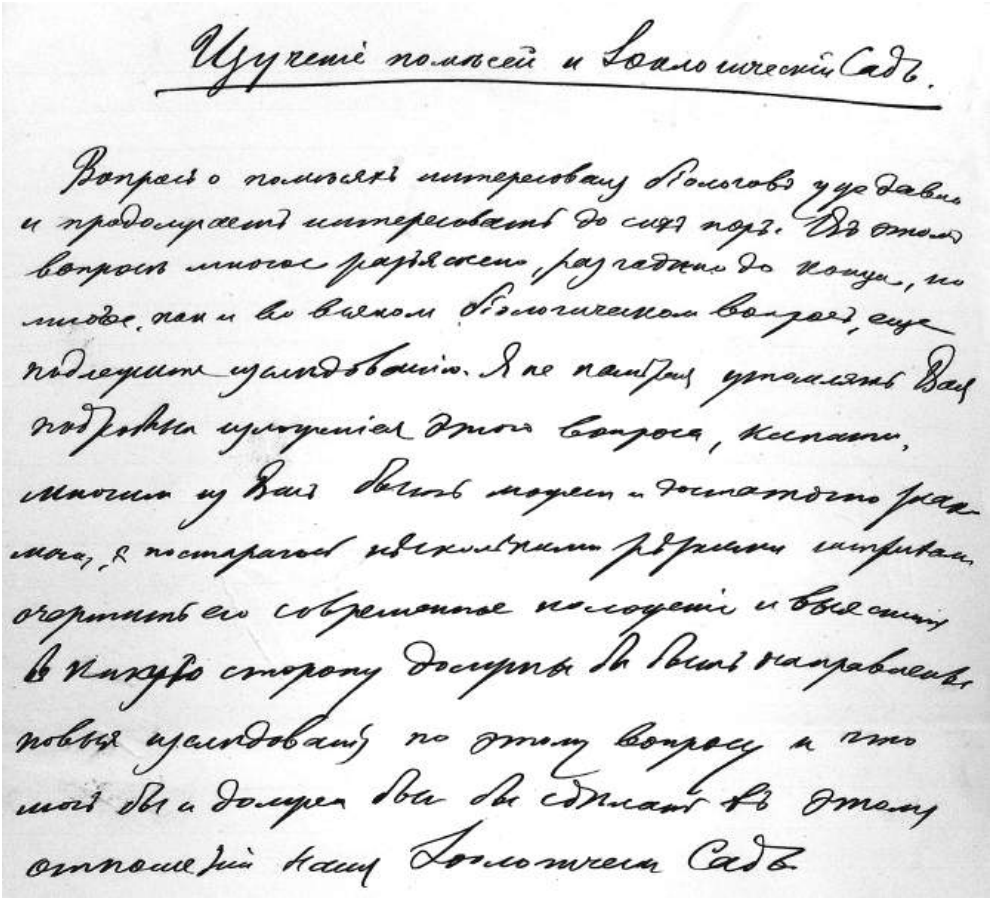
Активная организационная работа Г.А. Кожевникова в ОАЖР началась с того, что в 1890 г. он был избран секретарём его Отдела беспозвоночных (Богданов, 1891). Как можно полагать, это было сделано по предложению А.П. Богданова, который несколькими годами ранее направил интересы своего студента на изучение водных беспозвоночных животных, а затем оставил в Зоомузее для подготовки к профессорскому званию. В 1902 г. Г.А. избрали членом Совета ОАЖР сроком на три года (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 66); занимал ли он какие-либо выборные должности в этом Обществе в конце 1900-х и начале 1910-х гг., мы доподлинно выяснить не смогли. В конце 1916 г. Кожевникова избрали председателем ОАЖР, о чём он сообщает в январе 1917 г. в письме к своему коллеге и другу А.П. Семёнову-Тян-Шанскому и отмечает, что это Общество «находится в стадии полного разрушения. Нам очень нужно поднять Общество, ввести в него новых деятелей, оживить его научную работу» (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 272об, 273). Однако в другом письме, написанном в октябре 1918 г., т. е. после того, как во власти утвердились большевики и общая ситуация в стране стала стремительно ухудшаться, оптимизма у Кожевникова явно поубавилось и он записал, что «имел несчастье попасть в председатели Общества акклиматизации в положении полной разрухи его и Сада» (там же. Л. 1; имеется в виду Зоосад). В последующем положение Общества не укрепилось: в 1920-е гг. в некоторых почтовых отправлениях, адресованных обществу, адрес последнего совпадает с домашним адресом Кожевникова (Кузин, 1999); в 1928 г. он пишет Семёнову-Тян-Шанскому, что «канцелярия в Общ. Аккл., строго говоря, отсутствует, своей машинистки нет, курьера нет. Вообще *все* дела лежат лично на мне» (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 499. Л. 42об).

В научной биографии героя нашей книги наибольшее значение имели две структуры ОАЖР — Отделение пчеловодства и Московский зоосад.

В 1902 г. Кожевникова избирают товарищем (заместителем) председателя Отделения пчеловодства ОАЖР одновременно с избранием Н.М. Кулагина председателем этого отделения (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 528). Скорее всего, последний и протежировал своему более молодому коллеге, отметившемуся к этому времени первой частью своей замечательной монографии по естественной истории пчелы (см. раздел 4.3). Начиная с 1904 г. Совет Отделения пчеловодства нередко назначает Кожевникова в комиссию, принимающую экзамены у выпускников курсов при Измайловской пасеке. В 1910 г. по рекомендации указанного Совета Г.А. возглавил эту пасеку, но в руководящих органах пчеловодного отделения ОАЖР в 1910-е гг., судя по его годовым отчётам, не числился (Годичные отчёты…, 1911–1916). После революции 1917 г. Кожевникова отстранили от руководства пасекой (см. раздел 4.5).

Зоологический сад был учреждён в 1864 г. по инициативе ОАЖР и приписан к нему же в качестве напрямую опекаемого им заведения на правах собственности. С тех пор Зоосад стал одной из основных забот этого общества и сферой приложения значительных усилий членов «Богдановского кружка». В частности, в 1870- е и 1880-е гг. для ассистентов Зоомузея было установлено нечто вроде особой служебной «повинности» — дежурство в Зоосаду; в 1880-е и 1890-е гг. самое деятельное участие в его делах принимал Н.Ю. Зограф, в то время товарищ председателя Совета ОАЖР, в 1889–1895 гг. Зоосад возглавлял Н.М. Кулагин.

В организации работы Зоосада в Москве в 1900-е и в начале 1910-х гг. Г.А. Кожевников активного участия, по-видимому, не принимал; во всяком случае, в его архивных документах мы не нашли указания на то, что он тогда входил в руководящие органы Зоосада. Вместе с тем, он интересовался принципами организации такого рода учреждений в разных странах, о чём свидетельствуют его путевые заметки, составленные по ходу поездки в Европу и Сев.

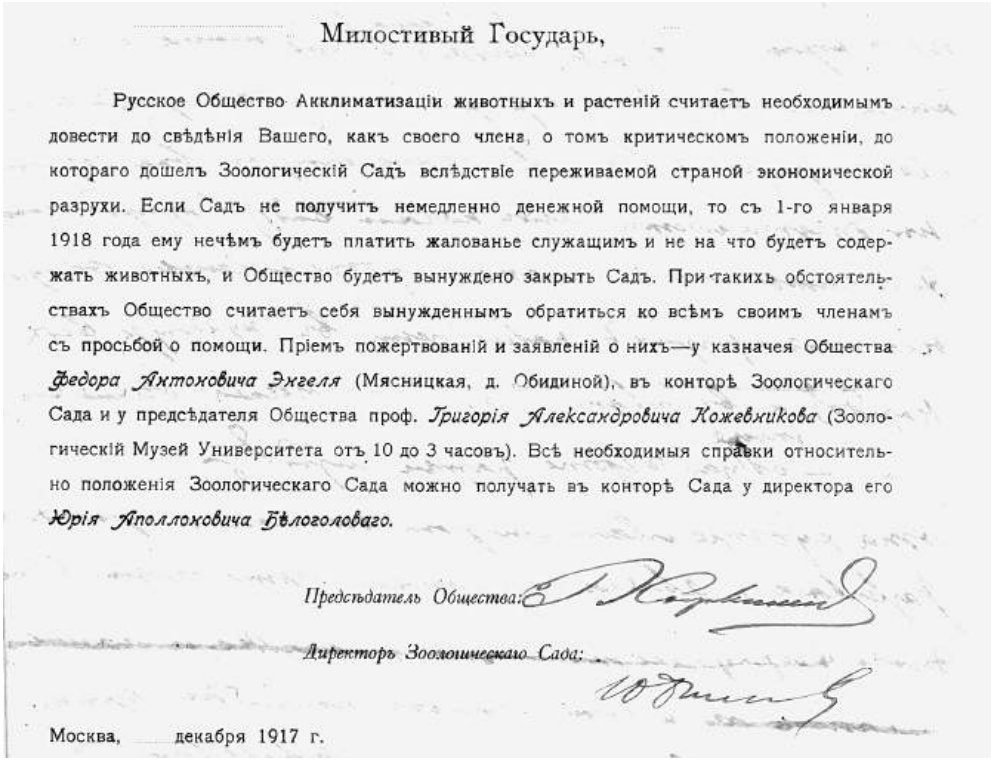
Изучение помесей и Зоологический Сад.

Вопрос о помесях интересовал Дарвина и продолжает интересовать до сих пор. По этому вопросу много сделано, разгадано до конца, но многое, как и во всяком биологическом вопросе, еще подлежит исследованию. Я не стану утомлять Вас подробным изложением этого вопроса, скажу, многим из Вас быть может и достаточно знакома, я постараюсь в немногих словах обрисовать современное положение и выяснить в какую сторону должны Вы быть направлены, ловья исследовать по этому вопросу и что мог бы и должен бы сделать по этому отношению наш Зоологический Сад.

Рис. 3.48. Страница рукописи Г.А. Кожевникова «Изучение помесей и Зоологический сад» (1901 г.) о значении Зоосада в изучении гибридизации (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 22)

Америку (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 25). Размышления о научной деятельности в зоопарках побудили Г.А. подготовить в 1901 г. текст для предполагаемой (но, видимо, не опубликованной) статьи «Изучение помесей и Зоологический сад» (рис. 3.48), особо отметив значение экспериментов по гибридизации между представителями разных видов (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 22). Несколькими годами позже, обеспокоенный судьбой «всегда любимого и хронически больного детища» ОАЖР, Кожевников сделал обстоятельный доклад «Задачи и условия деятельности Зоологических садов» на юбилейном заседании названного общества в 1907 г. (Кожевников, 1909з). Некоторые представленные в нём важные соображения, которые наш герой отчасти заимствовал из рукописи А.П. Богданова от 1888 г., посвящённой задачам организаторов Зоосада (Кривошеина, 2015), а отчасти основывал на личном опыте, представляются весьма актуальными для всех зоопарков и во все времена.

В этом докладе Г.А.Кожевников обращает особое внимание на то, что «когда в Зоологический сад внедряется элемент “увеселений”, сад тем самым ставится в самое опасное положение. Его прямые задачи невольно и неудержимо отходят на задний план» (Кожевников, 1909з, с. 17). Он безоговорочно считает, что «Зоологический сад должен быть научным учреждением — вот положение, которое надо класть в основу самого вопроса о его существовании» (Кожевников, 1909п,с). Исходя из этого, Г.А. обвиняет первых устроителей Московского зоосада в том, что «они, затевая своё научное дело, недостаточно оценили низкий уровень культуры […] московского общества. [Устроители] верили, что для успеха дела достаточно горячей любви и энтузиазма его инициаторов, они не оценили достаточно делового, проза-

Милостивый Государь,

Русское Общество Акклиматизаціи животныхъ и растеній считаетъ необходимымъ довести до свѣдѣнія Вашего, какъ своего члена, о томъ критическомъ положеніи, до котораго дошелъ Зоологическій Садъ вслѣдствіе переживаемой страной экономической разрухи. Если Садъ не получитъ немедленно денежной помощи, то съ 1-го января 1918 года ему нечѣмъ будетъ платить жалованье служащимъ и не на что будетъ содержать животныхъ, и Общество будетъ вынуждено закрыть Садъ. При такихъ обстоятельствахъ Общество считаетъ себя вынужденнымъ обратиться ко всѣмъ своимъ членамъ съ просьбой о помощи. Пріемъ пожертвованій и заявленій о нихъ—у казначея Общества *Ѳедора Антоновича Энгеля* (Мясницкая, д. Обидиной), въ конторѣ Зоологическаго Сада и у предсѣдателя Общества проф. *Григорія Александровича Кожевникова* (Зоологическій Музей Университета отъ 10 до 3 часовъ). Всѣ необходимыя справки относительно положенія Зоологическаго Сада можно получать въ конторѣ Сада у директора его *Юрія Аполлоновича Бѣлоголоваго.*

Предсѣдатель Общества:

Директоръ Зоологическаго Сада:

Москва, декабря 1917 г.

Рис. 3.49. Письмо председателя ОАЖР Г.А. Кожевникова (декабрь 1917 г.) о критическом финансовом состоянии Московского зоосада (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 138б)

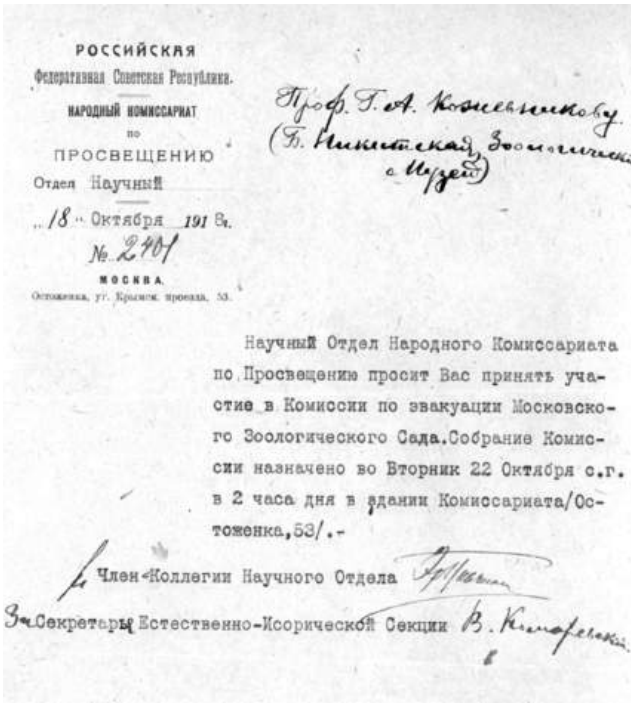
ического, но неизбежного элемента всякого дела — его денежной стороны» (Кожевников, 1909з, с. 23–24). Анализируя ситуацию в целом, Г.А. характеризует три основных типа финансовой поддержки зоосадов — государственный (как в Париже), за счёт научного общества (как в Лондоне) и за счёт акционерного общества (как в Берлине). По основному содержанию экспозиции, от которого в большой степени зависит минимально необходимое финансирование, он выделяет также три основных варианта зоосадов — «космополитический» (мировая фауна), «фаунистический» (местная фауна) и «акклиматизационный» (изучение перспективных кандидатов на одомашнивание). Свой анализ он заключает мнением, что Московский зоосад не смог найти своё определённое место среди этого многообразия вариантов устройства и целеполагания, что стало одной из важных причин многих его досадных неудач.

Отрицательную оценку плачевного состояния Московского зоосада Кожевников повторяет в статье, опубликованной в это же время в «Охотничьем вестнике». Поводом для этого стал его кратковременный визит в «Звериный парк», который был учреждён известным германским торговцем дикими животным Карлом Гагенбеком (Carl Hagenbeck) под Гамбургом: он произвёл на нашего героя самое благоприятное впечатление (Кожевников, 1908з,и). Особенный восторг у Г.А. вызвало впервые заведённое Гагенбеком содержание крупных животных не в вольерах и тем более не в тесных клетках, как это практиковавлось зверинцами «старого образца», а в больших загонах с мастерски изготовленными имитациями разных типов природного рельефа. В завершение многостраничного обзора «гагенбекова хозяйства» Кожевников высказывает пожелание, «чтобы в России был хотя один такой сад, вполне прочно и научно поставленный, обеспеченный постоянным источником денежных средств и не вынужденный прибегать к театральным и иным представлениям лишь для того, чтобы кое-как влачить своё существование» (Кожевников, 1908и, с. 342).

Ситуация с Московским зоосадом существенно изменилась, причём отнюдь не в луч-

шую сторону, в первые послереволюционные годы, в чём Кожевников вынужден был сыграть особую роль в качестве новоизбранного председателя ОАЖР. В выше процитированном письме к Семёнову-Тян-Шанскому, датированном январём 1917 г., он пишет, преисполненный тревоги: «Зоологический сад находится в состоянии полного банкротства и сохранить его в положении Сада Общества акклиматизации будет невозможно» (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 273об). В декабре того же года Г.А. Кожевников и Ю.А. Белоголовый (ученик Богданова, тогдашний директор Зоосада) распространили среди членов ОАЖР письмо с предупреждением, что «если Сад не получит немедленно денежной помощи, с 1-го января 1918 года [оно] будет вынуждено закрыть Сад» (рис. 3.49) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 138б. Л. б/н). Поскольку никаких денежных поступлений не последовало, весной 1918 г. Совет Зоосада признал невозможность его содержания в надлежащем состоянии из-за полной разрухи и отсутствия финансирования и для хотя бы минимальной поправки дел решил распродать часть животных и имущества. Очень скоро после этого, так и не достигнув желаемого результата и не видя надежд на какого-либо улучшение условий деятельности Зоосада, его Совет обратился в Наркомпрос с предложением (скорее, с мольбой) о национализации Зоосада, «чтобы спасти Сад от гибели» (Белозеров, 2009, с. 86). Понятно, что переход Московского зоосада в государственную собственность произошёл бы в те годы в любом случае, ибо такова была общая политика новых властей; пикантность данной ситуации состояла в том, что сам собственник вынужденно (по причине фактического банкротства) инициировал процедуру его национализации.

Она началась с того, что Коллегия Наркомпроса в августе 1918 г. «постановила поручить Научному отделу Комиссариата Нар. Просв. в двухнедельный срок разработать положение об управлении Московским Зоологическим Садом. Для разработки этого положения Научный отдел образует комиссию», пригласив

РОССИЙСКАЯ
Федеративная Советская Республика.
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
по
ПРОСВЕЩЕНИЮ
Отдел Научный
18 Октября 191 8г.
№ 2401
МОСКВА.
Остоженка, уг. Крымск. проезда, 53.

Проф. Г.А. Кожевникову.
(Б. Никитская, Зоологический Музей)

Научный Отдел Народного Комиссариата по Просвещению просит Вас принять участие в Комиссии по эвакуации Московского Зоологического Сада. Собрание Комиссии назначено во Вторник 22 Октября с.г. в 2 часа дня в здании Комиссариата/Остоженка, 53/.-

Член Коллегии Научного Отдела
Зав. Секретарь Естественно-Исорической Секции В. Комаровский

Рис. 3.50. Письмо Научного отдела Наркомпроса к Г.А. Кожевникову (октябрь 1918 г.) с предложением войти в состав «Комиссии по эвакуации» Московского зоосада (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 217)

Г.А. Кожевникова принять участие в её работе (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. б/н). В указанную комиссию, кроме Г.А., включают Л.С. Берга, Б.М. Житкова и Ю.А. Белоголового, а также представителя Наркомпроса М.Г. Зейднера (Белозеров, 2009). Через месяц Кожевникова «просят пожаловать» на «заседание Временного комитета по национализации и управлению Сада», на котором его назначают председателем этого комитета. Вслед за этим запиской Научного отдела Наркомпроса его просят «принять участие в Комиссии по эвакуации Московского зоологического сада» (рис. 3.50), а в ноябре другой запиской того же Отдела — «принять участие в Комиссии по устройству Зоопарка и организации заповедников» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. б/н). В декабре того же года Кожевников как председатель ОАЖР уведомляется о том, что Коллегией Отдела животноводства Наркомзема «постановлено возбудить ходатайство о национализации Московского зоологического сада и решено взять на себя руководство управлением Сада, оставив ближайшее заведование в руках Общества при

условии выполнения требований Отдела относительно общей организации» (там же).

За этим постановлением последовала имущественная тяжба, о чём свидетельствует заявление, с которым в феврале 1919 г. Совет ОАЖР обращается в Научный отдел Наркомпроса. В этом заявлении утверждается, что «находившийся во владении Общества основанный Обществом Московский зоологический сад в настоящее время фактически изъят из ведения Общества. Научный отдел полновластно распоряжается как делами Сада, так и его имуществом» (там же). Одновременно Совет ОАЖР направляет в тот же Научный отдел ещё одно заявление, на этот раз касающееся организации управления Зоосадом. В нём «Совет общества позволяет себе обратить внимание Научного отдела на настоятельную необходимость безотлагательно создать Комитет Зоологического сада, в который вошли бы представители научных учреждений города Москвы» (там же). Но всё это было похоже на «махание кулаками после драки»: в Наркомпросе был уже фактически решён вопрос не только о национализации Зоосада, но и о его руководстве. В марте 1919 г. декретом Совнаркома Зоосад был национализирован и подчинён Главнауке Наркомпроса, его директором назначили А.Ф. Котса; для управления текущими делами Зоосада учредили Совет из 25 человек, причём ОАЖР получил в нём только один голос, т. е. по сути оказался отстранённым от решения зоосадовских дел (Белозеров, 2009). На этом полувековая тесная связь ОАЖР и Зоосада, а с этим и участие Г.А. в судьбе последнего, бесславно завершилась.

Что касается самого общества, некоторые архивные документы свидетельствуют о том, что Г.А. Кожевников по-прежнему оставался активным его главой, по мере возможности организуя его деятельность. В 1924 г. Отделение пчеловодства рекомендовало его избрать почётным членом ОАЖР (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 255); был ли он действительно избран, мы не смогли установить. В сообщении о Совещании по опытному пчеловодному делу в Москве в 1925 г. он указан как «председ. Общества» (вероятно, имеется в виду ОАЖР) (В.Л., 1925, с. 168); как видно из писем Кожевникова к А.П. Семёнову-Тян-Шанскому, в 1928 г. он по-прежнему пребывал в этой должности, в 1929 г. проводил заседания его Фаунистической комиссии (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 499. Л. 42, 58). Таким образом, есть все основания полагать, что пока ОАЖР существовало до начала 1930-х гг., его возглавлял герой нашей книги; затем это общество, как и ОЛЕАЭ (см. далее), «влили» в МОИП.

***

Ещё одна научно-общественная институция, своим появлением и разворачиванием многогранной деятельности обязанная А.П. Богданову (поначалу вместе с геологом Г.Е. Щуровским, географом и антропологом Д.Н. Анучиным и рядом других университетских профессоров), была учреждена в 1863 г. при МУ в форме Общества любителей естествознания. Оно задумывалось, в отличие от МОИП и РГО, как объединение не только профессионалов, но и многочисленных любителей, которые могли бы своей деятельностью и, что немаловажно, своими деньгами содействовать в развитии и популяризации естественных наук. Как мы уже отметили ранее, в § 1 его Устава было записано, что общество учреждается «для изучения губерний Московского учебного округа в естественно-историческом отношении и для распространения естествознания в массе публики», а согласно § 5 его членами могли быть «все, изъявившие желание содействовать целям общества и участвовать в его трудах» (Устав…, 1866, с. 1). Это общество довольно быстро разрослось, значительно расширило круг своих исследований и членов, получило признание высокого начальства и в 1868 г. стало Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) с многочисленными отделениями, комиссиями и комитетами; этот статус позволил получать обществу государственную поддержку. Одной из его важных функций стала организация экспедиций для пополнения коллекций Зоомузея

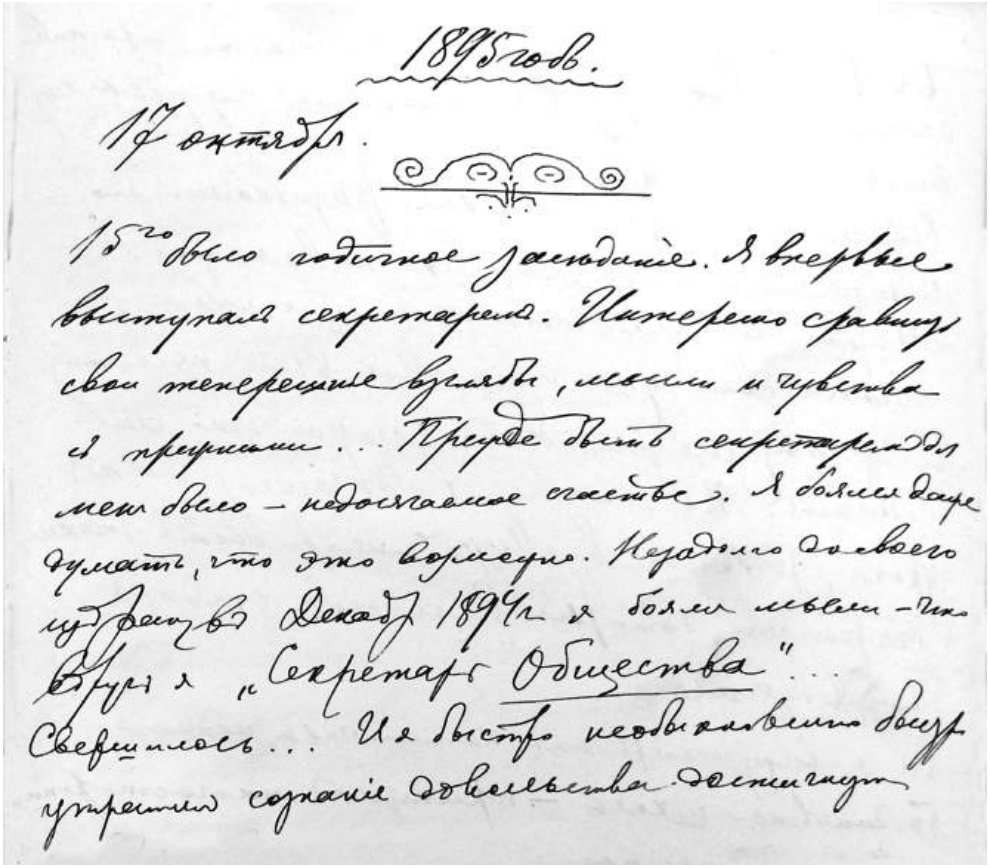
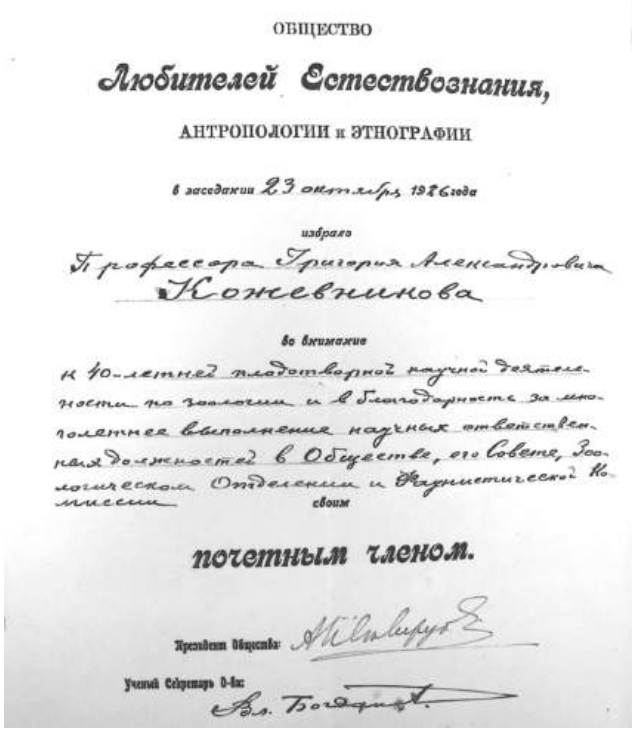

1895 года.
17 октября.
15-го было годичное заседание. Я впервые выступал секретарем. Интересно сравнить свои теперешние думы, мысли и чувства с прежними... Прежде быть секретарем для меня было — недосягаемое счастье. Я боялся даже думать, что это возможно. Незадолго до своего избрания в Декабрь 1894 г. я боялся мысли — что вдруг я „Секретарь Общества"... Свершилось... И я быстро необыкновенно быстро утратил сознание довольства достигнутым

Рис. 3.51. Страница дневника Г.А. Кожевникова (октябрь 1905 г.) с выражением его радости по поводу его избрания секретарём ОЛЕАЭ (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 79)

МУ; судя по некоторым годовым отчётам последнего, собранные Зоологическим отделением ОЛЕАЭ коллекции поступали в музей, но сохраняли при этом некоторую автономность: так, в отчёте за 1896 г. указано, что «ассистент Г.А. Кожевников […] разбирал коллекции беспозвоночных Зоологического отделения О.Л.Е.А.Э. и его фаунистической комиссии, поступившие в музей» (Речь…, 1897).

Судя по его дневниковой записи за октябрь 1901 г., Кожевников стал членом этого общества в 1886 г., т. е. ещё студентом (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 85). В начале 1890-х гг. он избирается секретарём Зоологического отделения ОЛЕАЭ и в этом качестве по поручению А.П. Богданова готовит и публикует «Отчёты о литературе по позвоночным» (Кожевников, 1893а). В 1895 г. Г.А. становится секретарём всего общества, о чём с нескрываемой радостью записывает в дневнике: «Прежде быть секретарём для меня было — недосягаемое счастье. […] Незадолго до своего избрания в декабре 1894 г. я боялся мысли — что вдруг и “секретарь Общества”. Свершилось…» (рис. 3.51) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 79); вписывает эту должность в одну из своих визитных карточек (там же. Ед. хр. 338). Но очень скоро его охватывает разочарование — сначала в своей деятельности на новом посту, а затем отчасти и в самом обществе; свои новые впечатления он также доверяет дневнику, записав в него (там же. Л. 79, 79об):

> И я быстро, необыкновенно быстро утратил сознание довольства достигнутым. […] Мне кажется, что влияние и власть секретаря слишком ничтожны… И, пожалуй, действительно, секретарь Отделения значит в Отделении гораздо больше, чем секретарь в Обществе, где он встречает часто противодействие со стороны чуждых ему Отделений. Общество наше слишком разнокалиберно. Объединять его фактически невозможно.

ОБЩЕСТВО

Любителей Естествознания,

АНТРОПОЛОГИИ и ЭТНОГРАФИИ

в заседании 23 октября 1926 года

избрало

Профессора Григория Александровича

Кожевникова

во внимание

к 40-летней плодотворной научной деятельности по зоологии и в благодарность за многолетнее выполнение научных ответственных должностей в Обществе, его Совете, Зоологическом Отделении и Фаунистической Комиссии

своим

почетным членом.

Президент Общества: А. Кожевников

Ученый Секретарь О-ва: Вл. Богданов

Рис. 3.52. Официальное извещение Г.А. Кожевникова о его избрании почётным членом ОЛЕАЭ (1926 г.) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 231)

Г.А. наконец понимает, что не может «быть таким секретарём, который всего себя отдаёт делу общества» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 79об). Наверное, по этой причине наш герой в 1901 г. не переизбирается на пост секретаря ОЛЕАЭ (СПбФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 219. Л. 2), сосредоточившись на работе в некоторых его подразделениях.

С начала 1900-х гг. основной сферой интересов и приложения сил Г.А. Кожевникова в этом обществе стала Фаунистическая комиссия, организованная при Зоологическом отделении ОЛЕАЭ в начале 1890-х гг. (см. раздел 3.4). В 1894 г. его избирают секретарём этой комиссии, которая в те годы работает ни шатко, ни валко, а в 1901 г. ставят во главе оной, о чём было извещено в газете «Русские Ведомости» (№ 76 за 1902 г.) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 39; Кожевников, 1901в). Фаунистическая комиссия в концентрированной форме воплотила задачу, заявленную при учреждении ОЛЕАЭ, — содействие изучению фауны центральных областей европейской части России. Деятельность этой комиссии была охарактеризована выше, поэтому здесь достаточно указать, что Г.А. сделал её одним из наиболее активных подразделений названного общества: он организовывал экскурсии и экспедиции, проводил заседания, Комиссия стала одним из учредителей в 1908 г. Косинской биостанции.

На протяжении первой трети XX в. деятельность Г.А. Кожевников в ОЛЕАЭ, кроме руководства Фаунистической комиссией, складывалась следующим образом. В 1905 г. его и Н.М. Кулагина избирают товарищами председателя Зоологического отделения Общества (отделением в то время руководил Н.Ю. Зограф) (Отчет…, 1906). В середине 1910-х гг. Г.А. избирался членом Совета ОЛЕАЭ: в таком качестве он упомянут в очерке истории последнего за 1913 г. (Богданов, 1915); в 1926 г. Кожевникова избрали почётным членом ОЛЕАЭ (рис. 3.52) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 231), в 1929 г. — председателем его Зоологического отделения: о последнем избрании он пишет в письме к А.П. Семёнову-Тян-Шанскому в августе указанного года, об этом также свидетельствуют записи в «Журнале заседаний» этого отделения (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 499. Л. 70; АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 232).

Деятельность ОЛЕАЭ была прекращена в 1933 г., когда по решению Главнауки Наркомпроса все естественнонаучные и близкие к ним по тематике общества (всего около 20) с целью «укрупнения» были включены в МОИП (Кривошеина, 2015).

***

Увлечённость Г.А. Кожевникова изучением медоносной пчелы и научной (рациональной) организацией пчеловодства в России сделала его одним из наиболее активных членов сообщества отечественных пчеловедов и пчеловодов (см. главу 4). Его организующим центром стало Русское общество пчеловодства (РОП), учреждённое в 1891 г. (Попов, 1913), в том же году Кожевников становится его членом, участвуя во всех его начинаниях — национальных конгрессах, выставках и т. п. Совет РОП делегирует Кожевникова для участия в работе

Рис. 3.53. Официальное извещение Г.А. Кожевникова (1896 г.) о его избрании действительным членом РЭО (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 236)

2-го (Париж, Франция, 1900 г.), 3-го (Буа-ле-Дюк, Голландия, 1902 г.) и 5-го (Турин, Италия, 1911 г.) Международных конгрессов по пчеловодству. В 1901 г. Г.А. избирают почётным членом РОП (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320), в 1902 г. — товарищем (заместителем) председателя Отделения пчеловодства ОАЖР (см. выше), а в 1910 г .— членом только что учреждённого Всеславянского пчеловодческого союза (во главе с Кулагиным) (см. раздел 4.2).

Ещё одной важной сферой приложения научно-общественной активности Г.А. Кожевникова — наверное, даже самой важной — стало природоохранное движение, развернувшееся в России в начале XX в. при более чем заметном участии героя нашей книги (см. главу 5). Первым организующим центром этого движения становится РГО, в которое Г.А. вступил в 1902 г. (Состав…, 1913, с. 50). В 1912 г. при этом обществе учреждается Природоохранительная комиссия, в её состав включают Кожевникова. В 1918 г. РГО вместе с названной комиссией упраздняется, но участники природоохранного движения продолжают свою деятельность и в начале 1920-х гг. убеждают новые власти в необходимости создания общественной организации, которая занялась бы налаживанием охраны природы в России/СССР. В конце 1924 г. был учреждено ВООП при Главнауке Наркомпроса, Кожевникова избирают председателем его Временного совета. Но через несколько месяцев нашего героя, а вместе с ним и большинство прочих активных биологов, стоявших у истоков природохранного движения в России, «отодвигают» от руководства ВООП, вместо этого их в 1926 г. избирают почётными членами этого Общества, а Кожевникова — также членом его Совета. В начале 1933 г. на 1-м Всесоюзном съезде по охране природы в СССР всё названное движение, как оно начало более или менее успешно складываться в предшествующие годы, оказалось фактически порушенным — и это стало причиной преждевременной кончины Г.А. Кожевникова.

***

Активный интерес Кожевникова к организации преподавания естествознания в средних и высших учебных заведениях России привёл его в 1890 г. в Общество распространения технических знаний (учреждено в 1868 г.), где

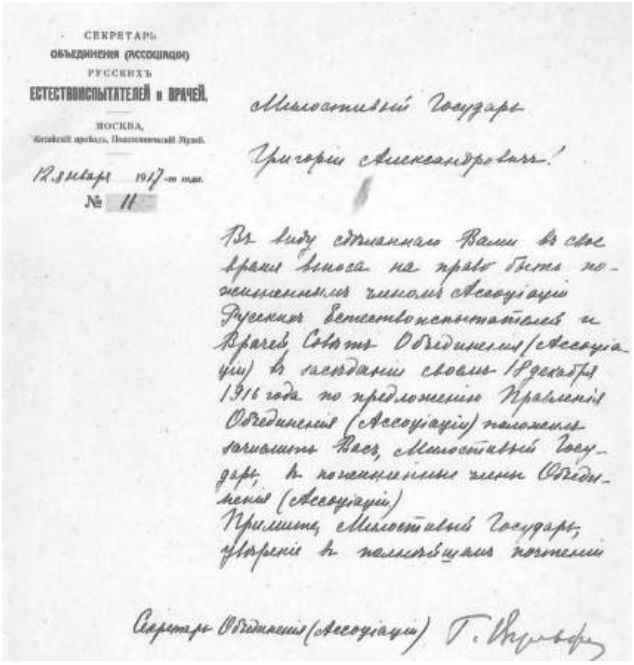

СЕКРЕТАРЬ
ОБЪЕДИНЕНИЯ (АССОЦІАЦІИ)
РУССКИХЪ
ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ и ВРАЧЕЙ.
МОСКВА,
Милостивый Государь
Григорій Александровичъ!
№ 11
Имею честь сообщить Вамъ, что Совѣтъ Объединенія (Ассоціаціи) на засѣданіи своемъ 9 декабря 1916 года по предложенію Правленія Объединенія (Ассоціаціи) положилъ
Примите, Милостивый Государь,
Секретарь Объединенія (Ассоціаціи)

Рис. 3.54. Официальное извещение Г.А. Кожевникова (1917 г.) о его избрании пожизненным членом Объединения русских естествоиспытателей и врачей (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 268)

он был избран секретарём Комиссии преподавателей естественной истории (под председательством популяризатора естественнонаучных знаний М.П. Вараввы). В 1894 г. они издают сборник «Материалы по вопросам преподавания естествознания в средней и низшей школе» (Варавва, Кожевников, 1894). После того как названное общество было преобразовано в Педагогическое общество при МУ (1898 г.), Г.А. (вместе с И.А. Каблуковым) был избран товарищем (заместителем) председателя его Естественноисторического отделения (того же Вараввы) (М., 1901). Он читал доклады на заседаниях Отделения естественной истории, проводил для его членов занятия по зоотомии (Речь…, 1901). В конце 1900 г. Кожевников участвовал в работе устроенного этим обществом Съезда преподавателей естественной истории Московского учебного округа, организовав для его делегатов выставку учебных пособий и живых экспонатов (последние усилиями Кожевникова были выписаны с Виллафранкской биостанции), экскурсию по Зоомузею, а также прочитав обширный доклад по методике преподавания ботаники в средней школе; после завершения работы съезда Г.А. участвовал в организации поездки части его делегатов на Севастопольскую биологическую станцию (М., 1901; П., 1901). На одном из заседаний этого общества в 1905 г. Кожевников сделал сообщение «О летних занятиях по естественной истории», в котором рассмотрел предпочтительные темы таких занятий и раскритиковал «мелкотемье» в переводном задачнике по природоведению Э. Пильца (Е.С., 1907).

В 1896 г. Г.А. Кожевников был избран действительным членом Русского энтомологического общества (рис. 3.53) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 236). В 1900-е гг. он участвовал в работе Общества русских врачей имени Н.И. Пирогова (так называемое «Пироговское общество») в качестве члена учреждённой при нём Постоянной комиссии по изучению малярии в России (см. выше).

Несколькими годами позже Григорий Александрович стал членом Общества по распространению естественнонаучных знаний, учреждённого (в несколько «условной» форме) в 1907 г. и затем переучреждённого в 1918 г. (Самокиш, 2011). На одной из визитных карточек Кожевникова указано, что он товарищ председателя этого общества (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 338); когда состоялось это избрание, мы не смогли выяснить. Кроме того, в отчёте о работе 2-го Съезда преподавателей естественной истории в учебных заведениях Московского учебного округа (1913 г.) Г.А. Кожевников упомянут как товарищ председателя Московского общества по распространению естественнонаучных знаний (Второй…, 1913; Зоологическая…, 1913). На этом съезде Г.А. сделал интересный доклад «О преподавании естественной истории в мужских гимназиях», основное содержание которого мы изложили выше (см. раздел 2.4) (Кожевников, 1912б); после съездов этого отделения Кожевников организовывал для их участников экскурсии на Косинскую биологическую станцию (Зоологическая…, 1913; Деятельность…, 1915). В 1915 г. он в уставном порядке «выбывает по старшинству вступления» из Совета на-

званного общества (Деятельность…, 1915). О дальнейшей деятельности нашего героя в составе последнего нам почти ничего не известно; в университетском архиве хранится письмо Б.Е. Райкова (май 1923 г.), в котором тот выражает сожаление о том, что Г.А. «устранился от участия в Президиуме Об-ва» и сообщает, что инициирует его избрание «почётным членом О-ва» с выражением уверенности, что его корреспондент будет избран (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 572. Л. 314).

Нельзя не упомянуть, что рост научного авторитета нашего героя неизбежно сопровождался его избранием почётным членом или членом-корреспондентом различных провинциальных естественнонаучных и некоторых иных обществ, о чём свидетельствуют сохранившиеся в его архиве соответствующие сертификаты (напр., рис. 3.54) (там же. Ед. хр. 238, 240, 243, 245, 248, 250, 268). Г.А. членствовал в Московском обществе любителей аквариума и комнатных растений и привлёк его к организации Косинской биостанции (см. раздел 3.4); в марте 1904 г. сделал на его заседании сообщение «Задачи и методы изучения пресноводных беспозвоночных в аквариумах» (там же. Ед. хр. 320. Л. 200). Кожевников принимал косвенное участие в работе иных обществ естественнонаучной направленности, выступая с заказными докладами на их заседаниях. Так, в марте 1903 г. его, как руководителя Фаунистической комиссии, пригласили на заседание Серпуховского общества естественных наук с лекциями «Значение местных естественноисторических исследований». В этом «мини-цикле» участвовала также его супруга: Г.А. рассказал о задачах и приёмах зоологических экскурсий, М.А. — то же ботанических экскурсий (Кожевникова, 1903. Л. 22; Серпуховское…, 1903).

В январе 1923 г. группа зоологов, во исполнение одного из пунктов резолюции прошедшего незадолго до этого 1-го Всероссийского съезда зоологов, анатомов и гистологов, направила в НКВД ходатайство о регистрации одноимённого общества; среди подписантов этого обращения был и Г.А. Кожевников (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 251). Это общество было учреждено (Хайруллин, 2022), но работал ли Г.А. в его руководящих органах, мы не смогли выяснить.

3.9. Публикации

Профессиональная научная деятельность непременно включает публикацию результатов исследований с целью сделать их достоянием научной общественности. Если эти результаты не опубликованы, они остаются «вещью в себе», наука как социальный институт их не замечает и не может инкорпорировать в общий пул естественнонаучных знаний — значит, исследователь, удовлетворивши собственное любопытство, фактически не внёс никакого значимого вклада в развитие науки.

«Публикация» в переводе с латыни (*publicatio*) означает «обнародование» идеи в любом формате. Это значит, что к публикациям, вообще говоря, относятся не только напечатанные статьи и книги, как этой сейчас обычно понимается, но также доклады и лекции, в которых учёный устно излагает полученные результаты. В связи с этим уместно напомнить, что в таксономической номенклатуре до середины XIX в. устное обнародование нового таксона и его названия считалось таким же валидным, как и письменное (Павлинов, 2015). Данная оговорка нужна здесь в связи с тем, что Г.А. Кожевников обычно именно в докладах и публичных лекциях излагал многие собственные идеи, весьма значимые либо в том историко-научном контексте, в котором он работал, либо в перспективной оценке при их соотнесении с последующим развитием биологических наук.

Несмотря на значительную педагогическую и административную нагрузку, Кожевников был достаточно продуктивным в обнародовании результатов собственных научных исследований и идей теоретического и методологического характера, а также в обсуждении результатов деятельности коллег по «научному цеху»; к тому же он нередко выступал в печати

с публицистическими заметками. В этой его активности был некий специфический уклон: охотно излагая в устной форме многие свои достаточно серьёзные наработки, он не очень озабочивался их «бумажным» тиражированием в виде полноценных статей в изданиях соответствующего профиля. Монографические «гроссбухи» (книги, учебники), после публикации «Естественной истории пчелы», наш профессор вовсе не жаловал, предпочитая им живое общение с аудиторией; к концу жизни он собрался написать несколько сводок и руководств, но смог осуществить свои намерения только в сфере пчеловодства.

Многие интересные и важные идеи, касающиеся организации научной деятельности и охраны природы, он обнародовал в журналах, за которыми вряд ли следила серьёзная академическая публика (см. далее). В зоологии Г.А. интересовали в основном внутривидовая изменчивость и внутривидовая систематика пчёл, но его совершенно не привлекала та объёмная рутинная работа, которую предполагает их изучение на массовом материале с применением методов биометрии, поэтому у него нет статей по этой теме. Много внимания и времени он уделял публикациям по научно-практическому пчеловодству, которые носили в основном научно-просветительский характер. О его увлечённости этой стороной деятельности свидетельствует, например, тот факт, что, будучи в не самой простой экспедиции в Приморье летом 1927 г. (см. раздел 4.3), он и оттуда ухитрился послать в журнал «Пчеловодное дело» статью «К вопросу о борьбе с болезнями пчёл» (Кожевников, 1927б).

Так получилось, что почти все публикации Кожевникова, в том числе основные, выходили на русском языке и потому оставались мало известными среди иноязычных коллег. Это касается, например, его фундаментального исследования по формам полиморфизма у животных и конкретных открытий в области анатомии и изменчивости пчёл, которые затем «переоткрывались» немецкими и американскими пчеловедами (Алпатов, 1933б).

По результатам наших изысканий в научном наследии Г.А. Кожевникова, обнародованном в десятках ныне почти забытых журналов и газет и в лекционных циклах, общий его объём, выраженный в «штуках», достигает более шести сотен публикаций (см. Приложение). Они посвящены самым разным проблемным и практическим (включая сугубо прикладные) вопросам естествознания, охраны природы, пчеловедения, преподавания, вопросам социобиологии, а также общественно значимым на то время вопросам. Мы не включили в библиографический список многочисленные краткие заметки и объявления о разных научных и иных мероприятиях, которые Кожевников размещал в газетах; их Г.А. аккуратно собирал и расклеивал на листах, они хранятся в архиве МУ (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1.).

Первый устный доклад Г.А. Кожевников сделал в 1887 г. (см. раздел 3.7), наиболее ранние его «бумажные» публикации датируются 1890 г., последняя — 1934 г., так что речь идёт о более чем 40-летней непрерывной «печатной» активности героя нашей книги, охватывающей весь период его профессиональной деятельности. Больше всего публикаций приходится на 1900-е и 1910-е гг., когда он утвердился в качестве одного из лидеров московской зоологии и пчеловедения и «созрел» для того, чтобы заняться продвижением волнующих его идей как среди своих коллег, так и для просвещения публики. Впрочем, едва ли стоит сбрасывать со счетов его меркантильные интересы: для университетского служащего с не очень высокой зарплатой, обременённого семьёй и разными «околонаучными» тратами (напр., аренда помещений для Косинской биостанции), плата за газетные и журнальные статьи и публичные лекции была, надо полагать, весьма значимым подспорьем.

Вообще говоря, даже по нынешним меркам, когда результативность научной деятельности меряется числом публикаций, такой «наукометрический показатель» для человека подобного ранга, занимавшего профессорскую должность около четверти века и воспитавшего десятки

учеников, — довольно значительная цифра. При этом здесь важно принять во внимание, что почти во всех своих публикациях Г.А. Кожевников является единоличным автором. Кажется, единственное известное нам исключение из этого общего правила — его совместная статья с Н.М. Кулагиным в журнале «Охрана природы» в 1930 г., в которой излагается официальная («партийная») точка зрения на задачи охраны природы в стране, подчинённой идее «Великого перелома» (см. раздел 5.4).

Очевидно, Г.А. Кожевников был воспитан в той классической научной традиции, при которой автором публикации значился именно и только автор исследования. В этом отношении особенно показателен специальный выпуск «Пчелопольного хозяйства» 1916 г., в котором помещены две статьи, посвящённые одному вопросу — биометрии хоботка пчелы. Одна из этих статей — самого Г.А., другая — его ученика Б.П. Хохлова (Кожевников, 1916г; Хохлов, 1916): в них авторы ссылаются друг на друга, их позиции во многом совпадают, так что соавторство было бы более чем уместным. И всё равно, Г.А. предпочёл предоставить возможность своему ученику самостоятельно опубликовать результаты его исследований, а собственные соображения о них высказал в отдельном комментарии, предваряющем статью своего молодого коллеги. Не правда ли, разительное отличие от современного «начальственного соавторствования», стимулированного бюрократической наукометрией (учитываемой, например, при раздаче грантов).

Во многом именно небрежение Кожевникова тем, что «мастера научного конвейерного производства» почитают своей первейшей обязанностью — как можно больше публиковаться, послужило одной из причин не очень высокого мнения о научной значимости творчества Г.А. тех его «научных потомков», которые привыкли мерить вклад в науку объёмом «бумажной» продукции; об этом мы упомянули в разделе 3.1. Там же мы отметили, что такое мнение не соответствует действительности, ибо, как показывает нынешний «псевдоинформационный бум», повышенная «писучесть» едва ли служит мерой научной талантливости — хотя, конечно, она тоже требует своеобразного «околонаучного таланта» (сродни «таланту» ИИ), в том числе в умении пристраивать своё имя в списки соавторов, а статьи в «нужные» журналы.

***

Публикации (в указанном выше самом общем смысле) Г.А. Кожевникова по содержанию, способу изложения и характеру представления материалов можно разделить на следующие основные категории.

♦ Научные и научно-учебные монографии, относящиеся к области пчеловедения и пчеловодства, охране природы; научно-популярные книги; сборники и коллективные монографии, в редактировании которых участвовал Г.А. — таких у него около полутора десятков.

♦ Оригинальные и обзорные статьи по естествознанию научного, научно-популярного и публицистического характера, их более 300. Они чаще всего имеют отношение к пчеловедению, фаунистике, охране природы, «охотничьим» делам и др. Первоначально Г.А. публиковался главным образом в изданиях ОЛЕАЭ и ОАЖР, затем его излюбленными журналами стали «Естествознание и география» и «Охотничий вестник»; из газет он чаще всего помещал свои сообщения (иногда довольно объёмные) в «Русском слове» и «Утре России».

♦ Журнальные и газетные рецензии на научные монографии и учебники, литературные обзоры, отчёты о некоторых научно-общественных событиях (съезды обществ, конференции и т. п.), их насчитывается почти две сотни. Они в основном имеют информационный характер, но иногда Г.А. высказывал в них весьма значимые соображения, которые ярко характеризуют его позицию в отношении некоторых аспектов научной и научно-общественной деятельности. Тематика этих публикаций ограничена естествознанием (главным образом зоология, охрана животного мира, отчасти физическая гео-

графия), но в этих рамках достаточно обширна, свидетельствует о значительном диапазоне научных интересов нашего героя — интересов весьма глубоких и профессиональных, делающих его комментарии и попутные суждения весьма компетентными.

♦ Довольно объёмные публичные лекции и доклады того же содержания, что и научно-проблемные «бумажные» (журнальные и газетные) публикации, их насчитывается около полусотни. Часть из них Кожевников дублировал в форме статей, большинство же оставались лишь в устном и рукописном вариантах.

♦ Около десятка разного рода записок, отчётов и заготовок текстов, которые показались нам достаточно значимыми для характеристики интересов Г.А. Кожевникова.

В наш библиографический указатель не включены многочисленные доклады частного характера, которые Г.А. делал на семинарах, на заседаниях студенческого кружка и т. п.

ГЛАВА 4. ПЧЕЛОВЕДЕНИЕ

Собирание мёда — одно из древнейших занятий людей, появившееся на заре цивилизации, когда основу хозяйства первобытных сообществ составляло вообще собирательство. Со временем оно развивалось за счёт разработки способов «полудикого» привлечения и разведения пчёл, пока не превратилось в бортническое пчеловодство. На рубеже XVIII–XIX вв. в нём произошло нечто вроде локальной «промышленной революции», благодаря которой содержание пчёл и добыча продуктов их жизнедеятельности (мёд, воск, перга и др.) перешли с экстенсивного на интенсивный путь развития и преобразовались в особую отрасль рационального животноводства — пасечное (особенно рамочное) пчеловодство (Шабаршов, 1990). В основе этой «пчеловодной революции» лежало изобретение разборного улья с вынимающимися рамками: в отличие от ранее использовавшейся традиционной колоды, рамочный улей позволял сохранить пчелиную семью при изымании её продуктов. Важной частью интенсификации пчеловодства стала разработка научных рекомендаций по ведению пчеловодного хозяйства, основанная на детальном изучении биологии медоносной пчелы; эту часть «революции» взяли на себя сначала любители-натуралисты, а затем учёные-биологи. Главным образом их усилиями в России сформировалось *пчелове**д**ение*: именно так Г.А. Кожевников предпочитал обозначать научную часть пчеловодной деятельности, отличая её от *пчелово**д**ства* — её практической части.

4.1. Предшественники

В Российской империи научные основы пасечного пчеловодства нового типа, который со временем назовут *рациональным*, стали зарождаться в северо-западных областях Украины (Шабаршов, 1990). Первым среди учёных пчеловедов был украинец, философ по образованию и основной профессиональной деятельности Н.М. Витвицкий, который изобрёл составной (так называемый «колокольный») улей и начал исследовать жизнь пчелиной семьи, чтобы разработать на этой основе биологически обоснованные методы ухода за нею. Свои знания он обобщил в нескольких книгах, среди которых наиболее полная и известная — обширное, состоящее из пяти частей «Практическое пчеловодство», впервые опубликованное в 1847 г. и выдержавшее несколько изданий. Честь изобретения почти современного разборного рамочного улья принадлежит земляку Витвицкого — П.И. Прокоповичу: это случилось в 1814 г. Он был больше практик, чем исследователь: в 1828 г. при содействии Императорского Московского общества сельского хозяйства (МОСХ) Прокопович открыл у себя на родине школу пчеловодства, выпустившую за время своего существования более 500 пчеловодов, за что был награждён от названного общества двумя медалями.

С середины XIX в. одним из признанных центров пчеловедения становится московская университетская школа зоологов. Отсчёт её истории можно вести от обзорной книги К.Ф. Рулье «Три открытия в естественной истории пчёл», опубликованной сначала в качестве приложения к журналу «Русский вестник» (1856 г.), а затем отдельным изданием (Рулье, 1857). Как было указано ранее, при активном содействии Рулье в 1856 г. был организован Комитет акклиматизации при МОСХ, обративший своё внимание в том числе на разведение пчёл. Об интересе Рулье к этой теме свидетельствует

Рис. 4.1. Пасека А.М. Бутлерова в его имении Бутлеровка в Казанской губ. (1860-е гг.) (Бутлеров, 1911, с. 711)

изобретённый им так называемый «павильонный» улей для содержания пчёл в закрытых помещениях (павильонах).

Важный вклад в начальное развитие научного пчеловедения в России, да и в Европе, принадлежит А.М. Бутлерову, в своей научной и административной деятельности сначала связанному с Казанским, а затем с Санкт-Петербургским университетами. Он более всего известен как химик-органик, но с университетских лет интересовался зоологией и с возрастом увлёкся пчеловодством и много сил приложил к его рациональной организации (рис. 4.1) (Шабаршов, 1990; Офицеров, 2015). Бутлеров активнейшим образом содействовал тому, чтобы одним из направлений деятельности ОАЖР стало содействие развитию пчеловодства, инициировал в 1878 г. учреждение Пчеловодной комиссии при ВЭО, а в 1882 г. — Отделения пчеловодства при ОАЖР (Попов, 1913). Следует отметить, что Бутлеров, пожалуй, впервые обратил особое внимание на разнообразие пород пчёл; чтобы глубже вникнуть в этот вопрос, он предложил Петербургскому сельскохозяйственному музею собрать коллекцию образцов пчёл из различных мест России (Шабаршов, 1981, 1990; Офицеров, 2015). Среди тех, кому Бутлеров привил горячий интерес к пчёлам и кто затем так или иначе сыграет роль в формировании такого же интереса у Г.А. Кожевникова, был физико-химик И.А. Каблуков, один из организаторов первых пчеловодных выставок.

Стремясь содействовать развитию пчеловодства в России, ОАЖР взяло под свою опеку начавшее формироваться пасечное хозяйство, в том числе важную для нашей истории Измайловскую опытную пасеку. Родоначальником последней был так называемый «Царёв пчельник», организованный в середине XVI в. в окрестностях села Измайлово к югу от Москвы — в то время летней резиденции царя Алексея Михайловича Романова (Герасимов, 2005; Шпагин, 2014). Он пожелал превратить свою Измайловскую вотчину в образцовое усадебное хозяйство, частью которого стал пчельник в Просяном саду. К началу XIX в. Измайловская пасека захирела и её место заросло лесом; идея её возрождения как «образцового пчельника» прозвучала в 1864 г. на заседании ОАЖР, деньги для её устройства пожертвовал действительный член этого общества меценат А.И. Евсеев (Кожевников, 1925б). Пасеку, приписанную к названному Обществу, открыли в 1865 г. на территории Измайловского зверинца, её заведующим стал некто Г.А. Алек-

Рис. 4.2. Общий вид части Измайловской пасеки в 1865 г. (Тягунова, 2023)

сандров. В одном из помещений главного дома пасеки, обычно именуемого «дворцом» (построен по проекту архитектора Кампиони в 1865 г.) (Неделя…, 1912), был организован пчеловодный музей, в другом помещении стали проводиться опыты над пчёлами, ещё одно помещение отвели для учебных занятий, в результате пасека очень скоро превратилась в научно-учебный пчеловодный центр. Через некоторое время её возглавил известный московский пчеловод Ф.С. Мачалкин (Мочалкин) с присвоением ему почётного звания «Пожизненного заведующего пасекой» (Попов, 1913).

А.П. Богданов, вслед за своим учителем Рулье увлёкшийся пчеловодным делом, сделал Измайловскую опытную пасеку одной из многочисленных сфер приложения своих научных интересов и организаторских наклонностей (рис. 4.2). Он «любил пасеку, придавал ей весьма большое значение в жизни Общества [акклиматизации], и его внимание к этому учреждению переносилось на окружающих его лиц» (Кожевников, 1909а). На базе этой пасеки в 1867, 1868, 1878 и 1890 гг. были организованы первые в России пчеловодные выставки, причём некоторые из них размещались на пароходах и таким образом становились передвижными (Кожевников, 1925б). В 1872 г. Богданов организовал отдел пчеловодства на 1-й Политехнической выставке в Москве, положившей начало нынешнему Политехническому музею (Кривошеина, 2015); учреждаемое при ОАЖР Отделение пчеловодства, чему А.П. всячески содействовал, он «приютил» в здании только что названного музея, в 1884 г. содействовал открытию павильона «Пчеловодство» в Московском зоосаде (Козырев, 2008). В 1890 г. Богданов затеял на базе Измайловской пасеки регулярные бесплатные курсы для практического ознакомления с пчеловодством; по его же предложению на этой пасеке создали научно-практическую лабораторию; с 1896 г. курсы получили официальный статус, их основной задачей стала подготовка дипломированных специалистов-пчеловодов (Грацианов, 1907).

Отдельно стоит отметить, что в 1890 г. для измайловского Музея пчеловодства по инициативе А.П. Богданова построили отдельное деревянное помещение, в плане напоминающее очертания тела пчелы. Посетив в 1899 г. европейские центры естествознания (см. раздел 2.2), Г.А. Кожевников с гордостью отметил, «что в Германии не существует ни особого пчеловодного музея, подобного тому, как суще-

Рис. 4.3. Интерьер Музея пчеловодства на Измайловской пасеке (Мочалкин, 1905, табл. 54)

ствует такой музей на Измайловской опытной пасеке […], ни особого отдела пчеловодства в каком-либо большом музее, подобно тому как существует такой отдел в Московском политехническом музее» (рис. 4.3). По его мнению, Измайловский музей представляет «собою одно из немногих учреждений в России, которому могут позавидовать иностранцы. […] Всякому, интересующемуся пчеловодством, попавшему в Москву, необходимо посетить этот музей» (Кожевников, 1907д, с. 187–188).

Как пишет Г.А. Кожевников в предисловии к своей монографии по естественной истории медоносной пчелы (см. далее), нацеленность А.П. Богданова на изучение этого насекомого, одомашненного человеком, была частью задуманного им большого проекта «монографических описаний обыкновенных животных, которые могли бы служить практическими пособиями при работах начинающих зоологов-специалистов»; план этого проекта А.П. представил в марте 1886 г. на заседании Зоологического отделения ОЛЕАЭ (Кожевников, 1900б, с. [1]). Для реализации «пчелиного» раздела проекта Богданов постарался привить интерес к медоносной пчеле своим ученикам — и некоторые из них стали признанными корифеями в разработке научных и организационных основ отечественного пчеловодства.

Первый из них — Н.В. Насонов, который заведовал Измайловской пасекой в 1878–1885 гг., участвовал в проведении пчеловодческих выставок в 1887, 1894 и 1896 гг., подготовил брошюру «О пчёлах и уходе за ними» (Попов, 1913). На материалах, полученных в Измайлове, он исследовал строение пищеварительной и железистой систем медоносной пчелы и в 1882 г. открыл у неё особую пахучую железу, играющую важную роль в коммуникативном поведении пчёл; её назвали «насоновой железой» (Риб, 2005). Позже интересы Насонова обратились на иные зоологические объекты, он перешёл работать в Варшавский университет и затем в академический Зоологический музей в Санкт-Петербурге, вследствие чего его тесные научные связи с «богдановским кружком» прервались.

Вслед за Насоновым А.П. Богданов приобщил к пчеловедению Н.М. Кулагина: он не только начал свою научную карьеру с изучения медоносной пчелы, но и, в отличие от Насонова, продолжал исследования над нею на протяжении почти всей своей жизни. Его публикации по медоносной пчеле и её продуктам стали выходить начиная с 1885 г., среди них статьи «К биологии пчел», «Кормление пчел», «Роение пчел», книга «Современное положение вопроса о русском воске» и др. (Кузнецов, 1960). Будучи верным учеником и последователем Богданова, Кулагин воспринял от него явную склонность к организационной деятельности и взвалил на себя массу забот такого рода: в 1880-х и 1890-х гг. участвовал в организации и проведении пчеловодных выставок; состоял в числе организаторов съездов (соборов) Всероссийского союза пчеловодов и съездов Всеславянского пчеловодческого союза, в 1910 г. был командирован Департаментом земледелия на первый из этих съездов и там его избрали председателем названного Союза (Кузнецов, 1960; Аветисян, 1965; Апиславия, 2016). В 1894 г. Н.М. возглавил кафедру зоологии в Петровской земле-

дельческой академии и учредил при ней Музей сельскохозяйственной зоологии, который ныне носит его имя (Кузнецов, 1960).

Отчасти в изучение пчелы был вовлечён также и А.А. Тихомиров, сыгравший важную роль в карьерном росте героя нашей книги (см. раздел 2.3). В начале 1890-х гг. он читал лекции по естественной истории пчелы на курсах, устроенных ОАЖР, и в 1894 г. опубликовал одноимённую книгу, выдержавшую несколько изданий (Тихомиров, 1912). Впрочем, Тихомирова исследования пчёл особо не интересовали, областью его научно-прикладных интересов был в основном шелковичный червь (Волков, Куликова, 2003).

4.2. Начинающий пчеловед

Вслед за только что названными персонами А.П. Богданов направил на изучение пчелы Григория Кожевникова, когда тот ещё учился на 3-м курсе МУ (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 3). По правде сказать, наш студент первоначально принял это предложение без энтузиазма и в своём дневнике за 1887 г. отметил: его старшему товарищу А.Н. Корчагину «Богданов дал командировку на неисследованное Каспийское море. […] А мне вдруг *пчелу*! Ну разве не обидно? Проклятье» (рис. 4.4) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 43, 43об). Причин такой реакции Кожевникова на предложение Богданова было несколько. Во-первых, его «первой любовью» в естествознании были водные беспозвоночные, для исследования коих в 1886 и 1887 гг. Г.А. совершил «экскурсии» на Чёрное, Балтийское и Северное моря: они оказались весьма успешными, по их результатам было опубликовано несколько статей (см. раздел 3.4). Во-вторых, как только что было отмечено, Богданов прежде поручил этот объект для исследования другим своим, более старшим ученикам, которые ко времени начала научной карьеры Кожевникова уже достигли определённых успехов и признания на ниве пчеловедения. Наконец, третья причина, указанная Кожевниковым, такова: «Вряд ли существует какое-либо животное, относительно которого было бы так много написано книг и статей, как относительно пчелы» (Кожевников, 1890а, с. 1); хотя это едва ли верно, общее настроение молодого учёного в отношении предложенного предмета исследования было именно таким — отнюдь не оптимистичным.

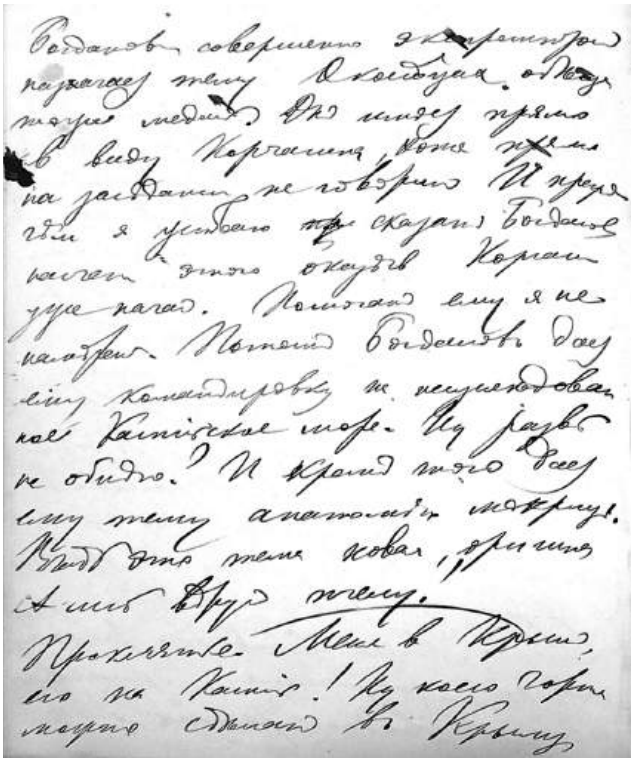

Рис. 4.4. Страница дневника Г.А. Кожевникова (март 1887 г.) с выражением его неудовольствия по поводу предложения А.П. Богданова изучать пчелу (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 43об)

Григорий Кожевников начал своё вхождение в «пчелиную тематику» с того, что, будучи принятым в Зоомузей внештатным ассистентом, провёл лето 1889 г. на Измайловской пасеке, познавая азы пчеловодной науки и практики и приступив к сбору материалов для своих анатомических исследований (Богданов, 1891). В следующем году он принял участие в подготовке и проведении пчеловодной выставки ОАЖР, посвящённой 25-летию пасеки, и изготовил для неё несколько десятков препаратов, показывающих строение пчёл и их природных врагов. За эти экспонаты, а также за проведённые «беседы» (популярные лекции) с посетителями выставки ОАЖР присудило Кожевникову Большую серебряную медаль (там же).

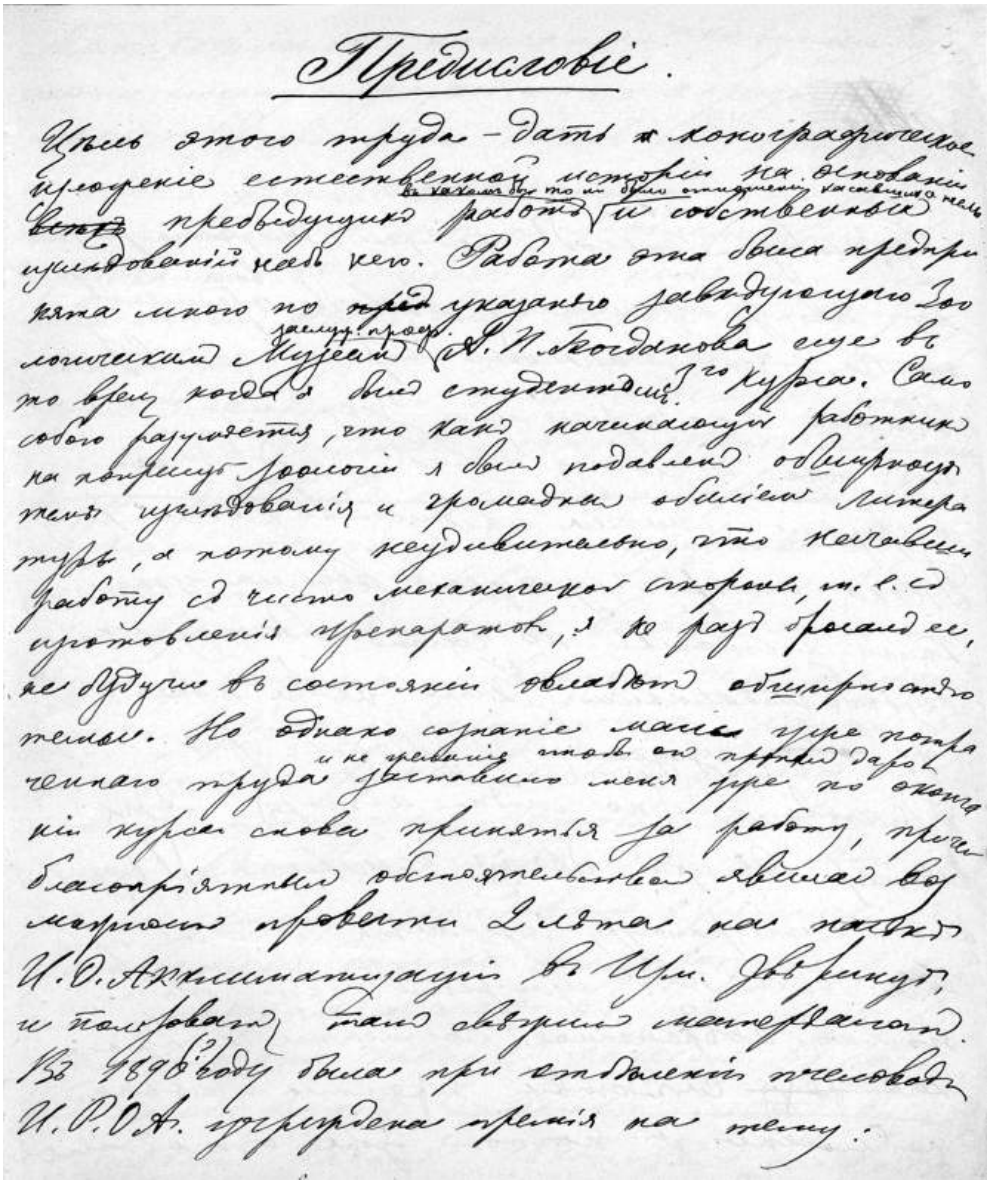
Как и полагается серьёзному учёному, приступающему к новой для него теме, Григорий Кожевников начинает исследование пчелы с ознакомления с ранее опубликованными работами. Одновременно с этим он препарирует пчёл для исследования их анатомических особенностей. Свидетельством его первых упорных усилий по освоению «пчелиной тематики» являются несколько многостраничных тетрадей, датируемых 1889–1895 гг. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 4, 5). Записи в них представляют собою смесь скомпилированных из разных работ описаний деталей строения разных отделов тела, мышечной системы, желез и хитиновых покровов медоносной пчелы, с одной стороны, и изложение результатов собственных наблюдений; кроме того, со временем к ним добавляются отдельные комментарии и фрагментарные наброски вводных разделов для глав будущей монографии. Примечательно, что первой тетради этой серии наш начинающий пчеловед предпосылает два эпиграфа: один из них — из Псалма 117 Псалтири: «*Circumdederunt me sicut apes et exarserunt sicut ignis in spinis, et in nomine Domini excidi eos*» (Окружили меня, как пчёлы [сот], и угасли, как огонь в тёрне: именем Господним я низложил их) (Псалтирь…, 2023), другой — из книги некого Г. Датте (G. Datte) «Иди ко пчеле и у муравья поучись».

Из предварительного Предисловия, записанного во второй из этих тетрадей, которую Кожевников озаглавил «Пчела. Материалы для монографии» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 5), видно, что вхождение в новую тематику давалось нашему герою не очень просто, сопровождалось сомнениями в возможности достижения в ней реальных успехов и вообще в исполнимости задуманного. В этом Предисловии (оно не вошло в диссертацию Г.А., мы его включили в Приложение) он пишет, что был «подавлен обширностью темы исследования и громадным обилием литературы, а потому неудивительно, что начавши работу с чисто механической стороны, т. е. изготовления препаратов, […] не раз бросал её, не будучи в состоянии овладеть обширностью темы» (рис. 4.5) (там же. Л. 3). Определённую роль в принятии окончательного решения довести начатую работу до хоть какого-то завершённого состояния сыграло желание представить свои научные результаты в виде монографии на конкурсе ОАЖР, объявленном в 1890 г. Впрочем, в конкурсе он участия не принял, судя по отсутствию комментария о нём в дневниковых записях; возможно, этот конкурс так и не был проведён за непредоставлением требуемых монографий.

Всё более погружаясь в пчеловедческую литературу, Кожевников довольно скоро выясняет, что «во многих самых новейших сочинениях данные [о пчёлах] передаются в искажённом виде» (Кожевников, 1890, с. 1) и что на самом деле (Кожевников, 1899в, с. 2; 1899г, с. 401), по его мнению,

> большинство пчеловодных статей, касающихся естественной истории пчелы, представляет из себя изложение уже давно известных фактов, а многие из этих статей содержат неточные наблюдения или прямо грубые ошибки. […] Введение в научный обиход новых способов исследования создаёт необходимость перерабатывать заново некоторые наблюдения.

Поэтому неудивительно, что первоначальное разочарование якобы «обидной» темой вскоре сменяется подлинным энтузиазмом, который всегда порождается в пытливой душе начинающего учёного соприкосновением с новым объектом исследования, — и его научная судьба отныне оказывается тесно связана с пчеловедением и разработкой научных основ пчеловодного дела. Позже, вспоминая свою первую юношескую реакцию, Г.А. Кожевников заметит, что «работать над пчелой интереснее, чем над каким-либо морским червем, интереснее не в смысле прикладном, а в смысле решения крупнейших вопросов биологии» (цит. по: Шабаршов, 1981, с. 123). И действительно, изучение полиморфизма пчёл, а затем и других общественных насекомых в конечном итоге вывело Кожевникова на идеи о биологическом

Предисловие.

Цель этого труда – дать … хронографическое изложение естественной истории на основании … своих … работ и собственных … наблюдений над ней. Работа эта была предпринята мною по … указанию … Богдановой еще в то время, когда я был студентом 1-го курса. Само собою разумеется, что как начинающий работник на конкурс … я был подавлен обширностью темы исследования и громадным объемом литературы, а потому неудивительно, что начавши работу с чисто механической стороны, т. е. с приготовления препаратов, я то рад бросал ее, не будучи в состоянии овладеть обширностью темы. Но однако сознание … и не … что … труда … меня … по окончании курса снова … за работу, … благоприятным обстоятельством … мне … И. О. Археологического … Ив. Дворянин, и … Дворянин … В 1890 году … при отделении … И. О. А. … премия на тему:

Рис. 4.5. Страница рабочей тетради Г.А. Кожевникова (1892 г.) с началом Предисловия к предполагаемой монографии по пчеле (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 3)

и эволюционном значении полиморфизма у животных (см. раздел 3.5).

Стремясь уложиться в сроки, указанные в выше упомянутом конкурсе, Г.А. охладел к богдановской идее всеохватной компилятивной монографии и сосредоточился на нескольких частных вопросах, требующих специальных углублённых исследований. При этом «при изучении анатомии пчелы [он] более всего старался избегать о чём-либо [говорить] в общих чертах. Главный смысл работы — выяснить массу важных и интересных неизвестных ещё подробностей анатомии и развития такого обычного животного» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 4). Одним из таких вопросов стала анатомия половой системы трутня, изучение которой на материалах, собранных на Измайловской пасеке, принесло во многих отношениях весьма оригинальные результаты. Детальнейшее описание анатомии и гистологии половых органов трутня и самок-трутовок свидетельствует о высокой квалификации Кожевникова как микроанатома (Кожевников, 1890а, 1891а, 1894а; рис. 4.6). Исследовательские навыки, приобретённые им благодаря пройденному курсу зоотомии у такого первоклассного

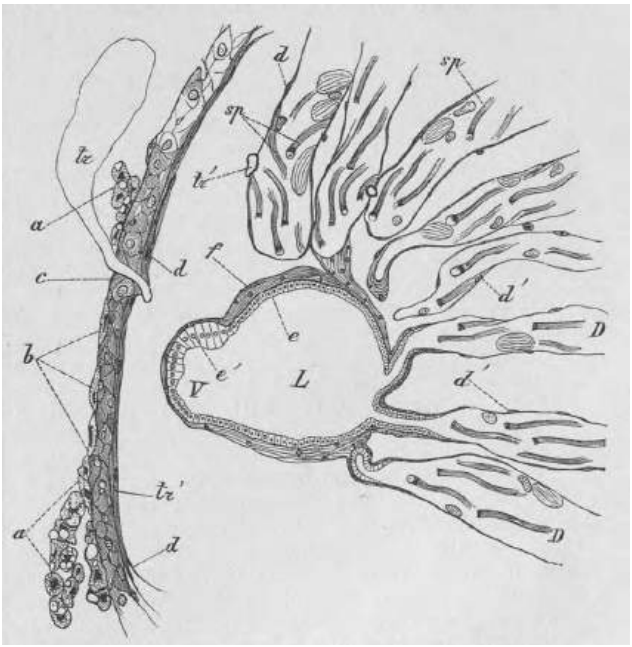

Рис. 4.6. Рисунок поперечного разреза семенника трутня в магистерской диссертации Г.А. Кожевникова «Естественная история пчелы» (Кожевников, 1890а, рис. 1)

анатома и гистолога как Н.Ю. Зограф, позволили начинающему пчеловеду разработать оригинальные методики выявления породных различий у медоносной пчелы и открыть у неё специфическую брюшную железу, названную его именем (см. далее). Это анатомическое исследование стало магистерской диссертацией Кожевникова, защищённой в 1890 г., и тогда же было опубликовано в «Дневнике Зоологического отделения Общества и Зоологического музея» (Кожевников, 1890а).

Результаты своих самых первых исследований и наблюдений над пчелой, а также довольно большие обзорные статьи Кожевников регулярно публикует в 1890-е г. в статьях и заметках в «Русском пчеловодном листке», «Вестнике Русского общества пчеловодов» и некоторых других изданиях. Всего за указанное десятилетие из-под его пера вышло более 30 публикаций — совсем неплохой показатель для начинающего молодого исследователя (см. библиографический список в Приложении).

Столь же активно наш начинающий пчеловед участвует в пчеловодных выставках и съездах. Он считает, что «во многих местностях России пчеловодство [устроено] по старинному патриархальному способу» (Кожевников, 1890б, с. 217), и поэтому для его развития «должны устраиваться Всероссийские пчеловодные выставки» с целью продвижения на них современных методов ведения пчеловодного хозяйства. По этой же причине он агитирует за «съезды пчеловодов, которые должны, конечно, быть всероссийскими и проходить с известной правильностью подобно съездам естествоиспытателей и врачей» (там же, с. 218).

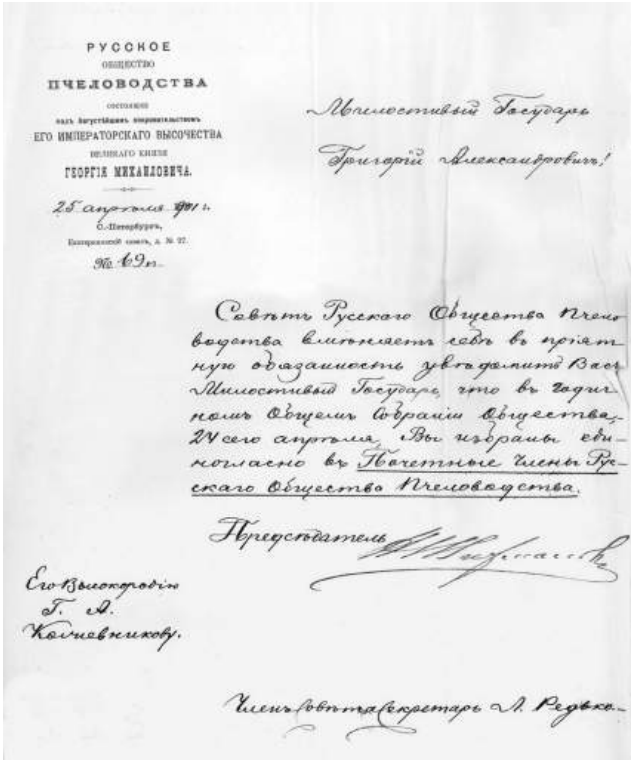
На 1-м Всероссийском съезде русских пчеловодов (Петербург, 1893 г.) Г.А. представил доклады «Жизнь пчёл» и «Анатомические исследования роевых и свищевых маток» (Кожевников, 1893в; Редакция, 1924). В 1896 г. Г.А. издал большую настенную таблицу «Естественная история пчелы», на которой с помощью своего коллеги С.А. Зернова изобразил «главные анатомические черты строения медоносной пчелы, интересные для всякого пчеловода», всего 21 рисунок (Кожевников, Зернов, 1896), а в 1900 г. продемонстрировал её на Парижском пчеловодном конгрессе (Кожевников, 1902к, с. 28). На 2-м Всероссийском съезде русских пчеловодов (Тифлис, 1898 г.) Г.А. представляет два сообщения: на открытии Съезда делает доклад «Жизнь пчёл с социологической точки зрения» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 184), на одном из рабочих заседаний — «Породы кавказских пчёл в связи с вопросом о породах пчёл вообще»; этот второй доклад признаётся лучшим на съезде, удостаивается премии РОП и публикуется отдельной статьёй (Кожевников, 1900в).

В ранних публикациях и выступлениях Г.А. сразу же проявился его целенаправленный просветительский настрой. Он полагает совершенно необходимым налаживать исследования естественной истории пчёл на современной методической основе: необходимо ставить опыты «и притом *точно* и со всеми предосторожностями. […] нужны многочисленные, с любовью и старанием произведённые опыты» (Кожевников, 1890в, с. 223). С другой стороны, Кожевников считает «далеко небесполезным предлагать пчеловодам статьи не практичес-

кого, а чисто теоретического характера, ибо […] пчеловоду не мешает знать какие бы то ни было естественно-исторические данные относительного того животного, с которым он работает» (Кожевников, 1896в, с. 95).

По мере углубления в «пчелиную тематику» Г.А. Кожевников всё более увлекался постепенно накапливаемым анатомическим материалом, который, как это обыкновенно бывает в науке, принося ответы на прежние вопросы, порождал новые, требующие продолжения исследований. Результатом упорного десятилетнего труда по анатомическому изучению медоносной пчелы становится фундаментальная монография «Материалы по естественной истории пчелы». Она была опубликована двумя выпусками в «Трудах Зоологического отделения Императорского общества любителей естествознания» — в 1900 и 1905 гг. (Кожевников, 1900б, 1905а). Как указывает её автор, фактологической основой «Материалов» стали «несколько тысяч препаратов по всем системам органов рабочей пчелы, матки и трутня, толстые тетради конспектов литературы и черновых набросков» (Кожевников, 1900б, с. [1–2]).

Первый выпуск «Материалов по естественной истории пчелы» сразу же принёс автору известность в среде энтомологов, поместив его в ряд признанных авторитетов пчеловодной науки. В 1901 г. эту работу представляют на премию имени академика Брандта Императорской академии наук (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 83), в связи с чем петербургский энтомолог Н.Н. Аделунг публикует её подробную рецензию в журнале «Zoologische Zentralblatt» (Кожевников, 1906д). Как было отмечено в главе 3, в знак признания заслуг Кожевникова перед отечественным пчеловедением его в 1901 г. избирают почётным членом РОП (рис. 4.7) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 63), на следующий год — товарищем (заместителем) председателя Отделения пчеловодства ОАЖР (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 528. Л. 1). Кожевников начинает получать многочисленные запросы от местных издательств и пчеловодных обществ о редактировании и рецензировании книг по пчеловодству, его приглашают участвовать в «Полной энциклопедии русского сельского хозяйства» с двумя статьями о пчёлах (Кожевников, 1902з,и). Вторая часть монографии, завершённая и изданная в 1905 г., составила основу докторской диссертации её автора, тогда же успешно защищённой (см. раздел 2.3). В августе 1905 г. двухтомный труд по естественной истории пчелы, выставленный на Пчеловодной выставке в Санкт-Петербурге, награждён Большой золотой медалью РОП (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 189).

РУССКОЕ
ОБЩЕСТВО
ПЧЕЛОВОДСТВА
состоящее
подъ Августѣйшимъ покровительствомъ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
ГЕОРГІЯ МИХАЙЛОВИЧА.

25 августа 1901 г.
С.-Петербургъ,
Екатерининскій каналъ, д. № 97.
№ 69п.

Милостивый Государь
Григорій Александровичъ!

Совѣтъ Русскаго Общества Пчеловодства имѣетъ себѣ въ пріятную обязанность довести до Вашего Милостиваго Государя, что въ годичномъ Общемъ Собраніи Общества, 24-го сего августа, Вы избраны единогласно въ Почетные Члены Русскаго Общества Пчеловодства.

Председатель

Его Высокородію
Г. А.
Кожевникову.

Членъ-совѣта-секретарь Л. Редько.

Рис. 4.7. Официальное извещение Г.А. Кожевникова (1901 г.) о его избрании почётным членом РОП (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 63)

Столь глубокое и весьма результативное погружение в естественную историю пчелы в ранней научной биографии Г.А. Кожевникова, принёсшее интересные открытия и важные обобщения, не было случайным. С одной стороны, оно отразило его большой интерес к общебиологическим вопросам, подпитанный обретёнными в годы университетского обучения широкими зоологическими знаниями. С другой стороны, это исследование привело Григория Александровича к важному заключе-

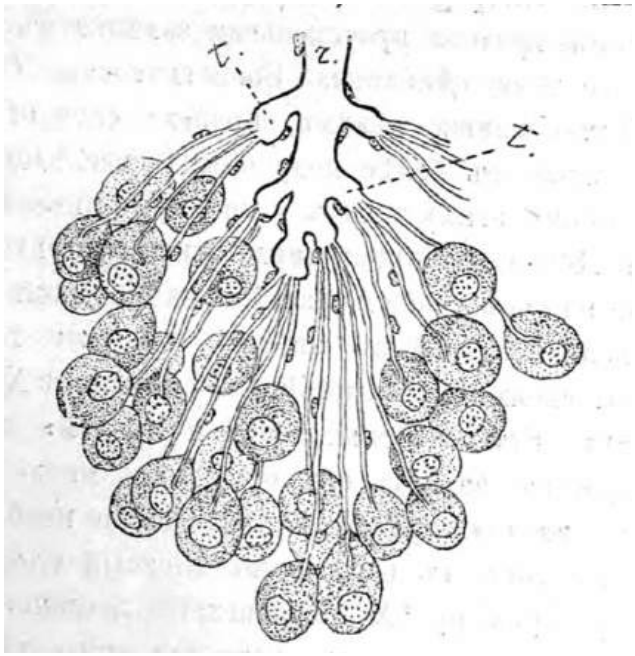

Рис. 4.8. Рисунок поперечного среза смазочной железы рабочей особи пчелы в первой части докторской диссертации Г.А. Кожевникова «Материалы по естественной истории пчелы» (Кожевников, 1900б, с. 86)

нию, сыгравшему значительную роль в последующем развитии пчеловодства в России. Он понял (Кожевников, 1901а, с. 2–3), что

> нельзя говорить о практическом пчеловодстве, не ссылаясь постоянно на теорию пчеловодства, на чистую науку. [Поэтому] *рациональным* пчеловодством мы называем такое ведение пчеловодного хозяйства, которой основано на знании естественной истории пчелы. Уже одним этим определением мы устанавливаем вполне прочную связь между теоретической наукой и пчеловодной практикой.

Этой важной идее он посвятил уже упомянутый нами доклад на Съезде отечественных пчеловодов в С.-Петербурге в 1901 г., откуда взята только что приведённая цитата. Развивая её, Кожевников обращает внимание пчеловодов на то, что «при изучении образа жизни и психологии животных мы до сих пор владеем ещё крайне несовершенными способами исследования». В связи с этим он, не соглашаясь с общепринятым мнением, повторяет вслед за К. Рулье (см. раздел 3.1), «что *всякое* опубликованное наблюдение полезно. Необходимо, чтобы сообщались *точные* факты и тогда, как ни будь эти факты мелки и незначительны, они составляют научный материал». Поэтому следует сторожиться «дилетантских наблюдений и опытов, произведённых и производимых на пасеках людьми без всякой естественноисторической подготовки» (Кожевников, 1901а, с. 11). По его глубокому убеждению (там же, с. 12), вместо таких

> дилетантских наблюдений надо желать и стараться, чтобы основные вопросы биологии пчелы были раз и навсегда решены авторитетными специалистами с помощью строго научных методов. Надо, чтобы в изучение даже обыкновенных явлений жизни пчелы проникли строгая научная методика, строгий научный анализ, строгая научная критика.

Наверное, такие громкие декларации, безапелляционно произносимые *ex cathedra* молодым учёным, должны были восприниматься пчеловодами-практиками как проявление особого «учёного снобизма»; возможно, со стороны оно именно так и выглядело. И тем не менее, в них присутствует достаточно глубокая истина, известная всякому серьёзному исследователю: нельзя получить значимые научные результаты, не владея исследовательской техникой; поэтому нельзя развивать на рациональной основе практику пчеловодного дела без научных изысканий по естественной истории пчелы. Эти два важных тезиса Кожевников с особой силой подчеркнул позже, в 1924 г., в рецензии на книгу А.Н. Брюханенко «Пчеловодство», сославшись при этом на авторитет К.Ф. Рулье, который, «вдохновившись открытием партеногенезиса у пчёл, воскликнул: “Светает, в путь пора!”, желая отметить, что научные открытия освещают путь практике, как солнце путь путешественнику» (Кожевников, 1924б, с. 393). Разъясняя практикующим пчеловодам вопрос о том, считать ли пчелу диким или домашним животным и в связи с этим приводя примеры по разным видам зверей и птиц, Г.А. уверяет своих читателей, что без «общебиологического подхода вопрос о пчёлах будет совершенно непонятен» (Кожевников, 1926б, с. 437).

4.3. Анатомия и систематика пчелы

В двух главах первого выпуска «Материалов по естественной истории пчелы» Г.А. Кожевников даёт оригинальное весьма детальное описание строения кожных желез и жировых клеток; в отдельном разделе подробно описывает особую смазочную железу, расположенную в основании жала (рис. 4.8). Эту железу он обнаружил у медоносной пчелы ещё в 1892 г., о чём сделал сообщение на заседании Зоологического отделения ОЛЕАЭ в январе 1893 г. и написал в краткой заметке во 2-м томе Дневника этого Отделения, «установивши таким образом своё открытие» (Кожевников, 1900б, с. 85); эта железа позже названа в честь её первооткрывателя (Шабаршов, 1981). Учёный сравнивает её строение у разных жалящих перепончатокрылых и приходит к заключению, что она наиболее простая у осы, более продвинутая у шмеля и самая специализированная у пчелы.

Пытаясь понять происхождение этой железы и сравнивая для этого её с кожными железами разных насекомых, Г.А. обращает внимание на то, что не существует общей типологии этих желез, разработанной на рациональных основаниях. Рассматривая последние, он отвергает функциональное значение желез для их типологической классификации и вместо этого утверждает, что «гораздо большее значение при делении желез на группы следует приписывать, во-первых, их постоянной связи с какой-либо системой органов, а во-вторых, с их характерными гистологическими особенностями» (Кожевников, 1900б, с. 91).

В подходе, предлагаемом Кожевниковым, просматриваются два базовых критерия гомологизации органов — положения и специального качества, которые в настоящее время считаются ключевыми для разработки их типологии (Павлинов, 2018). И если бы он опубликовал специальную статью о своём способе гомологизации, то наверное прослыл бы одним из первопроходцев в разработке современной сравнительно-анатомической концепции гомологии.

В разделе о жировых клетках заслуживает внимания скрупулёзный анализ соответствующей литературы, позволивший Кожевникову составить полную синонимику весьма разнородной терминологии, использовавшейся разными авторами для их обозначения; подразумевающий неявную отсылку к определённым критериям гомологизации, такой список служит одной из предпосылок для составления единого основания сравнения данного органа.

Наконец, Г.А. внимательно описывает строение и функцию восковых желез; эти материалы он позже кратко обобщит в журнальной статье (Кожевников, 1907е).

***

С самого начала своего вхождения в «пчелиную тематику» Г.А. Кожевников заинтересовался местными географическими формами (расами, породами и т. п.) медоносной пчелы. Это едва ли было случайным: ведь, как было сказано выше, данный вопрос фигурировал как один из центральных в исследованиях А.М. Бутлерова. Его особая актуальность в то время была обусловлена слабой разработанностью представлений о породном разнообразии пчёл: разные авторы насчитывали от 20 до 50–60 пород, в самых дробных классификациях их насчитывалось чуть ли не несколько сотен.

Одной из первых серьёзных публикаций Г.А. Кожевникова стала большая обзорная статья о видах и породах пчёл рода *Apis* в журнале «Русский пчеловодный листок» (Кожевников, 1891б). Согласно принятой систематиками классификации он признаёт в этом роде четыре вида: *dorsata* Fabr., *florea* Fabr., *indica* Fabr. и *mellifica* = *mellifera* L.; в последнем же виде — две главные «породные группы»: *тёмные* (с 12 породами) и *пёстрые* (с 13 породами). Вслед за этим Г.А. приводит характеристики восьми пород, опираясь на недавно вышедшую сводную монографию германского пчеловеда А. Полльмана (A. Pollmann. Werth der verschiedenen…, 1889). В завершение своего обзора наш начинающий пчеловед специально отмечает, что «на громадном пространстве России более чем удобно проследить […] вопрос: *насколько свой-*

Рис. 4.9. Музейный экземпляр пчелы Кожевникова (*Apis koschevnikovi*) (https://mediatani.co/wp-content/uploads/2020/09/Apis-Koschev.png)

ства породы зависят от влияния окружающих условий?» (там же, с. 71). И подчёркивает при этом, что «для выяснения вопроса о существовании в пределах России разновидностей пчелы необходимо иметь громадный материал из различных местностей» (там же, с. 70).

Опираясь как на литературные данные, так и на собственные результаты, Кожевников очень скоро приходит к неутешительному выводу, что «вопрос о породах пчёл принадлежит к числу весьма неясных и запутанных и неправильно освещается в большинстве руководств по пчеловодству» (Кожевников, 1902з, с. 597). Во время нескольких своих рабочих поездок в Санкт-Петербург в 1890-е гг. он изучает коллекцию пчёл тамошнего Зоологического музея, а во время выше упомянутого европейского «турне» 1899 г., куда его отправили для ознакомления с организацией работы научноисторических музеев, просматривает коллекции пчёл, хранящиеся в основных зоологических центрах Европы (Берлин, Вена, Лондон, Париж и др.), включая типовые экземпляры многих ранее описанных форм. Кроме того, он приобрёл для Зоомузея «значительное количество внеевропейских пчёл, часть которых мог подвергнуть анатомическому исследованию» (там же). В результате за несколько лет Кожевникову удаётся собрать в Зоомузее порядочную коллекцию представителей разных географических форм пчёл как Старого, так и Нового Света. Это даёт ему возможность по оригинальным материалам, а не по старым описаниям, составить собственное представление о разнообразии географических форм медоносной пчелы и исследовать его на новой фактологической и, что немаловажно, методической основе[1].

Не удовлетворившись этими уже имеющимися коллекциями и полагая, что «прогресс в деле изучения рода *Apis* должен заключаться в обстоятельном изучении возможно большего числа форм, а не литературных источников» (Кожевников, 1900б, с. 4), Г.А. Кожевников обращается со страниц отечественных пчеловодных журналов к пчеловодам-практикам с просьбой присылать ему засушенных пчёл из разных местностей России, по возможности не смешивая экземпляры из разных семей и точно указывая их географическое происхождение (Кожевников, 1893г, 1898г). Уже опубликовав свою монографию и защитив диссертацию, он по-прежнему стремится собрать побольше сравнительного материала по местным пчёлам и в связи с этим в 1906 г. опять обращается к практикующим пчеловодам с просьбой присылать ему образцы свох пчёл (Кожевников, 1906д,е). Так, в обзорной статье о видах и породах пчёл в «Вестнике Русского общества пчеловодов» он пишет (Кожевников, 1906д, с. 103):

> Я позволяю себе обратиться к уважаемым читателям “Вестника” с покорнейшей просьбой помочь мне в этом. Иногда может совершенно случайно явиться возможность иметь непосредственные сношения с людьми, ведущими торговлю или иные дела с Китаем и Японией, а на месте получить несколько мёртвых пчёл и уложить их в коробочку с ватой вовсе не так уж трудно.

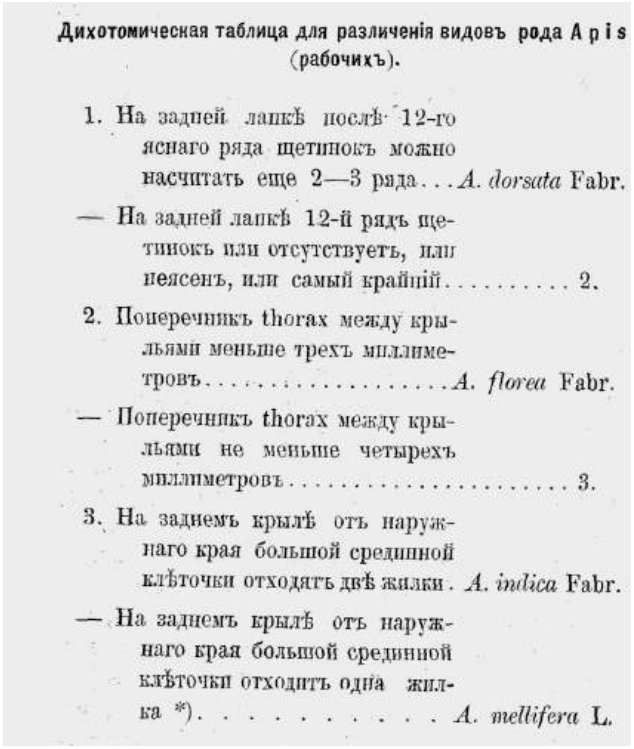
Глава «Систематика рода *Apis*» в первом выпуске «Материалов по естественной истории пчелы» построена как полноценная систематическая ревизия — но не традиционного «ката-

[1] В знак признания заслуг Г.А. Кожевникова в изучении пчёл рода *Apis* в его честь был описан новый вид пчелы *Apis koschevnikovi* с о. Борнео (рис. 4.9) (Enderlin, 1906).

ложного» типа, восходящего к трудам XVIII в. (Линней, Фабриций и др.), а нового, в котором даётся подробное обоснование выделяемых таксонов и указываются их не менее подробные разносторонние характеристики. Г.А. отмечает, что видовая систематика пчёл, как, впрочем, большинства других животных в то время, разработана слабо и носит в значительной мере поверхностный характер во многом из-за того, что виды и породы различаются чаще всего по немногим внешним признакам. Он подчёркивает (Кожевников, 1900б, с. 3), что

> в своей работе по естественной истории пчелы [пробует] применить новые способы исследования систематических признаков и выискать новые данные в вопросе о видах, разновидностях и породах рода *Apis*, стараясь поставить этот вопрос на более научную почву, чем та, на которой он разрабатывался до сих пор.

Первой задачей для Кожевникова становится выявление наиболее важных диагностических признаков, позволяющих надёжно различать разные формы медоносной пчелы. Для её решения Г.А. разрабатывает новый подход к оценке размера пчелиного брюшка: традиционно оно измеряется целиком с помощью циркуля, поэтому результаты таких измерений не только приблизительные, но и зависят от наполненности зобика пчелы во время её поимки. Вместо этого Кожевников разрабатывает особый метод разделения и фиксации члеников, чтобы измерять под микроскопом или окуляр-микрометром каждый членик брюшка по отдельности. Другим важным диагностическим признаком он указывает характер жилкования пчелиных крыльев: с его помощью Григорий Александрович показывает возможность разграничения межвидовых и межпородных различий. Он также внедряет новый метод расправления хоботка пчелы, который позволяет более точно определять его длину; основанные на таком способе препаровки и измерений последующие вычисления убедительно показывают, что длина тела и длина хоботка между собой не скоррелированы. Наконец, Кожевников разрабатывает

Дихотомическая таблица для различенія видовъ рода Apis (рабочихъ).

1. На задней лапкѣ послѣ 12-го яснаго ряда щетинокъ можно насчитать еще 2—3 ряда . . . *A. dorsata* Fabr.
— На задней лапкѣ 12-й рядъ щетинокъ или отсутствуетъ, или неясенъ, или самый крайній . . . . . 2.
2. Поперечникъ thorax между крыльями меньше трехъ миллиметровъ . . . . . *A. florea* Fabr.
— Поперечникъ thorax между крыльями не меньше четырехъ миллиметровъ . . . . . 3.
3. На заднемъ крылѣ отъ наружнаго края большой срединной клѣточки отходятъ двѣ жилки . *A. indica* Fabr.
— На заднемъ крылѣ отъ наружнаго края большой срединной клѣточки отходитъ одна жилка *) . . . . . *A. mellifera* L.

Рис. 4.10. Таблица для определения видов рода *Apis* в первой части диссертации Г.А. Кожевникова «Материалы по естественной истории пчелы» (Кожевников, 1900б, с. 44)

метод измерения площади восковых зеркалец, расположенных на четырёх последних брюшных полукольцах, также сочтя этот признак систематически важным; данный метод Г.А. будет дорабатывать и позже (Кожевников, 1925в). Изготовленные им анатомические препараты до сих пор хранятся в коллекции Кафедры зоологии беспозвоночных Московского университета (Малахов, 2006).

В результате исследования разнообразия пчёл рода *Apis* на основе указанных признаков Г.А. Кожевников в своей диссертации «Материалы по естественной истории пчелы» подтверждает ранее признанную 4-видовую классификацию рода *Apis* (рис. 4.10) (Кожевников, 1900б, 1902з). С точки зрения современных исследований, признающих до 8 видов (Engel, 1999), предложенная Кожевниковым видовая система выглядит явным упрощением. Однако без детального анализа исследованных им материалов трудно сказать, является ли эта классификация следствием его «видообъединительской» позиции или объясняется просто

отсутствием коллекций из некоторых труднодоступных регионов.

***

Одна из весьма серьёзных проблем, с которой сталкивается Г.А. Кожевников при изучении разнообразия медоносной пчелы и её ближайших родичей, заключается в отсутствии ясного понимания у пчеловодов того, что именно у данного вида (в отличие от других домашних животных) следует понимать как устойчивую местную породу, а не какую-то иную более «эфемерную» вариацию (Кожевников, 1902з, 1906д, 1916г). При этом, будучи по своей природе не только практиком, но и теоретиком, одной из основных причин подобной весьма неопределённой ситуации он считает то, что многие авторы «смешивают здесь понятие о виде (*species*) с понятием о разновидности (*varietas*) и породе» (Кожевников, 1902з, с. 597). Обращаясь к этой проблеме через десять лет после выхода своей монографии 1905 г., Г.А. опять вынужден отметить, что «в вопросе о породах пчёл […] мы встречаемся с большой неопределённостью, невыработанностью некоторых основных положений, с полной спутанностью некоторых понятий, с отсутствием способов исследования» (Кожевников, 1916г, с. 9). В связи с этим Кожевников, как было отмечено выше, возлагает большие надежды на комплексное биометрическое обследование пчелиного разнообразия: анализируя уже упоминавшуюся нами статью Б.П. Хохлова, он приходит «к несомненному выводу, что для выяснения вопроса о признаках пород пчёл необходимы многочисленные биолого-статистические (биометрические) работы, произведённые теми же точными методами исследования, как работа Б.П. Хохлова» (Кожевников, 1916г, с. 11). В 1930-е гг. к детальному биометрическому исследованию вопроса о породном разнообразии пчёл обратится ещё один ученик Кожевникова — В.В. Алпатов (Алпатов, 1948). Методически его работа осталась на уровне 1920-х гг., но зато он достаточно серьёзно проработал вопрос о проявлениях изменчивости, отчасти на основе идей своего учителя, которые оценивал весьма высоко и считал, что его классификация форм изменчивости (см. раздел 3.5) «никем до сих пор не превзойдена» (там же, с. 29).

Важно иметь в виду, что выделение точными методами «внешних» диагностических породных признаков для Григория Александровича не является самоцелью. Он утверждает (Кожевников, 1916г, с. 12), что

> когда мы установим существование определённых внешних знаков пород пчёл, перед нами встанет вопрос о необходимости выяснить существование определённых соотношений между этими внешними признаками и некоторыми внутренними качествами пчёл, как, например, прилежание, незлобивость, склонность к роению и т. п.

Ведь именно эти «внутренние качества» имеют первостепенное значение для человека и именно по ним пчеловоды-практики издавна ведут, неосознанно или целенаправленно, свою селекционную работу. В этой связи Г.А. совершенно справедливо подчёркивает, что вопрос о том, что такое пчелиная порода, «ещё больше осложнится, если мы поставим его так: определённые внешние признаки и определённые внутренние качества передаются по наследству или нет?» (Кожевников, 1916г, с. 15).

В основу анализа внутривидовых вариаций медоносной пчелы Кожевников кладёт те же признаки, что и для выделения видов рода *Apis* (Кожевников, 1900б, 1902з, 1906д). Он разделяет пчелиные породы на первичные и вторичные, причём число первых ограничивает лишь четырьмя следующими: *mellifera* L., *unicolor* Latr., *adansonii* Latr. и *ligustica* Spinola. В своей диссертации Кожевников представляет соотношения между формами *A. mellifera* в форме своеобразной круговой схемы, демонстрирующей основные тренды в изменчивости двух диагностических признаков — размеров и окраски тела (рис. 4.11). Эта схема для того времени не слишком тривиальна: она во многом напоминает так называемую «круговую классификацию», общие принципы построения которой в первой трети XIX в. разработал бри-

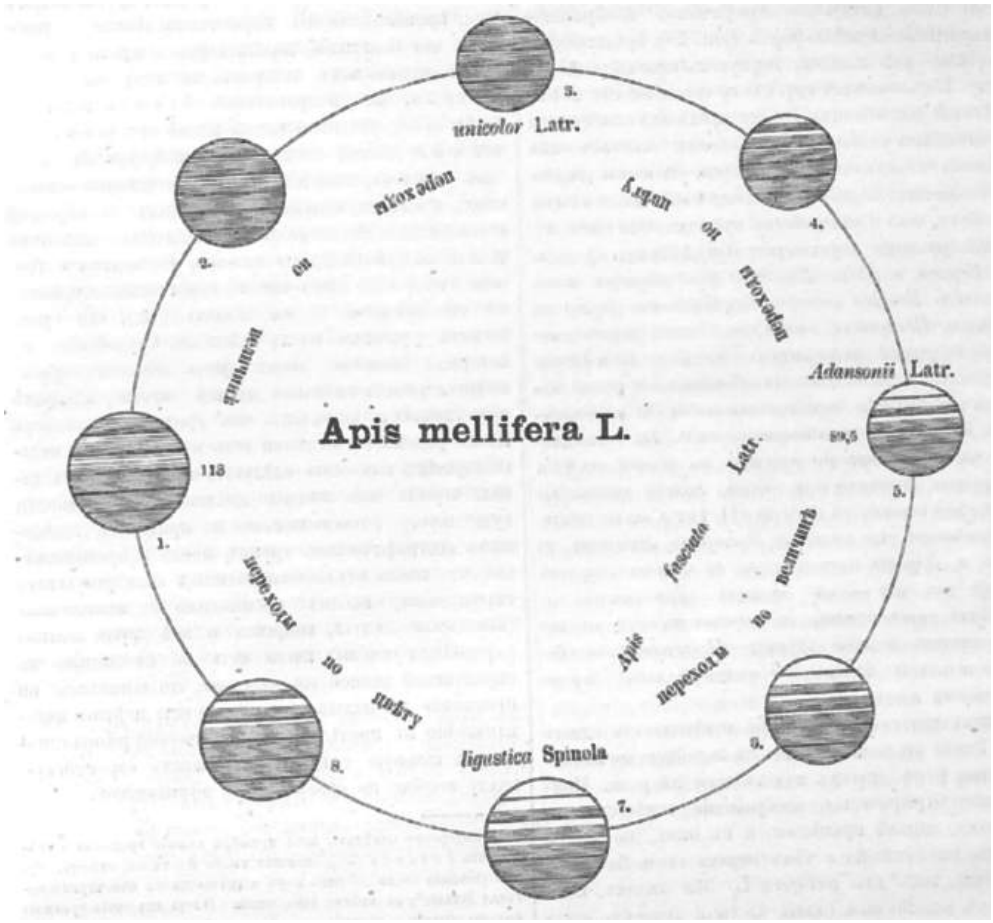

Рис. 4.11. Систематические отношения между видами рода *Apis* в первой части диссертации Г.А. Кожевникова «Материалы по естественной истории пчелы», представленные в форме круговой схемы (Кожевников, 1900б, с. 59)

тано-австралийский энтомолог Р. Макли (Robert Sharp Macleay) (о ней см.: Павлинов, 2018).

Позже, стремясь взглянуть на вопрос о внутривидовом разнообразии медоносной пчелы по-новому с учётом последних веяний внутривидовой систематики, разрабатываемых зоологами и ботаниками, Григорий Александрович указывает следующее. «Все основные породы пчёл связаны с определёнными местностями, вследствие чего мы можем считать их за ‘*natio*’ в смысле А.П. Семёнова-Тян-Шанского. Предложение того же автора считать породу за ‘*morpha*’ неприемлемо, т. к. ‘*morpha*’ — ненаследственная при изменении условий феновариация» (Кожевников, 1928а, с. 75)[2]. На этом основании Кожевников предлагает новую классификацию «главных пород» медоносной пчелы, разделив её всего на два подвида (*mellifera* L. и *fasciata* Latr.) и выделив в одном три, а в другом пять наций.

В этой же работе Кожевников обращается к своей старой «кольцевой» системе породного разнообразия медоносной пчелы и (без обсуждения деталей) характеризует её как «замкнутый круг форм, образующих всевозможные между собой переходы по величине и окраске» (там же). Как можно полагать, в данном случае он имеет в виду упомянутую нами ранее концепцию «круга форм» (Formenkreise), которую незадолго до этого разработал зоолог-систематик О. Кляйншмидт (Kleinschmidt, 1926) (см. раздел 3.3). Впрочем, в завершающих обзорах внутривидового разнообразия медоносной пчелы Г.А. представляет более традиционную

[2] Упомянутая Кожевниковым нация (*natio*) — это внутривидовая таксономическая единица, занимающая в систематической иерархии положение ниже подвидового ранга (Семёнов-Тян-Шанский, 1910).

Рис. 4.12. Фотография Г.А. Кожевникова во время одной из его поездок в Башкирию в конце 1920-х гг.; справа — местный инструктор пчеловодства А.А. Перов (Игтисамов, 1975, с. 12)

систему, разделив её на всё те же две основные породные группы — жёлтых и тёмных (Кожевников, 1929а, 1930б, 1934). В первой он выделяет породы: египетскую, кипрскую, итальянскую, закавказскую и африканскую жёлтую; во второй группе — среднеевропейскую (среднерусскую), крайнскую, люнебургскую, кавказскую тёмную, африканскую тёмную породы. Примечательно, что в двух только что указанных публикациях, появившихся почти одновременно, породные классификации медоносной пчелы различаются деталями: это означает, что представления самого Кожевникова о таксономическом разнообразии пчёл до конца жизни так и не устоялись.

Вряд ли имеет смысл рассматривать здесь классификацию внутривидового разнообразия медоносной пчелы, разработанную Г.А. Кожевниковым в конце XIX – начале XX вв., с современных позиций. В настоящее время «порода» и «нация», как таксономические единицы, не признаются Международным кодексом зоологической номенклатуры (Павлинов, 2015), а подвиды выделяются чаще всего на основе молекулярно-филогенетического анализа, это направление исследований внутривидовой дифференциации известно как *филогеография*. Разработанная на её основе современная подвидовая система медоносной пчелы значительно более дробная, чем у Кожевникова: в ней выделяется до 30 подвидов, группируемых в пять филетических линий (Ilyasov et al., 2020).

***

Продолжая подбирать материал для изучения местных форм медоносной пчелы, наш учёный пчеловед совершает поездки по европейской части России, на Северный Кавказ, в Заволжье и добирается даже до Дальнего Востока (Шабаршов, 1981). Из этих поездок по своим результатам две заслуживают быть особо отмеченными: одна из них связана с выявлением уникальных особенностей башкирской пчелы, другая — с открытием новой для российской фауны формы пчелы в Приморье.

Внимание Г.А. Кожевникова к пчёлам башкирских лесов объясняется тем, что тамошнее население издревле славилось своим бортничеством и вместе с тем мало интересовалось рациональным пасечным хозяйством. Это позволило местным пчёлам сохраниться чуть ли не в первозданном виде, с минимальной примесью «чужеродных кровей» (Кожевников, 1931а). В 1928–1930 гг. Кожевников обследовал аборигенных пчёл в Бурзянском районе Башкирии, наладив туда пчеловодный отряд Башкирской экспедиции Академии наук (рис. 4.12), и выяснил, что эти пчёлы не только сохранили много исходных признаков лесной среднерусской пчелы (за что Г.А. назвал их «доисторическими»), но и оказались незаражёнными нозематозом и гнильцом (Ишемгулов и др., 2012; Ильясов и др., 2015). В отчёте о работе отряда Г.А. Кожевников подчёркивает необходимость максимального сохранения породной чистоты башкирских аборигенных пчёл, для чего призывает учредить заповедные участки в районе их наивысшей концентрации и запретить завоз туда инородных пчёл (там же).

«Приморское открытие» Кожевникова началось с того, что один из тамошних пчеловодов И.И. Васьковский прислал ему в 1925 г. несколько экземпляров необычных местных пчёл, сопроводив посылку описанием особенностей их биологии. Московский профессор исследовал их, сравнил с представителями разных форм, собранных в Зоомузее со всего света, и пришёл к выводу, что приморские пчёлы должны быть отнесены к экзотическому виду *A. indica* Fabr. (Кожевников, 1926в). Для того чтобы самолично исследовать эту пчелу и условия её обитания, Г.А. списался с Васьковским и в 1927 г. совершил дальнее (в то время очень долгое) путешествие в дебри Уссурийского края. Он обследовал окрестности с. Раздольное (к северу от Владивостока), где была найдена эта пчела, собрал нужное количество образцов, привёз их в Москву и тогда же сделал об этом открытии краткое сообщение на заседании РОП в Ленинграде (Кузнецов, 2005). Кожевников планировал ещё одну поездку летом 1929 г. и подал в руководство НИИЗа заявку на неё (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 196), оставшуюся без внимания; в 1930 г. его совсем отлучили от университетской науки (см. раздел 2.8), так что, к сожалению, полноценно изучить этих интересных пчёл-«экзотов» он не успел.

В настоящее время индийская пчела (*indica*) считается подвидом китайской восковой пчелы *Apis cerana* Fabr., её природный ареал ограничен Индостаном. Ту дикую форму из Приморья, которую исследовал Г.А. Кожевников, теперь обычно относят к типичному подвиду китайской пчелы *A. c. cerana* s.str. Впрочем, иногда приморскую пчелу выделяют в отдельный подвид *A c. ussuriensis* Lavrov (Pesenko et al., 1990; Кузнецов, 2005; Oldroyd, Wongsiri, 2006).

4.4. Эволюция пчелиной семьи

Важную и обширную часть пчеловедных занятий Г.А. Кожевникова составляли исследования биологии размножения медоносной пчелы и в связи с этим сложной структуры пчелиной семьи. Относящиеся сюда вопросы он рассматривал как весьма продвинутый учёный, вооружённый университетскими знаниями и широким научным кругозором, а не как те пчеловоды-практики, которые обыкновенно судят о сём предмете на основании невесть откуда почерпнутых сведений и соображений. Это позволило герою нашей книги уже в начале 1890-х гг., едва войдя в «пчелиную тематику» и ознакомившись с европейской литературой, вступить в полемику с теми специалистами пчеловодного дела, кои, по мнению нашего начинающего пчеловеда, «мнящие себя учёными […] и настойчиво принимаясь за решение давно решённых вопросов, доходят часто до нелепостей» (Кожевников, 1893б, с. 47). В данной дискуссии Г.А., исходя из общеизвестных сведений о разнообразии форм бесполого размножения у животных, критикует обсуждавшееся в то время предположение о гермафродитизме пчелиных маток и предупреждает отечественных пчеловодов, «что только научное знакомство с данными современной зоологии может избавить нас от путаницы в понятиях и дать верный взгляд на явления животной жизни» (там же, с. 53). Позже сам Кожевников описал гермафродитизм у кавказских пчёл, отмечая, что гермафродиты представляют собой мозаику признаков рабочих особей-самок и самцов-трутней. Это доказывает, что гермафродитизм у пчёл является следствием аномалий в оплодотворении, при этом вторичные половые признаки не зависят от характера развития половых желез (Kojewnikov, 1914м).

Сообразно взятому им за основу естественнонаучному подходу, Г.А. Кожевников в своих исследованиях не просто описывает своеобразное устройство пчелиной семьи, но и стремится объяснить его с биологической и эволюционной точек зрения. Этот подход очевиден уже в одном из самых ранних его выступлений, в котором он писал: «Некогда было время, когда не было таких рабочих [пчёл], как теперь, и они постепенно выработались в течение веков из таких самок, которые могли и строить соты, и выкармливать детву, и плодиться»

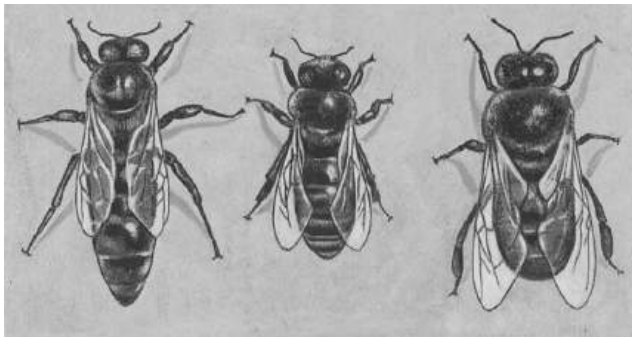

Рис. 4.13. Фотографии (слева направо) матки, рабочей особи и трутня медоносной пчелы из книги Г.А. Кожевникова «Как живут и работают пчелы» (Кожевников, 1930б, с. 16)

(Кожевников, 1903в, с. 62). Для этого он реконструирует эволюционные ряды вариантов социальной организации в разных семействах и родах перепончатокрылых и представляет результаты своих изысканий в 1903 г. в докладе «К вопросу о происхождении “рабочих” в семье перепончатокрылых» на объединённом заседании ОАЖР и Зоологического отделения ОЛЕАЭ (Кожевников, 1903з). Позже, углубляя свои представления об эволюции пчелиной семьи, Кожевников приходит к оригинальной и весьма плодотворной идее, что именно семья является основной жизненной единицей этого сложно структурированного вида, поэтому «при всех рассуждениях о жизни пчёл, при разработке всех вопросов этой жизни необходимо помнить, что нам приходится иметь дело не с отдельными особями пчелиной семьи, а со *всей семьёй* как жизненной единицей» (Кожевников, 1930б, с. 18).

Для выяснения причин резкой дифференциации пчелиных самок на размножающихся маток и бесплодных рабочих особей Кожевников исследует эмбриональное развитие их половых органов и выясняет, что у личинок изначально они закладываются одинаково устроенными, но в зависимости от условий выращивания (особенно питания) органы размножения могут полноценно развиваться или редуцироваться, при этом основные различия проявляются при превращении личинки в куколку. Эту работу он начал в 1890-е гг. и рассказал о предварительных её результатах на 11-м Съезде русских естествоиспытателей и врачей в конце 1901 г. в Санкт-Петербурге (Анон., 1902). В частности, полученные им результаты показали, что «различие между вполне развитыми и недоразвитыми самками у перепончатокрылых зависит не непосредственно от влияния пищевого режима, […] а от того стимула, который питание даёт к развитию в том или ином направлении» (там же, с. 88). Но при определённых условиях у некоторых рабочих пчёл (их принято называть трутовками) репродуктивные функции частично сохраняются и они начинают откладывать неоплодотворённые яйца, хотя и не столь регулярно, как матки, при этом прилежно выполняя рабочие функции (летают за взятком и т. п.). Таким образом, эти два основных «функционала» пчелиной семьи — матки и рабочие пчёлы — формируются на единой личиночной морфогенетической основе, а их специализация, характерная для имаго, формируется в ходе онтогенеза, поэтому между ними нет непреодолимой преграды.

Для ответа на вопрос о характере и причинах различий между матками и рабочими пчёлами у медоносной пчелы большое значение имело открытие Г.А. Кожевниковым анатомически переходной формы между ними — сначала в природных, а затем и в экспериментальных условиях. Точнее говоря, наш пчеловод-естествоиспытатель летом 1919 г. обнаружил на Измайловской пасеке в маточнике две особи, по многим признакам промежуточные между пчелиными матками и рабочими пчёлами. Сразу же после этого он сделал краткие сообщения о своём открытии на заседаниях комитета пасеки, Зоологического отделения ОЛЕАЭ и МОИП, а затем опубликовал подробное описание этих особей и объяснение биологической сути открытия в «Пчеловодном деле» и в «Биологических известиях» (Кожевников, 1921б, 1923в). Примечательно, что Кожевников назвал обнаруженную им в Измайлове аномальную личинку и выведенную из неё куколку женскими именами «Елена» и «Ольга», соответственно (Кожевников, 1925г) — в честь своих рано умерших дочерей (о них см. раздел 1.3). Через несколько лет университетскому

профессору и его сотрудникам на Тульской и Измайловской пасеках удалось экспериментально, меняя условия выращивания личинок, получить ещё двух особей, промежуточных по строению между маткой и нормальной рабочей пчелой; их назвали «Тула» и «Тэфи» (Кожевников, 1925г, 1928б).

Г.А. Кожевников обсуждает этот необычный случай с эволюционной точки зрения и усматривает в своеобразном сочетании органов у обнаруженных им аберрантных существ «не нелепое, а вполне соответствующее предполагаемой филогенетической стадии [ранней] эволюции пчелы» (Кожевников, 1923в, с. 6). Исследователь был уверен, что это его открытие имеет более общее биологическое значение, поскольку «совершенно неожиданным образом проливает новый свет на вопрос о полиморфизме насекомых» (там же, с. 1). Об этом удивительном открытии была даже заметка в газете «Известия» в декабре 1924 г., автор которой пишет, что «проф. Г.А. Кожевникову удалось как бы воссоздать конкретно ту первобытную форму, существование которой предполагалось только теоретически» (Анон., 1924а).

К пониманию причин и разных форм социальности у пчёл Г.А. Кожевников подходит с присущей ему основательностью, рассматривая их с эволюционных позиций. В своей книге «Как живут и работают пчелы» он пишет (Кожевников, 1930б, с. 190–191):

> Существует великий *закон эволюции*, в силу которого всё существующее произошло в результате постепенных изменений ранее бывшего […]. В силу этого закона мы имеем полное основание предположить, что в давнишние времена (не сотни и не тысячи, а многие *сотни тысяч* лет тому назад) пчелиная семья была не такая, как теперь.

Исследование в таком ключе устройства семей у разных видов и пород пчёл, а также у их ближайших родичей — шмелей и ос, позволяет Кожевникову выдвинуть оригинальную гипотезу о том, каким образом в процессе эволюции этого примечательного представителя отряда перепончатокрылых насекомых формировалась пчелиная семья, включающая несколько резко различных форм (рис. 4.13). Его гипотеза была настолько хорошо обоснована фактами и детально проработана теоретически, что полностью подтверждена современными исследованиями (Радченко, Песенко, 1994).

Разработку своей гипотезы Г.А. начинает с анализа разнообразия форм социальной организации пчёл и их родичей и разделяет эти формы на эволюционно исходные (простые) и производные (сложные), а сами сравниваемые виды — соответственно, на эволюционно менее и более продвинутые. Проанализировав характер распределения этих форм социальной организации среди перепончатокрылых, он решает, что для медоносной пчелы исходным был вариант, при котором в пчелиной семье не существовало разделения труда (функций) между самками: все они на равных и размножались, и летали за взятком, и строили соты[3]. Кожевников полагает, что для таких примитивных пчёл, как и для шмелей и земляных ос, было характерно большое количество малых семей; затем по мере специализации возникло и стало всё более усиливаться разделение труда, свойственное самым продвинутым видам пчёл. При этом одни (немногие) самки стали матками — «машинами для откладки яиц», у них получила гипертрофированное развитие система органов размножения, тогда как многие структуры, не имеющие к размножению прямого отношения, уменьшились. Прочие же (преобладающие в числе) самки превратились в рабочих пчёл, соответственно чему у них редуцировался яичник, яйцеклад превратился из части органа размножения в особое оружие — жало, и сильнее развилось всё то, что обеспечивает их деятельность в качестве сборщиков, строителей, кормильцев и защитников.

По мере углубления это разделение труда сопровождалось перестройкой организации пчелиного семейства: уменьшением числа маток, в пределе до одной на семью, и зна-

[3] По сути его подход соответствует методу внешней группы в современной (кладистической) версии филогенетики (о ней см.: Павлинов, 2005).

чительным увеличением числа рабочих пчёл, вследствие чего размеры семей значительно увеличиваются. При этом возникает ещё одна специфическая социальная группа — самцы-трутни: их единственной жизненной функцией является оплодотворение самок. Останавливаясь на последнем пункте, Г.А. Кожевников особо подчёркивает, что поскольку спаривание происходит вне улья в воздухе, чем больше трутней вылетает в период размножения, тем больше шансов у самок встретиться со своими «оплодотворителями» (термин Кожевникова). На этом основании он резко критикует бытующее у пчеловодов-практиков мнение о том, что трутни якобы не нужны пчелиной семье; напротив, он настаивает на том, что о трутнях следует заботиться так же, как о матках, поскольку они также несут в своих зародышевых клетках породные признаки пчёл. Решение этого как будто чисто практического вопроса Кожевников видит в детальном изучении размножения пчёл, включая особенности их спаривания, оплодотворения и ранних стадий эмбриогенеза (Кожевников, 1901а).

Важной частью такого (как сейчас принято говорить) эволюционного сценария становится заключение Григория Александровича «о большей или меньшей первобытности пчелиных разновидностей и пород» (Кожевников, 1900б, с. 61). У первых в семьях достаточно мирно сосуществуют несколько маток и встречаются мелкие матки-трутовки, у вторых одна матка на семью и трутовок почти нет. Он полагает (там же, с. 61, 62), что строение семей ныне живущих «первобытных» пчёл является фактически атавистическим и потому, образно говоря,

> может быть рассматриваемо как воспоминание о давно прошедших временах, как пережиток первобытного строя пчелиной семьи. […] Современное состояние пчелиной семьи, где одна матка откладывает яйца и совершенно не работает, а множество рабочих работают, […] выработалось постепенно из семьи, где было много равноправных самок, могших и работать, и откладывать яйца. […] Современное бесплодное состояние рабочих пчёл есть, конечно, свойство, приобретённое постепенно.

На основании своей эволюционной схемы Кожевников установил, что среди российских аборигенных пород «первобытными» являются кавказские и башкирские пчёлы, а наиболее продвинутыми — среднерусские. В целом же, по его мнению, медоносная пчела как биологический вид ещё не завершила своё эволюционное развитие в том направлении, которое приводит (в современной терминологии) к эусоциальности в её крайнем выражении; это как раз и проявляется в неустойчивости организма пчелиных самок, строение имаго у которых сильно зависит от условий выращивания личинок (Кожевников, 1925г,д, 1928б, 1929а, 1934).

Одним из характерных биологически важных результатов такой эволюции социальной организации пчёл является их явная склонность к роению (Кожевников, 1930б, 1934): если семья сильно разрастается, в период размножения «лишние» матки при определённых условиях не разлетаются поодиночке, а забирают с собой некоторое количество рабочих пчёл и трутней. Они все вместе формируют рой (рис. 4.14), в результате чего новая семья формируется «не с нуля», а имея определённый задел, что несомненно повышает её выживаемость. Центральное место в рое занимает оплодотворённая матка: если она погибает или по какой-то причине остаётся неоплодотворённой, такой рой обречён на гибель. Рассматривая пчелиную семью как основную биологическую единицу социальной организации этого вида, Кожевников весьма примечательно трактует пчелиный рой — для него последний подобен детёнышу у других (несоциальных) животных. Он полагает, что «для вида важнее большое количество маленьких семей, чем маленькое количество больших» (Кожевников, 1906ж, с. 584). На этом основании он подчёркивает, что пчёлам, «чтобы не вымереть, необходимо непрерывное увеличение числа биологических единиц, т. е. семей, необходимо роение»; поэтому «само

существование пчёл без роения невозможно» (Кожевников, 1930б, с. 183, 184).

Рассматривая с разных сторон биологические особенности пчёл, составляющие основное содержание жизнедеятельности их семьи, Г.А. Кожевников неизбежно обращается к поведению и особенно к лежащим в его основе инстинктам. В 1890-е гг. Г.А. публикует по этому поводу несколько статей, одна из которых названа «К вопросу об инстинкте», в ней он сообщает о своих экспериментах по изучению строительного инстинкта пчёл (Кожевников, 1895). Этому вопросу посвящён раздел в книгах нашего профессора, изданных в начале 1930-х гг. (см. раздел 3.9). О том, насколько велик интерес их автора к инстинктивному поведению пчёл, можно судить по объёму данного раздела: в книге «Как живут и работают пчелы» он самый большой, занимает чуть ли не 50 страниц (Кожевников, 1930б). В нём рассмотрены формы инстинктивного поведения (рефлексы, тропизмы и др.), основные инстинкты пчёл (размножение, строение сот разного типа, сбор взятка, роение, выкармливание потомства, возвращение к родному улью и др.), как определяемые ими особенности поведения зависят от внешних (в частности, от погодных) условий. Здесь же описываются возрастные изменения поведения пчёл и разделения труда в пчелиной семье с опорой на результаты, полученные немецким энтомологом Г. Решем (Heinrich Resch).

***

Одним из важных практических результатов изучения Кожевниковым биологии пчелиной семьи стало переоткрытие им опасной болезни пчёл — нозематоза. Её возбудителем является микроспоридия *Nosema apis* — одноклеточный паразит средней кишки взрослых пчёл, вызывающий у них сильное расстройство пищеварения и в конечном итоге гибель (Fries, 2010). Впервые это заболевание у пчёл обнаружил отечественный миколог Н.В. Сорокин, описавший его возбудителей в своей монографии «Растительные паразиты» в 1882 г., но его открытие прошло мимо внимания пчеловодов (Полтев, 1968). Г.А. познакомился с этой болезнью во

Рис. 4.14. Типичный рой медоносной пчелы (https://forum fermer.ru/wp-content/uploads/6/5/3/653b5c3e6a16d8dff0ffa73a4e9a4c6f.jpeg)

время своего визита в 1912 г. на Баварскую опытную пчеловодную станцию в Эрлангене (основана Е. Цандером в 1907 г.). По возвращении в Россию, вооружённый этим знанием и научившись опознавать больных пчёл, он обнаружил их на Измайловской пасеке и после обследования выявил вызывающих это заболевание микропаразитов (Кожевников, 1914д). Кожевников дал название заболеванию, описал его симптоматику и течение, обратил внимание пчеловодов на его опасность и предложил ряд зоотехнических мер для борьбы с ним. В 1913 г. он опубликовал несколько сообщений о своём открытии (в годовом отчёте о работе Измайловской пасеки, в журнале «Пчеловодная жизнь», на 7-м Всероссийском съезде пчеловодов); в 1930 г. составил отчёт «Результаты работы по обследованию нозематоза в 1930 г.» для Отдела животноводства Наркомзема (АрхМГУ.

Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 200). В 1968 г. в журнале «Пчеловодство» В.И. Полтев напечатал статью Г.А. Кожевникова «Наблюдения над ходом нозематоза» по его ранее не публиковавшейся рукописи (Кожевников, 1913и).

4.5. Пасеки и выставки

Как было отмечено выше (см. раздел 2.1), общая стратегия проф. А.П. Богданова в продвижении научных знаний в народные массы, привитая им его ученикам и во многом определившая характер их профессиональной деятельности, а равно их успех и заслуженное общественное признание, заключалась в тесной взаимосвязи трёх основных аспектов этой деятельности — исследовательского, просветительского и организационного. В конце XIX и начале XX вв. такого рода деятельность на ниве пчеловодства была особенно востребована: данная отрасль сельского хозяйства находилось явно на подъёме, в связи с чем организовывались пчеловодные общества, проводились их съезды, устраивались выставки, издавались многочисленные практические руководства. Г.А. Кожевников с самых первых лет своей службы в МУ с полной отдачей включился в это движение.

Его восхождение по лестнице научного пчеловедения было во многом связано с Измайловской опытной пасекой (очень кратко охарактеризована выше), где он начал работать в 1889 г., будучи оставленным при МУ на Кафедре зоологии для подготовки докторской диссертации. С одной стороны, начинающий пчеловед собрал там значительный биологический и анатомический материал, позволивший ему подготовить замечательную диссертационную работу по естественной истории пчелы (также охарактеризована выше). С другой стороны, большую роль в формировании научно-общественных устремлений Кожевникова сыграло то, что на этой пасеке с 1882 г. проводились почти все заседания Отделения пчеловодства при ОАЖР. Благодаря этому Г.А. смог ближе сойтись со старшими членами «богдановского кружка», которые в 1880–1890-е гг. принимали активное участие в организации пчеловодных выставок, — Н.В. Насоновым, Н.Ю. Зографом и Н.М. Кулагиным, а также с учеником Бутлерова И.А. Каблуковым.

Понятно, что и сам Г.А. Кожевников с самого начала своего пребывания на Измайловской пасеке оказался вовлечённым в подготовку и проведение этих выставок; первой из них стала уже упоминавшаяся Всероссийская выставка пчеловодства, проведённая под руководством Н.Ю. Зографа в 1890 г. в связи с 25-летней годовщиной этой пасеки. Наш герой в последующем принимал деятельное участие во многих значимых съездах и выставках, которые проводили российские пчеловоды, готовя для них препараты и муляжи, делая научные доклады, читая популярные лекции и выступая с «воскресными чтениями» (как их называл Богданов). В частности, в кратком описании деятельности Измайловской пасеки за 1900-е гг. Г.А. отмечает, что ежегодно читал на учебных курсах при ней по восемь двухчасовых лекций (Кожевников, 1909а).

Наверное, имеет смысл уточнить, что ныне приписываемое Кожевникову авторство деревянного макета медоносной пчелы, который он демонстрировал на этих курсах, до недавнего времени хранившегося на Кафедре зоологии беспозвоночных Московского университета (Малахов, 2006), ошибочно. Как пишет сам Г.А., этот макет был изготовлен в некой мастерской Дейроля и выписан оттуда для Отдела прикладной зоологии Политехнического музея. Кожевников впервые демонстрировал его в декабре 1890 г. на соединённом заседании Отделов беспозвоночных и пчеловодства ОАЖР (Калужский, 1891).

Очень скоро после того, как Г.А. Кожевников приступил к изучению медоносной пчелы, он становится активным и признанным членом российского пчеловодного сообщества: его избирают в члены только что учреждённого РОП, он участвует с докладами о жизни и породах пчёл на первых Съездах русских пчеловодов — в 1893 г. в Санкт-Петербурге, в 1898 г.

в Тифлисе и в 1899 г. в Москве. В 1900 и 1902 гг. Г.А. участвует в работе 2-го (во Франции) и 3-го (в Голландии) Международных конгрессов по пчеловодству, причём в Голландию его командировало (по рекомендации РОП) Министерство земледелия и государственных имуществ с соизволения Государя Императора (Кожевников, 1902к). Парижский пчеловодный конгресс его организаторы приурочили к проведению Всемирной выставки, на которой был организован пчеловодный отдел с демонстрацией в нём экспонатов музея Измайловской пасеки (Кулагин, 1902), так что, надо полагать, Кожевников участвовал и в этой выставке. На конгрессе в Голландии он был вице-президентом распорядительного комитета и председателем одной из секций, выступил с двумя докладами — «Об уме и инстинкте пчёл» и «О врагах пчёл в России» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 87, 88, 96). Как мы указали выше, в 1901 г. Кожевникова избирают почётным членом РОП, а в 1902 г. — товарищем (заместителем) председателя Совета Отделения пчеловодства ОАЖР (рис. 4.15) (там же. Ед. хр. 528). В 1911 г. Г.А. принимает участие в работе 5-го Международного конгресса по пчеловодству (Италия) по приглашению его оргкомитета. В 1913 г. он делает доклад о случае гермафродитизма у пчёл на 9-м Международном зоологическом конгрессе в Монако (Kojewnikov, 1914). «При основании в Турине международного Музея пчеловодства [Museo dell'Apicoltura] был избран представителем России в Комитет музея» (Редакция, 1924, с. 39). В 1915 г. Кожевникова избирают товарищем (заместителем) председателя бюро по организации съезда пчеловодов в Москве (председателем бюро был Н.М. Кулагин) (объявление в газете «Новь»: АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 137).

Характеризуя деятельность Г.А. Кожевникова на пчеловодном поприще (а также в организации охраны природы, см. раздел 5.4), следует отметить, что он в той или иной степени находился «в тени» своего старшего коллеги Н.М. Кулагина, не раз упоминавшегося выше (рис. 4.16). Как мы отметили ранее,

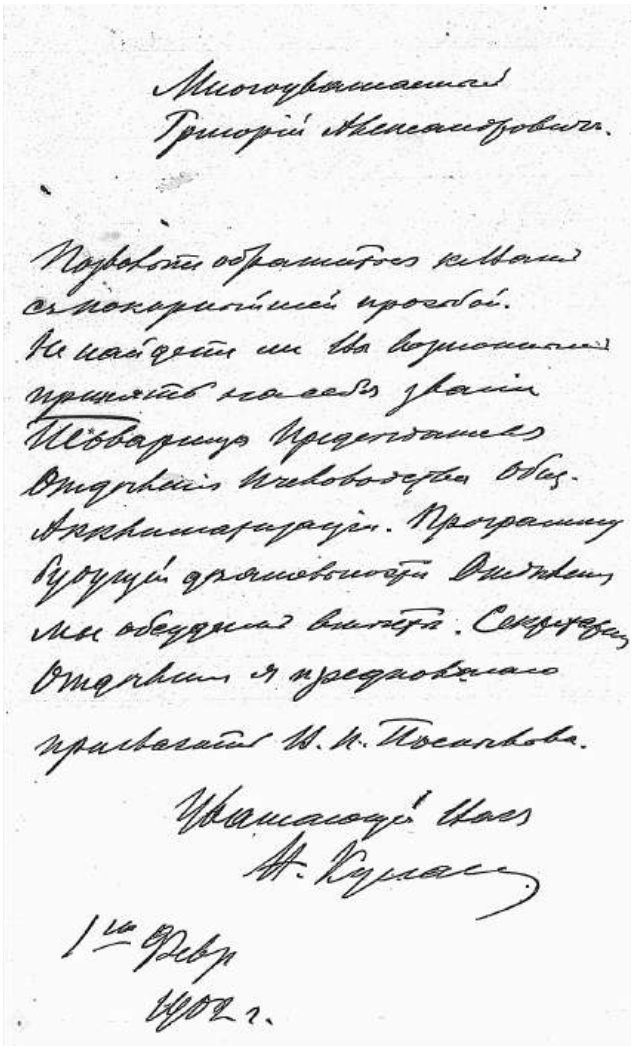

Рис. 4.15. Письмо Н.М. Кулагина к Г.А. Кожевникову (февраль 1902 г.) с предложением «принять на себя звание Товарища председателя Отделения пчеловодства» ОАЖР (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 52)

последний на несколько лет раньше Кожевникова оказался вовлечённым в пчеловодную тематику и поэтому на несколько лет раньше него получил докторскую степень (Кузнецов, 1960). Благодаря этому и будучи очень активным организатором, Кулагин уже к середине 1890-х гг. успел завоевать высокий авторитет и у коллег-учёных, и у пчеловодов-практиков. В 1896 г. он возглавил Третью передвижную пчеловодную выставку, в 1902 г. был избран председателем Совета Пчеловодного отделения ОАЖР и возглавил «Русский пчеловодный листок», в 1905 г. руководил работой Московского и в 1909 г. Киевского съездов отечественных пчеловодов (Попов, 1913), в 1908 г. председа-

Рис. 4.16. Совместная фотография Н.М. Кулагина (слева) и Г.А. Кожевникова (справа), предположительно 1910-е гг. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 399)

тельствовал на заседаниях секции пчеловодства, выделенной в рамках Всероссийского юбилейного акклиматизационного съезда (Зограф, Грацианов, 1909). Наконец, в 1910 г. Кулагин участвовал в первом Всеславянском съезде пчеловодов в Софии, на котором его избрали председателем только что учреждённого Всеславянского союза пчеловодов (позже назван Апиславией); в 1912 г. организовывал работу 3-го Всеславянского съезда пчеловодов в Москве (Попов, 1913). Он же стоял у истоков систематического преподавания пчеловодства, предложив на Всероссийском съезде пчеловодов в 1915 г. (Киев) рассмотреть программу создания при высших учебных заведениях специальных кафедр пчеловодства. Как можно полагать, Кулагин по мере возможности содействовал успешной карьере Кожевникова на пчеловодном поприще: например, именно он предложил кандидатуру своего молодого коллеги на должность товарища (заместителя) председателя Пчеловодного отделения при ОАЖР в 1902 г. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 528). Таким образом, если первоначальным толчком, направившим Г.А. на занятия пчеловедением, было профессорское слово А.П. Богданова, то в его формировании и продвижении как признанного отечественными пчеловодами учёного и просветителя значительную роль сыграл, очевидно, Н.М. Кулагин.

В общественном признании достижений Г.А. Кожевникова в области учёного пчеловедения были и определённые «провалы». Один из них, наиболее явственный, случился на вышеупомянутом Юбилейном акклиматизационном съезде в 1908 г. В самом начале его работы, когда «баллотировали» (выбирали) председателя рабочих заседаний секции пчеловодства, Н.М. Кулагин получил от 32 до 57 голосов, пчеловод-практик М.А. Дернов — от 12 до 20 голосов, тогда как наш герой — всего от 1 до 3 голосов (Зограф, Грацианов, 1909, с. 9). Трудно сказать, с чем была связана такая его обструкция, — возможно с тем, что в это время Г.А. почти отошёл от пчеловодных дел и основное внимание уделял пропаганде идей охраны природы (см. раздел 5.3).

***

В деятельности Г.А. Кожевникова на пчеловодном поприще в 1910 г. происходят два важных события, свидетельствующих о несомненном признании его заслуг. Одно из них — избрание Г.А. действительным членом Отделения пчеловодства ОАЖР, о чём его официально извещает председатель названного отделения Н.М. Кулагин (рис. 4.17) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 214). Другим событием стало его избрание заведующим Измайловской опытной пасекой в в связи с кончиной Ф.С. Ма-

чалкина. Согласно Устава ОАЖР, заведующий пасекой избирался её Комитетом на трёхлетний срок — и Кожевников будет переизбран в этой должности ещё раз в 1913 г.

Эта новая должность весьма обнадёжила Кожевникова, предоставив ему возможность «использовать своё заведование для производства некоторых намеченных уже давно исследований, которые вряд ли кто сможет сделать в более удобных условиях, чем я, [став] господином пасеки в 80 ульев» (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 179, 179об). Для усиления научного направления на пасеке Г.А. налаживает работу лаборатории при ней: к этому его побуждает уверенность в том, «что зоологические лаборатории и пчельники далеко друг от друга, и часто нельзя сделать нужных наблюдений на пчельнике за отсутствием лабораторной обстановки» (Кожевников, 1902к, с. 19). В 1915 г. прежнее деревянное здание Пчеловодного музея перестроили, сохранив фасад и общий план, но заменив деревянные стены железобетонными (Анон., 1915; Кожевников, 1916д, 1925б; Шпагин, 2014).

Важной заботой нового руководителя становится утверждение положения Измайловской опытной пасеки в качестве ведущего учебно-научного центра пчеловодства в России (Кожевников, 1925б). Едва возглавив эту пасеку, Кожевников со страниц «Вестника» обращается «ко всем, сочувственно относящимся к развитию русского пчеловодства, с покорнейшей просьбой помочь […] собрать возможно полную пчеловодную библиотеку» (Кожевников, 1911л, с. 102). Он участвует в организации ежегодных летних учебных курсов при ней и закрепляет их высокий статус, ранее достигнутый усилиями Мачалкина. Для этого он расширяет число слушателей курсов, в том числе допустив к ним женщин (рис. 4.18), сам читает естественную историю пчелы и теорию пчеловодства, включая принципы обустройства пчельников и ульев, несколько его учеников читают ботанику применительно к целям пчеловодства. Также измайловские курсанты слушали лекции по практике пчеловодства,

ИМПЕРАТОРСКОЕ

Русское Общество Акклиматизаціи

ЖИВОТНЫХЪ и РАСТЕНІЙ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЧЕЛОВОДСТВА

въ засѣданіи своемъ сего - - - - - - - 1910 г. избрало:

Профессора Григорія Александровича

Кожевникова

СВОИМЪ ЧЛЕНОМЪ.

Председатель Отдѣленія Пчеловодства

Секретарь Отдѣленія Пчеловодства

Рис. 4.17. Официальное извещение Г.А. Кожевникова о его избрании действительным членом Отделения пчеловодства ОАЖР (1910 г.) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 312. Л. 214)

с 1915 г. на курсах читались лекции по химии мёда и воска, их курировал И.А. Каблуков (Кожевников, 1911м, 1912г, 1913к, л, 1914д, 1925б). Проведение курсов оплачивал Департамент земледелия; набор слушателей проводился согласно особым правилам, утверждённым Комитетом пасеки; те слушатели, которые посещали курсы два сезона, сдавали экзамены и по их положительным результатам получали удостоверения инструкторов-пчеловодов, из-за чего сами курсы стали называться «инструкторскими» (Кожевников, 1911м, 1914г). Необходимые разъяснения по этому поводу Г.А. изложил в 1911 г. на Всероссийском съезде пчеловодов в Казани, а также в нескольких журнальных публикациях (Кожевников, 1911н, 1913к,л). Выпускные экзамены, успешная сдача которых давала право на получение желанного удостоверения, были более чем серьёзные:

Рис. 4.18. Групповая фотография выпускников пчеловодных курсов Измайловской пасеки вместе с их руководителем Г.А. Кожевниковым (1917 г.) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 381)

экзаменационную комиссию формировал Совет отделения пчеловодства ОАЖР из числа ведущих пчеловедов Москвы под неизменным председательством Н.М. Кулагина. Г.А. Кожевников работал в этой комиссии начиная с 1904 г. (рис. 4.19), но это случалось не каждый год: так, он не указан в её составе в 1912 и 1913 гг. (Кожевников, 1913м, 1914г). Члены комиссии составляли вопросы по естественной истории пчёл и по практике пчеловодства, перед экзаменами курсанты писали два сочинения на заданные темы (Кожевников, 1909а; Неделя…, 1912). В 1912 г. Кожевников был командирован Департаментом земледелия в Эрланген на Баварскую опытную пчеловодную станцию для обмена опытом с её заведующим проф. Флейшманом (Кожевников, 1913к); как мы отметили выше, одним из важных результатов этой поездки стало обнаружение у измайловских пчёл нозематоза.

В том же 1912 г. по предложению Г.А. Кожевникова на Измайловской опытной пасеке провели специальное заседание выше упомянутого 3-го (московского) Всеславянского съезда пчеловодов, на котором он прочитал доклад «Значение изучения строения и жизни пчелы в целях практического пчеловодства» (Кожевников, 1913к). В 1913 и 1914 гг. Г.А. организовал съёмку кинофильма о работе своей пасеки (первые опыты такого рода относятся к концу 1890-х гг.), в котором были запечатлены все работы пчеловодческого сезона с ранней весны до осени (Кожевников, 1914д; Анон., 1914; Шабаршов, 1990). Кроме курсов, Кожевников в летнее время читал для посетителей пасеки до десятка лекций по пчеловодству — так называемых «воскресных общедоступных бесед» наподобие «воскресных чтений», ранее устраиваемых А.П. Богдановым в Политехническом музее (Анон., 1915; Кривошеина, 2015). Наконец, Г.А. читал, кроме отчётов, популярные лекции на годичных заседаниях пасеки: напр., в 1914 г. им была читана лекция «Новые данные о питании пчёлами своих личинок» (Анон., 1915).

Рис. 4.19. Групповая фотография части членов экзаменационной комиссии пчеловодных курсов Измайловской пасеки (1914 г.) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 384)

О большой популярности пасеки и значимости Григория Александровича как просветителя свидетельствует большое количество её посетителей — до 1700 человек ежегодно, для их учёта была заведена картотека по примеру музейского каталога (Кожевников, 1912г, 1925б).

Чтобы результаты научных и научно-практических работ на Измайловской пасеке не пропали даром, Г.А. Кожевников в 1917 г. затеял серию публикаций под общим названием «С Измайловской опытной пасеки» в журнале «Русский пчеловодный листок». За его авторством вышло несколько небольших заметок, каждая со своим номером и названием: «Улей Дадана», «Пчелы и огород», «Сорта искусственной вощины» и др. (Кожевников, 1917г). С 1918 г. эту серию попытался продолжить ученик Г.А. — Ф.А. Тюнин, но мы видели только одну его публикацию (Тюнин, 1918) .

В конце 1910-х гг., в связи с послереволюционной экономической разрухой в стране, положение Измайловской опытной пасеки значительно ухудшилось; подобная ситуация продолжилась и в первой половине 1920-х гг. (Кожевников, 1925б). В 1920 г. пасеку национализировали и передали в подчинение Отдела животноводства Наркомзема РСФСР, а на следующий год ввели в структуру Высшего зоотехнического института (учреждён в 1920 г.). При национализации её заведующим сначала на год назначили Ф.А. Вишнякова, а затем А.Е. Титова (Жизнь…, 1921); последний в 1900-е гг. прошёл хорошую школу промышленного пчеловодства в США и в предвоенное время практиковался у Г.А. в Измайлове (Кожевников, 1912г; Жизнь…, 1921); Кожевников же остался в штате пасеки в должности «учёного сотрудника» (Жизнь…, 1921). В 1924 г. Измайловскую пасеку сняли с госбюджетного финансирования, но прежний порядок приёма на курсы и сдачи экзаменов на звание инструктора по пчеловодству её руководители всё-таки смогли ещё какое-то время сохранять (рис. 4.20) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 138б; Ед. хр. 218. Л. 12, 13; Кожевников, 1925б); в 1928 г. супруга Г.А. вспоминает, что «курсанты Измайлов[ской] пасеки после экзаменов преподнесли Грише букет из хризантем и роз» (СПбФ АРАН. Ф. 261. Оп. 2. Д. 17. Л. 19). В 1925 г. российские пчеловоды

Рис. 4.20. Преподаватели и слушатели Измайловских пчеловодных курсов (осень 1924 г.); Г.А. Кожевников сидит в центре первого ряда, по левую руку от него Н.М. Кулагин (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 389)

отметили 60-летие Измайловской пасеки: по этому поводу в августе на ней было организовано представительное собрание, на котором Кожевников выступил с большим докладом, посвящённом её истории; текст доклада опубликован в «Пчеловодном деле» (Кожевников, 1925б). В 1927 г. А.Е. Титова перевели на другую работу и пасека под новым руководством стала довольно быстро приходить в запустение, о чём с огорчением пишет М.А. Кожевникова в одном из своих писем (СПбФ АРАН. Ф. 261. Оп. 2. Д. 17. Л. 15об).

В 1930-е гг. Измайловская опытная пасека перестала существовать, её сооружения были приспособлены под жильё; после войны жильцы были выселены, а постройки передали в ведение Измайловского лесопарка; в 1972 г. почти все они, кроме железобетонного музейного павильона, были уничтожены пожаром (Алтухов, 1989). В 2002 г. пасеку восстановили и преобразовали в эколого-просветительный центр «Царская пасека», подчинив Департаменту природопользования и охраны окружающей среды г. Москвы (Лебедев, Касьянов, 2014).

В 1920-е гг. в сферу заинтересованного внимания Г.А. Кожевникова попала Тульская опытная пчеловодная станция, созданная в 1919 г. Её родоначальником была опытно-учебная пасека Тульского губернского общества пчеловодов, организованная пчеловодом-практиком А.С. Буткевичем, после организации станции её возглавил ученик Кожевникова, уже упоминавшийся Ф.А. Тюнин (Клочкова, 2016). Направляясь на Тульскую станцию, последний имел определённые задания от своего учителя по экспериментам над пчелиными семьями и выращиванием пчелиного приплода при разных условиях. Примечательно, что Тюнин ни в малой мере не был настроен стать пчеловодом-практиком, выражая это в одном из своих писем: «Стать пчеловодом, даже инструктором, для меня неинтересно, но взять отрасль энтомологии — пчеловодство — как основу для научных работ — это моё желание» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 598. Л. б/н). Г.А. частенько

Рис. 4.21. Фотография Г.А. Кожевникова (в центре) с группой сотрудников Тульской пчеловодной станции (лето 1924 г.); по правую руку от Г.А. — Ф.А. Тюнин (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 390)

наведывался на станцию (рис. 4.21), помогал советом и делом её сотрудникам, содействовал Тюнину в издании журнала «Опытная пасека»; ежегодно направлял туда своих учеников и учениц для прохождения практики и в качестве лаборантов. Между ним и Тюниным до конца жизни профессора велась оживлённая переписка: они обсуждали деятельность Тульской станции, успехи и неудачи университетских практикантов, детали проведения запланированных экспериментов.

Григорий Александрович постоянно стремился расширить свою пчеловодную аудиторию: в 1920 г. он затеял цикл общедоступных лекций по пчеловодству в Московском зоосаде (рис. 4.22), а позже организовал там же «повторительные курсы для инструкторов по пчеловодству» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 105а, 217). С 1924 г. Кожевников организовал на Кафедре зоологии МУ полноценный учебный курс «Естественная история пчелы», в рамках этого курса профессор читал лекции и проводил семинарские занятия (Пчеловодство…, 1926), слушатели курса проходили летнюю практику на Измайловской пасеке и на Тульской пчеловодной станции (Отчет…, 1927). Некоторые из подготовленных им в эти годы учеников в последующем станут одними из ведущих пчеловодов страны: Л.И. Перепелова будет постоянной соратницей и женой Ф.А. Тюнина, они вдвоём напишут многократно переиздававшуюся книгу «Работа на пасеке»; П.М. Комаров возглавит Лабораторию биологии пчёл в НИИ пчеловодства (Хабиева, 2016).

На протяжении 1920-х гг. Г.А. Кожевников, несмотря на занятость в налаживании охраны природы в стране, продолжал по мере сил участвовать в «общественной» жизни отечественных пчеловодов. Он по-прежнему активно участвовал в рабочих заседаниях на съездах и совещаниях, которые в начале 1920-х гг. проходили чуть ли не ежегодно на разных уровнях. Так, в 1922 г. Г.А. сделал доклад на 1-м Всероссийск. совещании по опытному делу в пчеловодстве; в 1923 г. на 1-м Съезде пчеловодов Московской губ. в своём докладе он обратил внимание на необходимость при разработке рекомендаций по практическому пчеловодству учитывать географическую специфику российских регионов; другой его доклад был о нозематозе пчёл. На совещании пчеловодов на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве, состоявшемся в том же 1923 г., Кожевников рассказал присутству-

Первый ГОСУДАРСТВЕННЫЙ Московский
ЗООЛОГИЧЕСКИЙ САД
ОБЩЕДОСТУПНЫЕ
ВОСКРЕСНЫЕ ЧТЕНИЯ
ПО ПЧЕЛОВОДСТВУ.
С ВОСКРЕСЕНЬЯ 8 Февраля
в Государственном Московском Зоологическом Саду
(угол Красной Пресни и В. Грузинской ул.)
НАЧИНАЮТСЯ
ОБЩЕДОСТУПНЫЕ ЧТЕНИЯ ПО ПЧЕЛОВОДСТВУ
профессора Московского Государственного Университета и Заведующего Измайловской Опытной Пасекой Общества Акклиматизации
Г. А. КОЖЕВНИКОВА
Чтения будут происход. в течение десяти Воскресений от 2-х до 4-х час. дня.
Слушателям будут сообщены все сведения, необходимые для того, чтобы начать заниматься пчеловодством.
ВХОД БЕСПЛАТНЫЙ.
Печать ГОСУДАРСТВЕННАЯ типография, Трехпрудный, 9

Рис. 4.22. Объявление о начале общедоступных чтений по пчеловодству, которые читал Г.А. Кожевников в Московском зоосаде в начале 1920-х гг. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 105а)

ющим о гигиене пчёл в зимнее время, об изменчивости пчёл вообще и об изменчивости маток в особенности. На совещании по борьбе с болезнями пчёл в 1929 г. он представил доклад о распространении пчелиных болезней, подчеркнув необходимость «при изучении географии болезней изучать и местные условия пчеловодства», поскольку «успешная борьба с болезнями возможна только при районировании» (Титов, 1929). Тексты этих докладов были опубликованы в журнале «Пчеловодное дело» за указанные годы (см. библиографический список в Приложении).

В 1924 г. пчеловодное сообщество России отметило 35-летний юбилей научной деятельности Г.А. Кожевникова: в № 2 (с. 27– 41) «Пчеловодного дела» за указанный год была опубликована подборка материалов под общим заголовком «К 35-летнему юбилею профессора Г.А. Кожевникова». Среди этих материалов было сообщение «Чествование проф. Г.А. Кожевникова», опубликованное в «Известях ЦИК СССР», о том, что в феврале 1924 г. в Зоологической аудитории Зоомузея состоялось торжественное заседание ОЛЕАЭ, посвящённое этому событию. На нём юбиляр, предваряя полагающиеся ему по сему случаю дифирамбы, прочёл «блестящую речь на тему “История изучения московской фауны и задачи этого изучения при современном состоянии зоологической науки”» (Анон., 1924, с. 41). В этом сообщении подчёркивалось, что «Г.А. Кожевников был всегда близок к вопросам, предъявляемым к зоологии насущными потребностями жизни. Практическое пчеловодство, борьба с переносчиками малярии, экспедиционная деятельность, вопросы методики преподавания биологии в средней школе, экскурсионное дело, охрана памятников природы».

Так руководящими органами страны был сотворён утвердившийся в сознании и памяти его коллег «официальный» образ героя нашей книги как скорее зоолога-практика, главным образом пчеловеда, чем учёного-мыслителя с широким кругозором и специфическим пониманием смысла научной деятельности. Впрочем, ради справедливости следует заметить, что в послереволюционные годы Г.А. действительно почти не выступал по естественнонаучным вопросам общего порядка, волновавшим его в 1900-е и 1910-е гг. (мы про это писали в гл. 3).

В 1925 г. при ОАЖР было учреждено постоянное Бюро по пчеловодству, в состав которого были включены Кулагин, Кожевников, Титов и Тюнин (В.Л., 1925). Г.А. выступил с докладом об истории Измайловской пасеки на собрании, посвящённом её 60-летию (Собрание…, 1925). В указанном году Кожевников действовал в качестве и. о. председателя правления Отделения пчеловодства ОАЖР (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 218), но в декабре этого года сообщил в письме к Ф.А. Тюнину, что не выставил свою кандидатуру в председатели Отделения пчеловодства ОАЖР (там же. Ед. хр. 598. Л. б/н).

Несмотря на все потрясения, постигшие Г.А. Кожевникова на рубеже 1920-х и 1930-х гг. (см. разделы 1.3, 2.8), он не утратил живого

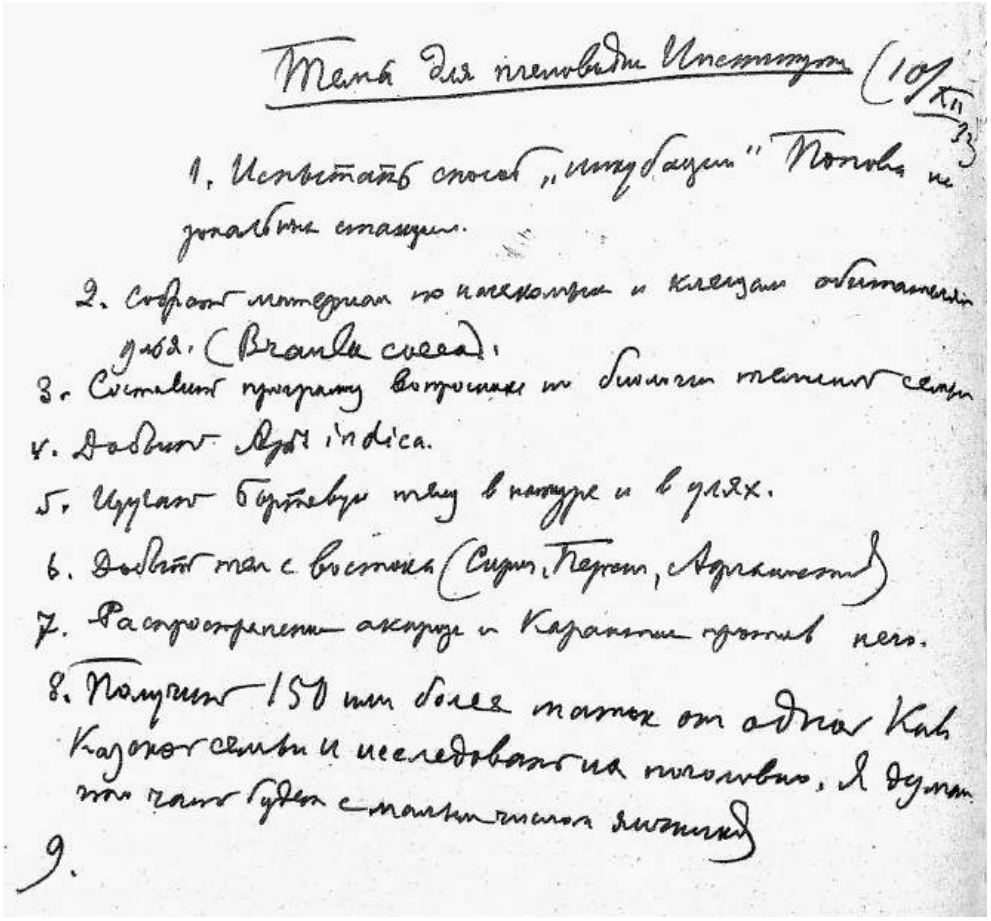

Рис. 4.23. Листок из ежедневника Г.А. Кожевникова (декабрь 1932 г.) с наброском рабочих тем для НИИ пчеловодства (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 71об)

интереса к научной работе с пчёлами и не собирался её прекращать. Об этом свидетельствует его обращение к российским пчеловодам, опубликованное в 1932 г. в журнале «Пчеловодство»: оно называлось «Нужен материал для изучения матки» (Кожевников, 1932). Учёный предполагал произвести «опыты над влиянием воспитания маток на их качества», анатомировать их для исследования строения яичников и надеялся, что «должны получиться интересные данные». Увы, этим планам не суждено было осуществиться…

В 1930 г. на базе Тульской пчеловодной станции был организован НИИ пчеловодства, причём Кожевников присутствовал на совещании, где обсуждался этот вопрос и рассматривалась желательная структура нового института (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 160); сама же станция как самостоятельный учебный пчеловодный центр фактически исчезла. Кожевников был зачислен в штат нового института, участвовал в обсуждении его первых производственных планов и исследовательских тем, писал служебные письма его руководству по разным производственным вопросам (Алпатов, 1933; АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 211. Л. 3; Ед. хр. 352. Л. 71об, 79об); в 1931 г. он участвовал в работе некой «Тульской конференции», ездил на Харьковскую пчеловодную станцию (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 85об). В декабре 1932 г. Г.А. подготовил примерный список научных тем для института, среди них: «Испытать способ “инкубации” Попова на зональных станциях», «Собрать материал по насекомым и клещам — обитателям улья», «Изучение бортевых пчёл в натуре и в ульях», «Добыть пчёл с востока (Сирия, Персия, Афганистан)» и др. (рис. 4.23) (там же. Л. 71об). Иные детали его деятельности в этом институте нам выяснить не удалось.

Рис. 4.24. Обложка первого выпуска журнала «Русский пчеловодный листок» (1886 г.) (Шабаршов, 1990, с. 185)

В начале 1930-х гг. пчеловодное сообщество стало подвергаться гонениям со стороны советской власти, видевшей в нём чуть ли не последний оплот частного предпринимательства на селе (Шабаршов, 1981, 1990). Словно предвидя грядущие значительные перемены в организации пчеловодной деятельности в стране, Г.А. Кожевников в 1930 г. выступил на 4-м Всесоюзном съезде зоологов, анатомов и гистологов с программным докладом «Современные проблемы пчеловодства». Его мнение таково (Кожевников, 1931б, с. 176):

> Главные задачи современного научного пчеловедения должны быть следующие: 1) научно изучить санитарные и гигиенические условия жизни пчёл; 2) выработать наиболее действительные и практичные способы борьбы со всеми болезнями пчёл; 3) внести научную ясность в запутанный вопрос о породах пчёл, обосновавши доступные пчеловодам-практикам признаки различения пород и выяснив, какое значение могут иметь так называемые “породы” в пчеловодном хозяйстве; 4) научно обосновать селекцию пчёл и дать возможность проводить её на практике.

4.6. На страницах пчеловодных журналов

Важной частью перевода российского пчеловодства на рациональные основы с самого начала стало издание пчеловодных журналов: в них печатались статьи учёных, посвящённые рациональному обустройству пчеловодного дела, обсуждались текущие дела (такие как организация местных пчеловодных обществ, проведение выставок и т. п.), предоставлялась возможность практикующим пчеловодам обмениваться своим опытом и мнениями. На протяжении второй половины XIX и в начале XX вв. в России издавалось более двух десятков периодических журналов по пчеловодству (Попов, 1913). Одним из первых таких журналов стал «Русский пчеловодный листок», который учредило ВЭО в 1886 г. (рис. 4.24): его первоначально возглавлял А.М. Бутлеров, после него Д.Н. Анучин (с 1891 г.), а затем Н.М. Кулагин (с 1902 г.) — оба последних «богдановцы». Не менее популярным был «Вестник Русского общества пчеловодов», который издавался с перерывами с 1893 г.; с 1906 г. стал выходить журнал «Пчеловодная жизнь». В 1921 г. вместо этих журналов стало выходить «Пчеловодное дело», издаваемое на базе Измайловской пасеки; с 1932 г. оно начинает выходить под названием «Пчеловодство» (Билаш и др., 1991).

Г.А. Кожевников с первых лет своего активного интереса к пчеловодному делу, наряду с публикациями в «Известиях ОЛЕАЭ», сотрудничал с указанными пчеловодными журналами — сначала как автор, затем также в составе редколлегий. Уже в 1900 г. он печатает в «Вестнике» свой доклад о породах кавказских пчёл, сделанный на Съезде Русского общества пчеловодов (Кожевников, 1900в).

В следующем году наш исследователь публикует в «Русском пчеловодном листке» статью «Свойства различных пород пчёл», носящую отчасти обзорный, а отчасти проблемно-установочный характер. Среди других его ранних журнальных публикаций можно упомянуть «Значение температуры окружающего пчёл воздуха для их жизни и температуры самих пчел», «К вопросу об инстинкте пчел» (Кожевников, 1895а,б). Во второй половине 1890-х гг. он сотрудничает с «Вестником» в качестве члена издающей группы, а с момента учреждения журнала «Пчеловодная жизнь» входит в состав его редакции.

В журнальных выступлениях Г.А. будут преобладать прикладной и просветительский аспекты пчеловодной деятельности, причём многие вопросы изложены в весьма грамотном научном оформлении. Он не устаёт обращать внимание пчеловодов-практиков на необходимость знания естественной истории пчелы, её анатомии и физиологии, поведения, уверяя их, что только на такой основе можно достичь успехов в развитии рационального («разумного») пчеловодства (Кожевников, 1901а). Поэтому даже, казалось бы, самые практические вопросы он старается подавать в некоем теоретическом аспекте (напр., Кожевников, 1914н).

Как мы отмечали ранее, Кожевников не раз обращался со страниц пчеловодных журналов к пчеловодам с просьбой присылать ему живых и засушенных пчёл из разных местностей России, о чём мы упоминали ранее. В одной из таких публикаций 1928 г. он писал, что особенно мечтает «о глухих “медвежьих углах” нашей страны, […] не мудрствовавших с выпиской маток, […] о сохранившихся ещё кое-где, по счастью, *величайшей пчеловодной драгоценности* — бортевых пчёлах» (Кожевников, 1928в, с. 221). Примером результативности таких обращений и плодотворности сотрудничества учёного с практиками служит присылка Кожевникову из Хосты (Черноморское побережье) пчеловодом А.П. Блиновым заспиртованной матки с запиской о том, что она, по-видимому, была вторично оплодотворена. Проанатомировав присланное насекомое, Кожевников подтвердил предположение, подробно описал этот случай в отдельной статье и в заключение отметил особую важность постоянных наблюдений за пчёлами, позволяющих выявлять такие редкие очень интересные явления (Кожевников, 1928г).

На страницах «Вестника Русского общества пчеловодов» Кожевников информировал российских пчеловодов о работе международных конгрессов по пчеловодству, на которых лично присутствовал (упомянуты выше). При этом он исходил из того, что «для тех, кто интересуется исключительно русским пчеловодством, будет небесполезно узнать, о чём хлопочут и спорят их заграничные товарищи по занятию» (Кожевников, 1902к, с. 3). Весьма подробный отчёт Г.А. о Парижском конгрессе 1900 г. занимает 50 стр. в нескольких номерах «Вестника» за 1902 г. Он начинается весьма примечательным комментарием об организационной стороне Конгресса: Кожевников пишет, что «нельзя не удивиться скромности бюджета международного конгресса, скромности, которая совершенно необычна у нас в России», и противопоставляет эту «скромность» отечественной расточительной манере: «У нас в России принято или ничего не устраивать, или устраивать что-либо грандиозное, если не по выполнению, так по замыслу» (там же, с. 6). Достаточно пространное изложение Кожевниковым содержания докладов нередко дополняется его комментариями и собственными данными. Например, сообщение некоего проф. Оммеля (не идентифицирован) о состоянии пчеловодного дела во Франции Г.А. сопровождает сведениями о добыче и стоимости воска и мёда за несколько лет, которые он извлёк «из официального указателя пчеловодного отдела Всемирной выставки» (там же, с. 6). Заседание Второй секции Кожевников открывает докладом, в котором считает необходимым подчеркнуть (там же, с. 21),

> что в своей пчеловодной практике [пчеловоды] пользуются, может быть и не осознавая этого, результатами работ учёных исследователей, положивших основание пчеловодной

науке и продолжающих и теперь её разрабатывать. [При этом] научное изучение пчелы ещё далеко не закончено. Есть ещё много вопросов, которые предстоит решить.

В конце заседания этой секции им «была демонстрирована составленная [им] и изданная “Русским обществом пчеловодства” учебная таблица по пчеловодству», о которой мы уже упоминали выше (там же, с. 30). По материалам заседания Четвёртой секции, посвящённой преподаванию пчеловодства, Г.А. специально отмечает, что «у нас в России считается весьма практичным устройство временных курсов по пчеловодству для народных учителей» (там же, с. 41); в этой оценке он несомненно опирается на опыт работы Измайловской пасеки и многих региональных опытно-образовательных пасек. Участвуя в работе Шестой секции (Пчеловодное законодательство), Кожевников «предложил Конгрессу высказать пожелание, чтобы во всех странах были выработаны специальные пчеловодные законодательства. Это предложение было принято» (там же, с. 48). Свой журнальный обзор он заключает указанием на большую пользу такого рода конгрессов: во-первых, для их участников они «имеют громадное развивающее значение», а во-вторых, побуждают правительства разных государств считаться с высказанными на них мнениями (там же, с. 54).

Через несколько лет Г.А. Кожевников на страницах всё того же «Вестника Русского общества пчеловодства» (1907, № 6–7) сулит информировать российских пчеловодов «о заграничном (немецком и американском) пчеловодстве на основании личных наблюдений во время своей научной поездки по Германии и Америке» (Анон., 1907). В нескольких номерах за указанный год он помещает серию публикаций с общим подзаголовком «Письма из заграницы», в их числе весьма обстоятельный обзор «Немецкие музеи и пчеловодство» (Кожевников, 1907д,ж,з). В нём Кожевников отмечает, что «пока Германия стоит гораздо ниже России в смысле музейного пчеловодства», и подчёркивает, «что “музейское” пчеловодство имеет несомненное значение для пчеловодства практического» (Кожевников, 1907д, с. 192). Что касается впечатлений об американском пчеловодстве, которые Г.А. почерпнул в ходе кратковременных экскурсий во время Международного зоологического конгресса в 1907 г., он обещает рассказать о них в № 10 «Вестника» за 1907 г., но, похоже, это сделано не было.

Интерес Г.А. Кожевникова к вопросам практического пчеловодства и желание поделиться с пчеловодами-практиками своими наблюдениями видны из того, что он нередко публикует в пчеловодной прессе небольшие заметки и комментарии совсем частного характера. Так, среди «Писем из заграницы» он представляет краткий обзор «Исследования над гнильцом», а также любопытное наблюдение о том, что «пчела может вынуть своё жало из тела человека» (Кожевников, 1907и,к). Сугубо практический смысл имеет заметка «Интересное изобретение», в котором Кожевников описывает некое «пчеловодное зеркало», используемое для заглядывания внутрь улья, не причиняя особого беспокойства для его обитателей, подобно тому как стоматолог заглядывает в глубину рта своего пациента. В № 7 «Вестника» за 1909 г. он публикует полемическую статью «Покос и взяток», в которой сплошной покос цветущих лугов справедливо называет «своего рода “катастрофой” в жизни пчёл и других питающихся цветами насекомых» (Кожевников, 1909и). В другом номере за этот же год Кожевников помещает очерк о деятельности Измайловской опытной пасеки за несколько предыдущих лет, акцентируя внимание на работе инструкторских курсов и активности некоторых их слушателей (напр., И.А. Муравьёва) (Кожевников, 1909а). Следует, наконец, упомянуть рукописный текст «Новое о мёде и сахаре», который Г.А. подготовил к публикации в 1920-е гг. (статья напечатана, видимо, не была) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 15).

Как мы отметили выше (см. раздел 2.4), Г.А. Кожевников в своих лекциях стремился использовать новейшие технические средства. В связи с этим в 1913 г. В.С. Пржевальский,

член только что созданного Центрального бюро научного кинематографа, выступил с предложением испытать новый кинематографический аппарат фирмы Пате в Измайловской опытной пасеке. Разумеется, герой нашей книги живо откликнулся на это предложение и остался весьма доволен результатом: выяснилась возможность не только показать «в движении» все этапы процесса работы с ульями в разные сезоны, как бы «сжимая» их в несколько десятков минут демонстрации киноплёнки, но и при необходимости «останавливать мгновения», чтобы давать разъяснения. И после краткого разбора некоторых технических вопросов получения конечного продукта и возникающих при этом трудностей Кожевников заключает, что «изготавливаемые ленты могут иметь серьёзное педагогическое значение при условии, что можно будет останавливать показывание в любом желаемом месте» (Кожевников, 1914б, с. 641).

В 1920-е гг. Григорий Александрович не менее активно сотрудничал с преемником «Вестника» — выше упомянутым журналом «Пчеловодное дело», который издавался в качестве «Бюллютеня Измайловской опытной пасеки» при содействии МОСХ, им с самого начала руководил возглавивший пасеку А.Е. Титов (Жизнь…, 1921). Ежегодно Г.А. публиковал в названном журнале по нескольку статей; из них наиболее интересен цикл публикаций под названием «Заметки по естественной истории пчелы» и «Очерки по естественной истории пчелы», посвящённый преимущественно биологическим основам разведения пчёл и племенного пчеловодства (см. библиографический список в Приложении). По-видимому, этот цикл был чем-то вроде подготовительного этапа к написанию монографий (см. о них далее).

К освещению практических вопросов рационального пчеловодства Г.А. Кожевников подходит с теоретических позиций, полагая, что «прежде чем приступать к практическим мероприятиям относительно племенного пчеловодства, необходимо поработать над основным вопросом: […] что представляет собою матка с биологической точки зрения» (Кожевников, 1925д, с. 9). Рассматривая различия между роевыми и свищевыми матками как одно из проявлений внутривидового полиморфизма медоносной пчелы, он подчёркивает, что «в настоящее время при изучении явлений изменчивости принято иметь дело с большим количеством цифровых данных и обрабатывать их статистическими методами» (там же, с. 10). Г.А. обращает особое внимание на сам «факт такой неустойчивости, такой пластичности в организме пчелы» и полагает, что «мы, изучив эту изменчивость, эту податливость влияниям, а также податливость отбору, сможем, быть может, в будущем сильно изменить природу пчелы, сделать её более подходящей к целям нашего хозяйства» (Кожевников, 1923г, с. 7). Обращаясь к характеру различий между матками и трутовками, Кожевников даёт вторым строгое анатомо-физиологическое определение: трутовкой он называет «рабочую пчелу, у которой яйцевые трубочки разделены на желточные и яйцевые камеры с яйцеклетками и желточными клетками в равных стадиях развития» и исходя из этого заключает, что «единственное средство обнаружить трутовку — вскрытие» (Кожевников, 1925е, с. 222). Что же нового даёт такое понимание трутовки? — а то, что в тех пчелиных семьях, члены которых были детально изучены анатомически, было обнаружено значительное количество трутовок — от одной пятой до трети населения улья, при том что «никаких [внешних] отличий между трутовкою и обыкновенной пчелой не имеется» (там же, с. 224). Кожевников объясняет появление большого количества трутовок в улье пропажей из него (из-за гибели и т. п.) размножающейся матки, в результате чего рабочие пчёлы получают питания больше обыкновенного и у них «происходит пробуждение яичников к деятельности» (там же, с. 225).

Кроме подобного рода теоретических статей, Г.А. публиковал в «Пчеловодном деле» и сугубо практические, многие из которых, впрочем, были достаточно плотно насыщены

теоретически. Например, рассматривая способы повышения доходности пчеловодства, он акцентирует внимание на экологической обстановке содержания пчёл, которая складываются из климатических условий и растительности (Кожевников, 1926г). Во втором случае он призывает пчеловодов внимательно исследовать состав растительных сообществ и степень медоносности растений в каждой местности и в связи с этим советует им специально развивать «ботаническое любительство». В этом журнале за авторством Г.А. появлялись и совсем «прикладные» материалы — например, статьи «О заразном поносе пчел», «Что важнее всего для доходности пчеловодства» и др. (см. библиографический список в Приложении). Внимание университетского профессора к практическим нуждам российских пчеловодов видно и из того, что в разных выпусках «Пчеловодного дела» второй половины 1920-х гг. он наряду с прочими сотрудниками редакции журнала (Титов, Алпатов и др.) охотно отвечал на многочисленные вопросы, с которыми обращались в журнал его читатели.

4.7. Завершающие монографии

Как видно из предыдущего, одной из основных задач Г.А. Кожевникова, как и других учёных, активно занимавшихся пчеловодной тематикой, было приобщение практикующих пчеловодов к научным знаниям о жизни пчёл и о том, как этой жизни не навредить неумелыми действиями: одну из своих книг он завершает замечательной фразой: «*Самый опасный враг пчёл — неумелый пчеловод*» (Кожевников, 1931а, с. 112). В небольшой заметке, специально посвящённой этому вопросу и опубликованной под весьма характерным названием «О борьбе с пчеловодным невежеством», Г.А. пишет, что «самой главной причиной […] пчеловодного невежества является *недостаток пчеловодного образования*», который, в свою очередь, обусловлен недостатком «*хорошей популярной пчеловодной литературы*» (Кожевников, 1926?д, с. 1 [оттиск]). По мнению Кожевникова, виной всему — отсутствие внимания к пчеловодному делу со стороны Отдела животноводства Наркомзема, который «совершенно не оценивает должным образом крупного значения пчеловодства в крестьянском хозяйстве» (там же).

В связи с этим в конце своей научной карьеры, оборвавшейся так неожиданно и трагично в самом начале 1930-х гг., Кожевников сосредоточился на написании этой «литературы», чтобы подвести итоги и обобщить свои ранее выполненные научные и научно-практические разработки в области пчеловедения и пчеловодства. По горькой иронии судьбы, отставка Г.А. от заведования кафедрой, а потом и вовсе изгнание из МУ — всё это освободило ему время и открыло благоприятные возможности для написания книг, к чему особой склонности у него прежде не было. В указанный период он издаёт одну за другой несколько монографий обзорного и учебно-методического характера, которые становятся логичным завершением всей активной научно-просветительной деятельности их автора в сфере пчеловодства. Его книги не только сыграли важную роль на этом этапе развития отечественного рационального пчеловодства, но и заложили достаточно прочный научный фундамент для дальнейшего изучения медоносной пчелы как биологического вида и развития пчеловодного дела в России. Впрочем, ради справедливости следует заметить, что современный информационный взрыв и развитие новых технологий, как это нередко бывает, неблагоприятно отразились на памяти о трудах Г.А. Кожевникова: они по большей части проходят по разряду полузабытой истории пчеловедения и в новейших руководствах по медоносной пчеле и пчеловодному делу почти или вовсе не упоминаются (напр., Еськов, 2016; Юмагужин и др., 2020).

Первая книга Г.А. Кожевникова «Породы пчёл и способы их улучшения» (1929 г.), как видно из её названия, посвящена рассмотрению породного разнообразия пчёл и селекционной работе с ними; основное внимание уделено пчёлам Европейской части и Кавказа. В ней представлена уже знакомая нам двухуровневая

классификация пород, охарактеризованная выше, в которую введена относительно новая таксономическая единица «нация». Давая рекомендации по улучшению пород пчёл, Кожевников обращает внимание на одинаковое значение производителей обоего пола — маток и трутней — в воспроизводстве породных признаков, из-за чего он считает глубоко ошибочным привычное для пчеловодов-практиков истребление трутней как якобы «лишних ртов» в пчелином семействе. Как и в других работах, посвящённых этой теме, автор разбирает вопрос о трутовках, в том числе о способах их распознавания, об условиях их избыточного появления в пчелиных семьях и, соответственно, о том, какие условия нужно создавать в семье для того, чтобы трутовок в ней стало меньше.

Его книга «Как живут и работают пчелы» вышла в 1930 г. первым выпуском в серии «Библиотека практического пчеловодства», которую учредил и редактировал Н.М. Кулагин (рис. 4.25). Несмотря на заявленный «практический» уклон этой серии, эта монография Г.А. Кожевникова представляет собой фундаментальное введение в анатомию, физиологию, развитие и образ жизни медоносной пчелы: она явно рассчитана на весьма продвинутых читателей, всерьёз желающих повысить свой образовательный уровень. Выше мы рассмотрели некоторые позиции, изложенные в этой книге, которые особо важны для понимания образа мыслей её автора как биолога-теоретика: склонность к эволюционной интерпретации биологических особенностей пчелы, примечательную трактовку пчелиной семьи как особой «биологической единицы», анализ инстинктивного поведения пчёл и др.

«Естественная история пчелы» (1931 г.), хоть и воспроизводит в названии титул докторской диссертации Г.А. Кожевникова 30-летней давности, на самом деле в значительной мере повторяет предыдущую книгу, представляя её сжатое переложение в более учебном, нежели научно-монографическом формате. Такой её характер очевиден, например, из того, что она завершается разделом «Занятия и вопросы

Рис. 4.25. Обложка книги Г.А. Кожевникова «Как живут и работают пчелы» (Кожевников, 1930б, с. 16)

к ним», в котором заданы темы и контрольные вопросы для 13 практических занятий. Тем не менее стоит отметить, что и в этой книге её автор стремится дать пчеловодам-практикам фундаментальные знания о медоносной пчеле, о чём и свидетельствует её название.

Наконец, книга «Биология пчелиной семьи», вышедшая посмертно в 1934 г. и предназначенная для учащихся сельскохозяйственных техникумов, обобщает практические наработки и частью теоретические идеи, накопленные Кожевниковым за всю долгую историю изучения им этого предмета. Важной особенностью этого руководства является подробное описание социальной организации медоносной пчелы, эволюционной истории формирования этой организации, механизмов поддержания целостности и нормального функционирования пчелиной семьи, сезонные явления в её жизни, особое значение роения в долгосрочном процветании пчелиного населения в данной местности.

ГЛАВА 5. ОХРАНА ПРИРОДЫ

Вся эволюция человечества неизбежно связана с ростом его воздействия на окружающую среду. Оно изначально обусловлено утилитарным антропоцентричным прагматизмом, который сложился сотни тысяч лет тому назад в первобытных племенах людей как часть «обезьяньего наследия». Рациональное («человечье») обоснование «животного» потребительского отношения к природе сформировалось (по историческим меркам) сравнительно недавно, в законченной форме его выразила и закрепила в сознании значительной части ныне живущего человечества, пожалуй, библейская мифология. Действительно, согласно Книге Бытия (датируется XIII–XII вв. до нашей эры, см.: Шифман, 1987), Бог сначала создал неживую и живую Природу, а затем отдельно от неё двух первых людей, мужчину и женщину, после чего (Быт *1*: 28)

> благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.

Новейшая интенсификация роста численности и в связи с этим хозяйственного «владычествования» человечества превратила его в специфический геологический фактор, оказывающий всё более деструктивное воздействие на всю земную природу. Признавая его, биоценологи недавно выделили новейшую эпоху в истории Земли и биоты на ней — *антропоцен* (Steffen et al., 2011). Это сделало особо актуальной проблему и задачу глобальной охраны природы и стимулировало активные поиски способов её решения. Парадокс в том, что саму *проблему* охраны природы осознают и формулируют натуралисты, тогда как приемлемые способы её *решения* ищут и реализуют в основном политики, отношение которых к природе формируется в общем контексте общества потребления, поэтому они переводят эту проблему в утилитарную плоскость. В результате в современной постиндустриальной цивилизации по-прежнему доминирует архаичная сугубо потребительская идея «владычества» над над природой. На этот раз её подчиняют глобальной задаче устойчивого развития человечества, которая решается не иначе как посредством устойчивого потребления природных ресурсов (Декларация Рио, 1992); а чтобы вписать в эту потребительскую стратегию природоохранную идею, последнюю сводят к чему-то совсем уж несуразному — к оказанию неких «экосистемных услуг» всё тому же обывателю-потребителю (Букварева, 2013).

Учёные натуралистического склада ума, воспринимающие природу как живое существо, утилитарному антропоцентризму противопоставляют этический *биотоцентризм* (или *экоцентризм*). Сколь бы утопической ни была идея биотоцентризма в её практическом воплощении, она принципиально важна своим целеполаганием: сохранение живой природы — это не средство обеспечения устойчивого развития человечества, а самоцель. Ибо жизнь на Земле — уникальное явление, результат многомиллионнолетней эволюции, причём возможно единственное такое явление, случившееся в наблюдаемой части Вселенной. И поэтому она заслуживает сбережения как таковая, невзирая ни на какие прагматические соображения.

Вообще говоря, биотоцентризм может считаться специфическим проявлением

особой формы религиозного сознания, обращённого не к Творцу и не к человеку, а к обожествляемой им Природе. В отличие от примитивного анимизма — того «одушевления» всяческих элементов Природы (гор, лесов, ручьёв и т. п.), с которого начинается вся архаичная мифология (Леви-Стросс, 1994), эта форма присуща весьма продвинутой натурфилософии Нового Времени (Никольский, 1996; Борейко, 2000; Штильмарк, 2005). Так что в принципе противостояние утилитарного антропоцентризма и этического биотоцентризма можно рассматривать как противостояние двух религиозных систем — а такое противостояние, как учит вся история человечества, к сожалению, чаще всего не получает конструктивного разрешения.

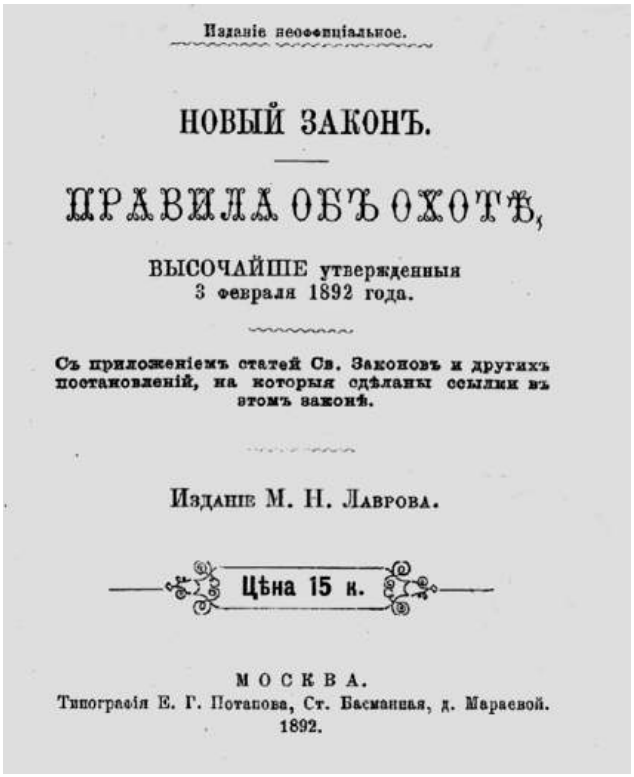
Одним из первых и наиболее ярких и известных глашатаев биотоцентризма в России был Г.А. Кожевников: его многочисленные горячие выступления в защиту дикой природы один из активнейших современных природоохранителей украинский эколог В.Е. Борейко образно назвал «колоколом Кожевникова» (Борейко, 1996). В практическом применении общее понимание им задачи сохранения девственной природы воплощает идея *абсолютной заповедности* минимально затронутых современной человеческой цивилизацией достаточно обширных уголков живой природы — и Кожевников на протяжении двух с лишним десятилетий без устали отстаивал её всеми доступными ему средствами. Горячий сторонник этой идеи В.Е. Борейко квалифицирует её как *этико-эстетическую* (Борейко и др., 1997; Борейко, 2013а), но нам кажется это не совсем точным. У Григория Александровича в этическом восприятии девственной природы несомненно была доля «эстетизма» — в смысле «любования» ею как неким особым творением искусства или «памятником» (Стручков, 1995). Но на деле он обосновывал необходимость сохранения природы вполне рационально и отчасти прагматически — главным образом ссылкой на принципы функционирования экологических сообществ, задачи их исследования, а также (возможно, в качестве пропагандистского приёма) и на хозяйственные нужды (см. раздел 5.2). Поэтому корректнее его позицию считать *научно-экологической* (Чибилев, 2017; Чибилев, Тишков, 2018), с некоторыми дополнениями.

В попытках воплощения идеи абсолютной заповедности, которая станет для истинных природоохранителей чем-то вроде «этического императива» (Борейко, 2013а), выше упоминавшиеся неумолимые «исторические качели» сыграют свою злосчастную роль. Начавшаяся оформляться в 1910-е гг. и явно наметившаяся в первой половине 1920-х гг. возможность начать её реализацию будет задавлена в нашей стране в 1930-е гг. «Великим переломом» (что станет одной из причин ранней смерти героя нашей книги). В конце 1980-х и начале 1990-х гг. эту идею вспомнят на волне едва начавшейся демократизации России, но в 2000-е гг. она окажется вновь погребённой под грузом некой специфической прагматики, формулируемой нынешним руководством страны. Хотелось бы верить, что это не навсегда, а до той поры, когда кожевниковская идея абсолютной заповедности опять окажется востребованной…

5.1. Первые шаги

Первые осмысленные движения в сторону того, что может быть названо сберегающим природопользованием, которые в конечном итоге породили общую достаточно рационально понимаемую идею охраны природы, были несомненно прагматически мотивированными. Они были вызваны в Европе резким сокращением лесов и численности их диких обитателей: первое грозило исчезновением важнейшего строительного и отопительного материала, а также обмелением небольших речек, второе обеспокоило властителей разного ранга уходом в прошлое их «охотницких забав». В результате стихийно, как бы сама собой сложилась практика «огораживания» территорий, на которых по тем или иным причинам в той или иной мере ограничивалось вмешательство человека (прежде всего простолюдинов) в жизнь приро-

ды. Таковыми в первую очередь стали лесные участки и охотничьи угодья, которые объявлялись «охранными», несанкционированное вторжение в них довольно жёстко каралось. При этом в России в указах императора Петра I, регулирующих природопользование в тогдашнем его понимании, появилось заветное слово «заповедный» (Реймерс, Штильмарк, 1978). Важным начальным шагом по постепенному превращению этого «слова» в реальное «дело» в России стало принятие в 1802 г. «Лесного устава» (или «Устава о лесах») — свода законов, его многочисленные обновляемые редакции утверждались высочайшими указами на протяжении XVIII–XIX вв. Важными этапами в их эволюции стали «Положение о сбережении лесов» (1888 г.) и «Правила об охоте» (1892 г.) (рис. 5.1). Наконец в 1897 г. при Министерстве земледелия была образована особая комиссия для выработки законопроекта об охоте, который был в основном подготовлен в 1901 г. и обнародован в 1909 г. (Кожевников, 1920).

Изданіе неоффиціальное.

НОВЫЙ ЗАКОНЪ.

ПРАВИЛА ОБЪ ОХОТѢ,

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныя
3 февраля 1892 года.

Съ приложеніемъ статей Св. Законовъ и другихъ постановленій, на которыя сдѣланы ссылки въ этомъ законѣ.

Изданіе М. Н. Лаврова.

Цѣна 15 к.

МОСКВА.
Типографія Е. Г. Потапова, Ст. Басманная, д. Мараевой.
1892.

Рис. 5.1. Обложка книжного издания «Правил об охоте», утверждённых в 1892 г. (Новый закон, 1892)

В начале XIX в., а именно в 1819 г., немецкий географ и путешественник Александр фон Гумбольдт (Friedrich Wilhelm Heinrich Alexander Freiherr von Humboldt) в одном из томов описания своего путешествия по Южной Америке впервые ввёл в обиход термин «памятник природы». В XX в. этот термин станет одним из ключевых в разного рода документах, относящихся к охране природы (Кожевников, 1926а; Visconti, 2020).

Впрочем, не следует забывать и о некотором значении этической составляющей охраны живой природы, которая формировалась отчасти (или даже во многом) независимо от прагматической, в одних случаях дополняя последнюю, в других противопоставляясь ей. Эта составляющая достаточно ярко проявилась, например, в учреждении в России в 1865 г. Общества покровительства животным, которое адресовало свою деятельность главным образом домашним четвероногим и пернатым и разрабатывало меры для их защиты от жестокого обращения (Зосимовский, 1890). Это общество, как родоначальник организованного общественного природоохранного движения, со своими Уставом и наградной памятной медалью (рис. 5.2), просуществовало до конца 1910-х гг. и, как можно полагать, сыграло свою определённо положительную роль в формировании гуманного отношения вообще к животным.

Движение мысли, направленное на осознание и обоснование необходимости охраны дикой природы, стало особенно активным в XIX в. в Северной Америке и Европе. С одной стороны, её последовательными выразителями были учёные-натуралисты, опиравшиеся на рациональное понимание идеи щадящего природопользования. С другой стороны, в этом движении активную роль играли гуманитарии с их «романтическим» видением гармонии природы и места человека в ней.

В Северной Америке природоохранное движение начало формироваться раньше других под влиянием как биологов, так и гуманитариев, склонных к натурализму (Бородин, 1910 (1914); Борейко, 2008). Среди последних весьма заметным был дипломат и лингвист Дж. Марш (George Perkins Marsh) со своей книгой «*Man*

Рис. 5.2. Аверс и реверс наградной медали Общества покровительства животным (https://southklad.ru/katalogimedali-rossijskoj-imperii/nastolnye-medali-rossijskoj-imperii/medal-rossijskoe-obshhestvo-pokrovitelstva-zhivotnyh-1865-goda.html)

and Nature» (Природа и человек, 1864 г.) про то, как природа существенно меняется и деградирует под воздействием человеческой деятельности и чем это грозит в недалёком будущем человечеству. Одной из главных задач книги, как указал её автор в Предисловии, является «рассмотрение возможностей и значимости восстановления нарушенной гармонии и материального улучшения отработанных и истощённых территорий» (Marsh, 1864, с. 3). Результатом этого движения стала организация первых национальных парков, в которых живая природа находится под государственной защитой: так исподволь формировались три важных положения природоохранного движения — принципы *относительной заповедности*, *государственности* и *эковоспитания.*

В западноевропейской истории природоохранного дела одной из центральных фигур был германский ботаник-эколог Гуго Конвенц (Hugo Wilhelm Conwentz). В своем труде «*Die Gefährdung der Naturdenkmäler*» (Угроза природным памятникам, 1904 г.) он закрепил в обиходе предложенный Гумбольдтом термин «памятник природы», считая за таковой «девственную местность, а также растения и животные, без содействия людей попавшие на свои места обитания» (цит. по: Борейко, 2012, с. 50). В этой книге Конвенц писал о необходимости введения особой категории памятников природы, которые пользовались бы «абсолютной защитой» (Conwentz, 1904; Конвенц, 2000): так первоначально оформился уже упоминавшийся нами принцип абсолютной заповедности. В 1913 г. Конвенц принял участие в работе Съезда русских естествоиспытателей и врачей и Кавказского отдела РГО (Анучин, 1914). Не менее, а возможно, даже более яркой фигурой начального природоохранного движения в Западной Европе чуть позже становится поляк Ян Павликовский (Jan Gwalbert Pawlikowski). Его позиция была в высшей степени этической: он призывал охранять природу ради неё самой, именно в этом для него состояла главная идея охраны природы. Основной труд Павликовского, в котором была сформулирована базовая для всего природоохранного дела биотоцентрическая идея, был назван «*Kultura a natura*» (Культура и природа, 1913 г.), а более позднюю его книгу «*O lice Ziemi*» (О лике Земли, 1938 г.) почитатели этой идеи окрестили «Библией природоохраны» (Борейко, 2001).

В России среди учёных, ставших на защиту природы, одним из первых был почвовед, профессор Санкт-Петербургского университета В.В. Докучаев; он более всего известен как автор концепций генетического почвоведения и географической зональности почв. Его исследования степей, находящихся на разных стадиях антропогенной деградации, пробудили в нём понимание необходимости сохранения (заповедования) их нетронутых участков как своего рода эталонов степных природных сообществ. В 1895 г. в своём отчёте о работе «Особой экспедиции по облесительным и обводнительным работам в степях южной России», организованной Лесным департаментом Министерства государственного имущества, Докучаев обосновал необходимость создания сети достаточно обширных охраняемых участков для изучения первозданной природы, не охваченной хозяйственной деятельностью человека. При этом он настаивал на том, чтобы на каждом из таких участков была «устроена научная станция, снабжённая необходимыми приборами для исследований и доступная учёным всех стран» (Борейко, 2001, с. 97): так в природоохранное дело был введён принцип *научности.* Одним из ближайших непосредственных результатов

Рис. 5.3. Табун лошадей Пржевальского в степном участке заповедника Аскания-Нова (https://focus.ua/static/storage/thumbs/2176x/3/6e/87f5b368-d2b19c97a9ae26923c32d80b722ca6e3.jpg)

воплощения идей В.В. Докучаева стало огораживание заповедных степных территорий в частных землевладениях; из них наиболее известным был участок «Аскания-Нова», выделенный в 1898 г. землевладельцем Ф.Э. Фальц-Фейном в своём обширном степном имении в Таврической губ. (нынешняя Херсонская обл.) (Бабич, 1960). Г.А. Кожевников указывает этот «акклиматизационный сад» как «явление если не исключительное, то во всяком случае редкое на земном шаре», в котором «уже осуществлена идея “заповедного участка”» (рис. 5.3) (Кожевников, 1908г, с. 274).

В начале XX в. среди наших соотечественников наиболее радикальным выразителем идеи самоценности дикой природы и необходимости её сохранения исходя именно из «этико-эстетического императива», пожалуй, был зоолог Андрей Петрович Семёнов-Тян-Шанский (1866–1942) (рис. 5.4), о котором мы уже упоминали выше. Человек не только естественнонаучного, но и поэтического склада ума (переводил Горация, исследовал пушкинское наследие), А.П. «одним из первых пришёл к необходимости сохранения дикой природы не только с чисто утилитарных, хозяйственных, но, что более важно, моральных, нравственных позиций, став одним из наиболее последовательных сторонников этико-эстетического идеи в охране дикой природы» (Борейко, 2001, с. 260). Он неоднократно выступал в газете «Новое время» в защиту охраны природы и создания заповедников, называя их «приютами природы» (Семёнов-Тян-Шанский, 1911), а в 1913 г. в статье «О заповедниках природы» писал (Семёнов-Тян-Шанский, 1913. Л. б/н):

> Нетронутая человеком природа даёт ему ничем не заменимые эстетические наслаждения, возвышая его душу, — на нас лежит и большой нравственный долг перед природой, сыновний долг перед матерью. […] Создавая и уважая законы всякого разумного общежития, мы не можем не сознавать, что на земной поверхности имеет высшее право свободного существования всё на ней от века живущее».

Важным моментом в развитии общей идеи охраны природы в конце XIX и начале XX вв. стало её уточнение до более конкретной *идеи заповедности*, которая определила основное содержание нынешней природоохранной стратегии. Она подразумевает, что при неустранимом и всё возрастающем давлении хозяйственной деятельности человека на живую природу, сохранять последнюю «вообще» невозможно — требуется организация заповедных участков, на которых указанное давление минимизировано. В качестве таких особо охраняемых природных участков (территорий и акваторий) фигурируют заповедники, заказники, национальные парки, памятники природы и т. п. Идея заповедности обосновывается и тем самым актуализируется некими принципами, которые, в свою

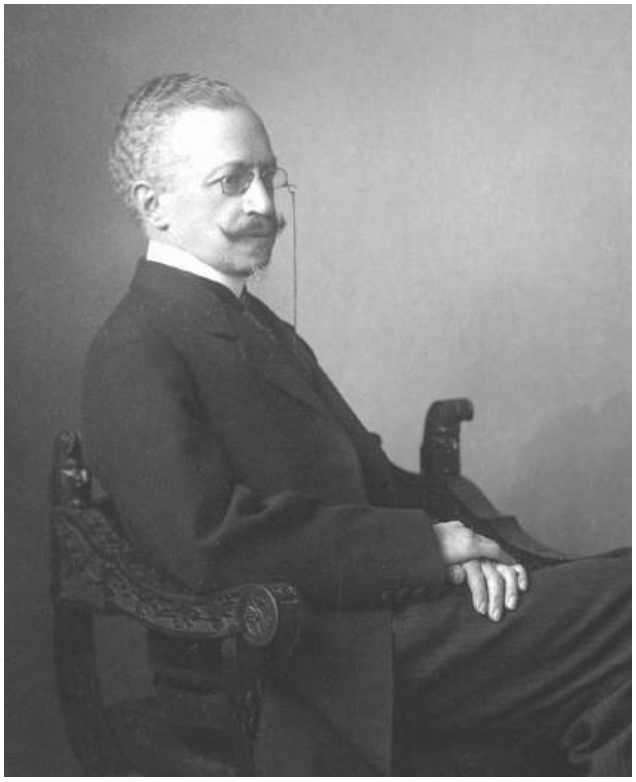

Рис. 5.4. Фотография А.П. Семёнова-Тян-Шанского (1910 г.), которого с Г.А. Кожевниковым связывала многолетняя дружба (Ладыгина, 1921)

очередь, реализуются (воплощаются в жизнь) различными предписывающими (делай так!) и запрещающими (так не делай!) правилами и нормами частного порядка. Таким образом, общая стратегия охраны природы организована иерархически: верхнюю позицию занимает идея заповедности, ниже стоят реализующими её явно или неявно заданные принципы, далее следуют конкретные регуляторы —правила, нормы, законодательные акты.

Названная стратегия с самого начала вырабатывалась в нескольких версиях согласно тому, каким образом понимались а) сами охраняемые природные объекты и б) способы обращения с ними человека. Эти версии могут быть названы *природоохранными програмами*: они по-разному реализуют идею заповедности, придавая разный «вес» тем или иным принципам и разрабатываемым на этой основе разным правилам и нормам.

В одной из них («*программа Конвенца*») акцент делается на сохранении отдельных абсолютно защищаемых памятников природы как её особо значимых «творений». Обычно в таком качестве вслед за Гумбольдтом рассматриваются уникальные по тем или иным характеристикам локальные лесные и степные массивы, озёра и болота, примечательные скальные выходы, отдельные места крупных скоплений животных (размножающиеся колонии, места зимовок и др.) и т. п. Если же это исходное гумбольдтово понятие считать частным случаем более общего понятия чем-то особо примечательного локального явления природы, то «программу Конвенца» можно расширить до включения в неё принципиально важного требования сохранения ещё одной категории особых природных явлений — видов живых организмов, если им грозит истребление. В «*программе Марша*» руководящей является концепция обширных национальных парков: в них запрещается почти всякое регулирующее (прежде всего хозяйственное) вмешательство, но поощряется экологический туризм. Согласно «*программе Докучаева*», достаточно обширные охраняемые участки, минимально затронутые цивилизацией, должны использоваться как «природные лаборатории» для изучения дикой природы.

На этом общем фоне российские учёные в начале XX в. активно включились в международное природоохранное движение, в чём большую роль стали играть научные общества — в первую очередь РГО, а также ОЛЕАЭ и МОИП. Среди их членов, оставивших наиболее заметный след в начальной организации охраны природы в России на научно-рациональной основе, — географ и антрополог Д.Н. Анучин, ботаники И.П. Бородин и В.И. Талиев, зоологи Г.А. Кожевников и А.П. Семёнов-Тян-Шанский, брат последнего географ В.П. Семёнов-Тян-Шанский, лесовод Г.Ф. Морозов, охотовед Ф.Ф. Шиллингер и др. (Борейко, 2001; Чибилев, Тишков, 2018). Д.Н. Анучин, ученик А.П. Богданова и сторонник «программы Конвенца», опубликовал в 1914 г. небольшую брошюру «Охрана памятников природы» (Анучин, 1914). В.И. Талиеву, горячему поборнику общей идеи сохранения природы в её первозданности, из-

вестность принесла его общественная деятельность и популярная в то время книга «Охраняйте природу» (Талиев, 1914). И.П. Бородин, Г.А. Кожевников, оба Семёновы-Тян-Шанские были среди инициаторов и учредителей Постоянной природоохранной комиссии при РГО, причём В.П. Семёнов-Тян-Шанский стал автором первого научно обоснованного проекта по организации географической сети заповедников в России (см. раздел 5.3). Г.А. более всего известен как защитник идеи абсолютной заповедности и один из ведущих организаторов охраны природы в России; его пионерскую роль в этом деле в 1913 г. подчёркнул его коллега и добрый приятель А.П. Семенов-Тян-Шанский (Семёнов-Тян-Шанский, 1913).

Примечательно отношение Кожевникова к гумбольдтову термину «памятник природы», весьма популярному в то время: он считает, что «в нём есть что-то грустное, как бы похоронное… Ведь памятники ставят над умершими…» (Кожевников, 1926а, с. 3).

5.2. «Программа Кожевникова»

Общая идея сохранения живой природы, рассматриваемая в качестве определённой целевой установки природоохранной деятельности, формирует стержневую основу специфического раздела биоэтики — адресованного природе «этического императива», для которого центральным является «вопрос *о праве первобытной природы на существование*» (Кожевников, 1909г, с. 18). Этот императив предписывает человеку рассматривать живую девственную природу как сверхценность, а её сохранение — как сверхзадачу, не требующую дополнительного обоснования с экономической, политической или ещё какой-либо прагматической точки зрения. В таком контексте Григорий Александрович формулирует общую идею заповедности в той наиболее законченной форме, которая позже будет названа идеей (или принципом) абсолютной заповедности. Он формулирует её очень просто и чуть ли не афористически в 1908 г. на Акклиматизационном съезде (о нём см. далее) следующим образом: в дикой природе «*не надо ничего устранять, ничего добавлять, ничего улучшать. Надо предоставить природу самой себе*» (Кожевников, 1909г, с. 26; выделено нами). Многие годы спустя Г.А. повторяет эту идею в докладе на Естественно-историческом совещании Центрально-Промышленной области, прошедшем в 1928 г. в Москве (Кожевников, 1928д), следующим образом:

> Важно подходить к вопросу охраны природы с широкой принципиальной точки зрения, а не смотреть узко-утилитарно, и, в частности, не сводить охрану природы к охране дичи, к устройству охотничьих заказников и т. п. Охранять первобытную дикую природу ради неё самой, смотря на прикладные вопросы как на стоящие на втором плане.

В отстаиваемой Кожевниковым общей идее, понимаемой таким вполне «абсолютным» (и потому в значительной мере утопическим) образом, присутствует эмоциональная и даже отчасти мистическая подоплёка. У Г.А. она очевидна в небольшой заметке «Монастыри и охрана природы», опубликованной в газете «Утро России» в 1913 г. Опираясь на результаты опросного обследования, автор заключает, что монастыри, сберегая зверей и птиц на своих землях, «могут быть в самой широкой мере привлечены […] ко благому делу охраны природы». Это заключение как будто вполне укладывается в рациональное обоснование выбора и обустройства мест для охраняемых участков; но Кожевников видит в связи между монастырями и заповедной природой нечто гораздо более глубокое и потаённое: он полагает (Кожевников, 1913н), что

> Устройство заповедника вполне согласуется с самой идеей монастыря, для которого общение с нетронутой, первобытной природой даёт превосходную почву для созерцания и самоуглубления, а хозяйственная эксплоатация природы, наоборот, вводит в круг мирской суеты, от которой бежит монашествующий, соприкасает его с денежными интересами, с вопросами продажи, прибыли, наживы, столь чуждыми идее иночества.

Однако важно особо подчеркнуть, что общая позиция Кожевникова в отношении охраны природы не сводится только к этой этической составляющей — такое её обычное преподнесение является упрощенным. Свою позицию Г.А. выработал на основе творческого осмысления и соединения всех выше указанных «программ», по-разному реализующих природоохранную стратегию. В результате сложился ещё один, синтетический вариант стратегии охраны природы — «*программа Кожевникова*», которая включает не только собственно этическую, во многом иррациональную составляющую, но также и рациональную, в том числе в большей или меньшей мере прагматическую. Кожевников подходит к обоснованию и реализации своей «программы» как учёный-естествоиспытатель, исходя из потребностей не только самой нетронутой природы, но также и науки (необходимость исследования природы) и научно обосновываемой практики (необходимость разумной эксплуатации природы). Одновременно с этим, сообразуясь с практикой природоохранного движения, Г.А. акцентирует внимание на том, что стратегия охраны природы может быть осуществлена только при активном участии в ней всего общества и безусловной поддержке государственных институтов.

Таким образом, природоохранная «программа Кожевникова» представима как соединение двух базовых ценностных (аксиологических) установок, имеющих разное целеполагание природоохранного движения. Её природно-этическая часть нацелена на сохранение первозданной природы как таковой, она является ключевой для тех природоохранителей, которые руководствуются выше упомянутым «этическим императивом». Её хозяйственно-прагматическая часть нацелена на использование природы как средства существования человека — т. е. как некоего «инструмента», который при определённых условиях позволяет достичь желаемой цели (вспомним популярный когда-то лозунг «Всё — во имя и для блага человека»). В связи с этим утилитарно мыслящие «природопотребители» теснейшим образом увязывают природоохранное движение с экономикой.

Детализация этих двух базовых составляющих позволяет представить «программу Кожевникова» как совокупнсоть пяти взаимосвязанных, хотя частью и разнонаправленных, принципа. Её стержнем является принцип экосистемности, который по сути можно считать онтологическим; его уточняет принцип локальности. Их дополняет принцип научности, имеющий во многом эпистемический характер. Принципы государственности и эковоспитания вносят в «программу Кожевникова», если она претендует на осуществимость, очевидные и совершенно неизбежные элементы прагматичности. В практическом плане ядро этой «программы» составляют два важнейших пункта, выражающие ключевые условия её реализации: а) организация заповедников как особо охраняемых территорий, на которых запрещена всякое вмешательство человека, и б) законодательное обеспечение природоохранной деятельности на государственном уровне.

Принцип экосистемности является важным уточнением принципа экологичности, которое Г.А. Кожевников рассматривает в качестве основополагающего в общем содержании своей природоохранной программы. Данный принцип выстраивается вполне рационально на строго научной основе, поскольку апеллирует не к этике (и тем более не к эстетике) как таковой, а к базовым идеям зарождающейся в то время науки биоценологии (экологии сообществ, синэкологии; впрочем, в начале XX в. этих терминов ещё не было). Одну из этих идей Г.А. формулирует в виде некоего фундаментального закона живой природы, основной смысл которого — «великое установленное природой равновесие» (рис. 5.5) (Кожевников, 1914а. Л. 24). Здесь ключевым является представление о сложных взаимосвязях между разными видами животных и растений как структурно-функциональными единицами биоценозов. Эти взаимосвязи формируются под действием естественного отбора в процессе эволюции природных сообществ, обеспечивая

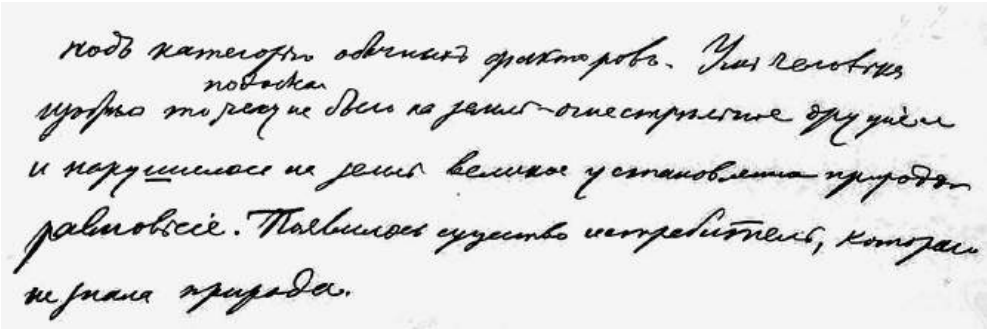

Рис. 5.5. Фрагмент рукописного текста публичной лекции Г.А. Кожевникова (1914 г.) с обвинением «человека-разрушителя» в нарушении природного равновесия (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 24)

их равновесие и устойчивость. И именно нарушение этого устойчивого, естественным образом сложившегося динамического равновесия неизбежно приводит к разрушению природных экосистем и исчезновению видов — и тем самым делает человека «истребителем».

Отсюда вытекает понимание того, каким образом человек стал причиной деградации природы и породил проблему (а равно и насущную задачу) её охраны. Обретя в результате своей эволюции разум и затем вооружившись соответствующей мифологией, человек возомнил себя повелителем всего сущего на Земле и направил разум на изобретение разнообразных орудий для «покорения природы». В результате получилось «существо-истребитель, которого не знала природа» (Кожевников, 1914а. Л. 24); имя этому существу — «*человек*, который своим вмешательством в жизнь природы нарушает её равновесие» (Кожевников, 1911е, с. 374).

Г.А. Кожевников, привнося в принцип экосистемности натурфилософский акцент, видит возможные причины нынешнего вымирания видов не только в истребительном воздействии на них человека, но и в самой их природе — в утрате видами некой «жизненной силы», которой они изначально наделены. Такой характер эволюционной судьбы видов Г.А. связывает с действием особого «великого биологического закона», который он формулирует следующим образом: «без вымирания предков невозможно совершенствование потомков» (см. раздел 3.2). Этому важному вопросу посвящена специальная публикация Г.А. «Вымирание животных» — первоначально в виде журнальной статьи, затем как публичная лекция (Кожевников, 1907л, 1908ж). Он предполагает, что «если существует естественная смерть отдельной особи, то быть может, существует и естественная смерть вида, рода, семейства, отряда и т. д.»; по этой причине, если «вид изжил свою энергию, […] одряхлел», он оказывается обречённым на вымирание и его, наверное, уже невозможно сохранить (Кожевников, 1907л, с. 77).

Такое понимание одной из причин «естественного» вымирания видов приводит Г.А. к важному заключению. Он допускает, что многовидовые природные сообщества наделены большей «жизненной силой» в сравнении с отдельными видами. Поэтому при создании заповедников сохранять следует не столько сами виды как таковые, сколько всю их среду обитания. Рассматривая с этой точки зрения задачу спасения зубра, Кожевников уверяет, что для этого необходимо сохранять «первобытный лес в возможно неприкосновенном виде» (рис. 5.6) (Кожевников, 1909л, с. 345).

Принцип локальности служит важным операциональным уточнением принцип экосистемности. Он подразумевает (см. выше), что в сложившейся ситуации природоохранная деятельность должна быть напавлена не на «природу вообще», а на конкретные (локальные) природные объекты (Штильмарк, 2005). Из этого неизбежно вытекает основная практическая задача природоохранной стратегии — необходимость ограничения вмешательства человека в природную среду за счёт «устройства

Рис. 5.6. Зубр в Беловежской пуще, на его примере Г.А. Кожевников отстаивал ключевое значение сохранения условий обитания животных для их выживания (https://grodnonews.by/upload/medialibrary/c76/c76c829ce515c87659ae819ee36fd2c0.jpg)

заповедников, где участки природы изымаются *навсегда* из всякого хозяйственного использования» и природа предоставляется самой себе (Кожевников, 1926а, с. 32–33). При этом «в основу устройства таких “заповедников”» должен быть положен «лишь один главный принцип, от систематического и строгого соблюдения которого зависит всё: *полная неприкосновенность*» (Кожевников, 1911е, с. 376).

Принцип научности у Г.А. Кожевникова, прочно связанный с принципами экосистемности и локальности, имеет двоякий смысл. С одной стороны, схема размещения заповедников как локальных «участков природы», особо охраняемых от «всякого хозяйственного использования», на территории России должна обосновываться строго научными представлениями о природной зональности суши и типичных ландшафтно-экологических системах, чтобы каждая из них была представлена в этой схеме несколькими территориально удалёнными друг от друга участками. Именно такая схема была разработана В.П. Семёновым-Тян-Шанским и обсуждена на заседании Природоохранной комиссии при РГО в 1917 г. (см. далее). С другой стороны, организация заповедников как таковых, с точки зрения Кожевникова, нужна далеко не в последнюю очередь для научных целей — для того чтобы изучать природу «такой, какая она есть, без вмешательства человека» (Кожевников, 1925ж. Л. 24 [рук.]).

Рассуждая как грамотный учёный-естественник, Г.А. Кожевников полагает, что «только невмешательство в жизнь природы делает её *научно-интересной*» (Кожевников, 1928д, с. 381; выделено нами), поэтому «чтобы иметь возможность изучать природу, мы должны стараться сохранить её в её первобытной неприкосновенности» (Кожевников, 1909г, с. 24). Рассматривая смысл создания заповедников с этой точки зрения, Г.А. задаёт риторический вопрос «Какая цель сохранения таких нетронутых участков?» — и отвечает на него следующим образом (Кожевников, 1909г, с. 25): эта цель

> прежде всего чисто научная, а затем, конечно, и практическая, т. к. только научное изучение природы даёт нам прочные основы для практической деятельности. […] Если мы об этом не позаботимся, то область нашего будущего изучения сильно сократится и многие вопросы останутся навсегда нерешёнными, как, например, остался нерешённым вопрос о тарпане, который жил на глазах ряда натуралистов, но которого не успели изучить прежде, чем он вымер. Имея перед собою для изучения сперва опустошённую, а затем культивированную природу и не имея для сравнения ни уголка природы более или менее первобытной, мы не сможем разгадать целого ряда интересных загадок, которые ставит нам животная и растительная жизнь.

Кожевникову вторит А.П. Семёнов-Тян-Шанский, который среди основных целей охраны «участков свободной природы» без сомнения указывает, что они «нам нужны, прежде всего, для целей *изучения* и *поучения*» (Семенов-Тян-Шанский, 1919, с. 212). Ну ведь правда же: если природа не будет сохранена в её первозданности, изучать управляющие ею естественные законы никак не получится. Но при этом здесь возникает вот такая закавыка:

а если особого «научного интереса» в таких участках по какой-либо причине нет — означает ли это, что их сохранение в первозданном виде оказывается не очень-то и нужным? Так что упоминание «научной интересности» в таком контексте, как нам кажется, есть ни что иное как подспудное доминирование прагматизма — но не «узко-утилитарного», против которого справедливо протестуют натуралисты-природоохранители, а «широко-научного».

Принцип государственности, составляющий третью компоненту «программы Кожевникова», подразумевает непременное участие государства в природоохранной деятельности в качестве одного из её ключевых субъектов. Г.А. Кожевников убеждён (Кожевников, 1909л, с. 26; выделено нами):

> Заповедные участки имеют громадное научное значение, а потому устройство их должно быть прежде всего делом *государственным*. Конечно, это может быть делом общественной и частной инициативы, но государство должно здесь идти впереди […] основная идея заповедных участков настолько важна, что государству вполне уместно позаботиться об её осуществлении».

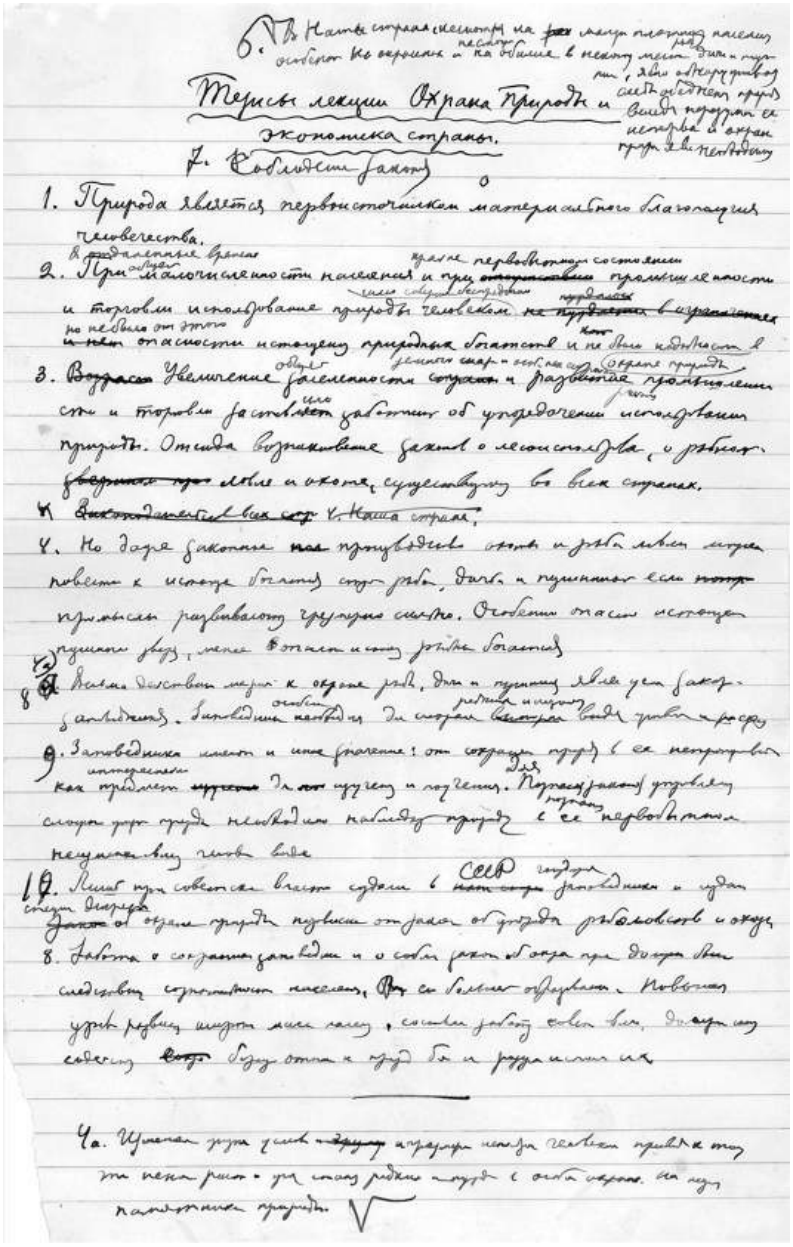

Рис. 5.7. Рукописный текст с тезисами публичной лекции Г.А. Кожевникова «Охрана природы и экономика страны» (конец 1920-х гг.), утверждающей значение государства в устройстве заповедников (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 102)

Мнение Кожевникова, что «государство должно здесь идти впереди», неверно по самой сути — ведь в современном природоохранном движении именно «общественная и частная инициатива» побуждает государство (точнее, государственных чиновников) заниматься делом охраны природы, примером чему служит активность героя нашей книги. Но он несомненно прав в том, что для налаживания данного дела необходимо разрабатывать соответствующее законодательство, что как раз и является несомненной прерогативой государства. А чтобы это пресловутое «государство» было заинтересовано в реализации своей прерогативы, Кожевников подчёркивает, что природа должна мыслиться как «*собственность государства* […] со всею дичью, со всеми лесами и болотами. […] Вся земля, все леса с их животным населением являются собственностью государства» (Кожевников, 1926а, с. 15–16).

Такая позиция Г.А. отчасти понятна из содержания его «Объяснительной записки…»:

в ней он пишет, что объявление дичи «общенародным достоянием» даёт повод «к неправильным толкованиям» этого принципа (Кожевников, 1920а. Л. 4 [рук.]). Действительно, ведь «общенародное достояние» легко может быть истолковано так, что оно — в том числе и «моё собственное», а коли так, то я могу распоряжаться им по своему усмотрению.

Проблема здесь в том, что при буквальном следовании этому принципу природоохранное движение, как отмечено выше, теснейшим образом увязывается с государственной экономической политикой. Об этом Г.А. говорил в публичной лекции «Охрана природы и экономика страны» (рис. 5.7), вынужденно подстраиваясь под всё возрастающее давление «природопотребителей» в конце 1920-х гг. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 102).

В таком понимании одного из важных организующих начал природоохранной стратегии Г.А. был совсем не одинок. Даже такой природоохранитель-«эстет», как А.П. Семёнов-Тян-Шанский, кратко обсуждая основные позиции стратегии природоохранного движения в России, представляет её как «План общего государственного строительства» (Семёнов-Тян-Шанский, 1919, с. 210).

Принцип эковоспитания дополняет принцип государственности в двух очень важных отношениях. С одной стороны, как полагает наш профессор, необходимо воспитание уважения к закону. Особую значимость этой работы Г.А. видит в том, что «идея законности вообще очень слаба в нашем обществе, а по отношению к охоте её вовсе нет. […] Необходимо, чтобы сознание законности и незаконности охоты и в смысле срока, и в смысле места, широко и глубоко проникло в сознание нашего общества» (Кожевников, 1908л, с. 259, 261). С другой стороны, Кожевников понимает, что идея охраны природы только тогда станет приносить свои чаемые плоды, когда её осознают все члены «культурного общества» — и чиновники высокого ранга, которые разрабатывают законодательную базу охраны природы, и простые люди, которые в своей повседневной жизни соприкасаются с дикой природой. Г.А. полагает (Кожевников, 1925ж. Л. 24–25 [рук.]) — отчасти как мечтатель, принимающий желаемое за действительное, что

> не с помощью запретов, не с помощью страха нужно охранять природу, а с помощью развития во всех слоях, во всех возрастах населения бережного отношения к природе, любовного отношения к ней. […] никакие законы не смогут охранить природу, если само население не будет сознательно к этому относиться. […] Если это будет в сознании народа, тогда и законы, пожалуй, будут не нужны, и дело охраны природы пойдёт само собой.

В связи с этим Г.А. придавал особое значение воспитанию «сохранительного» отношения к животным и растениям, как говорится, «с младых ногтей», справедливо полагая, что природоохранительная «пропаганда среди подрастающего поколения — одна из весьма действительных мер» (там же. Л. 24 [рук.]). Чуть ли не ключевой частью этой «пропаганды» он считал прививание учащимся как правильного естественнонаучного «миросозерцания», чтобы в их глазах принципы экосистемности и научности стали действенными инструментами охраны природы, так и «этического императива» — бережного, а не хищнического отношения к этой природе (Кожевников, 1912б, 1926а).

Закладывая и отстаивая базовые принципы и задачи своей природоохранительной «программы», Г.А. Кожевников был ведом неким историческим оптимизмом: он верил в то, что «тот самый ум, который позволил [человеку] изобрести средства истребления», ныне «восстаёт против того, чтобы звери и птицы были окончательно истреблены — и вот создаются охранительные законы, создаётся защита природы» (Кожевников, 1914а, Л. 24). По-видимому, в этом для него проявился всё тот же закон природного равновесия, согласно которому всякому действию есть своё противодействие: человеку-«истребителю» противостоит человек-«охранитель». Именно вера героя нашей книги и в этот всесильный природный закон, и в совокупный человеческий разум, который нацелен

не только на истребление и разрушение у одних членов сообщества, но и на сохранение и созидание у других, побудила его активно включиться в природоохранное движение и сделала одной из наиболее значимых фигур в природоохранном движении в России первой трети XX в.

***

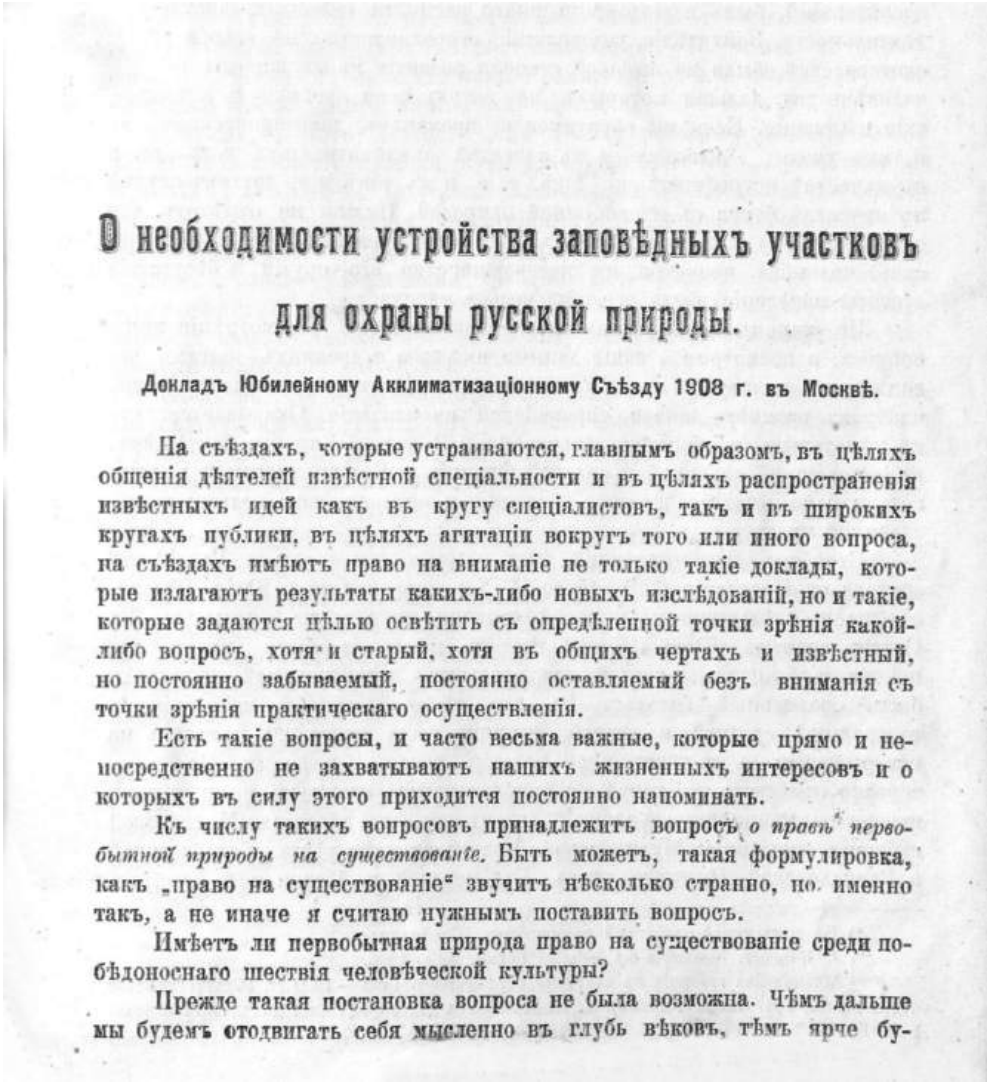
В практическом воплощении идеи охраны природы Г.А. Кожевникова особенно волновали два вопроса — рациональная организация охраняемых территорий и разумное ограничение промысловой и любительской охоты. Начиная с 1907–1908 гг. он активно выступал по природоохранной тематике в некоторых академических журналах, а ещё чаще — на страницах тех журналов и газет, которые читают простые люди. Его статьи появлялись в журнале «Охотничий вестник»[1], в газетах «Русские ведомости», «Русское слово», «Утро России» и др.; тогда же Кожевников начинает выступать со этой своей идеей на съездах научных обществ.

Надобно заметить, что Г.А. Кожевников вполне осознавал специфику той аудитории, которой адресовал свои устные и печатные выступления, и умело сочетал в них публицистическую эмоциональность с научной аргументацией, хотя и весьма специфического толка. Вы не найдёте в его публикациях тех «скучных» таблиц со статистическими выкладками, которыми изобилуют многие сугубо академические статьи и книги: они доказывают на цифрах благотворность бережного отношения к природным богатствам и губительность их безудержной эксплуатации, но убивают непосредственный интерес к живой природе и к её сохранению у простой публики. Зато в выступлениях Кожевникова есть то, чего нет и не может быть в таких таблицах, — призыв не к *ratio*, а к *emotio*, не к холодной рассудочности, а к горячей любви к живому, преисполняющей сердца истинных почитателей природы. Поэтому в той аудитории, где это было уместно, он акцентировал внимание на научных задачах охраны природы и организации охраняемых участков, а обращаясь к более «приземлённой» публике, взывал больше к милосердию и говорил о том, что живые существа нужно любить и сберегать просто потому, что они *живые*.

Следуя принципу эковоспитания, Г.А. не уставал призывать учителей сообщать школьникам природоохранные знания и прививать им бережное отношение к живой природе. В частности, пропагандируя экскурсионный метод изучения живой природы в школах и гимназиях, который включает коллектирование (см. раздел 2.4), он считает, что к последнему следует приобщать детей исключительно старшего возраста, «от которых можно и должно требовать сознательного отношения к этому делу» (Кожевников, 1904в, с. 84). При таком отношении «коллектирование замечательно обогащает фактические знания о природе, развивает любовь к природе, внимание, наблюдательность […]. Жестокости оно, конечно, не развивает по той простой причине, что жестокость есть первобытное, врождённое свойство человека, проявляющееся тем сильнее, чем человек некультурнее. […] Всякий штрих культуры сглаживает звериное в человеке, а собирание коллекций — одно из самых “культурных” занятий». Но чтобы оно стало таковым, «конечно, надо *учить* коллектированию, как и всему другому» делу (Кожевников, 1905в, с. 82).

Исходя из этого, Г.А. Кожевников призывает «удерживать учащихся, в особенности маленьких детей, […] от бессмысленного коллектирования животных» и выражает искреннее возмущение тем, как дети, вооружившись сачками, гоняются «за бабочками только для того, чтобы бесполезно убить, подвергнувши предварительно мучениям» (там же). Эту мысль Кожевников горячо отстаивает на страницах журнала «Живая природа», требуя «прекратить совершенно собирание гнёзд и яиц с учебными целями […];

[1] Ввиду отсутствия специализированного периодического издания, посвящённого охране природы, Г.А. Кожевников активно использовал журнал «Охотничий вестник», будучи одним из его сотрудников, в качестве трибуны для пропаганды своих природоохранных идей.

О необходимости устройства заповѣдныхъ участковъ

для охраны русской природы.

Докладъ Юбилейному Акклиматизаціонному Съѣзду 1908 г. въ Москвѣ.

На съѣздахъ, которые устраиваются, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ общенія дѣятелей извѣстной спеціальности и въ цѣляхъ распространенія извѣстныхъ идей какъ въ кругу спеціалистовъ, такъ и въ широкихъ кругахъ публики, въ цѣляхъ агитаціи вокругъ того или иного вопроса, на съѣздахъ имѣютъ право на вниманіе не только такіе доклады, которые излагаютъ результаты какихъ-либо новыхъ изслѣдованій, но и такіе, которые задаются цѣлью освѣтить съ опредѣленной точки зрѣнія какой-либо вопросъ, хотя и старый, хотя въ общихъ чертахъ и извѣстный, но постоянно забываемый, постоянно оставляемый безъ вниманія съ точки зрѣнія практическаго осуществленія.

Есть такіе вопросы, и часто весьма важные, которые прямо и непосредственно не захватываютъ нашихъ жизненныхъ интересовъ и о которыхъ въ силу этого приходится постоянно напоминать.

Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ вопросъ *о правѣ первобытной природы на существованіе.* Быть можетъ, такая формулировка, какъ „право на существованіе“ звучитъ нѣсколько странно, но именно такъ, а не иначе я считаю нужнымъ поставить вопросъ.

Имѣетъ ли первобытная природа право на существованіе среди побѣдоноснаго шествія человѣческой культуры?

Прежде такая постановка вопроса не была возможна. Чѣмъ дальше мы будемъ отодвигать себя мысленно въ глубь вѣковъ, тѣмъ ярче бу-

Рис. 5.8. Первая страница текста доклада Г.А. Кожевникова «О необходимости устройства заповедных участков» на открытии Всероссийского юбилейного акклиматизационного съезда (Москва, 1908 г.) (Кожевников, 1909г, с. 18)

прекратить собирание “коллекций” птичьих шкурок школьниками» и считая, что «школа не имеет права устраивать *фаунистического музея*» (Кожевников, 1926е, с. 130). Оставаясь приверженцем экскурсионного метода в преподавании природоведения, он склоняется к тому, что вообще непосредственные «наблюдения над живыми животными должны заменить в школе собирание коллекций» (Кожевников, 1926а, с. 31), и предостерегает участников школьных экскурсий от собирания букетов цветов, особенно редких, ради чего «юные экскурсанты нередко с особым старанием выдирают начисто целые заросли». Вместо этого «необходимо, чтобы преподаватели, обративши внимание учеников на какое-либо необычное растение, предупреждали их, что его не следует рвать, [что] природу нужно беречь, а её произведениями любоваться в их естественной обстановке, по возможности ничего не уничтожая» (там же).

Увы, и десятилетия спустя любители природы, следуя этому завету Кожевникова, будут столь же яростно бороться с достаточно бессмысленной школьной практикой массового и к тому же безграмотного собирания растительных гербариев и зоологических коллекций, приучающего детей не столько любить всем сердцем, сколько бездумно губить природу (Цуриков, 2011).

Наиболее значимыми ранними публичными выступлениями Г.А. Кожевникова по природоохранной проблематике, обращёнными ко «взрослой» аудитории, стали его доклады о необходимости организации заповедных территорий, читанные в Москве на Всероссийском юбилейном акклиматизационном съезде (1908 г.) и на Втором всероссийском съезде охотников (1909 г.). Оба доклада, сходно названные, были опубликованы в Трудах названных съездов в 1909 г. и 1911 гг., соответственно. Это были программные выступления в полном смысле слова: в них Кожевников впервые чётко и достаточно развёрнуто сформулировал и вынес на суд общественности идею абсолютной заповедности, представляя её в несколько разной акцентовке сообразно специфике аудиторий.

На Акклиматизационном съезде Г.А. обращает внимание на существование вопросов, «которые прямо и непосредственно не захватывают наших жизненных интересов», но от этого не становятся менее важными и требуют внимания и обсуждения (Кожевников, 1909г, с. 18). К их числу, как считает Кожевников, «принадлежит вопрос *о праве первобытной природы на существование*», уже упомянутый нами ранее, и далее отмечает: «Быть может, такая формулировка, как “право на существование” звучит несколько странно, но именно так, а не иначе я считаю нужным поставить вопрос» о том, «имеет ли первобытная природа право на существование среди победоносного шествия человеческой культуры?» (рис. 5.8) (там же). Начав с краткого исторического экскурса, он затем отмечает благотворное влияние современной практики выделения охраняемых участков с наименее нарушенной природной обстановкой в Европе и Северной Америке и сетует на «отсутствие забот о заповедных участках у нас в России». Это кажется ему «особенно обидно потому, что у нас до сих пор еще не поздно захватить для защиты такие уголки, природа которых весьма близка к первобытной, чего уже не найдёшь в Западной Европе» (там же, с. 21–22). Далее он обращает особое внимание на то, что рациональное ведение сельского и охотничьего хозяйства на научных основаниях способствует частичному возрождению природных богатств и что соседство с человеком само по себе не препятствует «кипению жизни», если не сопровождается её истреблением.

Здесь же Кожевников формулирует ключевые условия организации и длительного существования охраняемых участков живой природы (там же, с. 24–25), каковые ему видятся следующими.

> Чтобы иметь возможность изучать природу, мы должны стараться сохранить её в её первобытной неприкосновенности в виде её наиболее типичных формаций. […] Участки, предназначенные для того, чтобы сохранить образцы первобытной природы, должны быть довольно большого размера, чтобы влияние культурности соседних местностей не отражалось на них, по крайней мере на далёких от края частях их. Участки эти должны быть заповедными в самом строгом смысле слова. По отношению к фауне в них должна быть абсолютно запрещена всякая стрельба и ловля каких бы то ни было животных, за исключением тех случаев, когда это нужно для научного исследования. Всякие меры, нарушающие естественные условия борьбы за существование, здесь недопустимы. […] Не надо ничего устранять, ничего добавлять, ничего улучшать. Надо предоставить природу самой себе и наблюдать результаты.

Вот так Г.А. Кожевников впервые публично излагает выстраданную им и ставшую в скором времени знаменитой идею абсолютной заповедности: отсутствие всякого вмешательства со стороны человека в естественные процессы, протекающие в природе. Эту идею он воспроизводит в одной из статей на страницах «Охотничьего вестника» так: «Пусть природа делает своё дело […]. Мы должны *только* наблюдать, а не исправлять или улучшать» (Кожевников, 1910б, с. 219). Детализируя и «приземляя» своё понимание смысла организации особо охраняемых участков, Г.А. подчёркивает (Кожевников, 1909г, с. 26):

> Недостаточно объявить участок заповедным, надо принять меры к тому, чтобы он имел право по существу дела называться таковым. Надо подумать о том, чтобы заповедный участок был расположен среди других угодий таким образом, чтобы вокруг него существовала по возможности широкая незаселённая полоса. […] Кроме забот об изоляции участка самими условиями его расположения, необходимо подумать об его строгой охране от людей. Всякая охота на каких бы то ни было животных должна быть строго запрещена, и единственное исключение может быть сделано для строго научных целей. […] Собирание грибов и ягод тоже не должно быть разрешаемо в заповедных участках. По возможности надо запрещать проезд и проход по этим участкам, что не будет особенно затруднительно делать при условии их расположения в глухих, необитаемых местностях.

Предложение Кожевникова основывать природоохранное движение на идее абсолютной заповедности было встречено утилитаристами с известным скепсисом: им оно показалось слишком уж радикальным и к тому же несущим в себе определённые угрозы хозяйственному использованию природных ресурсов. Среди скептиков оказались ближайшие коллеги Г.А. Кожевникова — Н.Ю. Зограф и Н.М. Кулагин: они высказали опасение, что заповедники могут стать пристанищем и рассадником хищников, вредителей сельского хозяйства и иных «вредных» видов (Кожевников, 1909г). Отвечая своим оппонентам, Г.А. Кожевников подчёркивал, что, напротив, именно «культурные поля» создают «особенно благоприятные условия для развития вредных насекомых» (там же, с. 27).

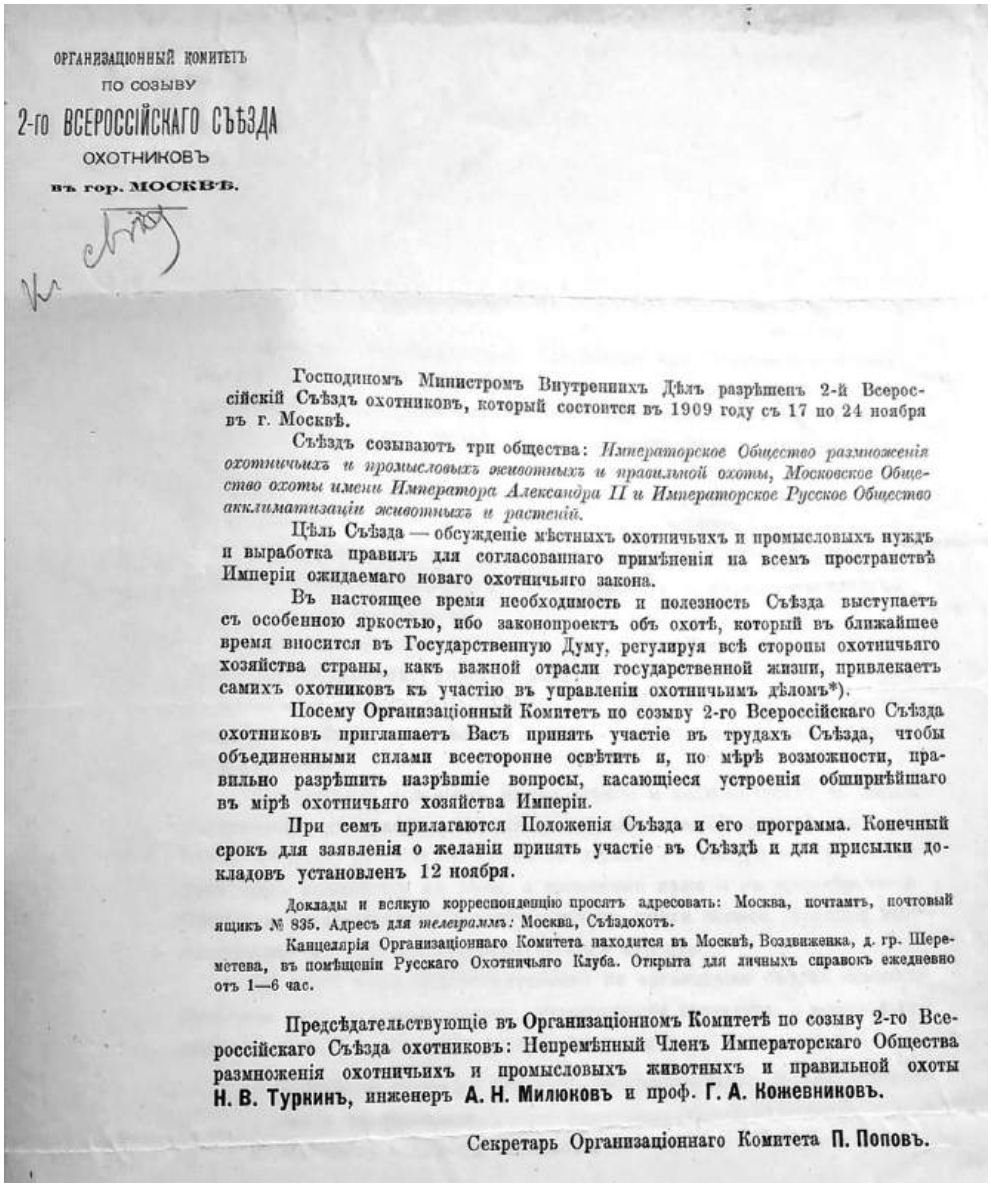
И всё же наш горячий защитник природы с удовлетворением отмечает (Кожевников, 1908г, с. 277), что после некоторых дебатов Акклиматизационный съезд

> единогласно признал желательным устройство заповедных участков, постановил передать этот вопрос на попечение общества акклиматизации и обратиться, в целях практического осуществления этого вопроса, в главное управление земледелия и землеустройства и в главное управление уделов, а также к некоторым богатым землевладельцам, которые, быть может, согласятся применить, подобно Ф.Э. Фальц-Фейну, частный почин к интересному научно-практическому делу.

На этом съезде Г.А. Кожевников также сделал доклад «Фауна культурных местностей», в котором показал, что «многие птицы не боятся соседства человека и постепенно привыкают к жизни в культурных местностях, если их не преследуют» (там же). Он предложил «передать состоящему при обществе [акклиматизации] “Кружку любителей певчей и иной вольной птицы” заботу о том, чтобы у нас заселённые местности не были лишены своего птичьего населения» (там же), его предложение было принято. В одной из статей в «Охотничьем вестнике», предваряющих этот доклад, Г.А. делится своими впечатлениями о развитии охотничьих хозяйств в Германии и обращает внимание на то, что «для многих зверей и птиц, в том числе и для составляющих предмет охоты, является вполне возможным жить и размножаться в населённых местностях, и весь вопрос заключается в том, чтобы […] завести *охотничье хозяйство*» (Кожевников, 1907м, с. 348). И он заключает с горечью, что «нам, при нашей бедности и некультурности, нечего и думать об охотничьих угодьях немецкого типа» (там же, с. 381).

Одним из примечательных откликов на эти «прикладные» выступления Кожевникова стала небольшая заметка в газете «Русское слово» (апрель 1910 г.), автор которой, некто «А.Л.», обратил внимание Московской городской управы на слова докладчика о необходимости «сохранения Погоно-Лосиного острова в его настоящем виде и о превращении его в национальный парк» (А.Л., 1910). Вот так общие, широкомасштабные идеи и предложения чуть ли не сразу могут получать конкретные воплощения, приучая людей к тому, что охранять природу следует не «вообще», а заботясь о каждом её небольшом кусочке.

Съезд охотников был созван в 1909 г. в связи с выше упомянутым обнародованием прави-

ОРГАНИЗАЦІОННЫЙ КОМИТЕТЪ
ПО СОЗЫВУ
2-го ВСЕРОССІЙСКАГО СЪѢЗДА
ОХОТНИКОВЪ
въ гор. МОСКВѢ.

Господиномъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшенъ 2-й Всероссійскій Съѣздъ охотниковъ, который состоится въ 1909 году съ 17 по 24 ноября въ г. Москвѣ.

Съѣздъ созываютъ три общества: *Императорское Общество размноженія охотничьихъ и промысловыхъ животныхъ и правильной охоты, Московское Общество охоты имени Императора Александра II и Императорское Русское Общество акклиматизаціи животныхъ и растеній.*

Цѣль Съѣзда — обсужденіе мѣстныхъ охотничьихъ и промысловыхъ нуждъ и выработка правилъ для согласованнаго примѣненія на всемъ пространствѣ Имперіи ожидаемаго новаго охотничьяго закона.

Въ настоящее время необходимость и полезность Съѣзда выступаетъ съ особенною яркостью, ибо законопроектъ объ охотѣ, который въ ближайшее время вносится въ Государственную Думу, регулируя всѣ стороны охотничьяго хозяйства страны, какъ важной отрасли государственной жизни, привлекаетъ самихъ охотниковъ къ участію въ управленіи охотничьимъ дѣломъ*).

Посему Организаціонный Комитетъ по созыву 2-го Всероссійскаго Съѣзда охотниковъ приглашаетъ Васъ принять участіе въ трудахъ Съѣзда, чтобы объединенными силами всесторонне освѣтить и, по мѣрѣ возможности, правильно разрѣшить назрѣвшіе вопросы, касающіеся устроенія обширнѣйшаго въ мірѣ охотничьяго хозяйства Имперіи.

При семъ прилагаются Положенія Съѣзда и его программа. Конечный срокъ для заявленія о желаніи принять участіе въ Съѣздѣ и для присылки докладовъ установленъ 12 ноября.

Доклады и всякую корреспонденцію просятъ адресовать: Москва, почтамтъ, почтовый ящикъ № 835. Адресъ для *телеграммъ:* Москва, Съѣздохотъ.

Канцелярія Организаціоннаго Комитета находится въ Москвѣ, Воздвиженка, д. гр. Шереметева, въ помѣщеніи Русскаго Охотничьяго Клуба. Открыта для личныхъ справокъ ежедневно отъ 1—6 час.

Предсѣдательствующіе въ Организаціонномъ Комитетѣ по созыву 2-го Всероссійскаго Съѣзда охотниковъ: Непремѣнный Членъ Императорскаго Общества размноженія охотничьихъ и промысловыхъ животныхъ и правильной охоты **Н. В. Турнинъ**, инженеръ **А. Н. Милюковъ** и проф. **Г. А. Кожевниковъ.**

Секретарь Организаціоннаго Комитета **П. Поповъ.**

Рис. 5.9. Информационный бюллетень оргкомитета 2-го Всероссийского съезда охотников (1908 г.) о его созыве и задачах (АрхМОИП. 1909. Д. 888. Л. 70)

тельственного законопроекта об охоте, поэтому основной целью Съезда было заявлено «обсуждение местных охотничьих и промысловых нужд и выработка правил для согласованного применения на всём пространстве Империи ожидаемого нового охотничьего закона»; на этом съезде Г.А. Кожевников представлял ОАЖР и был одним из трёх его сопредседателей (рис. 5.9) (АрхМОИП. 1909 г. Д. 888. Л. 70). Свои основные соображения об организации охраняемых участков дикой природы он изложил в докладе «О заповедных участках» (опубликован в Трудах съезда в 1911 г.), в котором по вполне очевидным причинам сделал упор на вопросах регулирования промысловых видов животных и условий их обитания.

Подготавливая охотничье сообщество к восприятию идеи абсолютной заповедности, Кожевников не устаёт повторять, что все виды так или иначе участвуют в поддержании природного равновесия, а «полезными» или «вредными» их считает человек в основном в отношении самого себя и своей деятельности. Он полагает, что «мы ещё слишком мало знаем природу, чтобы иметь право портить её идеально устроенное саморегулирование, её

равновесие», которое представляет «собою такую сложную цепь взаимоотношений и взаимодействий, что не нам, которые в сущности только звено в этой цепи, разрушать её своим вмешательством» (Кожевников, 1907з, с. 286). Г.А. обращает внимание на то, что охотничьи хозяйства типа «Беловежской пущи» или «Кубанской охоты», имеющие «громадное значение с точки зрения охраны дичи», являются несомненно охраняемыми, но не заповедными. Последние отличаются тем, что в них «природа вполне предоставлена самой себе» — и именно по этой причине «они могут иметь громадное, чисто научное значение» (Кожевников, 1911е, с. 372–373). Оставаясь на позициях учёного, Г.А. Кожевников подчёркивает «всю важность, всю необходимость, в целях науки, наблюдать природу в полной неприкосновенности, вне каких-либо искусственных влияний со стороны человека. Только при этих условиях мы можем выяснить закон природы, можем выяснить то биологическое равновесие, которое царит в ней» (там же, с. 373).

Примечателен один из рецептов, который предлагает Кожевников для того, чтобы приблизиться к пониманию «законов равновесия» живой природы. Одной из причин нашего неведения он считает (там же, с. 375) то, что

> слишком многие натуралисты сидят в своих кабинетах, совершенно не производя наблюдений среди природы. Занимаясь изучением микроскопического строения и систематики животных на лабораторном материале, весьма многие натуралисты совершенно чуждаются жизни леса, поля, степи, чуждаются живой природы. […] Чтобы ответить на самые основные вопросы биологии, как, например: что влияет на усиленное размножение вида, что влияет на его количественную убыль, какие виды приносят вред другим видам и в какой степени и т. п., — необходимо производить наблюдения именно на нетронутых человеком участках природы, где она предоставлена вполне самой себе.

Идея природного равновесия пришлась по душе участникам зоологической подсекции охотничьего съезда, которые на своём заседании пришли к заключению, что нужно «уничтожить понятие об абсолютно вредных животных, ибо научными данными доказано, что нет абсолютно вредных или полезных животных», поэтому нужно «свести к минимуму […] список вредных животных», предлагаемый в качестве приложения к обсуждаемому проекту закона (Труды…, 1911, с. 46, 54). Развивая эту идею несколькими годами позже, Г.А. считает важным не смешивать задачи охраны охотничьей фауны и охраны природы, поскольку они разные: в первом случае допустимо уничтожение хищников и подпускание дичи, привезённой из других мест; во втором случае «охранять природу надо в её первобытном состоянии, [поэтому] медведь, волк, лисица подлежат охране на совершенно тех же правах, как заяц или тетерев» (Кожевников, 1916е, с. 283).

По-видимому, Г.А. Кожевников одним из первых среди отечественных натуралистов стал рассматривать хищников как важную часть природных сообществ. С этой точкой зрения, совершенно чуждой обывательскому взгляду на природу, он вплотную соприкоснулся во время ознакомления с содержанием лекций проф. К. Экштейна (Karl Eckstein) в Эберсвальдском университете в Германии. Тот учил, что жертвами хищников «являются экземпляры слабые […] вообще то, что можно считать своего рода отбросом из состава вида. […] это один из способов действия того самого “отбора”, который считается столь важным фактором в прогрессивном развитии животного и растительного царства» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 13). Излагая эту позицию на охотничьем съезде, Г.А. старается объяснить его участникам (Кожевников, 1911е, с. 373–374),

> что хищники являются до некоторой степени полезными в охотничьих хозяйствах, так как они содействуют проявлению закона естественного отбора, важное значение которого в жизни природы было, как вы, конечно, знаете, так ярко выставлено Дарвином. По этому закону отбора слабые погибают, давая возможность развиться более сильным, ко-

торые произведут более сильное, более трудоспособное, более приспособленное к жизненной борьбе потомство. Применяя этот общий закон к частному случаю полезного значения хищников, мы имеем полное основание утверждать, что жертвами этих хищников станут прежде всего больные, плохо приспособленные к жизненной борьбе особи. […] Подобные факты являются для нас весьма важными доказательствами существующего в природе закона равновесия между различными представителями фауны. [Однако] мы ещё далеки в настоящее время от понимания законов равновесия, господствующих в природе и наглядно проявляющихся в том, что одновременно благоденствуют и хищники, и их добыча, и паразиты, и их хозяева.

Впрочем, когда у Кожевникова «экологическое мышление» вступает в острое противоречие с антропоцентризмом и диктуемым им прагматизмом, он всё-таки отдаёт приоритет второму. Это происходит в тех случаях, когда речь заходит о хищных зверях, традиционно и безусловно считающихся «вредными для человека». Так, много позже в докладе «Человек как истребитель и охранитель природы» (1924 г.) Г.А. уверяет своих слушателей, что «когда говорят о таком хищнике как волк, то, конечно, можно говорить только о его истреблении. […] Нужно убивать ежегодно минимум 60.000 для того, чтобы количество их уменьшилось. О таких хищниках нельзя говорить иначе как только об их истреблении» (Кожевников, 1925ж. Л. 15–16 [рук.]).

Завершая увещевание участников Охотничьего съезда в необходимости заповедных участков, Кожевников ещё раз чётко формулирует принцип абсолютной заповедности, задавая себе риторический вопрос и сам же отвечая на него (Кожевников, 1911е, с. 376), отчасти повторяясь:

Какие принципы должны быть положены в основу устройства таких «заповедников»? По-моему, лишь один главный принцип, от систематического и строгого соблюдения которого зависит всё: *полная неприкосновенность*. В пределах заповедного участка не допустимы не только какие бы то ни было порубки или посадки, но даже и покос. […] Настоящий заповедный участок должен быть вполне неприкосновенен и абсолютно закрыт для стрельбы. Допустимо лишь коллектирование с вполне определёнными научными мыслями, для решения определённых научных задач, относящихся к биологии данного участка.

Как и прежде на Акклиматизационном съезде, Г.А. Кожевников обращается «к глубокоуважаемому Съезду [охотников] с предложением дать свою авторитетную санкцию этому вопросу — принятием резолюции принципиального характера». Он полагает, «что резолюция нашего Съезда по этому вопросу будет иметь важное значение, так как с резолюциями Съезда будут считаться и соответствующие ведомства, и Государственная Дума» (там же, с. 378).

Одним из важных результатов Съезда охотников стал уточнённый проект Закона об охоте, призванного заменить «Правила об охоте» от 1892 г. Этот проект был опубликован в «Охотничьей газете» (№ 10 за 1909 г.), основные его новшества касались регулирования весенней охоты на разного рода дичь. Активное обсуждение данного важного пункта началось в преддверии Съезда в 1907 г. на страницах «Охотничьего вестника», большинство его участников (включая Кожевникова) высказались против весенней охоты. Среди наиболее активных защитников этой позиции, наряду с Г.А. Кожевниковым и Б.М. Житковым, был юрист по образованию и зоолог по основным интересам С.А. Бутурлин. На основании проведённого обсуждения Зоологическая подсекция съезда большинством голосов приняла выдвинутую ими резолюцию: «Совершенно воспретить весеннюю стрельбу и ловлю птиц»; впрочем, это «совершенное воспрещение» было дополнено несколькими исключениями (Труды…, 1911).

Нечего и говорить, что данное предложение учёных-зоологов вызвало бурную критику со стороны многих людей, безоговорочно и без всяких ограничений «любящих» живую природу весьма специфическим образом — сквозь прицел ружья. В результате в острой форме про-

явилось обозначившееся ещё до съезда разделение охотников на противников и сторонников весенней охоты, так что в итоговом документе съезда это предложение было принято в весьма мягкой формулировке (Борейко, 2013б). Противостоящие друг другу стороны сгруппировались вокруг двух популярных охотничьих журналов: в журнале «Охотничий вестник» печатали свои комментарии его сторонники, в том числе Г.А. Кожевников; редактируемый заядлым охотником-любителем Н.В. Туркиным журнал «Природа и охота» стал трибуной для противников закона. На страницах этих журналов острая дискуссия продолжилась и после съезда, порой переходя «на личности».

Против запрета весенней охоты особенно резко выступал Н.В. Туркин, который слыл среди наших природоохранителей за «мерзавца» и «прохвоста»: столь резко о нём отозвался С.А. Бутурлин в своём письме к Г.А. в июне 1907 г. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 454). В 1910 г. в нескольких выпусках «Природы и охоты» оный Туркин опубликовал несколько довольно объёмных разгромных статей о Кожевникове и о его докладе на Съезде, а также призвал охотников публиковать в своём журнале отрицательные комментарии о проекте нового закона. При этом критики последнего, выступающие от имени «Общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты», по мнению Г.А. Кожевникова, допустили прямое искажение некоторых важных положений проекта. Задетый за живое личными выпадами Н.В. Туркина, позабывшего «правила приличия», Кожевников одному из своих печатных ответов на его критику предпосылает в качестве эпиграфа примечательную латинскую поговорку «*Quem vult Jupiter perdere — dementat*» (Кого Юпитер хочет погубить, лишает разума), тем самым подчёркивая бессмысленный, неразумный характер доводов, выдвигаемых против закона его противниками (Кожевников, 1910в, с. 6). Дело доходит до того, что Кожевников принуждён опубликовать в «Охотничьем вестнике» «Открытое письмо», в котором обвиняет «г. Туркина» в том, что тот, «желая излить свою *личную* злобу за неизбрание в председатели [Съезда охотников], не постеснялся вовлечь Императорское общество [правильной охоты] в дело своей неудачной полемики с деятелями Съезда» (Кожевников, 1910г, с. 238).

Завершая своё участие в этой полемике и в качестве подкрепления своей позиции Г.А. Кожевников публикует во всё том же «Охотничьем вестнике» достаточно подробную информацию о состоявшемся в Граце (Австрия) незадолго до этого Международном зоологическом конгрессе, который постановил созвать Международную конференцию по всемирной охране природы (о ней см. следующий раздел) (Кожевников, 1910д). А затем публикует заметку в газете «Утро России» (апрель 1911 г.), где в спокойном и деловом тоне выражает надежду на то, «что выбранная Государственной Думой комиссия станет на точку зрения Всероссийского союза охотников и сократит до минимума весеннюю охоту или даже вовсе её запретит» (Кожевников, 1911о. Л. б/н).

Увы, все эти весьма горячие дебаты по поводу законодательной охотничьей инициативы оказались в то время зряшным «сотрясанием воздуха». Рабочий проект закона, подготовленный съездом, был передан в секретариат III Государственной думы, где для подготовки соответствующих нормативных документов учредили Охотничью комиссию. Этот проект «был помещаем неоднократно на очередь обсуждения на повестки общих заседаний Государственной думы. Однако […] охотничий законопроект оказался оттеснённым с очереди и на обсуждение третьей Думы не попал» (Кожевников, 1913р, с. 225). В 1912 г. III Дума была распущена императорским указом; вскоре созванная IV Дума вроде бы продолжила работу над подготовкой законопроекта, но Г.А. Кожевников сомневался в том, будут ли переданы результаты работы Охотничьей комиссии III Думы «“по наследству” четвёртой Думе или эта последняя начнёт всё сначала» (там же, с. 226). Вскоре после её созыва Г.А. в письме к А.П. Семёнову-Тян-Шанскому вы-

сказывает вполне обоснованное опасение, «что проект третьей Думы *не* принят во внимание Комиссией IV Думы. Тогда возможно, что всё хорошее в смысле естественной истории, что было в проекте III Думы и что было результатом Охотничьего съезда и голосования зоологов, теперь выкинут» (рис. 5.10) (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 224об). Однако все эти надежды и хлопоты в конечном итоге оказались напрасными: IV Дума была распущена в связи с началом 1-ой Мировой войны, к разработке природоохранительного законодательства вернутся уже новые власти России в 1918–1919 гг.

Несмотря на эту очевидную неудачу в продвижении нового закона об охоте, который учитывал бы природоохранительные задачи, у Г.А. Кожевникова не опустились руки и он продолжил — на своём уровне и по-своему — распространять идею охраны природы в охотничьей среде. Так, в 1916 и 1917 гг. он опубликовал (от имени комитета Первого съезда русских зоологов) специальный вопросник, в котором просил охотников сообщать ему, «что им лично известно относительно охраны природы» в местах их проживания (Кожевников, 1916е, с. 285), присовокупив к этому, как обычно, просьбу присылать в Зоологический музей МУ «материал по зверям своей местности […] с обозначением пола, места и времени убоя» (Кожевников, 1917в, с. 42).

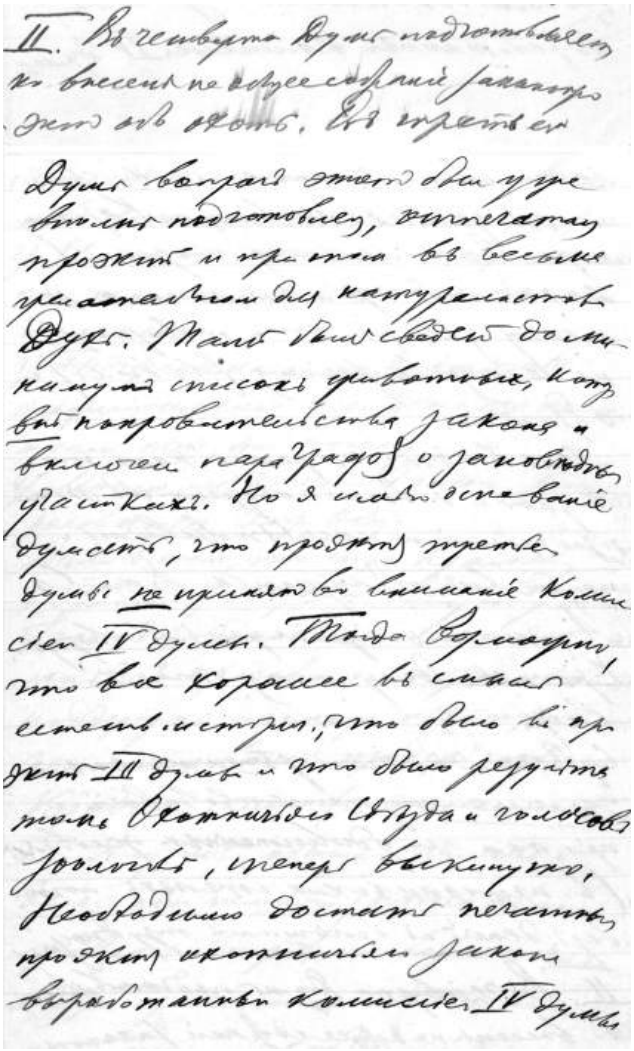

Рис. 5.10. Фрагмент письма Г.А. Кожевникова к А.П. Семёнову-Тян-Шанскому (ноябрь 1912 г.) с выражением сомнения в дееспособности Охотничьей комиссии IV Государственной думы (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 224об)

5.3. Дело начинает налаживаться

В начале 1910-х гг. российская научная общественность созрела до осознания необходимости перевода природоохранной идеи, которая, что называется, «носилась в воздухе», в практическую плоскость. Хорошим примером для них был успех с организацией вышеупомянутого заповедного участка «Аскания-Нова», на котором удалось частью сохранить, частью восстановить участки девственной степи. Весьма значительную роль в этом движении играл петербургский ботаник, весьма влиятельный академик И.П. Бородин. В конце 1909 г. он выступил с двумя важными докладами о насущных задачах охраны природы в России — на заседании РГО в Санкт-Петербурге и на XII Съезде русских естествоиспытателей и врачей в Москве. Тексты обоих его докладов были опубликованы в 1910 г. (т. е. чуть позже, чем выступления Г.А. Кожевникова, и, вероятно, независимо от него) — в Трудах Ботанического сада Юрьевского университета и в Дневнике названного Съезда, соответственно (Насимович, 1979; Манойленко, 2005).

В первом из указанных докладов, названном (со ссылкой на Гумбольдта и Конвенца) «Охрана памятников природы», И.П. Бородин сначала кратко характеризует состояние дел с организацией охраняемых территорий в США

и странах Западной Европы. Отталкиваясь от накопленных к тому времени достаточно скромных, но всё же многообещающих результатов, он полагает (Бородин, 1910 (1914), с. 21), что создание заповедных территорий —

> это наш нравственный долг перед родиной, человечеством и наукой. Мы уже поняли необходимость охранять памятники нашей старины; пора нам проникнуться сознанием, что важнейшими из них являются остатки той природы, среди которой когда-то складывалась наша государственная мощь, жили и действовали наши предки. Растерять эти остатки было бы преступлением.

Рассматривая возможности воплощения в жизнь природоохранной идеи, Бородин обращает внимание на то, что наиболее подходящей институцией для начала практической работы в нужном направлении является РГО, которое объединяет «в своей среде представителей весьма различных специальностей […] и весьма широко разветвлено по России […]. Ввиду этого можно было бы предложить образовать при Имп. Р. Геогр. Общ. в С.-Петербурге “центральный природоохранительный комитет” с участием в нём представителей различных заинтересованных ведомств»; к сему Бородин прибавляет, что «считал бы полезным образование нового Общества, возможно широко разветвлённого по стране» (там же, с. 28, 29). Это предложение будет воплощено в жизнь через десять с небольшим лет: имеется в виду ВООП (см. далее).

На том же съезде в Москве с веским словом в пользу создания заповедников выступил известный лесовод Г.Ф. Морозов; он утверждал (цит. по: Саксонов и др., 2017, с. 6) следующее:

> Выделение заповедных участков должно происходить по возможности планомерно с положением в основу ботанико-географического подразделения: заповедные участки должны находиться в каждой ботанико-географической области, представляя в своей совокупности ряд характернейших и наиболее ценных в научном отношении типов растительности.

В эти же годы бурную организационную деятельность по пропаганде идеи охраны природы развил в Украине ботаник В.И. Талиев. Он устроил несколько природоохранных выставок в Харькове, Киеве и некоторых других городах, в 1911 г. учредил Харьковское общество любителей природы и стал его председателем (оно просуществовало до 1918 г.), опубликовал несколько научно-популярных книг по этой теме, из которых особенно известным стал выше упоминавшийся небольшой памфлет «Охраняйте природу» (Щербакова, 1960). Его лейтмотивом была этико-эстетическая идея: «Красота природы имеет собственную высокую ценность, она должна быть охраняема независимо от узкопрактических задач» (Талиев…, 2007).

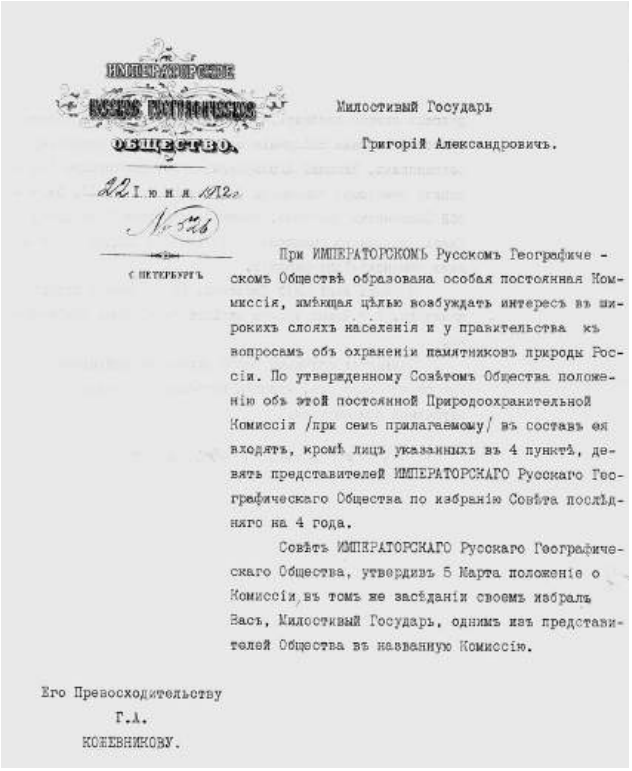
В 1912 г. в Зоологическом музее МУ было созвано весьма представительное совещание членов Орнитологического отдела ОАЖР и Комиссии для исследования фауны Московской губернии при ОЛЕАЭ (о ней см. раздел 3.4), которое его инициатор Г.А. Кожевников открыл докладом «Некоторые очередные вопросы охраны животных от истребления» (Кожевников, 1912д). Он отметил, что «в настоящее время только одни охотничьи общества включают в круг своей деятельности вопросы охраны животных, да и то лишь охотничьих. […] Но настоятельно пора заняться этим вопросом гораздо шире, и естественноисторические общества должны непременно включить это дело в круг своих занятий» (там же, с. 363). Среди первоочередных задач Г.А. указал необходимость строгой охраны птиц на пригородных территориях, изучения (с помощью кольцевания) маршрутов пролёта и мест зимовок перелётных птиц с целью налаживания их охраны там.

Обращение И.П. Бородина и вослед ему только что процитированный призыв Г.А. Кожевникова очень скоро возымели желаемое последствие: в 1912 г. при РГО была учреждена Постоянная природоохранительная комиссия (Чибилев, Тишков, 2012). Целью комиссии в уставном документе было объявлено (Арх-МГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. б/н):

возбуждать интерес в широких слоях населения и у Правительства к вопросам об охранении памятников природы России и осуществлять на деле сохранение в неприкосновенности отдельных участков и целых местностей, важных в ботанико- и зоо-географическом, геологическом и вообще в физико-географическом отношениях, охранение отдельных видов растений, животных, и пр.

В состав Комиссии[2] были включены представители целого ряда заинтересованных научных, правительственных и общественных организаций, в том числе братья А.П. и В.П. Семёновы-Тян-Шанские и Г.А. Кожевников (рис. 5.11) (от РГО), И.П. Бородин и Н.В. Насонов (от Академии наук), а также Ф.Э. Фальц-Фейн (владелец заповедника «Аскания-Нова»). И.П. Бородин был избран товарищем (заместителем) председателя Комиссии (им стал министр земледелия А.С. Ермолов), А.П. Семёнов-Тян-Шанский — одним из членов Бюро. Ведущих членов комиссии, по примеру известной группы российских композиторов-славянофилов, позже назовут «могучей кучкой заповедного дела» (Чибилев, 2017). Одной из основных задач комиссии была объявлена подготовка проекта «особого закона, обеспечивающего образование заповедных участков свободной природы и их нерушимость в будущем» (Семёнов-Тян-Шанский, 1913).

Учреждение Природоохранительной комиссии оказалось, как говорится, «дорогим яичком ко Христову дню». Дело в том, что в августе 1910 г. VIII Международный зоологический конгресс, проходивший в Австрии (Грац), по предложению швейцарского натуралиста Поля Саразина (Paul Benedict Sarasin) постановил созвать Международную конференцию по охране природы. Кожевников, участвовавший

ИМПЕРАТОРСКОЕ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО.

22 Іюня 1912г.
№ 526
С.ПЕТЕРБУРГЪ

Милостивый Государь
Григорій Александровичъ.

При ИМПЕРАТОРСКОМЪ Русскомъ Географическомъ Обществѣ образована особая постоянная Комиссія, имѣющая цѣлью возбуждать интересъ въ широкихъ слояхъ населенія и у правительства къ вопросамъ объ охраненіи памятниковъ природы Россіи. По утвержденному Совѣтомъ Общества положенію объ этой постоянной Природоохранительной Комиссіи /при семъ прилагаемому/ въ составъ ея входятъ, кромѣ лицъ указанныхъ въ 4 пунктѣ, девять представителей ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества по избранію Совѣта послѣдняго на 4 года.

Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества, утвердивъ Ваша положеніе о Комиссіи, въ томъ же засѣданіи своемъ избралъ Васъ, Милостивый Государь, однимъ изъ представителей Общества въ названную Комиссію.

Его Превосходительству
Г.А.
КОЖЕВНИКОВУ.

Рис. 5.11. Официальное извещение Г.А. Кожевникова (июнь 1912 г.) о его избрании членом Природоохранительной комиссии при РГО (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 246)

в работе Зоологического конгресса, сразу же по возвращении из Граца сообщил о его важном решении в газете «Русские ведомости» (Кожевников, 1910е). Для организации конференции был создан Временный комитет в составе 14 зоологов, Россию на нём представлял Г.А. Кожевников (Абашидзе, Солнцев, 2006). Этот комитет принял решение провести названную конференцию в Швейцарии, где она и состоялась в ноябре 1913 г. в Берне; в ней участвовали представители 17 государств, по решению Природоохранительной комиссии при РГО делегатами от России на неё послали И.П. Бородина и Г.А. Кожевникова; материалы конференции были изданы на русском языке в 1915 г. (Мировая…, 1915).

Одним из важных практических решений Бернской конференции стало принятие особого «Акта основания Совещательной Комиссии для международной охраны природы» с представительством двух делегатов от каждого государства-участника. От России в неё, после согласования с Академией наук и РГО, включи-

[2] Название Комиссии как «природоохранительной» фигурирует во всех виденных нами сообщениях, исходивших от РГО (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 246); однако в сводном списке комиссий и членов РГО она обозначена как Комиссия по сохранению памятников природы (Состав…, 1913).

ли всё тех же И.П. Бородина и Г.А. Кожевникова (Абашидзе, Солнцев, 2006; Манойленко, 2005). К сожалению, в связи с началом 1-й Мировой войны названный Акт не вступил в силу; тем не менее благодаря этой конференции впервые на международном уровне прозвучала идея необходимости межгосударственного сотрудничества для охраны живой природы.

Одним из примечательных проблемных вопросов, обсуждавшихся на Бернской конференции, стало сохранение малочисленных аборигенных племён. Его поднял П. Саразин в своём обширном докладе, который был посвящён проблемам истребления и сохранения диких животных, главным образом млекопитающих и птиц. Завершая его, докладчик объявил, что среди задач мировой охраны природы есть «самая важная и самая прекрасная — спасти от уничтожения последние остатки *примитивных племён диких народов* и сохранить их по возможности нетронутыми для будущих поколений» (Мировая…, 1915, с. 65). Единственным участником Конференции, безоговорочно выступившим в поддержку этой саразиновой идеи, стал Г.А. Кожевников. Сославшись на авторитет Линнея, который в своей «*Systema Naturae*» поместил человека (род *Homo*) среди «видов животного царства», он заявил, что «если к нашей программе мы не прибавим *охрану первобытного человека*, мы совершим большую ошибку. […] Поэтому было бы громадной несправедливостью сказать: станем охранять растения и животных, слонов, райских птиц, крокодилов и т. д., но не надо охранять дикого человека» (там же, с. 97–98). И это не было случайным всплеском эмоций героя нашей книги: за несколько лет до конференции Кожевников объявил свою убеждённость в необходимости сбережения «дикого человека» на страницах «Охотничьего вестника», написав, что считает «завоевание земель беззащитных дикарей гнусным пятном на европейской культуре. […] Их право на жизнь одинаково с нашим» (Кожевников, 1910д, с. 251). Однако, как отметил И.П. Бородин в своём кратком информационном сообщении, открывающем сборник докладов «Мировая охрана природы», «при окончательном обсуждении вопроса охрана угасающих народностей была исключена» (Мировая…, 1915, с. 4).

Вскоре после завершения Бернской конференции в России было опубликовано несколько статей, имевших к ней и вообще к природоохранной проблематике тесное отношение. Кожевников опубликовал краткую информацию о конференции в газете «Утро России», ещё раз обратив внимание на необходимость «защиты первобытного человека» и пообещав «поставить этот вопрос на очередь путём докладов и специальных статей» (Кожевников, 1913п). В специальном выпуске журнала «Землеведение» появились две большие статьи за авторством Д.Н. Анучина (на основе доклада, представленного им на заседании ОЛЕАЭ) и Г.А. Кожевникова. В своей статье «Охрана памятников природы» Анучин обрисовывает общую ситуацию с формированием охраняемых территорий и отдельных памятников природы в разных странах (Анучин, 1914). Он предостерегает против тотального запрета эксплуатации природы не только в промышленных (это принципиально невозможно), но и в любительских целях (охота, рыбалка и т. п.): по его мнению, нужно не запрещать, а разумно ограничивать такую эксплуатацию, чтобы она не приводила к уничтожению видов и целых природных комплексов. Примечательно, что Анучин соглашается с идеей Саразина и Кожевникова о необходимости охраны «тех туземных племён, которые подвергаются часто усиленной эксплуатации, а иногда и истреблению» (там же, с. 50). Кожевников представил достаточно полный отчёт о самой Конференции, в том числе подробно осветив доклад Саразина (Кожевников, 1914е). И.П. Бородин ограничился переизданием (с небольшими дополнениями) отдельной брошюрой той статьи, в которой он опубликовал свой текст доклада на заседании РГО в 1910 г. (Бородин, 1910 (1914)). Как указано выше, на следующий год был подготовлен и выпущен сборник «Мировая охра-

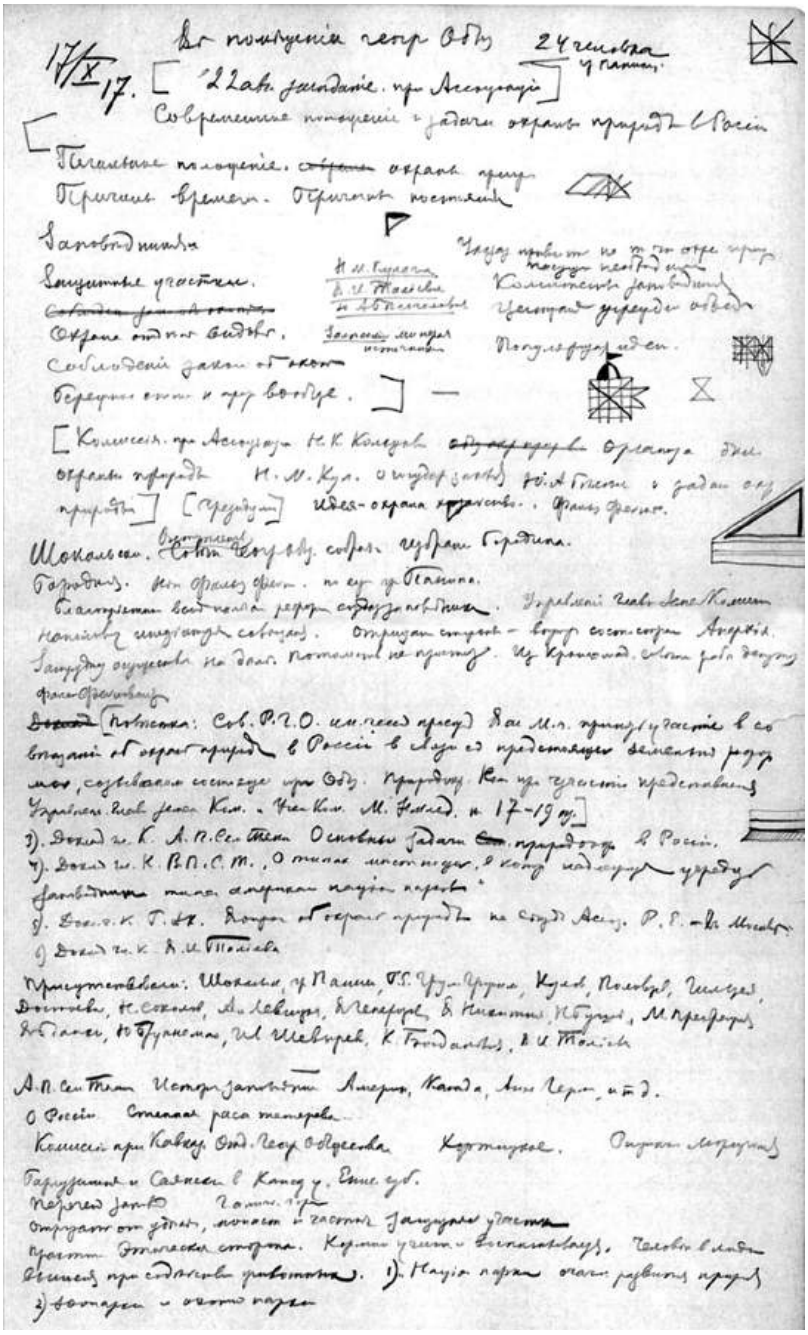

Рис. 5.12. Составленный Г.А. Кожевниковым рукописный «конспект» работы Конференции по охране природы (октябрь 1917 г.) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 286)

на природы» с русскоязычными переводами текстов всех докладов и резолюций, прозвучавших на конференции в Берне (Мировая…, 1915)[3].

Но вернёмся к Природоохранительной комиссии при РГО. Через несколько лет напряжённой работы она обнародовала несколько важных документов, заложивших солидный фундамент в организацию охраны природы в России (Тишков, 2017; Чибилев, 2017). Первым из них был проект Закона об охотничьих заповедниках (1916 г.), ставший результатом коллективного творчества учёных и юристов; среди последних весьма значима роль С.В. Завадского, который указал на необходимость учреждения центрального правительственного ведомства для эффективного регулирования охраняемых земель[4].

В августе 1917 г. по предложению Природоохранительной комиссии Министерство земледелия приняло решение об учёте (инвентаризации) памятников природы и в связи с этим разослало опросный лист учреждениям и лицам, имеющим отношение к их охране. В октябре того же года комиссия созвала в Петрограде Конференцию по охране природы, в работе которой приняли участие многие члены «могучей кучки» — это стало их последним совместным рабочим заседанием (Вайнер (Уинер), 1991). О том, какие вопросы обсуждались на ней и кто более всего участвовал в обсуждении, отчасти свидетельствует некий «конспект» её работы, который для себя составил Г.А. Кожевников (рис. 5.12) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 286). На этом заседании В.П. Семёнов-Тян-Шанский, опираясь на идеи Г.Ф. Морозова (см. выше), представил проект «О типах местностей, в которых необходимо

[3] Тексты докладов И.П. Бородина и Г.А. Кожевникова перепечатаны в сборнике, посвящённом 100-летию Природоохранительной комиссии РГО (Чибилев, Тишков, 2012).

[4] Проект С.В. Завадского «Положения о заповедниках», подготовленный в 1914 г., не был опубликован, хранится в архиве РГО (Штильмарк, 2005).

организовать заповедники типа американских национальных парков» (Штильмарк, Аваков, 1979)[5], в котором впервые была чётко сформулирована научно обоснованная задача организации географической сети заповедников. В пояснительной записке к этому докладу его автор подчеркнул, что это нужно «прежде всего для сохранения на вечные времена в нетронутых видах грандиозных естественных, типичных географических ландшафтов нашей великой родины» (цит. по: Чибилев, Тишков, 2012, с. 36). Названный проект предусматривал планирование заповедных земель с учётом природной зональности, сосредоточения особо значимых и минимально нарушенных природных сообществ, исторически сложившегося размещения особых скоплений животных (мест размножения, зимовок и т. п.).

Незадолго до указанной конференции Природоохранительной комиссии, штаб-квартира которой была в Петрограде (бывшем Санкт-Петербурге), в Москве была учреждена Ассоциация русских естествоиспытателей[6], при которой предполагалось создание Всероссийского союза охраны природы, но вместо него учредили Природоохранительную комиссию по аналогии с таковой РГО, её устав подписали Н.М. Кулагин, Н.К. Кольцов и ботаник Л.М. Кречетович; в свою очередь, по инициативе этой комиссии было создано Московское общество охраны природы (Охрана…, 1917; Вайнер (Уинер), 1991; Макеева, 2014).

На 1-м Съезде (он же стал и последним) этой Ассоциации в августе 1917 г. выступил Г.А. Кожевников с докладом «Вопрос об охране русской природы». Докладчик, сказав несколько слов о страшных разрушениях природных богатств, которые несёт с собой ужасная война, обратил внимание присутствующих на особое условие, «которое неблагоприятно для дела охраны природы в России. Условие это следующее. Нет страны, где идея охраны природы была бы так мало популярна, как у нас в России» (Кожевников, 1917д, 1-я стр. рукописи). Данное условие будет побуждать Кожевникова постоянно обращать особое внимание на необходимость просветительной работы среди населения России .

Важное концептуальное значение этого доклада в том, что Г.А. выделил три исторических этапа формирования отношения человека к природе: 1) хищнический, 2) хозяйственный и 3) охранительный. По его мнению, Россия в конце 1910-х гг. находится в состоянии, переходном между 1-м и 2-м этапами, поэтому нужно всячески содействовать тому, чтобы этот переход состоялся как можно быстрее и безболезненнее, чем были бы созданы предпосылки к переходу к 3-му этапу. Такой ход мыслей, как полагает современный американский исследователь Д. Вайнер, в конечном итоге приведёт Кожевникова к сотрудничеству с большевистской властью в первой половине 1920-х гг. (Вайнер (Уинер), 1991). (От себя добавим, что в настоящее время Россия, похоже, всё ещё находится в некоем «переходном» состоянии.)

***

Конец 1910-х и начало 1920-х гг. в России ознаменовались грандиозными политическими катаклизмами — Февральской революцией и Октябрьским переворотом в 1917 г., последующей Гражданской войной, полной сменой власти и утверждением новых способов управления государством и обществом. Вызванные этими изменениями экономическая разруха и усилившийся традиционный правовой нигилизм повлекли за собой катастрофические последствия для природы европейской части России, носившие явные признаки глубокого экологического кризиса.

Г.А. Кожевников в только что упомянутом докладе «Вопрос об охране природы» с горечью констатирует (рис. 5.13) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. б/н):

[5] Тексты доклада В.П. Семёнова-Тян-Шанского и пояснительной записки к нему перепечатаны в сборнике, посвящённом 100-летию Природоохранительной комиссии РГО (Чибилев, Тишков, 2012).

[6] Идея создания такой Ассоциации восходит к середине XIX века, первую (безуспешную) попытку её реализации предпринял А.П. Богданов (Съезд…, 1902).

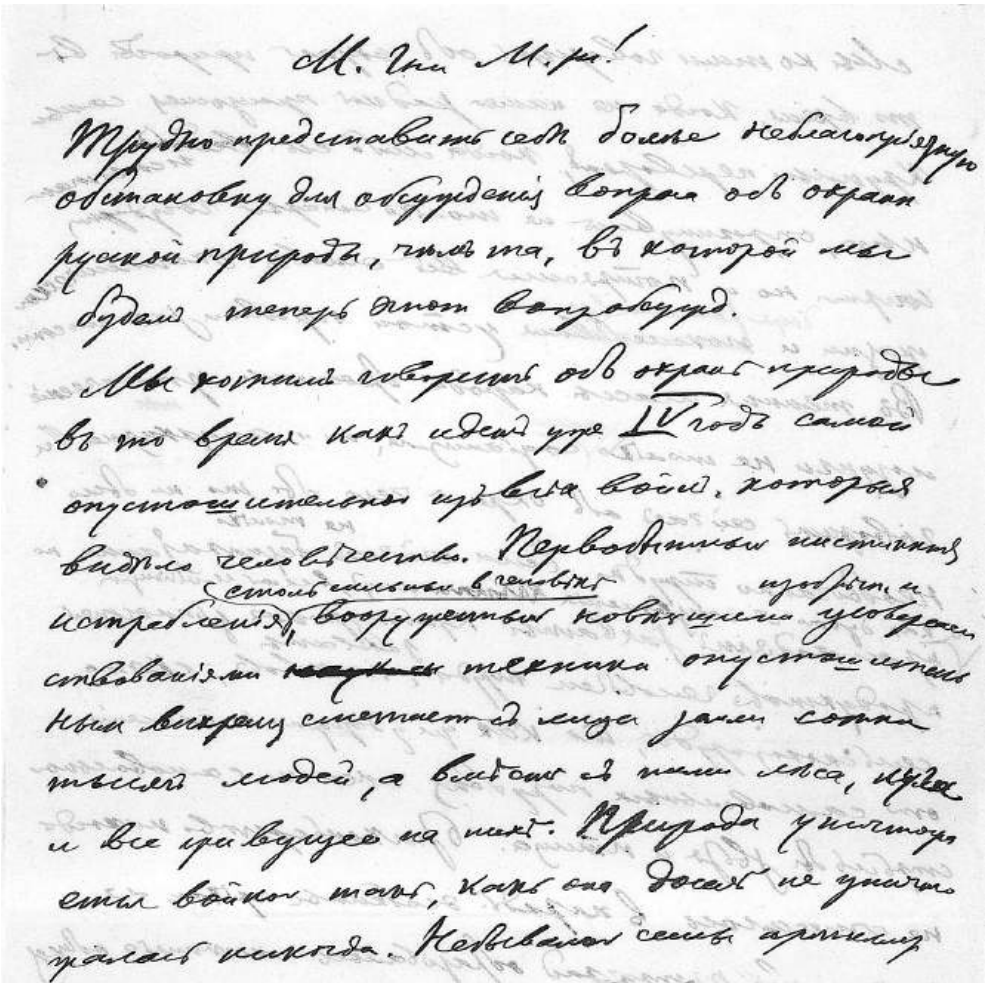

Рис. 5.13. Первая страница рукописного текста доклада Г.А. Кожевникова «Вопрос об охране природы» на 1-м Съезде Ассоциации русских естествоиспытателей в Москве (август 1917 г.) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. б/н)

Трудно себе представить условия, менее подходящие для обсуждения проблем охраны природы, чем те, при которых мы встретились сегодня. […] Война повлекла за собой невиданные ранее опустошения. […] Природа уничтожается войной так, как она доселе не уничтожалась никогда. […] Учёным приходится вести речь об охране природы в то время, когда не только весь старый государственный строй разрушен, но даже самые принципы законности временно попраны.

В письме к А.П. Семёнову-Тян-Шанскому, активному деятелю природоохранного движения, Г.А. добавляет: «Весь трагизм положения в том, что конкретно нет сейчас силы создать охрану [природы]. Кто остановит разрушителей?» (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 324об). Несколько позже, а именно в начале 1919 г., соглашаясь с Кожевниковым, А.П. напишет (Семенов-Тян-Шанский, 1919, с. 207–209):

Ужасная, подорвавшая наши хозяйственные ресурсы война, последовавшая за ней революция с её эксцессами и экономическая разруха, которую мы столь длительно переживаем, нанесла тяжкий, во многих случаях трудно поправимый ущерб природе. Вместе с частновладельческими усадьбами и благоустроенными культурными хозяйствами уничтожены и перепорчены обширные в сумме площади лесов и парков, животное население многих строго охранявшихся раньше лесов, рощ и парков бессмысленно уничтожено.

Из этого ясно, что природоохранное движение в послереволюционной России столкнулось с массой проблем самого разного характера — политических, организационных,

экономических, этических. Но при этом некоторые ключевые фигуры новые власти, с одной стороны, и природоохранители традиционного толка, с другой стороны, по некоторым важным пунктам нашли точки соприкосновения. По этим причинам новая власть поначалу вселила в сторонников охраны природы некоторые надежды на оживление природоохранного движения в желаемом им направлении.

Действительно, большевики были убеждены в необходимости государственного контроля над отношениями человека и природы, а их лидеры, получившие университетское образование (А.В. Луначарский, В.И. Ленин и др.), признавали необходимость изучения природы для обоснования и выработки методов её рациональной, в том числе щадящей эксплуатации (Соколов, 2010; Вайнер (Уинер), 1991). Что касается наших природоохранителей, то, например, Г.А. Кожевников призывал «прежде всего создать *государственную* организацию по типу прусской, центральное место, куда бы сходились все материалы по охране природы» (цит. по: Борейко и др., 1997, с. 63; выделено нами). Об этом он писал в своей записке «Охрана природы в разных странах в связи с вопросами о постановке этого дела в России», которую в 1918 г. направил в Совнарком, в ней он подчёркивает: «Необходимость охраны природы в нашей стране настолько очевидна, особенно в настоящее тревожное время, что доказывать эту необходимость не представляется никакой надобности» (цит. по: Борейко, 1996, с. 101). В записке Кожевников отмечает, что «часть этой работы должна, между прочим, заключаться в пропаганде идеи охраны природы, идеи совершенно чуждой пока русскому народу. А то, что чуждо народу, никогда не будет иметь настоящего успеха» (там же).

Определённое значение имел подъём энтузиазма по крайней мере у некоторых природоохранителей, воодушевлённых декларированными идеями свободы и демократии. Наверное, лучшей иллюстрацией настроений, царивших тогда среди некоторой части «природолюбивой» учёной интеллигенции, служат воззвания «*urbis et orbis*» одного из её ярчайших представителей — В.И. Талиева. Так, в одном из выпусков «Бюллетеня Харьковского общества любителей природы» в 1917 г. он писал: «Мы встали перед широчайшими перспективами максимальной свободы и полного народовластия» (цит. по: Вайнер (Уинер), 1991, с. 39). От имени только что названного общества Талиев страстно призывал (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 706. Л. б/н):

> Люди науки, учёные и культурно-просветительные общества всей России! С верой в творческую силу молодой демократической России соединимся и сделаем всё, чтобы интересы русской науки нашли себе должное место при решении аграрного вопроса и чтобы нерукотворные образы прошлой русской природы навсегда были сохранены для человечества.

И хотя Природоохранительная комиссия при РГО была упразднена вместе с самим обществом в 1918 г. (Чибилёв, Тишков, 2012), немалое число её участников — членов той самой «могучей кучки заповедного дела» — вошло в консультативные органы, создававшиеся в те годы при правительственных институциях для выработки проектов их решений. Поэтому с некоторыми оговорками первые годы советской власти можно считать временем активных и небезуспешных попыток воплощения планов названной комиссии (Тишков, 2017).

Ранний послереволюционный этап развития охраны природы в России принято называть «ленинским» — в честь лидера большевиков В.И. Ленина, мнение которого по тем или иным вопросам оказывало сильнейшее влияние на многие аспекты деятельности государственных органов (Штильмарк, 2014). Как полагал один из современных поборников идеи абсолютной заповедности и историограф отечественной охраны природы Ф.Р. Штильмарк, главной правовой основой для обустройства будущей заповедной системы в России и СССР стали инициированные Лениным декреты «О земле» (1917 г.), «О социализации земли» и «Основной закон о лесах» (1918 г.): они объявляли

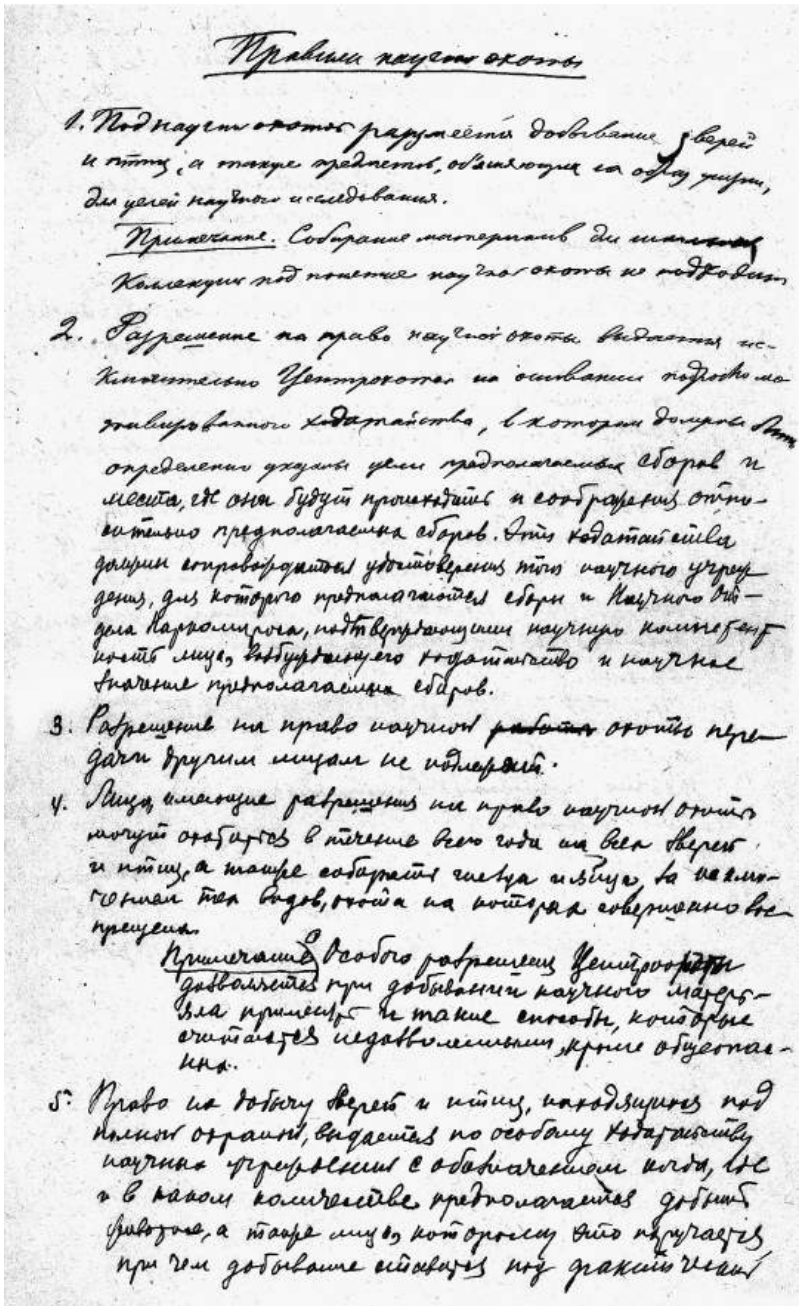
национализацию земли и лесных ресурсов и, по мнению Штильмарка (впрочем, едва ли справедливому), фактически обратили всю страну в огромный «национальный парк» (Штильмарк, 1996). Стоит отметить большую положительную роль, которую сыграл в начальном формировании заповедной сети член Совнаркома А.В. Луначарский: он понимал значение охраны природы и в качестве главы Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) взял продвижение связанных с нею организационных вопросов под свой личный контроль. Благодаря этому охрана природы в те годы оказалась в значительной мере ограждённой от решения народнохозяйственных задач, что случится с ней десятилетие спустя.

Как и в случае выше отмеченной «административной чехарды» при реорганизации университетской системы (см. раздел 2.7), поиски способов налаживания природоохранительной системы сопровождались многочисленными управленческими реорганизациями. В их ходе создавались и упразднялись комитеты и подкомитеты, комиссии и подкомиссии, которые рассматривали и решали вопросы охраны природы (Штильмарк, 2014). В деятельности этих органов принимал активное участие Г.А. Кожевников, писавший обращения и объяснительные записки в соответствующие инстанции по наиболее животрепещущим вопросам. В 1918 г. его включили в состав Комиссии по устройству зоопарка и организации заповедников при Научном отделе Наркомпроса, а также подкомиссии Научно-технического отдела Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) для разработки проекта Декрета об охоте (Штильмарк, 2014). Другими членами этой важной подкомиссии стали известные деятели охраны природы — охотовед Ф.Ф. Шиллингер и давний коллега Г.А. Кожевникова по университетской зоологии Б.М. Житков (Кожевников, 1920).

Основным результатом активной работы названной подкомиссии стала подготовка декретов «О сроках охоты и о праве на охотничье оружие» (1919 г.) и «Об охоте» (1920 г.) (Декрет…, 1919, 1920). Они наконец-то смогли осуществить мечту Г.А. Кожевникова и его единомышленников о запрете не только весенней, но даже и летней охоты на всей территории России, за исключением охоты с научной целью по особым разрешениям. Кроме того, этими декретами былиполностью запрещены охота на лосей и «диких коз» (косуль) и собирание птичьих яиц. Правда, во втором из указанных декретов решение всех вопросов регулирования охоты, включая учреждение охотничьих заповедников и заказников, было передано в ведение Народного комиссариата земледелия (Наркомзем). Это стало причиной конфликта между двумя ведомствами, связанными с природоохранной деятельностью и природопользованием, — Наркомпросом и Наркомземом: первый акцентировал внимание на сохранении природных ресурсов, второй — на их рациональном использовании (Скрипко, 2017).

Впрочем, на первых порах особого противоречия в их работе не возникало: людей, желающих и способных конструктивно обсуждать насущные задачи охраны природы, было не так много, поэтому они в той или иной форме работали в обоих наркоматах. После принятия декрета «Об охоте» при Наркомземе было образовано Центральное управление охотничьего хозяйства (Центрохота) во главе с большевиком, будущим наркомом юстиции Н.В. Крыленко; в его Научно-статистический отдел включили многих наиболее активных природоохранителей — Г.А. Кожевникова (назначен заведующим), Ф.Ф. Шиллингера, Б.М. Житкова, С.А. Бутурлина и др. (Вайнер (Уинер), 1991). После принятия декрета «Об охране памятников природы, садов и парков» (Декрет…, 1921) природоохранные функции были переданы Наркомпросу, при котором учредили Комитет по охране памятников природы, Кожевников и Шиллингер перешли в него, чтобы по мере возможности отстаивать «природоохранительные», а не «природопотребительные» решения.

Важным вкладом Кожевникова в разработку проекта декрета стала его весьма обстоятельная «Объяснительная записка к проекту декрета об охоте», представленная в Природоохра-

Правила научной охоты

1. Под научной охотой разумеется добывание зверей и птиц, а также предметов, объясняющих их образ жизни, для целей научного исследования.

Примечание. Собрание материалов для [illegible] Коллегии под понятие научной охоты не подводит.

2. Разрешение на право научной охоты выдается исключительно Центрохотой на основании подробно мотивированного ходатайства, в котором должно быть определено время предполагаемых сборов и место, где они будут производиться и соображения относительно предполагаемых сборов. Это ходатайство должно сопровождаться удостоверением того научного учреждения, для которого предполагаются сборы и Научного Отдела Наркомпроса, подтверждающим научную компетентность лица, возбудившего ходатайство и научное значение предполагаемых сборов.

3. Разрешение на право научной охоты передачи другим лицам не подлежит.

4. Лица, имеющие разрешение на право научной охоты могут отобрать в течение всего года не более зверей и птиц, а также собирать гнезда и яйца, не многочисленных видов, отнесенных к категории совершенно вымирающих.

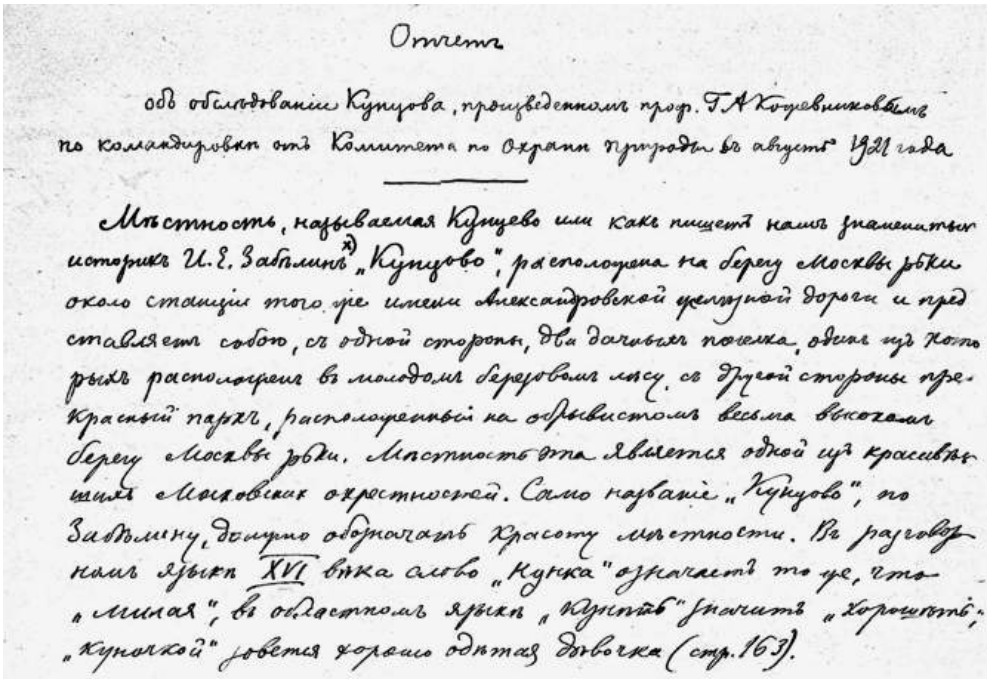
Примечание. В особого разрешения Центрохоты допускается при добывании научного материала приносить и такие виды, которые считаются недавно исчезнувшими, живущие обществами.

5. Право на добычу зверей и птиц, находящихся под полной охраной, выдается по особому ходатайству научных учреждений с обозначением цели, где и в каком количестве предполагается добыть животных, а также лиц, которым это поручается при чем добывание считается под каждым числом

Рис. 5.14. Первая страница рукописного текста составленного Г.А. Кожевниковым проекта «Правил научной охоты» (1920 г.) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 277. Л. 25)

нительную комиссию (Кожевников, 1920а), её содержание он доложил на заседании коллегии Научно-статистического отдела в мае 1919 г. В архиве Г.А. сохранился текст доклада некоего В.А. Фёдорова, представленного в 1919 г. в Научно-технический отдел при ВСНХ в связи с разработкой указанного проекта: в нём чётко проводится основная идея вышеупомянутого принципа государственности. Автор доклада предлагает для борьбы с «анархическим взглядом на охоту нашего населения» и усиления воспитательной функции декрета в первой же его статье «декларативно поставить мысль […]: Живущие на свободе дикие животные, звери и птицы признаются *государственным* достоянием»: это способствовало бы «укреплению в населении уважения к животным как *государственному* достоянию» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 277. Л. 1, 2, 6 [рук.]; выделено нами). Несколько позже Кожевников составил проект «Правил научной охоты», под которой предложил понимать «добывание зверей и птиц, а также предметов, объясняющих их образ жизни, для целей научного исследования»; эти правила были утверждены на междуведомственном заседании при Центрохоте в декабре 1920 г. (рис. 5.14) (там же. Л. 25 [рук.]).

В ходе подготовки декрета об охоте в 1920 г. при Главмузее Наркомпроса была учреждена Временная комиссия по охране природы. Такое своеобразное ведомственное подчинение охраны природы, видимо, должно было прийтись по вкусу по крайней мере некоторым нашим природоохранителям: так, А.П. Семёнов-Тян-Шанский за год до этого выступил на Конференции музейных работников с докладом «Свободная природа, как великий живой музей, требует неотложных мер ограждения», затем опубликованным в виде статьи в журнале «Природа» (Семенов-Тян-Шанский, 1919; Штильмарк, 2014). Во главе этой Временной комиссии поставили Ф.Ф. Шиллингера, которого вскоре сменил большевик, по специальности астроном В.Т. Тер-Оганезов, из учёных-зоологов в её состав включили С.А. Северцова, Г.А. Кожевни-

Отчет

об обследовании Кунцева, произведенном проф. Г.А. Кожевниковым по командировке от Комитета по охране природы в августе 1921 года

Местность, называемая Кунцево или как пишет наш знаменитый историк И.Е. Забелин „Кунцово", расположена на берегу Москвы-реки около станции того же имени Александровской железной дороги и представляет собою, с одной стороны, два дачных поселка, один из которых расположен в молодом березовом лесу, с другой стороны прекрасный парк, расположенный на обрывистом весьма высоком берегу Москвы-реки. Местность эта является одной из красивых окрестностей. Само название „Кунцово", по Забелину, должно обозначать красоту местности. В разговорном языке XVI века слово „Кунка" означает то же, что „милая", в областном языке „Кунтяб" значит „хороший", „кунакой" зовется хорошо одетая девочка (стр. 163).

Рис. 5.15. Первая страница рукописного текста отчёта Г.А. Кожевникова (август 1921 г.) об обследовании природных условий Кунцева (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 288)

кова, Б.М. Житкова, С.И. Огнёва и А.Ф. Котса (Штильмарк, 1979). В 1920 г. комиссия была преобразована в Комитет по охране памятников природы Главмузея, а в 1921 г. — в Отдел охраны памятников природы; в период всех этих преобразований названным отделом короткое время заведовали Талиев и затем Шиллингер, пока наконец указующий перст начальства не остановился на Н.М. Кулагине, а его заместителем назначили Г.А. Кожевникова в статусе заведующего Подотделом учёта и охраны отдельных памятников природы (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 289). Согласно отчёту о работе Комитета/Отдела за 1920 г., одной из его инициатив стало предложение учредить Музей охраны природы, с поручением разработки его проекта В.И. Талиеву (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 287).

Одним из основных направлений работы Временной комиссии и её преемника Комитета/Отдела по-прежнему оставалась подготовка правительственных решений, в данном случае — об учреждении конкретных заповедников или заказников. Подготовка включала прежде всего детальное обследование предлагаемых охраняемых территорий: их физико-географических и общих ландшафтно-экологических характеристик, степень хозяйственного воздействия и, наконец, рекомендации по сохранению. Примером результата такой экспертной работы служит многостраничный рукописный отчёт обследования природных условий Кунцева в окрестностях Москвы, проведённого Г.А. Кожевниковым в августе 1921 г. от имени Отдела охраны природы по поручению Луначарского (рис. 5.15) (Кожевников, 1921в). Первым «детищем» Отдела стал Ильменский заповедник, причём в декрете о его учреждении было дано определение заповедника как «национального достояния, предназначенного исключительно для выполнения научных и научно-технических задач» (цит. по: Вайнер (Уинер), 1991, с. 54). Всего за первую половину 1920-х гг. благодаря усилиям членов Комиссии/Комитета было выделено около двух десятков особо охраняемых территорий, коим был присвоен статус заповедников (Реймерс, Штильмарк, 1978).

Серьёзной проблемой, с которой столкнулись отечественные организаторы заповедного дела, — общей для всей страны и потому неустранимой и очень острой — стала нехватка де-

нег. Их недоставало для работ по обустройству заповедных территорий, для налаживания их надлежащей охраны и исследований, да и просто для зарплаты самим их организаторам. В связи с этим Ф.Ф. Шиллингер и В.И. Талиев в своей докладной записке «О нуждах охраны природы РСФСР», адресованной руководству Главмузея, отмечают: для того «чтобы усилить охрану природы, нужны средства, которых не хватает. Если ограничиться писанием бумажных запретов, то никакой охраны природы не получится» (Макеева, 2016, с. 37). В ответ на это под давлением на короткое время введённой в стране «новой экономической политики» (НЭП), означавшей некоторый возврат законов рыночной экономики, деятелям природоохранного движения было предложено самим «изыскивать средства получения доходов» для содержания как их самих, так и заповедников. Для разработки способов внедрения в заповедное дело принципа самофинансирования при Главмузее в 1921 г. была создана специальная Комиссия по изысканию источников получения дохода для Главмузея, на заседаниях которой довольно горячо обсуждались способы реализации этого принципа (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 287, 771).

На первых заседаниях названной Комиссии Ф.Ф. Шиллингер, ссылаясь на опыт национальных парков США, предложил организовывать в заповедниках платные экскурсии для туристов, торговать путеводителями, видовыми фотографиями и специально подбираемыми коллекциями — напр., минералогическими (имелся в виду конкретно Ильменский заповедник). В числе других его предложений был отлов и вывоз за границу живых представителей русской фауны. А.Ф. Котс предложил продавать музейные коллекции (напомним, что все заповедники, как и музеи, тогда находились в подчинении Главмузея), в том числе собираемые на территориях заповедников и заказников; впрочем, после обсуждения и в свете высказанных возражений он от своего предложения отказался. Г.А. Кожевников обобщил эти предложения на заседании Президиума Главмузея в ноябре 1921 г.: он отчасти согласился с ними, но обратил внимание на то, что «в ботанических и зоологических заповедниках […] коллекции не могут собираться из тех растений и животных, ради которых существует заповедник. Возможна только выдача отдельных животных для зоологических садов и хозяйственных целей, или продажа скелетов и кожи павших животных» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 287. Л. 4). При этом, обсуждая вопрос о продаже живых животных, он отмечает, что «за границей в данное время на живых диких животных должен быть большой спрос» (там же. Ед. хр. 771. Л. 2 [рук.]). По результатам обсуждения этого вопроса члены Президиума Главмузея признали «желательным организацию снабжения мирового рынка живыми животными для пополнения зоологических садов, зоопарков и охотничьих хозяйств» и постановили «командировать Ф.Ф. Шиллингера за границу для выяснения соответствующих вопросов» (там же. Л. 9 [рук.]). В какой мере эти предложения были реализованы, сейчас не очень понятно; во всяком случае, к середине 1920-х гг. природоохранное ведомство собственных средств по-прежнему не имело и существовало за счёт заимствования денег из других подразделений Главнауки (Скрипко, 2017).

Забегая вперёд, следует отметить, что вопрос о возможной продаже за границу научных ценностей, в том числе музейных коллекций, неожиданно возникнет в 1930 г. в кулуарах Съезда зоологов в Киеве. Как пишет Г.А. Кожевников об этом в письме к А.П. Семёнову-Тян-Шанскому (рис. 5.16), «А.С. Серебровский высказал мнение, что надо быть осторожным в этом отношении и не очень хлопотать о *не*-вывозе, ибо нам нужна валюта». Наш герой на съезде резко протестовал против такой перспективы и в связи с этим просит своего корреспондента сообщить, «были ли случаи продажи из Эрмитажа или других музеев ценных художественных произведений за границу» (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 499. Л. 86, 86об). Как сейчас доподлинно известно, в те годы по требованию властей продажа художественных

сокровищ Эрмитажа за границу носила массовый характер (Жуков, 2005), так что опасения Кожевникова были не напрасны; вероятно, от аналогичной печальной участи естественнонаучные коллекции спасло то, что их коммерческая ценность была не слишком велика.

В 1922 г. в природоохранном деле произошла очередная бюрократическая перестановка: Комитет/Отдел охраны памятников природы преобразовали в Подотдел охраны природы, садов и парков в составе Главмузея, заведовать им поставили Н.М. Кулагина, а Г.А. Кожевникова опять назначили его заместителем (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 289). В таком качестве Кожевников, отчаявшись бороться с финансовыми и иными организационными проблемами, обратился напрямую в Совнарком с докладной запиской «О нуждах охраны природы РСФСР»[7]. В ней он писал (цит. по: Саксонов и др., 2017, с. 9):

> Перед Российской республикой лежит задача мировой важности – сохранить целый ряд животных форм, которых нет нигде за пределами нашего отечества и за судьбой которых с интересом следит учёный мир всего света. При суждении об этом деле полезно иметь перед собой пример Западной Европы и, в особенности, Соединённых Штатов Америки, которые в интересах государственной пользы не жалеют средств на охрану природы».

В этой записке дальнейшее развитие получила идея географической сети заповедных территорий: она стала более детальной, чем схема В.П. Семёнова-Тян-Шанского, предложенная в 1917 г. (см. выше), и предполагала очерёдность организации заповедников с учётом зональных и региональных особенностей территории России (Холоденко, 2011). Записка Кожевникова, пройдя несколько бюрократических инстанций в Совнаркоме и Академии наук, получила значительную поддержку: на

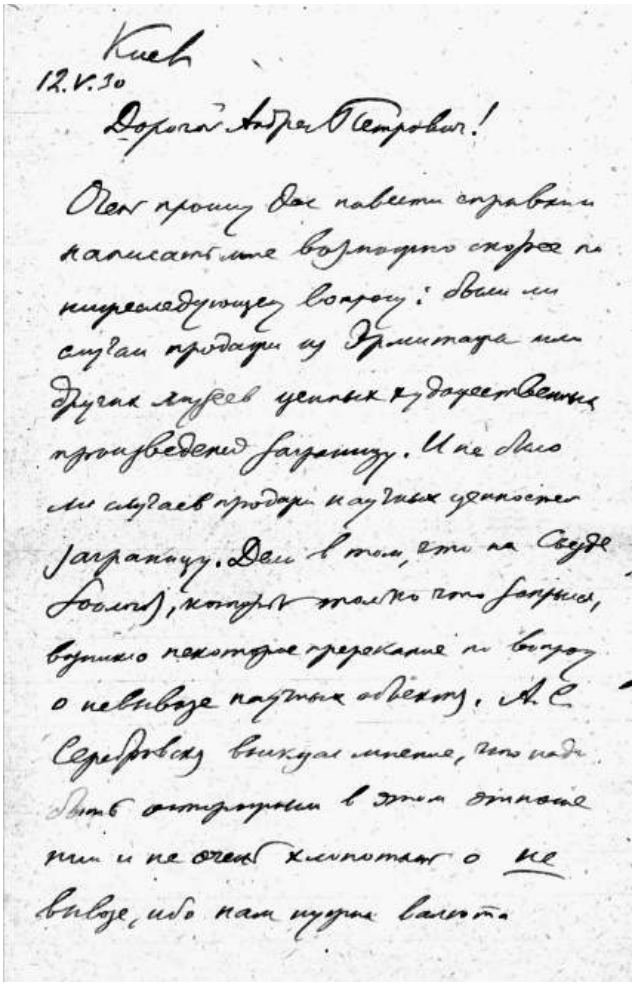

Киев
12.V.30
Дорогой Андрей Петрович!
Очень прошу Вас помочь справиться
написанное мною возможно скорее по
нижеследующему вопросу: Имеют ли
случаи продажи из Эрмитажа или
других музеев ценных художественных
произведений заграницу. И не было
ли случаев продажи научных ценностей
заграницу. Дело в том, что на Съезде
Советов, который только что закрылся,
вынесло некоторое пренебрежение по вопросу
о невывозе научных объектов. А.С.
Серебровский выражал мнение, что надо
быть осторожными в этом отношении
и не очень хлопотать о не
вывозе, ибо нам нужна валюта.

Рис. 5.16. Первая страница письма Г.А. Кожевникова к А.П. Семёнову-Тян-Шанскому (май 1930 г.) с вопросом о продаже музейных ценностей за границу (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 499. Л. 86)

ней оставили свои «утвердительные» подписи наркомы А.В. Луначарский, Н.А. Семашко и Л.Б. Красин, академики Д.Н. Анучин, С.Ф. Ольденбург, А.Н. Северцов, А.Е. Ферсман и др., всего 34 человека (Борейко, 1996), вслед за чем она попала на стол председателя ВЦИК М.И. Калинина. Стоит ли говорить, что после этого начались организационные подвижки, на некоторое время положительно сказавшиеся на деле охраны природы.

Под влиянием этой записки Президиум ВЦИК в том же 1922 г. признал «исключительную важность надлежащей постановки охраны участков девственной природы, заповедников, парков и отдельных памятников природы на пространстве РСФСР» и подготовил проект постановления о создании при ВЦИК Глав-

[7] По некоторым данным, Кожевников подал эту записку в Совнарком ещё в 1919 г., но она долгое время пролежала «под сукном» и лишь в 1922 г. ей дан был ход, закончившийся одобрением (Саксонов и др., 2017).

ного управления по делам охраны природы и передаче ему всех прав и обязанностей по охране природы (Макеева, 2016, с. 37). Вслед за этим проблемой охраны природы в СССР отчасти озаботилась Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС), которая в 1923 г. созвала конференцию и высказалась в пользу безотлагательного создания Комитета по охране природы при Совнаркоме (Степаницкий, 2020). Однако против этой идеи решительно высказалась заместительница Луначарского по Наркомпросу, бывшая чекистка В.Н.Яковлева: по её мнению, такое возвышение «привело бы неизбежно к ненужному разбуханию штатов и […] получился бы своего рода комиссариат по охране памятников природы. Вряд ли эти задачи заслуживают такого исключительного выделения их» (цит. по: Соколов, Шишкин, 2010, с. 182). В результате природоохранный комитет действительно был утверждён, но не при Совнаркоме, а рангом пониже — при всё том же Наркомпросе; при этом Отдел охраны памятников природы был переведён из Главмузея в Главнауку и преобразован во Всероссийский комитет по охране памятников природы с прежним руководством: заведующим назначили Н.М. Кулагина, его заместителем Г.А. Кожевникова (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 289). Первый пункт Положения об этом комитете по сути утверждал основные идеи «программы Кожевникова»: комитет учреждается «для сохранения на территории РСФСР в неприкосновенности памятников природы, имеющих научную ценность» (там же. Л. б/н).

Летом 1923 г. произошло заметное событие в международном природоохранительном движении — в Париже прошёл 1-й Международный конгресс по охране природы. Это было первое после окончания мировой бойни собрание защитников природы, поэтому от него вряд ли можно было ожидать каких-то больших свершений. И всё же его участники сделали очень важное — подтвердили высказанное 10 лет назад в Берне понимание того, что без международного сотрудничества охранять природу невозможно, и своё стремление к нему. Г.А. Кожевников подал заявление в Отдел охраны природы с просьбой командировать его в Европу в январе указанного года и с пожеланием встретиться с П. Саразином: видимо, он хотел (по старой памяти) принять участие в очерчивании круга вопросов, подлежащих обсуждению на грядущем конгрессе (там же). Одновременно И.П. Бородин обратился в Президиум Академии наук с просьбой командировать его в Париж, но в феврале сообщил письмом Кожевникову об отказе и выразил озабоченность тем, что «неужели Москва не захочет поддержать международный престиж России и “удивить Европу”, представив наглядные доказательства сочувствия нового Правительства культурным целям да ещё международного характера» (там же. Ед. хр. 450. Л. 2). К сожалению, Москва так и не захотела поддержать «престиж России» в деле охраны природы, а равно кого-то «удивлять», в результате никто из отечественных природоохранителей на названный Конгресс так и не поехал.

И всё же Парижский конгресс сыграл определённую положительную роль в решении одного конкретного вопроса, имеющего прямое отношение к охране нашей природы, в том числе при участии Г.А. Кожевникова, — вопроса о судьбе зубра. Дело в том, что к этому времени немногочисленные остатки этого лесного великана, некогда широко распространённого в лиственных и смешанных лесах Европы, сохранились только в некоторых зоопарках и заказниках, а в диком состоянии — на небольшом участке северных отрогов Большого Кавказа на территории России (Гептнер, Наумов, 1961). На 1-м Международном конгрессе по охране природы польский зоолог Ян Штольцман (Jan Sztolcman) предложил создать Международное общество по сохранению зубров, коллеги его поддержали — и в 1925 г. в Берлине состоялся 1-й съезд этого общества. Г.А. Кожевников несколько раз выступал в «Охотничьем вестнике» по поводу сохранения этого вида в природе (Кожевников, 1917е, ж), поэтому Наркомпрос командировал его в Берлин для доклада о по-

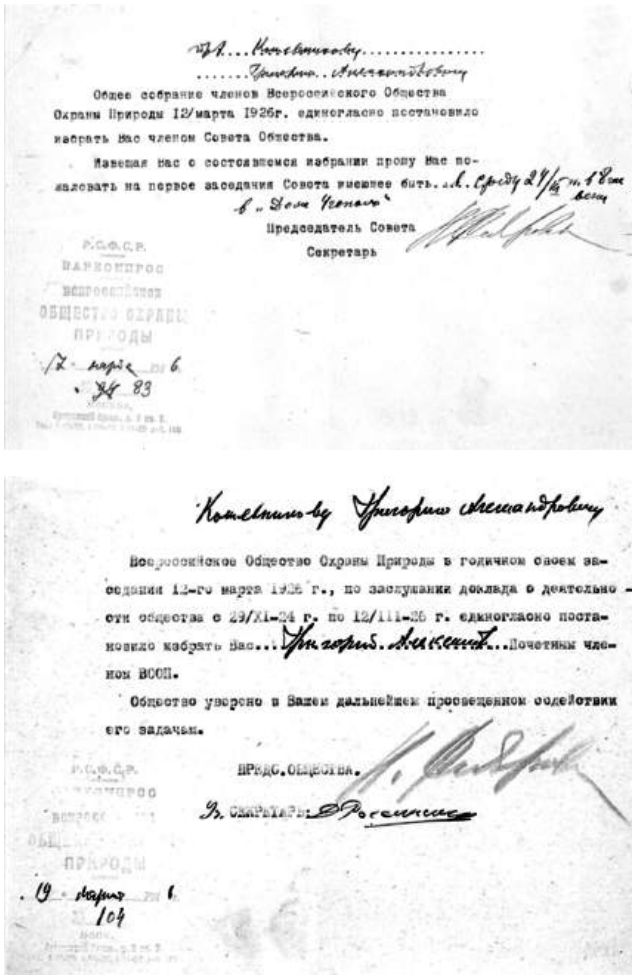
ложении зубров на Кавказе. По признанию Кожевникова, это случилось «совершенно неожиданно» для него (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 499. Л. 9): видимо, он имел в виду, что Н.М. Кулагин, также выступавший по вопросу охраны зубра (Кулагин, 1919), имел больше оснований быть посланным на этот съезд, поскольку занимал более высокое положение в административной системе охраны природы.

Ближе к концу 1924 г. своего апогея достигло противостояние Наркомпроса и Наркомзема в отношении организации и определения задач заповедников (Скрипко, 2017). По этой причине природоохранное ведомство Наркомпроса поручило Н.М. Кулагину и Г.А. Кожевникову организовать сбор мнений авторитетных представителей научного сообщества, чтобы заручиться их поддержкой. Последняя была получена, созванная по этому поводу специальная комиссия при Совнаркоме рассмотрела вопрос о заповедниках и постановила оставить заповедную систему страны (правда, не всю) в преимущественном ведении Наркомпроса, придав ей главным образом научно-исследовательские функции. Это решение было закреплено в 1925 г. особым декретом ВЦИК и Совнаркома, названном «Об охране участков природы и её отдельных произведений, имеющих преимущественно научное или культурно-историческое значение». В нём указано, что «полные заповедники представляют собой участки природы, в отношении которых воспрещается хозяйственная деятельность и нарушение их естественного состояния» (Декрет…, 1925). Это ключевое положение будет сохраняться до 1930 г., когда во всём природоохранном деле произойдёт коренной перелом (см. раздел 5.4).

***

Осенью 1924 г. группа ведущих российских природоохранителей, ранее состоявших в Природоохранительной комиссии при РГО и после ряда ведомственных перекроек утвердившихся в Главнауке, вернулась к вопросу об учреждении общественной организации, которая взяла бы на себя заботы об охране природы в России. Как сказано в «Первом отчёте о деятельности Всероссийского общества охраны природы с 29 ноября 1924 г. по 12 марта 1926 г.», названное общество «возникло по инициативе и проекту быв. заведующего Отделом охраны природы Главнауки НКП Ф.Ф. Шиллингера» (Анон., 1928, с. 29). Его усилиями при поддержке Г.А. Кожевникова был собран довольно многочисленный организационный комитет, в состав которого, кроме двух только что названных персон, вошли Н.Н. Подъяпольский, Д.М. Россинский, Н.М. Кулагин, С.А. Бутурлин, И.И. Месяцев, В.И. Талиев, лимнолог Б.П. Дитмар и др. В ноябре 1924 г. оргкомитет подал заявку в НКВД на регистрацию устава Всероссийского общества охраны природы (ВООП) при Главнауке Наркомпроса. После утверждения общества в начале декабря этого же года состоялось организационное собрание ВООП, на котором Кожевникова избрали председателем его Временного президиума (совета), заместителем стал Россинский, учёным секретарём Подъяпольский.

В феврале 1925 г. ВООП устроило публичный «Вечер охраны природы» — как было сказано в объявлении о нём, «в целях широкого осведомления трудящегося населения Москвы о современных вопросах охраны природы», на нём Г.А. вёл заседания в статусе председателя Временного президиума Общества (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 291. Л. 1 [рук.]). Основными докладчиками на этом вечере были заявлены нарком просвещения А.В. Луначарский с докладом «Наркомпрос и охрана природы в РСФСР» (не смог участвовать по состоянию здоровья), нарком здравоохранения Н.А. Семашко с докладом «Охрана природы с бальнеологической и санитарной точки зрения», Г.А. Кожевников с докладом «Человек как истребитель и охранитель природы» и Н.М. Кулагин с докладом «Народное хозяйство и охрана природы». Семашко от имени Наркомздрава в своём выступлении призывает «всех граждан оказать полное содействие великим идеям и великим начинаниям, которые ставит перед собою это Общество». Кожевников свой доклад начинает кратким изложением развития взаимоотно-

Общее собрание членов Всероссийского Общества Охраны Природы 12/марта 1926г. единогласно постановило избрать Вас членом Совета Общества.

Извещая Вас о состоявшемся избрании прошу Вас пожаловать на первое заседание Совета имеющее быть ... в Доме Ученых

Председатель Совета

Секретарь

Всероссийское Общество Охраны Природы в годичном своем заседании 12-го марта 1926 г., по заслушании доклада о деятельности общества с 29/XI-24 г. по 12/III-26 г. единогласно постановило избрать Вас... Почетным членом ВООП.

Общество уверено в Вашем дальнейшем просвещенном содействии его задачам.

ПРЕДС. ОБЩЕСТВА.

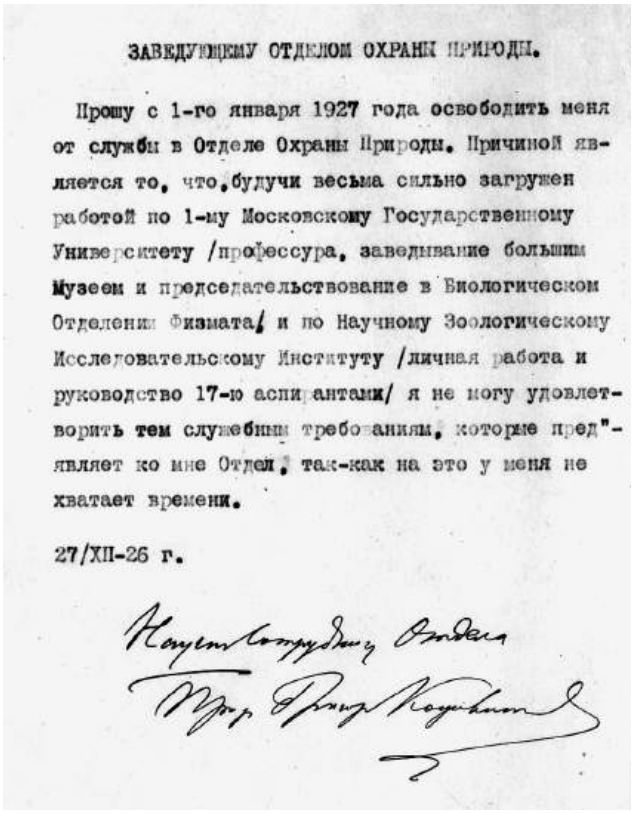
Рис. 5.17. Официальные извещения Г.А. Кожевникова (март 1926 г.) о его избрании в Совет ВООП (вверху) и почётным членом ВООП (внизу) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 292. Л. 318, 322)

шений человека и природы с доисторических времён; характеризует современное плачевное состояние дел с некоторыми особо редкими видами зверей и птиц; обращает внимание на то, что «никакие расстояния, никакие глухие места, ни даже […] свободные пространства океана не спасают животных от истребления, если человек за ними жадно охотится» (Кожевников, 1925ж. Л. 16 [рук.]). Обращаясь к необходимости организации заповедников, он подчёркивает свою основную идею: «Заповедник — это полная неприкосновенность, так что там мы имеем возможность наблюдать природу такой, как она есть без вмешательства человека, что имеет громадное научное значение, так как только тут мы можем хорошо изучить законы природы» (там же. Л. 24 [рук.]).

В апреле 1925 г. состоялось первое общее собрание ВООП для решения в основном организационных вопросов, включая выборы его постоянного руководства и определение ближайших задач и планов работы. Первые документы собрания Г.А. Кожевников подписывает как «Председатель Общества» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 292. Л. 331), но затем в руководящие органы Общества выбирают персон, к числу достоинств (в глазах властей) коих относятся приверженность идее природопользования, а не природоохраны, готовность решать государственно-значимые задачи (прежде всего содействие построению социалистического общества) и, разумеется, принадлежность к ВКП(б). Президентом ВООП становится минералог Н.М. Федоровский, его заместителем лесовод К.И. Покалюк, учёным секретарём всё тот же Н.Н. Подъяпольский. Год спустя Общее собрание ВООП постановляет избрать его почётными членами Кожевникова и некоторых коллег, состоявших в оргкомитете созыва ВООП (Россинского, Кулагина, Талиева, Шиллингера и др.), и вводит в Совет последнего (рис. 5.17) (там же. Л. 318, 322).

Одновременно с учреждением ВООП некоторые изменения произошли в Главнауке Наркомпроса, связанные во многом с усилением утилитарного подхода к природным ресурсам. В 1925 г. был создан Государственный Междуведомственный комитет (или отдел) охраны природы с целью «упорядочения и управления политикой различных комиссариатов и правительственных учреждений, относящейся к охране природы». Его главой поставили всё того же Н.М. Кулагина, С.А. Северцова назначили учёным секретарём, Г.А. Кожевникова — на должность научного сотрудника (Штильмарк, 1979). Вдобавок в том же году при Комитете/Отделе охраны природы учредили Музей-лабораторию охраны природы (идея которого возникла ещё в 1920 г., см. выше) для пропаганды идей и задач охраны природы в форме организации выставок, подготовки и распространения разного рода печатной продукции и т. д. (Макеева, 2016).

После того как на самой верхушке «административной пирамиды» ВООП утвердились люди, в большинстве своём имевшие минимальное отношение к развитию природоохранного движения в России, среди истинных природоохранителей, как можно полагать, воцарилось глубокое уныние. По этой причине некоторые из них отошли от движения и перестали выступать публично по природоохранной тематике: среди них в первую очередь следует указать И.П. Бородина, В.И. Талиева и А.П. Семёнова-Тян-Шанского (Вайнер (Уинер), 1991; Анон., 2007; Штильмарк, 2014). Видимо, поддавшись этому настроению, Г.А. Кожевников в декабре 1926 г. подал заведующему Отделом охраны природы Наркомпроса заявление с просьбой об освобождении его от службы в нём, мотивировав его «весьма сильной загрузкой работой» в МУ (рис. 5.18) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 289. Л. б/н). Однако его отставка, вероятно, не была принята; во всяком случае, осенью 1927 г. он опубликовал в иркутской газете «Власть труда» статью «Берегите богатства природы», которую подписал как член Президиума Всероссийского комитета по охране природы (Кожевников, 1927в) (впрочем, возможно, здесь имеется в виду не административная структура при Наркомпросе, а ВООП). Да и деятельная натура Г.А. Кожевникова не позволила ему отстраниться от природоохранных дел, которым он отдал бóльшую часть своей жизни, что побудило его ещё какое-то время продолжать высказываться в защиту природы и разбирать те задачи, которые ему казались наиболее насущными. Так, в 1926 г. он сделал доклад «Охрана природы и вымирающие животные» на одном из заседаний ВООП (Борейко, 1996, с. 102). Его небольшой статьёй «Задачи охраны природы в СССР» в 1928 г. открылся 1-й выпуск только что учреждённого журнала «Охрана природы», в ней самой важной задачей Кожевников определил внушение правительству и народу, от взрослых до школьников и даже дошкольников, мысли о принципиальной важности охраны природы, включая разработку и соблюдения соответствующего законодательства (Кожевников, 1928е).

ЗАВЕДУЮЩЕМУ ОТДЕЛОМ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ.

Прошу с 1-го января 1927 года освободить меня от службы в Отделе Охраны Природы. Причиной является то, что, будучи весьма сильно загружен работой по 1-му Московскому Государственному Университету /профессура, заведывание большим Музеем и председательствование в Биологическом Отделении Физмата/ и по Научному Зоологическому Исследовательскому Институту /личная работа и руководство 17-ю аспирантами/ я не могу удовлетворить тем служебным требованиям, которые пред"-являет ко мне Отдел, так-как на это у меня не хватает времени.

27/XII-26 г.

Рис. 5.18. Копия прошения Г.А. Кожевникова (декабрь 1926 г.) о его освобождении от службы в Отделе охраны природы Наркомпроса (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 289).

Во 2-м выпуске названного журнала Кожевников поместил весьма важную и достаточно обстоятельную статью «Как вести научную работу в заповедниках» (Кожевников, 1928ж). Характеризуя первые заделы в решении задач охраны природы, он в духе своей государственнической позиции и отчасти подчиняясь требованиям «текущего момента» отмечает, что «принять конкретные меры к этой охране удалось только при теперешнем правительстве, которое сделало дело охраны природы государственным» (там же, с. 13). И далее, пользуясь возможностью, Г.А. в который раз подчёркивает (там же):

> Если мы хотим уловить влияние среды на организмы не в условиях лабораторного опыта, а в условиях природы, то необходимо, чтобы эта природа не подвергалась влиянию человека […]. Где же мы возьмём природу нетронутую? Только в абсолютном

> и при этом хорошо охраняемом заповеднике. [Изучение природы в заповеднике] должно вестись длительно, и для него необходима постоянная база. Поэтому правильная организация научно-исследовательской работы в заповеднике возможна только при наличии в нём биологической станции.

Далее он обрисовывает глобальную перспективу такой работы, в конечном итоге нацеленной на «изучение *законов эволюции органического мира* […] *изучение постепенных изменений организмов в связи с изменениями окружающей среды*» (там же, с. 13–14). Исходя из этой сверхзадачи, автор статьи полагает (там же, с. 14),

> что если биологические станции заповедников, планируя свою работу, положат в основу её организации мысль о том, что не через два или три года, не через пять или десять лет, а через […] несколько сот лет выявятся прочные результаты этой работы, то наука действительно получит крупные достижения, и наши потомки действительно поймут кое-что из того необъятно великого процесса, который называется эволюцией.

Понятно, что эта задача может быть решена только при условии, что природная обстановка достаточно регулярно и подробно описывается на охраняемых участках по стандартной схеме. При этом описывать нужно все компоненты природной экосистемы каждого заповедника — рельеф, почвенный покров, гидрологический режим, метеорологию, растительность, животное население (включая данные по динамике численности), фенологию и т. п. Этот план организации долгосрочных научных исследований в заповедниках, в самой общей форме очерченный Кожевниковым, через некоторое время воплотится в особую мониторинговую систему — в так называемую «Летопись природы», которую ныне вменено в обязанность вести каждому заповеднику (Филонов, Нухимовская, 1985; Дёжкин и др., 2006).

Справедливо полагая важнейшей задачей ВООП самую широкую пропаганду идеи охраны природы среди населения, Г.А. Кожевников посвятил основным формам начальной пропаганды брошюру «Школьный учитель и охрана природы», изданную в 1926 г. (Кожевников, 1926а). В ней он призывает к такой «перенастройке» преподавания естествознания в школе, в которой охране природы будет уделяться большое внимание. Особую значимость включения связанных с этим вопросов в школьное преподавание он видит в следующем (там же, с. 4).

> Чтобы дело охраны природы благополучно осуществлялось, надо, чтобы народные массы прониклись сознанием важности этого дела. […] Дело охраны природы станет прочно только тогда, когда оно станет народным делом, когда народ поймёт, что охрана эта делается в его же интересах, в интересах народного достояния. Естественным путём для привития народу правильных взглядов на охрану природы является, конечно, школа. То, что умело привито в школе, сохраняется на всю жизнь, руководит всем поведением человека.

Говоря о необходимости сохранения пернатого населения городских парков и пригородных лесов, Г.А. Кожевников прибегает к примечательному дидактическому приёму: противопоставляет охотничьи обычаи древних людей, вынужденных добывать себе пропитание, и цивилизованные поступки современных жителей городов и сёл. Он сетует на то, что «первобытный инстинкт лазить по гнёздам остался, но, потерявши свою целесообразность, обратился в бессмысленное уничтожение живых существ. [Поэтому] молодому гражданину Советской Республики позорно совершать бессмысленные и при этом вредные поступки, подражая звероподобному человеку» (там же, с. 11). В сходном дидактическом ключе Г.А. Кожевников рассматривает любительскую охоту, совершенно справедливо считая её «таким же пережитком первобытного инстинкта, как и разорение гнёзд» (там же, с. 18).

Опираясь на уже сложившиеся в биологической науке общие представления об экологии природных сообществ, Кожевников в назван-

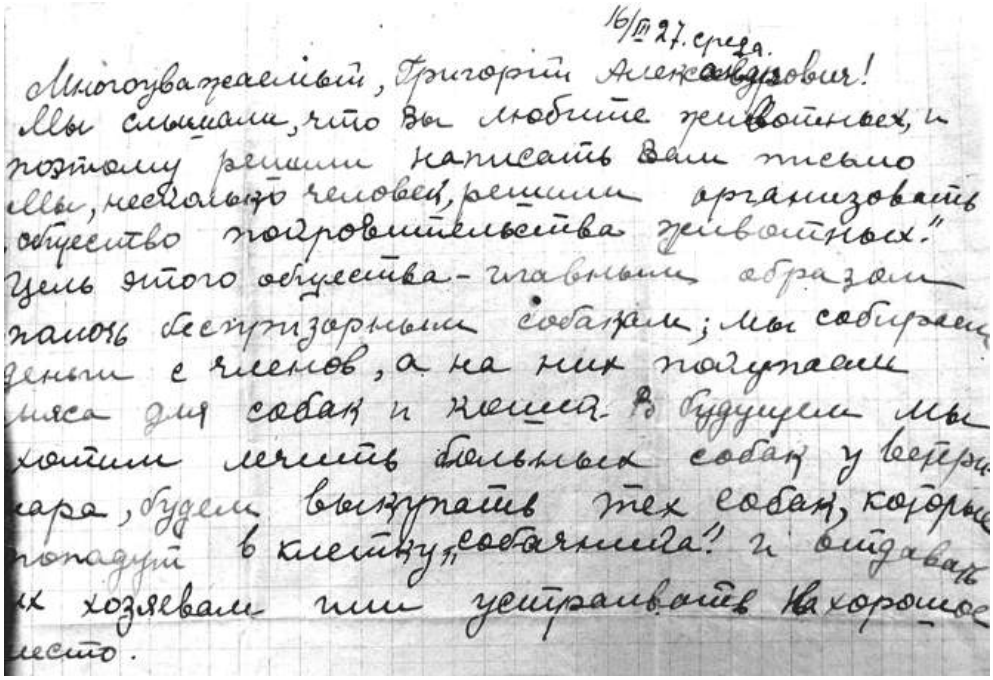

16/III 27. среда.
Многоуважаемый, Григорий Александрович!
Мы слышали, что Вы любите животных, и
поэтому решили написать Вам тесно
мы, несколько человек, решили организовать
общество покровительства животных."
Цель этого общества - главным образом
помочь беспризорным собакам; мы собираем
деньги с членов, а на них покупаем
мяса для собак и кошек. В будущем мы
хотим лечить больных собак у ветери
нара, будем выкупать тех собак, которы
попадут в клетку „собачкина" и отдавать
их хозяевам или устраивать на хорошее
место.

Рис. 5.19. Первая страница письма группы девочек (март 1927 г.), решивших организовать «Общество покровительства животных» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 642)

ной брошюре призывает преподавателей естествознания (там же, с. 31–32)

> обратить особое внимание учащихся на понимание природы как сложного целого, все части которого связаны между собой сложнейшими отношениями, изучение которых и составляет главный интерес естествознания. [Поэтому] важно дать понять учащимся, что если мы искусственно меняем или уничтожаем часть этого сложного комплекса, то это в большей или меньшей степени отражается на всём комплексе.

Горячие выступления Г.А. Кожевникова в защиту животных находили благодарных слушателей, причём именно среди подрастающего поколения. О последнем свидетельствует, например, небольшая подборка трогательных писем от старших школьников, полученных им на протяжении 1920-х гг. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 642). Так, в марте 1927 г. группа девочек (одну из них звали Ася Морозова) пишет уважаемому профессору письмо о том, что они «решили организовать “Общество покровительства животных”», цель которого — «главным образом помочь беспризорным собакам» (рис. 5.19).

И всё же, отстаивая свою природоохранительную позицию и призывая учителей следовать ей, Кожевников активно апеллирует к прагматике, о чём мы уже говорили выше. Очевидно, что чаще всего эта апелляция является вполне понятным и объяснимым дидактическим приёмом: действительно, люди, не сведущие в науке, легче воспринимают доводы, имеющие отношение к их повседневным нуждам, к жизненной практике. Но и здесь Кожевников находит возможность говорить как бы «научным» языком: как и ранее в споре с охотниками, он пишет о том, что вопрос о «пользе и вреде» животных совсем не прост, и предлагает убеждать школьников в том, «что охрана мелких птиц полезна в интересах сельского хозяйства и лесоводства» (Кожевников, 1926а, с. 12). С другой стороны, прагматизм Кожевникова, по всей видимости, отражает его подспудный государственнический взгляд на отношения между людьми, обществом и государством, на что мы ранее уже обратили внимание (см. раздел 5.2). Например, возражая против сбора яиц болотной дичи (уток и т. п.), он подчёркивает, что «эти яйца составляют *собственность государства* наравне со всею дичью, со всеми лесами и бо-

лотами. Чем больше будет дичи, тем выгоднее для государства, а, следовательно, и для всего народа» (там же, с. 15).

Этот взгляд очевидным образом приправлен элементами коммунистической идеологии, которую Кожевников отчасти воспринял к моменту написания цитируемой нами брошюры (см. раздел 2.7). Она неким странным и в то же время достаточно логичным образом обращает природоохранительные увещевания Г.А. в нечто вроде «проповеди» о воспитании у учащихся гражданской позиции — не вообще, а той, которая соответствует данному государственному устройству. Отталкиваясь от признания «всех лесов и болот, а с ними и птичьих яиц» собственностью государства (заметьте — не народа, а именно государства, т. е. административной управляющей структуры), которое для защиты своей собственности принимает те или иные законы и решения, он пишет (там же, с. 15, 17; выделено нами), что

> вот тут открывается для учителя любой школы, но особенно сельской, весьма трудная, но благодарная задача — на конкретном примере осуществить переход от личных интересов к общественным. Тут есть элемент общевоспитательный, на который надо обратить самое серьёзное внимание молодых граждан страны с *социалистическим строем*. […] В охотничьем законе сказано, что сбор яиц формально воспрещается. Вот и конец для формальной стороны дела. Запрещено законом, а всякий гражданин, желающий жить в данной стране, обязан подчиняться её законам. Воспитывать в подрастающем поколении уважение к законам и закреплять сознательное отношение к их соблюдению является одной из основных задач школы.

Вот так: призывая школьников соблюдать законы, охраняющие природу, Г.А. Кожевников в конечном итоге убеждает их быть вообще законопослушными гражданами своего государства. Само по себе это совершенно правильно — но только если демократическое государство обеспечивает соблюдение фундаментального принципа равенства всех его граждан перед законом. Если же тоталитарное государство выстраивает квази-феодальную систему, в которой «приближённым — всё, а прочим — запретительные законы», в такой ситуации едва ли можно воспитать в гражданах уважение к законодательству и стремление его безусловно соблюдать. В подобной ситуации бывает, что благие побуждения незаметно вымащивают дорогу, ведущую в ад… Так что Кожевникову, самому того не ведающему и едва ли желающему, выпало несчастье опрометчиво сделать первые шаги по той дороге, по которой «охрана природы» в её государственно-коммунистическом обрамлении из 1926-го года попадёт прямиком в 1933-й и затем в 1948-й…

5.4. Крушение надежд

Объявленный в конце 1920-х гг. большевиками вышеупомянутый «Великий перелом» во всей жизнедеятельности советского государства подчинил разнообразные устремления его граждан единой задаче «ускоренного построения социализма в отдельно взятой стране». Новый политико-экономический курс неизбежно сказался на природоохранном движении, резко переломив его основной вектор: руководящей идеей стало не сохранение природы, а её непреложное подчинение потребностям человека-преобразователя. Эту идею, которая довела до абсолюта приведённую в начале главы библейскую насильническую заповедь «Обладайте ею!», предельно ясно выразил один из авторов газеты «Фронт науки и техники», объявив, что «охранные мероприятия» должны «максимально заставить [природу] служить задаче построения нового, коммунистического общества» (цит. по: Шноль, 2010, с. 135). Со временем она же ляжет в основу провозглашённого в 1948 г. «Сталинского плана преобразования природы», сделавшего наиболее популярным лозунг агронома-любителя И.В. Мичурина «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у неё — наша задача» (Сукачёв, 1950).

Вообще говоря, этот «Великий перелом» в отношении природы был изначально предопределён убеждённостью коммунистических руководителей в а) безусловном верховенстве

человека над природой, который волен подчинять её своим преобразовательным устремлениям, и б) безграничных возможностях человека в реализации этих устремлений. Так, руководствуясь этой верой, один из лидеров большевистского переворота в октябре 1917 г., очень влиятельный (в те годы) Л.Д. Троцкий в 1923 г. заявил (цит. по: Соколов, 2010, с. 172):

> Социалистический человек хочет и будет командовать природой во всём её объёме […]. Он укажет, где быть горам, а где расступиться. Изменит направление рек и создаст правила для океанов. Останутся, вероятно, и глушь, и лес, и тетерева, и тигры, но там, где им укажет быть человек.

Вдобавок к этому, в конце 1920-х гг. страну начал охватывать массовый милитаристский психоз. Его причиной был присущий коммунистическому вождю И.В. Сталину, боровшемуся за установление тотальной власти и полного контроля над страной, особый маниакальный «оборонный» тип сознания: он объявил СССР «осаждённой крепостью», жители коей должны всеми силами обороняться от всяческих врагов, неустанно строящих козни против молодой страны Советов, и безжалостно истреблять их (Безбородов, 2007)[8]. И этот тип сознания умело организованная тотальная пропаганда навязала советским людям, которые обязаны были, руководствуясь классовым чутьём, ненавидеть реальных и мнимых внешних врагов, а вместе с ними их внутренних агентов-«вредителей».

Среди этих «внешних врагов» парадоксальным образом оказалась природа, а в разряд её агентов и, тем самым, «внутренних вредителей» попали все те, кто её защищал. По представлениям «великопереломщиков», природа самой своей дремучей дикостью противостоит устремлениям советских людей к правильно организованному светлому будущему, её нужно победить, а победивши — покорить и заставить работать на решение всё той же задачи скорейшего построения социализма. Так, один из кумиров советских людей того времени писатель Максим Горький опубликовал в декабре 1931 г. в газете «Правда» статью с характерным названием «О борьбе с природой», в которой призывал объявить «природе бой» (цит. по: Борейко и др. 2018, с. 8)[9]. Ему вторил журнал «Революция и природа», в одной из своих программных статей (их тогда называли «передовицами») обещавший, что «в ближайшие годы здесь мы дадим победный бой уже не Врангелю, а природе» (цит. по: Шноль, 2010, с. 135). Тогда же некий партийный функционер опубликовал в журнале «Большевик» статью «Вредительство в науке», в которой писал: «“Охрана природы” становится охраной от социализма. […] Иначе быть не может — цель у вредителей всех мастей одна: срыв нашего социалистического строительства, реставрация капитализма» (цит. по: Борейко и др., 2018, с. 9).

Примечательно, что милитаристский настрой, насаждаемый руководством страны, позволял, при желании и умении жонглировать смыслами, делать курьёзные «обратные ходы». Так, уже упоминавшийся деятель охраны природы Н.Н. Подъяпольский в одном из первых номеров журнала «Охрана природы» поместил статью «Оборона страны и охрана природы», где красочно живописал оборонный потенциал природных ресурсов. Он уверял власти, что «наши лесные богатства в грядущую войну, вероятно, сослужат нам огромную службу, защищая нас от взоров вражеской разведки и бомбовозов, а может быть, и от волн отравляющих газов». Ссылкой на этот «потенциал» он обосновывал необходимость финансирования природоохранной деятельности из средств, выделяемых на оборону страны (Подъяпольский, 1928).

Итак, партийная власть, подтолкнув «исторический маятник» отношений человека с природой в угодном ей направлении, вооружила со-

[8] Это ещё одно, доведённое до безумствия, заимствование большевиками ксенофобской евангельской заповеди: «Кто не со мною, тот против меня» (Мф *12*: 30) и «Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают» (Мф *7*: 19).

[9] А за год до этого тот же М. Горький в той же «Правде» провозгласил ставший знаменитым лозунг: «Если враг не сдаётся, его уничтожают» (Горький, 1930).

Рис. 5.20. Групповая фотография участников Первого Всероссийского съезда охраны природы в Москве (сентябрь 1929 г.); Г.А. Кожевников в центре второго ряда (https://dzen.ru/a/XxXATTjec3kdoGRF)

ответствующими идеями и лозунгами рьяных «природоборцев» — а дальше дело уже стало за ними самими. Согласно этим партустановкам, против ранее сложившегося природоохранного движения началась массированная публичная кампания, которая, как водится, сопровождалась персональной травлей тех, кто ратовал за неприкосновенность памятников природы и культуры. И в числе первых среди них оказался, разумеется, Г.А. Кожевников, который при всём его несомненном государственническом патриотизме теперь проходил по разряду «вредителей».

Ярким примером изменения отношения властей к природоохранной тематике стало то, что на уже упоминавшемся Естественно-историческом совещании Центрально-Промышленной области, прошедшем в Москве в 1928 г., «вопрос об охране природы не был включён в программу» (Кожевников, 1928д, с. 380). Однако Г.А. Кожевников смог всё-таки на заключительном собрании его участников сделать доклад на тему «Краеведение и охрана природы», в котором с сожалением отметил недавнее упразднение Отдела охраны природы при Наркомпросе и подчеркнул, что «теперь роль общественных организаций в деле охраны природы особенно важна»; в этом же докладе он ещё раз затвердил свою основную идею — необходимость «охранять первобытную дикую природу ради неё самой, смотря на прикладные вопросы как стоящие на втором плане» (там же). Однако эта идея не встретила поддержки среди присутствующих на совещании «представителей зоологической молодёжи», которые пытались доказать, что «проповедовать охрану природы можно только с *утилитарной* точки зрения» (там же, с. 381). Кожевников отреагировал на эти выпады совершенно ожидаемо, заявив, что «последнее

предложение знаменует *полный крах* идеи охраны природы» (там же).

Весьма громкий «звоночек» прозвенел на 1-м Всероссийском съезде охраны природы[10], который был созван по предложению и под эгидой Главнауки Наркомпроса в Москве в сентябре 1929 г. (рис. 5.20). Список его докладчиков примечателен тем, что в нём отсутствуют имена многих из здравствующих зачинателей природоохранного движения в России, — И.П. Бородина, В.И. Талиева, А.П. Семёнова-Тян-Шанского: как отмечено выше, ко времени проведения Съезда они отошли от этого движения, разочаровавшись в возможности достижения его целей. Г.А. Кожевников и Д.М. Россинский, пока ещё сохранявшие остатки оптимизма, участвовали в его работе — первый как представитель ОАЖР, второй представлял ВООП (Потёмкин и др., 1930, с. 218, 220).

В день начала работы Съезда его официальному открытию предшествовало «заседание фракции ВКП(б) съезда» из участвующих в его работе членов правящей (к этому времени уже единственной) партии (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 295. Л. 1). О чём на нём шла речь, в доступных нам архивных материалах не отражено, но партийцы наверняка получили вполне определённую «идеологическую установку» на неуклонное проведение линии партии в своих выступлениях и резолюциях Съезда. Согласно этому председатель Госкомитета по охране природы при Главнауке Н.М. Кулагин, открывая съезд, заявил, что «Советское правительство считает необходимость охраны природных богатств СССР как один из основных камней социалистического строительства в стране» (Потёмкин и др., 1930, с. 3). Последовавший вслед за этим доклад зам. начальника Главнауки А.Ф. Вангенгейма красноречиво назывался «Охрана природы и социалистическое строительство»: докладчик заявил, что «охрана природы в условиях социалистического строительства должна рассматриваться как единая система мероприятий […] в интересах хозяйственных и культурных» (там же, с. 10). Таким образом, участникам Съезда сразу дали понять его лейтмотив: охрана природа является неотъемлемой частью социалистического строительства и должна рассматриваться именно и только в таком контексте.

С содержательной точки зрения в работе Съезда одним из наиболее интересных (для нас) было заседание с докладами о задачах научно-исследовательской работы в заповедниках (там же, с. 69). Г.А. Кожевников, для которого данная тема всегда была одной из центральных, председательствовал на этом заседании, но с докладом не выступал; на другом заседании он сделал сообщение «Охрана природы в населённых пунктах» (Кожевников, 1929б). В.П. Семёнов-Тян-Шанский настаивал на уподоблении заповедников музеям или постоянно действующим научным станциям; В.В. Станчинский подчёркивал необходимость рассмотрения заповедников как научно-исследовательских институтов. Однако С.А. Северцов, более других докладчиков этой секции следуя официальному тренду, заявил, что «по содержанию исследовательская работа в заповедниках должна содействовать социалистическому строительству» (Потёмкин и др., 1930, с. 77).

В общей резолюции Съезда первым пунктом значилось следующее: «В период социалистической реконструкции хозяйства страны проблема охраны природы должна быть включена в общий план строительства, как один из существенных его элементов. При этом методы охраны природы должны быть согласованы с методами проведения социалистического строительства в целом» (там же, с. 184). Этим заявлением уже без всякого сомнения подтверждался основной вектор того движения, в центре внимания которого находилась дикая природа, — ранее в основном природоохранительный, а отныне на несколько грядущих десятилетий в основном природопотребительный.

[10] В некоторых документах он значится как Съезд деятелей охраны природы и краеведения. Последнее добавление связано с тем, что при Центральном бюро краеведения функционировала Комиссия по охране памятников природы и старины (Макеева, 2015).

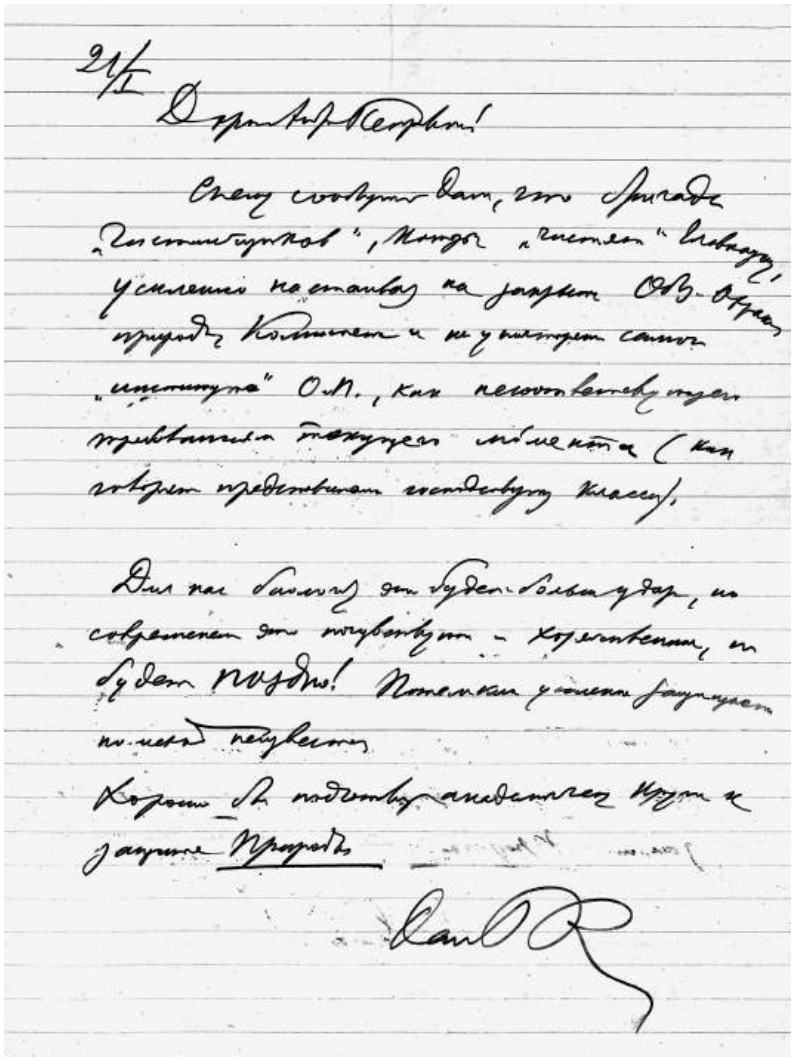

Рис. 5.21. Страницы письма Г.А. Кожевникова к А.П. Семенову-Тян-Шанскому (январь 1930 г.) о «чистке» в ВООП (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 499. Л. 82, 82об)

В усилении морального давления на природоохранное движение значительную роль сыграла выше упомянутая ВАРНИТСО, по инициативе которой при Главнауке была создана комиссия по идеологической проверке деятельности ВООП, на бюрократическом языке того времени называемая «комиссией по чистке». На страницах печатного органа этой ассоциации «Фронт науки и техники» прошла серия статей с резко отрицательной, нередко издевательской оценкой результатов работы Общества. Одна из статей называлась «“Научные общества” перед судом советской общественности»; в другой глава этой комиссии некая Н.В. Кириллова (в то время сотрудница Биологического музея им. Тимирязева) призывала распустить ВООП, причём одним из его существеннейших недостатков была указана слабая «партийная прослойка» (Борейко, 2003).

Преисполненный самых мрачных пессимистических настроений и ожиданий, Г.А. Кожевников в январе 1930 г. пишет своему другу профессору А.П. Семенову-Тян-Шанскому (рис. 5.21) (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 499. Л. 82, 82об):

> Спешу сообщить Вам, что бригады “чистильщиков”, которые “чистят” Главнауку, усиленно настаивают на закрытии Общества охраны природы, Комитета и […] самого “института” охраны природы, как не соответствующего представлениям текущего момента (как говорят представители господствующего класса). Для нас, биологов, это будет большой удар, но со временем это почувствуют хозяйственники, но будет *поздно*! Потёмкин усиленно защищается, но исход не известен[11]. Хорошо бы подключить академические круги к защите *Природы*.

Пресловутые «академические круги» — по крайней мере те, в которых ещё сохранялись традиции прежней «буржуазной» интеллигенции, — действительно пытались сопротивляться по мере возможности весьма ограниченными средствами, доступными им в это более чем сложное время. Одним из таких средств были научные конференции и съезды биологического профиля, в которых они принимали участие. Так, на 4-м Всесоюзном съезде зоологов, анатомов и гистологов, собравшемся в мае 1930 г. в Киеве, хотя на рабочих заседаниях природоохранная тематика как будто специ-

[11] М.П. Потёмкин — высокопоставленный чиновник Наркомпроса, член Президиума ВООП.

ально не обсуждалась, была принята отдельная резолюция «По некоторым вопросам охраны природы», заявляющая следующее (По вопросам…, 1931, с. 18):

> В последнее время под всё усиливающимся натиском хозяйственных организаций заповедникам СССР угрожает опасность. […] Съезд убеждён, что совершенно ошибочным является мнение некоторых хозяйственных кругов, что в период интенсивного строительства и всестороннего использования естественных богатств, охрана природы не является актуальным и государственным делом.

Эту дискуссию вскоре продолжили зоологи МУ на специальном совещании, организованном НИИЗом по вопросу «об использовании госзаповедников для опыта посадки в них представителей промысловой фауны» (Карпов, 1930, с. 215). На нём взгляды, естественно, разделились: одни ратовали за то, что заповедники нужно сохранять в «целях изучения первоначальных условий до их изменения деятельностью человека», другие — что «овладение и регулирование естественно-производительных сил природы — вот что должно быть начертано на знамени нашего общества» (там же, с. 216).

С сожалением приходится констатировать, что некоторые ведущие российские природоохранители в этом споре заняли (наверное, полагая, что «лучше что-то, чем ничего») соглашательскую позицию, косвенно примкнув к доминирующей «линии партии». Среди них был и Г.А. Кожевников: об этом свидетельствует его цитированный нами ранее доклад «Охрана природы и экономика страны» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 102). Вероятно, в этой переориентации нашего героя определённую роль сыграл Н.М. Кулагин, точка зрения которого была вполне пропартийной (см. выше). Он сумел как-то убедить Г.А. в том, что тому, из неких тактических соображений, сейчас лучше изменить прежнюю позицию, нежели продолжать настаивать на идее абсолютной заповедности. В результате в 1930 г. в журнале «Охрана природы» они опубликовали совместную статью под названием «К вопросу о Всесоюзном органе по охране природы» (Кулагин, Кожевников, 1930). Доказывая в ней необходимость учреждения «Всесоюзного природоохранительного органа» при Комитете по заведыванию учёными и учебными учреждениями ЦИК СССР, эти два корифея отечественного природоохранного движения пишут на вполне казённом советском «новоязе», что «охрана природы рассматривается как один из основных базисов социалистического строительства хозяйства. Охрана природы это ряд мероприятий, направленных на сохранение и рациональное использование основных природных фондов страны в интересах хозяйственных и культурных» (там же, с. 122). Как видно, в этой формулировке, под которой стоит подпись Г.А. Кожевникова, нет и намёка на его ключевую идею: она воспроизводит один из главных тезисов выше процитированного доклада Вангенгейма на 1-м Всероссийском съезде охраны природы — и именно этот тезис объявлен «современной постановкой дела охраны природы». Стоит ли говорить, что совместное выступление в подобном духе двух признанных лидеров природоохранного движения, один из которых — руководитель Комитета при Наркомпросе СССР, а другой — признанный идеолог этого движения, было в то время весьма знаково и значимо.

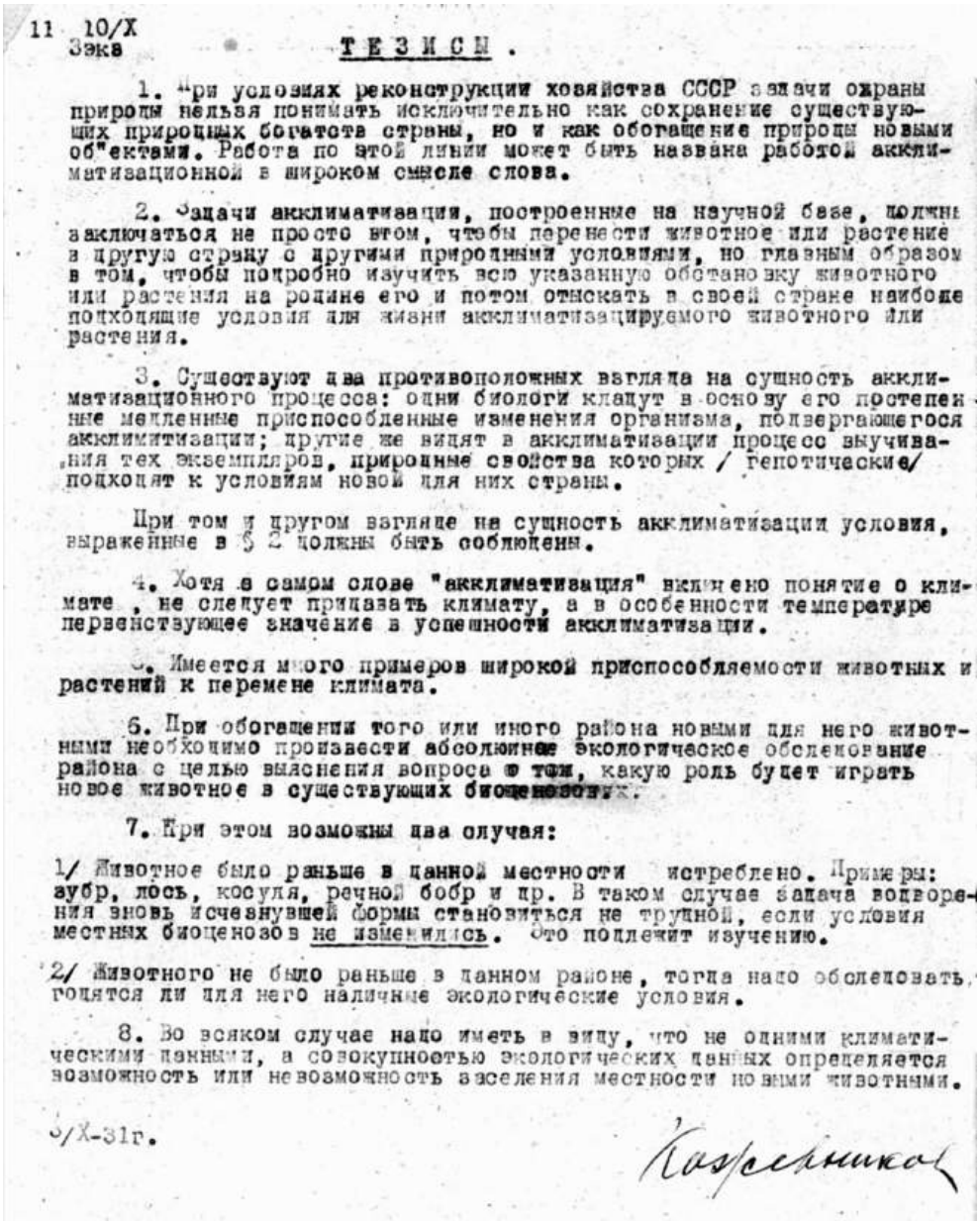
Смену идейного вектора в охране природы окончательно закрепило Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране и развитии природных богатств в РСФСР» (1930 г.), которым заповедникам предписывались две разные и даже взаимоисключающие функции: с одной стороны, «сохранить типичные, отражающие в себе характерные черты природно-хозяйственных районов, не затронутые культурой участки природы», с другой — «вводить естественные произведения природы, в особенности не использованные ещё человеком, в хозяйственный оборот» (Постановление…, 1930). В соответствии с этим постановлением две основные природоохранительные институции — комитет при Наркомпросе и ВООП — сразу же были переименованы,

чтобы подчеркнуть их новое предназначение: в их названия включили «содействие развитию природных богатств». Соответственно, журнал «Охрана природы» переиначили в «Природу и социалистическое хозяйство» (Борейко, 2003; Штильмарк, 2014).

Откликаясь на эти новые правительственные веяния, Комитет содействия развитию природных богатств (бывший Комитет охраны памятников природы) организует в декабре 1931 г. сессию, чтобы обрисовать «генеральную линию партии» в отношении ближайшего развития заповедного дела в СССР. В.Н. Макаров, которого мы упоминали выше в связи с изгнанием Кожевникова из Зоологического музея (см. раздел 2.8), в своём идейно выверенном выступлении решительно проводит рубеж между двумя основными периодами развития этого дела в стране — до и после 1930 г. (Макаров, 1931). По его мнению, первый период характеризовался «ложными и вредными установками на изучение только теоретических проблем», тогда как второму присущ «определённый перелом в сторону подчинения всей работы заповедников задачам осуществления пятилетнего плана социалистического строительства». Соответственно, теперь «все заповедники должны решительно и последовательно увязать всю свою теоретическую работу с разрешением общих хозяйственных проблем СССР и обороны страны» (там же, с. 248). Среди более конкретных задач заповедников он указывает необходимость налаживать «изучение фауны […] на основе марксистско-ленинской методологии», для чего необходимо «усилить процесс окоммунизирования и пролетаризации научных и административных кадров заповедников» (там же, с. 247–248). Судя по сохранившейся в университетском архиве Г.А. Кожевникова машинописной копии тезисов его доклада, датированной октябрём 1931 г. (рис. 5.22) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 138б), он выступил на этой сессии, рассказав о некоторых задачах акклиматизации (см. также далее). Увы, первый пункт этих тезисов заявляет о вполне примиренческой позиции нашего природоохранителя, полагающего, что «при условиях реконструкции хозяйства СССР задачи охраны природы нельзя понимать исключительно как сохранение существующих природных богатств страны, но и как обогащение природы новыми объектами».

> Ради справедливости следует отметить, что в постановление сессии было всё же включено весьма здравое поручение Госкомитету «разработать […] десятилетний план полного развёртывания сети госзаповедников, положив в ёе основу проект […], разработанный в 17-ом году Семёновым-Тян-Шанским» (Сеть…, 1931, с. 249). Такой план частично был разработан, но не воплощён (Вайнер (Уинер), 1991).

В рамках этой общей кампании со стороны философствующих марксистов усилились громкие заявления о полной «несовместимости» строительства социализма и охраны природы, сопровождавшиеся нападками на ведущих природоохранителей. Так, в 1931 г. в журнале «Большевик» появляется статья, автор которой утверждает, что «“охрана природы” становится охраной от социализма», и спрашивает риторически: «Охрана от кого? От советского человека?». Руководствуясь чётко выверенным классовым чутьём, он объявляет высказывания в пользу охраны природы «контрреволюционными вылазками» и навешивает на сторонников этой идеи стандартный ярлык «профессоры-вредители» (Кольман, 1931). Нечто подобное заявляет и статья, опубликованная в то же время в газете «Правда»: её авторы обвиняют журнал «Охрана природы» в том, что он «под лозунгами безусловной охраны природы стремится сохранить эту природу… от пятилетки» (цит. по: Соколов, 2010, с. 181). Таким же массовым нападкам подвергается и движение краеведов: для его постановки «на правильные социалистические рельсы» при президиуме Коммунистической академии создаётся Общество краеведов-марксистов (ОКРАМ), один из членов которого обвиняет Центральное бюро краеведения в том, что оно является «единственной легальной формой

11 10/X
Экв

ТЕЗИСЫ.

1. При условиях реконструкции хозяйства СССР задачи охраны природы нельзя понимать исключительно как сохранение существующих природных богатств страны, но и как обогащение природы новыми об"ектами. Работа по этой линии может быть названа работой акклиматизационной в широком смысле слова.

2. Задачи акклиматизации, построенные на научной базе, должны заключаться не просто втом, чтобы перенести животное или растение в другую страну с другими природными условиями, но главным образом в том, чтобы подробно изучить всю указанную обстановку животного или растения на родине его и потом отыскать в своей стране наиболее подходящие условия для жизни акклиматизируемого животного или растения.

3. Существуют два противоположных взгляда на сущность акклиматизационного процесса: одни биологи кладут в основу его постепенные медленные приспособленные изменения организма, подвергающегося акклимитизации; другие же видят в акклиматизации процесс вкучивания тех экземпляров, природные свойства которых / генотические/ подходят к условиям новой для них страны.

При том и другом взгляде на сущность акклиматизации условия, выраженные в § 2 должны быть соблюдены.

4. Хотя в самом слове "акклиматизация" включено понятие о климате, не следует придавать климату, а в особенности температуре первенствующее значение в успешности акклиматизации.

5. Имеется много примеров широкой приспособляемости животных и растений к перемене климата.

6. При обогащении того или иного района новыми для него животными необходимо произвести абсолютное экологическое обследование района с целью выяснения вопроса о том, какую роль будет играть новое животное в существующих биоценозах.

7. При этом возможны два случая:

1/ Животное было раньше в данной местности истреблено. Примеры: зубр, лось, косуля, речной бобр и пр. В таком случае задача возвращения вновь исчезнувшей формы становиться не трудной, если условия местных биоценозов не изменились. Это подлежит изучению.

2/ Животного не было раньше в данном районе, тогда надо обследовать, годятся ли для него наличные экологические условия.

8. Во всяком случае надо иметь в виду, что не одними климатическими данными, а совокупностью экологических данных определяется возможность или невозможность вселения местности новыми животными.

5/X-31г.

Кожевников

Рис. 5.22. Текст тезисов доклада Г.А. Кожевникова (октябрь 1931 г.), предположительно сделанного на сессии Комитета содействия развитию природных богатств (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 138б)

организации прямо враждебных антисоветских элементов» (там же).

Под таким мощным давлением реальные возможности выше упомянутых «академических кругов» отстоять идею охраны природы, на что уповал Г.А. Кожевников, фактически иссякли. В итоге Первая всесоюзная фаунистическая конференция, проведённая в феврале 1932 г. в Ленинграде, почти безоговорочно подтвердила «великий перелом» в природоохранном движении. Об общем царившем на ней настрое позволяет судить краткий обзор, опубликованный в журнале «Природа» (Кирьянова, 1932). Его авторша с восторгом констатирует, что «Конференция прошла под лозунгом поворота науки к соцстроительству, […] за хозяйственное овладевание и переделку фауны в интересах социалистической стройки» (там же, с. 453). В подтверждение своих слов она цитирует часть выступления восходящей звезды советской официозной биологии И.И. Презента, который детализирует назван-

ный «поворот» и даёт такую по-большевистски прямолинейную насильственную установку: «Советские фаунисты должны […] разработать конкретные проекты планового изменения ценозов животных […]. Мы должны овладеть фауной и не только поставить её на службу, но и перестроить её так, чтобы она повысила свою продуктивность» (там же).

Судя по этому обзору, на данной конференции, так же как и на многих других предшествовавших ей совещаниях, проявилось нечто вроде мировоззренческого раскола. Одни участники (таких было большинство, автор отчётной статьи в «Природе» в их числе указывает профессоров Павловского, Кожевникова, Станчинского) заявили, что «советские учёные счастливы сознавать, что живут в период мощного расцвета науки, вызванного пролетарской революцией» (там же, с. 457). Им противопоставлено меньшинство специалистов (в том числе лесовод М.Н. Римский-Корсаков и оба Семёновы-Тян-Шанские), «не могущих и не желающих понять новой ступени развития фаунистики», недоступной их «буржуазно-классовому сознанию» (там же, с. 458). В проявлении последнего дальше всех зашёл, по видимому, Римский-Корсаков, заявивший, что «наука беспартийна, а если партийна, то нам здесь делать нечего», и ушедший после этого с заседания (там же).

Без протоколов выступлений участников конференции едва ли можно верно судить о том, насколько это их дихотомическое деление на «счастливцев» и «отщепенцев» отражает истинный расклад мнений на Конференции. Но во всяком случае, например, эколога В.В. Станчинского трудно заподозрить в принадлежности к доминирующей когорте «осчастливленных»: в научном плане он откровенно противостоял Презенту на Киевской конференции в 1930 г. (Борейко, 2003). Что же касается Г.А. Кожевникова, который в дореволюционное время отметился открытым «антипартийным» протестом (см. раздел 2.4), на этой конференции он сделал весьма пессимистическое заявление, свидетельствующее о том, что и его силы исчерпаны (цит. по: Борейко, 1996, с. 106):

> Я сюда привёз отдельный оттиск своих статей об охране природы, которые были напечатаны много лет тому назад. Я думал издавать их вновь, потому что они просто залежались, но после того, что прочитали на секции, я понял, что их издавать нельзя.

Окончательное крушение всех надежд учёных, преданных идее охраны природы, произошло на 1-м Всесоюзном (не путать с ранее прошедшим аналогичным Всероссийским, см. выше) съезде по охране природы в СССР, состоявшемся в январе 1933 г. в Москве. Полное название этого собрания, приведённое в начале его опубликованных Трудов, звучало так: «Первый Всесоюзный съезд по охране природы и содействию развитию природных богатств» (Труды…, 1935, с. 7). Ключевая тема съезда, соответствующая задачам «Великого перелома», была обнародована за год до этого В.Н. Макаровым[12] в 5-м номере журнала «Природа и социалистическое хозяйство». В ней он провозгласил со всей партийной прямотой (Макаров, 1932, с. 5):

> Съезд должен твёрдо и категорически заявить, что оставшийся кое у кого в живых фетиш абсолютной неприкосновенности заповедников и заповедных объектов природы пора сдать в мусорный ящик, что этот лозунг вреден, что основная наша обязанность не просто охранять, а охраняя, помогать хозяйственным организациям наиболее рационально, с точки зрения общегосударственных интересов, в данных условиях места и хозяйства, использовать тот или иной природный объект.

Эта основная мысль прозвучала на съезде в установочном докладе его председателя П.Г. Смидовича, который дословно воспроизводит новое название прежнего природоохранного Комитета: природоохранное движение

[12] Следует напомнить о том, что, по грустной иронии судьбы, В.Н. Макаров стал в 1931 г. фактическим преемником Г.А. Кожевникова в качестве главы Зоологического музея МУ (см. раздел 2.8).

должно впредь не ограничивать себя только охраной, но оказывать «*содействие развитию природных богатств*» (Труды…, 1935, с. 7). Вослед этой установке Макаров в своём докладе предлагает сделать охрану природы фактически одним из элементов планового рационального использования природных ресурсов: «Каждый заповедник […] должен заниматься вопросами, связанными с изучением, учётом и поднятием естественных производительных сил своего края и района […] всякую попытку поставить заповедник оторванно от хозяйства края мы решительно пресекаем и будем пресекать»; заповедники должны разрабатывать «научно-проверенные методы для рационального использования природных богатств, их качественного улучшения и обогащения, […] введения в хозяйственный оборот естественных природных богатств» (Макаров, 1935, с. 34–35). При этом, критикуя заповедники за то, что «их деятельность не отвечает задачам, которые стоят в данный период социалистического строительства нашей страны», он чуть ли не пальцем указывает на некую «группу лиц в Наркомпросе» (разумея, очевидно, Г.А. Кожевникова и его единомышленников), «которая всё ещё по-старому продолжала смотреть на заповедники, на их работу и на охрану природы главным образом с точки зрения абсолютной неприкосновенности», и грозит им впредь «давать решительный отпор» (там же, с. 24–25).

Едва ли имеет смысл разбирать работу этого съезда, сыгравшего роковую роль в завершении жизненного пути героя нашей книги. Достаточно сказать, что Г.А. Кожевникову в нём была отведена самая скромная роль: он приветствовал съезд от имени Абхазского акклиматизационного института (в штате которого Г.А. состоял после изгнания из МУ, см. раздел 3.7) и председательствовал (от Госкомприроды) на заседаниях культурно-массовой секции. Как и в выступлении на предшествующей съезду сессии Комитета содействия развитию природных богатств (см. выше), в своём приветствии Кожевников заявил, что основная задача этого института — «восстановление фауны и разведение животных исчезнувших, а также обогащение природы путём акклиматизации новых форм» (Труды…, 1935, с. 15). Итак, ни охраны природы, ни абсолютной неприкосновенности, ни научного изучения заповедных участков дикой природы — ничего в этом кратком выступлении не было из того, чем раньше горела и о чём болела его душа…

А других выступлений Г.А. Кожевникова и не было — ни на этом съезде, ни потом…

Потому что Григорий Александрович, потрясённый тем, что одно из важнейших дел всей его жизни стремительно разрушается на его глазах, что его называют «оставшимся кое- кем в живых» и грозят дать ему «решительный отпор», а выстраданную им идею абсолютной неприкосновенности заповедников призывают «сдать в мусорный ящик», — он, загнанный и очернённый, за несколько дней до завершения Съезда скончался от обширного инсульта…

ГЛАВА 6. ESSE HOMO…

При подведении итогов жизни и деятельности исследователя-естествоиспытателя, каковым был Г.А. Кожевникова, основное внимание, по вполне понятным причинам, обращается на его вклад в науку, образование и просвещение. При этом, как заведено в профессиональном «респектабельном» научном сообществе, основной акцент делается на объективной составляющей научного знания, призванной отразить то, что происходит вокруг нас «на самом деле». Но ведь важной составляющей этого знания является внутреннее (психическое) «содержимое» учёного, которое формирует его исследовательские и иные интересы к окружающему миру, его исследовательскую мотивацию и т. п. В связи с этим вполне понятно стремление тех биографов, которые не хотят укладываться в «официозные» шаблоны, но пытаются вникнуть в личностные качества учёных, приоткрыть «внутреннюю кухню» выбора их жизненных устремлений, поиска научной истины.

Попытка решения этой не самой простой задачи в нашем исследовании жизненного пути Кожевникова стала во многом возможной благодаря тому, что он вёл дневники, чудом сохранённые в архивах. Доверяя им свои потаённые переживания и раздумья, он делал их «зеркалом» своей души, дабы, вглядываясь в него, пытаться понять себя и своё место в жизни, пытаться становиться лучше… Когда дневники прекратились, их место заняли письма немногим друзьям, которые заботливо сохранили их для потомства; кстати, сам Г.А. письма от друзей по большей части не сохранял — во всяком случае, в исследованных нами архивах мы их обнаружили совсем немного.

Как видно из этих письменных источников, в юном возрасте героя нашей книги больше всего занимали поиски своего места в жизни — того самого «призвания», которое служит путеводной звездой для всякого преданного некоторой идее человека. В более зрелом возрасте Г.А. обратился к сложным вопросам справедливого устройства человеческого общества и путей его улучшения. При этом он каким-то образом ухитрялся примирять в себе разнонаправленные устремления, обращённые к какому-то одному предмету своих размышлений. И на протяжении почти всей жизни его весьма трогали переживания «нежного сердца» из-за неустроенности любовных отношений.

Добравшись до архивных дневников и писем Кожевникова, мы попытались взглянуть в это своеобразное «зеркало», неким образом запечатлевшее то, каким образом наш герой представлял себе самого себя в разные периоды своего физического, духовного и интеллектуального развития. Фактически мы, наверное, стали первыми, кому удалось сделать это, — и мы обнаружили, что наш герой оказался отнюдь не тем человеком, «приятным во всех отношениях», в переживаниях которого легко разбираться, а потом про них легко писать. «Переварив» первые впечатления, мы постарались сделать так, чтобы результаты наших изысканий стали доступны читателям книги в форме, максимально приближённой к первоисточнику. Поэтому, как подчёркнуто в Предисловии, для нас было принципиально важным не пересказывать свои (и тем более чужие) впечатления о Г.А., а прямыми цитатами дать возможность ему самому рассказать «своими словами» о себе, о своём потаённом.

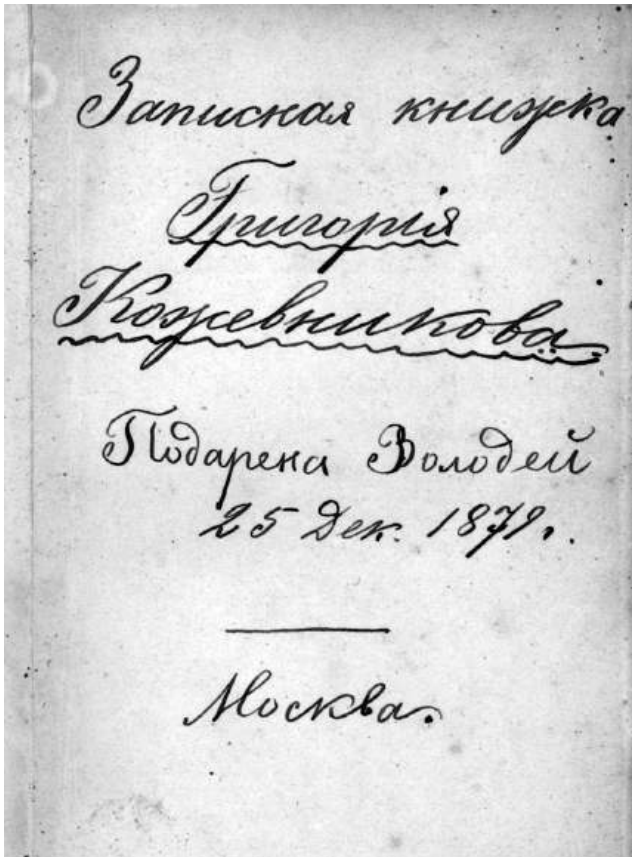

Рис. 6.1. Титульная страница первого дневника Григория Кожевникова, подаренного ему старшим братом Володей накануне 1879 г. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 346. Л. 1)

6.1. В поисках себя

Творческий человек — всегда ищущий человек, особенно в молодом возрасте. Он постоянно находится в поисках новых ответов на ранее поставленные вопросы или, если ему не хватает уже имеющихся в наличии вопросов, придумывает их сам — но не просто так, а для того, чтобы постараться ответить на них. С одной стороны, человек ищет вопросы и ответы, касающиеся устройства своего внутреннего мира, — почему да отчего он такой, какой он есть, и нельзя ли сделать себя лучше. С другой стороны, он ищет вопросы и ответы, касающиеся устройства мироздания, — почему да отчего всё происходит так, как происходит, и нельзя ли сделать мир лучше. Все эти разнонаправленные поиски сливаются в мощном аккорде, когда возникают сакраментальные вопросы, самые главные для человека, терзаемого стремлением обрести понимание смысла всего сущего: что это за мир, в котором ему выпало судьбой жить, и для чего он сам в этом мире…

Юный Григорий Кожевников вряд ли в этом отношении отличался от своих сверстников. Девиз «Познай самого себя», некогда начертанный на стене древнегреческого храма Аполлона в Дельфах, был лейтмотивом его душевных переживаний и исканий в пору отрочества, юности и в начале профессионального созревания. Эти переживания отражены в дневниках, которые наш герой вёл на протяжении 1880-х и 1890-х гг.: они нужны были ему не столько для фиксации каких-то событий в жизни, сколько для того, чтобы изливать в дневниковых записях свои переживания о собственной персоне, а также размышлять о своём окружении.

Первая дневниковая тетрадка была подарена Григорию в декабре 1879 г. его старшим братом Володей (рис. 6.1), и вскоре наш юный герой записывает в неё (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 346. Л. 11):

> У меня глупая привычка: составлять множество планов, проектов и никогда их не исполнять…… Я уже давно задумывал вести подробный дневник, куда записывать все свои поступки и проступки, мысли, желания, обещания исправиться и т[ому] подобное с целью самоисправления. Я хочу записывать также все свои намерения, чтобы не забыть их исполнить […]. Может быть, когда я буду записывать свои проступки, я их буду меньше делать.

Через некоторое время, когда ему стукнет 20 лет и его отроческие смутные искания как-то укрепятся и обратятся в юношеские достаточно твёрдые устремления, Григорий подтвердит своё намерение и далее творить своеобразный «словесный автопортрет»: «Я хочу в своём дневнике описывать больше и подробнее явлений своей духовной жизни, т. е. писать о том, что читаю, что делаю, над чем работаю» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 5).

***

Среди первых впечатлений, о которых юный Гриша считает необходимым записать в днев-

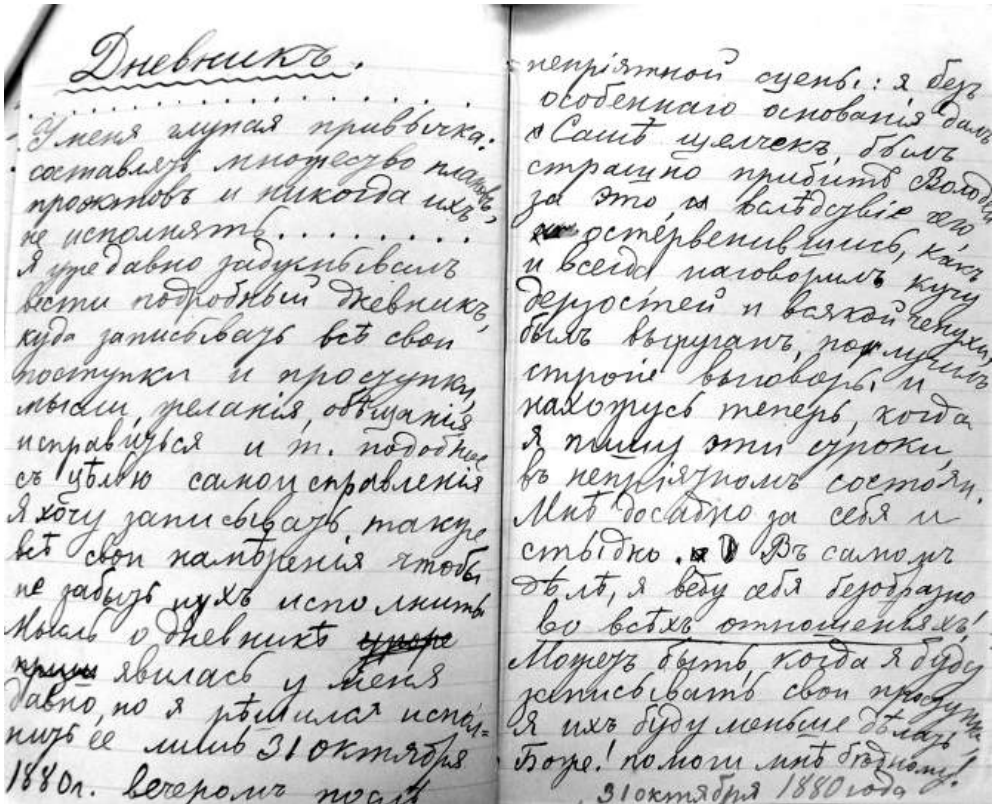

Рис. 6.2. Разворот дневника Г. Кожевникова (январь 1880 г.) с записями о желании вести дневник и о семейной ссоре (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 346. Л. 10об, 11)

нике, — его угрызения по поводу в общем-то пустяковой стычки с младшим братом Сашей и последовавшей за этим довольно резкой ссоры с Володей (рис. 6.2): «Мне досадно за себя и стыдно. В самом деле, я веду себя безобразно *во всех отношениях*! […] Боже! помоги мне бедному!» (там же. Ед. хр. 346. Л. 11). Но страстно призываемая «высшая помощь», очевидно, не воспоследовала, вздорная мальчишеская натура берёт своё (что так естественно в 14-то лет) — и после записи об очередной ссоре, на этой раз с матушкой, Гриша записывает: «Ах! тяжело писать такие грустные вещи. Боже! Когда же я исправлюсь!» (там же. Л. 15). Возложив на себя обет «завести чтение Евангелия по утрам и ранее вставание», он, однако, не справляется с моральной ношей, оказавшейся слишком тяжкой для не вполне созревшего духовно юного организма, — и вот через несколько дней Григорий печалится о том, что «утром сегодня *не читал* Евангелия из *ленности*, т. к. не хотел подыматься раньше» (там же.. Л. 14об, 16). Но на этот раз — вот странно! — как будто никаких особых угрызений совести…

С такой же вполне понятной ленностью Гриша относился и к своим ученическим обязанностям, хотя и неизменно сокрушаясь об этом. Осенью 1880 г., вернувшись в Москву после летних вакаций, проведённых в родном Козлове, — впрочем, отнюдь не в пустой праздности, но занятых вознёй со всякой мелкой живностью и чтением книг (см. раздел 1.2), — он записывает: «Я по обыкновению в душе обещал учиться лучше, а на самом деле этого конечно нет и не было. Это бесит меня! Неужели у меня нет силы воли?! Я начинаю думать, что нет ни капельки!!…» (там же. Л. 12об). Чтобы как-то дисциплинировать себя и воспитать в себе столь желанную «силу воли», он обещает вести «подробный дневник» и «накануне писать, что надо сделать завтра», но, увы, принуждён вскоре признаться себе: «Мне трудно исполнять свои хорошие намерения……» — и опять в который раз

взывает к высшей силе: «Господи! помоги мне исправиться» (там же. Л. 13об, 16).

Более поздние дневниковые записи Григория за 1882–1883 гг. посвящены в основном его первому любовному увлечению «милой Анютой» и связанным с этим переживаниям. О них мы расскажем в следующем разделе настоящей главы, а здесь хотелось бы специально оттенить те страдания нашего героя, в которых ярче всего проявились разнонаправленные движения его влюбчивой натуры, связанные с поисками ответов на вопрос «кто есть я?». Сначала существенную долю этих переживаний составляют сомнения в том, что за чувство посетило его и могут ли вообще «у 15-летнего мальчика […] быть “чувства”» (там же. Ед. хр. 347. Л. 5об). По мере превращения мальчика в юношу подростковый дух противоречия в Григории усиливается, заставляя его метаться между влюблённостью, не приносящей особого душевного успокоения, и стремлением как-то избавиться от неё, оторваться от душевной привязанности к предмету своих переживаний. Годами позже этот «дух противоречия» будет приносить ничем не оправданные страдания самому Г.А. Кожевникову и его супруге (см. раздел 1.3).

Вполне нормальная для пубертатного возраста увлечённость эротикой у нашего юного героя порой вызывает приступы безотчётного стыда и отчаянного покаяния. Причиной одного из них становится небольшой, но подробно им описанный эпизод (в сущности, забавный по взрослому разумению), случившийся с Григорием летом 1882 г. Будучи в гостях у своих дальних родственников Северовых и праздно бродя по их дому, подросток в одной из комнат случайно наткнулся на роман «Вишенка» французского писателя Поля де Кока (Charles Paul de Kock). Пролистав его, он «под влиянием одного весьма откровенного описания […] нарисовал на бумаге несколько голых женщин и мужчин в объятиях друг друга и при этом [сочинил] текст самого позорного свойства» (там же. Л. 3об). Устыдившись результатов своего нечаянного художественно-словесного творчества, Григорий «для безопасности […] сдуру» засунул эту бумажку под перину стоящей там же кровати, но потом, вернувшись к себе в Козлов, начал страшно переживать, воображая, «что горничная находит её и показывает Маме или Саше. Вот так сюрприз!». Страшно мучимый этой мыслью, Григорий «сам не свой» провёл ночь и дождливое утро, а после обеда, чуть только развиднелось, тотчас снарядил «тряские беговые дрожженки» и, «потрясшись порядком» по дороге, «хуже [которой] трудно вообразить», добрался наконец до усадьбы Северовых, «прежде всего кинулся к постели и нашёл свою “бумажку” […] быстро сунул её в карман и был счастлив». Но и после этого мятущаяся душа его, взыскующая чего-то доброго и возвышенного, не находит покоя и он записывает: «Боже мой, как это низко, гадко и подло! Когда же я исправлюсь. Я всё-таки сознаю, что я дурной человек……» (там же. Л. 4об, 5).

Судя по некоторым дневниковым записям Григория, некоторая избыточная (как ему кажется) чувственность действительно бередит его юную душу, заболевшую первой любовью. Он страдает от того, что его влечение к «милой Анюте» временами носит явно плотский характер, и задаётся вопросом: «Разве любовь не может быть без *грубой* чувственности?», в связи с чем ему на ум приходит «платоническая любовь», которая вовсе не обязательно есть «считание звёзд на небе, вздохи при лунном свете и тому подобное» (там же. Ед. хр. 348 Л. 28, 31.). Он взахлёб читает роман Г. Боборыкина «В путь-дорогу!», где «изображены 25-летняя тётушка и 15-летний племянничек, которые влюблены друг в друга», и по его прочтении и обсуждении с приятелем Серафимом и его матушкой Зинаидой Владимировной с восторженной тоской восклицает: «Простые их разговоры, […] нежные взгляды, объятия и поцелуи и полная доверчивость и откровенность […]. Вот это счастье!» (там же. Л. 30) — видимо, то самое счастье, которого так не хватает самому Григорию в его влюблённости, приносящей ему столько переживаний и страданий.

Когда неудачи на любовном поприще или неуверенность в выборе жизненного пути

обрушивают Г. Кожевникова в очередной раз в бездну депрессии, он, вопреки обещанию писать в дневниках «о том, что читаю, что делаю, над чем работаю» (см. выше), с каким-то остервенением предаётся весьма жестокому самобичеванию, выдающему в нём потаённую склонность к мазохизму. Обычно причины таких приступов Григорий сам указывает, ссылаясь на любовные и житейские неудачи, но иной раз они остаются сокрытыми в самой глубине его мятущейся души и снаружи выглядят немотивированными. Например, в дневнике за 1886 г. среди прочих записей вдруг натыкаемся вот на это: «Пошлость, грязь, разврат, мерзость, лень, отвращение…… Всё противно, ничего не радует, ничто не делается так, как я хочу. Жизнь отвратительна!»; а в другом месте на такое: «Мерзко, гадко, скверно, подло, отвратительно……» (там же. Ед. хр. 350. Л. 13об, 25).

Иногда же такие приступы бывают вызваны достаточно серьёзными исканиями нашим героем своего места в жизни — не какого-то конкретного, вроде грядущей «профспециализации» (о ней далее), а так, «вообще», размышляя об окружающем мире и о себе. В такие моменты возникают (там же. Л. 22) самые важные и при этом

> Вечные неразрешимые вопросы, [которые] не перестают тревожить меня. Зачем я живу? Цель? Смысл? Есть несколько картин жизни, против которых ничего нельзя возразить… Что лучше? Как идти? Почему так, а не иначе? Что поставить себе в идеал? Должно ли это быть что-нибудь “особенное”, “оригинальное” или пусть это будет обыденная “пошлая” житейская мораль […] Ведь можно хорошо прожить всю жизнь на основании пошлой житейской морали, выработанной безо всяких высоких идей, а просто “поудобнее”. . .

Казалось бы, не слишком приятный ярлык «пошлая», навешенный на «житейскую мораль», предопределяет отрицательный ответ для души, взыскующей неких «высших истин». Но тут возникает глубинное сомнение, сродни богоборчеству, в том, что сами эти истины могут иметь в своём источнике нечто «высшее» — просто потому, что ничего «высшего» пожалуй что и нет. И правда, «Высшие идеи… А где они? Откуда они берутся? Блеск мысли, выработанной нашей моралью! Ведь нет же Высшей Силы, нет Высшего Разума! Это несомненно! А откуда “высшие стремления”? “Это луч солнца, сверкающий у нас в мозгу”… (выражение Тимирязева)» (там же. Л. 22об).

Да-с, история-с… При попытках вникнуть в такие душевные переживания и метания нашего юного героя невольно всплывает в памяти знаменитый «гоголевский» вопрос из «Мёртвых душ», который в данном случае можно представить так: «Душа моя, куда ж несёшься ты? Дай ответ! Не даёт ответа…». И становится отчасти понятным то неизбывное отчаяние, которое овладевает Григорием в такие минуты, когда ему «так тяжко, больно, горько, является мысль — лучше бы не жить на этом свете, где так легко находить страдания и так трудно радости» (там же. Л. 25).

Начавшееся в 18-летнем возрасте активное интеллектуальное и духовное созревание Григория Кожевникова, связанное с завершением гимназического периода учёбы и поступлением в МУ, направляет его самопоиски в сторону от собственных любовных переживаний и заставляет черпать побудительные мотивы для них в более серьёзных внешних источниках. Теперь дневниковые записи нашего героя — не о каких-то событиях в его жизни и связанных с ними волнениях, а в большей мере его размышления по разным поводам; да и тетради, в которых юноша оставляет эти записи, — отныне уже не «Дневники», а «Записки».

Он всё чаще и глубже начинает погружаться в серьёзную литературу — в лучшие образцы классической беллетристики, а затем и в публицистику. В первом случае его «круг чтения» составляют Гомер, Достоевский, Тургенев, Гончаров, Шпильгаген (Friedrich Spielhagen); впрочем, их он читает в основном летом, чтобы заполнить скуку вакационного бытия в Козлове, и они, похоже, не вызывают какого-либо серьёзного отклика в его душе, не побуждают её «трудиться». Но чтение литературы более

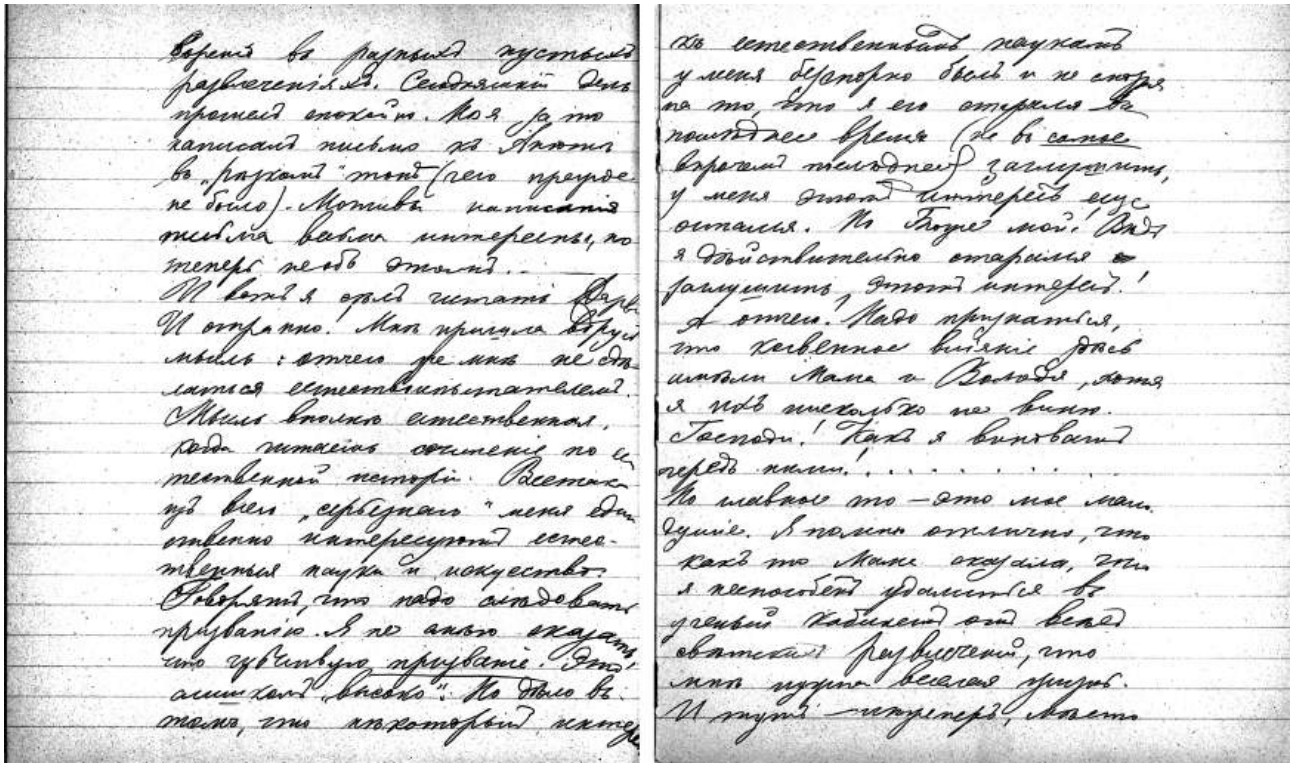

Рис. 6.3. Страницы из дневника № 14 Г. Кожевникова (декабрь 1883 г), где он отмечает пробуждение интереса к естественной истории и сомневается в нём (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 40об, 41)

публицистической направленности в сессионное время в Москве по-настоящему захватывает его. Так, «Тёмное царство» Н.А. Добролюбова, в котором тот «клеймит позором личности самодуров», вдруг заставляет Григория подумать о себе «с горечью: А я сам разве не самодур? … Говорит об ужасе нравственного падения — а я разве не пал нравственно глубоко, так что и не понимаешь, как постепенно исказилась моя натура… […] Нет во мне никаких твёрдых нравственных начал. Безнравственность *вполне*. Что подымет меня?» (там же. Ед. хр. 349. Л. 20).

***

Ближе к завершению гимназического обучения и все годы пребывания в университете основное внимание нашего «самокопателя», по вполне понятным причинам, составляет поиск выбора будущей профессии: главным теперь становится вопрос «что делать?». Душевные переживания, связанные с этим, достаточно полно отражены в его дневниках, поэтому их реконструкция не составляет особого труда, хотя местами её результаты выглядят довольно неожиданными.

Как мы уже писали ранее, в юношеском возрасте, а точнее в 17 лет, после прочтения во время летних вакаций книги Ч. Дарвина «О происхождении видов», Григорию приходит в голову мысль «сделаться естествоиспытателем. Мысль вполне естественная, когда читаешь сочинение по естественной истории. Всё-таки из всего “серьёзного” меня единственно интересуют естественные науки и искусство». Но вот беда — он далеко не уверен в своём зарождающемся выборе: «Говорят, что надо следовать призванию. Я не смею сказать, что чувствую *призвание*. Это слишком “высоко”» (рис. 6.3) (там же. Ед. хр. 348. Л. 40об).

И он почему-то «старался заглушить этот интерес» в себе, чему способствовали отчасти его матушка со старшим братом Володей; в частности, Мария Григорьевна полагала, что её юный отпрыск «неспособен удалиться в учёный кабинет от всех светских развлечений, что [ему] нужна весёлая жизнь». Этот небольшой семейный разлад вызывает у Гриши некие угрызения совести: он нисколько не винит в нём родичей, а чувствует, что сам «виноват перед

ними» (там же. Л. 41) — но в чём же?! В том ли, что думает о возможной своей склонности именно к естественным наукам? Или, наоборот, в том, что не уверен в этом своём выборе?

Но ведь и в самом деле, что ему в этих науках? Ставши инженером и занявши «место в несколько десятков тысяч жалованья […] катай куда хочешь — […] и можно между прочим жучков собирать! […] А с другой стороны, сиди себе с микроскопом да копайся, да глядишь ни до чего не докопаешься, а главное-то — надоест! Жалованья нет, да быть подхвостьем у Богданова — перспектива! Как решить вопрос? А ведь это вопрос всей жизни! Шуточки! И понятно, я по позорному малодушию ужаснулся коптению над микроскопом» (там же). Вот и приходится Григорию взвешивать на весах судьбы то, к чему всё-таки действительно стремится его душа: на одной чаше — «60 тысяч в год! Дух захватывает? Не так ли?», а на другой — «фантазия, что вот из меня может выйти естествоиспытатель». Но что за этой фантазией, кроме мечтаний о призрачном счастье, обретаемом в научных занятиях и в «коптении над микроскопом»? Ведь (там же)

> человек, предавшийся науке с некоторым самоотвержением, должен находить в себе самом успокоение, что он служит делу великому и даст всю жизнь, чтобы принести свою лепту. Если это так, если человек может сказать себе: я доволен собой, хотя бы он был и [в] плохом материальном положении в это время, — это счастье! […] Господи! Да если бы я сознал, что я в силах посвятить себя науке, — да разве я стал бы выбирать!

И Григорий вновь взывает к помощи Всевышнего, чтобы разобраться в этой мучительной дилемме, в этом метании между мечтаниями о материальном благополучии и о научном призвании. Он молит: «Боже! Дай мне силу воли! Не дай мне увлечься чем бы то ни было безрассудным и пойти не тем путём, каким я должен!» (там же).

Но наконец выбор сделан — и поступивший в 1884 г. в МУ на Естественное отделение ФМФ Кожевников с помощью кафедральных профессоров погружается в таинства зоологической науки, а одновременно и в повседневность разносторонней практической деятельности в Зоомузее, в устройство различных выставок, инициатором коих выступает А.П. Богданов, и т. п. (см. разделы 1.2, 2.2). И вот эта-то деятельность, весьма далёкая от возвышенных идеалов науки и приносимого ею духовного счастья, вновь лишает Григория уверенности в правильности выбора, а вместе с этим и душевного покоя. Его всё так же грызут сомнения и заставляют спрашивать себя (рис. 6.4): «Зачем я на естественном факультете? Чем я должен быть? Вот вопрос, на который ответить может — дьявол (если таковой ещё живёт где-нибудь в укромном уголке Вселенной)» (там же. Ед. хр. 349. Л. 17.).

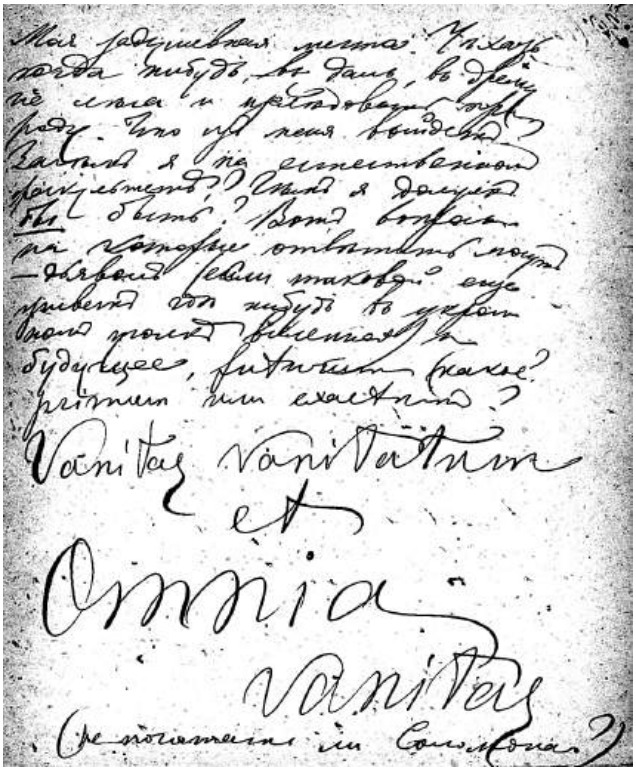

Рис. 6.4. Страница из дневника Г. Кожевникова (сентябрь 1884 г.) с записью об очередных сомнениях в выборе жизненного пути (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 17)

Почувствовав всю тяжесть университетской учебной нагрузки, не идущей в сравнение с гимназической, он неожиданно ощущает, что «сознание *зрелости* не приносит ничего, кроме какого-то грустного чувства. […] Жизнь интеллигента ужасно старит. Эти книги, это

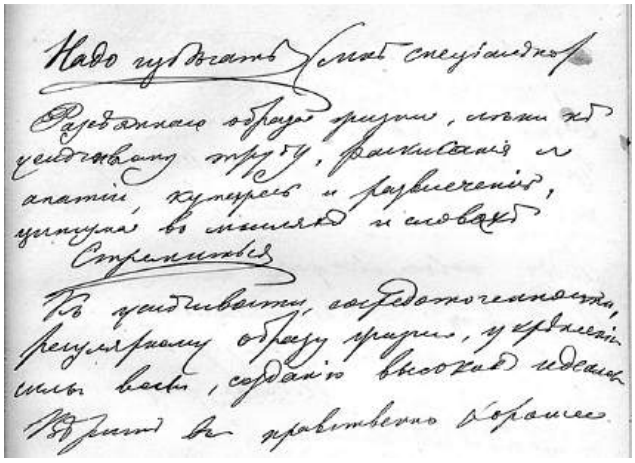

Рис. 6.5. Фрагмент страницы из дневника Г. Кожевникова (февраль 1887 г.) с записью о необходимости избегать искушений (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 42)

углубление в “науку”, все эти задания [неразб.] человек теряет настоящую весёлость. К чему всё это… “Тлен”, говорит сердце» (там же. Ед. хр. 350. Л. 56об). Так что, похоже, недавние надежды заканчивавшего гимназию школяра на то, что «будет […] лучше, чем *было*!», вовсе не оправдываются. Но всё-таки наш герой отмечает: «Пессимизм мой теперь […] — это островки, очень редкие» (там же); стало быть, в его мятущейся душе всё больше крепнет уверенность в правильности выбора «сделаться естествоиспытателем», побудившего его поступить на Естественное отделение в МУ.

Попав через пару лет в Зоологический музей в Санкт-Петербурге, Григорий увидел там зоологов: «Вагнера, Шалфеева и Кузнецова — людей, скромных аскетов по образу жизни, живущих убого наподобие Диогена, но счастливых» (там же. Л. 34об). Не очень понятно, почему и каким образом он смог составить себе представление об их жизни как «убогой», но даже и такого беглого знакомства со своими будущими старшими коллегами хватило для того, чтобы отбросить (на какое-то время) сомнения и заключить: «*Работа* — вот девиз положительный, девиз жизненный» (там же. Л. 40), соответственно чему студент решительно накладывает на себя суровые обязательства (рис. 6.5) (там же. Л. 42):

> *Надо избегать* (мне специально): рассеянного образа жизни, лени к усидчивому труду, раскисания и апатии, кутежей и развлечений, цинизма в мыслях и словах. *Стремиться*: к усидчивости, сосредоточенности, регулярному образу жизни, укреплению силы воли, созданию высоких идеалов. Верить в нравственно хорошее.

Размышляя над избранным путём, которым ему предстояло бы впредь идти, Григорий неожиданно упирается в модальность долженствования, как чего-то такого, что может исподволь управлять поведением, да и, пожалуй, всей жизнью человека, и задаёт себе тот риторический вопрос «ЧТО ТАКОЕ ДОЛГ? [который] невольно напрашивается всякому мыслящему человеку» (там же. Л. 45). Пытаясь ответить на него и выстраивая для этого умственным образом разные жизненные ситуации, обыкновенно регулируемые всяческими предписаниями и запретами, обрисовывающими пресловутый «долг», начиная детскими «льзя и нельзя» и кончая тем, что люди нередко хотят в церковь «не потому, что хочется, а потому что *надо*», он заключает, что долгом «могут обозначаться различные понятия весьма различных достоинств» (там же. Л. 45, 47). И оказывается, что из-за повиновения человека налагаемым на него неким «внешним» обязательствам он «поступает *против внутреннего убеждения, но в силу признания* “*долга*”», так что в результате может совершаться «победа *долга* над внутренним убеждением» — как Григорий полагает, «явление во всяком случае *деморализующее* и нежелательное». Потому что, повинуясь внешней моральной установке «“*ты должен*”, [человек] поступает *против убеждения* сперва с досадой, потом по привычке. И что в известное время явилось бы естественно и *жизненно*, является по привычке и мертвенно» (там же. Л. 46об, 47, 48).

И вот, продираясь сквозь все эти хитросплетения разных побудительных мотивов действовать по «внешнему» долженствованию или по «внутреннему» убеждению, Г. Кожевников наконец отбрасывает первую из этих модальностей, обязывающую его поступать «нежизненно», и вроде бы решает для себя,

или даже отчасти уговаривает себя: «Я желаю посвятить себя научной деятельности» (там же. Ед. хр. 351. Л. 2об). Ибо для всякого творческого человека — «счастье это, счастье заниматься интересной, любимой работой и посвятить ей всё своё внимание, все силы». Он воображает себе, что в отличие от любви (имея в виду свои прежние отношения с «милой Анютой»), где «есть ревность, измены, подозрения, муки неудовлетворённых стремлений […] и т. д. … В чистой научной работе эти неприятности сведены к minimum'у […] если я написал хорошую работу, она всегда говорит сама за себя и свободна от клеветы» (там же. Л. 4об, 5, 5об).

Но оказывается, что не всё так просто в реальной, а не чаемой и во многом выдуманной действительности: наука в её общем смысле — даже и не наука собственно, а пока что подходы к ней, заключённые для Григория в разных студенческих обязанностях, — полна рутинных дел, которые, вообще-то говоря, в категорию «чистой научной работой» ну никак не могут быть записаны. Соответственно, у нашего героя они проходят по разряду никчёмного и малоприятного «надо», а не желанного «хочется», и вызывают у него многда резкий внутренний протест. Во-первых, такова его вовлечённость в сверхактивную выставочную деятельность Богданова: мало того, что, как ему кажется, последний со своими помощниками попросту «пускали пыль в глаза» вместо служения науке, так ещё по завершении выставочной суеты у молодой музейской компании «началась беспутная жизнь […] грандиозный кутёж […] были пьяны зело, зело […] дебош». От всего этого Григорий приходит чуть ли не в ужас и в душевную растерзанность: «Безобразно! А вошёл во вкус — и ничего не претило. Развратился совсем. […] Неужели это признак возмужалости? Что-то будет дальше?» (там же. Ед. хр. 350. Л. 51об, 52об). К этому прибавляются оказывающиеся обременительными занятия студенческого кружка, ведомого Н.Ю. Зографом: «Не ходить туда — значит показать, что "гнушаешься кружком". […] Но если человек очень занят слишком срочной работой, то "кружок" просто [неразб.]. Какие выгоды от кружка?» (там же. Ед. хр. 351. Л. 6об).

«Срочной работой», о которой здесь пишет Г. Кожевников, была подготовка к экзаменам, особенно по химии, которая нашего студента весьма беспокоит — настолько, что он даже опасается, что может провалить испытание (см. раздел 1.2). Впав в лёгкую панику по причине весьма возможной неудачи, Григорий опять начинает сомневаться в правильности выбранного им естественнонаучного пути и думает о том, что не лучше ли ему «круто повернуть в сторону, избрать совершенно другую карьеру. Но какую?». И действительно, прослушав несколько лет курс зоологии, он с трудом представляет себе, чем другим смог бы заняться: «Филологом я быть не могу, медиком и математиком не хочу ни в каком случае. Юрист один [неразб.]. Собственно говоря, это очень эффектно. Человек зоологической "специализации", […] иду на юридический факультет. […] Профессором юристом быть не трудно, мож. б[ыть] легче, чем зоологом» (там же. Л. 8–9). И теперь ему кажется уже «возможным бросить зоологические занятия» и направить свои интересы на что-то иное, внушающее бóльшую уверенность в завтрашнем дне, в том числе и из-за бóльших доходов. Впрочем, себя не обманешь — и Кожевников записывает в дневник: «Я чувствую в глубине души, что я *люблю* эти занятия, люблю сам не знаю почему». Но дело ведь не только в одной «любви», всё значительно серьёзнее, ибо основательные занятия наукой всё-таки требуют определённого обустройства, а жизнь «à la Диоген» его, похоже, вовсе не прельщает. Он полагает, что если «условия будут таковы, что мне негде будет с достоинством и удобством заниматься любимым предметом, — положение будет трагическое». И всё-таки, всё-таки… «Имея учёную степень, место… а без этого? […] Но научный *ценз*. Т. е. кандидат во всяком случае, далее магистр, доктор и т. д. Тогда я буду заниматься с лёгкой душой. Так это ли любовь? […] Да, это любовь! Только не "безумная"… А безумным не надо никогда быть и в любви не

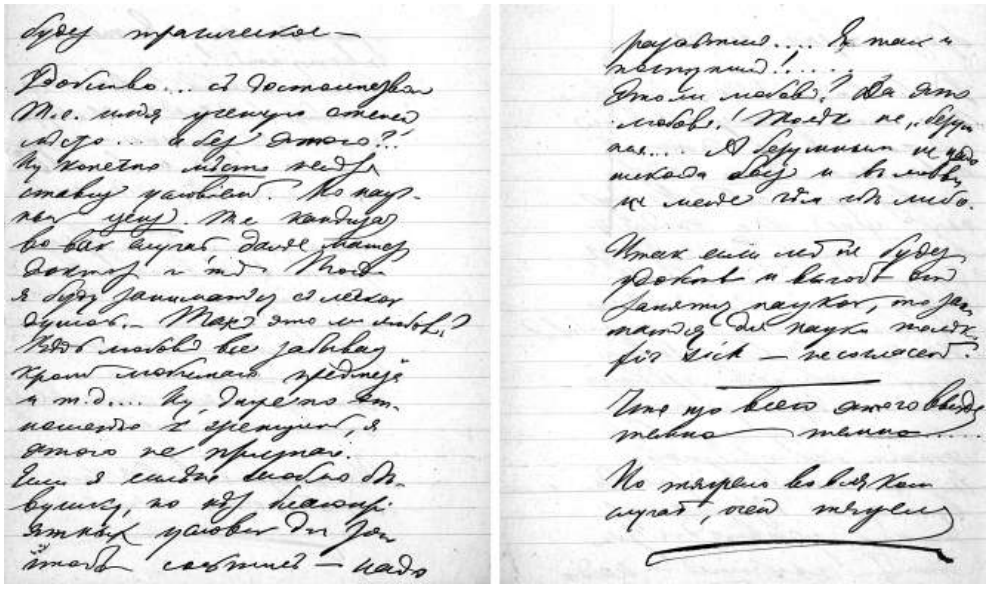

Рис. 6.6. Страницы дневника Г. Кожевникова (апрель 1888 г.) с записью об очередном сомнении в правильности выбранной естественнонаучной специализации (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 351. Л. 10, 10об)

менее, чем где-либо». Все эти рассуждения завершаются решительным заключением вполне прагматического свойства: «Если мне не будет удобств и выгод от занятия наукой, то заниматься для науки только für sich — не согласен» (рис. 6.6) (там же. Л. 9об, 10, 10об).

***

В довершение ко всем этим переживаниям нашего юного героя прибавились душевные терзания, причиной коих было его стремление к личному успеху и связанная с этим ревность к чужим достижениям. В одной из ранних дневниковых записей 1880 г. это его настроение проявилось, например, в таком виде: «Нехорошо, что я, при чтении сочинения Мавровского, *насмехался* над некоторыми, *завидуя тому, что он получил* 5» (там же. Ед. хр. 346. Л. 13об). Позже, в начале января 1884 г., Григорий записывает в дневнике новогоднее пожелание самому себе (мы его уже упоминали в гл. 1): «1) получить золотую медаль, 2) чтобы все в меня влюблялись (“да чтоб нас все девки любили”), 3) быть вообще счастливым» (там же. Ед. хр. 348. Л. 49.). Несколько месяцев спустя он действительно получит вожделенную золотую медаль за окончание гимназии с отличием; более того, его наградят серебряной медалью на конкурсе школьных рисунков. При этом, однако, «обмедаленный» юноша явственно начинает чувствовать движения того червячка в своей душе, который будет грызть его многие годы и лишать душевного покоя: едва испытав, казалось бы, вполне законную радость за свой успех, он тут же ставит себе беспощадный диагноз: «Вот оно — *тщеславие*» (там же. Ед. хр. 349. Л. 18; выделено нами).

Частью этих терзаний, а в какой-то мере и их причиной была временами вспыхивавшая в душе Григория острая досада на отсутствие у него карманных денег. Как мы уже отметили выше, его брат Владимир, на правах старшего мужчины в семье распоряжавшийся её финансами, очень скупо снабжал своего «младшенького» деньгами, причём только на то, что считал достойным. А между тем Григорию, едва вступившему в юношеский возраст, так мечталось иногда почувствовать себя этаким «бонвиваном», тратящим деньги по своему усмотрению и без мелочного расчёта. И вот он записывает в ноябре 1884 г. в свой дневник: «Будь у меня много лишних денег, да будь я вполне свободен, я сумел бы удовлетворить своему *самолюбию*. Я бы имел успех у женщин. […] Выезжай я “в свет”, […] я, чёрт побери, мог бы иметь успех. Но для этого надо — деньги и безделье». Юный мечтатель грезит: вот не-

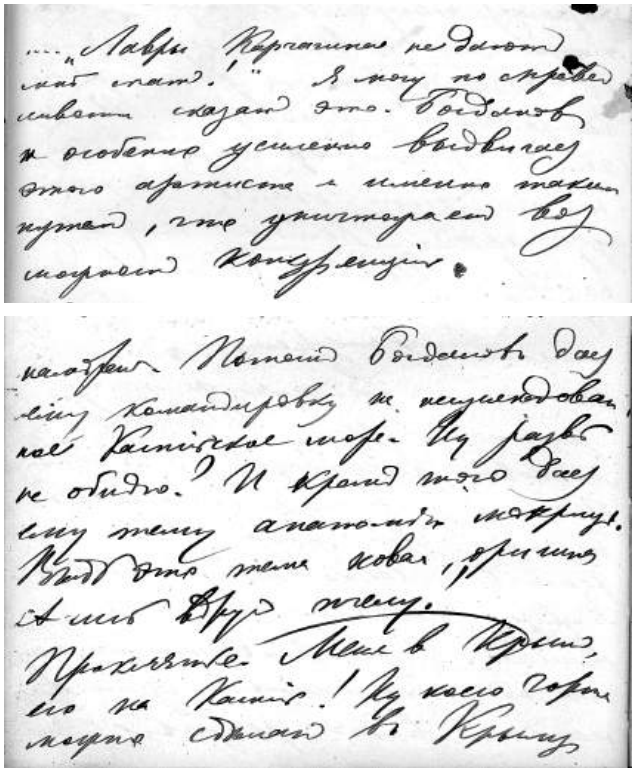
кая юная прелестница «склонилась доверчиво головкой на мою грудь» — и что же он при этом испытывает? Любовь? Счастье? О нет, совсем иное, о чём и пишет, вовсе не стараясь себя приукрасить в собственном мнении: «Я бы был удовлетворён в моём *самолюбии*. Это главный двигатель, чёрт побери!» (там же. Л. 26; выделено нами).

Стремление к самоутверждению и успеху, побуждаемое самолюбием (что можно счесть и тщеславием), вполне проявилось в нашем герое в университетские годы: едва став студентом-первокурсником, он задаётся идеей «добиваться во всём успеха и по возможности становиться выше других», чтобы почувствовать себя победителем, ибо — «победителей не судят!» (там же. Л. 19.). А двумя годами позже, руководимый этой идеей и завидуя успеху своего старшего товарища Корчагина, Кожевников предаётся совершенному отчаянию: ему кажется, что можно «легко остаться за флагом на зоологических скачках. Проклятие!» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 13). Тут надобно заметить, что он вообще был склонен соотносить занятие наукой со спортом в неком «высшем смысле этого слова», придавая «занятию спортом […] весьма почтенное значение», коль скоро оно делается «не ради заработка. И с этой точки зрения истинный учёный тоже sportsman высшего порядка» (Кожевников, 1917а. Л. 17). Как бы там ни было, сравнивая соревнование в науке буквально со «скачками» (отголосок недавнего юношеского увлечения конными бегами как зрелищем, см. раздел 6.5), Г.А. выставляет чуть ли не на напоказ (впрочем, только самому себе) глубинное тщеславие как важный мотиватор своих научных устремлений. Где уж тут взяться счастью от занятия «чистой наукой» и от искренней радости полученным неожиданным блестящим результатам… Остаётся только лишь меланхолически рассуждать о том, что всё это — «*Vanitas vanitatum et omnia vanitas*»[1], после чего заметить глубокомысленно: «Не почитать ли Соломона?» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 17.).

Попав на старших курсах и затем на первых порах в Зоомузее в сферу прямых деловых интересов и влияния А.П. Богданова, характер которого в некоторых отношениях был весьма деспотичным (Кожевников, 1896б), Григорий Кожевников оказался в положении, которое категорически претило его самолюбию и тщеславию: оправдывая своё прежнее опасение (см. выше), он всё-таки почувствовал себя «подхвостьем у Богданова». Последний, как считает наш герой, несправедливо распределяет темы научных исследований среди своих учеников, в связи с чем особую ревность у него вызывает уже упоминавшийся А.Н. Корчагин. Кожевникову кажется, что «Богданов особенно усиленно выдвигает этого артиста и именно таким путём, что уничтожает возможность конкуренции», а ему самому «А. П. не предлагает темы на медаль». Наш герой завидует тому, что Корчагин «без конкурентов легко получил медаль» за свою научную студенческую работу, и констатирует: «Лавры Карчагина [*sic*!] не дают мне спать. Я могу по справедливости сказать это» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 13, 43). При этом Григорий как-то упускает из виду, что Александр Корчагин старше его и поэтому на несколько лет раньше попал в сферу внимания проф. Богданова, причём свою конкурсную работу он написал, когда Кожевников «был ещё на I курсе и писать не мог»; и тем не менее, едва ли хорошо зная предмет исследования Корчагина (в то время — подмосковные пресноводные ракообразные), наш снедаемый едкой завистью герой почему-то «уверен, что его новые виды — ерунда» (там же. Л. 43).

Это ревнивое отношение Григория к своему заочному «конкуренту», которого он сам себе придумывает наподобие того, что англичане называют «strawman», усиливается, когда Богданов в 1886 г. тому же Корчагину «даёт […] командировку на неисследованное море» (имеется в виду Каспийское), а Кожевникова направляет в Крым. Вспоминая об этом год спустя, юный тщеславный страдалец в сердцах

[1] Крылатая фраза из латиноязычного перевода ветхозаветной Книги Екклезиаста (Еккл. *1*: 2).

восклицает: «Проклятье. Меня в Крым, а его на Каспий! Ну коего чёрта можно сделать в Крыму? […] Ну разве не обидно? […] Чёрт бы его побрал! До сих пор я не знал зависти. Теперь я понимаю и зависть, и ненависть» (рис. 6.7) (там же. Л. 43, 43об, 44)[2]. Такое же неудовольствие вызывает у Г.А. тот факт, что А.П. даёт Корчагину «тему анатомии мокриц», а ему самому «вдруг пчелу» (там же. Л. 43об). Таким образом, Кожевников, ранее считавший науку свободной от «ревности» и «неудовлетворённых стремлений» (см. выше), вдруг неожиданно осознаёт, что всё это в ней есть, да к тому же и в избытке. Но, как нам кажется, он едва ли понимает, что источник этой неудовлетворённости, порождающей в его уязвлённой душе зависть и даже ненависть, — он сам, его честолюбие, его неуёмное юношеское стремление к успеху и к той «победе» (над кем? над чем?), за которую вроде бы даже и «не судят» (т. е. он готов ради вожделенной «победы» на какой-то неблаговидный поступок?)…

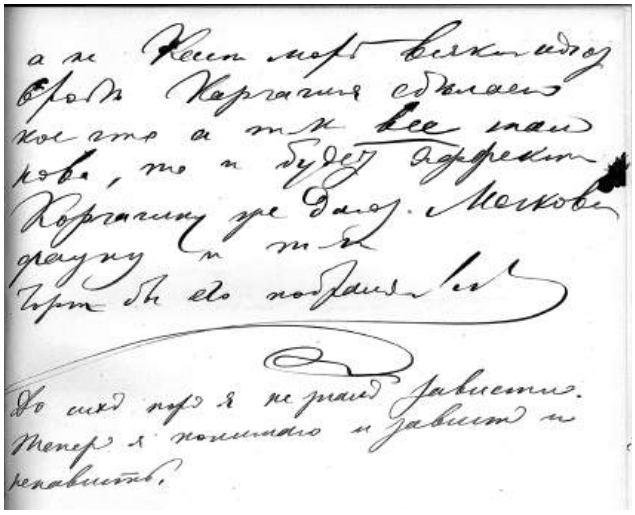

Рис. 6.7. Страницы из дневника Г. Кожевникова (март 1887 г.) с признанием мучающей его зависти к старшему товарищу А. Корчагину (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 43, 43об, 44)

Тщеславные устремления Г.А. Кожевникова не оставили его и после того, как он, с грехом пополам (ему пришлось дважды сдавать химию, см. раздел 1.2) выпущенный из университета и оставленный при МУ, был взят Богдановым в Зоомузей внештатным ассистентом. На новом рабочем месте, ставшем для него постоянным на многие годы, он не увидел того воображаемого и чаемого «храма науки», в котором его ожидало бы скоренько что-то вроде пьедестала «победителя». А что же он там увидел? — увы, только «хлопоты, думы, подстраивание разных делишек, интриги, умственное напряжение — всё это борьба, борьба […] такая, что *Homo homini lupus* […] Отвратительная атмосфера» (там же. Л. 61). И Григорий, разумеется, тут же начинает огульно винить во всех этих бедах, вызванных его ощущением эмоциональной неустроенности, своих наставников: «Богданов мне ненавистен своим цинизмом и лично ко мне отвратительно относится» (там же) — и это после того, как именно А.П. Богданов не только посодействовал его успешному окончанию МУ, но и взял к себе в музей. Н.Ю. Зограф, выучивший Кожевникова анатомической микротехнике, которую тот успешно применит для изучения строения пчелы и тем заслужит первое действительное признание (см. раздел 4.3), возбуждает в нём негативные эмоции успешными публика-

[2] Столь резкие юношеские эмоции не помешают Г. Кожевникову через 10 лет написать весьма проникновенный некролог о безвременном скончавшемся А. Корчагине (Кожевников, 1898в).

циями газетных материалов — и терзаемый завистью, вчерашний студент выносит свой едва ли справедливый вердикт: «Таланта у него ни на грош, а деньги платят. Положим, это цинично, но мне кажется, что у меня таланта побольше» (там же. Л. 60).

В этом отношении более чем показательна страница в дневнике Г.А. за 1895 г. со списком претензий к своим старшим коллегам за то, что те так или иначе ущемили его самолюбие: этот странный пронумерованный (всего 10 пунктов) список озаглавлен «Кто передо мною в долгу» (рис. 6.8) (там же. Л. 80об.). В списке, например, первым пунктом указано, что «Шимкевич не прислал отдель[ный] оттиск», а далее — что «Митрофанов П.И. не прислал диссертацию», «Каблуков не хотел, чтобы я был секретарём пчеловод.», «Зограф не хотел, чтобы я был секрет[арём] Отд. беспоз[воночных]», «Богданов А.П. не делает, чтобы я фигурировал в Общ. акклим. и т. п.», «Кулагин не пригласил меня в Комиссию по борьбе с монашенкой» (имеется в виду бабочка шелкопряд-монах, *Ocneria monacha* L.). Некоторые из этих претензий выглядят просто вздорными (ну не прислал кто-то оттиск — и что с того?), другие более чем странными: Г.А. в 1890 г. уже был избран секретарём Отд. беспозвоночных ОАЖР (см. раздел 3.8); И.А. Каблуков действительно был влиятельной фигурой в Русском обществе пчеловодства, но с 1891 г. его председателем был С.П. Глазенап, в 1895 г. на эту должность избрали Н.Я. Шихманова (Попов, 1913). В любом случае, эта примечательная «долговая запись» свидетельствует о чрезмерном самомнении и неудовлетворённых амбициях героя нашей книги, которые отчасти могли быть связаны со всё ещё длящимися «издержками роста» — в указанном году ему было под 30 лет.

Столь же примечательна дневниковая запись Г.А. Кожевникова, датированная октябрём 1901 г., которая продиктована его явным огорчением по поводу одного инцидента — казалось бы, довольно пустякового, но больно ущемившего его самолюбие. Он захотел каким-то образом отметить 15-летие первого

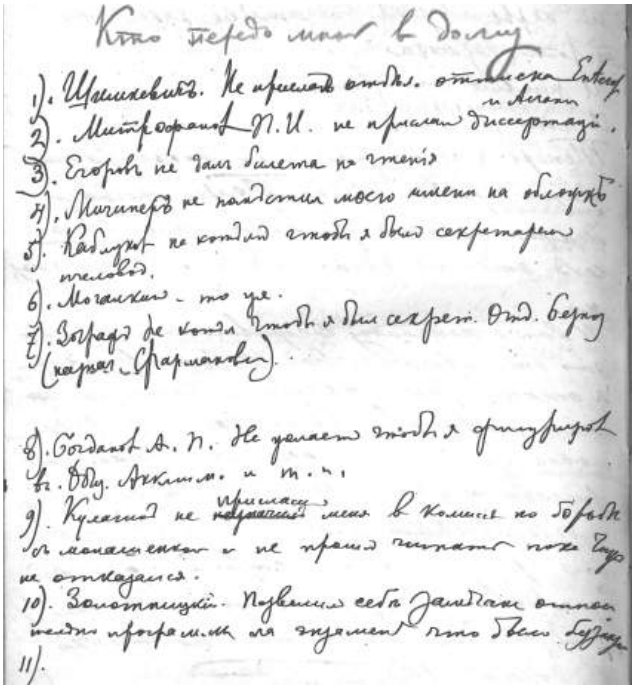
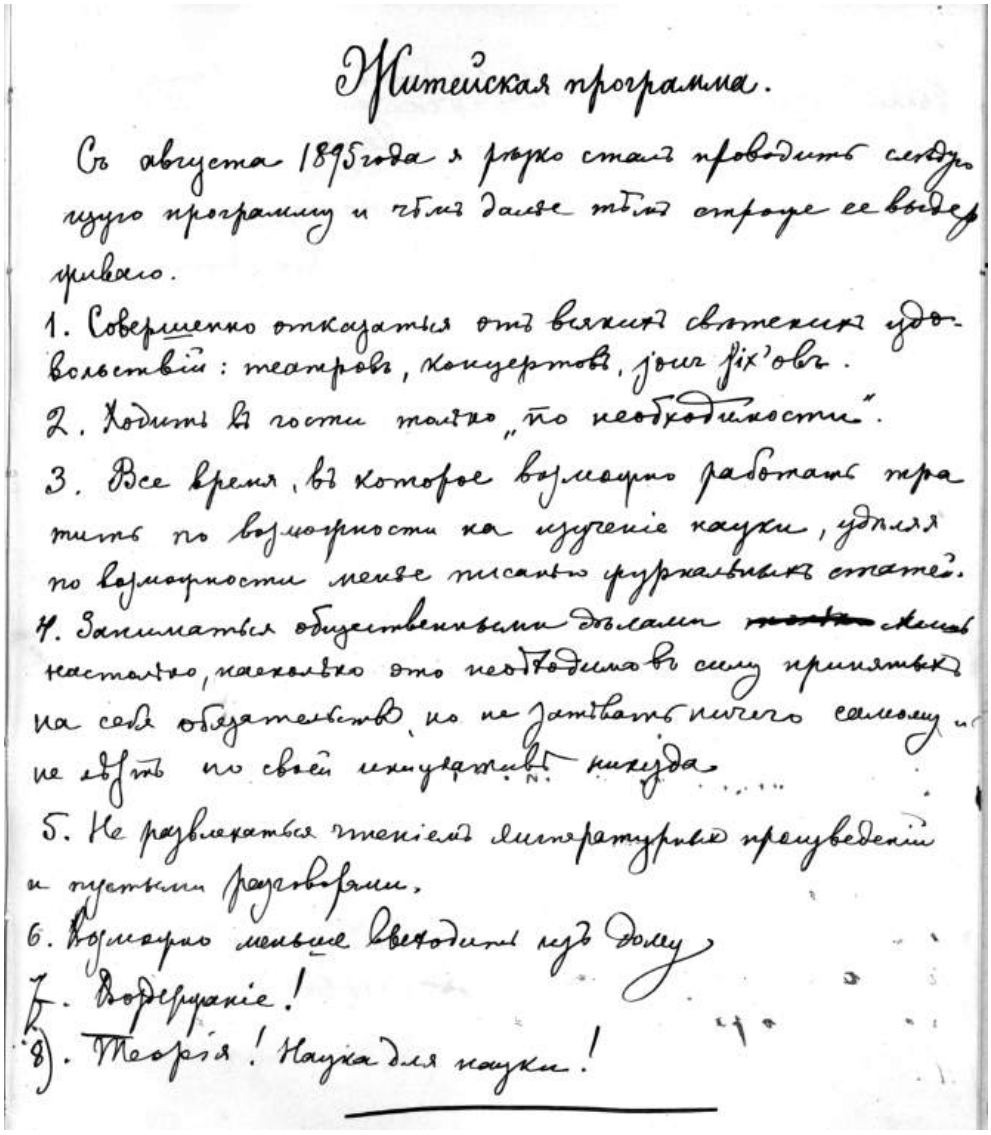

Рис. 6.8. Страница из дневника Г. Кожевникова (октябрь 1895 г.) с примечательной «долговой записью» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 80об)

в своей жизни научного доклада на заседании Зоологического отделения ОЛЕАЭ. Как пишет наш герой, «конечно, 15 лет не юбилейный срок, но всё-таки мне было бы несомненно приятно, если бы Зограф, которому я сказал за 3 дня относительно того, какая будет годовщина, устроил бы, чтобы на заседание пришли наши музейцы […]. Музейцев никого не было» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 85.).

Вступив на стезю профессиональной науки, Кожевников активно окунается в организационную жизнь научных обществ. Эти его устремления также отчасти (или даже во многом) направляются подспудным тщеславием, о чём свидетельствует его запись в дневнике в октябре 1895 г. (мы её упомянули в гл. 3): «Прежде быть секретарём для меня было — недосягаемое счастье. Я боялся даже думать, что это возможно» (там же. Л. 79). Вскорости его замечают и избирают секретарём в нескольких обществах (см. раздел 3.8), но довольно быстро Григорий начинает испытывать разочарование: ему «кажется, что влияние и власть секретаря слишком ничтожны» (там же). Тщеславие нашего героя, в глубне души мечтающего о «влия-

Житейская программа.

Со августа 1895 года я рано стал проводить следующую программу и чтил даже тот отпуск, который ее выдерживал.

1. Совершенно отказаться от всяких житейских удовольствий: театров, концертов, jour fix'ов.
2. Ходить в гости только „по необходимости".
3. Все время, в которое возможно работать, тратить по возможности на изучение науки, уделяя по возможности менее писанию журнальных статей.
4. Заниматься общественными делами ~~настолько~~ лишь настолько, насколько это необходимо в силу принятых на себя обязательств, но не затевать ничего самому и не ходить по своей инициативе никуда.
5. Не развлекаться чтением литературных произведений и пустыми разговорами.
6. Возможно меньше выходить из дому.
7. Воздержание!
8. Теория! Наука для науки!

Рис. 6.9. Страница из дневника Г. Кожевникова (октябрь 1895 г.) с записью «Житейской программы» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 80об)

нии и власти», не получает должной «внешней» подпитки, и Григорий приходит к мысли, что он не готов «всего себя отдать делу Общества». Всё это приводит его к желанию существенно ограничить свою общественную активность: ему теперь «грезится, что [он] строгий научный исследователь и [лишь] "отчасти" (всё-таки!) "общественный деятель"» (там же. Л. 80).

Побуждаемый этой мотивацией, Г.А. в октябре 1895 г., т. е. незадолго до своего 30-летия, принимает некую «Житейскую программу» (рис. 6.9) (там же. Л. 81), её пункты таковы:

1. Совершенно отказаться от всяких удовольствий: театров, концертов, jour fix'ов.
2. Ходить в гости только "по необходимости".
3. Всё время, в которое возможно работать, тратить по возможности на изучение науки, уделяя по возможности менее писанию журнальных статей.
4. Заниматься общественными делами лишь настолько, насколько это необходимо в силу принятых на себя обязательств, но не затевать ничего самому и не ходить по своей инициативе никуда.
5. Не развлекаться чтением литературных произведений и пустыми разговорами.
6. Возможно меньше выходить из дому.
7. Воздержание!
8. Теория! Наука для науки!

***

Когда Г.А. Кожевников начнёт уже всерьёз профессионально заниматься зоологией, его скрытое тщеславие, в котором он признавался самому себе на страницах дневников, станет прорываться в его повышенном внимании к своему приоритету в научных изысканиях.

В самом деле, щедро делясь своими научными результатами и идеями в лекциях и докладах, Кожевникова довольно ревниво относился к личному приоритету в отношении некоторых из них — наверное, тех, которые считал наиболее значимыми; в первую очередь это касалось его находок в пчеловедении. Так, в монографии «Материалы по естественной истории пчелы» (1900 г.), характеризуя строение смазочной железы, он специально отмечает, что ещё в 1893 г., впервые обнаруживши её у пчелы, сделал сообщение в Дневнике Зоологического отделения ОЛЕАЭ, «установивши таким образом своё открытие» (Кожевников, 1900б, с. 85). В статье о видах и подвидах пчёл, напечатанной в 1906 г., он сетует на то, что, хотя уже в 1900 г. «*впервые* дал полное подробное описание восковых желез пчелы, снабжённое многими рисунками», в 1906 г. в журнале «Zoologische Jarbücher» некто Дрейлинг «описывает то же, что описал и я, и не упоминает о существовании моей работы» (Кожевников, 1906д, с. 99).

Весьма показателен в этом отношении случай с открытием переходной формы между маткой и рабочей пчелой (см. раздел 4.4). Случившееся в середине июля 1919 г. на Измайловской пасеке, оно настолько поразило героя нашей книги, что Г.А. (возможно, чувствуя некоторое недомогание) счёл необходимым в конце того же месяца обратиться к президенту МОИП М.А. Мензбиру с письмом (АрхМОИП. 1919 г. Д. 1011. Л. 5–7) следующего содержания:

> В качестве члена Общества испытателей природы сообщаю Вам как его президенту о сделанном мною весьма интересном открытии с тем, чтобы это сообщение, в случае надобности, *послужило доказательством приоритета*, т. к. опубликование научных статей теперь весьма затруднено и т. к. окончательная обработка моего открытия потребует времени.

Далее следует краткое описание самого открытия; завершает же письмо просьба, похожая на завещание: «В случае моей смерти до появления в печати моего сообщения об этом открытии прошу опубликовать это письмо в протоколах общества» (там же). По счастью, с Кожевниковым ничего не случилось и он смог сам кратко оповестить научную общественность о своём открытии в 1921 г. в журнале «Пчеловодное дело», а спустя два года опубликовал более подробное описание в «Биологических известиях» (Кожевников, 1921б, 1923в).

Сходным образом Г.А. обращает особое внимание на свой личный вклад в разработку внутривидовой систематики медоносной пчелы, найдя для решения этой задачи несколько важных признаков. В связи с этим он в 1925 г. пишет статью «К методике изучения пород пчёл», в которой специально указывает: «Насколько мне известно, до сего времени площадь восковых зеркалец не изучалась в качестве признака пчёл. Я печатаю эту заметку с целью закрепления за собой приоритета в этом вопросе» (Кожевников, 1925в, с. 325).

Разумеется, в желании настоять на своём научном приоритете нет ничего особо постыдного для учёного; вопрос — о степени и характере внимания к подчёркиванию своего «первородства». По сути, оно является лишь ещё одним штришком к тому портрету нашего героя, который он самолично живописует на страницах своих дневников, сравнивая отношения между коллегами с «зоологическими скачками», признаваясь в зависти и даже отчасти ненависти к ним и в своём стремлении «по возможности становиться выше других» — тем «победителем», коего «не судят». Тут поневоле на ум приходят высказывания Г.А. о том, что «чувство победы […] является главным, если не единственным двигателем всей нашей деятельности» (Кожевников, 1907о, с. 127) и что вообще «стремление к победе — важнейший двигатель органической жизни» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 95, объявление о лекции).

Из всего этого складывается впечатление, что чуть ли не главным подспудным устремлением нашего героя в той жизни, в которой он ищет место для себя, является самоутверждение — впрочем, извиняемое тем, что оно, как показывает вся биография Г.А. Кожевникова, направлено на благие деяния и в конечном итоге принесёт благотворные плоды: обустройство зоологической науки в МУ, естественнонаучное просвещение в российском обществе, обоснование природоохранной «программы Кожевникова» и др.

6.2. Беда от нежного сердца

В начале 1880-х гг. Григорий вступил в физическое созревание, сопровождавшееся, как это обыкновенно водится у молодых людей пубертатного возраста, существенными изменениями в его настроениях, устремлениях и поведении. Теперь его сильно злило, если кто-нибудь из взрослых не очень тактично упоминал его не вполне зрелый возраст: например, некая «Ольга Никиф[оровна]», на каком-то семейном празднике указав на тот конец стола, где сидел Григорий в компании сверстников и сверстниц, и назвав их «детьми», заслужила его очень резкий отзыв, записанный в дневнике: «Сукина дочь она! Какое я дитя?» (там же. Ед. хр. 347. Л. 13).

Для Григория теперь более всего привлекательны юные барышни и он ищет их общества, считая, что «с ними […] всё приятнее, чем без них» (там же. Л. 5.), имена знакомых девиц бесперечь мелькают в его дневниковых записях тех лет. Так, в конце 1880 г., после воспоминания о встрече со своими однокашниками, он записывает: «Мне очень нравится Соня Кузнецова», вслед за чем грустит о том, что «Нынче, если бы Мама была здорова, мы были бы у Корт [?] и я увидел бы Марго. Но увы я её не увижу!..» (там же. Ед. хр. 346. Л. 10). Причём физическая красота девушек отнюдь не всегда привлекала Григория: так, об одной из козловских барышень он отозвался, что «она ведь очень красива. […] Но она кукла и очень не умна. Поэтому не может нравиться» (там же. Ед. хр. 347. Л. 5об); некую «девицу Александрову», которая иногда посещала их дом, Григорий аттестовал как «противную, хотя и миловидную» (там же. Л. 6.). А уж если какая-либо юная особа женского пола была совсем ему не по душе, он не жалел для неё чёрных красок: так, о сверстнице Марье Шавровой, с которой он принуждён был коротко общаться, сопровождая матушку во время её летних визитов к приятельницам в Козлове, Григорий написал, что «эта сволочь только возбуждает отвращение. […] это самая отчаянная сплетница и любительница чесать языком из всего города» (там же).

Осенью 1881 г. в его жизни — в той части, которая имеет касательство к женскому полу, — произошло событие, которое нежданно-негаданно окажется весьма серьёзным по своим последствиям в ближайшие несколько лет: в Москву приехала (как потом промелькнёт в одной из записей) из северо-восточной Украины его «тётушка С.Э.» вместе с «кузиной А.В.»[3]; последняя, как мы отметили ранее, частенько стала бывать у Кожевниковых в гостях. И начиная с весны 1882 г. (записей за 1881 г. мы не видели) в дневниках Григория появляются регулярные и скоро оказываются доминирующими записи о той, которая первоначально коротко упоминается как «А.В.», но очень скоро обращается в «милую Анюту». Эта юная особа теперь занимает почти всё его внимание и становится для него чем-то вроде эталона того, что может нравиться молодому человеку в девушке. Например, в июньской записи указанного года свою характеристику только что упомянутой злополучной козловской барышни, которая «не может нравиться», он заканчивает восклицанием «То ли дело Анюта!» (рис. 6.10) (там же. Л. 1об, 5об).

Зарождение глубокого увлечения Анютой, столь естественного для этого возраста, поначалу вызывает у юноши серьёзное замеша-

[3] Дата приезда установлена на том основании, что об этом Г. Кожевников упоминает в своём дневнике за 1884 г. по случаю трёхлетия своего знакомства с «милой Анютой» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 8об).

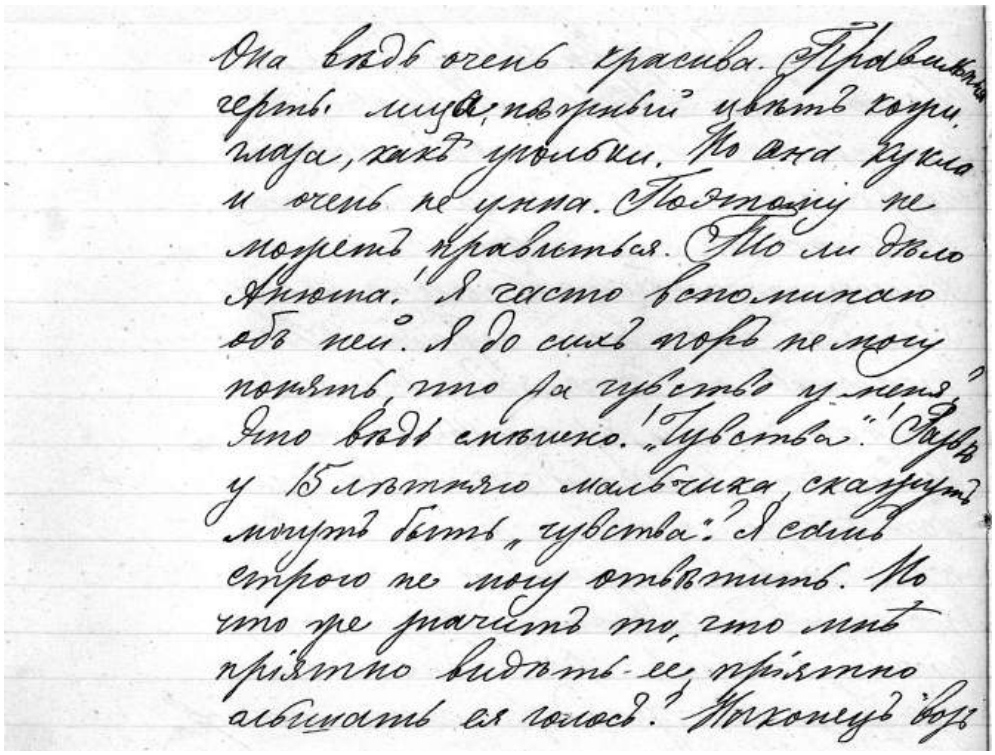

Рис. 6.10. Страница из дневника Г. Кожевникова (июнь 1882 г.) с превознесением «Анюты» и сомнением в своих «чувствах» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 347. Л. 5об)

тельство и отчасти даже безнадёжное уныние. В июне 1882 г. он спрашивает себя на страницах дневника: «Я до сих пор не могу понять, что за чувство у меня. Это ведь смешно! “Чувства”. Разве у 15-летнего мальчика, скажут, могут быть “чувства”. Но что же значит то, что мне приятно видеть её, приятно слышать её голос?» (тот же рис.) (там же. Л. 5об). Григорий терзает себя всяческими сомнениями: «Она говорит со мной, потому что ей “не с кем говорить”. Как я смешон…», и его раздражает, что Анюта, приходя к ним в дом и заводя разные разговоры, игриво называет его младшего брата Сашу «зайчушкой» (там же. Л. 6об, 7, 7об). И вот наш пылкий, мятущийся в сомнениях влюблённый, доведённый чуть не до отчаяния «улыбочками и лукавым блеском глаз» и всеми этим «зайчушками», в ответ на её подзадоривания «Ну как вы докажете, что вспоминали?», всё-таки «после минутных колебаний» решается предмету своих воздыханий в качестве доказательства «показать свою общую тетрадь, где написаны её вензеля». И что же он слышит в ответ? «Это не доказательство. Может быть это не Анна Васильевна, а Александр Васильевич Ростовцов. Так, Зайчушка?». В качестве решающего довода Григорий отыскивает «свою старую тетрадь, где в одном месте было прямо написано имя и отчество», на что Анюта говорит, «что это не может быть, что это может быть “другая Анна Васильевна”. Насмешница!» (там же. Л. 7, 7об).

Ну что ж, теперь настал момент разгадать, кто же эта «А.В.», эта «милая Анюта» (иногда также Annette), первая юношеская влюблённость героя нашей книги, продолжавшаяся около двух или даже трёх лет. Начнём с того, что Григорий нередко называл Анюту кузиной — т. е. она, очевидно, приходилась ему двоюродной сестрой. Далее, мы только что выяснили, что её полное имя было Анна Васильевна — а как мы упоминали выше при описании семейства Кожевниковых (см. раздел 1.1), именно так звали дочь одной из сестёр матери Григория. Наконец, в дневнике за 1884 г. он упоминает несколько раз о её жизни в доме Шереметевых (там же. Ед. хр. 349. Л. 11, 12.) — а в том же разделе о семействе Кожевниковых мы указывали, что музыкально одарённая Анна

Васильевна после окончания консерватории была взята в дом графа С.Д. Шереметева обучать его дочерей игре на фортепьяно. Таким образом, если все эти детали сопоставить и выстроить в одну линеечку, то появляется почти уверенность в том, что предметом пылких юношеских устремлений Григория Кожевникова была та самая кузина Анна, на момент их встречи 18-ти лет от роду, которая через два десятилетия станет женой его старшего брата Владимира (об этом мы также упоминали в «семейном» разделе нашей книги).

Но возвратимся к нынешней истории нашего героя. После обиженного восклицания «Насмешница!» мы встречаем в дневнике Григория запись, обнаруживающую его действительно пылкое чувство, в котором он ранее сомневался. Он признаётся: Анюта «была так близко от меня, что мне приходила безумная мысль схватить её руку и прижать к губам или обнять её нежный стан и растаять в этих горячих объятьях» (там же. Ед. хр. 347. Л. 7об). А что же Анюта? — в ответ на просьбу Григория что-нибудь записать для него в тетради, она, стараясь остудить пылкое воображение влюблённого мальчика, советует не «увлекаться такими сухими и скучными книгами, которыми вы окружены […]. Есть многое пополезней да и поинтересней ваших Гомеров» (там же. Л. 8). «Обидно! Ей-богу обидно!» — восклицает наш герой, прочитав сей шутливый совет, — «О если бы она знала, какое нежное, чистое, благородное, светлое чувство имею я к ней! Она бы сама тогда не смотрела на меня с пренебрежением, не считала бы меня простым мальчишкой» (там же. Л. 8об).

Дальнейшая любовная история, как её излагает Григорий в дневниках за 1883–1885 гг., по довольно регулярной смене его эмоций напоминает «синусоиду» с периодами подъёмов и падений настроения приблизительно в один месяц. Садясь вечером за дневник, он за раз может исписать многие страницы, выливая на них свои «разнонаправленные» переживания.

Первый дневник из этой серии юноша открывает посвящением «милой и дорогой А.» (там же. Ед. хр. 348. Л. 2.), но затем, однако же, записывает, что его «идеальные мечтания и воздыхания почти или даже вовсе исчезли! Чего не бывает на свете!» (там же. Л. 3об). Возможно, в этой смене настроений определённую роль сыграли его родные: как отмечает Григорий, он не замечал бы Анютины недостатки «никаким образом, если бы Мама и Володя не говорили чуть не каждый день об этих недостатках»; и всё же, борясь со своими очередными сомнениями, он восклицает: «Я люблю её, люблю, но совсем не так, как прежде» (там же. Л. 4об). Но затем наш герой вспоминает, как Анюта не ответила на его записку, на что он «оскорбился, очень оскорбился таким презрением и совсем переменил своё обращение из почтительного на насмешливое» и более того — даже «озлобился на неё….». И Григорий, оскорблённый в лучших чувствах, даёт в кругу друзей волю своему вспыльчивому норову, отзываясь о предмете свой влюблённости в весьма резких тонах. Но дома, остыв и словно избавившись от какого-то морока, он вдруг с ужасом осознаёт: «До чего я дошёл! Как это скверно, подло и низко! […] Этот грех мне трудно загладить. Меня изумляет, как мог я дойти до такого нравственного безобразия?». Юный влюблённый в который раз винит себя в том, что он — «подлец! [пожелавший] унизить честь девушки […] за своё оскорблённое самолюбие», и восклицает в отчаянии: «Анюта! На колени становлюсь перед тобой и умоляю тебя простить меня!», и молит о пощаде «Господи!.. Да! это скверно! Я не тот, не тот!» (там же. Л. 5об, 6).

Во время одного из визитов Анюта приглашает Григория навестить её в московском жилище в Чернышевском переулке в доме Захарова (там же. Л. 14об.). После некоторых колебаний он всё-таки решается зайти к девушке и затем подробно описывает её небольшую и более чем скромную обитель в доходном доме в съёмной квартире с многими комнатами и одной общей залой. Эту квартиру занимала разношёрстная весьма бедная публика, Анюта же делила свою комнату с некими девицами Миллер и Богомоловой. Состоявшийся между

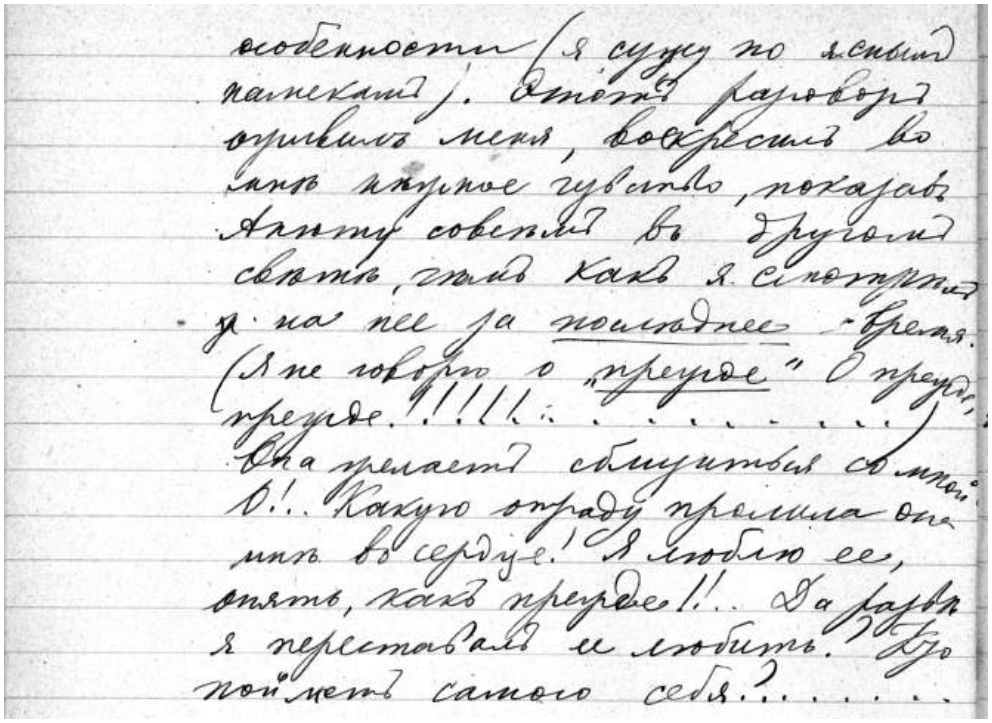

Рис. 6.11. Страница из дневника Г. Кожевникова (ноябрь 1882 г.) с воспоминанием о посещении жилья Анюты (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 17об)

Григорием и Анютой разговор «воскресил нежное чувство» — и вот наш герой уже воображает: «Она желает сблизиться со мной. О!.. Какую отраду пролила она мне в сердце! Я люблю её, опять, как прежде!!» (рис. 6.11) (там же. Л. 17об.). И одновременно, впрочем, примечает, что «Миллер — прелесть! Блондинка с чудными тёмными глазами, правильные черты лица, губки, созданные для поцелуев, […] всё превосходно» (там же. Л. 18). После этого случались ещё визиты, Анюта несколько раз приглашала его с собою на концерты, между ними происходили длинные разговоры, отчасти вполне по-дружески откровенные, по душам. И что же вы думаете? — теперь ему хочется «найти в ней друга […] как это поэтично, как это прекрасно и достойно человека!» (там же. Л. 21).

Проходит ещё неделя-другая — и вот появляются новые записи, свидетельствующие о душевном смятении Григория. Пребывая в дурном настроении, он вспоминает: «Когда я вижу Анюту, то по большей части впечатление в конце концов получается неприятное. […] я для неё не существую» и если «отношения её ко мне останутся такими же, […] не будет *никаких* отношений» (там же. Л. 25.). И всё же, подолгу не видя Анюту, Григорий грустит об ней: «Дорогое лицо! Мне хочется прижать её к своей груди, […] расцеловать её всю…» — и утомлённый всеми этими душевными метаниями, спрашивает себя: «Не лучше ли бы было, если бы я её никогда не видал? Не знаю!» (там же. Л. 27об, 33.). А после вечерних размышлений о превратностях любви и мысленного разговора с Анютой записывает в дневнике успокоенно: «Прощайте же, Анна Васильевна, покойной ночи!..» (там же. Л. 33).

Осенью 1884 г. Григорий — уже студент МУ: новые заботы, новые знакомые и друзья…; да и Анна Васильевна, успешно окончившая консерваторию и взятая в дом Шереметевых учить музыке их детей, погрузилась в свои новые дела; всё это заметно отдалило их друг от друга. Григорий, несколько изживший пылкую страсть, пробует достаточно трезво взглянуть на прежние отношения, осознав их односторонний характер: «Она вероятно не чувствовала ко мне никакого нежного чувства […]. Она для меня милое, дорогое, любимое

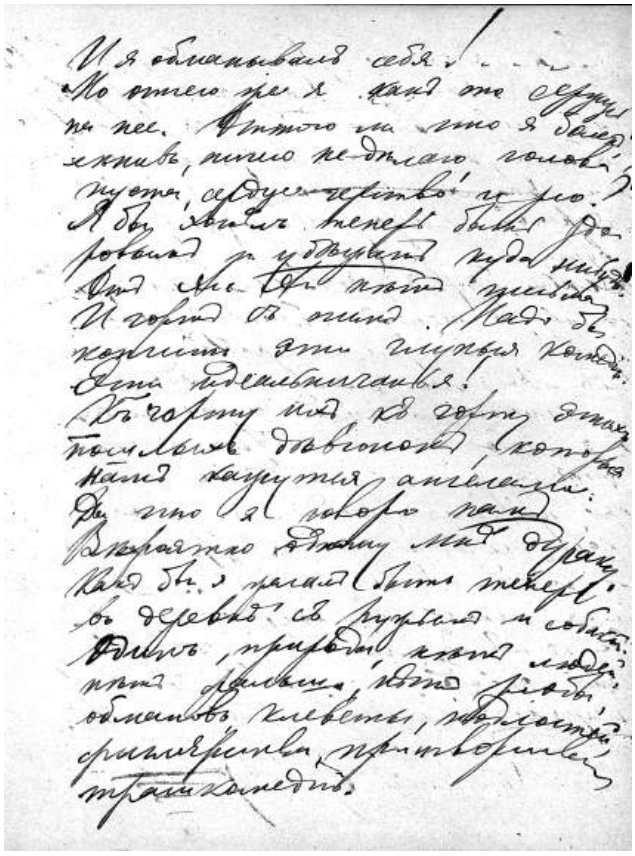

Рис. 6.12. Страница из дневника Г. Кожевникова (сентябрь 1884 г.) с раздражением по поводу Анюты и желанием оказаться наедине с природой, ружьём и собакой (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 16об)

всей душой существо, а я для неё почти вовсе не интересный субъект, иногда очень смешной, иногда очень скучный… Надо мириться с горькой действительностью, как ни тяжело» (там же. Ед. хр. 349. Л. 10об, 11.). Наш герой вроде бы по-прежнему рад видеть Анюту и любуется ею, когда та появляется с визитами в доме Кожевниковых, даже отваживается целовать её при прощании, испытывая «несколько счастливых секунд», но ему почему-то не доставляет особого удовольствия выслушивать её подробно рассказываемые житейские истории. Через пару недель линия «любовной синусоиды» вновь уходит вниз, сердце Григория начинает терзать чёрная меланхолия и он отмечает: «Анюта мне *противна*. Она мне теперь не представляет *ничего* привлекательного и симпатичного. […] приятно, что освободился от этого *глупого* увлечения» (там же. Л. 15). Ещё через неделю, захворавши и впав по этой причине в тяжёлую мизогиническую хандру, Григорий восклицает: «К чёрту их, к чёрту этих пошлых девчонок, которые нам кажутся ангелами. Вероятно, одному мне, дураку» (рис. 6.12) (там же. Л. 16об).

Но на какое-то время это его упадническое настроение уступает место ощущению «идеальной привязанности» и желанию, чтобы Анюта была «дамой сердца в истинно рыцарском смысле» (там же. Л. 30об). И в его влюблённом сердце, вновь охваченном жаркой страстью, рождается четверостишье — возможно, первое в его жизни (во всяком случае, первое записанное в дневник), потом будут и другие, вроде следующего (там же):

Я вновь пред тобою стою очарован
И в ясные очи гляжу.
И вновь непонятной тоскою взволнован,
Влюблённых очей не свожу.

После некоторого перерыва, когда «синусоида» настроения в очередной раз уходит вниз, Григорий сочиняет несколько небольших довольно неуклюжих элегических произведений — наверное, чтобы как-то очиститься душою от дурных ощущений. Одно из них, набросанное в конце весны 1885 г., — небольшой очерк «Отъезд», в котором описывается (от первого лица) воображаемая прощальная встреча двух молодых людей (там же. Л. 41):

> Вечер был холодный, несмотря на то, что август был в самом начале. Мы сидели на крыльце вдвоём. У ней на плечах был большой платок, которым она укрывалась от холода. Мне хотелось сидеть ближе к ней, склонить свою голову к ней на плечо. Я говорил, что мне холодно. Она с едва заметной усмешкой говорила: идите наденьте пальто. Я возражал, что её близость должна согревать меня. Она не отвечала и смотрела на тёмное безлунное небо, усеянное яркими звёздами.

***

Новая влюблённость, которая резко изменит через несколько лет всю жизнь Г. Кожевникова, вселилась в его сердце летом 1886 г. во время студенческой поездки в составе университетской группы на Севастопольскую биостанцию

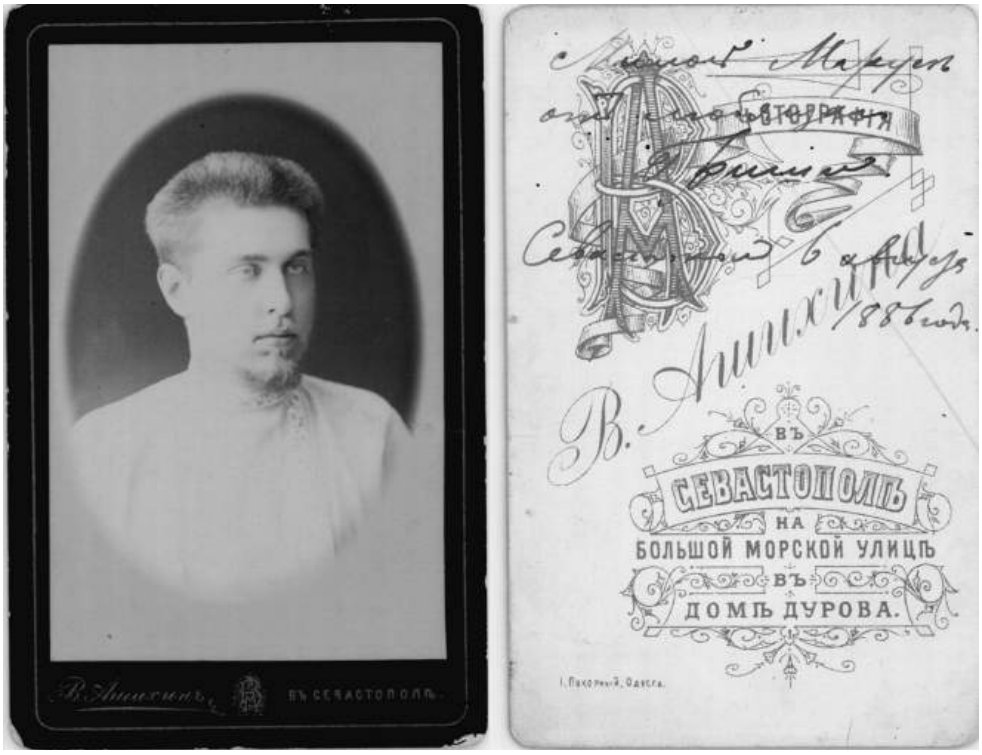

Рис. 6.13. Лицевая и оборотная стороны фотографии Г. Кожевникова (лето 1886 г.), которую он подарил М. Российской в Севастополе (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 366)

(см. раздел 1.2). Там в это же время под руководством заведующей станцией С.М. Переяславцевой работала на летней практике выпускница Санкт-Петербургских высших женских курсов Мария Российская. Очень скоро, чуть ли не «с первого взгляда», между ними вспыхнуло любовное чувство — не то изнуряющее влечение, тянувшее Григория к кузине Анюте, а нечто более спокойное, серьёзное и отнюдь не «плотское». В ознаменование этого события Григорий там же в Севастополе дарит Марии свой фотографический портрет с трогательной надписью на обороте: «Милой Марусе от любящего Гриши. Севастополь 6 августа 1886 года» (рис. 6.13).

Как мы уже отметили ранее, рассказывая о начале семейной жизни героя нашей книги (см. раздел 1.3), Мария внешне не была особой красавицей, Григория привлекла в ней некая внутренняя красота, нежность и мягкая чувственность — и конечно же взаимность, дающая ощущение надёжности, что после эмоциональных отношений с «А.В.», мучительных из-за безответности, для него было немаловажно. Год спустя, глядя на портрет своей новой избранницы и вспоминая свои первые впечатления о ней, наш герой думает: «когда […] я смотрю на это некрасивое, но умное милое лицо, то слёзы умиления выступают на моих глазах, я плачу перед ней, перед образом идеальной, высоко нравственной прекрасной девушки» (там же. Ед. хр. 350. Л. 41).

Вернувшись из Крыма в Москву, Кожевников доверяет дневнику свои первые впечатления, излагая их в том же элегическом стиле, что и прежний его выдуманный рассказ «Отъезд», оказавшийся как бы пророческим (см. выше), в форме некой «поэмы в прозе», полной любви, нежности и ощущения счастья (там же. Ед. хр. 349. Л. 49об):

> Наша лодочка тихо качалась на лёгкой ряби. […] Мы сидели рядом на корме прижавшись друг к другу и молча наслаждаясь и этой тишиной, и этим величием спокойной стихии и близостью друг друга. […] Я взял твою руку. Ты кротко пожала мою, а я тихо поднёс твою к губам… Мы молчали… Но мы поняли оба, что мы друг другу дороже всего на свете.

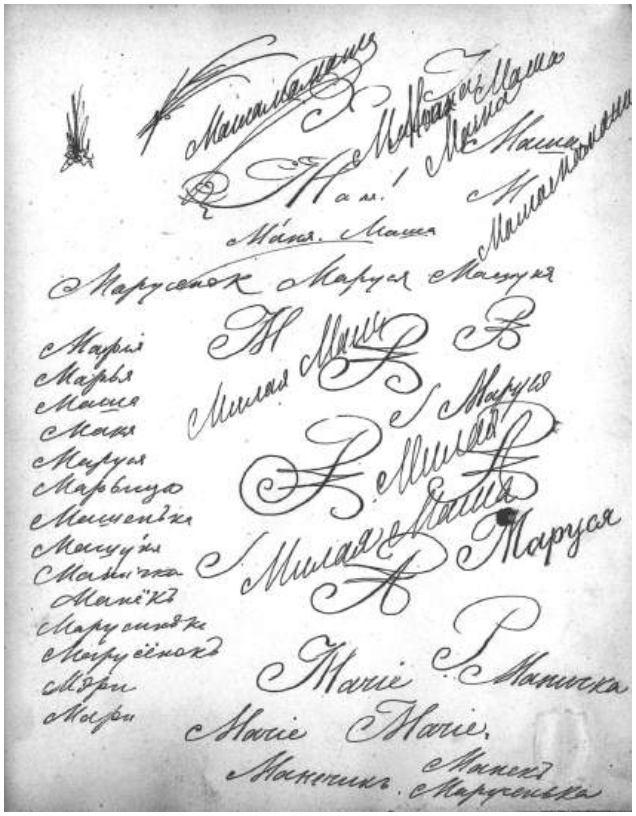

Рис. 6.14. Страница из дневника Г. Кожевникова (октябрь 1886 г.) с нежными именами, которыми он награждал свою возлюбленную (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 50).

От переполнивших его чувств Григорий в порыве нежности тут ж исписывает несколько страниц дневниковой тетради нежными ласковыми уменьшительными именами и эпитетами: Машуня, Марусёнок, Маничка, Манёнок, Манечик, милая Маша, милый мой Марусёнок и т. п. (рис. 6.14) (там же. Л. 50). И на первой странице следующей тетради, начатой в ноябре 1886 г., мы уже видим «Посвящается М.Р.» (там же. Ед. хр. 350. Л. 1): если вспомнить, что ровно три года тому назад он посвятил свой дневник «милой и дорогой А.», становится понятным эпиграф к этому дневнику: «Mutantur tempora et nos mutamur un illis»[4].

Его новая «love story», похоже, повторилась в «любовной синусоиде» со сменой настроений от восторга к отчаянию и обратно, из-за чего, надо полагать, страдали оба влюблённых. Правда, периоды взлётов и упадков любовного настроения стали более растянутыми, поскольку Мария жила в Санкт-Петербурге и они общались в основном посредством писем да во время редких её наездов в Москву. Нельзя не отметить ещё одну примечательную подробность некоторой стереотипности любовных привязанностей нашего юного героя: обе девушки, ставшие предметом его любви, были старше Григория на несколько лет.

Между двумя влюблёнными действительно завязалась оживлённая переписка, в которой достаточно чётко видны движения этой «синусоиды». Так, в сентябре Григорий пишет Марусе «ужасное письмо», о чём сразу же горько сожалеет в дневнике: «Бедняжка! […] Она будет мучиться». Правда, он извиняет себя упоминанием некоего трагического события: «Когда я писал, я сам был в ужасном состоянии, да и трагедия, которая у нас разыгрывается теперь, очень ужасна. […] я действительно был потрясён, подавлен» (там же. Л. 4, 4об)[5]. А что же сама Маруся? Григорий аккуратно нумерует её письма (к сожалению, мы не смогли отыскать их в обработанных нами архивах) и отмечает их основные моменты. Так, в письме № 10 она пишет: «Мне стыдно своих африканских страстей» (намёк на пьесу «Последняя жертва» А.Н. Островского), и заканчивает его так: «Целую вас скромно и застенчиво». А в письме № 12, к неприятному удивлению Григория, — «ни одного поцелуя, ни одной ласки, даже нет слов […] “милый, дорогой”» (там же. Л. 5).

Через месяц впавшему в очередной раз в мрачное уныние Григорию становится «всё противно» из-за того, что «ничто не делается так, как […] хочется» и вообще «жизнь отвратительна!», и он находит «благословенный судьбой оазис […] светлый призрак во мраке [неразб.] моя дорогая Маша с её сильным характером, с её светлым умом и здоровой натурой […]. Как глубока та пропасть, которая отделяет её чистый, высоко идеально прекрасный нравственный лик от моего мерзкого

[4] Латинская поговорка, её точное написание «Tempora mutantur, et nos mutamur un illis» (Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними).

[5] Мы не смогли выяснить, что за «трагедию» упоминает здесь Г. Кожевников.

внутреннего мира. Вот живой идеал!» (там же. Л. 13об). Вскоре после этого, по-прежнему находясь в унынии и занимаясь самокопанием по поводу своего будущего в науке (об этом мы писали в предыдущем разделе), он неожиданно восклицает (рис. 6.15) (там же. Л. 21):

> Как я хочу, чтобы она была счастлива! И неужели я послужу причиной её несчастья? Этого не должно быть. Мечтать о том, чтобы не расставаться — бессмысленно. Но пока я люблю её и должен доставить ей ласки, нежности, всякие радости, чтобы её чувство было удовлетворено.

Вслед за этим Г.А. выражает надежду на то, что «наша спокойная любовь-дружба останется на всю жизнь без всяких “уз”, которые только составят несчастье её и моё» (там же. Л. 21). Но тот час нетерпеливое ожидание скорой встречи в Москве с «дорогой Машей» заставляет Григория мысленно погрузиться в нежные переживания и предвкушения: «Милый прелестный котёночек! Беленькая кысинька с розовыми губками, очаровательный мой бутузик! […] Жду свою кошечку с распростёртыми объятиями» (там же. Л. 21об).

Эта мимолётная встреча с Марией, которая в ноябре ненадолго остановилась в Москве проездом из Севастополя в Санкт-Петербург, видимо, не принесла Григорию желанного душевного облегчения. Он даже не «записывал ничего в дневнике» по этому поводу, пообещав всё описать «впоследствии […] с беспристрастием историка» (там же. Л. 23об). Через два месяца в очередном (или не прекращавшемся?) приступе меланхолии Григорий записывает: «Маше я написал 2 письма, которые наверное огорчат бедную идеальную девочку… Я сознаю глубоко и болезненно, насколько я гадок перед ней. […] Но мне кажется, что я не люблю её. Бедная!.. А мож. б. безумство последних дней отуманило меня и я сам ничего не понимаю. […] Милая Маша! Ты любишь меня, такого безалаберного, а сама так чиста, так идеальна…» (там же. Л. 25об, 26).

В начале 1887 г. настроение Г. Кожевникова вроде бы начинает выравниваться: на него

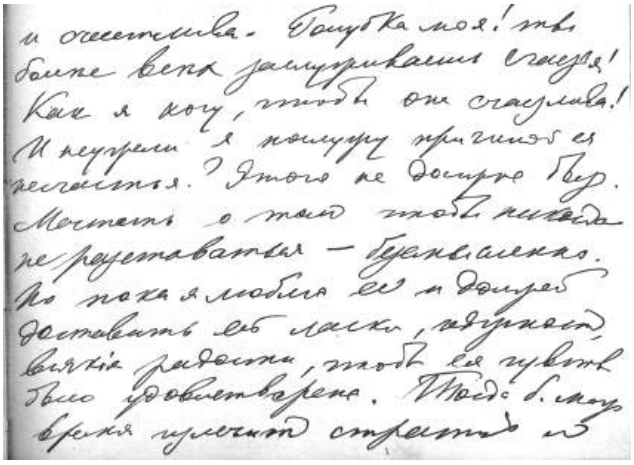

Рис. 6.15. Страница из дневника Г. Кожевникова (ноябрь 1886 г.) с размышлениями о своих чувствах к М. Российской (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 21)

благотворно и успокаивающе повлияла поездка в Санкт-Петербург, о чём он специально упоминает в дневнике (там же. Л. 32). Вспоминая «дорогую Машу», он пишет: «Я хотел бы сейчас сидеть рядом с тобой и, прижавшись к твоей груди, забыться в сладкой истоме». И всё-таки его изнутри противно гложет червячок сомнения: «Милая моя! неужели мы встретились для того, чтобы разойтись? Неужели такова *судьба*? […] И зачем ты встретилась со мной! Я слишком молод, слаб, бесхарактерен. Не то тебе надо» (там же. Л. 34об, 40об). В другом месте он объясняет это «гложение» очень просто и вполне эгоистично: «Малейший намёк на то, что моя свобода в опасности — мной овладевает скверное чувство… Чёрт возьми! Вот коллизия!» Как мы уже писали ранее в разделе про семейные дела Г. Кожевникова, он считает, что «жениться глупо в 21 год и на девушке, которая старше. Это значит почти наверняка *испортить* свою жизнь» (там же. Л. 36об, 37). Но это вовсе не значит, что он плохо думает о предмете своей теперешней любви, совсем наоборот: для него Маша — «высшее существо в нравственном отношении», себя же он безжалостно бичует и плачется «о своей гнусности, о своём разврате»[6]; по его мнению, «Она полюбила человека, который не может дать ей

[6] Этими комментариями Г.А. намекает на некие пикантные подробности своей московской жизни; они описаны в его дневнике, но мы их здесь не приводим.

ни физического, ни нравственного счастья» (там же. Л. 41об).

Первая половина следующего года в жизни Г. Кожевникова была занята подготовкой к выпускным экзаменам и их сдачей, и чтобы не отвлекаться на записи в дневник о не имеющих прямого отношения к этому важнейшему событию делах, решает, что отныне «это должен быть чисто *деловой* дневник. […] Я хочу записывать сюда все мои соображения по поводу работы, коллекций и т. п.» (там же. Ед. хр. 351. Л. 2об). И на этот раз он сдерживает своё обещание: имя Марии появляется на страницах дневника лишь единожды весной 1888 г., когда Григорий вспоминает о ней после провала экзамена по химии (см. раздел 1.2). Он тяжело переживает эту серьёзную неудачу, ему «хотелось бы быть сейчас около Маши»; чтобы как-то забыться, он предаётся умиротворяющим мечтаниям: «Тихие ласки, тихие речи… Забывается всё, всё… Я помню несколько сладких минут этого тихого экстаза» (там же. Л. 14). Но вот все трудности преодолены, Григорий выпускается из МУ кандидатом и оставляется при нём же для подготовки докторской диссертации, дневниковые записи во второй половине 1888 г. (последняя сделана в сентябре) действительно сугубо «деловые», о Маше в них ни слова.

Следующая виденная нами запись в дневнике после более чем годового перерыва помечена декабрём 1889 г., Григорий очень кратко перечисляет, что особо важное произошло за этот долгий период, и в том числе даёт лаконичный ответ на ранее заданный риторический вопрос о будущем своём и Марии: «Сколько событий внешних первостепенной важности. Окончание курса, смерть Саши, женитьба. Всё это эпохи… И всё в один многознаменательный 1888 г.» (там же. Ед. хр. 350. Л. 56)[7]. Понятно, что будущие супруги как-то готовили это событие, встречались, обсуждали свадьбу и будущее совместное житьё… остаётся только посожалеть о том, что перерастание юношеских любовных отношений во взрослые супружеские осталось «за кадром». Но как бы там ни было, любовная история кончилась, началась семейная жизнь, полная иных забот, но отчасти и всё тех же тяжёлых душевных переживаний (см. раздел 1.3).

***

В одном из своих коротеньких стихотворений (без даты) на клочке бумаги Г.А. Кожевников, имея в виду своё любвеобильное сердце, характеризует себя так: «Я по натуре Дон Жуан, я жажду новых наслаждений» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 365. Л. б/н). Одна из его приятельниц с поэтической душой, Наталья Поплавская, ясно осознавая эту склонность Г.А., надписала на подаренной ему в 1917 г. книжке своих стихов такое посвящение: «Неизменному рыцарю мечты о Прекрасной Даме» (ГМЗЕ ОНФ-7281). И как бы в оправдание этой репутации, а заодно и поговорки «Седина в бороду — бес в ребро», с нашим «рыцарем» в начале 1911 г. приключилась очередная «love story», которая будет иметь долгое продолжение, хотя и без особых последствий.

На этот раз героиней истории стала Лидия Ивановна Кашина (в девичестве Кулакова) (1886–1937) — известная ранняя «муза» поэта Сергея Есенина, ставшая одним из прообразов героини его поэмы «Анна Снегина» (Архипова, 2001; Лагина, 2018). Она была дочерью богатого московского купца 2-й гильдии и домовладельца Ивана Петровича Кулакова, получила в Александровском институте благородных девиц хорошее светское образование, закончила его с отличием в 1904 г., в 1905 г. вышла замуж за гимназического учителя словесности Николая Петровича Кашина, у них родилось двое детей (сын и дочь); супруги разошлись в 1916 г. (официально развелись в 1918 г.). Большое наследство, оставленное в 1911 г. после смерти И.П. Кулакова ей с братом, позволило им какое-то время безбедно существовать и вести светский образ жизни. Лидии (если опускать детали) из недвижимости достались московский дом в Скатертном пер. и усадьба близ села Константиново в Ря-

[7] Следует напомнить, что на самом деле, судя по документам, венчание Г.А. и М.А. произошло в феврале 1889 г. (см. раздел 1.3).

занской губ., которую Кулаков купил в 1897 г. (иногда ошибочно указывается 1904 г.) вместе с прилежащими обширными лугами и лесом, а её брату Борису — небольшая усадьба Белый Яр по соседству на берегу Оки.

Судя по фотографиям, Лидию Кашину едва ли можно было назвать «писаной красавицей» — скорее, «дамой приятной наружности» с правильными чертами овального лица, с живыми тёмными глазами, с густыми аккуратно уложенными тёмно-русыми волосами (рис. 6.16). Она привлекала к себе внимание мягкостью, общительностью, умением вести светские беседы на различные темы, живо интересовалась культурной жизнью Москвы, особенно литературой и театром. В 1910-е гг. её дом в Скатертном стал одним из популярных московских культурных салонов, или вернее сказать «кружком», в котором собирались известные люди искусства и науки. Частыми гостями «кашинского салона» были многие полубогемные мужчины, особенно литераторы, среди которых особое место занимал С. Есенин; одним из его завсегдатаев стал и наш герой (рис. 6.17). Отношения Кашиной со своими поклонниками, как уверяет её биографиня А. Лагина, были вполне платоническими (Лагина, 2018). Став владелицей

Рис. 6.16. Фотография Л.И. Кашиной (1910-е гг.), «дамы сердца» Г.А. Кожевникова (Кирьянова, 2015, с. 67)

Константиновской усадьбы, она полюбила сельскую жизнь и значительную часть времени проводила там с детьми. Среди её мест-

Рис. 6.18. Групповое фото некоторых завсегдатаев «кружка Кашиной» в её доме в Москве (1918 г.); слева направо: М.З. Перетц, Л.И. Кашина, Е.Е. Кондратьева, Г.Л. Бальмонт, С.А Есенин, Г.А. Кожевников (Прокушев, 2001, фото 28)

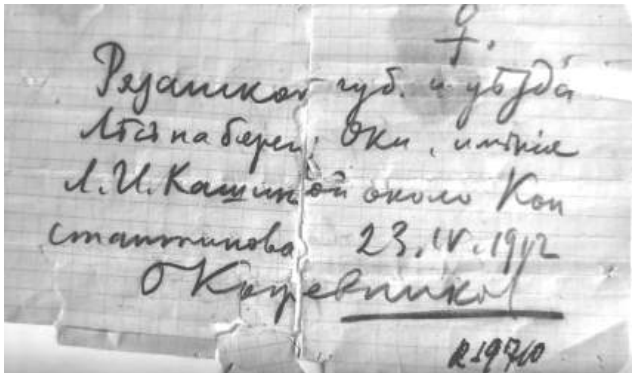

Рис. 6.18. Авторская этикетка одной из птичек, добытых Г.А. Кожевниковым в Константинове (колл. ЗММУ)

ных увлечений были верховая езда и охота; в последней, впрочем, сама она участвовать не могла из-за близорукости, но приглашала к себе в гости любителей пострелять по дичи, среди таковых был и Г.А. Кожевников.

Знакомство нашего героя с Л.И. Кашиной, как было сказано, состоялось в 1911 г., когда ему было 45 лет, а ей 25, — об этом Г.А. вспоминает в своих письмах к героине своего последнего «романа» (ГМЗЕ ОНФ-7281, 7296). Первое впечатление совершенно ошеломило нашего героя, о чём он многие годы спустя, а точнее в марте 1925 г., признается в письме предмету своей новой любви: «Вот я встретил вас — и *мечта* [о] красивой влюблённости […] воплотилась. Вы были воплощением красоты и изящества» (там же). Вскорости он стал горячим воздыхателем Л.И. Кашиной, в качестве члена «кружка» наведывался к ней в московскую квартиру, в разные сезоны ездил в Константиново для охоты (или под её предлогом) и даже отправлял оттуда иногда письма (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 231, 260). Попутно Г.А. там коллектировал мелких птичек, которых исправно передавал в фондовую коллекцию ЗММУ: об этом свидетельствуют сохранившиеся при них авторские этикетки (рис. 6.18).

С годами платонический роман Кожевникова не прервался: в 1920-е гг. он всё так же осыпал свою «даму сердца» письмами, при удобных случаях навещал её в Скатертном. Отношение Л.И. Кашиной к своему воздыхателю было весьма тёплым, но едва ли более чем искренне-дружеским: о Г.А. она считала «возможным говорить шутя, слегка насмешливо, слегка легкомысленно» (Архипова, 2001, с. 24).

Трогательным свидетельством развития отношений между Г.А. Кожевниковым и Л.И. Кашиной является их весьма обширная переписка, значительную часть которой Лидия Ивановна сберегла в своём архиве (хранится в Музее-заповеднике Есенина). Благодаря этому, при отсутствии дневниковых записей, в которых наш герой ранее фиксировал происходящее с ним и в нём, мы имеем некоторое представление о том, какие чувства владели в те годы душой нашего московского влюблённого «Дон Жуана». Кожевников писал своей даме сердца отовсюду — из Москвы, из разных городов и весей, где ему приходилось бывать по служебным делам, даже из поездов, увозивших его по этим делам. Иногда то были просто почтовые открытки, иногда — многостраничные письма. Одни из них сугубо «информационные», примечательные тем, что открывают некоторые детали его физического состояния (например, о его болезни, см. раздел 6.5). Другие же — свидетельства его пылкой влюблённости, которая не остывала почти до конца его жизни (см. далее).

В своих письмах Г.А. Кожевников обращается к Кашиной исключительно на «Вы» и чаще всего по имени-отчеству: «Дорогая Лидия Ивановна», «Бесконечно дорогая и любимая Лидия Ивановна». В письмах «лирического» содержания он иногда позволяет себе более фамильярное и нежное обращение, дозволительное между очень близкими людьми: «Дорогая Коша» или «Прекоша» (надо думать, «Прекрасная Коша») (ГМЗЕ ОНФ-7263). Стараясь быть убедительнее в выражении своей любви, он пишет: «Посылаю нежность своего сердца и восторженность мечтаний, центр которых вы, ангел, милая, дорогая, прелестная…» (ГМЗЕ ОНФ-7242). Такие «лирические» послания могли заканчиваться весьма игриво, например так: «Целую нежно ваши лапки» (ГМЗЕ ОНФ-7240). Иногда и Кашина подписывала свои ответные письма в таком же нежно-игривом духе: «Коша–Прекоша» (ГМЗЕ ОНФ-7308). Но было

немало «информационных» писем, в которых наш герой извещал Л.И. о своих жизненных и служебных перипетиях; они заканчивались достаточно сухо росписью «Ваш Кожевников».

Судя по содержанию сохранившихся писем Г.А., его сердечное отношение к Л.И., в отличие от прежних любовных увлечений, было довольно ровно, едва ли напоминая «любовную синусоиду». Но и тут на Кожевникова иногда накатывали волны мрачного настроения, связанного с невозможностью сближения с предметом своих воздыханий. Так, в 1915 г. в коротком послании он пишет Кашиной: «Тоска у меня ужасная, но самое ужасное и чудовищное, что в значительной мере это тоска по вас…» (ГМЗЕ ОНФ-7241); через несколько лет в столь же кратком и столь же страстном письмеце укоряет её: «Если бы знали, как я часто думаю о вас и как *тоскую* по вам, вы бы больше меня любили» (ГМЗЕ ОНФ-7234). Мечтая о встрече, он может напрашиваться к Лидии Ивановне в гости в любое время суток, исключая разве что ночь. Например, в только что цитированной записке Г.А. вопрошает: «Когда вы будете дома в понедельник? Застану ли я вас в 10 утра? Можно ли придти? *Хочу вас видеть*. […] В какие часы вы уходите на работу?!» А то, напротив, «является большое желание после лекции попить с вами чая, но я опасаюсь, что мы попадём домой лишь к 11 часам» (ГМЗЕ ОНФ-7272). Иногда, по возвращении из гостей к «дорогой Коше» и преисполненный восторженным впечатлением о встрече, Г.А. тут же садится набросать ей нежное напоминание о себе (ГМЗЕ ОНФ-7246).

В 1918 г. Константиновскую усадьбу реквизировали и Л.И Кашина стала безвыездной московской обитательницей, её жильё в Скатертном в связи с «уплотнением» ужимается до нескольких комнат. Угнетённая новыми жизненными обстоятельствами и погружённая в весьма прозаические заботы, она старается хотя бы немного охладить страстный пыл своего поклонника, иной раз в своих частых напоминаниях о себе становящегося назойливым, и обратить его любовные устремления в добрую дружбу. Но тот не желает и слышать об этом и пишет: «Вы всё не верите, как я сильно люблю вас! Вы всё не верите, что отношение к вам как к “хорошей знакомой” для меня бесконечно тяжело» (ГМЗЕ ОНФ-7308).

Некоторые письма Кожевникова к предмету своих воздыханий были написаны в стихотворной форме: одни из них — весьма лирические и даже элегические, иные — игривые по тону и содержанию. Вот несколько его коротких стихотворений (а длинных, похоже, и не было), которые выражают любовное настроение, остававшееся, как было сказано, неизменным на протяжении многих лет.

Предположительно 1911 г., т. е. в самом начале их романтических отношений (рис. 6.19, лев.) (ГМЗЕ ОНФ-7223):

Серое небо уныло
Свисло над мокрой землёй.
Тихо, с улыбкою милой,
Под руку шла ты со мной…
[…]
Хмурою дымкой покрыла
Осень природы черты.
Солнцем весенним светила
В сумраке вечера ты!

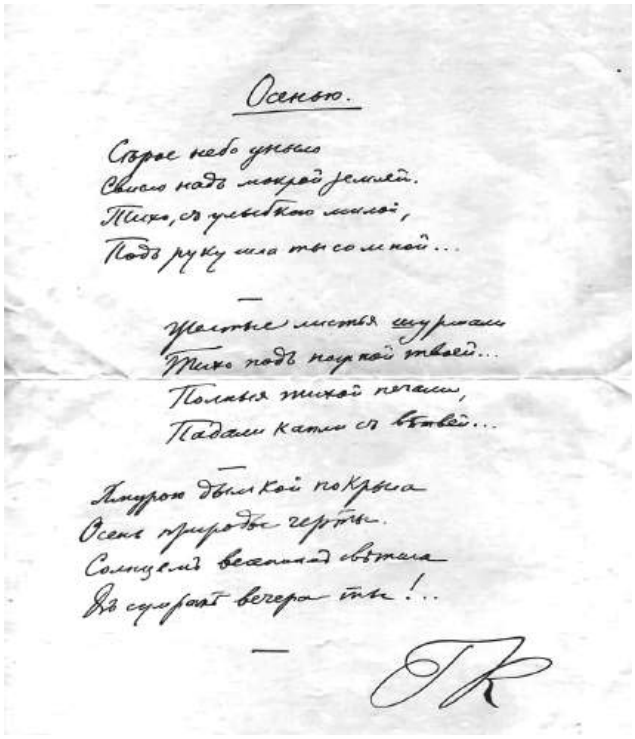
Написано весною 1915 г., когда горячие чувства Г.А. к Лидии Кашиной были, видимо, в самом разгаре (ГМЗЕ ОНФ-7222):

В жизни хмурой и унылой
В путах скучной суеты
Светит мне твой облик милый
Воплощеньем красоты.

Лучезарных глаз сиянье
В душу мне отраду льёт
И улыбки обаянье
В дивный мир мечты зовёт…

Написано в ноябре 1924 г., когда любовное отношение почти 60-летнего мужчины к почти 40-летней женщине давно приняло устоявшуюся форму (рис. 6.19, прав.) (ГМЗЕ ОНФ-7332):

Дорогая Коша! Я по вас скучаю.
Часто я мечтаю с вами выпить чаю…
Поглядеть вам в глазки, целовать ваш пальчик.
Вот о чём я грежу, как влюблённый мальчик!
О других же ласках скоро думать брошу…
Знаю: не придётся целовать мне Кошу!

Осенью.

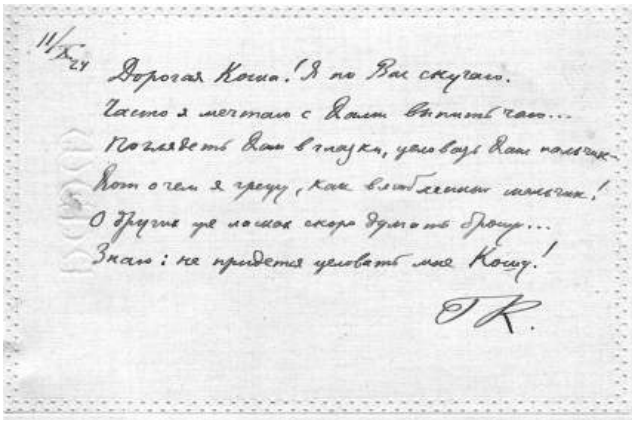
Серое небо уронило
Свою грусть на мокрую землю.
Тихо, с грустною думой,
Под руку шла ты со мной...

—

Желтые листья шуршали
Тихо под ножкой твоей...
Полная тихой печали,
Падала капля с ветвей...

Ноябрь дождливой порою
Осень природы терзал.
Солнцем весенней зарёю
Ты сумрак вечера стал!..

—

11/X-24 Дорогая Конна! Я по Вас скучаю.
Часто я мечтаю с Вами выпить чаю...
Поглядеть Вам в глазки, целовать Ваш ротик.
Вот о чем я грежу, как влюбленный мальчик!
О друзья уж нашей скоро будет дочь...
Знаю: не придется целовать мне Конну!

Г. К.

Рис. 6.19. Страницы писем Г.А. Кожевникова к Л.И. Кашиной с посвящёнными ей стихотворениями: слева — предположительно в 1911 г. (ГМЗЕ ОНФ-7223); справа — в октябре 1924 г. (ГМЗЕ ОНФ-7332)

Тёплые чувства Г.А. к Л.И. в трудные послереволюционные времена побуждали нашего героя брать на себя часть забот о ней и её взрослых детях. Кожевников по мере возможности помогал им небольшими деньгами, старался пристроить дочь Нину и сына Юрия на какую-нибудь пристойную хоть как-то оплачиваемую работу: об этом можно судить по некоторым его письмам (ГМЗЕ ОНФ-7266, 7288, 7310).

Последнее письмо Григория Александровича к Лидии Ивановне, которое мы видели в архиве Музея-заповедника С.А. Есенина в Константинове, датировано январём 1931 г. (ГМЗЕ ОНФ-7326). Если более поздних писем действительно не было, то возможное прекращение по крайней мере эпистолярного (документированного) общения между Г.А. и Л.И. могло быть связано с тем, что наш герой в это время увлёкся своей будущей второй женой (см. раздел 1.3).

6.3. В одну телегу впрячь не можно?

Психика творческого человека, рефлексирующего по поводу сложно устроенного бытия и его причин, а равно и по поводу своих непростых отношений к ономy, неизбежно соткана из противоречий. Он подспудно стремится так или иначе примирить между собой свои разноречивые чувства и мысли, порождённые сложностями мироздания, чтобы найти способы быть в ладу с окружающим миром и с самим собой, но довольно скоро выясняется, что сие невозможно — во всяком случае, невозможно «линейно», однозначно. Ибо всякие движения в сторону однозначности неизбежно сопровождаются отбрасыванием одной из сторон данного противоречия в пользу другой, в результате вроде бы находятся простые ответы на извечно сложные вопросы, но человек оказывается в познавательном тупике. Потому что упрощённое «миросозерцание», как и упрощённое самоощущение, лишают такого человека базы для рефлексий и тем самым самой потребности рефлексировать — и он превращается в «пошлого обывателя» (выражение Г.А.), довольного всем и вся, в том числе (или прежде всего) самим собою. «Нелинейная» же позиция означает, что взыскующий истины человек вынужден мириться с тем, что окончательных ответов ни на один сложный вопрос нет и быть не может, что нужно ясно осознавать и, главное, принимать мир и самого себя во всей сложности, со всеми противоречиями и «нестыковками». При этом явно или неявно в такое «нелинейное» миро- и самопонимание встраивается нечто вроде *принципа дополнительности*: оказывается, что не только можно, но и нужно «в одну телегу впрячь коня и тре-

петную лань» и мириться с тем, что для одного и того же сложного вопроса в одной ситуации «правильным», т. е. устраивающим вопрошающего, становится один ответ, а в другой ситуации — совсем иной, в «линейном» мире противоречащий первому.

Таким «рефлексантом» был герой нашей книги Г.А. Кожевников, на протяжении всей своей жизни боровшийся со сложностями и своего собственного внутреннего мира, и окружающего. В нём как-то ухитрялись уживаться противоречивые и потому едва ли «линейно» совместимые взгляды на один и тот же предмет, занимавший его в данное время или в данной ситуации. Это касалось соотношения между естественнонаучным и религиозным «миросозерцаниями», между природоохранительными идеями и потребительскими желаниями, между противоречивыми устремлениями к улучшению человеческого общества вообще и человека как животного организма в частности. Неустанные поиски разрешения этих противоречий превращали интеллектуальную и эмоциональную жизнь Г.А. в непрестанную борьбу, обусловленную горячим стремлением как-то улучшить себя и окружающий мир, — в борьбу с самим собою, с обществом, а иногда и самой природой, как минимум с природой человека. И он понимал эту борьбу как одно из непременных условий жизни, а достижения победы в ней — основной задачей последней: об этом он убеждённо и страстно говорил в своей публичной лекции «Борьба за жизнь у животных и людей» (Кожевников, 1914а).

***

Важную часть внутренних исканий Г.А. Кожевникова, не прекращавшихся всю его сознательную жизнь, составляли такие движения души, которые с некоторым огрублением можно, наверное, уподобить борьбе богоборчества с богоискательством. Первое порождается стремлением постичь естественные (материальные) законы мироздания и миротворения, второе же — желанием проникнуть в истоки и природу высоких норм человеческой этики и морали. Получалось почти как у Ф.М. Достоевского в «Братьях Карамазовых»: «Дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей»; у Г.А. таким «полем» была «психика» с её «психической энергией» (см. далее).

Как мы уже писали, купеческая семья Кожевниковых была весьма религиозной и её члены, надо полагать, были воцерковлены, неизменно посещая все важные церковные службы и в Козлове, и после переезда в Москву (см. раздел 1.1). Григорий в юности, кляня себя за нерадивость и стремясь к совершенствованию, неизменно призывал в помощь Бога; он даже клялся себе, что будет по утрам читать что-нибудь уместное из Евангелия, хотя это ему не всегда удавалось (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 346). Однажды в ноябре 1883 г., уже увлекшись естественными науками и отчасти ослабев в своей вере в Бога, он «почувствовал вдруг желание пойти ко всенощной, пошёл и получил некоторое удовольствие. Давно не молился…» (там же. Ед. хр. 348. Л. 28об.).

«Миросозерцательное» и интеллектуальное созревание Григория сопровождалось почти «кантианскими» размышлениями о потустороннем, о Боге, об истоках человеческой души и нравственного начала в ней. Так, потрясённый ранней смертью брата Дмитрия в 1882 г., он спрашивает себя (там же. Л. 34):

> Что делается с человеком после смерти? Вот в чём вопрос! […] Отделяется ли душа от тела и продолжает жить “где-то” в мире духов. Или со смертию тела, с прекращением деятельности нервной системы от живого существа остаётся *только* мёртвая материя, а сама “жизнь” исчезает “куда-то”, подобно облачку или туману, рассеянному лучами солнца… Кто знает, кто *скажет*?

С возрастом отношение Кожевникова к религии существенно поменялось и заметно усложнилось. С одной стороны, как учёный-естественник, он был безоговорочно привержен идее эволюции, согласно которой материальная Вселенная является самотворящим естественным явлением (*causa sui*), и поэтому напрочь отверг ветхозаветное вероучение о сверхъестественном сотворении материаль-

го мира, а с этим окончательно утратил веру в Бога-творца. Но, с другой стороны, у Г.А. утвердилось некое внутреннее ощущение значимости «личного Бога» как источника представлений о добре и зле и сохранилась потребность обращения к этому источнику в особо критических ситуациях. В результате эти два фундаментально разных «миросозерацания» — естественнонаучное и религиозное — ухитрялись сосуществовать в душе и сознании нашего героя, будучи разделёнными непроницаемой ментальной перегородкой: для Г.А. «вопросы религиозные и вопросы научные лежат в двух разных не пересекающихся между собой плоскостях» (Кожевников, 1912б. Л. 20 [рук.]).

Ставший к концу университетского курса убеждённым эволюционистом и дарвинистом, Г.А. Кожевников уверен в том, что разнообразие животных форм является результатом постепенной эволюции и что превращение одних форм в другие, в том числе низших в высшие, происходит под действием естественного отбора. В докладе о будущем человека он со всей прямотой естествоиспытателя, убеждённого в своей правоте, объявляет о том, что «*наличность эволюции в природе есть не гипотеза, а факт*» (Кожевников, 1908в. Л. 34 [рук.]). Для него эволюционное учение составляет основу естественнонаучного, материалистического «миросозерцания», которое «несогласимо с религиозным миросозерцанием и выступило явным противником этого последнего»: об этом он заявляет столь же решительно в другом докладе своей естественнонаучной серии — о естествознании (Кожевников, 190?а. Л. 6 [рук.]). На этом основании Г.А. безусловно отвергает библейский миф о сверхъестественной (божественной) соотворённости всего сущего, в том числе человека, «из ничего», как это представлено в Главе 1 Книги бытия Ветхого завета. Считая эволюцию в целом неоспоримым «фактом» и полагая излишним вдаваться в своих публичных лекциях в детали эволюционного учения, Кожевников обсуждает соотношение двух учений, совершенно «противоположных друг другу» (там же. Л. 20 [рук.]), —

> о сверхъестественном *творении* человека сразу в самом совершенном виде по образу и подобию божию и с последующим *падением* человека с этой высоты и эволюционное учение о постепенном *развитии* человека из ряда низших форм путём постепенного *прогресса*, путём постепенного *поднятия* всё выше и выше, причём окончательная высота, на которую возможно это поднятие, далеко ещё не обозначилось.

Утвердившись в естественнонаучном «миросозерцании» и став вполне последовательным материалистом, Кожевников уже не считал Библию «богодухновенной»: так, в одной из своих публицистических статей он пишет о ветхозаветной Книге Экклезиаста как об «одном старинном литературном источнике» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. б/н). Г.А. горячо выступает «за право господства […] биологических идей […] над человеческими умами», имея в виду в первую очередь эволюционную идею, и считает в высшей степени необходимым «*введение биологических наук в большом объёме и в неискажённом виде в курс всенародного обучения*» (Кожевников, 190?а. Л. 19 [рук.]). Кожевников горько сетует на то, что «мы сами учили в школе и допускаем, чтобы наших детей учили теперь в школе тому, что человек произошёл сверхестественным путём и явился на Землю *сразу совершенным*» (Кожевников, 1908в. Л. 5 [рук.]). Соответственно, он уверен, что «естественное происхождение [человека] путём эволюции установлено прочно и бесповоротно, и положительно настало время вводить эту идею в курс элементарного обучения, как в него вводится идея о вращении Земли вокруг Солнца, тоже бывшая некогда ересью» (там же. Л. 13 [рук.]). Г.А. призывает освободить «школу и воспитание [от] церковного влияния» в том числе по той причине, что оно сказывается «в форме неспособности к естественноисторическому мышлению» (Кожевников, 190?а. Л. 13 [рук.]).

В упомянутом докладе о будущем человека Г.А. Кожевников утверждает, что «для занимающего нас вопроса о будущем человека вопрос

о его прошлом является *коренным* и *решающим*» — иными словами, чтобы рассуждать о будущем человечества, нужно знать, каким образом и почему происходила его предшествующая эволюция, превратившая приматоидного предка в современного человека. Именно и только такое знание может дать ответ на коренной вопрос: «*применимы ли к человеку общие биологические законы*, применимо ли к его настоящему и будущему эволюционное учение, или он стоит *особняком* среди остальной природы?» (Кожевников, 1908в. Л. 14 [рук.]). Ответ на этот вопрос для Г.А. совершенно очевиден: полагая эволюционное учение основой современного научного «миросозерцания», он уверен сам и старается уверить свою аудиторию в том, что для того, «чтобы обеспечить истинный прогресс человека, его светлое будущее […] конечно только на научных основаниях должна быть построена наша жизнь» (там же. Л. 88–89 [рук.]). Из всего выше сказанного явствует, что для Кожевникова «научное» в понимании человеческой природы, человеческой жизни чуть ли не в первую очередь означает «биологическое» и «эволюционное».

В результате, отстаивая приоритет той естественнонаучной картины мира, в которой Бога как творца всего сущего нет, а есть эволюционные преобразования всех организмов под действием естественного отбора, Кожевников не признаёт библейское толкование человеческой сущности. Отвергая его, он вместе с ним отвергает и многие социальные мотивы, выработанные на основе гуманистически настроенного христианского призыва к любви между людьми. К этому Г.А. приводят идеи евгеники, которым наш герой был привержен в 1900-е и 1910-е гг.: согласно этим идеям, он делит людей на «аристократов духа» и «отбросы» и призывает удалять последних «с арены жизненной деятельности» (см. раздел 3.6).

Совсем иные интонации появляются в рассуждениях Кожевникова, когда он начинает размышлять об этических нормах, о морали, о добре и зле как имманентных атрибутах человека, рассматриваемого в качестве социального организма. Здесь уже явственны сомнения Г.А. в возможности жёсткого отрицания духовного и в конечном итоге религиозного начала, которые касаются и самого этого начала — его истоков и смысла, его назначения и содержания.

Как мы уже отмечали выше, Кожевникову кажется, «что многие вопросы касательно духовной жизни человека не могут быть объяснены никакими естественными науками. […] На чём бы мы основали нашу эстетику […] если бы мы отрицали существование духа, который может творить?» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 24об [рук.]). Вместе с тем, он своим девизом провозглашает «отрицание необходимости религии и повседневной *общепринятой* морали для хорошей жизни. […] самая высокая человеческая нравственность создаётся помимо религии, [это просто] заповедь предков, выработанных эмпирических формул» (там же. Ед. хр. 350. Л. 42 [рук.]). Вместо этих «формул» Г.А. взыскует неких иных нравственных ориентиров, которые формируются «помимо общепризнанной “православной” морали. Это православие — пошлость! […] Рутина! Надо новое, свежее. Нравственность интеллигенции, свободной от предрассудков. Нравственность высокая, здоровая, *обще*человеческая» (рис. 6.20) (там же. Л. 42об [рук.]).

Отвергая религиозное «миросозерцание» с позиций естествознания, Г.А. Кожевников тем не менее явственно усматривает особое, благое назначение религиозного сознания, присутствующего в «пошлой обыденности». Оно для Григория Александровича в том, что «для лиц верующих религия является мощным орудием в житейской борьбе, т. к. она укрепляет силу их духа, не даёт им падать под бременем житейских горестей, спасает их от отчаяния и самоубийства» (Кожевников, 1914а. Л. 65 [рук.]). Но, строго говоря, здесь наш герой подразумевает не столько религию как специфический социальный институт с его многослойной бюрократической системой управления, сколько искреннюю, внутреннюю веру людей в некий высший источник добра и правды, живущую в их сердцах и душах. Поэтому в своих поисках

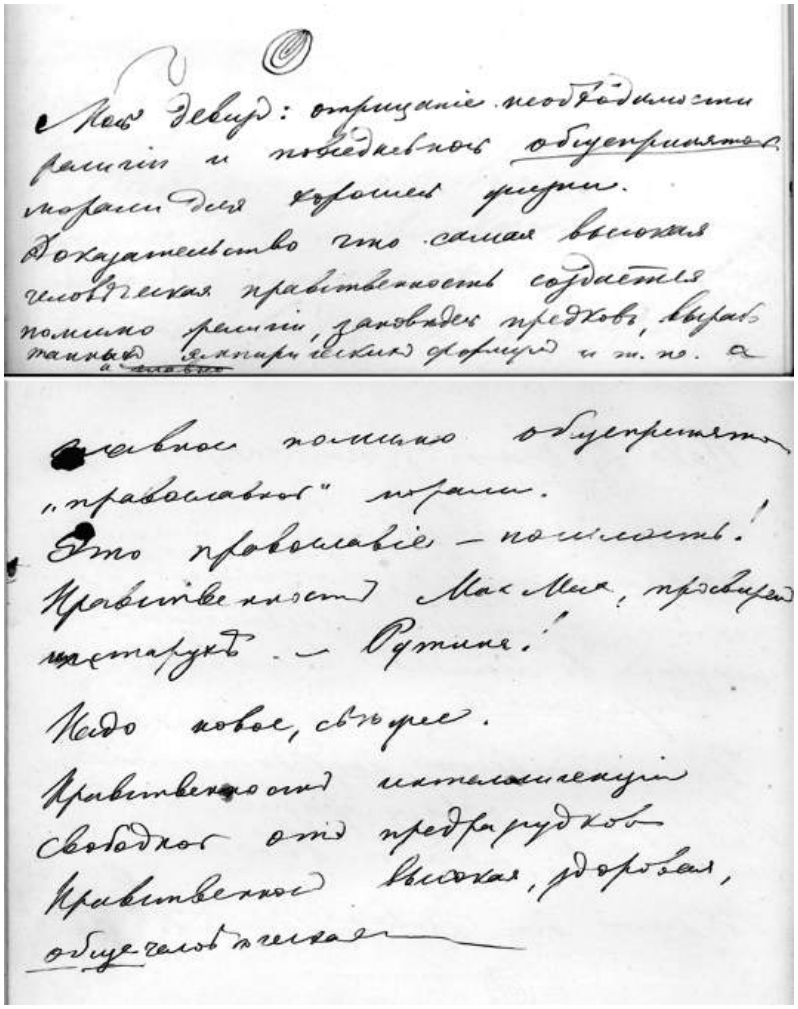

Рис. 6.20. Фрагменты страниц из дневника Г. Кожевникова (февраль 1887 г.) с записью об отрицании необходимости религии (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 42, 42об [рук.])

дан всей душой, ключевой смысл этой «битвы народов» Кожевников видит в том, что «русские воины […] орошая мёрзлую землю своей святой горячей кровью, […] борются за право и правду, […] со злом» (Кожевников, 1914а. Л. 65 [рук.]). И начиная свою лекцию о борьбе за жизнь тезисом о том, что борьба есть «одно из необходимых условий» этой самой жизни, Г.А. в её конце приходит к заключению (там же. Л. 65 [рук.]), что

> В распятом Христе наша религия видит символ победы над смертью и над "имущим державу смерти", т. е. дьяволом, воплощением зла. В этой возвышенной идее идёт борьба Христа как воплощения добра с дьяволом как воплощением зла, и в победе над ним я вижу последнюю ступень эволюции самой идеи борьбы. До большей высоты идея борьбы и победы подняться не может.

Такого рода общие рассуждения, пусть и достаточно эмоциональные и проникновенные, имеют вполне отвлечённый характер и потому отчасти схожи с теми «проповедями по случаю», которые обыкновенно читаются клириками с амвонов скучными казёнными голосами. Но вот что важно: за этими общими словами о Христе где-то в самой глубине души Григория Александровича тлеет искренняя вера, которая вспыхивает ярким пламенем в особо острых личных ситуациях. «Под влиянием страшного события», пережитого осенью 1920 г. (покушение на него его ученика Н. Плавильщикова, см. раздел 6.5), как Г.А. пишет Семёнову-Тян-Шанскому, у него «с силою проснулось религиозное чувство. Ещё лёжа в лечебнице, [он] стал ежедневно, просыпаясь и засыпая, читать "Отче наш"» (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 340), а «в первый же день по выходе» из больницы после успешной операции «пошёл

начала «общечеловеческой нравственности», которая была бы свободной от «пошлости», «рутины» и «формы», но и не отторгала бы высшего духовного начала, Г.А. обращается непосредственно к Иисусу Христу. Ещё в юношеском возрасте он страдает от осознания того, «какая масса несправедливости на свете, как попирается всюду правда, как мало раздаётся слов добра, как забывают слова Христа и его учение» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 72об [рук.]). Это обращение к евангельским истокам некой «общечеловеческой морали» (которая на самом деле весьма локальная, укоренённая в авраамитском кусте религий) особенно усиливается у него в годы наполненной всеми ужасами 1-й Мировой войны. Будучи истинным патриотом своей России, коей он пре-

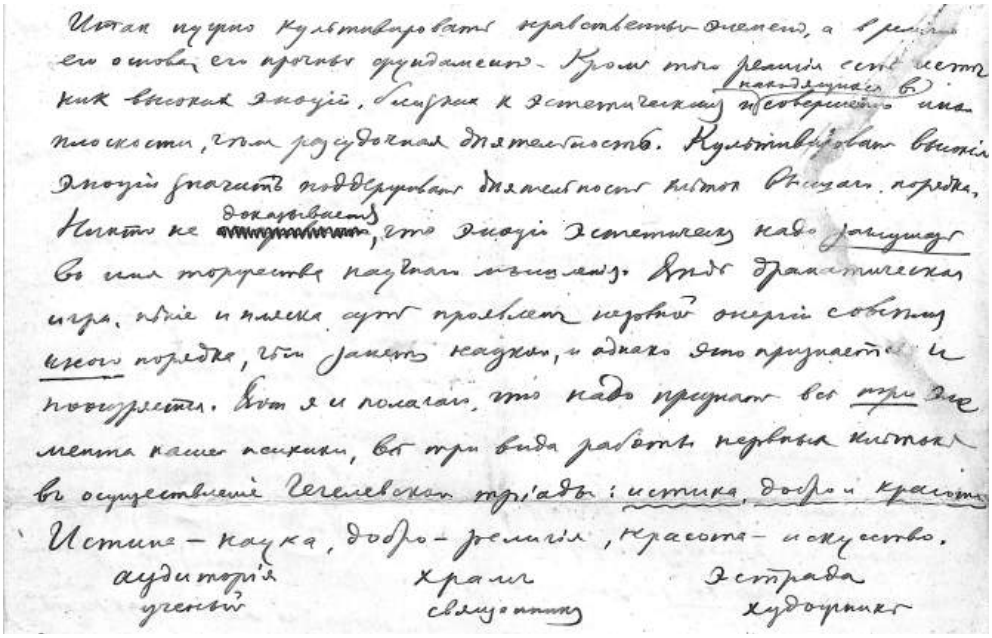

Истина — наука, добро — религия, красота — искусство.
аудитория учёный
храм священник
эстрада художник

Рис. 6.21. Фрагмент страницы из письма Г.А. Кожевникова к А.П. Семёнову-Тян-Шанскому (сентябрь 1920 г.) с рассуждениями о соотношении науки, религии и искусства (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 341)

к университетском священнику и […] после всенощной исповедовался, а на другой день за ранней обедней причастился [и] получил от этого вполне определённое нравственное удовлетворение» (там же. Л. 341). Воистину, сколь же пророческими оказались его слова, приведённые выше, на этот раз обращённые к самому себе, о том, что «религия укрепляет силу духа» искренне верующего человека! И можно быть уверенным, что обращение Г.А. к Богу в такой ситуации наверняка было внутренним побуждением, а не из разряда «так надо».

Впрочем, наш герой не был бы учёным-естествоиспытателем, если бы не пустился вслед за этим эмоциональным порывом в рассуждения о соотношении научного и религиозного проявлений человеческого сознания и чувствования. Г.А. Кожевников в том же письме пишет, что в эволюции человека «религиозное и художественное сознание предшествует научному. Научное мышление есть *высшее* проявление мозговой деятельности […] и потому [религиозное] в сильной степени *изжило* себя». Но Г.А. не согласен с теми, кто ратует за «*искусственное* истребление» религии, «не дожидаясь естественного “вымирания”» этой «первобытной формы» некой «нервной энергии». По его мнению, у «современного культурного человека» религия «тесно связалась с моралью. […] И если отымете от морали её религиозный фундамент, если вы изымете из неё понятие о *грехе* (а оно чисто *религиозное* понятие), то здание морали окажется созижденным “на песце” и легко рухнет». В итоге Кожевников считает, «что надо признать все *три* элемента нашей психики […] в осуществление гегелевской триады: *истина*, *добро*, *красота*», и представляет их соотношение в виде следующей вполне абстрактной (как бы в духе Гегеля) схемы (рис. 6.21) (там же. Л. 340об, 341об):

Истина — наука, добро — религия, красота — искусство.
аудитория храм эстрада
учёный священник художник

К ней Г.А. добавляет комментарий: «Оставим всю триаду — как три параллельно живущих вида. Пусть у каждого будет свой “ареал” […] в области человеческой психики» (там же).

***

Естественные науки представляют собой некий инструмент познания окружающего физического мира. Этот мир признаётся единым по своим фундаментальным свойствам

и законам, упорядочивающим его и определяющим его развитие. Такому «миросозерцанию» соответствует признание того, что познавательный инструмент также должен иметь универсальный, «космополитический» характер. В результате современная наукоцентричная европейская цивилизация насквозь пропитана идеей глобализации, согласно которой всё международное научное сообщество обязано мыслить и действовать по единому шаблону. Действительно, в экспериментальных науках исследования всюду организуются по единым протоколам, чтобы их результаты были сопоставимыми. В близкой научным интересам нашего героя биологической систематике научная глобализация наиболее наглядно проявляется в разработке международных стандартов выделения, описания и обозначения таксонов. Но, с другой стороны, научные исследования выполняются конкретными персонами, которые воспитываются в определённых культурных (включая мировоззренческие и познавательные) традициях. В той мере, в какой последние наделены той или иной «локальной» (региональной, национальной и т. п.) спецификой, в той же мере специфическими оказываются и познавательные интенции действующих в их рамках локальных научных сообществ. Всё это создаёт пёструю мозаику характера научных исследований, образованную различными сочетаниями «глобалистских» и «локалистских» тенденций.

Сказанное в достаточно полной мере относится к московской зоологической школе, лучшие представители которой так или иначе сочетали в себе приверженность к обеим только что указанным тенденциям. Гармоничный характер такого сочетания оказался весьма плодотворным, о чём ярко свидетельствует научно-общественная позиция лидера этой школы во второй половине XIX в. А.П. Богданова. С одной стороны, он был убеждён в том, что без развития фундаментальных естественных наук в их всеохватном мировом объёме не может быть поступательного прогрессивного развития российской науки. С другой стороны, для него была характерна активнейшая «русскость», российский патриотизм в самом высоком смысле этого слова, неизменно оттеняемый им самим и его последователями. Эту вторую особенность научной позиции своего учителя с особой силой подчёркивал Г.А. Кожевников: характеризуя её в посвящённом Богданову некрологе (Кожевников, 1896б, с. 389), он писал,

> что наука не только может, но и должна быть национальною, […] истинная цель науки есть единение народов в искании научной истины, пользуясь своими специальными свойствами и своим национальным гением, без нивелировки, без лишения их оригинальности, без придания им чуждой формы. С этой точки зрения надо, отбросив в сторону политику, всеми силами поощрять развитие национальной науки. […] ибо наука движется вперёд людьми сильными в своей индивидуальности, а не жалкими подражателями иностранным образцам.

Такой акцент в характеристике А.П. Богданова как учёного со всей очевидностью указывает на то, что подобное понимание соотношения универсального и национального в содержании и развитии российской науки было характерно и для самого Г.А. Так, признавая важность «академического» обучения зоологической науке, имеющей универсальный характер, Кожевников настаивает на том, что в российских учебных заведениях оно не в последнюю очередь «должно направлять внимание учащегося на знание родной фауны» (Кожевников, 1897а, с. 81). В 1920-е гг., обращаясь к большевистскому руководству России, которое провозглашало «пролетарский интернационализм» как ключевую идею своей деятельности, наш профессор ратует за издание не переводных, а именно отечественных университетских учебников по зоологии. При этом он исходит из того, что «каждое произведение, в том числе и учебник, обязательно несёт на себе национальные черты не только в смысле манеры отработки материала, но и в смысле содержания. […] Это я считаю вопросом *капи-*

тальной важности» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 272а. Л. б/н).

Вместе с тем, Григорий Александрович никогда не стеснялся говорить о том, что Россия в культурном и научном отношении является отсталой страной. В том, как Кожевников в разных своих публикациях и выступлениях превозносил «культурную» Германию, противопоставляя ей «дикую» Россию, как нам кажется, проглядывала его потаённая германофилия. Весьма показателен в этом отношении его доклад об изучении фауны Московской губернии с многочисленными ссылками на позитивный опыт фаунистических обследований, проводимых германскими зоологами при поддержке местных властей (Кожевников, 1906в). Он сравнивает уровни финансирования германских и российских университетов — и это сравнение явно не в пользу вторых (Кожевников, 1905б); в другом месте, обращаясь к развитию музейного дела в Германии, пишет: «Германское правительство отлично понимает, что, давая миллионы на науку, оно делает страну и народ сильнее и богаче» (Кожевников, 1907ж, с. 239). Одной из важных причин отставания России в науке Г.А. считает ненадлежащим образом организованное преподавание естествознания в российских средних учебных заведениях, опять-таки рассматривая в качестве образца образовательную реформу в Германии в 1900-х гг. (Кожевников, 1912б). Обсуждая начатую в нашей стране в 1920-е гг. реформу образования в средней школе на основе принципа трудового воспитания, Кожевников подчёркивает, что наконец-то отечественная «современная методика в лице своих передовых представителей […] признала то, что давно уже признано западноевропейской и американской методикой, что трудовой принцип есть *самодеятельность* учителя и ученика в области преподавания» (Кожевников, 1921а. Л. 3, 3об).

Считая крайне важным взаимообогащающий обмен идеями между научными сообществами разных стран, Кожевников в статье «Русская научная литература за границей», опубликованной в 1909 г. в журнале «Естествознание и география», кратко рассматривает вопрос о том, на каком языке русским исследователям предпочтительнее публиковать свои статьи и книги (Кожевников, 1909м). С одной стороны, особую миссию прогрессивных отечественных учёных он видит в том, чтобы свои труды «печатать на родном языке [и] своей работой обогатить научную литературу своей страны […] сделать её доступной и для тех, которые не владеют иностранными языками». Но, с другой стороны, он сокрушается о том, что «печатая по-русски, учёный часто бывает осуждён на то, что его работа не входит в круг широко известной научной литературы. Русские работы весьма часто не только не цитируются иностранными учёными по содержанию, но даже не упоминаются по заглавиям».

Как видно из предыдущего, этот почвеннический настрой Г.А. Кожевникова изначально не был сугубо националистическим, «ура-патрическим»; но он резко изменился в связи с началом 1-й Мировой войны летом 1914 г. В газете «Утро России» он теперь призывает ускоренными темпами развивать отечественную науку и, главное, отечественное образование — «скорее и энергичнее учиться и учиться!», чтобы остановить «“мирное завоевание” России» германцами», при котором «завоёванная страна становится по отношению к завоевавшей в положение как бы колонии» (Кожевников, 1914ж. Л. б/н).

Одним из естественных проявлений патриотизма нашего героя была любовь к русскому языку (см. об этом далее): он считал недопустимым его вытеснение (в определённых ситуациях) разного рода «иностранщиной». В частности, он возмутился тем, что на Всеславянском съезде пчеловодов в Москве раздавалась особая «выставочная марка», на которой «была *немецкая* надпись “Ausstellung in Kiew 1913” [..] Большей нелепости трудно себе придумать» (Кожевников, 1912е).

С началом войны этот настрой Г.А. Кожевникова принял особенно резкую форму. Он обратился к своим коллегам с предложение решительно и немедленно выразить патриотическую позицию, для чего послал «в Р[усское]

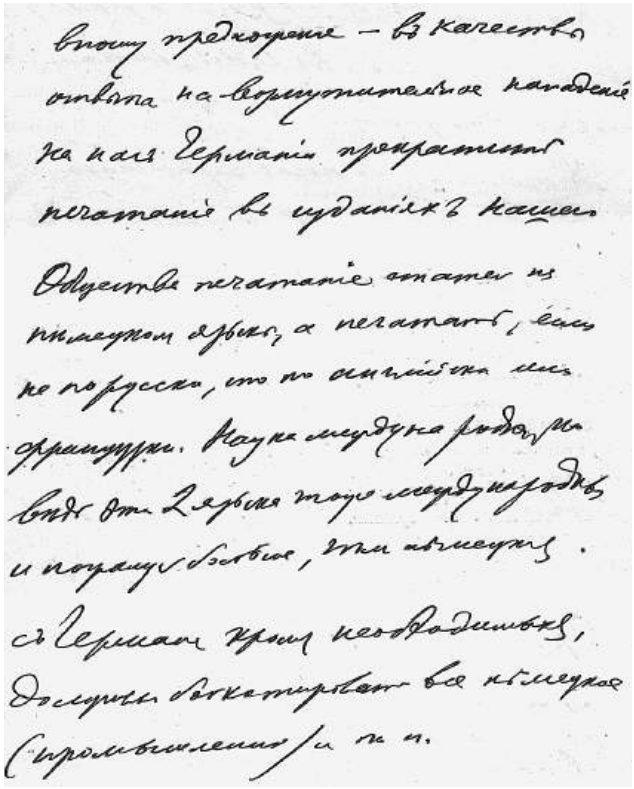

Рис. 6.22. Фрагмент письма Г.А. Кожевникова к А.П. Семёнову-Тян-Шанскому (июль 1914 г.) с предложением отказаться от немецкого языка в научных публикациях (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 241–242)

Энт[омологическое] Общ[ество] заказным письмом записку, в которой с подробной мотивировкой [вносит] предложение — в качестве ответа на возмутительное нападение на нас Германии прекратить печатание в изданиях нашего Общества […] статей на немецком, а если печатать не по-русски, то по-английски или французски. […] Во имя чего же писать на языке врагов». Следуя дальше зову своего искреннего патриотизма, он считает, «что после случившегося мы должны порвать все связи с Германией, кроме необходимых, должны бойкотировать всё немецкое (промышленность и т. п.)» (рис. 6.22) (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 241–242). И действительно, в газетной заметке, опубликованной в 1915 г., Г.А. констатирует (впрочем, с известной долей огорчения), что «немецкие учёные, бывшие хорошие знакомые и даже “друзья”, теперь навсегда чужие, враги, с которыми прерваны всякие сношения, и личные, и деловые» (Кожевников, 1915е. Л. б/н).

Вступление России в войну ярко высветило тот настрой Г.А. Кожевникова, который в письме о «проклятом вопросе» (см. раздел 2.6) проглядывал лишь подспудно: его желание быть «вне политики» тесно переплеталось с его позицией истинного патриота России, желающего трудиться на благо своей родины. Именно таким образом — как особое проявление патриотизма — следует воспринимать осознание Кожевниковым своего долга как профессора перед учениками, которое он распространял и на самих учеников, обязывая их со всей серьёзностью относиться к своему долгу перед профессорами, перед университетом и в конце концов перед своим отечеством. Этот извечный гражданский долг — долг интеллектуалов перед наукой и культурой будущей России — он ставил превыше сиюминутного военного долга стать «пушечным мясом» на полях сражений.

В связи с этим Кожевников выступил в газете «Утро России» со статьёй «Война и учащаяся молодёжь», в которой высказался против призыва студентов в армию (Кожевников, 1914ж). Основной его довод состоит в том, что «для учащейся молодёжи дело учения должно всегда стоять на первом плане, как самое важное дело в их жизни. Только при этом условии трудное дело учения может идти хорошо». Г.А. особо подчёркивает общественную значимость такой позиции: он призывает молодёжь осознать, «что не эгоистические соображения, а требования государственной пользы, должны её заставить *прежде всего* учиться и учиться!» (там же). Со сходной идеей наш профессор обращается к научным работникам в статье «Нужная и ненужная наука» со страниц той же газеты «Утро России» (Кожевников, 1915ж). Он убеждает их в том, что все они, «кто не призван на фронт, нужны сейчас стране ничуть не меньше, чем в поле воин. […] Итак, за научную работу все те, кто способен к ней, и в военное время энергичнее, чем в мирное». Рецензируя выход Трудов Днепровской биологической станции в 1915 г., он ещё раз подчёркивает свою принципиальную позицию в этом важном вопросе (Кожевников, 1916ж, с. 88–89):

> Я с самого начала войны указывал в печати (газета “Утро России”) на то, что лозунг “всё для войны” нельзя понимать в таком смысле, что во время войны должна быть оставлена научная работа. Я писал, что научная работа такая же важная для страны, как и защита её от врагов, что не следует отрывать ради войны ничтожную по количеству группу научных работников от их обычного дела, что враги наши будут рады, если мы за войну отстанем в культурном отношении, ибо потом немедленно начнётся культурная борьба. […] Война не должна заглушать научной работы. В этом один из путей к благоденствию страны.

Примечательно, что ученик Кожевникова В.С. Муралевич, понимавший патриотизм весьма прямолинейно в стиле «ура!», на страницах той же газеты выступил с резкой отповедью в адрес своего профессора. Он заявил, что «в этот грозный час» молодёжи не пристало заниматься «отвлечённой наукой»; напротив того, «всё — и ум, и воля, и силы, и жизнь — всё, всё должно быть отдано фронту и только одной работе — *для фронта и только для фронта*» (Муралевич, 1915).

С наступлением мирного времени потаённая германофилия Кожевникова, в годы войны перекрытая его патриотическим русофильством, вновь выплыла на поверхность. Так, вернувшись в Москву из недолгой командировки в Берлин в 1925 г. для участия в работе 1-го съезда Международного общества по сохранению зубров, он сообщает в письме А.П. Семёнову-Тян-Шанскому, что его приятно удивило, «как немцы хорошо оправились после погрома войной. […] Берлин блестит и сияет красотой магазинов, шумными кафе и ресторанами» (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 499. Л. 9, 10).

Сочетание элементов интернационализма и патриотизма также очевидно в позиции Г.А. как природоохранителя — впрочем, таковым был внутренний настрой большинства отечественных участников природоохранного движения. С одной стороны, он понимал, что сохранять живую природу Земли нужно именно в планетарных масштабах, и поэтому всячески приветствовал начавшиеся в 1910-е гг. усилия по налаживанию международного сотрудничества в этой сфере, до революции 1917 г. активно участвуя в нём (см. раздел 5.3). Такому интернационализму в немалой степени способствовало то, что первыми о сохранении природы задумались североамериканские и западноевропейские натуралисты, на которых в значительной мере ориентировались российские радетели о дикой живой природе. Так, в докладе «Человек как истребитель и охранитель природы», сделанном в 1925 г. на заседании ВООП, Г.А. не стеснялся ставить в пример налаживание дела охраны природы в Северной Америке (Кожевников, 1925ж). С другой стороны, наиболее активные деятели природоохранного движения в России, включая и Кожевникова, были несомненными почвенниками в том смысле, что их более всего заботило сохранение именно русской природы. Эта позиция сама по себе совершенно понятна, ибо что же сохранять в первую очередь, как не своё, родное и близкое, за что отвечаешь прежде всего, так что взгляд на природу как на «великое богатство, которое должно быть общенациональным достоянием» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 706. Л. б/н), представляется вполне закономерным. О таком несомненно «национальном уклонизме» свидетельствует, например, лозунг современного украинского природоохранителя В.Е. Борейко «Заповедники как национальный символ» (Борейко, 2000, с. 135).

Наглядным проявлением такой государственно-патриотической позиции героя нашей книги служит его мнение об участии России в конфликтной ситуации с освоением и охраной природных ресурсов на о. Шпицберген, возникшей в середине 1910-х гг. В письме к И.П. Бородину (СПбФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 219. Л. 4, 4об) он удивляется тому, что

> наше М. Иностр. дел от него открещивается: ведь это лакомый кусок! А кто не будет участвовать в обсуждении вопросов, касающихся Шпицбергена, тот будет терять на него права. […] Поверьте — громадная ошибка наша будет, если мы не будем цепляться за

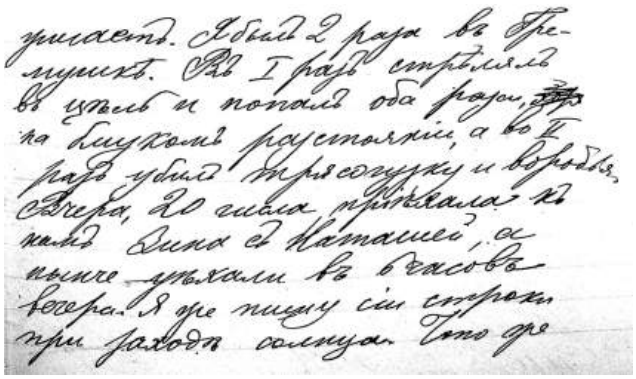

Рис. 6.23. Страница из дневника Г. Кожевникова (июль 1882 г.) с записью о своих первых опытах охоты с ружьём (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 347. Л. 16об)

> Шпицберген при всяком поводе. […] “Охрана природы” это частность, но это одна из тех прицепок, на которых потом основываются притязания: “Мы охраняем” — значит “Это наше”[8].

Но опасная штука здесь в том, что «национальное» при известных обстоятельствах обращается в «государственное», почему природоохранители-почвенники легко и, наверное, незаметно для самих себя, становятся государственниками. При определённом типе общественно-государственного устройства, когда государство превращается в этакого вездесущего и всемогущего «вседержителя», патриотизм невольно обращается в патернализм. Данная позиция отражена в принципе государственности, составляющем важную часть природоохранительной «программы Кожевникова» (см. раздел 5.2). С этой точки зрения чуть ли не основным условием сохранения природы оказывается то, что «живущие на свободе дикие животные, звери и птицы признаются *государственным* достоянием» и что «основная идея заповедных участков настолько важна, что государству вполне уместно позаботиться об её осуществлении» (Кожевников, 1909г, с. 26; выделено нами).

***

В качестве активного участника природоохранного движения, Г.А. Кожевников принуждён был решать ещё одно противоречие — между общей идеей охраны природы, особенно воплощённой в принципе абсолютной заповедности, и потребительским отношением к ней. Во втором случае его лично особенно занимала любительская охота, носившая в то время вполне хищнический характер.

Герой нашей книги считал себя увлечённым охотником-спортсменом (Кожевников, 19??а) и, как свидетельствует запись в его дневнике за 1882 г., приобщился к «охотницкой забаве» в 16-летнем возрасте, когда из ружья «убил трясогузку и воробья» (рис. 6.23) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 347. Л. 14). Наверное, это как-то увлекло начинающего охотника, потому что спустя несколько лет, в пору очередной размолвки со своей «милой Анютой», он восклицает: «Как бы я желал быть теперь в деревне с ружьём и собакой» — и это потаённое желание вызывает у него элегические чувства: «Один, природа, нет людей, нет фальши, нет злобы» — и т. д. (см. раздел 6.2, рис. 6.12) (там же. Ед. хр. 349. Л. 16об). Однако много позже Г.А. признается, как бы чувствуя себя виноватым: «Всего пара трясогузок, пара ласточек да десятка полтора рыбников [вероятно, имеются в виду крачки] и чаек были жертвами моего обучения стрельбе […] От охотников-крестьян я твёрдо усвоил привычку стрелять *только по дичи*», т. е. только по охотничьим объектам; а к более серьёзной «охоте с гончими и зимней охоте с обкладчиком» приобщился только «на 43-м году жизни» (Кожевников, 1909н, с. 226).

В зрелом возрасте Кожевников активно сотрудничал как автор и редактор с журналом «Охотничий вестник», довольно часто печатал в нём научно-популярные статьи, старясь содействовать просвещению русского охотничьего сообщества, в том числе по вопросам охраны природы, с 1907 г. состоял в его редакции (Кожевников, 1907н, с. 102).

В конце 1900-х и начале 1910-х гг. Г.А. Кожевников, как и многие другие отечественные зоологи, столкнулся с серьёзной проблемой совмещения охотничьих увлечений, присущих сотням тысяч людей, с природоохранной иде-

[8] «Договор о Шпицбергене» будет заключён с участием России в 1920 г. и вступит в силу в 1924 г. (Договор…, 2006).

ей. Он отлично понимал, что полный запрет на охоту его сограждане-охотники не поймут, а коли так, то они не согласятся и с само́й лежащей в его основе идеей. Эта проблема весьма активно обсуждалась на страницах охотничьей периодики и на Охотничьем съезде в связи с подготовкой проекта нового закона об охоте; в этом обсуждении одним из центральных пунктов был запрет на весеннюю охоту, когда всякая живность средней полосы приступает к размножению (см. раздел 5.3).

Свой основной вклад во всю эту дискуссию, а вместе с тем отчасти и в решение названной проблемы, Г.А. видел в пропаганде идеи «правильной» охоты — т. е. щадящей, подчиняющейся определённым разумным ограничениям и потому хотя бы отчасти совместимой с идеей охраны дикой природы. Само понятие «правильной» охоты сформировалось, видимо, в середине XIX в.: её сторонники, полагая, что «страсть к охоте неразрывно связана с любовью к природе», в 1872 г. в России учредили Общество размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты (Романов, 1876–1877; Энциклопедия, 1897). Опираясь на это понятие, Кожевников делит охотников на две группы — «истребителей» и «правильных». Первые бездумно стреляют во всё живое и движущееся, их он называет просто «стрелками». Вторые же стараются «расчётливо пользоваться частью […] животного населения данной местности» (Кожевников, 1914з, с. 2), их Г.А. называет охотниками «в полном смысле этого слова» (Кожевников, 19??а. Л. 7 [рук.]). В специальной статье «Охрана природы и охота», опубликованной в «Охотничьем вестнике» в 1914 г., он подчёркивает (Кожевников, 1914з, с. 3):

> Охрана природы вполне совместима с правильной охотой прежде всего потому, что с развитием правильной охоты количество дичи не должно уменьшаться, а в обедневших местностях даже должно увеличиваться. […] Стрелять же что попало только для забавы и развлечения или хотя бы для украшения кабинета — положительно преступно.

«Правильную» любительскую охоту Кожевников рассматривал как особый «спорт»; это позволяло ему вступиться за неё перед разного рода идеалистами-морализаторами, которые видели в убийстве животных лишь проявление присущей человеку врождённой кровожадности. Он был уверен, что «охота как спорт сама в себе находит себе полное оправдание и не нуждается ни в каких побочных или прикладных целях для признания законности своего существования» (Кожевников, 19??а. Л. 2 [рук.]). Такую охоту Г.А. противопоставляет охоте ради «забавы» и тем более стрельбе по самой разной живности «на рекорд». Рассматривая «правильную» охоту в таком ключе, Кожевников считает морализаторские нападки на неё «не только не умными, но и смешными», и усматривает «полное отсутствие связи между зверскими инстинктами, кровожадностью, с одной стороны, и охотничьим инстинктом с другой […] в том, что эти первобытные стремления имеют совершенно разное происхождение» (Кожевников, 1907о, с. 123). Первый связан с удовлетворением насущных биологических потребностей человека, во втором же проявляется первородный «инстинкт соперничества». В современном обществе полезность спортивной (или «спортсменской», как Г.А. её называл) охоты для нашего героя состоит чуть ли не в первую очередь в том, что она «развивает внимательность, осторожность, самообладание, выдержку» и в результате «несомненно воспитывает у человека множество качеств, развитие которых создаёт тип цельной, совершенной, всесторонней натуры» (там же, с. 127).

Свой столь горячий дифирамб, адресуемый «правильной» охоте, Кожевников завершает весьма своеобразной сентенцией, выдающей истинную подоплёку его охотничьей страсти. Оказывается, что для него «главное наслаждение, главное удовлетворение при занятии охотой […] даёт […] не созерцание красот природы, не получение вкусной пищи, а несомненно *чувство победы*, то чувство, которое является главным, если не единственным двигателем всей нашей деятельности» (там же). Здесь от-

чётливо видна перекличка с основным посылом его публичной лекции о борьбе за жизнь, о котором мы упоминали ранее (см. раздел 6.1), — с тем, что «стремление к победе — важнейший двигатель органической жизни» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 95. Объявление о лекции). Однако позже Г.А., похоже, несколько изменил своё отношение к любительской охоте, сочтя её «таким же пережитком первобытного инстинкта, как и разорение гнёзд» (Кожевников, 1926а, с. 18 файла).

Какими бы ни были глубинные мотивы, побуждающие Кожевникова защищать любительскую охоту, важно то, что он обращает особое внимание на необходимость воспитания «правильных» охотников, сызмальства внушая подрастающему поколению понимание важности щадящего отношения к охотничьей фауне, что позволяет сохранить её и для природы, и для самих же себя. Разбирая вопрос о том, «с какого возраста можно давать в руки ружьё, с какого возраста можно допускать на охоту?», он выступает против слишком раннего приобщения детей к ружейной охоте и призывает готовить к ней будущих «правильных» охотников заранее. Он пишет (Кожевников, 1909н, с. 225–226), что прежде

> надо ознакомиться с охотничьей литературой и с естественноисторической литературой о той местности, где придётся охотиться. Дальние прогулки, зоологические и ботанические экскурсии могут служить прекрасной подготовкой для охоты. […] Стрельба в цель может быть допущена с 15–16-летнего возраста, под строгим надзором.

В статье «Что и как наблюдать» Г.А. уделяет особое внимание охотникам-«натуралистам» — таким, которые не просто стреляют по дичи, а прежде детально изучают её особые повадки, места обитания и т. п. Обращаясь к таким охотникам (Кожевников, 19??а. Л. 10 [рук.]), наш герой увещевает их:

> Пусть охотник изучит каждый уголок окружающих его лесов и болот, пусть он путём личного наблюдения и изучения литературы научится различать типы болот и научится понимать, как характер болота отражается на его фауне и т. п. Надо затем подробно изучить образ жизни местной дичи, как зимующей, так и прилётной. Необходимо завести себе дневник и подробно записывать туда все данные.

Проф. Кожевников считал особенно важным и нужным естественнонаучное просвещение охотничьей братии как верное средство наставить её на истинный путь «правильной» охоты: он был уверен, что только знающий природу охотник может быть «правильным», тогда как безграмотный охотник обречён быть бездумным «истребителем». По его убеждению, «для охотничьего дела самый страшный вред — *невежество*, то самое невежество, которое является коренной причиной всех бед нашего отечества». (Кожевников, 1907п, с. 271). Поэтому в качестве уважаемого автора «Охотничьего вестника» Г.А. часто писал о том, как важно для охотника не только иметь верное представление об образе жизни и повадках объектов своей охотничьей страсти, но и хотя бы в общих чертах быть осведомлённым в азах систематики, фаунистики и зоогеографии, иметь представления об изменчивости и наследственности (Кожевников, 1907б). Этой просветительской интенцией пропитаны многие его публикации, обращённые к охотничьему сообществу; примером может служить текст «Вопросы общей биологии и охотничье дело», где Кожевников пишет, «что для понимания охотничьего дела в его самой глубокой сущности, а не с точки зрения мясной лавки, надо быть прежде всего *биологом*» (рис. 6.24) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 2 [рук.]). Текст датируется началом 1920-х гг.; мы не смогли выяснить, был ли он опубликован.). В этой связи Г.А. старается убедить читателей «Охотничьего вестника» в том, что «русские охотники должны подумать […] об учреждении многочисленных и больших заповедных участков […] как хранилищ и рассадников дичи» (Кожевников, 1907п, с. 272). А коли так, то «интересы охотника и натуралиста идут рука об руку», так что для собирания материалов, помогающих «выяснить, где, в каких размерах и как желательно устроить запо-

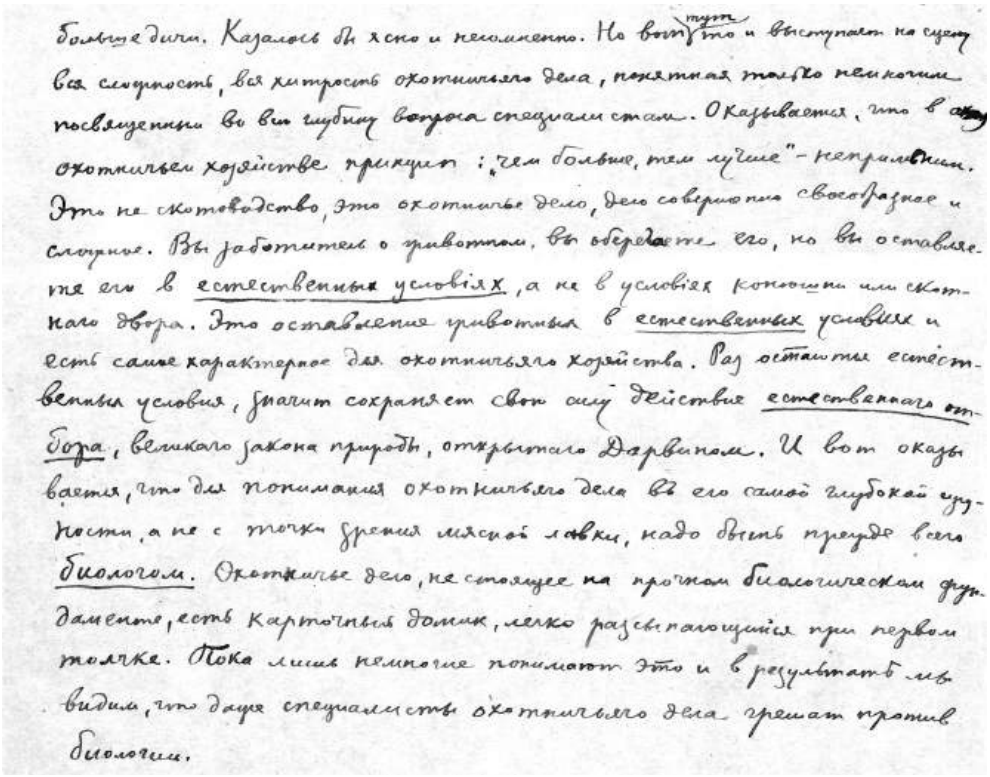

больше дичи. Казалось бы ясно и несомненно. Но вот тут-то и выступает на сцену вся сложность, вся хитрость охотничьего дела, понятная только немногим посвященным во всю глубину вопроса специалистам. Оказывается, что в нашем охотничьем хозяйстве приходит: „чем больше, тем лучше" – неправильно. Это не скотоводство, это охотничье дело, дело совершенно своеобразное и сложное. Вы заботитесь о животном, вы оберегаете его, но вы оставляете его в естественных условиях, а не в условиях конюшни или скотного двора. Это оставление животных в естественных условиях и есть самое характерное для охотничьего хозяйства. Раз остаются естественные условия, значит сохраняет свою силу действие естественного отбора, великого закона природы, открытого Дарвином. И вот оказывается, что для понимания охотничьего дела в его самой глубокой сущности, а не с точки зрения мясной лавки, надо быть прежде всего биологом. Охотничье дело, не стоящее на прочном биологическом фундаменте, есть карточный домик, легко разваливающийся при первом толчке. Пока лишь немногие понимают это и в результате мы видим, что даже специалисты охотничьего дела грешат против биологии.

Рис. 6.24. Фрагмент рукописного текста черновика статьи Г.А. Кожевникова «Вопросы общей биологии…» (начало 1920-х гг.) с идеей о необходимости биологической грамотности «правильных» охотников (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 2 [рук.])

ведные участки, […] охотники могли бы оказать большие услуги» (Кожевников, 1908л, с. 24).

Вдобавок к этому наш герой призывал «правильных» охотников, чтобы они содействовали развитию зоологической науки доступными им средствами — за счёт сохранения в музейных коллекциях трофеев, интересных с научной точки зрения. В связи с этим Г.А. выражает пожелание, «чтобы охотники приняли участие в научной работе собиранием научных коллекций и, изучая природу, установили тесную связь между зоологией и охотой» (Кожевников, 1907г). Он побуждает их «усвоить себе следующее: *всякое животное, достаточно хорошо сохранённое и снабжённое точным указанием времени и места нахождения, имеет значение в качестве научного материала*» (Кожевников, 1907ж, с. 240). Обращаясь к «правильным» охотникам, Григорий Александрович позволяет себе даже «пофантазировать и набросать программу такого идеального "охотничьего музея"» (Кожевников, 1907з, с. 284). Развивая эту важную для него тему в статье «Живая природа и научный материал», Кожевников говорит о значении коллектирования в природе и при этом обращает внимание на техническую сторону этого дела: «Далеко ещё не достаточно "иметь материал в руках", надо *уметь его взять*» (Кожевников, 1909о, с. 212). В том же журнале, кратко комментируя статью К.А. Сатунина, он указывает «яркий пример того, как грустно отсутствие у охотников интереса к коллектированию», из-за чего «самый интересный материал пропадает, если на него не обращено должным образом внимание», вслед за чем восклицает: «Товарищи-охотники! Собирайте коллекции и, собравши, не храните в неизвестности, а дайте возможность научно обработать их» (Кожевников, 1908м, с. 11). А для начала, как положительный пример для подражания, он публикует заметку о том, каким образом к нему в Зоомузей из Башкирии попала шкурка редкого зайца-меланиста, и поимённо указывает сопричастных сему факту персон — охотника П.Н. Смагина и доктора В.П. Стрельцова (Кожевников, 1909р, с. 134).

Но с другой стороны, Кожевников вовсе не желает, чтобы охота ради собственного удовольствия выдавалась недобросовестными людьми за «коллектирование», и посвящает этому вопросу отдельную статью «Коллектирование и охотничий закон». В ней он подчёркивает, что «смешивать понятие “охота” с понятием “коллектирование” невозможно» и потому для того, чтобы под видом «коллектирования» охотники не могли получать беспрепятственно разрешение на отстрел редкой дичи, научное коллектирование «должно быть обставлено самыми строгими условиями и должно находиться всецело в ведении учёных обществ и учреждений» (Кожевников, 1908н, с. 242).

Попутно отметим, что Г.А. Кожевников интересовался состоянием охотничьего собаководства в России — но не только как собственно охотник, но и как зоолог и к тому же музейщик. Его интерес был направлен главным образом на изучение породных различий собак теми методами, которыми обыкновенно пользуются учёные-систематики. В связи с этим он обращался со страниц «Охотничьего вестника» к охотникам с тем, чтобы они по мере возможности способствовали пополнению музейных коллекций анатомическими материалами (черепа, а лучше полные скелеты) по представителям русских пород охотничьих собак (Кожевников, 1907ж, 1911п). В связи с этим, наверное, не без активного содействия нашего героя, при ОАЖР в 1914 г. было учреждено Отделение охотничьего собаководства (Кожевников, 1914и).

6.4. Но гражданином быть обязан…

Неоднократно отмеченное выше отрицательное отношение Г.А. Кожевникова к насаждению политического («партийного», государственного) влияния на науку и просвещение, особенно силовыми средствами, отнюдь не означало его самоотстранения от общественной жизни и от публичного отстаивания своих взглядов на состояние и желательные пути развития российского общества. Это направление интеллектуальной деятельности Г.А. было мотивировано внутренней потребностью выявить тот или иной значимый вопрос, имеющий отношение к личности, обществу и государству, осмыслить его по-своему, а затем обнародовать свои мысли в надежде на желаемое «поправление» нынешнего состояния.

Из-за этого, например, Кожевников, отчасти по долгу службы, но и по велению сердца, готов был участвовать в такой (наверное, достаточно обременительной и не самой увлекательной) форме общественной жизни как институт присяжных заседателей, учреждённый в России либеральной реформой 1864 г. В связи с этим в августе 1902 г. он обратился в Комиссию по составлению списков присяжных заседателей с письменным заявлением, в котором уверял, что считает «выполнение обязанностей присяжного […] весьма почётным и важным для каждого гражданина», и сетовал на то, что, «состоя уже 13 лет на государственной службе и постоянно проживая в г. Москве, […] ни разу не попал в списки присяжных заседателей» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 94).

Повышенное внимание Кожевникова к важным для него вопросам общественной жизни органично сочеталось в нём с желанием открыто высказывать своё мнение по тому или иному вопросу. В связи с этим весьма примечателен комментарий Г.А. в дневнике в январе 1887 г. по поводу закрытия московской типографии «Карцева за напечатание статьи Некрасовой “О женских курсах”». Г.А. восклицает: «Гонение на “курсы” вещь глубоко возмутительная, а возмущаться гласно не смей. Бедная наша интеллигенция! Как мало людей смелых и некриводушных — и тем зажимают рты» (рис. 6.25) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 35). Сам же он довольно часто выступал на страницах газет и журналов, а также в разных аудиториях со своим мнением по поводу самых разных проблем, волновавших в то время общество, а значит и его самого, — «женского вопроса», некоторых негативных проявлений образа жизни соотечественников, охраны природы и просвещения, по многим более

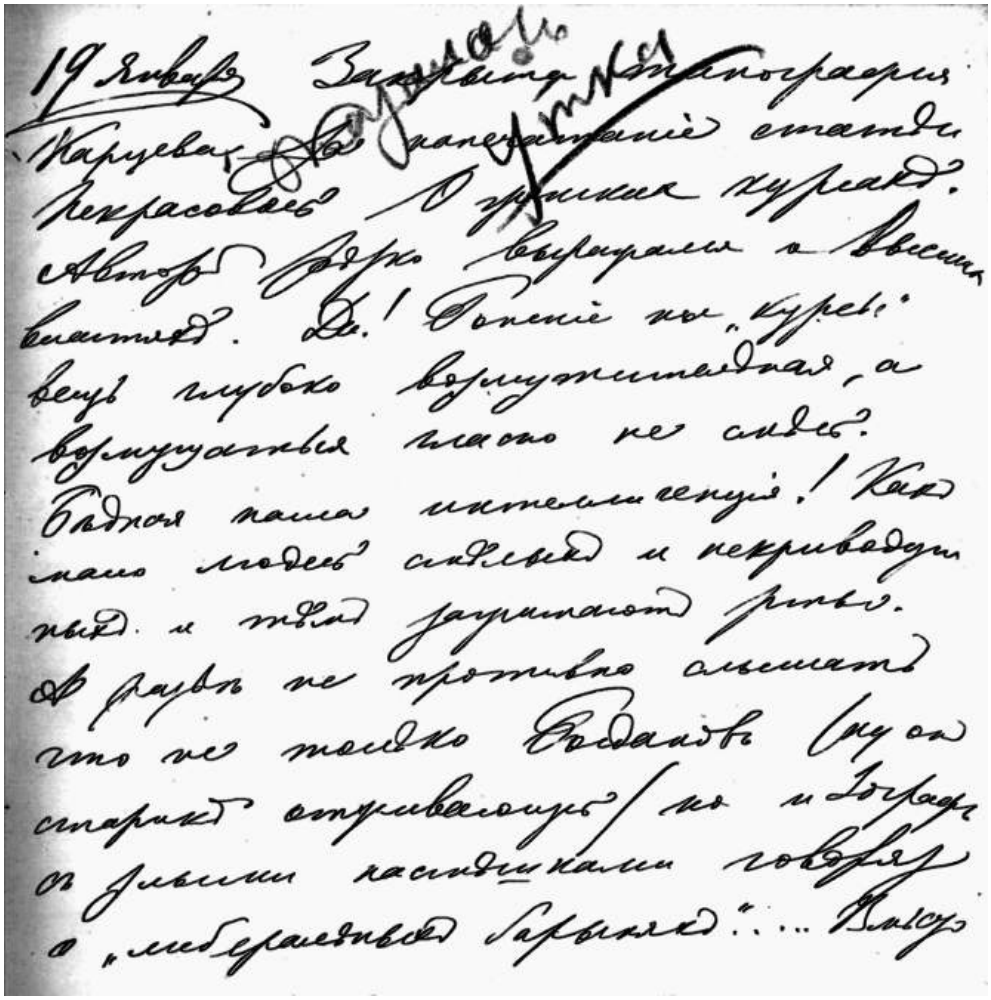

Рис. 6.25. Страница из дневника Г. Кожевникова (январь 1887 г.) с выражением возмущения по поводу закрытия типографии Карцева (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 35)

частным вопросам. Г.А. писал достаточно хорошим литературным языком и к тому же был ярким оратором, способным увлечь читателей и слушателей «горячим словом». Во всех своих письменных и устных выступлениях он умел чётко и убедительно излагать свои мысли, что делало его научно-общественную публицистику достаточно заметным явлением в культурной жизни того времени.

Значительную часть такого рода публицистической (в широком смысле) деятельности Кожевникова составляла популяризация естественнонаучного знания. Как мы уже отмечали ранее, он был всерьёз озабочен приобщением широкой публики к науке и её результатам, полагая это важным средством построения просвещённого, культурного общества, лишённого религиозных и иных предрассудков (см. раздел 3.6). Г.А. призывал «добиваться, чтобы научные интересы глубже захватили большой круг лиц, вошли в *обиход их повседневного мышления*», и при этом считал, «что никакие книги и брошюры не могут так содействовать внедрению в массы данных науки, как журналы и газеты» (Кожевников, 1917а. Л. 17). По его мнению (там же. Л. 18),

> истинная популяриз[ация] естес[твенно]-науч[ных] знаний должна идти именно через общую, а не специальную прессу, т. к. не интересу[ющийся] есте[ствознанием] никогда не возьмёт в руки специального журнала, а читая газету или общий журнал, он попутно заглянет в естественные статьи и они может заинтересуют его своим содержанием.

Поэтому среди публикаций Кожевникова очень много выступлений на страницах газет

(см. библиографический список в Приложении), где он рассказывал не только о новейших идеях в некоторых разделах естествознания (например, в зоопсихологии) и о новых интересных находках, но также и о повседневной жизни научного сообщества, такой как заседания учёных обществ, научные конференции и т. п. Сотрудничая с популярными журналами, Г.А. особое внимание уделял естественнонаучному просвещению охотников, чтобы сделать их «правильными» и превратить из «истребителей» природы в её защитников, специальному просвещению пчеловодов, справедливо полагая, что без знания пчеловодной науки не может быть правильной пчеловодной практики (см. разделы 6.3, 4.6).

По правде сказать, искреннее увлечение Григория Александровича научной публицистикой в зрелом возрасте может показаться несколько странным. Действительно, завершая поиски своего профессионального пути в жизни, он провозгласил для себя жизненный девиз «Наука для науки!» (см. раздел 6.1). При этом подразумевалось, что он сам — ревностный служитель науки, а коли так, то этот девиз может (или даже должен) читаться следующим образом: «Я — для науки!». Но из внимания Г.А. к публицистике и научному просвещению выходило, что один из лейтмотивов всей его деятельности должен был выражаться девизом «Я — для общества!». И наш герой старался как-то сопрягать эти два разнонаправленных вектора своих интересов — «для науки» и «для общества», чтобы они не только не диссонировали друг с другом, но и совместно направляли его активность в некоем консонансе: «Наука (а с ней и я сам) — и для науки, и для общества!»

***

Первые опыты выражения своего мнения о чём-то общественно значимом, но в основном «для себя», относятся к юношеским годам Кожевникова, когда он начинает с увлечением читать «толстые» литературно-публицистические журналы («Русская мысль», «Вестник Европы», «Северный вестник»). Его внимание привлекают статьи разной направленности — бичующие социальные недостатки общества, разбирающие разные философические вопросы, иногда излагающие оригинальные естественнонаучные идеи. О некоторых статьях, привлекших его наибольший интерес, Григорий оставляет в дневнике довольно пространные рецензии, а местами отмечает те мысли их авторов, которые заставляют его глубоко переживать.

Из прочитанного в те годы наибольшее впечатление на нашего героя произвела, пожалуй, критическая статья В.Г. Белинского о Пушкине; придя от неё в полный восторг, он записывает в ноябре 1883 г.: «Эта статья едва ли не превосходит всё, что я до сих пор читал из его сочинений». Кожевникову представляется особенно важным, что Белинский, «выбирая предметом статьи какое-нибудь сочинение, касается […] общих законов эстетики и нравственного мира человека». Юного искателя истоков духовности в обществе особенно затрагивает то, что «Белинский признаёт вполне существование *особенного* духовного начала, признаёт также и существование Промысла, управляющего всем в жизни человеческой» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 24.). Рассуждая дальше о том, что невозможно основывать «нашу этику», отрицая «существование духа» (см. выше), он неожиданно замечает: «Надо бы почитать Гегеля» (рис. 6.26) (там же. Л. 24об.). Но после некоторых размышлений о прочитанном, уводящих полёт его мысли в сторону от идей германского философа, Григорий глубокомысленно заключает: «Совершенно верно говорит Белинский, что труднее всего быть *человеком*, т. е. сохранить и развить в себе все *высокие* стороны человеческого духа, откинуть всякую пошлость. Трудно быть человеком!» (там же. Л. 32.).

Разбор «Новой теории гр. А.К. Толстого» публицистом Л.З. Слонимским в «Вестнике Европы» важен для Кожевникова тем, что указывает на «настоятельную необходимость включения вопросов морали в круг предметом общего образования […] Он лишний раз напоминает нам, что без твёрдых правил, правил

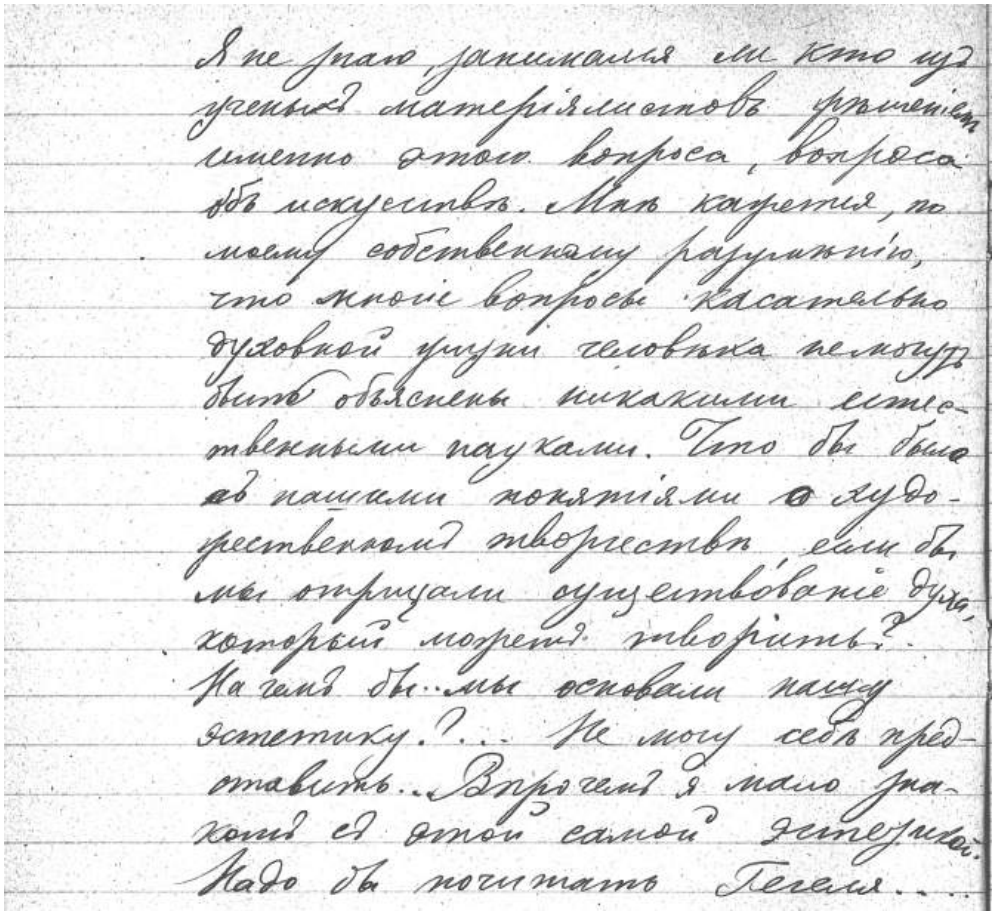

Рис. 6.26. Страница из дневника Г. Кожевникова (ноябрь 1883 г.) с размышлениями о происхождении этики (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 24об)

и идеалов, не могут жить разумно ни отдельные люди, ни целое общество» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 11).

Статья М. Песковского «Образование женщин» в журнале «Русская мысль» за 1886 г. понравилась Г.А. тем, что её автор выступает «в защиту женского образования», в котором «мы порядком поотстали от Запада» (там же. Л. 7). Вполне возможно, что именно размышления над этой статьёй сделают его сторонником эмансипации русских женщин, по этому поводу он сам позже станет выступать на страницах отечественных газет (см. далее).

Ознакомившись в рубрике «Дневник читателя» одного из выпусков «Северного вестника» с кратким обзором рассказов гр. Л.Н. Толстого, публикуемых в издательстве «Посредник», Кожевников отзывается о них с явным раздражением. По мнению Г.А., они «полные чертовщины, небылиц и неестественности. Зачем Л.Н. подносит народу такую пищу, которая укореняет суеверия и предрассудки?» И вообще, откровенно говоря, — «надоел он, этот граф!» (там же. Л. 18).

В другом выпуске того же «Северного вестника» пристальное внимание Григория привлекает статья «Буддийский нравственный тип» философа позитивистского толка В.В. Лесевича; возможно, это произошло не без влияния старшего брата Владимира, который в своих религиозно-философских исканиях весьма плотно интересовался буддизмом (см. раздел 1.1). Наш герой посвящает этой статье целых пять страниц своего дневника, чтобы записать некоторые тезисы буддийской этической системы, показавшиеся ему наиболее значимыми: непротивление злу, отрешение от мира, важность самосозерцания для достижения мудрости, восхождение по четырём степеням Дхьяни (у Г.А. — «Дьяны») как способ достижения

высшего блаженства. Завершается этот краткий конспект повторением заключения Лесевича, которое по сути похоже скорее на медицинское, чем на философское, о том, «что значение психопатологического элемента в буддизме идёт гораздо глубже, чем обыкновенно считают. […] “Всё для Нирваны, Нирвана для меня” — вот тезис, в котором резюмируется вся суть буддийского учения, и нельзя не признать, что тезис этот в тысячах видоизменений и вариаций не перестаёт повторяться и душевно больными» (там же. Л. 16об). Из всего этого изложения остаётся неясным, какое впечатление произвело на Г.А. учение буддизма, хотя бы и в его поверхностном изложении Лесевича; впрочем, скорее всего что и никакого, коли наш пытливый герой не оставил ни одного собственного комментария на дневниковых страницах.

Примечательно, каким образом естественнонаучный умственный настрой Кожевникова преломляет его восприятие художественного слова. Так, натолкнувшись при чтении повести «Слепой музыкант» В.Г. Короленко (журнал «Русская мысль», 1886 г.) на выражение «эти лучи-звуки», он сомневается в том, что её автор знает, о чём пишет: ведь «с точки зрения физики звук и свет — различные формы колебательных движений. […] Надо справиться с научными книжками» (там же. Л. 6).

Вообще говоря, для Г.А. с юности была характерна явная склонность фиксировать свои впечатления о прочитанном в письменной форме: это касалось не только его публицистических заметок, но также и беллетристики и специальной биологической литературы. Так, в дневнике за 1886 г., прочитавши роман «Тартарен из Тараскона» французского писателя А. Доде (Alphonse Daudet), он пишет: «Мне этот пустячок необыкновенно понравился. Очень много юмора, лёгкости, весёлости. Лучшего послеобеденного чтения трудно представить. Главное — кратко и выразительно» (там же. Л. 27, 27об). А сразу же вслед за этим пишет небольшой научный комментарий на только что вышедший учебник «Жизнедеятельность низших организмов» М.А. Шульгина. Здесь, напротив, мнение Г.А. о прочитанном весьма отрицательное, хотя и вряд ли справедливое, если принять во внимание, что речь идёт о школьном учебнике: «Написано довольно бездарно. Ничего нового. Всё те же бактерии. Но зачем же автор вместо клеточки считает удобным вводить слово “ячейка”? Бесспорно это доказывает большую его глупость» [там же. Л. 27об].

Эти юношеские упражнения со временем окажутся весьма полезными: закончив университетское обучение, Г.А. Кожевникова стал с охотой (но отчасти и для зарабатывания денег) помещать в газетах многочисленные статьи по некоторым общественно значимым темам, затрагивая в них важные морально-этические вопросы — долг перед родиной, задачи просвещения и науки, охрану природы, улучшение «человеческой породы», место женщин в современном обществе и др. Да и его публичные лекции, в целом посвящённые естественнонаучной тематике, местам насыщены публицистическими интонациями, причём некоторые их фрагменты, впрямую затрагивающие указанные вопросы, столь эмоциональны, что отчасти напоминают проповеди, о чём мы уже упоминали ранее. Он нередко вступал в острые словесные баталии со своими оппонентами на страницах газет и журналов, являя себя умелым полемистом. Такой его боевой настрой ярко проявился, например, в дискуссиях об охоте, рассматриваемой в контексте природоохранной проблематики (см. раздел 5.3).

Публицистические выступления героя нашей книги были особенно заметны в конце 1900-х и на протяжении 1910-х гг., когда появилось больше всего публикаций Кожевникова на общественно значимые темы, как печатных (статьи), так и «устных» (доклады и лекции) (см. библиографический список в Приложении). Позже его активность такого рода оказалась по большей части придавленной прессом нового идеологического тоталитаризма, который всячески поощрял лишь выступления типа «взвейся да развейся» (как их аттестовал поэт Иван Бездомный, персонаж

«Мастера и Маргариты» М.А. Булгакова). Отвращение к такой специфической тематике у Кожевникова, воспитанного в совершенно иной культурной традиции и привыкшего высказываться достаточно свободно, было столь горячим, что он в первые послереволюционные годы даже отказывался покупать и читать большевистские газеты, а других тогда уже и не было: этот его настрой Булгаков припишет проф. Преображенскому, герою повести «Собачье сердце» (Кузин, 1999).

***

Болея всей душой за надлежащее развитие в России образования и науки, пчеловодного дела и охраны природы и обсуждая связанные с этим практические задачи в своих публицистических выступлениях, Г.А. Кожевников поневоле касался некоторых экономических вопросов. Так, он обратил на них особое внимание при обсуждении «одного из университетских вопросов» (Кожевников, 1905б; см. раздел 2.6). Рассматривая некоторые моменты развития пчеловодства в России до революции 1917 г., он рекомендовал шире использовать сугубо коммерческие отношения, а не апеллировать к помощи государства, тем демонстрируя свою позицию несомненного «рыночника»; примером служит его анализ состояния медового рынка в Москве (Кожевников, 1915и,к). А позже, влекомый служебным долгом, к надлежащему исполнению коего его призывали моральные обязательства, Г.А. достаточно глубоко вникал в поиски источников финансирования природоохранного движения, обсуждая их в 1920-е гг. на различных заседаниях (см. раздел 5.3).

***

Достичь желаемого согласия разных своих идей и устремлений Г.А. удавалось далеко не всегда: некоторые его высказывания, относящиеся к тому или иному вопросу, оказывались чуть ли не взаимоисключающими, когда этот вопрос рассматривался в разных аспектах — сугубо научном, социальном, личностном. Это выходило у него как-то само собой — просто из-за того, что такие аспекты по расставляемым им акцентам почти не перекрывались, так что Кожевников, увлечённый в данный момент каким-то одним аспектом, на время как бы забывал о другом, обращаясь к нему и увлекаясь им в другой момент. По большей части такие «нестыковки» оставались, наверное, незамеченными, поскольку соответствующие идеи профессор излагал в разное время в разных публикациях, во всех случаях с равной убеждённостью и убедительностью. Но когда собираешь его мнения, относящиеся к одному и тому же предмету, в единую кучку и пытаешься их соотнести между собой, тут-то диссонансы становятся вполне очевидными.

Ярким примером такого диссонирования служат высказывания Г.А. Кожевникова по поводу так называемого «женского вопроса» — точнее, комплекса взаимосвязанных вопросов о необходимости равноправного с мужчиной положения женщины в современном обществе, о её участии в разного рода трудовой деятельности (в том числе интеллектуальной) и т. п. Эта гендерная тематика оживлённо и даже горячо обсуждалась в то время, и наш герой был активным участником дискуссий, опубликовав несколько специальных статей по этому поводу в газетах либерального направления («Утро России», «Новая Русь») и затронув их попутно в некоторых своих публичных лекциях.

В газетных статьях он выступает несомненным сторонником женской эмансипации, высказываясь в пользу права женщин участвовать в жизни общества (пусть и с некоторыми оговорками) наравне с мужчинами. Г.А. относит их социальное неравенство «к числу величайших несправедливостей, которые терпит женщина в современном “мужском государстве”», и полагает, что «вряд ли где так резко выступает пренебрежение человеческими правами женщины, как в этом вопросе». В частности, ссылаясь на уже получившую широкое общественное признание профессионализацию женщин как врачей, Кожевников утверждает, что теперь «принципиально важно признать за женщиной *право* участвовать в суде присяжных заседателей» (Кожевников, 1909с,т; 1912ж). Следует отметить, что в этой позиции

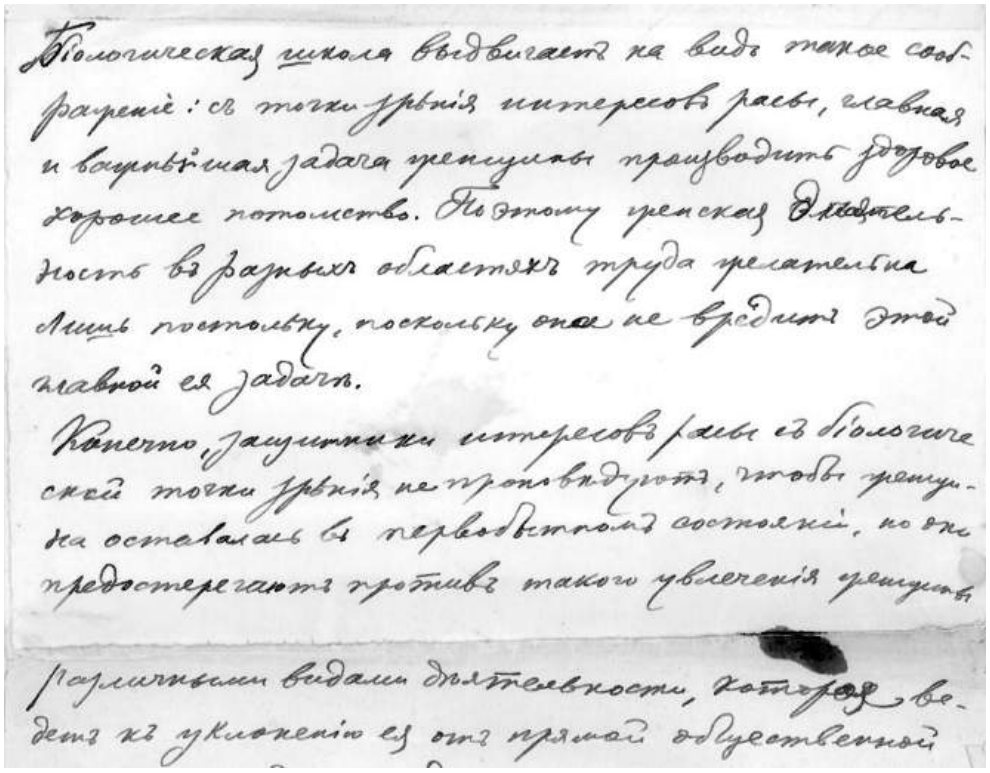

Биологическая школа выдвигает на вид такое соображение: с точки зрения интересов расы, главная и важнейшая задача женщины производить здоровое хорошее потомство. Поэтому женская деятельность в разных областях труда желательна лишь постольку, поскольку она не вредит этой главной ее задачи.
Конечно, защитники интересов расы с биологической точки зрения не проповедуют, чтобы женщина оставалась в первобытном состоянии, но они предостерегают против такого увлечения женщин различными видами

Рис. 6.27. Фрагмент рукописного текста доклада Г.А. Кожевникова о естествознании (1900-е гг.) с изложением представлений «биологической школы» о предназначении женщины (Кожевников, 190?а, Л. 45 [рук.])

с Григорием Александровичем была вполне солидарна его супруга Мария Александровна, опубликовавшая по этому поводу отдельную брошюру (Кожевникова, 1902).

Но вместе с тем, рассуждая о средствах улучшения «человеческой породы» с биологических (евгенических) позиций в лекции о естествознании (см. раздел 3.6) и на этой основе утверждая некий «культ потомства», Кожевников заявляет нечто совсем иное (рис. 6.27) (Кожевников, 190?а. Л. 45 [рук.]):

> Биологическая школа выдвигает на вид такое соображение: с точки зрения интересов расы, главная и важнейшая задача женщины производить здоровое хорошее потомство. Поэтому женская деятельность в разных областях труда желательна лишь постольку, поскольку она не вредит этой главной её задаче. Конечно, защитники интересов расы с биологической точки зрения не проповедуют, чтобы женщина оставалась в первобытном состоянии, но они предостерегают против такого увлечения женщин различными видами деятельности, которое ведёт к уклонению её от прямой общественной обязанности деторождения.

Ну и где же, позвольте вас спросить, в этом размышлении забота о социальном равноправии женщин? Её здесь вовсе не заметно; напротив, в процитированном пассаже совершенно отчётливы те самые архаичные «домостроевские» устремления, согласно которым, как весьма удачно выражает их немецкая поговорка, удел всякой добропорядочной женщины — «Kinder, Küche, Kirche» (дети, кухня, церковь). Таким образом, размышления Кожевникова о прекрасном бубдущем человека как биологического вида, которому грозит вырождение, вступают в явное противоречие с его защитой социального гендерного равенства.

Радение об общественном благе побуждает героя нашей книги раз за разом обращаться к ещё одной острой социальной проблеме — к неблагополучию людей, которые относятся к «низшим» слоям общества и в силу этой, а может и иных причин неизбывно склонные

к разного рода порокам. Здесь общественные устремления оказываются разнонаправленными, причём противоположные позиции одинаково обосновываются ссылками на Евангелие. Одни члены российского интеллектуального сообщества апеллируют к христианскому человеколюбию, выраженному формулой «Возлюби ближнего как самого себя» (Мф. *22*: 39), и поэтому призывают к заботе о всех страждущих «малых сих». Иные же, имея в виду Христову притчу о сеятеле — точнее, о том, как некое семя «упало в терние, и выросло терние, и заглушило его» (Мф. *13*: 3), больше ориентируются на связанную с этой притчей пословицу «Дурную траву с поля вон».

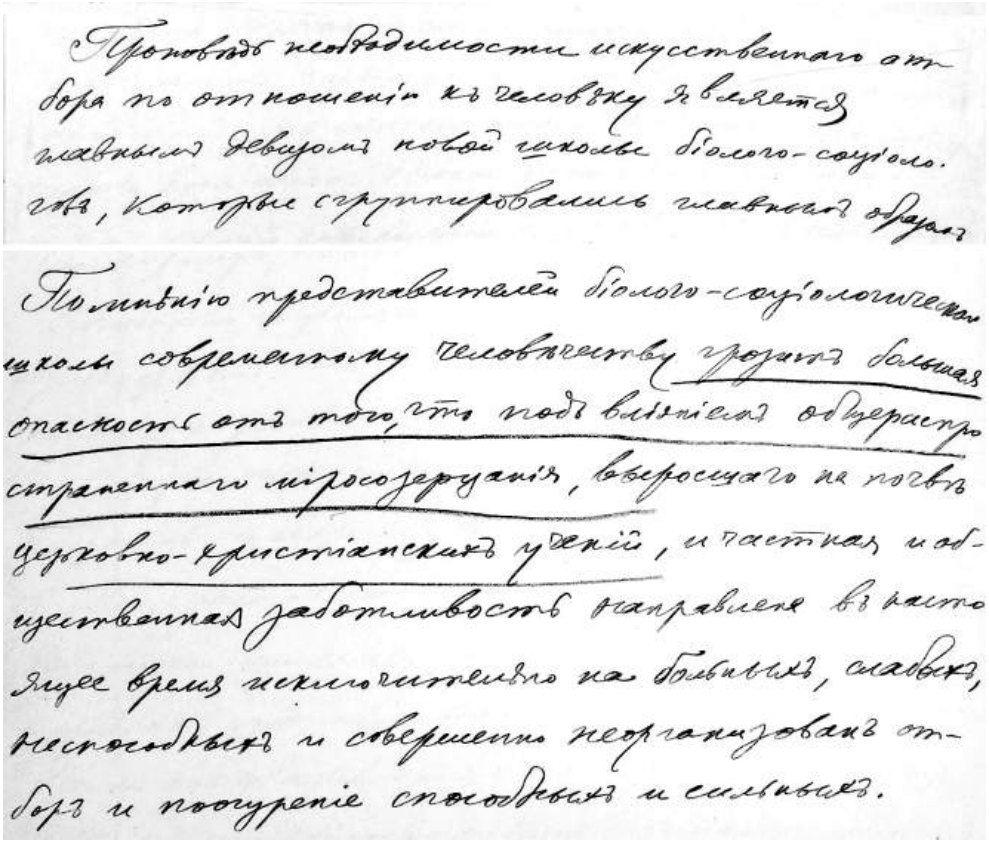
Горячая приверженность евгеническим идеям, наложенная на скептическое отношение к религии, делает Г.А. Кожевникова несомненным приверженцем второй позиции. Развивая лежащую в её основании идею, он доводит её до откровенного небрежения нормами христианского человеколюбия и протестует против «*общераспространённого миросозерцания*, выросшего на почве *церковно-христианских учений*», из-за которых «общественная заботливость направлена в настоящее время исключительно на больных, слабых», тогда как её следует направлять на «поощрение способных и сильных» (рис. 6.28) (там же. Л. 70 [рук.]). Григорий Александрович с лёгкостью применяет метафору «дурной травы» к падшим, в публичных лекциях и газетных статьях отнюдь не призывая к ним милость, а объявляя их «балластом человечества» и выражая надежду на то, что ждущая их участь — «непосредственное удаление с арены жизненной деятельности» посредством искусственного отбора (см. раздел 3.6) (Кожевников, 1908в. Л. 23, 72 [рук.]).

На этом основании Кожевников осуждает подавание милостыни — той самой «копеечки», которая спасает нищего от голода. Говоря от имени «людей с достатком», он полагает, что «мы […] своим поведением глубоко вредим окружающим, унижаем и портим их», ибо поощряем в них «развращающее попрошайничество» и тем самым унижаем «чувство человеческого достоинства», причём не только просящих, но и подающих милостыню (Кожевников, 1913с). При этом Г.А. забывает, что само слово «милостыня» происходит от слова «милость», милость как сособое состояние души.

Весьма безапелляционно Кожевников судит в таком ключе о самоубийцах: своим самовольным уходом из жизни «они оказали обществу услугу, устранив из него людей с дурной наследственностью, […] вообще людей “малоценных” с общественной точки зрения» (Кожевников, 1911р). Как достаточно чётко сформулировал его мысль один из рецензентов в газете «Утро России», Г.А. «считает самоубийства проявлением борьбы за существование: к нему прибегают люди […], ненужные жизни» (Анон., 1913).

Особое внимание Кожевникова почему-то занимают алкоголики: он полагает, что их нужно не лечить, а просто «дать им испортиться до конца и погибнуть», не оставив после себя потомства с дурной наследственностью (Кожевников, 1908в. Л. 75 [рук.]); этому своему «пунктику» Г.А. посвящает целую серию газетных публикаций (Кожевников, 1911п, 1913з,р, 1914к, 1915з). Уместно отметить в этой связи, что одним из сильных впечатлений нашего героя от краткосрочной поездки в Сев. Америку стало то, что «пьяных не увидишь иной раз в течение нескольких дней, проходивши по улицам такого громадного города как Нью-Йорк» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 5 [рук.]).

Но вот ведь какая странная штука… Нередко идеи, логично выстраиваемые почтенным профессором «вообще» в ходе теоретических рассуждений, оказываются совершенно несовместимыми с его же личными переживаниями по поводу тех или иных трагических событий. Действительно, резкий протест Кожевникова против начавшейся в 1914 г. военной бойни, вызванный его безусловной преданностью своему отечеству и потому более чем понятный, вступает в известное противоречие с его позицией как учёного, исповедующего идеи социал-дарвинизма. Ведь всего за несколько лет до этого наш герой уверял, что «война […] есть выражение обязат[ельного] биологическо-

Проповедь необходимости искусственного отбора по отношению к человеку является главным девизом новой школы биолого-социологов, которые сгруппировались главным образом

Помимо представителей биолого-социологической школы современному человечеству грозит большая опасность от того, что под влиянием обуреваемого мгновенного настроения, вызванного на почве церковно-христианских чувств, и частная и общественная заботливость направлена в настоящее время исключительно на больных, слабых, неспособных и совершенно неорганизованный отбор и поощрение способных и сильных.

Рис. 6.28. Фрагменты рукописного текста доклада Г.А. Кожевникова «Будущее человека» (1908 г.) с указанием необходимости поощрения «способных и сильных» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 70 [рук.])

го закона борьбы. Именно вследствие такого биологического значения войны она неизбежна в течение ближайших столетий» (Кожевников, 1914а. Л. 59). Так пристало ли ему, преданному естествоиспытателю, протестовать против этого природного «обязательного закона»? Ан нет, видать, пристало: личные переживания по поводу обрушившейся на страну трагедии берут несомненный верх над холодными отвлечёнными размышлениями. Как тут не вспомнить, что нечто подобное Г.А. испытал, горько оплакивая безвременную кончину дорогих ему людей — крохотной дочурки Олечки и младшего брата Саши: в тот раз наш теоретик-«рассуждатель» возроптал против отстаиваемой им же необходимости действия отбора в человеческом обществе (см. раздел 6.3).

Примечательно, как Г.А. Кожевников подходит с разными мерами к разным закреплённым традициями обычаям: одни из них ему кажутся достойными поощрения, а другие — поругания. Так, с одной стороны, рассматривая рождественские празднества, с установкой пахнущих свежей хвоей ёлок, внесённых в дом с уличного морозца, и украшивание их всеё семьёй яркими блестящими игрушками, многие из которых самим же и приходилось делать, он считает необходимым «самым энергичным образом выступить в защиту прекрасного старинного обычая, полного глубокой поэзии и красоты» (Кожевников, 1913т). Надо думать, что эта позиция Г.А. была связана с его счастливыми детскими впечатлениями от домашних торжеств, сопровождаемых музыкой и танцами, всякими невинными дурачествами и весёлым смехом, подарками и прочими искренними выражениями взаимных симпатий. (Так и хочется спорсить: как бы Г.А. отнёсся к современной замене «живых» ёлок синтетическими исходя из природоохранных соображений.) С другой стороны, полагая по своему холодному разумению милостыню просто «раздачей копеечек» и

поощрением нищенства, Кожевников заявляет: нужно «позабыть патриархальные привычки и перестать своими копеечками питать вредную профессию» побирушки (Кожевников, 1914л).

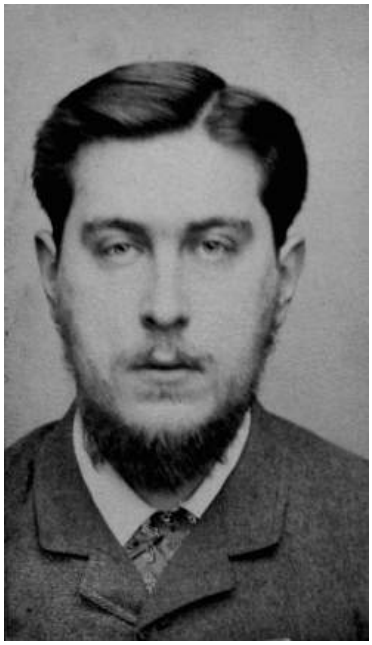
Как мы заметили выше, в своих публицистических устремлениях Г.А. Кожевников не гнушался высказываться и по вполне частным происшествиям, если они казались ему по той или иной причине несправедливыми и вместе с тем могли иметь общественное звучание. Обычно поводом для этого становились случавшиеся с ним мелкие неприятности или просто недоразумения, которые возбуждали в Г.А. потребность выплеснуть своё негодование на страницах газет в форме «писем в редакцию».

Так, Кожевников возмущается тем, что некий почтовый чиновник отказался принимать у него бандероль с рукописью без досмотра её содержимого (Кожевников, 1911с). В другой раз Г.А. протестует против «отмены льгот по бесплатной пересылке [научными] учреждениями почтовых посылок» с научными изданиями, почитая это за «новое стеснение научной деятельности в России» (Кожевников, 1906з). Он публично протестует против того, что весной 1907 г. севастопольский генерал-губернатор сделал невозможной экскурсию московских студентов на Севастопольскую биостанцию из опасения воображаемых уличных беспорядков (Кожевников, 1907р). В одной из заметок Г.А. посчитал своим долгом заявить о недопустимости вмешательства публики в закулисные театральные дрязги, имея в виду какие-то сплетни вокруг Ф. Шаляпина (Кожевников, 1910ж); в другой решил высказаться о выборе места для памятника «сидящему» Гоголю в Москве (Кожевников, 1906и). Вполне меркантильные мотивы, укоренённые в его бережливости и расчётливости, побудили Кожевникова забыть, что он «рыночник» (см. выше), и в нескольких заметках обратиться к транспортной тематике: Г.А. жалуется «на ненормальность “свободного найма”» извозчиков, полагая, что их «“вольные цены” носят характер вымогательства» (Кожевников, 1915л), и возмущается тем, что в пригородных поездах из-за погони за прибылью «железнодорожное начальство совершенно не стесняется обращаться с пассажирами как с мёртвым грузом, заставляя их наполнять вагоны в [непомерном] количестве» (Кожевников, 1902л). По этой же «экономической» причине он протестует против возложения дорогих пышных венков и цветовых наборов на могилы новопреставленных (Кожевников, 1903и, 1904и).

Б.С. Кузин вспоминает о том, какое возмущение вызвал у Кожевникова незначительный недовес французских булок, купленных им в ближайшей булочной, о чём профессор незамедлительно написал в газете «Раннее утро», а затем отдельно в небольшой брошюрке. И хотя это выступление Г.А. стало поводом для очередных насмешек над ним, на этот раз довольно злых, он остался полностью уверенным в своей правоте (Кузин, 1999, с. 54). Надо полагать, что эту уверенность беспокойный душою Г.А. черпал в своей убеждённости в долге всякого гражданина перед обществом обличать даже и такие, казалось бы, мелкие недостатки. Да и то ведь, если по правде сказать, жизнь человечья состоит по большей части именно из таких мелочей и проходить мимо них — значит, «проходить мимо жизни».

6.5. Штрихи к портрету

Г.А. Кожевников в юности был человеком весьма приятной наружности — росту среднего, довольно стройным, и если не красавцем, то уж во всяком случае довольно привлекательным: об этом можно судить по фотографиям, конца 1880-х и начала 1890-х гг. (рис. 6.29; также в разделах 6.2, 2.1). С возрастом он стал довольно грузным и массивным, с рано отросшим более чем заметным брюшком. Поэт Андрей Белый (псевдоним А. Бугаева), в бытность свою студентом Естественного отделения в начале 1900-х гг., вспоминает о проф. Кожевникове, как он ходил по музею «на слоновьих, но мягких ногах, увлекаемых пухлым туловищем, точно шаром, воздушным, надутым» (Белый, 1989, с. 394). Сходное впечатление наш герой произведёт несколько позже на биолога М.М. Завадовского: «Почти безобразно

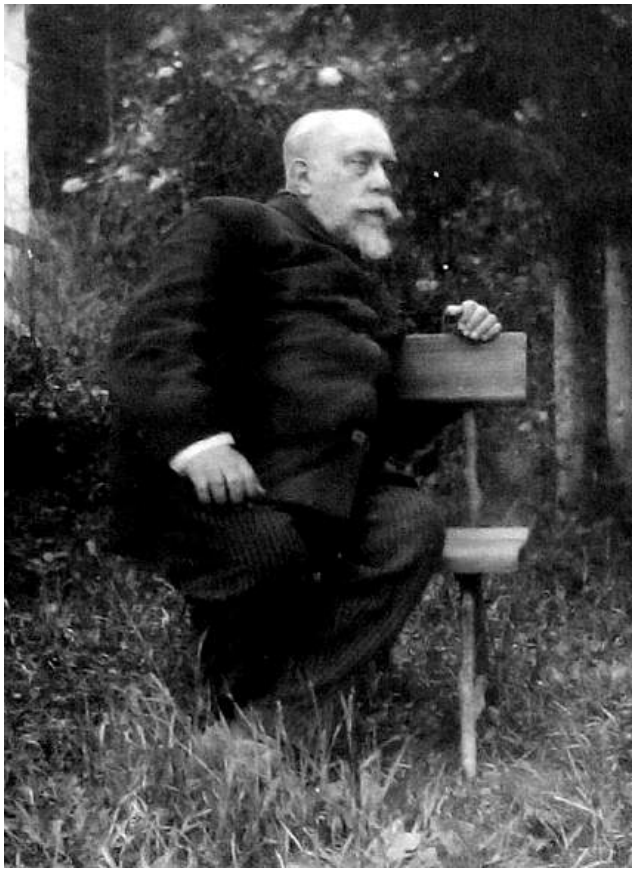
а

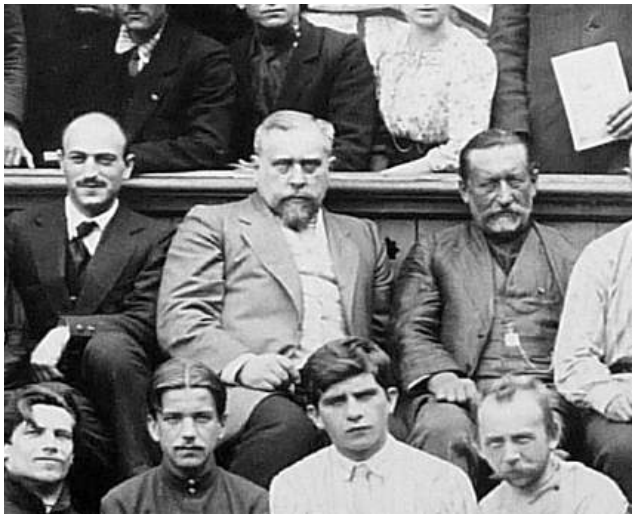
б

в

г

д

е

Рис. 6.29. Фотогалерея Г.А. Кожевникова: а – Москва, 1890-е гг; б – Москва, 1894 г.; в – р. Ока, 1910 г.; г – Измайлово, 1929 г.; д – фрагмент групповой фотографии в Измайлово, 1910-е гг.; е – Берлин, 1925 г. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 368, 374, 375, 380, 394)

ж

з

и

Рис. 6.29. Фотогаллерея Г.А. Кожевникова: ж – с. Архангельское, 1906 г.; з – Москва, 1904 г.; и – Москва, 1913 г. (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 371, 380, 391)

толстый, но подвижный, с мясистым лицом» (цит. по: Борейко, 1996, с. 100). По этой своей характерной грузной комплекции Г.А. заметно выделяется и легко опознаётся на групповых фотографиях, особенно если рядом с ним расположены его коллеги, внешне схожие с ним, но более тщедушного склада, такие как Беккер и Кулагин (напр., рис. 2.32 в разделе 2.7)[9].

Когда Григорий Александрович, будучи в гостях у Л.И. Кашиной в её усадьбе в Константинове где-то в середине 1910-х гг., вызвался участвовать в верховой прогулке, его дама сердца несколько оторопела: «Весу-то в нём около восьми пудов, и очень я боюсь за спину чудесной моей лошадки» (Анон., 2020). Если эта глазомерная оценка габаритов Кожевникова верна, то послереволюционное скудное бытие, видимо, заставило нашего героя несколько сбросить свой вес: его супруга в марте 1923 г. в письме к А.А. Тихомирову сообщает шутливо: «Мой Гришенька […] нагуливает 7-й пуд» (СПбФ АРАН. Ф. 261. Оп. 2. Д. 17. Л. 1об.).

У Г.А. была большая, под стать туловищу, голова с правильными, довольно крупными чертами лица; обращали на себя внимание несколько странные глаза — на выкате, «какие-то белесоватые», так что при редких встречах с ним А. Бугаеву казалось, что тот шествует, «до ужаса выкативши своё водянистое светлое око» (Кузин, 1999, с. 53; Белый, 1989, с. 394). Голову увенчивали густые тёмно-русые волосы, всегда аккуратно и коротко стриженные, гладко зачёсанные назад; профессор дольно рано поседел и к 60-ти годам его волосы стали совершенно белыми, появились заметные залысины. На только что упомянутых юношеских фотографиях видно, что он довольно рано начал отпускать небольшую бородку, затем какое-то время его юное лицо оставалось гладким (см. выше рис. 6.12 и 2.5 в разделах 6.2, 2.1), но позже Кожевников постоянно носил аккуратные усы с бородкой — не окладистой (как, скажем, у его старшего брата Владимира, см. рис. 1.4 в разделе 1.1), а что-то вроде небольшой так называемой «полной бороды», с ней наш герой не будет расставаться до конца жизни.

При такой довольно неказистой комплекции проф. Кожевников выглядел «сильно чудаковатым» и был несколько неуклюжим, от чего с ним нередко происходили «всякие странные случаи, редко выпадающие на долю других людей» (Кузин, 1999, с. 69). Так, его супруга Мария Александровна рассказывает в одном из писем к А.А. Тихомирову такое «приключение с Гришей: […] сходя [неразб.] трамвая в расстёгнутом пальто (!!), зацепился ногой, неловко повернулся, повредил стопу, вытянул связку» и «почти 2 недели» был привязан к кровати (СПбФ АРАН. Ф. 261. Оп. 2. Д. 17. Л. 6). Б.С. Кузин вспоминает о другом, более трагичном случае: как-то, идя «в гости к одной интересной даме» (скорее всего, то была Л.И. Кашина), «Г.А. бережно нёс в обеих руках большую коробку конфет для неё, и забота об этой ноше отвлекла его внимание от люка, вероятно, дровяного, ведшего в котельную». Незадачливый рассеянный профессор упал в этот люк, после чего «появился в музее забинтованный. У него были сильно ссажены нос и лицо» (Кузин, 1999, с. 69). Возможно, о последствиях именно этого весьма неприятного события сообщает сам Кожевников в письме к Кашиной в феврале 1926 г.: «Я теперь настолько изуродован, что должен буду прятаться от людей. Лоб рассечён в 4 местах и посредине омертвелый участок кожи, который потом даст след как будто клеймо каторжника» (ГМЗЕ ОНФ-7303 Р-984). Такого рода трагические происшествия, всё же (по мнению Кузина и других) отчасти носившие и комический характер, давали повод для многочисленных (впрочем большей частью беззлобных) шуток, сделав нашего профессора персоной, специфически известной в университетских кругах. К слову сказать, об этом вспоминает Н.В. Тимофеев-Рессов-

[9] На этом основании мы можем с уверенностью утверждать, что в книге Э. Шноля «Герои, злодеи, конформисты…» на коллективной фотографии конца 1920-х гг. (Шноль, 2010, с. 129) изображён не Кожевников, а Кулагин.

ский, известный генетик, с 1917 по 1922 гг. учившийся на Естественном отделении МУ (Тимофеев-Ресовский, 2008).

Фотографии Г.А. Кожевникова, портретные или групповые, примечательны одной особенностью — отсутствием улыбки на лице нашего героя; возможно, это было связано с тем, что он вообще не был особо улыбчивым. На «парадных» портретных фотографиях Г.А. стремился изобразить на лице подчёркнуто горделивое выражение, весьма приличествующее такой ситуации и долженствующее внушить определённое почтение к его носителю[10]. На групповых фотографиях он обыкновенно смотрит насупленно и несколько в сторону, причём выражение недовольства на физиономии нашего героя на некоторых фотографиях оттеняется тем, что он позирует для них в шляпе, несколько надвинутой на лоб.

В этом отношении весьма характерно его фото в полный рост, сделанное в Белом Яру (имение брата Л.И. Кашиной) жарким летом 1916 г., где профессор запечатлён шествующим в купальню на Оке, завёрнутым в большую простыню (Архипова, 2001). Вместо того, чтобы заранее радоваться скорой приятной процедуре плескания в свежей речной воде, он выглядит явно недовольным самим фактом невольного позирования в столь непрезентабельном для почтенного профессора облике (рис. 6.30).

«Обычным» болезням (простуда и т. п.) Кожевников, видимо, не был особо подвержен; во всяком случае, его супруга, в 1920-е гг. в своих письмах к чете Тихомировых исправно сообщавшая им о недомоганиях своих родных и собственных, про Г.А. не упоминает. Но у него, вероятно, была определённая предрасположенность к фурункулёзу — к тому самому заболеванию, которое стало вероятной причиной ранней смерти его младшего брата (см. раздел 1.1). В письме к Семёнову-Тян-Шанскому в начале 1917 г. он пишет, что у него «на глазу

[10] Стоит отметить, что среди сохранившихся фотографий Г.А., виденных нами, нет ни одной, где он, вопреки своей определённой склонности к тщеславию (см. выше), был бы изображён с орденами.

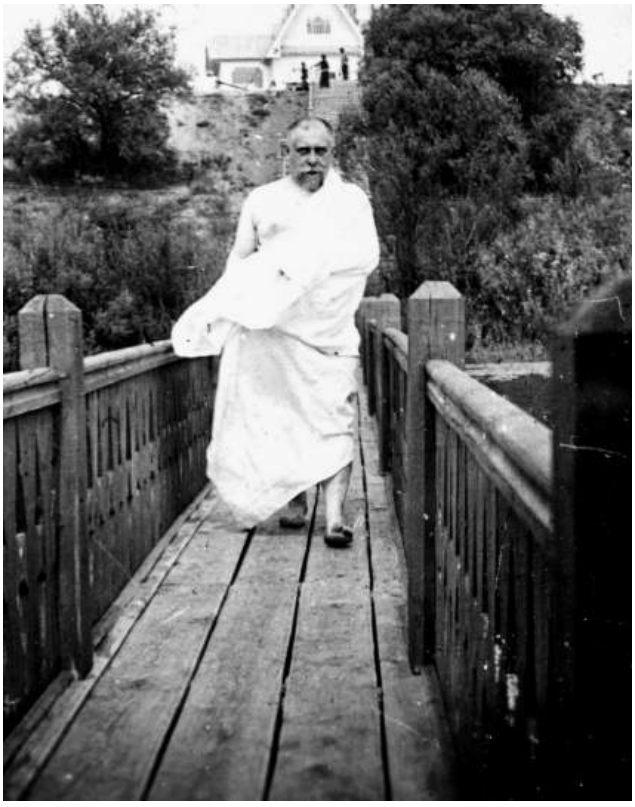

Рис. 6.30. Фотография Г.А. Кожевникова в Белом Яру летом 1916 г. (Архипова, 2001)

повязка», а годом позже А.А. Тихомирову — что «бывает сильный фурункулёз щеки» (СПбФ АРАН. Ф. 261. Оп. 2. Д. 16. Л. 1; Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 284).

***

Говорил Г.А. Кожевников с хорошо заметной картавостью и отчасти «гнусавил»: этот факт вспоминают его будущие коллеги, посещавшие лекции профессора (Кузин, 1999). Тем не менее, Л.А. Зенкевич, возглавивший в начале 1930-х гг. Кафедру зоологии беспозвоночных МУ, отзывался о своём учителе как о великолепном докладчике (Зенкевич, 1940а). О последнем, как нам кажется, свидетельствует и его популярность как публичного лектора: только что указанный недостаток, надо полагать, во многом компенсировался желанием и умением Г.А. увлечённо рассказывать о том, чем он был увлечён, и едва ли сильно смущал его самого и большинство его слушателей. Хорошей иллюстрацией того, какое яркое впечатление могли производить лекции Кожевникова на заинтересованных слушателей, служит

восторженное мнение студента Московского сельхозинститута Николая Вавилова, впоследствии известного генетика, о лекции «Будущее человека» (см. раздел 3.6).

***

Кожевников в юные годы получил в семье хорошее общекультурное воспитание, которым руководили его матушка Мария Григорьевна и старший брат Владимир. Так, в дневнике за 1879 г. Гриша отмечает, что на Рождество ему подарили «Евгения Онегина» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 346), а о всяких там «Айвенгах» и прочих «Мушкетёрах» даже не упоминает. Как мы уже указывали выше, сначала круг его чтения составляла литературная классика, затем в основном публицистика, свои краткие «рецензии» о прочитанном он аккуратно записывал в дневниках. Несомненным и очень важным обретением для будущих публицистических выступлений Г.А. стал выработанный им таким образом весьма приличный литературный язык: он научился излагать свои мысли, порой достаточно сложные, в весьма чёткой и вместе с тем местами красочной форме, делающей его речь образной и живой и благодаря этому достигающей большей доходчивости и убедительности. Так, говоря о необходимости разработки мер борьбы с насекомыми — вредителями сельского хозяйства, он отмечает, что «миллионы народных денег уходят ежегодно в желудки различных гусениц» (Кожевников, 190?а. Л. 3 [рук.]).

Под влиянием своих семейных воспитателей Григорий с юношества прилично разбирался в классической музыке (см. раздел 1.1); вдобавок он стал театралом, предпочитая серьёзные постановки и тонко разбираясь в их содержании и в игре актёров. Некоторые его дневниковые записи о виденном превращаются в мини-рецензии, занимающие по несколько страниц. Так, по поводу популярной в то время пьесы «Медея» В.П. Суворина и А.С. Буренина отмечено, что она «держится исключительно игрой Федотовой. […] Какой необузданный характер, какой пафос», тогда как «разглагольствования древних эллинов в лице Лаврова, Дурново, Никифорова чуть ли не комичны» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 38). На Григория очень большое впечатление произвёл Гамлет в исполнении немецкого актёра Э. Поссарта (Ernst von Possart): «Он не изобразил “мечтательного” юношу, как делает г. Ленский […]. Гамлет Поссарта довольно-таки энергичный […]. Поссарт понимает эту роль сходно с Мочаловым. […] Какая сложная игра, какое мастерство, какая глубина мысли! […] Он мне понравился больше Сальвини [Tommaso Salvini]» (там же. Л. 43, 43об, 45об, 46). Комическая опера «Корневильские колокола» в исполнении парижской труппы ему вроде бы понравилась, «хотя певцы не особенно-то хороши. Вероятно, в Париже то были из “завалящихся”» (там же. Л. 48.). Напротив, водевильный жанр нашему герою был совсем не по вкусу, в связи с чем он весьма пренебрежительно отзывается о своём кузене Викторе: «Этот дурак не понимает искусства и водевиль “2 гончии по одному следу”, вероятно, ему более понравился» — так Григорий записал после явно пришедшейся ему по вкусу «Медеи» (там же. Л. 38об.).

Несколько лет спустя в душе нашего героя просыпается желание попробовать собственные силы в литературном творчестве: об этом свидетельствуют оставленные в дневниках планы его будущих, но так и не состоявшихся прозаических произведений. В сентябре 1886 г., вернувшись из Крыма, где он познакомился со своей будущей женой и молодые признались друг другу в любви (см. раздел 1.3), Григорий набрасывает «План повести» (без названия). Судя по содержанию наброска, изложенного на восьми страницах с трудом разбираемой скорописью, должно было бы выйти, наверное, что-то очень мрачное, по общей тональности напоминающее начало «Преступления и наказания» Достоевского. Действительно, вот посмотрите, как Г.А. намечает самую первую мизансцену (рис. 6.31) (там же. Ед. хр. 350. Л. 28):

> Молодой человек, студент, выходит из своей квартиры. Грязный двор, меблированная комната. Идёт зря, шляться. Точка, на всё махнул рукой. Денег нет, во всём неудачи.

Разошёлся с любимой девушкой […] Всё это на фоне грязного дня на масленицу. Пожелтевший снег. Масса движения на улицах. […] Надо покончить, оборвать. Мысль о самоуб[ийстве] созрела. […] Охотный ряд. Культ обжорства.

Через несколько лет, в мае 1892 г., Кожевников (он уже был три года как женат) набрасывает план другой повести, тоже без названия и всё так же довольно мрачной. В ней речь идёт о некой даме, жизнь которой безрадостна и полна страданий, этот общий тон легко прочитывается в первых строках наброска (там же. Л. 62об):

Она страдает бессонницей. […] 17 лет она замужем. Муж урод, добрый милый господин, *impotent*, *hic jacet lepus*. Её судьба трогательна. Она верна мужу. Она мучается, в глазах её что-то трепещущее вспыхивает, какой-то как бы злобный, а не то как бы испуганный огонёк, точно что-то хотят сказать эти глаза, сказать страстно, болезненно и от души.

Этот 4-страничный «план» завершается весьма печальной по общей тональности мизансценой: «Ветер гонит рваные тучи. Напоминает берег моря. Жутко, серо» (там же. Л. 64).

Сразу же вслед за ним — набросок некоего «очерка», названного странным образом «Бессонница»: название с сюжетом никак не связано и, видимо, выражает то состояние повествователя, в котором набросок записан. Герои этого несостоявшегося рассказа — соседи по некому подмосковному дачному посёлку (двое названы — Семён Иванович да Иван Петрович), милые добрые люди, ходят друг к другу в гости, иногда у кого-то из них собираются и играют на нескольких столах в карты. Среди гостей — единственная дама, наверное поэтому названная полным именем, — Юлия Николаевна Полякова; упоминается также некий безымянный «развязный молодой человек», похожий на только что закончившего курс юриста. На одной из таких игр появляется и сам рассказчик (по ходу повествования выясняется, что его зовут Василий Никитич), который, бесцельно

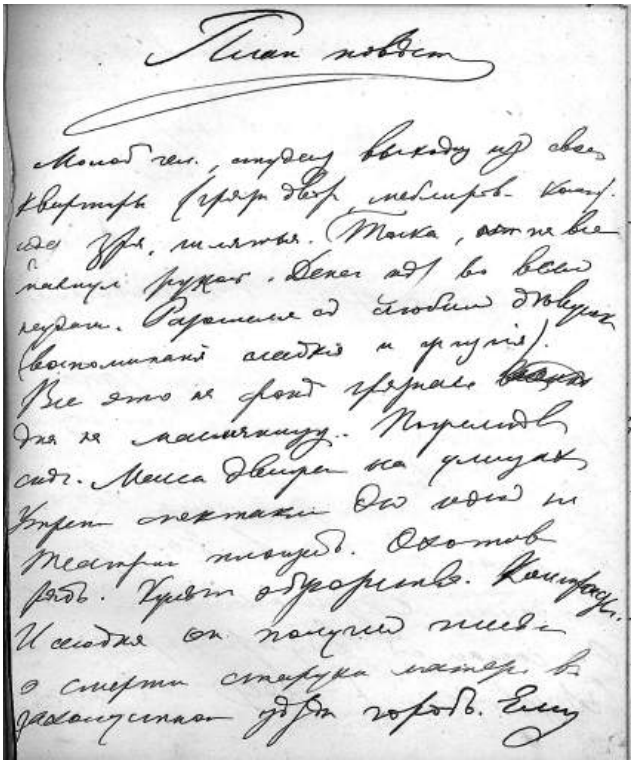

Рис. 6.31. Страница из дневника Г. Кожевникова (осень 1886 г.) с началом наброска «Плана повести» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 28)

бродя по комнатам, наталкивается на Юлию Николаевну и того самого «молодого человека», ведущих какой-то разговор. Автор становится его участником, разговор сворачивает на «дела сердечные», в том числе касается важного вопроса: «можно ли стоически, философски перенести измену», по поводу чего собеседники высказывают противоположные мнения. Разговор получает довольно неожиданную развязку: Юлия Николаевна, по словам рассказчика, «быстро повернула ко мне свою красивую голову, как бы недоброжелательно окинула меня быстрым пронизывающим взглядом своих карих глаз и проговорила как бы нехотя: “Да! Есть вопросы, которые всяк решает по-своему”» (там же. Л. 68). Наверное, этот кулуарный разговор с не совсем обычным завершением был той кульминацией очерка, ради которого Григорий его задумал, но всё же, как и остальные свои литературные опыты, не завершил.

Лирические настроения, охватившие Г.А. в связи с увлечением Л.И. Кашиной, побудили его вспомнить свои ранние опыты в стихосло-

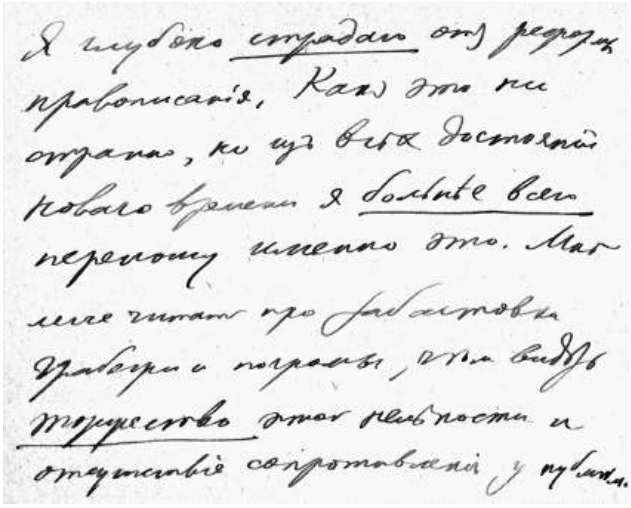

Рис. 6.32. Страница из письма Г.А. Кожевникова к А.П. Семёнову-Тян-Шанскому (сентябрь 1917 г.) с выражением его отрицательного отношения к реформе русской орфографии (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 305)

жении. Если иметь в виду, что Лидия Ивановна была ранней музой Сергея Есенина, невольно приходит в голову мысль, что было в этой женщине нечто такое, что проявляло во влюблённых в неё мужчинах поэтическую «жилку», у одних бьющую через край, у других дремлющую. Результаты стихотворных усилий нашего героя отражены в его письмах к предмету воздыхания: из-под пера выходили краткие рифмованные строки, свидетельствующие более о его нежных чувствах, нежели о поэтическом даре (см. раздел 6.2). Впрочем, ради справедливости нужно отметить, что Кожевников вполне сознавал свою стихотворную неумелость и отчасти даже неуместность и поэтому, посылая Кашиной свой очередной (по собственной вполне трезвой оценке) «стихотворный грех», просил её: «Я бы очень хотел, чтобы вы по возможности меньше выставляли бы его на “суд толпы холодной”, не делали бы предметом “насмешек”» (ГМЗЕ ОНФ-7240 Р-921).

***

Любовь к классической русской словесности естественным образом вылилась во внимание Г.А. Кожевникова к русскому языку как к носителю русской культуры и выразителю мыслей говорящих и пишущих на нём. В одном из писем к Семёнову-Тян-Шанскому, написанному осенью 1917 г., он признаётся: «Я люблю русскую письменность, люблю горячо и страстно, люблю русскую речь и вижу глубокую *связь* между речью и теперешним правописанием. Слова в моём мозгу выражены неизгладимыми знаками, я каждое слово ***вижу***, а не только слышу» (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 305об).

Эта «горячая и страстная любовь» отразилась в приверженности Г.А. к старой орфографии и довольно резком протесте против реформы последней, задуманной Орфографической комиссией Академии наук в 1911 г. Из-за войны про реформу забыли, но в начале 1917 г. её продвижение активизировали и годом позже в окончательной версии утвердили особым декретом Наркомпроса (Григорьева, 2004). В 1917 г. Кожевников пишет по этому поводу Семёнову-Тян-Шанскому: «Я глубоко *страдаю* от реформы правописания. Как это ни странно, но из всех достояний нового времени я *больнее всего* переношу именно это. Мне легче читать про забастовки, грабежи и погромы, чем видеть *торжество* этой нелепости» (рис. 6.32) (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 305). Например, он очевидно недоволен тем, что «новое правописание не даёт возможности отличить по начертанию двух разных слов “ведение”» — «ведать» и «вести» (Кожевников, 1927а, с. 498)[11]. Дело доходит до того, что в голове Григория Александровича зарождается идея: «Можно было бы создать особую лигу приверженцев старого правописания» (там же. Л. 288об). Поэтому, не приняв данной реформы, Г.А. вплоть до середины 1920-х гг. в своих рукописных текстах по-прежнему пользуется старой орфографией (напр., в проекте статьи «Полиморфизм и эволюция»); и всё же в конце указанного десятилетия в его записях университетских лекций орфография уже новая, послереформенная (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 159).

Подобное весьма трепетное отношение Кожевникова к живому русскому языку, возможно, было причиной того, что он до конца жизни

[11] К этому мы добавили бы два совершенно разных по смыслу слова «мир» и «мір», которые согласно новой орфографии пишутся одинаково.

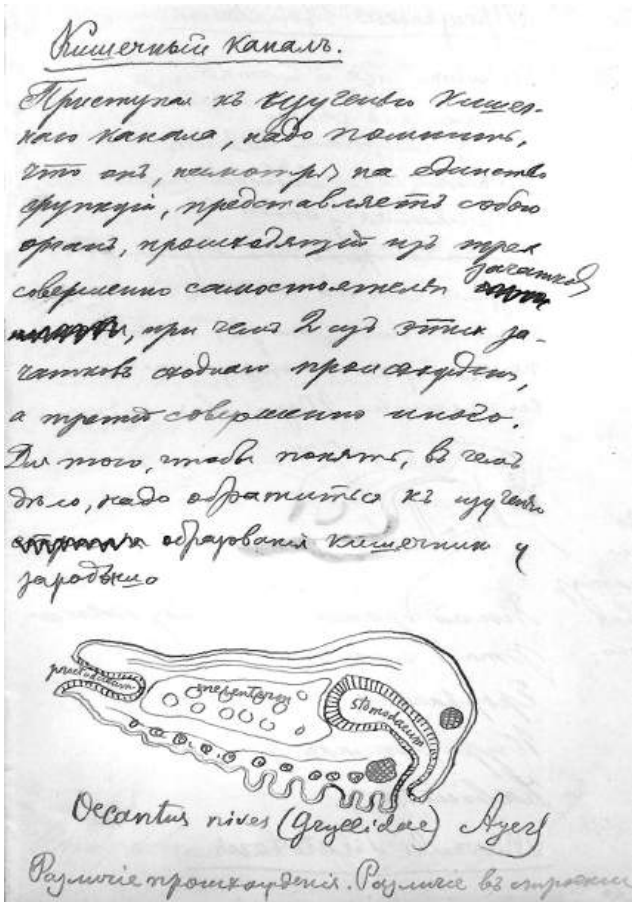
сам практически не пользовался «бездушной» пишущей машинкой, которая к началу XX в. уже приобрела достаточную популярность. Впрочем, подобная консервативность нашего героя могла вполне быть вынужденной и просто объяснимой — тем, что во все советские времена такого рода (как нынче принято говорить) «оргтехника», столь необходимая пишущему человеку, была в дефиците и не всякому дозволялось ею обладать (Булгакова, 1990).

Любовь Г.А. к родной речи была залогом отмеченного выше хорошего владения литературным языком: рукописные тексты докладов и лекций написаны в основном почти без помарок и стилистических огрехов и только в конце в них обычно появляются наспех набросанные мысли с правками. Такое складывается впечатление, что он сначала детально продумывал и проговаривал тексты про себя, чтобы услышать и даже «увидеть» каждое слово, а уже потом записывал свои мысли фактически набело. Конечно, встречаются в его текстах и очевидные стилистические погрешности, куда ж без этого, — но такая «грязь» свидетельствует не столько о небрежении литературным «правильнописанием», сколько о живом языке, не выверенном по каким-то строгим лекалам. В частности, Кожевников не очень заботился о повторах и явно злоупотреблял причастными оборотами, вводя их по несколько кряду, так что при беглом прочтении текста не всегда сразу становится понятно, к чему они относятся. Например, в «Объяснительной записке к проекту декрета об охоте» он пишет: «Эта комиссия внесла некоторые изменения и дополнения в текст законопроекта, внесённый от ведомства земледелия, явившийся результатом той длительной подготовительной работы, о которой было сказано раньше» (Кожевников, 1920. Л. 2). Судя по архивным рукописным материалам, Григорий Александрович обычно перечитывал написанный чернилами изначальный текст, внося в него карандашом лишь минимальную смысловую правку.

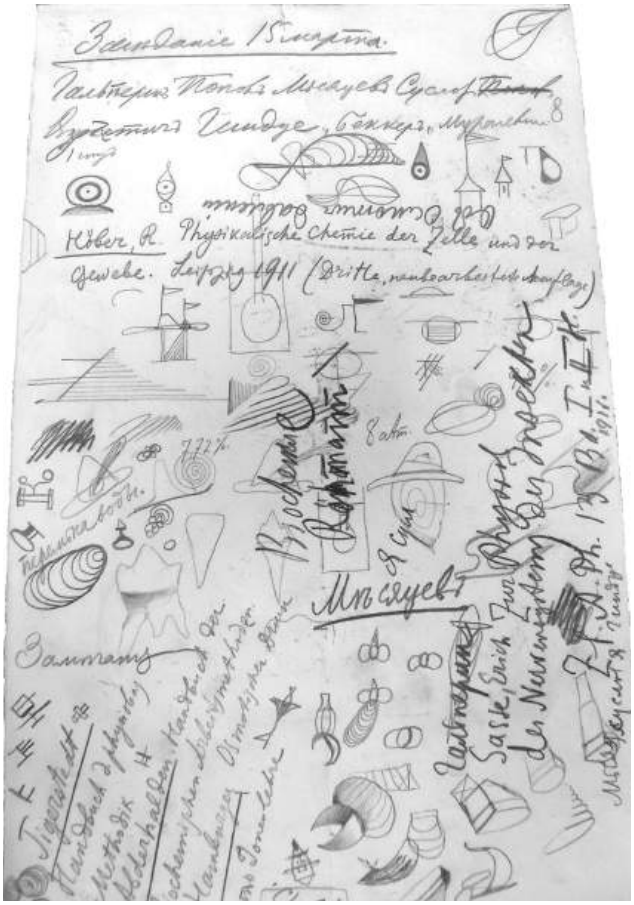
Манера Г.А. Кожевникова записывать тексты лекций и докладов отражает ход его мыслей. В одних случаях почерк профессора очень чёткий, размеренный, написанные целиком слова разделены пробелами: здесь видно, что Г.А. облекает в письменную форму заранее чётко сформулированные мысли. В других случаях он пишет бегло и небрежно, длинные слова для скорости сокращает, как бы торопясь записать то, что приходит ему в голову «здесь и сейчас». А когда останавливается, чтобы подумать и сформулировать мысль, рука набрасывает какие-то рисуночки, возможно, имеющие какое-то отношение к излагаемому предмету. Примечательно, что в начале преподавательской карьеры Кожевникова преобладал первый стиль изложения, ближе к концу — второй.

Сам заботясь о чистоте своего русского языка, Григорий Александрович требовал того же и от других. Так, в рецензии на книгу «Прямокрылые и ложносетчатокрылые Российской империи» (1902 г.), по содержанию вполне «техническую», Кожевников упрекает её авторов в том, что те «придерживаются весьма распространённой, но совершенно неправильной манеры прибавлять русские падежные окончания к иностранным словам, написанным иностранными буквами, и даже поместили на обложке “по Dr. Tümpel’ю”» (Кожевников, 1902м, с. 83). Заглавие «Изборник опытной пасеки» (1904 г.) вызвало у него «некоторое изумление» тем, что составлено явно в подражание церковно-славянскому языку, но при этом «стиль не выдержан» (Кожевников, 1904к, с. 84).

Умея рисовать, Г.А. Кожевников свои записи университетских лекций нередко снабжает карандашными набросками, иной раз достаточно многочисленными, описываемых анатомических особенностей тех или иных животных (рис. 6.33а). Некоторые из его дневниковых записей сопровождаются небольшими портретными зарисовками явно карикатурного характера, неким образом иллюстрирующими движения его мысли (рис. 6.33б). Много позже, сидя на кафедральных семинарах и, видимо, откровенно скучая, он развлекает себя, как это обычно бывает, заполнением протокольных

а

в

б

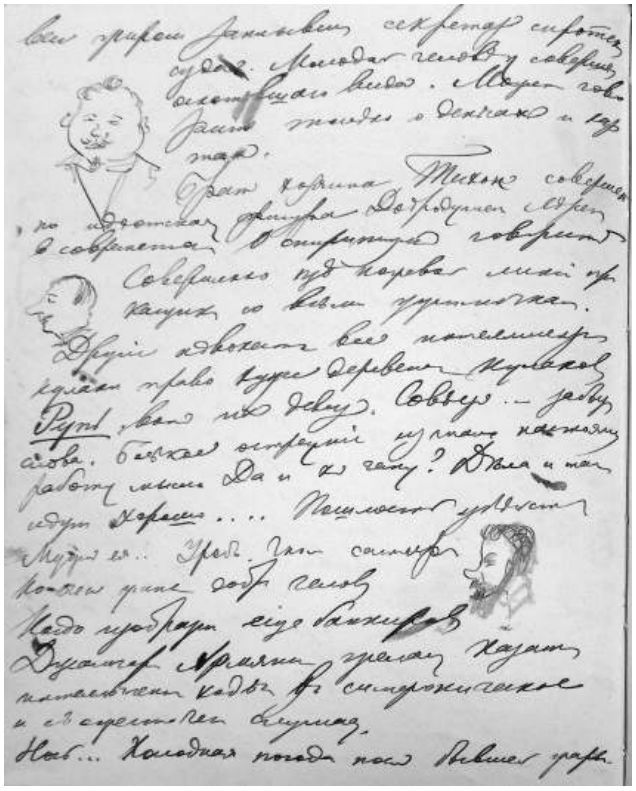

Рис. 6.33. Примеры «художественного» оформления Г.А. Кожевниковым своих рукописных текстов: а – страница из записи лекции по энтомологии (1901 г.) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 64), б – страница из дневника (1892 г.) (там же. Ед. хр. 350), в – страница из «протоколов» семинарских занятий (1911 г.) (там же. Ед. хр. 171 Л. 7)

страниц разными рисуночками, одни из которых имели несомненное отношение к теме доклада, другие были вполне вольного содержания (рис. 6.33в).

Примечательным эпизодом в ведении Кожевниковым дневника во время завершения учёбы в гимназии стало изобретение некой тайнописи (рис. 6.34): в октябре 1883 г. он записал: «Изобрёл шрифт и упражняюсь!!» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 6об.). Этот шрифт составлен из букв, заимствованных в основном из греческого алфавита; их соответствие кириллице Г.А. записал на отдельном листочке, так что при желании его дневниковые тексты, написанные искусственным языком собственного

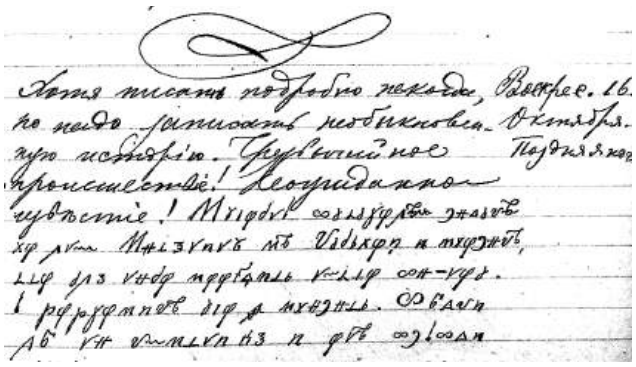
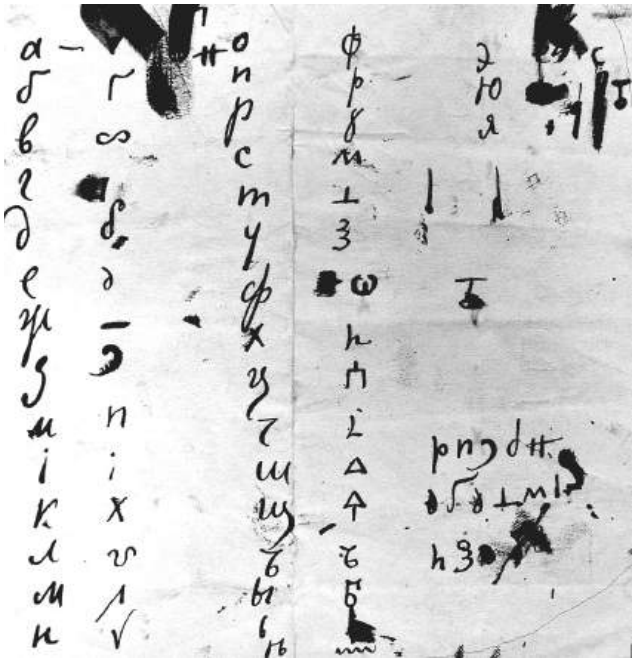

Рис. 6.34. Страницы из дневника Г. Кожевникова (октябрь 1883 г.) с изобретённой им «тайнописью» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 6об, 12)

изобретения, можно легко «перевести» на русский. Впрочем, очень скоро он понимает, какую мороку сам для себя придумал, и записывает: «К чёрту покуда этот шрифт, им ужасно трудно писать. А главное, что теперь нет в нём надобности. А когда-нибудь пригодится» (там же. Л. 7.). Это «когда-нибудь» случилось уже через несколько дней: нашему герою вдруг понадобилось «записать необыкновенную историю. Чрезвычайное происшествие! Неожиданное известие» (там же. Л. 12) — и он не пожалел времени на то, чтобы исписать чуть ли не две страницы дневника своим секретным языком. Кожевников прибегает к его помощи ещё несколько раз, последняя из таких записей сделана в ноябре 1883 г., после чего он окончательно распростился со своей весьма непрактичной придумкой.

Ещё университетским студентом Г. Кожевников, прежде чем войти в сообщество профессионалов-зоологов, озаботился выработкой достойной личной подписи. Об этом с несомненностью свидетельствуют страницы его дневника за 1885 г. (без даты), на которых он набрасывает возможные варианты, чтобы выбрать какой-то один (рис. 6.35) (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 40об, 41). В конце концов он остановился на нескольких вариантах для разных случаев жизни: наиболее простой «ГК», инициал с полной фамилией «ГКожевников», и наиболее официальный с указанием профессорского звания «проф ГКожевников».

***

Осенью 1883 г. в жизни юного Григория Кожевникова неожиданно появилось весьма специфическое увлечение, причём довольно горячее, хотя и совсем недолгое, — конные скачки. Он специально отмечает в своём дневнике, что «впервые обратил внимание на этот род “спорта” и был восхищён. Право, восхищён!» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 7, 7об), после чего неоднократно посещает со своим гимназическим приятелем Мавровским московский ипподром на Ходынке. Из всего увиденного там особое впечатление произвела на нашего героя неистовая погоня и неудержимое стремление каждого из её участников прийти первым к финишу — да такое яркое, что из-под пера восторженного повествователя на бумагу выливается этакое воспевание захватившего его зрелища. «Какая-то необыкновенная грация, совершенно своеобразная, но приятная для зрения в этих вытянувшихся скакунах, в пригнувшихся к лошадиной шее жокеях. Быстрота, напряжение… что-то волнующее и раздражающее» (там же. Л. 7об). Далее Григорий с особым воодушевлением описывает само действо, разворачивавшееся перед его глазами: вот лошади с жокеями выходят к стартовой линии, вот они «нервно подёргиваются при малейшем движе-

Рис. 6.35. Страница из дневника Г. Кожевникова (1885 г.) с первыми пробами личной подписи (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 41, 40об) и её окончательными вариантами (из разных источников)

нии руки жокея», вот случается фальстарт из-за того, что «какая-нибудь горячая лошадь так подхватит, что и не остановить», вот наконец лошади после старта стремительно несутся круг за кругом, безжалостно «нажариваемые» жокейскими хлыстами, вот наконец на последних 100 саженях явно обозначается фаворит, который и приходит первым, — французский жокей Амброз на скакуне «Фаусте». «Браво! Амброз, браво!», — восторженно кричит на трибуне Григорий, повторяя свой вопль на странице дневника, но почему-то забывая воздать хвалу скакуну — основному виновнику торжества.

За всеми этими восторгами Григорий не упустил из внимания ещё одну немаловажную сторону скачек — финансовую, вовлекающую зрителей в азартную игру тотализатора и тем вносящую особый ажиотаж в их переживания. Наш новоиспечённый поклонник скачек, делясь впечатлениями о виденном, не забывает добавить в дневнике: «Был случай, что на лошадь “Фог-а-Бал” выдавали в тотализаторе 119 р. 75 к. за рубль» (там же)[12]. Находясь постоянно в стеснённых денежных обстоятельствах из-за своего прижимистого старшего брата Володи, о чём мы писали ранее, Григорий, конечно, тут же возымел желание немедленно испытать свою удачу: «Вот штука! Я пробовал играть в тотализатор пополам с Мавровским, но неудачно», вслед за чем добавляет: «На будущий год надеюсь» (там же. Л. 7об, 8об). Но, видимо, Григорий быстро охладел к этому азартному способу чуть ли не гарантированного транжирства, подстерегающего всякого неопытного игрока, и в последующих его дневниках о скачках нет ни слова. Но зато он о них вспомнит позже, когда сравнит соперничество между коллегами-учёными в погоне за научной славой с «зоологическими скачками» (см. раздел 6.1).

***

В юношестве наш герой любил общение с приятными ему людьми и даже порой искал его. В дневниковой записи за ноябрь 1883 г. читаем об этом: «Я ужасно люблю поговорить о том, что интересует меня, что затрагивает какую-нибудь чувствительную струнку моего сердца» (там же. Л. 7об, 32об.). Примечательно, что наш юный герой не чурался разговоров «по душам» и с некоторыми взрослыми: например,

[12] Речь идёт о знаменитом в конце XIX в. скакуне, среди русских поклонников конного спорта известном как «Фогабал». Писатель В.А. Гиляровский даже посвятил ему рассказ, впервые напечатанный в 1896 г., в котором упомянут и Амброз.

часто с удовольствием общался с Зинаидой Владимировной (мать его приятеля Серафима), находя, что «с ней можно говорить как с хорошим приятелем» (там же. Л. 57об.).

Из числа наиболее частых своих собеседников Григорий упоминает в дневниках своих однокашников А. Мавровского и К. Сатунина: с ними он был готов вести «разговор […] самый разнообразный», который мог порой доходить «до откровенностей» (там же. Л. 49об). Среди последних было, например, признание Мавровского в том, что он совершал в разных магазинах покражи перьев для ручек, причём Григорию «очень понравилась его откровенность» (там же. Л. 50об). Обсуждали они и своё ближайшее будущее — куда поступать после гимназии, и оказалось, что оба собираются «на естественный». В связи с этим разговор невольно переходил «на вопрос о дурном состоянии нашего “милого отечества”, о невозможности служить на поприще гражданской деятельности при теперешних порядках» (рис. 6.36) (там же. Л. 51).

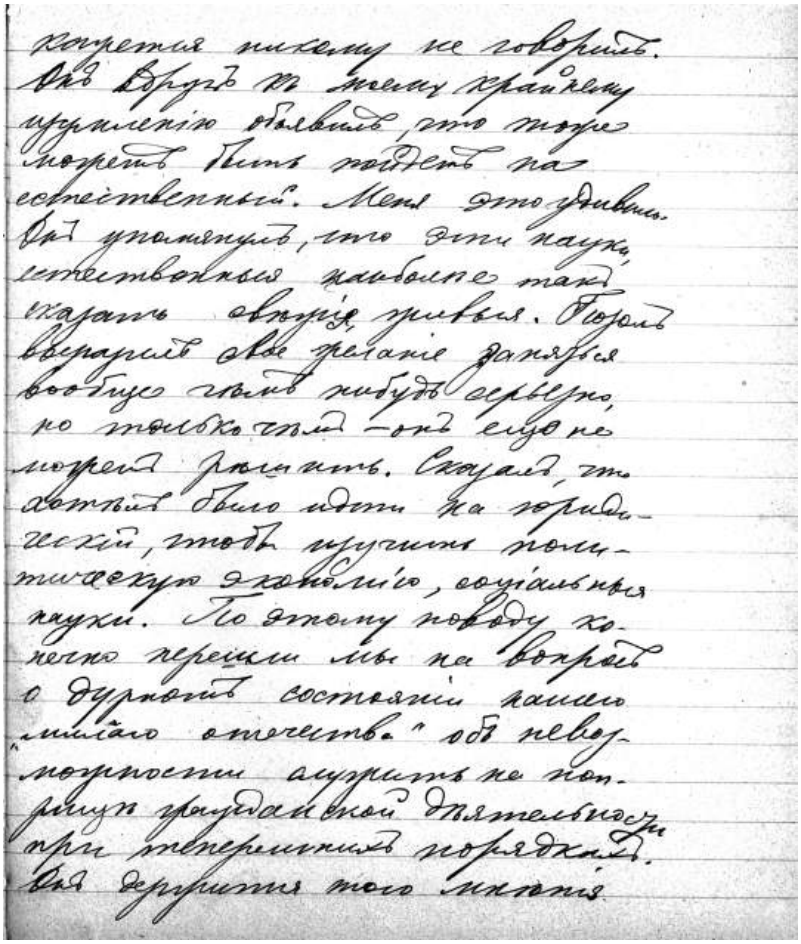

Рис. 6.36. Страница из дневника Г. Кожевникова (январь 1884 г.) с записью одного из разговоров с его приятелем Мавровским (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 51)

Общение с Сатуниным, которого Кожевников обыкновенно называл Костей, было часто иного рода: этот его приятель отличался довольно буйным нравом и, несмотря на юный возраст, пристрастием к горячительным напиткам, из-за чего даже не смог окончить Московскую гимназию (Кожевников, 1916з). Вот характерная сценка: Костя приглашает Гришу к себе в гости, тот приходит, а хозяин «сидит […], поёт, иногда припрыгивает, несёт всякий вздор и потягивает Шемахинское вино»… а потом, глядя на Гришино задумчивое настроение, вдруг разражается смехом — и «это не простой смех! Это смех ужасный, это смех бесшабашного отчаяния», и тут же начинает поддразнивать гостя по поводу его несчастливой влюблённости и затевает хвастливый рассказ о своих сердечных победах — а Гриша, «вперив глаза в его лицо, слушал с напряжённым вниманием» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 53, 54.).

Но вообще характер у Г.А. Кожевникова был не самым простым и вряд ли способствовал лёгкому схождению с людьми. В подростковый период и затем в студенческие годы он часто руководствовался бурными эмоциями, во многом определявшими его взгляды и на окружение, и на собственную самооценку. В зависимости от обстоятельств, а скорее от своего специфического восприятия оных, его настроение легко менялось от восторженного до мрачно-унылого. Это особенно заметно в тех достаточно пространных дневниковых записях, которые отражают переживания юного воздыхателя по поводу его «дел сердечных», о чём мы писали ранее (см. раздел 6.2).

Пребывая в мрачном настроении, Кожевников мог весьма нелицеприятно отзываться о предмете (событии, человеке), невольно ставшем причиной очередного припадка меланхолии, не жалея довольно обидных, а то и просто оскорбительных эпитетов, впрочем, вряд ли справедливых; мы о них самих и о сопровождавших их обстоятельствах также писали ранее. Так, оказавшись на каком-то семейном празднике в компании своих сверстников, 16-летний юноша обозвал (конечно же, про себя) «сукиной дочерью» даму, которая назвала эту компанию «детьми» и тем оскорбила заносчивого недоросля (там же. Ед. хр. 347. Л. 13). В другой раз, испытывая раздражение от вынужденного общения с некой девицей, почему-то не приглянувшейся Григорию, он назвал её «сволочью» и «самой отчаянной сплетницей», которая «только возбуждает отвращение» (там же). В другой раз наш юный любитель высокого искусства, самонадеянно полагая свои музыкальные пристрастия за эталон, с лёгкостью назвал кузена Виктора «дураком» за то, что тот якобы «не понимает искусства» (там же. Ед. хр. 348. Л. 38.). О «милой Анюте», ставшей на некоторое время предметом юношеской влюблённости нашего героя (см. раздел 6.2), он в период горьких разочарований и сомнений в разговоре с приятелем Сатуниным отзывается «в резких, грубых формах» (там же. Л. 5.). Позже столь же резок и груб он бывает иной раз со своей супругой, свидетельством чему служит его описание глубокой семейной размолвки, случившейся вскоре после женитьбы (см. раздел 1.3) (там же. Ед. хр. 350. Л. 57).

С возрастом, став студентом МУ, а затем начавши работать в Зоомузее, Г.А. сохранил свою манеру награждать не пришедшихся ему по нраву персон резкими и по-прежнему едва ли справедливыми эпитетами: на этот раз главным объектом раздражения нашего студента были его учителя и старшие товарищи-коллеги. Так, университетского профессора химии В.В. Марковникова, которому Г.А. провалил экзамен, он в сердцах назвал «пузатым чёртом» (там же. Ед. хр. 351. Л. 11). Будучи горячим сторонником женских образовательных курсов и обнаружив, что А.П. Богданов и В.М. Шимкевич не разделяют его мнения и ругают стремящихся к образованию «барышень» вместо того, чтобы сочувствовать им, студент Кожевников назвал первого «стариком отживающим», а второго — «подлой рожей». Богданов вдобавок теперь ему «ненавистен своим цинизмом» и за то, что якобы «лично [к нему] отвратительно относится» (там же. Ед. хр. 350. Л. 35, 35об, 61). К тому же, как мы имели возможность отметить ранее, Г.А. обнаруживает явное недовольство разносторонней богдановской активностью, за что порицает своего учителя: «Не наука для него важна теперь, а вопрос, как бы “обставить” науку, если нет ничего научного» (там же. Л. 70об, 73об). Проф. Н.Ю. Зографу досталось оттого, что Г.А. позавидовал его успешной газетной публицистике и объявил, что «таланта у него ни на грош» (там же. Л. 60). Среди дневниковых записей за 1892 г. Кожевников поместил забавную карикатуру на некоего мужчину благообразной наружности (вероятно, кого-то из университетских профессоров), возвышающегося на пьедестале, которому поклоняются его почитатели (рис. 6.37) (там же. Л. 75; к сожалению, мы не смогли идентифицировать изображённого человека). И вот наш герой выносит свой вердикт о ситуации в Зоомузее, частью коллектива которого он стал сравнительно недавно: «Среда такая, что *Homo homini lupus*. […] Отвратительная атмосфера!» (там же. Л. 61).

Впрочем, такого рода резкости Кожевников, скорее всего, позволял себе, лишь оставшись наедине со своим дневником да ещё, возможно, в узком семейном кругу. «На людях» же он вёл себя, надо полагать, вполне пристойно и соблюдал весь необходимый «политéс», не давая повода к тому, чтобы его заподозрили в каком-либо недоброжелательстве. По этой причине Г.А. пользовался неизменной поддержкой Богданова, Тихомирова и Кулагина, сыгравших важную роль в начале его профессиональной карьеры (см. разделы 2.1, 2.2).

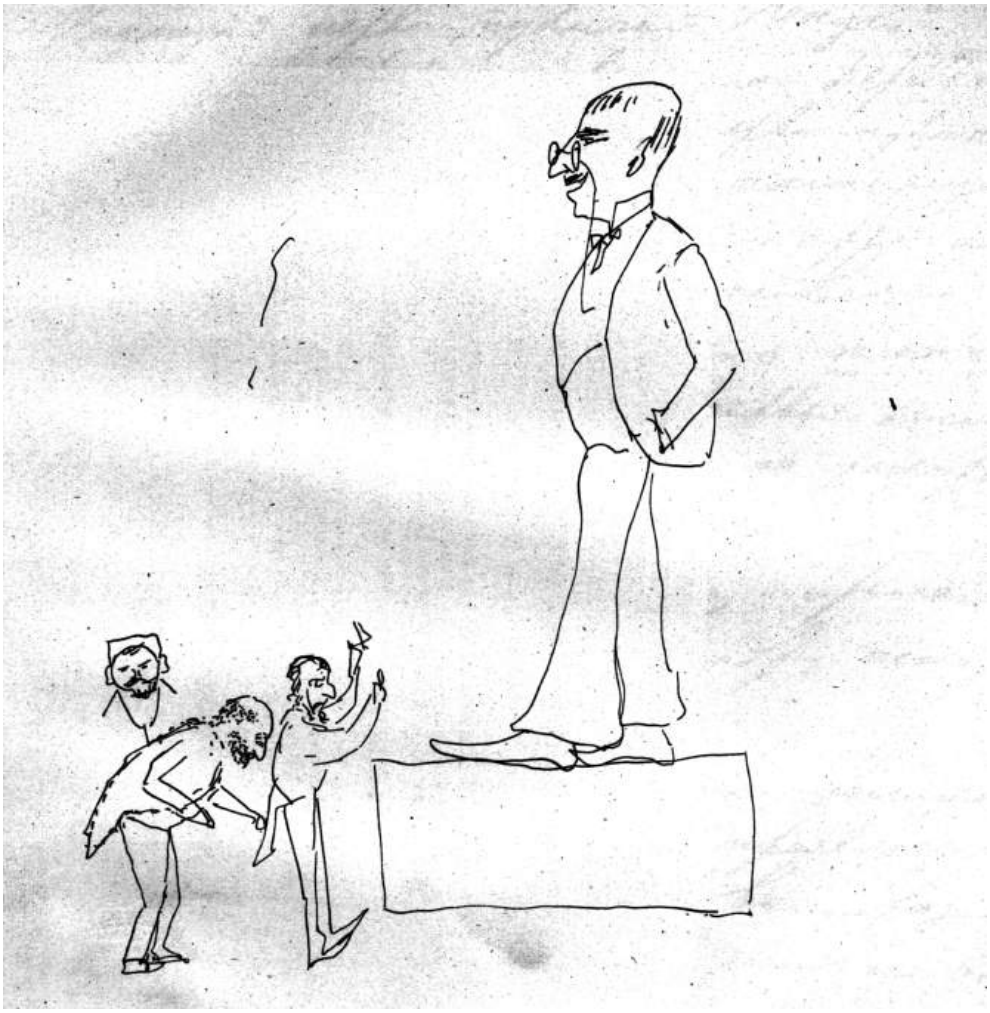

Рис. 6.37. Страница из дневника Г. Кожевникова (июль 1892 г.) с карикатурным изображением некоего горделивого мужчины на пьедестале и его поклонников (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 75)

В зрелом возрасте Григорий Александрович, погружённый в самые разные дела, связанные с преподаванием, работой в Зоомузее, организацией пчеловодного дела и охраны природы, постоянно общался со многими людьми. Когда Кожевникову нездоровилось, его супруге Марии Александровне приходилось выполнять функции секретарши, «подходя ежеминутно к телефону, принимая бесконечную вереницу деловых визитов» (СПбФ АРАН. Ф. 261. Оп. 2. Д. 17. Л. 6). По воспоминаниям Б.С. Кузина, в общении с коллегами и визитёрами профессор «не разыгрывал из себя жреца науки», в том числе «с пчеловодами, постоянно приезжавшими к нему из самых отдалённых уголков. В большинстве это были сельские учителя и священники, мелкие железнодорожники и тому подобный скромный люд «из низов». Г.А. держался с ними совершенно просто, выслушивал их рассказы с неподдельным интересом и, хотя в их глазах он был великим учёным и пчеловодом, сам никак этого не сознавал» (Кузин, 1999, с. 53–54).

Свалившиеся на Г.А. в 1920-е гг. многочисленные заботы не самого приятного толка, начиная с добывания хлеба насущного и кончая борьбой с бюрократией, отнюдь не способствовали поддержанию у нашего героя внутреннего оптимизма и желания активно общаться с кем-либо помимо служебных дел. Как мы уже отмечали ваше, в начале 1926 г. он жалуется в письме к Л.И. Кашиной: «Теперь у меня такое настроение, что мне приятнее всего сидеть дома. Людского общества я не люблю, чувствую, что

и моё общество другим мало интересно (мне так кажется)» (ГМЗЕ ОНФ-7297 Р-978).

По-своему примечателен рассказ Б.С. Кузина о том, как по утрам с героем нашей книги частенько переругивался с М.А. Мензбир, причём каждый из них оставался в своей квартире (Кузин, 1999); этот рассказ аккуратно воспроизводился и позже (Малахов, 2006). Но тут есть одна весьма значительная «нестыковка». Дело в том, что маститый Мензбир и значительно более молодой Кожевников, после получения им звания экстраординарного профессора, могли занимать соседние квартиры лишь некоторое время в начале 1900-х гг. по Долгоруковскому пер. — сначала в так называемом «ректорском доме», а затем в торце «анатомического крыла» Зоологического корпуса (по завершении его постройки). Но тогда Борис Кузин по молодости лет едва ли мог быть свидетелем этой странной «коллизии», а позже, когда он с семьёй перебрался в Москву и поступил в МУ (Кузина, 1991), таковая вряд ли могла иметь место по следующей причине. В середине указанного десятилетия Г.А. переселился в квартиру по Большой Никитской ул. на другом конце Зоологического корпуса (см. раздел 1.3), тогда как М.А., вероятнее всего, оставался в прежней квартире (мы не смогли выяснить это с определённостью). После событий 1911 г. («дело Кассо», см. раздел 2.6) проф. Мензбир принуждён был покинуть ведомственную университетскую квартиру, переселившись в дом на углу Моховой и Воздвиженки улиц и Староваганьковского пер.; там он проживал, судя по некоторым архивным документам, по крайней мере до конца 1920-х гг. (Колганов, 2021; АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 192. Л. 4; архив Дарвиновского музея, НВФ-2116/149. eh-0993-002); его квартиру по Долгоруковскому пер. занял А.Н. Северцов с семьёй. В это время Б.С. Кузин, будучи студентом, а затем сотрудником МУ, действительно мог наблюдать двух профессоров; но понятно, что поскольку их квартиры разделяли несколько сотен метров Моховой ул., они физически не были способны напрямую общаться между собой в вербальной форме, не покидая своих апартаментов. Так что достоверность рассказа Кузина, особенно всяческие живописные подробности, у нас вызывает большие сомнения. Впрочем, допустимо предполагать, что сам Г.А., в 1920-е гг. сдружившись со своим учеником, мог что-то подобное ему поведать из своей жизни начала 1900-х гг., а тот уже разукрасил возможный эпизод деталями в меру своей художественной фантазии.

В общении со своими студентами и молодыми коллегами Г.А. Кожевников обыкновенно был также вполне демократичным. Такая позиция вполне соответствовала общему либеральному настрою героя нашей книги: он понимал, что принудить по-настоящему заниматься наукой нельзя, для этого нужно лишь так или иначе пробудить глубинный интерес к ней и создать благоприятные условия для его развития — ибо новая научная идея способна зародиться и развиться только в раскованном творческом сознании, не зажатым какими-либо жёсткими рамками. Вместо понукания профессор воздействовал на своих учеников «совершенно незаметно новыми проблемами, оригинальностью подхода к ним. […] поэтому в его лаборатории работалось так привольно и радостно» (рис. 6.38) (Алпатов, 1933, с. 7). Хотя у Кожевникова и были свои твёрдые взгляды в науке, он «их никому не навязывал» и вообще «не относился к тому типу учителей, которые делают из учеников своих помощников и требуют от них работы в интересующем их самих направлении и полного разделения своих взглядов» (Кузин, 1999, с. 63). Напротив того, Г.А. «позволял своим ученикам, и младшим, и старшим, исповедовать какие угодно научные верования, как допускал также выбор ими любой тематики. […] просто даже удивительно, как рано он начинал трактовать ещё очень зелёных молодых людей как учёных и как серьёзно относится к их часто совсем незрелым мнениям» (там же, с. 66). Поэтому подопечным Григория Александровича была предоставлена

возможность самостоятельно «выбирать себе предмет занятий […] в полной мере, а вместе с ней и полная возможность ошибаться и заблуждаться» (там же, с. 66). Сходным образом отозвался о нашем герое ещё один его ученик — Л.А. Зенкевич (Зенкевич, 1940б, с. 47):

> Он никогда не давил на свободный выбор темы работы, с уважением относился к чужому мнению. Простой в обращении, чрезвычайно заботливый в отношении к молодёжи, […] Г.А. умел всегда создавать вокруг себя живой интерес к научной работе, собирать около себя молодёжь. […] Все преподаватели нынешнего состава кафедры зоологии беспозвоночных [1940 г.] считают себя учениками проф. Г.А. Кожевникова.

Впрочем, в тех (вероятно, достаточно редких) случаях, когда Г.А. Кожевникову крайне нужны были «рабочие руки» для решения его собственных научных задач, он позволял себе не особо церемониться со своими студентами; это видно, например, из следующего. Его студентка Л.И. Перепелова, заканчивая университетский курс зоологии в 1925 г., хотела взять темой дипломной работы биологию развития комара. Кожевников был знаком с «комариной» тематикой, но в то время был особенно увлечён поисками промежуточных форм между матками и рабочими особями у медоносной пчелы (см. раздел 4.4). Поэтому он категорически настоял на том, чтобы его ученица взялась за анатомирование пчёл, расписал план её исследований и приставил к Измайловской пасеке. Примечательно, что в последующем Перепелова будет специализироваться именно на «пчелиной» тематике: окончив МУ, она по протекции Кожевникова поступит работать на Тульскую пчеловодную станцию и со временем станет одним из признанных лидеров пчеловодного дела в СССР (Хабиева, 2016).

На общем фоне этой вполне благостной картины резким диссонансом выделяется более чем странное, очень трагическое событие, случившееся осенью 1920 г., уже упоминавшееся нами и неоднократно описанное. Имеется в виду покушение на Г.А. Кожевникова его ученика Н.Н. Плавильщикова, в результате которого почтенный профессор получил два огнестрельных ранения в голову и едва не погиб. Г.А. подробно описал это вопиющее происшествие в письме к А.П. Семёнову-Тян-Шанскому (СПбФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 498. Л. 331–335об; Михайлов, 2002, с. 10–12). Как показало посмертное вскрытие тела профессора в начале 1933 г., от верной гибели его спасла необычайная толщина черепных костей, не пропустивших пули маломощного пистолета (Кузин, 1999).

Рис. 6.38. Группа сотрудников и студентов Кафедры зоологии во время встречи Нового года, 1923 г. На переднем плане Г.А. Кожевников и (преположительно) В.В. Васнецов и Л. Амелина (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 387)

Свой либерализм Г.А. Кожевников обычно проявлял не только в прямых отношениях с коллегами, но и в рецензиях на печатную продукцию: разбирая ту или иную книгу, он не в последнюю очередь старался увидеть в ней хоть какие-то достоинства. Так, критикуя учебник «Записки по естественной истории для двухклассных училищ» некоего гимназического учителя, Г.А. предваряет перечень его изъянов

латинским изречением «*Un desint, laudanda est voluntas*», означающим приблизительно «Сил недостаёт, но добрая воля похвальна» (Кожевников, 1904л, с. 73). Свои комментарии к переводному изданию «Происхождение животного мира» (В. Гааке, 1903 г.) Кожевников завершает следующим кратким замечанием: «Чрезвычайно жаль, что метафизическое направление мышления автора придаёт ей местами ненаучный колорит. Но если читатель не будет обращать внимания на эти строки и страницы, то вынесет из книги Гааке много интересного» (Кожевников, 1904г, с. 77). Однако в отношении совсем не понравившихся ему книг Г.А. мог высказываться достаточно резко. Например, рецензию на книгу В.В. Лункевича «Популярная биология» (1897 г.) он заключает сожалением о том, «что столь интересные темы […] не нашли себе более подготовленного и умелого толкователя, чем г. Лункевич, которому ещё весьма много предстоит поучиться» (Кожевников, 1897б, с. 70)[13]. На небольшое руководство «Zoology. Descriptive and Practical» (B.P. Colton, 1903 г.) Кожевников отозвался весьма пренебрежительно: «В общем, книжка для русских учащих и учащихся вовсе не интересна» (Кожевников, 1904м, с. 84). А для книги «Малярия (болотная лихорадка)» (Г. Габекорн, 1904 г.) у него вообще почти не подобралось добрых слов, зато нашлись выражения более чем колкие: «какую ни напиши глупость, её напечатают “с дозволения цензуры”, ибо на глупость цензуры пока нет… […] Невольно вспомнишь поговорку “Бумага всё стерпит”» (Кожевников, 1905ж, с. 76).

***

Примечательной чертой характера Г.А. Кожевникова был своеобразный педантизм — качество, совершенно необходимое всякому музейщику, желающему содержать своё сложное объёмное хозяйство в надлежащем порядке. Например, он старался как-то разделять особыми метками коллекции, поступавшие в Зоомузей из разных источников (комиссий, обществ и т. п.), а также собственно музейские и частные собрания. Завершив основные дела, связанные с освоением Зоологического корпуса, он выпустил несколько подробных инструкций, довольно жёстко регламентирующих правила поступления новых коллекций в Зоомузей и пользования его библиотекой, условия посещения его экспозиционного зала (см. раздел 2.5).

Но иногда этот педантизм обращался просто в какую-то мелочную опеку, которая свидетельствовала, как нам кажется, о том, что Г.А. Кожевников остерегался полностью доверять своим младшим коллегам музейные заботы. Об этом можно судить, например, по тем руководящим указаниям, которыми Кожевников в 1930 г., т. е. уже на излёте своей музейской карьеры, снабжал по почте В.Г. Гептнера, хранителя позвоночных животных, возложив на него на время своего отсутствия обязанности по общему надзору за Зоомузеем. В июне, собираясь в Башкирию для изучения тамошних пчёл, Г.А. пишет Гептнеру в Самарканд, где тот находился в экспедиционной поездке: «Многоуважаемый Владимир Георгиевич. Настоятельно прошу вас скорее возвращаться и посвятить остаток лета музейским делам, весьма важным. Конечно, никуда больше уезжать не следует, это было бы нарушением служебной дисциплины» (АрхЗММУ. Архив В.Г. Гептнера. Письмо от 8 июня). В августе, уже приехав в Уфу, Кожевников посылает Гептнеру одну за другой несколько почтовых открыток с соответствующими инструкциями. Сначала он, заботясь о приведении Нижнего зала перед открытием в должный порядок, напоминает своему корреспонденту: «Сергееву[14] скажите, чтобы он заканчивал скорее фанерные двери у шкафов и сделал бы так, чтобы шкафы закрывались» (там же. Письмо от 14 августа). Спустя несколько дней Г.А. пишет: «Не велите накоплять мусор в вестибюле. Пусть всё выносят в му-

[13] Очевидно, имеется в виду тот самый В.В. Лункевич, который позже получит известность как автор многочисленных научно-популярных книг по биологии, включая трёхтомник по истории биологии «От Гераклита до Дарвина (1926–1943 гг.).

[14] Вероятно, имеется в виду молодой сотрудник музея А.М. Сергеев (Зоологический…, 2021).

сорный ящик во дворе. Следите за чистотой. Открытие музея 15-го. Вывесите объявление, написанное крупно и печатно. Сорвите старое объявление» (там же. Письмо от 20 августа). Не удовлетворившись этим, в незамедлительно последовавшей за письмом открытке он напоминает своё поручение: «Следите за чистотой в музее, чтобы залы не заросли пылью. Открытие музея для публики *15 сентября*. Вывесите объявление, снявши прежнее» (там же. Другое письмо от 20 августа).

По-своему замечательно ещё одно инструктирование Г.А. Кожевникова, отправленное В.Г. Гептнеру в самом начале той же башкирской поездки. Загрузившись в поезд и разобрав багаж, несколько рассеянный профессор обнаруживает, что забыл упаковать банки со спиртом для фиксации насекомых, и с дороги отправляет своему молодому подчинённому подробнейшее указание, что и как тому надлежит исполнить для исправления сей оплошности. Прежде всего Григорий Александрович настоятельно просит «это сделать немедленно, отложивши другие дела», а далее подробно прописывает, что же именно В.Г. должен сделать. Во-первых, нужно найти в профессорском «кабинете среди полного беспорядка на полу […] ящик с крышкой», в котором «банки со спиртом». Каждую банку следует обязательно доверху наполнить спиртом («иначе будет сильно булькать»), затем плотно закрыть, предварительно смазав крышку вазелином. Укладывая банки в почтовый ящик, нужно заранее «дно застелить стружкой или бумагой. Затем обматывать банки несколькими слоями *мятой* бумаги, чтобы она не плотно облегала банку — тогда она будет пружинить. Промежутки нужно забить бумагой, засыпать сверху опилками. Забить крышку: гвоздей у меня много в круглой жестянке. […] Вот и всё. Это очень важно и срочно. Непременно сделайте аккуратно, чтобы не разбилось». Примечательно, что на следующий день обеспокоенный профессор для верности отправляет Гептнеру ещё одно послание («а вдруг то пропало!») с той же просьбой, на этот раз вдобавок нарисовав, как следует правильно оборачивать банки бумагой (рис. 6.39) (там же. Письма от 9 и 10 августа).

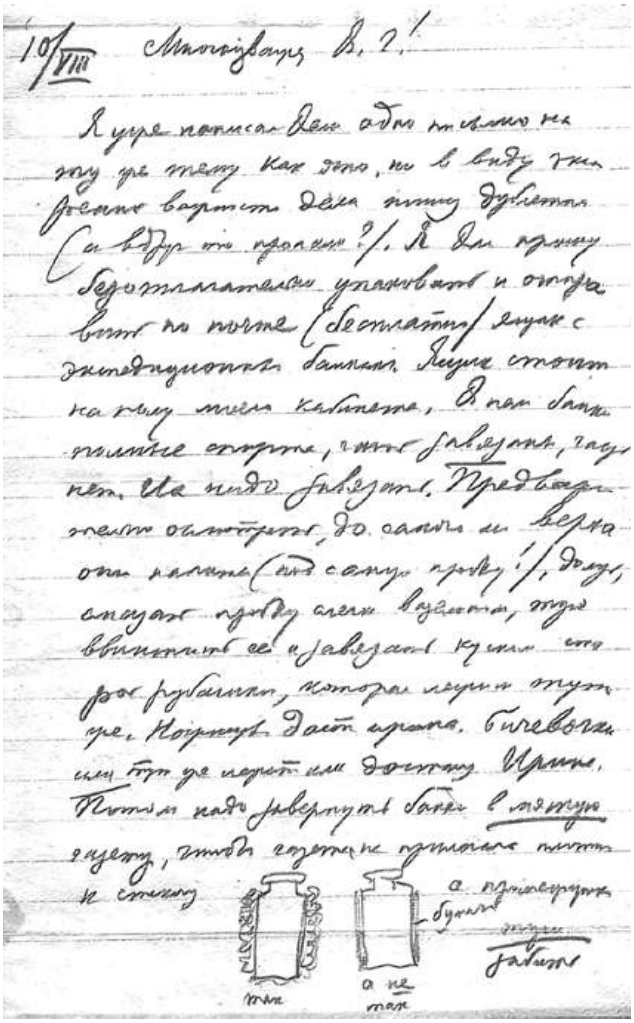

Рис. 6.39. Страница одного из писем Г.А. Кожевникова к В.Г. Гептнеру (август 1930 г.) с инструкцией по упаковке и отправке забытых им материалов (АрхЗММУ. Архив В.Г. Гептнера. Письмо от 10 августа)

Педантизм нашего героя был своеобразно дополнен экономностью и денежной расчётливостью. Она была воспитана с детства, когда у Григория, внимательно опекаемого старшим братом, не было собственных карманных денег, позже усилена необходимостью содержать семью при отсутствии достаточного жалованья и, наконец, усугублена послереволюционной карточной системной. Свидетельством такого отношения Г.А. к финансовой стороне жизни являются его нередкие записи о денежных приходах (получение денег от издательств, из Сберкассы и др.) — сначала в особом «кондуите» со

вклеенными вырезками опубликованных им газетных заметок, а позже в ежедневнике; точно так же Кожевников педантично записывал свои собственные расходы, даже самые небольшие. Так, в дневнике за 1883 г. Григорий рассказывает о том, как в сентябре поехал с приятелем Ярцевым поохотиться в лес в неподходящей одежде, попал там в неожиданную совершенную непогоду, и чтобы побыстрее вернуться домой, нанял «извозчика за 70 к.». (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 3). Многие годы спустя, уже став почтенным профессором, Кожевников в письме к А.П. Семёнову-Тян-Шанскому в октябре 1930 г. упоминает, что «купил две книжки (по 25 к.)» (СПбФ АРАН. Ф. 722 Оп. 2. Д. 499. Л. 107об). В ежедневнике по-своему примечательны записи Г.А. о его собственном питании, иногда без указания потраченных денег (но они явно подразумевались), иногда с этими указаниями. Так, 22 августа 1931 г. он записывает: «Еда за день бублик, ½ булочки, салат, пшённая каша. Картоха веч[ером] и остатки салата. Питьё 2 ст[акана] кофе, кр[ужка] молока, ½ ст[акана] нарзана, чашка чаю». На другой день был «вечер у Сонечки. Закуски 5 р. 04 к., шоколад 1 р. 75 к.» (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 3об). В другой раз Кожевников фиксирует расходы на свои обеды: «1 р. 20 к.» и «1 р. 75 к.»; отмечая «очень сочувственную рецензию» на его книгу «Породы пчёл» (1929 г.) в журнале «Естествознание в советской школе», тут же записывает «4 банки языка × 4 = 16 р.» (там же. Л. 3об, 50об).

Видимо, такая специфическая расчётливость стала причиной того, что в сообщении о работе Парижского пчеловодного конгресса 1900 г., напечатанном в «Вестнике Русского общества пчеловодов», Кожевников специально отмечает с явным одобрением, что «нельзя не удивиться скромности бюджета международного конгресса, скромности, которая совершенно необычна у нас в России» (Кожевников, 1902в, с. 4). Наверное, к этому же педантизму можно «подверстать» и то, что Г.А. привозил в Москву и сохранял у себя меню тех банкетов, на которых он присутствовал в качестве участника международных научных конференций и съездов (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320). Впрочем, в не меньшей мере этот примечательный факт свидетельствует и о том, что Григорий Александрович любил хорошо поесть (Кузин, 1999): сохранённые меню, вероятно, как-то согревали его душу воспоминаниями о прошлых приятных чревоугодничествах. В своих «Американских воспоминаниях» (конец 1900-х гг.) Кожевников довольно подробно рассказывает о соотношении зарплаты и цен (на продукты, на проезд и т. п.) в России и США (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 24).

***

Как мы уже отметили ранее, свои потаённые переживания, мнения о людях и о себе, размышления о смысле жизни и о своём месте в ней, комментарии к разным жизненным ситуациям и к прочитанному, Кожевников в начальный период своей активной жизни доверял дневникам. Первые записи в них появились в самом конце 1879 г., когда нашему «недорослю» было 13 лет, последняя же из обнаруженных нами в архивах была сделана осенью 1901 г. Таким образом, Г.А. вёл более или менее (второе всё же чаще) подробные дневники 20 с небольшим лет: они позволили нам восстановить в этой главе многие важные особенности характера героя нашей книги и детали его личной жизни, которые ранее оставались неизвестными заинтересованной публике. В последующем Г.А. Кожевников, по всей вероятности, дневников не вёл — одной из более чем уважительных причин была его загруженность преподаванием и особенно административными заботами, связанными с переездом в новое здание всего университетского зоологического хозяйства, во главе которого его поставили.

Своеобразным «заместителем» дневника в зрелые годы стали многочисленные письма, которыми Г.А. обменивался со своим питерским коллегой и приятелем А.П. Семёновым-Тян-Шанским. Их активная переписка продолжалась с начала 1900-х до начала 1930-х гг., письма Кожевникова были заботливо сохра-

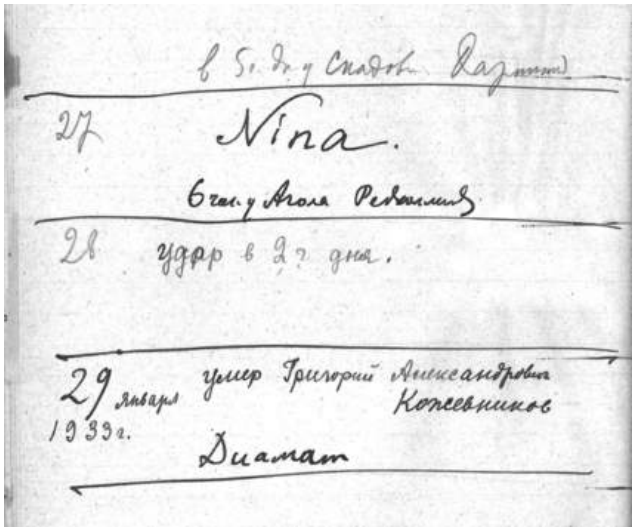

27 Nina.
28 удар в 2 ч. дня.
29 января 1933 г. умер Григорий Александрович Кожевников
Диамат

Рис. 6.40. Страница ежедневника Г.А. Кожевникова (конец января 1933 г.) с отметкой о постигшем его ударе и кончине (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед.хр. 352. Л. 59об)

нены его адресатом. В 1910-е и 1920-е гг. наш герой также довольно часто писал своей даме сердца Л.Г. Кашиной, не только признаваясь ей в своих пламенных чувствах, но и иногда сообщая о каких-то личных делах и проблемах. Наконец, некоторые вполне «интимные» подробности о быте и отчасти делах Кожевниковы доверительно сообщали в письмах к опальной чете Тихомировых.

После трагических событий, происшедших в жизни Г.А. Кожевникова в конце 1920-х и начале 1930-х гг. (сначала смерть жены, затем изгнание из МУ), он до последних дней своей жизни вёл нечто вроде ежедневника, в который записывал ближайшие служебные дела — лекции, семинары, конференции, а также планируемые визиты к своим родным и знакомым, напоминания о необходимости поздравить их в связи с днём рождения и именинами; имеется даже отдельный список таких памятных дат (АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 81об, 83). В конце ежедневника он заносил карандашные заметки о своих планируемых исследованиях, кое-какие материалы к подготовляемым к изданию руководствам по пчеловодству, названия журналов и отдельных статей, с которыми считал нужным ознакомиться, списки своих расходов и др.

Рис. 6.41. Надгробие Г.А. Кожевникова на Ваганьковском кладбище (Москва, фото 05.2024)

В общем, несмотря на все тяготы и невзгоды, Г.А. старался по-прежнему жить обычной жизнью, полной разными текущими делами и невинными бытовыми приятностями.

***

Последняя запись в ежедневнике была сделана Григорием Александровичем Кожевниковым с напоминанием о марксистском семинаре по диамату, назначенном на 29 января 1933 г. Но 28 января чья-то рука записала о неожиданном ударе, случившемся с Г.А. в 2 часа дня, а на следующий день — о его смерти (рис. 6.40) (там же. Л. 59об), которая настигла Г.А. на границе ночи и утра (Кузин, 1999).

Похоронили Григория Александровича на Ваганьковском кладбище (рис. 6.41) рядом с могилой его покойной супруги Марии Александровны. В этом же семейном захоронении позже найдут упокоение останки двух их детей — сына Александра и дочери Софьи (см. раздел 1.3).

ЭПИЛОГ: ЗЕМНУЮ ЖИЗНЬ ПРОЙДЯ…

Григорий Александрович Кожевников скончался неполных 67 лет от роду от тяжелейшего инсульта 29 января 1933 г. Это случилось через два с небольшим года после его окончательного изгнания из МУ, в дни работы 1-го Всесоюзного съезда по охране природы. Г.А. стоял у истоков природоохранного движения в России, болел всей душой за сохранение дикой природы, был одним из инициаторов создания ВООП и созыва этого съезда. Но в стране, приступившей к «Великому перелому», в начале 1930-х гг. ведущие роли стали играть не «природоохранители», а «природопотребители», которые, воодушевившись грандиозными задачами «соцстроительства», поспешили организовать настоящее шельмование самой идеи охраны природы и преданных ей людей (см. раздел 5.4). Новые лидеры призвали «сдать в мусорный ящик» принцип абсолютной заповедности и «давать решительный отпор» тем «оставшимся кое кем в живых», которые не смогли отбросить вредный для соцстроительства «фетиш абсолютной неприкосновенности заповедников» (Макаров, 1932, 1935). Б.С. Кузин в своих воспоминаниях добавляет ещё одну примечательную подробность: «накануне дня смерти Г.А. пригласили на Лубянку и там с ним беседовали» (Кузин, 1999, с. 81) — можно предполагать, что по поводу его участия в пчеловодных делах, на которые в начале 1930-х гг. также начались гонения.

***

«Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу»: эти первые две строки «Божественной комедии» её автор, итальянский поэт и отчасти богослов Данте Алигьери (Durante di Alighiero degli Alighieri) написал в возрасте 30 лет (Доброхотов, 1990). По этим возрожденческим меркам получается, что Г.А. Кожевников «прошёл до половины» свою «земную жизнь» в середине 1890-х гг., когда он только подбирался к началу карьерного подъёма в университетской иерархии, даже ещё не став приват-доцентом и не защитив докторской диссертации (см. раздел 2.2). В полную силу, можно сказать, он начал входить ближе к 40 годам, получив профессорское звание и возглавив Кафедру и Музей зоологии МУ, в каковой должности провёл их полную реорганизацию в связи с переездом в новое здание Зоологического корпуса. И, наверное, его дальнейшая карьера покатилась бы по традиционной колее, проложенной несколькими поколениями его предшественников — университетских профессоров, если бы, вступив в шестой десяток лет своей «земной жизни», он нежданно-негаданно не «очутился в сумрачном лесу».

Таковым для него, как и для значительной части граждан России «старой закваски», стал тот хаос, в который в результате революционных событий страна погрузилась в конце 1910-х и начале 1920-х гг. После завершения гражданской войны на полях сражений она перенеслась в дома и учреждения: упомянутых граждан объявили «чуждыми элементами», «агентами буржуазии» и «врагами народа» и подвергли разного рода гонениям и репрессиям, из-за чего те лишились прежнего образа жизни, прежних занятий, а нередко и жизни. Этот хаос в той или иной степени и в той или иной форме поглотил значительную часть той российской интеллектуальной элиты, которая не захотела или не смогла приспособиться к новым жёстким условиям существования. Так что судьба Г.А. Кожевникова, вообще говоря, была во многом вполне типичной для многих

людей его круга. Конечно, по меркам того жестокого времени наш герой, можно сказать, отделался «лёгким испугом», т. к. репрессии его поначалу серьёзно не задели — по той простой причине, что борцы за «светлое будущее всего человечества» поначалу были заняты более важными для них делами. Но ведь какова бы ни была эта огорчительно-утешительная «статистика», Г.А., как и всякий человек, был обречён проживать в этом «сумрачном лесу» свою собственную, индивидуальную, неповторимую жизнь, и все его интеллектуальные, моральные и материальные утраты, сколь бы «мелкими» они ни казались на фоне общей трагической ситуации, были невосполнимы лично для него, исподволь угнетая душу и медленно убивавая тело.

Сначала Г.А. Кожевникова, как и его коллег, лишили чинов и званий, а заодно и наград. Сохранив профессорскую должность при МУ, он оказался вынужденным, вопреки своим педагогическим воззрениям, впитавшим многие идеи евгеники, обучать зоологии студентов-«парттысячников», едва ли готовых к восприятию университетских наук, но готовых при всяком удобном случае шельмовать «классово чуждую» профессуру (см. разделы 2.7, 2.8). Когда стало ясно, что охрана природы вырождается в свою противоположность — в её подчинение целям построения социалистического государства, Г.А. попытался (наверное, не без увещеваний со стороны его старшего коллеги Н.М. Кулагина) хоть как-то соответствовать этой новой доминанте (см. раздел 5.4). Для этого он даже постарался забыть о прежней аполитичности и подстроиться по мере своих возможностей под требования большевистской власти, ознакомившись с азами марксистско-ленинской философии, которая стала официальной государственной догматической идеологией, а заодно освоив элементы советского «новояза».

Но Г.А. Кожевникову так и не удалось приспособиться к жизни в «сумрачном лесу» советской действительности и стать более-менее органичной её частью, в отличии от каких-то более успешных в этом отношении коллег и учеников. Он чувствовал себя «рыбой на берегу» — вырванным из привычной и душевно комфортной среды, утратившим ощущение «дорогой родины» как «родной и любимой» (см. раздел 2.7). В результате «земная жизнь» нашего героя, немыслимая без науки, преподавания и природоохранной деятельности в том понимании, которое было сформировано его прежним воспитанием, завершилась крахом всех устремлений и надежд.

Что ж, Григорий Александрович, некогда увлечённый идеями евгеники (см. раздел 3.6), мог бы, наверное, с грустью констатировать, что сам он оказался не тем организмом, который сумел приспособиться к условиям обитания в «сумрачном лесу» совдействительности, и поэтому был элиминирован социальным отбором… Впрочем, как мы отметили выше, Кожевников, сталкиваясь со смертью близких ему людей, забывал об отвлечённых дискурсах и отдавался во власть личных переживаний — так что вряд ли он стал бы (если бы смог) о самом себе отрешённо судить как учёный-евгеник…

***

Как пишет всё тот же Б.С. Кузин, ставший фактически душеприказчиком покойного по просьбе его сына, «после смерти Г.А. остались большой его архив и библиотека. [Университетское] начальство согласилось приобрести библиотеку для университета, но при условии, чтобы из архива было разрешено взять то, что может иметь научный или научно-исторический интерес. […] Архив же весь поступил ко мне» (Кузин, 1999, с. 82). Благодаря этому Кузин получил возможность ознакомиться с документами «чисто личного или семейного характера». Но от этого «история и наука ничего не выиграли. В то время ни в какой архив эти документы было сдать нельзя. Они, хотя и разобранные, лежали у [Кузина] в лаборатории (в библиотеке Музея). После […] ареста их или забрало ГПУ, или же они просто были выброшены на свалку» (там же)[1].

[1] В 1930-е гг. Б.С. Кузина по политическим мотивам несколько раз арестовывали, а затем отправили в ссылку до 1953 г. (Кузина, 1991).

По счастью, как мы писали в Предисловии, значительная часть личных материалов Кожевникова всё-таки была сохранена в Зоомузее и затем передана в архив МУ. Внимательное ознакомление с ними позволило нам вникнуть во многие ранее неизвестные моменты личной жизни Г.А. и его созревания как учёного-естественника вполне наурфилософского толка, болевшего всей душой о российской науке и образовании, о сохранении живой природы страны, истинным патриотом которой он был, об улучшении человеческого общества. Рассказав в этой книге, в меру нашего умения и нашего такта, нашего понимания взглядов её героя на жизнь и на профессию, о результатах наших архивных изысканий, а также напечатав ранее не издававшиеся важные тексты Г.А., мы смогли «вынести на свет» многие детали его научной и частной жизни, ранее остававшиеся в «тени», и тем самым отдать дань нашего уважения этой замечательной личности — Григорию Александровичу Кожевникову.

Книга о Г.А. Кожевникове

ПРИЛОЖЕНИЯ

Всякое учение сильно и жизненно только тогда,
когда оно из области теоретических размышлений
переходит в область житейской практики.

Г.А. Кожевников

П-01. ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Принятые в книге сокращения

АРАН — Архив Российской Академии Наук.

АрхЗММУ — Архив Зоологического музея МГУ.

АрхМГУ — Архив Московского государственного университета.

АрхМОИП — Архив Московского общества испытателей природы (МОИП).

ВАРНИТСО — Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству.

ВКП(б) — Всероссийская коммунистическая партия (большевиков).

ВСНХ — Высший Совет Народного Хозяйства.

ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.

ВЭО — Вольное экономическое общество.

ГМЗЕ — Государственный музей-заповедник С.А. Есенина.

ЗММУ — Зоологический музей Московского государственного университета.

ИИЕТ — Институт истории естествознания и техники РАН.

КЕПС — Комиссия по изучению естественных производительных сил.

МОИП — Московское общество испытателей природы.

МОСХ — Московское общество сельского хозяйства.

МУ — Московский (Императорский/Государственный) университет.

Наркомздрав — Народный Комиссариат Здравоохранения.

Наркомзем — Народный Комиссариат Земледелия.

Наркомпрос — Народный Комиссариат Просвещения.

НКВД — Народный Комиссариат Внутренних дел.

НИИЗ — Научно-исследовательский институт зоологии.

ОАЖР — Общество акклиматизации животных и растений.

ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Плавморнин — Плавучий морской институт.

РОП — Русское общество пчеловодства.

СНК — Совет Народных Комиссаров.

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал АРАН.

ФМО/Ф — Физико-математическое отделение/факультет МУ.

ЦЕКУБУ — Центральная комиссия по улучшению быта учёных.

Пояснения к библиографии Г.А. Кожевникова

В библиографический список включены опубликованных стати и монографии, сохранённые в архиве тексты публичных и частью университетских лекций и докладов (ранее никогда не публиковались в «бумажном» формате), некоторые важные газетные статьи, прошедшие мимо внимания прежних исследователей его творчества. Из журнальных статей не включены в список те, для которых авторство Г.А. Кожевникова мы сочли сомнительным (напр., с подписью *Г.*). К библиографическим данным по материалам, тексты которых включены в Приложение, добавлено указание «*П*-(*№*)». Буквы при годах публикаций соответствуют их упоминаниям в книге; для неупомянутых публикаций такие буквы не проставлены, они перечислены после упомянутых.

Пояснения к текстам Г.А. Кожевникова

Рукописные тексты по возможности дополнены фотографиями первых страниц рукописей.

Выделения курсивом соответствуют фрагментам текста Г.А. Кожевникова, которые выделены подчёркиванием.

Сноски Г.А. Кожевникова даны без указания авторства, редакционные сноски помечены как «**Ред.**»; редакционные пояснения в текстах даны в квадратных скобках.

Для устаревших названий видов животных, упомянутых Г.А. Кожевниковым, по мере возможности указаны их современные синонимы (также в квадратных скобках).

Орфографические ошибки исправлены без пояснений.

<> — в оригинале фрагмент текста, взятый в угловые скобки, зачёркнут Г.А. Кожевниковым.

*** — в оригинале фрагменты текста разделены длинной горизонтальной линией.

П-02. ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ И ДАТЫ ЖИЗНИ Г. А. КОЖЕВНИКОВА

Дата	Событие	Источник	Примечания
16.09.1866	Рождение Г. Кожевникова в г. Козлове	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	
1875	Переезд в Москву	https://ru.wikipedia.org/wiki/Кожевников,_Григорий_Александрович#cite_note-3	
1877	Поступление в 1-ю Московскую гимназию		Установлено по дате окончания гимназии (см. далее)
1882	Смерть старшего брата Дмитрия	Энциклоп… (1895)	Умер в Ментоне (Италия) от туберкулёза
1884	Окончание 1-й Московской гимназии	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	Окончил с золотой медалью
08.1884	Принят на естественное отделение Физико-математического факультета МУ	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	
лето 1886	Поездка на Севастопольскую морскую биостанцию	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 343	Познакомился со своей будущей женой М.А. Российской
лето 1887	Поездка на Балтийское (Киль) и Северное (Гельголанд) моря	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 1, 3	
05.1888	Выпущен из МУ	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	Выпущен в степени кандидата «за отличные успехи»
09.1888	Принят в ЗМ исполнять обязанности внештатного ассистента	Богданов (1891)	Официально зачислен на эту должность через полгода (см. далее)
1888	Смерть младшего брата Александра	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 350	Умер от «карбункула»
02.1889	Женитьба на М.А. Российской	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 351	Познакомился с ней в Севастополе в 1886 г. (см. выше)
03.1889	Зачислен на должность внештатного ассистента ЗММУ	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	
02.03.1890	Рождение дочери Марии	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	Умерла в 1911 г. (см. далее)

Примечание. Из съездов, в работе которых участвовал Г.А. Кожевников, здесь указаны только международные.

1890	Избран секретарём Комиссии преподавателей естественной истории при Обществе распространения технических знаний	М. (1901)	
1890	Избран секретарём Отдела беспозвоночных ОАЖР	Богданов (1891)	
1891	Утверждён в степени кандидата МУ	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	
начало 1890-х гг.	Избран секретарём Зоологического отделения ОЛЕАЭ	Кожевников (1893а)	
1891	Рождение дочери Ольги	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 350	Умерла от дизентерии в 1892 г. (та же ссылка)
1891	Присвоен чин коллежского секретаря		
23.12.1892	Рождение дочери Елены	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	
1892	Утвержден в чине титулярного советника	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	За выслугой лет
08.1892	Участие во 2-м Международном зоологическом конгрессе в Москве	Koschevnikov (1892б)	
01.1894	Пожалован орденом Св. Станислава 3 степ.	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	
07.02.1894	Рождение сына Александра	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	
09.1894	Перемещён на должность штатного ассистента ЗММУ	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	
12.1894	Избран секретарём ОЛЕАЭ	Запись в дневнике Г.А. от 17.10.1895 (АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. Д350)	В 1901 г. оставляет эту должность (см. далее; СПбФ АРАН Ф. 15 Оп. 1 Д. 219)
1894	Включён в состав бюро Учёного комитета по энтомологии при Министерстве земледелия и гос. имуществ	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 253, 320	
1895	Произведён в коллежские асессоры	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	За выслугой лет
весна 1896	Командирован на 2 недели в СПб для ознакомления с порядком хранения коллекций в Зоол. музее АН	Речь… (1898)	
1896	Сдал магистерский экзамен и утверждён в степени магистра	Речь… (1898)	Даёт право на представление докторской диссертации

1896	Награждён медалью в память царствования Императора Александра III и Св. коронования Их Императ. Величества	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	
03.1897	Перемещён на штатную должность хранителя ЗММУ	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	
12.03.1897	Рождение дочери Софьи	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	
01.1898	«Принят в число приват-доцентов» МУ по Кафедре зоологии, сравнительной анатомии и физиологии	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	
Осень 1898	Начал читать курсы по зоологии беспозвоночных и зоогеографии	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 323	
1898	Избран товарищем председателя Естественноисторического отделения Педагогического общества при МУ	М. (1901)	Создано на основе ранее закрытого Общества распространения технических знаний
01.1899	Награждён орденом Св. Анны 3 степ.	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	
03.1899	Произведён в чин надворного советника	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	За выслугой лет
04–05.1899	Поездка в Западную Европу для ознакомления с «постановкой музейного и лабораторного дела»	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322; Речь… (1900)	С пособием в 300 руб.
09.1900	Участие во 2-м Международном конгрессе по пчеловодству (Париж, Франция)	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322; Кожевников (1902к)	Посетил также Международную Парижскую выставку (Кожевников, 19??б)
1900	Произведён в чин надворного советника		За выслугой лет
12.1901	Присуждено звание «Officier de l’instruction Publique», с правом ношения знака отличия	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	Международная награда Франции за заслуги в образовании и науке
1901	Отставлен с поста секретаря ОЛЕАЭ. Избран председателем Фаунистической комиссии ОАЖР	Кожевников (1901в); СПбФ АРАН Ф. 15 Оп. 1 Д. 219	
04.1901	Избран почётным членом Русского Общества пчеловодства	АрхМГУ Ф. 200 О. 1 ед.хр. 320	

09.1902.	Командирован на 3-й Международный конгресс по пчеловодству в качестве делегата от РОП (Буа-ле-Дюк, Голландия)	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	Избран вице-президентом распорядительного комитета Конгресса
1902	Избран членом Совета ОАЖР и товарищем председателя Отделения пчеловодства ОАЖР	АрхМГУ Ф. 200 О. 1 ед.хр. 528	
01.1903	Награждён орденом Св. Станислава 2 степ.	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 322	
12.1904	Избран членом Правления Московского музея прикладных знаний	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 320	Избран сроком на три года
Осень 1904	Назначен на заведование ЗММУ	Отчет… (1905); АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 323	
Весна 1905	Защита докторской диссертации и присвоение докторской степени	Отчёт… (1906); АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 180, 320, 323	Официальные оппоненты диссертации — Н.Ю. Зограф и М.А. Мензбир
04.1905	Избран членом Редакционной комиссии Московского музея прикладных знаний	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 320	
Осень 1905	Присвоено звания экстрординарного профессора, назначен заведующим Кафедрой зоологии, сравнительной анатомии и физиологии ФМФ МУ	Отчёт… (1906); АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 180, 320, 323	
08.1905	Награждён Золотой медалью Учёного комитета Главного управления землеустройства и земледелия	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 320	
1905	Избран товарищем председателя Отделения зоологии ОЛЕАЭ	Отчёт… (1906)	Вместе с Н.М. Кулагиным
08.1907	Участие в 7-м Международном зоологическом конгрессе (Бостон, США)	Отчет… (1908)	За время поездки осмотрел несколько ведущих зоологических музеев Европы и США
1908	Инициировал организацию постоянной биостанции в Косино		
Середина 1900-х гг.	Избран товарищем председателя Общества по распространению естественнонаучных знаний	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 338	Точная дата не выяснена
04.1910	Назначен ординарным профессором по Кафедре зоологии, сравнительной анатомии и физиологии МУ	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 325	

весна 1910	Избран заведующим Измайловской опытной пасекой	Кожевников (1911л)	Избран сроком на три года; переизбран в 1913 г. (см. далее)
11.1910	Переизбран товарищем председателя Отделения зоологии ОЛЕАЭ	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 228а	Избран сроком на два года; в 1913 г. товарищем председателя не значится (Годичные отчёты…, 1914)
9.1910	Участие в работе 8-го Международного зоологического конгресса (Грац, Австрия)	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 285	
1910	Избран действительным членом Отделения пчеловодства ОАЖР	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 214	
08.1911	Смерть дочери Марии	СПбФ АРАН Ф. 728 Оп. 2 Д. 498 (письмо Г.А. к Семёнову-Тян-Шанскому, 19.08.1911)	Умерла в Ялте от саркомы позвоночника
09.1911	Участие в работе V Международного конгресса пчеловодов (Турин, Италия)	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 285	
06.1912	Избран членом Постоянной природоохранительной комиссии при РГО	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 246	
07.1912	Участие в работе 3-го Всеславянского съезда пчеловодов (Москва)		
Лето 1912	Командировка в Эрланген на Баварскую опытную пчеловодную станцию	Кожевников (1914д)	
03.1913	Участие в работе 9-го Международного зоологического конгресса в Монако	Годичные отчёты… (1914)	
11.1913	Участие в работе 1-й Международной конференции по охране природы (Берн)	Бородин (1913)	
1913	Избран на второй срок заведующим Измайловской опытной пасекой	Кожевников (1914д)	
1913	Указан как член Совета ОЛЕАЭ	Богданов (1915)	Точная дата избрания не указана
11. 1916	Избран председателем ОЛЕАЭ	СПбФ АРАН Ф. 722 Оп. 2 Д. 498 Л. 272об	
09. 1917	Умер старший брат Владимир; Г.А. (вместе с его вдовой) оформил опекунства над его детьми	АрхМУ, Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 359	

10.1918	Выведен за штат МУ в связи с реформой университетской систсмы	Спб АРАН Ф. 722_Оп. 2_Д. 498 (письмо Г.А. к Семенову-Тян-Шанскому, 28.10.1918)	Восстановлен 03.1919 (см. далее)
11.1918	Включён в Комиссию по устройству зоопарка и организации заповедников при Научном отделе Наркомпроса; включён в подкомиссию Научно-технического отдела Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ)	Вайнер (Уинер) (1911): Штильмарк (2014)	
1918	Назначен председателем Временного комитета по национализации Московского зоосада при Наркомпросе	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 217	
03.1919	Избран (восстановлен) профессором по каф. зоологии и сравнительной анатомии МУ	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 327	
1920	Назначен заведующим Научно-статистическим отделом Центрохоты Наркомзема	Вайнер (Уинер) (1911)	У Вайнера — «Научный отдел»
1920	Освобождён от должности заведующего Измайловской пасекой.	Жизнь... (1921)	Оставлен на пасеке в должности «учёного сотрудника»
10.1921	Назначен заведующим Подотделом учёта и охраны отдельных памятников природы при Отделе (Комитете) охраны памятников природы Наркомпроса	АрМГУ Ф. 200 Оп. 1, ед.хр. 289	Заведующим отделом назначен Н.М. Кулагин
1921	Избран профессором кафедры зоологии беспозвоночных в Костромском университете	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1, ед.хр. 330	
08.1922	Назначен заместителем заведующего Подотделом охраны природы, садов и парков при Главмузее Наркомпроса	АрМГУ Ф. 200 Оп. 1, ед.хр. 289	Заведующим назначен Н.М. Кулагин
1922	Назначен заместителем директора вновь учреждённого НИИЗа и заведующим лабораторией беспозвоночных в его составе	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 192	Директором НИИЗ назначен М.А. Мензбир; в 1923 г. его сменил А.Н. Северцов; другим заместителем директора назначен Б.М. Житков
07.1923	Назначен заместителем председателя Всероссийского комитета по охране памятников природы при Главнауке	АрМГУ Ф. 200 Оп. 1, ед.хр. 289	Заведующим назначен Н.М. Кулагин

10.1923	Назначен председателем президиума Биологического отделения ФМФ МУ	Летопись-2023	
05.1924	Назначен заместителем заведующего Практической лабораторией по зоопсихологии при Наркомпросе	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 334	Лаборатория учреждена в 1919 г., заведующим назначен В.Л. Дуров
Осень 1924	Начал читать курс «Естественная история пчелы» на Кафедре зоологии МУ	Пчеловодство… (1926)	
12. 1924	Избран председателем Временного президиума (совета) вновь учреждённого ВООП и председателем оргкомитета по проведению официального учредительного съезда ВООП	Анон. (1928); АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 291	Занимал должность председателя до января 1925 г.
09.1925	Участие в 1-м съезде Международного общества по сохранению зубра в Берлине (Германия)	СПбФ АРАН Ф. 722 Оп. 2 Д. 499 (письмо Г.А. к Семёнову-Тян-Шанскому, 09.10.1925)	Командирован Наркомпросом
1925	Действовал в качестве и.о. председателя правления Отделения пчеловодства ОАЖР	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 218	В конце этого года отказался баллотироваться в председатели правления (АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 598)
1925	Назначен научным сотрудником Междуведомственного комитета охраны природы при Главнауке	Штильмарк (1979)	
03.1926	Избран почётным членом и членом Совета ВООП	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 292	
01.1928	Освобождён от должности председателя Биологического отделения ФМФ МУ	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 335	
осень 1929	Избран председателем Зоологического отделения ОЛЕАЭ	СПбФ АРАН Ф. 722 Оп. 2 Д. 499 (письмо Г.А. к Семёнову-Тян-Шанскому, 08.08.1920)	
08.09.1929	Смерть М.А. Кожевниковой	СПбФ АРАН Ф. 722 Оп. 2 Д. 499 (письмо Г.А. к Семёнову-Тян-Шанскому, 09.09.1920)	
09.1929	Освобождён от должности профессора (заведующего) Кафедрой зоологии МУ	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 337	«Временно» оставлен в должности заведующего ЗММУ

01.1930	Назначен заведовать Отделением энтомологии в Тропическом институте Наркомздрава	АрхМГУ Ф. 54 Оп. 1 ед.хр. 207, 208	
11. 1930	Освобождён от должности заведующего ЗММУ	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 6	
(?) 11.1930	Повторная женитьба на некой «Полине Яковлевне»	Кузин (1999)	Фамилия второй супруги не установлена: дата женитьбы указана предположительно на основании записи Г.А. в ежедневнике в ноябре 1931 г. (АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 351)
1930	Включён в штат Биометрического кабинета при НИИЗе	Алпатов (1940)	
1930	Преподавал зоологию в Московском институте физической культуры	АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 206	
1931	Включён в штат Лаборатории экологии и полезных беспозвоночных при НИИЗе	Алпатов (1933а, 1936)	
29.01.1933	Смерть Г.А. Кожевникова		За день до смерти пережил тяжёлый инсульт

П-03. БИБЛИОГРАФИЯ Г.А. КОЖЕВНИКОВА

1890

1890а. *Г. Кожевников*. Строение органов размножения трутня. — Известия ОЛЕАЭ, 67. Дневник Зоологического отд. Общества и Зоологического музея, (6): 1–11.

1890б. *Г. Кожевников.* К вопросу о пчеловодных выставках. — Русский пчеловодный листок, (7): 217–218.

1890в. *Г. Кожевников.* Просьба делать опыты. — Русский пчеловодный листок, (7): 222–223.

1890. *Г. Кожевников.* Новое руководство по пчеловодству (Illustriertes Hanbuch [...]. Stuttg. 1889). — Русский пчеловодный листок, (10): 295–299.

1890. *Г. Кожевников.* Порубежники животного и растительного царств. — Помощь самообразованию, 2. Саратов. [Указано в: Богданов (1891)]

1890. *Г. Кожевников.* Заметки о Crustacea Amphipoda Севастопольской бухты. — Протоколы Зоологического отд. ОЛЕАЭ, 1 (2). [Указано в: Богданов (1891)]

1890. *Г. Кожевников.* Краткий отчет об экскурсиях в Киле. — Летопись зоологических трудов ИОЛЕАЭ (1890), 1: 413. [Указано в: Богданов (1891)]

1890. *Г. Кожевников.* Краткий отчет об экскурсиях у русского побережья Балтийского моря. — Летопись зоологических трудов ОЛЕАЭ (1890), 1:. 395. [Указано в: Богданов (1891)]

1890. *Г. Кожевников.* К вопросу о вертикальном распределение беспозвоночных у русских берегов Балтийского моря. — Дневник Зоологического отд. ОЛЕАЭ и Зоологического музея, (2). [Указано в: Koschevnkov (1892)]

1890. *G. Koschevnkoff.* Ein Zimmer-Aquarium mit Thieren aus dem Schwarzen Meere. — Der Zoologische Garten, 31 (1): 1–7.

1891

1891а. *Г. Кожевников.* Мужские половые органы пчёл. — Русский пчеловодный листок, (8): 241–246.

1891б. *Г. Кожевников.* Свойства различных пород пчёл. — Русский пчеловодный листок, (1, 2): 22–25, 66–71.

1891. *Г.А. Кожевников.* О пчелином яде. — Русский пчеловодный листок, (11): 337–340.

1891. *Г. Кожевников.* Медвяная роса. — Русский пчеловодный листок, (11): 361–366.

1891. Zur Anatomie der männlichen Geschlechtsorgan der Honigniene. — Zoologische Anzeiger, 376 [Указано в: АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 232]

1892

1892а. *Г.А. Кожевников.* Ум низших животных. Доклад в Историческом музее (Москва) АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1 Д. 84. Ед. хр. 350.

1892б. *G. Koschevnikov.* La faune de la mer Baltique orientale et les problems des explorations prochaines de cette faune. — Congrès international de Zoologie à Moscou. Deuxième Session. Premièr partie. Moscou: Imprim.-Lithogr. Lashkevitsch, Znamenskt et Co. P. 132–157.

1892. *Г. Кожевников.* Новая книга о воске. — Русский пчеловодный листок, (6): 176–181.

1892. *Г. К.* Пчеловодство на Московском акклиматизационном съезде. — Русский пчеловодный листок, (10, 11): 282–285, 310–314.

1893

1893а. *Г. Кожевников.* Отчет о литературе по позвоночным. Вып. 1. Систематика, географическое распространение, образ жизни, приручение, домашние животные. (1885–1889 г.). — Известия ОЛЕАЭ, 82. Труды Зоологического отд. Общества, 8: 3–52.

1893б. *Г. Кожевников.* По поводу новой теории размножения пчел. — Вестник Русского общества пчеловодства, (2): 47–53.

1893в. *Г. Кожевников.* Жизнь пчел. — Вестник Русского общества пчеловодства, (4): 30–63.

1893г. *Г. Кожевников.* Просьба к пчеловодам. — Вестник Русского общества пчеловодства, (6): 168–169.

1893. *Г. К.* О производстве воска пчелами. — Русский пчеловодный листок, (1): 11–12.

1893. *Г. Кожевников.* По вопросу о премировании выставляемых изделий из воска. — Русский пчеловодный листок, (7): 214–216.

1893. *Г.А.К.* Труды Кавказской шелководственной станции. Т. 5. Отчет об организации и деятельности пчельника. — Русский пчеловодный листок, (10): 294–295.

1893. *Г. Кожевников.* О мерах борьбы с «монашенкою». Доклад на засед.ании ОАЖР [Упомянуто в: Антушевич (1895)]

1894

1894а. *Г. Кожевников.* Пчелы трутовки. — Вестник Русского общества пчеловодства, (1, 2, 3): 12–18, 42–45, 75–78.

1894. *М.П. Вараввa, Г.А. Кожевников* (ред.). Материалы по вопросам преподавания естествознания в средней и низшей школе. Москва: Типогр. Э. Лисснера и Ю. Романа. 128 с.

1894. *Г. Кожевников.* Дюрр. Еестественные основы пчелиной деятельности. Braunschweig 1894. — Вестник Русского общества пчеловодства, (9): 306–308.

1894. *Г. Кожевников.* Передвижная выставка пчеловодства. — Вестник Русского общества пчеловодства, (11): 349–354.

1894. *Г. Кожевников.* Заметки по естественной истории пчелы. — Русский пчеловодный листок, (10, 12): 306–310, 360–368.

1895

1895а. *Г. Кожевников.* К вопросу об инстинкте пчел. — Вестник Русского общества пчеловодства, (11, 12): 352–354, 376–382.

1895б. *Г. Кожевников.* Значение температуры окружающего пчел воздуха для их жизни. — Русский пчеловодный листок, (10, 11, 12): 333–336, 357–360, 399–402.

1895. *Г.А. Кожевников* (ред.). Дневник Зоологического отделения и Зоологического музея, Т. 2. № 3. — Известия ОЛЕАЭ, 86. Зоологического отд. Общества, 10: 3–25.

1895. *Г. Кожевников.* Сведения о Русской научной ассоциации. — Известия Императ. ОЛЕАЭ, 86. Труды Зоол. отд. Общества, 10. Дневник Зоологического отделения и Зоологического музея, 2 (3): 24–25.

1896

1896а. *К.* Зоологический музей Академии наук. — Естествознание и география, (8): 887–888.

1896б. *Г. Кожевников.* Анатолий Петрович Богданов (некролог). — Естествознание и география, 1 (апрель): 377–389.

1896в. *Г.А. Кожевников.* Значение температуры окружающего пчел воздуха для их жизни. — Русский пчеловодный листок, (2, 3): 61–64, 91–95.

1896. *Г. Кожевников.* (сост.), *С.А. Зернов* (худ.) Естественная история пчелы. «Стенная таблица 100х700 см». С.-Петербург: Изд-во Русс. общ. пчеловодства.

1896. *Г. К.* М.А. Мензбир Птицы России. — Естествознание и география, (1): 70.

1896. *Г. Ко-в.* Н.В. Петров. Инвентарь американского пчеловодства. Москва. 1895. — Естествознание и география, (2): 187–188.

1896. *Г. Ко-в.* Н.В. Петров. Как кормить и поить пчел. Москва. 1895. — Естествознание и география, (2): 188.

1896. *Г. Ко-в.* R.S. Berg. Vorlesungen über allgemeine Embriologie. Wiesbaden. — Естествознание и география, (4): 339–341.

1896. *Г. Ко-в.* П. Жиро. Общества у животных. — Естествознание и география, (6): 687–688.

1896. *Г. К.* Karl A. von Zittel. Grundzüge der Palaeontologie (Palaeozoologie). München u. Leipzig. 1895. — Естествознание и география, (7): 784–785.

1896. *Г. Ко-в.* Тихомиров А. Атлас по пчеловодству. Москва: Изд. Мин. земледелия и гос. имущ. 1896. — Естествознание и география, (7): 779–780.

1896. *Г. Кожевников.* А. Бируля. Обзор работ по зоогеографии России за 1891–1893 гг. (Ежегодн. Имп. РГО, т. 5). — Естествознание и география, (8): 872–874.

1896. *Г. К.* О. Тихомирова. Краткое описание жизни шелковичного червя. М. 1896 г. О. Тихомирова. Краткое наставление к выкормке шелковичных червей шелковицей и скорцонером. М. 1896 г. О. Тихомирова. Скорцонер как корм шелковичного червя. — Естествознание и география, (8): 874–875.

1896. *Г. К.* Кован. Медоносная пчела. С.-Пб.: Изд. А.Ф.Девриена. — Естествознание и география, (8): 876–877.

1896. *Г. К.* Лягушка. Введение в анатомию, гистологию и эмбриологи. Сост. А. Мильнс Маршал. Москва. 1896. — Естествознание и география, (9–10): 1055–1056.

1896. *Г. К.* К.К. Кабардин. Природа, пчелы и пчеловоды на северном Кавказе. С.-Пб. 1896. — Естествознание и география, (9–10): 1056.

1896. *Г. Кожевников.* Кован. Медоносная пчела (перевод с англ.). С.-Петербург. 1895. — Вестник Русского общества пчеловодства, (2): 52–56.

1896. *Г. Кожевников.* Отдел пчеловодства на Всероссийской с.х. выставке в Москве. — Вестник Русского общества пчеловодства, (5–8): 199–202, 231–233, 261–263, 290–292.

1896. *Г. Кожевников.* По поводу пчеловодной группы на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. — Вестник Русского общества пчеловодства, (9): 312–316.

1896. *Г. Кожевников.* Анатомические исследования роевых и свищевых маток. Первый съезд русских пчеловодов в С.-Петербурге в 1893 г. [упомянуто в: Кожевников (1900б)].

1897

1897а. *Г. Кожевников.* Н. Бобрецкий. Учебник зоологии для студентов университета и высших учебных заведений. Киев. 1897. — Естествознание и география, (6): 74–75.

1897б. *Г. Кожевников.* В.В. Лункевич. Популярная биология. Спб. 1897. — Естествознание и география, (6): 67–70.

1897. *Г. К-в.* В.Г. Броггер и Н. Рольфсек. Фритьоф Нансен. Спб. 1896. — Естествознание и география, (1): 85–86.

1897. *Г. К.* П. Орелкин. Из жизни пчел. Спб. 1897. — Естествознание и география, (1): 87.

1897. *Г. Кожевников.* Программы и наставления для наблюдения и собирания коллекций по геологии, почвоведению, зоологии, ботанике, сельскому хозяйству, метеорологии и гидробологии. Спб. 1896. — Естествознание и география, (1): 87–89.

1897. *Г. Кожевников.* Ф. Камилл Дрейфус. Мировая и социальная эволюция. М.: Изд. Д.В. Байкова. 1896. — Естествознание и география, (4): 89–91.

1897. *Г. К.* Автобиография Земли. Общедоступный очерк исторической геологии Г.Н. Гётчинсона. Спб. 1897. — Естествознание и география, (6): 70–71.

1897. *Г. Кожевников.* А. Майльс. Естественная история в рассказах, живописующих природу, нравы и обычаи животных. Спб. 1897. — Естествознание и география, (6): 71–72.

1897. *Г. К.* Дружба с природой. Рассказы Элизы Брайтвин. Спб. 1897. — Естествознание и география, (6): 72–73.

1897. *Г. К.* А. Браунер. Краткий определитель дичи степной полос России. Часть 1. Птицы. Херсон. 1897. — Естествознание и география, (6): 76.

1897. *Г. К.* Л.А. Потехин. Краткий учебник пчеловодства. Спб. 1897. Л.А. Потехин. Пчелы и уход за ними в неразборных ульях. Изд. 2-е. Спб. 1897. — Естествознание и география, (6): 77–79.

1897. *К.* Руководство к собиранию и сохранению насекомых. Сост. К.В. Рейли, Н. Ширяев. Спб. 1897. — Естествознание и география, (7): 85–86.

1897. *К.* Эдвин Ланкастер. Полчаса с микроскопом. Москва. 1897. — Естествознание и география, (7): 86–87.

1897. *Г. К.* Анатомия и физиология человека. В объёме курса женских гимназий, институтов […]. Сост. Д.К. Влаиопулов. Москва. 1896. — Естествознание и география, (7): 87–89.

1897. *К-в.* Guide des excursions du VII Congress Geologique International. S.-Petersb. 1897. — Естествознание и география, (10): 98.

1898

1898а. *Г. Кожевников.* Географическое распространение животных форм в связи с их геологическим развитием. — Естествознание и география, (6): 1–20.

1898б. *Г. Кожевников.* Курс зоогеографии. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1 Д. 61.

1898в. *Григорий Кожевников*. Памяти Александра Николаевича Корчагина. — Известия ОЛЕАЭ, 86. Дневник Зоологического отд. и Зоологического музея, 2 (7): 3–7.

1898г. *Г. Кожевников*. Просьба к пчеловодам. — Вестник Русского общества пчеловодства, (4): 180–181.

1898. *Г. К.* Макс Феврон. Общая физиология. Основы учения о жизни. М. 1897. — Естествознание и география, (2): 77–78.

1898. *Г. К.* Л. Мороховец. Физико-химические основы биологических и врачебных методов исследования […]. М. 1897. — Естествознание и география, (2): 78.

1898. *Г. К-в.* П. Вольногорский. В лесу и в поле. Спб. 1897. — Естествознание и география, (3): 83–84.

1898. *Г. К-в.* К. Крэпелин. Природа в комнате. Спб: Изд. А.Ф. Девриена. Крэпелин. Изучение природы дома. Спб: Изд. К.И. Тихомирова. — Естествознание и география, (3): 84–85.

1898. *К.* А.А. Потехин. Естественная история пчелы. Спб. 1897. — Естествознание и география, (4): 74.

1898. *К.* Труды экспедиции для исследования источников главнейших рек Европейской России […]. Спб. 1897. — Естествознание и география, (4): 74–77.

1898. *Г. К-в.* Курс зоологии для студентов-естественников и сельских хозяев. Сост. Н. Зограф. Вып. 1. М. 1897. — Естествознание и география, (4): 78.

1898. *Г. К.* М. Маршалл. Развитие человеческого зародыша. М. 1898. — Естествознание и география, (5): 73–74.

1898. *Г. К.* Л. Кено. Влияние среды на организмы. Спб. 1898. — Естествознание и география, (5): 74–75.

1898. *К.* Eduard Hahn. Die Hausthiere and hhre Bezeiehungen zur Wirthschaft des Menschen. Leipzig. 1896. — Естествознание и география, (5): 75–76.

1898. *Г. К.* К.Э. Линдеман. Основы общей зоологии. Спб. — Естествознание и география, (5): 76–77.

1898. *Г. К-в.* И. Сеченов. Физиологические очерки. Ч. 1, 2. Спб. 1898. — Естествознание и география, (5): 77.

1898. *Г. Кожевников.* Le Physiologie Russe rédigér par M. le professeur Leon Morkhowetz. Vol. 1. №№ 1&2. Moscou. — Естествознание и география, (5): 77–80.

1898. *Г. Кожевников.* Charles Benedict Davenport. Experimental Morphology. Pt. 1st. New-York. 1897. — Естествознание и география, (6): 85–86.

1898. *Г. Кожевников.* Обзор промысловых охот в России. Сост. А.А. Силантьев. Спб. 1898. — Естествознание и география, (7): 73–76.

1898. *Г. Кожевников.* А. Малицын. Краткий учебник зоологии для средних учебных заведений. С.-Пб. 1898. — Естествознание и география, (7): 77–79.

1898. *Г. Кожевников.* Указатель изданий Министерства земледелия и государственных имуществ. 1-е д. Оп. Сост. И.И. Мамонтов. Спб. 1898. — Естествознание и география, (10): 84.

1898. *Г. К.* А. Шахназаров. Очерк сельского хозяйства Туркестанского края. Спб. — Естествознание и география, (10): 85–86.

1898. *Г. Кожевников*. П. Беркос, И. Ингеницкий. Практическая зоотомия. Вып. 1. Лягушка. Спб. — Естествознание и география, (10): 86–88.

1898. *Г. Кожевников.* Промысловые птицы. Доклад в Политехническом музее (Москва) АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 82.

1899

1899а. *Г.А. Кожевников*. Случай зоологической экспертизы. — Известия ОЛЕАЭ, 86. Дневник Зоологического отд. и Зоологического музея, 2 (7): 58–60.

1899б. *Г. Кожевников*. Пещерные животные и новые опыты над ними. — Газета «Русские ведомости». АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1899в. *Г.А. Кожевников*. Ненормальные явления в жизни пчелиной семьи. — Известия ОЛЕАЭ, 86. Дневник Зоологического отд. и Зоологического музея, 2 (7): 1–5.

1899г. *Г. Кожевников*. Ненормальные явления в жизни пчелиной семьи. (Часть доклада). — Вестник Русского общества пчеловодства, (11): 401–412.

1899. *Г.А. Кожевников* (ред.). Дневник Зоологического отделения и Зоологического музея, 2 (9, 10). — Известия ОЛЕАЭ, 86. Труды Зоологического отд. Общества, (10): 1–60.

1899. *Г. К.* Научные очерки Томского края. — Естествознание и география, (1): 74–76.

1899. *Г. К-в.* Труды Северной комиссии. — Естествознание и география, (1): 76–77.

1899. *Г. Кожевников*. R. Lydekker. Die geographische Verbreirtung and geologische Entwickelung der Säugethiere. — Естествознание и география, (1): 77–79.

1899. *Г. К-в.* L'Année biologique. Comptes Rendus annuels des travaux de Biologie generale […]. Paris. 1898. — Естествознание и география, (2): 72–73.

1899. *Г. Кожевников*. Курс зоологии для студентов-естественников, медиков и сельских хозяев. Сост. Н. Зограф. Вып. 2. М. 1898. — Естествознание и география, (3): 85–86.

1899. *Г. Кожевников*. Практическая зоотомия. Вып. 2. Речной рак. — Естествознание и география, (3): 86–87.

1899. *Г. К.* Польза и вред наших птиц. Наглядная иллюстрированная стенная таблица. Сост. Н.И. Кортнев. — Естествознание и география, (3): 87–88.

1899. *Г. К-в.* Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Том. II. Часть VII. Пресмыкающиеся и амфибии […]. — Естествознание и география, (3): 91.

1899. *Г. К.* Жизнь пресных вод. Соч. К. Ламперт. СПБ 1899. — Естествознание и география, (4): 97–98.

1899. *Г. К.* Дм. Кайгородов. Дневник петербургской весенней и осенней природы. […]. Спб 1899. — Естествознание и география, (4): 98–99.

1899. *Г. Кожевников*. И. Ингеницкий. Заграничные наброски. По музеям и лабораториям Западной Европы. СПБ 1899. — Естествознание и география, (4): 101–102.

1899. *Григорий Кожевников*. Россия. Полное географическое описание нашего отечества, Т. 1. Общ. рук. П.П. Семенов. СПБ 1899. — Естествознание и география, (6): 69–77.

1899. *Г. К.* Труды Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений. Т. VI . Вып. II. Отделение пчеловодства. М. 1899. — Естествознание и география, (7): 78–79.

1899. *К.* Alpheus A. Packard. A text-book of entomology […]. New York. 1898. — Естествознание и география, (7): 79–80.

1899. *Г. К-в.* Указатель изданий Министерства земледелия и государственных имуществ. 3-е д. Оп. Сост. И.И. Мамонтов. 1899. — Естествознание и география, (10): 101–102.

1899. *Г. Кожевников*. W.L. Sclater & P.L. Sclater. The geography of mammals. London. 1899. — Естествознание и география, (7): 74–78.

1899. *Г. Кожевников*. Курс зоологии для студентов-естественников и сельских хозяев. Сост. Н. Зограф. Вып. 3, 4. — Естествознание и география, (10): 99–101.

1899. *Г. Кожевников*. П. Беркос и И. Игницкий. Практическая зоотомия. Вып. III. Окунь и щука. СПБ. 1899. — Естествознание и география, (10): 101.

1899. *Г. Кожевников*. Н.А. Холодковский и А.А. Силантьев. Птицы Европы. Практическая орниология с атласом европейских птиц. СПБ. — Естествознание и география, (10): 101–102.

1899. *Г. Кожевников*. С.А. Сухов. О пчеловодстве в Томской губернии. — Вестник Русского общества пчеловодства, (2): 77–79.

1899. *Г. Кожевников*. А. Кук. Спутник пчеловода, или руководство к ведению пчелы. СПБ 1899. — Вестник Русского общества пчеловодства, (4): 156–159.

1899. *Г. Кожевников*. Обзор московской выставки пчеловодства. — Вестник Русского общества пчеловодства, (10): 338–349.

1899. *G. Koschevnkov*. Zur Kenntniss der Hautdrüsen der Apidae und Vespidae. — Anatomische Anzeiger, 15 (24): 519–528.

Начало XX века

19??а *Г. Кожевников*. Что и как наблюдать. Черновик статьи (не опубликована). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 26. П-26.

190?а. *Г. Кожевников*. О естествознании. Публичная лекция. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 84. П-14.

19??. *Григорий К.* Новое направление в преподавании рисования (Письмо в редакцию). — Газета «Русские ведомости», № 159. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

190?. *Г. Кожевников*. Американские воспоминания. Рукопись статьи. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 24. [Опубликовано в: Стручков (1995)]

1900

1900а. *Григорий Кожевников*. «Урания» в Берлине и Вене и «Общество для распространения естественнонаучных знаний в народе» в Берлине. — Естествознание и география, (6): 1–18.

1900б. *Г. Кожевников*. Материалы по естественной истории пчелы (*Apis mellifera* L.), Вып. 1. — Изве-

стия ОЛЕАЭ, 99 (1). Труды Зоологического отд. Общества, 14: 1–144.
1900в. *Григорий Кожевников*. Породы кавказских пчел в связи с вопросом о породах пчел вообще. — Вестник Русского общ-ва пчеловодства, Прилож.: 3–24.
1900. *Г. К-в*. B. Eyfert's Einfachste Lebensformen des Tier and Pflanzenreichs. […]. Braunschweig 1900. — Естествознание и география, (6): 79–80.
1900. *Г. К-в*. А. Беклей. Победители в жизненной борьбе. Великая семья позвоночных. Москва. 1900. — Естествознание и география, (6): 80.
1900. *Г. К.* А. Ярцев. Подмосковные прогулки. […]. — Газета «Московские ведомости», № 187. — Естествознание и география, (6): 81–82.
1900. *Г. К.* Медицинская зоология. […]. Спб 1899. — Естествознание и география, (6): 82.
1900. *Г. К.* Указатель книг, журнальных и газетных статей по сельскому хозяйству за 1897 год. Сост. А.Д. Педашенко. — Естествознание и география, (7): 80.
1900. *G. Koschevnkov*. Über den Fetykörper und die Oenocyten der Honigbiene. — Zoologische Anzeiger, 23 (618): 337–353.

1901

1901а (1902). *Г. Кожевников*. Зоологическая наука и практическое пчеловодство. Речь на Съезде отечественных пчеловодов в С.-Петербурге. — Вестник Русского общества пчеловодства (1902), (1–3): 32–48, 102–108, 146–157.
1901б [Г. Кожевников]. Голод как фактор отбора. Рукописный текст статьи (не опубликована). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 19. П-18.
1901в. *Григорий Кожевников*. Комиссия для исследования фауны Московской губернии. — Русское энтомологическое обозрение, (4–5): 215–220.
1901?г. *Г.А. Кожевников*. Задачи и методы изучения пресноводных беспозвоночных в аквариумах. Доклад на заседании Московского общества любителей аквариума и комнатных растений (объявление). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320 Л. 200.
1901д. *Григорий Кожевников*. Об изучении фауны комаров России (Diptera, Culicidae). — Русское энтомологическое обозрение, (1–2): 72–73.
1901. *Г.А. Кожевников*. Севастопольская биологическая станция и её аквариумы. — Дневник Ихтиологического отд. Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений. 1902, 9: 275–279. [Опубликовано фрагментарно в 1901 г. газетах: «Российские ведомости», № 109; «Крымский вестник», № 107]
1901. *Г. К.* Извлечение из «Жизни животных» А. Брэма. Ред. К. Сент-Илер. Изд. Т-во «Общественная польза». — Естествознание и география, (2): 73–74.
1901. *Г. К-в*. К. Сент-Илер. Десять практических занятий по гистологии для начинающих. Спб 1900. — Естествознание и география, (2): 74.
1901. *К*. Видерсгейм. Строение человека с сравнительно-анатомической точки зрения. — Естествознание и география, (2): 74.
1901. *Г. К.* Э. Маевский. Профессор Допотопнов. Прилож. к журналу «Всходы». — Естествознание и география, (2): 75.
1901. *Г. К-в.* Arnold Lang. Lehrbuch der verglichenden Anatomie der wirbellosen Thiere. Iena 1901. — Естествознание и география, (3): 76–77.
1901. *Г. Кожевников.* . Das Thierleben der Erde. W. Haake u. W. Kuhnert. Berlin. — Естествознание и география, (4): 75–77.
1901. *Г. Кожевников.* Аквариум Трокадеро. — Естествознание и география, (5): 56–61.
1901. *Г. К-в.* Работы гидробиологической станции, […]. Кн. 1. М. 1900. — Естествознание и география, (5): 67–68.
1901. *Г. Кожевников.* К. Ламперт. Жизнь пресных вод. — Естествознание и география, (5): 70–71.
1901. *Г. К.* Труды Саратовского общества естествоиспытателей и любителей естествознания, Т. 1, 2. Саратов. 1901. — Естествознание и география, (5): 75–76.
1901. *Г. Кожевников.* Русское энтомологическое обозрение, 1901, № 1–2. — Естествознание и география, (5): 79–81.
1901. *Г. Кожевников.* Россия. Полное географическое описание нашего отечества, Т. II. Общ. рук. П.П. Семенов. — Естествознание и география, (5): 81–84.
1901. *Г. К.* Проф. Н. Насонов. Курс энтомологии. Ч. 1. Варшава 1901. — Естествознание и география, (5): 85–86.
1901. *Григорий Кожевников*. Новая учебная таблица по пчеловодству. — Вестник Русского общества пчеловодства, (9): 281–291.
1901. *Григорий Кожевников*. А.Ф. Кунахович. Пчела и пчеловодство. Общедоступный курс. Спб. 1900. — Вестник Русского общества пчеловодства, (10): 322–329.
1901. *Г. Кожевников*. Atlante di Apicoltura. Anatomia, istologia. patologia e parassitologia dell'ape. Milano. 1901. — Вестник Русского общества пчеловодства, (10): 329–331.
1901. *Г. Кожевников*. Шатндфусс М. Жизнь бабочек, их ловля и сохранение. Пер. с немецкого. М.-СПб. 1901. — Русское энтомологическое обозрение, (6): 280–283.
1901(2?). *Г. К.* Студенческий кружок. — Газета «Русские Ведомости». АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1902

1902а. *Г.А. Кожевников* (ред.). Руководство к зоологическим экскурсиям. Москва: Изд-во К.И. Тихомирова. 182 с.
1902б. *Г.А. Кожевников*. Введение. — Кожевников Г.А. (ред.). Руководство к зоологическим экскурсиям. Москва: Изд-во К.И. Тихомирова. С. 3–33.

1902в. *Г.А. Кожевников*. Международная выставка рыбопромышленности в Вене в сентябре 1903 г. Доклад на заседании Отд. ихтиологии РОАЖР. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 95 (объявление).

1902г. *Г. К.* Д-р Желэ. Преобразуемость живых организмов. Спб 1902. — Естествознание и география, (6): 73–74.

1902д. *Г.А. Кожевников*. Предисловие. — Кожевников Г.А. (ред.). Руководство к зоологическим экскурсиям. Москва: Изд. К.И. Тихомирова. С. 1–2.

1902е. *Григорий Кожевников*. От комиссии для исследования фауны Московской губернии. — Газета «Русские ведомости», № 76. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1902ж. *Г.А. Кожевников*. Комиссия для исследования фауны Московской губернии. Отчёт о деятельности Комиссии с 23 апреля 1901 года по 23 апреля 1902 года. — Известия ОЛЕАЭ, 98. Дневник Зоологического отд. Общества, 3 (4): 1–5.

1902з. *Г. Кожевников*. Породы пчел. — Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук, Т. VII. Санкт-Петербург: Изд-во А.Ф. Девриена. С. 596–600.

1902и. *Г. Кожевников*. Пчела. — Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук, Т. VII. Санкт-Петербург: Изд-во А.Ф. Девриена. С. 1241–1262.

1902к. *Г. Кожевников*. Международный конгресс по пчеловодству, происходивший в Париже в 1900 году. — Вестник Русск. общества пчеловодства, (1, 4, 5, 6, 7, 10): 21–31, 214–220, 250–259, 293–299, 377–382, 536–548.

1902л. *Г. Кожевников*. Наше дачное движение (письмо в редакцию). — Газета «Курьер», № 143. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1902м. *Г. Кожевников*. Прямокрылые и ложносетчатокрылые Российской империи и сопредельных стран. Сост. Г.Г. Якобсон, В.Л. Бианки. — Естествознание и география, (3): 81–83.

1902. *Г.А. Кожевников*. Экскурсии / Экскурсионное снаряжение / Этикетировка коллекций / Сохранение в спирту / Сохранение в формалине / Другие сохраняющие вещества / Пересылка коллекций по почте / Распросные сведения / Биологические наблюдения / Временное схранение птиц и млекопитающих / Изготовление мумий / Способы умерщвления насекомых / Перепончатокрылые / Комары / Стрекозы / Многоножки / Ракообразные / Паразитические черви / Простейшие / Хранение коллекций. — Г.А. Кожевников (ред.). Руководство к зоологическим экскурсиям. Москва: Изд-во К.И. Тихомирова.

(ред.). Руководство к зоологическим экскурсиям. Москва: Изд-во К.И. Тихомирова. 182 с.

1902. *Г. Кожевников*. Международная выставка рыболовства и рыбоводства в Вене. — Газета «Русские ведомости», сентябрь. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1902. *Г. Кожевников*. Наше дачное движение (Письмо в редакцию). — Газета «Курьер», № 143. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1902. *Г.А. Кожевников*. Организм и среда. — Газета «Новости дня» (г. Орёл). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1 № 320 Л. 39.

1902. *Г. К.* Певчие птицы. Сост. Ив. Святский. СПБ 1901. — Естествознание и география, (8): 81–83.

1902. *Григорий Кожевников.* Полное географическое описание нашего отечества, Т. II. Общ. рук. П.П. Семенов, В.И. Ланской. — Естествознание и география, (9–10): 139–142.

1902. *Григорий Кожевников.* Болезни и враги пчел. — Вестник Русского общества пчеловодства, (2, 10): 78–81, 522–523.

1902. *Григорий Кожевников.* Вопрос о величине пчел. — Вестник Русского общества пчеловодства, (9): 466–468.

1902. *Григорий Кожевников.* Естественные гнезда пчел. — Вестник Русского общества пчеловодства, (11): 576–578.

1902. *Г.А. Кожевников.* Перелётные птицы. Доклад в Педагогическом обществе при МУ (текст опубликован как книга, см. Кожевников, 1903. Перелётные…). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 42.

1903

1903а. *Григорий К*. Рогач. История кутенейского горного барана. Э. Сетон-Томпсон. М. 1903. — Естествознание и география, (8): 81–82.

1903б. *Г. К.* Сто животных. Опыт краткой зоологии. Сост. Г. Ланге. Москва 1902. — Естествознание и география, (7): 83.

1903в. *Г. Кожевников*. Фотоэклектор. — Труды Русского энтомологического общества, 36: 1–8.

1903г. *Г.А. Кожевников.* Полиморфизм в животном царстве. Доклад на годичном заседании ОЛЕАЭ в Политехническом музее. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 88. П-22.

1903д. *Г. Кожевников*. Содействие изучению малярии в России. — Газета «Новое время», № 9817. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 127.

1903е. *Г.А. Кожевников*. Материалы по биологии *Anopheles*, собранные Воронежской малярийной экспедицией. — Труды Комиссии по изучению малярии в России, (1): 69–94.

1903ж. *Г. К.* Малярия в Московской губернии. — Газета «Русские Ведомости». АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320 Л. 18, 19.

1903з. *Г.А. Кожевников*. К вопросу о происхождении «рабочих» в семье перепончатокрылых. Доклад на объединённом заседании ОАЖР и Зоологического отделения ОЛЕАЭ.

1903и. *Г. К.* Венки на могилу. — Газета «Курьер», № 156. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320.

1903. *Григорий К.* Новшества правописания и обучение грамоте. — Газета «Русские Ведомости», № 312. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1903. *Г. Кожевников.* С.М. Переяславцева (некролог). — Газета «Русские ведомости», 3 янв. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1903. *Г. К.* Предполагаемая реформа женских гимназий. — Газета «Русские Ведомости». АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1903. *Г. К.* Н.В. Туркин, К.А. Саунин. Звери России. Т. I, вып. 1–3. Москва 1900. — Естествознание и география, (1): 75–76.

1903. *Г. Кожевников.* Л.А. Потехин. Учебник пчеловодства. — Естествознание и география, (1): 77–78.

1903. *Г. К.* Русское энтомологическое обозрение, год II и № 1 года III. — Естествознание и география, (5): 73.

1903. *Г. Кожевников.* Ежегодник Волжской биологической станции Саратовского общества естествоиспытателей и любителей естествознания. 1903, вып. 1. — Естествознание и география, (10): 89–90.

1903. *Г. К-в.* Otto Maas. Einführung in die experimentelle Entwickelungsgeschichte (Entwickelungsmechanik). Wiesbaden. 1903. — Естествознание и география, (10): 90.

1903. *Г.А. Кожевников*. Лальё де ла Рок. — Вестник Русского общества пчеловодства, (7): 276–277.

1903. *Г.А. Кожевников*. Перелётные птицы. Москва: Типогр. т-ва И.Д. Сытина, 39 с. URL: https://zoomet.ru/pticy-sssr-bibliografija-1881-1917-nauchno-populjarnaja-literatura-i-folklor.html (дата обращения 01.06.2023).

1903. *Г.А. Кожевников.* Зоогеографический элемент в школьном землеведении. Доклад на заседании Географического отделения Педагогического об-ва при МУ (объявление). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 141.

1903. *Г.А. Кожевников.* Руководство зоологии для средних учебных заведений Н.А. Иванцова. Доклад на заседании Естественноисторического отд. Педагогического общ-ва при МУ.

1903. *Г.А. Кожевников.* Значение местных естественноисторических исследований. Задачи и приёмы зоологических экскурсий. Доклад на заседании Серпуховского об-ва любителей естественных наук [Опубликован в: Серпуховское… (1903)]. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 22.

1904

1904а. *Г. Кожевников.* А.Л. Ященко. Хруп. Воспоминания крысы-натуралиста. С.-Пб. 1903. — Естествознание и география, (4): 70–72.

1904б. *Г. Кожевников.* Ф. Мартин. Три царства природы. С.-Пб.: Изд. А.Ф. Маркса. — Естествознание и география, (8): 77–80.

1904г. *Г. К.* В. Гааке. Происхождение животного мира. С.-Пб.: Изд-во «Просвещение». — Естествознание и география, (4): 76–77.

1904д. *Г. А. Кожевников.* Что могут сделать любители птиц для исследования подмосковной фауны? — Дневник Кружка любителей певчей и другой вольной птицы. Год третий, (1–2): 1–11.

1904е. *Григорий Кожевников.* Борьба с малярией в России. — Газета «Русские ведомости», № 143. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1 № 320.

1904ж. *Г. Кожевников.* Изучение малярии в России. — Газета «Русские ведомости», № 6. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1904?з. *Григорий Кожевников.* «Чумной форт». — Газета «Русские ведомости», № 174. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1904и. *Григорий К.* Похоронные венки. — Газета «Русский вестник», № 196. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1904к. *Г. Кожевников.* Изборник опытной пасеки Императ. Русского общества акклиматизации животных и растений в Измайловском зверинце. Свиток 1. — Естествознание и география, (4): 84–85.

1904л. *Г. Кожевников.* Записки по естественной истории для двухклассных училищ. Сост. Д. Утушкин. Екатеринбург. 1903. — Естествознание и география, (4): 73–75.

1904м. *Г. Кожевников.* B.P. Colton. Zoology. Descriptive and practical. London. — Естествознание и география, (9): 83–84.

1904. *Г. К.* Бактериологический институт Московского университета. — Газета «Русские ведомости». АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320 Л. 26–27.

1904. *Г. Кожевников.* G. Capus. Guide du naturaliste préparateur et du voyageur scientificue. Paris. 1903. — Естествознание и география, (1): 81–82.

1904. *Григорий К.* Ч. Корниш. Жизнь животных в фотографиях с натуры. — Естествознание и география, (2): 81–83.

1904. *Григорий К.* Русское энтомологическое обозрение, год. III. — Естествознание и география, (3): 82–83.

1904. *Григорий К.* Н.Н. Яковлев. Геологическая история животного царства. С.-Пб. 1904. — Естествознание и география, (4): 78–80.

1904. *Г. Кожевников.* Э.С. Томпсон. Рассказы из жизни животных. С.Пб. 1901. — Естествознание и география, (5): 88–89.

1904. *Г. К.* Г. Карпентер. Насекомые, их строение и жизнь. — Естествознание и география, (5): 90.

1905

1905а. *Г. Кожевников*. Материалы по естественной истории пчелы (*Apis mellifera* L.), Вып. 2. О полиморфизме у пчелы и у других насекомых. — Известия ОЛЕАЭ, 99 (2). Труды Зоологического отд. Об-

щества, 14: 3–181.

1905б. *Г. Кожевников*. Один из университетских вопросов. Черновик неопубликованной статьи. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 20. П-06.

1905в. *Г. Кожевников*. П. Вольногорский. Страницы из книги природы. С.-Пб. 1904. — Естествознание и география, (8): 81–83.

1905г. *Г.А. Кожевников*. Вопросник для представления отчета по зоологических экскурсиях Комиссии для исследования фауны Московской губернии. Отчёт о деятельности Комиссии с 23 апреля 1902 года по 1 декабря 1904 года. — Известия ОЛЕАЭ, 98. Дневник Зоологического отд. Общества, 3 (6): 113–114.

1905д. *Г.А. Кожевников*. Окская экспедиция 1903 г. (предварительный отчет). Отчёт о деятельности Комиссии с 23 апреля 1902 года по 1 декабря 1904 года. — Известия ОЛЕАЭ, 98. Дневник Зоологического отд. Общества, 3 (6): 64–76.

1905е. [..]. Е. Елачич. На чем основано разделение животного мира на отделы (Основы систематики). С.-Пб. 1905. — Естествознание и география, (6): 82–83.

1905ж. *Григорий К.* Д-р В. Габеркорн. Малярия (болотная лихорадка). С.-Пб. 1904. — Естествознание и география, (1): 75–76.

1905. *Г. Кожевников* (ред.). Комиссия для исследования фауны Московской губернии. 1902–1904. — Известия ОЛЕАЭ, 98. Дневник Зоологического отд. Общества, 3 (6): 3–5.

1905. *Г. Кожевников*. Комиссия для исследования фауны Московской губернии. Отчёт о деятельности Комиссии с 23 апреля 1902 года по 1 декабря 1904 года. — Известия ОЛЕАЭ, 98. Дневник Зоологического отд. Общества, 3 (6): 1–5.

1905. *Г. Кожевников*. Е. Елачич. Как животные защищаются от врагов. С.-Пб. 1905. — Естествознание и география, (6): 83.

1905. *К.* А. Брем. Тундра, её растительный и животный мир. С.-Пб. 1905. — Естествознание и география, (6): 83–84.

1905. *Г. К.* И. Порчинский. Сернистый углерод в борьбе с вредными животными. Ч. 1. С.-Пб. 1905. — Естествознание и география, (7): 85.

1905. *К.* А.А. Климонтович. Переселения животных. С.-Пб. 1905. — Естествознание и география, (7): 85.

1905. *Г. К-в.* В. Шимкевич. Курс сравнительной анатомии позвоночных животных. Изд. М.О. Вольф. 1905. 1905. — Естествознание и география, (7): 85–86.

1905. *Григорий Кожевников*. О. Шмейль. Животные. Основы учения о жизни и строении животных. — Естествознание и география, (8): 79–81.

1905. *Г. Кожевников*. Н. Бобрецкий. Учебник зоологии для студентов высших учебных заведений. 1904. — Естествознание и география, (9): 80–81.

1905. *Г. Кожевников*. А.М. Никольский. Пресмыкающиеся и земноводные Российской империи. С.-Пб. 1905. — Естествознание и география, (10): 92–93.

1905. *Г. К.* А.С. Порецкий. Дары моря. М.1905. — Естествознание и география, (10): 93–94.

1905. *Г.А. Кожевников*. Жизнь пчел с социологической точки зрения. Доклад на Всероссийском съезде пчеловодов в Москве 10–16 сентября. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320.

1905. *Г.А. Кожевников*. К вопросу о естественных врагах малярийных комаров. — Русский врач, (25). [Оттиск к библиотеке ЗММУ].

1906

1906а. *Григорий Кожевников*. Предметная система в университетском преподавании естествознания. — Естествознание и география, (6): 70–82.

1906б. Проф. *Г. Кожевников*. Заметки по зоологической практике. Ч. III. Коллектирование и занятие систематикой. — Естествознание и география, (5): 64–74.

1906в. *Г. Кожевников*. Фауна Московской губернии и дальнейшие задачи её изучения. Доклад на годичном заседании ОЛЕАЭ. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 85. П-25.

1906г. Проф. *Г. Кожевников*. Заметки по зоологической практике. Ч. I, II. — Естествознание и география, (2): 72–80.

1906д. *Г. Кожевников*. Современное состояние вопроса о видах и породах пчел. — Вестник Русского общества пчеловодов, (6–7): 99–106.

1906е. *Г. Кожевников*. Просьба к пчеловодам. — Пчеловодная жизнь, (13–14): 345–346.

1906ж. *Г. Кожевников*. К воросу о роевой свободе. — Пчеловодная жизнь, (22): 581–586.

1906з. *Г. Кожевников*. Новое стеснение научной деятельности в России (письмо в редацию). — Газета «Русские ведомости», № 36. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320.

1906и. *Г. Кожевников*. Вопрос о месте для памятника Гоголю. — Газета «Курьер», 20 авг. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320.

1906. *Г. К.* Е. Елачич. О взаимоотношении животного и растительного мира. С.-Пб. 1906. — Естествознание и география, (6): 83.

1906. *Г. К.* О кобылке. Какой она приносит вред земледелию и как бороться с нею. Сост. Н.Л. Скалозубов. Томск. 1905. — Естествознание и география, (2): 81.

1906. *Г. Кожевников*. Труды Кавказской шелководственной станции. Т. 11, 12. Тифлис 1904. — Естествознание и география, (2): 82.

1906. *Г. Кожевников*. М. Рузский. Муравьи России. Систематика, география […]. Ч. 1. Казань 1905. — Естествознание и география, (3): 82–83.

1906. *Г. К.* Естественно-историческая коллекция гр. Е.П. Шереметевой. V. Перепончатокрылые. Сост. Н.А. Мосолов. — Естествознание и география, (3): 83.

1906. *Г. К.* Хутор. — Естествознание и география, (4): 82.

1906. *Г. Кожевников*. Наглядные пособия по естествоз-

нанию. — Естествознание и география, (4): 85–86.
1906. *Г. К.* Н.А. Холодковский. Учебник зоологии и сравнительной анатомии для высших учебных заведений. — Естествознание и география, (5): 80–81.
1906. *Г. Кожевников.* Объяснительный каталог естественно-исторического музея Херсонского губернского земства. Сост. И.К. Пачоский. — Естествознание и география, (6): 83–84.
1906. *Г. Кожевников.* Г.Г. Якобсон. Жуки России и западной Европы. Руководство к определению жуков. С.-Пб. 1905. — Естествознание и география, (8): 84–85.
1906. *Г. К.* Ив. Шевырев. Второй отчёт Лесному департаменту о вредных насекомых. […]. С.-Пб. 1905. — Естествознание и география, (9): 83.
1906. *Г. К.* Труды Всероссийского съезда пчеловодов в Москве […]. Москва 1906. — Естествознание и география, (9): 83.
1906. *Г. Кожевников.* H. Landois. Das Studium der Zoologie. […]. Freiburg 1905. — Естествознание и география, (9): 81–83.
1906. *К.* К.М. Дерюгин. Мурманская биологическая станция. — Естествознание и география, (10): 71–72.
1906. *Г. Кожевников.* Инстинкт и нравы насекомых. Из энтомологических воспоминаний Фабра. Т. 2. С.-Пб. — Естествознание и география, (10): 72–73.
1906. *Г. Кожевников.* Rhizopoda пресных вод. — Естествознание и география, (10): 73–74.
1906. *К-в.* А. Ермолов. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. III. Животный мир в воззрениях народа. С.-Пб. 1905. — Естествознание и география, (10): 74.
1906. *Григорий Кожевников.* Памяти Дзержона. — Пчеловодная жизнь, (21): 548–552.
1906. *Г. Кожевников.* Жизнь диких пчел. — Пчеловодная жизнь, (23): 622–624.

1907

1907а. *Г. Кожевников.* А. Полотебнова. Книга о любви ко всем животным тварям. […]. С.-Пб. 1907. — Естествознание и география, (9): 72–74.
1907б. *Григорий Г.* А. Тихомиров. Живые существа и их размножение. — Естествознание и география, (4): 81–82.
1907в. *Г. Кожевников.* О задачнике Пильца и о задачах по естественной истории вообще. — Естествознание и география, (5): 70–76.
1907г. *Григорий Кожевников.* Зоология, природа и охота. — Охотничий вестник, (4): 58–61.
1907д. *Г. Кожевников.* Немецкие музеи и пчеловодство (письмо из-за границы). — Вестник Русского общества пчеловодов, (8): 184–192.
1907е. *Г. Кожевников.* О строении восковых желез (по поводу статьи Дрейлинга). — Пчеловодная жизнь, (1): 11–14.
1907ж. *Г. Кожевников.* Письма из-за границы. I. Музейские мысли и впечатления. — Охотничий вестник, (15): 239–241.
1907з. *Г. Кожевников.* Письма из-за границы. II. В лесной академии. — Охотничий вестник, (18): 284–286.
1907и. *Г.А. Кожевников.* Исследования над гнильцом. — Вестник Русского общества пчеловодов, (6–7): 155–156.
1907к. *Г. Кожевников.* Пчела может вынуть свое жало из тела человека. — Вестник Русского общества пчеловодов, (6–7): 156–157.
1907л. *Г. Кожевников.* Зоологические заметки. I. Вымирание животных. — Охотничий вестник, (5): 77–80.
1907м. *Г.А. Кожевников.* Письма из-за границы. IV (окончание). Немецкое охотничье хозяйство (окончание). — Охотничий вестник, (24): 378–381.
1907н. *Г. Кожевников.* Необходимое разъяснение. — Охотничий вестник, (6): 102.
1907о. *Григорий К.* Значение охоты для культурного человека. — Охотничий вестник, (8): 122–127.
1907п. *Г.А. Кожевников.* Письма из-за границы. III. — Охотничий вестник, (17): 271–273.
1907р. *Григорий Кожевников.* Противодействие учебной экскурсии. — Газета «Русский вестник», № 67. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320.
1907. *Г. Кожевников.* Зоологические заметки. II. Новая книга по систематике птиц. III. Доисторические животные. IV. Русские крысы. — Охотничий вестник, (7): 109–114.
1907. *Г. Кожевников.* Против весенней охоты. — Охотничий вестник, (11): 171.
1907. *Г. Кожевников.* Зоологические заметки. VI. Птицы Екатеринославской губернии. — Охотничий вестник, (12): 189–191.
1907. *Г.А. Кожевников.* Письма из-за границы. II. Будущность охоты и культура. — Охотничий вестник, (16): 252–253.
1907. *Г.А. Кожевников.* Английский коллекционер и русское министерство. — Охотничий вестник, (21): 331–332.
1907. *Г.А. Кожевников.* Письма из-за границы. IV. Немецкое охотничье хозяйство. — Охотничий вестник, (22): 346–349.
1907. *Г. Кожевников.* Сборник студенческого биологического кружка при Императ. Новороссийском университете, №№ 1, 2. Одесса. 1906–1907. — Естествознание и география, (6): 67–68.
1907. *Г. Кожевников.* Е. Елачич. О происхождении домашних животных. С.-Пб. 1907. — Естествознание и география, (8): 69–70.
1907. *Г. Кожевников.* Д.А. Корпачевский. В ледяном царстве. С.-Пб. 1907. — Естествознание и география, (10): 73–74.
1907. *Г. Кожевников.* Е. Елачич. Приспособления к передвижению по воздуху. С.-Пб. 1907. — Естествознание и география, (10): 72–73.
1907. *Г. Кожевников.* Письмо в редакцию. — Вестник

Русского общества пчеловодов, (10): 253–254.

1907. *Григорий Кожевников*. Интересное изобретение (письмо из-за границы). — Вестник Русского общества пчеловодов, (9): 203–206.

1907. *Кожевников*. Как поступать со старыми матками. — Пчеловодная жизнь, (2): 54.

1907. *Г.А. Кожевников*. Паразитизм. Доклад на Чтениях для учащихся, устраиваемых Педагогическом обществом при МУ. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 212.

1907. *Г.А. Кожевников*. Аквариум и метод научного исследования. Рукопись статьи. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 21.

1908

1908а. *Г.А. Кожевников*. Основные понятия зоогеографии. — Кожевников Г. (ред.). Из жизни природы. Зоогеографические очерки. Москва: Изд. журнала «Охот. вестник». С. 72–96.

1908б. *Г.А. Кожевников*. Натуралист и охотник. — Охотничий вестник, (1): 4–7.

1908в. *Г. Кожевников*. Будущее человека. Публичная лекция в Политехническом музее. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 86, 87. П-19.

1908г. *Г. Кожевников*. С юбилейной акклиматизационной выставки и акклиматизационного съезда. — Охотничий вестник, (17): 274–278.

1908д. *Григорий Кожевников*. Педагогический элемент в естественно-исторических музеях Европы и С. Америки. — Отчет Музея прикладных знаний за 1907 год (Москва). С. 1–23.

1908е. *Григорий Кожевников*. Швейцарская постоянная выставка в Берне. — Естествознание и география, (6): 57–72.

1908ж. *Г. Кожевников*. Вымирание животных. Публичная лекция в Московском музее прикладных знаний. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 89. П-16.

1908з. *Г.А. Кожевников*. В «зверином» парке. — Охотничий вестник, (20): 325–327.

1908и. *Г. Кожевников*. В «зверином» парке (из заграничных впечатлений). — Охотничий вестник, (21): 340–342.

1908к. *Г. Кожевников*. К вопросу о незаконной охоте. — Охотничий вестник, (16): 258–261.

1908л. *Г. Кожевников*. Заповедные места. — Охотничий вестник, (2): 22–26.

1908м. *Г.А. Кожевников*. [Без названия, по поводу заметки К.А. Сатунина]. — Охотничий вестник, (1): 11.

1908н. *Г.А. Кожевников*. Коллектирование и охотничий закон. — Охотничий вестник, (15): 242–243.

1908. *Г. Кожевников* (ред.). Из жизни природы. Зоогеографические очерки. Москва: Изд-во журнала «Охотничий вестник». 142 с.

1908. *Г.А. Кожевников*. Предисловие. — Кожевников Г. (ред.). Из жизни природы. Зоогеографические очерки. Москва: Изд-во журнала «Охотничий вестник». С. iii–viii.

1908. *К*. Студенческий биологический кружок в Новороссийском университете. — Естествознание и география, (1): 92–93.

1908. *Г. Кожевников*. Рыболовство и рыбоводство в Северо-Западном крае. Труды Отд. ихтиологии ОАЖР, Т. V. Москва 1907. — Естествознание и география, (2): 77–78.

1908. *Г. Кожевников*. G. Steinmann. Einfürhrung in die Paläontologie. Leipzig. 1907. — Естествознание и география, (6): 83.

1908. *Г. Кожевников*. Г.Г. Якобсон. Жуки Росси и западной Европы. Руководство к определению жуков. Вып. VI. С.-Пб. 1908. — Естествознание и география, (6): 83–84.

1908. Г.А. Кожевников. Из области гидробиологии. — Естествознание и география, (6): 52–64.

1908. *Г.А. Кожевников*. Залет саджи. — Охотничий вестник, (13): 221–222.

1908. *Г. Кожевников*. [Без названия, по поводу заметки Б. Житкова]. — Охотничий вестник, (23): 374.

1908. *Г. Кожевников*. Просьба к охотникам. — Охотничий вестник, (23): 375.

1908. *Г. Кожевников*. Вымершие птицы. — Охотничий вестник, (24): 390–392.

1908. *Г. Кожевников*. Меры к развитию пчеловодства в Пруссии. — Вестник Русского общества пчеловодов, (10, 11): 240–248, 271–276.

1908. *Г.А. Кожевников*. Программа опытов над влиянием солености на пресноводных животных. Аквариум и комнатные растения. [Указано в Интернет-ресурсе «Аквариумный сайт»: URL: http://aquaria.ru/node/6751 (дата обращения 01.06.2023)]

1908. *Г.А. Кожевников*. О летних заданиях по естественной истории для средней школы. Доклад на заседании Отд. преподавателей естественной истории Педагогического об-ва при МУ (объявление в газете). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 30.

1909

1909а. *Г. Кожевников*. Измайловская опытная пасека Общества акклиматизации. — Вестник Русского общества пчеловодов, (9): 227–233.

1909б. *Г. Кожевников*. W. Heering. Leitfaden für den biologischen Unterricht in den oberen Klassen der höheren Lehranstalten. Berlin. 1908. — Естествознание и география, (8): 82–87.

1909в. *Г. Кожевников*. Охотник-натуралист (памяти С.Т. Аксакова). — Охотничий вестник, (8): 116–117.

1909г. *Г.А. Кожевников*. О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы. — Труды Всероссийского юбилейного акклиматиза-

ционного съезда 1908 года в Москве, Вып. 1. Общие собрания съезда. Москва: Типогр. О.Л. Сомовой. С. 18–30. [Перепечатано в: Охрана природы и заповедное дело в СССР. Бюлл. № 4. Москва: Изд-во АН СССР, 1960. С. 90–97; Сб. «Охота и охрана природы» (1992); Борейко и др. (1997, с. 81–91).]

1909д. *Г.А. Кожевников*. Изменчивость организмов. Публичная лекция в Педагогическом собрании МУ. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 90.

1909е. *Г. Кожевников*. Н.М. Книпович. Курс общей зоологии для высших учебных заведений и самообразования. С.-Пб. 1909. — Естествознание и география, (6): 82–86.

1909ж. *Г. Кожевников*. Волосатик. — Газета «Русские ведомости», 9 авг. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1909з. *Г. Кожевников*. Задачи и условия деятельности зоологических садов. 1857–1907. — Юбилейное заседание Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений 30 января 1907 г. Москва: Типогр. Вильде. С. 16–36.

1909и. *Г. Кожевников*. Покос и взяток. — Вестник Русского общества пчеловодов, (7): 189–190.

1909л. *Г. Кожевников*. На охотничьем съезде (факты и впечатления). — Охотничий вестник, (22): 342–346.

1909м. *Г. К*. Русская научная литература за границей. — Естествознание и география, (6): 89–90.

1909н. *Г. Кожевников*. Охота малолетних. — Охотничий вестник, (15): 225–227.

1909о. *Г. Кожевников*. Живая природа и научный материал. — Охотничий вестник, (14): 212–213.

1909п. *Г.А. Кожевников*. О научной лаборатории Московского Зоологического Сада. — Вестник Московского Зоосада, (2): 94–98.

1909р. *Г. Кожевников*. Черный заяц. — Охотничий вестник, (9): 134.

1909с. *Григорий Кожевников*. Женщина в суде присяжных. — Газета «Новая Русь», № 214. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1909т. *Григорий Кожевников*. Участие женщин в суде присяжных. — Газета «Новая Русь», № 230. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1909. *Г. К*. Новости науки и искусства. — Газета « Русские Ведомости», № 174. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1909. *Г. Кожевников*. B. Schmidt. Biologische Praktikum für höheren Schulen. Leipzig u. Berlin. 1909. — Естествознание и география, (7): 83–84.

1909. *Г. Кожевников*. Село Знаменское-Захарьино, Подольского уезда Московской губ. Сост. Н.Е. Сироткин. Москва 1909. — Естествознание и география, (7): 84–85.

1909. *Г. К*. Предварительный отчет о ботанических исследованиях в Сибири и Туркестане. Ред. А.Ф. Флеров. С.-Пб. 1909. — Естествознание и география, (9): 83–85.

1909. *Г. Кожевников*. Международный зоологический конгресс. — Естествознание и география, (9): 91–92.

1909. *Г. Кожевников*. Дарвин как охотник. — Охотничий вестник, (3): 39–41.

1909. *Г. Кожевников*. К вопросу о земельном цензе. — Охотничий вестник, (17): 238–239.

1909. *Г. Кожевников*. К вопросу о земельном цензе (окончание). — Охотничий вестник, (18): 274–275.

1909. *Г. Кожевников*. [Без названия, по поводу заметки К.А. Сатунина «Загадочный зверь Эчмиадзинского уезда»]. — Охотничий вестник, (19): 295–296.

1909. *Григорий Кожевников*. Задачи и условия деятельности зоологических садов. — Юбилейное заседание Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений. Москва: Типогр. Вильде. С. 16–36.

1910

1910а. *Г. Кожевников*. Двенадцатый съезд русских естествоиспытателей и врачей. — Охотничий вестник, (1): 2–4.

1910б. *Г. Кожевников*. От мечтаний к действительности. — Охотничий вестник, (14): 217–219.

1910в. *Г. Кожевников*. Резолюции охотничьего съезда. — Охотничий вестник, (2): 23–24.

1910г. *Г. Кожевников*. Открытое письмо (совету Императ. общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты). — Охотничий вестник, (15): 238.

1910д. *Г. Кожевников*. Всемирная защита природы. — Охотничий вестник, (16): 249–251.

1910е. Кожевников. VIII международный зоологический конгресс. — Газета «Русские ведомости», № 191. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1910ж. *Григорий Кожевников*. Артист и публика (письмо в редакцию). — Газета «Речь», № 284. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1910. *Г. К*. Н.Ф. Золотницкий. Новые аквариумные рыбы и растения, 2-й том. М. 1910. — Газета «Русские Ведомости», № 252. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1910. *Г. Кожевников*. К. Левицкий. Пчеловодство. С-Пб. — Газета «Утро России». АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1910. *Г. Кожевников*. Есть ли в России леопарды. — Охотничий вестник, (5): 73–76.

1910. *Г. Кожевников*. К истории одного стрелкового общества. — Охотничий вестник, (13): 202.

1910. *Г. Кожевников*. Международный охотничий конгресс в Вене (письмо с дороги). — Охотничий вестник, (17): 265–267.

1910. *Г. Кожевников*. Л.Н. Толстой. — Охотничий вестник, (21): 330–332.

1910. *Г. Кожевников*. Федор Семенович Мочалкин. — Вестник Русского общества пчеловодов, (5): 140–145.

1910. *Г. Кожевников*. Пчеловодство и беспочвенные умствования. — Вестник Русского общества пчеловодов, (7): 216–221.

1910. *Г. Кожевников*. Отчет о воскресных чтения по пчеловодству [..]. — Вестник Русского общества пчеловодов, (10): 278–282.

1911

1911а. *Г. Кожевников*. Питомники для профессоров. — Газета «Утро России», № 104. файл: АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1911б. *Григорий Кожевников*. Э. Сетон-Томпсон. Рассказы о жизни животных. Газетная статья. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1911в. *Г. Кожевников*. Краткий указатель показной коллекции млекопитающих и птиц Зоологического музея Московского университета. Москва: Типогр. «Печатное дело». 23 с.

1911г. *Г. Кожевников*. Проклятый вопрос (к современному положению Университета). Открытое письмо. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 128. П-07.

1911д. *Г. Кожевников*. Из области науки. 1. Неизвестные сочинения Дарвина. — Газета «Утро России». АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136. П-17.

1911е (1909). *Г.А. Кожевников*. О заповедных участках. — Труды Второго Всероссийского съезда охотников в Москве (17–25 ноября 1909 года), Ч. 2. Москва: Типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнерев. С. 371–378.

1911ж. *Г.А. Кожевников*. Несколько замечаний по поводу статьи Н.В. Воронкова «Коловратки Оки […]. — Известия ОЛЕАЭ, 98. Дневник Зоологического отд. Общества, 3 (10): 33–38.

1911з. *Г.А. Кожевников*. Комиссия для исследования фауны Московской губернии. Отчёт о деятельности Комиссии с 1 декабря 1904 года по 22 мая 1909 года. — Известия ОЛЕАЭ, 98. Дневник Зоологического отд. Общества, 3 (10): С. 1–6.

1911и. *Г. Кожевников*. Знаменитые люди как материал для изучения. — Газета «Утро России», 5 июня. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1911к. *Г. Кожевников*. К вопросу о борьбе с туберкулезом. — Газета «Утро России», 17 апр. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1911л. *Г. Кожевников*. От Измайловской опытной пасеки. — Вестник Русского общества пчеловодов, (4): 102–103.

1911м. *Г. Кожевников*. Годичный отчет по Опытной Измайловской пасеке Императ. РОАЖР за 1910 г. — Грацианов В.И. (ред.). Годичные отчеты о деятельности Императ. РОАЖР и его отделений за 1910 год. Москва: Типогр. О.Л. Сомовой. С. 36–48.

1911н. *Г.А. Кожевников*. К вопросу о подготовке инструкторов по пчеловодству. — Всероссийский съезд пчеловодов в Казани 1911 г. Казань: Центральная типогр. С. 2–5.

1911о. *Г. Кожевников*. Незаконная охота. — Газета «Утро России», 11 апр. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1911п. *Г. Кожевников*. К предстоящему съезду собаководов. — Охотничий вестник, (9): 129–130.

1911р. *Г. Кожевников*. Люди дурной наследственности. — Газета «Утро России», 15 июня. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1911с. *Григорий Кожевников*. Почтовые чиновники на пароходах Русского общества (письмо в редакцию). — Газета «Ялтинский вестник», № 589. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1911. *Г. Кожевников* (ред.). Комиссия для исследования фауны Московской губернии. 1904–1909. — Известия ОЛЕАЭ, 98. Дневник Зоологического отд. Общества, 3 (10). 73 с.

1911. *Г. Кожевников*. Комиссия для исследования фауны Московской губернии. Отчёт о деятельности Комиссии с 1 декабря 1904 года по 22 мая 1909 года. — Известия ОЛЕАЭ, 98. Дневник Зоологического отд. Общества, 3 (10): 2–5.

1911. *Г. Кожевников*. Первый всемирный расовый конгресс. — Газета «Утро России», № 72. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1911. *Г. Кожевников*. Учебное время в университете. — Газета «Утро России», № 178. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1911. *Г. Кожевников*. Черное море. — Газета «Утро России», № 195. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1911. *Г. Кожевников*. Крупное научное предприятие. — Газета «Утро России», № 299. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1911. *Г. Кожевников*. Орнитологический вестник, № 1. — Газета «Утро России», 12 февр. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1911. *Г. Кожевников*. Замечательная палеонтологическая находка. — Газета «Утро России», 25 февр. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1911. *Г. Кожевников*. Таможня и наука. — Газета «Утро России», 16 апр. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1911. *Григорий Кожевников*. Черноморские нравы. — Газета «Утро России», 11 авг. АрхМГУ. Ф. 200 Оп. 1. Ед. хр. 136.

1911. *Г. Кожевников*. Нужды учащейся молодёжи. — Газета «Утро России», 12 авг. АрхМГУ. Ф. 200 Оп. 1. Ед. хр. 136.

1911. *Г. Кожевников*. Борьба колоссов. — Газета «Утро России», 12 авг. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1911. *Г. Кожевников*. Брем. Жизнь животных. 4 изд. в 13 томах. С.-Пб.: Т-во «Деятель». 1911. — Газета «Утро России». АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1911. *Г. Кожевников*. Е. Варминг. Растение и его жизнь. Москва 1911. — Газета «Утро России». АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1911. *Г. К.* Памяти Бутлерова. — Газета «Утро России». АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1911. *Г. Кожевников*. Студенческая армия. — Газета

«Утро России» (?). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.
1911. Г. Кожевников. Пирсон. Грамматика науки. Газетная статья (№ 237, 15.10). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.
1911. *Г. Кожевников*. Альфред Рассел Уоллес. Дарвинизм. М. 1911. Газетная статья. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.
1911. *Г. Кожевников*. E. Reitter. Fauna Germanica. Die Käfer des Deutschen Reiches. — Естествознание и география, (6): 82.
1911. *Г. Кожевников*. «In meinen Mussestunden». — Естествознание и география, (6): 82–83.
1911. *Г. Кожевников*. Законопроект об охоте. — Охотничий вестник, (7): 98–100.
1911. *Г. Кожевников*. Живучесть природы. — Охотничий вестник, (8): 113–114.
1911. *Г. Кожевников*. Ещё один «Петров день». — Охотничий вестник, (13): 193–194.
1911. *Г. Кожевников*. Не охота, а бойня. — Охотничий вестник, (15): 225–226.
1911. *Г. Кожевников*. Результаты охраны альпийского козла. — Охотничий вестник, (18): 285.
1911. *Г. Кожевников*. Новый орган у пчелы — орган слуха. — Вестник Русского общества пчеловодов, (4): 191–196.
1911. *Г. Кожевников*. Значение письменных работ при преподавании пчеловодства. — Вестник Русского общества пчеловодов, (9): 122–123.
1911. *Г.А. Кожевников*. Об организации пчеловодной станции в Москве. Доклад на Московском областном съезде деятелей агрономической помощи населению (21–28 февраля 1911 года). — Пчеловодная жизнь (9–10): 277.
1911. *Г. Кожевников*. К вопросу о подготовке инструкторов. — Пчеловодная жизнь, (11–12): 352–354.
1911. *Г. Кожевников*. Коллекция рамок. — Пчеловодная жизнь, (13): 460.
1911. *Г. Кожевников*. К предстоящему юбилею Измайловской опытной пасеки. — Пчеловодная жизнь, (14): 470–472.

1912

1912а. *Г. Кожевников*. Значение этикетки для исследований сравнительно-анатомических, гистологических и эмбриологических. Доклад на заседании Постоянной биогеографической комиссии РГО. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 93. П-27.
1912б. *Г. Кожевников*. К вопросу о постановке преподавания естественной истории в мужских гимназиях. Доклад на Съезде преподавателей естественных наук. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 92. П-08.
1912в. *Г.А. Кожевников*. Изменчивость организмов. — Ковалевский М.М. и др. (ред.). Итоги науки в теории и практике, Т. VI. Москва: Т-во Мир. С. 471–508.
1912г. *Г. Кожевников*. Годичный отчет по Опытной Измайловской пасеке Императ. РОАЖР за 1911 г. — Грацианов В.И. (ред.). Годичные отчеты о деятельности Императ. РОАЖР и его отделений за 1911 год. Москва: Типогр. О.Л. Сомовой. С. 35–47.
1912д. *Г. Кожевников*. Орнитологическое совещание. — Охотничий вестник, (23): 363–364.
1912е. *Г. Кожевников*. И смешно, и грустно (По поводу одного мелкого факта). — Пчеловодная жизнь, (17–18): 673–674.
1912ж. *Г. Кожевников*. Женщина и суд. — Газета «Утро России», 22 июня. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.
1912. *Г. Кожевников*. Печальное недоразумение. — Газета «Утро России», 6 янв. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.
1912. *Г. Кожевников*. Жертва океана. — Газета «Утро России», № 79. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.
1912. *Г. Кожевников*. Калкинс. Протозоология (простейшие животные). М.: Т-во «Наука». 1912. — Газета «Утро России», № 243. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.
1912. *Г. Кожевников*. Русская энциклопедия. Спб: Т-во «Деятель» 1912. — Газета «Утро России», 24 нояб. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.
1912. *Г. Кожевников*. Брем. Жизнь животных, т. 7 (птицы). Спб: Т-во «Деятель». — Газета «Утро России». АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.
1912. *Г. Кожевников*. И.А. Сикорский. Всеобщая психология с физиогномикой в иллюстрированном изложении. Киев 1912. — Газета «Утро России». АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.
1912. *Г. Кожевников*. О преподавании естественных наук в мужских гимназиях. (2-й съезд преподавателей естественных наук). — Газета «Русское слово», 29 дек. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.
1912. *Г. Кожевников*. Гражданский и «академический» год (возможная школьная реформа). Газетная статья (№ 131). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.
1912. *Г. Кожевников*. Предисловие к статье С. Жукова. Наблюдение над медведкой (*Gryllotalpa vulgaris* Latr.). — Естествознание и география, (7): 79.
1912. *Г. Кожевников*. Льготное право стрельбы и охрана природы. — Охотничий вестник, (12): 183.
1912. *Г. Кожевников*. Природоохранительная комиссия. — Охотничий вестник, (14): 213–214.
1912. *Г. Кожевников*. Некоторые очередные вопросы охраны животных от истребления. На совещании членов Орнитологического отдела ОАЖР и Комиссии для исследования фауны Московской губернии при ОЛЕАЭ. — Охотничий вестник, (23): 363–364.

1913

1913а (1915?). *Г. Кожевников*. Экскурсии и охрана природы. — Газета «Утро Россиии», 6 мая. АрхМГУ. Ф. 200 Оп. 1. Ед. хр. 136.
1913б. *Г. Кожевников*. Филетический музей в Йене. Сообщение на заседании ОЛЕАЭ. АрхМГУ. Ф. 200.

Оп. 1. Ед. хр. 94.

1913в. *Г. Кожевников*. А.Ф. Котс. Пути и цели эволюционного учения в отражении биологических музеев. Ч. 1. Москва. 1913. — Естествознание и география, (6): 86–88.

1913г. *Г. Кожевников*. Наши ученые общества и экспедиции. — Газета «Утро России». АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1913д. *Г. Кожевников*. (ред.). Огнёв С.И. Опыт описания фауны Московской губернии. Т. 1. Млекопитающие. Ч. 1. Chiroptera, Insectivora, Rodentia. Москва: Комиссия для исслед. фауны Московской губ. 307 с.

1913е. *Г. Кожевников*. Н.А. Холодковский. Курс энтомологии теоретической и прикладной, изд. 3, Т. 1, 2. — Естествознание и география, (8): 94–96.

1913ж. *Г. Кожевников*. Новое течение в зоопсихологии (Думающие животные). — Газета «Утро России», № 283, 284. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136. П-28.

1913з. *Г. Кожевников*. Наука и жизнь. — Газета «Утро России», 22 янв. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1913и (1968). *Г. Кожевников*. Наблюдения над ходом нозематоза на Измайловской опытное пасеке в 1913 г. [Напечано в журнале «Пчеловодство», 1968, № 2: 30–31]

1913к. *Г. Кожевников*. Курсы пчеловодства на Измайловской опытной пасеке Общества акклматизации. — Русский пчеловодный листок, (1): 4–5.

1913л. *Г.А. Кожевников*. Курсы пчеловодства на Измайловской опытной пасеке Общества акклиматизации. — Пчеловодная жизнь, (3–4): 86–87.

1913м. *Г. Кожевников*. Годичный отчет по Опытной Измайловской пасеке Императ. РОАЖР за 1912 г. — Грацианов В.И. (ред.). Годичные отчеты о деятельности Императ. РОАЖР и его отделений за 1912 год. Москва: Типогр. О.Л. Сомовой. С. 50–58.

1913н. *Г.А. Кожевников*. Монастыри и охрана природы. — Газета «Утро России», № 278. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136. [Перепечатано в Интернет-ресурсе: URL: https://biodiversity.ru/publications/odp/archive/36-37/st02.html (дата обращения 01.06.2023)]

1913о. *Г. Кожевников*. Судьбы нового законопроекта об охоте. — Охотничий вестник, (14): 225–226.

1913п. *Г. Кожевников*. Охрана природы (письмо из Берна). — Газета «Утро России», № 262. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1913р. *Григ*. Практические меры в борьбе с пьянством. Газетная статья (№ 201). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1913с. *Григорий К.* «Копеечки». — Газета «Утро России» (?), 30 авг. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1913т. *Григ*. Рождественская елка. — Газета «Утро России», № 298. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1913. *Г. Кожевников*. Краткий указатель показной коллекции млекопитающих и птиц Зоологического музея Московского университета, изд. 3. Москва: Типогр. Русского товарищества. 41 с.

1913. *Г. Кожевников*. Молодежь. — Газета «Утро России», № 288. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1913. *Г. Кожевников*. Мой ответ А.А. Кизеветтеру. — Газета «Утро России», 18 янв. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1913. *Г. Кожевников*. Ольга Александровна Федченко. — Газетная статья (№ 238). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1913. *Г. Кожевников*. Fr. Sigmund. Physiologusche Histologie des Menschen- und Säugetiere-Körpers. — Естествознание и география, (2): 84.

1913. *К*. Б.И. Срезневский. Материалы по вопросу о преподавании географии в средней школе. Рига. 1912. — Естествознание и география, (5): 82–83.

1913. *К*. А. Нечаев. Тетрадь для самостоятельных работ по географии. 1913. — Естествознание и география, (6): 79–81.

1913. *Г. Кожевников*. «Весеннее»… — Охотничий вестник, (14): 226.

1913. *Григорий Кожевников*. Прекращение важных опытов. — Вестник Русского общества пчеловодов, (9): 332–334.

1913. *Г. Кожевников*. Заразный понос пчел или болезнь «нозема». — Вестник Русского общества пчеловодов, (11): 386–389.

1913. *Г.А. Кожевников*. Изучение пчелиного поноса. — Пчеловодная жизнь, (8): 273–275.

1913. *Г.А. Кожевников*. Отчего гибнут пчелы. — Пчеловодная жизнь, (14): 530–533.

1913. *Г.А. Кожевников*. Заразный понос пчел или болезнь «нозема». — Пчеловодная жизнь, (19–20): 734–739.

1913. *Г. Кожевников*. Болезнь нозема и русское пчеловодство. Доклад на 7-м Всероссийском съезде пчеловодов в Киеве. [Указано в: Отчёт… (1914а)]

1913. *Г. Кожевников*. Девятый международный зоологический конгресс и океанографический музей в Монако. Доклад на заседании МОИП. [Указано в: Отчёт… (1914а)]

1913. *Г. Кожевников*. К биологии пчелы. Доклад на заседании Русского общества пчеловодства. [Указано в: Отчёт… (1914а)]

1913. *Г. Кожевников*. К вопросу о ближайшей практической деятельности Природоохранительной комиссии. Доклад на заседании Природоохранительной комиссии РГО. [Указано в: Отчёт… (1914а)]

1913. *Г. Кожевников*. Насекомые и болезни. Доклад в Политехническом музее. [Указано в: Отчёт… (1914а)]

1913. *Г. Кожевников*. Вопросы национальной и всемирной охраны природы и международная конференция в Берне в ноябре 1913 года. Доклад на заседании РОАЖР. [Указано в: Отчёт… (1914а)]

1914

1914а. *Г. Кожевников*. Борьба за жизнь у животных и людей. Публичная лекция (место не указано). Арх-

МГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 95. П-15.

1914б. *Григорий Кожевников*. Кинематограф и преподавание пчеловодства. — Пчеловодная жизнь, (17–18): 637–643.

1914в. *Г. Кожевников*. Перед загадкой природы (О думающих животных). — Газета «Новь», № 27, 29, 32. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136. П-29.

1914г. *Г. Кожевников*. К известию о саранче под Москвой. — Газета «Утро России» (?), № 116. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1914д. *Г. Кожевников*. Годичный отчет по Опытной Измайловской пасеке Императ. РОАЖР за 1913 г. — Грацианов В.И. (ред.). Годичные отчеты о деятельности Императ. РОАЖР и его отделений за 1913 год. Москва: Типогр. О.Л. Сомовой. С. 66–83.

1914е. *Г.А. Кожевников*. Международная охрана природы. Москва: Типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнерева. С. 51–59.

1914ж. *Г. Кожевников*. Война и учащаяся молодёжь. — Газета «Утро России», 20 авг. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1914з. *Г. Кожевников*. Охрана природы и охота. — Охотничий вестник, (1): 2–3.

1914и. *Г. Кожевников*. Новое учреждение. — Охотничий вестник, (11): 171.

1914к. *Г. К*. Интересный опыт. — Газета «Утро России», № 189. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1914л. *Григ*. Необходимость борьбы с нищенством. — Газета «Утро России», № 69. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1914м. *G. Kojewnikov*. Sur les Abeiles hermaphroditen. — IXe Congrès International de Zoologie. Tenue à Monaco du 25 Au 30 Mars 1913. Pars: Imprim. Oberthür. P. 743.

1914н. *Г. Кожевников*. Вес контрольного улья (теоретически-практический этюд). — Вестник Русского общества пчеловодов, (10–11–12): 276–281.

1914. *Г. Кожевников*. Железнодорожное пчеловодство. — Газета «Утро России», № 53. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1914. *Г. Кожевников*. А. Чеглок. Звери центральной и южной Африки. М. 1914. — Газета «Утро России», 22 февр. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1914. *Г. Кожевников*. Р.Н. Пеннет. Менделизм. М.: Издво «Bios». 1913. — Газета «Утро России» (?). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1914. *Г. Кожевников*. Что фотографировать. — Газета «Новь», № 54. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1914. *Г. Кожевников*. Орнитологический вестник. 1914, № 1. — Естествознание и география, (7): 83–84.

1914. *Григорий Кожевников*. Е.А. Богданов. Менделизм и теория скрещивания. М. 1914. — Естествознание и география, (8): 82–85.

1914. *Г. Кожевников*. «Педагогический сборник» за пятьдесят лет (1864–1914). — Естествознание и география, (10): 78–80.

1914. *Г. Кожевников*. Э. Ог. Геология, Т. 1. М. 1914. — Естествознание и география, (10): 81–82.

1914. *Г. Кожевников*. А. Тихомиров. Основы практического шелководства, изд. 3. М. 1914. — Естествознание и география, (10): 83.

1914. *Г. Кожевников*. Гигроскопическая вата на охоте. — Охотничий вестник, (33–34): 487.

1914. *Г.А. Кожевников*. Отзыв о работе С.А. Зернова «К вопросу об изучении жизни Черного моря» […]. Ученые записки ИМУ, Отд. естественно-исторический, (35): 1–10.

1914. *Г. Кожевников*. Производство воска. — Пчеловодная жизнь, (9): 349–350.

1914. *Г.А. Кожевников*. О клетках для вывода маток. — Пчеловодная жизнь, (13–14): 527–529.

1914. *Григорий. Кожевников*. Война и пчеловодство. — Пчеловодная жизнь, (15–16): 592–593.

1914. *Г. Кожевников*. Недостаток в вальцах. — Пчеловодная жизнь, (22): 349–350.

1915

1915а. *Г.А. Кожевников*. Краткий указатель показной коллекции млекопитающих и птиц Зоологического музея Московского университета, часть первая. Изд. 4. Москва: Типогр. Русского тов-ва. 42 с.

1915б. *Григорий Кожевников*. К.А. Сатунин. Определитель млекопитающих Российской империи. Вып. 1. Тифлис 1914. — Естествознание и география, (2): 77–80.

1915в. *Григорий Кожевников*. Американское природоведение. — Естествознание и география, (5): 62–74.

1915г. *Григорий Кожевников*. Научные интересы в прикладной энтомологии. — Вестник Русской прикладной энтомологии, 1 (4): 101–109.

1915д. *Г.А. Кожевников*. Речь делегата от России проф. Г.А. Кожевникова. — Дубянский В.А. (ред.). Мировая охрана природы. Петроград: Типогр. М.М. Стасюлевича. С. 97–99. [Перепечатано в: Чибилев, Тишков (2012)]

1915е. *Григорий К*. Из заграничных воспоминаний. Газетная статья (№ 133). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1915ж. *Г.А. Кожевников*. Нужная и ненужная наука. Газетная статья. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1915з. *Григорий К*. Алкоголизм и наша интеллигенция. — Газета «Голос Москвы», 23 июня. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1915и. *Григорий Кожевников*. Медовый рынок в Москве. — Русский пчеловодный листок, (9): 295–298.

1915к. *Г. Кожевников*. Мой ответ Н.В. Ломакину. — Пчеловодная жизнь, (1): 14–15.

1915л. *Григорий К*. Об извозчичьей таксе. — Газета «Голос Москвы», 20 мая. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1915. *Г. Кожевников*. [К университетской реформе]. — Газета «Голос Москвы», № 145. АрхМГУ. Ф. 200

Оп. 1. Ед. хр. 136.

1915. *Г. Кожевников*. Журнал микробиологии, № 1–2, 3–5. — Газета «Утро России», № 103. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1915. *Г. Кожевников*. О балловой системе оценки учащихся. — Газета «Русские ведомости», № 142. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1915. *Г. Кожевников*. К вопросу о новом университетском уставе. — Газета «Русские ведомости», № 154. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1915. *Г. Кожевников*. «Вестник русской прикладной энтомологии», № 1. Киев. — Естествознание и география, (1): 85.

1915. *Г. Кожевников*. Зоология. Млекопитающие. Стенные табл. [..] Сост. Я. Карась. — Естествознание и география, (3): 82–84.

1915. *Г. Кожевников*. Библиография. К.А. Сатунин. Определитель млекопитающих Российской империи. Тифлис 1914. — Охотничий вестник, (1): 6–7.

1915. *Г. Кожевников*. Собирание зоологического материала и охотники. — Охотничий вестник, (3): 36.

1915. *Г. Кожевников*. Памяти естествоиспытателя-охотника. К.А. Сатунин. — Охотничий вестник, (43–44): 466–467.

1915. *Г. Кожевников*. О кормлении пчел сахаром. — Пчеловодная жизнь, (8): 273–275.

1915. *Г. Кожевников*. Годичный отчет по Опытной Измайловской пасеке Императ. РОАЖР за 1914 г. — Годичные отчеты о деятельности Императ. РОАЖР и его отделений за 1914 год. Москва: Типогр. О.Л. Сомовой. С. 34–48.

1915. *Г.А. Кожевников*. Преподавание в начальной школе. Часть 1. Уроки 1-го года. Методические указания для учителя. Москва. 1914. — Орнитологический вестник, 6 (2): 197–202.

1916

1916а. *Г. Кожевников*. Швыряние деньгами. — Охотничий вестник, (16): 302.

1916б. *Г. Кожевников*. Инструкция оставляемому при И.М. Университете по Кафедре зоологии для приготовления к профессорскому званию. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 149. П-10.

1916в. *Г. Кожевников*. Календарь русской природы на 1916 г. Изд. «Природа». Москва. — Естествознание и география, (3–4): 87–90.

1916г. *Г.А. Кожевников*. Современное состояние вопроса о породах пчёл. — Пчелопольное хоз-во, (2): 5–15.

1916д. *Г. Кожевников*. Годичный отчет по Опытной Измайловской пасеке Императ. РОАЖР за 1915 г. — Годичные отчеты о деятельности Императ. РОАЖР и его отделений за 1915 год. Москва: Типогр. О.Л. Сомовой. С. 21–27.

1916е. *Г. Кожевников*. Охрана природы. — Охотничий вестник, (15): 283–285.

1916ж. *Г. Кожевников*. Труд Днепровской биологической станции. Ред. В.И. Казановский. № 1. Киев 1914. — Естествознание и география, (1–2): 88–69.

1916з. *Г.А. Кожевников*. Константин Алексеевич Сатунин. — Кожевников Г.А., Уваров Б.П. Константин Алексеевич Сатунин. Тифлис. С. I–XV.

1916. *Г. Кожевников*. Курсы по подготовке руководителей для ведения экскурсий с детьми в природу. Киев. 1915. — Естествознание и география, (5–7): 152–153.

1916. *Г. Кожевников*. Земские начальники и охота. — Охотничий вестник, (17): 323–324.

1916. *Г.А. Кожевников*. Птицы и насекомые. Орнитологический вестник, 7 (3): 104–108. [Перепечатано в: Русский орнит. журнал, 2003, Экспресс-выпуск. С. 243–246]

1916. *Г. Кожевников*. К.А. Греве (Некролог). — Орнитологический вестник, 7 (3): 191–192.

1917

1917а. *Г. Кожевников*. Образовательное значение естествознания. Публичная лекция (место не указано). АрхМГУ. Ф. 200 Оп. 1. Ед. хр. 98. П-13.

1917б. *Г. Кожевников*. Русские зайцы. — Охотничий вестник, (1): 2–4.

1917в. *Г. Кожевников*. Вопросник для собирания сведений о промысловых зверях в России. — Охотничий вестник, (3): 42–45.

1917г. *Г. Кожевников*. С Измайловской опытной пасеки, I–IV. — Русский пчеловодный листок, (7, 8): 228–231, 267–273.

1917д. *Г. Кожевников*. Вопрос об охране русской природы. Доклад на 1-м Съезде Ассоциации русских естествоиспытателей в Москве, август 1917 г. в Москве. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 97.

1917е. *Г. Кожевников*. Судьба зубров. — Охотничий вестник, (9–10): 162.

1917ж. *Г. Кожевников*. Ещё о судьбах зубра. — Охотничий вестник, (17–18): 257–258.

1917. *Григорий Кожевников*. Памяти Авета Исаевича Беграмова. — Русский пчеловодный листок, (2): 43–47.

1917. *Г. Кожевников*. Московская почта (письмо в редакцию). — Вечерняя газета «Время», № 988. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1918

1918а. Г.А. Кожевников. Зоология для всех. Цикл из 10 популярных лекций в Политехническом музее. Научный архив Политехнического музея. URL: https://proza.ru/2017/02/15/1375 (дата обращения 01.06.2023).

1918. Г.А. Кожевников. Охрана природы в разных странах в связи с вопросами о постановке этого дела в России. Записка в Совнарком. [Упомянуто в: Борейко и др. (1997)]

1918?. *Г. Кожевников*. Жестокая мода. Журнал «Задушевное слово» [Упомянуто в письмах к Г.А. Кожевникову от марта 1920 г., АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед.

хр. 642]

192?

192?. [Г.А.К.]. Охрана природы и экономика страны. Публичная лекция (место не указано, вторая половина 1920-х гг.). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 102.

1920

1920а. *Г. Кожевников*. Объяснительная записка к проекту декрета об охоте. АрхМГУ. Ф. 200.. Оп. 1. Ед. хр. 277. П-23.

1921

1921а. *Г. Кожевников*. Экскурсионный метод в преподавании школьного естествознания. Доклад на Конференции уездных учителей. АрхМГУ. Ф. 200.. Оп. 1. Ед. хр. 100. П-09.

1921б. *Г. Кожевников*. Небывалое видоизменение строения пчелы. Пчеловодное дело, (1): 7–11.

1921в. Г.А. Кожевников. Отчет об обследовании Кунцева, произведенном проф. Г.А. Кожевниковым по командировке от Комитета по охране природы в августе 1921 года. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 288.

1922

1922. *Г. Кожевников.* Лев Германович Шлезингер. — Пчеловодное дело, (1): 7–10.

1922. *Г. Кожевников.* К вопросу об изучении зимовки пчел. — Пчеловодное дело, (2): 6.–7.

1922. *Г. Кожевников.* К вопросу об изучении пчелиной матки. — Пчеловодное дело, (3): 6–10.

1922. *Г. Кожевников*. На 1-м Всероссийск. совещании по опытному делу в пчеловодстве 6–10 февраля 1922 г. — Пчеловодное дело, (3): 19.

1922. *Г. Кожевников.* Желательные наблюдения над пчелами. — Пчеловодное дело, (4): 5–6.

1922. *Г. Кожевников.* Нозематоз и гигиена пчел. — Пчеловодное дело, (6–7): 6–7.

1922. *Г. Кожевников.* Заметки по естественной истории пчелы. 1. — Пчеловодное дело, (8): 6–8.

1922. *Г. Кожевников.* Заметки по естественной истории пчелы. 2–4. — Пчеловодное дело, (9): 6–8.

1922. *Г. Кожевников.* К вопросу о покупке и продаже пчел. — Пчеловодное дело, (10): 11–14.

1922. *Г.А. Кожевников.* К вопросу о мысленном внушении животным со стороны человека. (тезисы не представлены). — Труды Первого Всероссийского съезда зоологов, анатомов и гистологов в Петрограде 15–21 дек. 1922 г. Петроград: Типогр. Росс. Гидрол. Инст. С. 23.

1923

1923а. *Г.А. Кожевников*. Павел Робертович Фрейберг (П.Р. Вольногорский). — П.Р. Вольногорский (П.Р. Фрейберг). Очерки живой природы. Москва–Петроград: ГИЗ. С. 3–10. [Упомянуто в: Любарский (2009)]

1923б. *Г. Кожевников.* Современные направления систематики животных и зоогеографии. Доклад на совещании в НИИЗ МУ. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 101. П-12.

1923в. *Г.А. Кожевников*. Переходная форма между маткой и рабочей пчелой. — Биологические известия, Зоология, (1): 1–6.

1923г. *Г. Кожевников.* Изменчивость организма пчелы как основа для искусственного отбора в пчеловодстве. — Пчеловодное дело, (4–5): 4–7.

1923. *Г. Кожевников.* Что наблюдать весной. — Пчеловодное дело, (2): 4–6.

1923. *Г. Кожевников.* О заразном поносе пчел. — Пчеловодное дело, (6): 7–9.

1923. *Г. Кожевников.* О ноземе пчел. Доклад на 1-м Съезде пчеловодов Московской губ. — Пчеловодное дело дело, (6): 17.

1923. *Г. Кожевников.* Заметки по естественной истории пчелы. 5. — Пчеловодное дело, (7): 4– 5.

1923. *Г. Кожевников.* Заметки по естественной истории пчелы. 6. — Пчеловодное дело, (8–9): 3–5.

1923. *Г. Кожевников.* На совещании пчеловодов на Всесоюзной сель.-хоз. выставке в Москве. — Пчеловодное дело, (10–11): 11.

1924

1924а. *Г. Кожевников*. Полиморфизм и эволюция. Вводный раздел заготовки текста предполагаемой статьи о полиморфизме шмелей (опубликован не был). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 51. П-20.

1924б. *Г. Кожевников*. Отзыв о зоопсихологических работах Н.Н. Ладыгиной-Котс. Архив Дарвиновского музея (Москва), ОФ-15111/2170. URL: https://www.darwinmuseum.ru/foundation/xmlui/handle/11517/7820 (дата обращения 01.06.2023).

1924в. *Г. Кожевников.* А.Н. Брюханенко. Пчеловодство. Руководство к уходу за пчёлами […]. Государ. издат. М. 1924. — Пчеловодное дело, (12): 393–396.

1924. *Г.А. Кожевников*. Что должен знать охотник для охраны природы. — Уральский охотник, (4): 17–18.

1924. *Г.А. Кожевников*. Истребление и охрана природы в Америке. Доклад на заседании Российского общ. туристов (объявление в газете «Известия» от 19 дек.). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 105а.

1924. *Г.А. Кожевников* (ред.). Труды Косинской биологической станции Московского общества испытателей природы, 1 (2). Москва. 32 с.

1925

1925а. *Г. Кожевников*. Значение Косинского заповедника. — Кожевников Г.А., Россолимо Л.Л. (ред.). Труды Косинской биологической станции Московского общества испытателей природы, (2): I–V.

1925б. *Г. Кожевников.* Краткая история Измайловской

пасеки за шестьдесят лет. — Пчеловодное дело, (9–10): 358–365.

1925в. *Г. Кожевников.* К методике изучения пород пчёл. — Пчеловодное дело, (8): 324–325.

1925г. *Г. Кожевников.* Очерки по естественной истории пчелы. I Изменчивость пчелиных маток […]. (Окончание). — Пчеловодное дело, (2): 59–62.

1925д. *Г. Кожевников.* Очерки по естественной истории пчелы. I. Изменчивость пчелиных маток […].— Пчеловодное дело, (1): 9–12.

1925е. *Г. Кожевников.* Очерки по естественной истории пчелы. II. Трутовки. — Пчеловодное дело, (6): 222–225.

1925ж. *Г. Кожевников*. Человек как истребитель и охранитель природы. Доклад на заседании ВООП (февраль 1925 г.). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 291. П-24.

1925з. *Г. Кожевников*. Борьба за существование и естественный отбор. Публичная лекция в Воскресном университете. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 103.

1925. *Г. Кожевников.* А.А. Леляков Промышленное пчеловодство в условиях Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во «Книжное дело». — Пчеловодное дело, (3): 124.

1925. *Г. Кожевников.* И.И. Краблев. Учебник пчеловодства для высших учебных заведений с.-х. типа. Москва: Изд-во «Новая деревня». — Пчеловодное дело, (5): 198–199.

1925. *Г.А. Кожевников*. Охрана природы в населенных пунктах. Доклад на Первом съезде деятелей охраны природы. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 295.

1925. *Г.А. Кожевников*, *Л.Л. Россолимо* (ред.). Труды Косинской биологической станции Московского общества испытателей природы, (2). Москва. 83 с.

1925. *Г.А. Кожевников*, *Л.Л. Россолимо* (ред.). Труды Косинской биологической станции Московского общества испытателей природы, (3). Москва. 67 с.

1926

1926а. *Г.А. Кожевников*. Школьный учитель и охрана природы. Москва: Главнаука. 34 с.

1926б. *Г. Кожевников.* Пчела — дикое или домашнее животное. — Пчеловодное дело, (10): 436–439.

1926в. *Кожевников Г.А.* Индийская пчела на Дальнем Востоке. — Опытная пасека, (9): 4–5.

1926г. *Г. Кожевников.* Что важнее всего для доходности пчеловодства. — Пчеловодное дело, (1): 11–14.

1926?д. *Г.А. Кожевников.* О борьбе с пчеловодным невежеством. — Пчела и пасека (Свердловск): 3–8. [Включено в список на основании отдельного оттиска в библиотеке ЗММУ; в выпусках журнала за 1926 г. (URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_009128439/, дата обращения 01.06. 2023) не обнаружена.]

1926е. *Проф. Г. Кожевников*. Берегите птиц. — Живая природа, (5): 130.

1926. *Проф. Г. Кожевников*. Лягушачье дело. — Живая природа, (17): 538.

1926. *Г. Кожевников.* Пчелиный волк. — Пчеловодное дело, (3): 108–111.

1926. *Г.А. Кожевников*. Заметки по личному поводу. — Пчела и пасека (Свердловск), (1–4): 63.

1926. *Г.А. Кожевников*. Почему пчеловоды выписывают иноземных маток. — Пчела и пасека (Свердловск), (5): 156–157.

1926. *Кожевников Г.А.* Правила научной охоты. — Известия Центрального бюро краеведения, (6): 177–178.

1926. *Г. Кожевников*. Охрана природы и вымирающие животные. Доклад на заседании ВООП. [Упомянуто в: Борейко (1996)]

1926. *Г.А. Кожевников*, *Л.Л. Россолимо* (ред.). Труды Косинской биологической станции Московского общества испытателей природы, (4). Москва. 56 с.

1927

1927а. *Г. Кожевников.* Пчеловодная наука в СССР за последнее десятилетие. — Пчеловодное дело, (11): 498–501.

1927б. *Г. Кожевников.* К вопросу о борьбе с болезнями пчёл. — Пчеловодное дело, (10): 452–455.

1927в. *Г. Кожевников*. Берегите богатства природы. — Газета «Власть труда», № 199 (2304). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1 № 136

1927. *Г.А. Кожевников*. Наши заповедники. Москва: Госиздат. 35 с. [Указано в: Борейко (2017)]

1927. *Г. Кожевников.* Осторожнее с гнильцом! — Пчеловодное дело, (1): 21–22.

1927. *Г. Кожевников.* Вопросу о распространении пчелиной вши. — Пчеловодное дело, (2): 75–76.

1927. *Г. Кожевников.* Просьба о присылке материала для исследования. — Пчеловодное дело, (5): 268.

1927. *Г.А. Кожевников*. Берегите местную породу. — Пчеловодное дело, (7): 189–190.

1927. *Г. Кожевников.* Н.С. Щербинский. Местная природа и сельское хозяйство. Москва: Изд-во «Новая деревня». — Пчеловодное дело, (12): 598–599.

1927. *Г.А. Кожевников*. Животные в цирке. — Цирк, (12): 4–5.

1927. *Кожевников Г.А.* Причины гибели кавказского зубра. — Украинский охотничий вестник, (1–2): 16.

1927. *Г.А. Кожевников.* Современное состояние охраны природы в СССР и на Западе. (резюме не представлено). — Труды Второго Всероссийского съезда зоологов, анатомов и гистологов в Москве 4–10 мая 1925 г. Москва: Главнаука. С. 313.

1927. *Г.А. Кожевников*, *Л.Л. Россолимо* (ред.). Труды Косинской биологической станции Московского общества испытателей природы, (5). Москва. 43 с.

1927. *Г.А. Кожевников*, *Л.Л. Россолимо* (ред.). Труды Косинской биологической станции Московского общества испытателей природы, (6). Москва. 43 с.

1928

1928а. *Г.А. Кожевников*. Систематика рода *Apis* в связи с вопросами о низших таксономических единицах и принципах научной систематики. — Труды Третьего Всероссийского съезда зоологов, анатомов и гистологов в Ленинграде 14–20 декабря 1927 г. Ленинград: Изд. Глав. упр. науч. учрежд. С. 73–76.

1928б. *Г.А. Кожевников*. Новые данные о полиморфизме пчелы (*Apis mellifera* L.) в связи с вопросом о происхождении полиморфизма у перепончатокрылых. — Труды Третьего Всероссийского съезда зоологов, анатомов и гистологов в Ленинграде 14–20 декабря 1927 г. Ленинград: Изд. Глав. упр. науч. учрежд. С. 37–39.

1928в. *Г. Кожевников.* Об изучении пчёл СССР. — Пчеловодное дело, (5): 220–221.

1928г. *Г. Кожевников.* Повторное оплодотворение пчелиной матки. — Пчеловодное дело, (11): 501–504.

1928д. *Г. Кожевников.* Вопрос об охране природы на Естественно-историческом совещании Центрально-промышленной области. — Живая природа, (12): 380–381.

1928е. *Г. Кожевников*. Задачи охраны природы в СССР. — Охрана природы, (1): 6–7.

1928ж. *Г. Кожевников*. Как вести научную работу в заповедниках. — Охрана природы, (2): 11–19. [Перепечатано в: Гуманитарный экологический журнал, 2016, № 2: 1–7.]

1928. *Г. Кожевников.* Павел Иванович Орлов. — Пчеловодное дело, (4): 155–159.

1928. *Г. Кожевников.* А.Г. Белявский. Враги пчёл. Ленинград: Мысль. — Пчеловодное дело, (4): 206–207.

1928. *Г. Кожевников.* О присылке материалов по кавказским пчёлам. — Пчеловодное дело, (10): 485.

1928. *Г.А. Кожевников*. Павел Саразин. — Живая природа, (4): 111–113.

1928. *Г. Кожевников.* Новое местонахождение бобров. — Охрана природы, (1): 28.

1928. *Г.А. Кожевников*, *Л.Л. Россолимо* (ред.). Труды Косинской биологической станции Московского общества испытателей природы, (7–8). Москва. 135 с.

1929

1929а. *Г.А. Кожевников*. Породы пчел и способы их улучшения. Москва–Ленинград: Новая деревня. 80 с.

1929б. *Г.А. Кожевников.* Охрана природы в населённых пунктах. Доклад на 1-м Всероссийском съезде охраны природы, Москва. [Напечатано в: Потёмкин (1930. с. 102–103)]

1929. *Г. Кожевников*. М.М. Глухов. Важнейшие медоносные растения и способы их разведения. М.: Издво «Новая деревня»; А.С. Буткевич. Систематическая энциклопедия пчеловодства. — «Сельско-хозяйственная газета», № 206. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

1929. *Г. Кожевников.* Обследование заболеваемости пчел. — Пчеловодное дело, (4): 150–151.

1929. *Г. Кожевников.* На совещании по борьбе с болезнями пчел (Москва, апрель). — Пчеловодное дело, (6): 210.

1929. *Г.А. Кожевников*, *Л.Л. Россолимо* (ред.). Труды Косинской биологической станции Московского общества испытателей природы, (9). Москва. 63 с.

1929. *Г.А. Кожевников*, *Л.Л. Россолимо* (ред.). Труды Косинской биологической станции Московского общества испытателей природы, (10). Москва. 48 с.

1930

1930а. *Г. Кожевников*. Полиморфизм в мире животных. Заготовка текста публикации в Материалах IV съезда зоологов, анатомов и гистологов в 1930 г. в Киеве (опубликован не был). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 104. П-21.

1930б. *Г. Кожевников*. Как живут и работают пчелы. Москва–Ленинград: Гос.-изд. 236 с.

1930. *Н. Кулагин, Г. Кожевников*. К вопросу о Всесоюзном органе по охране природы. — Охрана природы, (6): 122–123.

1930. *Г. Кожевников*. Экология животных. — Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Т. 51. Москва: Изд-во «Гранат». С. 199–209.

1930. *Г.А. Кожевников*, *Л.Л. Россолимо* (ред.). Труды Косинской биологической станции Московского общества испытателей природы, (11). Москва. 39 с.

1931

1931а. *Г.А. Кожевников*. Естественная история пчелы. Москва–Ленинград: Сельхозгиз. 118 с.

1931б. *Г.А. Кожевников*. Современные проблемы пчеловодства. — Труды Четвертого Всероссийского съезда зоологов, анатомов и гистологов в Киеве 6–12 мая 1930 г. Киев–Харьков: Госкомиздат УССР. С. 175–176.

1931. *Г. Кожевников*. Судьба Измайловского зверинца. — Охрана природы, (6–8): 163–164.

1932

1932. *Г. Кожевников.* Нужен материал для изучения матки. — Пчеловодство, (2): 48.

1933

1933а. *Г. Кожевников*. Зоологические музеи. — Большая Советская Энциклопедия. Т. 37. Москва: ОГИЗ. С. 186–189.

1933б. *Г. Кожевников*. Зоологические сборы и коллекции. — Большая Советская Энциклопедия. Т. 37. Москва: ОГИЗ. С. 193–195.

1934

1934. *Г.А. Кожевников*. Биология пчелиной семьи. Москва: Сельхозгиз. 142 с.

П-04. ТАКСОНЫ, НАЗВАННЫЕ В ЧЕСТЬ Г.А. КОЖЕВНИКОВА

INSECTA

Abia kozhevnikovi Zhelochovtsev, 1924. Ueber Blattwespen aus Turkestan. Entomologische Mitteilungen, 13 (2/3): 95.

Apis koschevnikovi Enderlein, 1906. Neue Honigbienen und Beiträge zur Kenntnis der Verbreitung der Gattung Apis. Stettiner Entomologische Zeitung, 67 (1). S. 343. Иногда указывается авторство: Buttel-Reepen, 1906. Apistica. Beiträge zur Systematik, Biologie, sowie zur geschichtlichen und geographischen Verbreitung der Honigbiene (*Apis mellifica* L.), ihrer Varietäten und der übrigen Apis-Arten. Mitteilungen aus dem Zoologischen Museum in Berlin (1906), 3. S. 192. Это название непригодно.

Chorthippus* [= *Mesasippus*] *kozhevnikovi Tarbinsky, 1925. Zur Kenntnis der Gattung *Chorthippus* Fieb. (Orth. Acridinae). Konowia (Vienna), 4: 136, 140.

Chrysotoxum kozhevnikovi Smirnov, 1925. Studien an Turkestanischen Syrphiden I. (Dipt.). Entomologische Mitteilungen, 14 (3/4): 290.

***Didineis kozhevnikovi* [= *lunicornis* Fabr.]** Kokujev, 1906. Кокуев Н. О русских представителях семейства Alysonine Dalla Torre (Hymenoptera, Crabronidae). Horae Societatis Entomologicae Rossicae (1904–1905), 37 (3–4): 218.

Ellampus kozhevnikovi A. Semenov-Tian-Shanskij, 1932. Supplementa ad Chrysididarum monographias ab A.G. Dahlbom (1854), A. Mocsáry (1889), R. du Buysson (1896) et H. Bishoff (1913) editas. I. Horae Societatis Entomologicae Rossicae, 42 (3): 20.

Gaurotes kozhevnikovi Plavilshikov, 1915. Плавильщиков Н.Н. Жукиусачи, собранные А.И. Александровым в Манчжуриии. Энтомологический вестник (Киев), (2): 105.

Limotettix* [= *Elymana*] *kozhevnikovi Zachvatkin, 1938. Un *Limotettix* nouveau des environs de Moscou. Бюллетень Московского общества испытателей природы, Отд. биол., 47 (4): 285–287.

Odynerus* [= *Pseudepipona*] *kozhevnikovi Kostylev, 1927: Einige neue Vespidae aus Turkestan (Hym.). Entomologische Mitteilungen, 16 (1): 78.

AMPHIBIA

***Ranodon kozhevnikovi* [= *sibiricus*]** Nikolsky, 1918. Никольский А.М. 1918. Фауна России и сопредельных стран. Земноводные (Amphibia). Петроград: типогр. РАН. С. 251.

MAMMALIA

Lepus timidus kozhevnikovi Ognev, 1929. Zur Systematik der Russischen Hasen. Zoologische Anzeiger, 84 (1/2): 79.

П-05. МАТЕРИАЛЫ ПО ПЧЕЛЕ: ПРЕДИСЛОВИЕ[1]

Цель этого труда — дать иконографическое изложение естественной истории [пчелы] на основании предыдущих работ, в каком бы то ни было отношении касающихся пчелы, и собственных исследований над нею. Работа эта была предпринята мною по указанию заведующего Зоологическим музеем, заслуж. проф. А.П. Богдановым ещё в то время, когда я был студентом 3-го курса. Само собой разумеется, что как начинающий работник на поприще зоологии я был подавлен обширностью темы исследования и громадным обилием литературы, а потому неудивительно, что начавши работу с чисто механической стороны, т. е. изготовления препаратов, я не раз бросал её, не будучи в состоянии овладеть обширностью темы. Но однако сознание массы уже потраченного труда и нежелания, чтобы он пропал даром, заставило меня уже по окончании курса снова приняться за работу, причём благоприятным обстоятельством явилась возможность провести 2 лета на пасеке И.О. Акклиматизации в Изм[айловском] зверинце и пользовать там свежий материал.

В 1890(?) году была при отделении пчеловодства И.Р.О.А. учреждена премия на тему: «Монографическое описание анатомии, физиологии, истории развития и образа жизни пчелы» (Дневн. Вест. Пчелов. И.Р.О.А. М. 1890). Тогда я решил писать свою работу так, чтобы она могла удовлетворить требованиям конкурса, но понятно, что при этом нельзя было надеяться к сроку конкурса изучить самостоятельно, кроме анатомии и постэмбрионального развития, ещё и эмбриологию и физиологию. Для совершения такой работы во всей её полноте потребовалось бы ещё несколько лет времени, особенно ввиду того, что физиология низших животных есть наука ещё совершенно неразработа[нная], наука, в которой для решения любого вопроса приходится изобретать методы исследования. Итак, решивши пополнить то, что не удалось самому исследовать, критически разобранными данными литературы, я написал монографию пчелы в том виде, в котором она теперь является в свет. Все новые факты, добытые мною, отмечены в тексте работы, некоторые более крупные выражены в особых тезисах. Там, где я излагаю не на основании своих личных данных, это всегда отмечено в тексте изложения, [так] что читатель всегда может отличить, что в работе ново, что нет.

В общем получилось такое изложение предмета, что работа эта может служить весьма полной справочной книгой по анатомии и физиологии насекомых.

***

Существует такой способ изложения научных работ, что автор перечисляет выводы своих предшеств[енников], отмечая, что в них было вторично и невторично. Иногда это перечисление заходит так далеко, что излагается дольно подробно полное содержание многих предшествовавших работ. Такая манера изложения весьма [неразб.] книги и статьи, но часто делает их неудобочитаемыми. Часто нельзя понять, как же существует известный орган в действительности (по мнению автора)? Эта манера должна быть оставлена. Изучив всю литературу предмета и сам предмет исследования, надо изложить ясно, точно и полно состояние вопроса как следствие прежних и своих наблюдений, а потом уже отметить главные черты истории вопроса, крупнейшие ошибки и разногласия, если таковые были, или наоборот согласие авторов относит[ельно] толкования известного вопроса.

Обработка всей пчеловодной литературы при её численности в тех [неразб.] книг и статей конечно есть нечто невозможное и кроме того бесполезное, т. к. множество книг являются пересказом одних и тех же фактов. Но нельзя не заметить, что история развития наших познаний по естеств[енной] истории пчёл является замечательным примером целого ряда грубых заблуждений, основанных на данных, добытыми точными, добросовестными и старательными наблюдателями. В многочисленных пчеловодных сочинениях и статьях, прочтённых мною, часто приходится удивляться, как могли люди писать, что они видели то, что нельзя

---

[1] **Ред.** АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 5.

Предисловіе.

Цѣль этого труда – дать в хронографическое изложеніе естественной исторіи на основаніи всѣхъ предыдущихъ работъ и собственныхъ наблюденій надъ нею. Работа эта была предпринята мною по указанію заслуж. проф. А. П. Богданова еще въ то время, когда я былъ студентомъ 1го курса. Самъ собою разумѣется, что какъ начинающій работникъ на поприщѣ пчеловодства и обширную литературу, я почему неудивительно, что начавши работу съ чисто механической стороны, т. е. съ приготовленія препаратовъ, я до сихъ поръ не могъ еще, какъ слѣдуетъ овладѣть обширнымъ матеріаломъ. Но однако сознаніе моихъ ошибокъ и недочетовъ этого труда уже потребовало отъ меня приняться за работу, при благопріятныхъ обстоятельствахъ явилась возможность провести 2 лѣта на пасѣкѣ И. О. Акклиматизаціи въ Ирк. Двѣнадцать и полѣтъ тому назадъ. Въ 1896(?) году была при отдѣленіи пчеловодства И. Р. О. Х. учреждена премія на тему:

видеть (см. сборник Bienen Zeitung, стр. 41–45, мелк. шрифт описание кладки яиц целыми кучами раб. пчёл).

При обширности практической пчеловодной литературы конечно нет физической возможности познакомиться с нею полно хотя бы потому, что её негде достать. То число пчеловодных сочинений, которое имеется в Москве во всех её библиотеках составляет ничтожную каплю в неизмеримом море пчеловодной литературы. Впрочем, надо заметить, что значительная часть этой литературы не представляет ровно никакого научного интереса: это отрывочные заметки, недостоверные наблюдения и что всего хуже, иногда просто фантазии на известную тему. Найти во всём этом сбродном материале что-либо действительно ценное, научное есть тяжёлый труд, часто не окупающийся результатами.

Поэтому я принуждён был оставить явившееся у меня в начале желание сделать по некоторым наполовину практическим вопросам если не вполне полную, то всё-таки довольно полную критическую историко-литературную сводку не по учебникам и компилятивным сочинениям, а по первоисточникам, т. е. по журнальным статьям. Но когда я ознакомился с объёмом пчеловодной литературы […], то я убедился, что исследовать какой-нибудь частный вопрос вроде вопроса о температуре улья по всем статьям и книгам, в которых это упоминалось, представляет собой весьма солидный труд. Если бы в монографию пчелы по каждому вопросу, исследующему какое-либо отношение к практике, дать такую историко-критическую сводку, то объём работы увеличился бы в несколько раз, но достоинства её это не улучшило бы, т. к. масса литературных выписок загромождала бы работу, превращая её местами в конспект.

Поэтому я решил во всех вопросах, имеющих отношение к практике, а также и всех вопросах теоретических, которые разрабатывались не учёными специалистами и известными исследователями, ограничиваться упоминанием самых выдающихся или интересных по своей справедливости или замечательности, по курьёзности и показывающих, как иногда вполне ясные вопросы запутывались до крайности теми, кто их хотел разрешить. Желание просмотреть в оригинале даже некоторые знаменитые или интересные статьи, как напр. статьи Дзержана в пятидесятых годах Bienen Zeitung, осталось невыполненным вследствие уже упомянутой выше причины — книжной бедности. Ни в Петроградской Публичной библиотеке, ни в Московской, ни в Московск. Универ., ни в б[иблиотеке] О. Любит[ителей] Естест[вознания], в И. О. Акклим[атизации], Петров[ской] Акад[емии], ни в богатейшей биб[лиотеке] проф. Богдан[ова] нет полной серии этого знаменитого издания. Не хватает везде именно старых годов (начало издания 1845 г.).

***

При изучении анатомии пчелы я более всего старался избегать о чём-либо [говорить] в общих чертах. Главный смысл работы — выяснить массу важных и интересных неизвестных ещё подробностей анатомии и развития такого обычного животного. Стараясь избегать излишних подробностей под предлогом не утомлять читателей и не излагать сухих мелочей, авторы весьма часто этим показывают, что работа не доведена до конца. При чтении такой работы является весьма часто желание начать самому работать над тем же, выяснить себе многое, что неясно при чтении работы. Надо стараться изложить так, чтобы не оставалось прибавить никакой самой пустяшной подробности. Поэтому я никогда не старался сокращать описание каких-либо частностей, а избегал излишней [неразб.].

Необходимо детальное изучение анатомии, причём задаваться вопросами физиологического и даже биологического свойства. Мы постоянно рассуждаем об уме насекомых, об их построенных ходах, о порче ими растений и мы не можем часто детально описать строение челюстей или ножек обыкновеннейших форм. Можно ли себе представить, что нам было бы ясно действие конечностей человека, если бы не знали анатомию человека в совершенстве? Можно ли говорить о сложных физиологических процессах в теле насекомых, когда не описаны подробно, *до мелочей* сами органы, отправление которых изучается?

***

Когда учёному приходится выступать перед публикой с сочинением специального характера, то невольно овладевает ощущение, хоть и совершенно ложное, но невольное. Ему делается немножко неловко от того, что сотни, тысячи людей готовы спросить его: к чему его работа? Какой от неё толк, разве принесёт она пользу человечеству и зачем было тратить на неё столько труда? Некоторые готовы задать такие вопросы прямо в глаза исследователю, а большинство не решится этого сказать, что вопрос вертится у них на языке, что невольно чувствуется. Иной исследователь не сочтёт нужным задумываться над этим отношением публики и в своём величии специально готов только пре-

небрежительно пожать [плечами] и помолчать. Но я не считаю возможным обойти молчанием этого отношения, особенно к исследователю, особенно вследствие того, что я натуралист, специалист-зоолог со всеми своими товарищами по занятиям наиболее способен возбуждать недоумение публики целью своих работ.

Естествознание занимает до сих пор далеко не подобающее ему место в ряде других наук. Почти никто не задумывается над тем, что всё мощное развитие современной культуры обязано своим существованием именно естествознанию Если даже это и признают, то всё-таки никто не хочет ознакомиться с естественными науками настолько, насколько всякий считает необходимым знать историю, географию, историю литературы и т. п. Всякий устыдился бы, если бы не знал , что Юлий Цезарь воевал с галлами, и никто не стыдится, не имея понятия о том, что такое амёба и не знает, какое это животное.

Таким образом, значение разных наук в жизни современного общества разделяется по совершенно разному масштабу. История, философия, археология, даже [неразб.], политика, экономика и т. п. — всё это занимает гораздо, во много раз больше места в голове каждого человека, чем физика, химия, ботаника и зоология. Отчего это так? Обсуждать этот вопрос здесь не место.

П-06. ОДИН ИЗ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ВОПРОСОВ[1,2]

В настоящее время, когда мы находимся накануне многих крупных реформ, долженствующих в значительной мере изменить весь уклад русской жизни, в том числе и накануне университетской реформы, вполне уместно поговорить об одном из существенных практических вопросов университетской жизни, которому до настоящего времени слишком мало уделялось внимания и правительством, и обществом: я говорю о материальном обеспечении университетов.

Малое внимание, уделяемое материальной стороне университетской жизни, конечно, объясняется тем, что с именем университета связано слишком много принципиальных и теоретических вопросов большой важности, но не следует забывать, что самая высокая идея нуждается для своего воплощения и проведения в жизнь в материальных средствах и что развитие учёной и учебной жизни страны тесно и непосредственно связано с бюджетом Министерства Народного Просвещения. В печати неоднократно, конечно, указывалось на скудость этого бюджета, но эти указания носили по большей части платонический характер, т. к. трудно было думать, чтобы появление той или иной журнальной заметки могло оказать серьёзное практическое влияние на составление росписи государственных расходов, тем более, что и сами замечания носили по большей части весьма общий и неопределённый характер, сводились к фразе, что следовало бы увеличить бюджет народного просвещения, без сколько-нибудь детальной разработки вопроса.

В настоящее время мы близки к первому собранию Государственной Думы, которая будет, между прочим, обсуждать и бюджет народного просвещения; близки мы и к окончательной выработке нового университетского устава, который, быть может, тоже поступит на рассмотрение Государственной Думы, причём вопрос об изменении финансового положения университетов, конечно, тоже будет затронут. Таким образом, в настоящее время возбуждение и выяснение в печати вопроса о материальном положении университетов может иметь существенное практическое значение, направив в эту сторону внимание членов будущей Думы.

В своей статье я коснусь специально нужд физико-математического факультета, во-первых, потому что эти нужды мне знакомы на практике в течение моей шестнадцатилетней службы в одном из учебно-вспомогательных учреждений университета, а во-вторых, потому что именно этот факультет, имея вместе с медицинским насущную потребность в больших денежных средствах, поставлен в зависимость исключительно от университетских средств, тогда как учреждения медицинского факультета в значительной степени почерпывают свои средства из пожертвованных капиталов, а отчасти и от города.

Университетским уставом 1884 года предусмотрено существование при физико-математическом факультете Московского университета тринадцати учебно-вспомогательных учреждений (обсерватория; кабинеты: практической механики, физический (с лабораторией), зоологический, минералогический, геологический, палеонтологический, ботанический, сравнительной анатомии, технологический (с лабораторией) и агрономический (с лабораторией); химическая лаборатория и ботанический сад). Не предусмотрены уставом для Московского университета существующие на практике самостоятельные кабинеты: физиологиии растений, физической географии, географический и антропологический. Из них Кабинет физической географии полагается по уставу для университетов Харьковского, Казанского и Одесского и не полагается как для Московского, так и для Петербургского и Киевского[3]. Чем объясняется эта странность, не

---

[1] *Без права вставок и переделок*! В случае *необходимости* редакционных изменений — вычёркивания отдельных фраз.

[2] **Ред.** Рукописный черновик статьи, написанный в 1905 г.; опубликован не был. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 20.

[3] Штаты университетов Варшавского и Юрьевского не предусмотрены общим уставом Императорских Российских университетов 1884 года. Томского университета тогда ещё не было.

Одинъ изъ университетскихъ вопросовъ.

Въ настоящее время, когда мы находимся наканунѣ многихъ крупныхъ реформъ, долженствующихъ въ значительной степени измѣнить весь укладъ русской жизни, въ томъ числѣ и наканунѣ университетской реформы, вполнѣ умѣстно поговорить объ одномъ изъ существенныхъ практическихъ вопросовъ университетской жизни, которому до настоящаго времени слишкомъ мало удѣлялось вниманія и правительствомъ, и обществомъ: я говорю о матеріальной обезпеченности университетовъ.

Малое вниманіе, удѣляемое матеріальной сторонѣ университетской жизни, конечно, объясняется тѣмъ, что въ умѣ нѣкоторыхъ университета связано слишкомъ много принципіальныхъ и теоретическихъ вопросовъ большой важности, но не слѣдуетъ забывать, что самая высокая идея нуждается для своего воплощенія и проведенія въ жизнь въ матеріальныхъ средствахъ и что развитіе ученой и учебной жизни страны тѣсно и непосредственно связано съ бюджетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ печати неоднократно, конечно, указывалось, на скудость этого бюджета, но эти указанія носили по большей части платонический характеръ, т.к. трудно было думать, чтобъ появленіе той или иной журнальной замѣтки могло оказать серьезное практическое вліяніе на составленіе росписи

берёмся сказать, но факт тот, что все кабинеты, не перечисленные в тексте устава (а таких в Московском университете *четыре*), не имеют в обеспечение своего существования *ни одной копейки казённых денег* (штатной суммы). Уже этого одного факта достаточно, чтобы ярко подчеркнуть всю ненормальность университетского бюджета: допустимо ли, чтобы четыре университетских учреждения не имели предусмотренного уставом обеспечения своего существования?

Вся штатная сумма, отпускаемая согласно текста университетского устава на учебно-вспомогательные учреждения Московского университета, равна 13.500 р. На такую поистине мизерную сумму перечисленные кабинеты, конечно, не могли бы существовать. Действительно, посмотрим, сколько приходится на долю отдельных учреждений. Наиболее обеспечен ботанический сад, имеющий 2600 р. штатной суммы, но как жалка эта сумма, если припомнить, что Берлинский ботанический сад имеет в своём распоряжении 222 тысячи марок, причём необходимо принять во внимание, что в Германии за 1 марку можно купить и сделать многое, за что у нас приходится платить рубль[4]. Лаборатория органической химии нашего университета имеет всего 1700 р., физический институт — 1600 р., астрономическая обсерватория — 1500 р., лаборатории технической химии и агрономическая — по 1000 р., лаборатория неорганической химии — 800 р., кабинеты зоологический, сравнительно-анатомический и геологический[5] — по 600 р., кабинеты механический, минералогический и ботанический — по 500 р. Достойно удивления, что те же самые кабинеты в Петербургском университете получают не 13.500 р., а 22.000 р., т. е. *на 63% больше*. Чем объясняется такое важное преимущество Петербургского университета, я затрудняюсь сказать.

Само собой разумеется, что учебно-вспомогательные учреждения Московского университета фактически не в состоянии существовать при самых скромных условиях на ассигнуемую правительством сумму. Насколько эта сумма далека от нормы, видно из того, что, постоянно испытывая нужду даже в необходимом, университетские кабинеты и лаборатории расходуют на свои нужды ежегодно всё-таки не 13.500 р., а около 54.500 р. (я взял сумму одного из семестров и увеличил вдвое). Откуда же берутся недостающие 41.000? Источником являются специальные средства университета, образующиеся из 50-рублёвых студенческих взносов в пользу университета. Нетрудно доказать, насколько подобная постановка дела нерациональна. Во-первых, в разных университетах число слушателей различно, а следовательно, малолюдные университеты обречены на бедность сравнительно с многолюдными. Есть ли какое-либо основание для этого? Разве меньшее число учащихся не должно иметь такие же хорошие препараты, такие же приборы, таблицы и пр., как большее число учащихся. Разве полнота какого-либо музея определеяется количеством студентов, которые его посетят. Если стать на такую точку зрения, то получается настоящий «*circulus vitiosus*» [порочный круг]: университет будет беден, потому что малолюден, а малолюден потому, что беден, ибо одна из причин многолюдства Московского университета — сравнительное богатство его учебной обстановки.

Надо помнить, кроме того, что университет есть не только учебное, но и учёное учреждение. Постоянно профессорами, приват-доцентами, хранителями кабинетов, лаборантами и ассистентами ведутся научные исследования, требующие постоянных и довольно крупных расходов, не говоря уже о необходимости завести необходимый для научных работ инвентарь, часто нужный не для преподавания, а исключительно для специальных научных работ. Таким образом, при существующих условиях университетского бюджета ход научных исследований в лабораториях того или иного университета поставлен всецело в зависимость от числа студентов этого университета, что является уже совершенной несообразностью.

Количество студентов в университетах и количество делаемых ими взносов подвержено колебаниям и зависит от многих причин, часто совершенно посторонних университету. Можно ли признать нормальным, что возможность купить спирта или посуды для одного из музеев, набить чучело, приготовить скелет и т. п., находится в прямой зависимости от того, каковы политические убеждения той

---

[4] Чтобы не быть голословным, укажу, что по точному произведённому мною вычислению стеклянная посуда, выписанная из Берлина, с включением стоимости провоза и пошлины, обходится на 30% дешевле посуды, купленной в Москве. Металлический кронштейн для шкафа, стоящий в Берлине 75 пфен., обходится в Москве в 1 р. 25 к.

[5] Уставом предусмотрено существование двух самостоятельных кабинетов, геологического и палеонтологического, в действительности они соединены в один кабинет.

или иной группы студентов, т. е. от обстоятельства, не имеющего никакого отношения к науке и её изучению? ……

Раз со студентов взимается плата за право ученья в университете, то эта плата должна быть использована на различные расходы не первой необходимости, а также на расходы, вызываемые увеличением числа слушателей (увеличение числа инструментов, приобретение материала для занятий, расход на реактивы, газ и т. п.). Все же расходы, которые вызываются поддержанием музеев, кабинетов и лабораторий на должной научной высоте и обеспечением в них хода научных исследований, должны быть произведены из штатной суммы. Минимальный размер этих расходов легко определяется тем фактическим расходом, который производят кабинеты Московского университета в настоящее время. Расходы эти составляют около 54½ тысяч в год, но принимая во внимание ненормально малые бюджеты некоторых кабинетов, недопустимые в будущем (антропологический и географический — по 300 р. в год!), *мы должны считать более или менее нормальною штатною суммою на потребности учебно-вспомогательных учреждений физико-математического факультета каждого из русских университетов шестьдесят тысяч р. в год*.

Мы все настолько привыкли к тому, что наука в России находится на нищенском положении, что многие удивятся такому повышению требований, но чтобы показать, насколько скромна эта цифра, позволю себе указать, что Берлинский университет тратит на те же кабинеты[6] *758.560 марок в год*, а кроме того, вместо университетского кабинета физической географии и метеорологии, имеется специальный самостоятельный метеорологический институт, находящийся, однако, в ведении университетского профессора и получающий на своё содержание 307.879 марок в год. Следовательно, всего на учебно-вспомогательные учреждения по предметам физико-математического факультета тратится более миллиона марок в год.

Интересно сравнить расходы на нужды разных наук в Москве и в Берлине. Я беру не всегда отдельные кабинеты и лаборатории, а иногда соединяю их группами.

Из сравнения цифр берлинского университетского бюджета с московским видно, что нам нечего опасаться, что, увеличив штаты кабинетов почти в пять раз, мы не будем знать, куда девать специальные средства: наши увеличенные штаты будут всё-таки раз в восемь меньше берлинских,

	Москва	*Берлин*
Химия	14.715 рублей	99.665 марок
Зоология и сравнительная анатомия	11.110 ‹›	170.041 ‹›
Ботаника	6.450 ‹›	281.063 ‹›
Физика	5.132 ‹›	33.418 ‹›
Физическая география и метеорология	4.933 ‹›	307.879 ‹›
Минералогия	3.560 ‹›	17.740 ‹›
Астрономия	3.160 ‹›	71.390 ‹›
Геология	1.890 ‹›	15.434 ‹›
География	300 ‹›	68.810 ‹›

если будем даже считать марку равноценной 50 к., а я уже сказал, что её действительная ценность значительно выше.

Вряд ли можно оспаривать, что Россия должна стараться стать в научном и учебном отношении на один уровень с другими государствами, а это невозможно без увеличения бюджета Министерства народного просвещения на десятки миллионов, и при этой увеличении не надо забывать печального положения университетов, которые я старался выяснить приведёнными цифрами.

***

Наряду с материальным положением кабинетов и лабораторий стоит не менее важный вопрос о материальном положении научного персонала, в особенности младшего, т. е. хранителей кабинетов, лаборантов и ассистентов. Все эти лица делятся на две категории: первая, менее многочисленная, — это штатные, вторая, значительно

[6] Кроме механического, антропологического и агрономического, которых я не нашёл в списке берлинских учебно-вспомогательных учреждений.

более многочисленная, — сверхштатные. Первые получают ничтожное жалованье, вторые — никакого. Насколько ничтожно жалованье, видно из того, что высший оклад (хранителя кабинета) составляет всего 750 р., а низший штатный оклад (ассистент Зоологического музея) — 450 р. Квартиры этому ассистенту не полагается, так что материальное положение его хуже положения старшего дворника в большим столичном доме. Число штатных должностей в университетских лабораториях крайне мало. В высокой степени странно, что вместо того, чтобы с введением устава 1884 года увеличить число штатных должностей, в университетах создали множество должностей сверхштатных, получающих всё своё вознаграждение из специальных средств. В высшей степени неудобно возлагать на людей определённые служебные обязанности, не давая им за это определённого вознаграждения. Не говоря уже о том, что, как было указано, специальные средства университетов подвержены колебаниям и при особых условиях, как было в весеннем полугодии этого года, могут свестись к нулю, ненормален самый порядок распределения этих средств во вознаграждении лаборантов и ассистентов: размер этого вознаграждения обусловливается единственно желанием заведующего кабинетом или лабораторией, т. к. заслушание просимых сумм в факультете сводится к простой формальности, да и как могут члены факультета контролировать взгляд профессора на размеры просимого вознаграждения?

Сверхштатное вознаграждение ассистентов и лаборантов достигает до 800 р. в год, но выдаётся оно не помесячно, а два раза в год, по семестрам, причём нередко вознаграждение за осеннее полугодие выдаётся в марте и даже в апреле (как было в этом году), а вознаграждение за весеннее — в сентябре. Таким образом, сверхштатный ассистент должен при составлении своего домашнего бюджета задаваться следующими вопросами: сколько будет угодно профессору попросить для него вознаграждения? будет ли у университета возможность выполнить эту просьбу (сообразно с состоянием специальных средств)? когда выдадут эту сумму — сразу или в два приёма, как было весной этого года? На каждый из этих вопросов возможен не один ответ. Нечего доказывать, что подобный способ вознаграждения далеко не похож на получение хотя бы маленького жалованья. Я полагаю, что одна из неотложных задач университетской реформы должна заключаться в том, чтобы выяснить, сколько хранителей, лаборантов и ассистентов нужно для каждого из университетских институтов для полного поддержания их в порядке и нормального хода научной и учебной работы, и затем сделать все эти нужные университету должности штатными, т. к. считать известную должность нужною для блага учреждения и считать её в это же время «сверхштатною» есть несообразность.

Теперь спрашивается, какое вознаграждение надо считать наименьшим возможным. При решении этого вопроса громадная разница получается в зависимости от того, будем ли мы иметь в виду одинокого или семейного человека. В первом случае даже 1200 р. может считаться достаточным жалованьем, чтобы жить скромно, но без нужды во всём необходимом, во втором же случае расчёт будет совсем иной. Чтобы не витать в области необоснованных предположений, я буду исходить из весьма интересного статистического материала, представленного в моё распоряжение матерью одного интеллигентского семейства в Москве. Эта женщина записывала в течение 16 лет своего замужества с точностью до одной копейки все расходы по домашнему хозяйству, квартиру и прислугу, свои личные расходы и расходы на каждого из четырёх детей, причём счёт каждого ребёнка ведётся со дня рождения по рубрикам: одежда, обувь, игрушки, книги, болезни и т. п. Подробная статистическая разработка всех этих записей могла бы представить большой интерес для выяснения экономических условий нашей столичной жизни. Я имею перед собою сгруппированные по крупным рубрикам записи за последние девять лет, причём в счёт не вошли личные расходы мужа и расходы на покупку новой мебели. Детей четверо, старшему ребёнку 15 лет, младшему 8 лет. Живёт семья с полным достатком, но без какой-либо роскоши, у маленьких детей была нянька, у взрослых гувернантка, прислуги два человека. Средний годовой расход такой семьи (*не считая* личных расходов отца) составляет 3.750 рублей. Расход на питание (включая жалованье кухарке), освещение, пополнение хозяйственного инвентаря и мелкие домашние расходы составил *в среднем* 1900 р. в год, расходы на квартиру и отопление — 830 р., на прислугу — 170 р., на детей — 340 р. в год[7].

[7] **Ред.** Принимая во внимание указанный срок замужества (16 лет) и количество и возраст детей (четыре, старшему 15 лет, младшему 8 лет), мы полагаем весьма вероятным, что Г.А. Кожевников здесь имеет в виду свою семью; соответственно, автором записей, на которые он здесь ссылается, скорее всего является его супруга Мария Александровна.

Попробуем теперь, имея основою реальные цифры расходов живущей с известным комфортом семьи, вычислить бюджет той же семьи при условии самой строгой экономии, при условии отказа от целого ряда удобств. Откажемся от гувернантки, от дачи, от одной из прислуг, сократим расходы на еду и всё остальное прожитие — и мы получим следующий минимальный бюджет семейного человека, у которого четверо детей: квартира и отопление — 700 р., питание и остальные хозяйственные расходы — 1200 р., прислуга — 100 р., дети — 300 р., личные расходы отца и матери (включая одежду) — 400 р., а всего 2700 р. Всякий понимающий, что значит содержать семью из 6 человек при современной ужасающей дороговизне русской столичной жизни, признает, что мною взяты минимальные цифры: нельзя, например, тратить на четверых детей всего 300 р., если хотя бы двое из них учатся.

Если мы попробуем сократить предлагаемый мною скромный бюджет культурной семьи всего до 2000 р. в год, то это можно только путём крупных лишений, путём плохого питания, ненормально тесной квартиры, недостаточного отопления, отказа себе в книге, театре, концерте, т. е. в насущных потребностях культурного человека. В случае болезни такая семья вынуждена будет экономить на лечении, что часто кладёт нежелательные следы на всю жизнь. Одним словом, с неумолимой ясностью можно доказать, что если молодой учёный, не обладая капиталом, захочет вести семейную жизнь и иметь детей, что, конечно, вполне нормально, то, получая от университета даже 2000 р. в год (без квартиры), он обречёт себя и свою семью на полное лишений существование, что, конечно, пагубным образом отражается на научной работоспособности и продуктивности, или должен прибегать к постороннему заработку, давая уроки, делая переводы, сочиняя компилятивные статьи для журналов и т. п. Чтобы этим побочным трудом заработать тысячи полторы, надо потратить немало рабочих часов, отнимаемых непосредственно от научной и учебной университетской работы.

Мне было бы крайне интересно знать, что думали составители университетских штатов, когда они вписали в рубрику: содержание *всех лаборантов, помощников лаборантов, хранителей кабинетов и чучельников Московского университета — восемь тысяч пятьсот рублей*? Для сравнения укажем, что самый низший оклад самого младшего ассистента Британского музея — *1500* р., а высший оклад ассистента около 5000 р. Таким образом, два английских ассистента получают жалованья почти на 17% больше, чем все московские лаборанты и ассистенты вместе взятые. Напомню, что выше я достаточно ясно отметил, что вознаграждение из специальных средств, вследствие условий его выдачи, никак нельзя считать жалованьем. Подобные единовременные и в неопределённые сроки производимые выдачи не вполне определённых сумм могут быть только добавлением к жалованью, так называемыми «наградными», которые полагаются во многих учреждениях, где труд оплачивается не так, как в университете.

Таким образом, современное состояние университетского бюджета имеет следующие следствия.

1). При прохождении научной карьеры люди материально обеспеченные получают громадное преимущество перед неимущими.

2). При прохождении научной карьеры многие молодые люди обрекают себя на жизнь, полную лишений.

3). При прохождении научной карьеры многие молодые люди против своего желания силою экономического гнёта устраняются от семейной жизни.

4). Университет по необходимости вынужден иметь таких работников, которые отдают ему лишь остатки, лишь обрывки своего рабочего времени и сил.

Я думаю, нечего доказывать, что все эти условия могут лишь пагубно отражаться на ходе русской науки и университетского дела.

Возвращаясь к вопросу о минимальном допустимом окладе университетского ассистента, я полагаю, что принимая во внимание, что в начале своей служебной деятельности многие ещё не имеют семью, или имеют маленьких детей, расходы на которых невелики[8], а в 1904 году те же 4 детей стоили 812 р., причём одно поступление мальчика в гимназию повысило его личный бюджет с 92 р. (в 1903 г.) до 349 р. в год (в 1904 г.), можно допустить минимальный оклад младшего ассистента в 1200 р. в год. Принимая далее во внимание, что отсутствие перехода на старшую должность обу-

[8] В бюджет семьи, записи которой послужили исходной точкой моих расчётов, в 1897 г., когда старшему ребёнку было 8 лет, а младшему 1 год, расходы на всех детей составили 174 р. в год (мать сама кормила), а в 1904 году те же 4 детей стоили 812 р., причём одно поступление мальчика в гимназию повысило его личный бюджет с 92 р. (в 1903 г.) до 349 р. в год (в 1904 г.).

словливается часто лишь неимением вакансий, т. е. не является следствием малых познаний или малой работы для университета со стороны ассистента или лаборанта, необходимо ввести прибавку жалованья за выслугу каждых пяти лет или прибавку при рождении каждого ребёнка, или то и другое вместе, чтобы было бы самое справедливое.

Для введения нормальных штатов нужны деньги. Именно теперь, после опыта только что кончившейся войны, нельзя уже отговариваться их неимением: если они нашлись на бесполезные военные расходы, то они должны найтись на нужды науки и просвещения.

Профессор Московского университета
Г. Кожевников
Москва, 27 авг. 1905 г.

П-07. ПРОКЛЯТЫЙ ВОПРОС (К СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ УНИВЕРСИТЕТА)[1]

Noli turbare circulos meos!
Изречение, приписываемое Архимеду

В литературе существует термин «проклятые вопросы». Университетский вопрос по своей трагической неразрешимости с полным правом может быть отнесен к этой категории.

В настоящее время, когда в результате целого ряда действий длинного ряда лиц, начиная со студентов-первокурсников, и кончая Советом Министров, произошло коренное потрясение университетской жизни, когда тяжелый кошмар заступил место науки и ученья, когда душевная жизнь лиц, всецело отдавших себя служению величайшим идеалам знания и просвещения, обратилась в кромешный ад, в настоящее время неудержимо хочется сделать то, на что в обычное время не найдешь в себе решимости: закрепить неизгладимыми печатными строками святая святых своей души, и отдать это на суд окружающих. При этом я думаю, что в настоящее смутное время, когда так многое неясно, откровенное мнение об университетском вопросе человека, двадцать два года прослужившего университету, может хоть кому-либо помочь что-либо выяснить в современной путанице событий и мнений.

Я счел за самое удобное напечатать это отдельной брошюрой, во-первых, чтобы быть независимым от редакционных правок или сокращений какого-нибудь печатного органа, а во-вторых, для того, чтобы дать возможность каждому из своих многочисленных личных знакомых правильно судить о моем поведении, что легче всего достигнуть раздачей брошюры.

А это поведение, как и поведение всякого профессора в настоящий момент, несомненно, становится предметом общественного обсуждения, хотя обсуждающие не имеют для этого необходимых данных. Чувствуется, что у окружающих готово сорваться или слово незаслуженного, глубоко несправедливого упрека, или (что при некоторых условиях еще обиднее) слово незаслуженной похвалы, чувствуешь, что в вихре происходящей сумятицы, при близоруком, пристрастном и трафаретном отношении многих из окружающих к поступкам других лиц, а в особенности, — к мотивам этих поступков (мотивам, в сущности, никому из «судей» неизвестным), складываются мнения и с лёгким сердцем произносятся приговоры бесконечно несправедливые. Ввиду всего этого и возникает глубокая внутренняя потребность сформулировать свои настоящие, глубоко продуманные и прочувствованные взгляды и убеждения.

Чтобы дать понятие о том, насколько поверхностно, легкомысленно, несправедливо и обидно отношение к университетским делам прессы и публики, достаточно указать, что в обществе распространено мнение, будто «подача» или «не подача» в отставку кем-то из профессоров есть признак принадлежности к «левым» или «правым». Будто бы нет на свете людей, одинаково далеких и от «правых», и от «левых», и от «средних» людей, которые живут совершенно в иной плоскости, чем те, к которым можно приклеить какую-либо общепринятую этикетку, точно бы известная «окраска» убеждений непременно выражается определенным актом?

Более того: находятся люди, настолько нечуткие и настолько непроницательные, что они решаются, например, «неподачу» в отставку квалифицировать как поступок трусливый, некрасивый, безнравственный и т. п., а другие, вроде пишущих в «Новом Времени» и «Московских Ведомостях», готовы приветствовать этот акт, как знак полного одобрения всех министерских циркуляров… Молчание принято считать знаком согласия, а потому я не хочу молчать.

Как создалось современное положение? Попробую изложить его с полной объективностью. Смотря вполне беспристрастно, мы должны прийти к выводу, что ни студенты, ни профессура, ни начальство не стояли на практической точке зрения, то есть не стремились к тому, чтобы мирно кончились возникшие трения, чтобы путём взаимных

---

[1] **Ред.** Открытое письмо, датируемое 1911 г. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 128. Опубликовано в журнале «Человек», 2005, (2). (http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/PROF.HTM).

уступок пустить в ход повреждённую машину. Во имя принципов принимались, может быть, вполне последовательные с известных точек зрения, но вполне непрактичные решения, во имя принципов приносилось в жертву мирное течение повседневной трудовой жизни.

Не будучи знаком с деятельностью партий и с политическими соображениями, и даже не интересуясь ни тем, ни другим, я, быть может, совершенно не знаю и не понимаю истинного значения и истинных причин происходящих событий. Быть может, лишь через несколько лет в официальных архивах, воспоминаниях и исповедях современных общественных деятелей беспристрастный историк найдёт истинное объяснение происходящих событий. Я могу лишь сказать, как они рисуются мне в схематической форме.

Мирные демонстрации по случаю смерти Льва Толстого вызвали со стороны администрации некоторые стеснения, наложившие оттенок какого-то «инцидента» на событие, которое при нормальных условиях должно было быть лишь всенародным горем. Так, например, были запрещены некоторые собрания в память Толстого. Учащаяся молодёжь, со своей стороны, соединила чествование этой памяти с уличными процессиями и требованиями отмены смертной казни, в чём администрация усмотрела преступное деяние, предусмотренное положением об усиленной охране, и применило к участникам суровые карательные меры. Тяжесть административных взысканий и самая форма их наложения привели в раздражение учащуюся молодёжь, но естественный конец семестра и Рождественские каникулы не дали этому раздражению разыграться в осеннем семестре. Однако люди дальновидные предсказывали, что весенний семестр будет бурным. Я лично не верил этому, чем ещё раз доказал свою неосведомленность в подобных вопросах.

Начало весеннего семестра ознаменовалось неожиданным постановлением Совета Министров, лишившим студентов права их законных, университетской администрацией разрешаемых, собраний. Это вызвало забастовку, блестяще проведённую таким способом (без общей сходки), который показал, что студенчество хорошо организовано и слушается своих вожаков чисто по-солдатски: не рассуждая и не считаясь с личными убеждениями, ибо нельзя допустить, чтобы личным убеждением всех было, что надо сорвать семестр. Пунктуальное применение полицией постановления Совета Министров относительно принятия быстрых и решительных мер к прекращению сходок и выяснению личностей участников вызвало почти непрерывное присутствие полиции в стенах университета, за исключением некоторых отдельных учебно-вспомогательных учреждений. Некоторые из организаторов забастовки позволили себе хулиганские поступки, именуемые «обструкцией». Готовность всего студенчества бастовать по приказу сравнительно небольшой группы активных забастовщиков является, на мой взгляд, одной из коренных и, быть может, наиболее трудно устранимых причин трагизма создавшегося положения.

Полиция принимала столь деятельное и непосредственное участие в ходе университетской жизни, что явилось вполне обоснованным квалифицировать создавшееся положение как «двоевластие». Сознание невозможности исполнять свои административные обязанности в столь ненормальной обстановке вызвало со стороны университетской администрации подачу прошений об освобождении от административных должностей с оставлением в должностях профессорских.

Считаю необходимым сделать здесь некоторое отступление от лаконической формы изложения, чтобы разъяснить одно весьма важное обстоятельство. Для некоторых профессоров, которые, подобно мне, не состоят членами советской Комиссии и не имеют иного общения с коллегами на почве университетских дел, кроме заседаний Совета, столь важное решение, как выход в отставку президиума, явилось полной неожиданностью. Достаточно сказать, что сначала я прочитал в газетах слух о том, что таковая отставка предполагается, а потом (в тот же день) получил повестку о том, что в заседании Совета предполагается «заявление» ректора, помощника ректора и проректора. Решение этих лиц о сложении с себя административных обязанностей предполагалось представить Совету в начале заседания, как уже готовое, окончательное и бесповоротное, и не явилось результатом обсуждения в Совете создавшегося положения. Таким образом, какие-либо иные практические выходы из положения, кроме уже свершившегося, были для Совета невозможны, и он мог только «присоединиться к мотивам» своих глубокоуважаемых избранников, что он и сделал. Министерство Народного Просвещения пожелало покарать лиц, просивших об освобождении от административных должностей, и отрешило их от профессорских должностей, причём, кажется, по отношению к прослужившему

30 лет проф. М. А. Мензбиру, такое распоряжение есть недоразумение. В ответ на это распоряжение некоторые профессора подали немедленно прошения об отставке. В течение ближайших дней к ним присоединились другие (всего 18 из 91), и перед каждым членом профессорской коллегии встал мучительный вопрос: «что делать?»

Вопрос этот, конечно, прежде всего, должен решаться каждым в самых глубоких тайниках его души, но мы дожили до такого времени, когда наши факультетские и советские собрания превращаются в сцены публичной исповеди, сцены тяжёлые, но и глубоко поучительные. Мотивы тех профессоров, которые приняли решение выйти в отставку, глубоки, нравственно высоки и несут характер громадной жертвы во имя убеждений, так что неудивительно, что не только товарищи по университету относятся к их поступку с чувством глубокого уважения, как к акту совести, но и широкая публика венчает их поступок ореолом героизма и красоты.

Но когда мы квалифицируем поступок группы лиц как хороший, честный, благородный, то, вследствие легко проглядываемой логической ошибки, мы склонны поместить всех, такого именно поступка не совершивших, в категорию противоположную первой по нравственным качествам, снабдив их нелестными эпитетами. Приём этот совершенно понятен и ведёт к грубым, непростительным ошибкам. К сложнейшим вопросам этики и убеждений нельзя применять принципов простой дихотомии определительных таблиц искусственной классификации. Нельзя делить людей по одному внешнему акту («подал» — «не подал», а почему — неизвестно), не считаясь с мотивами. Затем необходимо помнить, что есть люди, которые не подходят ни к одной из общепринятых категорий, даже к таким широким, как «правые» и «левые». Если же прибавить к этому, что в вопросах классификации людей по категориям и снабжения их этикетками судьями являются люди из публики, часто не имеющие ясного понятия об университетском вопросе, а также газетные профессионалы, для которых сложнейшие вопросы о мотивах поступка решаются одним взмахом пера с точки зрения «направления» газеты, то станет ясно, насколько тяжко сталкиваться с суждениями публики и некоторых органов прессы человеку, стоящему близко к делу, о котором идёт речь, человеку, выстрадавшему своё решение путём глубокого всепроникающего анализа, вскрывшего при этом все стороны своей психики.

Великой нравственной поддержкой в тяжёлом горе по разрушению университета были заявления подающих в отставку товарищей, что они считают это дело личным делом, делом личной совести каждого, а с этой точки зрения тот, который признаёт, что уходить не следует, может быть так же прав, как и тот, который признаёт, что это делать следует. Есть, однако, случаи, когда в своих поступках приходится отступать от личных убеждений: это случаи коллективного решения. При всяком коллективном решении человек перестаёт быть самостоятельной личностью, а становится составной частью коллективного организма, индивидуальность тонет в волне коллективизма. И я признаю, с общественной точки зрения, возможность таких коллективных решений, их значение и силу…

Но в данном конкретном случае ставить вопрос о коллективном решении считалось совершенно немыслимым.

Наши поступки должны быть результатом нашего глубокого внутреннего убеждения, а не результатом соображений личной материальной выгоды, личного практического удобства.

Возможны, однако, случаи, когда человек, при самом горячем желании поступить, по внутреннему убеждению, и исполнить свой нравственный долг, станет в трагическое положение вследствие полной невозможности сделать это. Это будет в том случае, если долг человека складывается из нескольких моментов, если у человека есть долг перед разными лицами, делами, учреждениями. Бывает так, что выполнить долг по всем пунктам одновременно нельзя, так как одно исключает другое. Поясним примером. Положим, у профессора есть долг перед товарищами, требующий ухода в отставку потому, что они ушли. Но у него есть долг перед учениками, которые не могут работать без его руководства, как профессора, долг перед наукой, разрабатывать которую он не может без университетской лаборатории, долга перед самой лабораторией, кабинетом, музеем, которые требуют его неусыпных забот. Я не говорю ещё об одном долге — долге перед семьёй, во-первых, потому, что есть одинокие, а во-вторых, чтобы не сказали, что материальное благополучие семьи есть в то же время и личное благополучие. Итак, долг перед семьёй, как он ни велик в иных случаях, исключим из нашего рассуждения. И всё-таки выходит, что, признав за долг перед товарищами выход в отставку, профессор тем самым нарушает долг перед учениками, перед наукой, перед научным учреждением.

Обозначим величину долга в виде определённой силы тяжести и назовём долг перед товарищами *a*, долг перед учениками *b*, долг перед наукой и научным учреждением через *c*. Решение вопроса сравним с колебанием весов в ту или другую сторону, причем условия задачи требуют, чтобы на чашку, где лежит величина *a*, не помещались величины *b* и *c*. Решение вопроса в пользу *a* возможно только при условии $a>b+c$, т. е. долг перед товарищами больше суммы долга перед учениками и учреждениями. При этом ясно, что стоит только величине *b* или величине *c* в отдельности быть равной величине a, то при всякой, даже самой малой величине другого слагаемого приведённое выше неравенство нарушится в обратном смысле, т. е. $b+c$ перетянут *a*.

Почему же, спрашивается, считается честно выполняющим свой долг только тот, у кого сумма долга перед учениками, наукой и научным учреждением меньше долга перед товарищами?

Совесть у человека чиста, когда его весы не фальшивят, и когда при взвешивании не подкидываются тайком какие-либо неизвестные гирьки и вообще нет приемов обвешивания. А величина грузов, от чести и совести человека не зависит. Напомню, что для иного громадного груза является отсутствующее в нашем примере, третье слагаемое на чашке, противоположной, — долг перед семьёй.

Итак, если те, которые выходят в отставку, признаются поступающими по долгу, по чести и по совести, то и те, которые остаются, имеют такое же право на признание их поступка таким же исполнением долга, таким же делом чести и совести.

Если мы, для полноты нашего анализа, сделаем гипотезу, что можно допустить существование людей, которые делают что-либо не по убеждению, не по совести, а из соображений карьеры, успеха, личной материальной выгоды, страха перед кем-либо, боязни осуждения, стремления к популярности и т. п. иных не нравственных побуждений, то мы должны признать теоретическую возможность существования таких лиц и среди «подающих», и среди «неподающих». Я, конечно, убеждён, что в действительности среди глубокоуважаемых товарищей нет никого, к кому можно было бы применить это вымышленное предположение.

Позволительно остановиться и на взглядах на самый акт подачи в отставку. Взгляды эти могут быть разные. Быть может, мой далеко не всеми разделяется, но я имею его с юношеских лет, и с ним умру. Я считаю, что ни при каких обстоятельствах не следует покидать своего поста, пока самое пребывание на нём не потеряло своего смысла или вследствие моей собственной неспособности делать своё дело, или вследствие того, что не зависящие от меня и неустранимые обстоятельства не дают мне выполнить своего долга.

С моей точки зрения, менее всего допустим уход откуда бы то ни было в виде протеста против чего бы то ни было. Наоборот, если я протестую, то я это должен делать на своём посту. Пусть мне отдадут приказание, выполнение которого я считаю нечестным. Из-за этого я не уйду, но приказания не исполню. Меня могут удалить силой, но сам я не уйду.

Обращаясь специально к профессорским обязанностям, я считаю, что пока профессор может работать в научном учреждении, и пока он может принести какую-либо реальную пользу этому учреждению, он имеет полное нравственное право оставаться на своем посту, хотя бы он остался один во всём университете, ибо нравственное качество поступка совершенно не зависит от того, сколько людей поступает таким же образом.

Взгляды на задачи профессорской деятельности могут быть разные. Я лично посвятил всю свою жизнь университету исключительно ради того, чтобы заниматься зоологией и посильно помогать другим заниматься тем же. Быть выразителем каких-либо политических идеалов и общественных настроений, я задачей профессора, как такового, не считаю.

А между тем общество привыкло видеть в университете своего рода политический барометр, показатель общественных настроений, а не только высшее научное и учебное учреждение, призванное исполнять бесконечно сложные, бесконечно трудные задачи,

Общество признаёт за университетами и другими высшими учебными заведениями громадное общественное значение, и что это в настоящее время фактически так, этого отрицать нельзя; университет действительно является барометром, и притом весьма чувствительным барометром, общественных настроений. И притом общество желает, чтобы университет был чувствителен в этом отношении. Именно теперь, в настоящий не только тревожный, но и трагический момент, мне пришлось от людей неуниверситетских, от рядовых представителей «общества» в широком смысле слова, слышать мнение такого рода: «Кому же, как не чуткой молодёжи быть наиболее отзывчивой на общественные и политические настроения, кому же, как не профессорам, вести за собой общество?» — Пока такие взгляды

будут в обществе, Россия будет жалкой, некультурной страной без настоящей высшей школы. Ведь надо помнить, что если студент всецело отдается ученью, а профессора — науке и её преподаванию, то у них не должно остаться никакого запаса свободной энергии на иные интересы и дела. Идеалом должен быть Архимед, который в момент взятия Сиракуз врагами занимался математикой, и воину вражескому, вбежавшему с мечом, сказал: «Noli tangere circulos meos!» (Не трогай моих кругов!) А общество, которое в своей среде не находит достаточного количества людей, которые бы серьёзно занимались общественными и политическими вопросами, и отвлекает для этой цели высшую школу от её великого прямого дела, такое общество не заслуживает того, чтобы его вели вперёд. Общество и интересуется-то университетом прежде всего и больше всего не как научным центром, а как центром общественных настроений и волнений. В мирное время услышите ли вы расспросы об университете, спросит ли вас кто-нибудь о купленных библиотекой книгах, о приборах и коллекциях, обогативших кабинеты, о препаратах, сделанных в лабораториях? Никогда. Говорят в обществе о чём угодно, только не об университете. Но стоит начаться «беспорядкам», как университет становится предметом общественного внимания, нездорового любопытства, сплетен и пересудов.

Итак, общество наше привыкло смотреть на университет как на центр политической жизни и общественных течений, и прочность такого взгляда в обществе и студенчестве есть одна из трагических сторон и одно из проклятий университетского вопроса. Наука — это нечто настолько великое, высокое, всеобъемлющее, что служить только ей — значит выполнить задачу целой жизни для отдельного человека, значит исполнить своё высшее и конечное назначение для любого учреждения. Люди, не работавшие научно, не могут себе представить, какой полноты напряжения всех человеческих сил требует настоящая научная работа. Где же тут время, где силы заниматься чем-либо другим?

Если университет только для науки, то, конечно, эта наука в университете должна быть абсолютно свободна. В строго научной форме и с чисто научными целями с университетской кафедры могут быть высказываемы любые взгляды, и никакой опеки, никакого контроля тут быть не должно. Доведённые до абсурда примеры такой опеки мы видим в ставших историческими мероприятиях против свободы преподавания гг. Рунича и Магницкого.

Между наукой и правительством в моем утопическом идеале должна бы существовать только одна форма взаимоотношений: правительство даёт на нужды науки возможно большее количество денег, а затем — наука не касается правительства, а правительство не касается науки.

Полная свобода науки и полная свобода от политики — вот истинный девиз университета, до сих пор не вполне признаваемый нашим обществом. А долг профессора только в следующем: профессор должен всеми силами своего ума и воли содействовать развитию науки и усвоению её учащимися — и только. Служить только науке настолько трудно, что если профессор сможет совершить этот подвиг, то это будет лучшим воспитательным примером для молодёжи. На своём посту он должен оставаться, не смотря ни на какие обстоятельства, пока имеет силы и возможность работать.

Профессор Московского Университета
Григорий Кожевников
7 февр. 1911 года.

П-08. К ВОПРОСУ О ПОСТАНОВКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В МУЖСКИХ ГИМНАЗИЯХ[1]

Один из выдающихся людей нашего времени, Вильгельм Оствальд [Wilhelm Friedrich Ostwald], в одной из своих педагогических статей, писанной очень недавно в 1908 г.[2], говорит: «Когда я вижу дурные сны, то по большей части я вижу себя в школе, то учеником, то учителем, но в обоих случаях я — страдающая сторона» (стр. 4). Автор считает это «экспериментальным доказательством, что многое не в порядке». Это говорится об австрийской школе. Обратившись к литературе о школе германской, мы найдём и там за недавние годы тоже жалобы на крупные недочёты школы и в частности по интересующему нас вопросу, по вопросу о положении естеств[енной науки] в школе. Всего каких-нибудь пять лет тому назад произошла крупная реформа, в силу которой было улучшено печальное по общему признанию положение этого предмета в школе.

Относительно недочётов нашей школы тоже достаточно говорено и писано. Очевидно, что школьное дело было очень трудное, дело, с которым очень мудрено справиться современному человечеству, стоящему, очевидно, в общем ещё на слишком низкой степени культурного развития, чтобы понять, какая школа нужна современному человечеству.

Те коренные разногласия, которые слышаться из разных лагерей, когда вопрос заходит об общеобразовательной школе, весьма знаменательны и весьма печальны. Ведь по одному и тому же вопросу не может быть двух прямо противоположных верных мнений. Если мы поставим вопрос: какою должна быть общеобразовательная средняя школа, наилучше подготовляющая учеников и к высшему учебному заведению, и к жизни, и если мы услышим на этот вопрос прямо противоположные друг другу ответы со стороны педагогов разных лагерей, а именно это мы и слышим, то это одно уже показывает, что пока нет никакой надежды на серьёзное улучшение нашей школы. Если вопрос достаточно разработан и выяснен, то он не может возбуждать коренных разногласий.

Кто станет теперь спорить о пользе грамотности? Станут спорить о том, в какой школе эту грамотность преподавать — в земской или церковноприходской, но защищать безграмотность не станет даже самый отчаянный ретроград. И раз так единодушно признание пользы, даже необходимости грамотности — посмотрите, в России широким мощным потоком она различается по стране. Никакой вид образования не идёт вперёд с такой непобедимой силой, как образование начальное. Это есть прямое следствие *общепризнанности* его.

Если мы спросим теперь: общепризнано ли важное образовательное и воспитательное значение естествознания? Мы должны ответить: конечно, нет. Не только толпа, широкая публика не ценит ещё в должной мере значение естествознания как учебного предмета, но и среди людей высоко образованных и развитых, опытных в педагогических вопросах, вы найдёте таких, которые вовсе не придают естествознанию как учебному предмету того значения, которое оно заслуживает.

Скажу даже более: важного значения школьному естествознанию не придают даже многие специалисты-естественники, профессора и учёные. С редким постоянством ряд Съездов русских естествоиспытателей и врачей, которые устраивались физико-математическими факультетами наших университетов, отвергает предложения относительно устройства при этих съездах педагогической секции, которая занялась бы преимущественно вопросами преподавания естествознания в средней школе. И только предстоящий летом будущего года Съезд естествоиспытателей и врачей в Тифлисе, городе, где нет университета, учредил у себя педагогическую секцию, которая так долго тщетно просилась в двери съездов, устраиваемых университетами.

Укажу далее на то, что университеты, создавая предметную систему, явно отреклись ото всякой заботы о подготовке преподавателей для средней

---

[1] **Ред.** Доклад, прочитанный в 1912 г. на Съезде преподавателей естественных наук (Москва). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 92.

[2] **Ред.** Вероятно, имеется в виду статья «Naturwissenschaftliche Forderungen zur Mittelschulreform. Schriften des Vereins für Schulreform». Wien. 1908.

К вопросу о постановке преподавания естественной истории в мужских гимназиях.

Один из выдающихся людей нашего времени, Вильгельм Оствальд, в одной из своих педагогических статей, написанной очень недавно в 1908 году [x], говорит „Когда я вижу дурные сны, то по большей части я вижу себя в школе, то ученик, то учитель, но в обоих случаях я-страдающая сторона" (стр. 4). Автор считает это „экспериментальным доказательством, что многое не в порядке".

Это говорится в австрийской школе. Обратившись к литературе о школе германской, мы найдем и там за последние годы тоже рядом на крупные недочеты школы и в частности по интересующему нас вопросу, по вопросу о постановке естеств. истории в школе всего какие-нибудь пять лет тому назад прошла Крупская реформа в силу которой было улучшено не сильно по объему программ положение этого предмета в школе.

Относительно недочетов нашей школы тоже достаточно говорено и писано. Очевидно, что школьное дело дело очень трудное, дело, в которым очень мудрено справиться современному человечеству, стоящему

[x]) Wilhelm Ostwald: Naturwissenschaftliche Forderungen Zur Mittelschulreform. Wien. 1908 (Schriften des

школы. Все предметы естественного факультета были разделены на физиков, физико-химиков, технических химиков, зоологов экспериментальных и так далее, но не было цикла, который предусматривал бы, что громадное большинство естественников не в состоянии быть учёными ни по своим способностям, ни по своему материальному положению. От такого плана преподавания, который хоть сколько-нибудь подготовляет естественника к его наиболее обычной деятельности — деятельности преподавателя, университеты уклонились и в результате министерский циркуляр, как *deus ex machina*, с обычной циркулярной прямолинейностью без всяких совещаний с преподавателями решил дело своеобразно — все должны сдавать одинаковые экзамены по всем главным предметам, требование, к которому пришлось приспособляться быстрой переменой учебных планов.

Я не стану здесь вдаваться в подробности недочётов университетского преподавания в смысле подготовки к преподавательской деятельности. Отмечу лишь следующий замечательный факт: в настоящее время в России имеются сотник лиц, имеющих право преподавать естеств[енную] ист[орию] в среднеучебных заведениях, которые не сделали в своей жизни ни одного микроскопического препарата, не вскрыли ни одного животного и не работали с микроскопом и лупою. Я полагаю, что одного этого факта достаточно, чтобы ярко осветить выставляемое мною положение, что важность хорошей постановки преподавания естественной истории в средней школе не является *общепризнанной* даже со стороны специалистов-естественников.

Такое положение дела до известной степени обязывает нас, лиц заинтересованных постановкой преподавания естеств[енной] ист[ории] в средней школе, возбудить на съезде один из наиболее важных, наиболее насущных вопросов — вопрос о правильной постановке естествознания в мужских гимназиях.

История этого вопроса весьма своеобразна. По уставу 1864 года […] много было говорено о необходимости введения естеств[енной] ист[ории] в гимназии. И вот в 1901 году явился проект проф. лесного института [Д.Н.] Кайгородова о преподавании в трёх младших классах гимназии курса природоведения по методу Юнге [Friedrich Junge], по «общежитиям» или «естеств[енным] сообществам», а затем эта неосуществимая на практике программа была заменена современной программой природоведения, которая предлагает ученикам первых трёх классов элементарные сведения по физике, химии, минералогии, геологии, ботанике, зоологии. По существу своему этот курс природоведения в младших классах должен быть элементарной начальной энциклопедией естествознания.

Было бы в высшей степени интересно путём специального опроса выяснить, в каком объёме и в каком порядке изложения преподаётся ученикам трёх младших классов наших гимназий этот элементарный энциклопедический материал. Не имея в руках материала, который мог бы дать подобный опрос, трудно, конечно, гадать о том, как преподаётся у нас природоведение. Но мне кажется, что можно сделать одно более чем вероятное предположение, основываемое мною на некоторых известных мне фактах.

Я полагаю, что во многих случаях преподаватели, сознавая, что после этих трёх низших классов ученики не получат в гимназии *ничего* из области естествоведения, стараются использовать эти три года возможно полнее, сообщить возможно больше сведений и при этом весьма естественно преувеличивают способность понимания и восприятия своих питомцев. Самая обычная ошибка учителей, особенно начинающих и неподготовленных к педагогической деятельности, это переоценка способностей своих учеников. Чем опытнее преподаватель, тем короче его курс и элементарнее его объяснения, т. к. он по опыту знает, что средний ученик, как вообще средний человек, туп и малоспособен.

Существует проект одного немецкого педагога о необходимости устройства особых школ для учеников с выдающимися способностями[3]. Ту же мысль, только в иной форме, проводит Вильг[ельм] Оствальд в своей брошюре 1908 г. «Естественноисторические основы реформы средней школы». Он стоит за специальный отбор учеников по группам сообразно их интересу и способностям к отдельным предметам, он восстаёт против гармоничности и законченности среднего образования. Но есть ли это в то же время признание, что по отношению к учению вообще, а не к отдельным предметам, большинство учеников малоспособно?

Особенно наглядно, мне кажется, выступает общая малоспособность учащихся в их малоуспешности по математике. Для учебных заведений всех

---

[3] **Ред.** Очевидно, имеется в виду немецкий философ и социолог Joseph Petzold и его сочинение «*Sonderschulen für Hervorragend Befähigte*», на которое Г.А. ссылается в лекции о будущем человека (Кожевников, 1908в).

типов процент неуспевающих по математике громаден. Все усилия преподавателей разбиваются о полную неспособность большинства учащихся и к решению сложных арифметических задач, и к пониманию алгебры, геометрии и тригонометрии. Бесплодные усилия многих лет успешно преподавать математику в средней школе должны бы, мне кажется, убедить некоторых педагогов, что математика, за исключением элементарной арифметики, недоступна среднему человеку нашего времени.

Если задуматься над тем, что большинство учеников от природы малоспособно, то следует к этому прибавить ещё и то, что в начале учебной жизни в первых классах мы имеем всегда известный процент учеников, на которых ученье в течение нескольких лет окажет развивающее влияние. Нельзя отрицать, что многие ученики становятся способными в более старших классах, а кроме того часть безнадёжно тупых, поступающих в младшие классы, бросают учение вследствие полной безнадёжности идти дальше — и в результате мы имеем в старших классах подбор учеников с гораздо бóльшим процентом способных, кроме одарённых, а помимо того несколько лет ученья на всех, даже на малоспособных, несомненно оставляют известные положительные следы. Тут, конечно, имеет влияние и возраст, с которым постепенно ширятся и крепнут умственные силы.

Отсюда ясно, что сосредоточив требования естествове[дения] в трёх классах, мы ставим предмет в самые худые условия. Мы лишаем возможности преподавать этот предмет ученикам более развитым, более сильным в умственном отношении, классам с меньшим % тупых и малоспособных.

Но могут возразить на это, что ведь другие-то предметы преподаются в младших классах и следовательно поставлены там в такие же неблагоприятные условия. Совершенно верно, но не надо забывать, что эти другие предметы преподаются *не только* в младших классах, но и в средних и в старших, и является вполне возможным распределить материал учебного предмета сообразно возрасту и способностям учеников.

Преподаватель Закона Божия, начавши в младших классах с наивных повествований Ветхого Завета, переходит потом к более серьёзному изучению евангельского учения, а затем и к догматам богословия и к истории церкви. Преподаватель русского языка, начавши с элементарных упражнений в чтении и письме, доводит учеников до изуч[ения] истории литера[атуры] и писания трудных сочинений на интересные темы. Преподаватель древних языков, начавши с азбуки, доходит до художественных произведений Горация и до «Илиады» и «Одиссеи». Все имеют возможность построить курс, последовательно рассматривая и углубляя его, кроме географа и естественника. Эти два загнанные в школе предмета, [которых] лишены ученики старшего возраста, сосредоточены в самых неблагодарных классах для усиленного преподавания.

Не стану говорить о географии, т. к. это вне программы нашего съезда, остановлюсь лишь исключительно на естественной истории с точки зрения содержания курса.

Можно ли признать, что материал курса естественной истории таков, что он в широкой мере доступен учащимся младшего возраста? Конечно, нет. Наоборот, надо признать, что в материале курса естественной истории, который мог бы быть преподан в средней школе, есть *очень много* трудно доступного.

Все понятия из химии и физики даже в самой элементарной форме являются трудно усвояемым материалом, если мы хотим добиться понимания, а не только *запоминания*, которое так легко обманывает неопытного преподавателя. Конечно, все понятии из области физиологии тоже не принадлежат к числу общедоступных и легко усвояемых. Данные морфологии получают свой истинный интерес и значение, когда они освещаются с точки зрения биологических законов, когда они позволяют выяснить соотношение между формой и средой, выяснить постепенное осложнение и эволюцию органических форм и иные интересные и далеко не элементарные вопросы.

Конечно, в каждом предмете может возникать элементарное и общедоступное, но если мы сделаем такой отбор материала на курсе естественной истории, то окажется, что мы учим азбуку, не давая возможности учащимся прочитать высокохудожественные произведения.

Мне кажется, что нечего особенно долго доказывать, что в курсе естественной истории имеется много материала, который можно преподавать только в старших классах и который является материалом высоко интересным. Чтобы не стоять на почве предположений и мечтаний, а иметь реальную основу для суждений о том, что можно преподавать в старших и *только* в старших классах средней школы, возьмём те учебники, которые появились в Германии после того, как там удалось отвоевать

право преподавания естествовед[ения] в старших классах. Этим правом пользуются германские педагоги всего лет 5–6. Это новое завоевание немецкой педагогики, которые, мне кажется, довольно определённо указывает нам, к чему мы должны стремиться.

Укажу прежде всего на учебник Крепелина [вероятно, Emil Wilhelm Magnus Georg Kraepelin] «Введение в биологию». Первое его издание появилось в 1907 году. Это было накануне реформы преподавания естеств[енной] истории в средней школе. По крайней мере из предисловия ясно, что вопрос ещё не решён. Вот что писал Крепелин в марте 1907 г. всего 5½ лет тому назад:

> Если я, на основании предшествующего учительского опыта, вступаю этим учебником в ту область, в которой противоположные мнения ещё находятся в разгаре борьбы между собою, то я делаю это в надежде оказать этим услугу делу преподавания биологии. Лишь тогда, когда руководящим правительственным сферам будет представлена в виде разработанного учебного курса наглядная картина объёма и содержания той реформы, которой мы добиваемся, только тогда можно ожидать, что будет в *непродолжительном* времени обращено внимание на всё более и более настойчивое стремление образованной Германии ввести преподавание биологии в старшие классы средней школы.

Вскоре после того, как были написаны эти слова, если не ошибаюсь, в том же 1907 году, было введено преподавание биологии в старшие классы германских гимназий и книга Крепелина получила большой спрос. Через 2 года понадобилось II издание. Каково же содержание книги Крепелина? Она состоит из трёх глав. I. Зависимость живых существ от влияния окружающей среды. II. Строение и жизнедеятельность органических существ. III. Человек как предмет естественной истории.

В первом отделе сперва рассматривается зависимость растений от физико-химических условий: влияние тепла, света, почвы и т. д. Отдельно рассматриваются условия жизни водяных растений. Отдельная глава посвящена географии растений, в том числе и учению о растительных формациях. В особый отдел выделены вопросы соотношения растений между собою и взаимные отношения растений и животных, причём особенно подробно разобран вопрос об опылении с помощью животных. Никоим образом нельзя сказать, чтобы всё это был такой материал, должен быть непременно выделен в особый курс. Почти все эти данные, быть может, в более схематической форме есть в подробных учебниках естественной истории. Тут эти данные изложены несколько обстоятельнее и несколько иным языком, более приспособленным для взрослых.

Просматривая соответствующую главу, касающуюся животных, мы находим значительно больше материала, необычного в учебнике зоологии для средней школы, а именно материала биологического, особенно из той области, которая может быть названа экспериментальная зоология. Дело в том, что судьба ботанического материала такова, что в него гораздо легче и естественнее вводить биологический и физиологический элемент, чем в материал зоологический. Такие, например, темы как влияние света, тепла, почвы и т. п. обычны при изложении ботанического материала и необычны при изложении материала зоологического. Есть много учебников зоологии, где ни слова не сказано ни про сезонный диморфизм, ни про пещерных животных и т. п. Довольно подробно изложен у Крепелина половой диморфизм, изложены вопросы: забота о потомстве, общественные животные, взаимоотношения животных друг с другом, защитная окраска, мимикрия, симбиоз, паразитизм. Второй отдел книги посвящён вопросам об одноклеточных существах, о клетке и тканях и основам сравнит[ельной] анатомии и эмбриологии. Значительная часть этого материала входит в обычные подробные курсы естественной истории. Новостью является в этом отделе лишь короткая глава, посвящённая изложению эволюционного учения.

В третьем отделе книги, посвящённом человеку, обычным материалом являются данные по гистологии и физиологии, необычным — данные по антропозоологии и доисторич[еской] археологии.

Если мы возьмём для сравнения какой-либо другой учебник школьной *биологии*, напр., [Wilhelm Christian August] Heering. Leitfaden für den biologischen Unterricht in den oberen Klassen der hoheren Lehranstalten. Berlin 1908, то увидим, что в общем материал весьма сходен. Только в учебнике Геринга больше внимания уделено гистологии начинается книга с учения о простейших, клетке и тканях.

Глядя на эти 2 учебника «биологии» для средней школы, которыми немецкие педагоги предлагают заканчивать курс естествоведения в средней школе, невольно вспоминаешь те «введения в зоологию» и те «общие зоологии», которыми в университетах до последнего времени начинали курс

зоологии. Теперь эти вводные курсы упразднены вследствие министерского циркуляра о новом порядке экзаменов. Сравнивая курсы, которые предлагались нашим перволкурсникам-естественникам как введение, с теми курсами, которые предлагаются немецким гимназистам как заключение, мы находим в этих курсах много общего. Конечно, материал, предлагавшийся у нас первокурсникам, более научен, более серьёзен, эмбриологические данные введены в гораздо большем масштабе, гистологические с большими подробностями, но несомненно, что по общему плану в этих курсах есть много общего.

И тут особенно ярко выступает та пропасть, которая отделяет у нас университет от средней школы и которая так сильно сглажена в Германии и других странах. Ведь у нас вводные курсы, содержащие в себе много конечных выводов и обобщений по вопросам общей биологии, предлагались слушателям, которые не знали азбуки естествознания, предлагались окончившим курс школы, в котором в своё время не было даже природоведения. Людей, не знающих азбуки, заставляли сразу же читать и притом нечто весьма трудное.

Прежде, в более отдалённые времена, не было вводных курсов, но диссонанс был такой же или ещё резче. Я до сих пор помню, как непонятны были многие лекции профессоров на первом курсе университета, т. к. профессоры почти никогда не считались и теперь почти никогда не считаются с тьмой неподготовленных первокурсников к восприятию научного материала. Эту вредную пропасть между средней и высшей школой и должны заполнить вновь введённые в мужские школы курсы биологии.

Стремясь к улучшению постановки преподавания естествоведения в нашей средней школе, мы, естественно, должны добиваться того, чего уже добились наши западные соседи — чтобы интересный биологический материал вошёл в курс средней школы, а это можно осуществить только при условии, что естествоведение будет доступно в *старших* классах. Но является ли особенно желательным, чтобы был в этих старших классах *особый* курс «биологии», который был бы какой-то *надстройкой* над предшествующим естественной истории, каким-то *добавлением* к нему? Я полагаю, что такой порядок вовсе не идеальный.

Отобрать из курса зоологии и ботаники всё самое интересное и сделать из этого какой-то добавочный курс старших классов — это вряд ли является идеалом программы. Правда, это лучше, чем начинать с подобного же курса в университете без предварительной подготовки, но самое лучшее, на мой взгляд, было бы поступить так. Распределить материал, сосредоточенный в курсе немецкой «биологии», по курсам зоологии и ботаники так, чтобы данные чисто морфологические и систематические составляли с данными биологическими одно стройное целое, оживляли бы тот материал, который справедливо считают сухим. Действительно, практично ли проходить сначала отдельно строение цветка, а потом в курсе «биологии» — интересный вопрос о перекрёстном опылении. Проходить предварительно с чисто морфологич[еской] точки зрения описание различных форм плодов, а потом о приспособлениях к распространению этих плодов и т. п.

Действительно, когда видишь содержание курса биологии для немецкой средней школы, то невольно кажется, что в этот курс отобрано всё наиболее интересное из курса естественной истории, и невольно хочется переработать курс так, чтобы весь материал слился *в одно стройное целое*. Но это возможно только при условии, если курс начинается не с младших классов. Я лично предпочёл бы иметь естественную историю в 4, 5, 6, 7 и 8 или в 5, 6, 7 и 8, чтобы провести её через все классы. В трёх младших классах дети должны как можно меньше быть задавлены обилием учебного материала. Арифметика и русский язык — вод два предмета, которых достаточно, чтобы дать много работы начинающим школьникам. Прибавьте закон божий и новые языки — и вы получите вполне достаточную нагрузку для слабого детского ума, который не особенно переутомляем в самом молодом возрасте. А надо ещё припомнить пение, танцы, рисование, ручной труд — право, незачем хлопотать о естествоведении в младших классах.

Но как бы то было, только два пути есть к серьёзному улучшению постановки преподавания естественной истории в мужских гимназиях. Или провести предмет через все классы, или сосредоточить его в старших классах. Оставить же его только в одних младших классах, как это делается теперь, значит совершенно умалить образовательное и воспитательное значение этого важного предмета.

В немецкой литературе имеется достаточно материала, доказывающего важность естествовед[ения] в старших классах гимназий. Особенно интересен отчёт о заседании секции зоологии, ботаники, геологии, анатомии и физиологии 73-го Гамбургского

съезда немецких естествоиспытателей и врачей. В этих заседаниях, посвящённых нуждам средней школы, от которой немецкие учёные не открещивались так, как наши, участвовали такие крупные учёные как Рейнке, Вальдейер [Heinrich Wilhelm Gottfried Waldeyer], Гейнке, В. Гертвиг [Oscar Wilhelm August Hertwig], Кун. На этих заседаниях достаточно всестороннее было выяснено важное значение преподавания естеств[енной] истории в старших классах.

Но какова же была причина, что за это преподавание пришлось бороться, бороться долго и упорно? Какова была причина, что в прежние годы в германских гимназиях было естествознание в старших классах, а потом было загнано в младшие? Причина была та, что ещё в 1889 году школьное естествоведение было обвинено в том, что оно подрывает основы религиозно-нравственного воспитания. Особенно биология и специально эволюционное учение были признаны вредными в этом отношении, и вопрос был поставлен настолько ненормально, что почти тридцать лет в Германии биология находилась под запретом в качестве школьного материала.

Я назвал саму постановку этого вопроса *ненормальной*. Я считаю, что вопросы религиозные и вопросы научные лежат в двух разных непересекающихся между собой плоскостях. В области знания мы анализируем, доказываем и считаем невозможным принимать что-либо на веру. В области религиозной, наоборот, принятие на веру есть основа всего, чем исключается научный анализ и научные доказательства. Поэтому я считаю, что вопрос о каком бы то ни было столкновении научных истин с областью религиозно-нравственной должен быть совершенно *снят с очереди* в области школьного дела.

Я считаю поэтому большой *ошибкой* германских педагогов, что они не сумели отстранить этой полемической области из школы. Бестактные выходки Геккеля и его последователей в области монистической философии и ответные обвинения эволюционного учения противным духу христианства не должны, по-моему, никоим образом влиять на постановку преподавания естественной истории в школе. Область этих философских споров слишком *далека* от области преподавания биологии. Выработка в учениках какого-либо миросозерцания менее всего должна входить в задачи преподавателя естественной истории, хотя бы уже потому, что он рискует прививать ученикам своё *личное* миросозерцание, а имеет ли оно какую-либо ценность?

Школьное естествоведение имеет в своём распоряжении богатейший, подавляющий по богатству и интересу фактический материал и преподать из этого материала в удобоусвояемой форме то, что является *прочным*, *неотъемлемым* завоеванием науки — такая широкая и благодарная задача, что её вполне достаточно, чтобы поглотить все силы и всё внимание учащего и учащегося. Область сомнительных фактов и область гипотез, которые часто являются плодом личного творчества отдельных авторов и так же легко падают, как и возникают, не должны быть предметом преподавания в школе.

Комичен был бы тот преподаватель, который стал бы в школе описывать такое загадочное существо как *Balanoglossus* и разбирать вопрос о том, к кому он ближе[4] — к иглокожим, к кольчатым червям или к позвоночным. Так же *неуместно* было бы разбирать в школе вопрос о том, как возникла жизнь на Земле или пускаться в разбор споров между виталистами и механистами.

Но с другой стороны, нет ни малейшего основания исключать из школьного преподавания ряд интересных биологических вопросов, которые входят как материал в эволюционное учение. Надо только говорить об этих вопросах только то, что *точно* установлено. Самый факт наличности эволюции в природе, т. е. наличности постепенных изменений живых организмов по пути прогресса или регресса под влиянием сложной совокупности множества условий, может считаться вполне *доказанным*. И в этой эволюционной идее, которая проникла в настоящее время [во] все отрасли знания, нет ровно ничего, что могло бы помешать введению в школу биологического материала, который остаётся теперь незатртонутым потому, что естествоведение не преподаётся в старших классах.

Я должен отметить, что у нас в России нет сейчас такого острого отношения к биологии, как в Германии. Это было раньше. Отмечу, например, что в Германии есть [неразб.] учебник Людвига, приспо[собленный] для подготовки учителей, и в этом учебнике совсем нет того, что мы называем биологией. А у нас есть учебники, которые дают богатый материал к преподаванию естеств[енной] истории именно в старших классах средней школы. Таков, например, учебник зоологии

[4] **Ред.** В настоящее время баляноглосса относят к типу полухордовых (Hemichordata).

Шимкевича, который написан именно для старших классов средних учебных заведений и содержит богатый биологический материал[5], но который не [неразб.] в гимназии только потому, что там нет естеств[едения] в старших классах.

И конечный мой вывод таков, что одной из главных реформ препод[авания] есте[ствоведения] в средней школе должно быть введение этого предмета в старших классах гимназии.

[5] **Ред.** Имеется в виду его «Курс зоологии позвоночных», СПб., 1891–1892

П-09. ЭКСКУРСИОННЫЙ МЕТОД В ПРЕПОДАВАНИИ ШКОЛЬНОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ[1]

В настоящее время мы переживаем весьма знаменательный период в истории развития преподавания школьного естествознания. Из предмета, гонимого в прежнее время, оно стало предметом, выдвигаемым на первый план. Преподаванию естест[вознания] широко открыты двери в общенародную единую трудовую школу, и перед русским учителем стоит грандиозная и трудная задача воплотить в жизнь это преподавание.

Трудность задачи заключается прежде всего в том, что русский школьный учитель в массе совершенно не подготовлен к преподаванию естествознания. На практике нередко преподавать естест[вознание] приходится человеку, который менее всего имеет право называть себя *естественником*. Затем великое затруднение в преподавании составляет недостаток учебных пособий, книг, таблиц, моделей, препаратов. На это последнее обстоятельство современного преподавания естествознания приходится взглянуть с несколько своеобразной, необычной точки зрения, с такой точки зрения, которая показалась бы чрезвычайно дикой несколько лет тому назад. Дело вот в чём.

Прежнее преподавание естеств[ознания] чрезвычайно страдало книжностью, отвлечённостью, отсутствием общения с живой природой, отсутствием самодеятельности учителя и учеников. Учитель основывал своё преподавание прежде всего на учебнике, а наглядность преподавания чаще всего на таблицах, заменявшихся часто за недостатком [неразб.] чертежами мелом на доске, реже наглядность основывалась на покупных препаратах, ещё реже на матери[алах], добытых из окружающей природы, т. е. на матери[алах] экскурсионных.

Самодеятельность учителя нередко ограничивалась только тем, что он ежегодно, просматривая каталоги фирм, торгующих учебными пособиями, составлял сметы на приобретение этих пособий и подавал их начальству учебного заведения. Часто из этого ничего не выходило за недостатком средств, т. к. в прежние времена к отпуску этих средств на нужды образования относились с большой осторожностью. Правда, если деньги ассигновывали, то это были деньги с настоящей, а не фиктивной, как теперь, стоимостью, но ассигновывали их скупо.

Самодеятельность учеников обычно ограничивалась зубрёжкой учебников или записок. Положение естеств[ознания] в школе было таково, что многие серьёзные натуралисты говорили: лучше вовсе не преподавать, чем так преподавать. Правда, были исключения, были блестящие преподаватели и блес[тяще] обстав[ленные] кабинеты, но это было редкостью большой, чаще столичной редкостью.

Но что касается экскур[сий], то я могу вас уверить, что лет 25 тому назад даже в Москве экску[рсии] с учениками никогда или почти никогда не делались. На моей памяти, а я ещё не особо старый человек, в Москве приходилось пропагандировать школьные экскурсии, устраивать образцово-показные экскурсии как *новости*. Экску[рсии] были новостью, которую демонстрировали как нечто невиданное…

В настоящее время взгляд на преподавание естеств[ознания] в школе коренным образом изменился. Преподавание по книжкам и картинкам отвергается современной методикой. Значение учебных коллекций и естественно-исторического кабинета отодвинуто на второй план, а на первый план выдвигается непосредственное общение с природой и работа на раздаточном материале. Непосредственное общение с природой это и есть экскурсионный метод.

И вот приходится сказать, что современная экономическая разруха, следствием которой является отсутствие книг и учебных пособий, явилась тем неожиданным фактором, который помог преподавателям отказаться от прежней методологической рутины и властно заставил их разрабатывать новые методы преподавания. Я не хочу этим сказать, что новые методики созданы без участия творческой работы передовых методистов, которые шли своим путём независимо от случайных обстоятельств,

---

[1] **Ред.** Публичный доклад, прочитанный 29 сентября 1921 г. на Конференции уездных учителей. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 100.

Участник 50 000 р

Экскурсионный метод в преподавании школьного естествознания. Доклад читан 29/IX 21 на Конференции уездных учителей в зале М.У.С. (садовая бывш. Ул. Ген. Ушакова)

В настоящее время мы переживаем весьма знаменательный период в истории развития преподавания естествознания. Из предмета роскоши в прежнее время он стал предметом выдвигаемым на первый план. Преподавание естествознания открыло двери во общенародную единую трудовую школу и перед русским учителем стоит грандиозная и трудная задача воплотить в жизнь это преподавание.

Трудность задачи заключается прежде всего в том что русский школьный учитель в своем совершенно не подготовлен к преподаванию естествознания. На практике первое преподавание естествознания принадлежит тем, которым менее всего имеет право называться естествоиспытателем.

Затем большие затруднения в преподавании естествознания представляет недостаток учебных пособий, книг, таблиц, приборов, препаратов. На это последнее обстоятельство современному преподаванию естествознания придают большое значение с одной стороны, необычная стоимость этих вещей, с другой стороны, которая показалась бы чрезвычайно дикой несколько лет тому назад. Это вот в чем.

созданных революционной разрухой. Призывы к работе над экскурс. [неразб.] раздавались уже давно и нашли себе повышенное развитие в американской школе. В нашей педагогич[еской] литер[атуре] по этому вопросу имеется немало матер[иалов], относящихся к дореволюционному времени, но несмотря на это, несомненен тот факт, что обстоятельства способствовали тому, что методика преподавания естеств[ознания] коренным образом изменилась и что экскурс[ионный] метод получил первосте[пенное] значение. Теперь преподаватель, желая сделать своё преподавание наглядным, не может обратиться к разным фирмам с заказами на пополнение своего естес[твенно]-истор[ического] кабинета. А прежде ведь можно было заказывать *целиком* готовые естес[твенно]-истор[ические] кабинеты.

В Париже была, а вероятно есть и теперь, знаменитая фирма «Эмиль Депроль», торгующая учебными пособиями, которая имела готовые списки полных естес[твенно]-истор[ических] кабинетов на разные цены, и всякие школы, имевшие деньги, могли заказать себе колле[кции] по всей [неразб.] за любую цену. Самодеятельность учителя сводилась к перелистыванию каталога и написанию закупочного письма. У нас в России были в довоенное время свои русские мастерские учебных пособий, но заграничные предметы заполняли наш рынок. Война и революция создали столь вредную для нас оторванность от Западной Европы и косвенно способствовали развитию русского производства учебных пособий и [неразб.] работы госуд[арственных] мастер[ских] [неразб.], есть несколько таких мастерских и в провинции. Но работа этих мастер[ских] настолько затруднена современной экон[омической] разрухой, а потребность школ в посо[биях] настолько велика, что удовлетворить эту потреб[ность] готовыми препарат[ами] можно только в ничтожной степени и [неразб.] выступает настоятельная необходимость работать на экскурс[ионном] материале.

Трудовой принцип, провозглашённый как девиз новой русской школы, тоже способствовал развитию экскурс[ионного] метода. Вначале трудовой принцип было можно использовать как принцип самообслуживания школы работой учеников. Нашлись близорукие и мало образованные методисты, которые пытались проводить такое толкование трудового принципа, что ученики должны сами снабжать школу дровами, должны питаться продуктами, выращенными на огородах, возделанных их руками, сами готовить себе пищу и у плиты изучать физику и химию. Такое толкование трудового принципа есть гибель школы, равно как самообслуживание вообще есть гибель культуры. Артисты, художники, учёные и учителя не могут одновременно хорошо совершать свою куль[турную] работу и рубить дрова, таскать их на своих плечах по лестницам, топить печи, готовить кушанье, возделывать огород и т. п. Всякий знает, насколько вся эта работа мешает работе высшего порядка, работе культурной.

Современная методика в лице своих передовых представителей совершенно отвергла понимание трудового принципа в школе как самообслуживания и признала то, что давно уже признано западноевропейской и американской методикой, что трудовой принцип есть *самодеятельность* учителя и ученика в области преподавания. Учебный мтериал должен быть проработан учениками, а не выучен ими, — вот в чём заключается идея трудовой школы. На только что бывшем в Петрограде съезде препод[авателей] ест[ествознания], который был весьма удачен и многочислен (до 900 чел. членов), не раздалось ни одного голоса в подд[ержку] понимания трудового принципа как самообслуживания школы силами учеников. Русские методисты быстро перешагнули через этот барьер в развитии школы. Но признав, что в основе школьного дела должна лежать самостоятельная работа ученика над материалом, мы невольно [неразб.] подходим к экскурсионному методу.

Что такое экскурсионный метод в преподавании ест[ествознания]? Это работа учеников над материалом, добываемым из окружающей природы. Вот самое широкое понимание экскурс[ионного] метода. На основании этого понимания работа над материалом местной природы, находящимся в аквариуме и террариуме, есть тоже применение экскурс[ионного] метода. Работа над живым материалом, принесённым с экскур[сии], нёс который бы только один учитель, а не был по каким-либо [неразб.], есть тоже экскурс[ионный] метод. Но вы скажете, что это толкование слишком широкое. Я с вами соглашусь, но прибавлю, что если строго продумать суть дела, то мы не можем назвать работу в классе рад материалом, принесённым с экскурсии учителем, как применение экскурс[ионного] метода, ибо в понятие экскурс[ионного] метода входит обязательно не только наблюдение материала в природе во время проведения экскур[сии], но и проработка добытого материала в классе.

[…][2]

***

ПОЛОЖЕНИЯ

1. Экскурсионный метод преподавания заключается в самостоятельном наблюдении природы среди самой природы и в проработке добытого на экскурсиях материала в классе, а также в изучении естественноисторического материала путём посещения музеев.

2. Экскурсионный метод должен найти себе самое широкое применение в преподавании естествоведения в школе, но он не является единственным методом, допустимым при преподавании.

3. Самостоятельная работа ученика есть основа правильной постановки школьного преподавания и в этой самодеятельности и заключается прудовой принцип школы.

4. Понятию экскурсии должно быть придаваемо самое широкое значение. Экскурсию можно совершать в саду, в огороде, на дворе, на бульваре, в оранжерее и даже внутри строений.

5. Для того, чтобы экскурсионный метод преподавания получил широкое применение, преподаватель должен научиться находить интересный экскурсионный материал вблизи школы и делать кратковременные экскурсии.

6. Необходимо избегать частого совершения таких экскурсий, которые сопряжены с длительной ходьбой или длительной ездой по железной дороге. Подобные экскурсии должны совершаться лишь в особо интересные места.

7. Для правильной постановки экскурс[ионного] дела необходима специальная подготовка преподавателей к этому делу.

8. Для успешного проведения экскурсий преподаватель должен предварительно возможно подробнее ознакомиться с местной природой и с естеств[енно]-историч[еской] и географической литературой о местном крае.

9. Никогда не следует вести учеников на экскурсию в местность, незнакомую самому руководителю экскурсии.

10. Преподаватель не должен останавливаться на каком-либо одном типе экскурсий, а должен применять тот или иной тип сообразно своим знаниям, способностям и особенно разнообразным обстоятельствам.

11. Экскурсии иллюстративные легче осуществлять, чем исследовательские, но последние дают больше простора самостоятельности ученикам, чем первые.

12. На экскурсиях представляются удобные возможности совмещать разработку географического материала в связи с естественноисторическим.

13. Преподавание естествознания и географии полезно всегда совмещать в школе в лице одного преподавателя, особенно на первой ступени.

---

[2] **Ред.** Далее идёт фрагмент с конспективным перечислением сельских и городских мест, в которых можно применять экскурсионный метод в разных его вариантах.

П-10. ИНСТРУКЦИЯ ОСТАВЛЯЕМОМУ
при И.М. Университете по Кафедре зоологии
для приготовления к профессорскому званию[1]

Цель настоящей инструкции — дать путеводную нить для оставляемого при Кафедре зоологии в его предстоящей ответственной и трудной работе. Прежде всего мне хочется обратить всё внимание оставляемого на важность и ответственность того дела, к которому он приступает. Уже само название «оставление для подготовки к профессорскому званию» показывает, что речь идёт об одной из высших ступеней человеческой деятельности, о той ступени, на которой занятие наукой совмещается с преподавательской деятельностью в высшей школе. Конечно, нельзя думать, что каждый оставляемый при университете получает в конце концов кафедру, но очень значительное большинство этих лиц принимает в той или иной форме участие в университетском преподавании в качестве или приват-доцента, или ассистента. Занятие же наукой в качестве самостоятельного исследователя должно считаться обязательным для каждого оставляемого при кафедре. Чтобы стать на должную высоту в этих обеих отраслях деятельности, научной и педагогической, необходимо прежде всего глубоко проникнуться стремлением всецело и самоотверженно посвятить себя этой деятельности не ради материальных или служебных выгод, а ради идеального служения науке. Только те люди, которые выше всего ставят это служение, для которых высшее удовлетворение заключается в достижении вершин познания научных истин, становятся настоящими, а не формальными научными деятелями.

Необходимо помнить, что при правильном отношении научные занятия оставленного при университете должны поглотить всё его время. Ввиду этого на всякое стороннее занятие надлежит смотреть как на отвлечение от главной цели.

Как уже было указано, самостоятельное занятие научными исследованиями должно составлять одну из задач оставленного при кафедре. Здесь в широкой мере возможно проявление личного почина в смысле выбора темы, но всё-таки надлежит иметь в виду, что прежде чем решать окончательно, за какое новое исследование приниматься, надлежит подробно обсудить этого вопрос с профессором — руководителем занятий. Особенно важно такое предварительное обсуждение, если речь идёт о предмете предполагаемой диссертации. Большим недостатком многих диссертаций является отсутствие в них предварительного определённого научного замысла. Дело происходит таким образом, что по тем или иным соображениям, иногда совершенно случайно попавший в руки наблюдателя объект становится предметом исследования, и если оно идёт более или менее удачно, то является мысль: не сделать ли из этой работы диссертацию? Я считают более правильным иной путь при выборе темы для работы вообще, а в особенности для диссертации. Надо спросить себя, какой вопрос, из нуждающихся во вполне определённом решении, мог бы быть решён при наличной обстановке, т. е. при существующих возможностях *вполне обеспеченной* добычи *богатого* материала, при наличии необходимых технических приспособлений для каких-либо наблюдений или опытов, при наличии подготовки самого исследователя. Нередко вопрос бывает весьма важен и интересен, но для решения его согласно требованиям современной науки требуются такие приспособления, которых нет в лаборатории, где производится исследование. В таком случае лучше к исследованию не приступать, чем делать заранее обречённые на наудачу попытки.

Так, например, было бы ошибкой брать тему по экспериментальной морфологии или эмбриологии в лаборатории, где нет особого вполне гигиенического помещения для жизни животных, нет «вивариума», нет физиологических приборов и т. п. Но во всяком случае предварительное обсуждение задачи работы, выяснение того, какой вопрос она *должна* решить, я считаю чрезвычайно важным. Это своего

---

[1] **Ред.** «Инструкция оставляемому» составлена Г.А. Кожевниковым в 1916 г., в архиве представлена в двух несколько различных по содержанию вариантах — рукописном (Л. 1–11, рук.) и следующим за ним менее объёмном машинописном. Здесь целиком воспроизведён рукописный текст как более полный, к нему добавлены отдельные страницы из машинописного текста. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 149.

Инструкція

оставляемому при И.М. Университетѣ по кафедрѣ Уголовій для приготовленія къ профессорскому званію.

Цѣль настоящей инструкціи - дать путеводную нить для оставляемаго при кафедрѣ уголовій въ его предстоящей отвѣтственной и трудной работѣ. Прежде всего мнѣ хочется обратить все вашеѣ оставляемаго на важность и отвѣтственность того дѣла, къ которому онъ приступаетъ. Уже самое названіе „оставленіе для подготовки къ профессорскому званію" показываетъ, что оно есть одна изъ высшихъ ступеней человѣческой дѣятельности о той ступени, на которой занятіе наукой совмѣщается съ преподавательской дѣятельностью въ высшей школѣ. Конечно, нельзя думать, что каждый оставляемый при университетѣ получаетъ въ концѣ концовъ кафедру, но очень значительное большинство этихъ лицъ принимаетъ въ той или иной формѣ участіе въ университетскомъ преподаваніи въ качествѣ или приватъ-доцента, или ассистента. Занятіе же наукой въ качествѣ самостоятельнаго изслѣдованія должно считаться обязательнымъ для каждаго оставляемаго при кафедрѣ. Чтобы стать на должную высоту въ этомъ обширномъ отрасли дѣятельности, научной и педагогической, необходимо прежде всего глубоко проникнуться стремленіемъ вполнѣ и сознательно посвятить себя этой дѣятельности не ради матеріальныхъ или служебныхъ выгодъ, а ради идеальной служенія наукѣ. Только тѣ люди, которые ставятъ это служеніе, для которыхъ высшее удовлетвореніе заключается въ достиженіи вершины знаній каждаго изъ нихъ, становятся настоящими, а не формальными научными дѣятелями.

Необходимо помнить, что при правильномъ отношеніи

рода стратегический план, неудачность которого не может быть заглажена хорошим тактическим его выполнением. Решение вопроса о выборе темы для специальной работы я оставляю на область личных переговоров, не считая возможным вводить в инструкцию что-либо, кроме высказанных общих соображений.

Теперь следует перейти к другой стороне для оставленного, к его работе по расширению своего зоологического образования. В конечном результате работы должна быть сдача магистерского экзамена. Приступая к специальным занятиям в этом направлении, надо прежде всего проникнуться сознанием, что если для специального исследования необходимо сосредоточение своего внимания на какой-либо узкой области, иногда на каком-либо вполне определённом вопросе, то для расширения своего зоологического образования надо следовать совершенно иному принципу. Тут надо заботиться о возможной энциклопедичности этого образования. При существующей специализации в области научного исследования вырабатываются такие специалисты, которые, будучи полными господами в области изучаемого вопроса, совершенно не осведомлены в других областях. Для начинающего учёного, находящегося в периоде подготовки к магистерскому экзамену, подобный результат специализации не должен иметь место. Но т. к. некоторая специализация происходит уже на последних семестрах университета, то по окончании курса необходимо прежде всего задать себе вопрос: как какие стороны зоологической науки наименее знакомы занимающемуся? И по[сле] ответа на этот вопрос прежде всего надо пополнить наиболее крупные пробелы хотя бы в небольшом масштабе.

При выяснении этого вопроса необходимо иметь в виду, что в зоологической науке можно различать две *главных* области специализации: область сравнительной морфологии (сравнительная анатомия, гистология и эмбриология) и область систематико-зоогеографическая (систематика, ойкология, зоогеография). Направление экспериментальное можно рассматривать как метод исследования, одинаково применимый к обеим областям: изучение регенерации и экспериментальная эмбриология являются достоянием сравнительной морфологии, а опыты с изменением окраски под влиянием внешних условий отходят в область систематики и зоогеографии (получение уклонений, соответствующих географическим подвидам. Если оставленный при университете в свои студенческие годы уделял внимание безраздельно лишь одной из этих больших областей зоологического знания, то он должен немедленно приступить к чтению из другой области.

Специальное чтение надо всегда начинать с основательного изучения подробных учебников и лишь потом переходить к чтению монографий и специальных статей. Принцип концентрического ознакомления с разными областями весьма полезен для общего развития, т. к. при этом расширяется научный кругозор и некоторые общие вопросы предстают в ином освещении. Предположим, что ещё на студенческой скамье молодой учёный прочитал несколько статей по экспериментальной эмбриологии и знает о влиянии физико-химических факторов на ход развития ранних стадий зародыша. Было бы нежелательно, чтобы он продолжал специальное чтение по этому вопросу прежде, чем ознакомится с опытами Штандфусса [Max-Rudolf Standfuß] и других над изменением рисунка [на крыльях] бабочек под влиянием температуры и влажности, с опытами Каммерера [Paul Kammerer] над саламандрами и т. п. Ведь и то, и другое — только части одного общего вопроса о влиянии среды на организмы и прежде чем углубляться в подробности, надо охватить предварительным общим взглядом весь вопрос.

Между прочим, я отмечаю здесь, что некоторые из специализирующихся в области зоологии студентов совершенно игнорируют систематику и зоогеографию. Пробелы в области систематической могут быть наполнены таким образом. Можно посвятить некоторое время ознакомлению с большими систематическими монографиями по какой-либо группе с некоторыми специальными исследованиями, чтобы ознакомиться с *методикой* систематического исследования. Так, например, просмотревши внимательно книжку Гартерта[2] по систематике птиц, можно легко ознакомиться с тем, на каких признаках основывается дробление обычных видов птиц на подвиды. Богатые коллекции Зоологического музея дадут возможность наглядно ознакомиться с тем, что такое «подвид». Если взять какую-либо из новейших работ по систематике млекопитающих, то можно легко увидеть, на каких совершенно иных признаках основана систематика зверей сравнительно с систематикой птиц. Промеры костей, с одной стороны, и изучение шкурки, из которой выброшены почти все кости, с другой. На

[2] **Ред.** Имеется в виду Ernst Johann Otto Hartert и его книга «*Die Vögel der paläarktischen Fauna*».

музейных коллекциях легко познакомиться, что такое «*subspecies*» в понимании маммологов. Организованная за последние годы в Зоологическом музее энергичная работа по систематике млекопитающих и птиц даст хороший случай занимающемуся специалисту ознакомиться с методикой систематического исследования. Для полноты ознакомления необходимо взять примеры и из другой области — из бабочек и жуков. Толковый просмотр некоторых коллекций с объяснениями лиц, занимающихся систематикой данных групп, принесёт большую пользу делу общего зоологического развития. Вопросы систематики войдут, между прочим, по особому выработанному мною плану в программу зоологического семинария в 1916–17 г., участие в котором безусловно обязательно для оставленных при университете.

Зоогеография представляет собой настолько обособленный отдел зоологии, что некоторое знакомство с ней можно считать обязательным для каждого специалиста зоолога. Введением в ознакомление с этим отделом может служить читаемый мною специальный курс зоогеографии. Если этот курс не был прослушан в студенческие годы, то можно рекомендовать прослушать его по окончании курса.

Надо, между прочим, отметить, что обычай слушать некоторые специальные курсы по окончании университетского курса совершенно не распространён по отношению к своим университетам и очень распространён во время заграничных командировок. Нет никакого основания думать, чтобы лекции заграничных лекторов были настолько содержательнее лекций, читаемых в наших университетах, чтобы первые стоило, а вторые не стоило слушать. Здесь скорее играет роль рутина. Принято, приехавши в качестве командированного заграницу, использовать иностранный университет не только лабораторно, но и лекционно, и не принято, оставленным при университете, использовать подобным же образом свой университет. Поэтому надлежит подумать, не имеется ли в плане преподавания физико-математического и медицинского факультетов таких курсов, которые были бы полезны для расширения знаний оставленного при университете по кафедре зоологии. На медицинском факультете такими курсами могли бы быть, например, бактериология, патологическая анатомия, а может быть и другие.

Я уже сказал, что в основу специального знакомства с зоологией надо положить большие учебники. Назову *Delage et. Herouard* «Traité de Zoology», *Ray Lankester* «A Treatize on Zoology», серию «The Cambridge Natural History», некоторые отделы из *Bronn* «Klassen und Ordungen des Thier-Reichs», *A. Lang* «Handbuch der Morphologie», более новые тома из его же «Lehrbuch der vergleichenden Entwicklungsgeschichte», Winterstein «Handbuch der vergleichenden Physiolgie», книга, содержащая в себе очень хорошие сравнительно-анатомические сведения, *Холодковский* «Курс энтомологии» (новое издание). Отмечу, что для предварительного ознакомления с ракообразными весьма полезен из кратких учебников учебник *Claus–Grobben*, где именно ракообразные изложены особенно интересно.

Для ознакомления с простейшими можно указать учебники Дофлейна, Калкинса, Minchin. Для зоогеографии можно указать *Heilprin* «The Zoogeographical and Geological Distribution of Animals», *Trouessart* «Zoogeographie», *J. Walter* «Bionomie des Mares», *Ortmann* «Grundzuge der marinen Thiergeographie», *Lydekker* «Geographische und geologische Thiergeographie.

Вслед за изучением учебников можно поставить ознакомление с некоторыми вопросами общей биологии, с эволюционным учением, с учением о наследственности и т. п. Считаю необходимым ознакомление со следующими книгами: *J.P. Lotsy* «Vorlesungen über Deszendenstheorien» 1906, *Plate* «Über die Bedeutung des Darwin'schen Selektionsprincips etc.», *Eimer* «Die Entwicklung der Arten», *Johansen* «Elemente der exakten Erblichkeitslehre», *Plate* «Vererbungslehre», *Goldsmidt* «Einführung in die Vererbungswissenschaft», *Богданов* «Менделизм», *De Vries* «Mutationstheorie», *H. Przibram* «Experimental-Zoologie» 1910, *Morgan* «Experimental Zoology» (не следует пользоваться русским переводом, т. к. он очень плох). Здесь указывается только часть справочной литературы по вопросам, связанным с эволюционным учением. Необходимо использовать эту литературу более полно, для чего будут даны специальные указания. Необходимо ознакомиться и со специальными работами и журнальными статьями по вопросам изменчивости, наследственности, отбора и т. п., чтобы выработать себе вполне научный и самостоятельный, вытекающий из критического отношения к литературе, взгляд на некоторые основные вопросы биологии.

Вопросы зоопсихологии, как самостоятельной отрасли биологии, должны тоже занять некоторую долю внимания. Начать надо с работы В.А. Вагнера

«Биологические основы сравнительной психологии», а затем прочитать ряд специальных книг и статей по вопросу об инстинкте, которые будут указаны руководителем занятий.

Особым отделом специального чтения надо считать чтение больших монографий, каковы, например, работы Графора о турбелляриях, монографии из серии «Fauna und Flora des Golfes von Neapel», некоторые работы из серии «Zoologie». Какие из этих работ надлежит прочитать, будет указано своевременно. Ставить в программу прочтение всех неаполитанских монографий значило бы сделать подготовку чересчур громоздкой. Дальнейшее чтение должно представлять собой подготовку к тем общим вопросам, которые ставятся в программу магистерского экзамена. Вопросы эти следующие.

1. Химический состав и строение протоплазмы. Отношение протоплазмы к воздействиям окружающей среды. Микрохимические реакции протоплазмы.

2. Современное состояние клеточной теории. Клетка и её органоиды. Межклеточное вечщество.

3. Половой процесс у простейших.

4. Происхождение половых клеток в животном царстве.

5. Партеногенез естественный и искусственный. Педогенезис.

6. Законы наследственности.

7. Перемежающееся размножение.

8. Половой отбор и полиморфизм.

9. Изменчивость организмов и методы её изучения.

10. Понятие о виде и низших таксономических единицах. Теории видообразования.

11. Животные пигменты. Биологическое значение окраски.

12. Современное состояние экспериментальной морфологии.

13. Регенерация и её отношение к теории зародышевых листов.

14. Паразитизм.

15. Значение личиночных форм для филогении.

16. Вопрос о делении животного царства на типы и формы, представляющие затруднения для выработки понятия о типах.

17. Взаимоотношения различных групп членистоногих и родство членистоногих с другими группами.

18. Родственные отношения отрядов насекомых между собою.

19. Вопрос о формах, считающихся родственными с *Vertebrata*.

20. Группы животного царства, имеющие родственные отношения с *Annelides*.

21. Родственные отношения *Spongiae* к другим группам и основы естественной системы *Spongiae*.

22. Планктон.

23. Вертикальное распределение морской фауны. Глубинная фауна. Фауна моря.

Подготовка к этим вопросам должна заключаться в чтении по каждому из них нескольких основных работ, причём некоторые из этих вопросов имеют своей целью проследить известное явление через всё животное царство (№№ 4, 5, 7, 8, 13, 14, 15), хотя бы не доходя до больших подробностей. За месяц до магистерских экзаменов какой-либо один из вопросов программы задаётся для подробной разработки с возможно *полным* использованием литературы, причём экзаменующийся должен показать своё умение критически разбираться в этой литературе.

Кроме подготовки книжной оставленный при университете должен деятельно заниматься практическим ознакомлением с представителями тех групп, которые остались ему наименее известными после университетских занятий в качестве студента специалиста-зоолога. Это практическое ознакомление должно быть связано с интересами лабораторий в том смысле, что в результате должен быть обогащение учебных коллекций лабораторий препаратами.

Не надо забывать, что всякие наблюдения надо живой природой имеют особую ценность для зоолога. Поэтому необходимо пользоваться всякой возможностью поработать на берегу моря или озера или реки или наконец среди леса. Приглядка к объектам в естественной обстановке, умение найти среди этой обстановки нужный и интересный материал, умение понять различные ойкологические данные — всё это составляет ценный научный багаж зоолога, приобретаемый труднее, чем багаж книжный. Стремление ограничить деятельность натуралиста лабораторным столом, письменным столом и книжными полками есть односторонность, являющаяся признаком плохой школы. Натуралист хорошей школы должен иметь навык работать среди живой природы, понимать её явления путём непосредственного с ними столкновения. Вот почему, если нет случая совершать более отдалённые поездки, необходимо широко использовать возможность совершать ближние экскурсии в разные

времена года. Необходимо выработать у себя навык содержать живых животных в неволе (аквариумы, террариумы).

Явления, наблюдаемые среди живой природы, приучаться заносить в дневник. Полезно ознакомиться с замечательной работой покойного Н.А. Северцова «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии» как с образцом того, во что могут превратиться записные книжки и наблюдения во время экскурсий.

Участие в зоологическом семинарии является обязательным для оставленного при университете. Постоянное научное общение с руководителем занятий является необходимым условием выполнения этой программы, т. к. многие важные подробности не указаны ради краткости изложения.

Орд. проф. Г. Кожевников
26 марта 1916 г.

***

[3] Изучение книг и журналовъ, как бы оно ни было основательно, не может дать зоологу полной подготовки. Надо помнить изречение Агасица [Jean Louis Rodolphe Agassiz] «*Study Nature not books*» (Исследуй Природу, а не книги) и ввести ряд практических упражнений в цикл занятий по зоологии специалиста, оставленного при кафедре. Прежде всего необходимо с целями, чисто учебными, проделать анатомию целого ряда представителей различных групп. Подбор форм и степень подробности их изучения будут различны у каждого данного специалиста в зависимости от того, что он успел выполнить из этой программы в бытность свою студентом. […] Прохождение такого практического курса в дополнение к тому, что было сделано в студенческие годы, даст начинающему специалисту право сказать, что он умеет обращаться с материалом, реактивами и инструментами и что он знаком с животным миром не по одним книгам. […]

Весьма желательно, чтобы специалист зоолог умел стрелять из ружья, снимать шкурки зверей и птиц и препарировать насекомых, а также имел бы некоторый навык в уходе за аквариумами. Обязательно знание систематики какой-либо группы в такой степени, чтобы быть в состоянии дать окончательное определение и научно обработать коллекцию по этой группе. Систематика занимает в настоящее время такую важную роль в области разрешения основных вопросов биологии, что не быть реально знакомым с этой областью знания невозможно.

Предлагаемая программа имеет целью дать специализующемуся зоологу широкое общее зоологическое образование. Это образование должно быть одинаково для всех и только на нём, как на фундаменте должно строиться здание индивидуальной специализации сообразно уже сделанным или уже начатым раньше специальным работам или теме, на которые натолкнёт молодого специалиста ход его зоологического мышления.

Г. Кожевников

[3] **Ред.** Далее следуют избранные фрагменты машинописного текста, дополняющего рукописный текст.

П-11. КУРС ЗООГЕОГРАФИИ. Лекция I[1]

Приступая к чтению специального курса, и притом курса, никем до меня не читавшегося в Московском Университете, я считаю необходимым остановить прежде всего ваше внимание на задачах специальных курсов вообще, а в частности на задачах курса зоогеографии и на содержании этого курса.

При современной постановке нашего университетского преподавания учащемуся предоставляется широкая возможность выбрать себе из большого количества необязательных курсов те, которые его интересуют. Какова задача этих курсов? Они могут являться или разработкой какого-либо отдельного общего обязательного курса, как например может быть вниманию зоологов предложен специальный курс червей, насекомых и т. п., в котором они услышат подробное изложение и развитие тех общих данных, которые им сообщаются в общем обязательном курсе зоологии. В другом случае вниманию слушателей может быть предоставлен такого рода специальный курс, который не является подробно развитой главой общего курса, а составляет как бы самостоятельный предмет, вернее самостоятельный отдел главного предмета, объясняющий совершенно определённые самостоятельные задачи, определённые собственные методы и т. д.

К числу такого рода курсов относится и предлагаемый мною вашему вниманию курс зоогеографии. Являясь самостоятельным отделом той группы наук, которую мы называем общим собирательным именем зоологии или науки о животных, зоогеография *не имеет места* в общем обязательном курсе зоологии. Правда, во введении в изучение зоологии говорится об общих положениях зоогеографии, но эти немногие данные слишком недостаточны для должного выяснения тех сложных вопросов, которые зоогеографией затрагиваются. В систематическом же изложении общего курса зоологии преподаватели имеют перед собою такую массу материала анатомического и эмбриологического и чисто систематического, что для данных зоогеографических даже не остаётся достаточно места: они сообщаются, конечно, при изложении систематики, т. к. нельзя описывать формы, не сообщая, где они водятся, но эти указания, не связанные в одно целое и не освещённые со специальной точки зрения, не могут дать понятия о том, что такое зоогеография, каковы её задачи и методы.

Если мы спросим себя, что такое зоогеография, то придётся ответить, что это такой отдел зоологии, который занимается изучением географического распространения животных форм и их распределения на земной поверхности. Эти два термина, географическое *распространение* и географическое *распределение*, не надо смешивать несмотря на их кажущееся сходство. Надо себе с первого же шага выяснить различие обозначаемых этими терминами понятий.

Если мы возьмём для изучения какое-либо животное или какую-либо группу животных, соберём имеющиеся в литературе сведения о нахождении данных форм в различных местностях земного шара, дополним эти сведения новыми фактами на основании изучения ещё не обработанных коллекций, то мы получим более или менее точную картину *географического распространения* данной формы или группы на земной поверхности. Итак, в одном случае мы берём форму или группу и изучаем её распространение на земной поверхности: это будет *географическая зоология*.

Но можно задаться иной целью исследования: можно взять какой-либо участок земного шара и изучать распространение в его пределах всего животного населения или какой-либо его части. При этом мы будем задаваться вопросами: какие формы характерны для данного участка земного шара, совокупность каких форм может составить зоогеографическую характеристику данной местности, будем стараться провести границы данной области на основании совокупности данных о всех живущих в этой и в соседиих областях формах — это будет учение о географическом *распределении* форм, иначе говоря, *зоологическая география*[2].

[1] **Ред.** Текст датируется 1898 г. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 61.

[2] **Ред.** Предлагаемое Г.А. Кожевниковым разделение *географической зоологии* и *зоологической географии* соответствует разделению таксономического и партономического аспектов разнообразия (по: Мейен, 1977).

Зоогеографія.

16 сент. 1898 г.

Лекція I.

Приступая къ чтенію спеціальнаго курса и притомъ курса никѣмъ до меня не читавшагося въ Московскомъ Университетѣ, я считаю не безполезнымъ остановить прежде всего ваше вниманіе на задачахъ спеціальныхъ курсовъ вообще, а въ частности на задачахъ курса зоогеографіи и на содержаніи этого курса.

При современной постановкѣ нашего университетскаго преподаванія учащимся предоставляется широкая возможность выбрать себѣ изъ большого количества необязательныхъ курсовъ тѣ, которые его интересуютъ. Какова задача этихъ курсовъ? Они могутъ являться или разработкой какого либо отдѣла общаго обязательнаго курса, какъ напримѣръ можетъ быть

Какое место среди других отделов зоологии занимает изучение распространения животных форм? Зоогеография стоит прежде всего в теснейшей связи с систематикой, т. е. с тем отделом зоологии, который изучает распределение животных на таксономические единицы и группы, т. е. на виды, роды, семейства, отряды и т. д. Само собою разумеется, что прежде чем говорить о распространении какой-либо формы, надо в точности знать, что именно под этой формой мы должны разуметь, а это именно и есть задача систематики, задача в высшей степени трудная, требующая кропотливого изучения углубления в мельчайшие подробности и детали и вот отсюда-то и возникают совершенно неосновательные упрёки по адресу систематики. Казалось бы, странно защищать какой-либо отдел науки от нападок, направленных на те стороны, предмета, которые составляют его характерную особенность, но раз эти нападки существуют, и притом не только со стороны ничего не понимающих в науке людей, но даже со стороны специалистов зоологов, то я считаю необходимым выяснить вам истинное положение вопроса и предостеречь вас от постыдных и неправильных выводов.

Если мы глубже вникнем в задачи и методы отдельных частей той группы наук, которые называются зоологией, то окажется, что спорить о сравнительном достоинстве и важности отдельных частей совершенно бессмысленно. Наука велика только во всей совокупности своих частей, а для того, что[бы] составилось полное гармоническое целое, одинаково необходимы все части. Какова задача зоологии во всей широте? — полное, всестороннее познание животного мира. Что для этого необходимо? — прежде всего, разумеется, знать, *из чего состоит животный мир*. Странно было бы делать окончательные выводы из наших сведений о животных, когда значительная часть этих животных нам ещё вовсе не известна. Каждый день почти приносит нам данные о вновь открываемых видах и родах. Необъятные пространства Азии, Африки, Америки приносят нам постоянно сотни новых видов, десятки родов. Большинство вновь открываемых форм принадлежит к классу насекомых, но нет недостатка и в открытиях в других, менее многочисленных классах. Даже среди млекопитающих находят новые формы и притом замечательные, вроде, например, сумчатых *Notoryctes typhlops*, недавно найденного в Австралии, или вроде найденного в 1895 году в Центральной Америке тоже нового сумчатого *Caenolestes obscurus* [= *fuliginosus*]; *Prometheomys*[3].

Фаунистическим открытиям часто не придают особого значения, говоря, что какая особая разница в познании какой-либо группы, если мы знаем из неё 100 или 150 представителей. Но во-первых надо помнить, что всякое интересное с анатомической или биологической точки зрения животное было некогда фаунистической находкой. Мы никогда не можем предвидеть, не окажется ли вновь открытый вид или род замечательным в анатомическом отношении. Чрезвычайно поучительный пример представляют в этом отношении результаты некоторых крупных экспедиций английского корвета Challenger[4], давшие целые сотни новых видов и родов и что же оказалось в результате подробной обработки: вновь открытые формы должны были коренным образом изменить наши представления не только о классификации, но и о строении целых классов животного царства. Так, напрмер, в классе корненожек [Rhizopoda], относящихся к типу простейших одноклеточных животных были найдены формы с многокамерными раковинами, состоящими из слепленных между собою частиц песка и других посторонних телец, связанных плотным глинистым или кремневым цементом. Подобного рода строение раковины было прежде вовсе не известно у многокамерных корненожек и пришлось создать новый подотряд Aggylutinantia [? = Glutinoconcha] и расширить характеристику всего отряда многокамерных корненожек (Foraminifera). Подобные же важные для общей зоологии открытия были сделаны на новых формах и в пределах других групп, особенно в типе иглокожих (Echinodermata). Глубинные морские ежи, морские звёзды и морские лилии заставили нас расширить самые анатомические характеристики этих классов.

Когда теперь заносятся в систематические списки новые насекомые, птицы, новые гады и млекопитающие, мы не можем предвидеть, какие важные результаты даст анатомическое исследование вновь

---

[3] **Ред.** Сумчатый крот (*Notoryctes typhlops*), представитель отдельного семейства Notoryctidae — эндемик Австралии, открыт в 1889 г.; прометеева полёвка (*Prometheomys schaposchnikowi*) — эндемик центральной части Кавказского хребта, открыта К.А. Сатуниным в 1901 г.

[4] **Ред.** Морская научная экспедиция на парусно-паровом корвете «Челленджер» (Challenger), длившаяся с 1872 по 1876 гг. (https://ru.wikipedia.org/wiki/Экспедиция_«Челленджера»).

описанных форм. Но это всё-таки некоторым образом косвенное значение систематических исследований. *Прямая же и весьма важная задача* заключается прежде всего в том, чтобы дать полную опись, полный реестр всего населения земного шара, и эта задача сама по себе достаточно высока и не может быть поставлена ниже других задач естествоиспытателя. Но кроме описания новых форм, систематика ставит себе другие задачи: выработку наиболее правильной группировки этих форм с точки зрения их близости и взаимного родства. Имея перед собой систематический материал, исследователь прежде всего устанавливает границы таксономических групп — видов, родов, семейств и т. д. Первая задача — установить границы видов, едва ли не самая трудная. Вид не есть что-то строго определённое. Граница одного вида сливается часто с границей другого. Виды изменчивы и в пространстве, и во времени. Изменчивы они в пространстве в том смысле, что один и тот же вид, живя в различных пунктах земного шара, обладает различными признаками, причём часто крайние формы сильно варьирующего вида сближаются с другими соседними видами. Весьма хорошим примером сказанного может служить весьма известный зверь — соболь (*Mustela* [= *Martes*] *zibellina*). Животное это принадлежит к семейству куниц, куда относятся роды выдра (*Lutra*), барсук (*Meles*), Mustela [= *Martes*] (куница), Foetorius [= *Putorius*] (хорёк), росомаха (*Gulo*) и морской бобр (*Enchydris* [= *Enchydra*]).

Три вида русских куниц — лесная куница (*Mustela* [= *Martes*] *martes*), соболь (*Mustela* [= *Martes*] *zibellina*) и белодушка (*Mustela* [= *Martes*] *foina*) — имеют почти одинаковую величину и представляют весьма большое сходство, но всё-таки в своих типических представителях различаются как формою тела, так и цветом шерсти и образом жизни. Несомненно, однако, что все эти три вида находятся в родственной связи и имеют общее происхождение. Дело в том, что в Тян-Шане как между белодушкой и лесной куницей, так и между куницей и соболем несомненно встречаются переходные формы: цвет шерсти и горлового пятна, форма последнего, длина хвоста — всё это у тяншанских куниц крайне изменчиво и типических представителей вовсе не встречается. Особенно интересно то обстоятельство, что в Кашгаре встречается соболь, имеющий в длинном хвосте сходство с куницей. Кашгар — это юго-западная граница распространения соболя. Подвигаясь дальше на северо-восток, мы ещё в Алтайских горах встречаем таких соболей, который имеют сходство с куницами. Далее к северу в среднем течении р. Оби и по притокам её в северной части Томской губернии соболь имеет уже все отличительные признаки своего вида[5]. В пределах Сибири соболь подвержен множеству мелких видоизменений, причём меняется и величина, и цвет шерсти, и качество её, т. е. степень пушистости. Эти вариации отлично известны торговцам пушным товаром и соболи из разных мест считаются на рынке разными сортами и ценятся различно. Подвигаясь далее на восток, мы замечаем изменения типичных признаков соболя и соболь камчатский, светлый из всех соболей и притом самый пушистый, является переходом к соболю американскому (*Mustela* [= *Martes*] *americana* Turton). Этот последний очень крупен, по цвету приближается к хорьку, мало похож на настоящего типичного соболя и даже иногда у торговцев идёт за куницу. Сахалинский соболь представляет тоже типичные признаки и сходен с японским соболем (*Mustela* [= *Martes*] *brachyura* Temm.). В общем, конечно соболь типичный сибирский, соболь американский и соболь японский не должны считаться отдельными видами, а лишь вариететами вида *Mustela* [= *Martes*] *zibellina*. Но для нас важно то, что сибирские соболи по мере удаления на восток всё более приближаются к соболям японским и американским, а по мере подвигания на запад приближаются к обыкновенной кунице, что особенно ясно выражено в кашгарском соболе. Это интересный пример изменения вида в пространстве[6].Таких примеров можно было бы привести ещё несколько.

Обратимся теперь к вопросу об изменении вида во времени. Тут мы не в состоянии найти много примеров из области зоологии. Изменения вида во времени совершаются с большой медленностью, а учение об изменяемости видов настолько ещё молодо, что, конечно, в науке не мог накопиться достоверный материал относительно того, что в те-

[5] **Ред.** Эти сведения Г.А. заимствует у Л.П. Сабанеева (1875), они ошибочны: в горных системах Тян-Шаня и Тарбагатая (Кашгара) обитает каменная куница (*Martes foina*), соболя там нет; на Урале и прилежащих территориях, где ареалы *M. martes* и *M. zibellina* перекрываются, встречаются их гибриды — кидасы (Гептнер, Наумов, 1967).

[6] **Ред.** В современной систематике для описания подобных случаев используется таксономическая категория алловида, или полувида — промежуточная между «типичным» видом и подвидом (Павлинов, 2023).

чение известного времени вид получил изменение какого-либо признака. Относительно домашних пород такие указания существуют, однако, с несомненностью, т.к. известна хотя бы приблизительно история выводки некоторых пород, но эти примеры для нас не так интересны, т. к. они показывают изменяемость при сознательном участии в этом деле человека, при применении искусственного подбора производителей с заранее намеченными целями, что, конечно, совершенно не похоже на естественные условия. Однако есть некоторые указания на образование если не видов, вариететов во времени: в XVI столетии ручные кролики были доставлены на остр. Порто Санто, лежащий к С.В. от остр. Мадейры. К нынешнему столетию на этом острове образовалась особая порода кроликов, отличающаяся от диких кроликов Европы. Конечно, точно нельзя установить, сколько времени потребовалось для создания вариетета.

Укажу ещё на следующий недавно опубликованный пример создания вариетета в таких условиях, что можно хоть приблизительно говорить о времени его создания. В северной части Дублинского залива (Dublin Bay) в Ирландии на песчаном островке, вернее дюне, отделённой от берега полосою моря, живёт колония обыкновенных домашних мышей, которые были недавно исследованы зоологом Джемсоном (H. Lyster Jameson), нашедшим, что все они имеют цвет песка, т. е. вовсе не похожи на обычный дымчатый цвет мышей. Песчаные холмы, о которых идёт речь, образовались в историческое время. Это конечно очень и очень неопределённое указание, но всё-таки указание. Обыкновенно когда говорят о образовании видов и вариететов, любят употреблять выражение «бесконечно длинный промежуток времени», и надо [неразб.] самый мелкий факт, который указывает на срок образования вида и вариетета без влияния каких-либо искусственных факторов. Замечу здесь, что при вмешательстве человека, при создании искусственных условий существования виды меняются весьма быстро. Это очень интересный вопрос, которого я не буду касаться, т. к. он уклоняется от прямой моей темы.

Как бы то ни было, наиболее наглядные и неопровержимые доказательства изменчивости вида во времени даёт палеонтология. Здесь, правда, мы имеем дело с неопределёнными промежутками времени, но зато самый факт постепенного изменения с течением времени выступает с поразительной наглядностью. Прекрасным примером может служить постепенное изменение моллюска *Paludina* [= *Viviparus*]. В юго-восточной Европе в позднюю третичную эпоху были большие пресноводные озёра, из которых одно занимало теперешний Нижне-венгерский [= Паннонский] бассейн, другое западную Славонию, третье частью Румынию, другие находились на месте теперешней Албании и Греции. В этих бассейнах жило большое количество моллюсков как двустворчатых, так и брюхоногих, и число видов превышало 200. Отложения, о которых идёт речь, состоят из нескольких горизонтов разного возраста и вот оказывается, что если сравнивать моллюсков одного и того же рода из разных горизонтов, т. е. из отложений, образовавшихся в различное время, то окажется, что каждый горизонт имеет свою характерную форму. На роде *Paludina* [= *Viviparus*], к которому относится, между прочим, и наша обыкновенная живородящая улитка [*Viviparus viviparus*], можно видеть, что почти каждая форма каждого горизонта очень близка к форме горизонта соседнего, но всё-таки отличается от неё определёнными признаками и чем больше слои залегания удалены друг от друга, тем более отличия и в форме раковины *Paludina* [= *Viviparus*]. Ещё замечательная подробность: каждая главная форма каждого отдельного слоя по большей части довольно постоянна и обнаруживает сравнительно мало уклонений, но всегда в данном слое имеются некоторые уклоняющиеся образцы, которые по своей форме отчасти примыкают к формам вышележащего, отчасти к форме нижележащего слоя. При помощи этих-то форм можно составить сплошной ряд постепенных переходов. Исходный пункт *Paludina* [= *Viviparus*] Neumayer похожа на типичных современных представителей рода, в том числе на современных морских видов *Paludina* [= *Bellamya*] *unicolor*, а последний член этого ряда *Paludina* [= *Viviparus*] *hoernesi* принадлежит к своеобразной группе [? *Cipangopaludina chinensis*], которая теперь живёт в Северной Америке и в озере Тали-Фу в Китае в провинции Юннань (Yunnan) и для которой в последнее время создали даже самостоятельный род *Tulotoma*.

Мы рассмотрели примеры изменчивости вида в пространстве и во времени. Третий случай, имеющий не менее важное значение для систематики, это изменчивость данного вида в пределах двух поколений или одного поколения и в одном и том же пункте земного шара (сезонный диморфизм). Очень часто оказывается, что если мы возьмём

множество представителей одного и того же вида, то между ними окажется такое разнообразие, что если бы мы нашли отдельных представителей этого ряда форм в разных пунктах, мы не задумались бы отнести их к разным видам.

Мне кажется, вы уже догадались, для чего [я] приводил эти примеры изменчивости видов. Примеры эти служат наглядным выражением того, что вид не есть нечто постоянное, заключённое в строго определённые рамки, а что вид есть, наоборот, нечто меняющееся, что вид есть только одна из ступеней, один из этапов постепенного, непрерывного изменения форм. Эта идея изменчивости форм легла в основу эволюционного учения, которое является основным учением всего современного естествознания. Разбирать сложные вопросы, какими путями шла эта эволюция, какие факторы действовали здесь, не входит в нашу задачу, но я хочу подчеркнуть только одно: основная идея эволюционной теории, идея об изменчивости форм, родилась на почве систематики, на почве изучения тех мелочных признаков, тех пятнышек, шипиков и других мелких признаков, за углубление в изучение которых систематикам приходится часто слышать на удивление упрёки не только со стороны публики, но даже со стороны учёных.

Систематик не только описывает новые формы, он, как я говорил, работает над выяснением естественной системы этих форм, основанной на родстве, он, наконец, изучает в подробности все случаи изменчивости видов, отыскивает переходные формы и таким образом непосредственно работает над выяснением великого вопроса о происхождении животных форм, работает не меньше, чем анатом или эмбриолог. Наконец, систематик даёт своими работами надёжную и прочную почву для выводов зоогеографии, причём одинаково помогают зоогеографу и систематики-зоологи, и систематики-палеонтологи, а мы увидим при дальнейшем изложении, к каким широким выводам и обобщениям ведёт зоогеография.

<Откуда же, спрашивается, идут нападки на систематику? Ведь она ведёт к созданию величайшей теории, к самым широким обобщениям! Должно же быть какое-нибудь орудие в руках тех, которые считают систематику занятием ненаучным. И такое орудие несомненно имеется.

Всякая наука для того, чтобы заслужить вполне это название, должна конечно стремиться к выводам из фактов к обобщениям. Факты, взятые сами по себе, являются только черновым материалом для научных выводов. Во всякой научной работе мы должны различать две части — фактический материал, т. е. наблюдения и опыты, и затем выводы и обобщения. Не все научные работники ведут дело так, чтобы в их работах были одинако удовлетворительны обе стороны, т. е. был бы богатый и притом вполне достоверный фактический материал, и в то же время правильные и притом плодотворные для науки выводы. Работ, которые б вполне удовлетворяли этим требованиям, немного. Очень часто работник ограничивается только фактическими наблюдениями, не делает из них выводов и обобщений. Если факты верны, такая работа навсегда останется вкладом в науку — выводы могут явиться после. Бывают случаи, что факты неверны, но в работе есть выводы и обобщения. Такая работа не имеет научного значения. Бывает и так, что фактов почти нет, а очень много обобщений: такие работы тоже мало ценны.

Несомненно, что [в] области систематики имеется громадное количество работ первой категории, т. е. таких работ, где имеется только сухой фактический материал без всяких выводов и обобщений. Описаны пять или десять новых видов жуков и только. Дан список коллекций насекомых или птиц какой-либо местности — и только. Таких работ громадное количество и на это есть даже глубокая историческая причина: эволюционная теория явилась такой оживляющей силой, которая осмыслила и осветила лабиринт фактических наблюдений. Конечно, и до расцвета этой теории, т. е. до второй половины XIX столетия было немало теоретических учений в области зоологии, но ни одно из них не имело такого влияния на направление исследований, на их тенденцию, как теория эволюции. По систематике издавна работали очень много. По самому характеру этих работ ими часто занимались любители и занятия систематикой граничили с простым коллектированием. Особенно это применимо к энтомологии, к учению о насекомых.>

Анатомическое и сравнительно-анатомическое направление развилось позже, чем направление систематическое. Эта отрасль исследования относительно ранее подверглась влиянию эволюционной теории, чем систематика, и оказалась в этом отношении менее консервативной. В систематике мы наблюдаем до сих пор архаические черты, переживание старинной манеры работать, а кроме того, как и прежде, так и до сих пор, в область систематики входят занятия, граничащие с простым коллектированием, не освещенные никакой идеей.

Укажу далее, что микроскопическая анатомия, гистология и эмбриология стали развиваться только очень недавно в той форме, как мы их видим теперь, т. е. во всеоружии техники, ибо сама техника возникла лишь четверть века назад, а некоторые её завоевания, сделавшие эпоху в науке, имеют давность всего несколько лет. Применение метода разрезов, улучшение микроскопических изображений, апохроматов, техника окраски — всё это завоевания наших дней. Отсюда понятно, что все работы по эмбриологии, по микроскопической анатомии, по сравнительной анатомии с применением новых методов попали целиком под влияние господствующей теории эволюции, и работающие хорошо ли, плохо ли, старались дать своим работам теоретическое направление, впадая часто, однако же, в такую крайность, что давали теории без фактов. Если в систематике много работ, где факты без теорий, то в эмбриологии, сравнительной анатомии очень много работ, где теории без фактов. Первые работы, чисто фактические, останутся навсегда, вторые теряют всякое значение, но в момент появления производят большее впечатление, чем первые. Всякие теоретические соображения, даже и неопубликованные, увлекают скорее, чем голые факты, да ещё мелочные. Нельзя, однако, не признать, что в области сравнительной анатомии и эмбриологии за последние тридцать лет сделано несколько крупнейших блестящих завоеваний, повлиявших на наши основные понятия о природе и что в этих областях открываются новые пути, новые методы исследования.

Систематика во многих отношениях сохранила свой архаичный характер, целый ряд работников до сих пор работает в этой области так, как будто никаких теорий не существует, добывая только одни голые факты, но от признания этого далеко ещё до обвинения систематики менее научным отделом, чем сравнительная анатомия, эмбриология, гистология и т. п. Чисто фактические, мелочные работы могут быть одинаково во всех областях, это зависит от личности работника, а не от свойства предмета. А что систематика ведёт к широким выводам и обобщениям, это, повторю ещё раз, яснее всего видно из того, что сама теория эволюции развилась на почве изучения систематических признаков. Если эти соображения о важном значении систематики имеют место для специальных исследований, то они не менее важны и в деле преподавания и изучения предмета. Когда вы изучаете какую-нибудь науку, то односторонность вреднее всего: закрывая глаза на целую сторону предмета, вы не получите об нём никогда правильного понятия.

Мы остановились так долго на выяснении важного значения систематики потому, что этот отдел зоологии стоит в непосредственной связи с зоогеографией и даёт для неё фундамент. Фаунистические списки, описания коллекций — вот материал, из которого зоогеография делает все свои выводы.

16 сент. 1898

П-12. СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМАТИКЕ ЖИВОТНЫХ И ЗООГЕОГРАФИИ[1]

Задача моей беседы— дать общее понятие о современном направлении пути мысли в области систематики животных и зоогеографии. Тема эта весьма широка и для ознакомления с нею имеется громадный литературный материал. Если бы я задал задачу детально проработать этот материал, то это был бы громадный труд и изложение его резуль[тата] было бы утомительно. Задача моя другая — оттенение направления современной научной мысли в области систематики животных и зоогеографии, а для этого можно ограничиться типичными примерами, которые дадут понятие о положении вопроса.

Т. к. настоящее сообщение делается от имени нашего молодого Зоолог[ического] Н.И. Инст[итута], то я считаю необходимым коснуться и работы его членов в этих областях. Но я не могу умолчать о научной работе в этом направлении и тех научных работников, которые не состоят членами Н.И.И. Зоологии, а работают в Зоологическом музее, который является одним из учебных [неразб.] учреждений унив[ерситета], служащих базой для института.

Я позволю себе здесь в нескольких словах коснуться того несколько ненормального положения, в котором находятся наши институты и в частности Зоологический. Институты не им[еют] никаких средств на свою научную работу, никакого своего инструментария, никакого своего помещения. Они всецело опираются на университ[етские] лаборатории. Между тем целый ряд деятельных работников этих лабораторий членами институтов не состоят. Несомненно, что число членов институтов мало сравнительно с числом лиц, которые в том или ином звании были бы достойными членами [неразб.] состоять.

Говоря о конкретных примерах текущей зоологической работы в об[ласти] сист[ематики] и зоогео[графии], я не могу не упомянуть и о тех работниках З.М., которые членами Инс[титута] не состоят.

Говоря о работе [по] зоогеографии и систематике, приходится [сделать] ещё одно важное отступление. В тесной моральной и территориальной связи с Зоол[огическим] музеем находится особый научный институт — не университетский по факту, также связ[анный] с унив[ерситетом]. Это Плавучий Морской Научный Институт. Институт этот основан в марте 1921 г. декретом Совнаркома в целях всестороннего и планомерного изучения северных морей. В нём работают из членов лабор[аторий] Зоол[огического] музея И.И. Месяцев, Л.А. Зенкевич, В.А. Яшнов, В.В. Алпатов, А.А. Шорыгин. Институт имеет в полном своём распоряжении вполне годный для океанского плаванья корабль «Персей», 700 тонн водоизмещения, на котором находится полное экспедиционное снаряжение и хорошее лабораторное оборудование. Наличие такой морской лаборатории — крупное завоевание русской науки, и хотя ПлМНИ не состоит при университете, но он тесно связан с Зоол[огическим] муз[еем], связан известным договором, по кот[орому] кол[лекции] поступают в Музей до того времени, пока в Москве образуется Океанографический музей. […]

Переходя к своей прямой теме, [неразб.] я прежде всего должен коснуться вопроса о добывании материала для исследований систем[атики] и зоогеографии. Я не осведомлён, как обстоит дело с исследоват[ельскими] экспедициями за границей. Я полагаю, что ничего особо блестящего там за последние годы не было. Что касается России, то несмотря на самые неблагопр[иятные] обстоятельства, экспедиц[ионная] деятельность не замирала. Нельзя не отметить, что ранней весной этого года отправилась в Тибет рассчитанная на 3 года экспедиция П.К. Козлова, работала в течение последних лет Северная Олонецкая экспедиция, работала Беломорская экспедиция [К.М.] Дерюгина и 2 большие океан[ические] экс[педиции] Плав.М.И. 1921 и 1923 года.

[…][2]

[1] **Ред.** Доклад, прочитанный в декабре 1923 г. в Зоологическом музее МУ. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 101.

[2] **Ред.** В пропущенном здесь фрагменте перечислены экспедиции, в которых участвовали сотрудники Зоомузея и НИИЗа.

План.

Задача моей беседы дать общее понятие о современном ~~состоянии~~ научном в области систематики зоологии и зоогеографии

Тема эта весьма широка и для ознакомления с ней имеет гораздо ~~лекции~~ материала. Если бы я задался задачей дать ~~перечисление~~ этого материала то это бы мне стоило труда и потребовало бы ~~очень~~ много времени бы уполномочен задаче моего доклада – отношение направлений современной научной мысли в области сист. зоол. и зоогеогр. а для этого можно ограничиться немногими примерами, которые дадут ясное понятие о положении вопроса.

~~Вопрос этот~~ Т.к. настоящее совещание делает от имени нашей молодой Зоол. М. И. Ин-та то я считал необходимым как нужным и должным ~~его~~ членов в этих областях. Но я не могу ~~не~~ умолчать о научной работе в этом направлении и тех научных работниках, которые не состоят членами М. И. Ин-та, но работают в Зоологич. Музее мог. являлся одним из учреждений у ~~Ун~~ Университета бывшим Институтом

Я позволю себе здесь в нескольких ~~словах~~ коснуться того несколько ненормального положения в котором находятся наши м. и. институты и в. частности зоологические.

Институты не имеют никакой средств не имеют научную работу (никакого своего инструментария, никакого своего помещения. Отвечаю отправляю на университетскую лабораторию. Между тем целый ряд ~~ценных~~ ценных работников этих лабораторий членами ~~ин-та~~ не состоят и Неизвестно, что число членов ~~ин-та~~ ин-та мало сравнится с числом тех, которые в том или ином ~~ин-те~~ ин-те должны членами ~~ин-та~~ ин-та состоять.

Говоря о конкретных примерах научной работы в области зоологии я не могу не указать на ~~о~~ тех деятелей М. И. Ин-та, которые членами Ин-та не состоят

Поездки для собирания материала [неразб.] конечно не являются сами по себе каким-либо новым методом зоол[огической] работы. Это, наоборот, самый старый метод. Но как [неразб.], так и при ближайших фаунистических работах несомненно современным новым течением надо признать стремление собирать большое количество экземпляров, большие серии. Это стремление к накоплению богатого материала даже из одного места, даже самых обычных видов является характерным для современной организации работ, и это стоит в связи с современным направлением в систематике.

Такое стремление к накоплению большого материала является обязательным условием прогресса в зоологии. Недостаточность материала для выводов была всегда поводом к упрёкам систематиков в неосновательности. Интересно, что Геккель в своей знаменитой книге «Generelle Morphologie» в 1866 году вполне основательно жаловался на недостаточную обоснованность работ по систематике. Он писал (p. 378): «Весьма большое количество видов известны только по немногим и даже по одному экземпляру».

***

Задача систематики — понять данную форму или целую группу с точки зрения её признаков и затем на основании этого понимания дать ей место в системе. На слово «понять» я обращаю особое внимание, ибо, как это ни странно, но в весьма многих работах по систематике не только не видно следов понимания формы, но не имеется даже попыток понять её. А имеется только стремление найти достаточное, по мнению автора, количество признаков, по которым эту форму можно было бы или признать одной из уже описанных, или признать новой и дать её новое описание. Часто считается достаточным найти несколько отличительных признаков для того, чтобы описать новую форму.

Для понимания формы надо знать весьма многое. Надо знать её распространение, количество экз[емпляров] на ед[иницу] площади, [неразб.] биологии и пр.

***

В настоящее время биометрическое направление прочно узаконено в систематике. Возникшее ещё очень давно среди антропологов[3], оно долгое время не распространялось на чисто зоологические работы. Но с лёгкой руки [К.] Пирсона [Carl Pearson] завоевало себе прочное положение. При этом как [неразб.], тесно связанная с математикой, биометрика разрабатывалась с точки зрения математической методики и здесь часто работы биометров такие, что их нельзя считать биологическими, а надо считать математическими.

С точки зрения биологии наиболее интересно поставить вопрос такого рода: что именно следует подвергать математическому анализу? Одна из тем, которая всегда на всяком животном может быть легко подвергнута изучению, это вопрос относительно индивидуальной изменчивости. Индивидуальная изменчивость — давно известный основной закон природы, исключения из которого не существует. Нет в природе неизменчивых форм. А с другой стороны, датский зоолог Joha[nnes] Schmidt в своих работах по изменчивости *Zoarces viviparus* L. [европейская бельдюга] пытался установить различные расы не только в пределах Немецкого [= Северного] и Балтийского морей, но даже в пределах одного залива у берегов Дании.

Несомненно, что чем больше мы соберём матер[иала] и чем подробнее нам его изучат, тем скорее мы разобьём вид на мелкие [неразб.]. В настоящее время уже иногда автор не довольствуется тройной номенклатурой, а употребляет четверную. Так, напр., С.И. Огнёв, детально обработав обыкновенную лисицу из Ворон[ежской] губернии, считает, что ворон[ежские] лисы принадлежат к подвиду *Vulpes vulpes crucigera* Richt., лесная лисица Зап. Европы, но из этой группы он считает возможным выделить особую форму, отличную более тусклой и блёклой шкурой и зимой, и летом: это лесостепная лисица *Vulpes vulpes crucigera diluta* Ognev. Однако автор считает эту форму новой *natio*, группа подчинена подвиду, пишет, что между типичной *crucigera* и новой *diluta* имеются многочисленные переходы. В настоящее время обыкн[овенная] лисица Европы делится на основании работ [А.А.] Браунера и Огнёва на 4 группы: 1) лесная лисица Западной Европы (*Vulpes vulpes crucigera* Richt.) описана из Тюрингии. Она же водится в среднерусских лесах; 2) лесостепная лисица *crucigera diluta* Ognev с бледной шкурой и крупным черепом; 3) южная степная лисица *V. vulpes stepensis* Brauner: блестящая шерсть и маленький череп; 4) крымская горная ещё мельче (*V. vulpes krymea-montana* Br.).

Приведённое деление вида *Vulpes vulpes* на мелкие единицы я считаю весьма типичным направлением современной систематики. И я считаю особенно удобным для детальной разработки по

[3] **Ред**. Имеются в виду пионерские работы А. Кетле и Ф. Гальтона (см. раздел 3.5).

методу установления мелких таксономических единиц именно обычных охотничьих зверей, т. к. относительно них легко собрать богатый материал и т. к. иногда наблюдения опытных лесников и охотников могут дать очень хороший материал для более ясного понимания формы.

Является принцип[иальным] вопрос: нужно ли такое дробление? Зачем описывать чернозёмную лисицу под особым названием? Зачем описывать степного [зайца] русака под особым названием *Lepus europaeus tesquorum*? Ведь отличия в мелких признаках изменчивы, чаще в окраинах. Не лучше ли оставить старую бинарную номенклатуру? Оппозиция чрезмерному дроблению несомненно существует, и среди оппонентов есть авторитетные учёные. Но я полагаю, что в сущности дела спор о словах, если дробление идёт, не выходя из рамок вида.

Другое дело, если без достаточного основания, большого колич[ества] экз[емпляров], без изуч[ения] геогр[афического] распростр[анения] по ничтожному признаку устанавливается *вид*. Тогда мно[жество] приз[наков] весьма нужно. Но если устанавливается подвид, раса, *natio*, то ведь вид-то остаётся старым и весь вопрос лишь в том, желательно ли схематизировать или [неразб.] детали [неразб.]. И детализируя в [неразб.] приводит к тому, что или конструируются большие изменчивые линнеоны, причём приходится указывать этапы изменчивости, или эти этапы превращаются в жорданоны и получается тройная и даже четверная номенклатура. Я полагаю, что удобнее, когда каждое определимое уклонение называется определённым именем. Иногда же при обилии мелких групп их даже не называют именами, а обозначают буквами или номерами.

Такое дробление вида требует особой методики при [неразб.]. Прежде всего надо заметить, что современные списки видов и подвидов и каких бы то ни было форм отличаются большой подробностью. Линней давал краткие указания, иногда в несколько слов. Теперь описание формы занимает почти несколько страниц.

[…]

Одно из направлений совр[еменной] систематики надо бесспорно назвать биометрическим. Заимствованная у антропологов биометрика была особенно удачно применена к характеристике рас сельди немцем [Й.] Гейнке [= Хайнке, Johann Friedrich Heincke] в его монографии по сельди, вышедшей в 1898 году[4]. Гейнке разработал методику измерения и способ [неразб.] этих измерений для характеристики мелких местных групп, на которые распадается обыкновенная сельдь Немецкого [= Северного] моря.

Биометрика требует не только производить многочисленные измерения, но и обработку их по определённым правилам с применением определённых математических формул, которыми определяются законы изменчивости, и в настоящее время без математики нельзя заниматься *биометрической систематикой* [выделено нами]. У нас в университете в последние годы преп. С.С. Четвериков читает в своём курсе введения в систематику основы биометрии и сам работает биометрическими методами. Очень много этим методом занимается Е.С. Смирнов.

Биометрические методы исследования можно переносить с низших категорий на высшие и пытаться дать цифровые критерии не только рас, но и видов и даже родов. Это направление несомненно придаёт работе биолога несколько отвлечённый характер, превращая его из биолога в математика. Не будучи математиком, я не решаюсь пускаться в критику тех приёмов, которые при этом [неразб.], и позволю себе лишь высказать мнение, чтобы специалисты-математики работали в сотрудничестве с биологами над разрешением этих сложных вопросов.

В биометрическом направлении есть одна большая опасность. Оно требует весьма много времени и механической работы, и при этом весьма точной. При неточности первичных измерений, а они легко допускаются, вся работа теряет смысл. Опасной является эта работа в том, что она, будучи чисто механической, даёт мало пищи уму и поэтому особенно опасна для начинающих, которые увлекаются обилием цифровых убедительных построений, забудут, что кроме цифр в зоологии есть много другого. {Конечно, цифровые выводы сами по себе мало интересны. Гораздо интереснее понять причины изменчивости. Тут большие трудности.}

Применение статистического метода к изменчивости не всегда приводит нас к ясным результатам, а иногда заводит нас в своего рода тупик. Примером может служить работа Шмидта [неразб.] над изменчивостью рыбы бельдюги живородящей *Zoarces viviparus* L. У этой рыбы с большим старанием изучены колебания в числе позвонков, число

---

[4] **Ред.** Имеется в виду его книга «*Naturgeschichte des Härings*» (Berlin).

лучей в грудных плавниках, число твёрдых лучей в спинном плавнике. Получены разнообразные данные для разных мест Немец[кого] и Балт[ийского] моря, распределение довольно пестро. Явилось естеств[енное] стремление объяснить такие распределения признаков влиянием окруж[ающей] среды. И вот тут-то результата не получилось. Правда, в одном заливе Roskilde Fjord обнаружилось постепенное изменение колич[ества] позвонков от устья залива к его вершине сообразно с изменением солёности, но с другой стороны, у восточных берегов Шотландии и входа в Финский залив, где условия солёности резко различны, число позвонков одинаково 116, число лучей грудных плавников тоже сходно, а число твёрдых лучей в спинном плавнике различно. Итак, сказать, что изменчивые признаки являются непосредственно результатом действия среды, — нельзя.

{Раса есть смесь различных генотипов, в которой прежде всего пропорция этих последних, а потом уже окружающая среда производит влияние на средние величины, которые характеризуют расу.}

Геккель в своей Generelle Morpholohie (1866 г.); из 1906 г. стр. 256. Все свойства и признаки организмов суть продукт взаимодействия двух образующих — физиологических функций внутренней наследственности, основанием которой является материальный состав организма и который действует через размножение, и внешней приспособленности, которая основана на взаимодействии организма и внешней среды и действует через питание.

***

Итак, в современную систематику вводятся понятия генетики. И вот тут-то начинается самый трудный вопрос, где интересы систематики тесно сплетаются с интересами эксперимен[тальной] биологии. Если мы хотим *понять* какую-либо форму, нам интересно знать, под каким влиянием она создалась. Одни придают большее, другие меньшее значение влиянию среды, одни придают большее, другие меньшее значение влиянию ген[етики] в образовании новых форм.

Я выше привёл [неразб.] автора Прелля, который [неразб.] перераспределение хромосом на происхождение новых рас и даже видов. Я полагаю, что возможность такого способа получения новых форм можно считать доказанной.

Но самый трудный вопрос, вызывающий наибольшие споры, это вопрос о том, поскольку влияния окруж[ающих условий] должны влиять на человека; иначе говоря, при каких условиях фенотипические изменения могут превращ[аться] в генотипические. Дебатировать этот старый вопрос я не могу, т. к. он [неразб.] и он стоит уже на границе моей темы. Я лично думаю, что т. к. в природе всё изменчиво, то конечно изменчивы и гены.

Heinrich Prell. Die Biotypenbildung durch Anlagenumordnung und der Begriff der Mutation (Arch. f. Entw nach d. Orhanismen)[5].

Внешний вид, also die Erscheinungswerte или фенотип ([В.Л.] Иогансен [Wilhelm Ludvig Johannsen]), организма обусловлен взаимодействием двух комплексов факторов. С одной стороны, как определяющий комплекс (Determinationskomplex) имеет значение комплекс наследственных зачатков, которые для каждого индивида имеют определённый тип (генотип, Иогансен), тип зачатков данного организма (Anlagentypus), а с другой стороны, как реализующий комплекс — комплекс условий окружающего мира, который тоже для каждого индивида представляет отдельный тип (Plastotypus).

Если мы сравним большое число особей определённого населения (Population) животного или растения, то найдём, что они различны между собой (Phaeno-варианты). Эти отличия могут основываться на различиях von Gestaltungstypus (Plasovarianten) или типа зачатков (Anlagentypus) (Genovarianten) или обоих вместе. При одинаковых окружающих условиях наследственные зачатки могут быть причиной изменчивости.

Как могут произойти генотипические вариации среди близкородственных организмов? Среди потомков одних и тех же родителей? Возможны 2 случая: 1) перегруппировка наследственных зачатков, 2) изменение наследственных зачатков.

Возникновение новых генотипических образований (genotypische Neuerscheinungen) или новых биотипов может происходить через перегруппировку уже имеющихся наследственных зачатков. Эти новообразования, если они размножены в частоте, то же самое, что называют расами. Между понятием раса и понятием вид не может быть резкой границы. Итак, речь идёт отчасти о причинах возникновения и превращения *видов*.

***

Любищев: *Надо произвести полный пересмотр как самого понятия естественной системы, так и её возможных форм*. Понятие системы в XIX

---

[5] **Ред.** Статья опубликована в 1922 г.; электронная версия доступна в интернете (https://link.springer.com/article/10.1007/BF02554433).

веке претерпело большую эволюцию, которую в кратких чертах можно определить так: от понятия системы как одной из форм порядка, противоположных беспорядку, хаосу, перешли к пониманию системы как одной из мыслимых форм беспорядка; в этом, как и во многом другом, сказалось влияние дарвинизма.

По Дришу, систематизировать значит размещать в группы по степеням сходства и эти группы по возможности располагают по ступеням. Наиболее совершенной системой является такая, где все признаки объекта определяются положением его в системе… Естественной системой надо признать такую, где количество свойств объекта, поставленных в функциональную связь с его положением в системе, является максимальным[6].

Возможны три формы естественной системы: иерархическая, комбинативная и корреляционная.

Иерархическая система графически может быть изображаема в виде дерева; её частным случаем является генеалогия (филогенетическая система), которая по форме ничем не отличается от любого вида иерархической системы, но существенно отличается характером корреляции различных признаков… В основе иерарх[ической] с[истемы] лежит неравноценность, иерархия признаков: есть признаки, характеризующие высшие и низшие группы.

Комбинативная система имеет вид кристаллической решётки многих измерений (по числу независимо изменяющихся признаков)… К[омбинативная] с[истема] принимает совершенную равноценность и независимость всех признаков, путём комбинирования всех возможных изменений мы получаем многомерную решётку.

Что касается *коррелятивной* системы, то её частным случаем является периодическая система элементов, графически изображаемая (по Тильдену [William Augustus Tilden]) в виде винтовой линии на цилиндре… Что касается коррелятивной системы, то здесь один признак или немногие признаки принимают доминирующее значение; все остальные признаки (по крайней мере, все признаки, имеющие систематическое значение) находятся с ними в коррелятивной связи; нет признака, нет и зависимости. Назв[ание] «корр[елятивная]» не может счит[аться] удач[ным], т. к. известна корр[еляция] свойств и иерархич[еской] системы…

Как указывает Радль [Emanuel Rádl], система может быть построена или по Платону, или по Дарвину. *Построение системы на философии Дарвина оказалось иллюзией. Надо строить систему, отрешившись от эволюционного подхода*.

***

Если бы гены не менялись, современная фауна более бы походила на кембрийскую, чем это мы видим на самом деле. Во всяком случае, в пределах темы моего доклада я выставляю положение, что современная систематика не может обойтись без генетики и эксперимента. Этим, конечно, повышается интерес систематики и её значение как одного из направлений зоологии.

Нельзя не отметить, что само понятие о систематических категориях требует введения генетического принципа. Когда мы устанавливаем понятия морфы или расы или местной вариации и расы, то критерием различия принимаем наследуемость или ненаследуемость признаков. Дункер [Georg Duncker] ставит отличием Lokalform от расы то, что Lokalform (местная форма) обусловливается наличностью местных условий подобно морфе. [А.П.] Семёнов-Тян-Шанский: меняются условия — меняются и ненаследуемые признаки. Раса по Дункану — это подвид, характер[изуемый] наследственно закреплёнными признаками.

Но вот тут-то и является наиболее трудный вопрос: насколько прочны местно возникающие признаки. Что они создались в сложной обстановке среды под влиянием массы факторов, это несомненно. Степной заяц возник в качестве обособленной мелкой единицы под влиянием степи. Но что с ним будет, если мы его переселим в лес? Этого мы не знаем. Мы видим результаты великих экспериментов, которые природа производила и производит над своими детьми, но нам удаётся заглянуть лишь иногда и лишь немного в ход этого эксперимента.

Тут мы подходим к вопросу об экологическом направлении в изучении животных, которые заслуживают большого внимания. Но прежде чем перейти к нему, я вернусь к вопросу таксономии, к вопросу о таксономических категориях. Вопрос о систематических категориях — вопрос не новый, но важно отметить, что особое внимание на него начали обращать недавно.

В нашей зоологической литературе известны две работы — Семёнова-Тян-Шанского о таксономических единицах и В.Л. Бианки на ту же тему. С.Т. установил границы вида, подвида, или расы, морфы и аберрации. Бианки установил 2 группы

[6] **Ред.** Этот критерий естественности классификации в более общем смысле обосновал английский логик Дж. Милль (Павлинов, 2018).

систематических категорий: 1) устойчивые (закреплённые) — species, natio (племя), subnatio, морфа и proles (раса); 2) неустойчивые (флюктуирующие) — фаза, подфаза и аберрация[7]. Т. к. это деление не является новостью и т. к. [неразб.] не легко, я не стану остан[авливаться] на этом вопросе. Недавно вышла книга трудов [неразб.]; имеет интерес критика А.А. Яхонтова [неразб.].

Я остановлюсь на другом вопросе — на попытках разработки *теории системы* с других, более общих точек зрения. Сначала я упомяну попытки [неразб.] закон природы. В основу этих работ по теории систем легли в значительной мере доводы некоторых авторов [неразб.] о полифилии в животном царстве. Имеются работы, которые показывают, что формы, которые должны быть на основании их признаков поставлены рядом, идут от разных генетических стволов, развивающихся параллельно. Необходимо также отметить, что А.П. Павлов в своей работе над аммонитами указал на различие рода морфологического и рода генетического. А.П. Павлов говорит: «было бы, быть может, рационально сохранить за старыми таксономическими терминами значение чисто морфологическое, понимая под родом собрание форм, которые похожи друг на друга морфологически, не углубляя вопроса с точки зрения, что это сходство есть результат того, что параллельно вырабатывались одни и те же морфологические особенности в различных группах»[8]. Вот эти мысли палеонтологов о наличии полифилии в животном царстве особенно резко проводит Штейнман [германский палеонтолог Johann Heinrich Conrad Gottfried Gustav Steinmann], [они] повели к тому, что некоторые зоологи начали резко отрицать значение филогении для систематики. […]

Стремление объективно разработать вопрос о признаках и их ранж[ировании] весьма почтенно и может дать интересный результат, но конечный вывод является, по-моему, недоразумением. Если мы признаём, что все жив[ые] сущ[ества] суть продукт эволюции, то мы не имеем никаких основ говорить, что группирование животных в таксоном[ические] группы не является тоже продукт[ом] эволюции. Тогда бы получилось, что эта группировка не имеет никакой реальной базы, что она есть только продукт нашего измышления. Мне кажется, что великое недоразумение состоит в том, что скудность наших сведений часто не позволяет нам сделать правильные выводы, принимая за невозможность самой постановки вопроса.

Если мы не знаем, какие родств[енные] связи связыв[ают] наши формы, то из этого не следует, что мы должны отмахиваться от самой постановки вопроса об этой связи. Там, где мы эту связь знаем, вопрос вполне ясен. Вряд ли мы можем сомневаться, что среди всех Bovidae амер[иканский] бизон и наш зубр не только более близки между собою, чем ост[альные] Bovidae, но и находятся в родстве. Тут на помощь приходит зоогеография и история Земли, вопрос о соединении Евразии и Сев. Америки через теперешнее Беринг[ийское] мелководье, [неразб.]. Ещё яснее вопрос о беловежском и кавказском зубре. Неужели здесь не говорить о родстве? [9]

Если мы [устан]овили сходство нек[оторых] [неразб.] между собой и знаем, что близких к ним форм нигде в мире, кроме [неразб.], нет, разве не вправе говорить об их общем происхождении? Если мы поставим вопрос о естественной системе так, как его ставит большинство, т. е. что эта система должна быть основана на родстве форм, то у нас является масса интересных програм[мных] вопросов — вопросов о механизмах возникновения различий в формах, о причинах этих различий.

Причины могут быть внешними и внутренними, мы сказали это. Говоря о внутренних, мы упомянули такое туманное слово «гены». Но есть иной, более конкретный подход к вопросу об обра[зовании] форм, имеющий коренное значение для систематики.

Вольтерек [Richard Woltereck, германский зоолог-эколог] в ряде своих блестящих работ над дафниями пришёл к интересному выводу, что можно понять механизм возникновения феновариаций, т. е. изменения под вл[иянием] среды, из наблюдений над делением и ростом клеток гиподермы, которые

[7] **Ред.** См. в списке цитированной литературы: Семёнов-Тян-Шанский (1910), Бианки (1916).

[8] **Ред.** Приведена цитата из статьи: Pavlov A.P. 1901. De quelques moyens qui pcurrtaient contribuer à l'élaboration de la classification génétique des fossiles. Comptes rendus de la VIII Session du Congrès. Géol. Intern., 1900. Paris, Vol. 1, Pt. 5, p. 349–352. Переиздана на русском языке в: Павлов А.П. 1966. Стратиграфия оксфорд-кимериджа, аммониты и ауцеллы юры и нижнего мела России. Москва: Наука. С. 261–263.

[9] **Ред.** Приверженный идеям микросистематики (см. раздел 3.4), Г.А. Кожевников не принимает во внимание то, что критикуемые им «полифилетики» рассматривают этот вопрос на значительно более высоких таксономических уровнях (отряды, классы, типы), где он не так прост.

образуют наружную оболочку тела, придающую ему определённый вид. Мы сводим, следовательно, появление систематического признака к наблюдениям над делением клеток, это громадный прогресс. Геновариации у дафнии не могут быть [неразб.], но и тут знание роста [неразб.].

[…][10]

S. Tschulok. Deszendenzlehre. 1922. Основной вопрос. Почему и каким образом организмы развились в то, что они теперь из себя представляют? Этот вопрос не подлежит исследованию. Уравнение с 3 неизвестными: $A = x + y + z$. Происхождение дикого голубя: 1) предок неизвестен, 2) условия среды неизвестны, 3) эволюционные принципы неизвестны (селекция, мутация и т. п.).

Признак незрелости науки надо видеть в том, что она стремится искать ответы на вопросы или даже давать ответы прежде, чем сама постановка вопроса будет ближе исследована. И неправильно мнение, будто в науке дело обстоит наиболее хорошо, когда она может ответить на многие вопросы. При современном состоянии науки наиболее почтенная задача — путём тщательного исследования выяснить ложность постановки вопроса, чем трудиться (plagen) ответить на него.

[…][11]

Чулок на основании слов [Carl Albert Eduard] Detto различает Oekogenese и Oekologismus. *Oekogenese* — это то, что возникает как действительно новая реакция в организме под влиянием воздействия новых условий. Это как бы новая находка организма. *Oekologismus* — это то, что в организме уже издавна была заложена способность воспроизвести известную реакцию. В животном как бы были два готовых аппарата, из которых один становился деятельным при одних условиях, другой при других. По отношению к факторам во втором случае дело обстоит совсем иначе, чем в первом.

Danford C.H. Evidence that germ cells are subject to selection on the basis of their genetic. potentialities. Индивидуальные отличия взрослых животных обязаны своим происхождением отличиям половых клеток, из коих животные происходят. Особенности взрослого суть указания на особенности зародышевой плазмы.

Е.С. Смирнов. О некоторых закономерностях в строении систематических категорий. Систематика — наука, изучающая строение естественных систематических категорий и закономерности в распределении признаков… Я доказываю невозможность генеалогической системы и прихожу к выводу о полифилии существующих систематических категорий. Для построения естественной системы необходимо указать сходство по возможности большого количества признаков. В результате такого учёта обнаруживается конгрегационное строение системы. Под конгрегацией я разумею скопление сходных форм, образующих более или менее ясно ограниченную систематическую группу. Из такого рода конгрегаций состоит вся система. Её нижним пределом элементарной систематической категории является «раса» в смысле Гейнке, которая далее распадается уже только на индивиды. Сама раса представляет собою скопление сходных индивидов. Расы группируются в конгрегации II порядка, напр., в подвиды или же непосредственно в виды. Конгрегации видов образуют роды, скопления родов — подсемейства или непосредственно семейства и т. д. В общем, система представляется мне как иерархия конгрегаций.

***

С обработкой материала связан вопрос о таксономических единицах. Этот вопрос весьма сложен и теоретически, и практически. Практически важно при самом определении экземпляра решить, до какой подробности мы будем вести определение.

Несмотря на всю важность системы, до сих пор есть работы, особенно в Америке, которые не идут далее линнеевской бинарной номенклатуры, не идут далее линнеонов, как теперь говорят, т. е. крупных видов, которые при достатке материала и при [неразб.] можно разбить на значительное количество жорданонов, т.е. мелких видов. Само название «жорданон» введено в 1916 г. Лотси [Johannes Paulus Lotsy, голландский ботаник] ввиду того, что в пятидесятые годы XIX века французский ботаник Алексис Жордан [Claude Thomas Alexis Jordan] разбил линнеевский вид *Draba verna* [крупка весенняя] на 200 мелких или, как их называют, элементарных видов. Н.И. Вавилов в 1920 г. утверждал, что в линнеевском виде *Triticum vulgare* [пшеница твёрдая] заключено не менее 3000 жорданонов. Очевидно, что здесь под именем «жорданон» разумеется то, что в сельском хоз[яйстве] называется сортом. Обращаясь к зоологии, мы должны отметить, что термин «жорданон», изобретённый ботаниками,

---

[10] **Ред.** Пропущенный фрагмент текста — беглый и с трудом читаемый перечень некоторых персон и результатов их исследований.

[11] **Ред.** В пропущенном фрагменте текста — цитаты по-немецки из работы Чулока.

мало привился в зоологии, т. к. у нас немало своих терминов. Но суть пока не в конкретном понятии.

И вот несмотря на существующее теперь страшное дробление вида на мелкие систематические категории, мы видим, что появляются монографии, вроде монографии Ратбурга о грапсовидных крабах С. Америки, где господствует старая двойная линн[еевская] номенклатура и где, несмотря на то, что один вид, наз[ываемый] *Pachygrapsus transversus*, найден и у берегов Флориды, и в Калифорнии, и в Перу, и в Бразилии, и на Бермудских островах, никаких подвидов или рас не описывается.

[…][12]

Заварзин А.А. Основная задача морфологии — объяснение органических форм. Вопрос о форме прежде всего требует объяснения многообразия. При совпадении строения аналогичных органов выявляется какой-то принцип, заложенный вообще в конструкции органических форм. Функционально аналогичные органы имеют более или менее одинаковое гистологическое устройство. Общность структуры аналогичных органов есть изначальное свойство, которое развивается у всех форм параллельно и независимо от генетического отношения.

[…] Ограниченность потенции изменения отдельных животных групп [неразб.] и параллелизм изменений, происходящих в разных родах одной и той же группы, уже наблюдались среди животных (Pantopoda) и среди растений ([неразб.])[13].

[12] **Ред.** В пропущенном фрагменте текста — большие выдержки из работ Max Kassonriz «Die Vererbungssubstanz», Johs Schmidt «*Zoarces viviparus* L. and local races» и нескольких других авторов.

[13] **Ред.** Текст доклада здесь обрывается; что-либо, относящееся к зоогеографии, мы не обнаружили.

П-13. ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ[1]

Положение естествознания в русской школе было постоянно весьма шатким и неопределённым. Одной из причин несомненно было то обстоятельство, что педагоги разных времён и школ, т. е. направлений, *разно* смотрели на образовательное значение этого предмета.

Образовательное значение всякого учебного предмета можно оценивать, как известно, из 2 точек зрения: 1. с точки зрения ценности сообщаемых фактических сведений, с точки зрения важности усвояемого материала; 2. с точки зрения развития тех или иных способностей или иных сторон нашего ума.

При [неразб.] образовательного значения естествознания весьма многие педагоги первой материальной стороне дела придавали второстепенное значение, перенося весь центр тяжести на формальное развитие.

Я лично не согласен с такой точкой зрения, не согласен с тем, что сумма сообщаемых при школьном изучении естествоз[нания] сведений сама по себе имеет маловажное значение. Наоборот, я думаю, что этот запас чисто фактического материала, приобретаемого учащимися в школе, имеет громадное образовательное и громадное практическое житейское значение, а потому далеко не безразлично, какой материал мы преподносим школьнику. Если мы будем переносить центр тяжести на формальное развитие ума, то пожалуй будет довольно безразлично, будем мы развивать те или иные способности на одном или на другом материале. Слон и [неразб.] потом будут предметом нашего рассказа или корова и лошадь. Не всё ли равно, если угл[ублять] развитие способностей. Но с этой точки зрения не всё ли равно, естествознание или древние языки, есте[ствознание] или мат[ематика]? И именно этот перенос центра тяжести с самой сущности предмета, с его содержания, на результат, который достигается упражнением ума, и был одной из причин, что естество[знание] выбрасывалось из школьного обучения.

Я лично считаю, что изучаемый в школе материал сам по себе, по своей внутренней сущности имеет громадное образовательное значение. Ученик, знакомясь с фактическим материалом, обогащает своё конкретное представление о природе, его окружающей, и о значении этой природы для человека. Увидеть невиданного доселе зверя или птицу или растение — уже само по себе является ценным приобретением ума, запас знания обогатился.

Вот тут-то и важно — каков тот материал, с которым мы знакомим учащегося?

Я вполне примыкаю ко взгляду тех, кто считает важным знакомство с ближайшей окружающей природой, с ближайшими явлениями. Мы должны знать окружающее и понимать его. Результаты научного изучения природы, окружающей нас со всех сторон своими применениями. Все изобретения и усовершенствования современной материальной культуры основаны на естествознании. Это знание окружающего должно оказать большое влияние на всю нашу жизнь. На всех сторонах нашей деятельности должно благотворно отразиться наше знакомство с окруж[ающей] природой и [неразб.].

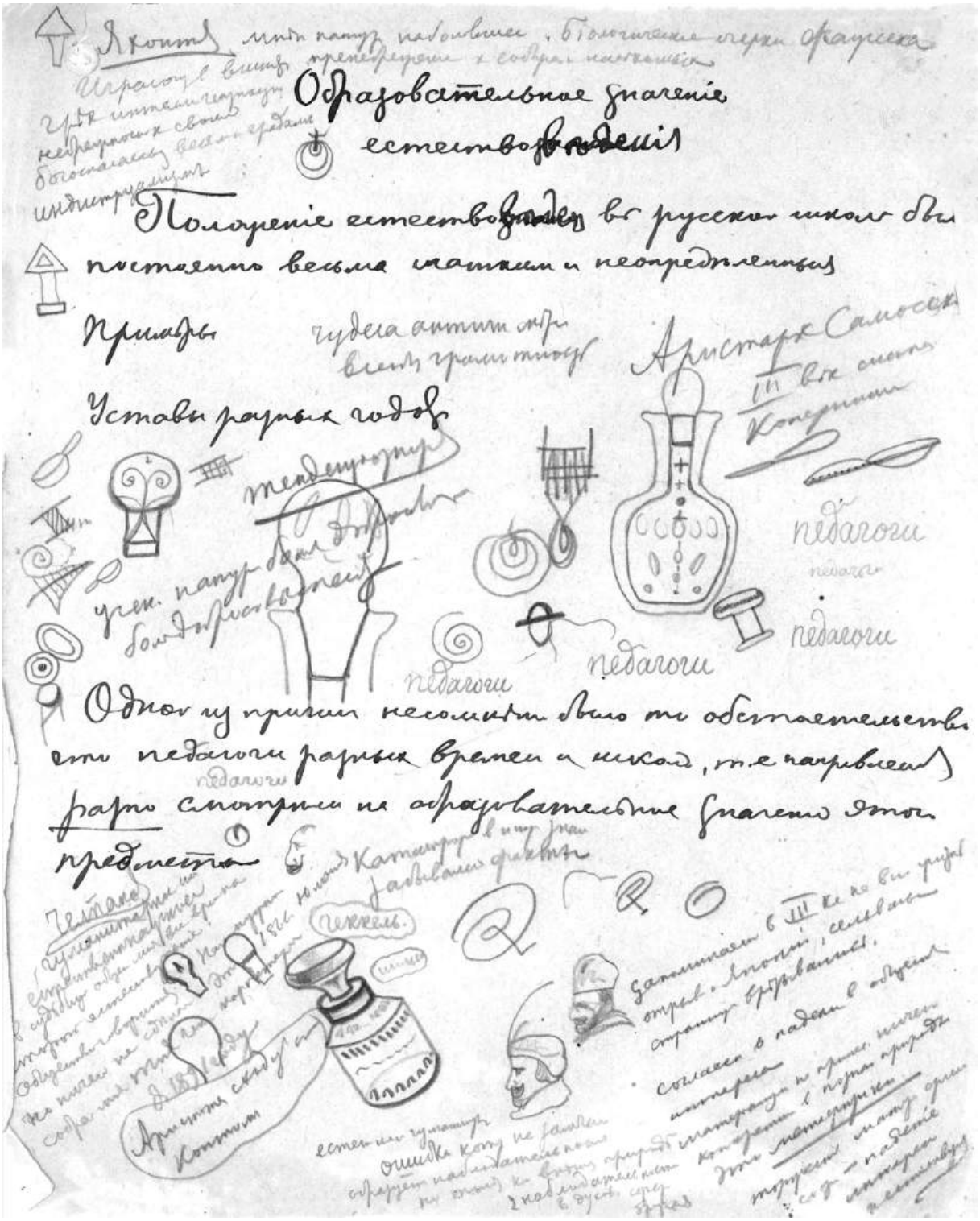
Нельзя, чтобы образов[анный] человек не имел понятия о сущности электричества, пользуясь телеграфом, телефоном, [неразб.]. Точно так же нельзя допустить, чтобы у образ[ованного] человека не былопонятия о химич[еских] элементах и хим[ическом] сродстве, о законе наследственности, о строении своего тела и гигиене и т. п.

Я приведу поразительные примеры полной неосведомлённости о природе, которую лично наблюдал. 1) Змеи позвоночные ли? 2) Огурцы растут или их делают? 3) Посевы [неразб.]? Последний пример весьма интересен, т. к. здесь естественнонаучное невежество имеет своим прямым последствием хозяйственный ущерб. Равным образом полное незнание анатомии и строения имеет своим последствием несоблюдение гигиен[ических] правил, что вредно для здоровья и жизни.

Таким образом выдвигается на сцену утилитарная сторона системы знания. И действительно. Уже самый факт знакомства с естств[енно]-истор[ическим] матер[иалом] даже без специального освещения его с теор[етической] точки зрения

---

[1] **Ред.** Публичная лекция, прочитанная предположительно в 1917 г. (так указано на папке в АрхМГУ; место не установлено). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 98.

Образовательное значение естествознания
Положение естествознания в русской школе было постоянно весьма шатким и неопределенным
Примеры
Уставы разных годов
педагоги
педагоги
педагоги
педагоги
Однако ни принять несомненно было то обстоятельство что педагоги разных времен и школ, не нарушая разно смотрели на образовательное значение этого предмета
Аристарх Самосский
Катодные лучи
Ломоносов
Менделеев

имеет прямое значение *пользы* для повсе[дневной] жизни. И важность этой утилитарной стороны нельзя отрицать. Мы живём в конкретных условиях тяжёлой борьбы за существование. Особенно остра эта борьба теперь во время великой эконо[мической] разрухи. И всякое утилитарное знание полезно для этой борьбы.

Я вполне сочувствую американцам, которые изучение отдельных элементов природы в школе строят на утилитарной базе, т. е. они привлекают к разработке материал, который имеет и практическое, и теоретическое значение. Утилитарный оттенок естествознания нисколько не мешает научной углублённости предмета и его педагогической ценности. Наоборот, очень часто материал, взятый из области прикладного естествозн[ания], отличается особою ценностью в педагогическом отношении, способен особенно заинтересовать учащегося и является особенно доступным пониманию.

Возьмём основные вопросы биологии — изменчивость, наследственность, отбор, влияние среды. Где, как не в области домашних животных и возделываемых растений найдём мы более богатый материал для освещения этих основных вопросов? Припомним, что ведь и Дарвин написал общее исследование именно на эту тему и имел дело с культурными формами.

Понятие об изменчивости в пределах вида, об изменчивости индивидуальной, расовой весьма трудно иллюстрируются на диком материале. Для этого надо собрать обширную специальную коллекцию. Между тем столь обычное явление как разномастные щенята или котята одного помёта служит уже достаточно ярким примером индивид[уальной] изменч[ивости], а разнопор[одность] собак есть лучшее доказательство того, в какие различные формы можно вылить вид. Учение о породах чрезвычайно богато образовательным материалом. Мы тут сталкиваемся на практике с основным вопросом биологии о мелких таксономических единицах и можем выяснить это на конкретных примерах.

Вопросы о наследственности и отборе могут быть с удобством более или менее наглядно изложены на материале по домашним животным и растениям.

Вопрос о непосредственном влиянии среды очень удобно иллюстрировать на примере из растительного мира и [неразб.] культурных растений дают особенно много удобного для такой иллюстрации.

Но ведь это всё вопросы общей биологии, скажете вы. Где же тут прикладные элементы, где утилитарное направление? Я считаю, что теоретическое освещение вопросов должно сливаться в одно неразрывное целое с освещением этих вопросов с практической стороны. Взаимоотношения домашних животных и человека не должны уходить из нашего поля зрения. Прежде всего мы вспоминаем об этих взаимоотношениях с исторической точки зрения. История одомашнивания животных и растений предст[авляет] собой глубокий интерес и поучительный материал, связывающий в одно целое данные биологии и данные истории.

Вопрос об использовании человеком растений и животных самым тесным образом связан с [неразб.] чисто научных вопросов и потому общеобразовательное значение прикладного знания чрезвычайно велико. В прикладном знании надо отличать чисто технич[ескую] сторону, которая не есть истинное достояние общеобраз[овательной] школы, а лишь её добавочный придаток, и сторону теоретическую, которая вполне может быть в доступной форме интересным предметом преподавания.

Позволю себе привести пример того, как чисто прикладные вопросы дают общепредм[етный] материал. Породы рогатого скота отличаются разными физич[ескими] качествами и сообразно с этим различно используются. Рабочий скот и мясной скот — животные разных типов. У них отличия и в скелете, и в мускулатуре, в свойствах мяса. Отличия эти чисто биологического характера, но они им[еют] глубокое практическое значение. Наука и практика животноводства работает над этими биологическими качествами и дост[игают] того, что возводит их в превосходную степень. Тут видна власть человека над природой — факт, имеющий глубокое образовательное значение. Человек путём отбора меняет форму и качество животных. Он добился того, что специально мясной скот шортгорн получил совершенно необычное количество мяса на сравнительно слабом скелете, добился того, что мясо это стало пропитано жиром не так, как у других пород, не путём отложения жира сплошным подкожным слоем, а путём его отложения между волокнами мелкими прослойками, так что всё мясо сплошь пропитано жиром. И вот эта односторонняя специализация, достигнутая умышлением человека, повела к дегенерации. Самый типичный мясной скот шортгорны — типичные дегенераты. У них непропорционально мало развит скелет, у них падает плодовитость,

повл[яются] частые выкидыши и т. п. Весьма интересный общебиологический факт, появившийся на фоне прикладного знания.

Выработка определ[ённых] типов охотничьих собак, лошадей и иных домашних жи[вотных] даёт тоже богатый материал для показа *связи науки с жизнью*. Эта связь должна красной нитью проходить через всё учебное естествоведение.

Есть объекты в области прикладного знания, которые имеют *особо высокий* общеобразовательный интерес. К числу таких принадлежит *пчела*. Трудно найти животное с более богатым общебиологи[ческим] содержанием: партеногенез, способы по желанию из одного и того же яйца или личинки воспитать матку или рабочую, удивительная разница [неразб.], целый ряд интересных случаев инстинкта — всё это делает пчелу классическим общебиологическим объектом. А в то же время это объект из области прикладного знания, и редко где можно с такою наглядностью показать, что полное знание биологии животного даёт нам возможность управлять по своему усмотрению его жизнью и деятельностью.

***

Развитие наблюдательности.

Проходим мимо явлений, фактически не замечая. Природная набл[юдательность] бывает не у всякого. Чтобы развить наблюдательность, важнее всего работать на окружающей природе. [неразб.]

[…]

Изучение естествоведения не только научает нас быть наблюдательными, но научает быть объективными и добросовестными. Иногда очень эффектный вывод связан с какой-либо натяжкой, с какой-либо подтасовкой. Естествоиспы[татель] не должен этого допускать. Верность наблюдения, точность его, наибольшее приближение к совершенному познанию наблюдае[мого] — вот его идея. Выводы будут в зависимости от факта, а не факты будут приурочены к выводам. Вот эта выработка привычки точно и верно наблюдать составляет сущес[твенную] особен[ность] естественноистори[ческой] научной работы, но это же должно быть свойством и школьника при занятии естествоз[нанием].

Осторожность в выводах, отсутствие поспешности в освоении фактов.

Умение строго формулировать понятия.

Свойство естественных наук — совершенная *точность* заключения. Отсюда чувство *ответственности* за точность произведённой работы.

Имеет не только образовательное, но и воспитательное значение.

Добросовестность.

Чувство благоговения перед работой учёных и перед их личностью.

Необходимо, чтобы учащиеся знакомились с процессом научного исследования, чтобы они имели понятие о ходе лабораторных работ, о лабораторной обстановке, о больших экспедициях как сухопутных, так и морских. Последние дают особенно богатый образоват[ельный] материал, т. к. обстановка современного изучения морей полна интересных приспособлений и методов, иметь хотя бы общее понятие о которых значит весьма сильно расширить свой умственный кругозор.

Этот учебный материал, лабораторно-экспедиционный, весьма мало был использован школой. Экспедиции больше ввиду их связи с географией; лаборатории меньше. Учащимся важно знать, какие колоссальные трудности преодолевают учёные, какие тонкости работы требуются, чтобы подметить факты, потом [неразб.] общим достоянием. Какая масса терпения и времени требуется, чтобы достигнуть хотя бы малого, но определённого результата.

Весьма полезно в образовательном отношении дать понять ученикам, как много скрывается иногда за короткой фразой элементарного учебника. В этой короткой фразе сформулирован известный окончательный вывод, известный закон, известное свойство организма. Но чтобы эта короткая формула могла быть написана в учебнике, необходимо было, чтобы состоялась работа ряда учёных, чтобы были исписаны целые тома исследований. Многие даже окончившие высшую школу не имеют достаточно понятия о той громадной массе труда, который кроется за короткими выводами учебных и справочных изданий. Это порождает легкомысленное отношение к научному выводу. Часто мы слышим, как человек, не имеющий понятия о науке и её методах, смело и порой даже нахально начинает критиковать её выводы, дискредитируя их в глазах малообразованных слушателей. Обидно думать, как много говорят пустых фраз и как много высказы[вают] никуда негодных мыслей по поводу вопросов, которые имеют вполне определённые достоверные данные. Мне всегда было досадно за ту непроизводительную трату умственной энергии, которая могла бы найти себе более хорошее применение.

Школьное естествознание при правильной постановке должно содействовать тому, что более

значительное количество людей, не являющихся профессиональными учёными, будут *вовлечены в круг* естественноисторических интересов. Нигде, как в России, не существует такой громадной пропасти между маленьким мирком учёных специалистов и народом в широком смысле слова и даже образованным обществом в *старом* смысле этого слова.

Естественноисторические истины весьма редко являлись предметом широкой популяризации. Единственным средством широкой популяризации является периодическая печать. Я считаю, что никакие книги и брошюры не могут так содействовать внедрению в массы данных науки, как журналы и газеты. И вот, если мы вспомним последнее 12-летие существования русской прессы с 1905 по 1917 год, то мы увидим весьма печальное для натуралиста явление — исчезновение со страниц газет научной хроники и статей научно-популярного характера. Это исчезновение совпало с Японской войной и первой революцией. Раньше в «Русских Ведомостях» был отдел «Новости науки», была хроника заседаний учёных обществ, отдел о съездах и международных конференциях, подборки специальных докладов. Потом исчезли.

В толстых журналах всегда естест[вознание] занимало весьма мало места. Потом стало занимать ещё меньше. Правда, явился специальный журнал «Природа», посвящённый естествознанию, но истинная популяриз[ация] естес[твенно]-науч[ных] знаний должна идти именно через общую, а не специальную прессу, т. к. не интересу[ющийся] есте[ствознанием] никогда не возьмёт в руки специального журнала, а читая газету или общий журнал, он попутно заглянет в естественные статьи и они может заинтересуют его своим содержанием.

Но, конечно, недостаточно, чтобы широкое соприкосновение с естест[вознанием] ограничивалось бы только заглядыв[анием] в газетные и жур[нальные] статьи. Надо добиваться, чтобы научные интересы глубже захватили большой круг лиц, вошли в *обиход их повседневного мышления*, вошли в обиход их неслужебных и не дающих заработка занятий.

Здесь мы невольно попадаем в область экономических условий существования, которые так радикально изменились под влиянием революции. Прежде у очень многих людей было свободное неслужебное время и были свободные средства, [неразб.] хотя бы и маленькие. Так люди могли свободно предаваться любимым занятиям и интерес[оваться] наукой с точки зрения спорта в высшем смысле этого слова. Я ставлю понятие о спорте очень высоко и широко и занятию спортом придаю весьма почтенное значение. И с этой точки зрения истинный учёный тоже sportsman высшего порядка. За границей любительское спортивное занятие наукой было развито значительно сильнее, чем у нас. Мы имели бесчисленных любителей коллекционирования, которые начинали с самого низкого сознания любителя — покупки экзотических жуков и бабочек и переходили потом к более высокому сорту занятий — самост[оятельному] коллектированию, самостоят[ельному] изучению. Мы имели там мир аквариумистов, содержащих птиц в клетках, любителей цветов и т. д. Это любительство чисто спортивное переходит легко в исследователь[ство] и мы видим бесчисленные провин[циальные] общества, кружки, [неразб.] любит[елей] естест[вознания], любит[елей] природы, родинов[неразб.] Heinratkunde и т. д. Силами этих любителей создавались и пополнялись мат[ериалами] музеи, их потомками являются спец[иальные] музеи родиноведения. У нас такие явления, конечно, тоже были, но в очень малой степени. И в этом в сильной степени была виновна наша школа, которая десятилетиями не давала своим ученикам *никакого* естеств[енно]-истор[ического] образования.

Развитие самодеятельности.

Занятие естеств[ознанием] обязательно требует личной работы, работы технической и работы мыслителя. Ни к какому другому предмету не подходит так близко и непосредственно *трудовой* принцип, который кладётся теперь в основу единой школы. Когда некоторые преподаватели недоумевали, как правильно провести трудовой принцип и не свести его на элементарное и сравнительно низкое по своему *педагоги*[*ческому*] значению самообслуживание, то они упускали из виду именно преподавание естеств[ознания] по трудовому принципу.

Кто не хочет или не умеет сделать многого своими руками и самостоятельно поразмыслить над планом дел и над их ходом и над их результатом, тот не может быть натуралистом даже со школьной точки зрения. А произвести самостоятельно [неразб.] и значит осуществить трудовой принцип.

Расширение круга духовных потребностей.

Введение в круговорот умств[енной] деят-[ельности] новых понятий и притом в большом числе из багажа знания, и притом понятий важных, существенных, сильно расширяет умственный

кругозор и даёт толчок к дальнейшему развитию. Когда мы раскрываем глаза ученика на природу, мы именно расширяем его духовные потребн[ости]. В нём пробуждается жажда знаний, жажда самостоятельной работы, где пассивность становится активностью.

***

Есть одна опасность в развитии естественнонаучного мышления.

Оно может при известных условиях повредить миросозерцанию человека в сторону уединения от людей, в сторону созерцания, [неразб.] жизни. Природа даёт так много тому, кто умеет читать написанные ею самой страницы Книги жизни, что этот человек невольно начинает меньше переживать и волноваться человеческими отношениями, вопросами общественной и личной жизни окружающих людей.

Подобно пушкинскому поэту бежит он «на берега пустынных волн, в широкошумные дубравы», но не «дикий и суровый», как пушкинский поэт[2], а тихий и сосредоточенный. И в созерцании явлений природы находит он полное удовлетворение своих душевных стремлений.

Вот это равнодушие к людям, которое может развиться у натуралиста, может быть сочтено вредным противу общест[венных] явлений. Что сказать по поводу этого? Я полагаю, для истинного учёного это стремление от житейской суеты может быть сочтено не только не вредным, но даже полезным свойством. Если учёный исследователь стоит вне политической жизни страны, особенно такой волнующей бурной политической жизни, как теперешняя, это только благо для науки. А наука так нуждается в работниках, что мы не должны жалеть, если она изъяла избранные единицы челов[е[ческих] существ из общего водоворота жизни и уединила их в тихой пристани научной работы.

Ну а что же сказать по поводу того, что число таких отрешённых от мирской суеты, от политической борьбы, от участия в общественной деятельности ради научных занятий будет всё расти? Есть ли в этом опасность?

Пока о какой-либо опасности речи быть не может. Текущая жизнь и даже не теперешняя, а прежняя, более спокойная, влекла привычной широкой дорогой забот, хлопот, житейской суеты, политической и общественной жизни, интересов наживы и т. п. слишком многих для того, чтобы сокрушаться об увеличении числа научных [неразб.], хотя бы и любителей, а не истинных учёных. Я думаю даже, что увеличение числа людей, ведущих более сосредоточенную, более замкнутую в сферу науки [неразб.] жизнь, будет только полезно. Их жизнь будет как бы каплями елея на поверхности взбаламученного моря.

Напомню ещё, что при прежнем строе жизни было немало людей, которые, имея много досуга, тратили его исключительно на карты, развлечения, пустую болтовню, [неразб.] благородные интересы и наука могли бы заполнить такое времяпрепровождение.

Но что же сказать по поводу затронутых вопросов при новых условиях социального строя? Теперь, когда необходимость заставляет всех служить и когда не-спекулянты не могут иметь сбережений, обеспечивать покойную жизнь без нужды, *любительское занятие наукой почти неосуществимо*. Всё становится платным, профессиональным, оплачиваются совещания даже научного характера, чего прежде никогда не было. Этим убивается любительский спорт в занятиях наукой и в этом я вижу большой минус, ибо работа, делае[мая] из любви и искусства [неразб.], чаще бывает лучше, чем раб[ота] платная.

[…] [3]

[2] **Ред.** Приведены строчки из стихотворений А.С. Пушкина «Медный всадник» и «Поэт».

[3] **Ред.** Далее идут несколько строк, написанных почти нечитаемой скорописью.

П-14. О ЕСТЕСТВОЗНАНИИ[1]

Милостивые Государи и Милостивые Государыни!

Девятнадцатый век был назван веком естествознания и это название вполне оправдано.

Действительно, в этом веке точное знание, изучение природы сделало такие успехи, перед которыми кажутся совершенно ничтожными все результаты науки о природе за прежние века.

Люди поздно взялись за изучение природы. Целые народы, целые культуры успели расцвесть и отцвесть, почти не затронув этой области. Таковы культуры древнего Востока, древней Греции и Рима. Из всех отраслей естествознания, биологические науки развились позже всех. Физика и химия уже сделали крупные успехи, когда биология была ещё в зачатке. Микроскопическая техника выросла на глазах ныне живущего поколения, с её успехами связано решение некоторых основных вопросов биологии, которые раньше были только предметом туманных гипотез безо всякой реальной подкладки.

В настоящее время мы несомненно можем сказать, что естествознание сделало крупные завоевания. Спорить против такого положения никто не станет. Но если мы спросим себя, много ли из этих завоеваний вошло в жизнь, то блестящие результаты окажутся лишь в области физики и химии, а биологические науки в значительной степени остаются науками кабинетными, мало влияющими на ход повседневной жизни, особенно в таких отсталых в культурном отношении странах, как наша Россия. Мы ещё не привыкли к тому, чтобы биологические науки широко и всесторонне влияли на нашу жизнь. Даже в таких областях, которые прямо и непосредственно зовут к этому, в областях прикладного знания, мы ещё не привыкли пользоваться успехами биологии.

Всякий пользуется успехами физики, разъезжая по железным дорогам и на пароходах, каждый пользуется успехами химии, покупая крашенные анилиновыми красками ситцы, даже самые малокультурные люди, как простой русский народ, пользуются этими практическими применениями физико-химической науки и те же люди, земледельцы по профессии, совершенно не знакомы с успехами физиологии растений, с учением об удобрении и многими другими данными биологической науки, которые им необходимы для повседневной жизни. Сельское хозяйство есть ни что иное, как практическое применение биологических наук, но насколько даже такое основное бесспорное положение чуждо умам большинства!...

Вопрос этот не имеет прямого отношения к моей теме, но я всё-таки остановлюсь на нём в нескольких словах, чтобы яснее доказать то положение, что несмотря на кажущиеся блестящие успехи, естествознание во многих отношениях ещё стоит в стороне от жизни. Не только частные лица, но даже государство как целое, не обращает у нас в России должного внимания на применение биологических знаний к житейской практике в области так называемого «прикладного естествознания».

Наши рыбные и звериные промыслы остаются в первобытном состоянии, искусственное разведение рыбы не получает хозяйственного значения, борьба с вредителями сельского хозяйства носит характер мелких опытов, не являясь важным государственным делом, и миллионы народных денег уходят ежегодно в желудки различных гусениц. У нас в России не только не вошло в житейскую практику пользование успехами прикладной биологии, но не вошло до сих пор в сознание народа убеждение в необходимости биологии для жизни. А есть страны — соседняя с нами Германия и далёкая Америка, где никого не надо убеждать в необходимости прикладного естествознания и где в *значительной мере именно поэтому* люди живут в довольстве вместо нищеты.

Если в некоторых странах стоит так печально дело прикладного естествознания, иначе говоря, дело применения биологических наук как сельскохозяйственной практики, то чего же ждать от применения данных биологии к вопросам *личной* и *обще-*

---

[1] **Ред.** Публичная лекция, датируется предположительно второй половиной 1900-х гг. (место не указано). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 84.

Милостивая Государыня и
Милостивые Государи!

Девятнадцатый век был назван веком естествознания и это название вполне справедливо.

Действительно, в этом веке точные знания, изучение природы, сделали такие успехи, перед которыми каждую совершенно ничтожными все результаты науки о природе за прежние века.

Люди поздно взялись за изучение природы. Целые народы, целые культуры успели разрушить и отжить почти не затронув этой области. Таковы культуры древнего Востока, древней Греции и Рима.

Из всех отраслей естествознания биологические науки развились позже всех. Физика и химия уже сделали крупные успехи, когда биологию была еще в зачатке. Микроскопическая техника вырвала из недр невидимого поколения, а за ее успехами сделано открытие некоторых основных вопросов биологии, которые раньше были только предметом туманных гипотез без всякой реальной подкладки.

В настоящее время мы положительно можем сказать, что естествознание сделало крупный

ственной жизни, т. е. к той области, где особенно сильно сказывается влияние рутины и традиций, к той области, где приходится иметь дело с толпой, всегда далёкой от науки, всегда инертной ко *всему* новому и смелому. В области личной и общественной жизни человека не только нет практического применения многих данных научной биологии, но и самая попытка к такому применению считается многими, пожалуй большинством, вторжением в чужую область.

Биология — наука о жизни; человек не более как одно из звеньев в сплошной цепи живых существ; но когда биолог говорит о биологии и биологических законах, то ему приходится реже всего говорить о человеке и человеческой жизни и он даже рискует услышать протесты, если говорит. Настолько въелось в сознание инертного большинства представление о человеке как о чём-то стоящем вне ряда остальных живых существ.

Можно было бы написать целое исследование о том, как естественноисторические идеи постепенно входили в миросозерцание человечества, боролись с идеями религиозными, идеями метафизическими, но я вовсе не намерен касаться истории этого вопроса. Скажу только, что так как научная биология очень молода — ей всего пятьдесят лет, то прежние страницы этой истории очень мало интересны. Несомненно, что естествознание выступило с широкими правами на перемену в миросозерцании человечества только в виде эволюционной теории.

Хотя не Дарвин, а Ламарк должен быть признан первым провозвестником эволюционного учения, но только в дарвинизме это учение облеклось в такую форму, что сделало переворот в естествознании, а затем и в других науках. Геккель был первым натуралистом, который решил объявить, что новое биологическое учение должно лечь в основу *нового миросозерцания*, не скрываясь в тиши кабинетов, объявил, что это новое биологическое учение должно лечь в основу *нового миросозерцания*, не скрываясь в тиши кабинетов, что это учение несогласимо с религиозным миросозерцанием и выступил явным противником этого последнего.

Интересно отметить, что после выступления Геккеля в 60-х годах прошлого столетия с проповедью материалистического естественноисторического миросозерацания наблюдалось постоянно и наблюдается до сих пор и среди философов, и среди натуралистов стремление примирить непримиримое, согласовать несогласимое, согласовать науку с религией, объявляя, что это две совершенно чуждые друг другу области, которые могут существовать совместно, параллельно друг другу и не сталкиваться между собою, как не сталкиваются 2 параллельные линии Эвклидовой геометрии.

В действительности можно сколько угодно заниматься наукой, в том числе и биологией, не затрагивая области философии и религии, но это только в том случае, если изучение биологических наук не затрагивает миросозерцание человека; но если научные данные настолько глубоко захватили человека, что повлияли на всё его миросозерцание, то конечно старое миросозерцание, покоящееся на религиозных началах, не может в нём ужиться с новым, покоящимся на началах биологических.

Если биологические начала настолько глубоко усвоены человеком, что повлияли на всё его миросозерцание, то это, конечно, должно отразиться и на всей жизни человека, и на всех его личных и общественных отношениях. Всякое учение сильно и жизненно только тогда, когда оно из области теоретических размышлений переходит в область житейской практики и даже про религию сказано вполне справедливо: “Вера без дел мертва есть”»[2].

Вот и интересно задать себе вопрос. При всех колоссальных успехах естествознания, при том большом влиянии, которое оно оказало на ход развития других наук, достаточно ли сильно [оно] повлияло на перемену в миросозерцании людей, достаточно ли сильно для того, чтобы стать не только основой теоретической, отвлечённой философии, но и основой практической морали, основой законов общежития, регулятором сложных людских взаимоотношений. Я сейчас же отвечу на этот вопрос отрицательно. Несомненно, что успехи биологии до сих пор очень мало повлияли на ход человеческой жизни. Проповедь Геккеля носила отвлечённый, теоретический характер и не думаю, чтобы его монистическая философия оказала большое практическое влияние на людскую жизнь.

Влияние эволюционной теории на развитие всех наук считается весьма значительным, и это можно признать верным. Действительно, нет такой области знания, которой бы не коснулось это влияние. Один из больших поклонников Геккеля проф. Додель говорит в своей брошюре «Геккель как воспитатель» [Arnold Dodel и его труд «Haeckel als Erzieher»] так: «В течение короткого десятилетия широкий поток эволюционного учения, расчленя-

[2] **Ред.** Изречение из Послания апостола Иакова (*Иак. 2*: 26).

ясь на сотни рукавов, проник во все области естествознания и даже в науки, которые, казалось бы, принадлежат к противоположным областям знания; проник не только в зоологию и ботанику, в физиологию и сравнительную анатомию, эмбриологию и патологию, но и в этнологию, антропологию, археологию, палеонтологию, геологию, и в историю Земли, и в историю человечества, во все науки исторического характера, каковы бы они ни были. В течение немногих десятилетий, — говорит Додель, — произошла полная перемена главнейших точек зрения почти всех научных работников. Дошло даже до того, что теология, которая в начале борьбы, полная предубеждений, была в авангарде, постепенно была вынуждена [пойти] на уступки и теперь даже делает вид, что с некоторыми второстепенными ограничениями признаёт истину эволюционного учения, признаёт его победительницей». Так говорит профессор Додель. Я думаю, что он несколько увлёкся, преувеличив успехи биологического влияния на все отрасли знания.

Интересно привести мнение другого автора, Шальмайера [Wilhelm Schallmayer], тоже большого приверженца эволюционного учения, который говорил в 1903 году следующее на страницах Archiv für Rassen- and Gesselschafts-biologie (Bd. I, p. 186).

> Можно с радостью отметить, что имеется некоторое количество юристов, политико-экономов и историков, которые усердно работают в том направлении, чтобы установить (тесную) связь между своими специальностями и естествознанием, но одновременно с этим раздаются там и тут *протесты* против вторжения естествознания, особенно биологии, в область так называемых гуманитарных наук.

Указавши, что в идеале все науки родственны между собой и должны находиться во взаимной связи, Шальмайер отмечает, что в несогласии с этим идеалом является и чрезмерная специализация в отдельных отраслях знания, и нападки некоторых специалистов на тех, которые пытаются установить связь между различными отраслями знания.

Нападки эти происходят не на научной почве, а на почве гордости и самолюбия. Освещение какой-либо науки с новой точки зрения, с точки зрения другой науки вызывает невольное опасение, что новая точка зрения вытеснит старую. Является желание во что бы то ни стало сохранить свои шаблоны, является нежелание потревожить себя путём воздействия новых идей в спокойном обладании своими воззрениями» (I, p. 588). Шальмайер жалуется на то, что до сих пор есть учёные, которые не допускают вторжения биологии в область общественных наук и истории. Он приводит мнение Франца Оппенгеймера [Franz Oppenheimer], который в 1908 г. писал, что все вопросы общественной гигиены, все задачи отбора имеют в настоящее время только теоретический (академический) интерес сравнительно с громадной жизненной важностью социально-экономических задач, и выражает желание, чтобы разумный расовый отбор был бы лишь вопросом позднейшей очереди и выступил на сцену лишь после решения социальных вопросов.

Среди политико-экономов, особенно тех, которые имеют социалистическую окраску, немало таких, которые настолько поглощены политико-экономическими задачами, что утратили не только всякий интерес к другим задачам науки, но даже и понимание этих задач. Они не только не понимают стремлений, к которым сами не имеют интереса, но даже не хотят допустить, чтобы другие интересовались этими, т. е. биологическими вопросами. Шальмайер утверждает, что между немецкими педагогами, юристами, политико-экономистами и историками только *малое меньшинство* допустило естественные науки воздействовать на своё миросозерцание; большинство специалистов в названных областях или вовсе не были затронуты влиянием естествознания, или были затронуты только поверхностно. Как видите, это мнение совершенно не сходится с ранее проведённым мнением, представителем которого является Додель и которое провозглашает победу естественноисторического миросозерцания как свершившийся факт.

Таким образом, мы имеем 2 противоречивых мнения, которые, конечно, принадлежат не одним здесь названным авторам, а имеют многочисленных представителей в европейской науке. Чем же объяснить такое разногласие в оценке влияния естествознания на современную культуру? Я думаю, что это разногласие объясняется тем, что в сущности идёт речь о разных вопросах. Те, которые провозглашают победу биологических идей, в частности, победу эволюционного учения, имеют в виду область теоретических научных исследований и конечно преимущественно таких, связь которых с естествознанием неизбежна. Те же, которые плачутся на то, что естествознание находится как бы в загоне, что его идеи не находят для себя достаточно широкого пути, имеют в виду такое влияние биологических идей, которое должно изменить всё миросозерца-

ние людей — и изменить не в смысле кабинетного философствования, а в смысле жизненной практики; они мечтают о могучем влиянии естествознания на все жизненные убеждения всего населения, на нравственность, общественные отношения, домашнее и школьное воспитание, на общественное мнение и законодательство. И конечно, если нарисовать перед собою такой идеал воздействия биологических наук на всё человечество, то до него ещё бесконечно далеко.

***

Шальмайер утверждает, что в Германии чуждое естественноисторических идей миросозерцание является господствующим и официальным. Это есть естественное следствие продолжающегося церковного влияния на школу и воспитание. Влияние это сказывается у людей даже тогда, когда они от него освободятся, сказывается в видоизменённой форме, в форме неспособности к естественноисторическому мышлению.

В Германии в настоящее время довольно определённо намечается известное научное течение, проповедующее самое тесное слияние наук биологических с науками общественными, самое тесное влияние биологических идей на всю человеческую жизнь. Новым в этом течении я считаю то, что оно не ограничивается кабинетными рассуждениями, а требует непосредственного *жизненного* применения биологических идей, требует переработки *практической* нравственности, воспитания, всех сложных общественных отношений сообразно с выводами биологии и в частности эволюционного учения. Направление это ярко выражено в одном периодическом издании, которое основано всего три года тому назад и называется «Archiv für Rassen- and Gesselschafts-biologie». Сторонников нового учения немного и они являются новаторами и пионерами, которым, конечно, придётся ещё очень долго бороться с инерцией общества и государства[3].

Действительно, несмотря на то, что биологические науки сделали громадные успехи, несмотря на то, что добытые ими факты и разработанные ими теории затрагивают самые важные, самые общие вопросы жизни, выводы этих наук мало вошли в общественное сознание, работа биологов мало ассимилировалась даже интеллигентными слоями общества. Скажу даже более: широкие слои общества просто-напросто не интересуются даже успехами биологических наук. Социолог, юрист, артист, художник, политик — считаются близкими к жизни, к их голосам прислушивается даже толпа, а учёные биологи сидят в одиночестве в своих кабинетах, те, кто приходит к ним учиться, считаются «узкими специалистами» и эта этикетка как бы отчуждает их от широкой волны общественной жизни. Правда, для успеха их работы им самим нужна такая отчуждённость, нужна тишина кабинета и лаборатории, но видеть результаты своей работы достоянием не десятка лиц, а достоянием самых широких слоёв общества было бы для учёных величайшим удовлетворением.

***

Чтобы доказать, что гораздо более правы те, которые скорбят о печальном положении биологии, чем те, которые трубят о её победе, я остановлюсь на вопросе воспитания и обучения. Девятнадцатый век был веком естествознания, мы живём в двадцатом и между тем естествознание до сих пор не отвоевало себе право у нас в России войти в план общего образования. Наша средняя школа уделяет естествознанию такое жалкое место, что просто обидно про это говорить. Вместо того, чтобы стать одним из главных предметов обучения и притом преимущественно в зрелом возрасте, естествознание под специальной кличкой природоведение загнано в три младших класса, когда уровень развития учащихся заставляет до крайности суживать и объём, и характер сообщаемых сведений. В старшем возрасте школа на этом малолетнем фундаменте не делает никакой постройки.

В других странах естествознание преподаётся по более обширной программе, чем у нас, но послушайте, какие жалобы на постановку этого преподавания в Германии слышатся из уст биологов. Мюнхенский биолог [P.] Франсе [Raoul Heinrich France] в своей интересной книге «Stand d. darw. Fragen», указавши на главные научные завоевания эволюционной теории, в числе которых он на первое место ставит так называемый основной биогенетический закон Геккеля, закон, по которому животное во время своего зародышевого развития проходит до известной степени ступени своего филогенетического развития, говорит, что установлением этого закона было закреплено всё лучшее, что содержится в дарвинизме и что биология имеет право на то, чтобы человечество выразило ему свою полную благодарность за основную идею, которую биология так горячо и с таким трудом завоевала. Франсе тут же говорит, что наиболее достойный способ выра-

[3] **Ред.** Очевидно, имеется в виду социал-дарвинизм, активно развивавшийся в конце XIX и начале XX вв.

жения благодарности человечества по отношению к биологии мог бы состоять в том, чтобы люди ввели науку о природе в качестве полноправного элемента в круг своего обучения. Крайне интересно и поучительно отметить, что почтенный биолог в работе, посвящённой разбору специальных и спорных вопросов дарвинизма, говорит о постановке школьного образования, вполне справедливо полагая, что и низшая, и средняя, и высшая школа, и специальные научные исследования составляют одну непрерывную лестницу в культурном развитии человечества.

Франсе отмечает с сожалением, насколько далека Германия от того, чтобы дать естествознанию подобающее ему место в системе обучения. Школа, говорит он, отводит учению о живой природе самое захудалое место в учебном плане, не пуская этого предмета в высшие классы. А кроме того по официальным, государством установленным программам преподавания естествознания эволюционное учение не допущено в курс средней школы. Как будто бы специально постарались, говорит Франсе, преподавать из естествознания самое скучное, самое несущественное, сухие описания и систематическую группировку, а запретили говорить о самом духе природы, о тех её выводах, которые в корне меняют наши взгляды на природу и на задачи человека. Мы должны скрывать от детей самое лучшее, что мы знаем. Какое позорное и недостойное культурной нации положение! — восклицает Франсе. Краска стыда и раскаяния должна покрыть наше лицо. Долг каждого немца, говорит он, который серьёзно думает об образовании и духовном прогрессе своего народа, — поддерживать всеми силами возникшее в кругу учителей и родителей движение к реформе преподавания естествознания в школе. Долг каждого, продолжает он, постараться уяснить всё значение эволюционного учения и быть в состоянии дать детям в домашнем воспитании то, чего не даёт им школа.

Итак, немецкий биолог в 1906 г. горько плачется на то, что в Германии, которую мы считаем передовой культурной страной, эволюционное учение находится ещё под запретом! Естествознание находится в загоне! И он глубоко прав, хотя многие из вас, вероятно, слышат это с удивлением. Если вы возьмёте в руки учебник зоологии, по которому немецкие учителя готовятся к своему экзамену на учителя естественной истории, учебник Ландуа [Hermann Landois], то вы будете поражены его архаизмом, будете поражены полным отсутствием не только новых идей, но и новых фактов, и не только самых новых, но и таких, каким уже несколько десятков лет от роду. Можно ли при таких условиях говорить о торжестве биологических идей?

Отчего же происходит такое отношение официальной, государственной педагогики к биологии, в частности к эволюционному учению? Оттого, что со времени появления учения Дарвина старое, поддерживаемое церковью и школой миросозерцание стало настолько противоположно новому, что кажется, будто представители этих двух миросозерцаний живут в совершенно разных мирах. Эти слова сказаны немецким автором (Schellmayer) про немецкую школу и про немецкое общество. У нас, конечно, дело обстоит не лучше.

***

Итак, мы должны прежде всего отметить, что на пути борьбы биологических идей за право господства на человеческими умами первым этапом, который надо завоевать, является *введение биологических наук в большом объёме и в неискажённом виде в курс всенародного обучения*. Это является бесспорно крупным общественным вопросом. Введение биологических идей в курс воспитания и обучения несомненно поведёт *к перемене в миросозерцании широких кругов общества* и эта перемена отразится самым разнообразным образом на жизни всего человечества.

Действительно, в настоящее время общераспространённые взгляды на многие вопросы выработались совершенно независимо от биологических идей и если биологические идеи завоюют себе более почётное положение у людей, взгляд на многие основные вопросы должен измениться.

Вряд ли можно спорить с тем, что основные выводы биологических наук несогласимы с религиозным миросозерцанием. Трудно найти два более противоположных друг другу учения — о сверхъестественном *творении* человека сразу в самом совершенном виде по образу и подобию божию и с последующим *падением* человека с этой высоты и эволюционное учение о постепенном *развитии* человека из ряда низших форм путём постепенного *прогресса*, путём постепенного *поднятия* всё выше и выше, причём окончательная высота, на которую возможно это поднятие, далеко ещё не обозначилась. Я не стану развивать в подробностях всю противоположность и несогласимость этих двух миросозерцаний, а отмечу только, что именно в их несогласимости и непримиримости и надо искать причину той вражды, которую питают официальная школа и официальная церковь к эволюционному

учению. Из приведённых мною ссылок на немецких авторов видно, что даже на Западе эта вражда является своего рода злобой дня.

***

Но не с одними церковными учениями несогласимы основные выводы биологических наук. Они не согласны и с наиболее характерным для нового времени политическим учением — они не согласны с социализмом.

Один из столпов современного социализма Бебель [Ferdinand August Bebel] высказал мнение, что социализм есть учение, основанное на научных началах. Он даже написал в своей книге «Женщина и социализм» такую фразу: «Социализм есть наука, с полным и ясным сознанием приложенная ко всем сторонам человеческой деятельности». В той же книге Бебель объявил, что дарвинизм и социализм сродни друг другу. Это ошибка, которую Бебель допустил по недостаточному знакомству с биологическими науками, которое заметно в его сочинениях. Многими авторами давно доказано, что дарвинизм в своих основах прямо противоречит учению социалистов. Наиболее полная и обстоятельная сводка этих противоречий заключается в книге профессора зоологии Циглера [Hans Ziegler] «Die Naturwissenschaft und die socialdemokratische Theorie», которая появилась достаточно давно. Я приведу только немногие противопоставления из двух учений, которые подобраны Циглером.

Социал-демократическое учение говорит о борьбе за существование следующее: «Борьба за существование может быть прекращена в человечестве. В социалистическом обществе не будет больше конкуренции. С введением социал-демократического строя станут невозможны войны». Таким образом, социалистические доктринёры одним взмахом пера уничтожают (на бумаге, конечно) основной фактор эволюции, по учению Дарвина, тот фактор, который по этому учению есть главное орудие прогресса. Конечно, борьбу за существование по отношению к человеку надо понимать в распространённом значении.

По учению Дарвина, борьба за существование не может быть прекращена в человеческом роде. Эта борьба сказывается и в войнах народов, и в конкуренции в производствах, и в рабочей конкуренции отдельных лиц. Отрицая необходимость борьбы за существование для прогресса и признавая возможность уничтожения её в человеческом обществе, социалисты становятся типичными антидарвинистами.

Интересна также коренная разница [взглядов] социалистов и биологов на *равенство*. По учению социалистов люди были первоначально равны между собой. Теперешние отличия в характере, способностях и знаниях имеют своей причиною различные жизненные условия, различное питание, различное воспитание и развитие. Ввиду этого возможно путём восстановления одинаковых условий существования и одинакового воспитания людей сделать их равными. Такое состояние равенства было бы естественно и к нему надо стремиться. Так учат социалисты. Биологи говорят совершенно иное. Они говорят, что люди неодинаковы (Ziegler, стр. 220) прежде всего вследствие разнообразия наследственных задатков, а отчасти вследствие различий в воспитании, обучении и профессиях. Различия врождённых зачатков так же *стары*, как само человечество, и эти различия *не могут быть* никоим образом устранены. Различия в степени развития зависят от условий разделения труда и их конечно можно было бы уменьшить или даже уничтожить. Но, говорит Циглер, подобно тому, как в животном царстве дифференциация есть высшая ступень в сравнении с однообразием, так и в человеческом роде разнообразие в развитии способностей в разных призваниях должно рассматриваться как прогресс. А при этих условиях невозможно равенство в развитии и оно нежелательно. Циглером были просмотрены несоответствия социалистического учения с дарвинизмом по всем пунктам и сделан конечный вывод, что учение социал-демократов не находит себе опоры в данных биологии и что это учение коренным образом отличается от выводов эволюционного учения и даже иногда прямо им противоречит.

Интересно отметить, что при современном состоянии учения о наследственности неравенство *даже среди потомков одних и тех же родителей* есть неизбежное следствие тех процессов, которые происходят при оплодотворении и причина этого неравенства заключается в гистологических условиях оплодотворения. Если врождённое неравенство неизбежно даже между родными братьями и сёстрами, то конечно не может быть биологического равенства между потомками разных родителей, тем более между представителями разных племён, и это биологическое неравенство по учению эволюционистов есть источник прогресса, т. к. оно даёт материал для отбора.

Представители нового биологического направления в области общественных вопросов, признавая

биологическое неравенство как неопровержимый факт и как один из основных биологических законов, видят *общественную* ***опасность*** *в чрезмерном стремлении ко всеобщему равенству*. Не правда ли, это звучит *странно*? Немало и другого *странного* с общепризнанной точки зрения говорят люди, ставшие на *биологическую* точку зрения. Не будем пугаться этих странностей и немного прислушаемся к ним.

[Одна страница текста отсутствует]

Петцольд указывает, что совершенно несправедливо и неблагоразумно заставлять способных учеников бесполезно тратить время, которое менее способным необходимо для усвоения курса. При этих условиях дети и юноши с выдающимися способностями не получают правильной напряжённой работы и не имеют возможности развить должным образом свои выдающиеся способности. Эти способности глохнут в обычных условиях школы, наполненной посредственностями и слабыми. Выделение способных в особую школу дало бы им повод энергично работать, т. к. к ним предъявили бы более высокие требования и им пришлось бы конкурировать не со слабыми, как теперь, а с сильными.

Могут возразить, что выделение способных не педагогично, т. к. разовьёт в них чрезмерную гордость и самомнение, но на это Петцольд возражает, что и теперь при совместном пребывании сильных со слабыми есть ещё бóльшая вероятность чувствовать своё превосходство. От умелости учителей всецело зависит, чтобы выделение способных не отразилось на их этике, а неумелые учителя достаточно портят […]

[Две страницы текста отсутствуют]

[…] не находят денег на приличное вознаграждение лиц умственного труда, который является высшим проявлением человеческой деятельности.

Тратятся миллионы на больницы, санатории и тюрьмы и не делается ничего серьёзного к тому, чтобы меньше было людей, которые попадали бы в эти учреждения.

Как ничего не делается? — спросите вы. — А заботы о народном образовании и врачебной помощи, заботы об улучшении гигиенических условий народной жизни, об улучшении социальных условий и т. п. — разве всё это не клонится к уменьшению преступности, к улучшению общего благополучия? С общепринятой точки зрения это так. Большинству кажется, что оказывая людям помощь в несчастьи, улучшая условия их жизни, леча их болезни, мы делаем всё, что можно и что нужно. Голодного накормить, больного вылечить, слабому помочь — с общепринятой точки зрения этим всё кончается. На самом же деле тут только поднимается ряд труднейших и сложнейших вопросов.

Биолог говорит: во всей природе идёт процесс отбора. Всё слабое, больное, мало приспособленное погибает, уступая место сильному, здоровому, приспособленному. Этим процессом отбора движется прогресс в природе. Человек — звено в длинной цепи живых существ, его животная природа должна тоже испытывать на себе действие отбора. Мы мешаем этому действию. Мы лечим больных, мы поддерживаем слабых, мы помогаем мало приспособленным, мы нарушаем действие великого закона природы и природа отомстит нам дегенерацией. Мы спасаем то, что неумолимая природа назначила в отбросы и эти отбросы природы дают потомство и ведут нас к регрессу. Так говорят биологи. Что же делать?

Значительное большинство не идёт дальше паллиативов. На этих паллиативах основана вся наша обыденная медицина и гигиена, вся наша благотворительность и все наши общественные реформы. Многие, успокаиваясь на общепринятых паллиативах, не испытывают даже никаких сомнений и опасений. Другие дают широкое место опасениям, но тут же и успокаиваются. Типичным примером такого отношения к делу является один из новейших авторов по этому вопросу, Ruppin, написавший премированное сочинение «Darwinismus und Sozialwissenschaft». Сначала автор доказывает, что естественный отбор имеет малое значение в современном человеческом обществе. Затем задаётся вопросом: да и стóит ли стараться дать отбору большее значение?

Принимая во внимание обилие жертв, которых требует естественный отбор, принимая во внимание небольшой размах, в пределах которого действует приспособляемость организма, автор считает наиболее целесообразным стараться поддерживать искусственно жизнеспособность особей (гигиена, прививки и т. п.). Но он не скрывает от себя возможной биологической опасности, признавая, что со временем систематическое пренебрежение действующими в природе законами отбора может кончиться для человечества катастрофой вымирания. Но эта опасность ещё не близка, утешает он себя и читателя.

Радикальные представители биологического направления в области общественных вопросов ду-

мают иначе. Рюдин [Ernst Rüdin], один из наиболее выдающихся представителей этой школы, пишет, что систематическое врачебное спасание и защита лиц, ослабленных болезнями, алкоголем, дурными социальными условиями и иными неисчислимыми бедами подействует в конце концов разрушительно на жизнь нации и сделает невозможным развитие общественной жизни и культурный прогресс.

[Две страницы текста отсутствуют]

Мы подошли таким образом к половому вопросу, который при современных условиях человеческой жизни и при современном миросозерцании большинства является одним из самых запутанных вопросов. Я не имею времени останавливаться на подробном анализе этого вопроса. Укажу только, что естественный источник его трудности для человека заключается в том, что вследствие высокого развития нервной системы человек превратил первобытный, во всей природе господствующий инстинкт *размножения* в источник своего личного наслаждения вне какой-либо связи с размножением, которое при усложнённых условиях человеческой жизни и искусственно созданных культурою противоестественных условиях борьбы за существование является часто неуместным, нежелательным.

Затем в специальном запутывании полового вопроса на несчастье человечества много постарались церковь и законодательство. Церковь, признавши с одной стороны грехом самый естественный и нормальный физиологический акт и рекомендуя полное половое воздержание как высокий идеал, с другой стороны признала тот же самый факт полового сближения при известных условиях не только священным, но даже таинством. опутало половой вопрос рядом весьма неудачных регламентаций, главный недостаток которых заключается в том, что не была принята во внимание биологическая постановка вопроса. Как на один из многочисленных трагикомических курьёзов законодательства, касающихся браков, укажу например на запрещение браков между свойственниками, в кровном родстве не находящимися, запрещение жениться на сестре жены или 2 братьям на 2 сёстрах[4]. Укажу на стеснительные законы, существовавшие относительно внебрачных детей, на неправильную постановку вопроса о разводе.

[Одна страница текста отсутствует]

Раз проявление этой вариации полового инстинкта совершается без актов насилия и без вовлечения в это дело несовершеннолетних, представители биологической школы считают это не только ненаказуемым, но даже просто безразличным в нравственном отношении поступком. То же относится и к перенесению полового инстинкта на животных. Т. к. потомство при этом получиться не может и животному это вреда не приносит, то это деяние безразличное, а не плохое, за которое в древности побивали камнями, а теперь полагается ссылать на каторгу.

Единственное, что предписывает биологическая школа по отношению к лицам с уклонениями полового инстинкта это запрещение им вступать в брак. И это как раз находится *опять в противоречии с общепринятым взглядом на вещи*, согласно которому часто рекомендуют женить таких субъектов, дабы интересом к женщине отвлечь от дурных инстинктов. Биолог смотрит радикально противоположно. Ему вовсе не особенно важно, что субъект обладает ненормальным инстинктом. Ему важно *не дать укорениться этой аномалии путём передачи по наследству* и единственное, что он запрещает, — производство *потомства* от аномального субъекта. Ненормальная склонность, кроящаяся в зародышевой плазме, вымрет сама собой, а в возможность уничтожить моральным воздействием то, что кроется в зародышевой плазме, биолог не верит.

Вы видите, какая глубокая пропасть лежит здесь, как и во многих других вопросах, между взглядами биолога и взглядами официальными и общепризнанными. Происходит это от того, что биолог и мыслит, и говорит иначе и эти мысли и этот язык чужды большинству.

Биологическая школа требует широкого применения к человеку принципов искусственного отбора. Что оправдывается современным положением вопроса о явлениях дегенерации у человека. Громадная медико-антропологическая литература показывает нам, что явления дегенерации в культурном человечестве громадны. Три главных врага человечества действуют в данном отношении весьма дружно: сифилис, туберкулёз и алкоголь. Характерной особенностью этих ядов человечества является то, что они отравляют не только тело, но и зародышевую протоплазму. С биологической точки зрения интересы рода, племени, вида стоят *выше* интересов индивидуума и тут говорит простой здравый смысл: индивидуумы гибнут, вид остаётся. У многих животных самый акт размножения со-

[4] **Ред.** Возможно, этот пассаж Г.А. имеет личную мотивацию: его старший брат Владимир и дочь Елена состояли в браке со свойственниками (см. раздел 1.3).

провождается смертью производителей: у многих насекомых самец умирает после спаривания, самка после кладки яиц и виды благоденствуют.

Биологи создали учение о различии между клетками соматическими и клетками зародышевыми, между плазмой соматической и плазмой зародышевой. Учение Вейсмана о наследственности говорит, что соматические клетки, т. е. клетки всего тела, могут претерпевать разнообразные […] изменения под влиянием факторов окружающей среды, но на зародышевых клетках это может нисколько не отразиться. Вы можете изуродовать животное или человека, но потомство родится без каких-либо повреждений, нормальное, здоровое, красивое. Но возможны такие вредные влияния на организм, которые невидимо для нашего глаза отравляют зародышевую плазму. Сифилис представляет в этом отношении замечательный пример. Переболевший и залеченный человек выглядит как будто здоровым, но потомство его обречено на дегенерацию в той или иной степени, т. к. отравлена зародышевая плазма.

[…] Как бы то ни было, все вредные влияния биологическая школа рассматривает с точки зрения вреда для потомства и потому мало интересуется мероприятиями гигиеническими и медицинскими. Выражаясь биологическим языком, интересы зародышевых клеток ставятся выше интересов клеток соматических. А это достигается только отбором.

[Две страницы текста отсутствуют]

Да и зачем возлагать на людей такие мудрёные задачи, когда имеется полная гуманная возможность допустить и плохих производителей к половой жизни, с обязательным применением мер противозачатия. Рациональное применение этих мер не только рекомендуется, но ставится в обязанность человеку в интересах расы.

Здесь мы тоже сталкиваемся с коренным противоречием взглядов официальных и общепринятых с взглядом биолога. Католическая церковь прямо и определённо, с большими неудобопередаваемыми подробностями, запрещает в качестве греха всё, что препятствует зачатию. У нас в России мне приходилось слышать мнение об этом, хотя на практике применение этих мер быстро возрастает. Но опять-таки применение этих мер, вопреки требованиям биологов, интересующихся судьбою рода человеческого, широко распространяется из личных удобств, в личных интересах, и мало распространяется в интересах расы, племени, в интересах всего рода человеческого. Воздержание от производства дурного потомства войдёт в житейскую практику только тогда, когда люди радикально переработают свои взгляды на нравственность и когда безнравственными будут считаться те, которые имеют туберкулёзных, золотушных, припадочных детей. Для того, чтобы устранить дурную наследственность, биологическая школа допускает и законность выкидыша, что опять-таки не согласуется с требованиями нашей официальной нравственности.

***

Некоторые авторы полагают, что взаимное половое влечение, взаимная любовь есть лучший естественный показатель того, что данная пара подходяща в физиологическом отношении и что от неё можно ожидать хорошего потомства. Эта вера в какой-то бессознательный половой подбор и она довольно сильно распространена в обществе. Рюдин решительно не соглашается с этим: говорит, что факты этого не доказывают, и требует определённых врачебных данных и сведений о наследственности людей, чтобы решить, годны ли они для брака.

В связи с общераспространённым мнением, что любовь есть гарантия хорошего потомства, стоит мнение, что внебрачные дети, которых иногда называют громким именем «дети любви», являются особенно способными и талантливыми. Недавнее специальное исследование показывает нам, что это предрассудок, что среди внебрачных детей больше дегенератов, чем среди рождённых в браке.

С биологической точки зрения моногамный брак является учреждением, наиболее хорошо обеспечивающим будущность потомства, но брак этот заключается на совершенно иных основаниях.

Производство здорового потомства должно быть обязанностью человека. Уклонение от этого является преступлением. Особенно преступно уклоняться от производства потомства людям здоровым и высоко одарённым. Они должны размножать зародышевую плазму высокого достоинства. Этим они *более всего могут способствовать повышению нравственного и общественного уровня общества*. Повышение уровня воспитания и обучения с биологической точки зрения отступает на второй план по сравнению со значением искусственного отбора.

С этой точки зрения становится понятным взгляд биологов на так называемый женский вопрос. Биологическая школа выдвигает на вид такое соображение: с точки зрения интересов расы, главная и важнейшая задача женщины производить здоровое хорошее потомство. Поэтому женская деятель-

ность в разных областях труда желательна лишь постольку, поскольку она не вредит этой главной её задаче. Конечно, защитники интересов расы с биологической точки зрения не проповедуют, чтобы женщина оставалась в первобытном состоянии, но они предостерегают против такого увлечения женщин различными видами деятельности, которое ведёт к уклонению её от прямой общественной обязанности деторождения.

Интересно отметить, что по исследованию Редмайра [не идентифицирован] потомки высоко одарённых людей склонны *к полному вымиранию* в лице своих *мужских* представителей. Таким образом на женщинах, происходящих от выдающихся людей, лежит *наиважнейшая* обязанность сохранить для человечества потомство этих людей с врождёнными высокими качествами, сберечь и размножить тот *высший сорт зародышевой плазмы*, которая тем или иным путём выработалась в отдельной линии человеческого рода и которая является самым важным достоянием человечества.

Мы видим, таким образом, насколько своеобразный взгляд тех лиц, которые смотрят на человека с точки зрения расовой биологии, расовой гигиены. Они не только предостерегают человечество от опасности деградации, которая настолько настойчиво выдвигается современной жизнью, но и указывают ему единственный верный с научной точки зрения путь к прогрессу — путь искусственного отбора. Биология указывает, что не так важно заботиться об индивидууме, как о судьбе его зародышевой протоплазмы. Культу личности она противопоставляет культ потомства и исходя из этого предлагает переделать многие устои нашей жизни, создать новую весьма высокую нравственность на биологических началах.

В этом стремлении кроется глубокая истина. Утончённая деятельность высоко развитой нервной системы создаёт человеку сложный мир религии, отвлечённого мышления, грёз, поэзии, науки и искусства. В этом им самим созданном мире человек справедливо чувствует себя властителем, великим, стоящим выше природы. Ещё бы! Он сам ведь создал себе этот отвлечённый мир, которого бы не было, если бы не было человеческого мозга.

Но есть другой, реальный мир, который существовал до человека, существует вне человека и будет, быть может, существовать после человека. Этот реальный мир имеет свои неумолимые законы, часть которых человеку удалось разгадать. К этому реальному миру принадлежит сам человек и он напрасно думает, что ему удастся освободиться от неизбежных тисков этого мира. Единственное, что он может сделать, это изучать законы окружающего мира и умело воспользоваться ими для блага человеческого рода.

Биологические законы стали *недавно* предметом познания. Естественно, что основанное на них миросозерцание так чуждо большинству. Но раз вступивши на путь познания этих законов, *остановиться уже трудно*. То, что теперь знают немногие, со временем станет всеобщим достоянием; то, что теперь написано в специальных сочинениях, должно со временем войти в миросозерцание толпы и это миросозерцание станет совершенно другим. Мы не можем себе даже представить всех великих последствий того умственного и нравственного переворота, который может произойти у человечества под влиянием *знания*.

Знание и будет тем рычагом, который перевернёт судьбу человечества.

[…][5]

[5] **Ред.** Далее следуют позже дописанные карандашом отдельные фрагменты трудно читаемого текста без нумерации страниц.

П-15. БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ У ЖИВОТНЫХ И ЛЮДЕЙ[1]

ПРОГРАММА [2]

Стремление к победе — важнейший двигатель органической жизни: Что такое победа в широком биологическом смысле слова.

Борьба — необходимое условие победы. Борьба как одно из необходимых условий жизни. Понятие о борьбе с широкой биологической точки зрения.

Основная форма борьбы — борьба за жизнь. Прямая и косвенная борьба за жизнь.

Прямая активная борьба за жизнь у животных. Нападение и защита. Хищник и его добыча. Есть ли жестокость у животных. Самопожертвование в животном царстве.

Прямая пассивная борьба за жизнь. Защитные приспособления. Косвенная борьба за жизнь. Приспособляемость как одно из средств борьбы за жизнь. Регресс как одно из возможных следствий приспособляемости.

Столкновение человека с животным. Животные победители. Человек победитель и истребитель. Бессилие самых крупных живых существ перед человеком и бессилие человека перед самыми мелкими живыми существами.

Столкновение человека с человеком. Первобытные условия. Влияние культуры на формы людской борьбы. Первобытное в современном человеке. Жизнь за жизнь. Убийство. Смертная казнь. Поединок. Война.

Значение войны как биологического явления. Неизбежность войн. Оправдание войны. Польза войны. Вред войны. Прогресс военной техники как одно из величайших зол современной жизни.

Ужасы войны. Жестокость как специальное свойство человека. Истребление слабых сильными. Сознательное жестокое истребление первобытных народов культурными.

Косвенная борьба за жизнь у людей. Борьба экономическая и политическая. Мирные завоевания немцев в России. Специально человеческие средства борьбы: деньги, клевета, ложь, злословие, реклама. Значение печатного слова в людской борьбе.

Безнравственное и высокое в людской борьбе. Возможно ли и желательно ли прекращение борьбы среди людей. Прекратятся ли войны.

Непримиримые противоречия в оценке значения человеческой борьбы. Пути к примирению этих противоречий.

Борьба идей как высшая форма борьбы. Борьба со злом как высшая цель борьбы. Победа над злом как величайшая из побед.

ТЕКСТ ЛЕКЦИИ

Победа — вот слово, которое мы жадно ловим теперь, когда идёт великая борьба. Победа есть конечная цель желаний и стремлений всей страны. Но не только во время войны жаждем мы победы. Победа — великая цель той сложной борьбы, которой наполнен органический мир.

Понятие «победа» весьма широко. Не только в ожесточённой схватке, не только в кровавой борьбе есть победа, она есть, собственно говоря, нормальное, желательное для нас завершение *всякого нашего действия*.

Каждое действие живого существа выражается в конце концов в сокращении мускулов. Это есть внешнее проявление произведённой организованной работы. Всякая произведённая работа есть преодоление препятствия, а всякое *преодоление* препятствия знаменует собою совершённую победу. Таким образом, *победою* должно заканчиваться нормально каждое наше действие.

Когда низшее существо, *гидра*, существо со слабо развитой нервной системой, захвативши своими щупальцами маленького рачка, циклопа или дафнию, поглотит его, несмотря на всё сопротивление, — это несомненно победа одного организма над другим, победа, сводящаяся к ряду сокращений, причём мускульная ткань даже ещё не вполне дифференцирована, а представлена своеобразными кожно-мускульными клетками.

Более того, даже там, где вовсе нет ни мускулов, ни нервных элементов, у маленьких *амёб*, мы имеем сокращение живого вещества со втягиванием

---

[1] **Ред.** Публичная лекция, прочитанная 7 декабря 1914 г. (место не указано). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 95.

[2] **Ред.** Из текста Афиши.

Борьба за жизнь у животных и людей.

Победа — вот слово, которое мы чаще любим теперь, когда идет великая борьба. Победа есть конечная цель желаний и стремлений всей страны. Но не только во время войны раздается это победа. Победа великая цель той сложной борьбы, которой наполнен органический мир.

Понятие „победа" весьма широко. Не только в определенной схватке, не только в кровавой борьбе есть победа, она есть, собственно говоря, нормальное, целительное для нас завершение всякого нашего действия.

Каждое действие живого существа выражается в конце концов в сокращении мускулов. Это есть внешнее проявление произведенной организмом работы. Всякая произведенная работа есть преодоление препятствия, а всякое преодоление препятствия знаменует собою совершенную победу. Таким образом победою должно заканчиваться нормально каждое наше действие.

Когда низшее существо, гидра, существо со слабо развитой нервной системой, захватившим своими щупальцами маленького рачка, инфузорию или дафнию, поглотить его, несмотря на все его сопротивление, это несомненная победа одного организма над другим, победа, сводящаяся к ряду сокращений, при чем мускульная ткань даже еще не вполне дифференцирована, а представлена своеобразными коротко-мускульными клетками.

Более того, даже там, где вовсе нет ни мускулов, ни нервных элементов, у маленьких амёб, мы имеем сокращение живого существа со втягиванием внутрь

внутрь пищи — это элементарная победа элементарного организма.

Чем сложнее строение животного, тем более многочисленные и разнообразные сочетания условий создаёт для него жизнь, тем более многочисленны и разнообразны те препятствия, которые встречаются ему на пути, тем труднее, но и тем знаменательнее становится его победа.

Существа низшие одерживают маленькие победы, существа высшие — большие победы. Но так или иначе, стремление к победе проходит через всю органическую жизнь и, будет ли это заглатывание комочка пищи комочком живой плазмы (амёбой). будет ли это захват добычи хищным зверем, будет ли это поражение одной армии другою или одного народа другим народом, будет ли это, наконец, какое-либо крупное научное открытие или даже торжество какой-либо идеи — все эти разнообразные и на первый взгляд несоизмеримые между собой явления обобщаются вполне естественным образом под общим понятием *победы*.

***

Необходимое условие всякой победы есть предшествующая борьба. Где нет борьбы, там нет и победы. Всякое действие встречает известное препятствие своему осуществлению, при всяком действии приходится преодолевать сопротивление, а всякое преодоление сопротивления есть уже победа. Таким образом, когда мы простым мускульным усилием поднимаем груз, мы вступаем в борьбу с силою тяжести с помощью силы наших мускулов, и если победа окажется на нашей стороне, то груз будет поднят.

Вот самая простая, элементарная, чисто физическая схема борьбы и победы. Вся жизнь всякого организма есть преодоление целого ряда сопротивлений, следовательно, вся жизнь есть сплошная борьба. Покой — это смерть, борьба — это жизнь. Таково самое широкое биологическое толкование понятия «борьба».

Так как, преодолевая препятствия, т. е. совершая известную борьбу, организм стремится удовлетворить свои потребности, создаваемые самим фактом его жизни, то, следовательно, преодолевая препятствия, он в сущности борется за свою жизнь, борется за своё существование. И, следовательно, понятие «борьба за жизнь» как бы сливается с понятием «жизнь», ибо нет жизни без борьбы, ибо борьба за жизнь есть необходимое условие жизни.

Собственно говоря, если мы станем разбирать жизнь сложного организма с физиологической точки зрения, то мы обнаружим явления борьбы даже в отдельных частях организма, в работе отдельных органов. Не будет вовсе риторическим приёмом, если мы скажем, например, что наш желудок борется с пищей, стремясь её переварить, наши лёгкие и наша кровь борются против опасности, которой угрожает организму задыхание, наша нервная система борется с утомлением, наш орган равновесия, помещающийся в ухе, борется с опасностью для организма потерять равновесие и т. п.

Если мы распространим наш анализ ещё дальше, ещё глубже, то увидим, что даже отдельные микроскопические части нашего организма, отдельные его клетки, каждая из которых представляет собою своего рода микрокосмос, тоже борются за свою маленькую клеточную жизнь. Всюду борьба и можно даже говорить о борьбе частиц, молекул между собою…

Но не об этой рассеянной, распылённой органической борьбе будем мы говорить сегодня. Мы разберём случаи борьбы организма как целого, случаи его выступления как самостоятельной жизненной единицы в полной гармонии всех своих отдельных частей.

Борьбу организма как целого с окружающими его препятствиями мы можем подразделить на борьбу прямую и борьбу косвенную, а борьбу прямую можем, в свою очередь, подразделить на активную и пассивную.

***

Прямая активная борьба за жизнь у животных обусловливается прежде всего необходимостью питаться. Множество животных питается хищнически другими животными и для поддержания своей жизни должны непрерывно нападать на других животных. Эта активная борьба одного существа с другим начинается на самых нижних ступенях животной жизни, в мире одноклеточных существ, *простейших* (*Protozoa*). Крохотная первобытно устроенная амёба, заглатывая ещё более мелкие существа, преодолевает известного рода сопротивление, иначе говоря, испытывая некоторую борьбу. Имеются наблюдения над тем, как амёбы проглатывают длинные нитчатые водоросли, свёртывая их внутри себя клубком, для чего нужны сложные движения, и хотя водоросль активного сопротивления не оказывает, но всё-таки мы вправе сказать, что амёба борется с препятствием, добывая себе пищу.

В гораздо более определённой форме происходит борьба между хищником и его добычей, когда одна инфузория нападает на другую. Тут есть

и орудия защиты. Когда на инфузорию нападают, она выбрасывает из наружного слоя своего тела множество маленьких тончайших палочек, называемых «трихоцистами», которые выскакивают, точно стрелы, во все стороны. Настоящее нападение, настоящая защита, настоящая борьба за жизнь в мире одноклеточных простейших существ.

Некоторые многоклеточные животные, стоящие выше простейших с анатомической точки зрения, являются значительно менее активными, чем эти последние, в деле добывания пищи. Пресноводный полип гидра сидит, распустивши свои щупальца, и совершенно пассивно *ожидает*, когда добыча сама запутается в этих щупальцах. Погони за добычей нет, есть только рефлекторное схватывание её щупальцами, когда она к ним прикоснётся. Когда в щупальца попадёт какой-нибудь рачок, начинается своего рода борьба: он стремится вырваться из душащих его объятий, иногда ему это и удаётся, но всё равно — ему не жить, т. к. стрекательные клетки гидры убили его своим ядом.

Морские полипы — актинии и кораллы — тоже пассивно ждут, пока добыча коснётся их щупальцев и в связи с таким способом питания у них имеется способность подолгу голодать. Захваченная щупальцами добыча пробует, конечно, вырваться, и тут происодит борьба… Наиболее грандиозную форму получают хватательные щупальца головоногих моллюсков, которые могут достигать нескольких аршин, [они] являются настоящими «морскими чудовищами», поводом к созданию фантастических сказаний… Понятно, что щупальца головоногих являются мощными орудиями в борьбе за жизнь.

Иной раз поглощение добычи преследователем совершается безо всякой борьбы. Маленькая дафния без борьбы захватывает крохотных жгутиковых, водоросли, за дафнией гонится рыбка и тоже без борьбы, но после активного преследования, поглощает её, за рыбкой гонится более крупная хищная рыба и целиком заглатывает её и так создаётся целая цепь из преследуемых и преследователей, и то, что было хищником, становится добычей.

Для нападения на добычу у многих животных развиваются специальные приспособления, которые иногда являются одновременно и орудиями защиты, а иногда имеют специальный характер только орудий нападения на добычу, служащую пищей, но не на врага. Это весьма интересные примеры орудий со специальным назначением, и я вижу такие примеры в нижней губе личинки стрекозы, в челюстях личинки плавунца. У личинок стрекоз нижняя губа, так называемая «маска», устроена таким образом, что может выдвигаться вперёд и захватывать добычу особыми щупальцами. У личинки плавунца острые челюсти приспособлены специально для того, чтобы, вонзаясь в добычу, служить для высасывания из неё соков через проходящие внутри челюстей канальцы.

Зубы млекопитающих, разнообразно устроенные у разных отрядов, являются как инструментами для пережёвывания пищи, так и орудиями для нападения на добычу, равно как и орудиями для борьбы с врагами. Зубы хищников являются особенно характерными приспособлениями для нападения на добычу, для умерщвления её. Когти их являются прекрасными пособниками для тех же целей. Между хищником и добычей нередко возникает борьба и случается, что хищник становится жертвой этой борьбы. Волк может пострадать от копыт лошади, от рогов быка, собаки могут стать жертвой клыков кабана, которые, между прочим, могут послужить нам примером того, что зубы развиваются специально как орудия нападения и защиты, но не для нападения на добычу, а для нападения на врага и на соперника. В то же время эти зубы служат орудием для раскапывания корней. У некоторых свиней, как например у бабируссы, торчащие вбок клыки достигают особой величины.

Подобного же типа орудием, т. е. орудием активной защиты от врагов и борьбы с соперниками, являются рога, столь характерные для копытных. Это орудия, не имеющие никакого отношения к добыванию пищи. Таким образом, мы видим, что иногда вооружение является и орудием добывания пищи, и орудием защиты, а иногда его первое значение стушёвывается и остаётся лишь орудие защиты от нападения хищника и орудие для борьбы из-за самки. У некоторых ископаемых форм, как например у гигантского оленя (*Cervus megaceros*), рога достигали таких громадных размеров, что величина их являлась несоразмерной с величиной всего животного и являлась уже вредным признаком. Это один из примеров «переразвития», которое несомненно существует в природе как следствие инерции развития, идущего прямолинейно в определённом направлении. Подобным же переразвитием можно считать и непомерную величину бивней мамонта, этих своеобразных мощных орудий, которые мы можем наблюдать у современных слонов. Некоторые палеонтологи предполагают, что переразвитие таких образований, как рога и бивни, могло быть причиной вымирания их обладателей.

Кроме силы, для овладения добычей хищнику нужна ловкость. Маленький сравнительно с зайцем горностай может ловко вцепиться в него и загрызть. Лисица, чтобы добыть того же зайца или птицу, проявляет больше ловкости, чем силы. Все хищные звери отличаются обычно ловкостью и красотою движений, энергией, предприимчивостью. Хищные птицы являются олицетворением ловкости и красоты. Мы любуемся и их полётом, и их ударом по добыче. Орёл и сокол стали символами силы, ловкости, красоты, вошедшими в поэзию.

В погоне за добычей развиваются различные способности животного, так что хищнический образ жизни животных был несомненно фактором прогресса в их организации. У хищника должна быть развита не только мускульная сила, но и нервная система, и органы чувств. Нужно тонко воспринимать впечатления внешнего мира, нужно быть сообразительным, чтобы не погибнуть голодной смертью. Несомненно, что хищники в известной мере являются существами высшего порядка.

Когда хищник нападает на свою добычу и та падает его жертвой, истекая кровью, мы невольно начинаем говорить о «кровожадности» зверя, подставляя под это выражение понятия о жестокости и зле. «Кровожадный зверь» — в этом выражении есть на нашем человеческом языке что-то осуждающее, и когда мы хотим попрекнуть человека в высшей степени жестокости, какую, например, проявляют немцы по отношению к раненым и пленным, мы говорим «человек-зверь».

Если бы животные могли понимать наш язык, то они были бы с полным основанием глубоко обижены таким выражением. Есть ли у животных «жестокость»? Я думаю, что нет. Хищник, нападая на свою добычу, стремится насытить свой голод, он получает при этом удовольствие именно от этого удовлетворения чувства голода, а отнюдь не от созерцания страданий своей добычи. Жестокость есть понятие чисто психологическое и мы вырабатываем его, наблюдая людей, а потом уже переносим на животных совершенно не подходящий к ним термин. Подобно тому, как нельзя назвать жестоким ребёнка, кушающего куриную котлетку, так нельзя назвать жестоким и волка, зарезавшего овцу.

Мне сейчас же укажут на кошку, которая играет мышью, как бы забавляясь её конвульсиями. Но ведь надо помнить, что кошка —домашнее животное, находящееся в силу этого в ненормальном положении относительно своих врождённых инстинктов. Жестокой сделал её человек, кормя её досыта и в то же время не уничтожая в ней инстинкта ловить добычу. Голодная кошка, поймавшая мышонка, конечно, поспешит его съесть, а не станет с ним играть. Когда волк режет зараз несколько штук овец, которых, конечно, не может съесть, то это, вероятно, не проявление жестокости, а стремление сделать себе пищевой запас. Хищники часто голодают, и довольно продолжительное время. Дорвавшись до добычи, они инстинктивно хотят добыть её больше, чем нужно на один раз. Один охотник рассказывал мне, как были выпущены для развода зайцы в лесу, не уничтоживши предварительно лисиц. На другой же день после выпуска на лисьем следу было найдено несколько зарытых в землю зайцев. Усталые с дороги и не знающие местности, они с первого же раза сделались лёгкой добычей лисицы. Мы можем наблюдать на собаках, что они зарывают про запас лишнюю пищу. Такой запасливостью, вероятно, надо объяснять излишнюю добычу хищников.

Итак, мы имеем полное основание говорить, что среди представителей животных нет стремления получить наслаждение от вида страданий другого существа, а есть лишь первобытное стремление утолить голод или отбиться от нападения.

***

Есть ли в животном мире самопожертвование? Мне кажется, что несомненно есть. Весьма часто приводят как пример самоотверженность пчёл, которые, защищая свой улей, жалят врага и при этом погибают, так как вместе с застрявшим жалом выталкиваются и внутренности. Однако толкование этого факта как самопожертвования совершенно неправильно. В понятие самопожертвования непременно должен входить элемент сознательности. Пчела, конечно, не сознаёт, что погибнет при жалении, и само нападение её носит характер простого инстинкта, стоящего на границе рефлекса. Это именно одно из тех действий, наличность которых дала повод некоторым биологам (*Бете* [Albrecht Bethe]) считать пчёл «рефлекторными машинами». Резкое движение, толчок, раздражающий запах заставляют пчелу бессознательно кидаться на «врага». Элементов самопожертвования тут, конечно, нет.

Другую картину можем мы наблюдать у птиц. Когда чибис вьётся над охотником и собакой, постепенно отвлекая их в сторону от гнезда, в этом нельзя не видеть элемента сознательности. Так же делают утки и многие другие птицы, отвлекая врага от выводка или гнезда. Все повадки птицы при

этом явно говорят за сознательность её действий: она употребляет настоящую воинскую хитрость, отвлекая внимание неприятеля специально рассчитанным демонстративным движением, она кричит, чтобы обратить на себя внимание, она «отводит» в буквальном смысле слова и т. к. она несомненно понимает, что перед нею «враг», то здесь мы имеем полное основание говорить о самопожертвовании.

***

Кроме широко распространённой активной борьбы за жизнь, в животном царстве весьма обычна *пассивная* борьба за жизнь, когда животное ограничивается тем, что делает себя неприступным к внешним влияниям. Самый простой тип такой пассивной защиты — *циста*, которую мы наблюдаем у инфузорий и других простейших. При инцистировании микроскопическое существо облекается тонкой, но весьма плотной и трудно сокрушимой оболочкой, которая позволяет ему относиться безразлично к различным невзгодам внешнего мира. Сама жизнь животного при этом замирает, происходит переход обычной жизни в скрытое состояние *анабиоза*. Хорошим общеизвестным примером анабиоза может служить вполне зрелое сухое семя. Если мы положим его в сухое помещение, то оно может пролежать неопределённо долгое время, не проявляя никаких признаков жизни. Если же мы увлажним его, оно сперва разбухнет, а потом из состояния анабиоза перейдёт в состояние настоящей жизни. Точно так же происходит и с инцистированной инфузорией или другим низшим животным. Без воды циста безжизненна, жизнь перешла в скрытое состояние, животное впало в анабиоз. Но вот циста попадает в воду, [оболочка] растворяется и животное как бы оживает после мнимой смерти. Оживанием засохших цист объясняется, между прочим, массовое появление инфузорий в воде, в которую мы бросили клочок сена, в пыли которого обычно бывает масса засохших цист.

Такое временное устранение от жизни недоступно высшим организмам. В этом отношении человек поставлен в худшие условия, чем какая-нибудь маленькая инфузория. Как было бы иной раз выгодно человеку при дурных обстоятельствах устраниться временно от жизни и потом вернуться при хороших. Но человек может добровольно устраниться от жизни только навсегда, без возврата… И вот несомненно, что в известном отношении высшее на земле существо приспособлено к жизни значительно хуже, чем низшее.

Твёрдость стенок тела делает животное несъедобным. Неподвижная, пассивная, как будто совершенно беззащитная губка в сущности превосходно защищена твёрдыми стенками своего тела, иглами и кремниевыми спикулами. Стенка тела иглокожих может формировать сплошной покров, пропитанный известью. Кораллы — это целые крепости.

У позвоночных на коже вырабатываются разнообразные приспособления для пассивной защиты. [Это] чешуи, щитки ящерицы и черепахи; шипы. Все эти разнообразные приспособления носят пассивный характер.

***

Особым типом средств защиты являются ядовитые и дурно пахнущие выделения. Вам известен едкий запах травяных клопов, едкие выделения различных жуков и личинок. Есть особые железы. Цель— отпугнуть хищника, дать ему неприятное впечатление несъедобности добычи.

У зоологов существует вполне определённое мнение, что в некоторых случаях отталкивающее влияние производится не самим присутствием ядовитых органов, а присутствием только их изображения на теле животного. Примеры: яркие жёлтые пятна на теле гусеницы; куколка тополевой бабочки (*Limenitis populi*).

Иногда животное в момент опасности падает в обморок, но при этом выставляет напоказ часть тела, дающую впечатление выступившей жидкости (*Harpyra vinula*).

Вопрос об этих предостерегающих охранительных пятнах весьма сложен в подробностях, я его излагаю схематично. Во всяком случае окраска с [таким] значением — это своего рода символ, заменяющий предмет и указания на такие символы весьма интересны.

Другого рода символы природы мы видим в движениях угрозы. Существуют наблюдения, что некоторые ящерицы (напр., *Phrynocephalus mystaceus*) в момент тревоги и раздражения принимают своеобразную позу. Иногда эти позы угрозы более скромные (*Agama sanguinolenta*, *Teratoscincus scincus*). Движения угрозы наблюдаются у насекомых и пауков.

Таким образом, символ становится не менее действенным. Мы увидим, что у человека это явление получило самое широкое развитие и что там борьба символами, т. е. словами устными и печатными, заняла важное место среди иных способов борьбы.

Косвенная борьба

Ядовитые железы и жало
Зубы змеи

***

Борьба за жизнь сказывается весьма часто не в том, что одно животное непосредственно убивает и поедает другое, а ещё и в том, что оно вытесняет другое, не даёт ему жить.

Эта борьба особенно наглядно сказывается у растений. Вы видели, конечно, целые поляны, занятые сплошь или почти сплошь каким-либо растением. Завоевавши себе прочно это место, оно не даёт жизни другим видам. Вы видели, как одно растение глушит другое, видели, как сорные травы глушат посевы. Это типичная борьба за жизнь без орудий нападения, а путём захвата источников жизни и путём лишения других этого источника.

У животных трудно наблюдать такую форму борьбы, такое систематичное вытеснение. Но я имею возможность показать вам интересный пример, и притом снятый с натуры.

Мы на Мурмане, на берегу Ледовитого океана.

***

Одно из пассивных средств борьбы есть приспособляемость к среде, приспособляемость к обстановке. Животное не вступает в активную борьбу, оно прибегает к мирному завоеванию своей добычи.

Самым ярким примером приспособляемости является паразитизм. Паразит не ведёт открытой борьбы с тем животным, которым оно хочет питаться; более того, у него нет даже орудий этой открытой борьбы. Незаметно, тайно проникает он в тело животного и начинает там свою разрушительную работу. Когда животное проглатывает пузырчатую стадию солитера, так назы[ваемую] финну, оно не замечает, что на него напал враг. И только когда паразит вырастает в громадную ленту, организм хозяина этого паразита начинает испытывать неприятные явления. Но паразит так хорошо приспособился, что животное не может от него освободиться. Паразит крепко впивается в стенки кишки своими присосками и этого достаточно, чтобы бороться против движения кишечника.

Приспособленность паразитов к своему своеобразному образу жизни сказывается в весьма оригинальных изменениях их строения. Эти изменения не прогрессивного, а регрессивного характера. Приспособляемость к окружающей среде без активной борьбы с этой средой ведёт к регрессивной эволюции. Это факт глубоко поучительный. Внутренности паразитов потеряли не только органы нападения, но даже кишечный канал, самый важный орган. Они впитывают пищу всей поверхностью своего тела.

***

В борьбе друг с другом животные находятся обычно в таких условиях, что средства нападения уравновешиваются средствами защиты. Если у хищников есть крепкие зубы и когти, то у преследуемых ими травоядных млекопитающих и птиц есть быстрота движений и умение ускользать от преследования.

Обратите внимание на то, что все травоядные хорошие бегуны. У многих из них имеются ещё такие хорошие орудия как копыта и рога. Некоторые же, как например зайцы, отличаются необычной увёртливостью. Целая стая гончих преследует беляка по лесу и он умеет её обмануть и уйти от гона, и если бы не охотник, который создаёт двустороннее преследование вместо одностороннего, то от стаи гончих гибли бы только очень слабые и больные зайцы. Пришлось создать такую породу собак — борзых, которые способны поймать зайца и получены путём отбора. Ни волк, ни лисица в свободном беге зайца поймать не могут.

Птицы спасаются от врагов полётом и умением прятаться. Интересно, что там, где у птиц искони не было врагов, напр., в Новой Зеландии, там выработался тип нелетающих птиц и притом небыстро бегающих. Новозеландские бескрылые киви являются замечательным примером того, как отсутствие преследования ведёт к беспомощности.

Наряду с быстротой и силой в борьбе за жизнь среди животных не меньшую роль играют ловкость и хитрость, а это есть жиз[ненное] качество, обозначающее высокое развитие умственных способностей. Те животные, которых мы считаем далеко не умными, по-своему весьма умны. Так, например, манера зайца путать свои следы является для него очень хорошим проявлением ума.

Когда появился на Земле человек, это самое удивительное из живых существ, то он оказался довольно плохо защищённым от своих четвероногих врагов. Со сравнительно слабыми зубами, без когтей, копыт и рогов, покрытый мягкой нежной кожей, человек должен пасовать в открытой схватке со зверем, предоставлен[ный] [неразб.] силам. И он легко падает жертвою хищника, если он безоружен. Индусы служат классическим примером массовой гибели людей от хищников: тысячи индусов гибнут от тигров.

Ум человека является его мощным орудием в борьбе со зверем. Кинжал, нож, рогатина, стрела,

копьё начали заменять ему зубы и когти. Но холодное оружие часто совершенно недостаточно для победы над зверем. Когда охотник сталкивается с медведем в рукопашной схватке, то нередко нож недостаточное оружие в этой борьбе и человек гибнет. Специально тренированный для борьбы с быком тореадор, несмотря на всю свою ловкость, нередко падает жертвою быка. И только изобретение огнестрельного оружия дало человеку решительный и полный перевес и он является торжествующим победителем, самым сильным и опасным зверем.

Победитель быстро превратился в истребителя, причём часто в истребителя безрассудного. Можно было бы прочитать целую лекцию об истреблении животных человеком, но я приведу только самые яркие примеры.

В 1760-х годах прошлого стол[етия] в степях Сев. Америки [паслись] стада бизонов в несколько миллионов голов. Основалось специальное акционерное общество для [неразб.] их жира и шкур и вот в течение в течении одного 1876 года жертвою капитала пало 3 милл. бизонов, а через 10 лет был убит последний бизон. Интересно отметить, что роскошное мясо этих животных бросалось гнить в степи и [неразб.] был нанесён в несколько десятков милл. рублей, которые были бы использованы при разумной охоте. Эта безумная жертва была принесена современному Молоху — *капиталу*, который требует не только звериных, но и человеческих жертв, ибо современ[ные] войны весьма часто ведутся с корыстными расчётами.

Крупные африканские животные являются также предметом истребления, и в 1912 г., напр., было убито по одним данным 30.000 слонов, по другим много больше, а известно, что слониха родит только одного детёныша и долго его носит, так что вид легко поддаётся истреблению.

Многие виды птиц находятся в опасности быть истреблёнными, и не столько как дичь для еды, сколько как материал для дамских мод. Наши модницы, украшая себя перьями, иногда с такою щедростью, что головы их напоминают головы инде[йских] вождей, вероятно и не подозревают, что они в сущности являются слугами не эстетики, а некоторых акционерных компаний. Ведь в сущности говоря, перья идут гораздо больше птице, чем женщине, и никакой особой красоты перья женщине не придают. Воткнуть себе перо в голову — символ победы охотника. Индейские воины украшали голову перьями убитых ими орлов, европейские охотники — чаще лировидными хвостами тетеревов. Эта мода чисто охотничья, мужская. Женская мода — украшать себя цветами. Женщина и перо — в этом сопоставлении нет эстет[ической] гармонии. Женщины и цветы — вот истинная гармония.

Когда несколько времени назад была мода на цветы, [неразб.] торговцы перьями захотели поправить свои дела. И вот ради повыш[ения] своих дивидендов они создали моду на перья, они [неразб.] украшения из перьев взамен цветов. И я говорю со слов знак[омого] человека, что когда перья победили, то 30.000 французских цветочников остались без работы.

Некоторым видам птиц грозит истребление. Особенно опасно это для тех, распространение коих ограничено. Райские птицы Новой Гвинеи были истреблены столь усердно, что наконец Англия года 2 назад запретила ввоз перьев экзотических птиц. Немцы запретили вывозить райских птиц из той части Нов. Гвинеи, которая им принадлежала, а из голлан[дской] части этого ост[рова] была вывезена в 1910 году одна райская птица н. в 35 т. фр.

Венценосные голуби тоже находятся под угрозой истребления.

Имеется большая книга, издана Ротшильдом, посвящена описанию истреблённых человеком птиц. Это печальный список[3].

Если люди не образумятся в своём опустошении природы, то нашим потомкам предстанет плевная опустошённая земная поверхность. Никогда не случалось, чтобы одно животное истребило другое. Такого факта в науке не известно. Иногда приводят как такой факт, что наша обыкнов[енная] серая крыса истребила чёрную, но в действит[ельности] эта последняя, хотя и стала редкою, но всё-таки ещё живёт в разных местах.

В природе существует какое-то удивительное равновесие, которое позволяет хищнику жить рядом со своею добычей, не доводя её до истребления. Я думаю, что этот великий закон регуляции нападений и защит осуществл[яется] в самой простой форме так, что если хищник сильно размножится и [неразб.] доведёт свою добычу почти до истребления, то сейчас же наступит голодовка, которая поведёт к сокращению хищника. У голодного зверя не хватит молока выкормить детёнышей и вот истребление добычи поведёт к сокращению числ[енности] хищников, но они конечно не вы-

[3] **Ред.** Имеется в виду Walter Rothschild и его книга «Extinct Birds» (1907 г.).

мрут, ибо как только сократится преследование — размножится добыча, и так в этих приливах и отливах проходит природная борьба за жизнь.

Ум человека явился таким фактором борьбы, который не подпадает под категорию обычных факторов. Ум человека изобрёл то, чего не было на Земле — огнестрельное оружие, и нарушилось на Земле великое установленное природой равновесие. Появилось существо-истребитель, которого не знала природа. Самые крупные живые существа с самым совершенным вооружением в естественной борьбе за жизнь оказались бессильными в борьбе с человеком — и слон падает от страшной разрывной пули штуцера так же легко, как заяц от дробового выстрела.

Я упомянул, что в природе есть какой-то закон, регулирующий прибыль и убыль и что истребление никогда не доходит до конца. Интересно отметить, что против окончательного истребл[ения] животных человеком возникает тот самый ум, который позволил ему изобрести средства истребления. Ум человека восстаёт против того, чтобы звери и птицы были окончательно истреблены — и вот создаются охранительные законы, создаётся защита природы.

Но есть область, в которой пока всё величие человека бессильно. Это область борьбы с низшими существами, с паразитич[ескими] простейшими и с бактериями. Несмотря на весь прогресс науки, значительная часть заразных заболеваний оказываются неизлечимыми. Малое оказывается непобедимым. Чем меньше организм, тем он оказывается опаснее для человека, и здесь неумолимой остаётся природа, кладя предел мечтам человека о власти над нею.

***

<*Homo homini lupus est*, гласит старая латинская пословица. Человек человеку волк. В этой жёсткой формуле вылилось яркое представление о непрерывной борьбе людей друг с другом.

Начиная с первобытного столкновения один на один и кончая столкновениями громадных масс, начиная с грубого физического состязания в силе и кончая состязанием идей — во всём роде людском идёт и [неразб.] прибавил всегда будет идти непрерывная борьба.

Первобытный человек начал сражаться с другим человеком на очень ранней ступени своего развития, и воинственность обычная черта древних и первобытных народов. Начиная с захвата добычи, с похищения женщин, всё это было дело обычное на ранних стадиях культуры. Все ссоры, все обиды, всякое нарушение правил вели к оружию, и непрерывная борьба проходит через всё древо истории человека.

Проходили долгие века, развивалась гражданская жизнь, развивались искусства и крепло военное могущество народов, созидались армии, усовершенствовалась техника военного дела. Если первобытные дикари ходили в бой нестрой[ными] толпами, то греки и римляне шли прекрасным военным строем, и военная техника древнего мира стояла на весьма большой высоте. Припомним, что к числу талантливых признанных историей великих полководцев причислены [неразб.], Юлий Цезарь, Ганнибал.>

Тогдашнее оружие вполне соответствовало уровню тогдашней техники, а защитное снаряжение солдат вполне соотв[етствовало] характеру оружия. Щит, шлем и панцирь защищали от ударов меча и при рукопашном бое личная сила, ловкость и храбрость решали судьбу отдельных людей и государств.

Эти условия прямой непосредственной борьбы лицом к лицу, щитом к щиту со временем выработали необычайное личное мужество, которое было характерной народной чертой римлян. При малочисленном населении [неразб.] каждый свободный гражданин способен [был] носить оружие, быть воином. Это отражалось на физическом здоровье народа.

Но уже в древнем мире начинают выступать разные приёмы борьбы, при которых личное мужество отступает на второй план. Воинственные карфагеняне первые ввели в бой слонов, и мы видим на этой картине как Ганнибал со своими слонами наступает на толпу варваров, обречённых на гибель под ногами гигантов[4].

Проходили долгие века и военное дело продолжало оставаться одним из таких дел, на которое направлялось особое внимание, тратились величайшие силы и средства. Войны в истории народов имели первенствующее значение в те эпохи, когда культурная жизнь находилась на низкой ступени развития. Надо удивляться, что человечество всегда было так склонно к войне. Можно прямо сказать, что человечество любило войну, т. к. много войн велось не в силу роковой необходимости.

---

[4] **Ред.** Вероятно, имеется в виду эпизод Второй Пунической войны — битва при Заме, изображённый на одноимённой картине XVI в. (https://diletant.media/picture_tutorial/43364157/).

Постепенно, с развитием культуры, война перестала быть главным делом всего человечества. Промышленность, торговля, техника заняли внимание и силы множества людей, население государств возросло, воинственность масс ослабла, создался комфорт и удобства жизни, развилось стремление к покойной, мирной жизни и к накоплению ценностей. Всё это, конечно, не содействовало развитию военного духа и военной доблести отдельных лиц. Но, с государственной точки зрения, с развитием культуры в странах выдвигалась роковая необходимость защищать эту культуру, как материальную, так и духовную, от нападения соседей. И если в новейшее время, с одной стороны, росла изнеженность зажиточных классов населения и развивалось стремление покойно жить на накопленные деньги, меньше всего помышляя о воинских подвигах, то, с другой стороны, возросла численность армий и росло совершенство военной техники. Борьба стала более совершенной, в некоторых отношениях более утончённой, но и более кровопролитной.

В личной жизни людей развитие культуры стало постепенно выводить из употребления пользование оружием при всяком удобном случае. В цивилизованных странах вывелся обычай ходить постоянно вооружённым, как это было в старинные времена, но напрасно стали бы мы утешать себя мыслью, что разоружение современных культурных людей зашло очень далеко. Суть в том, что у современного культурного человека выработалась манера быть тайно вооружённым, и эта манера создана из револьверов, а за последнее время пистолета Браунинга.

Многие не представляют себе, насколько распространено этой тайное огнестрельное оружие за границей. В Америке почти у каждого мужчины есть револьвер или браунинг, в Западной Европе это слабее распространено, но всё-таки количество наход[ящегося] на руках оружия колоссально. Слабее всего вооружено русское население, т. к. оружие у нас дороже и приобретение его обставлено стеснениями. Искусство пользоваться оружием у наших западных врагов и друзей тоже гораздо более распространено, чем у нас. У нас редко кто из невоенных владеет саблей или шпагой, во Франции и Германии весьма многие, и занятие фехтованием там обычная вещь. Стрелять не-военным из ружей ради спорта почти совсем отсутствует у нас и сильно развито за границей.

Наш русский народ самый мирный и наименее вооружённый из всех народов Европы. Война уже пробудила интерес к стрелковому делу, начинают устраивать стрелковые общества и несомненно после этой войны у нас в публике возрастёт любовь к оружию и к пользованию им.

Таким образом, современный мирный культурный человек ни коим образом не отрешён от [неразб.] себе оружия. Правда, пользуется он им редко, но всё-таки первобытное стремление разрешать недоразумение боем ещё живёт во всех народах Европы и во всех слоях населения. Дерутся понемногу всюду и везде, и в первобытной форме это сказывается в драке без оружия, которой разрешают разные ссоры. Когда в руках нож, то такая ссора кончается смертью, и надо сказать, что благодаря оружию, человеческие ссоры часто кончаются хуже, чем звериные. Два кота надают себе пощёчин, издерутся в кровь, но всё-таки останутся живы, а в людских ссорах данный сгоряча удар ножа кончает дело.

У некоторых народов убийство в качестве мести освящено обычаем. Кровь за кровь, жизнь за жизнь — священные обычаи у наших кавказских горцев, которые доселе довольно строго соблюдаются. Убийство в качестве кровной мести не считается тут преступлением, наоборот, оно священный долг. Мы видим, следовательно, самое грубое проявление насилия, возведённое в норму права.

Таким образом, убийство в иных случаях не считается преступлением. Надо заметить, что и не среди кавказских горцев, а среди нас, здесь сидящих, убийство нередко не считается преступлением, о чём свидетельствуют оправдательные приговоры присяжных вроде приговора по делу Прасолова[5]. Очевидно, кровь человеческая до сих пор ещё очень дёшево ценится и, очевидно, мы ещё очень мало ушли вперёд от времени каменного.

Убийство из корыстных целей наиболее подходит под тип первобытной борьбы зверей за кусок добычи. В странах Западной Европы такой тип убийства почти что вывели, но чрезвычайно распространён у нас. Количество убийств с целью грабежа в России колоссальное. Даже в Москве и её окрестностях убийство обычная вещь. Особенно усилились убийства после революции (1905), когда народ привык к кровавым столкновениям, когда совершались погромы и карательные экспедиции и жизнь была дешева.

---

[5] **Ред.** Имеется в виду нашумевшее в 1911 г. дело о прилюдном убийстве Вас. Прасоловым своей супруги (https://pikabu.ru/story/nakanune_voynyi_8918570).

Революционные эпохи являются такими эпохами, когда в человечестве особенно ярко проявляются дикие инстинкты, когда люди превращаются в разнузданную толпу, заливающую страну кровью, как было во Франции во время революции. В эти эпохи борьба за жизнь у людей принимает самый звериный, самый необузданный характер. Великий Шиллер в своей «Песне о колоколе» описывает ужасы революции, говоря, что женщины в это время становятся гиенами и как пантеры раздирают сердце врага. Не остаётся ничего святого, добро уступает место злу и все пороки выходят на свободу.

Gefährlich ist's den Leu zu wecken,
Verderblich ist des Tigers Zahn,
Jedoch der schrecklichste der Schrecken,
Das ist der Mensch in seinem Wahn

Опасно разбудить льва,
Губительны зубы тигра;
Но самое страшное из страшных
Это человек в своём безумьи[6].

Поэт глубоко прав. Как это ни грустно, но в борьбе животных между собою мы не находим никогда такого кровопролития и такой ожесточённости, как в людской борьбе. Человек является самым кровожадным из всех живых существ.

Даже в область религиозной борьбы человек сумел внести элемент жестокости и залить кровью религиозные столкновения… Это сцена из Варфолом[еевой] ночи… Мы знаем религиозные фоны. Знаем костры инквизиции и много иных жестоких дел, кощунственно связанных со святым именем Христа… С грустью взирает Он на то, что люди сделали с его Гением.

***

Лишение жизни по приговору закона, смертная казнь, является специально человеческим способом борьбы. Животные не знают смертной казни и некоторые рассказы про факты животной жизни, напоминающие суд и казнь, не заслуживают доверия.

Применяемое во всех государствах, это средство борьбы является не личной борьбой между отдельными людьми, а борьбой государства, точнее, борьбой власти с отдельными личностями. Есть теоретики, которые считают, что смертная казнь есть одно из хороших средств радикальной борьбы со злом, т. к. она уничтожает преступные планы, являющиеся иногда выродками человечества, которые, давши потомство, будут долго-долго вредить своим ближним. К числу таких защитников смертной казни с биологической точки зрения принадлежит, между прочим, известный немецкий биолог Геккель.

Есть и принципиальные противники смертной казни как способа наказания, утверждающие, что государство ни при каких условиях не имеет права отнимать жизнь у человека.

Особенную остроту принимает вопрос о смертной казни, когда дело касается казней политических. Тут нельзя говорить, что уничтожаются худшие люди, тут речь идёт о самой элементарной борьбе правительства со своими врагами. Казнят обе стороны, ибо политическое убийство есть ведь тоже казнь. Значит, в данном случае действует грубый первобытный закон «жизнь за жизнь» — «кровь за кровь», о котором мы уже говорили.

***

Есть один из видов борьбы, который точно скопирован человеком у животных, это [неразб.] поединки. Настоящим форменным поединком являются у животных драки за самку. Это не случаи драки. Они обставляются определёнными ритуалами, происходя в определённых местах, в определённые часы, при свидетелях. Это так называемые тока, которые бывают у тетеревов, дупелей, турухтанов. Тут дело идёт не об убийстве одного противника другим, а только о проявлении силы и ловкости. Это настоящие турниры, какие бывали в рыцарские времена. Тока и турниры весьма сходны друг с другом и по идее, и по обстановке. И в том, и в другом женскому элементу принадлежит важная роль.

Поединки между животными могут быть очень опасны. Когда дерутся из-за самок олени, то один противник может быть смертельно ранен могучими рогами. Интересно отметить, что у оленя вызов на бой обставлен опять-таки известным обрядом. Олень ревёт в лесу, вызывая своего противника на бой, и тот бежит на этот рёв издалека, чтобы сразиться. Людские поединки весьма часто бывают из-за женщины, в этом они сходны с поединками животных. Но подобно тому, как у животных склонность немного подраться есть иной раз выражение молодого задора, как у молодых петушков, которые ни с того ни с сего начинают наскакивать друг на друга, так и у людей, например, у немецких студентов их мензуры нередко носят характер баловства, обставленного ритуалом.

[6] **Ред.** Приведены строки из стихотворения Фридриха Шиллера «Песнь о колоколе» (напр., https://lyricstranslate.com/ru/das-lied-von-der-glocke-pesn-o-kolokole.html); подстрочный перевод Г.А. Кожевникова.

***

В доброе старое время поединок иной раз получал серьёзное значение военного состязания. Сражение масс заменялось сражением личностей. Войну можно представить себе как постепенно развившееся из столкновений отдельных личностей. В поединке двух противников принимали участие их слуги, друзья, дружина и единоличное состязание превращалось в настоящий бой группы людей. В прежние времена армии были весьма малочисленны. Армия воинственного царя Иоанна Грозного имела в своём составе тысяч 20 человек, т. е. одну теперешнюю дивизию. В настоящее же время армия состоит из нескольких десятков корпусов, измеряется сотнями тысяч и миллионами.

Война есть наиболее грандиозное выражение борьбы за жизнь, разлитой во всей природе. Когда нам кажется, что война начинается из-за дипломатической ошибки или отдельных поступков отдельных лиц, что в войне есть что-то случайное и устранимое, мы вводимся в заблуждение внешней обстановкой событий и не различаем их великой внутренней сути. Война есть выражение мировой конкуренции государств, народностей, рас. А конкуренция, состязание в жизненной борьбе есть основной закон природы. Воюя, государство как целое выполняет только то, что отдельный организм выполняет как часть. Поэтому доколе будут существовать государства, народности и расы, будут войны.

Нередко какая-либо внешняя причина кажется истинной причиной войны. Но то, что на официаль[ном] языке называется *поводом*, к войне (*casus belli*), есть в действительности только незначительная подробность, которая иной раз даёт только последний толчок назревшему делу.

Конечно, не какие-то жалкие концессии на реке Ялу были причиной Японской войны и не неумелое управление наместника Алексеева, а весьма глубокая общая причина — выступление жёлтой расы на арену мировой борьбы с усовершенствованными средствами борьбы. Рано или поздно эта война должна была произойти. Счастье, что она случилась именно тогда, а не позже, и мы имели время подготовиться к этой войне. И конечно не убийство австрийского наследника и не предъявление Сербии ультиматума были истинной причиной этой войны, а мировая конкуренция германства и славянства, стремление германизма поработить славянство как низшую расу и на этом создать своё мировое благополучие. Настоящая война есть в прямом и самом простом смысле слова *борьба за жизнь* двух великих рас и побеждённый если не погибнет в буквальном смысле слова, то будет выведен из ряда сильных конкурентов в мировой борьбе и отойдёт на второй план. Вот почему в серьёзной войне никто не хочет уступить.

В том, что война является высшим выражением закона мировой конкуренции, заключается её *оправдание*. Если государство, непрерывно избегая войны, будет всё время вести политику уступок, оно в конце концов будет побеждено без боя. Уступки могут быть только до известных пределов и в течение известного времени, а так как уступчивость одной стороны ведёт к требовательности другой, то тот, кто не возьмётся вовремя за оружие для защиты своих прав и интересов, тот всё равно погибнет в борьбе, погибнет бесславно как больной организм.

Т. к. война есть высшее проявление самозащиты и т. к. самозащита будит энергию организма, то нетрудно указать на пользу войны для государства. Польза эта в том, что исчезает состояние безразличия, пробуждается ярко незаметное самосознание, повышается чувство патриотизма, повышается чувство солидарности между разными классами населения, повышается альтруизм, выражающийся в пожертвовании, в уходе за ранеными, слабые становятся сильными, апатичные деятельными. Страна держит суровый экзамен на право существования и все жители проникаются сознанием, что они должны помочь стране выдержать этот экзамен, это испытание на жизнь или смерть.

Война бывает полезна и необходима и побеждённому. Победителю она приносит [неразб.] ряд конкретных выгод, побеждённому указывает его недостатки и властно требует их исправления. Мы видим, что после войны, даже проигранной, в стране особенно сильно пробуждается энергия населения, которое как бы спешит залечить полученные раны. Так иногда человек после перенесённой острой болезни чувствует особенный прилив сил, как бы процесс возрождения.

И всё-таки, несмотря на это, война ужасна. В ней переплетаются величие и ужас, от неё веет и жаром вдохновенного подвига, и холодом смерти, и прав был художник, олицетворив войну в таком ужасном образе, который перед вами[7].

***

Вред от войн был всегда, и чем дальше идёт прогресс человеческой культуры, тем этот вред увеличивается в размерах.

---

[7] **Ред.** Вероятно, имеется в виду картина Василия Верещагина «Апофеоз войны».

Когда в старину бои происходили в мало населённых местах, среди бедного имуществом населения, военное разорение не носило того ужасающего характера, как теперь, когда разрушение даже небольшого города наносит многомиллионные убытки и ведёт к гибели таких сокровищ культуры, как художественные постройки, музеи, библиотеки и т. п. Густота населения и богатство его повышают разорительность войны.

Но и в смысле прямого ущерба населению и гибели людей современные войны далеко оставляют за собой войны прежнего времени. Армии в сотни тысяч сменились армиями, которые измеряются миллионами и абсолютное число потерь возрастает колоссально. Этим великим злом человечество всецело обязано прогрессу военной техники. Усовершенствованы орудия разрушения, изменился характер боя, увеличились потери.

Правда, и теперь, как и раньше, происходят отдельные мелкие эпизоды в виде столкновений во время разведок, когда участвуют несколько человек, […] и теперь возможны рукопашные схватки на улицах города и в окопах. Но всё больше развивается действие губительного артиллер[ийского] огня, всё ярче выступает действие пулемётов и вообще массового выпуска снарядов, которое даёт прямо-таки сплошные потоки пуль. Затем появилось новое орудие борьбы — [неразб.] снаряды, которые опять-таки ведут к увеличению опустошительности сражения.

Когда читаешь про все эти усовершенствованные средства истребления, кажется прямо невероятным, как люди выносят это, как идут навстречу массовой смерти — идут и побеждают.

Полезно вспомнить, что ещё так недавно находились оптимисты, которые говорили, что опустошительность войн удержит государства Европы от их начала. Это оказалось утопией. Опустошительность достигла небывалого размера, всё это было заранее точно известно — и никого от войны не удержала, даже маленькую Бельгию, воинственность и храбрость которой большинство не подозревало.

Поистине, удивительно сильно сохранена в культурном человечестве способность к кровавой борьбе, и под налётом буржуазности и стремления к сытой и покойной жизни в совершенном европейце до сих пор сидит дух воинственных предков, главное занятие которых была война, поединки и охота.

***

К сожалению, во время войны особенно ярко вспыхивают эти низменные инстинкты человека, которые ставят его даже *ниже* животных, вспыхивает жестокость. Я уже упомянул вскользь выше, что животных я не считаю жестокими. Это чисто психологическое понятие неприменимо к первобытной жизни. Жестокость есть *специальное* свойство человека. Она есть результат известной утончённости его нервной системы, т. к. только утончённая нервная система может создать себе наслаждение из страдания другого.

Здесь я боюсь быть непонятым относительно слова «утончённость». Я понимаю этот термин для выражения большого развития способности чувствовать у человека сравнительно с животным, но не в смысле более высокой степени утончённости в пределах человеческих. По моей терминологии нервная система дикаря есть утончённая нервная система сравнительно с нервной системой любого животного. И дикарь способен наслаждаться мучением врага, чего не может испытывать животное.

Римляне не были дикарями, они имели много утончённого в своей культуре, они были эстеты и любили красоту, искусство, поэзию — и они наслаждались утончёнными страданиями на арене Колизея, они любовались и травлей людей зверями, и боем гладиаторов, и живыми факелами. Вспомните испанскую инквизицию с её утончёнными пытками, вспомните застенки и пытки других стран и, наконец, вспомните бои быков, на которые любуются современные европейские не только мужчины, но и женщины XX века — и вы согласитесь со мною, что жестокость есть специальное качество человека.

В эту войну человек был изумлён и поражён тем, что культурные немцы при первом же запахе порохового дыма и звуке выстрела, при первом же виде крови сразу сбросили с себя внешний налёт культурности и превратились в кровожадных двуногих существ, называть которых зверями было бы обидно для зверей. Отрубать раненным уши, носы, языки, выкалывать им глаза — ничего подобного не делает ни один зверь, но всё это делали немцы.

***

Культурная Европа и Америка ещё задолго до этой войны ознаменовали свою просветительную деятельность, истребляя дикарей. Это позорное пятно на европейцах, которое они никогда не смоют. Наиболее повинны в этом американцы, англичане и немцы. На краснокожих Северной Америки и на австралийских туземцев устраивались форменные охоты. Устраиваются они колонистами и теперь на представителей редких вымирающих племён. Мне

говорил один солидный антрополог, что довольно высокие цены, которые платят музеи за черепа некоторых дикарей, поддерживают охоту на них.

Но теперь это истребление идёт по-тихому, а раньше оно шло крупным масштабом. В течение 70 лет было совершено истребление племён о-ва Тасмании. В 1884 году, когда началась колонизация Огненной Земли, европейцы предпринимали снаряжённые экспедиции, чтобы наказывать туземцев за такие проступки как воровство овец, были организованы большие охоты на обитателей Огненной Земли и в короткое время из 4000 представителей этого редкого племени осталось 400, а теперь они исчезли вовсе. Платили колонистам 10 рублей за каждого убитого туземца. Некоторые колонисты для этой охоты потравливались стрихнином.

Вот открытые факты из печальной истории человеческой жестокости, человеческой бесчеловечности. Мы в общем переоцениваем завоевания культуры, и культурные люди ещё далеки от того, чтобы заслужить во всей своей массе, а не в единичных представителях, высокого названия *человека*.

***

Подобно косвенной борьбе за жизнь у растений и животных, у человека ярко выражена косвенная борьба за жизнь. Чем народ культурнее, тем эта борьба принимает более *косвенный* характер, более замаскированный.

Обычно под мирной оболочкой культурной жизни эта косвенная борьба за жизнь происходит незаметно для ненаблюдательного человека. Облекаясь в мягкие по видимости, по жёсткости, по последствиям формы, она обыкновенно фигурирует под маскирующими названиями конкуренции, успехе карьеры и т. п.

[…]

Экономическая борьба — вот яркое проявление косвенной борьбы за жизнь. Каждый производитель какого бы то ни было продукта, каких бы то ни было изделий является конкурентом, соперником производителя того же товара. Успех в сбыте у одного часто ведёт непосредственно к неуспеху другого. Количество производителей может возрастать непропорционально количеству потребителей и некоторые из производителей погибают экономически совершенно так же, как погибает трава, заглушённая другой травой, как погибают морские жёлуди балянусы [род *Balanus*], на которые сели другие морские жёлуди. Интересно, что в формах экономической конкуренции имеются явления, которые совершенно сходные с тем, что мы видим у балянусов. Подобно тому, как один балянус тесно сидит около другого, заслоняя его и тем не давая ему [неразб.], и предприимчивый торговец старается часто открыть свою лавку возможно ближе к другому, стараясь отбить у него покупателей.

Соперничество отдельных торговых форм в области одной и той же торговли переходит в более широкий масштаб соперничества народов на поприще мировой конкуренции. Идёт борьба за рынки, которая в значительной степени является основой великого вопроса в жизни многих стран — вопроса колониальности. Колонии нужны европейским промышленным государствам не столько как место, куда могли бы [неразб.], сколько как рынок, поглощающий продукты производства. И в погоне за этими рынками возникает мировая конкуренция, и борьба за эти рынки переходит в политическую борьбу. Мировое соперничество Англии и Германии возникло исключительно на экономической почве.

Особенно интересны отношения между странами, которые официально независимы друг от друга, но фактически оказываются в положении колонии и метрополии. Таковы отношения, создавшиеся между Германией и Россией. В течение многих лет Россия была для Германии колонией, куда она отливала избыток предприимчивости своего населения и куда она сбывала значительную часть всех производимых ею товаров. Отношение Германии и России как метрополии и колонии сказывалось в том, что значительная часть важных должностей в государстве на всех направлениях деятельности, как в сферах службы, так и в сферах торговли и промышленности были заняты немцами. Должности же чернорабочих всегда исполнялись русскими.

Положение это создалось исторически на почве отсталости нашей страны сравнительно с Германией и вначале выражалось в систематическом приглашении немцев и других иностранцев для того, чтобы использовать наши природные богатства и проявить свою власть над нами. Начало систематического завоевания России иностранцами положил Пётр Великий. А то, что этими иностранцами стали по преимуществу немцы, тому причиной географические условия — тесное соседство нашей с Германией.

В течение более чем двух веков немцы приучили нас к тому, что они выше нас, они приучились быть учителями перед нами учениками, быть старшими мастерами и управляющими перед нами чернорабочими, быть директорами коммер[ческих] предприятий перед нами мелкими служащими. Мы относились к ним всегда с [неразб.] и даже подо-

бострастием. непрерывно унижая наше русское достои[нство] и сами того не желая.

Среди вас, господа, наверное, сидят люди, которые считали для себя высшей похвалой, когда во время поездки за границу его считали за иностранца, так и которые у нас в России системати[чески] говорили с немцами по-немецки даже тогда, когда вы были [неразб.] с приказчиками немецких магазинов, чего никогда не случалось в магазинах ни англ[ийских], ни француз[ских].

Что означает такое исключительное положение немцев в России? Несомн[енно] то, что они победили в мирной борьбе за жизнь. Они победители, мы побеждённые. Это, конечно, должно было развить в них великое самомнение и уничижительное мнение не столько о нас, сколько вообще о славянах. Как [неразб.] относиться с достоинством немцу к славянину вообще и в русскому в частности? Да и как же не относиться, если он видит, что мы русские без него немца ни шагу ступить не можем. Как с ранних лет привыкли видеть, что нам без немцев нет спасения.

Т. к. мирную борьбу с русским народом вели в течение многих десятилетий [неразб.], то весьма интересно и поучительно посмотреть, как пишет немецкий публицист о технике и морали мирного завоевания. Перед нами декабрьский номер немецкого журнала «Политико-Антропол[огическое] Обозрение» (Politisch-Anthropolog[ische] Revue). Редактор Шмидт Гибихенсрельс напечатал в этом № весьма интересную статью «Война как культурный фактор». Автор — горячий защитник войны, считает её лучшим двигателем благополучия государств и лучшим способом защиты их интересов. Иначе он смотрит на мирное завоевание. Вот его подлинные слова, на которые я обращаю специальное внимание тех, которые проповедуют, что не надо воевать с мирным русским народом.

> Воюющий завоеватель выходит против своего противника открыто и честно. На известной степени культуры он даже заранее объявляет войну и если он во время войны употребляет хитрости, то он знает, что может того же ожидать от своего противника, и обе стороны одинаково это предвидят. Если одна сторона этого не делает, то другая в этом не виновата. Но совершенно иной, прямо противоположный способ действия и иная военная хитрость у мирного завоевателя.
>
> Мирные завоеватели приходят к своему противнику не как враги, а под маской друзей, слуг, помощников, спасателей, под фальшивыми именами, под фальшивым флагом. Они предлагают свои услуги, свои деньги, свои товары, сперва при таких условиях, что у совершенно беспечного человека возбуждают представление о дружественности, услужливости, готовности помочь. Только после того, как подвергшийся мирному нападению противник уже понёс чувствительные потери и победа склоняется на сторону мирного завоевателя, тот, кто подвергся нападению, замечает, что перед ним *враг* его расы, его народного достояния, его государства, его культуры, всего его понимания жизни, всего его миросозерцания.
>
> Благо ему, если он ещё достаточно силён и имеет ещё достаточно солидарности в разных классах своего населения, чтобы отразить опознанного врага. Но обыкновенно народ узнаёт своего врага слишком поздно, а т. к. мирные завоеватели не в состоянии сами по себе создать совершенно устроенное общество, полное силы государство, т. к. и то, и другое, т. е. общество и государство, создаётся только на народной основе, то мирное внедрение в эту народную основу, в этот народный органический массив может действовать только растворяюще, разрушающе, но не сохраняющим и созидающим образом. И таким образом мирное завоевание одного народа другим может вести к гибели государства.

Не правда ли, знаменательные слова, если вспомнить, что их писал редактор немецкого политического журнала в 1912 г. в декабре, и если на место мирного завоевателя поставить слово «немец», а на место мирно завоёвываемого народа — наше отечество. Продолжаем излагать интересные соображ[ения] немецкого политика-публициста.

> К числу наиболее действительных военных хитростей мирного завоевателя принадлежит по возможности полный захват в свои руки общественной мысли (или точнее, фабрики общественного мнения — печати). И здесь мирные завоеватели начинают с того, что играют роль слуги, помощника, спасителя, притесняемых. И тут беспечные сначала не замечают удара. Наоборот, нередко мирному завоевателю удаётся представить прогресс своего завоевания прогрессом того, кого завоёвывают. Так происходит, пока государство стоит ещё не поколебленным.
>
> Когда уже государство начинает расшатываться, то мирное завоевание заканчивается и начинается разрушение, которое идёт гигантскими шагами, и тогда даже слабые замечают, какого рода “прогресс” проповедовали мирные завоеватели в главных органах печати.

Не сразу можно понять, о чём говорит в довольно иносказательной форме немецкий публицист. Но если внимательно вчитаться, то станет ясно, что одним из средств борьбы с чужим государством он считает подготовку в нём политической службы. Таково мнение немца о силе и значении «мирного завоевания».

Эту победу над нами немцев некоторые наши интеллигенты толковали совершенно своеобразно. До вклинивания немецких дел в русские они видели проявление дружбы и братства народов, проявление космополит[ической] идеи.

Немцы так никогда не смотрят. Они смотрят всегда на деле правильно. Они культурные победители, мы варвары побеждённые. Они высшие, мы низшие. Но это сознание своего превосходства и силы и привело в конце концов к войне. Привыкши к привилегии [неразб.], уже трудно от неё отказаться. И вот Германия замечает, что Россия мощно растёт, подымается из руин, развивает постепенно разнообразную деятельность, в ней нарастает национальное самосознание. Является вполне определённый замысел ослабить соседку, которая иначе скоро из положения колонии станет по отношению к Германии в положение самостоятельного государства. Надо ослабить, разбить мощь России, пока она окончательное не стала на ноги.

Японская война, конечно, была встречена в Германии с восторгом. Эта война была нужна Германии политически. Эта война стала одним из козырей в германской игре. Но Россия быстро стала оправляться после неудачной войны. Надо её скорее осадить. И вот вполне планомерно в течение неск[ольких] лет Германия готовилась к наступательной волне. Ещё в июне началась подготовка к мобилизации и затем был брошен вызов на смертный бой.

Таким образом, теперешняя прямая борьба на жизнь и смерть между двумя странами явилась непосредс[твенным] следствием и обязательным выходом из давно начавшейся экономической борьбы, в которой немцы были всё время победителями.

***

Кроме борьбы экономической, ярким проявл[ением] косвенной борьбы за жизнь является борьба за власть, т. е. борьба политическая. Я говорю о внутриполитической борьбе.

Политическая борьба есть борьба за власть — это будет самое простое и самое точное определение. Захватывание в свои руки власти — одна из величайших побед и поэтому понятно, почему так ожесточённо ведётся политическая борьба. Лозунг всякой политической борьбы — [неразб.] с этого места для того, чтобы на него сесть.

Политическая борьба, равно как и борьба экономическая, нередко ведётся с оружием в руках и переходит таким образом из сферы косвенной борьбы в сферу прямой, о которой я уже говорил. Принцип разрушения существующего, как лозунг одной из политических партий, хорошо воплощён немецким художником Шнейдером [Karl Alexander Schneider] в его картине «Анархист».

***

Но и у экономической, и у политической борьбы имеются свои специальные орудия, а именно деньги и слово, специально печатное слово. Это орудия специально человеческие, которых или вовсе нет в природе (деньги), или которые имеются в остальной природе только в зачатке (речь).

Деньги — это переведённая в потенциальное состояние энергия человечества, которая при желании может быть переведена в кинетическую. Подобно тому, как солнечный луч накопляет в растении энергию в виде отлагающихся в нём органических веществ, энергию, которая легко может быть переведена в свободное состояние и дать работу, так и деньги представляют собою накопленную силу человеческого труда, которую можно опять перевести в труд. Эту власть денег лучше всего выразил Пушкин в монологе Скупого рыцаря:

Что не подвластно мне? как некий демон
Отселе править миром я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
В великолепные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою;
И музы дань свою мне принесут,
И вольный гений мне поработится,
И добродетель и бессонный труд
Смиренно будут ждать моей награды.
Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползёт окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.
Мне всё послушно, я же — ничему.

***

Современная жизнь культурных стран даёт нам особенно яркую картину власти капитала и создаёт ряд сложных вопросов о борьбе [неразб.] между ним и трудом. Это настоящая борьба, в которой дей-

ствуют все средства, вплоть до оружия. Но одним из главных средств как в этой борьбе, так и в других видах человеческой борьбы является *слово*. Слово есть символ действия, слово есть выражение воли, слово есть выражение намерения.

У животных нет дара слова в нашем смысле слова, но у них несомненно есть способы объяснения друг с другом звуками и символами движения. Насекомые привлекают друг друга звуками. Мы знаем у птиц и зверей звуки призыва, звуки угрозы. Язык обезьян записан с помощью граммо[фона] и в нём найдено неско[лько] звуков, соотн[осимых] с определ[ёнными] понятиями. Там, где нет способности объясниться звуками, есть у животных безмолвные символы — есть движения угрозы, вопрос о которых разработан по [неразб.] рисунки.

Первобытная речь животных лишь у человека получила своё полное развитие. Здесь, как везде в природе, мы видим тоже постепенные ступени совершенства. Язык первобытных народов беден словами соответственно тому, как беден понятиями их мозг. Язык высоко развитых нар[одов] богат словами подобно тому, как мозг их богат понятиями.

Слово человека явилось мощным орудием в его жизненной борьбе. В первобы[тной] форме человеческий окрик, кроме угрозы, является предостережением врага, является заменой нападения и может иной раз его предотвратить. Цель угрозы — предотвратить боевую схватку, спася себя от опасности и в то же время достигнуть результата. Испугавший при угрозе — побеждает. Цель угрозы — бескровная победа.

Обращаясь к области международных отношений, мы должны сказать, [что] угроза есть основа всей дипломатии. Вся дипломатия в сущности есть движение угрозы, которую мы видим уже у животных. Это движение угрозы иногда так легко замаскировано, что дипломатические объяснения кажутся непосвящённому только рядом любезностей. Но если противник не чует под этой внешней оболочкой твёрдого намерения с оружием в руках защитить свои права, то такая дипломатия теряет всякое значение.

В экономической и внутренней политической борьбе роль слова, устного и печатного, как орудия борьбы — громадное. Реклама есть двигатель торговли. Реклама есть борьба с помощью слова, борьба со своим конкурентом, которая может быть доведена до виртуозности. Бойкот как мощное орудие экономической борьбы с врагом создаётся исключительно устной и печатной пропагандой.

Те газеты, которые теперь проповедуют бойкот немецких товаров, приносят серьёзную пользу родине, т. к. они постепенно воодушевляют инертных и безразличных к борьбе с врагом граждан осуществить по мере возможности тот способ борьбы, который доступен всякому и который согласуется с самыми строгими требованиями нравственности. Проповедь печатью того или иного настроения в обществе имеет самое серьёзное государственное значение и роль печати в этом деле громадна. Печать, которая во время войны поддерживает бодрое воинственное настроение, которая не даёт развиться буржуазному обывательскому миролюбию и безразличию, которая призывает ко всемерной борьбе с врагом, — делает серьёзное государственное дело.

В делах внутренней политики, особенно в странах с настоящим парламентским строем, роль печати как создательницы общественного мнения, могущего иметь решающее влияние на жизнь всей страны, поистине громадна. Перо и печатный станок могут получить при известных условиях значение фактора мировой важности и поворачивать колесо истории.

К сожалению, как всякое дело, печать имеет свою обратную сторону, и клевета и несправедливое злословие являются обычными грехами печати и в то же время сильным орудием борьбы, которое действует как отравленная стрела. Насколько острыми становятся здесь отношения политических деятелей к печати, показал недавно выстрел г-жи Кайо, убившей редактора газеты, систематически травившей её мужа[8].

***

Мы видели, что у животных в понятие борьбы прежде всего входит вопрос о добывании пищи, затем вопрос о добывании самки. Понятия нравственности, конечно, не связаны с борьбой животных, т. к. нравственности у животных нет, а если и есть, то в таком зачатке, что трудно проанализировать.

К человеческим поступкам мы не можем приложить нравственные критерии, т. к. нравственное чувство есть врождённое, человеку свойственное чувство. Но вопрос о человеческой борьбе за жизнь невольно вплетается в вопрос о её нравственной

---

[8] **Ред.** Имеется в виду убийство редактора французской газеты «Фигаро» Гастона Кальметта (Gaston Calmette) женой министра финансов и лидера радикальной партии Жозефа Кайо (Joseph-Marie-Auguste Caillaux) (https://diletant.media/articles/45277524/).

высоте или низости. Самые низкие первобытные инстинкты могут быть двигателями в человеческой борьбе. То, что мы считаем безразличным для животных, мы жестоко осудим в человеке.

Самое простое проявление борьбы — насильственная добыча пищи — является обычным жизненным проявлением у хищника и преступлением у человека. Воровство и грабёж хотя бы из-за голода есть несомненное преступление у человека, а с биологической точки зрения это только добыча пищи хищника. Человеку, имеющему свободу выбора в своих действиях, мы ставим в вину то, что он автоматически подчинился первобытному звериному инстинкту. При соперничестве на почве экономической, при конкуренции на почве служебной люди совершают ряд поступков, которые мы считаем безнравствс[твенными]. Клевета, злословие должны осуждаться нравственно. А всё это несомненно средства борьбы за жизнь. И наконец когда наступает грандиозная борьба за жизнь — война, вопросы о нравственности и безнравственности в борьбе встают с особой яркостью.

Есть люди, которые считают безнравственной войну саму по себе, толкуя заповедь «не убий» самым широким, самым распространительным образом. Не убий никогда и ни при каких обстоятельствах — ни на войне, ни путём казни преступника: таково учение некоторых моралистов. Церковь и государство не признают такого толкования и допускают и лишение жизни преступника, и лишение жизни врага на войне.

Несомненно, одним из самых скользких вопросов морали и права является вопрос о нравственности и безнравственности и праве и бесправии на войне.

Некоторые говорят, что раз война началась, то все понятия нравственности и права исчезают. Так сказали немецкие военачальники и многие (надеемся, не поголовно) немецкие учёные санкционировали своими приказами и своим одобрен[ием] убийство уродование мирных жителей, истязания и убой [неразб.], калечение пленных, выкалывание им глаз, распространение холерной заразы, отравление колодцев и т. п. Цель всех этих приёмов — внесение ужаса и опустошения в ряды не только вражеской армии, но и вражеского народа, нанесение ему наибольшего вреда.

Другие учат и рекомендуют поступать так только с армией, а не с народом, не трогать мирных жителей, уничтожать только укрепления, а не мирные селения, обращаться гуманно с ранеными и пленными, не пускать в ход отраву и т. п. Есть [неразб.] юридических наук право войны. Не будучи юристом, я не могу пуститься в подробный разбор вопросов в этой области, но я должен сказать, что надо всячески приветствовать проведение начал нравственности и права в области военной борьбы.

Удивительно, как прежде не казалось утопическим не вводить понятие о праве и чести в ход смертельной борьбы. Смертельные поединки исстари были подчинены строгому ритуалу и вполне определённым нравственным требованиям. В старинных кулачных боях было строго прояснено нравственное правило «лежащего не бьют». В прежних войнах считалось всегда обязательным соблюдение целого ряда правил, и международные совещания устанавливали их с большой подробностью.

И вот теперь вместо прогресса в этом отношении наблюдается регресс. Отчасти это вызвано усовершенствованием орудий истребления и усилением кровопролитности войн. Войны стали настолько кровопролитными сравнительно с прошлыми, что кажется будто уже всё нипочём.

Но есть и ещё одна глубокая причина безнравственного отношения немцев к врагу в тепереш[ней] войне и эта причина — падение христианского миросозерцания, падение христианской морали, исчезновение из сознания понятия греха. Утилитарная светская мораль, *не* основанная на религиозном сознании, конечно, терпит полное крушение. Пристрелить раненого чрезвычайно полезно и практично: он не будет требовать конвоя для сопровождения, не займёт место в вагоне, которое нужно нам самим, и наконец никогда снова не вернётся в строй, не причинит нам вреда. Он враг, а врагов можно и должно убивать. И несомненно путём таких соображений чрезвычайно легко дойти до приказа добивать раненых или до их добивания по личному самостоятельному почину. И только одно сознание может остановить чрезмерно жестокую руку: «грешно». И поверьте, что в сознании нашего простого народа, который составляет подавляющее большинство нашей армии, это элементарное простое разделение поступков на грешные и негрешные имеет самое решающее, самое серьёзное, жизненное значение. Грешно убивать вообще, но не грешно убить в бою врага — вот простая и великая идеология простого русского человека, настоящего русского солдата.

***

Борьба родит не только ужасы и безнравственность, борьба родит героев. И человечество все-

гда с древних времён окружало ореолом величия борцов на ратных поприщах. Борьба сама по себе выступает символом чего-то прекрасного и возвышенного, и русские богатыри являются у нас древним поэтическим воплощением идеи борьбы. Германия тоже олицетворила свою борьбу в лице своих героев, и вот французского художника вдохновили идеи о мече Зигфрида из «Кольца Нибелунгов»[9]. Всё средневековое рыцарство было воплощением возвышенной идеи борьбы, борьбы одухотворённой красотой защиты угнетённых, защиты справедливости от зла. Само посвящение в рыцари носило религиозный характер. Позднейшая история в лице Донкихота в последний раз вывела рыцарство как идею борьбы хотя бы за призрачные, но *высокие* идеалы.

Рыцарство в идеале своём предполагало освящение борьбы светом христианских добродетелей, в основу всех поступков ставило высокое понятие о чести. Священный символ креста носили немецкие рыцари крестоносцы. Но немецкая действитель[ность] нередко повергала в прах высокие рыцарские идеалы. Перечитайте великолепный роман Сенкевича «Крестоносцы», теперь это весьма своевременно. Вы увидите бездну предательства, измены, подлости и жестокости, которую допускали эти рыцари креста в борьбе со своими врагами. Издевательства крестоносцев над несчастным Юрандом из Спыхова [Jurand ze Spychowa] буквально переворачивают всю душу, и как ясно видны в этих предательских и кровавых [неразб.] предки современных [неразб.].

Но если рыцари в древние времена [неразб.] высоко нравственными идеалами, то зато и теперь ещё рыцарские подвиги, слава богу, нередки и понятие о чести ещё у многих стоит высоко. Наша скучная обыденность нередко озарена светом того или иного благородного поступка. Врач самоотверженно борется с эпидемией, пока не падает жертвой; часовой, несмотря ни на что, не сходит со своего поста; казначей города Калиша сжигает казённые деньги и гибнет под пулями рассвирепевших врагов, от которых ускользнула казавшаяся лёгкою добыча[10]; матросы миноносца «Стерегущий», вместо того, чтобы сдаться врагу, открывают кингстоны и находят славную могилу в холодных водах океана[11].

Окружённые врагами простые герои гибнут до единого, но не сдаются. Война полна подвигами героев и заведомых самопожертвований. Часто отряд знает, что он послан на верную гибель. Его посылают не для того, чтобы победить, а для того, чтобы умереть, задерживая врага. На скольких безвестных деревянных крестах в далёкой Манчжурии и близ [неразб.] Польши можно было бы начертать гордые слова, начертанные над героями Фермопильского ущелья: «Странник, возвести Спарте, что мы лежим здесь в [неразб.], верные законам своей отчизны»[12]. Удивительна сила того великого инстинкта самопожертвования, который лежит в основе всякой войны. Десятки тысяч людей идут спокойно и храбро умирать за других, осуществляя великую заповедь «Больше той любви никто не имеет да кто душу свою положит за други своя»[13].

***

Религиозное миросозерцание вводит понятие святости в понятие жестокой борьбы. Оно вкладывает меч в руки архангелов, оно вкладывает его в руки святых.

В кротком миросозерцании Рафаэля [неразб.] в какие мягкие формы вылилось изображение борьбы с Аттилою[14]. Апостолы Пётр и Павел являются

---

[9] **Ред.** Имеется в виду французский художник Гастон Бюссьер (Gaston Bussière) и его картина «Брунхильда» (https://dzen.ru/a/Y8FdshTwwR8JXoKA).

[10] **Ред.** Об этом эпизоде 1-й Мировой войны см.: https://dzen.ru/a/YNHSXEGu2xLUgswn.

[11] **Ред.** Здесь Кожевников допускает историческую неточность, смешивая два эпизода морских сражений в ходе Русско-японской войны. Миноносец «Стерегущий» был сильно повреждён, его покинула команда, он сам затонул во время буксировки (https://ru.wikipedia.org/wiki/Стерегущий_(миноносец)). Крейсер «Варяг» также получил значительные повреждения, почти вся оставшаяся в живых часть его команды была снята с борта, затем на судне по приказу капитана были открыты кингстоны, чтобы затопить его (https://ru.wikipedia.org/wiki/Варяг_(бронепалубный_крейсер)).

[12] **Ред.** Речь идёт об эпизоде греко-персидской войны (V в. до н. э.), известном как Фермопильское сражение (https://ru.wikipedia.org/wiki/Фермопильское_сражение). Приведённая Кожевниковым эпитафия неточна, буквальный перевод её древнегреческого текста таков: «Чужестранец, возвести лакедемонянам, что мы лежим здесь, верные законам» (http://www.hrono.ru/sobyt/_000sob/_480fermop.php).

[13] **Ред.** Не очень точно воспроизведённый стих из Евангелия от Иоанна (Ин *15*: 13).

[14] **Ред.** Имеется в виду фреска художника Рафаэля Санти (Raffaello Santi) «Встреча папы Льва с Аттилой» в Апостольском дворце Ватикана (https://gallerix.ru/album/Rafael/pic/glrx-8386).

в небесах с мечами остановить его в его нашествии. В творчестве религиозного художника святые принимают участие в борьбе, вооружённые людскими орудиями убийства — мечами.

У нас на Руси иноки, посвятившие свою жизнь служению Богу, нередко брались за мечь, не считая грехом убийство врага ради защиты родины. Вот иноки Троицко-Сергиевой Лавры мужественно борются с осадившим Лавру неприятелем[15].

***

И всё-таки, несмотря на весь героизм, несмотря на всю красоту подвига войны, она невольно внушает ужас и невольно раздаётся взволнованный голос: «Неужели так будет? Неужели война не прекратится? Неужели человек не найдёт способа миром улаживать распри?»

Я уже сказал выше, что война не есть случайное явление, а есть выражение обязат[ельного] биологического закона борьбы. Именно вследствие такого биологического значения войны она неизбежна в течение ближайших столетий, и если можно мечтать о прекращении воны, так разве при условии, что человечество настолько изменится, что станет мало похожим на современное. Мечты же о том, что даже настоящая война последит к сокращению вооружений мне кажутся совершенно несбыточными. Немецкая раса не такова, чтобы навсегда сойти с арены без попытки восстановить своё значение и побеждённая Германия будет конечно [неразб.] длительно готовиться к реваншу. Мы, конечно, должны будем значительно усилить свою военную мощь и быть [неразб.] готовности. Если бы мы даже сняли с очереди новую войну с Германией — перед нами грозная перспектива войны с Китаем, которую, конечно, увидят многие из здесь присутствующих. После войны немцы построят в Китае пушечные заводы, корабельные верфи и в какие-нибудь 10 лет вырастет обученная немцами миллионная китайская армия, с которой нам придётся жестоко сражаться. Мне, кажется, стоит только вспомнить Китай, чтобы забыть всякие мечты о пацифизме и мире всего мира. А какие столкновения возможны даже в ближнем будущем между европейцами, лучше не станем говорить, ибо это не своевременно[16].

***

В итоге нашего анализа борьбы мы видим, что в вопросе о людской борьбе кроются непримиримые противоречия. С одной стороны, даже идейную борьбу человек способен превратить в акты жестокости, что мы видим в борьбе религиозной и в борьбе политической. В грубых формах борьбы своей он может стать первобытным зверем, а в более утончённых — хуже зверя в том отношении, что он способен *сознательно* причинять страдания, тогда как звери делают это бессознательно, он способен даже находить удовольствие в чужих мучениях. Таким образом, борьба при известных обстоятельствах и в известном отношении может примирять человека. С другой стороны, мы видим, что понятия о героизме, рыцарстве, чести, т. е. весьма высокие понятия, выросли на почве борьбы, мы видим, что борьба и даже весьма ожесточённая, может проходить в самой возвышенной, в самой святой атмосфере.

Как же помирить нам эти противоречия? Что придаёт борьбе ту или иную краску? Мы не имеем здесь иного мерила кроме обычных нравственных норм, приложенных к оценке как целей борьбы, так и средств борьбы.

Конечно, если цель борьбы по существу безнравственна, то мы с осуждением отнесёмся к самому факту борьбы, какими бы мягкими, какими бы деликатными способами она ни велась, как бы она ни была замаскирована. Но если цель борьбы не безнравственна, то мы должны выдвинуть вопрос об оценке её средств, применяя обычные нравственные нормы. Идея, что цель оправдывает средства, кроет в себе крушение всех нравственных понятий. Слишком легко сзади недостойных средств поставить высокую цель, хотя бы мнимую, призрачную — и тогда явится лозунг «всё дозволено», т. е. полное крушение нравственности. Ведь именно девизом «цель оправдывает средства» объясняют наши жестокие враги немцы все свои жестокости, нарушения международного права и всякие безобразия. Цель войны они могут выставить самую возвышенную и они так и делают, говоря, что цель эта — защита великой германской культуры от русского варварства, защита родины от злых её врагов. Жестокие способы ведения войны должны помочь победе, должны ускорить окончание войны. Надо сделать войну невыносимой для неприятеля во всех отношениях и тогда он сдастся. Таким образом признавая, что цель оправдывает средства, мы должны будем всё оправдать.

---

[15] **Ред.** Имеется в виду литография, изображающая осаду Троице-Сергиева монастыря войсками Лжедмитрия II в начале XVII в. (https://diletant.media/articles/45056610/).

[16] **Ред.** В рукописи Г.А. Кожевникова последующий текст дан в двух несколько различающихся вариантах. Мы приводим тот вариант, который нам кажется более поздним.

Но наше нравственное чувство возмущается теми или другими поступками — и эта высшая инстанция в решении вопроса. Великий психолог Достоевский в своём замечательном романе «Преступление и наказание» гениально поставил и решил этот большой вопрос о цели и средствах. Все логические хитросплетения о «дозволенности» разбились о голос непосредственного нравственного чувства. И каковы бы ни были цели борьбы, мы должны непременно считаться с оценкой употребляемых в борьбе средств с точки зрения обычной христианской нравственности. Возможная гуманность в самой жестокой борьбе, возможное уменьшение зла войны, сострадание к раненому врагу, человеколюбивое отношение к пленным и мирным жителям, неупотребление некоторых особенно жестоких технических приспособлений, каковы разрывные пули, ядовитые вещества и т. п., — вот то, чем мы можем отдать дань человечности в те грозные дни, когда судьба зовёт народы на бой.

***

Мы говорили до сих пор о чисто физической борьбе, в которой человек становится на один уровень с животным, но человек может перенести борьбу в ту плоскость, которая совершенно недоступна для животных. Человек может вести борьбу в области отвлечённых идей. Мы видим, что в области науки, в области искусства и, наконец, в области религий идёт великая идейная борьба, из которой исключается всякое понятие физического насилия или принуждения. Речь идёт не о борьбе человека с человеком, а о борьбе идеи с идеей.

В области науки возможно проявление высокой идейности, чуждой всякой погони за материальной выгодой и мирскими благами. Мы должны особенно ценить таких учёных, которые работали исключительно ради отыскания истины, которые боролись за истину, которые добивались победы истины над ложью. История науки показывает нам, что иной раз эта идейная борьба за истину была тяжела, грозила разными бедами и даже смертью, как мы видим на примере Джордано Бруно, в трагической жизни которого, закончившейся в феврале 1600 года на костре инквизиции, важную роль играла его идейная борьба с научными положениями Аристотеля, восставать против которого считалось преступлением.

В наше время свобода научного исследования является общепризнанной, и мучениками науки являются не те, которые произведут известные научные идеи, а те, кто погибает во время работы или заразы, отравления или какого-либо несчастного случая. Но и в наше время надо иметь известное мужество для того, чтобы при некоторых условиях высказывать свои мысли, являющиеся результатом личной работы. Истинный учёный не должен бояться возражений, не должен бояться общественного мнения, а должен всегда смело высказывать свои идеи, как было мало они ни нравились тем, кто их слышит. В этом его борьба. А когда его идея, сперва гонимая и встречавшая осуждение, окажется принятой — в этом и будет его победа, а также и победа его идеи. И в борьбе за идею нередко случается, что творец её умрёт раньше, чем идея одержит победу. И вот тогда осуществляется высшая форма борьбы — борьба идей. Творца научной мысли уже нет в живых, но сама мысль жива, она борется за своё существование и может победить.

В области искусства возможна идейность высокого рода. Истинный художник работает не из-за меркантильных благ, а лишь ища исхода своему вдохновению. Истинный художник не считается с мнением толпы и непризнание толпы является нередко причиной его материального неуспеха. Но если он не ремесленник, а художник, то девизом его будут великие слова: «Поэт, не дорожи любовию народной», и далее: «Ты царь. Живи один. Дорогою свободной иди, куда влечёт тебя свободный ум…»[17]. Какое истинное величие в этих немногих словах! В них смелый призыв на великую художественную борьбу, в них верный залог великой художественной победы. И тот, кто сказал эти слова, не преклонился пред толпой. Он гордо прошёл среди неё, победивши её великой идейной победой, и побеждённая толпа преклонилась перед ним и воздвигнула ему памятники.

Религия есть область идей высшего порядка и область высокой идейной борьбы. Основной целью является труднейшая из побед, победа духа над плотью. В лице аскетов, отшельников, святых мы видим людей, которые отдали всю свою жизнь этой великой борьбе. Полное отрешение от земных благ, полное сосредоточение своих душевных сил на великой идее о Боге и о приближении к нему путём духовного самоусовершенствования — вот орудия этой идейной борьбы, орудия, которыми чрезвычайно трудно пользоваться, но которые дают в конце концов труднейшую из побед — победу над самим собой, над своими физическими желаниями и страстями.

---

[17] **Ред.** Слова из стихотворения А.С. Пушкина «Поэту».

Достижение этой победы даёт человеку возможность проявить высшую силу духа, ибо можно с уверенностью сказать, что нигде так мощно не проявлялась сила духа, как в форме религиозного экстаза, позволявшего мученикам терпеливо переносить всякие истязания, позволявшего древним христианам спокойно петь молитвы на арене Колизея или нашим религиозным фанатикам предавать себя сожжению ради спасения души.

Высшая цель борьбы есть борьба со злом, высшая победа — победа над злом. Но что же является величайшим злом для человека и всего живущего? Конечно — смерть. Опираясь на неумолимые законы «равнодушной природы», смерть является основной трагедией нашей жизни. Бессильный бороться со смертью физическими способами, человек переносит борьбу с нею в область идей. В своём религиозном сознании он в идее смерти олицетворяет идею всего зла и облекает борьбу с мировым злом в форму борьбы со смертью. В распятом Христе наша религия видит символ победы над смертью и над «имущим державу смерти», т. е. дьяволом, воплощением зла. В этой возвышенной идее идёт борьба Христа как воплощения добра с дьяволом как воплощением зла, и в победе над ним я вижу последнюю ступень эволюции самой идеи борьбы. До большей высоты идея борьбы и победы подняться не может.

Для лиц верующих религия является мощным орудием в житейской борьбе, т. к. она укрепляет силу их духа, не даёт им падать под бременем житейских горестей, спасает их от отчаяния и самоубийства. На тех, кто владеет силою веры, сбываются слова Христа «Приидите ко мне, все труждающиеся и обременённые, и Аз упокою вы»[18].

Сейчас на окраинах нашей великой России среди самых тяжёлых жизненных условий, среди лишений и страданий, орошая мёрзлую землю своей святой горячей кровью, сотни тысяч наших братьев своей грудью защищают свою родину, а вместе с тем идею права и справедливости, защищают право великой славянской нации жить свободно от иноземного ига. Их не может не одушевлять мысль, что они борются за право и правду, что они борются со злом. Перед их мысленными очами образ Георгия Победоносца, поражающего символ зла — дракона, перед их мысленными очами крест с распятым Христом, символом окончательной победы добра над злом. И хочется крикнуть: СИМ ПОБЕДИШИ!

[18] **Ред.** Слова из Евангелия от Матфея (Мф *11*: 28).

П-16. ВЫМИРАНИЕ ЖИВОТНЫХ[1]

Рождение и смерть — начало и конец жизни… Над этими моментами невольно задумывается человек. По поводу них он невольно оглядывается на прошлое и заглядывает в будущее…

Чаще всего мы говорим и думаем о рождении и смерти, когда это касается нас, людей, и притом людей, близких нам. Мы говорим о людской и притом *индивидуальной* жизни и смерти. Но жизнь людей, жизнь всего рода людского — всего лишь *капля* в море всей животной жизни, которая началась, когда людей и следа не было, и которая продолжится, когда последние следы рода людского будут сметены с лица Земли неудержимым потоком времени.

Наше внимание легко останавливает на себе *индивидуальная* жизнь, но ведь рядом с индивидуальной жизнью, с рождением и смертью индивидуума есть рождение, жизнь и смерть *вида*, о котором мы редко думаем. Индивидуальное рождение и индивидуальная смерть представляют в настоящее время мало загадочного. Особенно мало загадочного в индивидуальной смерти.

Рождение особи более загадочно в своём первоисточнике. Можно удивляться, как две маленькие клеточки, дающие начало новому организму, содержат в себе потенциальные зачатки всех органов, всех свойств и способностей, содержат в себе запасы потенциальной энергии, которой хватает на целую жизнь… Но всё-таки в настоящее время многое, бывшее загадочным в явлениях наследственности, объяснено, объяснено многое в самом механизме развития. С морфологической стороны явлений развития снят покров таинственности.

Загадочным остаётся первоисточник жизни, загадочным является вопрос о том, путём каких комбинаций сил мёртвая материя превратилась в живую.

***

Обратный процесс, процесс превращения живого в мёртвое, не представляет ничего загадочного. Причины индивидуальной смерти ясны, законность и неизбежность её бесспорно доказуемы.

Мы наблюдаем постепенное изменение и умирание отдельных клеточек организма в самом разгаре его жизнедеятельности. Мы наблюдаем, что эти изношенные части организма постоянно, непрерывно возобновляются, заменяются новыми, пока у организма не утрачена эта способность к регенерации. Мы видим затем, что при естественном одряхлении утрачивается способность отдельных клеток к жизнедеятельности, к размножению, видим далее, что происходят разнообразные явления перерождения, дегенерации отдельных микроскопических частей организма, видим, как постепенно частично изнашивается весь организм, изнашивается без всякой надежды на восстановление и от частичного умирания так ясен и так незаметен постепенный переход к полному умиранию всего организма, к уничтожению индивидуальности и распаду того, что было индивидуумом, на свои неживые составные части. Картина смерти индивидуума вполне выясняется нам данными гистологии, патологии, физиологии… Для натуралиста нет загадки и в том, что смерть индивидуума есть смерть окончательная и ни о каком восстановлении индивидуальной жизни не может быть речи.

***

Итак, жизнь каждой особи, начавшись рождением, *заканчивается смертью*. Но что такое жизнь *видовая*? Что такое жизнь не отдельной особи, а целой совокупности особей? Что такое смерть вида? Что такое рождение вида? Кроется ли что-нибудь реальное за этими понятиями? Мы останавливаемся перед целой сетью вопросов, распутать которую перед вами я и ставлю задачей в сегодняшней лекции.

Натуралист рядом с жизнью индивида изучает жизнь целого *вида*, жизнь совокупности целого ряда особей, составляющих одно биологическое целое. В понятии о виде есть несомненно доля отвлечённого, но в то же время в этом понятии есть нечто глубоко *реальное*. Реальность этого понятия ускользает от нас, когда мы имеем дело с видом широко раскинувшимся, с видом изменчивым. Нам кажется, будто вид что-то неопределённое, что-то неуловимо расплывчатое, пожалуй даже что-то не реальное, а лишь плод нашего умозрения.

---

[1] **Ред.** Публичная лекция, читана 15 ноября 1908 г. в Московском музее прикладных знаний. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. ед.хр. 89.

Вымирание животных.

Публичная лекция от Комитета Московских Курсов Прикладных Знаний 15 ноября 1908 г.

Рождение и смерть — начало и конец жизни.....

Над этими моментами невольно задумывался человек. По поводу них он невольно оглядывается на прошлое и заглядывает в будущее....

Чаще всего мы говорим и думаем о рождении и смерти, когда это касается нас, наших и притом людей близких нам.

Мы говорим о людской и притом индивидуальной жизни и смерти.

Но жизнь людей, жизнь всего рода людского лишь капля в море всей животной жизни, которая началась, когда в людях и следа не было и которая продолжится

В действительности же вид есть нечто вполне реальное, вполне уловимое для нашего понимания, во всей своей совокупности, если только мы подберём такой пример, который легче для нашего анализа, который не расстилается бесконечно широко. Возьмём вид вымирающий — и он станет нам вполне понятен во всей своей полноте.

Возьмём *зубра*. На всём земном шаре он живёт в диком состоянии только в двух местах: в Беловежской пуще Гродненской губернии и на северо-западном Кавказе. Мы вполне свободно уясняем себе понятие о зубре как о виде. Это нечто вполне реальное, а не абстракция. Совокупность всех живущих на земле зубров мы называем *видом Bison europaeus* [= *Bos bonasus*] и т. к. их *немного*, то значит понятие о зубре как виде не представляет собой *ничего неуловимого*.

Более того: для нас вполне ясно и реально выступает понятие о более мелкой классификационной или, как говорят, таксономической единице, понятие о подвиде (*subspecies*). Совокупность всех живущих зубров ясно распадается на две *реально* существующие группы: *зубр беловежский и зубр кавказский*. Они отличаются друг от друга вполне определёнными признаками. [Кавказский зубр] мельче ростом, темнее шерсть, обладает более стройным складом, более тонкими ногами и можно с большим вероятием предположить, что эти характерные отличия выработались у него под влиянием жизни в горной местности.

Каждая из этих биологических групп, из этих двух подвидов имеет свою определённую судьбу и своё определённое будущее, и это будущее — вымирание. Уже с тридцатых годов прошлого столетия идёт регистрация зубров как животных, состоящих под надзором и охраной человека. В 1832 году их численность 770, в 1840 году — 817, в 1845 году — 1025, в 1850 году 1560 штук, в 1857 году количество их достигло максимальной цифры 1898 штук и потом начало сильно падать.

На падение его в 60-х годах повлияла причина совершенно случайная и исключительная — польское восстание. Когда край был охвачен междуусобной войной, конечно, было не до охраны зубра и их количество после этих тревожных лет пало с 1½ тысяч до 800 экземпляров. С этого критического периода всё шло уменьшение до 1891 года, когда опять началась прибыль, но никогда число не дошло до того, что было прежде. Несмотря на охрану, зубры вымирают, причины этого вымирания неясны и в настоящее время работает специальная экспедиция департамента земель, которая должна пролить свет на этот тёмный вопрос. Есть указание, что гигиенические условия Беловежского леса очень плохи, что там плохая вода, что зубры в изобилии заражены паразитами. Есть и гораздо более интересное с биологической точки зрения указание на *уменьшение плодовитости* и на *дегенерацию* некоторых особей. Если такие *органические* причины существуют, то мы имеем на примере беловежского зубра показательный пример, как разные причины роковым образом отразились на жизни вида.

Зубр современный является несомненным потомком зубра ископаемого *Bison* [*Bos*] *priscus*. Это ископаемое животное было распространено весьма широко по всему северному полушарию, одинаково в Евразии и Америке, и было предком как зубра, так и его ближайшего родственника бизона американского. Был, следовательно, период процветания вида *Bison priscus*. Потом этот вид, расселившись по Азии, Европе и Америке, стал дифференцироваться. В Азии он вымер, в Европе превратился в современного зубра, в Америке в американского бизона. Оба эти вида весьма близки к ископаемому, но интересно, что бизон американский ближе к *Bison priscus*, чем наш зубр.

В Европе сплошное распространение зубра, вероятно под влиянием человека, стало прерывистым, он разбился на два больших племени, западное и восточное. Западное силою обстоятельств попало в положение животного, живущего почти в неволе, во всяком случае под большой опекой человека, восточное племя кавказское, обособившись в особый подвид, живёт ещё по сие время во вполне диком состоянии и относительно его вымирания не имеется таких подробных данных, как относительно беловежского. Несомненно, однако, что и кавказский вымирает. Мы не имеем никаких исторических данных о массовом истреблении зубра человеком. Это надо помнить. Быть может, в истории сокращения его географического распространения и вымирания его в историческое время играли роль какие-либо неизвестные нам биологические факторы[2].

Особенно интересно подумать об этом при сравнении судьбы зубра с судьбой бизона. Оба эти вида — потомки одного и того же предка, но современная история застала бизонов в таком гро-

[2] **Ред.** Аборигенный кавказский зубр был окончательно истреблён в 1927 г.; в настоящее время популяция на Северном Кавказе восстановлена за счёт интродукции беловежского зубра (Заблоцкий, 1968).

мадном количестве, в период такого процветания, о существовании которого у зубра не имеем никаких данных.

Бизоны процветали в Америке до *60-х* годов прошлого столетия, т. е. ещё на памяти ныне живущего людского поколения, их было несколько миллионов особей, которые составляли одно громадное стадо в широком смысле этого слова, иначе говоря, занимали сплошь равнину С. Американских прерий, не группируясь на отдельные изолированные группировки. В 1867 г., когда была проведена железная дорога через Соединённые Штаты с берега одного океана на другой, это сплошное миллионное стадо было разрезано линией дороги на 2 — северное и южное. Южное стадо насчитывало в себе несколько миллионов голов и было истреблено в течение 4 лет 1871–1874 гг. Северное стадо было прикончено значительно позже в 1880–1884 гг. Это было нечто невероятное по своей нелепости. Из-за одной малоценной шкуры убивалось громадное животное и его роскошная туша оставалась гнить неиспользованной. В Бостонском музее висит картина масляными красками, изображающая эту жестокую картину человеческой дикости и безумной расточительности. Картина изображает прерию, сплошь усеянную ободранными тушами, оставленными гнить безрассудными людьми. Миллионы этих людей были бы сыты мясом этих великолепных животных в течение многих лет, если бы на существование этих животных посмотреть хотя бы с чисто практически-хозяйственной точки зрения. Вместо этого десятки миллионов народного богатства были брошены без пользы.

Отмечаю эту чисто утилитарную точку зрения на истребление животных, потому что до сих пор ещё не получил у нас в России распространение взгляд на диких животных как на предмет правильного хозяйства. Мы смотрим на охоту точно так только как на истребление, а она может быть обращена в совершенно правильное использование человеком природных богатств страны.

В настоящее время сохранилось только два небольших диких стада американских бизонов. Одно приблизительно 300 голов обитает в пустынной области неподалёку от Большого Невольничьего озера. Около 20 штук всего осталось в так называемом Йеллоустонском парке, где ещё недавно было большое стадо этих животных. В течение последних 17 лет было убито браконьерами около 200 штук из этого охраняемого стада. В зоологических садах там и сям в Америке ещё сохранилось в общей сложности около 1200 штук бизонов. В Нью-Йоркском зоологическом саду в 1907 году было около 40 штук бизонов. Они хорошо плодятся там и у американцев есть надежды ещё восстановить вид. В 1906 г. Н.-Й. зоол. сад. подарил государству 15 штук для основания нового национального стада бизонов. Для этого стада отведено защитное пространство в 12 квадр. миль, но конечно, когда стадо разрастётся это пространство может б[ыть] увеличено. То обстоятельство, что в наше время бизоны разбиты на несколько изолированных малых стад, благоприятно для восстановления вида в смысле освежения крови[3].

***

В судьбе бизона мы видим ясно и бесспорно влияние *человека* на его гибель; и не имеем *никаких данных* о вырождении вида в силу причин биологических. Но бывают случаи, когда влияние человека является только последним актом истории вида или даже трода, истории, которая ведёт этих животных к постепенному угасанию.

Есть небольшой отряд животных, называемый сиреновыми (Sirenia), отряд весьма своеобразный, оригинальный. В нём насчитывается 20 родов и 38 видов, но почти все они ископаемые. Из 20 родов только два остаются в живых. *Manatus*, ламантин, 2 вида, которые живут в Ориноко, Амазонке и в Суринаме, а третий в Сенегале, Нигере и озере Чад; и затем *Haliare* [= *Dugong*], дюгонь— 3 вида, которые обитают в Индийск[ом] океане и у берегов Австралии. Таким образом, приходится 3 вида живых на 35 ископаемых. Это по-моему показывает, что этот отряд вымирающий. Ископаемые известны уже с эоцена. Есть другие отряды, где мало вымерших форм, и мы всё-таки не считаем, что отряд вымирает, потому что есть процветающие семейства, роды, виды. Так, напр., [неразб.] всего 3 вида и каждый с узким распространением и притом эти распространения разрознены. Все признаки вымирания. И вот к этому-то, на мой взгляд вымирающему отряду принадлежала истреблённая человеком знаменитая *морская корова Rhytina stelleri*, или по более правильной номенклатуре по закону приоритета *Hydrodamalis stelleri* Retzius, 1794 [= *gigas* Zimmermann, 1780].

---

[3] **Ред.** В настоящее время в Сев. Америке насчитывается до 13 тыс. бизонов, живущих в дикой природе и на территориях фермерских хозяйств (https://www.iucnredlist.org/species/2815/123789863).

Открыто было это животное в 1741 году экспедицией Беринга и описано адъюнктом Академии Стеллертом, который принимал участие в экспедиции. Лейтенант Ваксель сделал рисунки с натуры этого замечательного животного. Оно имело 4–5 сажень в длину, в области пупка 3½ сажени. Через 27 лет после открытия этого животного в Беринговом море оно было истреблено промышленниками. Казалось бы, что здесь стоит обратить внимание не только на сами сроки истребления, но я обращаю ваше внимание ещё вот на что. В момент открытия этого животного оно имело очень *ограниченное географич[еское] распростр[анение]*. Это была одна изолированная колония, одно изолированное стадо, правда, многочисленное, но всё-таки изолированное. Когда это стадо было истреблено, нигде кроме не нашли ни одного живого экземпляра, ни одного скелета. Все найденные скелеты, существующие в музеях, происходят из того же района, где было это животное найдено Стеллером из Берингова моря.

Что же заставило [эту] морскую корову жить в ограниченном районе? Или она не была склонна к прогрессив[ному] размнож[ению] и захвату новых местностей, или она раньше занимала бóльшие районы, но постепенно сократила своё распростр[анение] от неизвестных причин. Во всяком случае, до её открытия Стеллером *человек не мог* повлиять на сужение её распространения. Мы можем сказать только одно: что ни морская корова, ни весь отряд её не могут быть отнесены к категории *процветающих* форм, и я позволю себе здесь высказать предположение, быть может, довольно смелое и не вполне обоснованное.

Эти животные, сиреновые, являются животными в высокой степени специализированными. Они представляют собой формы весьма далёко пошедшие по пути эволюции. Действительно, эти млекопитающие имеют всего одну пару развитых конечностей, и то специализированных в ласты. Задние конечности лишь в зачатке и снаружи даже не видны. Зубы находятся в состоянии атрофии. У истреблённой морской коровы зубов вовсе не было. Но первобытные млекопитающие имели и зубы, и вполне развитые конечности. Все эти странные черты указывают на то, что животные эти весьма *далеки от первобытности*, что они весьма специализированные виды животного царства. А всякая специализация ведёт к чему? *К естественному концу*. Специализация и совершенствование в определённом направлении не может идти бесконечно. Совершенств[ование] в определённом направлении доходит до своей кульминационной точки и обязательно останавливается, а потом вид идёт к упадку. История животного царства показывает нам тому множество примеров, и я ещё буду иметь случаи вернуться к этому вопросу.

***

Я позволю себе высказать мысль, что до истребления человеком морская корова вряд ли принадлежала к видам, *которым предстояло блестящее будущее*. Но всё-таки решающим моментом в её судьбе был человек. […] Посмотрим ещё несколько примеров важного влияния вмешательства человека в судьбы животных.

Отряд *ластоногих*, куда относятся тюлени и моржи, с давнишних времён служит предметом энергичной бойни. Для туземцев Севера это прекрасная добыча с хозяйственной точки зрения, а развитие культуры и промышленности выдвинуло тут и чисто коммерческий интерес. Особенно энергично преследуются виды, которые дают дорогой мех, т. е. морские котики. Эти интересные животные обитают в северной части Великого океана от брегов Японии до Калифорнии. По наблюдениям последних десятилетий, с 1880 года численность котиков в настоящее время [уменьшилась] более чем в 10 раз. Ввиду этого они находятся под охраной и в настоящее время, кажется, на некоторый срок охота на них вовсе запрещена. Но браконьерская охота на них продолжается и т. к. она технически не трудна, то уберечь котиков можно только искусственными охранительными мерами.

Морской бобр — хищник, житель тоже арктической полосы в районе Командорских и Алеутских островов, он находится тоже накануне истребления из-за промышленных целей. Истребление морского бобра началось с половины 18-го столетия. В 1763 году через 22 года после открытия Командорских островов вместо 1000 шкур, добывавшихся раньше ежегодно, было добыто 20. Потом были приняты меры охраны и стали добывать по 200 штук. Вид также вовсе не склонен к вымиранию.

Страшно сократилось количество *соболя*. Вследствие непрерывного преследования и всё усиливающегося спроса на его мех он стал становиться редкостью, тогда как на нашей памяти был совершенно обыкновенным сибирским зверем. Теперь [неразб.] шкуры доходит до 200 р. и если не будут приняты меры, соболь *исчезнет*.

Особенно поучительно проследить влияние человека на исчезновение животных на таких ор-

ганизмах, которые *в одно и то же время в одних странах ещё процветают*, а в других уничтожены совершенно.

Медведи и волки водятся ещё в громадном количестве в Сибири и северной России. На Кавказе местами медведи так многочисленны, что составляют постоянное бедствие населения. В Западной Европе в настоящее время медведь почти исчез. Его нет в Англии, во Франции, в Германии. Есть местности Германии, где он исчез ещё в первой половине XVIII века. Волков тоже в настоящее время нет в Германии.

Рысь существует ещё по всей северной России и Сибири и даже ещё в пределах Московской губернии в Дмитровском уезде. В Германии последние рыси отмечены в половине прошлого столетия.

Лось сохранился в Западной Европе только в Северной Пруссии около Тильзита, где охраняется подобно нашему зубру. У нас же в России лось весьма обыкновенен и принадлежит к числу таких видов, которые за последнее время расселились и заняли бóльшую площадь, чем раньше. Лось весьма поучительный для нас пример в вопросе о вымирании. Это такое животное, которое совершенно не склонно к вымиранию. Он представляет собою вид цветущий, благоденствующий, полный жизненных сил, легко приспосабливающийся. Стоит только оказать ему маленькое покровительство, не бить самок, не бить его в любое время года — и он быстро размножится и будет устраивать свои стоянки вблизи населённых местностей, как мы это видим постоянно в Московской губернии. Таким образом, в тех случаях, когда лось истреблён в какой-либо местности, мы можем ясно и определённо сказать, что он *выбит*, а *не вымер*.

Даже пребывание в мало доступных местностях, на горных вершинах, где охота очень трудна, не спасает животных от непосредственного истребления человеком. Копытные принадлежат к числу процветающих животных, особенно семейство овец и коз, антилоп. Здесь богатство видов и разновидностей и никаких следов естественного вымирания. И среди этой процветающей группы есть формы быстро исчезающие — например, *серна*, жительница альпийских высот и в Западной Европе, и у нас на Кавказе, а в особенности альпийский горный козёл *Capra ibex*. В настоящее время от этого животного сохранилось только одно стадо на склонах Монте Розы, и опасность полного исчезновения этого вида пожалуй даже больше, чем нашего зубра.

***

Мы видим, таким образом, что в некоторых случаях можно вполне бесспорно доказать, что человек и только человек есть причина исчезания животных с лица Земли. Это тогда, когда дело идёт о *процветающих* видах. Но *далеко не всякое* исчезновение вида в историческое время должно быть приписано человеку. Ест случаи, когда причины совершенно неизвестны и о них можно только гадать.

Воспользуемся тем, что только в прошлом году вышла сводка Вальтера Ротшильда по поводку вымерших птиц[4]. Речь идёт не только о тех, которые исчезли на памяти человека, но и о тех, которые найдены в самых молодых отложениях Новой Зеландии, Мадагаскара, Маскаренских островов. Плейстоценовые, т. е. послетретичные отложения этих местностей считаются значительно более молодыми, чем известные под тем же названием плейстоценовые отложения Австралии, Азии, Европы и Америки. Это весьма важное обстоятельство, на которое я прошу обратить внимание. Вымершие птицы Новой Зеландии и Маскаренских островов *ближе* к современным, чем вымершие птицы других мест земного шара.

В сводке Ротшильда упомянуто 174 вида исчезнувших в историческое и ближе к истории время птиц[5]. Из них многие известны только по описаниям, от многих не сохранились не только чучела, но ни косточки, ни пёрышка. Среди этих исчезнувших птиц есть такие, относительно которых мы *не можем* сказать, что их *истребил* человек. Причины их исчезновения совершенно *неизвестны*. Они приближены к таким видам, которые человеку незачем особенно преследовать. Таковы, например, *филин* и *сова* с острова Родригес, таковы совы и ястреба с о. Маврикия, луни с Новой Зеландии. Мясо хищников не вкусно, а кроме как из-за мяса не могли энергично преследовать птиц. Ближайшие родственники всех этих исчезнувших хищников хорошо приспособлены к борьбе за жизнь и нам для объяснения исчезновения этих видов остаётся предположить, что были виды, *исчерпавшие запас своих жизненных сил*,

---

[4] **Ред.** Имеется в виду Walter Rothschild и его книга «Extinct Birds» (1907 г.).

[5] **Ред.** В настоящее время учёные насчитывают около 190 видов птиц, вымерших после 1500 г.; ещё около 1200 видов находятся под угрозой вымирания (https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_видов_птиц,_вымерших_после_1500_года).

виды одряхлевшие. Я считаю, что мы непременно должны допустить это биологическое явление *старения*, одряхления *вида*, совершенно параллельное одряхлению индивидуума.

Исчезнувшие *дрозды* и ещё некоторые птицы из отряда воробьиных, которые в общем весьма процветают в настоящее время, также наводят на ту мысль, что отдельные *виды* могут оказаться *утратившими свою жизненную энергию*.

Мы не знаем, почему вымерла на памяти современного поколения новозеландская султанская курица *Notornis hochstetteri*. Последний раз её наблюдали в 1898 году. Ротшильд высказывает предположение, что быть может она где-нибудь ещё присутствует на Новой Зеландии[6]. Никаких данных относительно истребления этой птицы человеком мы не имеем. Интересно то, что весь род *Notornis* исключительно новозеландский и притом вымерший. Некоторые виды известны только в ископаемом состоянии. Быть может, мы имеем перед собой пример естественного угасания вида.

Мы не имеем также никаких определённых данных относительно исчезания австралийского попугая *Nestor norfolcensis* [= *productus*], который имел весьма ограниченное расрпостранение. Он известен только с острова Норфолка на СВ от Соломоновых островов[7]. Если действительно в историческое время этот попугай нигде кроме не жил, то это несомненный пример *естественного* вымирания вида, которое всегда связано с *узким географическим распространением*.

Представители утиной породы преследуются [неразб.] весьма энергично, [неразб.] *Anas theodor*i с Маврикия, *Anas finschi* [= *Camptorhynchus labradorius*] с Новой Зеландии и лабрадорская гага. Но маврикийский остров и Новая Зеландия уже такие места, где всё вымирает, а вымирание лабрадорской гаги наводит на мысль, что *помимо* деятельности человека быть может в её биологии было нечто, что поставило её в более невыгодные условия, чем другие виды.

***

Иногда такие невыгодные условия довольно ясны.

Знаменитая среди исчезнувших птиц большая бескрылая гагарка *Alca* [= *Pinguinus*] *impennis*. Первое упоминание об этой птице было в 1536 году. Затем на протяжении трёх столетий её наблюдали регулярно у берегов Гренландии, Исландии, Лабрадора, на Фарерских и Оркнейских остр., у берегов Ирландии и у берегов русской Лапландии. Последние несомненные экз[емпляры] этой птицы относятся к 1844 году. Высказывается предположение, что наблюдали *Alca impennis* и совсем недавно в 1898 году, но это ставится под сомнение. Относительно причин исчезновения этой птицы некоторые высказывают вполне определённое предположение, что она погибла от собирания яиц человеком. Спрашивается, почему же не истреблены другие виды гагарок, которые тоже подвергаются [неразб.].

Высказывают такое предположение. Другие виды, как *Alca torda* или *Alca alle*, хорошо летают и могут нести свои яйца на неприступных скалах. Бескрылая же гагарка гнездилась на плоских берегах и её яйца были доступны всякому. Конечно, возбуждает сомнение, была ли это единст[венная] причина, следующее обст[оятельство]. Места гнездовий *Alca impennis* были настолько глухи, безлюдны, пустынны, что быть может далеко не всегда её яйца могли быть добычей человека. Быть может и тут вмешались биологические причины, которые остались для нас невыясненными, т. к. наблюдений над этой птицей было сделано весьма мало.

***

Неспособность к летанию и появление новых врагов были несомненными причинами гибели многих видов.

В 1598 году голландским путешест[венником] Якобом ван [Н]еком [Jacob Corneliszoon van Neck] была впервые описана удивительная птица с острова Маврикия, лежащего к востоку от Мадагаскара. Это дронт *Didus* [= *Raphus*] *cucullatus* (или как раньше *ineptus*). Через весьма небольшой промежуток времени, между 1680 и 1890 годами, т. е. всего через [неразб.], эта птица была уничтожена отчасти людьми, а отчасти завозимыми животными — свиньями и мартышками. Как это ни странно, в начале XVII века матросы завезли безо всякой определённой цели на остров Маврикий обезьян с Цейлона. Свиньи же были завезены для хозяйственных целей. И есть и другие животные, уничтожавшие легко яйца и молодь дронтов. Сами

---

[6] **Ред.** Популяция этого вида обнаружена в 1948 г. на о. Южном в Новой Зеландии (https://ru.wikipedia.org/wiki/Такахе#Повторное_открытие).

[7] **Ред.** Считается, что причиной вымирания этого вида было прямое преследование со стороны аборигенов и первых европейских поселенцев (https://ru.wikipedia.org/wiki/Тонкоклювый_нестор). Местоположение о. Норфолк здесь указано неверно: он расположен на северо-западе от Новой Зеландии и значительно южнее Соломоновых о-вов.

дронты были малоподвижны и легко поддавались истреблению. Мясо их было вкусно. Сохранились интересные, сделанные разными лицами с натуры, эскизы этого животного: № 1 сделал в 1626 году Roeland Savery, № 3 в 1598 году тот самый Van Nek, который открыл эту птицу, № 5 Broecke в 1617 г., и самый поздний рисунок относится к 1682 году, т. е. к тому времени, когда птица эта уже исчезла.

Другой вид дронта *Didus solitaria* был открыт Dubois на острове Бурбон[8], тоже одном из Маскаренских остр[овов]. Погиб этот вид в промежуток времени между 1735 и 1801 годом. Такой большой промежуток времени надо отметить потому, что за эти видом почти не следили и к 1801 году относят после [неразб.]. Эту птицу привозили в Европу раза два, но никто не позаботился сохранить её для музея, и в настоящее время мы не знаем ни одной косточки, ни одного пёрышка от этого удивительного животного. Интересен [неразб.] рисунок. Вот этот сделан с натуры, а другой по описанию Dubois.

На острове Родригес жил близкий к дронтам род *Pezophaps*, который является связующим звеном между сем. дронтов и сем. голубей.

Все эти птицы погибли как от человека, так и от *привозных животных*, к борьбе с которыми они не могли приспособиться.

***

Несомненно такими же плохо приспособленными к соврем[енным] условиям существ[ования] были представители сем. Dinornidae — птицы *моа*. Впервые они были описаны в 1833 г. из Новой Зеландии, но европейцы уже не застали их в живых. Были найдены только кости, перья и яйца. По преданиям туземцев маори можно думать, что когда эти племена лет 600 тому назад переселились в Новую Зел[андию], они застали там в изобилии моа. Маорийцы истребили этих птиц в течение 100–150 лет.

Вымершие моа принадлежат к той же группе птиц, как современные страусы, американские страусы нанду, казуары, — к Ratitae, бескилевые[9]. Но очевидно, что моа не обладали таким хорошим бегом, как современные Ratitae, которые в течение долгого времени успешно выдерживают даже преследование европейцев. А что касается туземцев, то страусы при своём замечательном беге весьма удачно провели свою борьбу за существ[ование] при наличности первобытного оружия. Конечно, винтовки вносят новый фактор, не предусмотренный природой, от которого мало спасает бегство. Но если первобытное племя маори смогло истребить моа, очевидно, они были менее подвижны, чем страусы.

Из современных нелетающих птиц вполне безуспешны и гибнут не только от человека, но и от любой кошки или собачонки маленькие *киви*, или бескрылы, обитатели исключительно Новой Зеландии, этой удивительной страны, которая так сильно отличается от всех местностей земного шара, даже от оригинальной Австралии. Весьма вероятно, что киви скоро погибнут на наших глазах и увеличат собой длинный список исчезнувших птиц вообще и Новой Зеландии в частности[10].

***

Интересно отметить, что из 174 видов птиц, вымерших на людской памяти или в ближайшее к историческому время, 58 видов, т. е. 30%, относятся к новозеландской фауне. Это положительно *страна вымирания*. Равным образом странами вымирания являются и Маскаренские острова. Какие причины этого интересного явления? Обыкновенно останавлив[аются] на двух: 1) истребительная деятельность человека и 2) изменения условий борьбы за существование вследствие ввоза новых животных.

Новая Зеландия как раз такая оригинальная страна, в которой вовсе не имеется местных, туземных млекопитающих[11]. Это настоящее *царство птиц*, они здесь старшие представители животного царства. Конечно, не имея врагов в виде млекопитающих, птицы не приспособились к борьбе за жизнь, не выработали себе нужные приёмы защиты, хотя бы в форме быстрого бега, раз не было способности летать.

---

[8] **Ред.** В настоящее время остров называется Реюньон. Новейшие исследования костных остатков с Реюньона показали, что эта птица — не дронт (отряд голубеобразные), а реюньонский ибис (*Threskiornis solitarius*, отряд пеликанообразные), также вымерший (https://ru.wikipedia.org/wiki/Threskiornis_solitarius).

[9] **Ред.** В настоящее время бескилевых выделяют в отдельный инфракласс Palaeognathae, каждый род выделяется в самостоятельный отряд (https://ru.wikipedia.org/wiki/Бескилевые).

[10] **Ред.** В настоящее время в Новой Зеландии успешно действует специальная национальная программа по восстановлению киви (https://ru.wikipedia.org/wiki/Киви_(птицы)).

[11] **Ред.** Из наземных и полуводных млекопитающих есть несколько эндемичных для Новой Зеландии видов рукокрылых и ластоногих.

Такое толкование вполне рационально. Но приходит невольно в голову и следующее соображение. Рядом с этой причиной не действ[ует] ли в Ново-Зеландской фауне и другая, более глубокая историческая причина. Это самая *древняя* фауна на Земле. Предполагается, что эта фауна складывалась или тогда, когда млекопитающих ещё вовсе не было на Земле, или тогда они ещё не получили повсеместного распространения и в частности ещё не попали на тот материк, кусочек которого составляет теперь Новая Зеландия с прилежащими островами[12].

Если это самая древняя фауна, то не естественно ли там встретить наибольшее количество вымирающих видов? Почему? Потому что *всё имеет свой естеств[енный] конец*. Индивидуум зарождается, развивается, достигает известного возраста, дряхлеет и умирает. Отдельные виды, роды или целые отряды могут иметь периоды зачатия, развития и отцветания. Почему не допустить, что даже целая фауна изолированного участка земного шара может находиться в состоянии одряхления, потому что она изжила свой век. Мы видим ведь на примере ископаемых фаун, что исчезают *целые животные миры*, уступая своё место новым.

***

Выясняя вопросы, связанные с вымиранием или вообще исчезн[овением] животных с лица Земли, я уже не раз затронул вопрос о их приспособленности или неприспособленности к окружающей среде. Это один из основных вопросов биологии и для выясн[ения] причин вымирания необходимо ещё подробнее его осветить.

Конечно, только хорошо приспособленное к окружающей среде животное может процветать и благоденствовать. Несомненно также, что рядом с видами хорошо приспособленными есть виды плохо приспособленные. Эти плохо приспособленные обречены самой судьбой на вымирание. Не нужно никаких особенно дурных обстоятельств для того, что, чтобы это вымирание совершилось. Иногда животное приходится рассматривать как какой-то неудачный опыт природы, как какую-то пробу творчества этой природы, пробу неудачную, которая по существу обречена на гибель.

Среди видов хорошо приспособленных надо отличать виды с широкими приспособлениями и виды с узкой приспособленностью. Для одних животных возможна жизнь только при строго определённых условиях. Измените эти условия — и без прямого истребления животное вымрет. Оно вымрет не потому, что его кто-то истребил, а потому, что оно слишком мало податливо, слишком консервативно по отношению к изменениям среды. Иногда, наконец, самое хорошее приспособление не спасёт животное от гибели под влиянием человеческой культуры и непосильной борьбы с человеком.

Среди полярных льдов без вмешательства человека белый медведь является несомненно царём природы. Нет никого, кто решился бы вступить с ним в борьбу. Суровая обстановка арктической природы вполне ему по натуре. Он идеально к ней приспособлен. Но перед пулей дальнобойной винтовки вся эта приспособленность идёт насмарку. Но всё-таки суровая обстановка дикой природы далёкого севера служит для северных медведей прекрасной защитой и никакие *культурные* влияния человека не могут изменить эту обстановку. Человек может вырубить лес, может распахать степь, но он бессилен растопить полярные снега[13]. Исключительные условия среды служат несомненной прекрасной защитой для этих зверей и птиц, которые к ним приспособлены.

Среди громадных океанских просторов, где Атлантический океан сливается с Индийским в полосе между 35 и 55° южной широты лежат пустынные острова Буве, пр. Эдурда, Крозе, Кергелен, св. Павла, Амстердам. Значительную часть года они покрыты сплошным снежным покровом, как, напр., на картинке остров Буве. Этот остров так затерян в пустынях океана, что в течение нескольких десятков лет никто не навещает его и про него как бы забыли, так что немецкая научная экспедиция Куна отмечала как бы вторичное открытие этого острова[14]. Берега таких островов дики и пустынны. Люди на них не живут. […]

Никаких хищников нет на этих островах и неудивительно, что такие оригинальные птицы как пингвины, приспособленные только к плаванью, не могущие ни летать, ни бегать, чувствуют себя совершенно благополучно как дома среди этой пустыни. Они гнездятся на голых скалах и вполне

[12] **Ред.** Сказанное верно лишь в отношении плацентарных млекопитающих.

[13] **Ред.** Во времена Г.А. Кожевникова ещё не знали, насколько губительной для полярной природы может быть массированная нефтедобыча, если она ведётся на основе примитивных варварских технологий без учёта экологических требований.

[14] **Ред.** Имеются в виду морской биолог Карл Хун (Carl Friedrich Chun) и его экспедиция в конце 1890-х гг. в Субантарктику (https://ru.wikipedia.org/wiki/Хун,_Карл).

беззащитны от врагов. Но дело в том, что врагов-то и нет. Таким образом, пустынные местности и своеобразность фауны служат защитой тому, кто в сущности беззащитны. Завезите хищников на такой остров — и пингвины исчезнут.

Альбатрос превосходно защищён тем, что держится в открытом океане и обладает могучим полётом. Лишь совершенно случайно может он подвернуться под выстрел. Это идеально защищённое животное[15]. Но посмотрите, как беззащитны его гнездовые колонии. Только пустынные острова служат им защитой. Представьте себе хищника среди этой мирной картины — и вымирание колоний неотвратимо.

Таким образом, иногда совершенно исключительная комбинация условий защищает и спасает животное от гибели. Нарушьте эту комбинацию — и благоденствию вида конец, он будет на пути вымирания.

***

Есть целые категории видов, которые, попадая в сферу деятельности человека, гибнут не от непосред[ственного] истребления, а от того, что культура меняет первобытную природу. Это явление особенно интересно для нас, т. к. оно непосредств[енно] касается нашей родной фауны и нас самих. Мы губим леса, распахиваем степи и тем самым меняем условия жизни животных. Одни могут отлично приспособиться к изменчивым условиям, другие нет.

Глухарь не станет жить в мелкорослом и сильно расчищенном лесу. Ему надо леса таёжного типа. Рябчик тоже таёжная птица, но значительно менее прихотливая. Однако без леса жить не станет. Не станет жить без леса и вальдшнеп, хотя и не нуждается в такой глуши, как глухарь. Тетерев может жить и в кустарнике, и даже приспособился к жизни в открытой степи. И несомн[енно] такая широкая приспособленность обеспечивает его от вымирания, он выживает, а разборчивый глухарь быстро исчезает.

Пример узкой приспособленности к степи — байбак. Его близкий родич суслик обладает широ[кими] приспо[соблениями]. Байбаки исчезают, суслики остаются. Быстро исчезают сайгаки с исчезнов[ением] степи и мы знаем, что [неразб.] в доисторических степях Западной Европы водились сайгаки и оставили нам в доказательство свои кости. Исчезли они не от истребления человеком или иными врагами, а от изменений физико-географических условий местности. С распашкой целинных степей исчезнут дрофа и стрепет. Не луки и стрелы, не порох и дробь, а соха и борона обусловливают их вымирание.

***

Замечательно, однако, что существует целый ряд видов, которые превосходно уживаются с человеческой культурой и даже размножаются особенно удачно в высоко культурных местностях, где население соблюдает охотничьи законы.

Классич[еским] примером такого культурного зверя является дикая коза *Capreolus capreolus*. Она исчезла из мало заселённой средней России, процветает в густо населённой Германии в охотничьих хозяйствах. Прекрасно уживаются среди населённых людьми мест куропатки. Множество мелких воробьиных птиц охотно селится около человека, образуя специальную садовую фауну (пеночки, славки). Птицы вороньего рода отлично приспособились к соседству человека и менее всего склонны к вымиранию.

Даже среди постоянно преследуемых хищников есть такие, которые, будучи хитрыми и осторожными, прекрасно уживаются с культурными местностями. Самый яркий пример — лисица. Она несомненно хитра, остроумна, пуглива, но она живёт даже в пригородных дачных местностях под Москвой (Измайлово).

Очевидно, что такие виды принадлежат не к видам хорошо приспособленным, но и к видам вообще процветающим, благоденствующим. Виды эти широко распространены и обыкновенно разделены на несколько подвидов. Классическим примером процветания и благоденствия являются грызуны, начиная с зайцев, и особенно мелкие грызуны — мыши и полёвки. Это разные обыкновенные полёвки *Arvicola glareolus* или [неразб.] термином *Evotomys hercynicus* [= *Myodes glareolus*]. Мыши по всему свету. Масса видов и подвидов. Это положительно победители среди млекопитающих.

***

Широкое геогра[фическое] распространение и обилие местных подвидов можно считать признаком процветания. Наоборот, узкое распространение и отсутствие местных подвидов — признак угасания вида, а если не угасания, то признак того, что этот вид не способен к широкому про-

[15] **Ред.** К сожалению, в настоящее время это не так: альбатросы сильно страдают от рыболовства ярусным способом и пластикового загрязнения океанов (https://ru.wikipedia.org/wiki/Альбатросовые#Угрозы_и_охрана).

цветанию. Вот несколько примеров узкого распространения животных, примеры непроцветающих видов.

Антарктический волк живёт только на Фолклендских островах. Понятно, что такое животное легко вымирает[16]. Другой редкий хищник *Icticyon* [= *Speothos*] *venaticus* живёт только в Бразилии и Гвиане. Человекообразные обезьяны предст[авляют] собой виды с узким распространением, виды не процветающие, склонные к вымиранию. *Горилла* живёт только в лесных областях западной Африки. Оранг только на Зондских островах — Борнео и Суматре. *Okapia* в центральной Африке. Только в Южной Америке живут оригинальные ленивцы — представители отряда неполнозубых, который был широко развит в более древние периоды истории Земли, а потом постепенно сократили своё развитие. Отряд старый, вымирающий и его последние представители наверное недолговечны.

Иногда ныне живущее в сравнительно небольшой области животное имело в самое ближайшее время гораздо более широкое распространение. Прекрасный пример — мускусный овцебык. Теперь он живёт только в Северной Америке и Гренландии. В ближайшее геологическое время он жил по всей Сибири, по России и Западной Европе, и его остатки иногда попадаются в самых верхних слоях, тесно связывая его ископаемое состояние с ныне живущим. Оттуда уже прямой переход к настоящим ископаемым *Ovibos*.

Существуют виды, которые известны только в ископаемом состоянии. Таков древний носорог, имевший костную носовую перегородку. Таков был мамонт, ископаемый слон, остатки которого повсюду встречаются в Сибири и Европе. Эти животные близки к современным, но чем дальше мы будем идти в глубь времён, тем количество окончательно вымерших форм будет меньше и тем меньше похожи они будут на ныне живущих[17]. Земля представляет собой гигантское кладбище целых фаун, которые сменял одна другую и в некоторых отношениях были много богаче современных. Таким образом, в течение бесконечно длинного периода времени происходили грандиозные явления вымирания. Каковы были причины этого вымирания?

Когда говорят о фаунах близких к нам, о тех фаунах, которые были одновременно с человеком, то его участие тоже привлекают к вопросу о вымирании. Некоторые палеонтологи придают большое значение деятельности первобытного человека в исчезании [таких] животных. Указывают на то, что пока не было домашних животных, крупные млекопитающие были главным источником питания человека. В некоторых случаях количество остатков млекопитающих на стоянках первобытного человека поистине громадно. Так, проф. Осборн [Henry Fairfield Osborn] нашёл в Америке остатки 80.000 лошадей в одном месте.

Но надо помнить, что только к небольшому числу видов может быть применено участие человека в их истреблении. Громадное большинство животных вымерло до появления человека на Земле или никогда с ним не сталкивалось. Более общее значение может иметь предположение, что в ряде животных форм бывали случаи *плохой* приспособленности к окружающей среде, которые можно бы назвать *неудачными*.

Так, например, в верхнеюрских отложениях найдены остатки птицы *Archeopteryx*, которая совмещала в себе черты птицы и ящерицы. Это была промежуточная ступень эволюции, которая обязательно должна была исчезнуть, когда организация птиц повысилась на следующую ступень.

Указывают данные на то, что чрезмерное развитие некоторых образований у ископаемых форм, чрезмерное развитие бивней, рогов могло тоже являться невыгодным и что обладатели таких переразвитых образований должны были выродиться в более приспособленных представителей.

Но, с другой стороны, самое пылкое воображение не может себе представить, почему известная организация оказалась менее приспособленной к благополучному существованию, чем другая. Находят остатки пещерного медведя. Он похож в общем на современного, но крупнее, сильнее и отличается некоторыми частностями в строении скелета. Что в его организации могло оказаться неудачным и почему он, более сильный и более крупный, уступил место менее сильным, мы не знаем, если не вспомним того предположения, которое я уже не раз высказывал, что каждая форма имеет свой жизненный цикл, заканчивая который, она сходит, давая предварительно начало новым формам.

---

[16] **Ред.** Имеется в виду фолклендский волк, или фолклендская лисица (*Dusicyon australis*); вид был истреблён во второй половине XIX в. как вредитель овцеводства.

[17] **Ред.** Очевидно, Г.А. Кожевников здесь подразумевает виды, полностью вымершие в то историческое время, когда на них охотились первобытные люди.

В древние геологические периоды процветали организации, очевидно прекрасно приспособленные к окружающей среде. Они жили долго, были многочисленны и разнообразны и исчезли потом без остатка. Упомяну лишь несколько наиболее ярких примеров.

В древние геологические периоды кембрия, силура и девона процветали своеобразные ракообразные — трилобиты. Они положительно кишели в море, потом стали постепенно сходить со сцены и исчезли окончательно в так называемый пермский период. Если бы это были животные, плохо приспособленные к жизни, они не просуществовали бы так долго и не достигли бы такого пышного расцвета. Я полагаю, что они сыграли свою роль и сошли со сцены, потому что вся группа в лице отдельных своих мелких биологических групп, в лице родов и видов начала постепенно вырождаться, как бы истратив запас своей жизненной энергии. Жизнь класса, начавшаяся давно, не могла быть вечной, и она прекратилась, как прекращается всякая жизнь.

Другая громадная группа животного царства, господствовавшая в морях в течение бесконечно длинного ряда тысячелетий, были аммониты. Появившись в девоне, они существовали гораздо дольше, чем трилобиты, дожив до мелового периода. Они проявили необычайное богатство жизненных сил, они имели в лице отдельных своих семейств несколько периодов расцвета, они поражают многочисленностью своих видов и родов, но всему бывает конец, и должна была кончиться и жизнь группы, очевидно, богато одарённой и прекрасно приспособленной.

***

Когда мы стоим перед великой загадкой смены одних фаун другими, одна основная идея неизбежно выясняется перед нами. Выясняется, что вымирание одних форм сопровождается развитием других. Сходя с жизненной арены, вымирающие животные очищали место для других. При этом часто можно проследить постепенный переход от одних форм к другим, постепенную эволюцию.

***

Когда мы ходим по богатому палеонтологическому музею и видим рядом с мамонтами и ископаемыми носорогами ещё более древних и ещё более крупных животных, напр., гигантских ящеров игуанодонов величиной в 5½ метров или бронтозавров, которые достигали 26 аршин длины (Н.Йорк. экземпляр), то невольно мысль наша направляется в ту сторону, что с течением времени происходит измельчание животного мира. Вымирают гиганты, остаются карлики; сходят со сцены слоны, размножаются мыши.

Но далеко не всегда так происходило. История животного мира показывает, что часто вымирание сопровождало постепенное прогрессивное развитие современных форм, [оно] было спутником прогрессивной эволюции. Особенно интересны те случаи, когда при *вымирании* животные *не мельчали*, а наоборот становились крупнее. Мы так привыкли думать, что всё ископаемое допотопное крупнее и сильнее, а всё современное мелкое и слабое, идея измельчания животного мира так популярна, что весьма полезно выслушать и нечто совершенно обратное. И едва ли не самым поучительным примером такого увеличения роста на последующих ступенях эволюции сравнительно с предыдущими представляется нам история лошади.

Чтобы рассказать эту удивительную историю полно и последовательно, как она этого заслуживает, начнём с самого начала. Начнём с древней эпохи третичного периода, с нижнего эоцена. Так как наверное многие из вас не сильны в геологии, то я считаю полезным напомнить, что современной эпохе, в которую мы живём, предшествовала ледниковая эпоха. Эти эпохи, современную и ледниковую, мы относим к четвертичному периоду, а ему предшествовал третичный период со следующими эпохами: самая молодая плейстоценовая, потом миоценовая, олигоценовая и эоценовая. А раньше был уже меловой период.

Так вот, в нижнеэоценовых отложениях С. Америки было найдено пятипалое животное *Phenacodus*, которое на основании сравнительных остеологических исследований относится к отряду копытных, понимаемому в самом широком смысле слова[18]. Этот отряд животного царства, если включит в него вымершие формы, поистине громаден: он содержит в себе 10 подотрядов, из которых 6 сплошь вымерли. И вот один из этих вымерших отрядов Condylarthra заключает в себе формы, которые надо считать исходными для эволюции современных копытных.

К этому отряду относится и *Phenacodus*. Это было животное, достигавшее величины тапира и не имевшее ещё почти ничего на копытах. Потомком *Phenacodus* тоже в эоценовых, т. е. в древнетретичных отложениях Америки и Европы является

[18] **Ред.** В настоящее время такая трактовка «копытных» устарела.

Hyracotherium, животное весьма небольшой величины, относящееся уже к тому самому подотряду, куда относятся современные лошади, т. к. отряду Непарнокопытных и даже к семейству лошадиных Equidae. Мы можем определённо сказать, что *Hyracotherium* — наиболее древний представитель семейства лошадиных. Весьма близок к нему и современный ему *Eohippus* — форма специально американская. Это было животное всего около 11 дюймов вышиной, с четырьмя пальцами на передних ногах и с тремя на задних.

Дальнейшее развитие типа современной однопалой лошади шло одновременно и в Европе, и в Америке. Эта история прослежена несравненно полнее и потому мы на ней и остановимся. Всё в ту же эпоху, в древнетретичную, но в слоях более молодых, чем *Eohippus*, найдены остатки *Protohippus* и более молодого *Orohippus*. По строению конечностей они были одинаковы: четыре пальца на передней ноге и 3 на задней. Как будто то же самое, что у *Eohippus*, но есть существенная разница: исчезли остатки первого пальца на передней ноге и пятого пальца на задней, которые были ещё у *Eohippus*. Перед нами новая ступенька эволюции. Важно отметить увеличение размеров животных с ходом эволюции: *Eohippus* имел 11 дюймов вышины, *Protohippus* 14 дюймов, а *Orohippus* ещё больше.

В более молодую третичную эпоху, в олигоцене, мы находим в Америке ещё более крупное животное *Mesohippus*, представителя дальн[ейшей] ступени эволюции однопалой конечности. Здесь 3 пальца на обеих ногах, но на передней ещё остался остаточный след пятого пальца, а на задней уже исчез. Таким образом, в олигоценовую эпоху уже наметился преобладающий средний III палец и сокращение II и IV. Но всё-таки они могли на ходу касаться земли. Постепенно эволюция, сохранившая в последовательно налегающих друг на друга слоях, измельчала. Выше *Mesohippus* встречается сходный с ним *Miohippus*, который отличается только тем, что от пятого пальца остались не крупные, как у *Mesohippus*, а совсем ничтожные следы и величины всего животного больше.

А более молодая миоценовая эпоха третичного периода приносит нам новую стадию — *Hyppohippus* и *Meryhippus*, у которых два боковых пальца уже оказались не видны, хотя у разных представителей развития ещё видны. Во всяком случае, судьба этих пальцев уже решена. Величина животных уже значительно больше, чем в эоцене. В средних и верхних эоценовых отложениях найдены остатки *Protohippus*, у которых ещё целы боковые пальцы, но значительно меньше, чем у *Meryhippus*, а в более молодых

[Одна страница отсутствует; последующий текст написан довольно небрежно]

В Европе в доисторическую эпоху жили дикие лошади тарпаны, о существовании которых упоминает целый ряд историков и натуралистов, которые жили, наверное, ещё в то время, когда уже работали научные зоологи, но животные эти остались неизученными и нигде не имеется чучел этого животного. В Азии живёт до сих пор настоящая лошадь *Equus przewalskii*.

В Америке теперь живёт несколько видов диких лошадей, правда, принадлежащих к другому подроду *Hippotigris*, но всё-таки он близок к настоящей лошади[19]. [Эти лошади все] вымерли. Почему же погибли лошади в Америке? Это большая загадка. Предположения [такие]. Суровый климат последних эпох — но ведь он таким был и в других местах. Неизвестная болезнь. Продолжительная засуха. Влияние человека. Всё это мало вероятно и вымирание лошадей в Америке — одна из величайших загадок в науке. Но как бы то ни было, вымирание это совершилось после того, как прогрессивная эволюция привела от маленьких и несовершенных *Hyracotherium* и *Eohippus* к большим высоко совершенным *Equus*. Вымершая лошадь Америки была ничуть не хуже *Equus przewalskii*.

Интересно отметить, что окончания прогрессивного развития своих форм, своего роста, своей силы и быстроты лошадь достигла только путём культуры. Все дикие лошади представляют собой нечто более мелкое, менее совершенное, чем венец эволюции — рысак и английская скаковая. […] И все те мизерные эоценовые и миоценовые лошадки с четырёх- или трёхпалыми [ногами] жили только для того, чтобы путём их вымирания шла эволюция к совершенному типу современной лошади.

***

Вымирание является для нас в свете нового *великого биологического закона*. Без вымирания предков невозможно совершенствование потомков. Смерть есть нечто законное, смерть есть нечто необходимое, смерть есть одна из сил, которыми движется жизнь.

---

[19] **Ред.** Под «теперь» здесь имеется в виду ранний голоцен. Подрод *Hippotigris* объединяет африканских зебр; систематика и номенклатура эндемичных американских голоценовых лошадей иная (Павлинов, 2021).

П-17. ИЗ ОБЛАСТИ НАУКИ.
Неизвестные сочинения Дарвина[1]

Девятнадцатый век был по справедливости назван «веком естествознания», а его наследник, двадцатый век, если ознаменован, и ещё более ознаменуется в будущем, различными удивительным новостями в области техники, то конечно одновременно с этим не откажется от клички века естествознания, которое в наши дни делает свои завоевания мощными шагами. Да ведь и сама техника есть в сущности ни что иное, как прикладное естествознание, и не в мастерских, не на фабриках, а в кабинетах и лабораториях научных работников находится источник тех технических усовершенствований, которыми обставлена жизнь современного культурного человека.

Несмотря на мощное развитие точного знания, несмотря на его громадное значение для всей современной культуры, широкие круги русского образованного общества стоят необычайно далеко от интересов естествознания, даже в достаточной мере игнорируют его в самом широком смысле слова. Боязнь чрезмерной «специальности» научных вопросов, которая является для русского интеллигента каким-то «жупелом», отшибает его даже от той элементарной прикосновенности к области научного знания и научного мышления, которая должна бы считаться обязательной для всякого истинно образованного человека. Следить, хотя немного, за литературой, театром, живописью, считается почти обязательным для всякого интеллигента, и вы не найдёте образованного человека, который не знал бы, хотя по имени, целого сонма современных писателей, большинство из которых не принадлежит к крупным талантам, а между тем, многие ли из читающих эти строки слыхали про Шаудинна [германский протистолог Fritz Schaudinn], нашего современника, сравнительно недавно умершего и бывшего в области биологии «звездою первой величины»?

В почти полной неосведомлённости публики относительно учёного мира, его деятельности и его интересов, быть может, в значительной мере виноваты сами ученые, которые часто не прилагают никакой заботы к распространению знаний в обществе. Правда, углубляться самому в специальное исследование научных вопросов и помогать работать своим ученикам — есть первая и главная задача учёного, но совершенно отрекаться от популяризации науки положительно грешно, я, принося дань этому принципу, намерен начать ряд бесед с читателем на научные темы.

Неизвестные сочинения Дарвина

Свои беседы с читателем на научные темы я начну с одного издания, которое появилось в свет в Англии ещё в 1909 году, в Германии в немецком переводе сравнительно очень недавно, а у нас пока известно лишь небольшому кружку специалистов. Речь идёт о двух произведениях Чарльза Дарвина, опубликованных лишь в 1909 году, когда праздновалось столетие со дня рождения автора «Происхождения видов».

Имя Дарвина настолько знаменито, произведённый им в науке переворот настолько велик, что, конечно, опубликование вновь чего бы то ни было, принадлежащего его перу, представляет большой научный интерес, а в данном случае интерес усугубляется тем, что речь идёт о двух первоначальных набросках того самого сочинения, которое наиболее общеизвестно, доставило Дарвину громкую славу и вышло в свет 24 ноября 1859 г. под заглавием: «Происхождение видов путём естественного отбора, или Сохранение избранных пород в борьбе за жизнь». Появление в свет первоначальных эскизов этого всемирно известного труда представляет собою событие большой важности в научном мире. Первый из этих эскизов относится к 1842 году, второй к 1844, первый пролежал в рукописи 67, второй 65 лет и оба были опубликованы одновременно сыном покойного, Френсисом Дарвином, в юбилейный 1909 год под общим заглавием «Основы происхождения видов».

Где же были до того времени эти рукописи? Рукопись 1844 года, представляющая собою обработку вопроса, уже довольно близкую к окончательной редакции 1859 года, хранилась в числе

---

[1] **Ред.** Газета «Утро России», 1911. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

бумаг покойного учёного. В своей автобиографии он пишет: «В июле 1842 года я впервые доставил себе удовлетворение, набросавши карандашом на 35 страницах самый краткий очерк своей теории. Летом 1844 года он разросся во второй, объёмом в 230 страниц, который я переписал и храню до сих пор». Весьма замечательно, что при жизни Дарвина ни он сам, ни кто-либо из его товарищей по наук не заинтересовался судьбой первого наброска, который попросту был забыт и даже заброшен…

Дарвин умер в 1882 году, вдова его в 1896 году. И вот, когда после её смерти производилась переборка их имущества в их старом доме в Дауне, в графстве Кент, в котором они жили с 1842 года, в чулане под лестницей была найдена рукопись, неразборчиво написанная мягким карандашом на плохой бумаге (покойник, по словам сына, был скуповат на бумагу). В этот чулан не клали ценных вещей, так что, очевидно, рукопись считалась чем-то вроде ненужного хлама, который всё-таки не решаются уничтожать, а прячут в чулан. В печати рукопись заняла 58 страниц. Она состоит из 2 частей и 10 параграфов.

По форме этот эскиз представляет собою нечто далеко необработанное, с множеством недосказанного, с массой помарок и поправок, но когда речь идёт о таком замечательном сочинении, как «Происхождение видов», подготовительная работа к нему представляет большой интерес.

Известно, что основные идеи его теории явились у Дарвина очень давно, ещё раньше этого заброшенного эскиза. Это видно из «Путешествия вокруг света на корабле “Бигль”», а также из записных книжек покойного учёного.

Интересно, что, когда теория происхождения видов еще только зарождалась в его уме на основании изучения отдельных фактов, его уже весьма интересовала общефилософская сторона дела, и он набрасывал мысли, освещающие отношение теории к общему миросозерцанию. Он как бы чувствовал, что действительно вопрос о происхождении видов, казалось бы, вопрос весьма специальный, сыграет выдающуюся роль в истории религиозно-философских идей и что именно вокруг этих идей будет концентрироваться вся острота споров о его теории. В записной книжке 1837 года, т. е. через год по возвращении из пятилетнего плавания, Дарвин писал[2]: «Астрономы могли прежде говорить, что Бог назначил, как следует, двигаться каждой планете согласно специальному определению. Равным образом можно было бы сказать, что Бог определил создать каждое животное в виде определённой формы в заранее определённой стране. Но насколько проще и возвышеннее представление о Силе, которая при создании животных определяет, что тяготение действует по определённым законам, а всё остальное является уже неизбежным следствием, — о Силе, которая при создании животных определяет законы их развития, а затем их потомки имеют то или иное строение».

Из этого отрывка видно, что Дарвина с самого начала интересовала мысль о том, как будет идея эволюции мириться с религиозными представлениями. Ему хотелось сказать, что эволюция сама по себе настолько обща и возвышенна, что не поколебать истинной религиозности, не держащейся буквы Писания, она не может. Известно, что мыслью о величии идеи эволюции Дарвин кончает своё «Происхождение видов», но это же самое место имеется и в первом эскизе 1842 года, о котором я только что говорил. И, что замечательно, это заключительное место в самой первоначальной редакции не только не хуже, а, пожалуй, даже лучше, чем в шестом, дополненном и исправленном издании «Происхождения видов». В переводе К.А. Тимирязева заключительная фраза шестого издания такова: «Есть величие в этом воззрении, по которому жизнь, с её различными проявлениями, Творец первоначально вдохнул в одну или ограниченное число форм; и, между тем как наша планета продолжает описывать свой путь согласно неизменным законам тяготения, из такого простого начала возникли несметные формы, изумительно совершенные и прекрасные, и ещё продолжают возникать». Интересно отметить, что в первом издании «Происхождения видов» в этом месте слова «Творец» нет. Нет его и в первоначальном эскизе 1842 года. Вот как передано там это место: «Есть простое величие в воззрении, что жизнь с её способностью к росту, усвоению и размножению первоначально была выдохнута в одну или небольшое число форм вещества, и что в то время как эта наша планета совершала свой путь согласно прочно установленным законам, в то время как суша и море заступали место друг друга в целом цикле изменений, что в то время как всё это происходило, — из столь простого зачатка, путём процесса постепенного отбора мельчайших изменений, развились бесчисленные чрезвычайно прекрасные и чрезвычайно удивительные формы?!»

[2] Это место поставлено Френсисом Дарвином в качестве эпиграфа к «Основам происхождения видов».

Я нахожу, что тот первоначальный текст лучше окончательного.

Приведённый пример достаточно ясно показывает, что для всякого интересующегося дарвинизмом первоначальный его набросок представляет важный материал для изучения. Но ещё важнее для истории науки второй более обширный этюд 1844 года. В этом первоначальном тексте «Происхождения видов» автор его в значительно большей степени гарантирован от некоторых нападок по поводу своей теории, более свободен от упрёка в односторонности.

Дело вот в чём. Идея постепенной эволюции органического мира не нова в науке. Достаточно сказать, что зачатки её есть у философов классической древности. В новое время идею эту вполне определённо развил раньше Дарвина Ламарк, положивший в основу объяснения явлений эволюции соображение, что организмы постепенно менялись в зависимости от своей деятельности и влияния окружающей среды. Дарвин сделал центром объяснения эволюции борьбу за существование и естественный отбор. Выживают в борьбе наиболее приспособленные, накопляя в течение бесчисленного ряда поколений полезные признаки. После того, как учение Дарвина получило широкое распространение, некоторые биологи стали обращать особое внимание на идеи Ламарка и, переработавши их в новой форме, создали в биологии направление, известное под названием «неоламаркизма», которое главное значение в эволюции организмов приписывает влиянию факторов окружающей среды. Стали упрекать Дарвина за то, что он не обратил достаточного внимания на это влияние внешних условий, перенеся весь центр тяжести эволюционного учения на борьбу за жизнь и отбор. Однако ещё в 1887 году Гексли [= Хаксли, Thomas Huxley], прочитавши рукопись 1844 года, обратил внимание на то, что в этой первоначальной редакции «Происхождения видов» автор значительно больше, чем в окончательной, придаёт значение влиянию внешних условий окружающей среды на происхождение разновидностей. В тексте 1844 года Дарвин весьма часто говорит о влиянии внешних условий, стараясь свести каждое проявление изменчивости к определённой причине. Тот факт, что в окончательной редакции «Происхождения видов» Дарвин сравнительно мало говорить о влиянии среды на организмы, чем навлекает на себя упрёки ламаркистов, сын его объясняет так: Дарвин не изменил с 1844 до 1859 года своих взглядов на влияние среды на изменчивость организмов, но считал этот факт настолько очевидным и уже известным в науке, что не счёл нужным его много доказывать, а предпочёл сосредоточить всю силу доказательств на новых идеях борьбы за существование и отбора, которым надо было завоёвывать себе признание. Если это так, то это весьма упрощает вопрос о не вполне научной полемике «дарвинистов» с «ламаркистами», ставящими изменчивость организмов в прямую зависимость от влияния среды.

В редакции 1844 года Дарвин придаёт больше, чем впоследствии, значения унаследованию приобретённых родителями признаков, а также так называемой «скачковой» или «прерывистой» изменчивости («sport»). Этот факт тоже весьма важен в вопросе о согласовании чистого дарвинизма с другими учениями о происхождении форм. Дело в том, что в недавнее время голландский ботаник Де-Фриз весьма подробно изучил явление «мутаций», т. е. неожиданного появления новых признаков вне всяких влияний среды, отбора и т. п. (например, из 1000 сеянцев, выросших при одинаковых условиях из семян одного происхождения, один будет чем-либо резко отличаться от 999). Такие резкие уклонения от типа были известны и Дарвину, и вот оказывается, что в этюде 1844 года он придавал им большее значение, чем в труде 1859 года.

Хотя этюд 1844 года не был опубликован автором, но он имеет полное значение для понимания того, что такое «дарвинизм». И так как в нём больше, чем в окончательной редакции, придано значения и принципам Ламарка, и мутациям, и значению скрещивания для возникновения изменчивости, и унаследованию приобретённых признаков, то этот этюд иметь громадное значение для доказательства неправоты тех, которые пытаются расщепить всю ширь эволюционного учения на несколько самостоятельных, исключающих друг друга учений: дарвинизм, ламаркизм, теория мутаций и т. п. Природа не знает такой односторонности. Одновременно действуют разные её законы, и одно и то же существо может и проявить мутацию, и непосредственно измениться под влиянием среды, и испытать на себе действие борьбы за существование, и подвергнуться естественному отбору. Опубликованные старые этюды Дарвина позволяют нам с большим, чем раньше, правом сказать, что «дарвинизм» должен быть понимаем не только, как учение о борьбе за существование и отборе, но как учение об эволюции вообще. Быть может, некоторая односторонность изложения «Происхождения видов» в 1859 году есть следствие желания быть более кратким. Вот

что пишет Дарвин в своей автобиографии о труде 1859 года: «Я сделал *извлечение* (курсив мой) из рукописи, начатой в более широком размере ещё в 1856 году, и закончил том в предположенном *сокращённом* объёме. Хотя последующие издания были исправлены и значительно пополнены, книга *осталась существенно тою же*, какою была и в первом издании». Кто знает, быть может, если бы книга появилась в первоначально задуманном объёме, она возбудила бы меньше полемики.

Г. Кожевников.

П-18. ГОЛОД КАК ФАКТОР ОТБОРА[1]

Жестокое, неизвестное в культурных странах бедствие посетило некоторые области нашей страны. Тысячам людей нечего есть и они испытывают на себе с ужасающей реальностью жёсткое воздействие того закона природы, который мы со времени Дарвина называем «борьбой за жизнь» и который в природе является одним из двигателей «отбора», в силу которого одни гибнут, другие благоденствуют. Было время, когда биологи считали борьбу за жизнь едва ли не единственным двигателем эволюции живых форм, затем выяснилось, что вопросы эволюции гораздо сложнее и многообразнее, чем это казалось раньше, и наряду с борьбою за жизнь были выдвинуты другие факторы, объясняющие возможность возникновения того многообразия форм жизни, которое является величайшей загадкой биологии. Но каковы бы ни были разнообразные попытки объяснить ход биологической эволюции, «борьба за жизнь» и «отбор», установленные Дарвином, бесспорно существуют, могут быть непосредственно наблюдаемы, хотя, к сожалению, до сих привлекали к себе весьма мало наблюдений.

Человек, как живое существо, как звено в общей цепи жизни, несомненно подлежит действию тех же биологических законов, которые существуют для всей остальной природы. Но высокое развитие нервной системы поставило человека особняком среди всех живых существ, дав ему такое мощное орудие в борьбе за жизнь, перед которым ничтожны все многообразные дары, которые природа щедро расточила своим младшим детям.

Силою своего ума человек создал культуру, которая позволяет ему осуществлять величайшую возможную победу — *освободиться от действия великого закона отбора*. Об этом «освобождении» можно сказать весьма многое, и как-нибудь я вернусь к этой теме, но теперь, чтобы у читателя не было сомнений в реальности самого факта «освобождения от биологического закона», я приведу один простой, но, надеюсь, достаточно убедительный пример. Представьте себе, что у какого-нибудь млекопитающего появились нормальные самки, у которых молочные железы ненормально слабо развиты, даже до такой степени, что не хватает молока для выкармливания детёнышей. Что будет в результате? Детёныши таких дегенераток умрут голодной смертью и, следовательно, вредная для благоденствия вида особенность никоим образом не будет передана по наследству и закреплена в будущих поколениях. Великий закон «отбора» произведёт своё пресекающее воздействие и это послужит несомненно к благоденствию вида.

Не то у человека. Процесс дегенерации у него идёт широкими шагами и одно из резких проявлений дегенерации — потеря способности кормить детей. Дегенерировавшая грудь грозит верной гибелью потомству, но эта гибель верна в природе, но не у человека. Человеческая самка берёт кастрюлю, кипятит коровье молоко и выкармливает им своё дегенеративное потомство, побеждая закон отбора, если не на благо вида (скорее, на зло виду), то на своё личное благо и удовлетворение своих личных чувств. Таким образом легко и просто осуществляется *биологическая нелепость*: «млекопитающее», не способное кормить своим молоком……

Можно было бы привести и иные примеры победы человека над законом «отбора», но сейчас я не стану развивать темы в этой направлении, а обращусь к тому факту, что вполне устраниться от «отбора» человеку всё-таки не приходится, ибо борьба за жизнь кипит среди людей вовсю и жертвы её налицо перед нами повсюду. Только и борьба, и отбор выливаются у человека нередко в такие своеобразные, не согласуемые с явлениями остальной природы формы, что на их разборе поучительно остановиться, и вот сейчас невольно хочется говорить о голоде как о биологическом факторе среди современного человечества.

> В мире есть царь: этот царь беспощаден,
> Голод названье ему[2].

Нечего доказывать, что анализ сложных явлений современной культурной жизни приведёт нас

---

[1] **Ред.** Черновик статьи, написанный в 1891 г.; статья, по-видимому, опубликована не была. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 19.

[2] **Ред.** Цитата из стихотворения Н.А. Некрасова «Железная дорога».

Голодъ какъ факторъ отбора.

Жестокое, нещадное въ культурныхъ странахъ
бѣдствіе постигло нѣкоторыя области нашей страны.
Тысячамъ людей нечего есть и они испытываютъ
на себѣ и ужасающей реальностью дѣйствіе
того закона природы, котораго мы ~~называемъ~~ со
временемъ Дарвина называемъ „борьбою за существованіе" и кото-
рая въ природѣ является однимъ изъ двигателей
„отбора", въ силу котораго одни гибнутъ, другіе благо
денствуютъ. Было время, когда біологи считали
борьбу за существованіе едва ли не единственнымъ двигателемъ
эволюціи живыхъ формъ, затѣмъ выяснилось, что хотя
онѣ эволюціи гораздо сложнѣе и многообразнѣе, чѣмъ это
казалось раньше, и наряду съ борьбою за существованіе
выдвинуты другіе факторы, объясняющіе возникновеніе
возникновеніе того многообразія формъ жизни, которое
является величайшей загадкой біологіи. Но какова
бы ни была разнообразныя попытки объяснить ходъ
біологической эволюціи, „борьба за существованіе" и „отборъ",
установленные Дарвиномъ, безспорно существуютъ,
могутъ быть непосредственно наблюдаемы, хотя,
къ сожалѣнію, до сихъ поръ привлекали къ сему весьма
мало наблюдателей.

к тому, что весьма многое из этих явлений есть в сущности результат стремления удовлетворить чувство голода. Громадное большинство людей всю жизнь хлопочет только о том, чтобы добыть себе пропитание. Первобытные условия питания исчезли у современного культурного человека, он не питается непосредственно продуктами своей охоты и дико растущей растительной пищей. К его услугам торговля, деньги, пути сообщения… Но бывают случаи, когда силою обстоятельств это казалось бы освободившееся от власти природы существо попадает в условия худшие, чем условия жизни животных…

Нет работы у рабочего, нет урожая у земледельца — и они находятся в совершенно безвыходном положении. Как это ни странно, животные гораздо труднее попадают в невозможность пропитаться, чем человек. В дикой природе существует хорошо установившееся равновесие между потребностями и удовлетворением, равновесие, подвергающееся колебаниям, но редко принимающим катастрофический характер. Животные никогда не живут так ненормально скученно, как люди, при начинающемся недостатке пищи в одной местности они свободно переселяются в другую, а самое главное — природой данные животному средства борьбы за жизнь всегда к его услугам для добычи пропитания.

Не то у человека. Естественное право свободного пользования продуктами земли у него стеснено искусственными путами экономической жизни. Стеснена и свобода передвижения искусственно созданными территориальными условиями. Бесполезными могут оказаться и все данные природой средства борьбы. Есть сильные и ловкие руки, но *некуда* приложить их для физического труда; есть умная голова на плечах, но всё-таки нечем заработать пропитание. И создаются тяжёлые условия полной беспомощности, при которой только два выхода: или погибать, или жить поддержкой себе подобных. Последнее средство — специально человеческое изобретение.

Итак, человек может попасть в условия, когда борьба за жизнь в самом прямом, простом и страшном значении этих слов мощно захватывает его в свои тиски. Значит, тут может проявиться особенно ярко великий биологический закон «отбора», значит это выгодно в интересах эволюции? … Да, это было бы так, если бы речь шла о природе вообще, а не специально о человеке. Посмотрим, что может сделать у человека «голодный отбор»? Кто останется непогибшим в борьбе с голодом? Наиболее сильный и ловкий физически? Нет. Самый сильный, ловкий работник бессилен перед сожжённой солнцем нивой и перед отсутствием заработка. Более того, некоторые думают, что при действии настоящего голода как фактора отбора наиболее сильные и энергичные особи оказываются в худшем положении, чем более слабые, пассивные, ибо первым легче «приспособиться» к минимуму жизненных условий[3]. Но как бы то ни было, сила, ловкость и умение сами по себе не могут при современных условиях спасти человека от голодной смерти. Его могут спасти наверняка только *деньги*, а деньги могут оказаться и не у самого сильного, и не у самого ловкого, и не у самого способного. Могли бы спасти его и физическая сила и физическая ловкость весьма прямым, но не допустимым при человеческом строе жизни путём. Открытый разбой, ловкое воровство — вот указуемые природой пути борьбы с голодной смертью. И мы видим, что когда голод низводит человека на степень борющегося за жизнь животного, это *право сильного и ловкого* выступает перед нами, пугая нас своим звериным принципом. Наша человеческая мораль и наши человеческие законы протестуют против этого принципа. Звериные способы «борьбы» недопустимы для человека.

Посмотрим, каковы же «человеческие» способы? Сила ума — невольно должны мы сказать. Вот то орудие «борьбы за жизнь», которое заменило зубы и когти, вот в чём величие и сила человека. Сила ума! Какие прекрасные слова, но как далеко современное человечество от торжества провозглашаемого им принципа! Сила ума должна дать человеку «победу» над природой.

---

[3] **Ред.** Здесь у Г.А. Кожевникова логическая (или просто стилистическая?) ошибка: в этом примере речь идёт не о «первых» (сильных), а о «вторых» (слабых). С другой стороны, автор явно забыл известную поговорку «Пока толстый сохнет, тощий сдохнет».

П-19. БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА[1]

Милостивые государыни и Милостивые государи!

Вопрос о том, что ожидает человека в будущем, не может не интересовать нас. Интерес этот не только теоретический, но и чисто практический. Думать о будущем надо для того, чтобы не быть по возможности игрушкою неразумных случайностей.

Если это имеет значение для жизни каждого отдельного человека, то бесспорно должно иметь такое же важное значение и для жизни всего человечества как биологической единицы.

Человек имеет за собой далёкое и не вполне ещё разгаданное прошлое; его настоящее, полное глубокого захватывающего интереса, шумными волнами несётся мимо нас так быстро, что мы с трудом успеваем дать себе отчёт в происходящем; его будущее, конечно, может быть для нас только предметом гаданий и предположений; но если мы не будем заглядывать в это будущее, а главное, не будем разрабатывать вопросы о том, каким это будущее *должно* быть, то мы повредим самым серьёзным образом не только своему будущему, но и своему настоящему.

***

Существует религиозное учение о сверхземном будущем человека. Для тех, кто способен верить в реальность этой «жизни будущего века», вера эта является, бесспорно, весьма существенным облегчением в житейских горестях и прекрасным подспорьем к перенесению тяжестей жизни.

Я лично полагаю, что эта потребность чем-либо утешить себя в скорби и была единственной причиной, что человечество, ещё не дожившее до развития науки, создало гипотезу о возможности существования вне этого мира, гипотезу, которая за всё время своего существования не подтвердилась ни одним реальным фактом.

Имея свою положительную сторону как средство утешения страждущих и побуждения к нравственному совершенствованию на религиозной почве, учение о загробной жизни имеет и свою вредную сторону. Откладывая сведение окончательных итогов жизни в область сверхземного, это учение несомненно тормозило в людях стремление к скорейшему нормальному устроению своей реальной жизни. Весьма возможно, что человечество гораздо скорее завоевало бы себе реальное счастье, если бы его не манила собою призрачная мечта, что за временные несчастья будет вечная награда, из-за которой можно помириться и с тем, что будешь «изгнан правды ради», и с тем, что будешь плакать и терпеть поношения.

***

Я полагаю, что реальное будущее, то будущее, которое будет испытывать на себе наше потомство, должно привлекать к себе наше внимание и мы не должны оставлять попыток по возможности выяснить его и более или менее сознательно идти к нему.

Но имеем ли мы достаточно реальных оснований для этого? Не будут ли все наши рассуждения сплошной фантазией, не основанной ни на каких положительных данных? Это будет зависеть от того, что мы поставим в основу своих рассуждений.

Если этой основой будут мифологические сказания и отвлечённые умозрения, то конечно и выводы не могут претендовать на какую-либо достоверность.

Но если мы будем исходить из естественноисторических данных и будем принимать во внимание биологические законы, то можем надеяться, что наши рассуждения о будущем человека будут иметь некоторую реальную почву под собой.

***

Нельзя говорить о будущем, не вспомнив прошлого и чтобы стать на правильную точку зрения того, *что такое человек*, мы должны бросить взгляд назад и заглянуть в его прошлое, таящееся в далёком мраке прошлых тысячелетий.

К сожалению приходится признать, что к стыду культурного человечества оно до сих пор не

---

[1] **Ред.** Публичная лекция, прочитанная 2 февраля 1908 г. в Большой старой аудитории Политехнического музея в пользу благотворительного Общества при Сокольнической Городской больнице — так в тексте рукописи. Однако в афише, анонсировавшей эту лекцию, местом её прочтения указана Аудитория Исторического музея. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 86.

Будущее человека.

Публичная лекция, прочитанная 2 февр. 1908 г. в большой старой аудитории Политехнического музея в пользу благотворительных обществ при Сокольнической городской больнице.

Милостивая Государыня и Милостивые Государи!

Вопрос о том, что ожидает человека в будущем, не может не интересовать нас. Интерес этот не только теоретический, но и чисто практический. Думать о будущем надо для того, чтобы сознательно подготовить его, чтобы не быть по возможности игрушкою неразумных случайностей.

Если это имеет значение для жизни каждого отдельного человека, то бесспорно должно иметь такое же важное значение и для жизни всего человечества, для жизни человека как биологической единицы.

решается избавиться от того диссонанса, который существует между научными данными о прошлом человека и многочисленными сказаниями о том же предмете.

Когда вы берёте любое научное или популярно-научное сочинение, касающееся прошлого человека, вы находите там всегда вполне определённые выводы из целого ряда неоспоримых фактов — что человек есть последнее звено в постепенной естественной эволюции животного мира. А в то же время и мы сами учили в школе и допускаем, чтобы наших детей учили теперь в школе тому, что человек произошёл сверхъестественным путём и явился на Землю *сразу совершенным*.

Мы наносим существенный вред культуре и прогрессу, допуская и в этом, и во многих других случаях, чтобы дети сначала получили *заведомо неверные сведения*, а потом узнавали из первой попавшейся книжки, что они были обмануты, потеряли бы всякое доверие к своим учителям, воспитателям.

***

Вопрос о происхождении человека — вопрос уже старый в науке, но до самого последнего времени он непрерывно разрабатывается и сравнительно недавно в этой разработке выяснились некоторые новые течения, о которых полезно сказать несколько слов.

Боевым вопросом естествознания вопрос о происхождении человека стал со времени появления сочинения Дарвина на эту тему.

Дарвин был весьма остроумен и осмотрителен в своих выводах и в самом их изложении. Свою мысль о происхождении человека от низшей формы он высказал, после подробного анализа фактического материала, в следующей осторожной и не вполне определённой форме:

«Если допустить, что человекообразные обезьяны составляют естественную подгруппу, то на основании сходства между ними и человеком мы имеем право предположить, что нашим прародителем был какой-либо древний член человекообразной подгруппы».

Немного дальше он говорит: «Так как человек с генеалогической точки зрения принадлежит к узконосым обезьянам, то мы должны заключить, сколько бы ни восставала наша гордость против подобного вывода, что наши древние родоначальники должны быть по всей справедливости отнесены к этому семейству». Дальше он продолжает: «Мы не должны, однако, впасть в другую ошибку, предполагая, что древний родоначальник всего обезьяньего рода, не исключая человека, был тождественен или даже *только близко сходен* с какой-либо из существующих ныне обезьян». Таким образом, Дарвин *не называет* какую-либо из существующих человекообразных обезьян *непосредственным* предком человека.

Его последователи немало занимались вопросом о том, какая из высших обезьян — горилла, шимпанзе или гиббон — стоит ближе всего к человеку, и в популярной литературе идея сродства человека с этими видами антропоморфных укоренилась довольно прочно.

Вокруг вопроса о происхождении человека зародилась полемика, учение Дарвина было признано антирелигиозным, а некоторые из его защитников стали доказывать, что религиозность *совместима* с этим учением, и вокруг вопроса таким образом накопилось большое количество ненаучной полемической литературы.

Явились попытки возражать против учения о происхождении человека от обезьяны и на якобы научных основаниях, причём в качестве аргументов приводилось, между прочим, и то, что организм антропоморфных обезьян в некоторых отношениях специализирован не только меньше, но даже больше человека. И когда в новейшее время немецкий учёный Клаач [Hermann Klaatsch; у Кожевникова «Клач» или «Клатч»] путём тщательных исследований пришёл к тому выводу, что *ни одна из современных обезьян не годится в предки человеку*, этот вывод был с торжеством приветствован теми, кто не хотел признавать естественное происхождение человека. Но если бы мы стали думать, что Клаач антидарвинист, то впали бы в грубую непростительную ошибку.

<Один из современных антидарвинистов бывший профессор Московского университета Тихомиров в своей брошюре «Положение человека в природе», изданной в Москве в 1906 г. Комиссией по устройству чтений для московских фабрично-заводских рабочих, говорит следующее: «Профессор Клаач в Германии в своих лекциях для рабочих ещё в 1900 году прямо говорил: “утверждать, что ныне живущие обезьяны представляют собою предков человека — бессмыслица” и добавляет далее “предки человека никогда не были обезьяноподобны”». На основании такой цитаты читатель, не знакомый с работами Клаача, может предположить, что этот сравнительный анатом, много работавший по вопросу о положении человека в системе, отрицает происхождение человека от какой-либо низшей формы. Я не имею возможности привести вам бо-

лее подробные выдержки из той брошюры Клаача, но я могу с уверенностью сказать, что в вопросе о происхождении человека Клаач вовсе не антидарвинист в том смысле, как это кажется профессору Тихомирову.>

Передо мною статья Клаача, напечатанная в 1899 г. Сделавши подробный обзор всей новейшей литературы относительно ископаемых остатков человека, Клаач приходит к следующему окончательному выводу:

> Вопрос о происхождении человека представляет и теперь такой же высокий интерес, как 40 лет тому назад, когда Дарвин опубликовал свои открывшие новые горизонты работы. Если мы бросим взгляд на то, что с того времени добыто для решения этого вопроса, то мы можем признать, что в учёном мире *окончательно установлено, что человек произошёл от низшей животной формы* и что все его особенности могут быть объяснены и поняты из этого происхождения.

Клаач не только не сомневается в происхождении человека от низшей формы, но даже говорит далее следующее:

> Для подкрепления такого вывода *не нужно более* ни находок ископаемых остатков человека, ни находок переходных форм между человеком и животными. Общность их происхождения вытекает *из всей совокупности* данных биологии, физиологии, гистологии, эмбриологии и анатомии, которая оживилась и стала глубже при применении дарвиновских принципов. Кто не стоит на этой почве, […] с тем невозможно рассуждать. Безразлично, что привело его к отрицанию этого: незнание ли фактов, недостаточно ли биологическое образование или некий остаток средневековых религиозных предрассудков.

Итак, мы ясно видим, что предполагаемый антидарвинист Клаач считает, что в настоящее время более чем когда-либо бесповоротно доказано, что человек произошёл от низшей животной формы. Было ли, однако, какое-либо основание считать его противником учения Дарвина? По существу, конечно, нет, формально, пожалуй, да. Дело в том, что Клаач, разбирая подробно все данные о происхождении человека, *отодвинул его предков гораздо дальше в глубь веков, чем это делал Дарвин*.

Я уже указал, что и Дарвин, в противоположность популярному мнению, не считал *ни одну* из ныне живущих обезьян предком человека. Но всё-таки он относил этого предка к тому семейству, куда относятся теперешние антропоморфные обезьяны. Клаач пошёл дальше. Он предполагает, что все известные нам обезьяны *настолько специализированы, что из них нельзя выводить такую тоже специализированную форму, как человек*.

Специализированного нельзя производить от другого специализированного. Специализированного можно производить только от первобытного. Эта идея в широкой степени применяется в настоящее время многими эволюционистами и ведёт к большим переменам в частностях эволюционной теории. Ввиду чрезвычайно принципиальной важности вопроса я позволю себе несколько остановиться на нём.

***

Когда идея эволюции, т. е. постепенного развития одних форм из других, низших, только начинала применяться к изучению животного мира, явилась резко выраженная тенденция связать все существующие и известные ископаемые формы линиями прямого родства и допуская, где это требовалось теоретическими соображениями, существование *гипотетических* животных, строить генеалогические таблицы, генеалогические деревья.

При дальнейшей разработке сравнительной анатомии и эмбриологии выяснилось, что часто приходится отказаться от признания *прямого* родства между ныне живущими формами, а приходится признать их происходящими от общих ископаемых или гипотетических предков.

Обращаю ваше *особенное* внимание на то, что такого рода перемена во взглядах ни коим образом не доказывает какого бы то ни было отступления от идеи эволюции. Наоборот, это лишь результат более строгих требований к теории, большего подчинения её фактам. Лишь результатом очень тщательных и подробных исследований может быть тот вывод, что две формы, высоко организованная и ниже организованная, окажутся не потомками одна другой, а окажутся вместе потомками общей прародительской ещё более низкой формы.

Этой общей тенденции современных эволюционистов быть осторожными в установлении прямого родства между известными нам формами следует и Клаач. Он считает, что обезьяны и человек *имели общего предка ещё в то время, когда обезьян в теперешнем смысле слова не было*, а были более первобытные формы. Только с такой специальной точки зрения можно говорить о несогласии Клаача с Дарвином. Но он никакой не антидарвинист в обычном смысле слова.

Профессор Шимкевич совершенно справедливо пишет по этому поводу: «Интересно, что вывод Клаача почему-то чрезвычайно обрадовал людей, ищущих в науке основ для ненаучных построений. Как будто бы происходить от этих третичных “приматоидов”, как их называет Клаач, более почётно, чем от приматов, как принято именовать обезьян». Недавно появилась замечательная работа южноамериканского учёного Амегино [Florentino Ameghino], напечатанная в трудах музея в Buenos Ayres, в которой он описывает весьма древних предков человека из таких древних отложений, из которых никогда не находили в Европе, и [неразб.] этого древнего предка тоже отодвигает родословную человека очень далеко к обезьяноподобным лемурам, считая теперешних высших обезьян боковыми специализированными древними ветвями.

Да, мы имеем право сказать, что противникам научного взгляда на происхождение человека нечего радоваться современным выводам науки. Его естественное происхождение путём эволюции установлено прочно и бесповоротно, и положительно настало время вводить эту идею в курс элементарного обучения, как в него вводится идея о вращении Земли вокруг Солнца, тоже бывшая некогда ересью.

Для занимающего нас вопроса о будущем человека вопрос о его прошлом является *коренным* и *решающим*. Действительно, ведь прежде всего надо выяснить, *применимы ли к человеку общие биологические законы*, применимо ли к его настоящему и будущему эволюционное учение, или он стоит *особняком* среди остальной природы?

Происхождение человека даёт нам прочное основание рассматривать и его настоящее и будущее в свете современной *биологии*.

***

Если мы обратимся к настоящему положению человека, то прежде всего нас будет интересовать вопрос: *что мы потеряли и что нам осталось* от нашего тёмного прошлого? На такой вопрос приходится прежде всего ответить, что различные человеческие племена различное потеряли и сохранили. Мы можем отличить племена первобытные и в физическом, и в бытовом отношении, и племена, пошедшие дальше по пути эволюции.

Новейшие сравнительные анатомы и антропологи стараются путём детального изучения скелетов разных племён установить наличность первобытных признаков у некоторых из них, и им это удаётся. Но нас не могут интересовать эти анатомические частности. Для нас гораздо более важно то обстоятельство, что многие биологические особенности первобытного человека ясно отличают его от человека культурного.

Первобытные люди отличаются в общем большей ловкостью, большей подвижностью, большей остротой зрения, большей способностью переносить физические невзгоды и мы можем, сравнивая некоторые качества современных культурных людей с качествами дикарей, догадываться, в каком направлении далее может идти атрофия некоторых природных физических способностей, если не обратить внимание на их удержание.

В общем можно сказать, что с культурой человек теряет свою *приспособленность к естественным условиям природы*, но эта потеря не зашла ещё очень далеко и первобытные качества могут быть при желании не только удержаны, но даже развиты. Профессиональные атлеты и гимнасты культурных наций превзойдут в состязании самых первых силачей и ловких людей первобытного племени. Ловкость пальцев искусных ремесленников и своеобразная ловкость тех же пальцев у пианистов и скрипачей ясно свидетельствуют, что об атрофии ловкости не может быть и речи. Путём систематической тренировки и закаливания современный человек культурной расы может совершенно свободно довести себя до лёгкого перенесения физических невзгод, не страдать от холода и непогоды, довольствоваться ничтожным количеством пищи, сводить до minimum требования удобства и комфорта без вреда для своего здоровья и нормальной деятельности.

Происходит это от того, что некоторые свойства культурного человека, его изнеженность, физическая слабость, неспособность к лишениям и т. п. суть, выражаясь биологическим языком, качества *соматогенные*, а не *бластогенные*. Эти термины имеют глубокое значение в науке, но т. к. они наверное не всем ясны, я должен на них немного остановиться.

Соматогенными мы называем те свойства, которые принадлежат данному индивидууму как его личная благоприобретённая собственность, а не как нечто, полученное по наследству. Качества соматогенные подлежат *изменчивости* под влиянием упражнения, воздействия среды и т. п. и *не передаются по наследству*. Качества бластогенные передаются по наследству и не поддаются внешним воздействиям.

Приведём примеры. Подвижность пальцев нашей руки есть качество бластогенное, но специаль-

ная подвижность пальцев пианиста есть качество соматогенное. Как бы хорошо и много ни играла пианистка — у её детей пальцы не будут от рождения более подвижны, чем у ребёнка, предки которого никогда не подходили к фортепьяно. Соматогенные свойства не наследственны. Ребёнка, не имевшего в своих предках ни одного музыканта, можно сделать виртуозом путём обучения — соматогенные качества поддаются улучшению (и ухудшению) и именно на них-то и упражняются воспитатели, педагоги и гигиенисты.

С другой стороны, если вы не будете развивать у ребёнка никакой специальной ловкости — его нормальная подвижность пальцев, способность противопоставлять большой палец остальным не утратится, а разовьётся как врождённая *бластогенная* особенность, которая заложена ни в чём ином как в *зародышевой протоплазме* и будет передана путём полового размножения с той же зародышевой протоплазмой будущим поколениям.

Каким воздействиям вы ни подвергнете бластогенные особенности, вы с ними ничего не сделаете — зародышевая плазма сильнее окружающей среды. Воспитаете вы ребёнка на экваторе или на берегу Ледовитого океана, кормите вы его мясом или плодами, закаляете вы его или сделаете изнеженным — кисть его руки не утратит своих врождённых свойств.

Приведём другой пример. Каждый человек имеет от рождения способность к членораздельной речи. Это его бластогенное свойство, которое он получил по наследству и которое передаст в наследство своим детям. Эта врождённая способность может быть развита воспитанием, упражнением. И вот то улучшение во владении голосом и речью, которое может быть у певца, актёра, оратора, будет уже качеством соматогенным, личным приобретением, которое по наследству не передаётся. С другой стороны, возможны врождённые способности к пению и они могут в качестве врождённых передаваться по наследству и даже составлять свойство целой нации, например итальянской.

***

Возвращаясь к вопросу о том, что человек потерял и что оставил при себе из своего далёкого прошлого, можно сказать, что несомненно предшествующая эволюция успела дать человеку ряд важных, высоко прогрессивных бластогенных признаков, и я думаю, что мы не ошибёмся, если скажем, что все эти прогрессивные признаки *сосредоточены в нашей нервной системе*, главным образом в головном мозге. Вот орган, который подвергся специальной прогрессивной эволюции и получил способность быть передаваемым по наследству.

Многие высокие свойства мозга развиваются только путём упражнения и суть качества не наследственные. Многие специальные способности появляются как будто бы в одном поколении, но *основная потенциальная энергия этого замечательного органа* несомненно является типичным бластогенным, наследственным признаком.

Не осталось ли и в этом усовершенствованным эволюцией органе, в нашей нервной системе, каких-либо первобытных свойств, первобытных звериных инстинктов? Несомненно остались. Как примеры можно привести половое чувство — чисто звериный инстинкт, сущность которого передалась нам из самого далёкого нашего прошлого; можно привести кровожадность и чувство чисто зверской злобы, которые так ярко вспыхивают иногда в отдельных людях и, соединяясь с повышенным стремлением к сладострастью, дают тот тип, который [французский писатель Э.] Золя так мягко назвал bête-humaine [человек-зверь] и который в разных вариантах с такой исключительной любовью культивируется путём теперь современными русскими писателями на страницах наших журналов и сборников.

Мы имеем, следовательно, в современном человеке культурной расы ряд *бластогенных*, т. е. его зародышевой плазме свойственных, признаков как прогрессивного, так и атавистического звериного характера. Мы имеем, с другой стороны, ряд *соматогенных* признаков, являющихся непосредственным поверхностным результатом культуры. Всё, что непосредственно даётся образованием, воспитанием, обстановкой жизни, средой — всё это нечто *поверхностное*, *изменчивое*, *не наследственное*, не затрагивающее нашей зародышевой плазмы.

До сих пор воспитатели, учителя и реформаторы человечества обращали внимание своё почти исключительно на эти благоприобретённые признаки, работали и трудились над ними. Наиболее важное в человеке, неизбежное и роковое, то, что получается от предков и передаётся потомству, признаки *бластогенные*, только сравнительно очень недавно начали обращать на себя внимание не только с теоретической, но и с практической точки зрения. А между тем только на почве разработки вопроса *о врождённых и наследственных качествах* человека можно с надеждой на успех *строить планы лучшего будущего на научных основаниях*.

Нужно ли нам это лучшее будущее? Быть может, можно довольствоваться настоящим?

Я думаю, что надо быть человеком весьма невнимательным, ненаблюдательным, нечутким и нетребовательным, чтобы сказать, что современное состояние человека хорошее.

Правда, есть люди, которые смиренно готовы довольствоваться тем, что есть, имея своим девизом

Тот в сей жизни лишь блажен,
Кто малым доволен....[2]

Но я думаю, что только люди *низшего порядка* могут быть довольны настоящим в широком смысле слова, т. е. не только текущей русской действительностью, но и современным положением культурного человечества вообще.

Профессор [Илья Ильич] Мечников в своей известной книге «Этюды природы человека» весьма наглядно подобрал коллекцию фактов, показывающих, что в ней имеется много «дисгармоничного», как он выражается. Некоторые из этих несовершенств, например, чрезмерная длина толстой кишки, выставляется даже Мечниковым как одна из причин нашей недолговечности, т. к. по теории Мечникова именно этот отдел кишечника служит вместилищем многих вредных бактерий.

Но если даже мы оставим в стороне практическое значение для человека предполагаемых Мечниковым дисгармоний, с нас достаточно бесчисленного количества вполне реальных фактов трагизма нашей жизни.

Мы часто гордимся успехами нашей культуры, вспоминаем, что прежде жизнь была тяжелее и хуже, но если внимательно посмотреть на то, что делается кругом, то особенно гордиться нечего.

Наша медицина как будто сделала успехи, но посмотрите, какое громадное количество людей или умирает преждевременно, или живёт искалеченное болезнью. Если мы даже будем считать, что болезни имеют своего рода благодетельное значение как средство отбора, хотя многие сомневаются в этом, то всё-таки остаются грозные явления вырождения как источник множества человеческих несчастий.

Об явлениях вырождения я буду подробно говорить ниже, так как они для нашей темы имеют первостепенное значение. Теперь же спросим себя: помимо болезней и преждевременной смерти, ведёт ли большинство людей нормальную, вполне достойную человека жизнь? Конечно нет. Недостаточное питание, ненормально плохое жилище, невозможность хоть сколько-нибудь жить настоящей культурной жизнью — вот удел громадного большинства людей.

Конечно, многие из людских несчастий являются следствием ненормального устройства нашей общественной жизни, но есть нечто, что подтачивает жизнь человечества независимо от того или иного социального устройства: это — *обилие среди людей индивидуумов низкого качества*, обилие людей от природы больных, тупых, неспособных, малодеятельных, которые являются своего рода *балластом человечества*.

Есть данные, что *этот балласт всё увеличивается*. Есть обстоятельства, которые усиленно способствуют тому, чтобы человечество, прогрессируя с точки зрения внешней культуры, достигая совершенства в лице своих выдающихся представителей на поприще мысли, в то же время в массе шло бы назад с точки зрения своих бластогенных признаков, тех признаков, которые свойственны его зародышевой протоплазме и составляют его существенное достояние.

Вопрос о вырождении, о его причинах и о средствах против него, вопрос о сознательном улучшении людской породы — это важные, капитальные вопросы для судьбы самого человечества. Однако несмотря на их важность, на эти вопросы [неразб.] порой обращают очень мало внимания. Не только образованное общество мало знакомо с ними, но даже многие учёные специалисты, занимавшиеся и занимающиеся судьбами человечества, не подходили к этим вопросам, так как не рассматривали человека и его будущее с биологической точки зрения.

***

Точное знание весьма поздно выступило на арену человеческой деятельности и в этом факте кроется разгадка многих основных фактов прошлой и настоящей жизни человека.

Самое драгоценное достоинство человека — его головной мозг; самая высокая способность этого высокого органа — научное мышление и научное исследование — и именно эта способность до сих пор была менее всех других использована человечеством. Это важное обстоятельство заслуживает большого внимания.

Вспомним прежде всего, что громадное количество населения земного шара ещё не приобщено к настоящей культуре, оставаясь на положении лю-

---

[2] **Ред.** Строки из сатиры «О истинном блаженстве» Антиоха Кантемира (https://www.culture.ru/poems/10447/satira-6).

дей первобытной культуры. Таковы многие народы Африки, Южной Америки, Зондских островов, Цейлона, Полинезии, Северной Сибири. Это дикари, так сказать, официальные.

Затем существует громадное количество дикарей «неофициальных» в виде людей совершенно некультурных, живущих под названием культурной нации. Наиболее наглядным примером дикарей этой категории является значительная часть нашего русского крестьянства. Мы слишком привыкли к этому печальному факту и слишком долго относились к нему с равнодушием, за что и платится теперь так жестоко наша страна.

Разве не возмутительно, что с одной стороны мы рассуждаем об удивительных свойствах радия и рентгеновских лучей, о хромосомах и кариокинезе, а с другой стороны тут же рядом миллионы безграмотного населения живут вне умственных интересов, питаясь старыми суевериями и чёрным хлебом в обстановке доисторического человека?

Рядом с этими официальными и неофициальными дикарями существовали и существуют даже теперь целые народы, которые считаются культурными с известной точки зрения, но культура которых была чужда знания природы и не была построена на научных основаниях. Припомним культуры ассирийскую, древнееврейскую, древнеегипетскую, эллинскую, римскую, индусскую, майя в Центральной Америке, культуру инков и наконец совершенно чуждую науке культуру современного Китая и мы *будем поражены удивительным зрелищем*, как в течение веков и даже тысячелетий высокие свойства человеческого ума направлялись не на то, *что важнее всего для жизни*, что одно может поставить эту жизнь нормально и правильно...

Проходили века и тысячелетия, одни народы сменяли другие, вымирали целые нации, разрушались государства, а люди жили, не зная таких основных вещей как например: что такое воздух, которым они дышат? Что такое вода, которую они пьют? Что такое пища, которую они едят? Как прорастает и питается растение, дающее эту пищу? Что такое человек? Как зачинается он в утробе матери, как течёт кровь по его сосудам, как переваривается пища в его кишечнике?

Самые основные, азбучные истины, которые должны составлять *основу научного мышления*, самые элементарные сведения о нас самих и о том, что нас окружает, были *чужды миллионам наших предков*, чужды и теперь миллионам наших современников... И если мы ставим перед собою такой вопрос: на долгом пути, пройденном человечеством, что было им *не* известно в широкой мере каков путь к счастью, мы должны будем ответить — знание! Можно ли после этого удивляться тому, что бредя в потоках и ощупью, человечество всё время было не на истинном пути? Приобретя новое орудие в борьбе за существование в виде высоко развитого мозга, человечество достигло многого природной силой этого мозга, но лишь очень недавно оно стало пользоваться этой силой [неразб.]. В короткое время получились удивительные результаты, но лишь некоторое количество людей участвует в этой работе и *как поздно* эта работа началась!

***

Другой стороне мозговой деятельности — искусству — повезло значительно более в истории человеческой культуры. У людей была мозговая сила. Не имея выхода в сторону научной деятельности, эта сила направлялась в сторону чистого и прикладного искусства. В этой области человечество достигло весьма многого ещё в древние времена.

Смотря на античные статуи и камеи, на картины эпохи Возрождения, на орнаменты всех времён и народов, даже некультурных, на фарфоры, мозаики и бесчисленные художественные безделушки, на которые потрачено столько нервной деятельности человека, мы можем только пожалеть о том, что наука не стала раньше доступна культурному человечеству.

Я думаю даже, что по существу человеческого ума она ему была давно доступна. Но обстоятельства сложились так дико, что за открытие астрономических истин и за занятия химией жгли на кострах, да и в самые новые времена, даже в 1908 г. поднимается вопрос о том, что надо запретить научное толкование Апокалипсиса с кафедры, и не только у нас, но даже в Германии запрещено официально преподавать эволюционное учение!

Что бы ни было причиной позднего развития биологических наук, малая ли их доступность — следствие трудности изучения, или гонение, которое воздвигалось на них, так как они подрывают религиозное миросозерцание, но факт тот, что из всех отраслей естествознания биологические науки развились позже всех. Достаточно сказать, что микроскопическая техника выросла на глазах *ныне живущего поколения*, а с её успехами тесно связано решение некоторых основных вопросов биологии, которые раньше были только предметом туманных гипотез безо всякой реальной подкладки. Таковы

вопросы о тончайшем строении живого вещества, о размножении и наследственности.

Позднее развитие биологии было, вероятно, главной причиной того, что она до сих пор ещё слишком мало находит себе применения даже в той области, где без неё нельзя правильно шага ступить — в области сельского хозяйства. Рациональное сельское хозяйство есть ни что иное как практическое приложение знания природы. И в странах, где высоко стоит это знание, нет хронических голодовок. Наша родина служит наиболее ярким тому примером: недостаток естественноисторических знаний есть коренная причина того, что богатая по существу страна есть страна нищих и голодных.

***

Если приходится констатировать, что даже в области прикладного знания биология ещё не везде и не вполне находит себе применение, то нечего удивляться тому, что в вопросах личной и общественной жизни завоевания биологии ещё очень слабы.

Всего три года тому назад представитель биологической школы[3] Шальмайер [Wilhelm Schallmayer] (Arch. f. B. u. g. B.. Bd I, p. 586) говорил, что можно с радостью отметить тот факт, что некоторое количество юристов, политико-экономов и историков усердно работают, чтобы установить возможно более тесную связь между своими специальностями и естествознанием. Но однако, говорит далее Шальмайер, раздаются то там, то тут *протесты* против вторжения естествознания, особенно биологии, в область так называемых гуманитарных наук.

Нельзя не согласиться со Шальмайером, что весьма печально то обстоятельство, что до сих пор есть учёные, которые не допускают вторжения биологии в область общественных наук и истории. Так, например, Франц Оппенгейм [Franz Oppenheim] в 1903 г. писал, что все вопросы общественной гигиены, все задачи *отбора* имеют в настоящее время только теоретический, *академический* интерес сравнительно с громадной жизненной важностью задач социально-экономических. Среди политико-экономов, особенно тех, которые имеют социалистическую окраску, немало таких, которые настолько поглощены политико-экономическими задачами, что *утратили* не только всякий интерес к другим задачам науки, но даже и *понимание* этих задач. Эти люди не только *не понимают* стремлений, к которым *сами не имеют интереса*, но даже *не хотят допустить*, чтобы другие интересовались биологическими вопросами, а между тем *в идеале все* науки должны находиться во взаимной связи.

Шальмайер утверждает, что между немецкими педагогами, юристами, политико-экономами и историками только малое меньшинство допустило естественные науки воздействовать на своё миросозерцание. Большинство специалистов в названных областях или вовсе не было затронуто влиянием естествознания, или было затронуто им только поверхностно. И это, конечно, не только среди немецких учёных, но и среди учёных других стран.

***

Хотя приходится нередко слышать рассуждения о победах новейшего естествознания, о мощном влиянии, которое оно оказало на развитие всех других наук, но это оказывается справедливым только применительно к области специальных теоретических исследований. А если мы возьмём влияние биологических идей на всё миросозерцание человечества, то здесь завоевания биологии ещё слабы. Если же мы возьмём влияние биологических идей на всю нашу житейскую практику, на весь тот сложный комплекс поступков, при которых складывается наша личная и общественная жизнь, то здесь влияние биологии оказывается совсем ничтожно — и в этом великая ошибка современного человека.

Я полагаю, что коренной переворот во всём культурном человечестве должен происходить именно в том направлении, чтобы биологические учения стали краеугольным камнем всей жизни человека. Биологические науки получили право на такое первенствующее влияние и успели уже в достаточной мере осуществить это право в области теоретического знания — с тех пор, как эти науки стали работать под знаменем *эволюционного учения*.

Истинным творцом эволюционного учения был французский учёный Ламарк, но оно получило первенствующее значение в научном мире лишь после того, как вылилось в формулы, предложенные Дарвином после многолетних кропотливых работ над этим вопросом.

В чём заключается суть эволюционного учения, которое лежит в основе современного естествознания? Суть этого учения заключается в том, что всё бесконечное разнообразие органического мира, начиная с простейших одноклеточных организмов и кончая человеком, явилось результатом весьма продолжительного постепенного развития в направлении от низших форм к высшим. Это разви-

[3] **Ред.** Имеется в виду школа социал-дарвинизма.

тие (эволюция) происходило таким путём, что не все звенья постепенно возникавшей непрерывной цепи живых существ имели одинаковую судьбу. Некоторые из этих звеньев *исчезли* с лица Земли и существуют только в виде ископаемых остатков. Умирали не только особи, вымирали виды, роды, семейства, отряды и классы. Целые громадные группы живых существ, как трилобиты, аммониты, Stegocephali и другие сошли со сцены жизни, уступив место другим. Другие группы оказались более жизнеспособными и прошли через все известные нам геологические периоды до наших дней.

Многих, надо думать громадное количество, вымерших форм мы не узнаем. Вероятно мы не узнаем многих из предков современных групп животного царства. Родственные связи многих из ныне живущих форм между собою совершенно неясны за отсутствием ископаемых форм. Вероятно, эти переходные формы подвергались наибольшему вымиранию. Несмотря, однако, на все эти незаполненные пробелы, для нас совершенно ясно и бесспорно, что одни формы появились на Земле *позже* других [неразб.]. Эта *специализация* и есть сущность эволюции. Можно ли сказать, что равносильно *прогрессу*? ***Нет***. Эволюция может вести к прогрессу, но она в равной степени может вести к регрессу.

Это положение далеко не в достаточной степени общеизвестно, а оно необычайно верно. Не надо думать, что только в сторону прогресса шла и идёт эволюция органического мира. Опускаться со ступеньки на ступеньку и подыматься со ступеньки на ступеньку *одинаково значит* эволюционировать. Когда из плохо летавших птиц постепенно развились хорошие летуны, произошла прогрессивная эволюция. Когда же из свободно живших животных произошли паразиты, свершилась регрессивная эволюция.

Общий путь эволюции от одноклеточных существ до человека, конечно, прогрессивный. Но не забудем, что отдельные ветви этого дерева регрессивны и что от этого регресса не гарантирована и самая верхушка дерева.

Наличность эволюции в природе есть не гипотеза, а факт. Было время, когда об этом спорили, теперь *в науке* об этом уже *не спорят*. О чём же спорят? *Спорят о путях и способах эволюции*. Спорят о том, от чего зависит и каким законам подчиняется то основное свойство организмов, которое делает возможным эволюцию. Это свойство есть изменчивость[4]. Одна из великих заслуг Дарвина именно в том и заключалась, что он выдвинул на первый план значение *изменчивости*, которая иногда проявляется в таких второстепенных и ничтожных признаках, что на неё раньше не обращали внимание.

Со времени Дарвина изучение разных видов изменчивости сделало громадные успехи, накопилось огромное количество фактов, которые не были известны Дарвину и *ни один* из этих фактов не противоречит основной идее эволюции, той идее, что жизнь развивается в виде перехода одних форм к другим, безразличное, будут ли эти переходы очень постепенные или скачками. Разноречия заключаются только в том, что является главным фактором эволюции, что является причиной изменчивости.

Мы не имеем возможности касаться здесь этих вопросов. Пришлось бы излагать и теорию ортогенеза Эймера, и теорию мутаций Де Фриза, говорить и о физиогенезисе и о кинетогенезисе, как называют различные формы влияния среды на организмы. Это заняло бы несколько часов. Для нас важно только заметить, что *все методы изучения изменчивости и факторов эволюции могут и должны быть применимы к человеку*. Биологическая литература должна слиться в единое стройное целое с литературой антропологической и социологической и научный биологический метод должен стать *господствующим* в науке о человеке.

***

Каковы бы ни были формы изменчивости, будут ли они те, которые были изучены Дарвином, или такие, на которые он не обратил внимания, все эти проявления изменчивости должны подлежать действию естественного отбора.

Более спорят о том, *как доставляется материал для естественного отбора*, чем о том, что он *существует*. Действительно, принцип выживания наиболее приспособленного и вымирания наименее приспособленного настолько общ, настолько убедителен, что вряд ли можно возражать против него по существу. Именно это выживание наиболее приспособленного и называется естественным отбором. Если мы заменим слова наиболее приспособленного словами наиболее *совершенного*, то мы сделаем грубую ошибку, которая исказить все наши выводы и соображения, особенно по отношению к человеку. Выживает в силу естественного отбора

[4] **Ред.** В настоящее время считается, что таким «основным свойством» является сама способность к адаптивной эволюции, т.е. *evolvability*.

именно наиболее *приспособленный*, безразлично от того, будет ли это приспособление *прогрессом* или *регрессом*, и в силу естественного отбора при известных условиях возможно, что существо более высоко организованное погибнет, а более низко организованное останется.

Материал для естественного отбора в природе доставляется чрезмерным размножением. Значительное большинство животных производит детёнышей несравненно больше, чем это нужно для поддержания и благоденствия вида, так что если бы не было массовой смерти, то негде было бы жить всем этим вновь родящимся существам. Форель откладывает ежегодно 600 икринок, а селёдка до 40.000 штук, осётр же до 2 миллионов. Если бы значительная часть сельдей и осетров и иных плодовитых рыб не только выводилась, но и выживала до взрослого состояния, то весьма быстро произошла бы биологическая катастрофа. Такое количество живых существ не только не могло бы прокормиться, но не могло бы просто уместиться в водных бассейнах.

Поистине изумительна плодовитость некоторых паразитов: круглая глиста аскарида может произвести на свет до 60 миллионов детёнышей, а солитер до 100 миллионов. Представьте себе, что если не все, то значительная часть этого живого материала, непрерывно выбрасываемого природой в водоворот жизни, развивалась бы и доходила до половозрелого состояния, что бы произошло? Быстрое заселение и переполнение всего земного шара и в результате всеобщая гибель.

Спасает смерть. Она *необходима* и *благодетельна* при наличной способности животных к размножению. Она должна действовать непрерывно и энергично, чтобы сама жизнь была возможна. Из миллионов должны были выживать десятки, из тысяч единицы и это было главным фактором эволюции. Когда живому существу представляется так много шансов погибнуть, есть полное основание думать, что погибнут прежде всего неприспособленные.

***

Конечно, не отвлечёнными рассуждениями дошли биологи до этих выводов. Множество точно наблюдённых фактов говорят за то, что специальные приспособления организмов должны были выработаться путём отбора, хотя, чтобы быть беспристрастным, надо сказать, что не всеми биологами отбору придаётся одинаково важное значение.

Мы не имеем возможности разбирать здесь эти сложные спорные вопросы, а посмотрим, как совершается и к чему ведёт естественный отбор у человека и в какой степени может он проявиться.

***

Несомненно, что когда люди были похожи на полузверей, естественный отбор действовал на них точно так же, как среди животных. Наиболее приспособленные выживали, наименее приспособленные погибали. Мы имеем полное основание думать, что человек именно тогда начал становиться человеком, когда его *мозг* стал объектом естественного отбора, когда вместо первобытной грубой физической силы стала побеждать *сила ума*. Эта сила, появившись в природе, произвела в ней существенный *переворот* и создалась величайшая дисгармония, от которой человеку приходится много страдать и от которой ему грозит великая опасность.

Дело в том, что когда человеческий ум выступил на арену жизненной борьбы, то он постепенно приобрёл такую силу, что начал давать возможность человеку *не подчиняться вполне законам природы*. Это факт *первостепенной* важности, который создал *всё* настоящее человека и имеет решающее влияние на его будущее.

Приведём несколько примеров неподчинения законам природы.

По закону природы *самка*, не имеющая молока в своих грудных железах, не может выкормить своего детёныша, человеческие же самки ухитряются выкормить своих детёнышей коровьим молоком. Ни одно самое умное животное не может принимать искусственных мер *против зачатия*, человек же может принимать эти меры даже в состоянии первобытной культуры. Известно, что такие меры практикуются даже *дикарями*. По закону природы всякое животное, укушенное бешеным животным, должно заболеть бешенством. Человек научился не подчиняться этому закону, изобретя прививку. По закону природы всякое животное с переломленными конечностями *погибает*, т. к. не в состоянии ни добыть себе пищу, ни скрыться от врагов. Искалеченные люди могут жить не менее долго, чем вполне здоровые. И таких примеров *неподчинения* человека законам природы можно было бы привести много.

Казалось бы, что по этому поводу можно *только торжествовать*. И люди *достаточно* торжествовали, называя себя царями Вселенной, ставя себя в *центре* мироздания, давая полный широкий простор творческой фантазии. Утончённые деятельно-

стью своей высоко развитой нервной системы, они создали себе сложный мир *религий*, отвлечённого мышления, грёз, поэзии, искусства и науки. В этом *им самим* созданном мире человек справедливо может чувствовать себя *полновластным* властелином, великим, могучим, стоящим выше природы.

Но кроме этого отвлечённого мира, созданного силою человеческого мозга, существует иной реальный мир, который был до появления человека, существует теперь вне человека и независимо от него и будет вероятно существовать, когда человек, подобно другим видам животного царства, сойдёт с жизненной арены.

Хотя указанные мною факты вместе со многими другими и относятся к этому реальному миру, но всё-таки в нём человек пока не может чувствовать себя господином, а если чувствует, то делает глубокую ошибку. Дело в том, что человек забывает, что *в самой его частичной победе над природой кроется зачаток возможной его гибели*.

Значительная часть одерживаемых человеком частичных побед над природой заключается в *устранении или изменении действия* великого закона *естественного отбора*, который до появления человека был главным двигателем эволюции всего органического мира.

Можно ли безнаказанно устранять или изменять действие биологического закона? Ведь этот закон был условием постепенно выработавшейся естественной гармонии в природе. Идя против этого закона, мы тем самым *вносим дисгармонию*, которая может себя проявить впоследствии весьма печальным образом.

Попробуем разобрать реальные примеры.

В современных культурных нациях наблюдается постепенно возрастающая неспособность организма кормить своей грудью своих детей. Чтобы не быть голословным, приведу несколько цифр из превосходно разработанной статистики Берлина.

В 1885 году из ста берлинских новорожденных детей получали материнское молоко в течение первого месяца своей жизни 74,25 %. Через пять лет, в 1890 году, эта цифра падает до 71,97. Ещё через пятилетие мы имеем всего 66,77, а через новые пять лет, в 1900 году, число детей, получавших в течение первого месяца материнское молоко, составляет всего 55,15 %. Следовательно, в течение 15 лет число кормящихся материнским грудью берлинцев сократилось на 19,10 %. Падение *громадное*. Но что особенно интересно — что это падение *прогрессировало* с каждым пятилетием. За первое пятилетие число кормившихся материнской грудью пало на 2½ %, за второе пятилетие 5½ %, за следующее на 11½ %. Получается почти геометрическая *прогрессия*. Если мы возьмём процент кормившихся материнским грудью на 8-м месяце жизни, то окажется, что в 1885 году этот % = 49,01, через 15 лет, в 1990 году — всего 22,7 %, т. е. уменьшение произошло почти *вдвое*. Чем объяснить такое явление?

Весьма распространено среди неспециалистов мнение, что сокращение естественного кормления грудью падает главным образом на *привилегированные* богатые классы населения, и что одной из главных причин этого является просто *желание избавиться от забот* и опасение интересующихся своей красотой женщин испортить форму из красивейших частей своего тела.

Статистика показывает, что такое мнение несправедливо. Оказывается, что в Берлине среди обитателей квартир *в одну комнату*, т. е. среди беднейшего класса населения, наблюдается такое же падение % кормимых материнской грудью младенцев, что и у всего населения вместе взятого. С 80,17 % в 1885 году это количество падает до 50,39 % в 1900 году, если брать детей до 1 месяца. А для детей 8-месячных за 15 лет наблюдается падение с 57,92 % до 25,26 %. Это для беднейшего населения Берлина.

Вы можете сделать предположение, что материальные причины мешают кормлению грудью. Быть может, работнице необходимо быть вне дома, а ребёнка она брать с собою не может, приходить тоже не может. Но вот, чтобы кормить коровьим молоком, надо тоже быть при ребёнке. Где обитательница квартиры в одну комнату найдёт себе заместительницу для искусственного кормления? Это вопрос. А во-вторых оказывается, что молоко в Берлине настолько *дорого*, что по словам Вальтера Классена [возможно, германский теолог и социолог Walther Classen], который занимался разработкой этого вопроса, именно кормление собственной грудью является для пролетария наиболее выгодным с материальной стороны способом кормления. Экономические причины должны были бы являться фактором, поддерживающим естественное кормление.

***

Итак, мы имеем здесь *типичный пример* вырождения. Если бы даже речь шла лишь об уменьшении естественной *склонности* к кормлению грудью, и то это было бы явление вырождения. Но мы имеем нечто большее: мы имеем всё прогрессирующую

атрофию весьма важного органа. Это факт, полный глубокого научного и практического интереса.

Какой орган атрофируется? Что такое женская грудь?

Способная давать в достаточном количестве молоко женская грудь есть один из самых существенных органов человека — такой орган, наличность которого определяет принадлежность человека к определённому классу животного царства. Это не признак *вида*, не признак рода, семейства, отряда, это признак *класса* млекопитающих Mammalia, следовательно признак высокой важности. Можно ли себе представить млекопитающее, у которого самка потеряла бы способность кормить своим молоком детёныша? Если бы такая потеря произошла, то она сейчас бы подверглась действию устраняющего естественного отбора. Детёныш бы погиб с голода и с ним погибла бы зарождающаяся склонность органа к атрофии.

Вот вам блестящий пример возможного свидетельства отбора. Появляется склонность к исчезновению необходимого признака. Отбор в самом корне пресекает вредную тенденцию. Потомство со склонностью к дегенерации безоговорочно умирает в первом же поколении. Если же такая склонность к дегенерации грудной железы явится у большинства самок данного вида, то конечно этот вид быстро и бесповоротно подвергнется полному вымиранию.

Человека поступает *иначе*. Начиная утрачивать один из существенных признаков своего класса, он преспокойно берёт кувшин коровьего молока, кастрюльку и спиртовую горелку и выкармливает своего ребёнка, спасая его от действия естественного отбора. Факт единственный в своём роде во всей биологии…

Вероятно, многие, делая ребёнку рожок из кипячёного молока, не задумывались над тем, что они совершают действие такой великой важности, как *непризнание одного из основных законов природы*. Казалось бы, можно только *радоваться* такой лёгкой победе. Но биологи приглашают нас *задуматься* над этим фактом вовсе не с радостной точки зрения. Ведь мы имеем перед собой типичный, резко выраженный случай *дегенерации*. Ведь если мы не улавливаем *сразу* вредных последствий этой дегенерации, то это ещё не значит, что их нет.

Во-первых, нельзя даже отрицать, что не имеется непосредственных дурных последствий искусственного кормления. Немецкая статистика имеет данные, что дети, выкормленные коровьим молоком, развиваются хуже и обнаруживают бóльшую смертность, чем дети, выкормленные материнским. Следовательно, природа по возможности старается и при этих искусственных условиях проявить действие естественного отбора.

Бóльшая смертность искусственного кормления детей есть с биологической точки зрения положительный результат отбора: худое устраняется. Но имеется и отрицательное действие отбора. Кроме преждевременно умирающих, имеются выживающие ослабевшие, хилые. Они дадут ещё более дегенерирующее потомство. Но ведь несомненно, что среди выкармливаемых без материнского молока есть такие, у которых мы не заметим никакой слабости сложения. Если это даже так, можно ли всё-таки мириться с самим фактом атрофии важного органа?

Небиолог не может стать здесь на правильную точку зрения. Он начнёт говорить о Сокслетовском аппарате[5], о разных смесях, о муке Неапле, о том, что современная техника искусственного кормления ещё повысится, а детская смертность понизится, — и найдёт себе утешение.

Биолог же скажет вот что. Сравнительная анатомия и сравнительная физиология учат нас, что каждый организм, несмотря на недостатки своей организации, представляет собой всё-таки некое *целесообразно* устроенное целое, приспособленное к определённым жизненным условиям, целое, отдельные части которого связаны между собой общей гармонией организации. Биология уже давно выяснила, что в природе действует широко распространённый закон *соотношения в развитии органов*. Обыкновенно то или другое изменение в каком-либо органе есть следствие изменения в *другом*, а само, со своей стороны, вызывает соотносительные изменения в других органах. Если началась атрофия столь важного для организма органа, как грудная железа, то, очевидно, дело обстоит *неблагополучно*.

Припомним, что грудные железы имеют тесную связь с органами размножения. Мы ещё слишком мало знаем в таких тонких вопросах, как соотносительные изменения органов, но весьма возможно, что атрофические явления могут распространяться и на половую сферу и повести к постепенной атрофии плодовитости, а это уже шаг *к окончательному вымиранию вида*.

---

[5] **Ред.** Имеется в виду экстрактор Сокслета, позволяющий извлекать жир из молока посредством экстракции (https://ru.wikipedia.org/wiki/Экстрактор_Сокслета).

Во всяком случае биология приглашает нас смотреть на вещи с совершенно *необычной* точки зрения и в прогрессии техники искусственного кормления приглашает в то же время видеть одно из орудий человеческой регрессии.

***

Вы можете поставить вопрос: да действительно ли детская смертность может быть фактором прогрессивного естественного отбора?

На этот вопрос не все отвечают одинаково. Некоторые говорят, что эпидемические болезни, которые имеют важное влияние на детскую смертность, поражают *одинаково* как слабых, так и крепких и, следовательно, служить фактором отбора не могут. Другие приводят факты, доказывающие наличность первобытного естественного отбора у человека в форме сильной детской смертности.

Чтобы подойти к этим фактам, отметим прежде всего, что статистики не находят пока более удобного показателя физических качества населения, как % годных для военной службы. При современных ненормальных условиях жизни единственный случай, когда происходит *массовая* оценка физических достоинств и недостатков людей, это когда их отбирают для целей уничтожения. И вот оказывается, что наименьший % годности к военной службе наблюдается во Франции — всего 44,1 %. В Германии % годности колеблется в течении десяти лет от 53 до 57 %, а в России этот процент чрезвычайно высок и достигает до 94,7%.

Что же из этого выходит? Та страна, где наиболее плохие жизненные условия, где сплошное невежество, отсутствие медицинской помощи, голодание, т. е. наша Россия, даёт наивысший % годных к военной службе, т. е. *наиболее крепкое* с физической точки зрения население. Страна же с высокой культурой, с высокой постановкой и медицинской помощи населению, и гигиены, с несравненно лучшими экономическими условиями, чем наша родина, даёт значительно *низший %* годного населения и *наименьший %* даёт Франция. Какая причина? *Отсутствие естественного отбора в одном случае и наличность его в другом*. Где высока культура, там парализуется действие естественного отбора, результат — дегенерация, ибо 44,1 % годных для военной службы — это несомненно дегенерация. Где низок уровень культуры, отвратительные жизненные условия — там отбор действует во всю — дети мрут как мухи и в результате нет дегенерации. Такова сила естественного отбора.

Но чтобы этот отбор действовал, надо, чтобы для него был богатый материал. А что даёт материал для отбора? Обильная рождаемость. В первобытной, *малокультурной* стране рождаемость велика — отбору есть над чем показать себя. Я знаю факт из Козловского уезда Тамбовской губернии, где в одной семье было 24 ребёнка и выжил *один*. Статистика чисто *звериная*, а не человеческая. Естественный отбор может тут *себя показать*. В культурной стране вследствие *сознательного отношения к деторождению* число рождений сокращается до minimum. Отбору не над чем работать. Да ему и не дают работать. Если бы ему дали поработать при одном или двух детях на семью, то население таких стран давно бы вымерло.

При искусственном сокращении плодовитости необходимо повышать заботливость с тем, чтобы рождаемые дети выживали. И эта заботливость страшно повышена в Германии и во Франции. А наша крестьянка, когда у неё умирают ребята, довольно хладнокровно говорит: «Да если бы они не *мерли*, куда бы их девать?»

Таким образом приходится прийти к выводу, что там, где гигиенические условия наиболее *плохи*, где вся жизненная обстановка наиболее *убога* и первобытна, там физическая крепость населения *высока*. Там, где *выше* культура, *выше* материальное благосостояние, *лучше* поставлена гигиена, — там физическая крепость населения *ниже*.

Предлагается *на выбор*: быть культурным и в достатке и вырождаться с угрозой вымирания (как Франция) или быть некультурным и нищим, как Россия, и не вырождаться. Я полагаю, что в будущем не желательно *ни* то, *ни* другое и единственное, что остаётся человечеству, чтобы быть и истинно культурным, не подчиняясь естественному отбору, и в то же время не вырождаться, — это прибегнуть к *искусственному отбору*.

Прежде чем перейти, однако, к вопросу об искусственном отборе, я должен ещё поговорить о тех результатах, которые может иметь естественный отбор у человека.

Можно ли считать установленным, что при наличности плохих жизненных условий в результате всегда является благое действие отбора? Неужели наше русское голодание есть фактор прогресса? — спросите вы. А что же сказать о вымирающих деревнях, вроде описанных [Андреем Ивановичем] Шингарёвым?

Здесь, конечно, надо остановиться и внести существенное дополнение в сказанное выше. Конеч-

но, когда речь идёт о возможности естественному отбору действовать среди первобытных условий русской жизни, то под этими первобытными условиями нельзя понимать постоянных голодовок, доводящих население до полного истощения, нельзя вообще понимать чрезмерно плохие условия, а надо понимать *просто* плохие.

Виктор Классен [*sic*!] в своей интересной работе о вырождении останавливается довольно подробно на этом различии во влияниях *разной степени* дурных жизненных условий как фактора отбора у человека.

Говоря о значении отбора для эволюции, я уже указал вам на то, что отбор может вести и к явлениям прогресса, и к явлениям регресса. Этот факт имеет громадное значение для понимания будущего человечества.

Переживает наиболее приспособленный. Но это переживание может быть *активное* и пассивное. При переживании активном в результате отбора сохраняются наиболее сильные и деятельные особи, при переживании пассивном сохраняются наименее деятельные и сильные. Слабое иногда побеждает. Этому учит нас биология не на основании теоретических рассуждений, а на основании фактов.

На океанических островах имеется большое количество бескрылых насекомых. Это не первичная бескрылость, а вторичная. Крылья утеряны путём эволюции. Те, кто сильнее всех летал, легче попадал в волны океана, уносимые ветром. Энергия и деятельность отбора присуждали к смерти и крылья были утрачены. В небольшой тесной луже более имеют шансов выжить мелкие и мало энергичные животные, которым надо мало пищи и мало кислорода.

Применим эти рассуждения к человеку, как это делает Классен. При голодовке возможно себе представить переживание наиболее энергичных людей, которые наиболее приспособлены к тому, чтобы в трудных условиях заработать себе пропитание. Это будет положительное действие отбора, активное переживание, при котором голод может быть фактором *прогрессивной* эволюции. Но при повторяющихся длительных голодовках вполне возможно, что самый энергичный человек не в состоянии заработать себе того minimum, который нужен для поддержания в полной мере его рабочей физической и умственной силы. Сильному организму нужно хорошее питание, чтобы быть работоспособным и как раз в силу своей организации он хуже будет переносить дурные условия, чем пассивный слабый организм. Таким образом, наиболее пассивные, наиболее слабые организмы имеют меньше шансов погибнуть при длительных хронических голодовках, чем наиболее сильные и энергичные. Естественный отбор при очень плохих условиях покровительствует слабым и пассивным и ведёт к дегенерации.

Классен говорит даже о непосредственной гибели более сильных при длительных дурных условиях, но если даже это считать натяжкой, то в жизни наций есть бесспорная форма отбора, которая несомненно действует именно в этом направлении. Это *эмиграция*. Ежегодно отправляются в С. Америку и другие внеевропейские страны *тысячи* наиболее сильных и энергичных людей, которые именно не в состоянии пассивно подчиняться дурным условиям. Для Соединённых Штатов мы имеем бесспорную наличность положительного отбора, для европейских стран — отрицательного.

Классен говорит, что рассуждая о влиянии хронических голодовок на активность и пассивность населения, мы имеем полную возможность не находиться в области фантазий, а брать реальные примеры. Около 800 миллионов населения земного шара, говорит Классен, находятся под действием этого *голодного* отбора: индусы, китайцы и русские. Это народы *пассивного типа*. Переходя специально к нам, русским, представитель немецкой биологосоциологической школы говорит, что вследствие действия голодного отбора русские обладают замечательной способностью переносить лишения, затруднения и горести.

Война является хорошим показателем качества нации. У русских выработались в высокой степени пассивные воинские качества, способность выносить *утомление* долгого пути, способность долго *защищаться*, выносить осаду со всеми её ужасами и лишениями, беспредельное послушание, способность самопожертвования. Это всё пассивные качества, которые, однако, весьма важны в военном деле. Японская война показала нам, говорит Классен, что военачальники должны были проявить *особенно большую неспособность* к своему делу, чтобы довести *таких* солдат до поражения. Эту неспособность военачальников наш автор приписывает тоже отрицательному действию пассивного отбора, наложившего свою печать на нацию. Даже самый посредственный военачальник должен обладать некоторыми качествами, свойственными *активным* расам: инициативой, энергией, способностью быстро принимать решения, известного рода активным темпераментом, чего именно не хватает русским.

Возвращаясь к оценке тяжёлых условий жизни, Классен говорит, что представители более активной расы, например немецкой, не стали бы относиться так к этим тяжёлым условиям, как русские. Они бы прибегли к эмиграции, повысили бы свою работоспособность, а не впадали бы, как русские деревни, в зимнюю спячку, залезая на печь, чтобы там, понизивши до minimum свой обмен веществ и потребность в пище, лишь в самых крайних случаях прибегать к излюбленным видам русской деятельности: молиться и просить милостыню… Горько читать такую характеристику у немецкого учёного, но разве нет в ней глубокой правды? Разве пассивность, смирение и покорность судьбе не суть типичные черты русского народа? Разве не отметила это так ярко и наша художественная литература и даже философия? Проповедь непротивления злу Толстого, поклонение страданию Достоевского — разве это не апофеоз пассивных качеств, не *апофеоз пассивного естественного отбора*?

***

Мы видели, что даже хронически дурные условия жизни могут вести к своего рода отрицательному отбору, но это более касается характера, темперамента, способностей, а не физической природы. С точки зрения физического вырождения плохие жизненные условия *вовсе не страшны*, потому что касаются признаков соматогенных. *Слабый производитель может дать хорошее потомство*, если его зародышевая протоплазма *не отравлена ядами*, которые поражают не только соматогенные, но и *бластогенные* качества.

Эти яды человечества — сифилис, туберкулёз и алкоголизм и именно они являются могучими факторами физической дегенерации человека. Значение этих ядов потому велико, что они обладают свойствами сказываться вредным образом на потомстве, являясь факторами дурной наследственности.

Наследственность — самое обычное общеизвестное, повседневно наблюдаемое явление, наглядно сказывающееся в общем сходстве потомства с производителями, но если посмотреть на это явление с научной точки зрения, то оно является одним из самых сложных и трудных вопросов, который однако удалось в настоящее время в значительной степени разгадать при помощи как тончайших микроскопических исследований процесса оплодотворения, так и научно поставленных опытов получения помесей. О законах наследственности можно было бы говорить несколько часов, поэтому мы лишены возможности сколько-нибудь подробно останавливаться на изложении этого вопроса, а принуждены остановиться только на самых общих выводах.

Наследственность может быть наиболее рационально объяснена тем, что половые элементы животных, яйцо и живчик, имеют внутри себя зёрнышки особого белкового вещества, называемого хроматином. Сами эти зёрнышки, называемые хромосомами, мы можем считать носительницами наследственных свойств.

Прежде чем произойдёт оплодотворение, т. е. слияние женского элемента с мужским, часть отцовского и часть материнского хроматина выбрасывается вон из яйца и из живчика[6]. Этот процесс, наблюдаемый при созревании яйца и живчика, имеет глубокое биологическое значение и я решусь сказать, что именно в нём заключается истинный *залог эволюции*, а следовательно и *прогресса*.

При каждом новом оплодотворении часть родительского вещества, носителя родительских свойств и качеств, выкидывается как лишний балласт, а остатки вступают друг с другом в новую комбинацию. Это не есть отвлечённое рассуждение, это можно своими глазами видеть под микроскопом. Именно вследствие этого каждое поколение только в общих чертах сходно с предыдущим, а тождества быть не может.

В вопросе об отцах и детях мы слишком мало говорим о поверхностном, налётном влиянии идей, воспитания, среды, вообще преходящих соматогенных факторов и слишком мало думаем о хромосомах, т. е. о первопричине наших свойств и качеств. При процессе оплодотворения для каждого данного случая, т. е. для каждого отдельного яйца и живчика одних и тех же родителей, возможны *различные комбинации* хромосом и этим мы можем объяснить бластогенную, т. е. врождённую индивидуальную изменчивость. Этим мы можем объяснить, почему дети одних и тех же родителей не тождественны друг другу.

В наиболее схематическом и наглядном виде это можно себе представить так: возьмите два ящика и насыпьте в каждый из них шариков разного цвета. Один ящик будет символически содержать яйцо, другой живчика, а шарики — разные свойства отцовского и материнского организмов. Возьмите и выбросьте из каждого ящика часть шариков, а остатки смешайте и запишите, сколько было ша-

[6] **Ред.** Таким образом в начале XX в. понимали редукционное деление хромосом в ходе мейоза.

риков каждого цвета. Повторите это несколько раз с тем же самым количеством первоначально положенных шариков — и каждый раз вы получите новую комбинацию. Это может служить схематическим объяснением одновременно существующих наследственности и врождённой изменчивости. Эта врождённая бластогенная изменчивость и представляет собой главный интерес с точки зрения естественного и искусственного отбора.

Но ведь есть и другая изменчивость — изменчивость соматогенная, изменчивость под влиянием воздействия окружающей среды, под влиянием различных извне действующих факторов. Именно во имя этой изменчивости и работало до сих пор культурное человечество. Во имя этой изменчивости под влиянием внешних факторов, изменчивости под воздействием среды, проповедовали пророки, трудились над учениками учителя и воспитатели, основывались исправительные заведения для преступников, специальные заведения для обучения отсталых и мало способных детей, во имя этой соматогенной изменчивости работала и работает медицина и гигиена, строятся больницы и санатории, прилагаются усилия к улучшению социальных условий.

Все эти полезные культурные мероприятия надо назвать ***паллиативами*** с биологической точки зрения. Все они затрагивают только данный индивидуум и воздействие умирает вместе с ним. Биология учит нас, что *благоприобретённые качества не передаются по наследству*, а если и передаются, то лишь в том случае, когда воздействие коснулось зародышевой протоплазмы. Так как будущее надо рассматривать не с точки зрения благоденствия особей, а с точки зрения благоденствия всего вида, то для будущего гораздо важнее дать возможность богато одарённым от природы особям оставить после себя такое же потомство, чтобы поддержать благополучие слабо одарённых или больных, хилых, дегенератов.

Главные яды человечества — сифилис, туберкулёз и алкоголь — тем и страшны, что они отправляют зародышевую протоплазму. Заболевший человек может быть залеченным — благодетельное соматогенное воздействие, но его зародышевая плазма отравлена навсегда и мы имеем громадную литературу, повествующую о всех степенях разнообразных дегенераций, которые вносят эти […] Относительно туберкулёза и сифилиса влияние яда на зародышевую плазму доказано. Относительно алкоголя идёт большой спор, в котором затрагиваются тончайшие вопросы гистологии. […] Плётц [Alfred Ploetz] ставит на вид, что алкоголь принадлежит к числу таких ядов, которые *не* при всяких условиях могут повлиять на зародышевые элементы. Возможно, что соматические клетки страдают от алкогольного отравления, а зародышевые ещё не страдают. Плётц объясняет это тем, что половые клетки, особенно женские, очень хорошо защищены от непосредственного соприкосновения с потоком крови, а алкоголь может только временно находиться в крови у ненастоящих алкоголиков. Таким образом, на основании гистологических и физиологических данных возможно допустить случаи такого потребления алкоголя, которые отразятся вредно на потомстве. Конечно, границу между слабым и умеренным потреблением алкоголя провести трудно, а уже умеренное постоянное потребление его может вести к вырождению, как это показали специальные исследования.

Против туберкулёза и сифилиса с обычной точки зрения могут приниматься меры двух родов: предохранительные и лечебные. Первые, конечно, являются самыми рациональными с любой точки зрения. Вторые, лечебно-гигиенические, имеют совершенно *второстепенное значение* с широкой, биологической точки зрения. Имея практическое значение для самочувствия больных, эти меры не могут предотвратить *дегенерацию будущих поколений, т. к. не уничтожают отравы зародышевой плазмы*.

С биологической точки зрения гигиенические мероприятия не только *паллиативны*, но даже по мнению некоторых радикалов биологической школы, *прямо вредны*. Это звучит страшно и необычно, но подумайте над следующим: ведь гигиенические мероприятия направлены к сохранению слабейших от очищающего действия естественного отбора, значит при отсутствии искусственного отбора это влияние чисто отрицательное для будущих поколений.

Мы имеем относительно этого интересные цифры. Гигиенические мероприятия несомненно понижают смертность и удлиняют среднюю человеческую жизнь. Но эти цифры надо оценивать с большой осмотрительностью. Суть в том, что понижение смертности никоим образом нельзя считать равноценным с повышением уровня здоровья. При хороших культурных условиях и прогрессе медицины и гигиены, люди давно обречённые на смерть, хилые, больные, еле живые, тянут иногда чрезвычайно долго, часто на тягость своим

близким и уж отнюдь не на благоденствие своей нации. Для науки важна не продолжительность жизни, а качество этой жизни, здоровье, свежесть, жизнеспособность, активность, способность дать здоровое прогрессивное потомство.

Даже статистика показывает, что прогресс гигиены совместим с вырождением. Самый благополучный в санитарном отношении город Германии считается Берлин. Смертность там весьма низка, санитарные условия образцовы. И что же оказывается в результате? Для всей Германии в 1903 году % годности новобранцев был 57,4 %, а в том же году в Берлине всего 33,8. Детальная разработка берлинской статистики показывает, что для уроженцев берлинских предместий, где живёт беднейшее население в худших условиях, чем в богатой части города, этот % годности выше, чем для всего города, и вместо 33,8 мы имеем там в предместьях 49,9 %. Выводы совершенно сходные с тем, которые, как я говорил, даёт русская деревня.

Я, конечно, не имею времени коснуться подробнее цифровых и иных фактических данных относительно явлений вырождения у современного человека. Совокупность всех этих данных в связи с приведённым только что рядом теоретических соображений приводит нас к неизбежному выводу, что в современном культурном человечестве вследствие устранения, под влиянием культуры, действия естественного отбора происходит дегенерация.

Так как остановить эту дегенерацию можно было бы только восстановлением действия естественного отбора, а для этого надо было бы вернуться к первобытному состоянию, на это человечество не пойдёт, то остаётся одно только средство для надёжного лучшего будущего, и это средство — *искусственный отбор*.

Искусственный отбор есть создание человека и широко применяется им в сельском хозяйстве: в животноводстве, полеводстве, садоводстве, огородничестве. Суть искусственного отбора заключается в том, что берётся потомство только от таких производителей, которые обладают желательными качествами. Потомство, не обладающее желательными свойствами, или уничтожается, или не допускается до размножения.

Результаты искусственного отбора в сельской местности […] *наглядны* и *общеизвестны*, […] искусственный отбор до сих пор применялся *бессознательно* и с *относительными для прогресса результатами*. А *сознательное* применение с целями прогрессивной эволюции кажется многим *неприемлемым новшеством*, потому что это применение требует *отрешения от многих рутинных традиционных взглядов*, требует некоторой переработки мировоззрения или по крайней мере перевоспитания человечества в духе биологических учений.

Я только что сказал, что до сих пор искусственный отбор применялся в человечестве с отрицательными для прогрессивной эволюции результатами. Посмотрим теперь, в каком направлении может действовать искусственный отбор у человека и действует ли он в настоящее время.

Есть случаи, когда он действует, но это будет действие, *не ведущее ко благу будущего человека*. Есть у человека великий фактор искусственного отбора — *воинская повинность и война*. Но в чём же сказывается это действие? Ежегодно отбираются лучшие люди самого цветущего возраста, их хорошие качества тщательно проверяются при помощи врачей, все имеющиеся изъяны бракуются. Можно было бы подумать, что это отбираются люди, годные для брака, для того, чтобы быть хорошими производителями, или для того, чтобы делать какую-либо особо полезную работу. В действительности же именно этот цвет нации устраняется от семейной жизни, от полезной общественной деятельности и подвергается специальной дрессировке, чтобы в конце концов умереть.

С биологической точки зрения это *прямой путь к регрессу*. Это отбор лучшего не для того, чтобы оно дало потомство, а для того, чтобы оно погибло, дав тем самым возможность дефектному усиленно размножиться. Даже до мелочей простирается отрицательный отбор лучших людей на войне: герои — впереди, на передовых позициях, во главе штурмующих колонн, герои взрываются вместе со своими кораблями или, открывши кингстоны, молча погружаются на дно океана, чтобы не отдать своих судов и себя в руки неприятеля, а *не* герои отыскивают безопасное место в тылу армии, уклоняются от участия в бою, спускают флаги и благополучно уцелевши, будут плодиться и размножаться, давая родине новых Небогатовых и заставляя вспоминать стихи Шиллера

Denn Patroclus [liegt] begraben
Und thersites kommt zurück[7].

[7] **Ред.** Неточная цитата из баллады Ф. Шиллера «*Das Siegesfest*» (Торжество победителей) (http://www.zeno.org/Literatur/M/Schiller,+Friedrich/Gedichte/Gedichte+(1789-1805)/Das+Siegesfest): в тексте Кожевникова вместо «liegt» стоит «ist».

Политическая жизнь даёт нам иные примеры искусственного отбора, *отрицательного* с биологической точки зрения. Когда происходит политическая борьба, то её жертвою падают *наиболее сильные, наиболее энергичные люди*. С биологической точки зрения эти люди, быть может, наименее приспособлены к окружающей среде, они рвутся за пределы этой среды, хотят её победить — но побеждённые, гибнут сами, давая выжить наиболее приспособленным, людям умеренным и аккуратным.

Когда окружающая среда действует таким образом, то в результате *искусственно отбираются* и удаляются из общества те люди, которые хотят перемен, которые хотят замены старого режима новым. Я полагаю, что под действие *этого* отбора в значительной мере попадают наиболее сильные элементы. Те, кто не боятся выказывать своих убеждений и действовать сообразно этим убеждениям, те гибнут в политической борьбе, а наиболее приспособленные остаются и размножаясь передают потомству свою врождённую способность быть всем довольными и со всем мириться.

Таким образом, отыскивая действие искусственного отбора в современном обществе, мы приходим к довольно неутешительному выводу.

***

Нужен ли человечеству искусственный отбор? Сознание этой необходимости ещё совершенно не привилось культурному обществу, хотя надо отметить, что движение в этом направлении уже началось и во Франции и Англии уже имеется Лига возрождения человечества, цель которой — пропаганда идей искусственного отбора. Проповедь необходимости искусственного отбора по отношению к человеку является главным девизом новой школы биолого-социлогов, которые сгруппировались главным образом вокруг «Archiv für Rassen- und Gesselschafts-biologie». Это одно из самых интересных периодических изданий, которые только существуют, т. к. оно посвящено изучению человека с биологической точки зрения.

По мнению представителей биолого-социологической школы, современному человеку *грозит большая опасность от того, что под влиянием общераспространённого миросозерцания, выросшего на почве церковно-христианских учений*, и частная, и общественная заботливость направлена в настоящее время исключительно на больных слабых, неспособных, и совершенно не организованы отбор и поощрение способных и сильных.

Зачем же им помогать, когда они и так сильны? А затем, что искусственные условия культурной жизни поставили этих сильных вне покровительства естественного отбора. При действии естественного отбора слабые должны погибать и тем самым давать преобладание сильным. Борьба за существование выражается не в том, что сильный непосредственно побеждает слабого во всём. Такое понимание борьбы за существование совершенно неправильно. Сильный побеждает не непосредственно своею силою, а тем, что погибает слабый, а он, сильный, остаётся. Если же слабые пользуются *покровительством*, то сильные теряют своё преимущество. Это своего рода гандикап бегов и скачек, когда плохая лошадь бьёт хорошую, потому что несёт меньший вес.

Немецкий социолог Унгольд [не идентифицирован] отмечает с прискорбием, что с большими трудами и затратами устраивают школы для отсталых детей, но никому не приходит в голову устроить школы для наиболее способных, чтобы не заставлять их без пользы тянуть обычную школьную лямку, приспособленную для малых и средних способностей. Далее он указывает, что тратятся громадные деньги на устройство образцовых институтов для идиотов и сумасшедших, а не находят средств для достаточного вознаграждения работников умственного труда, который является высшим проявлением человеческой деятельности.

Если мы признаем, что человечество должно вступить на путь искусственного отбора, то конечно сейчас же явится вопрос, в какой форме приступить к осуществлению этой идеи.

Один из путей — непосредственное удаление с арены жизненной деятельности таких людей, которые имеют врождённую склонность к преступлениям, которые являются отрицательными элементами с биологической точки зрения. Знаменитый биолог Геккель ничего не имел против смертной казни таких преступников, которые обнаруживают врождённые зверские инстинкты, находя даже удовольствие в пролитии крови, изнасиловании и тому подобных антиобщественных поступках. Некоторые типы таких bêtes-humanes [звери-люди] ярко очертил Дорошевич во своём «Сахалине»[8]. Западноевропейское законодательство применяет эту меру на практике и во Франции

[8] **Ред.** Имеется в виду Влас Дорошевич и его публицистическая книга «Сахалин», изданная в 1904 г. (http://az.lib.ru/d/doroshewich_w_m/text_0030.shtml).

сахалинские типы до самого последнего времени шли на гильотину. Недавно ещё отмена смертной казни изнасилователя вызвала протесты части парижского населения.

Человеческая гуманность восстаёт принципиально против смертной казни, но я думаю, что главным мотивом здесь является то обстоятельство, что смертная казнь весьма легко превращается в простое орудие политической борьбы. В таком случае она конечно является ненормальным явлением с биологической точки зрения, так как не может никоим образом служить целям прогрессивной эволюции, а наоборот является орудием регресса. Что же касается устранения сахалинских типов, то вряд ли многое можно сказать в их защиту. Но если уже из принципиального отказа от казни считается возможным сохранить их индивидуальное существование, то положительно преступно давать им возможность иметь потомство. Ведь раз речь идёт о *врождённой преступности*, а она бесспорно существует и должна существовать в силу биологических законов, то надо помнить, что свою зародышевую протоплазму преступник *не в состоянии* исправить, а именно только она ведь и важна для будущего человечества.

<Теоретики заговаривали об искусственном лишении вредных членов общества способности размножаться — о *кастрации* преступников. Этот приём искусственного отбора звучит для нас так странно и необычно, но вот оказывается, что это уже осуществляется на практике в Соединённых Штатах Америки. Я привожу нижеследующие данные на основании газетной статьи, корреспонденции из Нью-Йорка от 21 декабря прошлого года, подписанной полным именем корреспондента Fields. Вот что он пишет: […][9]. Таким образом, одно из утопических мечтаний проповедников искусственного отбора начинает находить себе практическое осуществление в стране, которой менее всего свойственна рутина.

Конечно, наши привычные убеждения и взгляды не позволяют нам сразу помириться с таким нововведением, как узаконенная кастрация, особенно в столь широком масштабе, однако обратим внимание на то, что ведь *общество теперешнее* от этого ровно ничего не теряет, а *общество будущего* несомненно выигрывает, т. к. возможность врождённой преступности этим радикально устраняется. Если обычное чувство гуманности, быть может, совершенно ложно понятое, останавливает нас от одобрения кастрации, то уж> запрещению браков дегенератов и преступников можно только аплодировать. Беда лишь в том, что запретить брак ещё не значит запретить иметь потомство.

Никто ещё из радикалов последователей биологической школы не оправдывал, что следует убивать больных и слабых. Но есть предложение *давать гибнуть обречённым на гибель и не помогать спастись*. Это касается алкоголиков. Английский автор Гейкрефт [не идентифицирован], профессор физиологии, один из весьма радикальных представителей биологической школы в общественных вопросах рассуждает так. Алкоголизм ведёт к вымиранию целых семей. Это факт доказанный. Хронический алкоголизм поражает людей, которые имеют дурную наследственность, которые как бы уже порченые с биологической точки зрения. Надо дать им испортиться до конца и погибнуть с потомством по пути прогрессирующей дегенерации. Этим человечество будет очищаться от дурных элементов. Удерживая же алкоголиков от алкоголизма, мы содействуем тому, что дурная порода размножается, а дурные зачатки неистребимы с точки зрения биолога. Поэтому, говорит Гейкрефт, всякая борьба с алкоголизмом вредна. Стремление противников алкоголя помочь своей деятельностью человечеству английский физиолог уподобляет человеку, который, задавшись целью вывести длиннохвостую породу собак, вместо того, чтобы уничтожать короткохвостых щенят и оставлять на завод одних длиннохвостых, стал бы стараться всячески оттягивать короткие хвосты, надеясь, что они не только удлиняться, но и что это удлинение передастся потомству.

Таких радикалов, которые во имя торжества естественного отбора являлись бы противниками общественной гигиены в её обычной, общепризнанной форме, конечно немного. Но весьма многие признают, что влияние гигиены и медицины парализует действие отбора и это совершенно верно. Отказаться от помощи больным и слабым не позволяет нам всё возрастающее с утончённостью нервной организации чувство жалости и отвращение к жестокости.

Единственный выход — противопоставить вредному с точки зрения отбора влиянию медицины и гигиены сознательный и планомерный искусственный отбор, направленный в сторону *прогрессивной эволюции*. Но в какой же форме может быть он осуществлён в человечестве? Всякий отбор есть не

[9] **Ред.** Далее следует текст упомянутой статьи, здесь он не приводится.

только культивирование годного, но и уничтожение негодного. Как же осуществить уничтожение негодных элементов в человечестве? Единственный радикальный способ — *не давать этим элементам размножаться*. Дурные не должны иметь потомство — вот девиз биологов, в котором они видят залог прогресса человечества, и против этого положения решительно *невозможно возразить, раз мы не хотим сойти с научной точки зрения*.

Мы подходим, таким образом, к половому вопросу, который представляется современному человечеству сложным и запутанным главным образом потому, что на этот чисто биологический вопрос мало смотрим с научной биологической точки зрения и мало пытаемся относиться к нему сознательно. В специальном запутании полового вопроса имели большое влияние церковь и законодательство. Церковь, признавая половые отношения, с одной стороны, грехом, а с другой стороны, при соблюдении известных формальностей, освящая их таинством, создала такое противоречие по существу, из которого положительно невозможно выбраться.

<Законодательство допускает такого рода курьёзы, как запрещение брака между свойственниками, не состоящими в кровном родстве: запрещается жениться на сестре жены, двум братьям жениться на двух сёстрах и даже признаёт так называемое духовное родство (210 ст. / X том).> Как бы в отместку за стремление наложить чрезмерные оковы на половые отношения, люди фактически нигде не пользуются такой полной свободой как в этой области. Получается резкое противоречие теории с практикой, а самое важное — самые широкие *интересы человеческого рода остаются совершенно незащищёнными*.

В качестве протеста против религиозных и законодательных стеснений некоторые доктринёры проповедуют принцип полной половой свободы. Бебель [F.A. Bebel] включает в своё социал-демократическое учение такой тезис: «Удовлетворение половой потребности есть настолько же личное дело каждого отдельного лица, насколько удовлетворение всякого другого естественного стремления. Никто не должен отдавать другим отчёта в этом деле и никто не призван в этом дело вмешиваться».

Биологическая школа и здесь, как в других пунктах, совершенно не согласна с социализмом. Половая свобода с биологической точки зрения допустима лишь постольку, поскольку она *не вредна для потомства*. Биологическая школа, распутываясь в сложной сети, опутавшей половой вопрос, находит только *один* критерий для суждения о допустимости или недопустимости, нравственности или ненравственности: *интересы потомства*. Этим она стремится вернуть половой вопрос к его единственному естественному разрешению. Природа создала половой инстинкт для целей размножения. Нравственно всё то, что ведёт к хорошему размножению, производству здорового, богато одарённого потомства, безнравственно производство больного или предрасположенного к болезням потомства и всё, что этому способствует. Безразличными с нравственной точки зрения являются половые отношения, при которых участники не наносят вреда ни себе, ни третьему лицу, ни потомству. Эта интересная формула выработана проф. Форелем [Auguste-Henri Forel], автором весьма интересного труда «Половые вопросы», выдающимся представителем биологической школы.

Что же мы должны проповедовать в интересах будущего человечества? Именно то, о чём никто или почти никто *не думает*: *сознательное отношение к процессу размножения*. Пока человечество относится к этому важному делу в значительной степени бессознательно. Для большинства людей появление потомства есть роковое *последствие* половой жизни. Так происходит во всём животном мире. Нет более бессознательного инстинкта, чем половой инстинкт. Сравнительно недавно новейшими исследованиями размножения простейших одноклеточных организмов доказано, что там, где прежде предполагалось только первобытное размножение делением, почкованием или споруляцией, существует настоящий первобытный половой процесс. Мы имеем организм одноклеточный, где не может быть и речи о зачатках нервной системы — этого органа высшей животной деятельности. И вот одна из клеток является женской, другая мужской, и на этой самой первобытной стадии жизни, где даже нет органов, а в организме лишь одна клетка, наблюдается стремление разнополых клеток слиться друг с другом в одно целое. Это влечение по его бессознательности вполне можно уподобить взаимному притяжению разноимённых полюсов магнита.

Наблюдения над половым процессом у простейших [неразб.] позволяют сделать одно чрезвычайно важное биологическое обобщение: оказывается, что половые отличия явились не как результат постепенной эволюции и усложнения организации, а являются следствием самой первоначальной дифференцировки живого вещества, живой прото-

плазмы — на протоплазму женскую и протоплазму мужскую.

Бессознательность полового инстинкта можно наблюдать и на животных весьма высоко организованных, например у насекомых. Поразительную картину *фатальности* этого инстинкта можно наблюдать с большим удобством при воспитании шелковичных бабочек. Эти насекомые путём регрессивной эволюции почти утратили способность летать и совершенно утратили способность принимать пищу — ни то, ни другое им не нужно. Как только они выходят из кокона, так немедленно бессознательная сила тянет их друг к другу, они совершают единственное дело, для которого появились на свет, — спаривание. Самец умирает после спаривания, самка после откладки яиц. Таким образом, индивидуальная жизнь сводится на нет. И зоология даёт нам много примеров, что самцы гибнут тотчас после спаривания, а самки после откладки яиц. При этом, было выше сказано, наблюдается часто громадная плодовитость и некоторых животных можно положительно назвать машинами для размножения.

Природа везде *неукоснительно* ставит интересы вида выше интересов индивидуума. Очевидно, что в этой тенденции кроется залог преуспеяния вида. Если мы не захотим нарушать законов природы и будем бессознательно предаваться делу размножения, что из этого выйдет? Мы уже говорили об этом. Получится громадная плодовитость, дающая материал для естественного отбора, и громадная смертность как результат этого отбора. Необходимое условие, чтобы отбор действовал, — пребывание в первобытном состоянии культуры, как значительная часть населения России.

Человечество уже дошло до сознательного отношения к процессу размножения. Среди всей природы один человек научился произвольно *регулировать деторождение* и в этом ***его законное право***, а с точки зрения биологической — во многих случаях даже *обязанность*.

К сожалению, до сих пор сокращение деторождения практикуется главным образом из побуждений экономических, из трудности прокормить большую семью или из других чисто практических соображений личного удобства. Биолог должен проповедовать *сознательное* отношение к процессу размножения с точки зрения интересов потомства, интересов будущего человечества. Лишь обладающие способностью передать своим детям дурные зачатки *не должны* иметь детей. Вот основное требование общественной нравственности, которое провозглашают сторонники биологического течения в общественных вопросах.

Нечего доказывать, насколько это требование противоречит всем укоренившимся понятиям. Ни церковь, ни государство, ни общественное мнение не требуют производства детей здоровых: они требуют производства детей законных — понятие, не существующее для биолога. Чтобы достигнуть осуществления искусственного подбора, необходимо, или чтобы люди, являющиеся дурными производителями, вели аскетическую жизнь, или чтобы они жили половой жизнью, но не имели детей.

Запрещение брака дурным производителям могло бы быть проведено в законодательном порядке, говорят одни. Другие указывают, что эта мера трудно осуществима на практике, да к тому же — и это самое главное — брак понятие не биологическое и внебрачные дети так же важны для судьбы племени, как и рождённые в браке. Ввиду это[го] наиболее желательным является *перевоспитание* общества в таком направлении, чтобы негодные производители добровольно отказывались от брака и вообще сожительства с женщиной. Конечно, такое пожелание является в значительной мере утопическим. Половое влечение — сильнейшее влечение человека, побороть его слишком трудно. Утописты-теоретики говорят, что стремление сохранить свою жизнь пожалуй еще более сильное, ещё более основное стремление, однако люди на войне жертвуют своею жизнью за родину и часто жертвуют с увлечением и вдохновением. Надо добиться воспитанием такое же жертвование половым инстинктом.

Сравнение неудачное в том отношении, что жертва жизнью на войне производится в исключительных обстоятельствах, в особой обстановке и не ежедневно, а жертву на благо общества своим инстинктом пришлось бы приносить ежедневно, непрерывно, при обычной житейской обстановке, это очень трудно осуществимо.

Конечно, можно мечтать о таком перевоспитании человечества, когда трудное теперь станет легко, но ведь есть другой более лёгкий путь — предохранительные меры против зачатия, и эти меры не только желательны, но положительно обязательны для всякого, кто не желает быть бесчестным по отношению к потомству, давая жизнь дегенератам. Вот здесь необходимо немедленное перевоспитание общества, часть которого держится странных *предрассудков* относительно мер, регулирующих размножение. Источником

этих предрассудков является даже католическая церковь, которая не преминула заклеймить *грехом* уклонение от слепого подчинения первобытному закону размножения. Странно, что многие медики по странной косности уподобляются католическим патерам, осуждая меры, препятству[ющие] зачатию. В оправдание своего отношения они говорят о вреде предупреждающих средств. Но во-первых, этот вред ничтожен в сравнении с вредом передачи болезни, а во-вторых, это вред только для данной особи, а в [неразб.]. Конечно, хорошие результаты от искусственного отбора могут сказаться только в том случае, когда с устранением от дел размножения туберкулёзных, сифилитиков, алкоголиков и иных дегенератов, т. е. с устранением возможности дурного потомства, люди здоровые, сильные, способные, не отягчённые дурной наследственностью, не уклонялись от серьёзного и важного дела размножения. Вот здесь-то и необходимо перевоспитание общества и выработка в нём новых взглядов на долг и общественные обязанности.

Бессознательное отношение к делу размножения должно замениться сознательным, появление детей должно быть не роковым последствием, а сознательной заранее обдуманной целью. Только при таких условиях возможно безнаказанно освободиться от действия естественного отбора и жить истинно культурной жизнью, торжествуя победу над природой. Надеюсь, что наши потомки горько посмеются над нами, которые сумели применить уже давно свои знания законов природы к лошадям и курам и так поздно решили применить эти знания к себе.

Всё, что говорят и пишут о половом вопросе, не имеет никакого серьёзного интереса и значения для человечества вне вопроса о здоровом или больном потомстве. Половая жизнь вне деторождения ещё личное дело лишь с общим большим ограничением, относящимся ко *всяким человеческим поступкам*: не вреди другим. Скажу лишь только, что общераспространённое мнение, что взаимное влечение есть гарантия хорошего потомства, — ничем не подтверждённый предрассудок. Бессознательного полового подбора у человека не существует и только объективные научные данные о наследственности человека и его здоровье могут иметь значение с точки зрения отбора.

***

Можно ли ещё указать пути искусственного отбора? Есть ещё одна сторона человеческой жизни, где можно применить новые принципы, идущие в разрез с рутинными взглядами. Это дело воспитания и обучения.

В настоящее время в немецкой педагогике возникло своеобразное течение, несомненно внушённое идеей искусственного отбора, — создание особых школ для более способных детей. Выразителем этой идеи является Петцольд [Joseph Petzold] в своём сочинении «*Sonderschulen für Hervorragend Befähigte*» (Специальные школы для людей с выдающимися способностями). Петцольд указывает, что совершенно неблагоразумно и несправедливо заставлять способных учеников бесполезно тратить то время, которое необходимо малоспособным для прохождения курса. Высокие способ[ности] при таком методе не получают должного развития и в значительной степени глохнут.

От умелости учителей зависит, чтобы выделение способных не отразилось дурно на их этике, не развило чрезмерной гордости и самомнения. Неумелые учителя в достаточно мере портят учащихся и в современной рутинной школе. Педагоги старой школы могут возразить, что присутствие более способных среди слабых будет служить стимулом к поднятию уровня слабых и что идеалом является не подведение всех под один общий *низкий* уровень, а подведение всех под один общий *высокий* уровень.

Как может показаться на первый взгляд симпатичным такой взгляд, но с биологической точки зрения он является чистейшей утопией. По данным биологии врождённые качества являются решающими в вопросе о воспитании и обучении. Высокие качества, и умственные, и нравственные, можно только развить путём воспитания, а не насадить. Это вывод из специальных исследованиях Пирсона [Carl Pearson], которое было произведено над 4 тысячами английских учащихся в возрасте 10–14 лет, принадлежавших к 1000 семьям. Были произведены наблюдения над их физическими качествами и различными способностями и моральными качествами, каковы например: проворность, наблюдательность, вдумчивость, честность, энергия в работе и т. п. Выяснилось, что все эти качества наряду с физическими признаками обладают склонностью быть сходными у родных, колеблясь в узких пределах индивидуальной изменчивости. Следовательно, эти качества наследственны и влияние семьи и школы в деле повышения уровня слабых значительно *меньше*, чем это принято думать.

Этот вывод вполне оправдывает принцип отбора сильных, способных и отдельного их воспитания,

т. к. мы отбираем здесь их ценные *врождённые* качества и эти качества могут быть при таких условиях более хорошо развиты, а по принципу подбора надо развивать прежде всего то, что имеет врождённую склонность к высокому развитию.

***

Обращаю внимание ваше на то, что конечные результаты отдельного воспитания способных, т. е. большая окончательная развитость будет признаком личным, приобретённым, соматогенным, но ведь отбирали мы в самом начале учения врождённые способности, т. е. признаки бластогенные, кроющиеся в свойствах зародышевой плазмы, т. е. способные передаваться по наследству. Значит, и педагог может быть фактором искусственного отбора, оказав покровительство тому, что лучше и выше.

Можно было бы указать ещё немало противоречий биологической точки зрения на человека с общепринятыми, но я не имею на это время.

Можно с уверенностью сказать, что систематическое проведение биологических взглядов в жизнь должно сопровождаться ломкой многих установившихся понятий, ломкой миросозерцания. Но должны ли мы этого бояться? *Я этой боязни* ***не понимаю***. Наука учит нас истине. К чему бы мы ни применили добытые истины, мы не должны бояться последствий.

Поэт сказал:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман[10].

Какая красивая и какая странная мысль. «Низкая истина» и «возвышающий обман». Я не думаю, чтобы для просвещённого человеческого ума *истина* могла бы быть *низкою*. А вот именно такое обвинение многие предъявляют истинам биологическим.

Что мы должны делать, чтобы обеспечить истинный прогресс человека, его светлое будущее?

Раз мы признаём, что научная мысль есть высшая сила, которую способен произвести человек, то конечно только на научных основаниях должна быть построена наша жизнь.

Этого до сих пор не было.

Это должно быть.

Весьма часто люди, предаваясь мечтам о возможности счастливого будущего, строят свои упования на развитии и усилении чувства любви к ближнему. Нисколько не сомневаясь в важном значении этой силы, я полагаю всё-таки, что *большее* значение принадлежит силе разума как силе высшего порядка.

Слово «любовь» имеет несколько значений. Этим словом обозначают и половое влечение, и чувство матери к детям, и всякое высоко развитое чувство симпатии одного существа к другому. Любовь половая безусловно одно из самых низших чувств, чисто животного порядка. Любовь материнская тоже наблюдается у животных. Являясь в первобытной своей форме в виде бессознательного инстинкта сохранения потомства, она у высших животных, у млекопитающих и птиц, может доходить до высокой стадии эволюции, до готовности ценою жизни защищать детёныша. Человеку нечего, следовательно, гордиться и этим видом любви. Даже более свойственное специально человеку чувство любви к ближнему имеется в зачатке у животных, живущих стадами.

Какая же сила, какая способность появилась на Земле только с появлением человека? Способность к отвлечённому мышлению.

Новейшие исследования по сравнительной зоопсихологии всё более и более приводят нас к заключению, что так называемый ум животных есть в значительной степени лишь сложные инстинкты. Конечно, мы не можем отрицать у низших животных способности делать умозаключения, а следовательно элементарно мыслить. Но мышление высшего порядка, в особенности же *научное* мышление, есть единственная специальная привилегия человека.

Человечество до сих пор ещё слишком мало прилагало эту свою высшую способность к устроению своей жизни. Мы не можем себе даже представить, на что станет способно человечество, когда оно сплошь поголовно просветится в большей или меньшей степени не светом элементарного образования, а светом научного знания, когда основные истины биологии войдут как прочный базис в сознание народа.

Тогда изменится миросозерцание масс и никто не станет называть истину низкою, а обман возвышающим. Тогда настанет действительно —

Царство мысли, где сияет
Вековечный день[11].

[10] **Ред.** Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Герой».

[11] **Ред.** Строки из стихотворения А. Майкова «Картинка».

П-20. ПОЛИМОРФИЗМ И ЭВОЛЮЦИЯ[1]

Вопрос о бесконечном разнообразии животных и растительных форм является коренным вопросом биологии. Действительно, с какой бы точки зрения мы ни стали изучать природу, мы непременно столкнёмся с этим разнообразием, и оно невольно наводит на желание узнать, каковы его причины, каковы те силы, которые создают органические формы, каковы законы, управляющие этими силами.

Эволюционное учение, на котором покоится всё современное естествознание, твёрдо установило принцип постепенности развития органических форм и мы непрерывно ищем данные, чтобы установить ту последовательность, в которой происходит эволюция, ищем те законы, которые эту эволюцию направляют. К сожалению, крайняя сложность эволюционной проблемы имеет своим результатом то, что идут бесконечные споры относительно факторов эволюции, и эволюционисты делятся на несколько школ. Это есть результат той односторонности взглядов, которой проникнуты многие, желая признавать что-либо одно, *eo ipso* [тем самым] не признавая другого. <Ведь если бы мы знали истину, то не было бы споров. Истина одна, всякая научная проблема имеет только одно решение, а пока мы спорим о том, какое решение правильно, значит, проблема ещё не решена.>

Однако многие годы упорной работы зоологов и ботаников над решением эволюционной проблемы не остались без результата и несомненно теперь мы ближе к решению задачи, чем были натуралисты во время появления работ Дарвина. Сам Дарвин подходил к проблеме происхождения видов как систематик и генетик. Он изучал мелкие систематические признаки, признаки подвидов, рас, изучал видоизменения пород домашних животных и растений, наследственность, скрещивание. После него широкое развитие получил сравнительно-морфологический метод, метод широких сравнительно-анатомических и сравнительно-эмбриологических обобщений, нашедших [неразб.] базу в целом ряде новых работ, задававшихся целью найти родственные связи между целыми группами, между отрядами, классами и типами[2]. Широкие обобщения увлекали, казалось, что была разгадана тайна мироздания, и Геккель смело создавал свои генеалогические дерева, смело перекидывал мост через пропасти, создавал своей творческой фантазией теоретические промежуточные формы.

Сравнительно-морфологические и сравнительно-эмбриологические исследования дали массу ценного материала, дали возможность сделать целый ряд вполне обоснованных обобщений, установили ряд законов, развили в том числе и основной биогенетический закон, на него [неразб.] стремление вывести из сравнительно-морфологических данных верные относительно родственных взаимоотношений между крупными группами повело ко [неразб.] поспешным выводам и обобщениям, и зоологическая литература сохранила порядочный архив работ, которые относительно систематического положения и родства одного и того же животного строили самые разные предположения. Достаточно вспомнить, кого только не приписывали в родню загадочным *Balanoglossus*, сагитт, *Phoronis*, *Rhabdopleura* и *Cephalodiscus*[3]. Вся история изучения типа Vermoidea полна величайших недоразумений, которые являлись результатом того, что исследователи брались за задачу неразрешимую и искали вымерших родственников среди ныне живущих групп[4]. Это жадное стремление найти исчезнувшее среди живущего, заполняющее

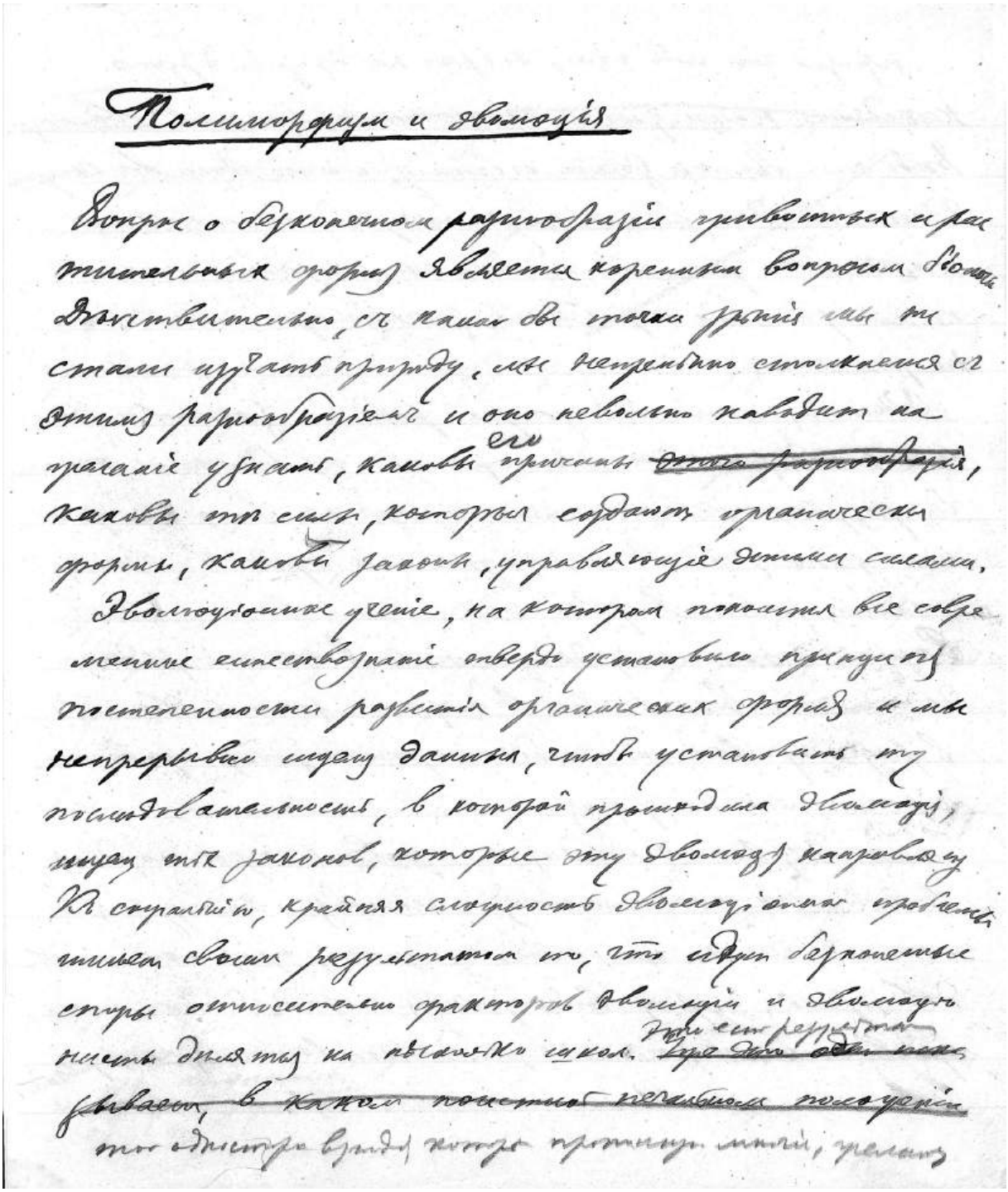
---

[1] **Ред.** Настоящий текст представляет собой вводный раздел предполагаемой статьи о полиморфизме шмелей (не опубликована). АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 51.

[2] **Ред.** Нам кажется, что здесь Кожевников неправ. Такого рода обобщения появились в работах Ж. Кювье, К. фон Бэра, Ж.-Б. Ламарка, Ф. Тидемана, О.-П. де Кандоля и др. в начале XIX в., т. е. задолго до труда Ч. Дарвина. Они создали ту фактологическую базу, на которой сформировалась эволюционная идея в биологии.

[3] **Ред.** В настоящее время *Balanoglossus*, *Rhabdopleura* и *Cephalodiscus* относят к типу полухордовых (Hemichordata), *Sagitta* — к типу щетинкочелюстных (Chaetognatha), *Phoronis* — к типу форонид (Phoronida).

[4] **Ред.** Ранее в этот тип включали мшанок (Bryozoa), плеченогих (Brachiopoda) и форонид; в настоящее время они считаются самостоятельными типами, причём два последних объединяются в надтип Brachiozoa.

Полиморфизм и эволюция

Вопрос о безконечном разнообразии живых и растительных форм является коренным вопросом биологии. Естественно, с какой бы точки зрения мы ни стали изучать природу, мы непременно столкнемся с этим разнообразием и оно невольно заставит нас стараться узнать, каковы причины его, каковы те силы, которые создают органические формы, каковы законы, управляющие этими силами.

Эволюционное учение, на которое пролило все современное естествознание отверженное установило принцип постепенности развития органических форм и мы непременно должны знать, чтобы установить ту последовательность, в которой происходила эволюция, знать эти законы, которые эту эволюцию направляют. К сожалению, крайняя сложность эволюционного процесса, отсутствие своих результатов по, что среди бесконечного ряда относительно факторов эволюции и эволюционных нить для тех на сколько сил. Это есть результат [illegible] [illegible] [illegible]

громадную пропасть силою своего научного творчества вполне понятно, но безнадёжно.

Естественно явилось разочарование в такого рода исканиях и внимание зоологов направилось в иную сторону, назад к Дарвину! Дарвин ведь говорил не о происхождении типов, классов, отрядов, он говорил о происхождении пород и видов. И вот много лет спустя после его смерти, в более новое и новейшее время, разрешение эволюционной проблемы стали искать в систематике и генетике [внутривидовых форм], т. е. там, где искал их Дарвин, только иными методами, более совершенными. Изучение изменчивости и наследственности, т. е. именно [неразб.] дарвиновских проблем, стало господствующим течением биологии в последние годы. Такой поворот к изучению законов появления мелких признаков, законов взаимоотношений между самыми мелкими таксономическими группами можно только приветствовать, т. к. при таком ограничении поля исследования при одноврем[енном] усилении его интенсивности, вполне обеспечен успех.

Напрасно будем мы гадать, как в незапамятные времена неизвестными нам путями происходили от неизвестных предков Echinodermata, Bryozoa, Brachiopoda и т. п., напрасно будем мы решать проблему происхождения насекомых или ракообразных от неизвестных предков, такие загадки природы мы, вероятно, никогда не решим. Но вопросы о происхождении пород, морф, подвидов и даже видов мы не только решим, но в значительной мере уже решили. Для решения этих поставленных Дарвином проблем современная биология вооружена новыми методами, которыми не владел Дарвин. Методы эти — биометрика, генетический анализ и экспериментальная морфология, биохимия. В значительной степени помогает правильная разработка вопроса о происхождении видов и подвидов, усовершенствование методов систематики, более точный анализ внешних признаков, описание мелких видов, *жорданонов*, как теперь говорят, привлечение признаков внутреннего строения к целям систематики и изучение анатомической изменчивости.

Итак, направление внимания исследователей на выяснение взаимоотношений и родственных связей между *мелкими* группами является, по-моему, залогом успеха в изучении эволюционной проблемы. Я полагаю, что конечной целью изучения мелких признаков мелких таксономических единиц — форм, морф, подвидов, видов — должно быть установление родственных связей между формами, выяснение их происхождения.

В настоящее время наблюдается среди некоторых систематиков тенденция отказаться от разрешения проблемы родства между формами и ограничить задачу систематики только изучением закономерностей в распределении признаков. Такое направление лишает систематику самого живого интереса, ей присущего, ибо я считаю, что именно правильно поставленное изучение систематики в связи с экологией и генетикой и приведёт нас к пониманию происхождения видов, решит поставленную Дарвином проблему.

Против такого направления систематики, которое стремится установить родство форм между собою, ссылаются на возможность полифилетического происхождения близких друг к другу по признакам форм. Эта *полифилия* является своего рода bête noire [в переносном смысле «предмет ненависти»] для всякого рода филогенетических соображений. Только [неразб.] вывод на основании подробного изучения сходства признаков двух форм об их родстве между собою, об общности их происхождения, как является скептическое предположение — а может быть, это полифилия?

Несомненно, что во многих случаях такой скептицизм излишен и монофилетическое происхождение форм во многих случаях не подлежит сомнению. Но конечно под монофилией нельзя разуметь происхождение какой-нибудь формы напрямую от одной пары предков. Происхождение от многих пар, но принадлежащих к одному виду или подвиду, будет тоже монофилия с моей точки зрения, а полифилия будет происхождение 2 форм от разных корней, т. е. от разных предков и последующее их сближение путём конвергенции признаков.

Но даже если мы будем считать, как считали до сего времени, что полифилия есть исключение, то всё-таки нельзя ли нам найти такой материал, на котором мы могли бы решить проблему происхождения видовых отличий совершенно устранив предположение о полифилии? Такой материал есть и этот материал — *полиморфные* виды. Проблема происхождения полиморфизма — вот та проблема, которая стоит рядом с проблемой происхождения видов и решение которой более легко. Решение этой проблемы, быть может, приблизит нас к решению более трудной проблемы происхождения видов.

Что такое полиморфизм?

Семьдесят три года тому назад в 1851 г. знаменитый немецкий зоолог Рудольф Лейкарт напечатал работу о полиморфизме индивидуумов [Karl Georg

Friedrich Rudolf Leuckart, «Über den Polymorphismus der Individuen»]. В этой работе он рассматривает полиморфизм главным образом с точки зрения принципа разделения труда. Эта теория была тогда нова и она, казалось бы, объясняла многое и дальше тогдашний анализ явлений не шёл. Весьма большое внимание было обращено тогда Лейкартом на полиморфизм гидроидов, в частности сифонофор, а также и на полиморфизм мшанки. Это действительно замечательные случаи, когда целые организмы при колониальном образе жизни низводятся на степень органов, удовлетворяющих определённые потребности колонии. Здесь принцип разделения труда получает действительно весьма большое значение, хотя, конечно, сам по себе не даёт нам настоящего понимания истории возникновения этого замечательного явления, что организм превращается в орган.

Лейкарт останавливается в нескольких словах и на полиморфизме т. наз. общественных насекомых, но самым интересным, по моему мнению, является то обстоятельство, что он вполне определённо подводит под понятие полиморфизма и понятие о половом диморфизме, отмечая его широкое распространение в природе и говоря, что лишь у немногих форм, являющихся типичными гермафродитами, как Platodes [= Plathelminthes], один экземпляр представляет собою вид. У большинства же животных для того, чтобы получить понятие о виде, надо изучать и самца, и самку. Это признание полового диморфизма за частный случай полиморфизма я считаю чрезвычайно важным и считаю, что важность этого факта недостаточно сознаётся зоологами и недостаточно отражается в их исследованиях.

Итак, определяя понятие полиморфизма, мы должны сказать, что под *п*[*олиморфизмом*] мы разумеем тот факт, что вид выявляет себя не в одной, а в *двух* или нескольких формах, иногда весьма отличных между собой, настолько отличных, что если бы мы не знали, что эти формы тесно связаны между собою биологически и генетически, то мы отнесли бы их не только к разным видам, но даже к разным родам или даже более крупным таксономическим единицам.

И вот я полагаю, что для того, чтобы изучать вопросы о видообразовании, о тех факторах, которые влияют на возникновение животных форм, о тех соотношениях, которые существуют между развитием разных органов, о приспособлениях организмов к определённым функциям и к среде, о целесообразности и закономерности и [неразб.], для изучения всего этого ряда важнейших вопросов одним из наиболее важных и удобных для изучения [неразб.] является явление ди- и полиморфизма.

Действительно, в случае ди- и полиморфизма мы имеем тот замечательный факт, что видовая сущность, видовая субстанция, видовое живое вещество выливается на наших глазах в две или несколько различных форм. Я говорю «на наших глазах», потому что мы имеем полную возможность проследить возникновение отличий между этими формами не только в течение всего эмбрионального и постэмбрионального развития, но даже и в течение овогенеза и сперматогенеза. Я употребил выражение «видовая *сущность*», поменявши его сейчас же более конкретными понятиями «видовая субстанция», «видовое вещество». Имеем ли мы основание прибегать к такой терминологии? Несомненно да. Ведь каждый вид представляет собою нечто специфическое прежде всего не по своим внешним признакам, а по своему, если можно так выразиться, внутреннему содержанию — генетическим, химико-физиологическим свойствам своего живого вещества. Если бы мы овладели вполне методами химии по биологической изменчивости, то путём химико-биологического анализа мы наиболее верно могли бы решить, принадлежат ли данные животные, обладающие мелкими отличительными признаками, к одному виду или нет.

В настоящее время наш анализ дошёл уже почти до того, что мы признаём связь между генетическими признаками и хромосомами и в хромосомах видим носителей видовой и расовой сущности. Но, конечно, не одни хромосомы выражают сущность данной формы, а вся протоплазма половых клеток. Видовая и индивидуальная специфичность протоплазмы совершенно ясно и наглядно выражена у Protozoa. Одноклеточное тельце, микроскопическое количество протоплазмы строит само удивительную по сложности раковину, обладающую, с одной стороны, характерными видовыми признаками, а с другой, как у *Peneroplis*[5], — бесконечной индивидуальной изменчивостью. И у всех животных все их свойства и признаки суть ни что иное как результаты различий их протоплазмы и хромосом как элементарных органоидов этой протоплазмы.

И вот испрашивается, при каких условиях нам легче разгадать законы возникновения форм:

---

[5] **Ред.** Представитель класса раковинных одноклеточных животных Foraminifera.

тогда ли, когда мы имеем перед собою продукты *разных* видовых протоплазм или когда мы имеем продукты *одной* видовой протоплазмы, т. е. ди- или полиморфизм. Конечно, в последнем случае задача значительно проще, хотя бы уже потому, что самый ярый полифилетист не скажет: *а может быть* самец и самка *полифилетического* происхождения? Уж такого вывода при нашем анализе сделать будет нельзя.

Итак, я считаю, что самое подробное, самое тщательное и внимательное, самое углублённое изучение полиморфизма и одного из его частных случаев, полового диморфизма, со всеми его вариациями должно привести нас к пониманию многих основных общих вопросов, касающихся происхождения разнообразия животных форм.

Остановимся теперь на половом диморфизме. Это наиболее простой и наиболее распространённый случай, когда видовая сущность выливается не в одну форму, как, например, у солитера, а в две. Половой диморфизм есть общее правило для большинства организмов, а между тем как он мало изучен до настоящего времени. Обычно о нём говорят только в самых резких случаях его проявления, тех случаях, которые дали в своё время повод говорить о половом подборе, наиболее слабом пункте дарвинизма, или в таких резких случаях как половой дим[орфизм] *Bonellia*[6]. Но обычные, не бросающиеся в глаза случаи полового диморфизма остаются неизученными и мы не видим даже, чтобы проблема изучения полового диморфизма была правильно поставлена. Обычно п[оловой] д[иморфизм] ставится в связи с половыми органами. В этом заключается основная методологическая ошибка.

Прежде всего надо помнить, что п[оловой] д[иморфизм] ярко выражен у Protozoa, где нет половых органов, но ярко выражены пол и половой процесс. Наличность половой дифференцировки на такой ступени жизни, где нет половых органов, наводит нас на мысль, что существуют две плазмы, мужская и женская, и они, обладая в общем одной видовой сущностью, дифференцируются неведомым нам путём, разгадка которого лежит в области биохимии, на два видоизменения, на две формы. Я бы сказал — на два подвида или расы, если бы эти термины не имели определённого зоогеографического значения. Интересно, что у Protozoa полиморфизм сказывается не только в наличии самцов и самок, микрогамет и макрогамет, но и в наличности полиморфного цикла развития, хотя бы у таких форм как *Trichosporium* [не идентифицирован], или в наличии micro и macro сферических раковин в цикле некоторых корненожек. По половому диморфизму у нас мало материала даже относительно высших животных. У позвоночных весьма часто вместо того, чтобы говорить о половом д[иморфизме], говорят и т. н. брачном наряде. А где сравнит[ельное] изучение скелета и внутр[енних] органов хотя бы млек[опитающих] и птиц с точки зрения диморфизма? Его нет или почти нет. Даже материалы, хранящиеся в хороших музеях, часто не [ясны] по отношению к полу.

Признаки, свойственные разным полам, часто не имеют никакого отношения к половому акту или обстоятельствам, его сопровождающим. Обыкновенно именно на такие признаки мы обращаем внимание и лишь предпринятое вновь детальное изучение диморфизма показало нам, как много диморфных признаков, *не имеющих никакого отношения к половой функции*, и половым железам. Такие признаки из половых становятся видовыми. Особенно много таких признаков у насекомых, у которых, как известно, доказано опытами [неразб.] и других, что половые железы не оказывают влияния на признаки полового диморфизма. Диморфизм насекомых выражается в каждом участке их наружных покровов, наверное и во внутренних органах, помимо половых, выражается, как показали исследования Девиза [не идентифицирован] в химическом составе и других [неразб.] признаках гемолимфы, выражается в признаках личинок, выражается даже в инстинктах личинок, а между тем от половых желез всё это не зависит.

У высших животных имеется налицо прямая зависимость между половыми железами, как думают некоторые, между особенно т. наз. пубертативными железами, связанными [неразб.] и вторичными половыми признаками. В настоящее время идёт интенсивная, весьма интересная радбота как за границей, так и у нас в России. Многие, конечно, знакомы с недавно появившейся на эту тему книгой М.М. Завадовского и его докладом на съезде [неразб., зачёркнуто]. Выяснилось, с одной стороны, что среди т. наз. вторичных половых признаков есть такие, которые *не зависят* от половых желез. Таково, напр., оперение самца птиц, которое считалось брачным нарядом, оказывается признаком внеполым, развивается у кастрир[ованного] петуха и в природе этот наряд надевается осенью, вне по-

[6] **Ред.** Представитель класса многощетинковых червей Polychaeta.

ловой деятельности. Таким образом, мы видим, что так назыв. половой признак оказывается *видовым*, что крайне важно для проводимого мною взгляда на диморфизм и полиморфизм. Значит, в пределах вида имеются признаки как бы двух видов, независимые от половой функции. За последнее время целый ряд авторов — Бадль, Tandlera, Grosz [не идентифицированы] и др. — утверждают, что т. наз. вторичные половые признаки были сперва видовыми признаками. Половая железа не вызывает вторичных половых признаков, она только обеспечивает дальнейшее и полное проявление их, говорит Гербст [Johann Friedrich Wilhelm Herbst]. «Все половые признаки являются в то же время видовыми и все видовые признаки являются в то же время половыми», говорит Киммор [не идентифицирован]. Довольно цитат.

Я полагаю, что достаточно обоснован мой вывод, что для изучения законов видообразования и вообще законов формообразования необходимо обратиться к детальному изучению димор- и полиморфизма. Вместо того, чтобы изучать, как происходят виды, будем изучать, как происходят самцы и самки.

Экспериментальные работы над кастрацией и трансплантацией половых желез у позвоночных, главным образом птиц и млекопитающих, дали нам весьма важные выводы о зависимости т. наз. половых признаков от гормонов. Т. к. мы решили считать половые признаки видовыми, то не будет слишком смелым вывод сказать, что и видовые признаки подобного же происхождения, т. е. они прежде всего зависят от внутренних свойств живого вещ[ества] данного организма, а не от влияния внешней среды, которая имеет второстепенное значение.

Особенно интересно для изучения процесса видообразования то обстоятельство, что у разных форм т. наз. половой диморфизм выражен весьма различно. Даже в таких группах, где он вообще сильно развит, есть виды, где он не развит. Среди уток, где вообще п[оловой] д[иморфизм] хорошо выражен, есть *Marmaronetta angustirostris* с неразвитым диморфр[измом]. Среди димор[фных] групп фазанов есть *Tetraophasis setschenii* [= *szechenyii*] и другие виды с неразвитым димор[физмом]. Как было бы инте[ресно] произвести полное сравнение строения и постэмбр[ионального] развития органов самцов и самок мономорфных и диморфных видов одного рода. Вот был бы прекрасный [неразб.] к вопросу о *видообразовании*.

Постепенно набирается всё больше фактов относительно того, что у многих видов имеется на лицо не диморфизм, а триморфизм и даже полиморфизм. Давно были известны случаи триморфизма у насекомых, триморфизма, который иногда по привычке называли половым, перенося этот термин с полового диморфизма. Всем известны случаи триморфизма некоторых видов рода *Colias*, *C. myrmidone*, *edusa* [= *croceus*], *olga* [= *caucasica*], триморфизм *Dytiscus marginatus*, триморфизм ряда видов Hemiptera Heteroptera. Описаны случаи диморфизма самцов ракообразных, а именно у циклопа *Canthocamptus* [= *Bryocamptus*] *minitus* Claus, [он] имеет две формы самцов, из которых один сходен с другим видом *C. veydowsky* [= *Bryocamptus vejdovskyi*] Mrazek.

Фергёф [Karl Wilhelm Verhoeff] описал у Chilognatha (Myriapoda) интересный случай диморфизма и триморфизма, который он напрасно называет новыми терминами Dualinnus и Trialinnus. Виды *Craspedosoma simile*, *allemanicum* [= *rawlinsii*] и *transsylvanicum* обнаруживают расовый диморфизм и триморфизм, причём эти расы не разделены географически, а живут вместе на одном и том же месте и более того — иногда могут исходить от одних и тех же родителей. Факт этот весьма замечателен. Фергёф определённо говорил, что из экземпляров, происшедших от одних и тех же родителей, можно сделать при желании от 3 до 5 видов. И есть в этом роде также виды, которые отличаются между собой меньше, чем эти, как говорил Фергёф, изотопные расы. Термин крайне неудачный. Не надо применять таксономический термин, которому мы привыкли придавать значение зоогеографическое, к такому случаю, который вполне подходит к понятию диморфизма или триморфизма. Совершенно аналогичен пример *Colius*, *Dytiscus*, *Acilius* [жуки-плавунцы Dytiscidae]. Там триморфизм самок, тут триморфизм самцов. У насекомых мы знаем случаи не только триморфизма, но и полиморфизма типа видовых отличий. Знаменитые, давно описанные примеры у самок *Papilio memnon*, *P. hector*. Никакого вопроса о влиянии среды на этих бабочек не может быть. Полиморфизм самцов описан давно Лейннером [не идентифицирован] у жуков *Odontolabis* из Lucanidae.

Когда говорят о полиморфизме, то термин этот употребляют в разных значениях. Называют полиморфизмом и обыкновенную флуктуирующую изменчивость. Кутан [Georges Coutagne], автор весьма интересной и мало известной работы Sur le polymorphisme des Mollusces de France, называет такой полиморфизм монотаксическим, т. е. таким,

где есть непрерывная цепь форм, без hiatus[7]. Другой полиморфизм политаксический с перерывами [неразб.] hiatus. Я предлагаю придать термину «полиморфизм» более узкое значение, *не* называя *непрерывную* изменчивость полиморфизмом и оставить наиболее естест[венный] термин «индивидуальная изменчивость». Под полиморфизмом я предлагаю разуметь те случаи изменчивости организмов, когда вид распадается на две или несколько форм, отграниченных друг от друга перерывами, hiatus, или, как теперь стали говорить русские зоологи, зияниями.

Как везде в природе нет резкой границы между настоящим политаксическим, по выражению Кутана, полиморфизмом и непрерывной изменчивостью. С одной стороны, у тропических *Odontolabis* мы видим зияние между формами *telodonta*, *mesodonta* и *priodonta*. С другой стороны, у нашего *Lucanus cervus* мы видим непрерывную цепь форм, приводящую от типа самца мужественного к типу самца женственного. Тут является весьма интересная тема для исследования, поскольку эти вариации зависят от среды, поскольку они являются феновариантами, а не ясными геновариантами, такими как полиморфизм бабочек.

Итак, от диморфизма мы незаметно подошли к полиморфизму. Здесь нужно отметить, что поле исследований бесконечно расширяется. Полиморфизм проявляется в столь разнообразных формах, в столь разнообразных случаях, что подвести их под одну форму нельзя. Полиморфизм гидроидов, полиморфизм сифонофор, полиморфизм мшанок, афид [тли, Aphididae], термитов, Hymenoptera — всё это такие разнообразные проявления удивительного свойства живого вещества выливаться в разные формы в пределах вида, что свести эти факты в одно стройное целое — дело громадной работы будущего, к которой зоологи пока ещё почти не приступали. Среди тем работ [неразб.] фигурируют темы, посвящённые полиморфизму и именно в нём лежит разгадка величайших тайн природы, величайших тайн живого вещества.

Отмечу, что едва ли не самым загадочным среди этих полиморфизмов является поли[морфизм] Coelenterata, гидроидов и сифонофор. Дальше общей формулы, что здесь проявляется разделение труда, мы не пошли. А эта фраза сама по себе [неразб.] объясн[ения]. Что заставляет соматические клетки полипа при усиленном размножении их в результате доста[неразб.] не просто вырасти, превращаясь в такие же полипы, а дать совершенно своеобразно построенную медузу? На этот вопрос мы не можем дать даже гипотетического ответа. Во всяком случае, самая пылкая фантазия не найдёт здесь почвы для объяснения влиянием среды. С другой стороны, если мы возьмём полиморфизм афид, хермесов, филлоксеры, то мы увидим, что такие полиморфные формы живут в разной обстановке, подвергаются разным влияниям среды и там, вероятно, кое-что можно свести к феновариациям.

***

Изменчивость организмов зависит от двух основных причин: от влияния внутренних факторов, не зависимых от среды, и от влияния внешних факторов, иначе влияния среды. На принципиальное различие внутренних факторов от внешних обратил полное внимание ещё Геккель в своей «Generelle Morphologie», замечательном сочинении, неисчерпаемо наполненном глубоких теоретических соображений.

В новейшее время наблюдается некоторая односторонность в стремлении придавать всеобъемлющее значение лишь одной категории факторов. Есть теоретики биологи, которые устремляют всё своё внимание на гены, считаемые ими неизменными и влиянию среды не подлежащими, а о формирующем влиянии среды как бы забывают; а с другой стороны, имеются фанатические приверженцы теории об изменяющем влиянии среды на организмы, которые совершенно не признают внутренних факторов, а считают, что все так называемые внутренние факторы зависят от внешних. Нетрудно доказать, что с обеих сторон проявляется своего рода научная партийность, своего рода фанатизм, вредящий научности анализа.

Наличность внутренних факторов, независимых от среды, несомненна. Они не зависят от среды постольку, поскольку химические реакции в пробирке или колбе не зависят от климата, погоды, времени дня и ночи, обычных колебаний Т и т. п. Если мы пробирку подвергнем замораживанию или кипячению, то некоторые реакции могут измениться. Всегда можно придумать те условия, которые останавливают действие внутренних факторов, но это не будут жизненные условия.

С другой стороны, есть ясные случаи зависимости организма от обычных естест[венных] внешних условий. Так получаются географические разновидности, являющиеся результатом данного ландшафта

[7] **Ред.** Книга опубликована в 1895 г., переиздана в наши дни (https://www.amazon.com/Recherches-Polymorphisme-Mollusques-France-French/dp/137 1846510).

и климата. Кроме того, надо помнить [, что] при анализе вопросов эволюции должно допускать, что из-за [неразб.] *генов* мен[яется] их химизм.

Одновременно в одном и том же животном, но в разных частях его организма, проявляют своё действие различные факторы. Вольтерек [R. Woltereck] в своей новой работе Variation und Artbildung показал это с особой наглядностью [неразб.] на дафниях[8]. У одного и того же вида проявляются и феновариации, и геновариации по отношению [неразб.] и что особенно важно, что Вольтереку удалось показать, что при феновар[иациях] изменяются клетки, но не происходит изменение их числа, а при геновар[иациях] изме[няется] их число, начинается их усиленное размножение.

Изучение полиморфизма приводит нас к выводу, что в пределах даже одного вида, [неразб.] даже одного экз[емпляра] мы видим проявление самых разных законов природы, самых разных факторов, а между тем разные факторы стоят у нас под одним флагом разных теорий, разных биологических партий. Как в жизни, лучше всего беспартийность, тем она ещё нужнее в науке. Будем помнить, что на одном и том же животном одновременно проявляются и наследственность, и изменчивость, как генотипическая, так и фенотипическая, что в одном и том же объекте проявляется и влияние среды, и стойкость по отношению к среде, что благоприобретённые признаки могут и наследоваться, и не наследоваться, что одновременно существуют и мутации, и флюктуирующая изменчивость, что существует ортогенез, но не менее суще[ствен] и естественный отбор, что в одном и том же организме проявляется и приспособленность к среде, а в других относит[ельная] неприспособленность, что рядом с целесообразностью существует в природе и дисгармония.

Будем помнить, что природа есть ареал деятельности многообразных взаимно сталкивающихся, но не взаимно исключающих факторов, и что её нельзя укладывать на Прокрустово ложе какой-либо одной теории. Лишь одно [неразб.] *наличности эволюции* и для её познания мы находим благодаря [неразб.] в полиморфизме.

Итак, мы видим, что задача изучения полиморфизма должна заключаться в том, чтобы всесторонне изучить все признаки полиморфных видов под определённым углом зрения с целью выяснить отличия в пределах полиморфных и диморфных форм одного и того же вида. Сравнения между собой далёких друг от друга видов не дадут нам таких определённых результатов, как сравнит[ельный] анализ в пределах вида или подвида. Чем уже область исследования, тем точнее будут результаты.

Когда мы имеем перед собою полиморфное потомство одних и тех же родителей, целый ряд неизвестных исключается из области нашего анализа и перед нами особенно ярко вырисовывается задача. Каковы же причины, заставившие индивидуумы одного и того же вида вылиться в разные формы. В некоторых случаях мы имеем объяснение в форме гормонов пубертатных желез.

Изучение полиморфизма насекомых приводит нас к следующим выводам:

1). Полиморфизм не есть явление вполне однородное у разных форм.

2). У некоторых форм, напр. у муравьёв, возможны феновариации, приводящие к изменениям полиморфных форм переводя одну [неразб.] в другую (работы Ёжикова над муравьями, когда удалось из личинок маток вывести рабочих).

3). У других полиморф[ных] видов, напр. у пчелы, не удалось пока такими простыми воздейств[иями] как неполн[ое] питание остановить начавшееся детерминированное развитие, которое очевидно детерминировано.

4). При полиморфизме возможно внезапное возникновение форм, в которых мозаично соединены признаки двух стадий, причём эти признаки развиваются вне корреляции друг с другом, развитие признака одной из полиморфных форм не тормозит развитие признака другой формы.

Термин «возрастной диморфизм» применительно к отличиям оперения молодых птиц от оперения старых надо считать неудачным. Во-первых, если уже применять подобную терминологию к возрастным изменениям, то пришлось бы сказать полиморфизм, а не диморфизм, т. к. существует несколько стадий [развития] оперения, по всяком случае для выводковых птиц пуховой птенец уже есть особая стадия.

Интересны случаи, когда у видов, близких к видам с ярко выраженным диморфизмом, не выражен диморфизм оперения. Среди уток можно отметить

---

[8] **Ред.** Richard Woltereck, автор понятия «норма реакции»; его небольшая статья «Variation und Artbildung. Analytische und experimentelle Untersuchungen an pelagischen Daphniden und anderen Cladoceren» была опубликована в 1922 г. в журнале «Zeitschrift für Induktive Abstammungs- und Vererbungslehre».

Marmaronetta anguistirostris, среди фазанов *Tetraophasis setschenii* [= *szechenyii*], у павлина *Pavo muticus*.

[…]

Влияние среды как формообразующего фактора чрезмерно преувеличивается. Есть увлекающиеся ламаркисты, которые готовы сводить все черты строения организ[мов] к [неразб.].

Жизнь есть проявление мировой энергии в органических формах. Мировая энергия заключена как в окружающей организм фи[зической] среде, так и в них самих. Отсюда ясный вывод, что мы должны говорить о двух категориях [неразб.].

Полиморфизм есть яркое доказательство пластичности организма. Одна и та же живая субстанция выливается в разные формы.

П-21. ПОЛИМОРФИЗМ В МИРЕ ЖИВОТНЫХ[1]

Рукописный текст

1. Чтобы получить правильное представление о полиморфизме в мире животных, необходимо прежде всего осознать, что это явление чрезвычайно распространённое в разных группах, проявляющееся весьма разнообразно не только у отдалённых друг от друга, но и у близких форм; необходимо обобщить все эти разнообразные проявления полиморфизма и рассматривать их как частные случаи одного из общих законов природы.

Сущность полиморфизма заключается в том, что вид в своём оформлении не может уложиться в одну форму, а осуществляется в двух, трёх или нескольких формах. Конечно, параллельно с дву- или многоформенностью морфологической существуют таковые же в области физиологии, экологии, поведения.

2. Уже одно такое определение полиморфизма приводит к тому, что половой диморфизм есть один из частных случаев полиморфизма. Т. к. всякая форма двуполости есть половой диморфизм, то неполиморфными видами могут быть только гермафродитные виды (если их полим[орфизм] не выражен по другой линии).

3. В основе полиморфизма лежат следующие факторы: 1) раздельнополость, 2) изменчивость как общее свойство организмов, 3) перемежающееся размножение.

Полиморфизм

4. Под понятие полим[орфизма] подходят все те случаи, когда представители одного и того же вида морфологически определённым образом отличаются друг от друга. Полиморфизм охватывает не только внешние признаки животного, но и всю его организацию. Наоборот, некоторые внешне изменчивые признаки, как например размеры, рисунок, окраска, нежелательно подводить под понятие полиморфизма, как напр., это делает Coutagne [Ж. Кутан] в своей интересной работе «Sur le polymorphisme des mollusques», в которой заменяет термин «изменчивость» термином «полиморфизм»[2].

Полиморфизм предполагает существование *разрыва* (*hiatus*) между отдельными формами полиморфного вида. Там где нет разрыва (*hiatus*), напр., у самок шмелей, нам трудно говорить о полиморфизме. Впрочем, надо иметь в виду, что между наличием *hiatus* и отсутствием его возможны переходы и вот тут именно тот случай, когда между обыкновенной флуктуирующей изменчивостью и полиморфизмом нет резкой границы.

5. Как примеры изменчивости, которую никоим образом нельзя подвести под понятие полиморфизма, можно привести изменения пятнистости *Goninctes* [не идентифицирован] *viminalis*, изменчивость *Coccinella variabilis* […], изменчивость окраски *Lacerta muralis*.

6. При изучении полового диморфизма как частного случая полим[орфизма] мы должны совершенно отказаться от деления половых признаков на первичные и вторичные. Мы должны считать *диморфизмом* всякие отличия во всяких признаках независимо от того, каких органов они касаются. Уже наличие самцов и самок означает диморфизм. Но при этом нужно заметить, что вследствие изменчивости диморфных половых признаков имеются многочисленные случаи, когда типичные мужские признаки в конце изменчивого ряда вплотную соприкасаются с другим изменчивым рядом, с рядом женских признаков. Крайним примером может служить изменчивость Lucanidae: и наш *Lucanus cervus* и тропические Odontolabini, где есть самцы мужественные и самцы женственные. Аналогичное явление мы видим и у людей: женоподобные

---

[1] **Ред.** Заготовка текста публикации в Материалах IV съезда зоологов, анатомов и гистологов в 1930 г. в Киеве (опубликован не был). В архиве текст представлен в двух вариантах — а) более подробном рукописном и б) более кратком и фактически готовом к воспроизведению машинописном. Машинописный текст был, вероятно, подготовлен редакцией сборника Материалов, поскольку вместе с текстом Кожевникова указаны доклады и других авторов (Е.И. Лукин, И.Г. Пидопличка и др.). Эти варианты несколько различаются содержательно, поэтому мы приводим здесь оба. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр.104.

[2] **Ред.** Имеется в виду Georges Coutagne и его статья в журнале Annales de la Société d'agriculture, sciences et industrie de Lyon, 1894, ser.7, v. 2: 397–460.

Полиморфизм в мире животных.

1. Чтобы получить правильное понятие о полиморфизме в мире животных, необходимо прежде всего осознать, что это явление чрезвычайно распространенное в разных группах, проявляющееся весьма разнообразно не только у отдаленных друг от друга, но и у близких форм; необходимо обобщить все эти разнообразные проявления полиморфизма и рассматривать их как частные случаи одного из общих законов природы.

   Сущность полиморфизма заключается в том, что вид в своем оформлении не может уложиться в одну форму, а осуществляется в двух — трех или нескольких формах. Конечно, параллельно с ~~дву~~ или многоформенностью морфологической существует

2. Уже одно такое определение полиморфизма приводит к тому, что половой (также и в области физиологии, экологии, поведения) диморфизм есть один из частных случаев полиморфизма. Т.к. всякая форма двуполости есть половой диморфизм, то не полиморфными видами могут быть только гермафродитные виды (если их полим. не выразили по другой линии)

3. В основе разнообразных проявлений полим. лежат следующие факторы:
   1). раздельнополость 2) изменчивость, как общее свойство всех организмов
   3) перемежающееся размножение.

мужчины и мужеподобные женщины сглаживают различия полового диморфизма.

Половой диморфизм весьма различно проявляется у разных видов и в этом разнообразии мы имеем перед собой постепенную *эволюцию* полового диморфизма — от почти полного его отсутствия за исключением различия в половых органах до весьма резкого выражения. Весьма интересны с эволюционной точки зрения те случаи, когда в гермафродитной группе форм в виде исключения появляется раздельнополость.

Turbellaria Digenea произошли из Monogenea. У Monogenea мы не видим полового диморфизма, а у Digenea видим у некоторых.

У Didymozoonidae раздельнополость в большинстве случаев ещё сопровождается зачаточным гермафродитизмом, а у Schistosomatidae раздельнополость не сопровождается этим добавочным явлением. У *Nematobothrium filarum* (из Didymozoonidae) в цисте обычно 2 особи, но они не одинаковы, и по внешнему виду (1 экз. толще другого). Более толстый экз. наполнен многочисленными жёлтыми яйцами, а другой имеет лишь немного бесцветных яиц. Это начало диморфизма.

В роде *Wedlia* половой диморфизм резко выражен. Самка имеет лишь слабые следы мужских органов (конец vas deferens), а у самца имеются нефункционирующие желточники, зародышник, скорлуповые железы и [неразб.].

Cestodes — группа специально гермафродитная, но и среди них есть исключение: *Dioicocestus*. Факт замечательный, доказующий, что из гермафродитизма пытается эволюционировать раздельнополость, т. к. у Cestodes надо предполагать, что гермафродитизм есть явление *первичное*, либо предки их Trematodes, а предки Trematodes — Turbellaria — первично гермафродитная группа.

Большинство немертин раздельнополы, гермафродитные формы имеются только среди Hoplonemertini (*Prosadenoporus*, *Stichostemma*, некоторые Prostoma и Geonemertes). У немертин мы имеем примитивнейший п[оловой] диморфизм — димор[физм] *гонад*. Органы оплодотворения и вторичные половые признаки встречаются *только* у представителей группы Polystilifera Pelagica, относящейся к отряду Hoplonemertini. Во время полной половой зрелости полы у других N[emertini] отличаются друг от друга главным образом *цветом*, который зависит от цвета половых продуктов.

Мы видим у немертин самые первобытные черты вторичных половых признаков, зачаток диморфизма. И интересно, что в самой ранней ступени развития полового диморфизма, когда только разъединились гонады, уже начинают появляться такие признаки, которые никоим образом нельзя считать приспособительными, а которые являются результатом деятельности гонад.

В разных группах червей самостоятельно возникает половой диморфизм… Параллельное развитие одного и того же признака. Коловратки — замечательный случай диморфизма: атрофируются самцы.

Среди Copepoda половой диморфизм проявляется во всех возможных ступенях. Рядом с видами, у которых полы *совершенно* одинаковы, мы находим такие, у которых отличия обоих полов едва заметны, и такие, у которых они настолько велики, что они долго считались за разные роды, даже семейства, а иногда самцы остаются неизвестны (Zwerg männchen).

Про одни особенности п[олового] д[иморфизма] можно сказать, что они связаны с половой акцией про другие нельзя сказать, что они имеют отношение к половому процессу, но зависят от разного образа жизни двух полов. Многие из этих явлений не подлежат пока никакому объяснению (Vincenz Brehm из Линца [австрийский зоолог]).

То, что некоторые половые отличия не имеют никакого отношения к половому процессу, допускается тем, что одни и те же изменения у одних видов у самцов, а другие точно такие же у самок. У Copepoda мы видим, что началом полов[ого] диморф[изма] могут быть отличия в составе крови самцов и самок [неразб.]. Отличия в окраске у самцов и самок, как напр. у *Draptomus castor*, зависят от химического отличия полостной жидкости. Подобный же случай у гусениц бабочек: самцы и самки с разным цветом крови.

Повсюду мы видим, что гермафродитизм и раздельнополость не резко разграничены между собой в своём распределении в разных группах. Среди групп раздельнополых есть в виде исключения нормальные гермафродиты. Так, среди Crustacea, в общем раздельнополых, имеется гермафродитная группа Cirripedia, есть гермафродитные паразитические Isopoda и немногие Decapoda (а среди Cestodes есть раздельнополая *Dioicocestus*).

Паразитические формы находятся на особом положении. А что касается свободноживущих Decapoda, то здесь замечательный пример *Lysmata seticaudata* (Brisson) из Decapoda Natantia, живущих в литорали Средиземного моря и Восточно-

атлантического океана: имеются рядом полные половые аппараты самцов и самок. У *Calocaris macandreae* на 2-м году развиваются testes ovari, на 3-м и 4-м testes дегенерируют, но vas deferens остаются долго и наполнены сперматозоидами, так что на 3-м и 4-м году рак функционирует и как самец, и как самка.

А Cirripedia — не первичные, а вторичные гермафродиты, т. к. у них имеются так называемые добавочные самцы, которые и с точки зрения морфологии, и с точки зрения физиологии являются регрессивными формами, результатом регрессивной эволюции. Здесь мы имеем весьма интересный пример того, что одно и то же явление, гермафродитизм, может быть и первичного, и вторичного происхождения.

[…]

Наличие двуполости, полового диморфизма, мы видим у Protozoa, когда вместо одинаковых копулирующих гамет мы видим 2 различные гаметы, мужскую и женскую, видим анизогамию. И если мы сведём первоисточник полиморфизма к диморфизму гамет, мы поступим правильно.

В более сложных случаях, в случае диморфного цикла развития Protozoa, как например у *Trichosphaerium sieboldi*, у *Polystumella*, мы видим, что диморфизм гамет сочетается с диморфизмом бесполых форм. И вот здесь, среди одноклеточных Protozoa, мы должны видеть начало полиморфизма и простота их морфологии приводит нас к мысли, что существуют с первобытных времён две протоплазмы, мужская и женская, и потому, когда всё животное это лишь комочек протоплазмы, уже и тогда имеется ясный, резко выраженный половой диморфизм.

При этом важно отметить, что в одних случаях двухформенность вида связана с различными условиями жизни, что мы видим, напр., в циклическом развитии споровиков, в других случаях циклическое развитие и полиморфизм существуют при одинаковых условиях жизни отличающихся друг от друга форм, что мы видим, напр., у многокамерной корненожки *Polystomella*.

Переходя от простейших к кишечнополостным, мы видим, что у гидры нет полиморфизма, но у гидроидов он проявляется в высокой степени в связи с колониальной жизнью и перемежающимся размножением. О причинах происхожд[ения] п[олового] д[иморфизма] у гидроидов мы ничего не знаем. Это один из самых неясных вопросов зоологии.

Относительно полового диморфизма червей и других более высоко организованных животных было уже достаточно сказано.

Половой диморфизм может непосредственно переходить в полиморфизм в тех случаях, когда один из полов проявляется в двух формах. Этот наиболее простой случай мы видим у бабочек. Так, в роде *Colias* есть случаи, когда при одной форме самца имеются 2 формы самок — одна похожая на самца, другая отличная по окраске. Более сложный случай мы видим у *Papilio memnon*, где имеется несколько форм самок. Этот полиморфизм не связан с какими бы то ни было биологическими особенностями. Сравнительно-анатомически эти полиморфные виды не изучены.

Если мы захотим провести возможно далеко наше обобщение, что полиморфизм есть существование одного и того же вида в двух или нескольких формах, то логически должны прийти к несколько неожиданному выводу, что возникновение в животном мире личиночных форм есть одно из проявлений ди- и полиморфизма. Не всякая молодая форма животного есть личинка. Характерная особенность личинок та, что они морфологически совершенно обособлены от взрослых форм и обычно совершенно обособлены экологически. Тогда почему же это не полиморфизм? или диморфизм, *не* половой диморфизм? В этом виде полиморфизма мы видим те же эволюционные ступени. Общеизвестно, что личинки Melidae существуют в нескольких отличных друг от друга формах. Это уже настоящий *полиморфизм*.

Затем укажу на своеобразный эволюционный процесс, который мы видим у аксолотля. Аксолотль — это личинка, но личинка половозрелая, могущая давать неопределённое число поколений, не переходя в амблистому. А т. к. амблистома в свою очередь размножается, то мы видим перед собою в этом случае т. н. неотению — замечательный пример расщепления вида на две формы.

Еще более замечательный случай, который показывает роль личиночных форм в происхождении полиморфизма, представляют термиты, у которых, кроме вполне развитых половозрелых форм, есть тоже половозрелые, но не вполне развитые, которые можно назвать тоже неотеническими, и есть целый ряд личинок, которых можно воспитанием повернуть в сторону половозрелых. Всё это ведёт к образованию весьма сложной семьи термитов, в которой полиморфизм играет главную роль, а остальные черты жизни являются следствием полиморфизма.

Наиболее часто примерами полиморфизма приводят перепончатокрылых, так называемых общественных насекомых.

[…]

Во всём этом нельзя не видеть эволюц[ионный] процесс. И этот процесс, начиная со слабых степеней своего проявления, проходит через всё животное царство. […] Всё это даёт нам полное право сказать, что в проявлениях полиморфизма ясно сказывается наличность эволюционного процесса, который захватывает весь органический мир.

Когда мы говорим об эволюции в крупном масштабе, когда мы пытаемся установить происхождение одних групп животных от других, нам приходится иметь дело с недостаточным факт[ическим] материалом и с данными, трудно поддающимися анализу, и выводы наши по необходимости весьма гадательные. Когда мы изучаем вопрос об эволюции более мелких групп, об эволюции видов, вопрос упрощается и нам легче выяснить пути происхождения видов, чем более крупных систематических групп. Но при изучении пол[иморфизма] с эвол[юционной] точки зрения мы можем исследовать и ещё более масштабы, мы изучаем эволюцию *в пределах одного вида*, вследствие чего наш анализ явления будет ещё тоньше и точнее.

На основании всего сказанного можно сделать вывод, что изучая явления полиморфизма с эвол[юционной] точки зрения, мы можем подходить к выяснению причин и хода эволюционного процесса.

***

Машинописный текст

1. Чтобы получить правильное понятие о полиморфизме в мире животных, необходимо обобщить все многочисленные и разнообразные проявления полиморфизма и рассматривать их как частные случаи проявления одного из общих законов природы, сущность которого выражается в том, что вид в своём оформлении не может уложиться в какую-либо одну определённую форму, а представлен двумя или более ясно обособленными формами.

2. В основе разнообразных явлений полиморфизма лежат следующие факторы: 1) изменчивость как основное свойство организмов, 2) раздельнополость и 3) перемежающееся размножение.

3. Под понятие полиморфизма подходят все те случаи, когда представители одного и того же вида морфологически определённым образом отличаются друг от друга. Для полиморфизма характерно, что он охватывает всю организацию животного, а не только внешние признаки. Те случаи изменчивости, которые затрагивают только размеры, рисунок и окраску животного, не желательно обобщать под понятием полиморфизма, делая из этого слова синоним слова «изменчивость».

4. У так называемых «общественных насекомых» разделение труда в их полиморфной семье есть следствие, а не причина полиморфизма.

5. Половой диморфизм есть частный случай полиморфизма, наиболее простой по своим проявлениям. Половой диморфизм весьма разнообразно проявляется у разных видов и в этом разнообразии мы видим перед собою интересную картину постепенной эволюции диморфизма от почти полного отсутствия его до резкого его выражения.

6. Одни группы животных обладают сильно выраженным половым диморфизмом внешних признаков, другие почти не имеют его. Иногда в пределах группы с сильно выраженным диморфизмом внешних признаков существуют виды, у которых этот диморфизм выражен весьма слабо. Необходимо помнить, что при слабо выраженных внешних проявлениях полового диморфизма мы всегда имеем ярко выраженный диморфизм половых органов. Кроме того, надо иметь в виду, что диморфизм других внутренних органов и диморфизм гистологического строения ещё очень мало изучены.

7. Рассматривая половой диморфизм как частный случай полиморфизма, мы должны признать, что между первичными и вторичными половыми признаками нет принципиального различия. И те, и другие формы выражают двуформенность вида, но следует иметь в виду, что иногда так называемые вторичные половые признаки зависят от первичных, но обратного случая не бывает.

8. В наиболее простой форме половой диморфизм проявляется у одноклеточных животных, у которых о первичных и вторичных половых признаках не может быть речи.

9. В анизогамии Protozoa и в случаях диморфного цикла развития их, когда диморфизм гамет сочетается с диморфизмом бесполых форм, следует видеть начало эволюции полиморфизма в мире животных. При этом важно отметить, что в одних случаях двуформенность связана с различными условиями групп (Sporozoa), а в других нет (Foraminifera).

10. От полового диморфизма мы имеем постепенный переход к более сложным случаям.

11. Проводя по всей широте наше обобщение, что полиморфизм есть существование вида в двух

или нескольких обособленных формах, мы можем придти к выводу, что одним из проявлений полиморфизма является возникновение личиночных форм. Одним из оснований такого взгляда служит наличность у некоторых личиночных форм способности размножаться. В явлении гиперметаморфоза Melidae особенно ясно сказывается полиморфизм.

12. Принимая во внимание все изложенные данные, мы имеем полное основание сказать, что в проявлениях полиморфизма мы имеем наличность эволюционного процесса, который захватывает весь органический мир.

13. Когда мы говорим об эволюции в крупном масштабе, когда пытаемся установить происхождение одной крупной группы от другой, нам приходится иметь дело с недостатком фактического материала и с фактами, трудно поддающи[ми]ся анализу, вследствие чего выводы наши в значительной степени гадательны. Когда мы изучаем вопрос об эволюции более мелких групп, вопрос упрощается и нам легче выяснить пути происхождения видов и подвидов, чем более крупных систематических групп. Но при изучении полиморфизма с эволюционной точки зрения мы сводим исследование к ещё более мелкому масштабу и вследствие этого можем достигнуть более тонкого анализа и более точных результатов.

14. Путём изучения полиморфизма во всём его многообразии с эволюционной точки зрения мы можем близко подойти к выяснению причин и хода эволюционного процесса.

П-22. ПОЛИМОРФИЗМ В ЖИВОТНОМ ЦАРСТВЕ[1]

Милостивые Государи и Милостивые Государыни!

В годичных заседаниях нашего общества вошло в обычай предлагать вниманию собравшихся сообщения на тему общеинтересного характера. Цель таких сообщений — дать слушателям даже неспециалистам понятие какого-либо научного вопроса.

Получив от глубокоуважаемого президента нашего лестное для меня предложение выступить сегодня с такого рода речью, я выбрал своей темой вопрос о полиморфизме, вопрос старый, о котором много писали, но над которым, к сожалению, очень мало работали, вопрос весьма интересный, который, однако, теперь можно хотя отчасти осветить несколько более, чем прежде.

***

Под именем полиморфизма обычно разумеют то явление, когда один и тот же вид животного является перед нами в совершенно различных, ясно отграниченных друг от друга формах.

Обычными примерами полиморфизма приводят пчёл, муравьёв и термитов, где имеют несколько стаз,[2] несколько форм, в которые выливаются виды. У пчёл матка, рабочие и трутни, у муравьёв и термитов матки, самцы, рабочие и воины. Считается обыкновенно, что это многообразие вида произошло как результат общественной жизни вследствие действия принципа разделения труда и что такая дифференцировка была полезна общине. В такую упрощенную схему выливается представление о полиморфизме животных. Давно известен ещё полиморфизм колониальных животных, гидроидов и особенно сифонофор, и полиморфизм при перемежающемся размножении у насекомых и других животных.

Я начну анализ интересующего нас вопроса с самых обычных, с самых избитых примеров и постараюсь показать, как много ещё можно найти нового даже в том, что кажется давно известно, как много ещё таинственного и неразгаданного в том, что кажется избитым вопросом.

Я начну с пчёл, о которых так много писали и говорили, но к сожалению большинство написанного стереотипы и повторение старых избитых клише, на которые так падка человеческая мысль.

В чём выражает полиморфизм пчёл? Это давно всем известно. У них не только самки отличаются весьма резко от самцов, это называется половым диморфизмом, но у них есть самки двух родов: вполне плодные с хорошо развитыми органами размножения, могущие откладывать как оплодотворённые, так и неоплодотворённые (партеногенетические) яйца, и самки плодные лишь отчасти, т. е. способные откладывать только неоплодотворённые яйца. Иногда про рабочих пчёл говорят, что они бесплодные особи. Это неверно, этот способ выражаться пора оставить: теперь доказано, что *всякая* рабочая пчела может откладывать яйца, но только неоплодотворённые, из которых выводятся лишь самцы.

Различия рабочей от матки выражаются во всех подробностях их анатомического строения. Нет ни одного органа, нет ни одной части тела, которая была бы устроена одинаково у пчелиной матки и у рабочей. В этом и выражается *полиморфизм*, и мы не имеем никакого права называть рабочих пчёл недоразвившимися самками в том смысле, что у них лишь сократилась плодовитость [неразб.] они стали совсем иными существами.

Разница в их органах размножения действительно громадна. Посмотрим препараты яичников матки и рабочей. Вот вы видите препарат яичника плодной пчелиной матки в полном развитии. Вот перед вами в том же самом масштабе препарат яичника рабочей. Вы видите, какая громадная разница.

На первый взгляд можно подумать, что между двумя этими стазами или кастами, как говорят иногда, лежит неизмеримая пропасть. И так думают обыкновенно. Однако это далеко не так в действительности.

Во-первых, следует отметить, что ещё в шестидесятых годах прошлого столетия известный пчеловод и знаток пчелы барон Берлепш (Freiherr

---

[1] **Ред.** Речь, произнесённая на годичном заседании ОЛЕАЭ в Политехническом музее 15.10.1903 г. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 88.

[2] **Ред.** Так раньше обозначали касты общественных насекомых.

Полиморфизм в животном царстве.

Речь, произнесенная в годичном заседании Императорского Общества Любителей Естествознания 15/X 88.

Милостивые Государыни и Милостивые Государи!

В ~~прошлом~~ годичных заседаниях нашего Общества было в обычае предлагать вниманию собравшихся сообщения на темы общественного характера.

Цель таких сообщений – дать слушателям в даже непродолжительной беседе понятие о современном положении какого либо научного вопроса.

Получив от глубокоуважаемого Президента нашего честное для меня предложение выступить сегодня с такого рода речью, я выбрал своей темой вопрос о полиморфизме, вопрос старый, о котором много писали, но над которым в сущности очень мало работали. Вопрос весьма интересный и вопрос весьма трудный, который однако

August Sittich Eugen Heinrich von Berlepsch) писал, что среди пчелиных маток рядом с обыкновенными иногда попадаются прямо гиганты, а с другой стороны, и очень маленькие некрупные рабочие пчёлы. Были произведены прямые опыты, показавшие, что маленькие матки выводятся при недостающем питании в последнее время личиночной жизни, но всё-таки выводятся матки, а не рабочие.

Мои наблюдения показали, что количество яйцевых трубочек в яичниках матки подвержено значительным колебаниям. Таким образом является у нас мнение, что организм матки не есть что-либо вполне неподвижное, отлитое в неизменную форму. Мы можем подметить известные колебания в организации этой стазы полиморфного вида *Apis mellifera*.

Интересно отметить, что если мы возьмём другой вид, большую индийскую пчелу *Apis dorsata*, то окажется, что организм матки этого вида стоит значительно ближе в организму рабочей этого вида. У *Apis dorsata* рабочая и матка почти равны по величине. К сожалению, анатомия этого вида пока вовсе не изучена. У египетской же разновидности нашего вила *Apis mellifera*, у так называемой египетской пчелы var. *fasciata*, имеется в семье особи, являющиеся переходной формой от матки к рабочей. Это особые маленькие матки, описанные Фогелем [не идентифицирован].

Все эти факты, ещё недостаточно изученные, уменьшают пропасть между маткой и рабочей пчелой, но ещё более интересен для нас тот факт, что рабочая пчела несомненно представляет собою организм весьма неустойчивый. Во-первых, весьма замечательна изменчивость внешних признаков — величины и окраски. Трудно себе представить, какую путаницу в литературе породила эта изменчивость и нашей обычной пчелы, и 3 остальных видов. 4 вида рода *Apis* описаны разными авторами под 182 видовыми названиями! Факт сам по себе замечательный!

Но я не буду останавливаться на изменчивости внешних признаков у пчёл, а отмечу замечательную изменчивость тех органов, которые для вопроса о полиморфизме пчёл особенно интересны, — на изменчивости яичников. Мы находим и 12 яйцевых трубочек в каждом яичнике, и одну. Есть много насекомых, у которых количество яйцевых трубочек в яичнике есть величина постоянная. Неустойчивость организации рабочей пчелы опять-таки немного уменьшает ту пропасть, которая не первый взгляд кажется существующей. Быть может, эти отличия в разной степени вырабатываются под влиянием закона *соотношения в развитии*, закона весьма важного, на который мы всегда должны обращать большое внимание при рассмотрении вопроса об эволюции форм[4].

Я не могу долго останавливаться на этом интересном вопросе, как выработалась разница между двумя кастами пчёл. Я подробно говорил об этом в этом же году в этой же зале в публичном заседании Зоолог[ического] отд[еления] нашего общества 2-го февраля[5]. Я скажу лишь кратко, что та поздняя атрофия яйцевых трубочек у рабочих, которую мы увидим сейчас на рисунках, заставляет думать, что эта атрофия не есть прямое и непосредственное следствие плохого питания. Здесь мы видим личинку рабочей в последней стадии развития. Она всё время плохо питалась, а личинка матки хорошо. Разница между яичниками есть, и не малая. Вы её видели и на препарате, на продольном разрезе. Но разве это та разница, которая у взрослой формы?

Принятие пищи закончено, личинка переходит в куколку. В организме имеется и у рабочей, и у матки масса запасённых питательных веществ в виде живого тела. У рабочей его в избытке, не меньше, чем у матки. Начинается, как вы видите, у рабочей атрофия, у матки гипертрофия. У куколки рабочей пчелы атрофия трубочек уже в полном ходу.

Выходит из добытых мною фактов, что менее прав ламаркист Спенсер [Herbert Spencer], говоривший о том, что в выработке полиморфизма у пчёл всё сводится к прямому влиянию пищи, чем дарвинист Вейсманн [Friedrich Leopold August Weismann], который считает пищу лишь оптимумом, лишь Entwicklungsreiz [стимул для развития], который даёт ход развитию тех или иных зачатков зародышевой плазмы.

Как бы то ни было, но исследования показывают, что в жизни индивидуума различия стаз, т. е. признаки полиморфизма у пчёл, развиваются весьма поздно. Есть полное основание думать, что и в жизни вида полиморфизм в том виде, как мы его видим теперь, развился поздно. Мы видим здесь конечный или почти конечный период в развитии вида.

---

[4] **Ред.** В настоящее время понятие физиологического полиморфизма широко используется в биомедицине, селекционной работе и некоторых другтх областях (Miyazaki, Tsunetsugu, 2005).

[5] **Ред.** Вероятно, имеется в виду: Кожевников (1903з).

***

Но я всё-таки повторяю, что и следы *незаконченности* в эволюции вида сильны даже у пчёл. Это видно в организации, это видно в некоторых их инстинктах, это видно, наконец, из некоторых их построек.

Постройки пчёл принято считать образцом правильности. С таким взглядом можно ещё мириться, если речь идёт о ячеях, в которых выводятся рабочие пчёлы и трутни. Но посмотрите на то разнообразие, которое представляют так называемые маточники. Глядя на эти маленькие маточные ячеи, конечно понимаешь, что в них никак не могут вывестись крупные матки. Развивающемуся насекомому страшно тесно в такой примитивной, архаической ячее, оно выходит карликовое, но выходит всё-таки матка, а не рабочая. Вот ещё пример, что нельзя повторять в виде общей формулы, что причина различия матки от рабочей заключается в том, что матка развивается в просторной, а рабочая в тесной ячее.

***

Известно, что трутни бывают крупные и маленькие. Крупные развиваются в специально для них назначенных ячеях. Это обычные, нормальные трутни. Маленькие же развиваются в ячейках, назначенных для рабочих пчёл, куда по ошибке кладёт иногда яйцо матка и обычно кладут яйца рабочие пчёлы, когда матка пропала.

Берлепш упоминает ещё об очень больших трутеях, которые развиваются в безматочных семьях, где мало личинок и на каждую приходится больше корма, да и сидят они в ячеях вразброс, так что могут расширять свои ячейки за счёт соседних пустых. Если третий сорт трутней оставить под сомнением, то два-то несомненно существуют и это тоже своего рода полиморфизм.

Но самое удивительное — то, что по исследованиям [А.И.] Петрункевича неоплодотворённые яйца, откладываемые пчелиной маткой, не тождественны с неоплодотворёнными яйцами, откладываемыми рабочими пчёлами. И то, и другое — неоплодотворённые яйца, из тех и других выходят трутни, и эти трутни могут быть одинаковой величины и быть вполне тождественными по внешним признакам, а между тем исследования Петрункевича показали, что неоплодотворённые яйца, откладываемые маткой, имеют 16 хромозом в ядре, а неоплодотворённые яйца, откладываемые рабочими пчёлами, имеют 32 хромозомы. Это отличие весьма существенное.

Таким образом, обнаруживается несомненный внутренний полиморфизм, который ничем решительно не обнаруживается морфологически. Быть может, он обнаруживается физиологическим? Это мы не знаем, ибо никто ещё таких наблюдений не делал. Возможен ли физиологический полиморфизм? Термин этот звучит необычно, я его нигде не встречал, но в зоологии известны факты, которые, на мой взгляд, можно обозначить этим термином.

Есть интересная коловратка *Hydatina* [= *Epiphanes*] *senta*. У неё, как у многих коловраток, наблюдается частный случай полиморфизма — так называемый половой диморфизм. Самцы у коловраток меньше самок и отличаются от них внешними признаками. Но не это интересно у *Hydatina* [= *Epiphanes*] *senta*. Mопá [Émile Maupas] наблюдал у неё три рода самок, которые отличаются друг от друга не своими внешними признаками, а своим способом размножения: одни откладывают оплодотворённые зимние яйца, другие — партеногенетические, т. е. неоплодотворённые летние, из которых выводятся самцы, третьи — партеногенетические летние яйца, из которых выходят самки. Эти формы ни при каких условиях не могут превращаться друг в друга[6]. Таким образом, мы имеем перед собой настоящий внутренний полиморфизм, не выражающийся внешними признаками.

***

Вернёмся к пчёлам и другим полиморфным общественным насекомым. Мы видели, что можно уловить некоторую неустойчивость их стаз, что есть некоторые данные относительно переходных форм между рабочими и матками. Но то, что не вполне ясно выражено у пчёл, совершенно ясно у муравьёв.

Говоря о составе их общины, обыкновенно говорят, что эта полиморфная община состоит из самцов, самок и рабочих, а иногда рабочих и солдат. Эта простая схема далеко не покрывает существующего в природе разнообразия. Правильно сказать так: у муравьёв есть самцы и полиморфные самки. Одни из них вполне плодные настоящие самки, другие бесплодные или, точнее говоря, малоплодные. Вот среди этих-то малоплодных самок особенно ярко выражен полиморфизм.

---

[6] **Ред.** Это вариант *гетерогонии* — чередования бесполого и полового способа размножения, при котором появляются либо гаплоидные самцы, либо диплоидные самки. У некоторых животных, включая коловраток и пчёл, такое чередование во многом индуцируется условиями обитания (Williams, Mitton, 1973).

Если мы бросим общий взгляд на всю группу муравьёв, то окажется, что малоплодные самки представляют из себя длинный полиморфный ряд с бесконечными переходными формами, и как два крайние типа этого ряда являются маленькие рабочие и солдаты. У разных семейство и родов ряд этот выражен с разной полнотой. Есть муравьи, у которых рабочие представляют из себя как бы замкнутую касту, в пределах которой нет полиморфизма. Таковы почти все Poneridae, многие Myrmicidae. Но есть и такие, где можно отличить больших и маленьких рабочих. Иногда таким путём создаются 2 касты — солдат и рабочих, как видим на рисунке, а иногда между этими кастами существуют переходные формы, как напр. у многих Myrmicidae и большинства Camponotidae[7].

Я полагаю, что такие виды, где среди бесплодных особей наблюдается полиморфизм, где есть известного рода неустойчивость, пластичность организаций, должны считаться более первобытными. Из них путём исчезания или переходных, или переходных и какой-либо крайней формы можно вывести все те комбинации, которые мы наблюдаем у разных видов. Есть виды только с крупными рабочими, есть виды только с маленькими, и есть с теми, и с другими без переходных форм, есть же виды с большими и маленькими рабочими и со всеми переходами между ними.

Существование этих переходов особенно для нас интересно, но картина ещё более дополняется тем, что у некоторых видов матки настолько велики сравнительно с рабочими, что разницу между ними не можем объяснить только тем, что стаза крупных рабочих исчезла, а должны предположить, что матка, в свою очередь, развилась больше нормальной величины. Такие случаи мы видим у многих *Lasius* и у большинства *Crematogaster*.

Таким образом, внимательный разбор систематики и биологии муравьёв приводит нас к тому, что ни каста плодных самок, ни каста малоплодных самок, т. е. рабочих, не представляют из себя чего-то замкнутого и застывшего. Мы видим здесь далеко не законченную эволюцию у некоторых видов, видим морфологическую и физиологическую пластичность полиморфных организмов.

Для выяснения того, как создаётся этот полиморфизм начиная с личиночной жизни, до сих пор ничего не сделано. Мало того, полиморфизм в строении яичников взрослых муравьёв изучил впервые лишь в 1895 году [неразб.] Бикфорд [не идентифицирован] и то без помощт метода разрезов, а лишь с помощью препарировальных иголочек, т. е. с методикой XVII столетия. Анатомы и гистологии вообще как-то игнорируют столь важный коренной вопрос, как происхождение видов, и он ещё со времени Дарвина, бывшего не анатомом, почти всецело находится в руках систематиков.

***

Если у муравьёв мы видим интересные переходные формы, то не менее, а даже более интересны они у термитов, жизнь которых хотя и не вполне, но всё-таки значительно разъяснена только трудами Грасси [Giovanni Battista Grassi] и Сандиаса [Andrea Sandias] в 1895 году[8]. Ни в один русский учебник эти данные ещё не попали. Вообще мимоходом замечу, что как в наших учебниках, так и в популярных книгах жизнь общественных насекомых излагается настолько примитивно и с ошибками, что очевидно вопрос этот очень мало интересует наших зоологов.

В гнезде термитов встречаются следующие особи: крылатые самцы и самки; самцы и самки, потерявшие крылья. Это вполне развитые половые особи. Но наряду с этим есть удивительный пример полиморфизма половых особей. Кроме настоящих самца и самки в гнезде встречаются половые особи — добавочные заместители. Обладая вполне развитыми органами размножения, эти особи никогда не имеют крыльев и являются как бы половозрелыми личинками и куколками. Это можно подвести под один из случаев так называемой неотении, когда животное, ещё находясь в личиночной стадии, делается способным к размножению. Примером всем известным является аксолотль, столь обычный в комнатных аквариумах. Это собственно личиночная стадия мексиканской саламандры амблистомы, — личиночная стадия, получившая способность размножаться.

Интересно, что добавочные, или заместительные особи представляют собою не один какой-либо тип, а разные. Одни из них остановились на более ранней, другие на более поздней стадии развития. Развиваются эти особи в тех случаях, когда

[7] **Ред.** В настоящее время Poneridae и Myrmicidae рассматриваются как подсемейства в составе Formicidae; Camponotidae включаются в Myrmiciinae в ранге трибы (Bolton, 2003).

[8] **Ред.** Имеется в виду книга: Grassi B., Sandias A. 1893. Costituzione e sviluppo della società dei termitidi. Atti Accad. Gioenia Sc. Nat., Catania (https://www.amazon.com/Constituzione-Sviluppo-Societa-Termitidi-Italian/dp/1160837422).

после гибели основателей колонии, вполне зрелых особей или одной из них, термиты начинают откармливать более питательной пищей личинок. Поразительна здесь та пластичность организма, которая позволяет развиваться нескольким типам заместительных половых особей, создавая таким образом не наблюдающийся у пчёл и муравьёв настоящий полиморфизм половозрелой касты. Вместо одного типа самцов и самок мы имеем несколько. Бесплодные касты полиморфны совершенно по типу муравьёв: есть рабочие и солдаты. Солдаты бывают полиморфны — большие и малые.

Община термитов особенно интересна для выяснения вопроса о полиморфизме и потому, что нигде мы не находим такого разнообразия, такой неустойчивости организма, такой пластичности. Нигде загадочный полиморфизм не подводится так близко к вопросу об изменчивости вообще — той изменчивости, которая проявляется в организмах столь широко и которая тем легче понятна нам, чем более полные ряды переходных форм мы имеем перед собою.

С этой точки зрения, чем полиморфизм сложнее, тем, на мой взгляд, он понятнее. Когда отдельные формы резко отграничены друг от друга, как, например, матка и рабочая пчела, тогда вопрос загадочнее, чем, например, в случае существования нескольких форм дополнительных самок у термитов. Эти дополнительные самки как бы наглядно показывают нам ступени перехода от форм бесплодных к плодным. Остаётся только детально изучить такие факты, как полиморфизм термитов. Это изучение начато только недавно. В 1895 году появилась работа Грасси и Сандиаса[9], которая выяснила, что фактором развития той или иной формы в семье термитов является свойство пищи и что термиты могут подобно пчёлам регулировать состав своего [неразб.] Хотя Грасси и Сандиас дали [неразб.] логических данных по термитам, но постэмбриональное развитие не было изучено ими с той подробностью, которой требует важность вопроса.

Я думаю, что именно в детальном изучении сравнительной анатомии и постэмбрионального развития полиморфных насекомых кроется в значительной степени разгадка вопроса о происхождении полиморфизма вообще. Кроме того, для решения вопроса о происхождении полиморфизма, который так бросается всем в глаза в столь резких примерах, как муравьи, пчёлы, термиты, весьма важно проследить, каким колебаниям подвергаются внутренние органы насекомых и иных животных в тех случаях, когда по внешности мы не замечаем у них полиморфизма.

Вы помните, что в вопросе о выработке рабочих малоплодных особей весьма важное значение имеет количество яйцевых трубочек в яичниках. У матки их бывает от 100 до 150 в каждой, у рабочей наибольшее число 2. У шмелей и ос различие в числе яйцевых трубочек у рабочих особей и у маток невелико.

Интересно задаться вопросом: подвержено ли это число вообще колебаниям у насекомых и под влиянием каких условий? Вопрос этот совершенно не изучен. Относительно большинства насекомых есть указания, что число яйцевых трубочек в яичниках есть величина постоянная. Мало того. Вейсманн произвёл следующий опыт, чтобы подорвать мнение ламаркистов о прямом влиянии пищи на изменения анатомического строения. Он кормил личинок мясных мух с самого их рождения недостаточным количеством мяса и получал карликовые формы мух. Однако у этих карликовых мух, по свидетельству Вейсманна, количество яйцевых трубочек было нормальное, а не уменьшенное. Значит, говорит Вейсманн, внешние условия не могут непосредственно влиять на выпадение составных анатомических частей организма. Но всегда ли это так? Закон ли это? Этот вопрос ещё вовсе не исследован.

Быть может, истина заключается в том, что есть виды, организм которых не только во внешних признаках, но и во внутренней организации не склонен к изменчивости, каквим бы влияниям мы его ни подвергали. А с другой стороны, есть виды, отличающиеся неустойчивостью, пластичностью своей организации.

И я позволю себе привести найденный мною только нынешним летом довольно интересный пример изменчивости во внутреннем строении животных. Работая над биологией малярийных комаров *Anopheles*, я заметил, что их самки не только отличаются значительными колебаниями роста, что весьма обычно не представляет собою интереса, но также отличаются замечательными колебаниями в строении яичников. Не только величина их различна, это не важно и не интересно, но совершенно

[9] **Ред.** Имеется в виду одна из статей цикла этих итальянских энтомологов, опубликованного в 1890-е гг. в Quarterly Journal of Microscopical Science.

различно число составляющих их анатомических элементов, число яйцевых трубочек. Есть самки, у которых в каждом яичнике около 70 трубочек, а другие, у которых более полуторста.

Этот факт будет иметь значение в решении вопроса о происхождении полиморфизма. Значит, есть виды безо всякого признака обособления каких-либо каст, где строение столь существенного внутреннего органа подвержена таким колебаниям. Тут есть готовая почва для развития анатомического полиморфизма, а есть много видов, где такой благоприятной почвы нет, где организация влилась в более определённые, в менее растяжимые формы.

Мною также прослежено, что плохое питание ведёт к развитию *Anopheles* малого роста. Соотношение между ростом и количеством яйцевых трубочек осталось ещё невыясненным.

Я указал на этот пример потому, что полагаю, что именно к детальному анатомо-физиологическому и гистологическому изучению такого рода изменчивости в строении отдельных видов должно свестись решение вопроса о происхождении полиморфизма вообще.

За последние годы серьёзное изучение изменчивости вообще, но главным образом с точки зрения внешних признаков, сделало громадные успехи и выделилось даже в особое направление, в особую школу в биологии. Но прежде чем поговорить об этом, я должен ещё остановиться на том интересном частном случае полиморфизма, который называется половым диморфизмом.

***

Половым диморфизмом мы называем тот частный случай полиморфизма, когда самец и самка отличаются друг от друга не только строением органов размножения, но и другими так называемыми вторичными половыми признаками. Явление это настолько общеизвестно, о нём существует такая большая литература, что я вовсе не задаюсь целью изложить относящиеся сюда факты более или полно.

Моя цель другая. Я хочу на нескольких примерах показать, что явления полового диморфизма *не укладываются ни под какую общую схему*, а должны быть рассматриваемы как результат воздействия *весьма различных причин*. Если это так, то и полиморфизм вообще нельзя сводить к действию каких-либо преобладающих факторов одной категории.

***

Один из наиболее резких примеров полового диморфизма представляет нам червь *Bonellia* из группы Ge[r]phyrei [= Echiuroidea, отряд полихет]. Самка этого червя — крупное животное, достигающее вместе с хоботком длины ¼ аршина. Самец же еле видим простым глазом и имеет вид удлинённого покрытого ресничками червячка весьма простой организации.

Самец этот был впервые открыт [де] Лаказом-Дютье [Felix-Josèphe-Henri de Lacaze-Duthiers], но долгое время считался за паразита самки, что заключали из его постоянного нахождения в одной из её отверстий. [Александр Онуфриевич] Ковалевский доказал, что это самец, а Шпенгель [Johann Wilhelm Spengel] подробно изучил его развитие. На рисунке Шпенгеля вы видите личинок *Bonellia* и самца, который сначала развивается как самка, а потом обнаруживает резкие явления атрофии всех органов, кроме органов размножения, деградацию организации. Это наиболее резкий пример *атрофического диморфизма*, который развивается путём регресса организации.

Это не единственный пример регрессивного диморфизма. Существуют рачки, живущие в неподвижно прикреплённых домиках, — группа Cirripedia. Вот рисунок домика одного из них, *Scalpellum*. Эти рачки гермафродиты; казалось, что тут нельзя говорить о половом диморфизме. И однако наблюдается любопытнейший факт: у этих рачков есть так называемые добавочные самцы, дегенерировавшие существа, оставшиеся, конечно, как воспоминание о том отдалённом времени, когда предки усоногих были не сидячими и не гермафродитами.

Т. к. сидячий образ жизни сам по себе вызывает дегенеративные явления, то здесь у Cirripedia мы видим типичный пример полиморфизма на почве дегенерации. Дегенеративный диморфизм видим мы и у коловраток, о которых я уже упоминал раньше, говоря о *Hydatina* [= *Epiphanes*] *senta*. У коловраток самцы устроены проще самок, несут следы дегенерации.

Объяснения такому дегенеративному диморфизму пока не существует. Когда говорят, что это происходит вследствие того, что сильно развивается в ущерб прочим органам система органов размножения, то можно спросить, почему же у самок, где эта система не менее развита, нет дегенерации других органов?

У других животных мы можем наблюдать диморфизм на почве регресса, на почве атрофии у самок. Так, среди бабочек есть роды, где самки имеют атрофированные крылья. Таковы Psychidae. Среди

жуков также есть формы, как например весьма известный светляк, где самки бескрылые червеобразные, а самцы крылатые. Это опять диморфизм путём явления атрофии. Хороший пример неполной атрофии мы видим у нашего обыкновенного чёрного таракана. Крылья самца вполне хорошо развиты. Крылья самки зачаточные.

На чём основаны подобные явления атрофии при выработке вторичных половых отличий? Мы этого не знаем. Самое удивительное то, что у весьма сходных родов и видов в одних случаях наблюдаются подобные атрофические явления, в других нет. Примеры можно найти хотя бы в том же семействе Blattidae, куда относится чёрный таракан. Есть формы, где ни у самца, ни у самки нет крыльев, есть формы, где крыльев нет только у самок, и есть такие формы, где крылья есть у обоих полов.

Явления полового диморфизма, как я уже сказал, бесконечно разнообразны и сложны, а потому, чтобы в короткое время дать о них понятие, я постараюсь рассмотреть их в их естественной группировке.

Я сначала остановился на диморфизме, который основан на атрофии некоторых признаков у одного пола. Другая категория фактов показывает нам, наоборот, явления гипертрофии, явления чрезмерного развития некоторых образований у одного из полов.

Прежде всего отметим те случаи, когда какой-либо признак является в нерезкой форме и разница между полами сказывается лишь в степени развития этого признака. Такой пример представляет нам, например, одна из камбал, *Arnoglossus laterna*. Как обычно бывает, у молодых особей вторичный половой признак, а именно усиленное развитие некоторых лучей плавника, вовсе не выражен. […] У взрослых, кроме особенностей окраски, которая имеет второстепенное значение, диморфизм выражен весьма слабо, и выражен явлениями гипертрофии.

Я упомянул сейчас, что окраска в вопросе о полиморфизме имеет второстепенное значение. На этом надо остановиться. Известно, что в явлениях полового диморфизма, и в явлениях изменчивости вообще, окраска имеет весьма важное значение. Но желая развернуть перед вами картинку полиморфизма, я разумел под этим термином лишь изменчивость морфологическом признаков, как внутренних, так и внешних. Именно их изменчивость представляет собой интерес, т. к. переходя от меньшего к большему, мы видим перед собою в иных случаях полную переделку всего строения организма, мы видим в пределах одного вида два совершенно различных существа, как напр. полиморфные самки насекомых.

Окраска есть нечто настолько непостоянное, что часто не характеризует не только вида, не только разновидности, но даже отдельного экземпляра, а характеризует лишь известный момент жизни экземпляра. У птиц, например, весьма обычны такие возрастные изменения окраски, что оперение разных возрастов вовсе не схоже. Даже у взрослых форм и птиц, и млекопитающих есть сезонная смена окраски: припомним горностая, зайца-беляка, белую куропатку. Наконец, нередки случаи, когда один и тот же экземпляр окрашен разно на пространстве двух–трёх секунд. Припомним так называемых бойцовых рыбок (*Betta pugnax*), ежесекундно переливающих разными цветами, когда они раздражены, припомним знаменитого своей игрой цветов хамелеона.

Ввиду этих соображений, окраска, имеющая иной раз весьма важное практическое значение для того, чтобы получить полное представление о животном, не должна считаться существенным признаком в вопросе о полиморфизме, и те виды, которые изменчивы *только* по окраске, я не считаю возможным называть полиморфными, хотя некоторые авторы понятие о полиморфизме вполне сливают с понятием об изменчивости.

Вернёмся в примерам полового диморфизма у рыб. [Пример с морской рыбкой *Coris julis*.] Это тоже явление гипертрофии частей плавника, более слабое у самок, более сильное у самцов.

Весьма многие признаки полового диморфизма, относящиеся к категории гипертрофических, служат орудиями нападения и защиты, и существует общераспространённая теория, что у самцов эти образования развиты как приспособление к борьбе за самок. Против этой теории существуют возражения, но мы не имеем времени разбирать мнения за и против этой теории.

Из гипертрофических образований весьма интересны выросты на костяках крыльев самцов ископаемой птицы островов Родригес *Pezophaps solitarius*. Предполагают, что эти выросты были своего рода оружием при драке самцов. Наиболее обычны гипертрофические образования в виде выростов на голове. Наиболее типичны они у млекопитающих, но мы видим их также и у гадов. Мадагаскарский хамелеон *Chamaeleo* [= *Furcifer*] *willsii* имеет весьма оригинальные выросты на голове в виде 2 рогов, развитых только у самца.

У млекопитающих рога бывают в некоторых группах и у самцов, и у самок, а иногда только у самцов. В семействах быков, баранов и козлов рога есть и у самцов, и у самок, только у последних они меньше, у антилоп у одних видов имеют рога только самцы, как напр. *Cobus unctuosus* [= *Kobus ellipsiprymnus*] или *Antilope cervicapra*. У других видов самцы имеют большие рога, самки маленькие. Пример — *Gazella euchore* [= *Antidorcas marsupialis*]. У оленей, как правило, рогами снабжены только самцы. Но весьма интересное исключение из этого правила представляет северный олень, у которого самцы имеют более сильные рога, как это видно из рисунка, а самки более слабые, но всё-таки очень длинные.

Я привожу эти примеры полового диморфизма, чтобы отметить, как разнообразны его проявления даже в признаках одной и той же категории. Весьма трудно даже какой-либо один признак, как напр. рога млекопитающих, подвести под какую-либо биологическую теорию, которая одинаково хорошо объяснила бы все факты.

***

От рогов оленей и полорогих копытных естественно перейти к выростам на голове и груди некоторых насекомых, хотя они, конечно, с анатомической точки зрения ничего общего с рогами не имеют.

Для понимания значения какого-либо признака нам чрезвычайно важно уловить такие случаи, когда этот признак неустойчив. При этом иной раз удаётся подметить прямую или обратную зависимость признака от какого-либо фактора.

Относительно рогов оленей весьма интересно отметить, что у кастрированных экземпляров они не развиваются. Относительно жуков, у которых с точки зрения диморфизма головные выросты соответствуют рогам оленей, можно бывает наблюдать интересные случаи вырождения этого признака под влиянием каких-то естественных условий развития без искусственного вмешательства человека. Среди Lucanidae есть род *Odontolabis*, у которого самцы могут считаться полиморфными в том смысле, в котором полиморфны малоплодные самки, т. е. рабочие и солдаты, некоторых муравьёв. Мы имеем крупных и мелких *Odontolabis* и все переходы между ними.

Но этого мало. Посмотрите, что делается с сильно развитыми челюстями, которые характерны как вторичный половой признак самца. Это всё самцы одного вида. Челюсти постепенно вырождаются, самец теряет признаки самца. Вот ещё примеры из того же семейства Lucanidae: *Cyclommatus tarandus*, *Motopodontus castaneus* [= *Prosopocoilus astacoides*]. Наблюдается то же самое явление полиморфизма самцов, неустойчивости их вторичных половых признаков. Это же наблюдается и у нашего русского вида *Lucanus cervus*.

Какова же причина? Существует указание, что недостаток питания. Если это врено, то к этому случаю приложим тот термин, который французский зоолог Paul Marchal применил к атрофическим явлениям у рабочих перепончатокрылых «castration alimentaire», т. е. кастрация под влиянием пищи. К сожалению, в столь интересном случае как полиморфизм Lucanidae опять-таки не хватает анатомических исследований, и любопытнейший вопрос, каковы же различия внутренних органов этих полиморфных особей, остаётся открытым.

Такие случаи, как полиморфизм Lucanidae, подводят нас к тому, что резкая граница между сильно различными диморфными особями могут быть сглажены переходными формами, а это хотя отчасти приближает нас к пониманию явления полового диморфизма.

Есть случаи полового диморфизма, которые не могут быть никоим образом объясняемы теорией борьбы за самок, не могут быть также объясняемы и эстетической теорией полового диморфизма, в силу которой некоторые вторичные половые признаки выработались как средство привлечения особей другого пола. Эта эстетическая теория диморфизма самая слабая и во многих случаях не выдерживает критики.

Но есть, повторяю, такие случаи диморфизма, которые никто не пытается объяснить ни эстетической теорией подбора, ни теорией борьбы из-за самок. Новозеландская птица *Heteralocha acutirostris* представляет нам хороший пример. У этой птицы, относящейся к семейству скворцов, самец имеет более короткий клюв, самка более длинный и тонкий на конце. Др. Буллер, автор сочинения о птицах Новой Зеландии[10], полагает, что, судя по образу жизни этих птиц, питающихся личинками насекомых, более сильный клюв самца служит для долбления древесной коры, подобно клюву дятла, а более длинный и тонкий клюв самки — для доставания личинок из щелей. Если это верно, то это

[10] **Ред.** Имеется в виду Walter Lawry Buller и его книга «A history of the birds of New Zealand» (1872–1873).

интересный пример выработки диморфизма под влиянием разделения труда при добывании пищи.

Припомним, что в полиморфных колониях насекомых тоже имеет значение принцип разделения труда и что у низших животных, которые отличаются замечательной пластичностью сравнительно с высшими, влияние принципа разделения труда доводит до образования таких замечательных полиморфных колоний, как напр. колонии сифонофор, где организмы снизошли до стадии органов колонии.

Особой категорией явлений полового диморфизма являются такие животные, где диморфный признак является приспособлением для развития яиц или выращивания потомства. Особенно поучителен случай такого диморфизма у таких животных, где сама организация исключает возможность действия ходячей теории полового отбора. Такой пример мы видим у некоторых морских ежей (*Hemiaster cavernosus*). Животные эти имеют твёрдый известковый скелет, состоящий из пластинок, расположенных в определённом порядке. Так вот, у диморфных видов амбуляклярные пластинки вдавливаются внутрь, образуя выводковые полости, в которых сидят маленькие морские ежи. Интересно отметить, что такое приспособление ведёт к значительному изменению самого скелета ежа. Вот здесь вы видите изнутри одни и те же пластинки самца и самки. Это типичный пример функционального диморфизма.

***

Теперь нам надо остановиться на тех случаях диморфизма и отчасти полиморфизма, которые чаще всего объясняются эстетической теорией полового отбора. Эти случаи сводятся главным образом к различию окраски, хотя часто различие окраски сопровождается и различием морфологических признаков.

Из всего животного царства наиболее удобно взять примеры из класса насекомых вследствие удобства демонстрации этих примеров в натуре. Здесь вы видите 2 бабочек меньшего размера, это *Myscelia orsis*, бразильский вид, самец и самка. Разница в окраске очень большая, половой диморфизм резко выражен, но трудно подвести возникновение этой разницы под какую-либо теорию. Другой пример — *Hypolimnas bolina* с Цейлона. Разница между самцом и самкой довольно значительная, но окраска выдержана в сходных тонах. Но вот пример из того же рода *Hypolimnas*, другой вид *Hypolimnas misippus*, у которой разница в окраске самца и самки громадна. Самец тёмный, сходен по окраске с родственным видом *bolina*, который мы только что видели, а самка сходна в окраске с бабочкой из другого семейства, с *Danaus schrysippus*. Это случай сходства окраски, так называемой мимикрии, которая выражена только у одного пола и осложняет явление полового диморфизма.

Рядом мы видим *Meganostoma eurydica* с крайне резко выраженным диморфизмом не только в окраске, но и в строении крыльев. Ещё резче и эффектнее выражен диморфизм у *Ornithoptera pegasus*. Тут важно отметить не только поразительное различие в окраске, но и различия в строении крыльев и всего тела, которые выражены весьма резко.

Чтобы ясно отметить, насколько прихотливы законы окраски в животном царстве, я поместил рядом с полиморфными представителями одного и того же *вида* 2 представителей разных семейств, *Heliconius* (с бел. пятнами) и *Melinaea*, которые представляют редкий случай мимикрии или подражательной окраски. Вы видите, что представители разных семейств крайне похожи друг на друга, а представители одного вида вовсе не схожи.

Иногда половой диморфизм осложняется тем, что вместо одной формы самца или самки являются две или несколько. Таким образом диморфизм окраски превращается в полиморфизм. Прекрасный пример — кавказская бабочка *Colias olga* [= *caucasica*]. Самки бывают двух родов — бледно-жёлтые, мало похожие на самца, они встречаются обычно; а изредка попадаются самки, которые, сохраняя рисунок крыла, имеют общий колорит самца. Ещё сложнее дело у водящейся на Борнео бабочки *Papilio memnon*. У неё самец тёмно окрашенный, как вы видите на экране. А самки этого вида отличаются весьма изменчивой окраской, как можно видеть из 4 примеров, показываемых здесь на экране.

На этих примерах мы видим, что половой диморфизм, выраженный в окраске, тоже склонен в иных случаях превращаться в полиморфизм, что некоторые виды обладают такой неустойчивостью, такой пластичностью признаков, что не могут вылиться в две ясно очерченные формы самца и самки, а выливаются в несколько форм.

***

За последнее время именно в изучении окраски бабочек нашёл себе широкое применение экспериментальный метод. Подвергая куколок бабочек действию высоких и низких температур, получают крайне интересные изменения окраски, о которых я уже имел случай докладывать ранее в одном из публичных заседаний общества. Я не могу сейчас

разбирать этого вопроса, он слишком обширен, я укажу лишь на один случай, где опыт позволяет нам в значительной степени разгадать явление так называемого сезонного диморфизма.

Есть случаи, когда один и тот же вид в разное время года окрашен различно, но это не есть смена окраски, как у зайца или белой куропатки, это чередование двух поколений, разно окрашенных. У нас водится вид бабочки *Vanessa prorsa-levana* [= *Araschnia levana*], которая имеет два поколения. Одно выводится осенью из яиц, отложенных летом. Это осеннее поколение чёрного цвета было в своё время описано как особый вид *Vanessa prorsa*. Другое поколение выводится весною из яиц, отложенных осенним поколением после того как яйца перезимуют. Это весеннее поколение имеет рыжеватую окраску и было названо *Vanessa levana*.

Уже давно было доказано, что если летнее поколение куколок этой бабочки, из которых при естественном ходе дела должны вывестись тёмные *prorsa*, подвергнуть действию холода, то получается без зимовки форма с окраской *levana*. Таким образом доказывается влияние на окраску условий окружающей среды. Я останавливаюсь на этом старом и общеизвестном примере потому, что имею возможность показать экземпляры из замечательно полной серии переходных форм между *prorsa* и *levana* из коллекции Зоологического музея. В Зоологическом музее хранятся 2 серии, одна из 21 самца, другая из 21 самки, полученные таким образом: воспитывались куколки в весьма большом количестве под влиянием весьма разнообразных условий температуры. Одни оставались на холоду один день, другие два, три и т. д. и каждому лишнему дню соответствует более сильное изменение окраски. Мы получаем целую цепь переходов от чёрной бабочки к рыжей, цепь из 21 звена. Я поместил здесь всю серию […] и вы видите замечательную последовательность изменений. При этом на промежуточных формах замечается не просто постепенная замена одного пигмента другим, но и выработка совершенно нового рисунка. Крайние формы отличаются и величиной, и рисунком, и пигментом.

Таким образом, случай сезонного диморфизма находит себе разъяснение в экспериментальном полиморфизме, наблюдаемом у этого вида. Мы заменяем естественную зимовку искусственной и в конце концов получаем ту же форму, которая в природе получается после зимовки. А кроме того, при опыте получается ряд вариаций, часть которых в природе не известна.

***

Основной моей мыслью было показать, что рядом с теми случаями общественного, полового и сезонного полиморфизма, когда между полиморфными особями наблюдается ничем не заполненный промежуток, имеются такие случаи, когда этот промежуток заполнен рядом переходных форм. И такие непрерывные полиморфные ряды сводят вопрос о полиморфизме к вопросу о непрерывной изменчивости.

Палеонтологи имеют хорошие примеры изменчивости признаков во времени. На этой картинке изображена [улитка живородка] *Paludina* [= *Viviparus*] *neumayeri* из самых глубоких нижнеплиоценовых отложений Славонии. [Рядом] изображён другой вид *Paludina* [= *Viviparus*] *hoernesi* из наиболее поверхностных слоёв. А остальные экземпляры взяты из промежуточных слоёв. Здесь интересна постепенность переходов.

Но есть случаи, когда у экземпляров одного и того же вида, живущих одновременно рядом при одних и тех же условиях изменчивость признаков достигает таких размеров, какие удовлетворят самую пылкую фантазию. Возьмём работу Дрейера [F. Dreyer] над изменчивостью корненожки *Peneroplis pertusus* и перемотаем таблицы этой работы с помощью эпидиаскопа. Вы увидите, как поразительно разнообразие раковины этого вида и как бесконечны переходы между этими вариациями.

***

В настоящее время наблюдается уже в течение нескольких лет большое повышение интереса к изучению изменчивости. Те вариации мелких признаков, которые делают так трудным и в то же время и так важным и интересным изучение систематики, за последнее время подвергаются детальному исследованию с широким применением метода массовых измерений, методов математического исследования и иногда статистики.

Со стороны лиц, не понимающих зоологии, приходится иногда слышать: какой интерес считать или мерять шипики или пятнышки на ножках или крылышках насекомых? Для лиц же, близко знакомых с научными методами исследования, ясно, что именно путём детальных описаний и измерений самых мелких признаков мы и можем уловить проявления законов того великого явления природы, которое называется изменчивостью.

И вот широкое применение математических методов в зоологии и ботанике создало теперь осо-

бое направление в биологии, которое нашло себе выражение в журнале Biometrica, который начал выходить в октябре 1901 года. Вот первая книжка этого журнала. В нём помещаются исключительно те статьи, в которых применён статистический, математический метод исследования, давно уже господствующий в антропологии, науке о полиморфизме человека.

Чтобы дать понятие о характере статей по зоологии, печатаемых в Biometrica, развернём работу Эрнеста Варрена [Ernest Warren] об изменчивости и наследственности у насекомого из группы тлей (Aphidae), которых садоводы иногда называют травяными вшами. Каждая часть тела у экземпляров многих поколений подвергается измерениям, которые потом выражаются таблицами, формулами и кривыми.

Теперь начинается господство двух методов, экспериментального и математического, которые должны раскрыть нам многое. Новые методы исследований окажут освежающее влияние на науку, освободив исследователей от предвзятых мнений, от заранее усвоенных теорий.

Мы уже давно имеем случай наблюдать в биологии печальное явление, что не теории выводятся из фактов, а факты подгоняются под излюбленную теорию. Особенно это сказывается в спорах ламаркистов и дарвинистов. Одни говорят, что организмы обладают непосредственной способностью испытывать те изменения, которые в них целесообразно вырабатывают влияния окружающей среды. Другие говорят, что эволюция сводится на появление случайных признаков, целесообразность которых определяется вмешательством естественного отбора, содействующего развитию нужных признаков и устраняющего ненужные.

Профессор Венского университета Веттштейн [Richard Wettstein] в своей речи, произнесённой на последнем съезде немецких естествоиспытателей и врачей в Карлсбаде, справедливо удивляется тому, что эти две теории *взаимно исключают* друг друга. Откуда следует, что всё бесконечное разнообразие живой природы, являющееся результатом взаимодействия самых разных несходных факторов, должно непременно уложиться в узкие рамки какой-либо одной теории.

Какой бы мы ни взяли частный пример, ну хотя бы вопрос о полиморфизме общественных насекомых, мы можем довольно ясно видеть, что сходные явления часто могут быть объяснены сходными причинами. Никто не станет доказывать, что различия между самцами и самками муравьёв создались вследствие условий питания, а что именно эти условия создали различия рабочих от солдат, это вполне вероятно. Но весьма вероятно также, что тех причин, которых было достаточно для выработки различий между рабочими и солдатами у муравьёв, недостаточно для выработки отличий между рабочими и самками.

Я указывал случаи, когда полиморфизм хорошо объясняется непосредственным влиянием среды в смысле ламаркизма. Но мои собственные исследования убеждают меня, что такого простого и прямого воздействия пищи недостаточно для объяснения происхождения рабочих пчёл.

Природа не укладывается в схемы и общие формулы, и исследователю более всего надо бояться готовых трафаретов и стереотипов.

Для решения вопроса о полиморфизме у нас слишком мало фактов. Припомним, что важные анатомические данные по анатомии муравьёв, о которых так много теоретически писали и спорили, добыты только в 1895 г., припомним, что Вейсманн и Спенсер много и долго спорили о том, как выработались различия между рабочей пчелой и маткой в далёкой и недоступной тьме прошедших веков, и никто из них не догадался посмотреть, как теперь вырабатывается это различие на любой ближней пасеке во время постэмбрионального развития пчёл.

Я полагаю, что детальное сравнительно-анатомическое исследование полиморфных видов и исследование их развития, наряду с экспериментальным и статистическим изучением вариантов, скоро прольют много света для решения основного вопроса и многообразии животных форм.

Нам не хватает фактов, а истина явится неизбежным логическим выводом из них.

П-23. ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К ПРОЕКТУ ДЕКРЕТА ОБ ОХОТЕ[1]

Охотничий закон, который предполагается в настоящее время издать в форме декрета, имеет длинную историю, которую важно в данное время вспомнить, чтобы понять, как создался предлагаемый проект декрета.

17 февраля 1897 г. при Министерстве земледелия была образована особая комиссия под председательством великого князя Сергея Михайловича для выработки законопроекта об охоте. Комиссия эта произвела весьма большую работу и имела 23 общих заседания и 17 частных, причём делопроизводство её выразилось в 420 входящих и 2727 исходящих бумаг. Работа комиссии продолжалась четыре года и девять месяцев, закончившись в ноябре 1901 года. В результате появился «Проект закона об охоте, выработанный особой комиссией, состоявшей под председательством великого князя Сергея Александровича»[2]. Этот законопроект только через *семь* с лишним лет, весной 1909 г., поступил на рассмотрение межведомственного совещания, причём замечания, сделанные на этом совещании представителями министерств, были приняты во внимание и в согласованном с этими замечаниями виде законопроект поступил в Совет министров.

В том же 1909 году по почину Императорского общества правильной охоты при ближайшем участии Московского общества охоты имени императора Александра II и Императорского русского общества акклиматизации животных и растений был созван Второй Всероссийский съезд охотников (с 17 по 25 ноября 1909 года). Основной задачей этого съезда было рассмотрение законопроекта об охоте. Мы считаем чрезвычайно важным указать на то, что законопроект об охоте подвергся обсуждению Всероссийского съезда, который был весьма многолюден, на котором принимали участие 79 охотничьих обществ или присылкой своих представителей, или присылкой письменных материалов по поводу законопроекта. Все районы России были представлены на съезде и мнение его было в высокой степени компетентно, что сказалось, между прочим, в том, что некоторые положения, выработанные съездом по поводу законопроекта об охоте, были внесены в окончательный текст этого законопроекта, который был внесён в Государственную думу.

Законопроект об охоте вносился в Думу Главным управлением землеустройства и земледелия в феврале 1911 года. Тогда же при Государственной думе была образована особая Комиссия для рассмотрения законопроекта об охоте. Эта комиссия внесла некоторые изменения и дополнения в текст законопроекта, внесённый от ведомства земледелия, явившийся результатом той длительной подготовительной работы, о которой было сказано раньше. Надлежит, между прочим, отметить, что думской комиссией были внесены в законопроект положения об устройстве *заповедников* на основании положений Съезда охотников 1909 года. В марте 1912 года в Государственную думу поступил под № 283 «Доклад по законопроекту об охоте», в котором после краткого вступления излагается законопроект, а затем помещено *сравнительное* изложение двух текстов: выработанного комиссией Государственной думы и выработанного Главным управлением землеустройства и земледелия.

Когда все подготовительные работы были таким образом уже вполне окончательно завершены, казалось бы, судьба нового закона была обеспечена. Действительно, пройдя все предварительные инстанции, он уже стоял на повестке пленарного заседания Государственной думы, и всё-таки ему не удалось быть рассмотренным в Думе, и мы получили в наследство лишь печатный текст доклада, который вносился в Думу.

В сентябре 1918 года Лесной отдел Народного комиссариата земледелия составил проект декрета об охоте, который был напечатан в № 10–11 журнала «Леса республики». В этом проекте были приведены общие положения относительно права на охоту, классификация охоты на рудовую, охранительную, промысловую и научную и установлена роль различных органов Советской власти по от-

---

[1] **Ред.** АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 277.

[2] **Ред.** Это ошибка: на самом деле под руководством вел. кн. Сергея Михайловича (Проект..., 1901).

Объяснительная записка к проекту Декрета об охоте.

—

Охотничий законъ, который предполагается въ настоящее время издать въ формѣ декрета, имѣетъ длинную исторію, которую важно въ данное время вспомнить, чтобы понять, какъ создался предлагаемый проектъ Декрета.

17 февраля 1897 года при Министерствѣ Земледѣлія была образована особая Комиссія подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Сергія Михаиловича для выработки законопроекта объ охотѣ. Комиссія эта произвела весьма большую работу и имѣла 23 общихъ засѣданія и 17 частныхъ, причемъ дѣлопроизводство ея выразилось въ 420 входящихъ и 2727 исходящихъ бумагахъ. Работа Комиссіи продолжалась четыре года и девять мѣсяцевъ, закончившись въ ноябрѣ 1901 года. Въ результатѣ появился „проектъ закона объ охотѣ, выработанный особой Комиссіей, состоявшей подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Сергѣя Александровича". Этотъ законопроектъ только черезъ семь съ лишнимъ лѣтъ, весной 1909 года поступилъ на разсмотрѣніе Междувѣдомственной Совѣщанія, причемъ замѣчанія, сдѣланныя на этомъ совѣщаніи представителями Министерствъ были приняты во вниманіе и въ согласованномъ съ этими замѣчаніями видѣ законопроектъ поступилъ въ Совѣтъ Министровъ.

Въ томъ же 1909 году по почину Императорскаго Общества Правильной охоты при ближайшемъ участіи Московскаго Общества Охоты имени Императора Александра II и Императорскаго Русскаго Общества Акклиматизаціи животныхъ и растеній былъ созванъ Второй Всероссійскій Съѣздъ Охотниковъ (съ 17 по 25 ноября 1909 года). Основной задачей этого съѣзда былъ разсмотрѣніе законопроекта объ охотѣ. Мы считаемъ чрезвычайно важнымъ указать на то, что законопроектъ объ охотѣ подвергся обсужденію Всероссійскаго

ношению к заведованию охотничьим делом. Проект этот подвергался обсуждению на Съезде комитетов бедноты, причём были предложены некоторые редакционные изменения. Однако этот проект остался неопубликованным и силы закона не получил.

Когда сельскохозяйственная секция Научной комиссии Научно-охотничьего отдела В.С.Н.Х. возбудила вопрос об охотничьем законе, то она выделила особую подкомиссию для подготовки этого вопроса в составе профессоров Г.А. Кожевникова и Б.М. Житкова, представителей Московского общества охотников А.В. Столяров и Ф.Ф. Шиллингера, автора докладной записки об охотничьем законе, внесение которого в секцию и послужило поводом к тому, что этот вопрос стал рассматриваться в ней. Названная подкомиссия прежде всего обратила своё внимание на необходимость срочно издать специальный декрет относительно полного запрещения весенней охоты и полного запрещения охоты на лосей. Проект такого краткого декрета был спешно разработан ещё до начала весеннего прилёта дичи и мог бы быть своевременно опубликован, но мало объяснимые задержки стали на пути срочности этого декрета и он был опубликован только 29 мая.

Что касается основного декрета об охоте, то подкомиссия предложила положить в основу текста декрета, выработанного Лесным отделом, но добавить в него указания относительно сроков охоты, относительно животных, заслуживающих полного покровительства, относительно животных, которых нужно, наоборот, истреблять всеми способами и относительно запрещённых способов охоты. Что касается вопроса об юридической ответственности, то и подкомиссия, и секция сельского хозяйства полагали, что при современном положении законодательства, при отсутствии переработанного применительно к новым условиям жизни уложения о наказаниях было бы весьма затруднительно вырабатывать в тексте декрета об охоте степени наказаний за нарушения тех или иных статей декрета.

Выработанные подкомиссией положения были одобрены в секции сельского хозяйства, которая внесла некоторые поправки в выработанный подкомиссией проект декрета, который был затем внесён на рассмотрение Бюро Научной комиссии с приглашением представителей Лесного отдела и Комиссариата земледелия. Представителем Лесного отдела было указано, что в первоначальном тексте декрета, опубликованного в журнале «Леса России», были сделаны некоторые изменения, одно из которых весьма важное, а именно было предложено выкинуть первй пункт, где говорилось, что дичь есть «общенародное достояние», т. к. это давало повод к неправильным толкованиям. Бюро комиссии признало такое исключение желательным. По вопросу о сроках охоты, признаваемых для всей республики, комиссия, несмотря на возражения, признала необходимость опубликования средних сроков для всей страны, несмотря на возможность изменений на местах, т. к. предоставление права устанавливать сроки полностью на местах могло бы повести к тому, что сроки были бы кое-где или вовсе не установлены, или установлены необдуманно. По вопросу о [неразб.] месте первоначального текста декрета, где говорилось о недопущении охоты как развлечения, бюро комиссии признало необходимость исключения этого места. Отмечаем это потому, что оно возбудило в своё время возражения в особом заседании во время съезда Комитетов бедноты и было намечено к исключению, но по заявлению представителя Лесного ведомства при переработке проекта декрета снова было принято. Бюро Научной комиссии решительно возражает против введения психологического критерия (понятие «развлечение») в декрет об охоте. Прилагаемый текст одобрен Бюро Научной комиссии.

***

Правила научной охоты

1. Под научной охотой разумеется добывание зверей и птиц, а также предметов, объясняющих их образ жизни, для целей научного исследования.

2. Разрешение на право научной охоты выдаётся исключительно Центрохотой на основании подробно мотивированного ходатайства, в котором должны быть определённо указаны цели предполагаемых сборов и места, где они будут происходить, и соображения относительно предполагаемые сборов. Эти ходатайства должны сопровождаться удостоверениями того научного учреждения, для которого предполагаются сборы, и Научного отдела НАРКОМПРОСА, подтверждающими научную компетентность лица, возбуждающего ходатайство, и научное значение предполагаемые сборов.

3. Разрешения на право научной охоты передаче другим лицам не подлежат.

4. Лица, имеющие разрешения на право научной охоты, могут охотиться в течение всего года на всех зверей и птиц, а также собирать гнёзда и яйца, за исключением тех видов, охота на которых совершенно воспрещена.

ПРИМЕЧАНИЕ: С особого разрешения Центрохоты дозволяется при добывании научного материала применять и такие способы, которые считаются недозволенными, кроме общеопасных.

5. Право на добычу зверей и птиц, находящихся под полной охраной, выдаётся по особому ходатайству научных учреждений с обозначением когда, где и в каком количестве предполагается добыть животное, а также лица, которому это поручается, причём это добывание ставится под фактический контроль местного Управления охоты, которое составляет протокол произведённого отстрела и отбирает выданное [на] отстрел разрешение на препровождение вместе с протоколом в Центрохоту.

6. Охота с научной целью в заповедниках и заказниках разрешается по особому ходатайству научных учреждений, с обозначением, что именно, когда, в каком количестве и для какой цели предполагается добыть и сколько раз предполагается посетить заповедник и заказник. Охота ставится под фактический контроль заведующего заповедником, причём о состоявшейся составляется протокол, который вместе с разрешением препровождение в Центрохоту.

7. Лица, получившие право на научную охоту, обязаны представить в конце года и не позднее 15-го января следующего года в Центрохоту подробный отчёт о произведённых охотах с указанием состава собранных коллекций и места их хранения.

8. Материалы, собранные путём научной охоты, не могут быть предметом торговли, а должны обязательно поступать в распоряжение какого-либо научного учреждения.

9. Лица, нарушившие один из пунктов настоящих Правил, лишаются права получить в будущем разрешение на право научной охоты.

Составил профессор КОЖЕВНИКОВ

Утверждено на междуведомственном заседании при Центрохоте 8 декабря 1920 г.

П-24. ЧЕЛОВЕК КАК ИСТРЕБИТЕЛЬ И ОХРАНИТЕЛЬ ПРИРОДЫ[1]

Выступая сегодня с сообщением на широкую тему «Человек как истребитель и охранитель природы», я хочу набросать картину в весьма широком масштабе.

Несомненно, что вопрос об охране природы можно рассматривать и с точки зрения интересов какой-нибудь страны, с точки зрения интересов даже какого-нибудь небольшого района или с точки зрения охраны каких-нибудь специальных животных. И мы, вероятно, потом выступим с докладами на различные частные темы. На первый раз мне хотелось взглянуть на вопрос с более широкой точки зрения, вспомнить, как в разное время человек относился к природе и как он в отношении к ней был то истребителем сначала, потом охранителем.

Несомненно, что с тех самых пор, как человек столкнулся с природой, он вступил с ней в непосредственные отношения как с источником добывания себе пропитания, одежды, материала для жилища и т. д. Несомненно, что в первобытные времена ни о какой расчётливости в использовании этих богатств не могло быть и речи. Наоборот, природа являлась для человека врагом. Ему приходилось с ней в значительной степени бороться и можно было бы думать только о том, чтобы защититься от тех животные, которые его окружали, его слабо вооружённого, становящегося часто жертвой этих животных.

Интересно между прочим отметить, что археологические и исторические изыскания показывают, что первыми объектами охоты человека были самые крупные звери. Первое животное, на которого человек начал охотиться, был мамонт. Мамонт, конечно, был настолько велик, что первобытный человек не мог добывать его с помощью каких-нибудь орудий. И исследования тех же доисторических археологов показывают, что, вернее всего, этот мамонт попадался в ямы, куда его загоняли, где он мог ломать себе ноги, а потом его добивали, причём был констатирован факт, что во многих случаях громадный процент костей в остатков человеческих стоянок принадлежал молодым животным. Они, конечно, были более лёгкой добычей. Существует даже мнение, принадлежащее палеонтологу Штейнману [Johann Heinrich Conrad Gottfried Gustav Steinmann], мнение несколько парадоксальное, что человек был одной из причин исчезновения крупных млекопитающих. Большинство, однако, считает, что это преувеличение, что трудно допустить, чтобы в те времена, когда людей было мало, а животных много, человек был причиной их исчезновения. Но такое мнение тем не менее высказывается.

Я должен сейчас же сказать относительно ныне живущего ближайшего родича мамонта — слона. Это /указывает на экран/ африканский слон. Вопрос о существовании слона тоже, может быть, в скоро времени встанет на очередь. Это громадное животное, ближайший родственник исчезнувшего мамонта, находится под громадной угрозой истребления вследствие стремления добыть слоновую кость. На Международной конференции по охране природы, которая была в 1917 году в Берне[2], С[аразин], один из крупнейших деятелей по международной охране природы, указывал, что вопрос о защите слонов является вопросом дня, и здесь должны быть приняты международные меры, которые ограничивали бы добычу слоновой кости.

Вернёмся к первобытным животным и посмотрим, какие животные были предметом охоты первобытного человека. Несомненно таким предметом охоты был первобытный носорог [*Coelodonta antiquitatis*]. Это был современник мамонта. На следующем рисунке вы увидите голову носорога с остатками мяса. Вот гигантский олень с рогами типа лося [*Megaloceros giganteus*], которого находят тоже среди тех остатков, которые оставил первобытный человек, как остатки своей охоты и трапезы.

Между прочим, человек времён мамонта пользовался чрезвычайно примитивными орудиями. Единственное орудие самого древнего времени —

[1] **Ред.** Доклад на заседании ВООП 15 февр. 1925 г. Публикуемый текст представляет собой фрагмент стенограммы заседания. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 291.

[2] **Ред.** Дата здесь указана ошибочно: названная конференция состоялась в 1913 г. (см. раздел 5.3).

это скребки. Это орудие, которым можно было соскабливать мясо с костей, но которым нельзя было убивать. Вот орудие более совершенное. Это тщательно отточенные кремневые скребки. Это орудие более позднего времени м[езолита]. Вот ещё более совершенные кремни, которые может быть служили наконечниками. Далее мы видим орудия более поздней эпохи, настоящие наконечники, которые были у стрел, копий и дротиков, когда были созданы метательные орудия. Некоторые из них делались уже более или менее искусно. Вы видите здесь уже отточенный с двух сторон нож и наконечник, а здесь /указывает на картину/ вы видите зазубрины. Эти предметы несомненно являлись метательными орудиями, острогами, которыми человек пользовался как метательными орудиями. Это уже усовершенствованное орудие первобытной охоты.

Исследования показывают, что чем дальше шла культура, тем чаще более мелкие животные становились предметом охоты. С усовершенствованием огнестрельного оружия последним животным, которое выступило на сцену, был маленький куличок г…… Это оригинальная эволюция, переход от крупного к мелкому.

Здесь вы видите ряд орудий более усовершенствованных — топоры, которыми можно было убить человека.

Первобытный человек, охотясь за животными, их тщательно наблюдал и оставлял следы наблюдений на своих рисунках. Здесь вы видите контуры мамонта, начертанного на кости. Далее мы видим целый ряд таких изображений. Это /картина/ орнамент, вырезанный на кости, изображающий голову козла. Здесь /картина/ рисунок дикого козла. Далее мы видим рисунок северного оленя, который тоже был предметом охоты. Громадное количество остатков северного оленя найдено в пещерах на Ривьере в южной Франции недалеко от Ниццы, от Монте-Карло. Очевидно, тогда был климат совершенно другой. Это орнамент /картина/, изображающая оленя. Очевидно, человек, охотясь, получая животных в свои руки, изучал их формы и оставил это в виде своего художества. Мы находим также рисунки зубра. Здесь /картина/ он изображён лежащим в одной из пещер. Это /картина/ очень преувеличенный рисунок, но опять-таки можно узнать в нём зубра по этому горбу.

В числе животных, на которых охотился первобытный человек, был бык, так называемый [дикий тур], который является прямым предком современного рогатого скота и который, между прочим, жил в исторические времена в лесах Европы и сравнительно в недавнее ещё время — в XVIII веке. Между прочим, ближайшим потомком этого животного считается шотландский скот. Это /картина/ снимок с натуры шотландского скота.

Первобытный человек, следовательно, был искони охотником и, таким образом, истребителем животных. И мы знаем, что начиная с первобытных дикарей и кончая более культурными дикарями, целый ряд племён живёт исключительно охотой. Эта картина, изображающая австралийцев с трофеями их охоты. Но нам не нужно ходить так далеко, в Австралию, у нас в Сибири целый ряд инородцев занимаются исключительно охотой.

Зададимся вопросом о том, какие же животные в сравнительно недавнее время исчезли под влиянием человека.

Здесь на первое место надо поставить чрезвычайно интересное существо — морскую корову, скелет /картина/ которой хранится в Зоологическом музее. История её весьма оригинальна. Она была описана С[теллером] в 1742 году и истреблена в 1768 году, т. е. через 26 лет. Это было громадное животное, которое имело 4.000 килогр. весу, чрезвычайно массивное существо, которое давало, понятно, массу жира и мяса и которое в короткое время было истреблено. Это истребление является довольно загадочным. Очевидно, таких животных было очень мало, когда на них начали усиленно охотиться, раз история их такая короткая.

К числу животных, исчезнувших в историческое время, относится тарпан, дикая лошадь, указания на которую имеются в разных источниках и которая не была хорошо исследована, которая жила в начале XIX столетия, но о которой остались очень смутные данные в науке.

Также отметим овцебыка как животное, которое не истреблено, но которое несомненно находится на границе своего существования. Прежде оно было широко распространено. Затем его область сузилась до очень северных широт. Думали раньше, что он водится только в Гренландии. Потом нашли его стада в тундрах Северной Америки. Но их там не очень много. Я помню, как на зоологическом рынке одновременно появилось около 90 штук этих животных. Конечно, такое количество истреблённых было очень чувствительно для их общего числа. Затем нужно отметить, что экспедиция Пири истребила в качестве провианта около 300 штук таких животных. Мы не знаем, сколько их, но такого ряда вещь, как истребление в короткое время 300

штук, нанесло большой ущёрб этим животным, которые раньше были предметом широкого распространения, а теперь область их распространения очень сузилась. Это одно из интересных животных, которое может под усердным напором охотников совершенно исчезнуть. Его спасает только недоступность этих тундр[3].

Далее, говоря об исчезающих животных, а также о том, как можно их спасти, остановимся на бизоне. Вот рисунок изображающий стадо бизонов, когда их было много, когда их было до 3 милл. на луговых пространствах Соединённых Штатов. После того, как прошла тихоокеанская ж[елезная] д[орога], началось истребление этих животных. Их уничтожали массами ради шкур, которые стоили всего два доллара, мясо же бросали на гниение. Мне в бытность в Америке пришлось видеть чрезвычайно тяжёлую картину: художник изобразил степь, покрытую гнющими трупами бизонов. Шкуры были содраны, а мясо брошено. Это один из примеров человеческой безрассудности: сотни животных были убиты и мясо их не было использовано.

С бизоном случилась чрезвычайно интересная история. После того, как началось их истребление, они сильно сократились и стали существовать в виде небольшого стада. Это стадо /картина/, которое жило в Нью-Йоркском зоологическом саде лет 15 тому назад. Их было 52. Следующий рисунок изображает стадо в одном из заповедников, который теперь существует. После того, как были приняты меры охраны, получился весьма утешительный факт: в настоящее время всего на земном шаре существует около 13.000 бизонов. В 1923 году их было 12.520, из них в других странах, кроме Америки, всего 64, в Северной Америке 12.458 штук. Все они точно регистрируются. Самое большое их стадо состояло из 1.000 штук в 1923 году. Находится оно в Канаде в штате Атабаска и считается диким стадом, которое считается наиболее ценным. Самое утешительное это то, что никаких следо вымирания нет, и когда их стали охранять от избиения, то получилась такая история: в один год, в 1923 году, родилось 1.600 молодых бизонов. Так что вопрос об их исчезновении в настоящее время снимается с очереди.

В другом положении находятся зубры. Вот несколько зубров /картина/. Это /картина/ — 12-летний зубр. Это зубры из Беловежской Пущи. На следующем рисунке вы видите зубрицу, затем молодого быка. На следующем рисунке вы видите старого зубра, самца, так называемого «одинца». Это всё памятники прошлого. В настоящее время в Беловежской Пуще нет ни одного зубра. Это картина зубра из другой местности, из парка князя П… в Германии. Это животное, которое издавна являлось одним из украшений русской фауны и в настоящее время в наших пределах истреблено.

История зубра интересна тем, что он с давних пор подвергался сильному преследованию, и только в новейшее время он охранялся. В XIV веке, по имеющимся у нас сведениям, во время своих походов литовские и польские князья и короли пользовались зубровым мясом для снабжениям им, как провиантом, своих войск. Мы знаем, что стотысячная армия Ягелло в XV веке запасала провиант для войны именно в виде мяса животных Беловежской Пущи, в том числе и зубром. Их убивали в большом количестве. На них производились охоты уже в более позднее время. На этих охотах убивалось по несколько десятков штук. Они также очень сильно пострадали во время похода Наполеона. В 1808 году их было 559, в 1888 — 438, в 1908 году — … Их прикончила война, когда Беловежская Пуща переходила из рук в руки, была местом сражений, местом прохождения войск. Тогда зубры сильно пострадали. Когда немцы овладели Беловежской Пущей, их было всего около 200. Немцы ввели строжайшее наказание вплоть до смертной казни. Несколько экземпляров их разбежалось по разным местам, но они не сохранились. Зубры, которые жили под Петроградом, тоже были истреблены, и теперь остались только зубры, некогда вывезенные из Беловежской Пущи в Германию. Их осталось там до 60 штук. В настоящее время существует Общество восстановления зубра в Германии. Оно пытается зубров, находящихся в неволе, размножить. У нас же, между прочим, осталось всего только 3 зубра — два в Ленинграде и один в Аскания-Нова.

Следующие рисунки изображают кавказского зубра. Это /картина/ — карандашом с экземпляра, который жил одно время в Зоологическом саду. Следующий рисунок представляет чучело зубра, находящееся в Зоологическом музее. Следующий рисунок представляет фотографию молодого зубра, когда-то жившего в Зоологическом саду. К сожалению, сейчас не имеется ни одного рисунка кавказского зубра в неволе. Этих зубров сохранилось 15–20 штук в Кавказском заповеднике. Этот

[3] **Ред.** В конце XX в. овцебыки были реинтродуцированы на севере Евразии; в настоящее время их общая численность в Старом и Новом Свете достигает около 20 тыс. голов (Данилкин, 2005).

заповедник объявлен особым декретом, и там они официально находятся под охраной, фактически некоторая охрана существует, но заповедник этот имеет пространство в 250.000 десятин и находится в настолько глухих местах и настолько велик, что его чрезвычайно трудно фактически охранять, и совершенно неизвестно, сохранятся ли при таких условиях зубры. Последняя надежда, чтобы их сохранить, это устройство для них загона, где они содержались бы под сильной охраной. Это одно из мечтаний нашего общества — собрать средства для устройства этого загона, собрать средства для спасения последних зубров.

Одно из животных, которое отступило под влиянием человека в исторические времена, — сайга /картина/, одна из антилоп. Была распространена в исторические времена вплоть до Польши и Малороссии. Последние сведения о ней были из Киргизской степи, а теперь в газетах появились сведения, что она появилась в Астраханской губернии и в Туркестане. Но их было так мало, что недавно они объявлены запретным животным. Вообще одной из действительных мер является объявление животных запретными для какой бы то ни было охоты, не в одном каком-нибудь участке, заповеднике или заказнике, но всюду, где оно находится[4].

Это /картина/ — речной бобр и …… [лось?]

За последнее время такие животные, как лось, попали в число исчезающих в Европейской России. В Сибири же их — громадное количество. Недавно мне сообщил один осведомлённый человек, что в прошлом году в одном из районов Сибири — я не могу сказать, конечно, какова его площадь, конечно, площадь большая — было добыто 70.000 шкур лосей. Следовательно, там они имеются в громадном количестве. Но в Европейской России они истреблены на наших глазах в самое последнее время. Ещё недавно в Московской губ., в Рязанской губ., и др. их были целые стада, довольно порядочные. Они сейчас почти истреблены, но, конечно, могут размножиться заново. Это такое животное, которое восстановить вполне можно. Оно вовсе не вымирает, оно плодовито, оно склонно к расселению, и стоит только осуществить на него запрет, объявить охоту на него запрещённой по эту сторону Уральского хребта, и они размножатся. Если размножились бизоны, мы снова можем иметь лосей на Лосином острове, тем более, что они могут существовать и в местах сравнительно населённых. Перед войной они встречались в местностях близко от ж[елезной] д[ороги], от посёлков и вовсе не нуждались, для того, чтобы держаться, в какой-нибудь тайне.

Я должен отметить, что не только в таких странах, как наша сравнительно населённая, но даже на громадных пространствах Африки, где имеются огромные пространства совсем не населённые, охота с усовершенствованным оружием повела к сокращению крупных зверей. Африка считалась и теперь считается царством копытных. Там колоссальное количество копытных животных. Мы собрали там целый ряд крупных антилоп. Этот рисунок /картина/ изображает одну из антилоп. Вот другой рисунок /картина/. Эти и масса других антилоп населяют травянистые пространства Африки. Число их заметно сокращается, и англичане и немцы для того, чтобы сохранить их, должны были сделать заповедные места. Целый ряд районов Африки не является более местом охоты. Это известный факт, когда местности мало населённые, где на громадном пространстве нет человеческого жилья, приходится ограждать таким путём от истребления фауны, чтобы устраивать заповедники и заказники и разрешать охоту только в исключительных случаях. Там всё на счету, всё делается с регистрацией, и этим животные спасаются от истребления.

Среди нашей фауны мы должны отметить кавказских горных козлов, так называемых туров, которые существуют в порядочном количестве, но о которых надо подумать. Это дагестанский тур /картина/. Следующий рисунок изображает кавказского тура. Они ещё есть, но их число не настолько велико, чтобы не подумать об их охране, и уже из разных мест Кавказа раздались голоса, что их нужно охранять.

Безусловно интересен такой факт, что животное /картина/ на наших глазах сохранился только в некоторых местах, глухих уголках. Это горный альпийский козёл. Было время, когда Альпы были им густо заселены. В настоящее время он сохранился в северо-западной Италии недалеко от Монте-Розы и находится под специальным покровительством итальянского правительства. Незадолго до войны их было около 1500 штук и они специально сохранились. Но, конечно, как и всегда, эта охрана только условная. В продаже были шкуры этих животных.

[4] **Ред.** Последний аборигенный зубр на Кавказе был убит в 1927 г.; в настоящее время местная популяция частично восстановлена за счёт завоза беловежского зубра (Заблоцкий, 1968).

Их можно было получить в музеях, и в нашем музее имеются два чучела этих животных. Но всё-таки от полного истребления она сохранена и, может быть, удастся их более широко расселить по Альпам, если к этому будут приняты меры.

У нас, в нашей стране, есть одно исчезающее животное, о котором следует весьма позаботиться. Это речной бобр. Это существо, которое сохранилось в нескольких местах Европы и у нас. Интересно, что в 1919 г. в Германии на реке Эльбе было ещё 200 бобров. В Отделе охраны природы недавно получена немецкая литература, целых 20 брошюр, касающихся охраны природы, недавно изданных. Там есть маленькая монография бобра, живущего на Эльбе. Их было 200. Они существуют также и на Роне и Дунае — в трёх мстах в Западной Европе. У нас о них слышно из Киевской и Минской губерний, Смоленской, откуда недавно были получены сведения, что они там имеются. К сожалению, их везде постреливают браконьеры, и местные охотничьи организации недостаточно строго преследуют это браконьерство. Были случаи, когда браконьеры, уличённые в убийстве бобров, которых всегда было запрещено охотничьим законом убивать, были освобождены от суда или были оправдываемы. Желательно было бы, чтобы местные власти и местные суды относились серьёзнее к этому вопросу, так как эти животные на перечёт. Это чрезвычайно интересные животные. Они строят себе хижины. Это рисунок карандашом /картина/ в одной местности, где жили бобры.

Говоря об исчезновении животных, нужно отметить и таких, которые имеют одновременно интерес и как животные редкие, и как животные промысловые. Н. К[улагин] будет об этом более подробно говорить. К числу таких животных относится б…… Он является животным ценным и в то же время таким животным, которому грозило исчезновение из некоторых районов. Были приняты меры запрета охоты на 5 лет, благодаря чему его удалось удержать в некоторых районах Сибири. Морские котики являются также таким животным, которое охотой было сведено до ничтожного количества и которое должно быть на счету. Это всё примеры таких животных, за которыми нужно следить, их отстрел может быть произведён только в таких условиях, когда количество их строго учитывается и регулируется.

Говоря о хищниках, нужно коснуться одного вопроса, который является острым вопросом в деле охраны природы. Это вопрос о сохранении таких хищников, которые являются в то же время вредными для человека, которые являются истребителями [неразб.] и в то же время животными, которые сокращаются в некоторых местах и исчезают. Когда говорят о таком хищнике как волк, то, конечно, можно говорить только о его истреблении. Волков сейчас в России настолько много, что имеется такого рода подсчёт, что если будут убивать 45.000 волков ежегодно, их количество не уменьшится, а будет такое же, как теперь. Нужно убивать ежегодно минимум 60.000 для того, чтобы количество их уменьшилось. О таких хищниках нельзя говорить иначе как только об их истреблении. Но вот другой хищник — рысь. В Московской губернии количество убитых экземпляров считается десятками. В год убивают 20–25 тысяч. Рысь сохранилась в нескольких местах. В Европе рысь сохранилась только отдельными пятнами, кое-где. Я помню по Международной охотничьей выставке в Вене, что она сохранилась в горах Франции и Италии. На карте были помечены маленькие пятнышки, что может быть сохранилось только несколько экземпляров рыси, а в других местах она исчезла. Когда она доходит до такого количества, как сейчас в Московской губернии, можно говорить о том, что нужно в каком-нибудь заповедном лесу рысь не трогать, так как их так мало, что нельзя говорить о каком-нибудь вреде от них. Конечно, там, где их много, разговор другой.

Говоря об исчезновении животных, приходится коснуться некоторых районов, относительно которых трудно было бы думать, что там животные могут быть перебиты. Это, например, свободные пространства океана. Когда я был на Международном совещании по охране природы, тогда, между прочим, говорили о необходимости принятия международных мер к охране китов, так как некоторые виды китов так истреблены, что надо говорить о запрете, иначе такие замечательные существа могут исчезнуть бесследно.

Что же мы видим, таким образом? Мы видим, что никакие расстояния, никакие глухие места, ни даже такие места как свободные пространства океана не спасают животных от истребления, если человек за ними жадно охотится. И в далёких тундрах, и в пустынных местах Африки, везде, где угодно, усовершенствованные орудия современной охоты находят зверя и могут при нерасчётливом отношении к делу свести количество зверя до такого числа, когда нужно говорить об его охране, об устройстве заповедных мест, о запрете охоты на некоторое

время на каких-нибудь животных, чтобы дать им возможность размножиться естественным путём. Я потом скажу об этом несколько слов специально.

Теперь взглянем на нескольких птиц, которые исчезли. В XVII веке исчезла замечательная птица дронт /картина/, которая принадлежит к разряду голубиных. Она достигала очень крупных размеров. Следующие рисунки изображают наброски карандашом, сделанные одним путешественником с больших и малых дронтов. Это одна из замечательных птиц, которые исчезли на людской памяти.

Имеется очень интересное издание, в котором указывается целый ряд экзотических птиц, которые исчезли в сравнительно недавнее время. Некоторые из этих птиц, казалось бы, не представляют никакой особой лакомой добычи, но тем не менее они исчезли — и исчезли даже от преследования туземцев с их несовершенными орудиями охоты. Исчез, например, один из видов попугая /картина/. Исчезли некоторые птицы из Австралийской области. Вот, например, один из попугаев /картина/ с острова ……, затем попугай с острова Маврикия, султанская курица новозеландская. Это всё птицы, которые исчезли в самое недавнее время.

Интересно отметить, что большое количество исчезнувших птиц падает на Новую Зеландию, страну чрезвычайно древнюю. Приходится отметить, что здесь их вымирание было результатом, может быть, не только избиения, но, может быть, результатом того, что вид естественным образом начал сокращаться, а человек только докончил[5].

Кстати, если мы сказали о новозеландской перепёлке, интересно отметить, что обыкновенная перепёлка подвергается громадному истреблению в тех местах, куда она улетает на зиму. Я приведу некоторые цифры. В 1897 г. было доставлено — конечно, подсчёта вполне точного нет — из Египта в Европу более 2 миллионов перепёлок. В 1898 году было доставлено …… перепёлок из одного Египта в Европу. Эти цифры показывают, в каком размере сокращается количество представителей данного вида. Понятно, когда одновременно в такой короткий срок изымается такое большое количество, получается громадное уменьшение. В разных местах уменьшение числа перепёлок замечено вполне точно и неоднократно замечалось и у нас в России в разных местах.

Преследование человека касается и таких птиц, которые живут на чрезвычайно мало доступных местах, на островах, разбросанных в Южном океане, занесённые туда Арктическим течением. На этих скалах /картина/ живут пингвины. Следующий рисунок изображает, какими массами встречаются пингвины на этом необитаемом человеком островке.

Но вот их начали преследовать. Явился новый предмет вывоза: начали вывозить в Англию яйца пингвинов. Англичане начали считать лакомым блюдом яичницу из яиц пингвинов. Если такой вывоз будет очень усиленно продолжаться и сами птицы будут предметом добычи — они на земле совершенно беззащитны, они плохо передвигаются, эти замечательные существа, пока ещё не редкие, имеющие массу особенностей строения и представляющие большой интерес с точки зрения своего географического положения, могут легко стать существами исчезающими благодаря своей полной беззащитности на суше. Они только в воде чувствуют себя господами положения. А на суше, повторяю, они совершенно беззащитны, так как не летают, а двигаются очень неуклюже.

Здесь мы видим одну исчезнувшую на людской памяти птицу — так называемый гигантский чистильщик /картина/[6]. В современной Германии отмечается сокращение и почти исчезновение целого ряда птиц, которые у нас не являются редкостью. Это те птицы, которые вытесняются как охотой, так и изменением условий жизни. На следующем рисунке вы увидите два вида ч…… /картина/. В Отделе охраны природы недавно получена одна книжка, которая указывает, какие птицы стали величайшей редкостью в Германии, которые раньше редкостью не были. Во-первых, гагара …… /перечисляет целый ряд птиц/.

Филин тоже стал такой редкостью, что сосчитано число его экземпляров. В одном из очень больших районов Персии на пространстве многих сот квадратных вёрст насчитано всего 20 пар филинов и отмечено, что многие из них уже погибли. Так что эта птица считается исчезающей.

Если посмотреть эту книжку, в которой указаны исчезающие птицы, мы увидим, что там находятся и многие такие, которые недавно могли существо-

[5] **Ред.** Новейшие исследования показали, что на Новой Зеландии основной причиной современного вымирания наземно гнездящихся мелких птиц стал завоз туда хищных млекопитающих: до их появления аборигенных наземных хищников там не было (Holdaway, 1999).

[6] **Ред.** Вероятно, имеется в виду бескрылая гагарка (*Pinguinus impennis*).

вать, и существование которых стало невозможно в силу того, что изменяются угодья, исчезают леса, которые носят глухой характер, осушаются болота, местность становится культурной, и может размножаться только некоторая дичь, которая может жить в этих культурных местах. Известно, что в таких условиях в массе размножаются куропатки, в охраняемых местах в массе разводятся зайцы и дикие козы. Есть сорта дичи, которой много, но зато целый ряд других птиц исчезает постепенно, а многие звери исчезли уже давно.

Обратим внимание на то, что иногда происходят колоссальные опустошения. Вы увидите сейчас рисунок гнездования альбатроса /картина/. Вот что произошло потом. Это всё /картина/ кости. Та колония альбатросов, которую вы только что видели, была уничтожена, и вот перед нами кладбище нескольких тысяч птиц. Следовательно — массовое истребление.

Дело в том, что современная техника истребления животных чрезвычайно прогрессирует, и условия истребления становятся таковы, что на них нужно обратить особое внимание. В полученной недавно новой американской литературе по этому вопросу обращается внимание на то, что самая законная охота при известных способах становится истребительной и недопустимой, т. к. истребляется слишком много экземпляров.

Вот магазинные ружья, которыми пользуются американские охотники /картина/ при своих охотах на водоплавающую дичь, гусей, куропаток и проч. Взглянем сейчас на некоторые картинки, изображающие массовую добычу. Это снимки /картинка/ из американского издания общества защиты диких животных, которое проповедует ограничение даже законной охоты, чтобы не слишком много убивать. Вы видите /картина/ нагруженный добычей автомобиль. Это результат одной охоты. Вы видите, какое получается колоссальное истребление, т. к. слишком уже усовершенствованы орудия истребления.

Между прочим, единственным средством против уничтожения дичи на законном основании до такой степени, что это становится опасным, является ограничение количества дичи, убиваемой в одну охоту, и установление нормы для целого ряда сезонов. Американское законодательство вступает на эту почву в настоящее время. Там имеется для каждого штата определённое установленное число, сколько можно убить какого сорта. Америка, надо сказать, очень богата дичью. Там во многих местах можно убивать крупную дичь, одну или две штуки оленей, два или три лося в год. Но всё это строго регламентировано, и больше этого количества один охотник не может убить. В некоторых случаях, кроме известного количества дичи, нельзя убить в день. Всё это делается для того, чтобы предотвратить истребление.

Я хочу, между прочим, здесь привести очень интересные данные относительно того, какое громадное количество дичи можно убивать, если производить это расчётливо и если вести рациональное охотничье хозяйство. Когда я был на охотничьей выставке в Вене, меня поразили статистические данные одного старого венгерского охотника, который подсчитал, сколько он убил дичи в своей жизни. Цифры совершенно сказочные. Вот листок черновой из моей записной тетради того времени. Он говорит, что убил в своей жизни 976 оленей, 675 ланей, 2112 диких коз, 227 серн, 25.725 зайцев, 29.111 фазанов, 19.416 куропаток и всего 433 утки, так как болота подвергаются иссушению и уток меньше, 230 вальдшнепов, 484 диких …… Всего убитой дичи — 384.780 кило. Он высчитал, сколько остаётся чистого мяса — 230.820 кило. Потом он сделал странный расчёт, высчитав, какой нужно было бы сделать котёл, чтобы сварить это количество, и какой длины был бы стол, если бы всё это приготовить и съесть. Оказывается, что этот стол был бы в несколько десятков вёрст длиной. Вы видите, какие получаются колоссальные цифры. Это всё — в охотничьих хозяйствах. Это не есть безрассудное истребление дичи.

Здесь очень интересно отметить такой вопрос: можно получить сотни тысяч пудов мяса, не опустошив местности, т. к. в Венгрии, в Австрии никогда не допустили бы, чтобы дичь совершенно уничтожалась. Эти цифры показывают, что её так много разводится в охотничьих хозяйствах, что человек может убить 25 тысяч зайцев. Это для нас совершенно сказочные цифры. Вот что делает охотничье хозяйство. Здесь получается такая история: мы, с одной стороны, говорим об истреблении, о возможности истребления при безрассудной охоте, а с другой стороны, если охоту поставить правильно, она является колоссальным источником для народного питания и, кроме того, является прибыльным делом. В таких населённых местностях, как Германия и Австрия, в некоторых местностях самым выгодным использованием земли, самым рентабельным, как говорят, считается устройство охотничьих хозяйств и доставление мяса на рынок. Это даст больший процент, чем

какое-либо другое предприятие. Вот что значит правильная постановка дела.

На этой карте означены местности, откуда в сравнительно недавнее время исчезло большое количество дичи /картина/. Пунктиром здесь обозначены места, где есть крупная дичь, дикие бараны, лоси, олени. Эти места, обозначенные пунктиром, ещё не опустошены. Стрелками показано, откуда исчезли животные. Это результат чересчур опустошительной охоты.

Теперь надо коснуться такого вопроса: целый ряд птиц истребляется специально с определённой целью для того, чтобы давать перья для украшения дамских шляп и причёсок. Сюда относится знаменитая райская птица, перья которой являются предметом мода. Несмотря на нашу молодую заграничную торговлю, я недавно видел у нас в Москве в некоторых магазинах эти хвосты райских птиц. Число райских птиц страшно сократилось благодаря истреблению. В некоторых государствах против такого истребления птиц есть строгие законы. К числу этих птиц принадлежит венценосный голубь. Сюда относится и много других птиц. У меня нет времени перечислят их всех. Сюда же относится белая цапля, которая даёт белые пёрышки.

Здесь вы видите рисунки /картины/, которые используются для пропаганды охраны белой цапли. Это из американских источников. Вот цапля /картина/ убита в гнезде, дети которой обречены на голодную смерть. Вот гнездо этих цапель /картина/. Это цапля, которая убита для того, чтобы получить несколько пёрышков, называемых эгретками, — излюбленное украшение дам. Это истребление идёт чрезвычайно сильно и во многих местах белая цапля исчезла совсем.

В Америке изданы такие рисунки. Здесь /картина/ цапля в гнезде. На следующем рисунке она лежит у гнезда убитой. Следующие два рисунка изображают трагическую судьбу её выводка. Здесь /картина/ кричат осиротелые птенцы, тщетно ожидая, что им принесут пищу. На следующем рисунке видно, что они умирают с голода. Эти рисунки, между прочим, изображены на листовке с небольшим текстом, который распространяется в Германии в качестве пропаганды против жестокой моды. Здесь /картина/ изображена процессия в Америке, на которой эти рисунки фигурируют в качестве плакатов, которые носят по улицам, рекламируя борьбу с жестокой модой.

Надо заметить, что эта сторона охраны птиц и отказ от использования их в качестве украшения легко достижима без всякого особого труда. В некоторых странах Запада устроены особые лиги борьбы с модой. В Америке запрещено носить совершенно такие украшения, и даже у приезжих женщин конфискуются шляпы с украшениями из перьев. Это одна из форм охраны природы, которая существует под особым уклоном.

На следующем рисунке мы видим специальный заповедник, устроенный в Америке для белых цапель. Каждый раз, когда устраивается место, где запрещена стрельба и охота, — у нас, например, имеется Астраханский заповедник, чтобы охранять белую цаплю и других птиц, — как только это устраивается, это сразу даёт результаты. В Астраханском заповеднике в последние годы количество цапель заметно увеличилось.

Это /картина/ один из рисунков американского издания, заповедник для водных птиц. Вы видите садок, где почти не видать воды ввиду обилия птиц. Следует только устроить даже не заповедник, а заказник для плавающей птицы, и её количество в течение нескольких лет заметно увеличится.

Вопрос о таких заповедных участках возник давно, но под разными уклонами. В Америке эти заповедники возникли в виде громадных пространств, которые охраняют ландшафт вместе с живой природой, с животными и растениями, охраняются в то же время и горячие воды, горячие источники. Например, существует Э……, который имеет около 700 тысяч десятин. Таких национальных парков в Америке несколько. Затем существует целый ряд меньших участков. Общее количество таких заповедников в Соединённых Штатах около 150. Кроме того, существует специальных заказников для разных сортов дичи — 450. В общем, они занимают пространство во много миллионов десятин, кажется, в общем около 20 милл. десятин. Это один из способов чрезвычайно действительных. У нас в настоящее время к этому только начинают прибегать. У нас имеется Астраханский заповедник, Кавказский, Крымский, Пензенский [= Приволжская лесостепь], небольшой заповедник К[осин]ский около Москвы для сохранения в неприкосновенности озёр ледникового происхождения, ……ский заповедник.

Эти заповедники имеют целью охранить природу во всей неприкосновенности и растительного, и животного мира. Я не могу коснуться растительного мира, но скажу, что когда устраиваются заповедники, то одинаково охраняется всё: и геологические достопримечательности, и растительный мир, и животный мир. Заповедники — это полная неприкосновенность, так что там мы имеем возможность наблюдать природу такой, как она есть

без вмешательства человека, что имеет громадное научное значение, так как только тут мы можем хорошо изучить законы природы.

Это один путь. Другой путь охраны природы — это ограничение истребительных охот. Уже сознал человек, что он не может пользоваться природой так, как в древние времена, без оглядки, что он должен пользоваться с расчётом, и тогда он будет получать больше дохода, и не будет истреблять. Наконец, в некоторых случаях необходим отказ от совершенно ненужного истребления, как например, отказ от истребления птиц для украшения. Это такая вещь, от которой отказаться легче, так как это делается ради прихоти.

Можно, таким образом, указать следующие меры охраны: устройство заповедников и заказников, усовершенствование охотничьих законов, отказ от истребления как совершенно бессмысленного, и в частности, от истребления, которое делается нелепо, ради каких-то капризов, ради каких-то нелепых забав. Мы знаем, например, что нередко подростки-дети, найдя птичьи гнёзда, уничтожают их неизвестно зачем. Здесь очень легко остановить, указав, что это нелепый поступок, от которого надо воздержаться. Здесь никакие законы не помогут. Здесь нужно воспитание. Это одна из задач Общества охраны природы — воспитание во всём обществе, и в особенности в подрастающем поколении, сознания, что нельзя безрассудно и сознательно портить живую природу.

Здесь /картина/ мы видим сцену в Америке, сцену пропаганды среди детей. Детям раздают искусственные гнёзда и корм для птиц, побуждая их не только не истреблять гнёзда, но даже содействовать разведению птиц. Здесь /картина/ вы видите процессию детскую «День охраны природы», который организован для детей-подростков. Эта пропаганда среди подрастающего поколения — одна из весьма действительных мер, так как никакие законы не смогут охранить природу, если само население не будет сознательно к этому относиться. Разрабатывая этот вопрос с разных сторон, изучая литературу, мы приходим к совершенно новым выводам, что не с помощью запретов, не с помощью страха нужно охранять природы, а с помощью развития во всех слоях, во всех возрастах населения бережного отношения к природе, любовного отношения к ней. Если это будет в сознании народа, тогда и законы, пожалуй, будут не нужны, и дело охраны природы пойдёт само собой.

П-25. ФАУНА МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ЗАДАЧИ ЕЁ ИЗУЧЕНИЯ[1]

Милостивые Государыни и Милостивые Государи!

В публичных заседаниях нашего Общества принято делать такие сообщения, которые не только знакомят слушателей с результатами крупных научных открытий или с итогами научной деятельности в той или иной отрасли знаний, но и популяризируют известные вопросы в более широких слоях Общества, чем кружки специалистов.

Выбирая тему для сегодняшнего сообщения, я нашёл, что вряд ли для заседания нашего Общества можно найти более подходящую тему, чем вопрос о фауне нашей Московской губернии. Вопрос об изучении местной природы должен быть близок сердцу всякого натуралиста, всякого интересующегося естествознанием, а нашему Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии оно должно быть особенно близко, потому что когда сорок три года тому назад основывалось наше Общество, оно поставило в число своих задач , включённых в устав Общества: 1) собирание естественных предметов и произведений преимущественно в губерниях Московского учебного округа и составление систематических коллекций при музеях Московского университета и 2) издание систематического описания губерний Московского учебного округа в естественноисторическом отношении. Намечая при своём основании столь искусственную границу района своих преимущественных исследований, как учебный округ, Общество наше, конечно, в сущности имело в ввиду просто среднюю Россию, понятие тоже довольно неопределённое, но без которого нельзя обойтись.

Выбирая Московскую губернию районом для подведения фаунистических итогов, я тоже беру район совершенно искусственный с точки зрения точных границ, но район этот имеет весьма серьёзное значение как действительно естественный географический центр средней России и притом такой центр, который мы имеем право считать лежащим на границе двух весьма заметно отличающихся друг от друга физико-географических районов. Изучая фауну Московской губернии, мы изучаем фауну средней России и в то же время мы изучаем фауну района, лежащего на границе полосы тайги и полосы островных лесов или лесостепи, что придаёт этому изучению весьма важное общее зоогеографическое значение.

Вопросы зоогеографии, т. е. географического распространения животных форм и их распределения по земной поверхности, не принадлежат к числу таких вопросов, которые бы пользовались значительным вниманием публики. А между тем вопросы эти несомненно заслуживают такого внимания. Совокупность животной жизни в каком-нибудь уголке земного шара есть явление первостепенной важности. В этом факте, в факте совместного существования в определённой местности определённого комплекса животных форм проявляется взаимодействие всех жизненных свойств этих форм и всех сложных условий окружающей среды. Более того: проявляются следствия всего исторического хода животной жизни в этой местности в течение громадных периодов времени.

Если мы зададимся вопросом: *почему* в данной местности живут те или иные животные, то окажется, что для ответа на этот вопрос нам надо знать весьма многое и вопрос этот крайне сложен. Чтобы ответить на этот вопрос, иначе говоря, чтобы подвести итог всей совокупности наших зоогеографических исследований, мы должны знать: 1) геологическую историю данной местности, в особенности вопрос о ледниковом периоде, 2) географическое положение её и все подробности устройства её поверхности и климата, 3) условия растительности, в особенности группировки её в растительные формации, 4) должны знать состав фауны как интересующей нас местности, так и окружающих её районов, 5) должны знать биологию большого числа типичных для данной местности форм и, наконец, в-шестых, — историю влияния человека на эту местность. И вот венцом

[1] **Ред.** Публичная лекция, прочитанная 15 октября 1906 г. на годичном заседании ОЛЕАЭ. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 85.

Фауна Московской губернии и дальнейшие задачи ея изученія.

Милостивые Государыни и Милостивые Государи!

Въ публичныхъ засѣданіяхъ нашего Общества принято давать такія сообщенія, которыя не только знакомятъ слушателей съ результатами крупныхъ научныхъ открытій или съ итогами научной дѣятельности въ той или иной отрасли знаній, но и популяризируютъ извѣстные вопросы въ болѣе широкихъ слояхъ общества, чѣмъ кружки спеціалистовъ.

Выбирая тему для сегодняшняго сообщенія, я нашелъ, что врядъ ли въ засѣданіи нашего Общества могутъ найти болѣе подходящую тему, чѣмъ вопросъ о фаунѣ нашей Московской губерніи.

Вопросъ объ изученіи мѣстной природы долженъ быть близокъ сердцу всякаго натуралиста, всякаго изслѣдователя естествознанія, а нашему Обществу Любителей Естеств. Антропологіи и Этнографіи онъ долженъ быть еще особенно близокъ потому, что когда тридцать семь ~~лѣтъ~~ сорок три года тому назадъ основа

всех этих знаний явится возможность ответить на вопрос: почему в данной местности живут именно эти, а не иные животные.

Постараемся теперь выяснить вопрос: насколько хорошо изучена фауна Московской губернии и можно ли сделать окончательные выводы относительно состава этой фауны. Знаем ли мы достаточно фауну Московской губернии? К великому сожалению, приходится ответить, что нет. Более полутораста лет существует Московский университет, и если бы внимание натуралистов достаточно останавливалось на окружающей природе, то за это время мы могли бы иметь гораздо более данных об окружающем нас животном мире, чем это имеем теперь.

В 1802 г., всего сто четыре года тому назад, вышло в свет первое сочинение, посвящённое московской фауне. Это была докторская диссертация профессора Московского университета Ивана Алексеевича *Двигубского* под заглавием «Primitiae Faunae Mosquensis seu enumeratio animalium, quae sponte circa Mosquam vivant». В этой работе было упомянуто всего 962 вида московских животных. Сорок три года спустя в 1845 году профессор Московского университета Рулье, занимавший кафедру зоологии, но бывший по специальности геологом и палеонтологом, прочитал в торжественном собрании университета речь «О животных Московской губернии, или О главных переменах в животных первозданных, исторических и ныне существующих, в Московской губернии различаемых». Напрасно мы стали бы искать в этой речи какой-либо новой фаунистической сводки или каких-либо зоогеографических выводов. Есть только [набор] общих фраз в роде того, что

> Москва в этом отношении имеет сходство со всею Среднею Европою, причём, однако, некоторые животные западной части и более тёплой заменены животными более холодной и Восточной России. В нашей губернии нет многих животных Западной Европы, но зато встречаем мы и таких, которые или никогда вне России не водились, или свойственны более северным полосам Европы, в частности, России.

Кроме таких не пояснённых примерами общих фраз, мы находим у Рулье только некоторые сведения об исчезнувших и исчезающих животных, а всё остальное заполнено описанием геологии окрестностей Москвы.

Со свойственной ему горячностью и пафосом Рулье в этой речи настаивал на необходимости изучения Московской фауны, но прошло ещё около тридцати лет и около 70 со времени появления работ Двигубского, до появления в конце 60-х годов новых систематических изысканий, предпринятых по инициативе покойного проф. Анатолия Петровича Богданова. Это были труды так называемой Фаунистической комиссии при нашем Обществе, труды Федченко по двукрылым, [Василия Фёдоровича] Ошанина по полужесткокрылым, [Василия Николаевича] Ульянина по прямокрылым губерний Московского учебного округа. Потом был большой перерыв в систематическом изучении московской фауны, но отдельные работы появлялись: таковы работы Мензбира и Лоренца о птицах, Надеждина и [Константина Осиповича] Милашевича о слизняках, [Карла Эдуардовича] Линдемана о жуках Средней России, [Людвига Карловича] Альбрехта о бабочках, Корчагина о ракообразных, Россинского о фауне Москвы-реки и некоторые другие.

В 1892 году по инициативе А.П. Богданова было задумано и осуществлено грандиозное предприятие — созыв Международного зоологического конгресса в Москве, и к этому случаю хотелось подвести итоги наших сведений о Московской фауне. Трудами особой Комиссии под редакцией П.П. Мельгунова, любителя-зоолога, был издан Каталог московской фауны в форме второго издания *Primitiae Faunae Mosquensis* Двигубского. Это предприятие ярко обнаружило всю несостоятельность наших сведений о московской фауне. Конечно, трудно было Московскому конгрессу подвести итоги знаний московской фауны, но это застало московских зоологов врасплох, никто к этому не готовился, пришлось отчасти перепечатывать без всяких изменений старые данные, отчасти собирать отрывочно новые путём просмотра частных коллекций, сводка делалась спешно, к сроку и в результате появилось издание, которое довольно ярко подчеркнуло главным образом то, что фауна Московской губернии ещё очень мало изучена. Тем не менее общий итог видов дошёл по этой сводке до 6325, т. е. за 90 лет количество видов увеличилось в 7 раз.

Польза всякой сводки заключается в том, что она служит хорошим стимулом к дальнейшей работе. И главным полезным результатом второго издания *Primitiae Faunae Mosquensis* было то, что пробудился интерес к московской фауне и была основана при Зоологическом отделении нашего Общества Комиссия для исследования фауны Московской губернии, которая существует уже 13 лет. Я не стану говорить подробно о деятельности комиссии. Скажу только,

что ею были организованы многочисленные экскурсии в отдалённые уголки губернии, ранее не посещавшиеся зоологами, были организованы просмотры и обработка частных коллекций, собраны и отчасти обработаны значительные материалы, составляющие коллекции комиссии, передаваемые ею в состав коллекций Московского университета, опубликовано несколько добавлений к московской фауне и несколько специальных работ по отдельным группам. Кроме Фаунистической комиссии для изучения фауны Московской губернии работала за последние годы гидробиологическая станция Отделения ихтиологии Общества акклиматизации на Глубоком озере в Рузском уезде и Естеств. историч. музей граф. Ек. Павл. Шереметевой в Михайлове Подольского уезда[2]. Подводя итоги всем фаунистическим находкам, сделанным после появления *Primitiae Faunae Mosquensis* 1892 г., мы получаем приблизительную цифру 7.900 видов московских животных; за 13 лет списки обогатились приблизительно 1575 видами.

Какой вывод можно сделать из этих цифр? Если принять во внимание то небольшое количество работников, которые за это время трудились над разработкой московской фауны и то небольшое количество рабочего времени, которое было на это посвящено, то придётся сделать вот какой вывод: в Московской губернии можно найти ещё *многие сотни* доселе в ней не найденных видов животных — и найти без особого труда и без особо долгих поисков. Достаточно сказать, что на последнем заседании Фаунистической комиссии А[лександр] П[авлович] Золотарёв [московский энтомолог-любитель] сообщил, что за два последние года им лично было найдено около 60 видов ещё не значащихся в московских списках жуков, причём некоторые виды и новые и редкие были найдены даже в самом городе на 1-й Мещанской [= проспект Мира] в маленьком садике.

Фаунистическое изучение любой местности можно разделить на следующие три периода по степени интенсивности и совершенства. Первый период — составление полного инвентаря фауны, составление полных фаунистических списков. Второй период — выяснение подробностей распределения найденных видов в изучаемом районе. И наконец третий наиболее совершенный период фаунистического изучения должен вести к выяснению биологических особенностей местной фауны и выяснению причинной зависимости зоогеографических данных от разного рода факторов.

Попытаемся теперь хоть несколько выяснить на отдельных группах степень полноты наших познаний о местной фауне.

Что мы знаем о московских млекопитающих? Этой группе была посвящена специальная работа К.А. Сатунина в 1895 году и с тех пор никто ею не занимался. Мы знаем теперь всего 46 видов млекопитающих в Московской губернии; большинство относится к мало обращающим на себя внимание летучим мышам, полёвкам, мышам и землеройкам и об этих наиболее многочисленных представителях класса млекопитающих мы знаем поразительно мало.

Достаточно сказать, что 8 видов летучих мышей, кот[орые] пока известны в М[осковской] г[уб.], пять были пойманы толь по 1 разу и три были найдены только в 1 экземпляре. При этом, например, *Vespertilio discolor* [= *murinus*] был пойман только на университетском дворе, *Vespertilio* [= *Myotis*] *mystacinus* и *Vesperugo abramus* [вероятно, *Pipistrellus nathusii*] только в Измайловском зверинце, *Vespertilio* [= *Myotis*] *daubentonii* только близ станции Люберцы. Этих фактов уже достаточно, чтобы судить о том, насколько мы мало знаем о распространении летучих мышей нашей губернии.

Несомненно, что даже не все виды, которые у нас водятся, известны нам и список московских Mammlia ещё может быть пополнен. Нельзя не отметить, что маленькое млекопитающее, похожее на мышь, но принадлежащее к семейству тушканчиковых Dipodidae — *Sminthus* [= *Sicista*] *subitilis*, было найдено только дважды, оба раза в Измайловском зверинце, оба раза совершенно случайно: один экземпляр найден мною мёртвым на дороге, а другой был пойман за хвост гимназистами на экскурсии, на которой я был руководителем[3]. И вот эти случайные находки — единственное, что мы знаем о распространении этого редкого млекопитающего в Средней России. Данные о многих мышах и полёвках совершенно отрывочны, не дают картины их распространения, и биологические наблюдения относительно многих видов совершенно отсутствуют.

Более точные данные как о распространении, так и об образе жизни, имеются только относительно крупных охотничьих животных. Говоря о них, не-

[2] **Ред.** Об этом музее см. раздел 3.3..

[3] **Ред.** Указанный здесь Г.А. Кожевниковым вид встречается много южнее в степной зоне; скорее всего, речь идёт о *Sicista betulina*.

обходимо отметить, что московские зоологи пока ещё могут почитать себя счастливыми, т. к. многие звери, совершенно исчезнувшие в Германии и некоторых других странах Западной Европы, ещё благополучно процветают в дикой и малонаселённой стране, называемой Московской губернией.

Недавно вышла интересная книга Виммера [Josef Wimmer] «Geschichte des Deutschen Bodens» [1905 г.], в которой автор делает сводку относительно вымирания животных в Германии. Интересно сравнить эти данные с нашими. Рысь исчезла из состава германской фауны с половины XIX столетия. В Баварии последняя рысь была убита в 1846 году, в Вюртемберге ещё в 1831, а в Тюрингии уже в 1819 году. У нас рыси водятся в постоянных членах фауны в лесах Дмитровского и Клинского уездов, где их ежегодно убивают несколько штук. Известно за 50 лет 3 случая добычи рыси в Можайском уезде, и хотя она там несомненно очень редка, но местное население знает это животное. […] В Германии в 40-х годах прошлого столетия исчез и волк, который ещё благополучно доживает свой век в лесах Московской губернии. Ещё до сих пор водятся медведи в лесах Богородского, Дмитровского и Клинского уездов.

Какие условия содействуют сохранению в Московской губернии таких животных как рысь, волк, медведь? Конечно, её малая населённость. Во всей губернии плотность населения (не считая городов выше 5000) — всего 44 человека на квадратную версту, а есть волости, где по данным земского статистического обследования 1901 года плотность населения всего 20–25 ч. на квадр. версту. Таковы Гульневская и Митинская волости Дмитровского у., Алексеевская Богородского, Муриковская Волоколамкого, Васильевская и Хотебцевская Рузского, Вороновская Подольского и Туровская Серпуховского. Небезынтересно отметить, что такая же плотность населения, т. е. 20–25 чел. на квадр. версту была по исследованиям Мейтецена (Meitzen. Siedlung und Agrarwesen der West und Ostgermanen. 1895) во времена Юлия Цезаря в средней и Северной Франции и в Бельгии.

***

Говоря об исчезновении животных из состава фауны, необходимо отметить, что иногда вид несёт в себе самом задатки вымирания или эти причины лежат в биологических условиях окружающей среды. Таков, например, случай вымирания зубров несмотря на всё оказываемое им покровительство. Те же исчезающие виды, о которых я сейчас говорю, несомненно просто выбиваются человеком. Однако и здесь, быть может, есть существенно различие в способности видов более или менее поддаваться истреблению; быть может, имеются различия в плодовитости, большая или меньшая подверженность заболеваниям и эпидемиям и другие мало известные биологические условия.

Отмечу, например, что одно из хищных и специально преследуемых животных — выдра, в Германии не подверглась заметному уменьшению. Относительно некоторых охотничьих угодий Германии имеются данные, что количество выдр там не уменьшилось в XIX столетии сравнительно с XV. В нашей фауне выдра принадлежит к наиболее редким животным, относительно которого не имеется почти вовсе наблюдений.

Зато интересные наблюдения можно привести относительно гиганта нашей фауны — лося. В Германии лось исчез ещё в 1776 году, а в Московской губернии не только не исчез, а значительно размножился с 50-х годов прошлого столетия. Теперь это довольно обыкновенное животное в некоторых местах нашей губернии и живёт даже в ближайшем соседстве с городом в т[ак] называемом Лосином острове, а в 1845 году Рулье писал про лося: «Это животное, которое на всём земном шаре вырождается. Оно в наше время водится в губерниях к северу и югу от Москвы лежащих, но водилось без сомнения и в нашей губернии, что доказывают многие рога, найденные в болотах и реках нашего и соседнего уездов, совершенно схожие с рогами ныне живущих лосей». А затем поминаются охоты царя Алексея Михайловича, название «Лосиный остров» и иные косвенные доказательства. Несомненно, что лось несёт в себе громадный запас жизненной энергии и менее всего склонен к вымиранию, как это думали прежде.

Таким образом, мы видим, что сравнительно с Германией фауна Средней России и в частности Московской губернии, сохранила свой первобытный характер. Если это можно доказать на млекопитающих, сильнее всего страдающих от встречи с человеческой культурой, то можно с полным правом перенести этот вывод на весь состав фауны и порадоваться этому фаунистическому благополучию. Но не надо на нём успокаиваться. При быстром темпе современной жизни перемены в окружающей природе под влиянием деятельности человека происходят с поразительной быстротой.

Никакому другому исследователю, кроме фауниста, не приходится так *спешить* со своими

работами, спешить потому что происходящие в окружающей природе перемены невозвратны. Мы мало думаем о всём трагизме того положения, что современная картина нашей фауны может исчезнуть навсегда прежде, чем мы соберёмся её вполне исследовать!

Мне невольно хочется остановиться на одном ярком примере произошедшей на моих глазах перемены в фауне млекопитающих. Речь идёт об одной из ближайших окрестностей Москвы — о Воробьёвых горах. Теперь это всё что угодно, но только не уголок дикой природы, а я ещё помню то время — двадцать лет назад, когда это было богатое место для орнитологических экскурсий. Там постоянно коллектировал птиц наш известный орнитолог Ф. Лоренц и находил интересные виды, коллектировал там и К.А. Сатунин и вёл в 1881–1882 годах подробный дневник своих наблюдений над птицами. Этот дневник находится в моих руках и представляет собой интереснейший документ по истории нашей фауны. Можно ли поверить, что на склонах Воробьёвых гор в течение одного лета были найдены гнёзда 22 видов птиц, а собрания коллекций птиц достигли ста видов?

На мой памяти в Измайловском зверинце 14 лет назад на месте теперешних дач гнездились рябчики, всего в 1½ верстах от города. Ещё в настоящее время в этом уже расчищенном и заселённом лесу доживает свой век колония цапель, ежегодно возвращающихся на старый цапельник, которому несомненно более 100 лет, как это можно судить по одной заметке, случайно найденной мною в «Русском Архиве». Но вот мимо этого цапельника скоро пройдёт окружная дорога и вряд ли цапли уживутся в таком соседстве.

Надо, впрочем, заметить, что некоторые птицы, не принадлежащие к числу спутников человека, нимало не боятся населённых мест. Соколы сапсаны, например, живут в Сокольниках на высоких соснах. Этот рисунок представляет фотографию с гнезда, вероятно, коршуна, заселённого парой сапсанов, на вершине высокой сосны тоже в населённой дачной местности в Серебряном бору, где было найдено гнездовье многих хищных птиц. Ещё более курьёзны факты гнездования сапсанов на мовсковских колокольнях. Так, известно нахождение их гнёзд на колокольне Симонова монастыря и на Троицкой башне Кремля.

Заговоривши о птицах, остановимся на вопросе, насколько полно мы знаем их фауну в Московской губернии. После появившейся в 1894 [г.] работы Ф.К. Лоренца трудно что-либо добавить к приведённым им 269 видам, хотя всё-таки за последние 4 года было найдено 6 видов птиц, ранее не известных в Московской губ. Но всё-таки можно считать, что первый период изучения птичьей фауны — составление полного списка — закончен или почти закончен. Но если задать вопрос относительно распространения отдельных видов в пределах интересующей нас местности, а особенно относительно условий жизни, то окажется, что и относительно наиболее изученного у нас класса птиц можно сделать много интересных наблюдений и до второго периода наше изучение птиц ещё не дошло.

Фауна рептилий и амфибий в Московской губернии так бедна — всего 7 видов рептилий и 9 видов амфибий, что вряд ли привлечёт к себе специальное внимание какого-либо систематика. Хотя и в этих бедных группах есть интересные вопросы. Недавно найден в складах Зоологического музея экземпляр змеи *Coronella austriaca* [медянка] с этикеткой Хорошова и Корчагина. Вид этот не был ранее находим в пределах Московской губернии и прибавить третий вид змеи к двум ранее известным очень интересно, но необходимо подтвердить нахождение и данные о распространении. Интересно также, что у нас акклиматизировалась несомненно завозная каспийская черепаха *Clemmys* [= *Mauremys*] *caspica*, а обычная среднеевропейская [*Emys orbicularis*] не найдена.

Список московских рыб — 41 вид — вряд ли может быть существенно пополнен, но интересно отметить, что до сих пор рыбы Московской губернии не были предметом специального исследования с точки зрения научной систематики. Большинство данных приходится брать из сочинений любителей-рыболовов или из сочинений, только мимоходом затрагивающих московскую фауну.

Здесь я позволю себе сделать маленькое отступление, т. к. у лиц, не работавших специально по систематике, может явиться вопрос: неужели стоит изучать плотву, окуня, леща и т. п. обыкновенных животных? На это я скажу, во-первых, что среди московских рыб есть виды, далеко не столь обыкновенные и среди, например, гольянов (*Phoxinus*) или так называемых уклеек, малявок (*Alburnus*, *Leucaspius*) могут быть найдены ещё не известные для нашей фауны рыбы. Есть, например, недоказанное указание на нахождение в наших водах горчака (*Rhodeus amarus*).

Но кроме того — современная систематика, ставящая своею задачею выяснить пределы из-

менчивости видов, переходные формы между видами и происхождение видов, требует массового исследования форм из разных местностей, физико-географические и биологические условия, которых точно известны. Для современного систематика недостаточно втиснуть найденные экземпляры в ту или иную рубрику определительных таблиц. Для него вид является совокупностью целого ряда местных форм, местных изменений, из которых каждая есть биологическая единица низшего порядка, заслуживающая самостоятельного изучения. Является стремление изучить, например, представителей данного вида в большом озере и в маленьком болоте, в большой реке и в ручейке, изучить отдельную колонию форм, отдельное стадо, изучить возрастные изменения. Типом такого рода работ может служить замечательная работа [Johann Friedrich] Heincke над разновидностями селёдки. При подобных исследованиях весьма важно достать типичных представителей вида из тех именно местностей, откуда этот вид был впервые описан, и сравнить эти экземпляры из исследуемой местности. Изменчивость рыб, способность многих видов давать помеси и малая изученность среднерусской фауны вообще могли бы вполне оправдать серьёзное монографическое изучение московских рыб согласно требованиям современной систематики.

Насколько с точки зрения современной систематики мало изучены даже самые обыкновенные животные, показывают следующие примеры. Что может быть обыкновеннее зайцев? Однако в 1895 году, когда Сатунин писал свою работу о млекопитающих Московской губернии, напечатанную в Известиях нашего общества, он говорил так про нашего московского русака: «Сравнительный материал, которым я располагал, был настолько мал, что я не решаюсь ничего сказать о степени самостоятельности ни *Lepus timidus* Nilss., к которому более всего подходит наш русак, ни тумака, другой разновидности русака». Другую форму зайца, так называемого «тумака», Сатунин называл тогда «загадочным видом»[4]. Прошло 11 лет, никто, конечно, не думал заниматься систематикой зайцев, считая их животными, стоящими внимания только с кухонной и спортивной точки зрения, и вот недавно немецкий зоолог Hilzenheimer [Хильцхаймер] обработал материал по европейским зайцам и пришёл к выводу, что вместо трёх видов, указанных у Блазиуса [Johann Heinrich Blasius], надо отличать 17 форм (видов и разновидностей). Можно, конечно, не соглашаться с таким дробным делением, но для обоснования того или иного мнения надо иметь богатый фактический материал, а его-то именно и нет. По этому вопросу лучший знаток русских млекопитающих Сатунин пишет мне следующее: «о русских зайцах в смысле представляемых ими видов и особенно подвидов мы не знаем ровно ничего». Далее он пишет, что для изучения зайцев необходимо их шкуры и черепа собрать в большом количестве со всех сторон Руси. Интересно их получить решительно отовсюду, — пишет Сатунин, — из Воробьёвых гор и из Можайска и из Тулы — словом, отовсюду». Так говорит лучший знаток русских млекопитающих. Можно, конечно, не соглашаться с дробным делением видов на подвиды и разновидности и придерживаться взглядов Блазиуса, но нельзя спорить против того, что самые обыкновенные русские животные ещё не были предметом специального изучения.

Переходя к низшим типам животного населения Московской губернии, мы будем сталкиваться с гораздо более первобытным состоянием наших сведений об отдельных группах. Если для млекопитающих, птиц и рыб не хватает ещё детальных исследований, то для других классов и отрядов мы далеки даже от приблизительной полноты фаунистических списков. Я не стану утомлять вашего внимания примерами этой неполноты. Достаточно сказать, что из числа моллюсков, которые дважды были предметом специального исследования и которых в Московской губернии известно около 150 видов, во время десятидневной Окской экскурсии Фаунистической комиссии было найдено 28 неизвестных раньше для нашей фауны видов и разновидностей.

Если же обратиться к насекомым, то в таком отряде как жуки количество ещё не найденных форм должно быть поистине громадно, если вспомнить, что, как я указывал выше, один собиратель в течение двух лет на немногочисленных экскурсиях смог обогатить наши списки 60 видами. Даже в наилучше изученном отряде насекомых, в бабочках, можно делать интересные открытия.

Некоторые группы Московской фауны не были вовсе предметом серьёзного фаунистического исследования, как, например, шмели, пчёлы и осы, так называемые пухоеды (Mallophaga), блохи, су-

[4] **Ред.** Видовое название *Lepus timidus* относится к зайцу-беляку. В настоящее время последний и заяц-русак (*L.europaeus*) считаются несомненно разными видами, тумак — их редкий межвидовой гибрид.

хопутные клещи, так называемые пауки-сенокосцы (Phalangidae [=Pholcidae]). Эти последние даже вовсе не помянуты в наших списках, точно они отсутствуют в нашей фауне, а между тем это очень обыкновенные животные. Не изучены до сих пор три больших класса червей — реснитчатые черви, сосальщики и ленточные черви, только слегка затронуты круглые черви.

Итак, несмотря на то, что вместо 162 видов 1802 года и 6325 видов 1892 года мы знаем теперь около 7900 видов московских животных, всё-таки мы должны признать, что даже первая ступень фаунистических исследований — составление полных списков, инвентаря нашей фауны, ещё далека от нас.

***

Посмотрим теперь, какие общие выводы можно пока сделать из того, что мы знаем про нашу фауну. Для этого необходимо сначала ознакомиться с некоторыми данными по географии губернии.

Московская губерния занимает пространство в 29.263 кв. вёрст или 33.301 кв. километр. Если мы сравним эту площадь с площадью некоторых государств Западной Европы, то станет совершенно ясно, насколько мы, русские, привыкли к большому масштабу и как мало мы обращаем внимания на этот масштаб в разных случаях.

Несомненно, что недостаток внимания натуралистов к местным фаунам, в частности к фауне Московской губернии, объясняется тем, что местные районы кажутся им недостаточно заслуживающими внимания сравнительно с необъятными пространствами всей России. Забывая изречение Овидия *Nosce patriam, poster viator eris* [Познай сперва своё отечество и после путешествуй], большинство исследователей стремится туда, где есть уголки в десятки тысяч квадратных вёрст, на которых не ступала ещё нога исследователя, как например в Сибири или Туркестане.

В Германии каждое маленькое государство величиною в два–три раза меньше Московской губернии не считает свой район слишком маленьким объектом исследования и на таком районе трудятся в течение нескольких лет несколько учёных обществ. Для крошечной прусской провинции Шлезвиг-Гольштейн издаётся специальный научный журнал «Heimat», посвящённый изучению местной природы. Только такие интенсивные исследования дают почву для точных выводов.

Значительная часть Московской губернии находится под лесом, которого насчитывается приблизительно 1.258.000 десятин. Общая лесистость губернии выражается 41,3 %, а в некоторых уездах она значительно выше и это, конечно, кладёт яркий отпечаток на характер местной фауны. Наиболее северная и северо-восточная части губернии, а именно в Богородском уезде лесистость = 53,3 %, в Клинском 49,9 % и почти половина площади занята лесом в уездах Дмитровском, Верейском, Звенигородском и Серпуховском. Большинство этих лесов (56 %) принадлежат частным владельцам, значит[ельная] часть (32,85 %) — крестьянам и только ничтожная часть казне (7,6 %) и уделам (3,6 %). Несмотря на это, леса в Московской губернии, независимо от лесоохранительных законов, склонны к увеличению своей площади, т. к. население Московской губернии склонно бросать свою землю невозделанной и давать ей зарастать лесом. По данным земского обследования 1905 года, такое зарастание пашни лесом особенно сильно замечалось в первые лет 20 по отмене крепостного права, но отчасти наблюдается и теперь.

Это, конечно, крайне благоприятное обстоятельство для московских зоологов, но беда в том, что леса, сохраняя свою площадь с чисто официальной стороны, для статистики, постепенно и быстро теряют свой первобытный характер, прорубаются просеками, застраиваются дачами. В уездах Дмитровском, Клинском, Богородском и Серпуховском сохранились, однако, до сих пор большие участки довольно глухих лесов.

Леса Московской губернии преимущественно лиственные […]. Но для наших фаунистических соображений весьма важно, что отдельные уезды довольно резко делятся на категории по преобладанию лиственных и хвойных пород. Даже в наиболее хвойных уездах % лиственных пород высок — в Богородском 46 %, в Волоколамском 53 %, в Дмитровском 55 %, а в наиболее лиственных уездах этот процент доходит до 93⅓ в Подольском, до 86,5 % в Коломенском и 84,2 % в Серпуховском. Картограмма ещё яснее показывает, как губерния может быть разделена на хвойную и лиственную полосы.

Крайне интересно следующее. Те именно местности, где преимущественно распространены лиственные породы, отличаются наибольшим количеством пахотной земли […]. Полоса наибольшего распространения пашни только на северо-западе заходит в область наибольшего распространения хвойных пород, а в других местах совпадает с наи-

меньшим распространением хвойных. Распространённость пашни, конечно, весьма важный фактор в зоогеографии Московской губернии.

Характерной формацией значительной части Московской губернии, особенно её восточной и северо-восточной части, являются торфяные болота. В своей почвенной карте России [Николай Михайлович] Сибирцев[5] даже при очень малом масштабе пашен в восточной части Московской губернии [неразб.] особой почвы — болото, болото не как случайное местное явление, которое бывает повсюду, а болото как характерную почвенную формацию.

Торфяные болота Московской губернии представляют весьма характерную картину. Это [неразб.] равнина с густыми зарослями травы и мелкого кустарника. Травянистая растительность на торфяных болотах достигает громадного развития. […] Торфяные болота создают совершенно своеобразные условия существования для фауны. Один немецкий натуралист недавно занялся изучением фауны торфяных болот и показал, что это совершенно своеобразная биологическая формация, заслуживающая специального изучения. И здесь мы опять должны брать пример с немцев. Окружённые торфяными болотами, мы сами или не догадались, или не раскачались заняться их изучением.

При выемке торфа образуются временные водоёмы, тоже богато заселённые. Эти так называемые карьеры иногда при обилии воды сливаются в одно целое, образуя большие водные пространства. Затем начинается зарастание. На поверхности воды образуется слой плавучей растительности. Зарастание идёт дальше и наконец болото снова принимает свой прежний вид.

За неимением времени я не буду останавливаться на других характерных формациях, на типах растительности, но замечу только, что именно от этих формаций, этих характерных станций зависит у нас главным образом распределение животных форм.

Если мы станем искать каких-либо животных, специально свойственных Московской губернии, мы их не найдём. У нас нет или почти нет так называемых эндемичных видов. Это и неудивительно, если принять во внимание, что их почти нет для всей Европейской России. Припомним, что из всех зверей только одна выхухоль может быть названа исключительно русским зверем. Это животное принадлежит, конечно, и к коренным постоянным обитателям Московской губернии. Можно, впрочем, указать, что среди насекомых есть некоторые новые виды, найденные пока только в средней России и имеющиеся и в моск[овской] фауне. Таковы *Tritoma jaroslavensis*, *T.* чичерини [*sic*!] , *Orchestra nadezdae* [все не идентифицированы]; быть может найдут *Grammoptera* [неразб.], *Didineis kozhevnikovi* [= *lunicornis*].

По своему географическому положению Московская губерния занимает середину центральной России и интересно отметить, что это не только географический факт. Московская губерния лежит на границе двух естественных районов Европейской России — лесной полосы, полосы тайги, и лесостепи, или полосы островных лесов. Вследствие этого в её фауне наблюдается смешение элементов северных и элементов южных.

Характерными северными млекопитающими являются рысь, о которой я упоминал, крысоголовая полёвка *Arvicola ratticeps* [= *Microtus oeconomus,* полёвка-экономка] и летяга *Pteromys volans* — обычное животное таёжной полосы, которое попадается изредка в лесах Богородского уезда и вероятно водится и в Дмитровском, находя здесь южную границу своего распространения[6].

Из птиц можно наметить несколько форм, находящих в Московской губернии крайнюю южную границу своего гнездовья. Весьма важна здесь возможность сравнения фауны Московской губернии с соседней Тульской, которая хорошо изучена трудами М.А. Мензбира и П.П. Сушкина. Чернозобая гагара *Colymbus arcticus* [= *Gavia arctica*] гнездится в Московской губернии, а в Тульской бывает только на пролёте. Впрочем, эта птица, хотя и характерная для дальнего севера, имеет всё-таки более широкую область гнездовья, чем некоторые другие северные виды. На западе и на востоке она спускается южнее, чем в средней России, и гнездится в Литве, Польше, а также в Уфимской и Оренбургской губернии. Весьма характерной северной птицей, типичной обитательницей тайги, является сойка [*Garrulus glandarius*], кукша *Garrulus* [= *Perisoreus*] *infaustus*, гнездящаяся в Московской губернии и очень редкая залётная зимняя птица для северных уездов Тульской губернии. Науманн [Johann Friedrich Naumann] считает эту птицу спутником песца и северного оле-

[5] **Ред.** Имеется в виду его «Схематическая почвенная карта Европейской России» (1898).

[6] **Ред.** К этим «северным» видам следует добавить два вида землероек-бурозубок (*Sorex caecutiens*, *S. minutissimus*), распространение которых в начале XX в. было совершенно не изучено (Крускоп, 2002)..

ня. Другой типичный обитатель северной полосы, гнездящийся в Московской губернии и лишь изредка встречающийся зимой в сосновых борах Тульской губернии, — трёхпалый дятел *Picus tridatylus* [=*Picoides arctica*]. Кедровка *Nucifraga caryocatactes* хотя редко, но гнездится в Московской губернии и только временами появляется в Тульской. Клёстеловик *Loxia curviristra* — обычная гнездящаяся московская птица и через нашу губернию проходит южная граница области её гнездовья. В Тульской она попадается только как странствующая форма. Длиннохвостая неясыть *Syrnium* [= *Strix*] *uralensis*, вероятно, гнездится в Московской губернии, во всяком случае постоянно встречается, но не заходит в Тульскую губернию.

Как видите, из фауны зверей и птиц можно привести несколько прекрасных положительных примеров северного характера нашей фауны. Относительно других животных такие примеры гораздо труднее подобрать, потому что соседние южные области почти совершенно не изучены. Если мы захотим, например, сравнить фауну московских насекомых или моллюсков с фауной тульских или рязанских, то у нас не окажется достаточного материала для сравнений. Только примыкающая с севера Ярославская губерния прекрасно изучена относительно жуков. На основании работ членов нашей Фаунистической комиссии мы можем, однако, привести несколько примеров нахождения в Московской губернии характерных северных форм. Таковы из жуков, по мнению А.П. Золотарёва, *Leotodes annulatus* [не идентифицирован], *Dicerca furcata*, *Chrysobotes* [=*Chrysobothris*] *chrysostigma*, *Acmaeops pratensis*, *Judolia maculata* и в особенности *Ditylus laevis* — типичная таёжная форма. Из бабочек, по мнению С.С. Четверикова, северными видами являются *Agrotis* [= *Actebia*] *fennica*, известная, кроме Московской губернии, только из сев. России, Петерб[урга], Лифляндской губ., Пскова, Казани, сев. Сибири, *Catocala adultera* — из тех же мест, *Larentia lerrata* [вид не идентифицирован] из сев. России, Петерб[урга], Лифляндии и Сибири.

Северный характер московской фауны можно подчеркнуть и отрицательными чертами. Не переходят Оку, на севере подходя к самой границе Московской губернии, такие характерные степные формы, как крапчатый суслик *Spermophilus guttatus* [= *suslicus*], который встречается на самой северной границе Тульской губернии, и земляной заяц *Allactaga jaculus* [= *major*], который тоже распространён в Тульской области и южнее[7]. Чисто южная птица удод *Upupa epops*, хотя редко, но гнездится в Тульской губернии, а в Московской это редкая залётная птица[8]. Точно так же ярко окрашенная золотистая щурка, точно какой-то отголосок тропической фауны среди нашей блёклой природы, в Московской губернии крайне редкая случайно залётная птица, а в Тульской, хотя тоже залётная, но попадается значительно чаще, так что даже приходится слышать жалобы со стороны пчеловодов. Сыч *Athene noctua* распространён и гнездится во всей Тульской губернии, а в нашей фауне за 30 лет Лоренцом найдено только 3 экземпляра и все в Звенигородском уезде. Всё это южные формы, находящиеся в нашей губернии северный предел своего распространения. К числу таких же форм надо отнести чисто степных дрофу и стрепета. Являясь случайной редчайшей гостьей в Московской губернии, дрофа гнездится в Тульской губернии в Ефремовском уезде, где попадаются, по словам П.П. Сушкина, стада штук до тридцати. Стрепет (*Otis tetrax*), хотя не гнездится в Тульской губернии, но всё-таки попадается там, тогда как в Московской известны лишь факты совершенно случайного залёта.

Все указанные факты выясняют нам, что в Московской губернии проходит какая-то не случайная, а естественная граница и несомненно, что такой границей является Ока. Что это неслучайная граница, видно из того, что разные авторы при разных случаях намечали её. В своей орнитологической географии Европейской России М.А. Мензбир считает, что Ока составляет границу двух округов полосы островных лесов. Не признавая Московскую губернию за типичную полосу тайги, проф. Мензбир подчёркивает *таёжный* характер того пространства, которое лежит к северу от Оки, сравнительно с пространством к югу от неё. Интересно, что на почвенной карте покойного проф. Сибирцева именно по Оке проходит южная граница нечернозёмной лесной полосы, которая отличается многими признаками от начинающейся непосредственно к югу от Оки «полосы переходной к черноземной», иначе говоря, лесостепной полосы, или

---

[7] **Ред.** В настоящее время этот вид тушканчика обнаружен в некоторых районах юга Московской обл. (Крускоп, 2002).

[8] **Ред.** В настоящее время гнездование удода установлено в некоторых районах Московской обл. (Калякин, Волцит, 2020).

«предстепья», которую [Гавриил Иванович] Танфильев называет полосою старых «доисторических степей». Деля всю северную Россию в почвенном и физико-географическом отношении на три полосы: тундровую, нечернозёмно-лесную и область переходную к чернозёмной, Сибирцев проводит южную границу лесной полосы как раз по Оке. […] Танфильев в своей статье «Физико-географические области Европ[ейской] России» пишет: «Линия, отделяющая степные грунты от грунтов и почв области [неразб.] и будет служить границей, делящей территорию России на две крупные половины — северную и южную». […] На карте мы ясно видим, что эта граница проходит именно *по Оке*. […] Таким образом, Ока, составляя южную границу Московской губернии, является в то же время границей 2 крупных физико-географических областей Европейской России: полосы лесной и полосы предстепья. И сама Московская губерния является с зоогеографической точки зрения скорее всего окончанием южной полосы тайги.

***

Изучая московскую фауну, мы сталкиваемся, однако, в ней довольно неожиданно с большим количеством таких форм, которые или являются южными, или распространены, насколько пока известно, в очень отдалённых от Москвы местностях. Такие примеры пока подобрались только из класса насекомых и пауков. Находки среди водной микроскопической фауны таких животных, которые доселе были известны из совсем иных районов, не должны нас удивлять, т. к. микроскопическая водная фауна отличается большим космополитизмом. Приведу несколько примеров на основании данных С.С. Четверикова [неразб.]. Из бабочек *Oeneis tarpeja* известна только из юго-восточной России, Киргизский степей и Алтая, *Carcharodus lavatherae* распространена в юго-восточной и юго-западной России, *Catephia alchymista* в Лифляндии, юго-западной и юго-восточной России. Из пилильщиков Tenthredinidae найдены у нас *Dolerus rufotorquatus*, известный только для Италии, *Selandria oertzeni*, известный только с острова Крит.

Подобные факты показывают, что наши данные о географическом распространении многих форм крайне поверхностны и надо особенно остерегаться разных априорных соображений относительно возможности фаунистических находок. Когда впервые на основании 2 экземпляров был показан для Московской губернии *Copris lunaris*, известный знаток жизни и зоогеографии А.П. Семёнов [= Андрей Петрович Семёнов-Тян-Шанский.] считал это животное попавшим по недоразумению в московские списки. Затем оказалось, что этот жук весьма распространён в долине Оки.

В настоящее время список южных форм Московской губернии довольно богат. Из жуков отмечу: *Plagionotus arcuatus* и *detritus*, *Callidicum* [= *Phymatodes*] *alni*, *Ropalopus clavipes*, *Rhamnosius bicolor* [не идентифицирован], *Agapanthia violacea*, *Deilus fugax*, *Serica* [= *Maladera*] *holosericea*, *Lasiopois canina* [не идентифицирован], *Onthophagus taurus*, *Osmoderma eremita*, *Calosoma inquisitor* и много других. Много видов южных пауков и видов, известных только из более отдалённых местностей, было найдено П.Р. Фрейбергом в окской фауне. Таким образом, в противовес северному характеру московской фауны, о котором я говорил раньше, довольно ярко намечается хороший подбор южных видов, иногда даже прямо видов средиземноморских, судя по современным данным.

Это придаёт изучению фауны Московской губернии громадный интерес. Приходится выяснять, как, откуда и почему сходятся у нас эти столь разнохарактерные элементы. Первые южные виды были найдены на берегах Оки и оттуда в общем, пожалуй, известно наибольшее количество южных форм. Явилось предположение, высказанное вскользь в одной статье П.Р. Фрейберга о фауне окских пауков, что быть может особый характер приокской фауны должен быть объяснён историческими причинами — границей распространения ледников. Такое же предположение высказывалось и относительно особенностей окской флоры. Некоторые думали, что эта флора — остаток флоры доисторических степей, пощажённых ледниками.

Я не стану за недостатком времени входить в разбор этой гипотезы. Скажу только, что она оставлена в настоящее время ботаниками, которые перешли к более близкой и более понятной гипотезе заноса растений деятельностью реки. Фаунисты тоже в настоящее время более склонны объяснять особенности фауны окской долины явлением заноса. Интересно, что река во время разлива несёт среди мусора большое количество насекомых и семян растений, и фаунистические данные, таким образом, находят реальное подтверждение.

Но затем является ещё целая категория южных форм, распространение которых не связано вовсе с течением Оки, как, напр., распр[остранение] *Copris lunaris*. Тут выступают на сцену наиболее сложные вопросы: как объяснить их распростра-

нение и, главное, можно ли в пределах нашей губернии установить фаунистические районы, хотя бы северные и южные. Этот вопрос находится в состоянии разработки и подводить итоги здесь рано. Скажу только, что удалось установить связь распространения некоторых южных форм с распространением дуба. Так, напр., *Osmoderma eremita*, которая ещё недавно считалась характерной только для подольского южного уезда, [неразб.] была найдена неожиданно в том уголке, которому мы свойственны были придавать северный характер — в окр. Николо-Пешнош[ского] монас[тыря] в Дмитр[овском] у. Но оказалось, что там есть дубы и весьма вероятно, что этим объясняется распространение этого вида. А.П. Золотарёв считает, что с распространением дуба связано распрос[транение] *Clytus arcuatus* и *detritus*, *Callidicum* [= *Phymatodes*] *alni*, *Hypulus quercinus*, *Rhopalopus clavipes*, *Rham*[неразб.] *bicolor* [не идентифицирован], *Calosoma inquisitor*. Но другие виды с дубом не связаны и выяснение их распространения потребует ещё большой работы.

***

Вы видите из изложенного, как много интересных вопросов родится при изучении фауны Московской губернии и как много работы требует ещё это изучение. Напомним только, что один из известных учёных проф. Мюнхенского университета Рихард Гертвиг [Richard Wilhelm Karl Theodor von Hertwig], сам не систематик и не фаунист, а анатом и эмбриолог, во вступительной речи на съезде германских натуралистов в Марбурге сказал, что его весьма радует, что в настоящее время в Германии окончился период предубеждения против фаунистических и систематических работ, которые прежде считались как бы менее научными, чем работы анатомо-эмбриологические. Гертвиг выразил радость по поводу того, что в Германии в настоящее время процветают фаунистические и систематические работы и процветают зоологические музеи.

Позвольте и мне в заключение высказать пожелание, чтобы трудами той учащейся молодёжи, которую я с удовольствием вижу в изобилии в этом зале, энергично двинулось вперёд изучение московской и вообще русской фауны.

П-26. ЧТО И КАК НАБЛЮДАТЬ[1]

Не первый год беседую я с читателями на страницах «Охотничьего вестника» о научных вопросах и понемногу беседы эти сказываются наиболее интересным для меня результатом: то там, то тут завязывается непосредственная связь, то путём переписки, то путём знакомства, между читателем и писателем, связь на почве общего интереса к природе. Правда, пока эти непосредственные отклики читателя-охотника на статьи писателя-натуралиста представляют собой редкое явление, но они есть и будем думать и ждать, что их станет больше…

Обычная тема получаемых мною писем такова: что делать мне, охотнику, интересующемуся природой, чтобы принести пользу русской науке? Очевидно, ответ на такой вопрос не ясен даже для некоторых из тех, которые заслуживают название «охотников-натуралистов» и которые представляют собою наименее многочисленную группу среди общей массы охотников.

Я отличаю три главных типа охотников: промышленник, спортсмен и натуралист. Промышленная охота настолько естественна и понятна в своих задачах, что останавливаться на ней здесь нечего, да притом она и не имеет прямого отношения к затронутому вопросу. Конечно, с других точек зрения о промысловой охоте можно сказать многое.

Охота спортсменская — вполне самостоятельный и имеющий полное право на существование тип охоты. «Не-охотники» чаще всего нападают именно на эту охоту, именно её окрестили совершенно неподходящим названием «злая забава», предавая её уже одним этим названием несомненному осуждению. Я лично охотник-спортсмен, люблю охоту, занимаюсь ею с юношеских лет *прежде всего как спортом*, нахожу, что охота как спорт сама в себе находит себе полное оправдание и не нуждается ни в каких побочных или прикладных целях для признания законности своего существования. Охотники, конечно, не станут спорить против справедливости этих положений, а потому перехожу к третьему типу охоты — к охоте научной.

Между охотой спортивной и охотой научной существуют многочисленные постепенные переходы. Можно с уверенностью сказать, что всякий *наблюдательный* охотник уже вносит в охоту элемент научности, ибо наблюдать животное значит уже относиться к нему до известной степени научно. Действительно, ведь наблюдение — источник научного познания и развитие в себе наблюдательности есть первый шаг по выработке из себя научного работника.

Вот именно о наблюдательности и о том, что и как наблюдать, я и хочу сказать несколько слов.

Наблюдать — очень интересно, но и очень трудно. Чтобы хорошо наблюдать, необходимо много условий, и прежде всего необходимо иметь известные природные качества. Есть люди безнадёжно ненаблюдательные по самой натуре своей и им трудно, пожалуй, даже невозможно, сделаться настоящими натуралистами. Такие от природы ненаблюдательные люди часто обладают очень плохим зрением или имеют такой склад ума, что природа их вовсе не интересует.

Но есть люди бесспорно одарённые от природы способностью наблюдать, но не умеющие взяться за это дело, не понимающие, что и как надо наблюдать. Для них эти строки могут иметь некоторое значение.

Бесконечно разнообразна и богата природа, но если вы посмотрите на списки книг и статей, посвящённых её описанию, то невольно воскликнете: да неужели же не всё ещё изучено, не всё ещё описано в этой подавляющей массе научной литературы? Действительно, обилие книг и статей, появляющихся в области естествознания, может смутить новичка. Возьмём для примера не всю естественноисторическую литературу, а только часть её, литературу зоологическую. Издаётся прекрасный библиографический указатель (Bibliographia Zoologica), выходящий непрерывно выпусками, которые в течение года образуют том толщиною в страниц пятьсот убористой печати. Это только *заглавия* книг и статей зоологического содержания, появившихся за год.

Наблюдатель-любитель может быть совершенно обескуражен таким подавляющим обилием зооло-

[1] **Ред.** Текст написан в конце 1900-х или начале 1910-х гг., но статья не закончена и опубликована, видимо, не была. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 26.

Что и как наблюдать?

Не первый год беседуя с читателями на страницах „Охотничьего Вестника" о научных вопросах и почтовую беседу эти скрашивают наиболее интересный для меня результат: то там, то тут завязывается непосредственная связь, то путем переписки, то путем личного знакомства, между читателем и писателем, связь на почве общего интереса к природе. Правда, пока эти непосредственные отклики читателя-охотника на статьи писателя-натуралиста представляют отрадное явление, но они есть и будем думать и ждать, что их станет больше....

Обычно тема получается такова: что дать мне, охотнику, интересующемуся природой, чтобы применить ее для русской науки? Конечно, ответ на такой вопрос не ясен даже для некоторых из тех, которые фамилируют названием „охотников-натуралистов" и которые представляют собою наименее многочисленную группу среди общей массы охотников.

Я отмечаю три главных типа охотников: промышленника, спортсмена и натуралиста.

гической литературы. Он может подумать: что же остаётся делать мне, мало подготовленному, не обладающему ни достаточными знаниями, ни библиотекой, что остаётся делать мне среди этой громадной научной работы. Но это чувство изумления перед богатством научной зоологической литературы сильно изменится после критического рассмотрения зоологической библиографии. Англичане издают весьма хороший библиографический указатель «Zoological Record», где все работы подробно классифицированы по категориям и где нетрудно разобраться в том, что сделано и что ещё не сделано.

Возьмём для примера английский «Зоологический указатель» за 1906 год. В нём 1300 страниц, а не 500, как в немецком, так как кроме заглавий статей библиография разработана весьма подробно по предметам: вы можете справиться не только о том, что напечатано об известной группе животных, но и о каждом отдельном виде. Из 1300 страниц на долю птиц приходится 104, а на долю млекопитающих всего 83 страницы. Если же мы поинтересуемся, сколько из приведённого на этих страницах материала касается фауны России, то окажется, что по птицам на всю Российскую Империю приходится 12 статей, а по млекопитающим 15 статей, причём здесь считаны и мелкие статьи в охотничьих журналах[2]. Принимая во внимание громадность пространства Российской Империи и её необследованность, мы должны признать, что такое количество появившихся за год фаунистических работ и статей ничтожно мало. Необследованность фауны млекопитающих нашего отечества достаточно ярко обрисована в статье К.А. Сатунина, напечатанной в первом выпуске «Охотничьей энциклопедии» (приложение к журналу за 1908 год)[3] и потому я не буду распространяться на эту тему, предполагая, что всякий интересующийся русской фауной человек будет иметь в руках эту статью.

Относительно птиц мы имеем больше, но всё-таки даже в Московской губернии можно делать интересные открытия, а на пространствах России имеются районы с целое немецкое княжество или королевство величиной, откуда нет никаких фаунистических данных.

Взявши книгу В.И. Грацианова «Опыт обзора рыб Российской Империи», легко увидать, как много малоизвестных видов, которые были найдены в водах далёких окраин давно-давно, не были подробно изучены, и с тех пор не были находимы, а относительно подробности распространения и изменчивости даже обычных видов по всему пространству Империи нет ещё достаточных данных.

Почему не исследована русская фауна? Прежде всего потому, что многие и не подозревают, что она ещё нуждается в исследовании. А затем многим неясно, что надо развить в себе умение наблюдать, чтобы благие намерения изучать природу к чему-либо привели.

Обыкновенная спортивная охота является превосходным средством развития наблюдательности, но, конечно, если речь идёт об *охотнике* в полном смысле этого слова, а не о стрелке только. К сожалению, у нас не принято отличать эти два понятия, и среди интеллигентных охотников есть немало таких, которые слывут хорошими «охотниками», хотя в сущности они вовсе не охотники, а просто стрелки. Настоящим охотником мы должны называть только такого, который может, приехав даже в совершенно незнакомую ему местность, хорошо ориентироваться в ней, отыскать охотничьи угодья, отыскать и добыть в них дичь без помощи профессионального «егеря». В своей природной местности такой охотник должен на основании личных наблюдений знать места вывода птицы и зверя, знать условия пролёта и иные биологические особенности местности, где приходится охотиться.

А часто бывает вот что. «Егерь» с весны выходит все места, заметит выводки, выследит их, дождётся, когда молодые достаточно подрастут, а потом зовёт своего «барина», ведёт его куда нужно, собака выгоняет, а «барин» — бьёт. Ружьё хорошее, практика стрельбы большая, дичи убито много — значит, хороший охотник. А быть может это даже вовсе не охотник, только хороший стрелок. Спросите вы такого стрелка, как отыскать, как выследить жизнь, как понять жизнь данного леса или болота, и он станет в тупик.

На охоте по зверю личная опытность интеллигентного охотника часто играет ещё меньше роли. Опытные «егеря», часто настоящие «профессора» своего дела, изучат лес, выследят зверя, обойдут его, выберут хорошее место для «номеров» — становись и стреляй. И часто слова «опытный охотник» надо понимать так: умеющий, стоя на номере, попасть в зверя.

---

[2] Конечно, в «Zoological Record» попадают лишь те из статей, которые носят серьёзный научный характер, а не случайные или слишком дилетантские заметки.

[3] **Ред.** Имеется в виду статья К.А. Сатунина «Географическое распространение млекопитающих Российской империи» (Москва, 1908).

Богатые охотничьи общества, имеющие на службе опытных обкладчиков, егерей и дрессированных собак, способствуют выработке типа охотника-«белоручки», который всё личное участие в охоте сводит к выстрелу. Английские лорды сумели даже сгладить разницу между охотой и собакой: «барин» идёт по парку в изящном костюмчике с великолепным ружьём в руках, перед ним стаями вылетают куропатки и граусы, падая под меткими выстрелами, а сзади слуги заряжают ружья и считают подобранных жертв.

Чтобы стать охотником-натуралистом, надо прежде всего быть охотником-спортсменом в истинном смысле этого слова, а не только хорошим стрелком. Эта истина совершенно чужда. Пусть охотник изучит каждый уголок окружающих его лесов и болот, пусть он путём личного наблюдения и изучения литературы научится различать типы болот и научится понимать, как характер болота отражается на его фауне и т. п. Надо затем подробно изучить образ жизни местной дичи, как зимующей, так и прилётной. Необходимо завести себе дневник и подробно записывать туда все данные. Вот вопросы, которые может поставить себе охотник, желающий стать наблюдателем:

1) Какие виды дичи живут круглый год в данной местности, какие прилетают весной и улетают осенью, какие попадаются только на пролёте. Уже на эти три вопроса, соединённые мною в один большой вопрос, можно ответить только после нескольких лет тщательных наблюдений, если только под словом *дичь* разуметь всю водяную и болотную птицу.

Можно ли ответить на эти вопросы, не собравши полной коллекции местной дичи? Нельзя. Значит, надо выучиться собирать коллекции, делать шкурки. Учиться набивать чучела я *не советую*: для натуралиста это даром потраченное время. […]

П-27. ЗНАЧЕНИЕ ЭТИКЕТКИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СРАВНИТЕЛЬНО-АНАТОМИЧЕСКИХ, ГИСТОЛОГИЧЕСКИХ И ЭМБРИОЛОГИЧЕСКИХ[1]

По заглавию, дело идёт как будто о какой-то мелкой частности — об этикетке, а между тем по существу вопрос касается самого общего — общих задач и направлений биологической работы нашего времени.

Этикетка — с одной стороны это кусочек бумажки, с другой стороны это то, что делает вещь из ненаучного объекта, из просто вещи, иногда совершенно ненужной, научным объектом, иногда высокой, незаменимой ценности. Систематики и зоогеографы уже достаточно привыкли к тому, что животные не[неразб.] указано от того, где, когда, кем и при каких обстоятельствах оно добыто, не является научным объектом.

Мне кажется, здесь в собрании фаунистов и флористов нет надобности развивать мысль о том, насколько всесторонне и всеобъемлюще значение этикетки для систематика и фауниста. Но значение это является не во всех отношениях общепризнанным даже по отнош[ению] к материалу систематическому и фаунистическому. Есть одна пометка, которая далеко не всегда присутствует на материалах коллекций, а также и в сочинениях по систематике. Это пометка относительно ПОЛА данного экземпляра.

Есть объекты, где вследствие чёткого диморфизма наружных покровов пометка эта является обязательной, — это шкурки птиц. Но гораздо реже мы видим такие пометки на шкурках млекопитающих. Даже в хороших коллекциях нередко, когда шкура мелких грызунов и хищников без пометки, а когда дело доходит до черепного или скелетного материала, то тут пометка эта является ещё более редкой. Я говорю это на основании обширных знакомств с коллек[циями] многих музеев в разных странах.

Таким образом, там, где половой диморфизм не бросается в глаза, т. е., следовательно, там, где его было бы интереснее всего подмечать, там он является недоступным исследователю. А там, где вообще этот диморфизм мало обращает на себя внимание, напр., у рептилий и рыб, там совсем не принято обозначать пол на этикетках. Положим, можно сказать, что у этих животных обычно сохраняется вся тушка, но ведь пролежавши много лет, она иной раз не даст нам ответа на интересующий нас вопрос.

О значении изуч[ения] полов[ого] димор[физма] я буду говорить далее, а теперь перехожу к [неразб.].

Когда я просматриваю множество работ по сравнит[ельной] анатомии, гистологии и эмбриологии, то я в весьма многих случаях задаю себе вопрос: знали ли авторы, над каким животным они работали? И нередко прихожу к выводу: нет, они этого не знали.

Всякий работающий по систематике, конечно, отлично понимает разницу между определ[ением] предварительным, определ[ением] приблизительным и определ[ением] вполне точным, строго научным. Всякий знает, что для того, чтобы сделать совершенно точное научное определение даже самого обыкновенного объекта, надо произвести иной раз весьма трудную и серьёзную работу.

Вряд ли я найду лучший пример этому, как вопрос о том, какие зайцы водятся в средней России вообще и в Моск[овской] губ. в частности. [неразб.] *Lepus europaeus* Pallas не есть наш моск[овский] русак. *Lepus europaeus* [неразб.] из запад[ной] Польши [неразб.] в Герм[ании] [неразб.] *Lepus aquilonius* Blasius [описан из центральной России]. А что такое моск[овский] беляк? Огнёв до сих пор не решил, не имея сравнит[ельного] матер[иала] из Западной Европы[2]. Я могу утверждать, что анатомы, гистологи или эмбриологи лишь в исключительных случаях обращаются к [неразб.] специалисту с просьбой точно определить свой материал. Нередко же определяющим является [неразб.] зоологической станции.

---

[1] **Ред.** Публичный доклад, прочитанный 14 декабря 1912 г. на заседании Постоянной биогеографической комиссии РГО. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 93.

[2] **Ред.** Очевидно, имеется в виду подготовленная к публикации книга С.И. Огнёва «Млекопитающие Московской губернии», изданной в серии «Fauna Mosquensis» в 1913 г. (см. раздел 3.3).

14/XII. 12 Богородск I

Если бы 20 лет тому назад кто-нибудь сказал мне, что я буду писать об этикетке, я, от удивления, был бы велик. Но и теперь я только тому искренно рад, что мне выпал недолгий досуг.

Подавая здесь идею как будто о каком-то мелком факте об этикетке, я между тем по существу вопрос касаюсь самого обширного – обширных задач и направлений половины работы нашего времени.

Этикетка – с одной стороны это кусочек бумажки, с другой стороны это то, что должно бить в глаза покупателя, что прочтут везде, иногда наверное, иногда вскользь, иногда вовсе не прочтут. Систематики и географы уже достаточно шумно кричат о том, что этикетки имеют огромное значение для того дня, когда, каким образом обстоятельств они должны не являться покупателю.

Мне кажется здесь в собрании фабрикантов и заводчиков надо было бы сказать несколько слов о том, насколько это вопрос и всеобъемлющее учение этикетки для систематика и фабриканта.

Но значение это является далеко не во всех отношениях одинаковым для ботаника и материалу систематическому и фармацевтическому. Есть одна подробность, которая далеко не всегда принимается на материале коллекции, а также и в сочинениях по систематике. Это подробность относительно пола данного растения.

Но спрашивается, зачем же нужно такое точное научное определение материала [неразб.] для анатомич[еских] работ? А вот зачем.

Мы не имеем никакого основания утверждать, что внутренние органы двух близких видов, даже более того, двух подвидов или даже двух морф тождественны между собою. Относит[ельно] западного и русского русаков оказывается, например, что они отлич[аются] некоторыми трудно [неразб.] окраски и относитель[ными] размерами ступни. Кто сравнивал их внутренние органы? Никто. И никто не может поручиться, что в форме желчного пузыря или в длине желчного протока или в форме почечных лоханок двух соседних видов мы найдём лучшие признаки для их разли[чения], чем в подробн[остях] строения черепа или цвета шерсти.

Мы уже имеем яркие примеры целых групп, где признаки внутренней анатомии дают признаки для видов. Давно в этом отношении были знамениты Turbellaria, Trematodes и Cestodes, затем к ним присоединились Oligochaeta, наземные слизни, некоторые насекомые, у которых строение полового аппарата признано важным в систематическом отношении. Я лично могу сказать относительно рода *Apis*, что одним из лучших признаков к отлич[ению] *Apis mellifera* и *A.* [неразб.] яв[ляется] строение [салазки] жала.

[Неразб.], что видов[ые] отл[ичия] внутр[еннего] строения значительны, где мы об них думаем, то окаже[тся], что ошибки в определении анатом[ических] матер[иалов] становятся всё более и более опасными. Но о каких ошибках может быть речь у анатомов, гистологов и эмбриологов? Не только самых тонких, но даже и грубых.

Недавно я был оппонентом на [неразб.] диссерт[ации]. Мне осталось неясным, уверен ли автор, что у него были яйца одного вида лягушки — или 2 или 3-х, которые он считал за один. А между тем, развитие двух соседних видов вовсе не обязано быть тождественным. Мы имеем замечат[ельный] пример, что даже у одного и того же вида у разных рас *Palaeomonetes* начальное развитие идёт иначе при разных условиях жизни в морях и озёрах. Мы знаем, что не [неразб.] идёт развитие *Gammarus poecilurius* и *G. pulex*.

Можно было бы привести и другие примеры, но я отмечу здесь, что [немало] анатомов и эмбриологов иногда не считают даже вовсе нужным знать видовое определение изучаемой формы. И мы видим в научных работах такие выражения [как] стадии развития *Triton*, *Bufo*, *Buteo* без видовых названий. Точно так же в анатом[ических] рисунках мы видим иной раз такие подписи: [неразб.] железы *Culex*, яичники *Vespa* и т. п. Я лично считаю при известных условиях такую подпись «безымянной». Я считаю, что если рисунок не схематический, если он даёт не *план* строения органа, в отличие от другого плана, а реальную и натура[льную] взятую картину, то нельзя писать одно родовое название. Не должно существовать [неразб.] слюнной железы *Vespa*, особоенно если это гистология. А именно в гистологич[еских] работах мы скорее всего встретим такие обозначения: «Клетки из слюнной железы *Vespa*», «Ядро из такой-то клетки *Chironomus*». Такие подписи под рисунками есть в спец[иальных] работах. Мне кажется, что научному исследованию требуется такая подпись: «Вид клеток слюнной железы рабочей особи *Vespa* [*Dolichovespula*] *saxonica*, взятой из гнезда 5 июля 1912 года в 9 час. утра и просидевшей в коробочке до 4 час. дня, после чего она была вскрыта и законсервирована в воде с примесью 0,75 % соли и обработана в течение стольких-то минут или часов такой-то жидкостью» и т. п.[3]

Итак, мы можем отметить прежде всего недостаточность видовых определений у всякого анатоми[ческого], гистологи[ческого] и эмбриол[огического] материала. Таким образом, часто эта [неразб.] объекта не удовлетворяет первому требованию — мы не знаем и не можем узнать, какое это было животное, т. к. в [неразб.] признаки, по которым можно бы его вновь определить, уже нет.

Затем я считаю необходимым отметить, что как только животное превращается в анатомический препарат, то целый ряд данных обязательны в систематике. Этикетка перестаёт быть для него ненужной. Пойдите вы по любому сравнительно-анатом[ическому] музею и посмотрите на надписи на препаратах. Приятно смотреть, что виды определены точно, в чём всегда большое событие. Но что же мы читаем на этикетках? Почка *Mus decumanus* [= *Rattus norvegicus*], лёгкие *Mus musculus*, кишечник из *Gallus bankiva* [= *gallus*], желудок *Canis lupus*, сердце *Cygnus mucius* [= *cygnus*], скелет *Lacerta agilis* и т. д. Самцу или самке, молодому или взрос-

[3] **Ред.** В настоящее время в публикациях такого рода описания исследованного материала принято приводить не в подписях, а в разделе «Материал и методы исследования»; вдобавок требуется указывать место хранения препарата или исходного экземпляра. Если такого описания и указания нет, публикация не считается отвечающей принятым научным стандартам.

лому принадлежали данные органы или скелеты? В громадном числе случаев в лучших музеях всех стран мы таких сведений не имеем ни на препаратах внутренних органов, ни на препаратах скелетов.

Я уже говорил, что половой диморфизм наименее изучают там, где он не бросается в глаза. Постепенно из устаревшего представления, что половой диморфизм есть одно из проявлений полового отбора, представления, которое выработалось благодаря тому, что изучали только немногие весьма бросающиеся в глаза признаки, переходили к представлению, что половой диморфизм есть одно из проявлений общего закона изменчивости живого вещества, закона, в силу которого мужская протоплазма и женская протоплазма одного и того же вида суть вещества различные, а раз это так, то и продукты этой протоплазмы, все клетки, все ткани, все органы организма мужского и женского не тождественны между собой. Половой диморфизм проходит через весь организм, начиная от внешнего вида, от *habitus*, и кончая составом хроматина. Сходство некоторых частей самца и самки есть только [нем., неразб.] сходство, результат [неразб.] наблюдений или слабого развития нашей наблюдательной способности. Я утверждаю, что при полном совершении наблюдений мы должны будем уметь отличить разрез через стенку лёгкого самца лягушки от разреза через стенку лёгкого самки того же вида.

Но какой громадный материал для решения этого вопроса пропадает вследствие безэтикеточного анатомич[еского] материала. Если бы во всех музеях и лабораториях мира все скелеты, отдельные кости черепа, спиртовые препараты и разрезы через ткани и органы были точно этикетированы относительно пола, мы получили бы сразу громадный материал для изучения. Я просматривал некоторые классические сравнительно-анатом[ические] монографии. В немногих случаях есть данные о поле. […]

Но ведь кроме данных относительно пола, всякий анатомич[еский] и гистолог[ический] материал мог бы быть изучаем с точки зрения изменчивости иного рода. […] материала, над которым работает природа, но иной раз забываем самое важное — забываем записать, в какой момент опыта и при какой обстановке мы его прервали нашим вмешательством, и забывши это записать, забывши снабдить материал точной этикеткой, мы пытаемся потом на нём разгадать те загадки, которые нам загадала природа. Я полагаю, что в этой безэтикеточной анат[омии], гистол[огии] и эмбрио[логии] кроется глубокая методологическая ошибка, последствия которой мы далеко ещё не учитываем.

Интересно, что в некоторых специальных учреждениях, куда приезжают работать специально на свежем материале, [неразб.] учреждение и его администраторы как раз стараются устранить самого исследователя от весьма важного момента работы — от собирания материала. На некоторых зоологических станциях доставка материала обставлена так, что обычно рыбаки доставляют этот материал прямо на стол. [неразб.] Пришёл — и готово. Кто-то упорно [неразб.] где-то побывал и что-то поймал. Это что-то бросили в реактив и изучают, иной раз и не ведая то обстоя[неразб.] если автор № 2, углубившись в созерца[ние] некоторых [неразб.], находит, что автор № 1 описал их совершенно неточно, и вносит в описание ряд поправок.

Я жадно ищу во всех анатоми[ческих], гистологи[ческих] и эмбриол[огических] работах подробные экологи[ческие] данные относительно материала, жадно ищу и довольно редко нахожу. Но когда нахожу, я вижу, как эти данные интересны. Вот, например, Specimen [неразб.], а вот [неразб.]. Оба примера взяты из Arch. f. Entwick. mechan. [= Archiv für Entwicklungsmechanik der Organismen]. Оно и понятно. Разви[итие] [неразб.] эксперим[ентального] направления [неразб.] безэтикеточного материала стало недопустимым. Никакой опыт невозможен без этикетки. Точность этикетки [неразб.] есть точность самого опыта.

И вот я утверждаю, что во многих морфологических работах авторы забыли, что вся жизнь природы есть сплошной непрерывный эксперимент, начавшийся вместе с началом жизни на Земле и который кончится вместе с этой жизнью. Мы подходим к этой грандиозной лаборатории природы, выхватываем из неё обрывок [неразб.] в котром жило и развивалось то, что мы изучаем. Иные [неразб.]

***

Я отмечу следующее. Необходимо на всех анатоми[ческих] [неразб.] и эмбр[иологических] преп[аратах] указывать место, где поймано животное и когда оно поймано. […] при всяком матер[иале] при всяком [неразб.] заносить на этикетке буквально всё, что может сказать об объекте, то получилось бы гораздо более богатая картина биологического исследования. И мне хотелось бы обратить внимание на эту мысль [неразб.] роль этикетки.

Когда бы фаунист или зоолог сделал работу на безэтикеточном матер[иале], мы сказали бы — ваши

выводы ненаучны, т. к. ваш материал безэтикеточный. Если же анатом, гисто[лог] или эмбр[иолог] работает на безэт[икеточном] мат[ериале], мы обычно проходим это молча. Мы бы хот[ели] и в этом слу[чае] сказать: ваш вывод недостаточно научный, т. к. у вас безэт[икеточный] материал.

Каждый анатомич[еский] препарат есть в то же время фаунистич[еский] материал, при условии, если известно место нахождения и если известны признаки. Для некоторых анатомич[еских] препаратов это звучит парадоксально, а для некоторых весьма точно. Я, конечно, не говорю о тех препаратах [неразб.], которые представ[ляют] целых животных, очевидно, использование в целях систематики и фаунистики не может быть и речи. Но вот представьте себе ваш препарат ротовых придатков какого-либо насекомого. Если вы можете точно определить вид по этим придаткам, то этот препарат при наличности этикетки скорее всего служит фаунистическим материалом. Черепа млекопитающих, скелеты птиц, крылья [неразб.], жало пчелы. При полном совершен[…] изучен по частям можно узнать вид. Волосы видовые признаки.

Таким образом [неразб.] Изменчивость [неразб.] 1) молодость и старость: клетки мозга пчелы, клетки жирового тела пчелы, оперение, волосы, кости, все ткани и органы; 2) время года: шерсть летом и зимой, кожа летом и зимой, то же слизистые железы, [неразб.] железы, половые железы в разное время года, вторичные половые признаки в разное время года, кишечник во время зимней спячки и голодовки или летом. Гистология сезонная — громадное поле деятельности. Лягву берут зимой из садка или летом. Важны все условия жизни животного [неразб.] Все обстоятельства, при которых взят материал для того, чтобы судить о его научном значении. И это значение не есть ли безэтикеточность гистологич[еского] и анатомич[еского] материала? Одна из причин тех разногласий, которые получаются у разных исследователей. […][4]

[4] **Ред.** Далее следуют полторы страницы с трудом читаемой скорописи, где речь идёт о важности указания условий сбора и последущего содержания морских беспозвоночных.

П-28. НОВОЕ ТЕЧЕНИЕ В ЗООПСИХОЛОГИИ
(Думающие животные)[1]

Зоопсихология, т. е. учение о душевной жизни животных, занимает несомненно довольно своеобразное место в ряду других биологических знаний. Тогда как в других областях существуют довольно определённые понятия в задачах и методах данной области исследования и о тех границах, до которых исследование может простираться, относительно зоопсихологии приходится отметить удивительную неустойчивость самых основных понятий, вплоть о самой науке «зоопсихологии».

Действительно, с одной стороны, доктор зоологии В.А. Вагнер, много работавший в этой области, выпускает в текущем году второй том своего обширного труда «Биологические основания сравнительной психологии» (том II «Инстинкт и разум»), а с другой стороны прив.-доц. военно-медицинской академии д-р медицины Г.П. Зелёный в октябрьском номере журнала «Природа» в статье «Психические реакции животных, как объект естествознания» пишет следующее: «…некоторые учёные отрицают даже возможность существования сравнительной психологии как науки. Оставляя этот вопрос открытым, нельзя не признать, что до сих пор, несомненно, *сравнительной психологии, как науки, не существует*».

Вряд ли относительно какой-либо другой отрасли вы можете найти, с одной стороны, сомнение в самом существовании этой отрасли, а с другой стороны — труды, ей посвящённые.

Недоразумения в области зоопсихологии происходят в значительной степени от того, что разные авторы различно понимают термины «психология» и «психический». Некоторые применяют термин «психический» к области физиологии. Не существует единообразия в толковании некоторых основных понятий сравнительной психологии. Так, например, многие психологи и биологи разумеют под именем «рефлексов» только такие реакции нервной системы, которые происходят без участия сознания, бессознательно, непроизвольно, а физиологи-неврологи называют рефлексом всякую передачу возбуждения с центростремительного пути на центробежный.

Для физиолога-невролога, по мнению Г.П. Зелёного, всяка инстинктивная реакция есть реакция рефлекторная. А что касается самого понятия об инстинктах, то оно является у разных авторов весьма различным и в достаточной мере неопределённым, хотя несомненно, что В.А. Вагнер в своём упомянутом выше труде внёс весьма много в окончательное выяснение этого вопроса.

Когда возникает вопрос о сознательной деятельности животных, то мы сталкиваемся с наибольшими недоразумениями и трудностями, и причиной является следующее непреодолимое препятствие в исследовании. Судить о сознании мы можем только путём самонаблюдения. Только собственный психический мир является предметом непосредственного наблюдения для исследователя в области психологии. О сознательной деятельности не только животных, но даже другого человека исследователь может судить только на основании аналогии со своим собственным душевным миром. Сделать душевный мир другого человека предметом непосредственного научного наблюдения и исследования нельзя. Но если мы можем проводить аналогию между своими психическими процессами и таковыми же у других людей, то дело сильно меняется, когда вопрос коснётся сознательной деятельности высших животных — обезьян, собак, лошадей, не говоря уже о низших. Тут мы теряем почву для строго научного исследования и вступаем в область догадок. И разочаровавшись в наличности бесспорных объективных данных относительно сознательной деятельности у животных, некоторые психологи совершенно отрицают у них подобную деятельность.

Вопрос о душе и уме животных переживал весьма различные стадии как в области учёной, так и в области популярной литературы и общераспространённых мнений. Небезынтересно отметить, что в одном весьма старинном литературном источнике, в книге Экклезиаста, относимой библейской критикой к четвёртому веку до Р. Х., мы находим мысль о полном сходстве души человека и души животных (глава IX). Этот оригинальный для церковной книги взгляд надо приписать тому духу скептицизма, быть может, — отголоску учений эллинских скептиков,

---

[1] **Ред.** Газета «Утро России» 1913 г. № 283, 284. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136.

которым проникнута вся книга Экклезиаста. Взгляд этот находится в прямом противоречии со взглядом Аристотеля, который учит, что есть целая пропасть между душой человека и душой животных, хотя всё-таки признавал существование у них души. Однако он не признавал за животными способности разумно мыслить.

Взгляд Аристотеля на то, что человек существо разумное, а животные существа неразумные, перешёл в христианское учение и в христианскую философию, а в XVII в. Декарт пошёл ещё дальше в отрицательном отношении к уму животных, сравнивая их с машинами. Я не имею никакой возможности, за недостатком места, дать хотя бы подобие исторического очерка различных взглядов на психику животных, но скажу только, что в XVIII и XIX веках многие исследователи не последовали взгляду Декарта на машинообразность действий животных, стараясь, наоборот, подметить у них различные проявления сознательной деятельности, сравнимой с таковой же деятельностью человека. Учение Дарвина, стремившееся уничтожить пропасть между животными и человеком, содействовало развитию того направления в зоопсихологии, когда старались находить у животных проявления человеческого ума, человеческой психики. Последователь Дарвина Ромэнс [George-John Romanes] в своей известной книге «Ум животных» собрал в этом направлении довольно богатый материал который, между прочим, подвергся строгой критике со стороны В.А. Вагнера признавшего этот материал в значительной степени плодом субъективного метода в зоопсихологии и даже отчасти анекдотическим.

Во второй половине XIX века в области изучения психики животных начало вырабатываться течение, представители которого стремились опытным путём изучать реакции животных на определённые раздражения, изучать так называемые «тропизмы» (работы Лёба, Бете и др.). Это направление, конечно, вело, если можно так выразиться, к развенчанию умственных способностей у животных. Рефлекторные действия становились на место прежних инстинктивных, инстинктивные на место разумных и в конечном результате у большинства авторов явилось вполне определённое отрицательное отношение к существованию сознательной, разумной деятельности у животных.

Возьму два примера. В 1908 году психолог проф. Г[еоргий] И[ванович] Челпанов пишет в «Вопросах философии и психологии» в статье «Ум животных»: «У животных нет отвлечённых родовых понятий, следовательно у них нет разумного мышления». А в 1913 году зоолог В.А. Вагнер пишет: «Я считаю возможным категорически отрицать способность животных, на какой бы ступени классификации они ни стояли, к высшим умственным актам».

Описавши затем неудачные попытки Лёббока обучить собак счёту и диктовке, В.А. Вагнер подобно И. Челпанову скептически относится к знаменитой лошади «Умному Гансу», который много заставил о себе говорить в самом начале нашего столетия.

«Умный Ганс» был рысак русского происхождения, принадлежавший фон Остену [W. von Osten] в Берлине. Заинтересовавшись проявлением ума у лошадей, фон Остен начал в 1901 году учить «Ганса» понятию о числе (путём наглядного обучения на кеглях), довёл его до способности решать задачи, причём ответы выстукивались копытом по доске, и, наконец, выучил лошадь диктовать слова и даже целые фразы тоже путём выстукивания букв по особой таблице[2]. Удивительные способности лошади скоро стали предметом всеобщего внимания и удивления, раздались голоса, что это обман, и так как вопрос Остена имел весьма серьёзное научное значение, то в сентябре 1904 г. была организована для исследования этого вопроса особая комиссия, в состав которой вошли профессора психологии и физиологии Берлинского университета, директор зоологического сада, директор цирка, ветеринарные врачи и кавалерийские офицеры. Комиссия прочно установила, что никакого обмана в этом деле нет, но не дала объяснения удивительным явлениям.

Немного времени спустя ученик Берлинской психологической лаборатории в Берлине Оскар Пфунгст [Oskar Pfungst] предпринял обстоятельное исследование способностей «Умного Ганса» и пришёл к своеобразному выводу, что лицо, производящее опыты с лошадью, бессознательно подсказывает ей ответ еле заметными движениями головы и глаз. Объяснение Пфунгста давало определённое решение таинственной загадки и успокоило любопытство и волнение широких слоёв публики, но были люди, которые говорили, что способность лошади улавливать и определённым образом понимать подаваемые несознательно мелкие сигналы есть столь удивительная способность, что загадочность явления не ослабевает.

---

[2] Подробности относительно обучения «Ганса» и других лошадей, интересующиеся найдут в книге «Мыслящие животные» К. Кралля (русский перевод).

Фон Остен умер в 1909 году, 71 года от роду, но незадолго до его смерти дело изучения ума лошадей перешло к другому лицу, знаменитому ныне Карлу Краллю, ювелиру из Эльберфельда. Познакомившись с фон Остеномъ, Кралль вместе с ним работал над «Умным Гансом», причём они обставляли опыты так, что возможность подсказывания, хотя бы и невольного, исключалась (полная темнота, наглазники). Заинтересовавшись вопросом о способностях животных, Кралль купил двух жеребцов «Мухамеда» и «Царифа» и начал их обучение по способу фон Остена. Результаты получились поистине поразительные: лошади обнаружили удивительную способность к счёту, причём к концу 1908 года дошли до возведения в степень и извлечения корня. В феврале 1909 года началось обучение азбуке. Буквы расположены в таблице, разделённой на клетки, и лошадь, желая показать букву, выстукивает числовое обозначение той клетки таблицы, где находится буква. В 1912 году вышла в свет сенсационная книга Karl Krall «Denkende Tiere», переведённая и на русский язык. То, что в ней сообщается о способности лошадей к счёту, совершенно не согласуется ни с научными, ни с ходячими представлениями об уме животных. Действительно, когда читаешь, что лошадь решает задачи вроде такой $\frac{(3\times 4)+\sqrt{36}}{3}$, или извлекает корень третьей и даже четвёртой степени из многозначного числа, или выстукивает собственные мысли вроде того: «устала, стойло, есть овёс», то невольно вспоминаешь слова одного учёного, сказавшего, что первое впечатление, после прочтения этой книги таково: «Всё это выдумка, никаких таких лошадей не существует»…

Возле вопроса, конечно, возникла большая главным образом немецкая литература. Явились «верующие» и «неверующие». К числу последних принадлежат главным образом люди, которые сами не видали опытов с лошадьми Кралля. Так среди зоологов, подписавших на монакском конгрессе этого года протест против ненаучности и недостоверности сообщаемых данных, кажется, только один видел лично то, о чём идёт речь. Во время моей недавней заграничной поездки мне пришлось видеть нескольких известных зоологов, которые относятся вполне скептически ко всему вопросу «думающих» животных, но при этом сами их не видали.

Назначались неоднократно комиссии для проверки опытов Кралля, отдельные учёные печатали свои отзывы о них, и в настоящее время не только в общедоступной, но и в специальной научной литературе имеется вполне определённое мнение, представителями которого являются Клапаред [Édouard Claparède], Циглер [H. Ziegler], Плате и другие, что никакого обмана и фокуса тут нет, а что можно говорить или о невольном подсказывании, или действительно о проявлении у животных скрытых способностей, которым не было случая проявиться. Обстановка некоторых опытов была такова, что подсказывание исключается: животные «работали» и в отсутствие хозяина, и даже совершенно одни, причём за ними наблюдали в щель, сделанную в двери, а задачи были написаны мелом на доске. Если мы остановимся на объяснении, что животные действительно соображают и понимают счёт и диктовку сказанного, или даже сами диктуют некоторые свои мысли, то мы стоим перед великим научным открытием в области биологии, которое открывает нам самые широкие и неожиданные перспективы.

Глубокий интерес вопроса об уме животных побудил меня во время последней заграничной командировки в Берн на международную конференцию по охране природы заехать специально в Эльберфельд, получивши предварительно любезное согласие Кралля. Так как производившиеся прежде опыты в достаточном количестве имеются в указанной выше книге, то я познакомлю читателей только с тем, что лично видел.

Карл Кралль, владелец крупной ювелирной фирмы в Эльберфельде, — человек, раньше не работавший ни по биологии, ни по психологии. Ещё довольно молодой, оживлённый, весь проникнутый энтузиазмом к своей работе, он производит весьма благоприятное впечатление. Нельзя не отдать ему должного за ту массу труда, который он вложил в это дело. Пятнадцать толстых переплетённых тетрадей протоколов содержать в себе записи всех произведённых над лошадьми опытов. Вопросы о сознательном обмане совершенно исключён. Но то увлечение, с которым Кралль показывает свои опыты, то страстное желание, чтобы опыт удался, дают почву для гипотез о бессознательном подсказывании, и о внушении, т. е. передаче мыслей (была и такая гипотеза…).

Когда я был в Эльберфельде, знаменитый «Цариф» уже выбыл из строя. Его даже нет более в конюшне Кралля, он где-то на покое. Его не менее знаменитый товарищ «Мухамед» был совершенно «не в порядке» и работал весьма плохо. Увидавши эту работу, я пришёл к выводу, что уже этого одного достаточно, чтобы совершенно отвергнуть

гипотезу о дрессировке и повиновении лошадей каким-либо сигналам. Если бы кто-либо решился вывести в цирке перед публикой животных с такой дрессировкой, он быль бы освистан и должен был бы прекратить свои представления. Именно автоматизма и безошибочности, столь характерных для дрессировки, нет в действиях лошадей.

Опыты производятся в небольшом помещении, рядом с тесной конюшней, где живут «знаменитости». Глядя на эту конюшню, невольно думаешь, как обидно должно быть лошадям, если они действительно понимают и чувствуют гораздо больше, чем нам это кажется, жить в такой унизительной обстановке…

Рабочее помещение почти всё занято небольшим залом с высоким барьером. У стены рядом с газоном сделана высокая скамья для посетителей. У другой стены расположены «учебные пособия»: доска для писания мелом, картонки с цифрами, таблицы с азбукой, несколько картин. Внутри загона стоит небольшой передвижной помост, по которому лошади стучат свои ответы. Лошадей вводит конюх, который остается в помещении во время опытов.

Первым ввели знаменитого «Мухамеда». Это весьма красивый на вид гнедой жеребец арабских кровей. При первых же попытках решать самые простые задания, вроде «выстукивания» двухзначного числа или сложения двух двухзначных чисел, он делает такие ошибки, что его немедленно уводят. Хозяин заявляет, что уже по одному виду лошади, которая тревожно поводит ушами и фыркает, видно, что она не в духе и работать не будет. Кралль очень этим раздосадован. Затем вводят хорошенькую серую, как мышка, маленькую пони «Hänschen», потом слепую лошадь «Берто», потом опять «Мухамеда». После обеда выводят снова всех тех лошадей. Я буду говорить о каждой лошади в отдельности по совокупности всех их появлений.

Я уже сказал, что «Мухамед» совершенно не поддержал своей славы знаменитого счётчика. Это надо объяснять тем, что лошади портятся от постоянного утомления и раздражения, вызываемого однообразными сеансами, которые им, вероятно, вовсе не интересны. Возможно, что это просто известное нерасположение, которое скоро пройдёт. Даже в течение одного дня, утром и после обеда, «Мухамед» вёл себя далеко не одинаково. Что же он сделал? Написанное слово «тринадцать» он выстукал сначала ошибочно, потом верно. По приказу умножить это число на 2 верно выстукал 26. Выстукивание производится так: правой ногой лошадь стучит единицы, левой десятки. Ноль, равно как и знак отрицания, обозначаются движением головы сначала в одну, потом в другую сторону. Кралль пишет «Zero» (ноль) и «Мухамед» плавно качнул головой, как полагается. Он понимает и по-французски «Comptez le nombre dix» («Сосчитайте число десять»), — приказывает «папаша» (так зовёт себя Кралль перед своими питомцами), и лошадь, давши знак «нуля», стукает левым копытом один раз. Правильно считается и 20 (приказ тоже по-французски). Правильно диктует «Lwof» (Львов — фамилия бывшего со мной одновременно посетителя), диктует «Mosgau» вместо «Moskau». Такие фонетические ошибки в писании произносимых слов весьма обычны у лошадей. Они различно понимают буквенный состав одного и того же слова, в разных случаях произносимого: так например, слово «Pferd» (лошадь) «Мухамед» в разное время «писал», т. е. выстукивал согласно таблитчатой азбуке, по крайней мере, на 19 различных манер, как то: bfert, fert, färd, frt, pfer, fed и т. п., но иногда и вполне правильно pferd. Это разнообразие в воспроизведении одного и того же служит одним из ясных доказательств, что тут нет дрессировки, сигналов. Интересно, что собаки и кошки, диктуя слова, делают подобные ошибки. Интересно также, что животные весьма часто опускают гласные, звук которых им слышится в составе согласной. Так, например, букву «s» и лошадь, и собака понимают, как «es», букву «n» как «en», почему по их «правописанию» слово «essen» будет вполне правильно «sn».

Таким образом, продиктованное лошадями или собаками, на первый взгляд кажется шифром, но разгадка этого шифра вполне правдоподобна и не внушает сомнений в подтасовке, так как в ошибках против «человеческого» правописания есть своего рода закономерность. После нескольких ошибок «Мухамед» выстукал корень четвёртой степени из 3418801 и из 234256. Подобные задачи возбуждают особое недоумение и самые сильные сомнения. Ниже я скажу, как смотрят на это те, которые признают, что тут нет ни обмана, ни подсказывания. Пробовали давать «Мухамеду» задачи с цифрами, написанными на картонках, но у него выходило весьма плохо. Вообще количество неудач так велико, что для «знаменитости» сеанс вышел совершенно скандальным. Неприятное впечатление производило то, что «Мухамеда» неоднократно били и сильно. Особенно странно было воспринимать, что лошадь бьют за то, что она не может извлечь корня…

Приходится привыкать к совершенно странным впечатлениям.

Оставались мы с князем Львовым с «Мухамедом» без хозяина и конюха. Несмотря на полный свой «непорядок», лошадь верно простучала написанные на доске 42, а затем по словесному приказу переставила цифры, простучавши 24. Затем сложила 42+3. Помножить эти числа не смогла.

Пони «Гансик» работала значительно лучше «Мухамеда». Выстукивала не только двузначные числа, но и такие, как 111111 и 121121, что очень трудно, так как полагается единицы стукать правой ногой, десятки левой, сотни правой, тысячи левой и т. д. Верно складывала 22+11+3, 19+6+19 после предварительных одной или двух ошибок, возводила в квадрат 8, 12 и 15 (сразу верно), множила 8×2 и т. п. Много задач не получали верного решения, в подробности чего я не имею возможности здесь входить.

Слепая лошадь «Берто» относительно считала, пожалуй, лучше всех. Задачи ей давали нетрудные, но делала она их чисто и с небольшим числом ошибок. Будучи слепым, «Берто» воспринимает задачи или по слуху, или по осязанию: Кралль пишет на коже пальцем цифры и знак сложения или умножения, лошадь стучит или по обычной системе (разными ногами единицы и десятки), или по упрощенной, выбивая подряд нужное число. 2+4, 9-2, 24, 2×12 решалось сразу верно. Хорошо выходил отсчёт числа с паузой, которой оно делилось на два слагаемых. Когда лошадь выстукала написанное на коже пальцем 2×4=8, Кралль приказывает: «matkire!» — «Берто» стучит 4, пауза, 4, и потом 7 пауза 1 и т. п. Возвела без ошибки в квадрат 5, 6, с одной ошибкой 7 и т. п. Извлекла корень второй степени из 36 после 2 ошибок: вот примеры, подобных которым накопились уже сотни в литературе. Профессорского Йенского университета, преемник по кафедре Геккеля, Плате [Ludwig Hermann Plate] только что напечатал в специальном журнале «Zoologischer Anzeiger» разбор 330 задач, подробно запротоколированных им лично у эльберфельдскихъ лошадей. Он делит их на три категории, причём лёгких было 132, из которых 53 % было решено сразу верно, 10 % после ошибок; трудных было 178, из которых 36 % было решено сразу верно, и 25 % — после ошибок; очень трудных было 20, причём из них 10 % было решено сразу верно и 20 % после ошибок. Лёгкими задачами для лошадей Плате признаёт сложение и вычитание однозначных или двухзначных чисел, выстукивание их «с голоса», выстукивание написанных на доске трёхзначных, перестановку единиц и десятков в двухзначном числе и т. п. Мы видим, что и при решении их число ошибок велико. Если же взять самые трудные задачи, как, например, возведение в третью и четвертую степень и извлечение корней, то число верных ответов оказывается настолько малым, что возникает сомнение, имеем ли мы перед собой здесь действительно «решение задач». Плате говорит о постепенном «нащупывании» ответов в трудных задачах, Циглер, по совету с математиками, пытается дать какое-то рациональное объяснение ответам на извлечение корней…

Излагать эти соображения я буду в более подробной статье, т. к. здесь нужны большие подробности.

Интересная подробность в обстановке работы лошадей: перед «работой» на них надевают подпругу и узду, чем для них создается особое подтянутое, рабочее настроение. Но и с этой предосторожностью они бывают в весьма различном настроении, так что процент ошибок в разных сеансах может быть весьма различен. За верное исполненные задачи лошадям дают куски моркови, которую они очень любят, а в знак особенной нежности «папаша» целуется с ними.

Как бы то ни было, можно считать несомненно доказанным, что лошади Кралля действительно решают некоторые задачи и выстукивают ответы на вопросы, а иногда говорят и собственные мысли. Но явление это далеко не так просто и схематично, как это покажется на первый взгляд.

***

Передо мною лежать многочисленные неопубликованные еще протоколы относительно собаки «Рольфа» и кошки «Дэзи», принадлежащих г-же Пауле Мэкель [Paula Moekel] из Маннгейма, жена врача. Если всё написанное в этих протоколах верно и точно, то мы имеем перед собою проявление ума гораздо более высокого, чем у лошадей, в особенности у «Рольфа». Этого надо было ожидать, так как собака несомненно умнее лошади и имеет большие возможности развить свой ум, находясь в комнатах, в постоянном общении с человеком. Жизнеописание «Рольфа» даёт нам интересные указания относительно того, каким образом могли у него выработаться повышенные способности. Эта собака из породы айредаль-терьеров [= эрдель-терьер], которая в ранней молодости пережила ужасную катастрофу: её переехал автомобиль, переломил ей два ребра и лопатку. Собачку хотели пристрелить, но г-жа Мэкель решила ее выходить. «Рольфа» опе-

рировали и несколько недель хозяйка провела у его постели, спасая ему жизнь своим уходом. Собачка уцелела, но лишилась способности лаять. Непрерывное общение с госпожой и детьми, постоянные разговоры, объяснение собаке разных предметов и явлений расширили её умственный кругозор. Собака, как и многие другие комнатные собаки, понимала много слов. И вот однажды она совершенно неожиданно проявила способности к счёту. Рассказ об этом носит характер чего-то невероятного, но как бы то ни было, он уже напечатан как последняя новость в только что основанном научном журнале «Известия общества для изучения психологии животных». Дело было так: г-жа Мэкель учила маленькую девочку арифметике. Собака постоянно присутствовала при уроках, внимательно слушая. Однажды задача была такова, что в ней при сложении приходилось сложить два и два. Девочка запнулась. Мать попрекнула её и сказала: «Наверное, даже “Рольф” знает это!» И вот собака царапнула четыре раза по руке своей госпожи, давая ответ на 2+2. Её начали тотчас же учить счёту, в котором она обнаружила большие способности, а затем по особой азбуке, которую собака сама себе назначила, выбравши для каждой буквы определённое число постукиваний, началась диктовка ответов на вопросы и даже высказывание собственных мыслей в гораздо более широкой мере, чем у лошадей Кралля.

Собачья азбука совершенно случайная: так, например, *а* обозначается как 4, *в* – 7, *с* – 24, *д* – 9 и т. п. Собака узнаёт, что нарисовано на картинах, называет характерные признаки предметов, как, например, окраску, передаёт собственные впечатления. Так, например, в деревне ночью она будит хозяйку и стучит ей: «слышу птиц». В это время кричали совы. Когда её поймали за преступлением — тащила бисквит со стола — и стали упрекать в дурном поступке, она в оправдание сказала (т. е. выстукала): «Кошка взяла мой».

Невероятно, скажете вы. Я тоже это говорю, но приходится верить протоколам, подписанным несколькими лицами, а также показаниям г-жи Мэкель, которую мы не имеем никакого основания подозревать в обмане. Пройдёт несколько месяцев, удивительные способности «Рольфа» и кошки «Дэзи», которая тоже диктует не хуже, станут общепризнанным достоянием; неправдоподобное будет исключено критикой, но суть дела останется — животные могут выражать свои мысли человеческим языком!

Кое-что из тех разговоров, которые запротоколированы у «Рольфа» и «Дэзи», настолько неправдоподобно по отвлечённости тем, что я не решаюсь об этом пока говорить, тем более, что протоколы ещё не опубликованы. Полагаю, что тут дело отчасти в том, что иногда безразличные ответы, считаемые результатом глубокого понимания, являются совершенно случайными, вроде ответов «да» или «нет» на сложные вопросы. Полагаю, что часть «разговоров» собаки и кошки заслужит такую же оценку, какую заслужили очень «трудные» задачи лошадей со стороны Плате, т. е. их придётся для стороны ясности просто устранить. Но многое останется. И то, что останется, составит переворот в науке.

С одной стороны, есть до сих пор «неверующие», а с другой — только что основался и выпустил первую книжку специальный журнал «Душа животных» («Tierseele»), только что основалось специальное общество для изучения психологии животных и выпустило три номера своих «Известий». Страницы этих изданий, посвящённые новому направлению в изучении психологии животных, украшены именами солидных учёных. Началось что-то новое, крупное, удивительное. Нечто, около чего мы ходили веками, не подозревая о его существовании, или лишь смутно догадываясь, — способность животных понимать и мыслить явилась перед нами, подтверждаемая неоспоримыми фактами; и трудно даже предвидеть, в каком новом свете мы будем рассматривать психику животных в близком будущем.

Г. Кожевников

П-29. ПЕРЕД ЗАГАДКОЙ ПРИРОДЫ
(О думающих животных)[1]

Вопрос о «думающих животных» принадлежит к числу таких вопросов, о которых придётся ещё очень много говорить и писать, над которым придётся ещё очень много работать, пока он будет сколько-нибудь выяснен в строго научной форме. В настоящее время положение его таково, что, с одной стороны, о нём пишут в таких специальных журналах, как «Zoologischer Anzeiger»[2], который посвящён исключительно сообщениям о фактических результатах новых зоологических исследований, или «Biologisches Centralblatt», где хотя и бывают статьи более общего характера, но который совершенно чужд духа «популяризации», а с другой стороны, «некоторые из публики» позволяют себе шутовское отношение к вопросу и рассуждения о нём осмеливаются называть «профанацией науки». Положим, такое некультурное отношение к науке есть доказательство научной безграмотности говорящих, которые, наверное, в своё время и сообщения о радии считали «газетной уткой» и «не верили» в «икс-лучи», но всё-таки уже самый факт, что относительно научного вопроса «услышать суд глупца и смех толпы холодной» есть своего рода показатель, что если, с одной стороны» толпа «не доросла» до вопроса, с другой стороны, вопрос «не дошёл» до толпы.

Одной из нравственных обязанностей учёного я считаю вводить широкую публику в понимание научных вопросов, хотя бы эти вопросы и находились ещё далеко не в окончательной стадии своей разработки, как, например, вопрос о думающих животных. Попытаемся разобраться, что точно установлено, что сомнительно и какие возможны объяснения фактам.

1

Прежде же всего, о самих фактах. Не касаясь протокольных подробностей, попробую вполне точно формулировать, что можно считать *совершенно бесспорно доказанным* относительно лошадей Карла Кралля в Эльберфельде «Мухамеда», «Царифа», «Берто» и «Гансика», собаки г-жи Паулы Мэкель в Маннгейме «Рольфа» и её же кошки «Дэзи». Оговариваюсь при этом, что, когда я буду говорить «животные г-жи Мэкель», то это в значительной степени относится к «Рольфу и лишь в малой степени к «Дэзи». Замечу далее, что, перечисляя факты, я пока ни слова не говорю о том, чем они объясняются. Все перечисленные ниже факты можно объяснить и мошенничеством, и дрессировкой, и внушением и мышлением и вообще, чем угодно. Ниже мы разберём, какие объяснения отпадают, какие остаются. Но факты *во всяком случае* остаются. Итак, бесспорно доказано следующее:

1) Животные г. Кралля и г-жи Мэкель способны с помощью условных знаков, заключающихся, главным образом, в определённой манере выстукивания передними ногами, а отчасти в жестах головой, передавать сказанные человеческим голосом, написанные мелом на доске или очень крупно напечатанные цифры и слова. (Удостоверился лично относительно лошадей).

2) Слепая лошадь «Берто» способна выстукивать теми же условными способами цифры, очертания которых она восприняла осязательно на коже от прикосновения человеческого пальца. (Удостоверился лично)

3) Животные Кралля и Мэкель способны выстукивать условными способами результаты математических действий, которые были заданы им, или человеческим голосом (например, «помнож четыре на два», «вычти из шести два», «возведи три во вторую степень» («drei nech zwei») и т. п.), или начертаны мелом на доске с помощью обыкновенных математических знаков сложения. вычитания, умножения, извлечения корня, или (для слепой лошади) начертаны пальцем на коже. (Удостоверился лично)

4) Лошади Кралля, а в значительной большей степени собака «Рольф» способны отвечать выстукиваниями на заданные им вопросы. Изображенные обычным способом письма заданные вопросы и полученные отзывы дают впечатление происшедшего небольшого разговора.

---

[1] **Ред.** Газета «Новь» 1914 г. № 27, 29, 32. АрхМГУ Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136, 137.

[2] L. Plate, Protokoll meiner Beobachtungen an den Elberfelder-Pferden, «Zool. Anzeiger». Bd. 43, № 3; K. Camillo Schneider. Die rechmenden… Bd. 33, № 3.

5) Лошади Кралля способны выстукивать некоторое количество слов, соответствующих знакомым им понятиям (стойло, идти, овёс, есть), самостоятельно, без непосредственного приказания со стороны лица, производящего опыты. Подобное выстукивание производит впечатление, что животное выражает свои мысли и желания.

6) Эту способность в значительно большей степени проявляет собака «Рольф».

7) Выстукивание слов и целых фраз производится с совершенно своеобразным упрощённым правописанием, которое с первого раза иногда непонятно лицу, не посвящённому в условия работы животных.

2

Вот, как мне кажется, все главнейшие выводы из громадного протокольного материала. Поговорим теперь более подробно относительно некоторых из вышеприведённых выводов. Среди протоколов опытов имеются отчёты произведённых лошадьми Кралля весьма сложных математических вычислений.

Именно эти трудные вычисления, вроде извлечения корней не только второй, но даже третьей, четвертой и пятой степени из многозначных чисел вызывают недоумение, недоверие, даже негодование как обман. Попробуем разобраться в этом сомнительном пункте.

Прежде всего, замечу относительно своих личных впечатлений, что я именно таких сложных задач правильно решёнными не видел, о чем я упоминал и на своём докладе в Обществе любителей естествознания, и на своей публичной лекции. Дело в том, что во время моего пребывания в Эльберфельде в ноябре 1913 года, обе самые знаменитые лошади были не в порядке. «Цариф» был совершенно удалён из Эльберфельда на отдых и поправку, знаменитый «математик» «Мухамед» был налицо, но почти не работал, а в своих попытках работать совершенно «осрамился».

Я считаю важным становиться на этих фактах, так как они имеют громадное значение для понимания сути изучаемых явлений. Лошади не работают, как заведённые машины, однообразно правильно, как дрессированные животные. Припомните животных Дуровых и иных дрессировщиков. Конечно, и у них бывают случаи, что животные «не в порядке», но это редкие исключения, имеющие причиной болезненное состояние животного. А обычно ежедневно в течение многих недель ставится известный «номер» на программу цирка или «варьете» и совершенно машинообразно без ошибки, всегда с одинаковым успехом проделывают животные свои упражнения. Если бы Кралль выступал в цирке перед публикой в качестве «выводящего» «думающих животных», то он, конечно, был бы не раз освистан публикой, не признающей неудач в дрессировке. Да, действительно, дрессировка и не должна знать неудач, а то, что проделывают лошади Кралля, не есть дрессировка в истинном смысле слова. Так называемые думающие животные работают, когда хотят. Это в большей степени относится к лошадям, чем к собаке. Лошади живут, сравнительно с собакой, в весьма плохих и в весьма неблагоприятных для опытов условиях. «Рольф» — любимый член семьи, всегда с хозяевами и их детьми, всегда в уютной комнатной обстановке, непрерывно испытывающий на себе уход, внимание, любовь. Лошади Кралля — в тёмной, тесной конюшне, в обычных стойлах, на обычном лошадином содержании. Хозяин живёт *не там*, *где конюшня*, а довольно далеко от неё, да притом ведёт торговое дело, которое находится и не там, где его квартира, и не там, где конюшня. Лошадей выводят «на урок» в тесный сарай, в те часы когда это удобно хозяину. Г-жа Мэккель, невольная домоседка (это весьма важно!), вследствие болезни ног, конечно, выбирает время для занятий с собакой, сообразуясь и с её настроением, и с тем, поела ли она, поспала ли и т. п. При «работе» с лошадьми фигурирует бич, и при мне знаменитого «математика» жестоко били, стараясь сломить его упрямство. Это производило дикое впечатление. Конечно, заглянуть в чужую душу, а тем более лошадиную, нельзя, но мне невольно кажется, что работа лошадей вовсе не развлекает их, особенно математическая. Вероятно, она их очень утомляет, расстраивает, и вот мы видим, что они бывают никуда не годны, как «Цариф» и «Мухамед» в ноябре 1913 года. Плохую работу лошадей наблюдал и проф. Клапаред весною 1913 года[3]. Важно отметить, что и живущий в идеально хороших, сравнительно с лошадьми, условиях, «Рольф» недавно болел нервными припадками, что можно отнести за счёт утомления от умственной работы, какого бы она ни была порядка.

Итак, в данные относительно удивительных проявлениях деятельности животных надо внести весьма важную поправку, что эта деятельность проявляется далеко не всегда, далеко не машино-

[3] Éd. Claparède, Encoro les cheveaux d'Elberfeld. Archives de Psychologie. Tome XIII. № 51.

образно; далее, что она утомляет животных и что у них могут наступить длительные периоды неработоспособности, как, напр., у «Царифа».

3

Теперь относительно математических задач. Те удивительные извлечения корня, с которыми никак не мирится обиходный здравый смысл, остаются под наибольшим сомнением. Я считаю весьма плодотворным приём Плате, профессора зоологии в Йенском университете, преемника знаменитого Геккеля, который в приведённой выше статье в «Zoologischer Anzeiger» делит запротоколированные им 330 задач на лёгкие, трудные и очень трудные, и отдельно вычисляет процент сразу верно решённых, с поправками и вовсе не решённых.

Всё-таки в удивительное время мы живём. Профессор зоологии Йенского университета печатает в «Zoologischer Anzeiger» список *лёгких для лошадей* математических и иных задач! Итак, последуем за Плате в его классификации.

Лёгкими для лошадей задачами пр. Плате считает сложение и вычитание двух однозначных или двухзначных чисел, выстукивание однозначных и двухзначных чисел по словесному заданию, выстукивание трёхзначных чисел, написанных на доске, перестановку единиц и десятков (написано 43, по приказу «переставить!» (umtauschen!) лошадь выстукивает 34), выстукивание числа и месяца по стенному отрывному календарю, отрицательное движение головой, покачивание головой. Таких задач было задано 132, из них было сразу решено 70, т. е. 53 % и с поправками 13, т. е. 10 %. Не решено 37 %.

Трудными задачами Плате признаёт сложение и вычитание чисел более чем с двумя цифрами, умножение и деление, выстукивание чисел, которые написаны на доске не цифрами, а буквами (ein und zwanzig), выстукивание словесно заданных трёхзначных чисел. Для слепой лошади «Берто» — выстукивание начертанного на коже пальцем. Вычисления с цветными цифрами на картонах (например: «сложи красную с синей» и т. п.), а также вычисления с цифрами на картонах с обозначением их расположения («сложи среднюю с левой» и т. п.). Выстукивание слов по буквам согласно особым таблицам, объяснение рисунков, возведение в квадрат однозначных или двухзначных чисел. Таких задач было задано 178, из них сразу верно решено 64, т. е. 36 %, с поправками решено 45, т. е. около 25 %, вовсе не решено 39 %.

Очень трудными задачами Плате считает извлечение корня третьей или четвёртой степени, возведение в третью пли четвёртую степень. Таких задач было задано всего 20, тотчас верно решено только 2, т. е. 10 %, с поправками 4, т. е. 20 %, вовсе не решено 70 %.

Таким образом, количество неудачных ответов возрастает сообразно трудности задач и доходит до такого громадного процента при очень трудных задачах, которые как раз вызывают наибольшие недоумения, что Плате предлагает с этими задачами вовсе не считаться. И, действительно, если мы имеем большой процент удачных решений при лёгких задачах, то правильнее говорить прежде всего о них, ибо *для лошади* даже решить задачу 2×2=4, несомненно, большое событие. Однако, мы увидим далее, что есть авторы, пытающиеся объяснить более или менее рационально и решение, хотя редкое, весьма трудных задач, вплоть до корней пятой степени…

4

Несмотря на то, что количество верно решённых *трудных* математических задач очень невелико, приходится всё-таки говорить об этих решениях, так как они занесены в удостоверенные свидетелями протоколы и опубликованы в научной литературе. Владелец «лошадей-математиков» Карл Кралль признаёт, что они обладают способностью к производству сложных вычислений, вплоть до извлечения квадратных корней из многозначных чисел и даже корней третьей, четвёртой и пятой степеней. Кралль говорить (это я лично слышал от него), что лошади — *природные* математики. Запомним это мнение, так как ниже нам придётся встретиться с подобного же рода взглядом при попытках так или иначе объяснить наблюдаемые факты. Целый ряд авторов, как Крэмер, Циглер, Саразин, Клапаред признают, со всеми оговорками, что это бывает лишь иногда, а не часто, что «Мухамед» и «Цариф» могут давать верные ответы к трудным вычислениям. Плате удостоверяет. что в его присутствии «Мухамед» сразу верно выстукал $\sqrt[2]{99225} = 315$, причём Кралль и его конюх Альберт отсутствовали. Затем он удостоверяет, что та же лошадь решила задачу из числа предложенных Краллем на выбор $\sqrt[4]{83521}$, причём сначала дала неверный ответ 23, а потом верный 17, и никого, кроме Плате, в сарае при этом не было. В книге Кралля и в других печатных источниках имеется мало данных о таких поразительных решениях,

с которыми никак не мирится совокупность наших знаний о животных и наш здравый смысл.

Плате высказывает мнение, что лошади не производят вычислений в истинном смысле этого слова, потому что решения задач на корни третьей и четвёртой степени даются, по его наблюдениям, так же быстро, как и решения задач на квадратные корни, которые, несомненно, легче. По мнению Плате[4], лошадь *ощупью* подходит к результату, прежде всего извлекая корни из первых и последних пар цифр (предположим для простоты, что дело идёт о квадратных корнях). Однако для того, чтобы таким образом, *ощупью*, подходить к решению, необходимо знать *на память* квадратные корни из 4, 9, 16, 25 и т. д., что Плате и допускает. Лошадь знает далее по опыту, что большинство из задаваемых ей задач на извлечение корня имеют на ответ двузначное число, и вот она ощупью подбирает ответ.

Теорию подхождения ощупью к ответу Плате применяет к таким случаям «решения» задач, которые собственно говоря, представляют собою длиннейший ряд ошибок. Он приводит следующий пример. Задал он задачу $\sqrt[3]{582169}$ и ответы получились сплошь неверные, как то: 523, 347, 177, 132, 747, 787, 778, 873, 783, 363, но в этой неверности Плате усматривает своего рода закономерность. Первая пара цифр есть 58, а так как 8×8=64, то число, которое надо возвести в квадрат, чтобы наиболее близко подойти к 58, будет 7. И, говорит Плате, что в неверных ответах несколько раз проскальзывает впереди цифра 7. Заметим, со своей стороны, в интересах беспристрастия, что эта семёрка появляется только 4 раза из десяти, прежде чем попасть в окончательный ответ, так что «нащупывание» первой цифры в этом примере лишь весьма приблизительное. Что касается последней цифры, то при подыскивании её надо принимать во внимание, что вторая степень каких однозначных чисел будет кончаться на 9. Таких чисел два: (3×3=9) и 7 (7×7=49). Следовательно, в теории нахождения ответа «ощупью», должны появляться и 3, и 7. И действительно, в десяти неверных ответах *пять* раз фигурирует цифра 3 и *четыре* раза цифра 7. Всего две подходящие цифры фигурируют в неверных ответах 9 раз из 10, что, несомненно, весьма интересно. После десяти ошибочных ответов «Мухамед» выстукал верный — 763. Интересно, что все ошибочные ответы были трёхзначные, как и следовало. Но как лошадь доходила до срединной цифры, Плате не пытается объяснить. С другой стороны, он приводит в своей статье примеры сравнительно лёгких задач, где в ошибочных ответах не было ни одной верной цифры, так что теория «нащупывания» на этих примерах не оправдывается. Так, например, при задании $\sqrt[2]{1936}$ были ошибочные ответы: 23 и 11, и потом сразу ничем не подготовленный верный ответ 44. Таких примеров можно было бы привести много, и они лишают предположение Плате его убедительности. Сам Плате полагает, что его объяснение мало подходит к случаям, хотя и редким, верных решений задач на извлечение корней третьей, четвёртой и пятой степеней, так как невероятно, чтобы лошади могли держать в памяти соответствующие таблицы цифр.

Профессор зоологии в Штутгарте Циглер, посоветовавшись с математиками, напечатал специальную статью, посвящённую попытке объяснить роковой вопрос об извлечении лошадьми корней[5]. Циглер утверждает прежде всего, что, конечно, решение задач на извлечение корней происходит не теми способами, какими обучают в школе, где квадратный корень вычисляется по известной формуле. Далее он допускает у них существование удивительной памяти, с помощью которой они держат в голове большое количество чисел, представляющих собою степени от однозначных чисел. Циглер приводит в своей статье эти таблицы, при чём обращает внимание на некоторые свойства чисел. Например, если мы напишем ряд чисел, которые обозначают числа 1, 2, 3, 4, 5, 6 и т. д., возведённые в пятую степень, то окажется, что последняя цифра степени равна тому числу, которое мы возводили в пятую степень. Наприм., $6^5 = 7776$, $7^5 = 16807$, $8^5 = 32768$ и т. п.

Он приводит ещё несколько таких соотношений, облегчающих отыскание ответа. Далее он даёт, но в более обработанном виде, гипотезу Плате о подборе цифр для ответа на основании таблиц, которые лошади должны держать в голове. Чтобы в подробностях оценить эти объяснения Циглера, надо было бы напечатать таблицы и разобрать много примеров, на что я не решаюсь, боясь утомить внимание читателей. Полагаю, что лица, специаль-

[4] L. Plate. Beobachtungen an den denkendon Elberfelder Pferden des Hern K. Krall. Naturwissenschaftliche wochenschrin, 1913. № 17.

[5] H.E. Ziegler. Ueber das Angeben der Grundzahlen zu Potenzzahlen. Mittheilungen der gesellschaft für Tierpsychologie. 1913. № 2 и 3.

но заинтересовавшиеся вопросом, выпишут себе указанное издание, причём я должен объяснить, что оно высылается всем, вступившим во вновь основанное общество для изучения психологии животных (Gesellschaft für Tierpsychologie). Чтобы вступить в число членов этого общества, следует сделать заявление на имя Karl Krall (Elberfeldt) и внести 8 марок на имя общества банковской конторе Heydt-Kersten u. Söhne (Elberfeldt).

Конечный вывод из статьи Циглера такой, что при подыскивании чисел, как ответов на задачи извлечения корней, лошади обнаруживают *удивительную способность к мышлению* (erstannliches Denkvermögen) и удивительную память, но отнюдь не такие явления, которые надо считать непонятными и невероятными. Я должен сознаться, что попытка Циглера заставить читателей думать про математическое вычисление лошадей, что оно не так удивительно, как кажется на первый взгляд, представляется мне мало удачною. Если мы даже ограничимся тем, что признаем, что лошади помнят квадраты всех первых десяти чисел, знают, что корень из четырёхзначного числа будет двухзначный, мысленно делят четырёхзначное число на пары цифр и каждой паре подбирают наиболее подходящий квадратный корень, разве это с точки зрения современной зоологии, зоопсихологии и психологии не есть нечто невероятное (unglaublich) и непонятное (unbegreiflich)? Опять-таки нам не надо касаться корней пятой, четвёртой и третьей степени. И квадратные корни достаточно не подходят под выводы современной науки.

5

Считая, что предположение о решении задач путём *мышления* есть нечто недопустимое для лошадей, Буттель-Репен[6] пытается подвести эти факты под особую категорию явлений, наблюдаемых у так называемых «чудесных счётчиков». Известны точно удостоверенные случаи, когда способность к счёту, притом способность невероятно высоко развитую, приходится считать чем-то *совершенно независимым от обычных умственных способностей*, чем-то совершенно независимым от ученья, врождённым и притом иной раз ослабевающим с возрастом. Эти необычные факты, известные относительно людей, не менее удивительны, чем задачи думающих лошадей. Известен 6-летний крестьянский ребёнок, который мог в несколько секунд решать в уме труднейшие счётные задачи, извлекать корни и т. п. Этот феноменальный счётчик не умел ни читать, ни писать. Можно назвать еще восьмилетнего Мигуэля Мантилле, Тома Фуллера, Анри Монде, Ферроля, Иноди и других (цитирую по Буттель Репену). В настоящее время в приюте для слепых в Арментьере (Франция) живёт слепорождённый и слабоумный Флори, 18 лет от роду, который делает удивительные вещи с извлечением из квадратных корней по собственному способу. Итальянский совершенно необразованный мальчик, десяти лет от роду, Вито Манджиамеле, в течение 30 секунд извлёк перед парижскими академиками корень третьей степени из 3.756.416. А в недавнем заседании цейлонского отдела королевского азиатского общества в Коломбо был демонстрирован маленький тамильский мальчик Арумугам, обладающий совершенно феноменальной способностью решать сложные задачи с громадными цифрами. Вот одна из предложенных ему задач.

«Купец устроил большой пир и подарил каждому из своих гостей по мерке риса, но с условием, что 17 % зёрен должны быть пожертвованы в пользу храма. Сколько зёрен получит храм, если в каждой мерке было 3.431.272 рисовых зерна?» Попробуйте, читатель, с карандашом и бумагой в руках решить эту задачу и заметьте, сколько времени потребуется на это. Тамильский мальчик Арумугам решил её в *три секунды*. Ответ был 100.913.709 и в остатке 52.

Я полагаю, что подобные примеры ненормальной способности к счёту, проявляющиеся притом у малолетних, необразованных и даже слабоумных, не менее загадочны, чем решения задач лошадьми Кралля. Для нашего ума эти чудесные счётчики непонятны и необъяснимы. Заметим ещё, что наблюдалось, как с возрастом и развитием эти способности постепенно падали. Никаким обучением, никаким упражнением подобные способности необъяснимы. За неимением ничего другого приходится допустить для этих удивительных людей особую врожденную способность к счёту, совершенно независимую от обычного мышления. Для меня лично такое предположение ничего собственно не объясняет, так как вместо решения мне даётся «неизвестное», ибо что такое врождённая способность, как «неизвестное»? И вот по отношению к лошадям-счётчикам выдвигают гипотезу такой же таинственной врождённой способности к счёту, независимой от разума.

[6] Prof. H. v. Buttel-Reepen. Meine Erfahrungen mit den denkenden Pferden. lena. 1913.

6

Вопрос об удивительных врождённых математических способностях человека заставляет нас вспомнить и о некоторых других необъяснимых способностях. Так, много лет тому назад в «Biologisches Centralblatt» была напечатана заметка, фамилию автора которой я, к сожалению, сейчас не припомню, которая удостоверяла наличность у отца автора заметки удивительной способности к ориентировке по сторонам света, так что этого человека можно было бы назвать «человеком-магнитом». Я ни разу более не встретил указаний в научной литературе на подобную странную способность человека, но надо сознаться, что я не делал по этому вопросу никаких справок и розысков.

Переходя к вопросу о существовании врождённых математических способностей у лошадей, надо сказать, что до Остена и Кралля, наука не имела *никаких данных* относительно таких способностей. Зоолог Карл Камилло Шнейдер[7] говорит, что для натуралистов книга Кралля была неожиданно упавшей бомбой… И вот Шнейдер начинает задавать вопросы: «Кто может с уверенностью сказать, что пчёлы не считают, когда они работают? Следовало бы тщательно изучить их движения при постройке ячеек. Быть может, при этом господствует определённый ритм, из которого можно было бы сделать вывод относительно их психической работы. Собака рассчитывает свой прыжок: может ли она это сделать, не считая?» Вот какими слабыми намёками занимающийся зоопсихологией венский зоолог пытается подойти к допущению возможности счёта у животных.

Когда я лично мучился над загадкой математических вычислений у лошадей Кралля, я пытался, между прочим, отыскать хотя какой-либо случай, где в обычной жизни лошади она имеет дело с цифрами, и их реальным значением. Я нашёл такой случай, но, к сожалению, он не имеет никакого отношения к лошадям Кралля. Я представляю себе почтовую лошадь, которая постоянно отмеривает одно и то же расстояние между двумя почтовыми станциями, расстояние, размеченное верстовыми столбами, на которых написаны весьма крупные цифры. Если бы можно было предположить, что животное из жизненного опыта научается считать, то приводимая мною обстановка вполне благоприятна для такого обучения. Ведь каждая отмеченная верста даёт впечатление утомления, всё нарастающего, а в конце дистанции – отдых и корм, столбы мелькают, и чем больше их промелькнуло, тем больше утомление, тем скорее отдых… Но есть ли у почтовых лошадей способность считать? Никто этого не знает, ибо никто этого вопроса не ставил и не пытался его решить. Есть ли вообще у лошадей способность считать, или это только лошади Кралля обладают такой способностью? Вопрос пока остается открытым. Теоретически говоря, вполне вероятно, что среди животных могут быть особи исключительно, гениально одарённые. Быть может, «Мухамед» и «Цариф» — такие же феноменальные счётчики, как Иноди или Арумугам, и любая обыкновенная лошадь, как её ни учи, не проявит таких способностей. Мы этого не знаем. Но с другой стороны, поучительно вспомнить, что, считая старого «Умного Ганса», у Кралля было пять считающих и «думающих» лошадей и они были приобретены в разное время, из разных источников, разных пород, разного возраста, взяты более или менее случайно. Неужели можно допустить, чтобы случай привёл в руки Кралля исключительно одарённых, выдающихся по своим способностям лошадей? Или все дело в уменьи их обучить и с ними обращаться? Ответ на этот вопрос мы получим тогда, когда появятся в руках других наблюдателей другие считающие и выстукивающие слова лошади. А они должны появиться! Я необычайно удивлён, что их до сих пор нет.

Как бы то ни было, гипотеза об *особенных врождённых способностях* лошадей и собак («Рольф» тоже считает, но не решает таких сложных задач, как лошади) не хуже всякой иной гипотезы, ибо она объясняет факты и не опровергается ими, а именно этим требованиям и должна удовлетворять гипотеза.

Камилло Шнейдер энергично протестует против того, чтобы способность лошадей к вычислениям можно было считать *мыслительной* способностью. Он ставит вопрос весьма широко и говорит, что всякий, кто хочет составить себе правильное понятие о «считающих» лошадях, должен сначала решить вопрос: «что такое математика?» Шнейдер примыкает к тем, которые считают математическую способность, точнее говоря, способность к вычислению, врождённою способностью и притом совершенно независимою от логического мышления.

[7] Karl Kamillo Schneider. Die rechnenden Pferde, Biologisches Centralblatt. 1913. Bd. 33. № 3. Обращаем внимание на то, что автор называет Эльберфельдских животных «считающими», а не «думающими», что будет ясно из нижеследующего.

«Математиками, — говорит он, — мы являемся *a priori*, независимо от всякого опыта, говорим же и делаем *a posteriori*, в зависимости от опыта». Шнейдер, в связи с таким взглядом на способность к вычислениям, протестует против мнения, будто факт решения лошадьми задач заполняет ту пропасть, которая имеется между умственными способностями животных и умственными способностями человека. Сходство между животным и человеком в этом отношении он считает только кажущимся, если даже в качестве животных мы возьмем эльберфельдских лошадей. Отличительной чертой человеческого мышления сравнительно с умственными процессами у животных Шнейдер считает то, что человек, главным образом, задаётся вопросом: «*почему* это так?» А мы не имеем никаких данных, что животные задаются подобным вопросом. Шнейдер считает бесспорным, что лошади *считают*, но он не думает, чтобы вследствие этого следовало им приписывать рассудок и разум, подобные человеческим. Оба эти свойства (Versland und Versunft), по мнению Шнейдера, не могут быть приписаны лошадям, несмотря на все их удивительные способности. С этой точки зрения даже само название «думающие животные» надо признать неудачным.

7

Итак, мы видим, что целый ряд исследователей вполне определённо признают, что эльберфельдские лошади и маннгеймские собака и кошка производят математические вычисления, причём, объясняя наблюдаемые факты, они совершенно исключают предположение о мошенничестве, т. е. какой-либо заранее организованной тайной сигнализации, а также предположение о бессознательных знаках. Интересно, между прочим, вспомнить, что в 1907 году появилась книга Оскара Пфунгста [Oskar Pfungst] «Das Pferd des Herrn von Osten», в которой названный учёный, работник психологической лаборатории в Берлине, свёл все проявления деятельности знаменитого «Умного Ганса» к воспринятию им бесконечно тонких движений головы производящего опыты человека. Пфунгст утверждает, что если человек не знает содержания заданной задачи, то лошадь её не решит. Пфунгст работал весьма тщательно, стараясь быть строго научным. Его исследование одно время считалось окончательным решением вопроса о «думающей лошади» (тогда она была одна). И вот теперь, изучая лошадей Кралля, учёные приходят к выводу, что гипотезу «бесконечно тонких» знаков приходится отвергнуть. Это наводит на весьма печальные мысли по поводу точности выводов экспериментальной зоопсихологии: было произведено исследование, считавшееся строго научным, а решения вопроса оно не дало.

Переходим теперь к некоторым соображениям относительно способности животных Кралля и г-жи Мэкель «говорить», то есть выстукивать согласно условному способу слова по буквам. Хотя лошади Кралля обладают этой способностью, но первенство бесспорно принадлежит знаменитому «Рольфу» г-жи Мэкель, так что в последующих рассуждениях мы будем иметь в виду главным образом его.

Проявления «интеллигентности» у «Рольфа» несравненно выше, чем у лошадей, и я полагаю, что выдающееся значение в этом обстоятельстве имеет удивительная судьба этой собаки и не совсем обычная судьба её хозяйки. Как известно, «Рольф» быль раздавлен автомобилем, и шёл вопрос о том, что его надо пристрелить, чтобы закончить его мучения. Так советовал ветеринарный врач. «Но глаза “Рольфа” смотрели на меня умоляюще», пишет его госпожа в его биографии, «и я его вылечила. В течение нескольких недель днём и ночью мне приходилось делать ему перевязки, что причиняло мучения и собаке, и мне. “Рольф” выздоровел и следовал за мною, как тень; он стал трогательно признателен и привязан ко мне»[8]. Обратим внимание на то, что хозяйка «Рольфа», г-жа Мэкель, ведшая раньше весьма подвижную жизнь, дочь офицера, привыкшая к большим прогулкам и экскурсиям, вследствие послеродового заболевания получила страдание ноги, приковывающее её к креслу вот уже в течение семи лет. Она переборола в себе

[8] Frau Paula Moekel. Rolf, der Hund von Mannheim. Tierseele. Zeitschrit für vergleichende Soelenkunde. I Jalirg. Hen. 3. Книжка журнала, в которой впервые появилась в печати написанная самой г-жей Мэкель биография «Рольфа», пришла в Москву лишь 14 февраля. Я пользовался этой статьёй для своего доклада в Обществе любителей естествознания и для своей публичной лекции 9-го февраля по рукописи, любезно предоставленной в мое распоряжение г-жой Мэкель, за что я выражаю ей глубокую благодарность. Обращаю внимание всех, интересующихся жизнью животных, на журнал «Tierseele», издаваемый Краллем в Эльберфельде, который основан специально для разработки вопросов психологии животных с новой точки зрения, открытой опытами над эльберфельдскими и маннгеймскими животными. Цена журнала 14 марок в год с пересылкой.

постепенно естественное чувство недовольства судьбой, сумела найти в несчастии душевное равновесие, продолжала заниматься воспитанием детей и хозяйством, а также живописью, в которой, *не учившись*, обнаружила большие способности и успехи. Когда появился «Рольф» и проявил свои чудесные способности, жизнь г-жи Мэкель стала бесконечно полна интереса, ставшего теперь всемирным интересом. Г-жа Мэкель первая в мире достигла того, что путём воспитания и обучения развила в собаке способности, которые производят впечатление почти человеческой разумности.

Доктор В. Макензи[9], хорошо знающий г-жу Мэкель, говорит, что она производит свойствами своей натуры прекрасное впечатление. Она обладает ясно выраженными артистическими способностями, она является «*интуитивной* натурой», что, по мнению Макензи, должно было способствовать установлению удивительных отношений между ней и собакой. Мы придаём большое значение существованию *особой способности* к общению с животными. Он приводит слова Кралля, который говорит, что число «думающих» животных потому невелико, что нет людей, которые захотели бы посвятить целые годы своей жизни на воспитание животных, основываясь скорее на специальном предрасположении к этому, чем на предшествующей работе других людей, и которые вложили бы в это дело громадное количество терпения и любви. Макензи считает, у г-жи Мэкель имеется подобное предрасположение, что явствует из её рассказов о некоторых фактах её прежней жизни. Макензи делает оговорку, что он этих рассказов *не проверял* и не имел даже никакой возможности проверить, но считает небесполезным про них упомянуть. Он слышал, будто г-жа Мэкель в деревне одним жестом останавливала понёсших лошадей, легко подчинила себе злую собаку и даже быстро научила её производить простые арифметические вычисления. Макензи не сообщает подробностей этого последнего факта, но я думаю, что это именно он послужил темой для оригинальной и, откровенно говоря, мало правдоподобной статейки г-жи Мэкель[10], содержание которой я решаюсь передать читателям. Я повторяю, что считаю положительно *невероятной* ту лёгкость обучения, о которой пишет г-жа Мэкель, но статья напечатана в журнале, редактируемом профессором зоологии штутгарского университета Циглером, и я уклонился бы от своей задачи ознакомить русскую читающую публику с современным положением затронутых вопросов, если бы умолчал об этой статье.

8

В начале статьи г-жа Мэкель говорит, что состояние её здоровья не позволяет ей показывать «Рольфа» так часто, как этого бы хотелось интересующимся этим вопросом лицам, а потому ей хочется, чтобы кто-либо обучил других собак тому, чему она обучила «Рольфа». Вот она и даёт наставления к начальному обучению собак… Я уверен, однако, что когда читатели начнут пробовать, то они не получать таких результатов, о которых пишет г-жа Мэкель. А она получила вот какие.

Доберман-пинчер д-ра Линдемана в Бергцаберни, злая собака, при первой встрече с г-жей Мэкель подошёл к ней с ворчанием. Она дала ему полизать руку. Затем, когда она встретилась с собакой месяца через четыре, та уже подошла к ней как к знакомой. У г-жи Мэкель явилось желание учить эту собаку, и вот она взяла её к себе. «Сначала собака бросилась на меня с громким лаем, — говорит Мэкель, — но я нисколько не испугалась. Я приказала надеть собаке намордник, чтобы легче подчинить её. Но когда она начала тереться об меня головой, желая, вероятно, дать понять, что намордник ей мешает, я приказала его снять. Животное, весьма привыкшее к послушанию, охотно слушалось моих приказаний».

Г-жа Мэкель начала с приказания: «Принц» дай мне твою лапку!» Он дал правую. «Так, очень хорошо, это была твоя правая лапка! Теперь дай […][11]

***

Я считаю, что было бы в высокой степени важно для выяснения загадки «думающих животных», чтобы лица, имеющие умных комнатных собак и находящиеся с ними в постоянном общении, попробовали бы вступить с ними в те особые отношения, которые создались между г-жою Мэкель

[9] William Mackenzie. Le problème du chien pensant de Mannheim. Archives de Psychologie. Tome XIII. № 52. Фактический материал, касающийся удивительных способностей «Рольфа» считать, диктовать ответы на вопросы, читать написанное, объяснять рисунки и по собственному почину выражать свои мысли, были довольно подробно изложены в статье Н. К. «Собака-математик» в №№ 19 и 20 «Нови».

[10] Paula Moekel. Der Anfang des Tierunterrichts. Mitteilungen der Gesellschaft für Tierpsychologie. 1913. № 3.

[11] **Ред.** В архиве отсутствует фрагмент газеты с текстом Г.А. Кожевникова.

и «Рольфом», и которые основаны на выстукивании ими букв с помощью условных знаков. Проф. Циглер совершенно справедливо говорит, что открытие фон Остеном у животных способности выстукивать буквы есть одно из величайших открытий нашего времени. Мы не понимаем животных, потому что не умеем с ними объясняться. Теперь способ объясняться найден. И настоятельно необходимым является поскорее выяснить, в какой мере другие собаки и лошади способны пользоваться этим способом, какими особыми качествами должны они обладать, всякий ли человек может вступить в общение с животными по этому способу и как этого можно достигнуть.

Обстановка опытов с «Рольфом» такова. Г-жа Мэкель сидит в катающемся кресле, около неё находится «Рольф» на привязи, на цепочке, конец которой находится в левой руке Мэкель. Правой рукой она держит кусок картона, по которому собака выстукивает левой лапкой свою азбуку. Несомненно, что упомянутая цепочка может возбудить большой скептицизм. Действительно, уж если говорить о передаче таинственных сигналов, то какой же более удобный способ, как не цепь между собакой и хозяином? Но, однако, свидетели опытов указывают, что цепь не бывает натянута, а часто даже лежит свободно на коленях г-жи Мэкель, которая считает присутствие цепи полезной, чтобы собака не порывалась убежать. Вторым обстоятельством, способным возбудить сомнения относительно возможности передачи незаметных, скажем, даже бессознательных знаков, является картон, который с одной стороны, находится в правой руке Мэкель, а с другой прикасается к левой лапке «Рольфа». Несомненно, и цепь, и картон создают совершенно особое специальное касательство между животным и человеком, и любители гипотез могли бы даже на этой почве создать гипотезу о передаче с помощью этой цепи, соприкосновений какой-либо особой силы гипнотического характера, но вопросы получает совсем иное освещение, если мы скажем, что уже опубликовано несколько вполне удачных опытов объяснения с «Рольфом» *в отсутствие его хозяйки*, а также, где никто не знал заданного собаке вопроса (показывали рисунок, который никто не видел, собака давала объяснение)[12].

По словам г-жи Мэкель, «Рольф» *сам* предложил азбуку для выстукивания слов. После того, как он доказал свою способность делать арифметические задачи и даже извлекать корни из небольших чисел, хозяйка спросила его, желает ли он с ней разговаривать, на что Рольф ответил условным двойным постукиванием, что значить «да». Когда его спросили, хочет ли он иметь азбуку, на что он тоже ответил утвердительно, и вот далее его спросили, как хочет он обозначить *a*, он ответил четырьмя ударами, для *b* дал 7 и т. п. Этот рассказ про созданную самой собакой азбуку, равно как и про всё первоначальное обучение «Рольфа» и про первые проявления его способностей, лежит всецело на совести г-жи Мэкель, но многочисленные последующие опыты, при которых «Рольф» пользовался своей раз навсегда установленной азбукой для ведения разговоров, удостоверены показаниями многих вполне достоверных свидетелей и про обман или фокус в этом деле теперь говорят только те, кто совершенно не знаком ни с самыми фактами путём личного наблюдения, ни с литературой по этому вопросу.

Вот азбука «Рольфа»: a–4, b–7, c–24, d–9, e, ei–10, f–1, g–11, h–12, i–13, k–14, l–5, m–8, n–6, o–2, p–15, q–25, r–3, s–16, t–17, u–18, v–20, w–19, x–21, z–23.

Азбука лошадей Кралля другая и она предложена самим Краллем. Но в высокой степени интересно, что правописание звериной «типтологии» совершенно своеобразно и носит фонетико-стенографический характер. Животные, во-первых, пропускают весьма часто гласные, считая, что они уже даны в произношении согласных. Так, например, по лошадиному правописанию sn = es, en = essen. Таким же образом понимает значение букв и «Рольф». Затем в высшей степени замечательно то обстоятельство, что одно и то же слово животные выстукивают на множество различных манер. Так, например, «Мухамед» Кралля выстукивал сказанное слово Pferd (лошадь) в разное время следующими способами: bfert, bfrt, färd, färt, fert, frt, faärt, faerd, faert, farb, fpferd, frrt, pärd. pfärt, ppverd, pfer, pferd, tferl, fed... Другая лошадь, «Цариф» выстукивала то же слово: bferd, färed, fferwt, fvert, pfrde, sdfert, pfert, bffet, fdaerp и т. д. Некоторые воспроизведения весьма мало похожи на требуемое слово, и это придаёт факту «разговора» животных большое правдоподобие и совершенно устраняет предположение и о подсказывании знаками, и о внушении. Действительно, можно ли допустить, что человек сигнализирует или «внушает» столь разнообразные и притом отдельные способы начертания слова? Не ясно ли, что лошади различно

[12] Dr. Karl Gruber, Privat docent der Zoologié (München). Unwissentliche Versuche mit dem Hunde «Rolf». «Tierseele». I. Jahrg. Heft 3.

улавливают слухом произносимое слово и потом по различному сами перекладывают эти звуки на буквы? Отсюда и понятно обилие ошибок. Их источники — неопределённость в произношении слова человеком и понятная трудность для животного перевести услышанное на буквы…

Относительно «Рольфа» надо ещё сказать, что он воспроизводит часто не настоящую немецкую речь, а своеобразное наречие, которым говорят в Маннгейме и по которому конфетка — Gutzel, свинья — Wutzel и т. п. Если принять подобные жаргонные особенности в выражениях, неправильность в передаче отдельных букв, сокращения и пропуски, то в своём сыром, первоначальном виде «типтограмма», т. е. выстуканный «Рольфом» ответ, представляется иной раз чем-то совершенно непонятным для непосвящённого. Вот несколько примеров как более, так и менее понятных образцов собачьего письма, т. е. выстукивания.

1) mudr lib hr aug-Mutter lieb, Herr auch, что должно обозначать, что «мать» (т. е. г-жа Мэкель) дорога, любима, господин (т. е. муж г-жи Мэкель) — тоже. 2) darf nit lags hbn darf nicht Lachs haben, т. е. нельзя мне иметь (есть) лососину. 3) ответ на вопрос, как он, Рольф, объясняется с другими собаками: bln wdln aug sn glabnmid mund — bellen, wedeln, auch sehen klappen mit Mund, что значить: «лаять, вилять хвостом, также видеть движения ртом». Иногда разгадать слово весьма трудно. Так, однажды «Рольф», сообщая, что у него воспалена лапка, выстучал слово frdsind, которое, принимая во внимание местное жаргонное произношение, надо было понять как verzündet, но это слово с неправильной приставкой, вместо entzundet (воспалена). Но столь загадочным «письмо» «Рольфа» бывает в исключительных случаях, и это обстоятельство не должно возбуждать подозрений в смысле подтасовки толкований, хотя сомнения в толкованиях возможны. Укажу хотя бы на третий из приведённых выше примеров: слово aud можно толковать и как auch, и как auge.

9

Как бы то ни было, способность «Рольфа» выстукивать ответы на заданные вопросы, а также свои собственные мысли бесспорно доказаны. Относительно значения этих фактов не может быть тех предположений, которые высказываются относительно счёта лошадей: нельзя говорить о какой-либо *особенной способности*, не имеющей ничего общего с рассуждением, с разумом. Не математические способности[13] удивляют нас в «Рольфе», а главным образом *настоящее мышление*, обнаруживающееся в его удивительных разговорах, в толковании рисунков, в самостоятельном выстукивании своих мыслей без задания вопроса человеком. Остановимся на некоторых замечательных примерах. «Рольфу» показали заголовок статьи в Маннгеймской газете, который гласил: «Der Herbst zicht ins Land» (в стране наступает осень). Собака видела буквы. Она могла бы их выстукать вполне точно по своей азбуке, скопировав обычное правописание. Такого копирования вполне можно было ожидать. Но «Рольф» этого не сделал. Он *прочёл* напечатанное и передал фразу своим собачьим правописанием, примеры которого были приведены выше. Рольф выстукал: dr hrbst dsid in land. Это — факт в высшей степени замечательный. Слова были переданы выстукиванием не так, как собака их *видела*, а так, как она их *понимала*, как она себе их представляла произнесёнными. Далее следовало не менее замечательное объяснение с собакой. Её спросили, «что такое осень?», и она дала ответ, которого никто не ожидал, который исключает всякую мысль о подсказывании и внушении: dseid wn abl gbd = Zeit wenn Appel gebt; последние два слова на местном жаргоне; правильно по-немецки фраза будет «Zeit, wenn Aepfel gibt», т. е. «время, когда бывают яблоки». Это один из удивительных ответов «Рольфа».

Так как вопрос о подсказывании и внушении особенно волнует всех, кто заинтересован объяснением наблюдаемых у «думающих животных» явлений, то важно привести только что опубликованные прив.-доц. мюнхенского университета зоологом К. Грубером данные о таких опытах, при которых *никто, кроме собаки, не видел задачи*. Из пакета, в котором лежали перетасованные картинки, была вынута одна и показана «Рольфу». Он продиктовал: fogl asd blau fans rod brusd gobf = Vogel Ast blau Schwanz[14] rot Brust Kopf, т. е. птица, ветка, голубой хвост, красная грудь, голова, что соответствовало содержанию картинки. Затем было показано тоже так, что никто не видел, число 66, в котором первая цифра была красная, вторая синяя. Рольф продиктовал: 66 rod blau, совершенно верно. Интересно, что

---

[13] Хотя и они в достаточной мере развиты, но после сказанного о лошадях я не считаю возможным на них специально останавливаться.

[14] Продиктованное fans очень далеко от истинного начертания слова и толкование возбуждает сомнение. Быть может, здесь играет роль маннгеймский жаргон?

«Рольф» не может исполнять написанные приказания. Это весьма существенная черта, определяющая границы его способностей. Когда Грубер даль ему картон, на котором было написано: «дай матери правую лапку», задача оказалась очень трудной. В конце концов прочитал он gib mudr regd bfott (= gib Mutter die rechte Pfote), поэтому приказа не исполнил.

Как поразителен только что опубликованный случай самостоятельного выражения мыслей, можно привести следующее[15]: 8-го декабря 1913 года члены происходившего в конце ноября в Карлсруэ съезда психиатров посетили г-жу Мэкель со специальной целью проверить, может ли собака давать ответы в отсутствие хозяйки. Произошло следующее. Как только ввели собаку, Людвиг Вильзер, который уже дважды видел «Рольфа», спросил его, помнить ли он его и знает ли он его фамилию. На оба вопроса был утвердительный ответ. Затем г-жа Мэкель удалилась, и д-р Грубер начал свои вышеупомянутые опыты с показыванием картин, которых никто, кроме «Рольфа», не видел. Собака высказывала явное нежелание работать, она зевала, смотрела мимо картины, и казалось, что никакого ответа не будет.

Однако случилось нечто неожиданное и в высокой степени удивительное. После долгих упрашиваний, обещаний награды и даже угрозы «Рольф» выстукал следующий поразительный ответ: sr fil bil dr gsn und sagd was is bei dsiglr gnug is nigd mr sagn wil was is dum ig gn Isn r al hrs mir bugl sdeign. В переводе на обыкновенную немецкую речь это надо читать так. Sehr viele Bilder gesehen und Sagt (gesagt), was ist, bei Zigler, genng ist, nicht mehr sagen will, was ist. Dumm ich gehen lassen er, alle Herren mir Buckel steigen. Это значит, очень много видел картин и говорил, что это такое, с Циглером, довольно, не хочу больше говорить, что это такое. Далее идёт фраза, которую я не вполне понимаю. Можно её понимать иронически: «я глуп, он меня отпустил». А может быть, ich ошибочно вместо mich. Тогда надо понимать так: «Глупо. Он меня отпустил». В заключение нечто совсем на первый взгляд непонятное. В буквальном переводе это нечто совершенно бессмысленное: «пусть все господа сядут мне на горб». Это непереводимое жаргонное выражение, местная острота, внутренний смысл которой д-р Макензи объясняет французским выражением «je m'en fiche» — выражение пренебрежения вроде: мне до этого дела нет, наплевать и т. п.

Приведённый удивительный ответ, по своему внутреннему смыслу вполне «человеческий», был дан, как уже сказано, в присутствии нескольких учёных и врачей и в отсутствие г-жи Мэкель. Я полагаю, что обвинять участников опыта в коллективном мошенничестве и фальсификации никто не решится, и приходится признать, что нечто совершенно невероятное есть факт.

10

Д-р В. Макензи, который много работал с «Рольфом» и хорошо его изучил, делает следующие выводы из наблюдённых многочисленных фактов: Способ воспитания «Рольфа» сходен со способом воспитания лошадей. Форма выражения («типтология», основанная на понимании чисел), а также своеобразная стенография сходны у лошадей и собаки. Память «Рольфа» очень сильна. Он ясно выражает свои симпатии и антипатии, проявляет юмор. Он обладает зрительным эстетическим чувством (явное расположение к картинкам, особенно, когда они раскрашены, к разным предметам, красивым с виду). Он умеет отличать предмет по признакам и заявлять об этих признаках. Он обладает арифметическими способностями в большей степени, чем средний взрослый человек. Таковы выводы д-ра Макензи, который обобщает их в гипотезу, что надо признать, как у маннгеймских (кроме «Рольфа», есть кошка «Дази»), так и у эльберфельдских животных существование *разумной психической деятельности*. Мне лично кажется, что то объяснение, в сторону которого склоняются многие, писавшие о математических способностях лошадей Кралля, а именно, что их вычисления не суть доказательство разумной деятельности высшего порядка, а суть проявление особой специальной способности, независимой от разума, неприменимы к «Рольфу», который своими «разговорами» ясно доказывает наличие у него мыслительного процесса, настоящего разума.

Во время изложения сложного и запутанного вопроса о думающих животных я неоднократно отмечал те или иные попытки объяснить описанные явления. В заключение надо подвести некоторые итоги этих попыток. Во-первых, надо отметить, что в настоящее время уже никто серьёзно не говорит об умышленном обмане, мошенничестве, мистификации, фокусах. Эти предположения остались на

[15] Dr. Ludwig Wilser. Der kluge Hund von Mannheim und dir süddentechen Irrenärzte. «Tierseele». I Jahrg. Heft 3.

долю легкомысленных людей, которые воображают, что их личное мнение и их личный здравый смысл есть мерило всех вещей и которые не желают или не умеют заняться *изучением* возникшего перед ними сложного вопроса.

Затем встаёт капитальной важности вопрос: какое влияние имеет присутствие хозяина и учителя животных (г. Кралля и г-жи Мэкель) на ход опытов?

Возможны три случая: 1) Хозяин бессознательно подсказывает ответ почти неуловимыми тонкими жестами, которые *незаметны обычным наблюдателям*, но воспринимаются животным. На этом объяснении, применённом к «Умному Гансу», успокоился в 1907 году Пфунгст. Теперь нет защитников этой гипотезы.

2) Второй случай заключается в том, что присутствие хозяина важно для побуждения животного к работе, действует на него подбодряющим образом, и я считаю, что такое влияние существует и должно существовать. Хотя и есть несомненные доказательства того, что животные *могут* работать в отсутствие хозяев, но всё-таки громадное большинство опытов было произведено и будет впредь производиться в присутствии хозяина и при его несомненном и вполне законном участии, как побудителя к работе, что может при известных условиях совершенно не влиять на чистоту опыта. Правда, на основании своих личных впечатлений в Эльберфельде, я должен сказать, что Кралль, от природы весьма живой и подвижный человек, весьма много суетится, жестикулирует и говорит около своих лошадей во время опытов, и было бы, конечно, гораздо интереснее, если бы обстановка этих опытов была тише и спокойнее. Но, с другой стороны, я думаю, что нельзя требовать от экспериментатора, чтобы он оставался *совершенно пассивным* в таком опыте, который требует со стороны животного известного усилия, напряжения. Известное побуждение, понукание, подбадривание необходимо. Если оно необходимо при прыжке лошади через барьер или канаву, то как же ей отказать в этом подбадривании при решении задачи. Кралль непрерывно приговаривает: «Ну, мой добрый, милый “Мухамед!” Вот сейчас мы будем работать! Ты будешь молодец! Ах ты, мой хороший! Ну, ну!» и т. д. С точки зрения научности метода я бы горячо протестовал против такого зоопсихолога, который, оставивши животное одно или с неподвижным и немым, как статуя, экспериментатором и не получивши ответа, пришёл бы к выводу, что всё это пустяки и никаких ответов лошади не дают. Кажущаяся чистота постановки опыта была бы в сущности глубоко ненаучна, ибо вполне возможно, что для животного нет никакого интереса решать задачу или отвечать на вопрос, и отсутствие *побуждения* к решению может иметь естественным следствием полное уклонение от ответа. Припомним людскую педагогическую практику. И как бывший учащийся, и как преподаватель, я утверждаю, что нет хуже условий для ответа, как когда спрашивающий молча застыл. Это самое мучительное для ученика. Он тоже стоит молча, и чем больше продолжается это обоюдное молчание и неподвижность, тем больше шансов, что ученик не начнёт вовсе отвечать. Стоит спрашивающему дать некоторое «понукание» отвечающему и притом в мягком, любезном тоне сказать малозначащая «ну-с, что же?» «так, начинайте же отвечать!» «о чём там у вас следует?» «ведь вы знаете, отвечайте же, ну!» — и немые уста разверзаются и кажущееся полное незнание превращается во вполне приличный ответ. Так что же удивительного, что животные в отсутствие хозяина отвечают иначе или вовсе не отвечают? Требовать опытов непременно в отсутствие хозяина или при полной его неподвижности и молчании совершенно *непедагогично*.

3) Третье предположение относительно влияния хозяина на ход опытов заключается в том, что хозяин производит *внушение*, передаёт свою мысль на расстоянии. Обстановка опытов с «Рольфом», где хозяйка и собака составляют настоящую «цепь» (см. выше) даёт особо удобную почву для такого предположения. Но это предположение никем подробно не разработано и какими-либо специальными опытами не обставлено. Во всяком случае, если бы такое предположение было справедливо, удивительность наблюдаемых явлений и их несовместимость с данными существовавшей доселе зоопсихологии остались бы непоколебленными.

От роли хозяина переходим, наконец, к тем процессам, которые происходят в самих животных. Тут можно отметить два главных предположения: 1) Наличность настоящего мышления, наличность разума, подобного человеческому, который оставался для нас скрытым, потому что мы не умели найти метода, чтобы его проявить. Несмотря на всю несогласованность такого предположения с выводами существовавшей доселе сравнительной психологии, необходимо признать, что имеющиеся факты такому предположению нисколько не противоречат. 2) Наличие особой способности, не совпадающей с настоящим человеческим разумом. В частности, некоторые авторы применяют, как мы видели, это

предположение к математическим способностям животных. Д-р В. Макензи ставит вопрос на более широкую, общефилософскую точку зрения. Он говорить, что у животных не только имеются психические способности, отличные от человеческого разума и позволяющие им, однако, действовать разумно, но что такие способности имеются и у человека, и в конце концов сводит вопрос к *психическому дуализму*, о котором уже учили древнегреческие философы и в том числе Платон. Далее Макензи пускается в метафизические рассуждения.

Современная психология, — говорит Макензи, — признаёт двойственность психических процессов, отличая явления сознательной психики от явлений бессознательной, или, как иногда говорят подсознательной. Психику человека можно себе представить, говорит он, состоящей из двух областей, одну из которых можно назвать «рассудочная душа» (âme raison), а другую «интуитивная душа» (âme intuitive). Автор делает оговорку, что слову «душа» он не придаёт никакого специального значения, а употребляет его для простоты выражения. «Душа рассудочная» обуславливает познание внешнего мира с помощью внешних чувств, она производит индукцию и дедукцию, она не работает во время сна, её типичное проявление есть логика *индивидуума*. Другая часть души, «душа интуитивная», познаёт независимо от органов чувств. Это не есть специальная функция головного мозга, это скорее «диффузная душа», которую можно себе представить существующей даже у животного, у которого нет центральной нервной системы. Эта «интуитивная душа» не знает сна и, наоборот, часто наиболее ярко проявляется у человека во время сна. Типичное и высшее её проявление, это — логика *вида*. Несмотря на то, что в этом учении достаточно много сомнительного и неопределённого, именно это учение о психическом дуализме призывает Макензи к объяснению загадочных явлений, наблюдаемых у думающих животных. Он предполагает, что эти животные работают именно этой «интуитивной душой», которая у них развита не только не меньше, но, вероятно, больше, чем у человека. Следовательно, как и Камилло Шнейдер, о котором было сказано выше, Макензи уклоняется в конце концов от отождествления умственной деятельности животных с высшей умственной деятельностью человека и отводит для их деятельности особый уголок психики, область подсознательного.

Таким образом, попытка теоретического объяснения загадки думающих животных заводит как Макензи, так и других в область неисследованного, в область гаданий и предположений, и мы не можем прийти с уверенностью к вполне определённому выводу относительно природы наблюдаемых явлений. Этому нечего удивляться. Вопрос этот нов, научно работали над ним очень мало, больше удивлялись и спорили, чем исследовали, да и вся область, им затронутая, область сравнительной психологии, настолько мало разработана, что ждать неоспоримых выводов было бы совершенно преждевременно. Надо желать только одного — чтобы как можно больше наблюдателей взялись за работу с собаками, которые гораздо удобнее лошадей, беспристрастно записывали получаемые результаты. Прежде всего надо выяснить: всякая ли собака и всякий ли человек годны для этих опытов, и каким требованиям должны удовлетворять и собака, и человек, чтобы опыты удались.

О всех новостях этой области я предполагаю осведомлять читателей «Нови», равно как давать на её страницах литературные справки по вопросу о вновь изучаемых способностях животных, если об этом будут поступать запросы. Лично я ещё не работал самостоятельно по этому вопросу и видел мало опытов сравнительно с другими, почему и не решаюсь пока становиться определённо на сторону той или иной гипотезы.

Г. Кожевников

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

А.Л. 1910. Национальный парк. — Газета «Русское слово» (апр.). АрхМГУ Ф. 200 О. 1 ед.хр. 137.

Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. 2006. Первая международная экологическая конференция — конференция по международной охране природы (Берн, 1913 г.). — Экологическое право, (4): 2–4.

Авдеев В.Б. (ред.). 2012. Русская евгеника. — Сборник оригинальных работ русских учёных (хрестоматия). Москва: Белые Альвы. 573 с.

Аветисян Г.А. 1965. Академии имени Тимирязева – 100 лет. — Пчеловодство, (11): 30–33.

Адамова-Слиозберг О.Л. 1993. Путь. Москва: Возвращение. 254 с.

Аксенов Г.П. 2015. КЕПС как замысел и СОПС как реальность в судьбе страны. — Ноосфера, (1–2): 172–182.

Алпатов В.В. 1933. Лаборатория экологии и полезных беспозвоночных и её работа в 1931 г. — Бюллетень Научно-исследовательского института зоологии Московского государственного университета им. М.Н. Покровского, (1): 7–20.

Алпатов В.В. 1933. Профессор Г.А. Кожевников (некролог). — Пчеловодство, (2): 5–7.

Алпатов В.В. 1936. Лаборатория экологии в 1933 г. — Сборник Научно-исследовательского института зоологии Московского государственного университета им. М.Н. Покровского, (3): 171–172.

Алпатов В.В. 1940. Лаборатория экологии. — Ученые записки МГУ. Биология. Юбилейная серия, (54): 51–59.

Алпатов В.В. 1948. Породы медоносной пчелы и их использование в сельском хозяйстве. Москва: Изд-во МОИП. 183 с.

Алтухов А.С. 1989. Первая в мире. — Пчеловодство, (6): 43–44.

Амиров Н.Х., Исмагилов М.Ф., Созинов А.С. и др. 2008. К 150-летию со дня рождения Ливерия Осиповича Даркшевича. — Неврологический вестник, 40 (4): 6–10.

Андреев А.Ю., Посохов С.И. (сост.). 2011. Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков. Антология. Москва: РОССПЭН. 527 с.

Андреева Н.Д. (ред.). 2018. Методика обучения биологии. История становления и развития. Москва: Изд-во Юрайт. 166 с.

Анон. 1901а. Подмосковные экскурсии. — Естествознание и география, (4): 92–93.

Анон. [П.] 1901б. Товарищеская поездка преподавателей естественной истории в Крым. — Естествознание и география, (5): 88–89.

Анон. 1902. XI съезд Русских естествоиспытателей и врачей. — Естествознание и география. 2: 86–90.

Анон. 1903. Серпуховское общество любителей наук. — Естествознание и география, (4): 79–80.

Анон. 1905. Два новых профессора в Московском университете. — Газета «Вечерняя почта», № 203. АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 355 Л. 170.

Анон. 1907. От редакции. — Вестник русского общества пчеловодства, (6–7): 155.

Анон. 1913. [Без названия]. — Газета «Утро России» (18 янв.). АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 136.

Анон. 1924. Чествование проф. Г.А. Кожевникова. — Пчеловодное дело, (2): 41.

Анон. 2007. Талиев Валерий Иванович. — URL: http://lukped.narod.ru/internet/science/taliev.htm (дата обращения: 01.05.2024).

Анон. 2020. Константиновское имение в письмах Кашиной. — URL: https://dzen.ru/media/id/5d667d247cccba00ac1bb2fe/konstantinovskoe-imenie-v-pismah-li-kashinoi-5ee213131ea22143ab326d07 (дата обращения: 10.02.2024).

Анон. 2023. Письма Н.Ф. Федорова. Общий архив статей. (10): 21, 15. — URL: https://pandia.ru/text/77/355/6436-21.php; https://pandia.ru/text/77/355/6436-15.php (дата обращения: 10.02.2024).

Анон. 2024а. Кожевников, Дмитрий Александрович. — URL: https://rus-big-biography-enc.slovaronline.com/64746-Кожевников,%20Дмитрий%20Александрович (дата обращения: 01.05.2024).

Анон. 1924б. Важное открытие русского биолога. — Газета «Известия», № 278. АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 137.

Анон. 1924в. Профессор Г.А. Кожевников. — Пчеловодное дело, (2). С. 39–40.

Антушевич И.А. 1895. Отчет о деятельности Общества акклиматизации животных и растений за 1893 г. — Труды Русского общества акклиматизации животных и растений, 4 (2): 15–23.

Анучин Д.Н. 1914. Охрана памятников природы. Москва: Типогр. Товарищества И.Н. Кушнерев и К°. С. 1–50.

Апиславия. 2016. Создание и регистрация Федерации пчеловодческих союзов «Апиславия». — URL: http://www. apislavia.org/history_russian.html (дата обращения: 01.05.2024).

Арманд А.Д. 2008. Два в одном: Закон дополнительности. Москва: Изд-во ЛКИ. 360 с.

Архипова Л.А. 2001. «Тот образ во мне не угас…». Лидия Ивановна Кашина в письмах, фотографиях, воспоминания. Челябинск: Алексей Казаков со товарищи. 134 с.

Ахмадов Т.З. 2014. Становление и развитие врачебно-санитарного дела на Северо-Восточном Кавказе (XIX в. – 1940 г.). Дисс. … докт. мед. наук. Москва: Минобрнауки РФ. 352 с. — URL: https://roim.historymed.ru/upload/iblock/e23/e238a8d3bb511b84da778504ab0d935d.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

Бабич А.Д. 1960. Степной оазис Аскания-Нова. Харьков: Изд-во ХГУ. 204 с.

Бабков В.В. 2008. Заря генетики человека. Русское евгеническое движение и начало генетики человека. Москва: Прогресс-Традиция. 800 с.

Баршт К.А. 2015. Медведь-кузнец из повести А. Платонова «Котлован» и опыты И.И. Иванова по созданию гибрида человека и обезьяны. — Новое литературное обозрение, 136 (6). — URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/136_nlo_6_2015/article/11711/ (дата обращения: 01.05.2024).

Безбородов А.Б. 2007. Октябрь 1917 г. и оборонный тип сознания советских граждан. — Волынкина М.В., Антонян Ю.М., и др. (ред.). Октябрь 1917: взгляд из XXI века. Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Москва: РИПО. С. 40–43. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Bezborodov.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

Белов П.С., Блинов Л.К.., Борисов П.Г., и др. 1939. Памяти А.И. Россолимо. Некролог. — Рыбное хозяйство, (19): 229–231.

Белозеров О.П. 2009. От зоосада к зоопарку: Московский зоологический сад в первое послеоктябрьское десятилетие. — Историко-биологические исследования, 1 (1): 85–94.

Белый А. 1989. На рубеже двух столетий. Москва: Художественная литература. 543 с.

Бёме Э. 1871. Воспитание сына. Педагогические письма к матери. Перевод Кожевниковой и Ржевской. Санкт-Петербург: печатня В.И. Головина. 98 с. — URL: http://elib.old.gnpbu.ru/textpage/download/html/?bookhl=&book=beme_vospitanie-syna_1871 (дата обращения: 01.05.2024).

Бианки В. 1916. Вид и подчинённые ему таксономические формы. — Русский зоологический журнал, 1 (9–10): 287–297.

Билаш Г.Д., Бурмистров А.Н., Гребцова В.Г. и др. (ред.). 1991. Пчеловодство: маленькая энциклопедия. Москва: Советская энциклопедия. 511 с.

Бобринский Н.А., Четвериков С.С. 1925. Сбор и приготовление зоологических коллекций. Москва–Ленинград: ГИЗ. 112 с.

Богданов А. 1862–1865. Зоология и зоологическая хрестоматия, Т. 1. Животные беспозвоночные. Москва: Типогр: Грачева. 909 с.

Богданов А. 1888. Летопись зоологических трудов Общества в первое двадцатипятилетие его существования (1863–1888 г.). Том первый: фаунистические работы Общества. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 54. Труды Зоологического отделения Общества, 2. 494 с.

Богданов А.П. 1885. Карл Францович Рулье и его предшественники на кафедре зоологии в Императорском Московском университете. Библиографический очерк. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 43 (2). Труды лаборатории при Зоологическом музее Московского университета, 2 (2). 215 с.

Богданов А.П. 1891. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслями знания, преимущественно за последнее тридцатилетие (1850–1888 гг.) — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 70. Труды Зоологического отделения Общества, 6. 335 с.

Богданов В.В. (ред.). 1915. Пятидесятилетие Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии: 1863–1913. Москва: Типогр. Т-ва Рябушинских. 253 с.

Бондарь Л.Д. 2019. Комиссия по изучению озера Байкал Императорской–Российской–Всесоюзной академии наук: ее состав и председатели. — Архивный поиск: сборник научных статей и публикаций, 2: 12–23.

Борейко В.Е. 1996. Очерки о пионерах охраны природы. Том 1. Киев–Москва: Киевский эколого-культурный центр: Центр охраны дикой природы. 258 с.

Борейко В.Е. 2000. Эссе о дикой природе. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 148 с.

Борейко В.Е. 2001. Словарь деятелей охраны природы. Издание второе. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 395 с.

Борейко В.Е. 2003. Белые пятна природоохраны. Издание второе. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 292 с.

Борейко В.Е. 2008. История охраны дикой природы в США. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 80 с.

Борейко В.Е. 2012. Философы дикой природы и природоохраны. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 180 с.

Борейко В.Е. 2013а. Классики концепции абсолютной заповедности. Киев: Логос. 48 с.

Борейко В.Е. (сост.) 2013б. Охотники и экологи против весенней охоты. Антология (1898–2012). Киев: Логос. 265 с.

Борейко В.Е. 2015. Последние островки свободы. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 239 с.

Борейко В.Е. 2017. Классик концепции заповедности ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЖЕВНИКОВ (1866–1933). — URL:https://ecoethics.com.ua/klassik- kontseptsii-zapovednosti-kozhevnikov-grigoriy-aleksandrovich-1866-1933/ (дата обращения: 17.09.2023).

Борейко В.Е., Бриних В.А., Парникоза И.Ю. 2018. Заповедность (пассивная охрана природы). Теория и практика. Киев: Логос. 136 с.

Борейко В.Е., Симонов Е.А., Данилина Н.Р. (сост.). 1997. Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле. (Из отечественных классических работ). Киев: Киевский эколого-культурный центр. 173 с.

Бородин И.П. 1910 (1914). Охрана памятников природы. — Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета, 9: 297–317. [Переиздано: в 1914 г. в виде отдельной брошюры, см. Кожевников, 1914е; перепечатано в: Чибилёв, Тишков, 2012, С. 4–11]

Бородин И.П. 1913. Отчёт о командировке в Берн на Конференцию по международной охране природы. — Известия Императ. Акад. Наук, VII серия, 7 (18): 1065–1068.

Букварева Е.Н. (ред.). 2013. Экосистемные услуги наземных экосистем России: первые шаги. Status quo report. Москва: Центр охраны дикой природы. 45 с.

Булгакова Е. 1990. Дневник Елены Булгаковой. Москва: Изд-во «Книжная палата». 400 с.

Бутлеров А.М. 1911. Два письма А.М. Бутлерова к М.Ф. Визгину. — Пчеловодная жизнь, (19–20): 710–712.

В Москве… 2016. В Москве основан Институт физической культуры. — URL: http://moscow.org/calendar/calendar_461.htm (дата обращения: 15.01.2024).

В.Л. 1925. Совещание по опытному пчеловодному делу в Москве 14 и 16 марта 1925 г. — Пчеловодное дело, (5): 168–169.

Вайнер (Уинер) Д.Р. 1991. Экология в Советской России. Москва: Прогресс. 400 с.

Варсанофьева В.А. 1955. Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки. 1805–1955. Москва: Изд-во МГУ. 104 с.

Васильева А.В. 2019. Фотография и кинематограф: от модного увлечения к инструменту ученого. К 130-летию Н.Н. Ладыгиной-Котс. — Развитие личности, (3): 114–143.

Волков В.А., Куликова М.В. 2003. Российская профессура XVIII – начала XX вв. Биологические и медико-биологические науки. Биографический словарь. Санкт-Петербург: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. С. 435.

Второй… 1913. Второй съезд преподавателей естественной истории в учебных заведениях Московского учебного округа — Естествознание и география, (2): 88–94.

Гарданов В.К., Кононов Ю.Ф. 1955. Музейное строительство в РСФСР (1917–1920 гг.) — Вопросы истории, (4): 117–123.

Гептнер В.Г. 1947. Проблема вида в современной зоологии. — Майр Э. Систематика и происхождение видов с точки зрения зоолога. Москва: Иностранная литература. С. 5–22.

Гептнер В.Г., Насимович А.А., Банников А.Г. 1961. Млекопитающие Советского Союза. Т. 1. Парнокопытные и непарнокопытные. Москва: Высшая школа. 776 с.

Гептнер В.Г., Наумов Н.П., Юргенсон П.Б. и др. 1967. Млекопитающие Советского Союза. Т. 1. Ч. 1. Морские коровы и хищные. Москва: Высшая школа. 1004 с.

Герасимов В.М. 2005. К 140-летию Измайловской Опытной пасеки. — URL: http://www.foto-fokus.su/измайлово-измайловский-парк-лесопар/царская-пасека-измайлово/история-эпц-царская-пасека/ (дата обращения: 22.02.2024).

Гершензон С. М., Бужиевская Т. И. 1996. Евгеника: 100 лет спустя — Человек, 1. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/HERSH.HTM (дата обращения: 15.08.2023).

Годичные отчёты… 1911. Годичные отчёты о деятельности Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений и его отделений за 1910 г. Москва: Типогр. О.Л. Сомовой. 53 с.

Годичные отчёты… 1912. Годичные отчёты о деятельности Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений и его отделений за 1911 г. Москва: Типогр. О.Л. Сомовой. 95 с.

Годичные отчёты… 1913. Годичные отчёты о деятельности Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений и его отделений за 1912 год. Москва: Типогр. О.Л. Сомовой. 102 с.

Годичные отчёты… 1914. Годичные отчёты о деятельности Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений и его отделений за 1913 г. Москва: Типогр. О.Л. Сомовой. 93 с.

Годичные отчёты… 1915. Годичные отчёты о деятельности Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений и его отделений за 1914 г. Москва: Типогр. О.Л. Сомовой. 65 с.

Годичные отчёты… 1916. Годичные отчёты о деятельности Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений и его отделений за 1915 г. Москва: Типогр. О.Л. Сомовой. 53 с.

Горбунов Ю.А. (сост.) 2004. Писательницы России: материалы для биобиблиографического словаря. — URL: http://book.uraic.ru/elib/authors/gorbunov/sl-10.htm https://proza.ru/2021/12/13/1789 (дата обращения: 15.01.2024).

Горький М. 1930. Если враг не сдаётся, его уничтожают. — Газета «Правда», № 314. URL: https://dlib.eastview.com/browse/issue/969626/viewer?udb=870 (дата обращения: 15.01.2024).

Грацианов В.И. 1907. Краткий очерк истории Императорского Русского Общества акклиматизации животных и растений за 50 лет существования. 1857–1907. Москва: Типогр. Г. Лисснера и Д. Совко. 74 с.

Григорьева Т.М. 2004. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв). Москва: Элпис. 456 с.

Гудаев М. 2021. Житков Борис Михайлович. — URL: https://proza.ru/2021/12/13/1789 (дата обращения: 15.01.2024).

Гулевич В.С. 1928. Ассоциация научно-исследовательских институтов Московского государственного университета. — Известия Ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете МГУ, 1 (1–2): 1–3.

Данилкин А.А. 2005. Полорогие (Bovidae). Москва: Товарищество научных изданий КМК. 550 с.

Двигубский… 2023. Двигубский Иван Алексеевич. — Летопись Московского университета. URL: http://letopis.msu.ru/peoples/600 (дата обращения: 15.12.2023).

Декларация Рио. 1992. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 02.07.2024).

Декрет… 1917. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». 1917 год. — Декреты Советской власти. Том первый. 1957. Москва: Государственное Изд-во политической литературы. С. 71–72. URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9057-dekrety-sovetskoy-vlasti-t-i-25-oktyabrya-1917-g-locale-nil-16-marta-1918-g#mode/inspect/page/87/zoom/4 (дата обращения: 15.12.2023).

Декрет… 1918. Декрет Совета Народных Комиссаров от 01.10.1918 «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики». — Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917–1918 гг. 1942. Москва. С. 999–1000. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/342158#mode/inspect/page/998/zoom/4 (дата обращения: 15.12.2023).

Декрет… 1919. Декрет Совета Народных Комиссаров от 27 мая 1919 г. «О сроках охоты и о праве на охотничье оружие». — Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия 1917 –1920 гг. Москва: Государственное издательство. С. 85. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/134317-sbornik-dekretov-i-postanovleniy-po-narodnomu-komissariatu-zemledeliya-1917-1920-gg#mode/inspect/page/100/zoom/4 (дата обращения: 10.10.2023).

Декрет… 1920. Декрет Совета Народных Комиссаров об охоте. 20 июля 1920. — Декреты Советской власти. Том девятый. 1978. Москва: Изд-во политической литературы. С. 243–245. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9074-dekrety-sovetskoy-vlasti-t-ix-iyun-iyul-1920-g#mode/inspect/page/261/zoom/4 (дата обращения: 10.10.2023).

Декрет… 1921. Декрет Совета Народных Комиссаров от 16 сентября 1921 года. «Об охране памятников природы, садов и парков». — Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1921 год. 1944. Москва. С. 813–814. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/342161-sobranie-uzakoneniy-i-rasporyazheniy-rabochego-i-krestyanskogo-pravitelstva-za-1921-g?view=list#mode/inspect/page/812/zoom/4 (дата обращения: 04.05.2024).

Декрет… 1925. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 5 октября 1925 года «Об охране участков природы и её отдельных произведений, имеющих преимущественно научное или культурно-историческое значение». — Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР за 1925 г. Номер 45–94. Отдел первый. С. 867–869. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2689.htm (дата обращения: 10.10.2023).

Дементьев Г.П. 1950. Михаил Александрович Мензбир: 1855–1935. Москва: Изд-во Московского государственного университета. 40 с.

Деятельность… 1903. Деятельность Естественно-исторического отделения Педагогического общества, состоящего при Московском университете, с 1 ноября 1902 г. по 1 ноября 1903 г. —Естествознание и география, (10): 73–78.

Деятельность… 1915.Деятельность Московского общества распространения естественнонаучных знаний за 1914–1915 г. — Естествознание и география, (9–10): 130–131.

Дёжкин В.В., Лихацкий Ю.П., Снакин В.В., Федотов М.П. 2006. Заповедное дело: теория и практика. Москва: Фонд «Инфосфера» – НИА-Природа. 420 с.

Диунов М. 2021. Как советская власть унижала желающих уехать из СССР. — URL: https://vz.ru/society/2021/5/20/1100034.html (дата обращения: 14.08.2023).

Доброхотов А.Л. 1990. Данте Алигьери. Москва: Мысль. 207 с.

Договор… 2006. Договор о Шпицбергене от 9 февраля

1920 г. — Министерство образования и науки Российской Федерации, Международное публичное право. Сборник документов. Часть вторая. Москва: Проспект. URL: https://docs.cntd.ru/document/902038168 (дата обращения: 14.08.2023).

Дуров В. 1914. Открытое письмо проф. Г.А. Кожевникову. — Газета «Раннее утро», № 34. АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 136.

Дуров В.Л. 1924. Дрессировка животных. Психологические наблюдения над животными, дрессированными по моему опыту (40-летний опыт). Новое в зоопсихологии. Москва: Универсальное изд-во. 505 с.

Дуров В.Л. 1933. Научная дрессировка промысловоохотничьих собак. Москва–Ленинград: Всесоюзное кооперативное объединенное издательство. 96 с.

Е.С. 1907. Отчет о деятельности Естественно-исторического отделения Педагогического общества […] с 1 ноября 1904 г. по 1 ноября 1906 г. Естествознание и география, (??). С. 70–80.

Еськов Е.К. 2016. Эволюция, экология и этология медоносной пчелы. Москва: Инфра-М. 291 с.

Жарова Е.Ю. 2012. Курсовая и предметная системы биологического образования в Российской империи. — Вопросы образования, (4): 238–248.

Жизнь... 1921. Жизнь и работа Измайловской пасеки. — Пчеловодное дело, (1): 38–40.

Жуков Ю. 2005. Сталин: Операция «Эрмитаж». Москва: Вагриус. 336 с.

Завадовский Б.М. 1932. Целевые установки и основные показатели к созданию Центрального биологического музея. — Советский музей, (5): 23–41.

Земсков В.Н. 2021. Великий перелом. Подлинные сведения о масштабах сталинских репрессий. Москва: Проспект. 760 с.

Зенкевич Л.А. 1940а. История зоологии беспозвоночных в Московском университете — Ученые записки Московского Государственного Университета. Юбилейная серия, 54: 32–37.

Зенкевич Л.А. 1940б. Кафедра и лаборатория зоологии беспозвоночных — Ученые записки Московского Государственного Университета. Юбилейная серия, 54: 47–50.

Зенкевич Л.А. 1941. Работа Плавучего морского научного института на судне «Персей». — Советская Арктика, (2): 70–77.

Змеев В.А. 2009. Педагогическое общество при Императорском Московском университете. — Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование, (2): 107–121.

Зограф Н. 1896а. Памяти А.П. Богданова. Некролог. — Газета «Московские Ведомости», № 77. URL: http://www.gallery.moip.msu.ru/?p=51 (дата обращения: 20.03.2023; позже не подтверждено).

Зограф Н. 1896б. Гидро-биологическая станция в Пленском озере в Голштинии и на Глубоком озере Рузского уезда Московской губернии. — Естествознание и география, (9–10): 945–954.

Зограф Н. 1898–1900. Курс зоологии для студентов-естественников, медиков и сельских хозяев. Москва: Типо-Литография русского Товарищества печатного и издательского дела. 1316 с.

Зограф Н.Ю., Грацианов В.И. 1909. Труды Всероссийского юбилейного акклиматизационного съезда 1908 года в Москве. Выпуск первый. Общие собрания съезда. Москва: Типогр. О.Л. Сомовой. 101 с.

Зоологическая… 1913. Зоологическая экскурсия в Косино 9 мая 1913 г. 1913. — Естествознание и география, (5): 90–91.

Зоологический… 2021. Зоологический музей Московского университета в лицах 2021. — URL: https://zmmu.msu.ru/files/Персоны/Personu%20ZM_S.pdf (дата обращения: 14.11.2023).

Зосимовский З.В. 1890. Исторический очерк деятельности Российского общества покровительства животным, со дня его основания, 4-го октября 1865 г., по 1891 год, или за 25 лет его существования. Санкт-Петербург: Типогр. П.П. Сойкина. 416 с.

Иванов Ю.Ф. 2002. Московский университет в 1911 г. — Российские университеты в XVIII – начале XX веках. Сборник научных статей, 6: 167–177.

Игтисамов И.Г. 1975. Заповедник бортевых пчел. — Пчеловодство, (5): 12.

Иксанова И.В., Кузнецов А.А., Михайлов К.Г. и др. 1991. История музея. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во МГУ. С. 4–35.

Ильинский Н.В. 1927. Методика краеведческих исследований. Комельское озеро и его район. Вологда: Северный печатник. 120 с.

Ильясов Р.А., Николенко А.Г., Сайфуллина Н.М. (ред.). 2015. Темная лесная пчела *Apis mellifera mellifera* L. Республики Башкортостан. Уфа: Гилем, Башкирская энциклопедия. 308 с.

Ишемгулов А.М., Исхаков Ю.Г., Каипкулов Р.Н. 2012. Башкирская пчела – ценнейший генофонд. — Пчеловодство, (3): 54–56.

Ишков С. 2022. Фраза, вошедшая в историю: «интеллигенция не мозг нации, а говно». — URL: https://mospravda.ru/2022/09/15/577767/ (дата обращения: 14.09.2023).

Калужский Н.В. 1891. Дневник общества. — Труды Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений, 3 (Ч. 2). Вестник Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений. Дневник общества и Зоологического сада. 1890 г.

Калякин М.В., Волцит О.В. (ред.). 2020. Атлас гнездящихся птиц европейской части России. Москва: Фитон XXI. 908 с.

Карпачев М.Д. 2016. Коренная реорганизация университетов в СССР в 1929–1933 гг. (по материалам Во-

ронежского государственного университета). — Новое прошлое, (2): 121–136.
Карпов В. 1930. Что такое охрана природы? — Охрана природы, (8–10): 215–216.
Кирьянова Е. 1932. Всесоюзная фаунистическая конференция. — Природа, (5): 453–458.
Кирьянова Т. 2015. Константиновское имение в письмах Л. И. Кашиной. — Есенинский вестник, 7 (12): 67–72. URL: https://dzen.ru/media/id/5d667d247cccba00ac1bb2fe/konstantinovskoe-imenie-v-pismah-li-kashinoi-5ee213131ea22143ab326d07 (дата обращения: 30.08.2023).
Клейн Л.С. 2014. Злодей и гений? К.С. Мережковский — История российской археологии: учения, школы и личности, Т. 1. Санкт-Петербург: Евразия. С. 673–692.
Клочкова Н.Н. 2016. Служение науке о пчеле. — Пчеловодство, (3): 64–68.
Ковба Д.М. 2020. Евгеника как направление научной мысли и практика селекции человека в конце XIX – начале XXI вв. — Социум и Власть, 4 (84): 7–19.
Кожевников А.Ю. 2021. Первой в России женщине-зоопсихологу и просто красавице посвящал свои стихи Владимир Маяковский. — URL: http://mpgu.su/novosti/pervoj-v-rossii-zhenshhine-zoopsihologu-i-prosto-krasavice-posvjashhal-svoi-stihi-vladimir-majakovskij/ (дата обращения: 30.08.2023).
Кожевникова М. 1902. Материнство и умственная работа. Москва: Университетская типогр. 43 с.
Кожевникова М. 1905. Софья Михайловна Переяславцева. — Первый женский календарь на 1905 год. Санкт-Петербург: Народная Польза. С. 383–390.
Кожевникова М.А. 1900а. Две учебные естественно-исторические экскурсии. — Естествознание и география, (2): 28–42.
Кожевникова М.А. 1900б. В.Н. и В.В. Половцовы. Ботанические весенние прогулки в окрестностях Петербурга — Естествознание и география, (5): 66–67.
Кожевникова М.А. 1903. Задачи и приёмы ботанических экскурсий. Доклад на заседании Серпуховского об-ва любителей естественных наук. АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 320 Л. 22.
Кожевникова М.А. 1911. Памяти Фаусека. Сборник, изданный слушательницами СПб. высших женских курсов. — Естествознание и география, (9): 80.
Кожевниковы Д.А. и А.Д. 2004. Владимир Александрович Кожевников. — Кожевников В.А. Опыт изложения учения Н.Ф. Фёдорова по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам. Москва: Мысль. С. 5–24.
Кожевниковы Д.А. и А.Д. 2006. Предисловие. — Кожевников В.А. Северно-русские думы и впечатления. Наше наследие, 77. URL: http://nasledie-rus.ru/podshivka/7712.php (дата обращения: 30.06.2023).
Козырев В. 2008. Русское пчеловодство в датах. — URL: http://beessib.narod.ru/bees02.html (дата обращения: 30.06.2023).
Колганов В.А. 2021. Старая Москва: 1890–1940 гг. Ч. 2. Москва: Автор. 248 с.
Кольман Э. 1931. Вредительство в науке. — Большевик. (2): 73-81. URL: http://ihst.ru/projects/sohist/papers/bolshevik/1931/2/73-81.pdf (дата обращения: 30.08.2023).
Кольцов Н. 1909. К университетскому вопросу. Москва. 98 с.
Кольцов Н.К. 1923. Улучшение человеческой породы. Петроград: Изд-во «Время». 63 с.
Комаров В.Л. 1927. Флора полуострова Камчатка. Т. 1. Москва–Ленинград: Изд-во Академии Наук СССР. 339 с.
Конвенц Г. 2000. Практика охраны памятников природы. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 88 с.
Котс А.Ф. 1913. Пути и цели эволюционного учения в отражении биологических музеев. Москва: Типогр. В.И. Воронова. 100 с.
Котс А.Ф. 2013. Собрания сочинений. Т. 1. Массовый музей и массовый зритель. Москва: Государственный Дарвиновский музей. 217 с.
Котс А.Ф. 2014. Собрания сочинений. Т. 2. История создания Государственного Дарвиновского музея. Москва: Государственный Дарвиновский музей. 304 с.
Кривошеина Г.Г. 2015. Почему мы забываем свою историю: А.П. Богданов и его научные общества. — Зоологические исследования, (18): 110–128.
Кривошеина Г.Г. 2021. Григорий Иванович Фишер фон Вальдгейм: к 250-летию со дня рождения. — Вопросы истории естествознания и техники, 42 (4): 726–748.
Крускоп С.В. 2002. Млекопитающие Подмосковья. Москва: МГСЮН. 172 с.
Кузин Б.С. 1933. Проф. Г.А. Кожевников. — Зоологический журнал. 12 (1): 3–7. [В публикации авторство некролога не указано, приводится здесь на основании указания в описи университетского архива Г.А. Кожевникова: АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 801.]
Кузин Б.С. 1999. Воспоминания. Произведения. Переписка. Санкт-Петербург: ИНАПРЕСС. 800 с.
Кузина Г.С. 1991. Материалы к биографии Бориса Сергеевича Кузина. — Сохрани мою речь. Москва: Обновление. С. 65–68.
Кузнецов Б.А. 1960. Николай Михайлович Кулагин. — Ученые Тимирязевской академии. Москва: Сельхоз. Академия им. К.А. Тимирязева. 55 с.
Кузнецов В.Н. 2005. Китайская восковая пчела Apis cerana cerana F. (Hymenoptera, Apidae) на Дальнем Востоке России. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 111 с.
Кузьминская К.С. 2016. И.И. Месяцев — океанолог и зоолог (1885–1940). — Жизнь Земли, 38 (2): 224–228.
Кулагин Н. 1902. Пчеловодство на Парижской выстав-

ке 1900 г. — Сельское хозяйство и лесоводство, 205 (4): 399–430.
Кулагин Н. 1904. К вопросу о борьбе с малярией. — Газета «Русские ведомости», № 133. АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 320 Л. 26.
Кулагин Н.М. 1919. Зубры Беловежской пущи. Москва: Издание Московского Научного Института. 166 с.
Лагина А. 2018. «Кровью, сердцем и умом…». Сергей Есенин: поэт и женщины. Москва: Издательские решения. 790 с.
Ладыгина О. 1921. Андрей Семёнов-Тян-Шанский: выбрать дело по душе и поступать так всю жизнь. — URL: https://rgo.ru/activity/redaction/articles/andrey-semyenov-tyan-shanskiy-vybrat-delo-po-dushe-i-postupat-tak-vsyu-zhizn/ (дата обращения: 30.07.2023).
Лебедев В.И., Касьянов А.И. 2014. Из истории Измайловской пасеки. — Пчеловодство, (10): 58–61.
Леви-Стросс К. 1994. Первобытное мышление. Москва: Республика. 384 с.
Лекторий… 2023. Лекторий МГУ — Летопись Московского университета. Лекторий МГУ. URL: http://letopis.msu.ru/content/es-lektoriy-mgu (дата обращения: 30.08.2023).
Леонтьев Я. 2011. «Сегодня жизнь в Московском университете замерла…». — URL: http://ipim.ru/discussion/1908.html (дата обращения: 30.08.2023).
Летопись-1918 (2023). Летопись - 1918. — Летопись Московского университета. URL: http://letopis.msu.ru/letopis/1918 (дата обращения: 30.08.2023).
Летопись-1920 (2023). Летопись - 1920. — Летопись Московского университета. URL: http://letopis.msu.ru/letopis /1920 (дата обращения: 30.08.2023).
Летопись-1921 (2023). Летопись - 1921 — Летопись Московского университета. URL: http://letopis.msu.ru/letopis/1921 (дата обращения: 30.08.2023).
Летопись-1925 (2023). Летопись - 1925. — Летопись Московского университета. URL: http://letopis.msu.ru/letopis/1925 (дата обращения: 30.08.2023).
Летопись-1930 (2023). Летопись - 1930. .— Летопись Московского университетаURL: http://letopis.msu.ru/letopis/1930 (дата обращения: 30.08.2023).
Липшиц С.Ю. 1940. Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования (1805–1940) (исторический очерк). Москва: Полиграфкнига. 155 с.
Лункевич В.В. 1960. От Гераклита до Дарвина. Очерки по истории биологии. Т. 2. 547 с.
Любарский Г.Ю. 2009. История Зоологического музея МГУ. Идеи, Люди, структуры. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 744 с.
Любарский Г.Ю. 2015. Карл Францевич Рулье и Анатолий Петрович Богданов: мастерство организации науки. — Зоологические исследования, (18): 89–109.
Любина Г.И., Бессуднова З.А. 2019. Мария Васильевна Павлова, 1854–1938. Москва: Янус-К. 564 с.
М. 1901. Съезд преподавателей естественной истории Московского учебного округа. —Естествознание и география, (4): 82–92.
Майр Э. 1974. Популяции, виды и эволюция. Москва: Мир. 460 с.
Макаров В. 1931. Тезисы доклада В.Н. Макарова на сессии Госкомитета в декабре 1931 года. — Природа и социалистическое хозяйство, (9–10): 245–248.
Макаров В. 1932. К Всесоюзному съезду по охране природы и содействию развития природных богатств СССР. — Природа и социалистическое хозяйство, (5): 7–9.
Макаров В.Н. 1935. Доклад тов. В.Н. Макарова «О государственных заповедниках РСФСР и перспективах их работы на ближайшие годы». — Труды Первого Всесоюзного съезда по охране природы в СССР. Москва: Изд-во «Власть Советов». С. 22–36.
Макеева Е.Д. 2014. Первые общественные организации природоохранной направленности в России. — Карельский научный журнал, (3): 10–12.
Макеева Е.Д. 2015. Общественное движение за охрану природы в России в условиях социалистического строительства в 1920–1940-е гг. — Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 17 (3/2): 423–428.
Макеева Е.Д. 2016. Становление системы государственного управления охраной природы в России в 1917–1920-х гг. — Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 1. Исторические науки и археология: 34–39.
Малахов В.В. 2006. «ПОКА ГОРИТ СВЕЧА ...». Очерки по истории кафедры зоологии беспозвоночных Московского государственного университета. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 153 с.
Манойленко К.В. 2005. Иван Парфеньевич Бородин. Москва: Наука. 274 с.
Мейен С.В. 1977. Таксономия и мерономия. — Вопросы методологии в геологических науках. Киев: Наукова думка. С. 25–33. [переиздано: Lethaea rossica, 2017, 14: 111–115.]
Мензбир М. 1882. Орнитологическая география Европейской России. Ч. 1. Москва: Университетская типогр. (М. Катков). 524 с.
Мензбир М.А. 1904. Начальный курс зоологии. Применительно к программам реальных училищ. Москва: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К°. 307 с.
Мечников И.И. 1904. Этюды о природе человека. Москва: Изд-во журнала «Научное слово». 219 с.
Мировая… 1915. Мировая охрана природы. — Постоянная природоохранительная комиссия Русского географического общества, 2. Петроград: Типогр. М.М. Стасюлевича. 106 с.
Митрофанов А. 1920. Графиня Екатерина Шереметева – Третьяков от ботаники. — URL: https://www.miloserdie.ru/article/grafinya-ekaterina-sheremeteva-tretyakov-ot-botaniki/ (дата обращения: 30.09.2023).
Михайлов К.Г. 2002. Краткий очерк истории Зоологи-

ческого музея МГУ (1917–1978). Москва: Товарищество научных изданий КМК. 59 с.

Михайлов К.Г., Баранова Ю.М. 2022. Новые материалы по истории Косинской биологической станции. — Историко-Биологические Исследования, 14 (3): 111–121.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. 1998. Толковый словарь языка Совдепии. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс. 704 с.

Морозова С.Г. 2015. А.П. Богданов и Музей прикладных знаний: замыслы и воплощение. — Зоологические исследования, (18): 137–146.

Мочалкин Ф. 1905. Что нужно знать о пчеле и что нужно делать на пчельнике. Изборник опытной пасеки Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений в Измайловском зверинце. Свиток 4. Москва. 66 табл.

Муралевич В.С. 1915. Единственно возможное. — Газета «Утро России», № 220. АрхМГУ Ф. 200 Оп. 1 ед.хр. 136.

Мухина В. 2019. Надежда Николаевна Ладыгина-Котс: мое видение ее личности сквозь время и пространство. — Развитие личности, (2): 9–42.

Насимович А.А. 1979. Дореволюционный период в развитии заповедного дела. — Опыт работы и задачи заповедников. Москва: Наука. С. 7–20.

Научно-исследовательский институт зоологии. 1935. Университеты и научные учреждения. Москва: Наркомпрос РСФСР. — URL: http://leftinmsu.narod.ru/library_files/books/Universytety_narkompros_files/072.htm (дата обращения: 30.08.2023).

Нащокина М.В. (ред.). 2011. Русская усадьба — Сборник Общества изучения русской усадьбы, 16 (32): 480 с. URL: https://disk.yandex.ru/i/4bkB8n5O3R89NK (дата обращения: 15.08.2023).

Не-кандидат. 1905. О замещении кафедры (Письмо из Москвы). — Газета «Сын Отечества», № 67. АрхМГУ Ф. 200 О. 1 № 325.

Неделя… 1912. Неделя пчеловодов. — Искры, 29. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_021959184/ (дата обращения: 19.06.2023).

Никитина И.В. 1992. Кожевников Владимир Александрович. — Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь: Т. 2. Москва: Изд-во БСЭ. С. 585–588.

Никольский А.А. 1996: Этика благоговения перед жизнью как концепция заповедного дела. — Про эко. Спецбюллетень «Охрана дикой природы», (11): 15–17.

Никольский Г.В. 1980. Структура вида и закономерности изменчивости рыб. М.: Пищевая прмышленность. 184 с.

Новиков М.В., Перфилова Т.Б. 2014. «Университетский вопрос» в 1866–1884 гг. — Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки, 1 (1): 22–33.

Новый закон. 1892. Новый закон. Правила об охоте, высочайше утверждённые 3 февраля 1892 года. Москва: Изд-во М.Н. Лаврова. 32 с.

Огнёв С.И. 1913. Опыт описания фауны Московской губернии. Т.1. Млекопитающие. Ч. 1. Chiroptera, Insectivora, Rodentia. — Комиссия для исследования фауны Московской губернии […]. Москва: Комиссия для исследования фауны Московской губ. 310 с.

Огнёв С.И. 1940. Очерк систематических, фаунистических и зоогеографических исследований по позвоночным в Московском университете (1896–1940). — Ученые записки МГУ, Биология, Юбилейная серия, 54: 87–102.

Отчёт… 1893. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1891 год. Часть I. 1893. Москва: Университетская типография. 176 с.

Отчёт… 1897. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1895 год. Москва: Университетская типография. 232 с.

Отчёт… 1901. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1899 год. Москва: Университетская Типогр. 285 с.

Отчёт… 1905. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1904 год. Москва: Университетская типография.291 с.

Отчёт… 1906. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1905 год. Москва: Университетская типография. 167 с.

Отчёт… 1907. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1906 год. Часть I. Москва: Университетская типография. 412 с.

Отчёт… 1908. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1907 год. Часть I. Москва: Университетская типография. 441 с.

Отчёт… 1909. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1908 год. Часть I. Москва: Университетская типография. 502 с.

Отчёт… 1910. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1909 год. Часть I. Москва: Университетская типография. 503 с.

Отчёт… 1911. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1910 год. Москва: Университетская типография. 525 с.

Отчёт… 1912. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1911 год. Москва: Университетская типография. 125 с.

Отчёт… 1914а. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1913 год. Часть I. Москва: Университетская типография. 425 с.

Отчёт… 1914б. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1913 год. Часть II. Москва: Университетская типография. 335 с.

Отчёт… . 1915. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1914 год. Часть IIМосква: Университетская типография. 337 с.

Отчёт… 1916. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1915 год. Часть II. Москва: Университетская типография. 438 с.

Отчёт… 1917. Отчет о состоянии и действиях Импе-

раторского Московского университета за 1916 год. Часть II. Москва: Университетская типография. 504 с.
Отчет… 1925. Отчет 1-го Московского государственного университета за 1924 год. Москва: Изд-во 1-го МГУ. 256 с.
Отчет… 1927. Отчет 1-го Московского государственного университета за 1925–1926 г. Москва: Изд-во 1-го МГУ. 469 с.
Офицеров Е.Н. 2015. О роли А.М. Бутлерова и его школы в становлении научного пчеловодства в России. — Бутлеровские сообщения, 43 (8): 1–18.
Охрана… 1913. Охрана памятников природы. — Естествознание и география, (4): 90.
Охрана… 1917. Охрана природы. — Природа, (11–12): 1161–1162.
П. 1901. Товарищеская поездка преподавателей естественной истории в Крым. —Естествознание и география, (5): 87–89.
Павлинов И.Я. 2005. Введение в современную филогенетику. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 391 с.
Павлинов И.Я. 2015. Номенклатура в систематике. История, теория, практика. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 439 с.
Павлинов И.Я. 2016. Зоологический музей Московского университета: Фрагменты истории (1755–1991). — Зоологические исследования, (19): 57–157.
Павлинов И.Я. 2018. Основания биологической систематики: история и теория. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 786 с.
Павлинов И.Я. 2021. Лошади, тапиры, носороги и другие непарнокопытные: эволюция и разнообразие. Москва: Фитон XXI. 288 с.
Павлинов И.Я. 2023. Проблема вида в биологии: истоки и современность. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 216 с.
Павлинов И.Я., Калякин М.В., Свиридов А.В. (ред.). 2016. Зоологический музей Московского университета: per aspera ad astra. — Зоологические исследования, (19): 5–215.
Павлов И.П. 1973. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. Москва: Наука. 659 с.
Педагогический… 2023. Педагогический институт имени П.Г. Шелапутина и Реальное училище имени А.П. Шелапутина. — URL: https://muzeydela.ru/map/pedagogicheskiy-institut-imeni-p-g-shelaputina-i-realnoe-uchilishche-imeni-a-p-shelaputina/ (дата обращения: 30.08.2023).
По вопросам… 1931. Резолюции съезда. А. Общие. VIII. — Шмальгаузен И.И. (ред.). Труды Четвертого Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов в Киеве, 6–12 мая, 1930 г. Киев–Харьков: Госкомиздат УССР. С. 18.
Подъяпольский, Н.Н. 1928. Оборона страны и охрана природы — Охрана природы, (4): 25–28.
Полтев В.Т. 1968. Интересная рукопись. — Пчеловодство, (2): 30.
Попов В.В. 1913. Летопись русского пчеловодства за тысячу лет (с 912 по 1912 г.). Пенза: Губернская Типогр. 186 с.
Постановление… 1930. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июня 1930 года «Об охране и развитии природных богатств в РСФСР». 1930. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1930 г. № 27–49. Отдел первый. С. 458–461. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/357684-sobranie-uzakoneniy-i-rasporyazheniy-rabochego-i-krestyanskogo-pravitelstva-rsfsr-za-1930-g-locale-nil-27-49-otdel-pervyy#mode/inspect/page/61/zoom/4 (дата обращения: 10.06.2023).
Постановление… 1931. Постановление СНК РСФСР от 13.07.1931 № 752 «О реорганизации государственных университетов». — URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3748.htm (дата обращения: 15.03.2024).
Потёмкин М.П., Дитмар Б.П., Северцов С.А. (ред.). 1930. Труды 1-го Всероссийского съезда по охране природы. Москва: Изд-во ВООП. 224 с.
Прокофьева М.Н. 2002. «О былом бесконечная грусть…» (История дома № 11 по Б. Афанасьевскому переулку). — Наше наследие, 62. URL: http://www.nasle dierus.ru/podshivka/6204.php (дата обращения: 17.06.2023).
Прокушев Ю.Л. (ред.) 2001. Есенин С. А. Полное собрание сочинений, Т. 7, Кн. 3. Утраченное и ненайденное. Неосуществленные замыслы. Есенин в фотографиях. Канва жизни и творчества. Библиография. Указатели. Москва: Наука. 767 с.
Псалтирь… 2023. Псалтирь 117:12. — Синодальный перевод (СИНОД). URL: https://www.bible.com/ru/bible/compare/PSA.117.12 (дата обращения: 17.11.2023).
Птушенко В. 2021. Ценность научной истины: локальная история. 2. — Троицкий вариант – Наука, № 18 (337). URL: https://trv-science.ru/2021/09/cennost-nauchnoj-istiny-lokalnaya-istoriya-2/ (дата обращения: 17. 10.2023).
Пчеловодство… 1926. Пчеловодство и Московский университет. — Пчеловодное дело, (3): 122.
Пятидесятилетие… 1913. Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве, 1862–1912. Исторический очерк. Москва: Скоропечатня А.А. Левенсон. 194 с.
Радишаускайте Н.В. 2019. О библиотечном деле в России в первые годы Советской власти (1917–1920). — Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки, 2 (83): 158–178.
Радченко В. Г., Песенко Ю. А. 1994. Биология пчел (Hymenoptera, Apoidea). Санкт-Петербург: Наука. 350 с.
Райков Б.Е. 1955. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к эволюционной идеи в России. Т. 3. Москва–Ленинград: Изд-во Академии Наук СССР. 644 с.
Райков Б.Е. 1960. Пути и методы натуралистического

просвещения. Москва: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР. 483 с.
Раменский Е.В. 2012. Николай Кольцов: Биолог, обогнавший время. Москва: Наука. 388 с.
Редакция. 1910. Москва, 15 июля — Охотничий вестник, (13): 201–202.
Редакция. 1924. Профессор Г.А. Кожевников. — Пчеловодное дело, (2): 39–40.
Реймерс Н.Ф., Штильмарк Ф.Р. 1978. Особо охраняемые природные территории. Москва: Мысль. 295 с.
Речь… 1894. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12-го января 1894 года. Москва: Университетская типогр. 290 с.
Речь… 1897. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12-го января 1897 года. Москва: Университетская типогр. 468 с.
Речь… 1898. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12-го января 1899 года. Москва: Университетская типогр. 515 с.
Речь… 1899. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12-го января 1898 года. Москва: Университетская типогр. 279 с.
Речь… 1900. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12-го января 1900 года. Москва: Университетская типогр. 525 с.
Речь… 1901. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12-го января 1901 года. Москва: Университетская типогр. 453 с.
Речь… 1902. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12-го января 1902 года. Москва: Университетская типогр. 421 с.
Речь… 1903. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12-го января 1903 года. Москва: Университетская типогр. 527 с.
Речь… 1904. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12-го января 1904 года. Москва: Университетская типогр. 505 с.
Риб Р.Д. 2005. Феромоны медоносной пчелы. — Пчеловодство. (3): 20–21.
Рожнов В.В. Суров А.В., Найденко С.В. и др. 2020. Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН. 85 лет. Москва: ИПЭЭ РАН. 118 с.
Романов С. И. Охотничий словарь. 1876–1877. Москва: Типогр. Н.И. Мамонтова. 616 с.
Романов Ю.В. 1999. Наука и власть: наследие Л.А. Кассо. — URL: http://www.hist.msu.ru/Calendar/1999/Apr/lomonos99/Romanov.htm (дата обращения: 17.12.2023).
Росина Н.Я. 1985. Михаил Александрович Мензбир (1855–1835). Ленинград: Наука. 221 с.
Российская-Кожевникова М.А. 1912. Воспоминания о С.Я. Надсоне. К 25-летию со дня кончины. Москва: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К°. 10 с.
Россиянов К.О. 2006. Опасные связи: И. И. Иванов и опыты скрещивания человека с человекообразными обезьянами. — Вопросы истории естествознания и техники, (1): 3–51.
Рубан Н.И. 2014. Первый Всероссийский музейный съезд, его влияние на развитие дальневосточных музеев. — Российское музееведение. URL: http://www.museumstudy.ru/content/files/ruban_1_s_ezd.pdf (дата обращения: 17.10.2023).
Рулье К. 1845. О животных Московской губернии или о главных переменах в животных первозданных, исторических и ныне живущих, в Московской губернии замечаемых. [...]. Москва: Университетская типогр. 96 с.
Рулье К.Ф. 1857. Три открытия в естественной истории пчелы. Москва: Типогр. Каткова. 57 с. [Перепечатано в: Рулье. 1954. Избранные биологические произведения, С. 359–410].
Рулье К.Ф. 1954. Избранные биологические произведения. Москва: Изд-во Академии Наук СССР. 688 с.
С.М. 1914. Думающие животные. — Газета «Новь», № 24. АрхМГУ Ф. 200 О. 1 № 136.
Савин А.Н. 2015. Университетские дела. Дневник 1908–1917. Москва–Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив. 524 с.
Садчиков А.П. 2015. Московское Общество испытателей природы: 210 лет в истории российской науки — Пространство и время, 4 (22): 161–171.
Сазонов О.В. 2015. Почетные граждане города Козлова. — Козловская старина, 5. URL: https://olegsazonow.ucoz.ru/publ/o_v_sazonov_pochetnye_grazhdane_goroda_kozlova/1-1-0-91 (дата обращения: 17.11.2023).
Саксонов С.В., Сенатор С.А., Новикова Л.А. 2017. Заповедное дело России в XIX–XXI вв. (хроника важнейших событий). Тольятти: Кассандра. 41 с.
Самокиш А.В. 2011. Воспоминания Б. Е. Райкова как источник для изучения истории науки и образования в России – СССР в первой половине XX в. — Вопросы истории естествознания и техники, 32 (2): 113–115.
Семашко Н.А. 1927. Их евгеника и наша — Вестник современной медицины, (10): 639–649.
Семенов-Тян-Шанский А.П. 1910. Таксономические границы вида и его подразделений: опыт точной категоризации низших таксономических единиц. — Записки Императорской Академии Наук, Физ.-мат. отд., 25 (1): 1–29.
Семенов-Тян-Шанский А. 1911. О приютах природы и

их значении в Средней России. —Газета «Новое время» (22 мая). АрхМГУ Ф. 200 О. 1 № 707.

Семенов-Тян-Шанский А. 1913. О заповедниках природы. — Газета «Новое время» (11 дек.). АрхМГУ Ф. 200 О. 1 № 136.

Семенов-Тян-Шанский А.П. 1919. Свободная природа, как великий живой музей, требует неотложных мер ограждения. — Природа, (4–6): 200–216.

Серебровский А.С. 1929. Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе. — Медико-биологическом журнал (4–5). URL: https://www.mat.univie.ac.at/~neretin/misc/biology/serebrovsky.html (дата обращения: 17.06.2023).

Серебрянский А. 1987. Вино. — Рабинович В.Л. (сост.). Русский романс. URL: https://coollib.net/b/217043-antologiya-russkiy-romans/read#t293 (дата обращения: 17.05.2023).

Серпуховское общество любителей наук. 1903. — Естествознание и география, (4): 79–80.

Сеть госзаповедников и перспективы работы на ближайшие годы 1931. Резолюция по докладу тов. Макарова В.Н. […]. — Природа и социалистическое хозяйство, (9–10): 249–250.

Скаткин П.Н. 1964. Илья Иванович Иванов. Москва: Наука. 186 с.

Скрипко Е.А. 2017. Организация охраны природы в Советской России (1919–1924 гг.). — Вестник РГГУ, 8 (29): 73–81.

Смагин В. 2010. История города Козлова. — URL: http://oldkozlov.ru/kozlov.php (дата обращения: 17.06.2023).

Смирнов Е.С. 1923. О строении систематических категорий. — Русский Зоологический журнал, 3 (3–4): 358–389.

Сморчков В.К. 2013. Первый костромской вуз: время, люди, судьбы. Кострома: Костромской Государственный университет им. Н. А. Некрасова. 500 с.

Собрание… 1925. Собрание пчеловодов, посвященное 60-летнему юбилею Измайловской учебно-опытной пасеки. — Пчеловодное дело, (9–10): 366–373.

Создание… 2023. Создание Военной комиссии // Московский университет в Первой мировой войне. — Летопись Московского университета. URL: http://letopis.msu.ru/content/sozdanie-voennoy-komissii-moskovskiy-universitet-v-pervoy-mirovoy-voyne (дата обращения: 16.01.2024).

Соколов В.В. 2010. Очерки эколого-климатической истории России. Санкт-Петербург: РГГМУ. 309 с.

Соколов В.Е., Шишкин В.С. 2005. Развитие отечественной териологии в XIX веке. Москва: Наука. 324 с.

Соколов Д. 1899. Пятидесятилетие Московской 4-й гимназии (1849–1899 гг.). Москва: Типогр. Русского товарищества печатного и издательского дела. 274 с.

Соколов К.М., Пашкова Т.Е., Бензик А.Н. 2022. К 100-летию научно-исследовательского судна «Персей» (1922–2022 гг.). — Труды ВНИРО, (188): 182–188.

Состав… 1913. Состав Императорского русского географического общества по 1 января 1913 года, с дополнениями по 1 октября 1913 года. Санкт-Петербург: Типогр. «Строитель». 112 с.

Спасская Н.Н. 2016. Старая фотография и несколько забытых эпизодов из истории Зоологического музея Московского университета. — Вопросы истории естествознания и техники, 37 (2): 384–391.

Спасская Н.Н., Павлинов И.Я. (ред.). 2015. Любил Россию, Университет, Науку (посвящение А.П. Богданову). — Зоологические исследования, (18): 5–213.

Список… 1931. Список членов Четвертого Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов. —Труды Четвертого Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов в Киеве 6–12 мая 1930 г. Киев–Харьков: Госмедиздат. 379 с.

Степаницкий В. 2020. 100 лет заповедной системе России. 1917–2017. — URL: https://v-stepanitskiy.livejournal.com/14818.html (дата обращения: 17.09.2023).

Стручков А.Ю. 1995. К столетию российских заповедников: слово о Григории Александровиче Кожевникове — Вопросы истории естествознания и техники, (4): 106– 112.

Съезд… 1902. XI Съезд русских естествоиспытателей и врачей. — Вестник опытной физики и элементарной математики, (319): 146–148.

Сукачёв В.Н. 1950. Сталинский план преобразования природы. Москва: Изд-во АН СССР. 32 с.

Суханов Е.А. 2017. Высшее образование и его реформы в России: романтизм и прагматизм («университетский вопрос в России начала XX века). — Суханов Е.А. (сост.). Университетский вопрос в России. Москва: Статут. С. 6–16.

Талиев Валерий Иванович. 2007. Знаменитый лукояновцы. — URL: http://lukped.narod.ru/internet/science/taliev.htm (дата обращения: 17.10.2023).

Талиев В.И. 1914. Охраняйте природу. Харьков: Харьковское общество любителей природы. 21 с. [частично перепечатано в: Чибилев, Тишков, 2018. С. 20–24]

Тедеев А.А., Яковлева М.А. 2022. Социалистическое соревнование. — Большая Российская Энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/sotsialisticheskoe-sorevnovanie-d57942 (дата обращения: 10.11.2023).

Тимофеев-Ресовский Н. 2008. Воспоминания. Москва: Вагриус. 400 с.

Титов Ис. 1929. Совещание по борьбе с болезнями пчел. — Пчеловодное дело, (6): 909–211.

Тихомиров А.А. 1906. К реформе наших университетов. Санкт-Петербург: Типогр. Воейкова. 32 с.

Тихомиров А.А. 1907. Судьба дарвинизма. Санкт-Петербург: Книгопечатня Шмидт. 82 с.

Тихомиров А.А. 1912. Естественная история пчелы. Кострома: Губернская типография. 58 с.

Тихомиров А. 1915. Святой долг науки. Сергиев Посад: Типогр. Св.-Тр. Сергиевой Лавры. 38 с.

Тихомиров А. 2015. Анатолий Петрович Богданов. Зо-

ологические исследования, (18): 30–38.
Тишков А.А. 2017. Сто лет методологии территориальной охраны природы России (к 100-летию заповедного дела). — Известия Российской академии наук. Серия географическая, (1): 8–19.
Тополянский В. 2009. Конец Пироговского общества. — Индекс/Досье на цензуру. (30). URL: http://index.org.ru/journal/30/29-topoljanski.html (дата обращения: 06.06.2023).
Труды… 1911. Труды Второго Всероссийского съезда охотников в Москве (17–25 ноября 1909 года). Ч. 1. Москва: Типо-литогр. Товарищества И.Н. Кушнерев. 323 с.
Труды… 1935. Труды Первого Всесоюзного съезда по охране природы в СССР. Москва: Комитет по заповедникам и ВООП. 392 с.
Тугаринов И.А. 1993. ВАРНИТСО и идеологизация науки. — Философские исследования, (3): 131–153.
Туров С.С. 1956. Зоологический музей МГУ. Москва: Изд-во МГУ. 42 с.
Тягунова Т. 2023. Что было на месте Измайловского парка? — URL: https://dzen.ru/a/ZXwcYJ5fqm0Hp6-f (дата обращения: 06.06.2023).
Усов С.А. 1888. Сочинения С.А. Усова. Том I. Статьи зоологические. Москва: Типогр. А.А. Карцева. 359 с.
Устав… 1866. Устав Общества любителей естествознания, состоящего при Императорском Московском университете. 1866. — Протоколы заседания Общества любителей естествознания, состоящего при Императорском Московском университете с 14 мая 1864 г. по 29 августа 1866 г. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 3 (1): 1–2.
Устав… 1916. Устав Общества младших преподавателей Императорского Московского Университета. Москва: Товарищество Типогр. А.И. Мамонтова. 7 с.
Физико-… 2023. Физико-математический факультет. — Летопись Московского университета. Деканы. URL: http://letopis.msu.ru/content/fiziko-matematicheskiy-fakultet-dekany (дата обращения: 15.12.2023).
Филипченко Ю.А. 1924. Пути улучшения человеческого рода (евгеника). Ленинград: Государственное издательство. 190 с.
Филипченко Ю.А. 1978. Изменчивость и методы ее изучения. Москва: Наука. 240 с.
Филонов К.П., Нухимовская Ю.Д. 1985. «Летопись природы» в заповедниках СССР. Методическое пособие. Москва: Наука. 140 с.
Фокин С.И., Вахромеева О.Б. 2011. Юлия Ивановна Фаусек (Андрусова). Воспоминания — Историко-биологические исследования, 3 (4): 90–124. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuliya-ivanovna-fausek-andrusova-vospominaniya (дата обращения: 06.09.2023).
Хабиева Е.В. 2016. Увлечение пчёлами продолжалось всю жизнь. — Пчеловодство, (4): 64–66.
Хайруллин Р.М. 2022. 100-лет Первому Всероссийскому съезду зоологов, анатомов и гистологов и современная анатомия человека. — Морфологические ведомости, 30 (4):79–86.
Хен Ю.В. 2003. Евгенический проект: «PRO» и «CONTRA». Москва: Институт философии РАН. 154 с.
Ходяков М. 2021. «Классовый паек» и бронированное снабжение продовольствием в годы Гражданской войны. — Quaestio Rossica, 9 (1): 169–187. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/97267/1/qr_1_2021_10.pdf (дата обращения: 10.05.2023).
Холоденко А.В. 2011. В.В. Докучаев и его последователи об охране степных ландшафтов. — Вестник ВолГУ. Сер. 11. Экология и Природопользование, 1 (1): 67–71.
Хохлов Б.П. 1916. Исследование длины хоботка у рабочей пчелы. — Пчелопольное хозяйство, (2): 16–41.
Цуриков М.Н. 2011. Сбор коллекции насекомых — вред или польза? — URL: https://insects.ucoz.ru/publ/o_nasekomykh/curikov_m_n_sbor_kollekcii_nasekomykh_vred_ili_polza/3-1-0-67 (дата обращения: 02.08.2023).
Чибилев А.А. 2017. Заповедного не трогать: к 100-летию первого проекта географической сети заповедных территорий России. — Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Естественные и точные науки, (4): 8–16.
Чибилев А.А., Тишков А.А. (сост.). 2012. Столетие Постоянной природоохранительной Комиссии ИРГО. Юбилейная книга-альманах. Москва: Русское географическое общество. 94 с.
Чибилев А.А., Тишков А.А. 2018. История заповедной системы России. Москва: Русское географическое общество. 218 с.
Чижевский А.Л. 1974. Вся жизнь. Москва: Советская Россия. 208 с.
Шабалина О.В. 2015. Материалы персонального фонда академика Л. А. Зенкевича Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН [...]. — Труды Кольского научного центра РАН, 7 (33): 111–125.
Шабаршов И.А. 1981. Ученые пчеловоды России. Москва: Колос. 176 с.
Шабаршов И.А. 1990. Русское пчеловодство. Москва: Агропромиздат. 511 с.
Шепелев Л.Е. 1991. Титулы, мундиры, ордена в Российской Империи. Страницы истории нашей Родины. Ленинград: Наука. 225 с.
Шехтер Г.Г. 1927. Вырождение и евгеника. Москва–Ленинград: Государственное издательство. 96 с.
Широкова В.А., Озерова Н.А. 2019. Косинские озера как колыбель российской лимнологии: история Косинской биологической станции и Косинского заповедника. — Вопросы истории естествознания и техники, 40 (2): 233–253.
Шифман И.Ш. 1987. Ветхий Завет и его мир. Москва:

Политиздат. 239 с.
Шишкин О. 2012. Красный Франкенштейн: Секретные эксперименты Кремля. Москва: Альпина нонфикшн. 317 с.
Шноль С.Э. 2010. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. Москва: ЛИБРОКОМ. 720 с.
Шпагин М. (сост.). 2014. Измайловские силуэты. — Газета «Измайлово», № 8А (211А). URL: https://izmaylowo.mos.ru/about-the-area/local-history/Копия%20buklen-2014.pdf (дата обращения: 06.11.2023).
Штильмарк Ф.Р. 1979. Развитие заповедного дела после Октябрьской революции. — Опыт работы и задачи заповедников. Москва: Наука. С. 23–37.
Штильмарк Ф.Р. 1981. Принципы заповедности (теоретические, правовые и практические аспекты). — Забродин В.А. (ред.). Географическое размещение заповедников в РСФСР и организация их деятельности. Москва: ЦНИЛ Главохоты РСФСР. С. 60–76.
Штильмарк Ф.Р. 1996. Историография российских заповедников (1895–1995). Москва: Логата. 340 с.
Штильмарк Ф.Р. 2005. Идея абсолютной заповедности. Киев–Москва: Киевский эколого-культурный центр; Центр охраны дикой природы. 116 с.
Штильмарк Ф.Р. 2014. Заповедное дело России: теория, практика, история. Избранные труды. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 511 с.
Штильмарк Ф.Р., Аваков Г.С. 1979. Первый проект географической сети заповедников. — Опыт работы и задачи заповедников. Москва: Наука. С. 20–23.
Щербакова А.А. 1960. Жизнь и деятельность В.И. Талиева. — Валерий Иванович Талиев. Москва: ТСХА. 75 с.
Энциклоп… 1895. Кожевников (Дмитрий Александрович). — Энциклопедический словарь (Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон), т. XVA. Санкт-Петербург: Типо-Литография И.А. Ефрона. С. 576–577.
Энциклоп… 1897. Охотничьи общества. — Энциклопедический словарь (Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон), т. XIIA. Санкт-Петербург: Типо-Литография И.А. Ефрона. С. 502–503.
Эпплбаум Э. 2015. ГУЛАГ. Паутина большого террора. Москва: Corpus. 688 с.
Юмагужин Ф. Г., Туктаров В. Р., Гиниятуллин М.Г., Саттаров В.Н. 2020. Основы пчеловодства: учебное пособие. Уфа: Изд-во Башкирского ГАУ. 148 с.
Юркин И.Н. 2015. Трижды первый (загадки Генкелева кабинета — первой коллекции первого музея первого российского университета). — Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция (2015), Т. 1: Общие проблемы развития науки и техники. Москва: ЛЕНАНД. С. 122–131.
Юровская В.З. 2004. Анатолий Петрович Богданов (1834–1896). Москва: Инст. антропологии МГУ. 116 с.
Bolton B. 2003. Synopsis and classification of Formicidae. Memoirs of the American Entomological Institute, (1): 1-370.
Conwentz H. 1904 Die Gefährdung der Naturdenkmäler und Vorschläge zu ihrer Erhaltung. 207 p. [Издана на русском языке: Конвенц, 2000]
Cuvier G. 1840. Cuvier's Animal Kingdom. London: Orr & Smith. 670 p.
De Sio F., Marazia C. 2014. Clever Hans and his effects: Karl Krall and the origins of experimental parapsychology in Germany. — Studies in History and Philosophy of Science Part C: Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences, 48 (A): 94–102.
Enderlein G. 1906. Neue Honigbienen und Beiträge zur Kenntnis der Verbreitung der Gattung Apis. — Stettiner Entomologische Zeitung, (67): 331–344.
Engel M.S. 1999. Taxonomy of Recent and Fossil Honey Bees (Hymenoptera: Apidae; Apis). — Journal of Hymenoptera Research, 8 (2): 165–196.
Fando R.A. 2018. The history of teaching zoology at the Moscow Higher Women's Courses in the early XX century. — Studies in the History of Biology, 10 (2): 46–66.
Ferguson P.M. 2019. Clever Hans. — Encyclopedia Britannica. URL: https://www.britannica.com/topic/Clever-Hans (дата обращения: 26.03.2024).
Fischer de Waldheim G. 1832. Rapport sur les travaux de la Société Imperiale des Naturalistes de Moscou […]. Moscou: Imprim. Acad. Impér. MédicoChirurgical. P. 1–12.
Fischer G. 1806. Muséum d'Histoire naturelle de l'Université Impériale de Moscou. Tome premier contenant les mammifères. Moscou: Imprim. C.F. Schildbach. 119 p.
Fischer G. 1807. Muséum Demidoff, ou Catalogue systématique ou raisonné des curiosités de la nature et de l'art. […] Muséum Demidoff mis en ordre systématique et décrit. Tome 3. Vegetaux et animaux. Moscow: Imprim. l'Université Impériale. 330 p.
Fries I. 2010. Nosema ceranae in European honey bees (*Apis mellifera*). — Journal of Invertebrate Pathology, 103 (Suppl. 1): S73–S79.
Geni. 2024. Пётр Саввич Прокофьев. — URL: https://www.geni.com/people/Пётр-Прокофьев/6000000033473993885 (дата обращения: 01.06.2024).
Holdaway R.N. 1999. Introduced predators and avifaunal extinction in New Zealand. — MacPhee R.D. (ed.). Extinctions in near time: causes, contexts, and consequences. New York: Kluwer. P. 189–238.
Huxley J.S. 1939. Clines: an auxiliary method in taxonomy. — Bijdragen tot de Dierkunde, 27 (5): 491–520.
Ilyasov R.A., Lee M.-l, Takahashi J.-i. 2020. A revision of subspecies structure of western honey bee *Apis mellifera*. — Saudi Journal of Biological Sciences, 27 (12): 3615–3621.
Kleinschmidt O. 1926. Der weitere Ausbau der Formenkreislehre. — Journal für Ornithologie, 74: 405–408.
Marsh G.P. 1864 (1965). Man and Nature; or, physical geography as modified by human action. Cambridge: Harvard Univ. Press. 472 p.
Mayr E. 1982. The growth of biological thought: diversity,

evolution, and inheritance. Cambridge: Belknap Press of Harvard Univ. Press. 974 p.

Minelli A. 2003. The development of animal form: ontogeny, morphology, and evolution. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 342 p.

Miyazaki Y., Tsunetsugu Y. 2005. A tentative proposal on physiological polymorphism and its experimental approaches. — Journal of Physiological Anthropology and Applied Human Science, 24 (4): 297–300.

Oldroyd B.P., Wongsiri S. 2006. Asian honey bees. Biology, conservation and human interactions. Cambridge: Harvard Univ. Press. 340 p.

Pesenko Y.A., Lelej A.S. Radchenko V., Filatkin G.N. 1990. The Chinese Wax Bee *Apis cerana cerana* F. (Hymenoptera, Apidae) in the Soviet Far East. — Entomological Review, 69 (3): 21–46.

Rossiiskaya-Koschevnokova M. 1891. Études sur le développement des Amphipodes. Quatrième partie. Développement de la Sunamphitoé valida, Czerniavski, et de l'Amphitoé picta, Rathke (Pt. I, II). — Bulletin de la Societe imperiale des naturalistes de Moscou (Année 1890). Nov. Ser., (4): 82–103

Smirnov E.S. 1924. Problem der exakten Systematik und Wege zu ihrer Loesing. — Zoologischer Anzeiger, 61 (1): 1–14.

Steffen W., Grinevald J., Crutzen P., McNeill J. 2011. The Anthropocene: conceptual and historical perspectives. — Philosophical Transactions of the Royal Society. Ser. A., (369): 842–867.

Visconti A. 2020. Alexander von Humboldt and Article 9 of the Constitution of the Italian Republic. — Bulletin of Environmental and Life Sciences, 2 (1): 3–8.

Williams G.C., Mitton J.B. 1973. Why reproduce sexually? — Journal of Theoretical Biology, 39 (3): 545–554.

Winsor M.P. 2009. Taxonomy was the foundation of Darwin's evolution. — Taxon, 58 (1): 1– 7.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

Абрикосов Г.Г. – 115
Агасиц Ж.Л. (Agassiz J.L.) – 471
Аделунг Н.Н. – 251
Александр I – 91
Александр II – 91, 92, 598
Александр III – 91, 92
Алексей Михайлович (Романов) – 244, 615
Алпатов В.В. – 5, 87, 107, 108, 110, 115, 131, 189, 199, 220, 239, 256, 273, 278, 396, 479
Альбрехт Л.К. – 613
Амегино Ф. (Ameghino F.) – 551
Андреева А.В., см. Кожевникова А.В.
Анненкова Е.А. – 7
Анучин Д.Н. – 234, 274, 284, 286, 304, 313
Аристотель – 633
Арнольди В.М. – 36
Архимед – 453
Ауэрбах И.Б. – 91

Бальмонт Г.Л. – 356
Бебель А. (Bebel F.A.) – 500, 567
Бейтсон В. (Bateson W.) – 167
Беккер Э.Г. – 58, 73, 85, 91, 108, 109, 114, 126, 185, 384
Белинский В.Г. – 374
Белоголовый Ю.А. – 232, 233
Берг Л.С. – 58, 61, 68, 69, 189, 233
Бердяев Н.А. – 14
Бехтерев В.М. – 203
Бианки В.Л. – 172, 484
Бикфорд (?) – 590
Блазиус И.Г. (Blasius J.H.) – 617
Блинов А.П. – 275
Боборыкин Г. – 334
Боборыкина С.А. – 28
Бобринский Н.А. – 397
Богданов А.П. – 21–25, 33, 46, 48–56, 60, 61, 64, 68, 71, 81, 83, 90–93, 97, 107, 115, 118, 133, 139, 149, 152, 178, 217, 227, 229, 231, 234, 245–247, 264, 266, 268, 286, 306, 337, 341, 342, 364, 394, 438, 613
Боголепов Д.П. – 103
Боголюбский С.П. – 108
Богоявленский Н.В. – 73, 108, 110, 130, 188
Борейко В.Е. – 282, 367
Борзёнков Я.А. – 48, 229
Борисов П.Г. – 129
Бородин И.П. – 219, 286, 287, 301–304, 314, 316, 322, 367
Боруцкий Е.В. – 5, 110, 115
Браунер А.А. – 481
Бугаев Б.Н. (Андрей Белый) – 61, 381, 383
Булгаков М.А. – 225, 377
Булгаков С.Н. – 14
Буллер У. (Buller W.L.) – 594
Буренин А.С. – 386
Буткевич А.С. – 270
Бутлеров А.М. – 244, 253, 274
Буттель-Репен Х. (H. v. Buttel-Reepen) – 642
Бутурлин С.А. – 299, 300, 309, 315
Быковский К.М. – 53, 85
Быховская А.М. – 44, 130
Бэр К. – 159, 571
Бюффон Ж. – 172

Вавилов Н.И. – 208, 209, 385, 486
Вагнер В.А. – 71, 469, 632
Вагнер Н.П. – 26, 338
Вайнер Д. – 7, 306
Вальдейер Г. (Waldeyer H.) – 460
ван Нек Я. (van Neck J.C.) – 533
Вангенгейм А.Ф. – 323, 325
Варавва М.П. – 236, 237
Варнек Н.А. – 229
Варрен Э. (Warren E.) – 597
Васьковский И.И. – 259
Вейсманн А. (Weismann F.L.A.) – 588, 591, 597
Вермель Е.М. – 130
Вернадский В.И. – 96, 226
Веттштейн Р. (Wettstein R.) – 597
Виммер Ж. (Wimmer J.) – 615
Винарский М.В. – 7
Витвицкий Н.М. – 243
Вишняков Ф.А. – 269
Вольтерек Р. (Woltereck R.) – 485, 578
Воробьёв К.А. – 110, 117
Вороник В.В. – 56
Воронков В.Н. – 73, 185, 187
Воронов С. – 225
Вышинский А.Я. – 110

Габричевский Г.Н. – 222–224
Гагенбек К. (Hagenbeck C.) – 231
Гальский П.С. – 187
Гальтон Ф. (Galton F.) –198, 207, 481

В Указатель имён не включено имя Г.А. Кожевникова, поскольку оно встречается почти на каждой странице Основной части книги.

Гартерт Э., см. Хартерт Э.
Гейнке Ф., см. Хайнке Ф.
Гейкрефт (?) – 566
Геккель Э. – 57, 77, 144, 152, 157, 159, 164, 166, 460, 481, 483, 496, 565, 636
Гексли, см. Хаксли
Гептнер В.Г. – 5, 107, 110, 115–117, 169, 398, 399
Гербст И. (Herbst J.F.W.) – 576
Гертвиг В. (Hertwig W.) – 460
Гертвиг Р. (von Hertwig R.) – 622
Гинтце Б.К. – 185
Глазенап С.П. – 343
Головнин Д.Н. – 91
Гомер – 19, 335, 348
Гончаров И.А. – 335
Гораций – 457
Горожанкин И.Н. – 22
Горький М. – 321
Грасси Г. (Grassi G.B.) – 590, 591
Грацианов В.И. – 91, 188, 625
Греве П.А. – 188
Грубер К. (?) – 647, 648
Гумбольдт А. (Humboldt A.) – 283, 284, 286, 302

Д'Альбер Э. (d'Albert E.) – 15
Дарвин Ф. – 540
Дарвин Ч. – 20–22, 77, 109, 133, 153, 154, 157–159, 163–165, 170, 171, 197, 201, 206, 207, 298, 336, 398, 490, 496, 499, 500, 540–543, 549, 550, 556, 571, 572, 633
Даркшевич Л.О. – 34, 40
Дацкевич А.П. – 185
Двигубский И.А. – 177, 178, 613
де Кандоль О.-П. – 571
де Кок П. (de Kock P.) – 334
де Лаказ-Дютье Ф. (de Lacaze-Duthiers F.-J.-H.) – 592
Дейнега В.А. – 40
Декарт Р. – 633
Дексбах Н.К. – 72
Дернов М.А. – 266
Дерюгин К.М. – 479
Дитмар Б.П. – 315
Добролюбов Н.А. – 336
Додэ А. (Daudet A.) – 376
Докучаев В.В. – 284–286
Достоевский Ф.М. – 335, 359, 386
Дрейер Ф. (Dreyer F.) – 596
Дрейлинг (?) –345
Дриш Г. (Driesch H.) – 163, 484
Дудин И. – 33
Дукельская Н.М. – 110
Дункер Г. (Duncker G.) – 484
Дуров В.Л. – 40, 43, 149, 201, 203–206
Духовенский Б.П. – 72
Дьяконов А. – 102

Евдокимова В.Ю. – 7
Евсеев А.И. – 244
Елачич Е.А. – 173
Елизавета (Романова) – 45
Елпатьевский В.С. – 59, 73, 85
Ермолов А.С. – 303
Есенин С. – 354–356, 358

Ёжиков И.И. – 108, 110, 114

Желоховцев А.И. – 5, 115, 116
Житков Б.М. – 60, 67, 73, 85, 94, 104, 106–108, 110, 129, 187, 233, 299, 309, 310, 600
Жордан А. (Jordan A.) – 486

Завадовский Б.С. – 123, 124
Завадовский М.М. – 381, 575
Завадский С.В. – 305
Заварзин А.А. – 487
Закгейм Ю.Р. – 120
Зейднер М.Г. – 233
Зелёный Г.П. – 632
Зенкевич Л.А. – 5, 105, 108–110, 128–130, 218–220, 385, 397, 479
Зернов С.А. – 63, 73, 107, 250
Зограф Н.Ю. – 16, 28, 32, 50–52, 56, 57, 59, 61, 64, 70, 71, 73, 163, 178, 185, 187, 189, 219, 230, 235, 250, 264, 296, 339, 343, 394
Зограф Ю.Н. – 59, 187
Золотарёв А.П. – 614, 620, 622

Иванов И.И. – 225–227
Иванцов Н.А. – 203
Иловайский С.А. – 110
Ильин И.А. – 94
Исаев В.И. – 179
Иогансен В.Л. (Johannsen W.L.) – 483
Исаков Н.В. – 90

Каблуков И.А. – 237, 244, 264, 267, 343
Каврайский Ф.Ф. – 51
Кажинский Б.Б. – 203
Кайгородов Д.Н. – 456
Калиновский Я.Н. – 229
Калужский Н.В. – 51
Каммерер П. (Kammerer P.) – 468
Кампанелла Т. – 207
Каргина Н.П. – 7
Карчагин А.Н., см. Корчагин А.Н.
Кассо Л.А. – 7, 63, 95, 96, 98, 101, 121, 396
Кашин Н.П. – 354
Кашина (урожд. Кулакова) Л.И. – 26, 39, 40, 43, 99, 354–358, 384, 385, 387, 388, 395, 400
Кетле А. (Quetelet L.-A.-J.) – 198, 481
Кириллова Н.В. – 323
Клаач (Клач) Г. (Klaatsch H.) – 549–550
Клапаред Э. (Claparède É.) – 634, 639, 640
Классен В. (Classen W.) – 558, 561
Кляйншмидт О. (Kleinschmidt O.) – 171, 172, 257
Книпович Н.М. – 171
Ковалевский А.О. – 592
Кожевников А.А. (младший брат Г.А.) – 13, 16, 18, 19, 30, 31, 34, 347, 354
Кожевников А.В. (сын Кожевникова В.А.) – 15, 35
Кожевников А.Г. (сын Г.А.) – 15, 34
Кожевников А.И. – 12
Кожевников А.С. – 12, 15
Кожевников В.А. (старший брат Г.А.) – 13–15, 18, 19, 32, 151, 153, 332, 333, 336, 340, 348, 349, 375, 384, 386, 392
Кожевников Д.А. (сын Кожевникова А.С.) – 13, 16, 19, 359

Кожевников Д.А. (внук Кожевникова В.А.) – 15
Кожевников И.И. – 12
Кожевников М.С. – 12
Кожевников С.И. – 12
Кожевникова А.В. (дочь Кожевникова В.А.) – 15, 35
Кожевникова (урожд. Андреева) А.В. (Анюта, юношеская любовь Г.А.) – 14, 15, 34
Кожевникова (в замужестве Прокофьева) Е.Г. (Елена, Лёля, дочь Г.А.) – 15, 31, 33–35, 37, 40, 43, 44
Кожевникова (в замужестве Прокофьева) З.А. (Зина, сестра Г.А.) – 15–17, 19, 33, 40, 43, 44
Кожевникова М.Г. (мать Г.А.) – 12, 13, 17, 37, 336, 349
Кожевникова М.Г. (Маша, дочь Г.А.) – 30, 31
Кожевникова (урожд. Российская) М.А. – 25–34, 36–42, 361–354, 446
Кожевникова (урожд. Тарановская) М.Г. – 13, 17
Кожевникова Н.В. – 12, 13
Кожевникова О.Г. (Оля, дочь Г.А.) – 30
Кожевникова (в замужестве Шамбурова) С.Г. (Соня, дочь Г.А.) – 31, 34, 37, 40, 43
Козлов П.К. – 479
Кольцов Н.К. – 5, 70, 93, 96, 107, 111, 127, 151, 204, 213, 306
Комаров В.Л. – 171
Конвенц Г. (Conwentz H.) – 284, 286, 302
Кондратьева Е.Е. – 256
Коп Э. – 164
Коровенко – 72
Короленко В.Г. – 376
Корчагин (Карчагин) А.Н. – 25, 51, 54, 63, 247, 341, 342, 613, 616
Котс А.Ф. – 82–84, 122, 123, 205, 233, 310, 312
Кралль К. (Krall K.) – 202, 663–635, 637–644, 648, 649
Красин Л.Б. – 313
Крепелин Э. (Kraepelin E.) – 458
Кречетович Л.М. – 72
Крыжановский С.Г. – 108, 115
Крыленко Н.В. – 309
Крэмер (?) – 640
Кузин Б.С. – 5, 34, 39, 43, 45, 104, 110, 115, 116, 120, 129, 189, 203, 381, 384, 395, 396, 401, 404
Кузина О.С. – 109
Кузнецов Н. – 102
Кузнецова Е.И. – 28
Кулагин Н.М. – 23, 40, 51, 52, 57, 63, 108, 126, 224, 230, 234, 236, 240, 246, 264–266, 268, 270, 272, 274, 279, 296, 306, 310, 312, 314–316, 323, 325, 343, 395, 404, 606
Кулаков Б.И. – 355
Кулаков И.П. – 354
Кулакова Л.И., см. Кашина Л.И.
Курский В.И. – 56
Кутан Ж. (Coutagne G.) – 577, 580
Кювье Ж. – 136, 571

Лагина А. – 355
Ладыгина-Котс Н.Н. – 205, 206
Ламарк Ж.Б. – 77, 153, 496, 555
Ландуа Г. (Landois H.) – 499, 571
Лебедянцев А.Н. – 124
Лейкарт Р. (Leuckart R.) – 573, 574
Ленин В.И. – 100, 103, 225, 308
Леонтович А.В. – 204
Лесевич В.В. – 375, 376
Лехнер А.Ф. – 229
Линдеман К.Э. – 613, 645
Линней К. – 48, 162, 175, 209, 255, 304, 482
Лепенина Е.В. – 7
Лоренц Ф.К. – 88, 188, 613, 616
Лотси Я. (Lotsy J.) – 172, 486
Луначарский А.В. – 120, 203, 204, 308, 311, 313
Лысенко Т.Д. – 213
Любарский Г.Ю. – 7
Любищев А.А. – 163, 164, 483

Мавровский А. – 17, 22, 340, 392, 393
Магницкий Р.С. – 56
Макаров В.Н. – 130, 131, 325, 328
Макензи У. (Mackenzie W.) – 645, 648, 650
Макли Р. (Macleay R.) – 257
Марковников В.В. – 25, 394
Марциновский Е.И. – 131
Марш Д. (Marsh G.) – 283, 286
Мачалкин (Мочалкин) Ф.С. – 245, 267
Матвеев Б.С. – 108, 128
Мейтецен А. (Meitzen A.) – 615
Мельгунов П.П. – 178, 613
Мензбир М.А. – 52, 60, 67, 68, 76, 85, 94–96, 101, 102, 106, 107, 124, 129, 345, 396, 451, 613, 619, 620
Мережковский Д.С. – 26
Мережковский К.С. – 25, 26
Месяцев И.И. – 5, 36, 91, 105, 110, 114–116, 124, 125, 127, 218–220, 479
Мечников И.И. – 210, 553
Милашевич К.О. – 613
Милль Д. – 484
Минаков П.А. – 95
Мирчинк Г.Ф. – 131
Митрофанов П.И. – 343
Михайлов К.Г. – 7
Мопá Э. (Maupas É.) – 589
Морозов Г.Ф. – 286
Мочалкин, см. Мачалкин Ф.С.
Муравьёв И.А. – 276
Муралевич В.С. – 5, 73, 94, 187, 223, 367
Мэкель П. (Moekel P.) – 636, 637, 644–649

Надсон С.Я. – 27
Насонов Н.В. – 51, 52, 124, 246, 264, 303
Николай I – 91
Николай II – 91, 92
Никольский В.Н. – 224
Новиков М.М. – 96

Обакевич Ф.М. – 226
Овидий – 618
Огнёв И.Ф. – 16, 150
Огнёв С.И. – 16, 57, 73, 89, 99, 107–109, 115, 117, 188, 189, 310, 481
Ольденбург С.Ф. – 313
Оммель – 275
Оппенгейм Ф. (Oppenheim F.) – 555
Осборн Г. (Osborn H.F.) – 537
Оствальд В. (Ostwald W.F.) – 454, 456
Остен В. (von Osten W.) – 202, 633, 634? 643

Ошанин В.Ф. – 613

Павликовский Я. (Pawlikowski J.) – 284
Павлов А.П. – 96, 164, 485
Павлов И.П. – 201, 225, 226
Павлова М.В. – 29
Павловский Е.Н. – 328
Павловы (палеонтологи) – 40, 96
Парфентьев И.А. – 108
Пашенная В.Н. – 294
Перелешин С.Д. – 118
Перепелова Л.И. – 271, 397
Перетц М.З. – 356
Переяславцева С.М. – 26, 28, 217, 351
Песковский М.Л. – 375
Петрункевич А.И. – 589
Петцольд Й. (Petzoldt J.) – 79, 456, 589
Пётр I — 283
Пирогов И.П. – 92
Пирогов Н.И. – 221, 237
Плавильщиков Н.Н. – 5, 114, 362, 397
Плате Л. (Plate L.H.) – 636, 637, 640, 641
Перов А.А. – 258
Пирсон К. (Pearson C.) – 481, 589
Платон – 163, 208
Плётц А. (Ploetz A.) – 563
Подъяпольский Н.Н. – 315, 316, 321
Покалюк К.И. – 316
Полина Яковлевна (вторая жена Г.А.) – 43, 44
Полтев В.И. – 264
Поплавская Н. – 354
Поссарт Э. (Possart E.) – 386
Потёмкин М.П. – 324
Презент И.И. – 327, 328
Прокопович П.И. – 243
Прокофьев Г.П. (зять Г.А.) – 33
Прокофьев П.С. – 15
Прокофьева З.А., см. Кожевникова З.А.
Прокофьевы – 15, 16, 19
Прохорова И.В. – 7
Пфунгст О. (Pfungst O.) – 633, 644

Радль Э. (Rádl E.) – 163, 484
Райков Б.Е. – 76, 79, 238
Рафес П.М. – 110
Редикорцев В. – 102
Ренар К.И. – 48
Реш Г. (Resch H.) – 263
Ржевская Ж., см. Боборыкина С.А.
Римский-Корсаков М.Н. – 328
Родендорф Б.Б. – 5
Роменс Д.-Д. (Romanes G.-J.) – 633
Российская М.А., см. Кожевникова М.А.
Россинский Д.М. – 51, 110, 219, 315, 316, 323, 613
Россолимо А.И. – 106, 116, 127
Россолимо Г.И. – 96, 204
Россолимо Л.Л. – 5, 106, 108, 110, 116, 218, 220, 221
Россолимо О.Л. – 106
Ростовцевы – 17, 19
Ростовцов А.В. – 347
Рубинштейн М.М. – 72
Рулье К.Ф. – 5, 47, 48, 116, 140, 146, 167, 177, 178, 181, 200, 227–229, 243, 245, 252, 613, 615
Румянцев А.В. – 108
Румянцев Н.П. – 90
Рышков П.И. – 56
Рюдин Э. (Rüdin E.) – 502, 503

Сабанеев Л.Л. – 59
Садовский П.М. – 204
Сальвини Т. (Salvini T.) – 386
Сандиас А. (Sandias A.) – 590, 591
Саразин П. (Sarasin P.) – 303, 304, 314, 602, 640
Сатунин К.А. – 17, 57, 58, 173, 178, 371, 393, 394, 474, 614, 616, 617, 625
Сафонов В.И. – 15
Северов С. – 17
Северовы – 17, 19, 334
Северцов А.Н. – 96, 106–108, 124, 129, 130, 313, 396
Северцов Н.А. – 72, 178, 471
Северцов С.А. – 108, 310, 316, 323
Семашко Н.А. – 204, 213, 225, 313, 315
Семёнов-Тян-Шанский А.П. – 31, 35, 42, 60, 70, 85, 93, 98–102, 124–126, 170–172, 174, 176, 190, 222, 229, 232, 233, 235, 257, 285–287, 290, 292, 300, 301, 303, 306, 307, 310, 312, 316, 322, 324, 328, 362, 363, 366, 367, 385, 388, 397, 400, 484, 621
Семёнов-Тян-Шанский В.П. – 286, 287, 289, 303, 305, 313, 323, 326, 328
Сергеев А.М. – 398
Сергей Михайлович (Романов) – 598
Серебровский А.С. – 213, 226, 312
Серебрянский А. – 22
Сибирцев Н.М. – 619, 620
Смагин П.Н. – 371
Смидович П.Г. – 328
Смирнов Е.С. – 5, 110, 116, 164, 175, 190, 200, 224, 486
Слонимский Л.З. – 375
Смолин П.П. – 110
Сорокин Н.В. – 263
Спенсер Г. (Spencer H.) – 588, 597
Сталин И.В. – 118, 321
Станчинский В.В. – 328
Стеллер Г. – 531, 603
Столяров А.В. – 600
Стрельцов В.П. – 371
Студитский А.Н. – 109
Суворин В.П. – 386
Сушкин П.П. – 619, 620

Талиев В.И. – 286, 302, 308, 310, 311, 315, 316, 322
Танеев С.И. – 15
Танфильев Г.И. – 620, 621
Тарановская М.Г., см. Кожевникова М.Г.
Тер-Оганезов В.Т. – 310
Тидеманн Ф. – 159, 571
Тимирязев К.А. – 30, 123, 335
Тимофеев-Рессовский Н.В. – 385
Титов А.Е. – 269, 270, 272, 277, 278
Титовы (пчеловоды) – 40
Тихомиров А.А. – 36, 37, 41, 52, 53, 57, 60–62, 64, 73, 85, 93, 104, 105, 141, 142, 178, 181, 247, 384, 394, 549

Тихомирова А.В. – 7
Тихомирова О.О. – 38, 41, 42
Тихомировы – 41, 385, 401
Тоболкин Я.А. – 225–227
Толстой А.К. – 374
Толстой Л.Н. – 375, 450
Троцкий Л.Д. – 320
Трубецкой Е.Н. – 93
Тургенев И.С. – 19
Турессон Г. (Turesson G.) – 167
Туркин Н.В. – 300
Туров С.С. – 5
Тюнин Ф.А. – 269–272

Ульянин В.Н. – 613
Унгольд (?) – 565
Усов С.А. – 48, 167, 169, 229

Фальц-Фейн Ф.Э. – 285, 303
Фёдоров В.А. – 309
Фёдоров Н.Ф. – 14, 15
Федоровский Н.М. – 316
Федотов Д.М. – 110
Федотова А.А. – 7
Федченко А.П. – 178
Ферсман А.Е. – 313
Фергёф К. (Verhoeff K.W.) – 576
Филипченко Ю.А. – 167, 194, 200, 213
Фишер (фон Вальдгейм) Г.И. – 46–49, 177, 227, 228
Флейшман (?) – 268
Флёров А.Ф. – 184
Форель О.А. (Forel A.-H.) – 567
Формозов А.Н. – 5, 110
Франсе Р. (France R.H.) – 498–499
Фрейберг П.Р. – 51, 621

Хайнке (Гейнке) Ф. (Heincke J.F.) – 170, 199, 460, 482, 486, 617
Хаксли (Гексли) Т. (Huxley T.) – 542
Хартерт (Гартерт) Э. (Hartert E.) – 72, 468,
Харузин А.Н. – 23, 51
Хильцхаймер М. (Hilzenheimer M.) – 617
Хорошов (?) – 616
Хохлов Б.П. – 199, 240, 256
Хромцова Т.В. – 7
Хун К. (Chun C.F.) – 535

Цветаева М. – 33
Цельмин А.К. – 57, 91
Цераская Л.М. – 40
Циглер Г. (Ziegler H.) – 212, 500, 634, 640, 641, 645, 646
Цневитинов Н.А. – 187

Челпанов Г.И. – 633
Четвериков С.С. – 58, 73, 127, 151, 167, 188, 620, 621
Чефранов С.В. – 105
Чижевский А.Л. – 203, 205
Чулок С. (Tschulok S.) – 136, 486

Шаврова М. – 346
Шавровы – 19
Шалфеев П.П. – 338
Шальмайер В. (Schallmayer W.) – 497–499, 555
Шаляпин Ф.И. – 381
Шамбуров Д.А. – 34, 36, 37, 40
Шамбурова С.Г., см. Кожевникова С.Г.
Шамбуровы – 37
Шеллинг Ф. – 159
Шереметев С.Д. – 348
Шереметева Е.П. – 182, 188, 614
Шереметевы – 15, 188, 347, 249
Шефтель – 109
Шибанов Н.В. – 110, 116
Шиллингер Ф.Ф. – 286, 309–312, 315, 600
Шимкевич В.М. – 226, 343, 394, 551
Шингарёв А.И. – 560
Шихманов Н.Я. – 103, 343
Шнейдер К.К. (Schneider K.K.) – 643, 644, 650
Шпенгель И. (Spengel J.W.) – 592
Шнейдер – 72
Шорыгин А.А. – 479
Шпильгаген Ф. (Spielhagen F.) – 19
Штандфусс М.-Р. (Standfuß M.-R.) – 468
Штейнман Й. – 164, 485, 602
Штернберг П.К. – 94, 100
Штильмарк Ф.Р. – 292, 308
Штольцман Я. (Sztolcman J.) – 314
Шульгин М.А. – 376

Щелкановцев Я.П. – 73, 85
Щербаков Ф.С. – 73, 185
Щуровский Г.Е. – 234

Экштейн К. (Eckstein K.) – 298
Эпштейн Г.В. – 108

Юзефович А. – 182
Юнге Ф. (Junge F.) – 456

Яблочкина А.А. – 204
Якобсон Г. – 102
Яковлева В.Н. – 313
Ярцев – 400
Яхонтов А.А. – 485
Яшнов В.А. – 110, 114, 115, 220, 479

Agassiz J.L., см. Агасиц Ж.Л.
Ameghino F., см. Амегино Ф.
Bateson W., см. Бейтсон В.
Bebel F.A., см. Бебель А.
Blasius J.H., см. Блазиус И.Г.
Buller W.L., см. Буллер У.
Chun C.F., см. Хун К.
Claparède É., см Клапаред Э.
Classen W., см. Классен В.
Conwentz H., см. Конвенц Г.
d’Albert E., см. Д’Альбер Э.
Dalla Torre K. – 177
Danford C.H. (?) – 486
Dreyer F., см. Дрейер Ф.
Duncker G., см. Дункер Г.
de Kock P., см. де Кок П.
de Lacaze-Duthiers F.-J.-H., см. де Лаказ-Дютье Ф.

Detto C.A. (?) – 486
Driesch H., см. Дриш Г.
Dubois (?) – 534
Eckstein K., см. Экштейн К.
France R.H., см. Франсе Р.
Forel A.-H., см. Форель О.А.
Galton F., см. Гальтон Ф.
Grassi G.B., см. Грасси Д.
Hagenbeck C., см. Гагенбек К.
Heering W. (?) – 458
Hartert E., см. Хартерт Э.
Heincke J.F., см. Хайнке Ф.
Herbst J.F.W., см. Гербст И.
Hertwig W., см. Гертвиг В.
Hilzenheimer M., см. Хильцхаймер М.
Humboldt A., см. Гумбольдт А.
Huxley T., см. Хаксли Т.
Johannsen W.L., см. Иогансен В.Л.
Jordan A., см. Жордан А.
Junge F., см. Юнге Ф.
Kammerer P., см. Каммерер П.
Klaatsch H., см. Клаач Г.
Kleinschmidt O., см. Кляйншмидт О.
Krall K., см. Кралль К.
Kraepelin E. Крепелин Э.
Landois H., см. Ландуа Г.
Leuckart R., см. Лейкарт Р.
Lotsy J., см. Лотси Я.
Mackenzie W., см. Макензи У.
Macleay R., см. Макли Р.
Marchal P. (?) – 594
Marsh G., см. Марш Д.
Maupas É., см. Мопá Э.
Meitzen A., см. Мейтецен А.
Moekel P., см. Мэкель П.
Oppenheim F., см. Оппенгейм Ф.
Osborn H.F., см. Осборн Г.
Ostwald W.F., см. Оствальд В.
Pawlikowski J., см. Павликовский Я.
Pearson C., см. Пирсон К.
Petzoldt J., см. Петцольд Й.
Pfungst O., см. Пфунгст О.
Plate L.H., см. Плате Л.
Ploetz A., см. Плётц А.
Possart E., см. Поссарт Э.
Quetelet L.-A.-J., см. Кетле А.
Rádl E., см. Радль Э.
Resch H., см. Реш Г.
Romanes G.-J., см. Роменс Д.-Д.
Rüdin E., см. Рюдин Э.
Salvini T., см. Сальвини Т.
Sandias A., см. Сандиас А.
Sarasin P., см. Саразин П.
Schallmayer W., см. Шальмайер В.
Schmidt J. (?) – 481
Schneider K.K., см. Шнейдер К.К.
Spencer H., см. Спенсер Г.
Spengel J.W., см. Шпенгель И.
Spielhagen F., см. Шпильгаген Ф.
Standfuß M.-R., см. Штандфусс М.-Р.
Sztolcman J., см. Штольцман Я.
Tschulok S., см. Чулок С.
Turesson G., см. Турессон Г.
van Neck J.C., см. ван Нек Я.
Verhoeff K.W., см. Фергёф К.
von Buttel-Reepen H., см. Буттель-Репен Х.
von Hertwig R., см. Гертвиг Р.
von Osten W., см. Остен В.
Waldeyer H., см. Вальдейер Г.
Warren E., см. Варрен Э.
Weismann F.L.A., см. Вейсманн А.
Wimmer J., см. Виммер Ж.
Woltereck R., см. Вольтерек Р.
Ziegler H., см. Циглер Г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Глава 1. КОЖЕВНИКОВЫ. УЧЁБА. СВОЯ СЕМЬЯ 11

1.1. Кожевниковы 11
1.2. Учёба 19
1.3. Своя семья 25

Глава 2. ВСЯ ЖИЗНЬ — В УНИВЕРСИТЕТЕ 45

2.1. Предтечи и учителя 45
2.2. Пришествие в музей 53
2.3. Во главе музея и кафедры 59
2.4. Преподавание и просвещение 63
2.5. Переезд университетской зоологии 84
2.6. «Проклятый вопрос» 91
2.7. Послереволюционные перекройки 98
2.8. Прерванный полёт 118

Глава 3. НАУКА ДЛЯ НАУКИ — НО И НЕ ТОЛЬКО 133

3.1. Г.А. Кожевников как учёный 134
3.2. Эволюционная идея 152
3.3. Систематика 162
3.4. Фаунистика 177
3.5. Полиморфизм и «биометрика» 190
3.6. Животные как люди — люди как животные 199
3.7. Разные частности 217
3.8. Научные общества 227
3.9. Публикации 238

Глава 4. ПЧЕЛОВЕДЕНИЕ 243

4.1. Предшественники 243
4.2. Начинающий пчеловед 247
4.3. Анатомия и систематика пчелы 252
4.4. Эволюция пчелиной пчелы 258
4.5. Пасеки и выставки 263
4.6. На страницах пчеловодных журналов 273
4.7. Завершающие монографии 278

Глава 5. ОХРАНА ПРИРОДЫ 281
5.1. Первые шаги 282
5.2. «Программа Кожевникова» 287
5.3. Дело начинает налаживаться 301
5.4. Крушение надежд 320

Глава 6. ESSE HOMO… 331
6.1. В поисках себя 332
6.2. Беда от нежного сердца 346
6.3. В одну телегу впрячь не можно? 358
6.4. Но гражданином быть обязан… 372
6.5. Штрихи к портрету 381

ЭПИЛОГ: ЗЕМНУЮ ЖИЗНЬ ПРОЙДЯ… 403

ПРИЛОЖЕНИЯ
П-01. Техническая информация 409
П-02. Основные события и даты жизни 410
П-03. Библиография Г.А. Кожевникова 418
П-04. Таксоны, названные в честь Г.А. Кожевникова 437
П-05. Материалы по пчеле: Предисловие 438
П-06. Один из университетских вопросов 442
П-07. Проклятый вопрос 449
П-08. О постановке преподавания естественной истории 454
П-09. Экскурсионный метод 462
П-10. Инструкция оставляемому 466
П-11. Курс зоогеографии. Лекция I 472
П-12. Современные направления в систематике животных и зоогеографии 479
П-13. Образовательное значение естествознания 488
П-14. О естествознании 494
П-15. Борьба за жизнь у животных и людей 505
П-16. Вымирание животных 527
П-17. Неизвестные сочинения Дарвина 540
П-18. Голод как фактор отбора 544
П-19. Будущее человека 547

П-20. Полиморфизм и эволюция 571
П-21. Полиморфизм в мире животных 580
П-22. Полиморфизм в животном царстве 586
П-23. Объяснительная записка к проекту декрета об охоте 598
П-24. Человек как истребитель и охранитель природы 602
П-25. Фауна Московской губернии 611
П-26. Что и как наблюдать 623
П-27. Значение этикетки 627
П-28. Думающие животные 632
П-29. О думающих животных 638

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА 651
УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН 665

Научное издание

ПАВЛИНОВ Игорь Яковлевич
СПАССКАЯ Наталья Николаевна
БАРАНОВА Юлия Михайловна
Григорий Александрович Кожевников (1866–1933): Неизвестная жизнь известного зоолога
Сборник трудов Зоологического музея МГУ. Том 57

М.: Товарищество научных изданий КМК. 2024. 673 с.
при участии ИП Михайлова К.Г.

Для заявок:
123100, Москва, а/я 16, Издательство КМК
электронный адрес mikhailov2000@gmail.com
http://avtor-kmk.ru

Подписано в печать 17.10.2024. Тираж 200 экз. Заказ №
Формат 70×100/16. Объём 42,5 п.л. Уч.-изд.л. 55,25. Бумага офсетная.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Научное издание

ПАВЛИНОВ Игорь Яковлевич
СПАССКАЯ Наталья Николаевна
БАРАНОВА Юлия Михайловна
Григорий Александрович Кожевников (1866–1933): Неизвестная жизнь известного зоолога
Сборник трудов Зоологического музея МГУ. Том 57

М.: Товарищество научных изданий КМК. 2024. 673 с.
при участии ИП Михайлова К.Г.

Для заявок:
123100, Москва, а/я 16, Издательство КМК
электронный адрес mikhailov2000@gmail.com
http://avtor-kmk.ru

Подписано в печать 17.10.2024. Тираж 200 экз. Заказ №
Формат 70×100/16. Объём 42,5 п.л. Уч.-изд.л. 55,25. Бумага офсетная.